

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

NYPL RESEARCH LIBRARIES

3 3433 05929359 1

Cell

14A1

INDEXED
INDEXED

*QCA

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ, ЖУРНАЛЬ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШ-
НОСТИ, НОВОСТЕЙ ■ МОДЪ.

*Εμοί δὲ τί αἰσχρὸν, τοὺς ἑτέροισι μὴ δύνασθαι περὶ
ἐμοῦ τὰ δίκαια μῆτε γινῶναι μῆτε ποιῆσαι; Ὅρῳ
δ' ἔγωγε καὶ τὴν δόξαν τῶν προγεγονότων ἀνθρώπων
ἐν τοῖς ἐπιγυνομένοις οὐχ ὁμοίαν καταλιπομένην τῶν
τε ἀδικησάντων καὶ τῶν ἀδικηθέντων.*

Verbat. apud Xenophont.

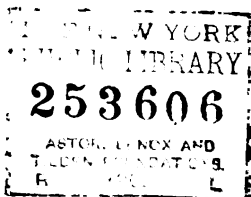
ТОМЪ СОРОКЪ-ДЕВЯТЫЙ.

49

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

1841.

NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

с тем, чтобы напечатание представляло дело из Пересудный Комитетъ издательства
члену издательства. Санктпетербургъ, 1841 года, октября 31 дня.

Цесарь А. Фридрихъ.
Цесарь А. Олександръ.

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ ЧТЕНИЯ.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНИЯ.

ДВѢ ЖИЗНИ.

Двѣ жизни у женщины : съ разумомъ въ спорѣ
Одна, а другая въ разладѣ съ душой.
Есть воля надъ ними ; по волей такой
Что женщины сдѣлать на жизненномъ морѣ ?....
Лишь грѣзы пустыя, лишь сердца обманъ —
Та воля ! Игра лучезарныхъ мечтаній,
Возьмется высоко, падетъ какъ туманъ,
И женщина — снова добыча страданій !
Какъ чолнъ беззащитный на лонѣ морей,
Забытая жертва невѣрныхъ зыбей :
Такъ женщины воля ! Безъ силы желѣзной
Не вынести ей тяжелой, неровной борьбы.
Но, слабой, даны ей отъ лапы надзвѣздной
Сердечныя слезы, святыя мольбы ;
И, съ этимъ оружіемъ Небесъ благодатнымъ,
Жизнь сердца на разумъ возстанетъ войной,
Побѣду молитвою купить святой,
А слезы заблещутъ въ вѣнецъ ея рагномъ.

Е. К....ВА.

НЕДОВѢРЧИВОСТЬ.

Нѣтъ, нѣтъ! душа моя не можетъ
 Любить и вѣровать внолнѣ!
 Меня, красавица, тревожить
 Твое вниманіе ко мнѣ.
 Я такъ привыкъ къ любви бесплатной
 И къ непривѣтливой судьбѣ,
 Что счастье мнѣ бытъ тобѣ —
 Мнѣ дико, странно, непонятно;
 Въ груди суровой и пѣмой
 Храпя безрадостную твердость,
 Я такъ привыкъ питать тоской
 Мою страдальческую гордость
 И бѣдѣ чпсломъ, чпсломъ потерь
 Среди счастливицевъ величаться,
 Что свѣтлымъ счастьемъ теперь
 Мнѣ было бѣ стыдно наслаждаться.

ВЕНЕДИКТОВЪ.

ТОРЖЕСТВО РАСКАЯНІЯ.

«Прійди! мой домъ благоухаетъ:
 Онъ мирры дымомъ напоенъ;
 Въ немъ ароматы разливаютъ
 Лозъ, палъ и киннамонъ.
 Въ немъ я, прекрасная царица,
 Звѣзда Израиля сыновъ,
 Зову любовью насладиться
 Въ пуху египетскихъ ковровъ,
 Пока не вспыхнетъ утренница,
 Пока почая тишина
 Лелѣетъ въ сладкихъ грѣзахъ сна

Сыновъ Иуды и Рувима....
 Я жду, любовію палима,
 Тебя, мой другъ, въ тиши ночной,
 Къ моей груди, едва сокрытой
 Индійской бѣлой пеленой....
 Моя власы бѣгутъ волной,
 Цвѣтовъ гирляндой перевиты
 И перловъ млечною струей.
 Давно лампада золотая
 Тебя, мой милый, призываю,
 Сквозь алый запавъсь окна
 Въ долину темную видна :
 Она такъ весело сіяетъ
 И искры рзвья бросаетъ
 На яхонтъ моего вѣнца,
 На ожерелья дорогія,
 На очи черныя, живыя,
 На бархатъ бѣлаго лица.
 Прійди жъ на сладкое свиданье,
 Коснуться пламенныхъ ланитъ,
 Обвить мой станъ въ пылу желанья :
 Любви влажное лобзанье
 Тебѣ красавица сулитъ !»

Такъ въ часъ безмолвія ночнаго,
 Когда дремы земля полна,
 Израильтянина младаго
 Ждала преступная жена.
 И перси страстно трепетали,
 Огнемъ любви напоены,
 И, будто млечныхъ дѣв волны,
 Покровъ прозрачный колебали.
 Станъ дыханіе, порой
 Она шаги услышать мнила,
 Когда звенящею игрой
 Шумѣлъ фонтанъ или лозой
 Ночная птица шелестила,
 Иль между маслицъ пролеталъ
 Полночный вихрь съ сіонскихъ скалъ.

Одѣто небо синей тканью,
 Чуть видно звѣздное мерцанье,
 И вотъ, какъ лебедь молодой,
 Надъ гребнемъ пальмовой лубравы,
 Выходитъ мѣсяцъ величавый
 Въ волнѣ тумана золотой.

Она, въ надеждѣ наслажденья,
 Пылаетъ жаромъ нетерпѣнья;
 Но скоро, сномъ осѣнena,
 На грудь склоняется главою,
 Смежились очи, и волна
 Кудрей смолистыхъ бахрамою
 На нихъ сбѣжала.... Но смущенъ
 Ея соблазновъ полный сонъ;
 Ея покой минутный ложенъ:
 Онъ разволнованъ, онъ встревоженъ,
 Онъ бурной страстью разоженъ.
 Въ ея душѣ все то жъ волненье
 Какъ на яву, все та жъ мечта,
 И то же имя въ упоеньи
 Лепечуть страстные уста.
 Прекрасной грѣшницѣ не страшень
 Ни чей укоръ: погасъ въ ней стыдъ.
 Парчей соблазнъ ея украшенъ,
 Въ алмазахъ грѣхъ ея горитъ.
 Онъ завладевъ ея душою,
 Какъ змѣй голубкой молодою,
 И, сладкимъ ядомъ воспона
 Не знаетъ гибели она....
 О! кто тебя, жена порока,
 Изъ темной бездны воззоветъ?
 О! кто твою зеницу ока
 Инымъ желаніемъ зажжетъ?....
 Ужъ ночь блвднеть; мракъ раздвинуть;
 Чуть виднѣ мѣсяцъ изъ-за горъ;
 Чертогъ тумановъ опрокинуть,
 И въ горнемъ куполѣ раскинуть
 Зари пурпуровый коверъ.

Вдругъ слышенъ шумъ.... Она проснулась,
 Въ окно раскрытое глядитъ :
 Народъ толпится и шумитъ,
 И дочь порока содрогнулась,
 И, чувства новаго полна,
 Она недвижна и блѣдна.

Какъ всходитъ Божіе свѣтило
 На подвигъ дня въ безграничій міръ,
 Раскинувъ пламенныя крила,
 Осыпавъ золотомъ зѣврѣ,
 Такъ предъ безчисленною толпою,
 Одыявъ ризою снѣговою,
 Шелъ кто-то дивный. Лякъ его
 Величья полнѣ, взорѣ святѣ и яснѣ,
 Онъ весь какъ Божій день прекраснѣ
 Во славу свѣта своего.
 Онъ шелъ, и съ устъ чудесной манной
 Слетала рѣчь въ сердца людей,
 И дѣтямъ тьмы благоуханный
 Катился разума слей.
 Онъ шелъ, скорбящихъ утѣшая,
 Даруя Божій свѣтъ слѣпцамъ,
 Съ одра недужныхъ воздвигая,
 И словомъ мощнымъ жизнь вдыхая
 Во гробъ сущимъ мертвецамъ.
 Кто жъ этотъ дивный?.... Не его ли
 Пророкъ на арѣ громовой
 Провозвѣщавъ въ земной юдоли
 Спасенія свѣтлою зарей?
 Не онъ ли корени святаго
 Цвѣтущей отраслю возникъ?
 Не онъ ли въ сумракъ земнаго
 Небесной истины родникъ?
 Не онъ ли, благости Мессіа,
 Провѣщавъ въ молняхъ и громахъ?....
 Прочь, прочь, соблазны міра злыя!
 И паде грѣшница во прахъ.

И съ той поры она забыла
 Томленья прежнихъ страстныхъ грёзъ,
 И зерна жемчуга смѣнила
 На зерна пламенные слёзъ ;
 Намъсто ткани драгоценной,
 Одѣлась ризою смиренной,
 И съ муромъ нарда дорогимъ
 Сосудъ у ногъ святыхъ разбила,
 Благоуханьемъ ихъ омыла,
 И, преклонясь предъ Всеблагимъ,
 Она съ развитыми власами,
 Моляся словомъ и очами,
 Торжествовала надъ грѣхомъ
 Въ своемъ раскаяньѣ святомъ.
 И ей даровано прощенье,
 И вскорѣ, первая, она
 Христа во славу воскресенья
 Узрѣла, радости полна.

ЩЕТИНЪ.

БЕЗСОННИЦА.

=

Простертый на одръ недуга,
 Одинъ, въ полночной тишинѣ,
 Напрасно призываю друга :
 Никто не отвѣчаетъ мнѣ.
 Богатствомъ, честью одаренный,
 Фортуны сынъ безопасно спитъ,
 И сна его не возмутитъ
 Ни арфы звукъ, ни стонъ смятенный....
 Въ тѣ дни, когда еще дышалъ
 Я свѣжей юностью свободно,
 Какъ часто онъ, рукой холодной,
 Какъ тать, покой мой нарушалъ !
 Теперь, когда огонь недуга
 Горитъ, кипитъ въ груди моей,
 Прійдетъ ли онъ утѣшить друга

Бесъдой, ласкою своею ?....
 Нимало ! Онъ меня поноситъ
 Средь новыхъ спутниковъ-повѣсь,
 И простодушно у Небесъ
 Мнѣ счастливой кончины просить....
 Богъ съ нимъ ! Но ты, моя Лейла,
 Не ты ли, съ прелестью такой,
 Въ свои объятія манила
 Меня, хранимаго судьбой ?
 Иль не въ твоихъ глазахъ лазурныхъ
 Читалъ довърчивый поэтъ,
 Что онъ тебѣ и жизнь и свѣтъ,
 Что на распутьяхъ жизни бурныхъ
 Вездѣ и вѣчно, ты со мной
 Дѣлать и скорбь и радость станешь,
 Какъ геній-утѣшитель мой,
 Пока навѣки не уванешь ?
 Гдѣ жъ нынче лживый твой обътъ ?
 Гдѣ ты сама, коварный геній ?....
 Искать ничтожныхъ наслажденій
 Ты устремилась въ бурный свѣтъ....
 Ахъ ! грустно мнѣ !.... Для скорби силы,
 Для жалобъ силы, гдѣ мнѣ взять ?
 Придетъ желанный сонъ могилы :
 Засну.... и полно мнѣ страдать !

КРЮКОВЪ.

ДИТЯ-НИМФА.

Она почти дитя, но ужъ въ ея очахъ
 Горитъ огонь тревогъ, любви и нѣги,
 И сыплются на грудь златыхъ кудрей побѣги,
 И подъялуй пыластъ на устахъ.
 Румянымъ вечеромъ, на играхъ нимфъ стыдливыхъ,
 Какъ ласточка она порхаетъ среди нихъ
 И, будто невзначай, рукою шаловливой
 Срываетъ ткань съ плечейныхъ плечъ своихъ

И съ груди дѣвичьей, и быстро убѣгаетъ
 Съ веселымъ хохотомъ во глубину лѣсовъ :
 Не долго межъ деревъ покровъ ея мелькаетъ,
 Не долго слышится неровный гулъ шаговъ.
 Настанетъ день, влюбленные сатиры
 Отсюда къ ней въ пустынный гротъ бѣгутъ ;
 Про прелести ея они поютъ,
 И долго слышатся ихъ звучныхъ пѣсень клиры.
 А тамъ красавицъ тритоны въ дань несутъ
 И золота и камней самоцвѣтныхъ
 Изъ областей Нептуновыхъ завѣтныхъ.
 Но тщетно все : даровъ однихъ
 Надманная малютка не приемлетъ,
 И жалобнымъ мольбамъ любви напрасной ихъ
 Она причудливо не внемлетъ ;
 Съ лукавою улыбкой на устахъ,
 Рученкой дѣтскою ихъ дани отвергаетъ,
 Межъ тѣмъ, съ огнемъ любви въ агатовыхъ очахъ,
 Украдкой юношу другою обнимаетъ.

с.

СОЛОВЬЮ.

Лети ! лети !.... Я расторгаю
 Твою неволю, соловей !
 Тебя веснѣ я возвращаю,
 Дарю твою свободу ей.

Свищи въ прохладѣ ночи темной
 У свѣтлаго ея окна,
 И пѣснью сладостной и томной
 Чаруй ея минуты сна.

Скажи ей : «Счастливаю долю
 Повець твой возвратилъ мнѣ вновь.
 Ему любовь дала неволю :
 Свободу мнѣ дала любовь.»

Н. ГРЕКОВЪ.

УТОПЛЕННИЦА.

=

Взгляните !..... По ясному, тихому своду
 Тяжелая, мрачная туча идетъ,
 И тѣни наводитъ на землю и воду,
 И облако грусти на сердце несетъ.
 Ни звуку, ни блеску : все смолкло, уныло.
 Грозные утесы, мрачные лѣса ;
 Затмилось на небѣ златое свѣтило,
 Затмилась, померкла небесь бпрюза,
 И синее море волнами играетъ,
 И вихорь мятель водяную клубить,
 И валъ-великанъ головою киваетъ
 И, пѣной жемчужной сверкая, шумить.

Взгляните, взгляните !.... Ужасный, суровый,
 Тотъ валъ-великанъ дѣву-прелесть несетъ :
 Склонившись главою надъ грудью перловой,
 Схвативши въ объятя, онъ съ нею плыветъ,
 Плыветъ и цѣлуетъ и страстно сжимаетъ,
 И въ мутныя очи съ улыбкой глядитъ,
 И косы по бѣлымъ плечамъ размываетъ,
 И что-то ей въ уши онъ тихо журчитъ....
 Какъ небо, бушуетъ сердитое море ;
 Какъ море, сердито гремятъ небеса,
 И часто сіяетъ на синемъ просторѣ
 Огня-смертоносца златая коса.
 Но валъ-великанъ съ своей ношей прекрасной

Плыветъ, обгоняетъ волну за волной,
 И, къ груди дѣвичьей прильнувъ сладострастно,
 Крутится и блещетъ стальной чешуей.
 За нимъ его братья свирѣпою ратью,
 Возстали; онъ далъ бѣжигъ
 И, дѣву-добычу качая въ объятяхъ,
 На нихъ съ торжествомъ горделиво глядитъ.

Д. ЧЕРНЕЦКІЙ.

РАЗСЧЕТЪ ЛЮБВИ.

=

Въ пылу безумнаго мечтанья,
 Въ чаду губительныхъ страстей,
 Я отдалъ дань очарованья
 Могуществу ея очей.
 Я въ жертву несъ ей сердца муки,
 Я дни и ночи въ даръ ей несъ....
 О! то былъ міръ волшебныхъ грѣзъ,
 И въ немъ лились живые звуки,
 Кипѣло море жгучихъ слѣзъ.
 И что жъ?... Напрасно ей, напрасно
 Святѣня чувства отдана:
 Она, какъ Божій міръ, прекрасна
 И, какъ могила, холодна.
 Ея пурпурныя ланиты,
 Ея коралльныя уста,
 Все въ ней подобіе хариты,
 Все вдохновенье и мечта;
 Но въ нихъ не чувство съ жизнью слиты:
 Въ нихъ ледяная красота.
 Ея очей живой лазури
 Ни что сіянья не затмивтъ;
 И съ нихъ, въ отвѣтъ душевной бурь,

Слеза святая не сбъжить.
Не для нея любовь поэта
И вся восторженные сны :
На этой пестрой сценѣ свѣта
Другія бури ей даны,
Другая прелесть идеала,
Другой волшебный звуковъ мѣръ :
Она — въ роскошной сферѣ бала,
Гдѣ суета — ея кумиръ.
Нѣтъ, нѣтъ ! въ душѣ моей отнынѣ
Святое чувство къ ней гашу,
И въ этотъ мѣръ моей богини
Другую дань нести спѣшу.
Тамъ будутъ вольны съ нею рѣчи ;
Тамъ, взоромъ долу не склоня,
Вонжу ихъ въ бархатныя плечи
И въ грудь безстрастную ея ;
Тамъ обовью я станъ летучій
Рукою дерзкою моей,
Коснусь устами черной тучи
Благоухающихъ кудрей
И на пьру волшебной ночи,
Гдѣ всѣ прикованы къ ней очи,
Гдѣ всѣ желанія и сны
Къ одной лишь ей устремлены,
Объѣтъ двусмысленный украдкой
Пролепечу, склонившись къ ней,
Мечтою огненной и сладкой
Въ ней разбуджу огонь страстей,
И устремлю взоръ, нѣги полный,
На взоръ поникшихъ въ землю глазъ,
Когда лилейной груди волны
Заколыхаютъ легкой газъ.

Н. ГРЕКОВЪ.

ВСПОМЯНИТЕ.

=

Какъ на небѣ заря
 При сіяніи дня
 Потухаетъ,
 Какъ слеза на песокъ,
 Моя жизнь въ злой тоскѣ
 Утопаетъ.
 Грёзамъ сердца монѣмъ,
 Чистымъ, яснымъ, сдатымъ,
 Не сбываться....
 И я долженъ, порой
 Съ отравленной душой,
 Улыбаться!
 Что жъ!.... отъ всѣхъ затаю,
 Въ глубь души скороню
 Свое горе:
 Пусть, какъ бранный челнокъ,
 Я плыву одинокъ
 Въ бурномъ морѣ.
 Въ часъ мечтаній златыхъ
 На печальный мой стихъ
 Поглядите,
 И кто въ лютой тоскѣ
 Жизнь влечитъ вдаль,
 Вспомяните!

ПАВЕЛЪ Н....НЪ.

=====

ПРОЗА.

ЭВЕЛИНА ДЕ-ВАЛЬБЕРОЛЬ.

РОМАНЪ Н. В. КУКОЛЬНИКА.

IX.

ЛОНАРДО,

ИЛИ

ЕЩЕ ПРЕВРАЩЕНІЕ.

Ici finie mon roman.

Gasses a fait ceste-besoigne
Pour Phebus, duc de Bourgoigne,
Son très-cher redoubté seigneur,
A qui Jhésucrit croisse honneur:
Si lui supplie, à son pouvoir,
Qu'en gré la vieulle recevoir,
En suppliant, quand le verra,
Les défautx qu'il y trouvera:
Et prie à ceulx qui l'orront lire,
Que de leur grâce ilz vieullent dire
Que Dieux lui pardoint ses défautx.

ROMAN DES DÉDUITS, par Gasses de
la Bigne, 1359.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТЬ-СЕДЬМАЯ.

Марія Медичи.

Въ стѣнѣ стараго города Парижа сдѣланъ былъ про-
ломъ, потому что экипажъ, изобрѣтенный для большаго
кардинала усерднымъ Шавиньи, не могъ пройти ни въ
Т. XLIX. — Отд. I.

одни ворота. Множество фонарей освѣщало весь путь къ пролому и потомъ, далекими обходами по улицамъ, болѣе широкимъ, къ кардинальскому дворцу. Отрядъ Каталонцевъ раздѣлился на три партіи : первая поскакала во весь опоръ и разогнала всѣхъ любопытныхъ по домамъ ; вторая вѣхала рысью и не позволяла народу снова собираться ; третья захватывала непокорныхъ и вела съ собою. Болѣе ста человекъ признаны были подозрительными и отправлены въ городскую тюрьму, для изслѣдованія упорнаго ихъ любопытства. Послѣ полуночи походный домъ кардинала остановился у дворца. Ришліё не могъ подняться : его покрыли еще однимъ бархатнымъ одѣяломъ, и на простынѣ перенесли прямо въ спальню. Ни одного слова не могъ онъ сказать и, какъ-скоро положили его въ постель, сталъ дремать. Всѣ вышли въ пріемную залу и не смѣли, не могли разойтись. На площадкѣ главнаго двора собрались всѣ провожатаи кардинала. Шавиньи обходилъ ряды вооруженныхъ своихъ спутниковъ и раздавалъ драгоценныя подарки капитанамъ и чиновникамъ, а простымъ воинамъ деньги. Когда эта веселая церемонія была окончена, Шавиньи остановился по-серединѣ и сказалъ довольно громко : — Друзья мои ! жизнь кардинала въ опасности ; королевскіе капитаны поклялись отомстить нашему благодѣтелю за смерть Сень-Марса.... Мы должны беречь и защищать драгоценную жизнь !

— Да здравствуетъ великій кардиналъ ! громко закричала толпа.

— День и ночь нужна многочисленная стража.

— Мы всѣ готовы !

— Не всѣ, сказалъ Шавиньи : половина на отдыхъ, половина на стражу !

Капитаны заспорили, но Шавиньи сдѣлалъ на-скоро назначеніе, и всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ. Всѣ выходы были заняты многочисленною стражею. Въ

огромномъ дворцѣ остался только одинъ кардиналъ съ тремя испытанными слугами и съ двумя секретарями, — Шавиньи и де-Нойё. Мазарини пріѣхалъ съ поздравленіемъ; за нимъ Дезюмидъ, голова, и еще нѣкоторые: Тромбара не пустилъ ихъ даже въ сѣни.

Шавиньи, де-Нойё, и всѣ трое слугъ, надѣли пухомы башмаки, изобрѣтенные Шавиньи, и, неслышно, въ очередь, подходили къ полу-раскрытымъ дверямъ кардинальской спальни. Къ утру, пріѣхала герцогиня Эгильонская, и почти въ то же мгновеніе кардиналъ проснулся. Герцогиня вошла первая; за нею Шавиньи и де-Нойё. Кардиналъ улыбнулся, и радость просіяла на печальныхъ лицахъ вошедшихъ друзей его. Только блѣдность обнаруживала слабость: впрочемъ онъ былъ бодръ, веселъ. Увидѣвъ Шавиньи, онъ протянулъ руку и сказалъ довольно твердымъ голосомъ: — Благодарю! безъ тебя въ Парижъ принесли бы только трупъ Ришліё, а душа его еще нужна на нѣсколько дней для Франціи.

— О! еще надолго!

Ришліё горько улыбнулся и отвѣчалъ: — Не пускайте ко мнѣ ни одного врача. Они сребролюбивы, а въ лабораторіяхъ у нихъ дѣлаютъ яды.

— Неужели? съ безпокойствомъ замѣтила герцогиня: вы не хотите лечиться?

— Хочу, но еще не рѣшился на выборъ, не знаю, къ кому прибѣгнуть, къ Лекò, епископу шартрскому, моему другу и духовнику, или....

Кардиналъ не кончилъ и поглядѣлъ значительно на де-Нойё. Въ глазахъ секретаря онъ прочелъ неудачу поисковъ, и приказалъ немедленно послать за головой. Между-тѣмъ слуга доложилъ о пріѣздѣ Горда.

— Зовите, отвѣчалъ кардиналъ, и опустилъ съ постели ноги къ общему изумленію и страху.

— Дядюшка!.... ради Бога, дядюшка.... что вы дѣлаете?

— Я долженъ быть здоровъ и грозенъ.... Умру, но не прощу неблагодарности!

Вошелъ Гордъ.

— Государь приказалъ поздравить вашу эминенцію съ благополучнымъ прибытіемъ, и если здоровье позволяетъ пожаловать завтра въ Сень-Жерменъ....

— А кто завтра дежурный капитанъ? спросилъ Ришліё громко и твердо.

— Д'Орбиньи.

— Такъ скажите, что я не поѣду, пока всѣ капитаны по этому списку будутъ находиться при особѣ короля... Шавиньи! поѣзжайте въ Сень-Жерменъ. Если не согласятся на изгнаніе четырехъ друзей Сень-Марса, такихъ же какъ и онъ негодяевъ и заговорщиковъ, то я, пожалуй, прѣйду въ Сень-Жерменъ, но съ моими Каталонцами, и, пока мы будемъ работать съ его величествомъ, Тромбара съ моими людьми будетъ охранять всѣ двери кабинета. Если король и на это несогласится, то я не могу болѣе заниматься дѣлами Франціи. Оставляю министерство и ѣду въ Гавръ: тамъ я губернаторъ, и этого титула, и этой управы, никто у меня отнять не можетъ. Поѣзжайте съ Гордомъ.

Шавиньи медлилъ. Ришліё улыбнулся и сказалъ: — Шавиньи! я передалъ вамъ громко тайную мою волю.

Шавиньи и Гордъ уехали.

Кардиналъ прилегъ, но вдругъ приподнялся, и, указывая съ ужасомъ въ уголь снѣлки, шепотомъ спросилъ: — Это кто?

Всѣ оглянулись: никого не было. Кардиналъ успокоился, зажмурился, но безпрестанно отворялъ глаза и осматривался.

— Тамъ въ залѣ кто-то ходитъ, сказалъ онъ, прислушиваясь.

Де-Нойё вошелъ, и, возвратясь, объявилъ, что нигдѣ нѣтъ живой души. Прошло еще нѣсколько ми-

нугъ безмолвныхъ, страшныхъ: Ришліё дремалъ. Сны привѣтно его мучили : онъ все что-то отталкивалъ отъ себя рукою, и вдругъ поблѣднѣлъ во снѣ, задрожалъ, проснулся, съ бодростью вскочилъ съ постели, сорвалъ одеяла, простыню, и, дико захохотавъ, закричалъ :

— Гдѣ же она ?

— Ктò? спросили перепуганные герцогиня и де-Нойё, поддерживая его подъ руки.

— Марія Неверская !.... вмѣя !.... Сонъ.... видѣніе....

Глухо застонали колокола во всемъ Парижѣ. Ришліё, въ рубашкѣ, дрожа, преклонилъ колѣна. Де-Нойё и герцогиня не могли удержать его : онъ наклонилъ голову, благоговѣнно сложилъ руки, и, вмѣсто молитвы, завелъ странную рѣчь :

— Пользы Франціи.... королева.... клянусь и свидѣтельствуюсь Богомъ, желаніе твоего сына и моего короля, желаніе твоей Франціи, великая Марія Медици.... Не я.... не я!...

Въ это мгновеніе вошелъ Лекò, духовникъ кардинала. Ришліё всталъ и, протянувъ одну руку къ Лекò, а другою указывая на пустой воздухъ, сказалъ жалобно:

— Она не вѣрнѣтъ. Будьте моимъ свидѣтелемъ : вы знаете всѣ тайны души моей.

Лекò помогъ усадить кардинала на постель. Колокольный звонъ возобновился.

— Что это значить, Лекò? спросилъ Ришліё, нѣсколько приходя въ себя.

— Получено печальное извѣстіе изъ Кельна, отвѣчалъ Лекò.

Но кардиналъ не дослушалъ, и, безъ чувствъ, безъ малѣйшаго признака жизни, лежалъ распростертый на разбросанной постели. Герцогиня уложила его, покрыла, и, почувявъ біеніе сердца, нѣсколько успокоилась.

— Неужели? спросилъ де-Нойё, подходя къ Лекò.

— Марія Медичи, мать-королева, скончалась въ Кёльнѣ, въ крайней нуждѣ и бѣдности.

— Уйдите, добрый пастырь, сказала герцогиня. Мы обманемъ его : мы скажемъ, что все это ему причудилось, что королева-изгнанница жива, что этотъ звонъ о богатомъ купцѣ изъ города.... Уйдите, уйдите! Онъ не перенесетъ этой смерти. Конечно, нечего сказать, онъ преслѣдовалъ ее и былъ причиною преждевременной смерти честолюбивой Маріи....

Всѣ вышли въ залу, куда вскорѣ прибылъ и голова. Герцогиня хотѣла его отправить назадъ, не допустить до свиданія, какъ вдругъ, ко всеобщему ужасу, въ кабинетъ появился кардиналъ со свѣчею въ рукахъ, и между бумагами искалъ чего-то.

— Нашелъ, сказалъ онъ такимъ голосомъ, что всѣ задрожали, и въ рукахъ его сверкнулъ ножъ, давно знакомый читателямъ. Всѣ безопаснѣе.... А! господинъ голова! сюда!.... сюда!.... на одну минуту!.... и одни!.... Сюда!.... Дайте мнѣ одѣться!

Слуги на скоро одѣли кардинала и вышли.

— Садитесь, господинъ голова, сказалъ Ришліе, улыбаясь и осматривая ножъ. Что новаго? Получили вы мою записку?

— Получилъ и исполнилъ, печально отвѣчалъ голова.

— Исполнили?.... Что вы исполнили?.... казнили?

— Нѣтъ. Вчера только ночью....

— Слава Богу! слава Богу! Онъ мнѣ нуженъ. Пришлите его, пришлите!.... Общайте ему милость, утѣшите его! Снимите съ него цѣпи; общите, нѣтъ ли оружія.... Но скорѣе!.... скорѣе!.... Мнѣ онъ очень нуженъ.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТЬ-ОСЬМАЯ.

Поединокъ.

Дѣти Джудиты стояли на крыльцѣ дому головы, въ красивомъ охотничьемъ платьѣ, съ хлыстами и аркебузами. Жена головы снаряжала ихъ въ дорогу. Между-тѣмъ подвели лошадей, и они хотѣли-было уже отправиться въ путь, подъ присмотромъ стараго ратушнаго слуги. Пріѣхалъ голова.

— Куда вы, молодцы? спросилъ онъ ихъ довольно ласково.

— На охоту, папà, отвѣчалъ Жеромъ: въ замкъ Орбиньи, къ тетушкѣ Марин.

— Да развѣ за вами прислали?

— Пріѣзжалъ нарочный. Въ замкѣ будетъ дамская охота, шалость, забава....

— А у насъ хлопоты: кардиналъ требуетъ къ себѣ Гойко, и, я думаю, вамъ пообождаютъ бы маленько. Кажется, слѣдовало бы проститься съ нимъ. Онъ помогалъ вашей матери и всѣмъ друзьямъ.

Не успѣлъ Джироламо отвѣчать, какъ загрѣмѣли цѣпи, и Гойко показался въ глубинѣ переулка съ городскими стрѣлками. Голова, и дѣти Джудиты, вошли въ залу. Велѣдъ за ними вошелъ и Гойко.

— Снимите съ него цѣпи, сказалъ голова, и оставьте насъ однихъ.

Стрѣлки удалились.

— Что это значитъ, благодѣтель мой? спросилъ Гойко.

— Ничего, ничего, будь спокоенъ, отвѣчалъ голова, и пересказалъ ему разговоръ съ кардиналомъ.

Гойко улыбнулся и, помолчавъ немного, сказалъ:

— Я приготовился къ позорной казни, но умереть въ

караульныхъ кардинальскаго дворца — лучше: пѣтъ такого стыда, нѣтъ такого ужаса, не услышу поруганія и проклятій.... Но кто защититъ, кто сохранитъ невинность моеѣ Сары?....

— Будь спокоенъ! закричали дѣти Джудиты : мы довольно богаты....

— И слишкомъ молоды, господа. Я, и на томъ свѣтъ, буду мучиться ревностью. Но, благодѣтель мой....

Гойко повалился въ ноги старому сановнику.

— Вы одни можете быть ея спасителемъ. Отецъ Сары еще живетъ въ Лионъ.

— Будь спокоенъ, Филиппъ : я отошлю Сару въ Лионъ.

— Теперь простите!

Гойко обнялъ колѣна головы, облилъ ихъ горячими слезами, поцѣловалъ руки у молодыхъ людей, и бросился къ дверямъ.

— Пстой! пстой!.... тебя одного къ кардиналу не допустить, сказалъ голова, схватилъ его за руку, и повелъ къ своей каретѣ.

Кардиналъ Мазарини смиренно стоялъ передъ креслами кардинала Ришліе и докладывалъ о заговорѣ капитановъ : они поклялись лишитъ жизни обоихъ кардиналовъ, Лобардемона и всѣхъ участвовавшихъ въ лионскомъ судилищѣ; сообщники ихъ съ каждымъ днемъ умножаются; негодованіе всей Франціи противъ послѣдней казни воспламеняетъ всѣхъ, отъ мала до велика, противъ кардиналовъ.... Ришліе улыбался.

— Все это водоръ, сказалъ онъ. Сегодня остаются капитановъ отъ должностей, завтра противъ нихъ на-

ряжены будутъ слѣдствіе и судъ; и они отправятся на свиданіе съ де-Ту и Сень-Марсомъ.

— Еще казни? сказалъ Мазарини.

— Кто-нибудь долженъ умереть на этой недѣль, или они или мы съ вами. Говорю вамъ, все это вздоръ. Скажите мнѣ лучше, какова собой маркиза Сара.

— Очень хорошенькая жидовка. Она послужила прианкой для поймки самого маркиза. Такую любовь трудно встрѣтить и между христіанами: маркизь прибѣжалъ за нею изъ Италіи, куда благополучно доставилъ капитана де-Вальероля, Джудиту, Альфреда Дени.

Ришліе примѣтно становился веселѣе.

— Ну, а ваша задушевная Эвелина?

— Вчера оставила Парижъ вмѣстѣ съ Пуссеномъ.

— А что, Пуссенъ уѣхалъ?... Мы таки-поставили на своемъ. Кончилъ онъ галерею?

— Кончилъ. Но послѣднюю его картину Вуэ и Лемерсіе ночью закрасили.

— Какъ же они смѣли?

— Я сдѣлалъ бы на ихъ мѣсть то же, отвѣчалъ Мазарини, подавая рисунокъ послѣдняго подвига Геркулеса.

Ришліе еще болѣе развеселился, рассматривая живописную сатиру.

— Ну, а гдѣ же теперь очень хорошенькая жидовка?

— Въ городской тюрьмѣ, вмѣстѣ съ мужемъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?... въ самомъ дѣлѣ? радостно сказалъ Ришліе. Ступайте, кардиналъ, ступайте, пришлите ко мнѣ человекъ двѣнадцать Каталонцевъ и прѣвѣжайте послѣ полупочи. Я думаю, Шавиньи вернется изъ Сень-Жермена.

Каталонцы были разставлены за всѣми дверьми ришліевскаго кабинета. Мазарини, де-Нойе, герцогиня и Лекò, оставались въ залѣ. Голова и Гойко вошли въ кабинетъ.

— Любезный другъ! сказалъ кардиналъ, обращаясь къ головѣ: ваша городская тюрьма тѣсна.... воздухъ нездоровый.... для нѣжной женщины онъ можетъ быть убійственъ. У меня во дворцѣ есть старая казначейская: я назначаю ее для помѣщенія жидовки Сары, которую и прошу передать на руки капитану Тромбаръ сейчасъ, не медля ни одного мгновенія. Оставьте насъ, любезный другъ, однихъ.

Гойко поблѣднѣлъ, задрожалъ, но не сказалъ ни слова. Когда голова ушелъ и двери тихо закрылись, Гойко, не ожидая вопросовъ кардинала, подошелъ къ нему съ страшнымъ, рѣшительнымъ видомъ, отъ котораго кардиналъ поблѣднѣлъ и задрожалъ въ свою очередь.

— Старикъ! сказалъ Гойко шопотомъ, но этотъ шопоть былъ ужаснѣе грома: мало ли подъ управою твоею пролито крови, совершенно прелюбодѣяній?... Ненасытный тигръ! чего-еще ты хочешь?

— Здоровья, запинаясь, отвѣчалъ кардиналъ.

— Кчему?... чтобы твоимъ замирающимъ костямъ дать прежнюю силу, твоей крови прежнее вождельвнѣе, твоему уму прежнюю хитрость?... О! зачѣмъ я не приобрѣлъ науки взоромъ умерщвлять людей?... Франція поставила бы мнѣ пышный памятникъ за свое освобожденіе отъ гнуснаго крокодила, который, изъ глубины своей неприступной берлоги, коситъ головы благороднѣйшихъ и невинныхъ дѣтей ея!

— Тихе, безумецъ! побагровѣвъ сказалъ кардиналъ. И ты и Сара свободны: дай только годъ здоровья.

— Не могу.

— Не можешь?... Такъ я твою Сару предамъ на пѣтѣху моимъ Каталонцамъ.... тебя поставлю свидѣтелемъ.....

— Но самъ не увидишь этой картины, я задушю тебя! сказалъ Гойко, и бросился на кардинала.

Въ лѣвой рукѣ Ришліё загремѣлъ колокольчикъ, въ правой засверкалъ ножъ. Изъ всѣхъ дверей поспѣшно входили Каталонцы. Ришліё пырнулъ въ Гойка ножомъ, и несчастный упалъ навзничъ безъ малѣйшаго признака жизни. Кардиналъ трясся какъ въ лихорадкѣ : колокольчикъ продолжалъ звѣнѣть, ножъ дрожалъ, зубы стучали, глаза горѣли какъ уголья. Каталонцы смотрѣли на кардинала и не знали что дѣлать.

— Въ Сену его!... въ Сену! сказалъ кардиналъ.

Гойко унесли.

— Въ Сену!... въ Сену! продолжалъ кричать Ришліё.

На крикъ его всѣ прибѣжали изъ залы. Поздно : смерть начала послѣднюю борьбу свою съ непобѣдимымъ въ дѣлахъ земныхъ.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТЬ-ДЕВЯТАЯ.

Веселая кончина.

Это было въ субботу, двадцать-девятого ноября 1642 года. Дворецъ наполнился кардиналами, епископами, аббатами, маршалами, придворными. Шавиньи возвратился изъ Сень-Жермеца съ отставкой всѣмъ четыремъ капитанамъ, но, увидѣвъ что происходитъ въ кардинальской спальнѣ, спряталъ бумаги въ карманъ и, въ своей же каретѣ, отправилъ Рюза къ королю съ печальнымъ извѣстіемъ. Лекò послалъ по всѣмъ церквамъ приказаніе молиться объ исцѣленіи кардинала. Поздно ввечеру пріѣхалъ король во время службы, и присутствовалъ при причащеніи кардинала. Съ нимъ были всѣ придворные врачи, въ томъ числѣ старый Абень-Гассанъ.

— Господа! сказалъ король: за часть его жизни — милость по вашему выбору!

Но Абенъ-Гассауъ, качая бѣлою головою, отвѣчалъ Людовику: — Дай Богъ смягчить только предсмертныя мученія его эмицепціи! Они будутъ продолжительны: горячка нескоро разрушитъ эту крѣпкую, двойную натуру.

Прочіе врачи улыбнулись, но Абенъ-Гассауъ прибавилъ: — Пять дней сроку!

Ришліё ничего не слышалъ, ничего не понималъ. Ужасная галерея историческихъ портретовъ колесомъ пробѣгала передъ воспаленными глазами: маршалы Мариліакъ и Монморанси, Лавалеттъ, Сенъ-Прель, Сенъ-Марсъ, де-Ту, графъ де-Шапель, Шалё, Бутель, по очереди всходили на эшафотъ и, возвращаясь съ краснымъ на шеѣ обручемъ, почтительно кланялись кардиналу; въ какихъ-то темныхъ склепахъ рѣзали маркиза де-Мервиля, д'Оверна и Бассаньи; изъ темницъ трехъ замковъ, венсенскаго, бастильскаго и бисонскаго, показалась толпа плѣнниковъ: впереди шла королева Марія Медичи, за нею маршалъ Бассонпьеръ съ вѣчнымъ на устахъ сарказмомъ, маркизь де-Кассазъ, графъ де-Русси, Бриансонъ, графъ де-ла-Сюзъ, маркизь де-Рулякъ, аббатъ де-Фоа, Шодбонъ, Сорё, Моденъ, Вотіё, Ланшоа, Говиль, и прочая, и прочая; потомъ сърала эмицепція и Лобардемонъ стали потчивать ядомъ принцессу Конти, кардинала де-Берюль, маршала д'Орньяно, герцога Савойскаго, маркиза Спинола Колатто, и множество другихъ: акты ужасной драмы были перепутаны; лица входили не въ порядкъ: многіе появлялись такъ быстро, какъ-будто спѣшили ворваться въ память кардинала и успѣть, передъ смертью, возобновить непріятное знакомство. Кровь лилась рѣкой на страшной сценѣ; въ амфитеатръ тѣснились тысячи изгнанниковъ.... Почти никто изъ присутствовавшихъ не могъ перенести картины мученій: первый ухалъ король, даже не

протясь съ кардиналомъ; слова, вырывавшіяся изъ умирающихъ губъ, страшныя имена, намъбки, все это раздирало душу невольнаго участника въ жестокости кардинала. Накопецъ трауръ, въ которомъ былъ король и весь дворъ, напоминалъ о главной и послѣдней жертвѣ честолюбія Ришліё. Король уѣхалъ; всѣ разошлись и, въ тишинѣ спальни, страшныя тѣни стали исчезать..... рѣже, рѣже.... горячка утомилась, смерть захотѣла отдохнуть и отложила борьбу до утра. Воскресеніе и понедѣльникъ кардиналъ оставался въ безпамятствѣ; поутру во вторникъ онъ проснулся.

— Умираю, сказалъ онъ шопотомъ : отецъ Леонъ, я умираю!

Почти всѣ присутствовавшіе бросились въ церковь святаго Евстахія. Отецъ Леонъ, со святымъ муромъ, воспѣшилъ въ кардинальскій дворецъ.

— Отпустите меня, сказалъ Ришліё : отпустите! Научите покаянію.... избавьте отъ этихъ мукъ.... Невыносимо!

Отецъ Леонъ сталъ готовить больнаго къ смерти. Исполнивъ обрядъ исповѣданія вѣры, отецъ Леонъ спросилъ : — Прощаете ли врагамъ вашимъ?

— Отъ всего сердца, какъ умоляю Господа простить мнѣ!

— Если Господу угодно будетъ возвратить васъ къ жизни, даете ли обѣтъ съ большею вѣрностью служить Ему?

— Да пошлетъ мнѣ лучше тысячу смертей, если ему извѣстно, что я долженъ согласиться на грѣхъ смертельный!

— Молитесь же со мною о жизни и здравіи.

— Ни того ни другаго не смѣю просить у Господа : да будетъ Его святая воля!

— Если такъ, остается вамъ, какъ князю Церкви, благословить предстоящихъ.

— Увы! я не достоинъ! Но вы приказываете : я, вашею властію, вашею добродѣтелью, призываю Духа Святаго освѣнить ихъ благочестіемъ и страхомъ Божиимъ!

— Ришліё приподнялся на постели и, преклоняя голову съ дивнымъ смиреніемъ, сказалъ предстоящимъ :

— Помилуйте и отпустите грѣшнику....

Онъ не кончилъ рѣчи. Кардиналы, маршалы, епископы, отвѣчали ему, какъ-будто условясь, тяжкимъ вздохомъ, и у многихъ полились непритворныя слезы.

— Простимся! сказалъ кардиналъ, падая на подушки.

Де-Нойё и Шавиньи первые бросились къ нему. Ришліё снялъ съ рукъ своихъ всѣ кольца и подавалъ подходившимъ. Не всѣ были удостоены этой чести : кольца получили де-Нойё, Шавиньи, Оксерръ, Реннъ, Ривё и Абенъ-Гассанъ, чудными пилюлями нѣсколько облегчившій неописанныя страданія умирающаго.

— Благодарю васъ.... молитесь обо мнѣ, приговаривалъ онъ каждому.

Боль возобновилась.

— Долго ли страдать мнѣ? спросилъ Ришліё.

Абенъ-Гассанъ подалъ пилюлю. Кардиналу примѣтно стало лучше : онъ заснулъ очень спокойно и, передъ самою смертію, еще разъ перепугалъ Парижъ. Всю ночь никто не спалъ ни въ Луврѣ ни въ городѣ, ни на предмѣстіяхъ.

Наступило утро. Кардиналъ спалъ. Капитанъ Тромбара выпрашивалъ изъ спальни гостей, но никто его не слушалъ. Тромбара вышелъ въ залу и сталъ жаловаться отцу Леону.

— Помилуйте, достойный отецъ, слава Богу, слезами и молитвами, намъ удалось возвратитъ нашего отца изъ рукъ смерти, а эти господа....

Изъ спальни выбѣжалъ маршалъ де-Брезё, и почти кричалъ : — Отецъ Леонъ! отецъ Леонъ!

Кармелитъ поспѣшилъ въ спальню.

— Кончается, сказала шопотомъ вся толпа гостей почти въ одно слово.

Отъ этого шопотъ былъ такъ громокъ, что умирающій вздрогнулъ и открылъ глаза, которые уже не глядели. Неподвижные зрачки наводили ужасъ: казалось, они испытывали въ послѣдній разъ общественное мнѣніе.

Отецъ Леонъ преклонилъ колѣна у изголовья и тихо спросилъ: — Государь, узнаете ли вы меня?

— Да, мой отецъ, едва слышно отвѣчалъ отходящій.

— Хотите ли принять послѣднее разрѣшеніе?

— Да, еще слабѣе прошепталъ Ришліе.

— Вамъ трудно говорить. Постарайтесь собрать въ душѣ вашей чувства христіанскаго покаянія и смиренія, и, въ знакъ того что вы дѣйствительно раскаяетесь во всѣхъ грѣхахъ и порокахъ прошедшей жизни, пожмите мнѣ руку.

Ришліе сдѣлалъ усиліе и нѣсколько разъ пожалъ руку отцу Леону, который, давъ ему послѣднее разрѣшеніе и благословивъ мощами, поднесъ крестъ къ губамъ кардинала. Но Ришліе уже не могъ сложить пальца: глаза помутились; холодный потъ возвѣстилъ приближеніе кончины. Кардиналы, епископы, аббаты, маршалы, придворные и слуги герцога, наполнили нѣсколько комнатъ. Когда епископъ шартрскій и отецъ Леонъ стали читать отходную, вся толпа громко зарыдала: можно сказать, весь дворецъ вдругъ заплакалъ; слуги забыли свои мѣста и бросились въ спальню, но вошли туда въ то самое мгновеніе, когда отецъ Леонъ, закрывъ глаза кардиналу, поцѣловалъ его въ чело и, обратясь къ предстоящимъ, сказалъ глухимъ голосомъ:

— Если кто изъ васъ былъ для покойнаго дороже меня, пусть замкнетъ уста. Изъ уваженія, я не осмѣлюсь.

Но и никто не осмѣлился. Началось безмолвное, церемониальное прощаніе. Канцлеръ, Мазарини, Шавиньи, де-Нойе, подошли первые. Колоколъ возвѣстилъ о событіи, и весь Парижъ какъ-будто проснулся отъ тяжелаго сна, какъ-будто самъ вырвался изъ рукъ смерти. Мрачныя, пустыя улицы вдругъ оживились; кареты поскакали во весь опоръ; пѣшеходы бѣгомъ спѣшили другъ другу сообщить такое извѣстіе, къ которому, казалось бы, всѣ могли и привыкнуть и приготовиться втеченіи пяти дней. Королева вошла съ веселою улыбкою въ кабинетъ короля. Людовикъ заплакалъ и сказалъ :

— Вы потеряли врага, я и Франція друга и опоры. Но... да будетъ святая воля Его! — Королева, вы подарили Франція двухъ принцевъ : пора вамъ быть королевой Французовъ, а не инфантой Испанцевъ, не австрійской принцессой.... Посмотрите : вы въ трауръ! Вспомните, что королева-мать, Марія Медичи, умерла въ изгнаніи, потому что не умѣла умѣрить честолюбія и заглушить въ сердцѣ своемъ страсти къ Италіи.

— Государь!....

— Королева! я остался на этомъ свѣтѣ для того только чтобы похоронить кардинала и приготовить Францію къ другой потерѣ....

Людовикъ остановился. Королева, упавъ передъ нимъ на колѣни, цѣловала его руки и обливала ихъ слезами. Король поднялъ ее и, поцѣловавъ въ лобъ, сказалъ неравнодушно : — Будто и при немъ мы не могли жить счастливо ?

— Да здравствуетъ король! раздался крикъ съ площади, покрытой толпами ликующаго народа.

— Глупцы! сказалъ король, схвативъ шляпу; на внутреннемъ дворѣ онъ сѣлъ въ карету, и черезъ садъ уѣхалъ одинъ въ свой сенъ-жерменскій монастырь.

ГЛАВА ОСЬМИДЕСЯТАЯ.

Утопленникъ.

— Отставили! тебя отставили! кричала Марія д'Орбины. Король тебѣ не доверяетъ?

— Король не соглашался, но Мазарини былъ при немъ неотлучно: этотъ коварный предатель и соблазнитель въ два часа завладѣлъ свободнымъ сердцемъ Людовика, и, когда Шавиньи объявлялъ желаніе Ришліе, я стоялъ у спальни королевской. «Что мнѣ дѣлать, mon cousin? сказалъ Людовикъ. Если я соглашусь на эти смѣшныя требованія, на эти повелительныя угрозы, онъ умретъ отъ огорченія, а я вижу, что тыи несчастныхъ ліонскихъ министровъ страшишь Марпьяка и Монморанси, и не даютъ покою своему палачу. Какъ вы думаете, mon cousin?» — Вы знаете, государь, отъчала италіянская лиса, что у меня сердце женское и въ такихъ дѣлахъ всегда болѣе склонно къ милости. — «Я узналъ къ удовольствію моему ваше доброе сердце, сказалъ Людовикъ. Назначая васъ своимъ преемникомъ, кардиналъ думалъ только о благѣ Франціи: я этовижу... Пора!пора!... довольно этихъ страшныхъ сценъ, довольно этихъ трагедій, до которыхъ онъ былъ такой охотникъ! Я не отпущу моихъ капитановъ.» — Государь! сдѣлайте эту уступку умирающему. Я долженъ быть откровененъ: иначе, не буду до стоить вашихъ милостей. Всѣ четверо были въ заговорѣ Сень-Марса. Я съ умысломъ скрылъ ихъ участіе, но если министру вашего величества сколько-нибудь дозволено думать и о собственной безопасности, то, я долженъ признаться, не только отставка, но и смерть четырехъ капитановъ, необходимы. — «Какъ? еще казнь?» почти закричалъ король. — Последняя, ваше величе-

ство : клянусь Богомъ и честью , послѣдняя ! Она испугаетъ тѣхъ , которые бы противились благимъ намѣреніямъ вашего величества , а милости , какія мы готовимъ знаменитымъ изгнанникамъ и заключеннымъ тотчасъ послѣ казни , и не въ одинъ разъ , а одна за другою , разувѣрятъ Францію , разсѣютъ опасенія . — « Но кардиналъ не требуетъ ихъ казни , » сказалъ король . — Отставку , ваше величество , на сегодня только отставку , а прочее сдѣлаетъ парламентъ послѣ кончины моего благодѣтеля . — « Видно , у васъ рассчитано , сказалъ король грустно . Извольте : я подписываю.... неохотно . » Я не оставался болѣе ни одной минуты у дверей спальни . Въ залъ я нашелъ моихъ товарищей . Не успѣлъ я рассказать имъ то , что слышалъ , какъ сверху сбѣжалъ маршалъ де-Брезе , и объявилъ намъ королевскую немилость . « Это я вамъ сказалъ по должности , прибавилъ маршалъ ; теперь скажу по дружбѣ : спасайтесь !.... хотягь вашей жизни . » — Мы поспѣшили васъ увѣдомить , и....

— И что потомъ ? спросила Марія . Вспомните о Джудитѣ , вспомните о бѣдной Эвелинѣ ; посмотрите на этихъ невинныхъ героевъ , готовыхъ отмстить за несчастную мать . Я знала обо всемъ , д'Орбиньи ; я приготовилась на ужасную охоту , и , если вамъ не угодно , мы втроемъ отправимся на сень-жерменскую дорогу , и кардиналъ Мазарини не будетъ преемникомъ кардинала Ришліё .

— Да , это наше намѣреніе , Марія , сказалъ д'Орбиньи , обвиняая мстительную Италіянку . Вотъ , господа капитаны тебѣ расскажутъ , какой мы составили планъ . Недалеко отъ нашего замка , въ небольшомъ помѣстьѣ своемъ , живетъ королевскій врачъ , старикъ , къ которому Мазарини перѣдко ѣздитъ за совѣтами . Теперь его повезли къ умирающему кардиналу . Помѣстье старика на Сень , не будетъ пол-ліе отъ Парижа . Мы заѣзжали , но не нашли ни живой души : всѣ поселянѣ

пошли въ Парижъ смотрѣть на прїѣздъ кардинала въ деревянномъ домѣ. Мазарини, какъ узнали мы, ѣздитъ къ нему всегда по четвергамъ, иногда и по вторникамъ, въ каретѣ, одинъ и въ свѣтскомъ платьѣ. Сегодня вторникъ, и....

— Ёдемъ! сказала Марія. Если бы Сень-Марсъ былъ рѣшительнѣе, не видать бы ему лѳонскаго эшафота!... Ёдемъ!

Охотники долго гонялись за дичью въ окрестностяхъ замка. Къ-вечеру они завидѣли деревушку, цѣль своего путешествія. Улицы были полны народу: поселяне пировали и веселились.

Но мы должны возвратиться къ прошедшей субботѣ. Поселяне ловили рыбу. Старый врачъ, ихъ господинъ, съ-утра еще уѣхалъ въ Сень-Жерменъ по требованію короля. Въ Парижъ, по рѣкѣ, примѣтно было необыкновенное движеніе; слышенъ былъ колокольный звонъ, который продолжался во весь день. Около полудня, по теченію, несло лодку: подъ чернымъ ея бокомъ пыло что-то похожее на человѣка; на шеѣ у него видѣлась веревка; конецъ ея перекинутъ былъ въ лодку; онъ изрѣдка помогалъ руками лодкѣ плыть шибче и держался на водѣ съ необыкновенною ловкостью; силы его примѣтно истощались; на слабый крикъ его, поселяне бросились въ лодки и вытащили на берегъ страннаго пловца. Къ другому концу веревки былъ привязанъ порядочный булыжникъ. Незнакомецъ не могъ говорить отъ усталости: горло его вспухло; глаза его были на-выкатъ; вода струилась съ волосъ и платья; онъ страшно озирался, отплевывалъ и отхаркивалъ воду, и безпрестанно хватался за грудь.

— А что! сказалъ Гильюмъ: отнесемъ его къ старику. Онъ скоро вернется, а, пока, Маргарита его обогрѣетъ, уложитъ въ теплую постель, дастъ ему чего-нибудь: вѣдь и она нынче смѣкать стала.

— Еще бы!.... старый жидъ и молодой волокита всему злomu научать! сказалъ другой поселянинъ.

— Ну-ка, ребята! берите-ка рыбу!

— Куда? хриплымъ голосомъ простоналъ несчастный.

— Недалеко! Вонъ домишко съ красными ставнями.

На встрѣчу неожиданнымъ гостямъ выбѣжала прелестная молодая дѣвушка. На ней былъ синій шерстяной корсетъ, зашнурованный спереди, красная шерстяная юбка съ черною внизу оборкой: два плетеные гарусные конца сбѣгали изъ-за пояса внизъ по юбкѣ; тонкая рубашка съ широкими рукавами была украшена длиннымъ пришитымъ воротникомъ въ складкахъ. Въ рукъ она держала мужскую полу-шляпу, какую тогда носили окрестные поселяне безъ различія пола.

— Чтò случилось? чтò случилось? спрашивала она съ безпокойствомъ.

Ей рассказали.

— Чтò вы! чтò вы! покраснѣвъ сказала Маргарита. Въ умъ ли вы?... Молодой человекъ, и безъ батюшки, вдвоемъ со мной, подъ одной крышей, когда мнѣ запрещено выходить на крыльцо послѣ захожденія солнца и разговаривать съ вами?... Какъ хотите, не могу! Помочь чѣмъ угодно я рада и готова, но въ домъ не пушу.

— Такъ и не нужно! отвѣчалъ Гильюмъ. Направо въ ворота!.... ко мнѣ!

— А я принесу травъ! сказала поспѣшно Маргарита.

— Не нужно!.... отваливай!.... Видно, у тебя сегодня карета будетъ.

— Такъ чтò жъ, что будетъ? отвѣчала Маргарита, покраснѣвъ до ушей. Мало ли каретъ у насъ бываетъ?

— Да не такія,.... знаемъ мы васъ! говорилъ Гильюмъ, унося въ домъ свой незнакомца. Видишь! будто мы ужъ такъ просты и не знаемъ, что парикъ что шапочка, что Мазарини что Ришліё.... Знаемъ, знаемъ, матушка!.... и дочекъ своихъ запираемъ, когда завидимъ гербовую карету, а на козлахъ мосё Ромуальда.

Больной уже лежалъ на спокойной койкѣ, но, услышавъ послѣднія слова Гильюма, судорожно сталъ вздрагивать и, выпучивъ глаза, водить вокругъ страшнымъ взглядомъ.

— Спасибо, ребята! сказалъ Гильюмъ, когда товарищи положили на-мѣсто больного, раздѣли и начали расходиться; онъ занеръ двери на щеколду, и съѣлъ возлѣ незнакомца.

— Слушай, ты, кто бы ты ни былъ! сказалъ Гильюмъ. Веребочку на тебя вѣрно надѣлъ какой-нибудь изъ кардиналистовъ. Ты, пожалуй, изъ страху не скажешь.... Ну, такъ я тебѣ скажу. Не бойся: вотъ и все тутъ!

Гильюмъ всталъ, принесъ теплое молоко, приготовленное дочерью, и припаялся деревяннымъ черпаломъ вливать его въ горло незнакомца. Больной откашливалъ мокроты съ большою легкостью, свѣжѣлъ, и къ-вечеру заснулъ.

Проснулся... Темно!... холодъ смертельный!... дождь стучалъ въ мелкія стекла оконъ, и навелъ новый, спасительный сонъ. Проснулся.... утро!.... здоровъ: только опухоль не отошла отъ горла. Незнакомецъ всталъ, обошелъ весь домъ: ни живой души! Холодъ опять загналъ его на койку. Тамъ пролежалъ онъ до вечера, безъ сна и пищи; къ-ночи зимній дождь завелъ свою скучную пѣсню: незнакомецъ уснулъ; но, несмотря на перину, которою его покрыли, легкая изморозь разбудила его. Днемъ онъ замѣтилъ, гдѣ у хозяина сушеные прутья, гдѣ очагъ, и незнакомецъ, вставъ и дрожа,

вытеръ огня и затопилъ дымный каминъ. Не прошло четверти часу, на улицъ послышался лошадиный топотъ, вслѣдъ затѣмъ раздались голоса : кто-то постучался въ окно.

— Эй! послушай, добрый человекъ! говорилъ всадникъ : вступи насъ въ избу обогрѣться.

— Да не заперто, господа, милости просимъ! сказалъ незнакомецъ, накинувъ на себя перину и приеѣлъ въ углу комнаты. Чортъ ихъ возьми! пускай обогрѣются. Можетъ-быть, что-нибудь объ нихъ и отъ нихъ узнаю.

Вошли четыре капитана королевской гвардіи.

— Право, господа, сказалъ Дюбюи, мы напрасно сдѣлали такой ужасный крюкъ. Сюда, не только аббатикъ, но, я думаю, и волкъ не заходитъ!

— Въ самомъ дѣлѣ, куда они дѣвались?... Ни въ одномъ домѣ огня! Для поселянъ, это слишкомъ поздно.

— Послушай, любезный, спросилъ Дюбюи, примѣтивъ въ углу незнакомца : куда дѣвались ваши?

— Я не здѣшній. Меня принесли сюда больного, положили въ постель, покрыли, и ушли. Вотъ третій день наступаетъ : ни одной души въ деревнѣ.

— Вѣрно, пошли смотрѣть, какъ принесли кардинала въ Парижъ въ деревянномъ дворцѣ.

— Нѣтъ, милостивый господинъ : это было въ пятницу ночью, а теперь, я думаю, вторникъ....

— Вторникъ?... Господа! кажется, аббатикъ по вторникамъ изволить заглядывать. Не обождаютъ ли его?

— Спѣшить печего, сказалъ д'Орбиньи. Да и аббатикъ теперь не до загородныхъ поѣздокъ. У короля нѣтъ любимца; кардиналъ на-исходъ : такъ теперь ему нельзя сидѣть опустивъ руки.

— Такъ когда же? спросилъ Дюбюи.

— Въ слѣдующій вторникъ, отвѣчалъ д'Орбиньи.

— Слово, господа?

— Слово!... А, пока, поведемъ ко мнѣ въ замокъ. Тамъ по-крайней-мѣрѣ есть стѣны, рвы, и, можетъ-быть, посовѣстятъ открытой силой.... А мы проведемъ между-тѣмъ пріятную недѣлю.

— Прекрасно, д'Орбиньи! А мы, пока, будемъ имѣть время поучиться у твоей жены по-итальянски.

— Только, пожалуйста, не учите моей Маріи французской любезности! отвѣчалъ д'Орбиньи, улыбаясь: помните, что у каждаго изъ васъ есть....

— И не одна, и не одна, д'Орбиньи! со смѣхомъ сказалъ Дюбюй. Только, если намъ не удастся перевести изъ Лувра на тотъ свѣтъ....

Д'Орбиньи толкнулъ Дюбюй, поглядывая въ уголь.

— Ну, что жъ! сказалъ Дюбюй. Непрiятель осмотрѣнь: надо приготовить тайные ходы, и.... за дѣло! Право, намъ веселье было подъ перпиньянскими пушками нежели въ этой столичной засадѣ.... Ёдемъ!

— Ёдемъ!... Свѣтаетъ.

И капитаны, не сказавъ ни одного слова незнакомцу, вышли изъ комнаты, сѣли на коней, и отправились въ путь.

Больной съ особеннымъ безпокойствомъ прислушиваясь къ стуку копытъ и къ отдаленному эху, которое издали добѣгало отъ нихъ по воздуху, захваченному легкимъ утреннимъ морозомъ. На дворъ свѣтало; камни пылали. Незнакомецъ, убѣдясь, что всадники уѣхали, принялся не ходить, а бѣгать по комнатамъ, размахивая руками.

— Онъ трусь!... онъ отдастъ мнѣ Сару за эти четыре головы!... Надо только осмотрѣться въ этой дѣревѣ.

И Гейко сталъ растягивать и просушивать свое платье, которое, въ первую ночь какъ захватило его морозомъ, еще и до-сихъ-норѣ не могло совершенно просохнуть. Прѣшло около часу. Гейко былъ совсѣмъ одѣтъ.

Солнце поднялось, и чудный зимний день какъ-будто радовался на небесахъ и любовался на самого себя. Гойко вышелъ на улицу, и примѣтилъ во всей деревнѣ страшную пустоту. Кое-гдѣ, по грязи, съ одной стороны на другую, перебѣгали дѣти; изрѣдка, изъ оконъ, ихъ журили старухи. Господскій домъ стоялъ ближе къ нему; но ставни, двери и ворота были заперты.

— Звать и медлить нечего!... Но что подумаютъ?... я безъ майтти и безъ шляпы.... Что дѣлать! слава Богу и за то! Каталонцамъ было некогда, а то бы въ этотъ разъ я не отдѣлался такъ дешево.... Дай Богъ здоровья, что башмаки оставили!

Гойко вошелъ на крыльцо и постучался въ двери.

— Кто тамъ? закричалъ женскій голосъ.

— Ну, Самуилъ, что ты отвѣтишь? подумалъ Гойко, и онъ отвѣчалъ: — Больной, сударыня, за лекарствомъ пришелъ.

— Батюшки дома нѣтъ.

— Что нужды! И вы меня вылечите!

— Вы думаете?

— Увѣренъ. Вы были такъ добры, что сами изволили мнѣ обшачать и травъ и лекарствъ, а ваши поселяне вытащить меня изъ воды вытащили, да такъ и бросили: три дня ничего не ѣмъ, только мерзну.

— Боже мой! такъ вы тотъ утопленникъ? сказала Маргарита, отворяя двери. Войдите, обогрѣйтесь, покушайте.... и сейчасъ домой!.... потому что если батюшка....

— Не бойтесь, не бойтесь! онъ меня не застанетъ.

Гойко вошелъ въ довольно обширную и опрятную комнату, освѣщенную трехъ-свѣтильникомъ и пылавшимъ каминномъ. Маргарита приставила къ камельку огромныя кресла съ подушками, и сама исчезла. Гойко усѣлся и началъ медленно разсматривать комнату. Одинъ уголъ былъ убранъ оружіемъ разнаго рода. Гойко за-

дрожагь всегь тѣломь, указывая обѣими руками въ уголъ. Маргарита, въ самое это время, вбѣжала съ блюдомъ холодной телятины.

— Чтò съ вами? спросила она, уротивъ блюдо.

Гойко, не перемѣняя положенія рукъ, медленно поднялся со стула и подошелъ къ оружію.

— Оно!... оно! закричалъ онъ: я не ошибся.

И Гойко сорвалъ съ стѣны два ножа въ драгоценныхъ футлярахъ. Маргарита вскрикнула и бросилась къ дверямъ; но Гойко однимъ прыжкомъ догналъ ее, обхватилъ, и сказалъ тихо, страшно: — Одно слово, Маргарита, и васъ не станеть! Успокойтесь лучше, и соберите ваши силы. Вы должны меня выслушать.

— Вы меня погубите, страшный незнакомецъ....

— Можетъ-быть, можетъ-быть!... Ваша жизнь въ рукахъ вашихъ. Повиновенія и прямыхъ отвѣтовъ: мнѣ больше ничего не нужно! Ктò вашъ отецъ?

— Не знаю.

— Какъ!

— Онъ не отецъ мнѣ.... я никогда не видала отца.... Матери не помню.... мнѣ кажется, этотъ портретъ, чтò у него въ спальнѣ, похожъ на меня, и потому, иногда глядя въ зеркало, мнѣ сдается....

— Покажите его, покажите! закричалъ Гойко, схвативъ трехъ-свѣтильникъ и вглядываясь въ черты Маргариты....

— Пойдемте, сказала Маргарита, безъ особеннаго страху, но съ какимъ-то любопытствомъ разсматривая выразительное, одушевленное лицо Гойко.

Они вошли въ небольшую комнату. Въ углу стояла кровать съ высокими занавѣсками; кругомъ, на полу на полкахъ, расположена была дорогая аптекарская посуда; на узкомъ простѣнкѣ, гдѣ нельзя устроить полокъ, висѣло нѣсколько дурныхъ гравюръ и большой портретъ, писанный однако же масляными

красками, безъ рамокъ и покрытый на палецъ пылью. Гойко рукою старался расчистить лицо и затрепеталъ: онъ смотрѣлъ, то на портретъ, то на Маргариту, и заплакалъ....

— Чтò съ вами? сказала Маргарита, подхвативъ подсвѣчникъ, который уже падалъ изъ рукъ Гойко.

— Дочь моей матери! завопилъ онъ, и, со слезами, жарко обнялъ Маргариту.

— Братъ?... вы братъ мой?... Въ самомъ дѣлѣ, и въ васъ есть сходство.... Братъ?...

— Постой, Маргарита, постой! Нѣтъ ли другихъ доказательствъ?... нѣтъ ли....

— Нѣтъ ничего, кромѣ этой догадки, этого ужаснаго портрета, и когда меня ласкаетъ батюшка, когда онъ разнѣжится, мнѣ приходитъ на умъ портретъ: и на сердце такъ тяжело!...

— Постой, Маргарита. Гдѣ его бумаги? гдѣ его вещи?

— Чтò ты хочешь дѣлать?

— Не спрашивай, Маргарита. Пройдетъ часъ, другой, тогда уже будетъ поздно: я отомщу за нее, за себя, за тебя, за мою жену.... за всѣхъ!... за все!... Тогда поздно будетъ думать о вещахъ и бумагахъ; тогда надо будетъ спасаться, бѣжать. Говори Маргарита: гдѣ его вещи и бумаги?

— Право, я никогда ничего не видала. Но вотъ за этой дверью его врачебная мастерская. Можетъ-быть, тамъ....

— Ключъ!

— Съ нимъ, и онъ никогда никого туда не пускаетъ. Гойко толкнулъ ногой дверь и только тогда догадался, что она желѣзная.

— Здѣсь, здѣсь, съ восторгомъ сказалъ онъ: здѣсь всѣ его вещи!... Топоръ!

— Помилуй!... Всѣ сосѣди сбѣгутся.

— Правда, сестра! У тебя соображеніе маомладствен-

ное, фамильное.... Пстой! нтъ ли у тебя какой-нибудь манти и шляпы?

— Есть. Но какъ мнѣ звать тебя?

— Маркизомъ, пока; просто маркизомъ.

Маргарита посмотрѣла съ недоувѣрчивостью на его платье. Гойко улыбнулся.

— Ну, не хочешь маркизомъ, зови кунцомъ Филиповъ Лионскимъ.

Изумленіе ея возрастало.

— Не хочешь, такъ называй просто Самуиломъ Гойко.

— Маркизь де-Кокъ! съ ужасомъ сказала Маргарита: маркизь де-Кокъ!... О тебѣ по церквамъ приговоръ читали: и отецъ твой былъ такъ радъ, такъ веселъ! «Наконецъ онъ найдетъ свое мѣсто, сказалъ онъ, потирая руки: или его повѣсятъ, или мы уже не увидимся!» Я тогда не могла повяты его радости; но теперь.... Какіе ужасы!

— Ужасы! А что, если я расскажу тебѣ....

И въ нѣсколько мгновеній Маргарита узнала все тайны своего семейства, всю глубину пропасти, надъ которой стояла.

— Такъ это не сынъ его друга? сказала она прерывающимся голосомъ и блѣднѣя.

Гойко схватилъ ея руку и на ухо прошепталъ:

— Кардиналъ Мазарини.

Маргарита безъ чувствъ упала на грудь брата.

ГЛАВА ОСЕМЬДЕСЯТЬ-ПЕРВАЯ.

Родственники.

Молотъ Гойка мѣрно стучалъ въ желѣзныя двери лабораторіи, въ ладъ съ колокольнымъ звономъ церкви, которая стояла весьма въ близкомъ сосѣдствѣ съ домомъ господскимъ. Замѣкъ не подавался долго; наконецъ что-то въ немъ лопнуло. Гойко усилилъ удары, и дверь отворилась. Ставни по-прежнему были заперты. Блѣдная, совершенно измѣнившаяся въ лицѣ, Маргарита свѣтила Самуилу. Когда они вошли въ лабораторію, радость Гойка была непомерна: онъ нашелъ многія драгоценныя вещи, нѣкогда ему принадлежавшія; нашелъ нѣсколько кошельковъ съ золотой монетою; наконецъ открылъ механической ящикъ: Гойко не ломалъ головы какъ отворить его: ударъ молота, и щепки далеко отскочили по угламъ комнаты, оставивъ на полу кипу бумагъ и еще золото. Съ жадностью пересматривалъ кладъ свой Гойко: больше десяти расписокъ въ полученіи отъ Абенъ-Гассана денегъ займа на извѣстные сроки. «Пригодятся! прошепталъ онъ, и отложилъ ихъ къ прежней добычѣ.» Еще бумага... непонятная. Еще бумага графа Роспилюзи....

— Осемь тысячъ ливровъ, закричалъ Гойко: осемь тысячъ ливровъ обѣщано за мою мать! — Боже великій! продолжалъ онъ. Маргарита! ты дочь графа Роспилюзи! Ты украдена отцомъ моимъ изъ Неаполя, и графъ знаетъ объ этомъ. Абенъ-Гассанъ, не получая своихъ денегъ, укралъ тебя и хранилъ, вмѣсто залога.... Изабелла! несчастная Изабелла! ты въ Неаполь!... Сестра! вдемъ!

— Вдемъ, сказала Маргарита такъ равнодушно, что Гойко съ невольнымъ изумленіемъ посмотрѣлъ на нее.

Она сидѣла на полу въ безчувственности, сложивъ руки на коленяхъ. Слезы сами собой струились по блѣдному лицу; глаза были неподвижны.

— Что съ тобой? спросилъ Гойко.

— Ничего, также отвѣчала Маргарита. Ёдемъ, вотъ въ всё тутъ!.... А какъ онъ хорошъ!.... и будетъ мнѣ вѣнцомъ!.... и женится на какой-нибудь принцессѣ!...

— Ктò? съ досадою и смѣхомъ спросилъ Гойко. Онъ не можетъ жениться: онъ кардиналъ..... понимаешь ли?... Да и думать объ немъ перестань! Черезъ два три дня и его убьютъ!

— Убьютъ!

Маргарита вскочила съ-мѣста.

— Убьютъ? кричала она: ктò?..... когда?..... за что?

— Въ нѣсколько дней я такъ отсталъ отъ дѣлъ, Маргарита, что рѣшительно не могу тебѣ отвѣчать на эти вопросы: знаю только, что его поджидаютъ въ этой деревнѣ.

Маргарита улыбнулась, стала спокойнѣе, разспрашивала брата обо всѣхъ подробностяхъ его жизни. Время было зимнее: скоро и день прошелъ, смерклось, и Гойко, сложивъ всѣ деньги, драгоценности и бумаги въ огромный мѣшокъ, ушелъ, съ намѣреніемъ припрятать сокровище гдѣ-нибудь по-сосѣдству, приготовить временное убѣжище для себя и Маргариты, и прійти за всею въ слѣдующую ночь.

Маргарита съ какою-то радостью смотрѣла на уходящаго Гойка.

— Я успѣю все сдѣлать, говорила она: Я успѣю спасти его и спастись.

И какъ только Самуилъ исчезъ изъ виду, Маргарита, скинувъ старый плащъ Абенъ-Гассана и надѣвъ свою шляпу, которая ничѣмъ не отличалась отъ мужской, бѣгомъ умчалась изъ деревни.

Была середина, какъ читатель самъ знаетъ по разсчету. Въ Парижѣ никто не спалъ. Маргарита, безъ особенныхъ затрудненій, отыскала домъ Мазарини. Толпа льстецовъ смѣнялась толпою искателей: кардиналъ не успѣвалъ благодарить и придумывать ничего незначущія фразы. «Рипшлѣе еще живъ, думалъ онъ. Конечно король обѣщалъ меня сдѣлать министромъ, обѣщалъ кардиналу, въ присутствіи всей Франціи; но мѣсто любимца можетъ быть занято сегодня, и все потеряно.» Въ сѣняхъ, Швейцарцы равнодушно смотрѣли на приливъ и отливъ толпы. Имъ было приказано не затруднять проходящихъ докладами. Всѣ хвалили доступность новаго владыки, и Маргарита, вмѣстѣ съ другими, вошла въ пріемную залу.

Не видя средствъ протѣсниться къ Мазарини, она закричала: — Джуліо! Джуліо! тебя хотятъ убить!

Испуганная толпа раздалась, и Маргарита, потерявъ плащъ между гостями, въ костюмѣ поселанки подбѣжала къ кардиналу, схватила его за руку, и сказала: — Ахъ, какъ ты хорошъ, Джуліо, въ этомъ нарядѣ!... Да! я и забыла, зачѣмъ пришла!.... Послушай, Джуліо! не вѣди къ намъ въ деревню по четвергамъ и вторникамъ: тамъ тебя поджидаютъ разбойники, хотятъ убить....

Но она не могла уже говорить долѣе. Оглушенный неожиданнымъ появленіемъ Маргариты, Мазарини долго не могъ опомниться; но, нѣсколько ободрясь и успокоясь, онъ сказалъ съ лаской:

— Дочь моя, что съ тобой?.... кто ты?.... откуда! какія причины твоего несчастія?

— Кто я?.... откуда?.... Ты меня не узнаешь, Джуліо?.... Правъ, правъ мой несчастный братъ! правъ Гойко!

— Жидовка! раздалось въ толпѣ.

— Да! онъ мнѣ говорилъ, какъ ты ободѣтилъ и пе-

кнулъ Джудиту; онъ мнѣ рассказывалъ, какъ ты искалъ погибели Эвелины.

— Вонъ, съумасшедшая! закричалъ кардиналъ.

— Съумасшедшая?

Маргарита расхохоталась.

— Тебя подкупили мои враги, продолжалъ Мазарини.

— Подкупили?... враги? съ дѣтскимъ смѣхомъ повторила Маргарита.

— Но эта дерзость не останется безъ наказанія!

— Онъ убьетъ меня! закричала Маргарита отчаяннымъ голосомъ: онъ убьетъ меня!

И, быстрѣе серны, она выпрыгнула изъ залы.

— Ловите ее! закричалъ Мазарини, но пока Швейцарцы получили это приказаніе, пока его поняли, Маргарита уже исчезла въ грязныхъ и темныхъ улицахъ Парижа.

Давно ожидавшая вѣсть прекратила аудіенцію.

— Кардиналъ-герцогъ отходить! сказалъ кто-то, и всѣ разбѣжались.

На другой день, къ-вечеру, деревня Маргариты наполнилась людьми. Крики веселія и пѣсни раздавались во всѣхъ сосѣднихъ домахъ: только одинъ господскій домъ былъ и пусть и унылъ. На крыльцѣ сидѣла Маргарита въ глубокомъ уныніи.

— Чтò ты это, Маргарита, не радуешься? сказалъ Гильюмъ: кардиналъ умеръ!

— Умеръ?... умеръ?... совершилось!.... Слушайте, слушайте: теперь я могу сказать все; теперь моя тайна не повредитъ Мазарини.... Слушайте: я вамъ все расскажу.

Не прошло нѣсколькихъ мгновеній, крики и пѣсни замолкли: всѣ толпились у крыльца. Маргарита, стоя и странно размахивая руками, рассказывала свою повесть, отрывисто, нескладно, мѣшая и путая обстоятельства. Между-тѣмъ Абенъ-Гассанъ, верхомъ, съ

тремя слугами, приблизился къ деревнѣ и, завидѣвъ у дома своего толпу, не зналъ на что рѣшиться. Оставивъ лошадь слугамъ, онъ приблизился къ толпѣ незаметно. Вслушиваясь въ слова Маргариты, Абень-Гассанъ поблѣднѣлъ.

— Она съумасшедшая! закричалъ онъ. Не слушайте ея: она съумасшедшая!

Съ этими словами, онъ схватилъ ее за руку и втащилъ въ комнаты. Поселяне давно имѣли подозрѣніе, что Абень-Гассанъ — колдунъ. Несвязная исповѣдь Маргариты еще болѣе ихъ въ томъ убѣдила. Они разбѣжались и ожидали издали чего-нибудь страшнаго чудеснаго. Между-тѣмъ Абень-Гассанъ, заперевъ двери и таща за руку Маргариту, спѣшилъ въ мастерскую. Увидѣвъ разбитую дверь, разграбленное сокровище, онъ сломалъ руку Маргариты. Пронзительный крикъ испугалъ его. Невыразимый страхъ овладѣлъ злодѣемъ: онъ схватилъ Маргариту за другую руку, а самъ, взявъ мѣшокъ съ горючими веществами, сталъ ихъ разбрасывать въ разныхъ углахъ, потомъ привязалъ за ноги несчастную къ кресламъ, и зажегъ домъ. Сначала крики Маргариты, потомъ и пламя, которое пробивалось сквозь ставни, возбудили вниманіе жителей. Они медленно, нерѣшительно, приближались къ дому. Между-тѣмъ Абень-Гассанъ бросился къ окну въ садъ и сталъ выталкивать ставень. Можетъ-быть, по скорости онъ дурно привязалъ несчастную; можетъ-быть, и отчаяніе придадо ей силы: Маргарита освободила одну ногу и, вмѣстѣ съ креслами, дотаскала до окна. Абень-Гассанъ уже перекинулъ одну ногу въ садъ, за другую, здоровою рукой и зубами, схватилась несчастная.

— Спасите!... помогите! кричалъ онъ. Она, съумасшедшая, зажгла домъ: спасите!

Толпа пробиралась въ садъ. Пламя распространилось. Изъ толпы кто-то подбѣжалъ къ окну и схватилъ

Абенъ-Гассана за объ руки. При свѣтъ пламени, они посмотрѣли другъ другу въ лицо. Абенъ-Гассанъ, въ ужасъ, рванулся назадъ, не удержался на окнѣ, и упалъ въ комнату. Почти въ то же время огонь охватилъ окно, и весь домъ представился однимъ столбомъ пламени.

— И зачѣмъ ты хотѣлъ спасти этого чародѣя? спросилъ Гильюмъ.

— Чтобы предать казни Божіей и людской отцалодѣя! отвѣчалъ Гойко и ушелъ спокойно въ ближайшій лѣсъ къ общему изумленію и ужасу зрителей.

— Видишь, это чортъ приходилъ! сказалъ Гильюмъ: взялъ душу, и поминай какъ звали!.... Вотъ тебѣ и колдовство!

ГЛАВА ОСЕМЬДЕСЯТЬ-ВТОРАЯ.

Спокойная смерть.

Тотчасъ послѣ смерти кардинала-герцога, Мазарини захватилъ домой, чтобъ переодѣться и отправиться въ Лувръ, куда всѣмъ министрамъ приказано было немедленно собраться. Не успѣлъ старый кардиналъ закрыть глазъ, какъ уже новый имѣлъ цѣлый полкъ кавалетовъ, приверженцевъ, слугъ, наушниковъ и тому подобныхъ людей. Они наполнили залу доступнаго владыки еще до его приѣзду. Мазарини зналъ всѣхъ по прежнимъ отношеніямъ, и потому безошибочно могъ судить о способностяхъ каждаго. Окинувъ взоромъ всѣхъ предстоявшихъ, онъ позвалъ Эвоэ въ кабинетъ и спросилъ: — Гдѣ Сара?

— Изъ казначейской покойнаго она переведена во дворець вашей эминенціи, но голова уже ищетъ несчастной и намѣревается обратиться къ вамъ съ разспросами.

— Надо, Эвоэ, увезти ее куда-нибудь изъ Парижа. Эта вдова весьма нужна для нѣкоторыхъ слѣдствій.

— Тѣмъ болѣе, отвѣчалъ Эвоэ, что Гойко живъ.

— Живъ? спросилъ Мазарини съ удивленіемъ. Но гдѣ же онъ?

— Есть слѣды, ваша эминенція: онъ былъ вчера въ Парижѣ о полуночи, и заплатилъ двумъ товарищамъ, какъ онъ называлъ, долги своей совѣсти.

— Ктѣ эти двое? Зачѣмъ его не схватили?

Эвоэ улыбнулся и отвѣчалъ: — Если бы жидаы такъ дешево продавали своихъ благодѣтелей, тогда бы покойный кардиналъ не могъ съ такою увѣренностью на нихъ полагаться.

— Ну, хорошо, хорошо! сказалъ Мазарини, пожимая губы зубами. Куда же мы спрячемъ Сару?

— Не могу придумать.

— Вотъ куда! сказалъ Мазарини весело, садясь за письменный столъ: къ твоему другу, къ Абень-Гассану, въ деревню. Отвези ее съ этимъ письмомъ, и пускай закупорить ее вмѣстѣ съ сумасшедшею сестрой Гойка.... Всѣ родня, проклятая родня! Она меня преслѣдуетъ неутомимо.... Но я никогда еще въ долгу не оставался.... Поѣзжай, для безопасности въ моей каретѣ.

Эвоэ исчезъ. Черезъ нѣсколько минутъ, Сара и Эвоэ сѣли въ карету. Эвоэ сказалъ Ромуальду куда ѣхать, и карета покатила. Но у крыльца стоялъ неизвѣстный: онъ какъ-будто узналъ Сару.

— Это она! шепнулъ онъ, и побѣжалъ въ городъ, въ Cité.

Эвоэ нѣсколько разъ напоминалъ Ромуальду, чтобы онъ ѣхалъ по-тише, не желая, скоростью возбудить

подозрѣній. Минули заставу, или барьеръ, и поѣхали вѣскольکو шибче. Съ разныхъ сторонъ, изъ лѣсу, выскочили всадники; лошади въ-мгновеніе были отрѣзаны; изъ кареты вытащили Сару и Эвоэ, искали Мазарини, допрашивали Ромуальда, Эвоэ и Сару, и не вѣрили ихъ показаніямъ. Между-тѣмъ городскіе стрѣлки, поспѣшно посланные за каретой, почти бѣгомъ догнали ее; заслышавъ голоса, они бросились въ лѣсъ, и, осадивъ со всѣхъ сторонъ непріятеля, устроили кругомъ правильную блокаду. По слову полковника, лѣсъ огласился криками, и нападеніе произведено одновременно со всѣхъ сторонъ. Сраженіе было непродолжительно. Д'Орбиньи отчаянно защищалъ свою жену. Съ другимъ капитаномъ, онъ успѣлъ пробиться сквозь ряды стрѣлковъ, и всѣ трое ускакали. Но дѣти Джудиты и два другіе капитана попались въ плѣнъ. Эвоэ и Сара исчезли. Ромуальдъ, также плѣнникъ, мало заботился о своей судьбѣ, но счелъ за полезное для своего господина умолчать о жидлахъ. Привязавъ кое-какъ лошадей къ каретѣ, Ромуальдъ сѣлъ на козлы; капитановъ и дѣтей Джудиты посадили въ карету, и всѣ тронулись въ обратный путь медленно и важно. Дорогой, стрѣлки разговорились съ Ромуальдомъ. Полковникъ увидѣлъ свою ошибку и, зная о заговорѣ капитановъ противъ Мазарини, проклиналъ въ душѣ свою поспѣшность. Освободить ихъ значило бы отправиться за нихъ на висѣлицу; убить свидѣтеля Ромуальда.... на это не рѣшался добрый гражданинъ; лучше, показалось ему, исполнить службу по долгу совѣсти, и карета остановилась у воротъ Бастиліи, плѣнники сданы на руки коменданту, Ромуальдъ съ каретой отпущенъ, а полковникъ отправился съ докладомъ къ головѣ.

Когда стрѣлки съ добычей тронулись съ мѣста сраженія, изъ глубокаго рва тихо поднялась фигура Эвоэ.

— Вставай, Сара! сказалъ онъ тихо: буря минова-

лась. Но эти тучи могут воротиться : вставай, пойдём въ деревню !

Едва миновали они лѣсокъ, въ которомъ происходило сраженіе, глаза ихъ поразила видъ печальный, но величественный : огненный столбъ дрожала по-среднѣ деревни и въ сѣромъ небѣ свертывался въ разнообразныя завитки, образуя самъ себя кудрявую капитель. Путники остановились. Эвоэ сказалъ громко : — Аббенъ-Гассанъ ! который это пожаръ отъ руки твоей ?

— Второй и послѣдній ! отвѣчалъ Гойко, возвращавшійся, какъ мы уже видѣли, изъ деревни.

Свиданіе съ Сарой было самое нѣжное, самое радостное, разсказъ его — пламенный и красивый : въ немъ не было замѣтно прежнихъ шутокъ, двусмысленныхъ рѣчей, загадокъ. Гойко былъ тронутъ до глубины души судьбою отца и сестры, обрадованъ до восторгу возвращеніемъ Сары. Онъ благодарилъ Эвоэ, и, прощаясь на-всегда, надѣлъ ему на руку многоцѣнный перстень.

— Куда же теперь ? спросилъ Эвоэ : въ Парижъ ?

— Ты хочешь сказать, на висѣлицу ! отвѣчалъ Гойко. Нѣтъ ! довольно глупостей надѣлалъ я въ моей жизни. Но Сара и деньги со мной. Франція — не одна земля на свѣтѣ. Мы отправимся въ Италію. Тамъ вся семья наша. Прощай, Эвоэ !

Эвоэ пошелъ по дорогѣ въ Парижъ; Гойко съ женою повернулъ въ лѣсъ ; но когда Эвоэ исчезъ изъ виду, онъ вышелъ опять на парижскую дорогу, повернулъ около стѣны налѣво, и черезъ Италіанскую Заставу, вмѣстѣ съ Сарою, проскользнулъ на предмѣстіе.

Долго ходили они изъ переулка въ переулокъ. Гойко посвистывалъ и терялъ уже терпѣніе. Далеко раздавался отвѣтный свистъ ; сигналы повторились ; Сара дрожала. Раздался третій свистъ, и знакомые намъ два клеветра Эвоэ сошлись съ Гойкомъ на перекресткѣ, не весьма далеко отъ Новаго Моста.

— Ну что, ребята? спросилъ Гойко.

— Что! отвѣчалъ незнакомецъ, одѣтый купцомъ : я достерегъ Сару, когда ее сажали въ карету, увѣдомилъ о томъ голову ; послали стрѣлковъ : тѣ пошли и привезли Богъ-знаетъ кого, а Сару и Эвоэ упустили.

— Нѣтъ, нѣтъ, любезный другъ! и Сара есть, и Эвоэ у Мазарини. Все въ порядкѣ. Но, дѣти, надо еще узнать, кого захватили стрѣлки. Последняя услуга и большая награда!

— Такъ вы будете вочевать у меня?

— Не вочевать ; а отдохнуть, пожалуй. Есть ли у васъ бумага? Мнѣ надо написать себѣ кое-что, ради безопасности.

— Все есть. Ступайте вотъ съ нимъ, а я, покуда, къ церкви Святаго Антонія.

Не прошло получаса, жилъ возвратился и разсказалъ въ подробности, кто плѣнники. Гойко ударилъ себя по лбу и топнулъ ногою.

— Что съ тобой, Самуилъ? спросили всѣ трое.

— Еще опасность! отвѣчалъ Гойко : еще долгъ!....

Прощайте!

Ни слезы Сары ни просьбы товарищей не удержали его : Гойко ушелъ.

Полковникъ между-тѣмъ докладывалъ головѣ о послѣдствіяхъ своей экспедиціи. Голова примѣтно былъ недоволенъ, и, когда полковникъ окончилъ докладъ, тотъ сказалъ сухо : — Благодарю. Ступайте съ Богомъ.

Оставшись одинъ, голова не могъ успокоиться : распоряженіе его сдѣлалось причиною ареста людей, которые должны были избавить Францію отъ новаго временщика..... Пусть лучше бы женщина осталась въ рукахъ!.... Но онъ не успѣлъ окончить размышленія : на крыльцѣ стрѣлки съ кѣмъ-то спорили и не впускали. Голова отворилъ двери и сказалъ разсѣянно :

— Кто тамъ?.... Поди сюда!

Вошелъ Гойко.

Голова задрожалъ при видѣ еще одного плѣнника который добровольно пришелъ на казнь, и поспѣши захлопнулъ двери.

— Ты живъ?... Ты безумецъ! ты ищешь насилья смерти!.... Спасайся! Я тебя не видалъ.... Ступай!

— Знаю, знаю, отвѣчалъ Гойко : кто же васъ уведо- мить, что вы погубили дѣтей Джудиты ?

— Какъ?... что?....

— Они въ Бастиліи.

— Не правда! Тамъ четыре капитана.

— Два только, господинъ голова, и двое дѣтей Джудиты. Зачѣмъ вы отпустили ихъ въ замокъ Орбиньи? Они погибнуть прежде времени.

— Да, если не осталось довольно времени спасти ихъ.... Пойдемъ!

Ворота бастильскаго замка отворились передъ градоначальникомъ. Комендантъ, старый солдатъ, пожалованный въ офицеры за смерть графа Соассонскаго, еще не спалъ. Передъ нимъ стоялъ гонецъ отъ Мазарина. Солдатъ съ трудомъ складывалъ буквы посланія, и тому что не болѣе двухъ или трехъ недѣль какъ сталъ онъ учиться читать.

— Чортъ возьми, какъ они пишутъ!.... Ступай, сажу, что будетъ исполнено.

Гонецъ ушелъ, но его смѣнилъ голова.

— Здравствуйте, почтенный воинъ! сказалъ онъ входя въ комнату.

Солдатъ, по привычкѣ, всталъ и оставался въ почтительнымъ положеніи.

— Садитесь, садитесь, господинъ комендантъ. Пожалуйста запереть двери : дѣло мое требуетъ тайны.

— Слушаю-съ.

Комендантъ пошелъ самъ запереть двери, но въ нише уже стоялъ старшій тюремщикъ Труссодъ.

— Что тебѣ надо? спросилъ комендантъ.

— Въ нижней палатѣ, что за разбой и воровство съ насильемъ....

— Ну?

— Мясникъ Ла-Рошъ подрался съ Испанцемъ Кали-
фарнашъ....

— Ну?

— Не успѣли разнять : оба издохли.

— Ну?

— Да вотъ пришелъ доложить : хоронить ли ихъ, или — что такой дрянью старое кладбище начинять?.... и такъ гѣсно! Не прикажете ли того.... ихъ въ Севу?.... или вывезти?

— Погоди, подумаю. А ты, пока, мертвецовъ изъ палаты убери, чтобы примѣру дурнаго не было.... Пошелъ!

Голова не могъ не улыбнуться, и сказалъ: — У васъ чрезвычайно много дѣла, господинъ комендантъ.

— Пропастъ, господинъ голова! бездна! Я, знаете.... вамъ самимъ извѣстно.... старый драгунъ : съ Гарь-Пиономъ, подъ капитаномъ Вальеролемъ въ Ита-
ліи, на всемъ скаку въ цѣль стрѣляли.... Важно, знаете, господинъ голова! Два пистолета, двѣ пули : что имъ даромъ въ карманахъ лежать? Въдъ сраженіе, такъ ужъ, какое ни есть оружіе, все должно свой долгъ править. Вотъ, мы и скачемъ; саблей еще не дохватишь, такъ сабли и не трогай : а пистолеты на что?.... Пали!.... пафъ! убилъ!.... пафъ! убилъ!.... А тогда саблей съно коси. Двое убито : на десятерыхъ страхъ найдеть.... Ну, мы руку и набили. Другіе сабли подтачиваютъ : пустяки! Лишь-бы рука была тяжела. А мы съ Гарь-Пиономъ пистолеты осматриваемъ. Такъ что тутъ за диво? Вамъ самимъ извѣстно : графъ впереди скакалъ, а мы на встрѣчу. Вотъ я.... пафъ!.... ка-кого-то солдата убилъ. Пафъ!.... графъ съ лошади до-лой. А шапте-то дурачье — Ура! bravo! — и прочая. Вотъ немцы въ офицеры, въ коменданты небольшой крѣпост-

цы, изволили назначить. Тамъ хорошо было. Нѣтъ! ужъ пошло на милость : сюда старшимъ сторожемъ приставили. Чортъ возьми, и работы пропасть и сколько ! Вотъ посмотрите : новый кардиналъ пишетъ ко мнѣ, къ старому солдату. Ну, сами подумайте, господинъ голова : просто каторга, галерья !

Опять вошелъ Труссо.

— Ну, что тамъ опять ?

— Капитанъ Дюбюи отъ ранъ умеръ.

— Это ужъ другой!... Ну, господинъ голова, право, у васъ теперь знатный порядокъ! Бывало, мы съ Гарь-Пиономъ шутики шутимъ : станемъ въ переулкъ за уголъ, и табакъ понюхиваемъ.... Не прикажете ли ?

Голова съ вѣжливостью принялъ предложеніе и понюхалъ табаку.

— Стрѣлки идутъ : мы ихъ, знаете, изъ-за угла, какъ пугнемъ, такъ кто въ лѣсъ, кто по дрова!... Конечно! всѣ по домамъ попрячутся. А нынче съ самыми храбрыми гвардейскими капитанами поцарапались и двухъ взяли.

— Только двухъ ?

— Да тамъ еще есть двое, да простые охотники мадамъ д'Орбиньи, дрянъ. А капитаны, правду сказать, на славу дрались : вотъ оба умерли! Ну, Труссо, что дѣлать?... Умеръ, такъ умеръ! Ужъ какъ хочешь, а капитановъ похорони съ воинскою честью.

— Помилуйте, господинъ комендантъ ! да какъ же мы въ замкъ-то похоронимъ съ воинскою честью ?

— Дуракъ!... не умничай! Ты только приготовь тѣла къ погребенію, а я ужъ завтра самъ знаю, что сдѣлаю. Ну, нѣтъ ли еще чего? Что маршалъ Бассонпьеръ.

— Пишетъ.

— Видно, завѣщаніе.... Да напрасно! Кардиналъ умеръ, такъ его теперь на казенный счетъ въ Бастили держать не будутъ.... Ступай!... Вотъ такъ цѣлую ночь, господинъ голова : и каждую ночь ! А днемъ начальство смотрами да тайнами мучить. Вотъ и эта за-

писка не безъ тайны. Прочтите, пожалуйста. Вы старо-го солдата не продадите.

Голова взялъ записку и прочелъ слѣдующее :

«Достойный герой! Сегодня попались къ вамъ въ руки четыре преступника. Они посягали на мою жизнь. Я имъ прощаю; но, вы знаете, наши законы неумолимы. Король приказалъ назначить комиссію и судить злодѣевъ. Довольно публичныхъ казней : я не желалъ бы торжественныхъ наказаній на Гревской Площади, и еще за меня ; гораздо было бы лучше , если бъ они умерли въ темницѣ отъ ранъ , всѣ четверо и немедленно : я счелъ бы это особеннымъ счастьемъ.»

Голова положилъ записку и значительно поглядѣлъ на коменданта.

— Ну! сказалъ старый драгунъ : желаніе добраго кардинала вполнину исполнилось, два капитана умерли отъ ранъ, а этой дряни судить не стануть.

— Вы не поняли кардинала, сказалъ голова. Опъ со-вѣтуетъ вамъ убить тихомолкомъ и другихъ двухъ , и донести мнѣ и моимъ старшинамъ, что они скончались отъ ранъ.

— Убить? закричалъ комендантъ, стукнувъ по столу кулакомъ, и ругательства посыпались изъ устъ достойнаго героя : убить тихомолкомъ?

— Позвольте , не горячитесь : я вамъ подамъ спасительный совѣтъ. У васъ въ палатѣ, за разбой, простой порядокъ : изъ списка вычеркнуть, и въ Сену. Такъ ли?

— Кажется, такъ.

— А государственнымъ преступникамъ есть и другой списокъ и другія правила. Вотъ что вы сдѣлайте. Тѣхъ господъ изъ списка велите вычеркнуть, и напротивъ напишите собственноручно—« Брошены въ Сену », а тѣла ихъ, вмѣстѣ съ капитанскими, прикажите предать землѣ сейчасъ, и напишите ко мнѣ рапортъ, что всѣ четверо умерли отъ ранъ, кардиналу же только одно слово: «Исполнено».

— Ну?

— А этихъ двухъ молодцовъ отдайте мнѣ.

— Какъ?... сплутовать?... Вы, господинъ голова, предлагаете сплутовать мнѣ, старому драгуну, который вмѣстѣ съ Гарь-Піономъ, подъ капитаномъ Вальеро-лемъ....

— Да! перебилъ голова съ горячностью: да!... потому что это — несчастныя и невинныя дѣти капитана Вальероля.

— Какъ?

— Они называются Джакомо и Джироламо делла-Порта, прижиты съ Джудитой Ваоли, въ Вальтелинь.

— Такъ, такъ, господинъ голова! въ свою очередь прервалъ комендантъ. Я это лучше васъ знаю, и хотя Гарь-Піонъ утверждалъ, будто у капитана съ Джудитой дѣло чисто, однако жъ я всегда подозрѣвалъ.... Труссо! Труссо!.... Позовите Труссо!

— Чтò вы хотите дѣлать? спросилъ голова.

— Медлить опасно. Хочу приказать....

— Сдѣлайте милость, прикажите подать себѣ ключи отъ ихъ темницы, а покойниковъ вывезти и похоронить по указанію городского начальства.

Комендантъ слѣпо и во всемъ повиновался головѣ: онъ написалъ по собственнымъ словамъ мудраго градоначальника рапортъ въ ратушу о смерти четырехъ преступниковъ, поименовавъ, вмѣсто мясника и Испанца, двухъ Депортовъ. Передъ утромъ уже, съ величайшею тайною, голова, и дѣти Джудиты, вышли изъ замка. Гойко рассказывалъ солдатамъ анекдоты и грѣлъ руки надъ горшками съ горячимъ угольемъ.

— Пойдемъ! сказалъ голова, и когда они далеко отошли отъ тюремнаго замка, голова остановился и оглянулся.

Никого кругомъ не было.

— Спасайтесь! сказалъ голова. Гойко, я не измѣнилъ

тебѣ. Окажи мнѣ послѣднюю услугу : спрячь этихъ несчастныхъ до-поры до-времени.

— Простите, благодѣтель! сказалъ Гойко, упавъ въ ноги достойному сановнику. Я ихъ отвезу къ матери.

— Къ матери! вскрикнули оба. Нѣтъ, мы останемся въ Парижѣ : на насъ теперь лежитъ двойной долгъ мести!

Дѣти мои, вы ужь отомщены!... Вѣрьте старику, вѣрьте моей любви къ доброму городу Парижу, вѣрьте глатвѣ!

— Но мы обѣщали матери.

— Все знаю, прервалъ голова. Это воля Джудиты: повинуйтесь! Именемъ Джудиты, я вамъ приказываю повиноваться. Пріймите мое благословеніе, и съ Богомъ!

Гойко, примѣтивъ, что голова достаетъ деньги, удержалъ его руку.

— Благодѣтель! я опять сталъ богатъ.

И онъ вкратцѣ рассказалъ головѣ всѣ происшествія, которыя такъ недавно и такъ неожиданно съ нимъ случились.

На-заръ уже собесѣдники распрощались : до восхожденія солнца, Гойко съ женою и два сына Джудиты оставили Парижъ, верхомъ, въ платьѣ охотниковъ.

Такимъ образомъ всѣ главныя дѣйствующія лица моей повѣсти уѣхали изъ Франціи въ исходѣ 1642 года. Для меня это особенно пріятно : я съ дѣтства не любилъ Парижа и обожалъ Италію. Съ особеннымъ удовольствіемъ переносу мѣсто дѣйствія въ страну любимую; но позвольте проститься съ Мазарини, къ которому поздно въ вечеру, на слѣдующій день, пріѣхалъ городской голова съ двумя старшинами.

Мазарини сидѣлъ въ своемъ старомъ кабинетѣ, въ тѣхъ же креслахъ; но уже безъ прежней беззаботности и всегдашней улыбки : казалось, воздухъ перемѣнился въ этой роскошной обители италіянскаго абба-

тика. Вода по-прежнему смѣнялась въ драгоценной ваннѣ; дорогія благовонія смиренно покоились въ дорогихъ сосудахъ, но уже не наполняли воздуха гордымъ запахомъ. Обои въ ротонду были отдернуты: въ ней царствовали пустота и тишина. На столѣ, гдѣ дотогоне видно было ни одного лоскутка грубой дѣловой бумаги, лежали груды тетрадей; на полу разбросаны были кипы книгъ, относящихся къ французскому законодательству; не было свободнаго мѣста въ прекрасномъ кабинетѣ. Кардиналъ съ печальной улыбкой глядѣлъ на пламя, пожиравшее уголья, и невольно перевелъ глаза на зеркало, висѣвшее надъ каминомъ: «Время, пламя.... пламя и время — братья-близнецы!... Ты упало на меня, тягостное ярмо!... драгоценности, тебя украшающія, умножаютъ только твою тяжесть. Я добивался этой почетной неволи.... И сколько завистниковъ! И стѣитъ ли защищать обладаніе этимъ недугомъ, мукой, ежеминутной горячкой власти и опасности?...»

Луи доложилъ о пріѣздѣ нашихъ знакомцевъ.

— Опять! сказалъ громко кардиналъ. Проси.

Вошелъ городской голова съ двумя старшинами. Мазарини ихъ встрѣтилъ у порогу, со всеми признаками уваженія. Размѣнялись привѣтствіями, усѣлись, голова началъ:

— Вашей эминенціи не безызвѣстны печальныя происшествія послѣдней ночи. Смерть кардинала-герцога возбудила различныя чувствованія въ добрыхъ гражданахъ Парижа. Желая сохранить общественное спокойствіе, я разослалъ по всемъ предмѣстіямъ сильныя отряды городскихъ стрѣлковъ, поручивъ имъ бдительный надзоръ за порядкомъ и благочиіемъ. Одинъ изъ нихъ, будучи увѣдомленъ о нападеніи, произведенномъ на карету и людей вашей эминенціи, поспѣшилъ на помощь и захватилъ четырехъ преступниковъ, посягавшихъ на жизнь вашу.

Мазарини невольно улыбнулся, и отвѣчалъ:

— Я вижу въ этомъ случаѣ вышнее покровительство и благодарю Парижскую Божию Матерь постомъ и молитвой.

— Несомнѣнно, продолжалъ голова: несомнѣнно! Дальнѣйшія обстоятельства утверждаютъ насъ еще болѣе въ мысли, что Богъ никогда не оставляетъ несчастныхъ. Всѣ четыре преступника, по донесенію коменданта, не могли перенести мученій совѣсти и тѣлесныхъ страданій, и, одинъ за другимъ, умерли отъ ранъ и душевнаго безпокойства.

— Неужели? спросилъ Мазарини съ притворнымъ, и не довольно искуснымъ, удивленіемъ; но губы его обличали сильную радость.

— Я счелъ обязанностью сообщить вашей эминенціи содержаніе донесенія.

— Прочтите, прочтите.... Это право удивительно!

Голова началъ читать:

«Извѣстно вамъ, почтенному господину головѣ купчества и старшинамъ города Парижа, что вчера, въ часъ по полудни, полковникомъ Леша сданы на мои руки четыре преступника, безъ описи и весьма пораненные. Посему, допросивъ, я записалъ ихъ имена и званія въ книгу и распредѣлилъ, кого къ какому разряду отнести и причислить. Первый капитанъ гвардіи его величества, маркизъ де-Лернъ, скончался на-мѣсть отъ ранъ въ сорокъ пять минутъ втораго часу; второй, также капитанъ гвардіи его величества, Дюбий, умеръ при перевязкѣ ранъ въ два часа семь минутъ; а остальные два прожили еще до утра, но, несмотря на всю опытность и усердіе врачей, скончались одинъ ровно въ семь, а другой въ осемь часовъ утра. Сія два при допросѣ объявляли, что они поклялись отмстить за честь своей матери кардиналу Мазарини кровью и смертью и, не достигнувъ цели, предають его проклятію. Имена ихъ — Жакъ и Жеромъ Дешорты.»

— Дѣти мои! невольно вскричалъ Мазарини, вскочивъ съ кресла.

Смертельная блѣдность покрыла лицо его : онъ снова упалъ въ кресла. Слезы и рыданія тронули голову и старшинъ : они подошли къ кардиналу, но тотъ не могъ сказать слова. Прошло нѣсколько мгновений: Мазарини немного успокоился, и голосомъ, прерывающимся отъ плачу, сказалъ головъ : — Эта единственная шалость молодого офицера, я думаю, будетъ преслѣдовать меня до гроба.... Боже! Боже!... дѣти мои!.... я самъ умертвилъ васъ!

И снова слезы и рыданія. Министра какъ-будто и не бывало : передъ изумленными сановниками плакалъ и рыдалъ отчаянный отецъ. Вдругъ лицо его будто прояснилось : онъ весь оживился, всталъ, подошелъ къ навою, преклонилъ колѣна, и сталъ молиться непрерывно. Судьба великаго министра Франціи, какъ известно изъ многихъ историческихъ книгъ, была незавидна; но молитва укрѣпляла его въ продолжительныхъ и разнообразныхъ несчастіяхъ. Нравы его не исправились, правда; и привычка, и властолюбіе, все противилось перерожденію Мазарини : все такъ; но нерѣдко государственные секретари ожидали его выходу далеко за полночь : онъ молился у того же навои, въ далекой и уединенной моельнѣ, за дѣтей Джудиты!

ГЛАВА ОСЕМЬДЕСЯТЬ-ТРЕТЬЯ.

Лионардо.

Недалеко отъ Флоренціи, на богатой виллѣ Пальфи, красивый палаццо неожиданно оживился прибытіемъ хозяевъ и не многихъ, но дорогихъ, гостей. Вальероль, Эвелина, Джудита, Альфредъ Дени, Гаръ-Шюнь съ

Бертой, заняли почти весь дворецъ. Пуссенъ остался во Флоренціи и общалъ, пока останется въ тосканской столицѣ, навѣщать виллу Пальфи по-чаще. Марія считала себя побѣдительницею Мазарини, видя всѣхъ дорогихъ ея сердцу внѣ всякой опасности. Гости располагали сыграть свадьбу на виллѣ, и потомъ уѣхать въ Сондріо, въ собственный домъ Ваоли. Но свадьба со дня на день отлагалась, по причинѣ неожиданной болѣзни Джудиты. Болѣзнь эта была совершенно особаго и страннаго разряда: врачи полагали, что это родъ сомнамбулизма, потому что больная, во снѣ, безъ сна, вставала съ постели съ обыкновенною бодростью здоровой женщины и во всѣхъ углахъ искала чего-то. Пытались съ нею и разговаривать въ этомъ положеніи; во Джудита, на всѣ вопросы, отвѣчала однимъ словомъ — «Тайна!» и продолжала свои поиски, часто въ сосѣднихъ домикахъ, гдѣ жила прислуга, въ саду, въ поле. Утомленная, она возвращалась въ постель, и не сонъ, а какое-то безпамятство падало на красные глаза. Всѣ очередовались, и у постели недужной всегда былъ кто-нибудь на-часахъ. Вальероль почти не отходилъ отъ изголовья страдальцы, особенно когда замѣтилъ, что случайное его удаленіе возвращало ей память, чувства и поиски возобновлялись. Опасенія врачей оправдались: странный недугъ смѣнился сильной, во прерывчатой, горячкой. Въ первомъ ея пароксизмѣ, открылась и тайна болѣзни: она называла себя дѣтоубійцей. Казнь ихъ представлялась ей такъ живо, съ такими страшными подробностями, что одинъ разстроенный рассказъ ея наводилъ на слушателей ужась. Искусство врачей восторжествовало надъ опаснымъ недугомъ, но чувства совѣсти не миновались: они смѣнились только духовнымъ поканіемъ, постоянной и теплой молитвой. Отецъ въ Парижъ, а мать во Флоренціи, оплакивали взаимныя преступленія.

Прошло немало времени. Подъ-вечеръ пріѣхалъ Пус-

сенъ съ венеціанскимъ купцомъ Ліонардо. Оба были чрезвычайно веселы, и когда всѣ, даже больная Джу-дита, сошлие въ залу для принятія гостей, не возможно описать всеобщаго изумленія : въ богатомъ венеціанскомъ костюмѣ, передъ удивленными зрителями стоялъ маркизь де-Кокъ! Разспросамъ не было конца.

— Я не смѣлъ и подумать, сказалъ Вальероль : чтобы ты успѣшно могъ воротиться изъ такого опаснаго путешествія.

— Э! господинъ капитанъ, Богъ благословилъ! И я долженъ признаться, что такого счастливаго путешествія мнѣ никогда не удавалось сдѣлать. Мы, ради безопасности, должны были ѣхать на Седанъ, а оттуда не медля переѣхали во владѣнія голландской республики. Драгоценности, которыя я успѣлъ возвратить изъ рукъ моего отца, проданы въ Голландіи ужасною цѣною, такъ, что въ дальнѣйшій путь я ужъ долженъ былъ пуститься съ обозомъ. Но куда?... Я зналъ, что путь по Рейну не безопасенъ, что въ Вестфалии конгрессъ : я воспользовался всѣми этими обстоятельствами, и въ Венеціи, куда мы пріѣхали послѣ трехъ мѣсяцовъ и двадцати дней утомительнаго путешествія, смѣло могъ назвать себя богачемъ ; а съ золотомъ человекъ вездѣ — достойный гражданинъ. Я, какъ сами видите, венеціанскій купецъ, и отправляюсь путешествовать по разнымъ городамъ Италіи, чтобы устроить прочныя торговыя отношенія купца Ліонарда со всѣми италіанскими торговыми домами. Во Флоренціи, узнавъ о пребываніи москѣ Пуссена, я имѣлъ истинное счастье еще разъ повидаться со всѣми участниками парижскихъ нашихъ походовъ. Не вижу одного, — моего благодѣтеля и друга, Помпея.

Позвали Гаръ-Піона.

— Тьфу, ты, нечистая сила! сказалъ Помпей, увидѣвъ Гойка. Видно, тебѣ ни висеть, ни тонуть, ни гореть!

— Приходилось, братъ, и то и другое и третье, да вотъ Богъ миловалъ. Ну, обними же меня, дорогóй благодѣтель.

— Ладно, ладно! Я радъ твоему счастью, да обнимать жиды не приходится.

— Обними человѣка, сказалъ Пуссенъ.

— Я это ужъ ему разъ говорилъ, съ улыбкой замѣтилъ Гойко: да онъ мнѣ не вѣрить.

— Вотъ вздоръ! Вѣрить, пожалуй, я повѣрю; да, праву, какъ-то неловко.

— Да Богъ съ тобой! отвѣчалъ Гойко. Только ужъ отъ гостинцевъ, братъ, какъ хочешь, не отказывайся.

— Да на что мнѣ?

Всѣ настаивали: Гаръ-Пионъ согласился.

— Да послушай, Помпей! ты лучше присягни: а то, потомъ какъ станешь отказываться?

Всѣ опять настаивали: Гаръ-Пионъ поклялся усомъ, маршаломъ Шомбергомъ, и капитаномъ.

Гойко вынулъ пукъ бумагъ. Всѣ, неисключая и самого Помпея, глядѣли на эти приготовленія съ любопытствомъ. Развернувъ одну изъ бумагъ, Гойко сказалъ: — Вотъ она! — Потомъ, указывая въ окно, онъ спросилъ: — Видишь лѣсъ? За этимъ лѣсомъ славная дача съ скотомъ, съ угодыями и нашнями. Хозяина давно нѣтъ, наследниковъ тоже: она твоя.

— Что ты, съ ума сошелъ! закричалъ Гаръ-Пионъ, отступая и покраснѣвъ до ушей.

— У тебя жена есть: я ужъ все знаю; да дѣтей не будетъ: не та пора. Такъ, послѣ смерти твоей, дача пойдетъ первородному сыну или дочери мадамъ Денй, если Богъ благословитъ ихъ потомствомъ.

— Слышь ты, дьяволъ! закричалъ Помпей, отирая глаза: право не выдержу!

Гойко не обращалъ на него вниманія, и продолжалъ, обратясь ко всему обществу: — Вчера я продалъ вели-

кому герцогу алмазь дорогѣй цѣны. Мнѣ онъ почти ничего не стоилъ : подарокъ случая. Цѣна его въ этомъ мѣщечкѣ — на обзаведеніе моему благодѣтелю Помпею!

Гарь-Пионъ не выдержалъ и ушелъ; но скоро возвратился и сказалъ : — Кончишь ли ты?

— А вотъ сейчасъ : послѣдній гостинецъ. Солдату не приходится имѣть помѣстій : такъ я тебя, именемъ великаго герцога, жалую въ капитаны. Насилу досталъ продажное мѣсто безъ службы. Вотъ тебѣ и бумага. Ну, я кончилъ.

— Поколотилъ бы я тебя, транжира! отвѣчалъ Гарь-Пионъ, обѣими кулаками отирая слезы, но Гойко его не слушалъ и подошелъ къ Джудитѣ, которая, въ глубокой задумчивости, казалось, не обращала вниманія на трогательный расчетъ благороднаго друга.

— Объ чемъ вы думаете, милостивая госпожа? Въ бурь несчастій, вы были такъ веселы, цвѣли какъ роза; а теперь, когда минули тучи....

Джудита посмотрѣла на него дико, возвела глаза къ небу, и стала молиться.

— За кого? спросилъ Гойко значительно.

— За невинныхъ мучениковъ, за дѣтей моихъ....

— Хороши мученики! отвѣчалъ Гойко съ обычной своей коварной улыбкой : посмотрѣли бы вы на нихъ теперь!.... Господи, какіе молодцы!

Джудита схватила его за руку. Все общество окружило Гойка. Вопросы смѣшались.

— Я не могу понять во всѣхъ вашихъ рѣчахъ ни слова, сказалъ Гойко. Вѣрно, мой другъ Депортъ пустилъ это утѣшительное извѣстіе.

— Я читала его во французской газетѣ.

— Такъ, вѣрно, Депортъ нарочно для васъ напечаталъ это извѣстіе.

— Гойко! сказала съ достоинствомъ Марія : эта шут-

ка едва ли простительна! Подобныя утѣшенія оскорбительны.... Они погибли.

— Я былъ въ Парижъ, и они могли погибнуть! Я видѣлъ, какъ вы сражались съ городскими стрѣлками и они могли погибнуть!.... Я могъ погибнуть, синьора, но не дѣти Джудиты!

— Гдѣ же они? закричали всѣ, кромѣ Пуссена, который, во все продолженіе обихъ сценъ, сидѣлъ одинъ въ углу и улыбался.

— Гдѣ они?.... Вопросъ затруднительный! Четыре мѣсяца тому назадъ, они были въ Парижъ, въ Бастиліи; потомъ, весьма недавно, въ Триестъ....

— Наконецъ? опять закричали всѣ.

— Помилуйте, господа! Я такъ много выдержалъ допросовъ, что ужъ никакъ не надѣялся, въ кругу друзей, удостоиться такой пытки. Они въ безопасности: кажется, довольно!

Но это не успокоило гостей и хозяевъ. Гойко медлилъ отвѣтами, мѣшалъ дѣло съ пустяками. Радость Джудиты, непомерная, безумная радость, мало-по-малу превратилась въ тихое удовольствіе, въ благодарную молитву. Когда спокойствіе совершенно возвратилось въ больное сердце, Гойко подошелъ къ окну и спросилъ съ видомъ опасенія:

— Смеркается.... что у васъ, безопасно около Флоренціи? не слышно разбоевъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Вальероль: во всей Италіи тихо и спокойно. Только между Римомъ и Неаполемъ, да вообще въ Абрुццяхъ, толпы разбойниковъ по-прежнему....

— Жаль; а вѣдь непременно надо въ Неаполь. Развѣ хоронятъ?.... Ага! бѣдутъ!

— Между-тѣмъ Джудита подошла къ Гойку и стала разспрашивать снова о дѣтяхъ.

— Я полагаю, что вы скоро ихъ увидите, отвѣчалъ

Гойко : они располагали прїѣхать вчера во Флоренцію, а сегодня вечеромъ....

— Прїѣхали! прїѣхали! закричала Джудита, и въ великолѣпномъ портикѣ по-очередно обнимала, то одного, то другаго сына.

Когда все объяснилось, Джудита упала на колѣни передъ Гойкомъ, но венеціанскій купецъ Ліонардо принималъ уже правы своей новой отчизны : поднявъ почтительно Джудиту и усадивъ ее въ кресла, Гойко просилъ составить общій совѣтъ, назначить день свадьбы, но такъ, чтобы онъ, впродолженіи этого времени, могъ съѣздить въ Неаполь и освѣдомиться о своей матери. Пуссенъ также обѣщалъ прїѣхать къ тому времени изъ Рима. Счастіе воцарилось въ многочисленномъ семействѣ друзей и сострадальцовъ; но еще оставалось одно облако, и его уже не могъ разогнать Гойко. Джудита не могла безъ разводной выйти замужъ за Вальероля. Въ качествѣ автора, я могъ бы разрешить и это обстоятельство къ удовольствію читателей, но историческая вѣрность — девизъ моего сочиненія.

ГЛАВА ОСЕМЬДЕСЯТЬ-ЧЕТВЕРТАЯ.

Дружеская услуга.

Пуссенъ полюбилъ венеціанскаго купца Ліонардо и взялъ его съ собой въ Римъ. Едва ли когда кто-либъ изъ художниковъ удостоился такого блистательнаго приему, какимъ встрѣтили Пуссена Римляне. Шпіони были посланы во Флоренцію, и, узнавъ день и часъ его отъѣзду, поспѣшили въ Римъ. Далекю за городомъ встрѣтили Пуссена почти всѣ художники, многія ва

ныя лица, вельможи, даже кардиналы. Въ городѣ все шло пѣшкомъ; улицы покрыты были народомъ; нѣзъ всѣхъ оконъ висѣли разноцвѣтные ковры; дамы были въ праздничныхъ уборахъ; домъ, гдѣ жилъ Пуссенъ, украсили, отъ земли до крыши, цвѣтами; комната жены Пуссена походила на модный магазинъ, по множеству и изяществу подарковъ, присланныхъ ей отъ знакомыхъ и незнакомыхъ лицъ въ день пріѣзду мужа. Все величали его титулами, приобретенными имъ во Франціи; многіе выдумывали свои собственные, называли его «Возстановителемъ искусствъ», «Освободителемъ вкуса», «Побѣдителемъ варваровъ,» и такъ далѣе. Съ трудомъ онъ могъ освободиться отъ посѣтителей и поздравленій. Наконецъ оставшись одинъ въ своемъ семействѣ, онъ невольно вспомнилъ о своемъ попутчикѣ, но никто не могъ сказать, куда купецъ дѣвался. Драгоценныя товары Ліонардо, тщательно уложенные въ два небольшіе ящика, спокойно лежали въ повозкѣ, которую черезъ часъ притащила чернь, и, осыпавъ цвѣтами, поставила передъ окнами Пуссена. Гаспаръ помнилъ, что, до самой Испанской Площади, Ліонардо не отставалъ отъ нихъ, но тутъ, вѣроятно, встрѣтилъ знакомаго и разговорился. Гаспаръ не ошибся: на Испанской Площади, орлиные глаза Гойка открыли въ далекой толпѣ знакомую фizioномію. Не броситься на добычу тотчасъ — значило потерять ее навсегда, и Гойко не безъ труда пробрался къ дорогому знакомцу и почтительно ему поклонился. И страхъ и радость блеснули на лицѣ Депорта: онъ не зналъ, на что рѣшиться; но Гойко разрѣшилъ недоумѣніе, и, взявъ его за руку, спросилъ съ свѣтскою развязностью и равенствомъ: — Давно ли въ Римѣ? Каково поживаете?

Тонъ и одежда Гойка смутили нѣсколько Депорта, но необходимость заставила его отвѣчать ласково, и, когда обычныя привѣтствія кончились, Гойко престо-

душно сказалъ Депорту : — Послушайте, мосьё Депортъ : гдѣ у васъ тутъ, въ Римъ, надежныя гостиницы? Я ожидаю моихъ товаровъ и боюсь римскаго воровства.

— Ахъ, любезный другъ! отвѣчалъ Депортъ : да чего лучше?... вотъ гостиница Чернаго Орла передъ несомъ.... Зайдемъ.

— Вы здѣсь и живете?

— Да.... пока. Я еще не рѣшился, гдѣ поселиться. Въ Римъ скучно : хочу, сегодня или завтра, отправиться куда нибудь....

— Каково, мосьё Депортъ, здѣсь идетъ ваша школа?

— Школа?... живопись?... Вотъ глупости!.... Стану ли я заниматься такими пустяками! Пора отдохнуть отъ трудовъ. Только еще не избралъ мѣста. Хочу ѣхать въ Комо или Венецію.

— Въ Венецію, мосьё Депортъ!.... къ намъ, къ намъ, въ Венецію.

«Ну, такъ въ Неаполь!» подумалъ Депортъ, и оба вошли въ гостиницу.

Возлѣ квартиры Депорта отыскались пустыя двѣ комнаты и для Гойка, и онъ тотчасъ принялъ ключъ отъ новаго жилища.

— Послушайте, мосьё Депортъ : не худо бы намъ сегодня вмѣстѣ пообѣдать.

— Не могу. Меня приглашали сегодня два кардинала. Я не обѣщалъ, по всё.... однако жъ....

— Э! помилуйте, мосьё Депортъ! такъ что же васъ можетъ удерживать?... Ко мнѣ, ко мнѣ!.... И самая пора!

Депортъ нѣ-хотя согласился. Усѣлись за столъ въ комнатахъ Гойка. Слуги старались рачительно угостить венеціанскаго купца и подали обѣдъ роскошный. Гойко не удостоивалъ даже отвѣдать римскаго вина : по-лилось испанское. Замѣчательно, что до-сихъ-поръ ни одинъ, ни другой не начинали говорить о Франціи

и тамошнихъ своихъ похощеніяхъ : какъ-будто тамъ и не встрѣчались ; но когда вино нѣсколько воспламенило собесѣдниковъ , Гойко , замѣтивъ , что Депортъ сталъ и хвастливѣе и разговорчивѣе , осторожно , слегка завелъ рѣчь о Парижѣ .

— Какъ вы насъ всѣхъ перепугали , мосьё Депортъ , своимъ неожиданнымъ отъездомъ ! Мы думали , что сообщники Сенъ-Марса спрятали васъ въ какомъ-нибудь отдаленномъ замкѣ или даже услали въ Испанію .

— Вотъ вздоръ какой !

— Но согласитесь : не видя причинъ....

— Да какія тутъ нужны причины ? Украли жену , дѣтей , воспитанницу ; могли расхитить достояніе , для котораго я трудился такъ долго.... расхитить , разграбить.... Нѣтъ ! у меня все было уже давно обдуманно : я ждалъ только благопріятной минуты , и они сами подали мнѣ средства спокойно уѣхать изъ Франціи .

— Такъ . Но вы не могли захватить всѣхъ богатствъ ?

— Ну !.... съ меня будетъ .

— Я удивляюсь вамъ , мосьё Депортъ : какъ это вы рѣшаетесь ѣздить одни съ такими суммами и по такимъ опаснымъ дорогамъ ?

— Съ какими суммами ?

— Вотъ я купецъ ; товары мои теперь въ Неаполь ; я пришелъ въ Римъ пѣшкомъ ; два раза на меня нападали разбойники : кончилось пріятнымъ знакомствомъ , и только . Вамъ бы лучше воротиться во Флоренцію : тамъ всѣ пути безопасны ; а въ Неаполь , я слышала , будто бы посланы за вами люди .

«Врешь , это ты посланъ !» подумалъ Депортъ , и отвѣчалъ громко : — Послушай , Гойко ! ты , я вижу , не оставилъ прежняго ремесла ; можетъ-быть даже , ты самъ.... Но скажи лучше : сколько тебѣ заплатилъ Мазарини ?

— Вижу , отвѣчалъ Гойко , вы сохранили вашу зна-

менитую пронизательность. Но вы не можете подкупить меня.... Напрасно! вы не дадите пяти сотъ ливровъ.

— Сейчас же, мой другъ! сейчасъ, и ѣду во Флоренцію!.... Но кто поручится за твою вѣрность?

— Право мосьё Депортъ, вы удивительный человекъ: при всей вашей предпримчивости, трусливы какъ заяцъ! Неужели бы я, узнавъ васъ, пошелъ прямо къ вамъ навстрѣчу и рассказалъ всѣ тайны такого важнаго порученія?.... Что мнѣ въ вашей свободѣ?.... Тѣ же пять сотъ ливровъ и безъ грѣха, безъ предательства. Только объ одномъ васъ прошу: не ѣздите въ Неаполь.

— Во Флоренцію! во Флоренцію!.... Вотъ твои деньги.... Прощай!

— Куда же это вы, мосьё Депортъ?

— Я объщалъ кардиналу Массими осмотрѣть его библіотеку.

— Такъ вы теперь стали заниматься по ученой части?

— Я никогда не оставлялъ книгъ, по обстоятельства принуждали заниматься пустяками.... Прощай!

Гойко раскрылъ кошелекъ, оставленный Депортомъ: тамъ было только триста ливровъ.

— Обманулъ и.... обманулся! сказалъ Гойко. Но ты не поѣдешь во Флоренцію, и, кажется, мы еще увидимся!

По корридору раздались шаги двухъ или трехъ человекъ; за ними, спустя мгновение, шелъ кто-то съ особенною поспѣшностью, и, прихлопнувъ двери комнаты Гойка, заперъ ихъ на замокъ и пустился бѣгомъ дальше. Гойко подошелъ къ окну: Депортъ шелъ по площади съ мѣшками и мѣшечками; передъ нимъ два работника несли порядочные сундуки и шкатулки. Гойко отворилъ окно и закричалъ: — До свиданія, мосьё Депортъ, до свиданія!

— Ктò это васъ заперъ? спрашивалъ слуга за дверьми.

— Върно, какой-нибудь мошенникъ. Ломай двери!

Это происшествіе встревожило всю гостинницу. Двери выломали, и Гойко, утверждая, что въ такомъ мѣстѣ жить не безопасно, несмотря на всѣ увѣренія хозяина и слугъ, расплатился и ушелъ въ ту сторону, куда скрылся Депортъ.

Несмотря на всю быстроту своей походки, онъ не могъ открыть слѣдовъ. Было уже и не рано: смерклось, и Римъ освѣтился потѣшными огнями въ честь Пуссену. «Надо и мнѣ зайти къ моему казначею,» подумалъ Гойко, и завернулъ въ домъ Пуссена.

Вся зала, гдѣ совершались многодумныя бесѣды, биткомъ была набита кардиналами, аббатами и художниками; всѣ двери растворены; Пуссенъ переходилъ изъ объятій въ объятія и, по-очереди, остановился противъ Гойка.

— А! Лионардо! сказалъ Пуссенъ съ улыбкой.

— Позвольте мнѣ сказать одно слово, сказалъ Гойко. Сохраните мои вещи до моего возвращенія изъ Неаполя. На пути не безопасно, а я получилъ такія извѣстія, что не могу медлить ни минуты.

— Съ удовольствіемъ, сказалъ Пуссенъ, и Гойко, не ожидая дальнѣйшихъ объясненій, исчезъ.

По дорогѣ изъ Рима въ Неаполь, въ старомъ, полуразрушенномъ домѣ, сидѣлъ Гойко за дубовымъ столомъ, съ видомъ глубокой печали. Платье на немъ было изорвано, соломенная шляпа измята: все обличало бѣдность и несчастіе. Въ углу сидѣло двое дюжихъ и молодыхъ нищихъ. Они пили вино. Хозяйка лукаво на

нихъ поглядывала и пожимала плечами, указывая на Гойку. Нищие расхохотались. Чтобы замаять эффектъ этой нѣмой сцены, хозяйка обратилась къ Гойкѣ съ грубымъ вопросомъ : — А тебѣ ничего не надо?

— Дай чего-нибудь на эти деньги, отвѣчалъ Гойко, показывая на двѣ мѣдныя монеты, которыя лежали передъ нимъ на столѣ и какъ-будто составляли предметъ его грустныхъ размышлений.

— Можно, можно и на эти деньги быть сытымъ, отвѣчала хозяйка, и принесла тарелку макарони. — Чтò? спросила она, ставя передъ Гойкомъ бѣдное блюдо, лакомство всѣхъ фанатиковъ-почитателей Италіи : видно тебя дорогою обидѣли?

— Пошла прочь, баба! грубо отвѣчалъ Гойко. Грабятъ, и еще смѣются.

Гойко говорилъ по-испански, мѣшая, сколько могъ научиться въ короткое время, и италіянскія выраженія и потому хозяйка не хорошо поняла его рѣчь и опять спросила : — Ограбили?... ктò?... гдѣ?

— Да чтò тутъ рассказывать! топнувъ ногою, отвѣчалъ Гойко. Ограбили : вотъ и все тутъ!

— Да ты бы взялъ ветурина : у нихъ, у всѣхъ, на порты есть.

— Надо было прежде сказать!... Да я на нихъ и сержусь : добро, лошадь оставили, а деньги всѣ до-т. обобрали. Такъ я съ горя самъ хочу.... Да чтò те толковать! Скажи лучше : были сегодня ветурины?

— Нѣтъ, и сегодня и вчера никого не было. Гра теперь такъ строго сталъ держать путь, что и ветуринамъ не вѣрять : всё моремъ ѣздятъ.

— Ну! сказалъ громко Гойко : такъ онъ еще не былъ. Не дай Богъ, если твой графъ прежде меня расподится!

Нищие подошли къ Гойку.

— Чтò, прохожій, не хочешь ли вина?

— Видишь какіе : милостины просятъ, а сами ми

стипу подають! Ну, да не вѣкъ же сердиться : давайте!

Выпили.

— Давайте еще! сказалъ Гойко.

Подали, и бесѣда завязалась.

— Чтò, прохожій, ты, кажется, къ вину не привычь?

— Погодите, погодите! Черезъ часъ, черезъ два, водѣдутъ и червончики, и бляшки съ камнями, и часики, и перстеньки.... Протрезвимся!... Вотъ этакой сундукъ!... да шкатулки, да мѣшки и мѣшечки! Съвиду, такой бѣдный! Не обманусь! Если бы двухъ грѣхъ товарищей, такъ и бумаги не грѣхъ посмотрѣть: тамъ, я думаю, золотыми буквами написано—«Филиппъ Депортъ, живописецъ короля французскаго».... да!

Гойко продолжалъ размахивать руками и толковать несвязно. Нищіе исчезли. Гойко оглянулся : не было никого кромѣ хозяйки, дремавшей у окна. Онъ всталъ бодро и подошелъ къ хозяйкѣ. Та перепугалась, не ожидала, что такой пьяный такъ скоро протрезвится.

— Съдай дружбу, сказалъ Гойко : отдай эту записочку вотъ тому господину, чтò, я чай, наши сейчасъ ограбятъ. Отъ генерала.

Хозяйка тряслась какъ листъ, видя, что оборванный незнакомецъ не пьянъ, говоритъ голосомъ твердымъ, выпрямился, сталъ веселъ, и называетъ сосѣдей своими. Последнія слова довершили ея испугъ.

— Чтò же ты мяснаго ничего не покушалъ? запинась говорила хозяйка.

— Не надо : я сытъ. Ты только отдай записку. Вотъ тебѣ на бѣдность.

И, къ окончательному изумленію и ужасу хозяйки, Гойко сунулъ ей въ руку серебряную монету вмѣстѣ съ запиской, и исчезъ.

— Матерь Лоретская! бормотала хозяйка : такого у насъ еще никогда не творилось. Видно графъ-генераль такъ людей испытываетъ... Какого чорта прислалъ?...

Плохо, плохо!... Видно, мнѣ сегодня опять огни и тушить....

Хозяйка опять усѣлась. Въ небольшой смежной комнатѣ дитя со сна расплакалось. Перенугалась хозяйка и съ-просонья, стала кричать: — Рѣжутъ! рѣжутъ! рѣжутъ!—но, опомнясь, она нѣсколько успокоилась и пошла убаюкивать ребенка. Вдругъ раздался стукъ колесъ, въ комнату вбѣжалъ отчаянный Депортъ. Вслѣдъ за нимъ вошелъ ветурино.

— Катарина! кричалъ послѣдній: чего-нибудь теплаго

Услышавъ голосъ ветурина, Депортъ бросился за него и, схвативъ за горло, сталъ кричать: — Отдай мнѣ деньги, мое богатство, мои камни, мои бумаги!

Ветурино грубо оттолкнулъ Депорта и отвѣчалъ:

— Отдадутъ! Полно глотку драть: все отдадутъ, да еще съ барышами! Я вѣдь знаю генерала. Это молодцы бе его вѣдома пошалили. Вотъ, какъ прїедемъ въ Неполю, я тотчасъ въ разбойничью контору пойду, подамъ объявленіе, второе насчитаю. Онъ съ нихъ вздуетъ. Ора штука! У него порядокъ такой. Да я же, по-счастію одного молодца и знаю.

— А не къ вамъ ли эта записочка? спросила Катарина. Отъ самого генерала.

— Отъ самого генерала? спросили ночные гости.

Депортъ прочиталъ скоро и громко:

«Не сердитесь, любезный Депортъ. Вы нажили свое богатство также разбоемъ и грабежемъ: оно, по праву, ваше. Вы его никогда не получите; но утѣштесь: мы большой нужды, а у васъ еще остается выгодное средство поправиться. Дайте вашей женѣ разводную, или, лучше, продайте. Она ждетъ васъ съ нетерпѣніемъ близъ Френціи, на виллѣ Пальфи. Мы, я думаю, никогда не увидимъ васъ: тѣмъ лучше; но вы, безъ-сомнѣнія, не забудете генерала кондотіеровъ, графа Іоахима.»

— Право, подписано—генерала кондотіеровъ, г

Иоакима! сказалъ ветурино, бросился вонъ изъ избы, и былъ таковъ.

Съ пол-мили еще Депортъ гнался за бѣглецомъ, но чувства и ноги ему измѣнили: въ изнеможеніи, онъ упалъ на пыльной дорогѣ.

—

ГЛАВА ОСЕМЬДЕСЯТЬ-ПЯТАЯ и ПОСЛѢДНЯЯ.

Кости.

— Я даю слово рѣдко съ намѣреніемъ исполнить! говорилъ Гойко, сидя въ богатыхъ креслахъ у огромнаго круглаго стола, обремененнаго множествомъ плодовъ и молочныхъ кушаній.

Высокія стекляныя двери въ садъ и на дворъ были растворены, хотя было очень поздно. Глубокій мракъ застилалъ очаровательныя аллеи и цвѣтники. Съ одной стороны слышанъ былъ плескъ фонтановъ, съ другой — бѣготня озабоченной дворни. Безпрестанно, въ вѣртыжъ и галереяхъ двора, мелькали фонари, носили стѣчи, стулья, ковры, цвѣты въ горшкахъ, и другія принадлежности бала. Въ залѣ, за круглымъ столомъ, сидѣли собесѣдники въ слѣдующемъ порядкѣ: по лѣвую руку Гойка Пуссенъ, за нимъ Джудита, капитанъ Вальероль, Эвелина, Альфредъ, жена Пуссена, капитанъ д'Орбиньи, Марія, Гаспаръ, Джакомо и Джироланно, наконецъ капитанъ Помпей Гаръ-Піонъ. Гойко продолжалъ:

— Но, въ послѣдній разъ, я спѣшилъ исполнить данное слово съ дѣтскою боязнью. Мосѣ Пуссенъ засвидѣтельствуетъ, что я возвратился въ день и часъ его отъѣзду. Повадка моя въ Неаполь была очень нужна:

матушка моя умерла съ горя, свѣдавъ о несчастно кончинѣ своей дочери; весь домъ былъ неутѣшенъ; графъ въ отчаяніи; никто не смѣлъ и думать о томъ чтобы предать землѣ обожаемую графиню: всѣ надеялись на ея оживленіе. Четвертый день проходилъ уже со дня смерти несчастной: духовенство рѣшилось на поминать графу о послѣднемъ долгѣ; но графъ не понималъ чего они хотятъ, и никто не думалъ приступать къ печальному обряду. Я пріѣхалъ весьма кстати. Печаль и рассказъ мой облегчили страданія графа: онъ вышелъ изъ странной грусти, изъ усыпленія, какого мнѣ никогда нигдѣ не случалось видѣть. Это состояніе графа походило на безчувственное безуміе матери императора Карла Пятаго послѣ смерти эрцгерцога, ея мужа. Сначала терялъ надежду на его выздоровленіе, но любопытныя мои рассказы вливались въ сердце его по каплѣ: я доженъ былъ повторять ихъ по нѣсколько разъ; любопытство спасло разсудокъ, а увѣренность, что до него, Маргарита, въ нѣжныхъ лѣтахъ украденная Абен Гассаномъ, умерла совершенно невинно, увѣнчала мои усилія. Но званіе медика удержало меня тремя днями долѣе того срока, какой я предполагалъ себѣ, уходя отсюда. Похороны графини, великолѣпныя, сіячныя, продлили этотъ срокъ еще на два дня. Графъ хотѣлъ, чтобы я остался въ Неаполь, но, подъ разными предлогами, я не согласился, тѣмъ болѣе что самъ собираюсь быть отцомъ: Сара, черезъ двѣ недѣли, умножитъ число гражданъ Венеціи; домъ меня тамъ еще не устроенъ, и я, послѣ вашей свадьбы то есть, послѣ-завтра, безъ оглядки отправлюсь туда.

— Нѣтъ, братъ! сказалъ Гаръ-Піонъ: вздоръ завалъ! А на моей свадьбѣ ты не будешь?

— Да прилично ли тебѣ жениться раньше катана?

Это замѣчаніе Гойка произвело неожиданное впечатленіе на все общество: какъ-будто никому и въ го

у не приходило, что, по всемъ соображеніямъ, капитану Вальеролю слѣдовало жениться на Джудитѣ; что, вѣче, имъ и жить вмѣстѣ не приходилось; и прочая, и прочая. Сомнѣнія разрѣшились быстро общимъ приговоромъ. Но Депортъ? но супружескія права его? но правила церкви? Радость всеобщая смѣнилась грустью, измышленіемъ : всѣ замолкли. Между-тѣмъ на дворѣ слышался разговоръ, который болѣе и болѣе возвышался.

— Гони его прочь : какой-нибудь мошенникъ, бродяга!..... А вотъ, дай только палку захватить!

На дворѣ завязалась суматоха, показались фонари, слышались крики; кто-то старался уйти отъ ударовъ бѣжалъ прямо въ залу : фонари, палки и лица людей, много освѣщенные, гнались за страннымъ гостемъ. Изъ-за стола всѣ встали. Въ залу вбѣжалъ нищій Депортъ. Важное удивленіе было неописанно : одинъ Гойко, казалось, ожидалъ этой сцены, подошелъ къ Джудитѣ, и сказалъ тихо :

— Не давайте ему опомниться. Три тысячи ливровъ выжали васъ съ этимъ чудовищемъ : три тысячи ливровъ васъ отъ него избавятъ!

Джудита не могла рѣшиться вымолвить слова, но Вальероль выступилъ впередъ и сказалъ съ гордымъ :

— Мосьё Депортъ! я передъ вами въ долгу. Когда вы подарилъ вамъ шпагу : мы можемъ расквитаться.....

Депортъ упалъ капитану въ ноги и завопилъ :

— Богъ наказалъ меня довольно!.... Простите, милостивый господинъ!... простите!... Видите, я нищій!... Простите меня.... У меня разбойники взяли все, и, кроме всего, шпагу!

Капитанъ, съ видомъ презрѣнія и сожалѣнія, отступилъ. На всѣхъ лицахъ были написаны тѣ же чувства.

«Все дѣло испортятъ!» подумалъ Гойко, и, подымъ Депорта съ полу, сказалъ ему сухо и отрывисто: Вставайте! Надо дѣло дѣлать, а не валяться у ногъ У васъ есть еще права и надежды. — Понизивъ голосъ Гойко сказалъ ему на ухо:— Молчите: я васъ выручу
Депортъ нѣсколько ободрился.

— Во-первыхъ, бой не равенъ, продолжалъ Гойк насъ много, онъ — одинъ; мы — послѣ плотной вечери, онъ, я думаю, съ недѣлю натошакъ. И потомъ долгъ состраданія и человѣчества повелѣваетъ поступить слѣдующимъ образомъ.

Гойко снялъ со стола жаренаго фазана, хлѣбъ, подалъ Депорту.

— Вотъ, станьте у окна и кушайте; а я буду продолжать рѣчь. Конечно, въ этомъ собраніи многіе имѣютъ справедливыя претензіи на господина Депорта. Мо Пуссенъ, синьора Джудита, мосьё де-Вальероль, мо Денъ, мосьё Гаръ-Шюанъ, венеціанскій купецъ Лиондо, но болѣе всѣхъ Эвелина.

Депортъ будто ничего не слушалъ, и съ жадностію пожиралъ жаркое.

— Но преступленіе господина Депорта не имѣло ста. Есть только догадка, не безъ доказательствъ, требуетъ судебнаго разысканія въ парижской ратушѣ а потомъ въ парламентъ.

Депортъ дрожалъ, но ѣлъ.

— Я знаю вашу волю: вы хотите связать мосьё депорта, у флорентинскихъ властей испросить конвои и отправить его во Францію.

Филиппъ уронилъ тарелку и слушалъ какъ панній.

— Послѣдствія несомнительны: позорная смерть. Но съ другой стороны, спрашиваю васъ, господа, какую извлечете вы пользу изъ казни мосьё Депорта? Будемъ говорить откровенно. Вы, мосьё де-Вальероль, желали бы жениться на синьорѣ Джудитѣ. При

нотъ мужъ, этого сдѣлать нельзя. Разводъ зависить совершенно отъ его воли. Не лучше ли продать ему жизнь цѣною разводу?

Депортъ вздохнулъ. Гойко подалъ ему бутылку вина, кубокъ, и продолжалъ :

— Но я долженъ замѣтить, судя по себѣ, жизнь нашего — та же казнь. Мосьё Депортъ не продастъ разводной за жизнь безъ приданого. Подарите ему, на первое обзаведеніе, на разживу. Всѣ-таки, хоть и по титулу, онъ былъ мужемъ, отцомъ : слава и безчестіе имени наследственны. Три тысячи двѣсти ливровъ на мои руки, и завтра я привезу изъ Флоренціи разводную. А до тѣхъ поръ, ручаюсь, что мосьё Депортъ не скрестся, не убѣжитъ, и такъ далѣе. Не правда ли, мосьё Депортъ?

Тотъ не могъ отвѣчать отъ удивленія ; но, опомнись, сказалъ тихо : — Маловато, да.... что дѣлать !.... согласенъ.

— Согласенъ ! раздалось со всѣхъ сторонъ ; согласенъ !

Депортъ не могъ понять ихъ восторгу, который былъ весьма простымъ и естественнымъ слѣдствіемъ положенія кантана и Джудиты. Всѣ бросились поздравлять жонку и невесту.

«Опять путаютъ !» подумалъ Гойко, и громко закричалъ : — Деньги !

Поздравленія остановились. Ни у кого не было требуемой суммы. Пуссенъ не ваялъ съ собой лишнихъ денегъ ; Марія и д'Орбиньи помоздержались на переѣздахъ, гостепріимство и приготовленія къ свадьбѣ. Но зажиточество было непродолжительно : Гаръ-Піонъ вытащилъ изъ кармана огромную кошну, подарокъ Гойки, и, положивъ ее на столъ, сказалъ сухо : — Тутъ больше !

«Я только этого и ждалъ,» подумалъ Гойко, и сказалъ громко : — Ну, мосьё Депортъ, простимся съ нашими старыми знакомыми и поѣдемъ. — Гаръ-Піонъ !

оказавъ послѣднюю услугу : бери свои деньги и пожай съ нами.... Безъ стражи, мосье Депортъ....

— Понимаю, сказалъ Гарь-Шюнь. Сейчасъ !

И, черезъ пять минутъ, Депортъ, Гойко и Гарь-Шюнь отправились во Флоренцію.

Рано поутру Гойко пошелъ къ кардиналу, рассказалъ дѣло, представилъ обоюдное согласіе супруговъ и причины разводу, подарилъ отъ имени обоихъ два драгоценные перстня. Около полудня прѣехала во Флоренцію и Джудита, и тогда же получила разводъ и разрѣшеніе на второе замужство. Депортъ, подписавъ актъ, поздравилъ Джудиту съ благополучнымъ окончаніемъ дѣла. Она ему пожелала хорошей и богатой невесты. Депортъ пошелъ къ Гойку получать деньги отъ Гарь-Шюна. Расплатились. Гарь-Шюнь отправился на виллу, а Гойко обѣщавъ прѣхать позже, по весьма естественной, хотя и тайной, причинѣ : онъ не хотѣлъ присутствовать при обрядахъ.

Не успѣвъ уйти Гарь-Шюнь, какъ передъ окнами на улицѣ завязалась драка.

— Вѣрно, фальшивыя кости, сказалъ Гойко.

— Какъ фальшивыя кости? спросилъ Депортъ.

— Да, отъ этого почти во всей Италіи, во всякомъ городѣ, драки и убійства. Мошенничать любятъ, а порядочныхъ костей сдѣлать не умѣютъ. Вотъ, напримеръ, у меня есть двѣ игры : такъ пусть самъ кардиналъ свидѣтельствуетъ : ничего не найдетъ.... Чужо, не кости !

— Покажи, Гойко.

— Пожалуй.

— А въ чемъ же тайна? Это самыя обыкновенныя, прѣстыя кости.

Гойко показавъ, въ чемъ состоялъ фокусъ.

— Продай, Гойко!

— Перестаньте, мосьё Депортъ! Какъ это вамъ не стыдно?.... Не умѣли избавиться отъ одной бѣды, и лѣзете въ другую!

— Нѣтъ, я хотѣлъ купить для шутки.

«Таковской!» подумавъ Гойко, и, не отвѣчая, положилъ коробочку на окно.

— Ну, что жъ, продашь?

— Подите вы! Стану я вамъ вѣрить, когда вы самыхъ святыхъ обещаній не исполняете? Вмѣсто вяти сотъ, дали триста ливровъ. Я вамъ не мстилъ.

— Ошибся, Гойко.

— Хороша ошибка! Но вотъ, я вчера нарочно двѣсти лишнихъ ливровъ выторговалъ.

— Лишнихъ!.... Ну ужъ полно, Гойко! Я знаю, они тебя подкупили, и, не будь я въ такой нищеть....

— Богъ съ вами, когда такъ! Мнѣ надо въ городъ.... Прощайте!

Гойко ушелъ и, черезъ нѣсколько минутъ, воротился, но уже ни костей ни Депорта не было въ комнату.

Нѣмногіе гости давно уже съѣхались на виллу Пальси. Ждали только одного венеціанскаго купца Люкардо.

— Вѣрно, онъ захлопотался съ подарками, говорилъ Гарь-Шюль. Онъ что-то намѣкалъ.

Прошло еще довольно времени: Гойко не вѣхалъ. Рѣшили приступить къ обряду. Повесть моя кончилась самымъ блистательнымъ образомъ: вмѣсто одной свадь-

бы, обыкновенной принадлежности послѣдней главъ всѣхъ и всяческихъ романовъ, у меня, въ одномъ мѣстѣ и въ одинъ день, сыграны были три свадьбы. Молодые вошли въ залу для принятія поздравленій, первое принесъ Гойко. Поздравленіе его состояло и богатыхъ подаркахъ и въ страшномъ извѣстіи: Флиппъ Депортъ былъ пойманъ въ фальшивой игрѣ, флорентинская черта, не ожидая суда, разорвала преступника на части.

— Не жаль! сказалъ новобрачный капитанъ Помпе Гаръ-Шюнь.

Къ этому престоудушному замѣчанію венеціанскіи купецъ Люшардо прибавилъ:

— Жаль только трехъ тысячъ ливровъ!.... Кому-то они достались?

=

НОВЫЙ ЛЕАНДРЪ.

=
ПОВѢСТЬ.
=

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Вы не знали Страстина, княгиня *. Мы съ нимъ были друзья съ дѣтскихъ лѣтъ, вмѣстѣ воспитывались въ офицерскомъ классѣ, видались часто : и какъ весело было мнѣ нѣкогда со Страстинымъ !... мы вмѣстѣ ѣздили, пѣли, прыгали, говорили о лекціяхъ, чертили каррикатуры ! Но когда прошли эти неопредѣленные порывы юношескаго возраста, когда мы оба поступили въ службу и свели ближайшее знакомство съ временемъ, ежели я произносилъ слово «любовь», мой другъ мой измѣнялся : онъ блѣднѣлъ, краснѣлъ, закрывалъ глаза къ небу, какъ-бы благодаря Творца... за счастье ! Онъ уже успѣлъ-было влюбиться безъ мысли и возбудить страстную любовь къ себѣ въ одной прелестной дѣвушкѣ. Я завидовалъ его блаженству.... потому что не зналъ его тайныхъ мученій. Я думалъ только, какъ сердце съ восторгомъ рвалось изъ груди.

А какъ они были хороши ! Казалось, красоты небанальны сдѣлались въ этихъ двухъ существахъ, чтобы сойти къ горизонту счастья.

* Эта повѣсть, въ рукописи, посвящена авторомъ князю З. Ю.

То была прекрасная пара, юная, живая, безъ опытъ наслажденіемъ въ настоящемъ, съ надеждою и разлукъ; они даже и походили другъ на друга, какъ походятъ небо и море въ тихое и ясное утро.

Много лѣтъ тому назадъ, въ одинъ вечеръ отворилась дверь моей комнаты, и вошелъ Страстигъ. Мы разговорились о чувствахъ. Пламенемъ горѣли глаза его во мракъ этой большой, дурно освѣщенной, комнаты, яркими звѣздочками блестяли пуговицы на е черномъ вице-мундирѣ, таинственно мелькали золотыя эполеты при каждомъ его поворотѣ: онъ показал мнѣ очарованнымъ рыцаремъ, расхаживающимъ свѣтлыхъ латахъ о полуночи по пустымъ комнатамъ стариннаго замка.

— Не спорь, любезнѣйшій, сказалъ онъ: ревность принадлежность любви. Когда солнце смотрится море и видитъ въ немъ свой одинокій образъ, можетъ ли не желать оно, чтобы море взволновалось и каждая капля очертилась золотомъ?..... Вотъ ревность! Когда я люблюсь на мою Елену и она спокойна, мнѣ хочется вмѣстѣ съ воздухомъ проникнуть въ ея грудь и свѣтъ взволновать ее.... Въ прошедшій разъ, разговаривая о разныхъ предметахъ, она начала выхвалять.... не помню кого-то. Болѣзненный вздохъ вырвался изъ груди моя поблѣднѣлъ. — «Что съ вами?» спросила она. — «Ничего!» — «Вы блѣдны?» — «Можетъ-быть!» — «Здоровы ли вы?» И она чуть не заплакала. — Ваше участіе лучшее лекарство. — «Участіе? повторила она, какъ бы взвѣсивая мои слова: только участіе? Вы желаете одного участія?» Тутъ я не выдержалъ, и сказалъ: «Нѣтъ! нѣтъ! одно участіе убило бы меня. Не грѣтъ хочу я вашей любвию, но дышать, жить, сгарать! Нашу страсть зажгли, не условія, не расчеты общества.... а судьба, непреложная судьба: не пламенемъ этого камня, должна она быть, а молніей котор

жглась въ тебѣ, расплавляетъ самое небо..... Я не могу истребить этихъ похвалъ другому, какъ бы онъ неминуемы ни были..... Оттого я блѣденъ. Я хочу одинъ господствовать въ вашемъ сердцѣ, въ вашихъ мысляхъ; хочу, чтобы вы видѣли только меня, обо мнѣ только думали, говорили.... Я ревнивъ!

— Что жъ она на это? спросилъ я.

— Что она?.... Да такая любовь не могла ей не поправиться! Женщины любятъ ревность.... по-крайней-мѣрѣ до замужства....»

Страстинъ взглянулъ на часы.

— Все-еще сорокъ минутъ! Глупѣйшіе часы!..... въ медленно тянутся!

— Что тебѣ за охота мучить себя, возразилъ я: женись на своей Лучовой, и дѣло съ концомъ: тогда не уйдешь зависѣть отъ часовъ.

— Женись! вскричалъ Страстинъ, какъ бы пораженный тягостною мыслію: женись! Это легко сказать!....

Онъ задумался, и, изнемогая подъ бременемъ мыслей, опустился на диванъ. Водворилось глубокое молчаніе. Я не смѣлъ нарушать его нескромными вопросами.

Спустя нѣсколько времени, мы отправились къ Лучовой. Они жили по-близости.

Дорогою, Страстинъ восхищался всѣмъ, на чемъ только останавливалось его вниманіе. «Посмотри, говоритъ онъ мнѣ, какъ привѣтливо горятъ эти звѣзды. Они блестятъ какъ тѣ дорогія мысли, которыя ведутъ насъ къ блаженству. А эти прохожіе!.... какъ весело идутъ они!... какъ услужливо присвѣчиваютъ имъ улыбаясь фонари!.... Они, тоже, спѣшатъ къ своимъ кумирамъ..... О! любовь разлита по вселенной, какъ солнечный свѣтъ, и ея теплотою созрѣваетъ чашка какъ плодъ дерева отъ солнечной теплоты».

— Ты, я думаю, уже совершенно созрѣла, вообразилась ли счастлива та, которая проглотить такой вкуснаго плода....

— Я постигъ тайну міра, продолжалъ мой восторженный другъ : но не могу ея выразить словами. Людямъ бы не поняли! Если бы я сталъ ее высказать звуками смертнаго языка, созерцаніе мое распалось бы передо мною. Оно выше земныхъ выраженій. Эта тайна, мой другъ, эта тайна — вся въ любви! Всеобщая любовь, любовь, которая отъ звѣздъ до этой земли проникаетъ все пространство, весь созданный міръ... Нѣтъ, я не могу говорить!.... Древніе Скандинавы наши предки Руссы... и вотъ эти неоворотливые чихонцы, которые такъ бессмысленно теперь много не проходятъ.... эти люди жарили некогда въ великую идею.... въ идею, что есть еще несозданные міры... созданные міры!.... это — міры, въ которыхъ любовь еще не проявлялась!.... которыхъ хаосъ еще оно не зиревался отъ ея чудеснаго дѣйствія : этой безладности и грубой матеріи она еще не разложила на любовь, начала, не согрѣла, не устроила; не облекла ее пополамъ ея красотою и скромностью, другой силой желаніемъ.... Понимаешь ли ты меня, мой другъ?

— Охъ, братъ, какую ты изволишь гордиться, сказалъ я ему. Пожалуйста, будь остороженъ съ твоими гимнами : тебя, право, сочтутъ за съумасшедшаго.... важность, что ты влюбился! Любилъ бы про себя, подъ прикрытіемъ мазурки объяснился бы тихонько. Чего нельзя выразить подъ звуки Целлюльознаго вальца? Зачѣмъ поднимать всѣ міры, созданные, а не созданные? Не знаю какъ въ несозданныхъ мірахъ; но въ этомъ, созданномъ, съ нашими счастливыми барышнями, дѣло улаживается очень просто, легко, какъ бы онѣ прекрасно созданы ни были.

Страстишь не говорилъ болѣе со мной ни слова.

Теперь позвольте мнѣ, княгиня, познакомить васъ съ семействомъ Лучова.

Старикъ былъ человекъ аккуратный, самыхъ чистыхъ правилъ, съ глубокимъ практическимъ умомъ. У него были, жена, добрая и кроткая женщина среднихъ лѣтъ, и двѣ дочери отъ перваго брака. Объ одной изъ дочерей я здѣсь не стану говорить; но другая, старшая, была очаровательная блондинка, со вздернутымъ носикомъ, съ чудесною таліей, съ ручкою и ножкою, какихъ я не видалъ ни въ одномъ морѣ. При входѣ на балъ, младшая Лучова, обыкновенно держалась за своей пышной сестрою, словно на буксирѣ, за что мы ее и прозвали люгеромъ. Заключу тѣмъ, что мы, какъ веселые и веселые люди, были всегда кстатѣ въ атомъ домѣ и всегда встрѣчали въ немъ особенную привѣзливость; притомъ же, мой другъ Страстинъ приходился дальнимъ родственникомъ Лучову.

Но, въ этотъ разъ, семейство Лучова было взволновано нашимъ приходомъ. Хозяинъ поздоровался съ нами довольно сухо, спросилъ о погодѣ, и, передавъ мнѣ карты, отправился на свою половину. Хозяйка измѣнилась, краснѣла, безпрестанно озиралась на своихъ надчерницъ, поправляла шаль и подвязывала ленты своего чепчина самымъ злобнымъ образомъ, какъ будто готовилась на abordажъ. Страстинъ, наблюдаемый во всѣ трубы какъ подозрительное судно, кое о чемъ помалчивалъ со старшею дочерью, съ своей прекрасною Еленою.

При такомъ неудобномъ положеніи дѣла, Елена сѣла за фортепіано. Это было единственное средство къ развлеченію. Страстинъ сталъ возлѣ нея, подѣлъ предлогомъ музыки при оборачиваніи листовъ потной тетради. Слѣдствовало достопамятное объясненіе en ut mineur : въ разговорѣ Елены, безсвязной, но чрезвычайно одушевленной, выразилось волненіе сердца, сдавленнаго грустью.

То были вздохи, то было отчаяніе. Эти звуки, выстраданные сердцемъ, говорили о чемъ-то тяжкомъ; они, казалося, содрогались сами, служили отголоскомъ громамъ бури душевной.

— Зачѣмъ мы узнали другъ друга! сказала Елена.

Изъ звуки ея наполнились стономъ, задрожали страстью, какъ дрожатъ слезы на рѣсницахъ глазъ, которые въ послѣдній разъ смотрять на любимый предметъ.

— Вы спрашиваете, зачѣмъ мы узнали другъ друга? повторилъ Страстинъ. Вы спрашиваете меня объ этомъ въ то время, когда мы, обновленные любовію, вступили въ жизнь, исполненную упоеній?

Елена нѣжно взглянула на возлюбленнаго и распала свое сердце восхитительными звуками: какіе-то гимны потекли въ воздухъ, какіе-то огни носились въ немъ, освѣщая сердце печальнаго, дрожащаго Страстина, тѣмъ страшнымъ, таинственнымъ блескомъ, какимъ освѣщено разрушеніе Помпеи въ картинѣ Брюллова.

— Вы говорите, зачѣмъ мы узнали другъ друга? повторилъ онъ еще разъ.

Елена не отвѣчала, но ея звуки вдругъ превратились въ вопль, въ страданія, въ затмѣніе мысли, во мракъ душевнаго хаоса, въ которомъ затерялись и будущее и надежды, и изъ глубины котораго бѣдная дѣвушка со стономъ вымаливала у судьбы скудное подаваніе надеждою и будущимъ.

Она наконецъ заплакала.

— Вы плачете? съ отчаяніемъ спросилъ Страстинъ. Откройтесь, умоляю васъ! Неужели откровенность огорчитъ васъ болѣе?

— Она убьетъ..... да, убьетъ меня! Но я все-таки должна открыться.... Ахъ! дай мнѣ еще пожить, позволь насладиться мечтою, пострадать одной, и тогда...

— И тогда?... повторилъ онъ.

Елену вдругъ позвали къ отцу.

Лучовъ былъ въ своемъ кабинетъ. Онъ сидѣлъ въ креслахъ, погруженный въ глубокую задумчивость. Свѣтлое лицо старика затемнялось печалью; широкая грудь его волновалась отъ неровнаго дыханія.

Медленно вошла Елена, блѣдная, трепещущая. Она смотрѣла во всѣ стороны, какъ-бы желая найти podporу, и взоръ ея остановился на образъ Спасителя: она старалась въ страданіяхъ Бога-человѣка почерпнуть твердость для себя.

— Подойди ко мнѣ, дочь моя любезная, произнесъ Лучовъ кроткимъ голосомъ.

Взявъ ее за руку, онъ пристально посмотрѣлъ ей въ глаза. Елена хотѣла скрыть свое смущеніе отъ наблюдательнаго взору отца, и взглядывала на него со всемъ страданіемъ отчаянія.

— Бѣдненькая! сказалъ отецъ: какъ ты переѣнилась! Даже не можешь смотрѣть на меня! Между нами воздвиглась преграда: а я въ твоёмъ взорѣ привыкъ всегда видѣть мое возрожденіе!

— Папенька!... воскликнула дѣвушка, оперлась на плечо старика и заплакала.

— Ты совершенно измѣнилась: ты чуждаешься меня!... (Голосъ старика слабѣлъ.) Ты сдѣлалась печальною, похудѣла, поблѣднѣла: ты теперь далеко не такъ хороша; ты не прежняя моя красавица Елена.

— Зачѣмъ мнѣ теперь красота? говорила она сквозь слезы. Кчему мнѣ все на свѣтъ? Могу ли я на что-нибудь надѣяться, о чемъ-нибудь думать?

— Неужели для тебя родители стали посторонними? неужели ты хочешь отравить, убить ихъ, на старости лѣтъ? неужели ты не въ состояніи ничѣмъ пожертвовать имъ?

— Нѣтъ! нѣтъ! я не отравлю вашей старости. (И она нѣжно поцѣловала отца.) Всѣмъ, всѣмъ готова я

пожертвовать! Но дайте мнѣ время приучить свое сердце къ притворству, усовершенствоваться въ жестокомъ искусствѣ улыбною прикрывать страданія. Дайте время приучить сердце къ счету часовъ, къ требованіямъ разсудка.... Ахъ! смерть, смерть!....

— Боже всемогущій! вскричалъ старикъ трогательнымъ голосомъ : зачѣмъ позволилъ Ты мнѣ дожить до того ужаснаго времени, что любимая дочь желаніемъ смерти готовитъ мнѣ погибель?... Судьба издѣвается надъ сѣдинами старика, изъ главы семейства дѣлаетъ меня слабымъ ребенкомъ, лишеннымъ власти надъ другими и уваженія къ самому себѣ....

— Папенька! любезный папенька! говорила Елена, рыдая и бросаясь передъ нимъ на колѣна : все, все сдѣлаю! все перенесу безъ ропоту!.... но теперь мнѣ тяжело.... охъ! тяжело... въ эту минуту!

— Другъ мой, ктѣ не испыталъ сердечныхъ потерь? Мы не проклинать должны нашу судьбу, но повиноваться ей непреложнымъ велѣніямъ.

— Я повинуюсь.

— Хочешь, я самъ поговорю со Страстинымъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, не нужно! Пусть онъ узнаетъ отъ меня, что надъ нами обоими разразился ударъ судьбы.

Она зарыдала и опустила голову на колѣна старика.

— Если бы была возможность помочь вашей истинной любви, я первый благословилъ бы ее: я такъ люблю и уважаю Страстина!... Онъ — молодой человекъ съ замѣчательными талантами; въ немъ все обнаруживаетъ высокое назначеніе.

— И съ прекраснымъ сердцемъ, простонала двушка. Какъ онъ любитъ меня!....

Она еще больше зарыдала.

— Для него готовится много въ будущемъ. Его ожидаютъ блестящая карьера, отличія, слава....

— Никто же раздѣлитъ съ нимъ эту славу? Не я уже буду лгать его на пути жизни!.... И, скрестивъ руки, она подняла глаза къ небу и произнесла : Боже! навлутствуй его твоимъ благословеніемъ!

— Я почелъ бы за счастье назвать Страстина своимъ сыномъ, если бы онъ не былъ такъ молодъ; если бы....

— Развѣ сердце спрашиваетъ счету у времени? Развѣ оно живетъ по днямъ, зрѣетъ съ окончаніемъ лѣтъ?

— Мой другъ, я тебѣ уже говорилъ, что между мужемъ и женою должна быть разница въ лѣтахъ; а ты старше его. Черезъ десять лѣтъ ты состарѣешься, между-тѣмъ какъ онъ только-что расцвѣтетъ.

— Зачѣмъ же мнѣ десять лѣтъ?.... Я не требую такъ долго жить, быть такъ долго счастливой. Я хочу подарить ему одну только юность мою, и умру въ цвѣтъ лѣтъ, чтобы навсегда остаться цвѣтушею въ его памяти, чтобы по смерти быть его ангеломъ-хранителемъ, ограждать и стеречь его счастье предчувствіями. Я уже обдумала это, и мое рѣшеніе непоколебимо : при первыхъ признакахъ старости... я... умру... мгновенною смертью предупрежу первую мою морщину, не смущу его яснаго лѣта унылымъ видомъ моей осени.... О! я умру непременно!

— Чтѣ ты говоришь, мой другъ? вскричалъ испуганный отецъ. Ты хочешь убить себя и меня вмѣстѣ?.... Положимъ, что я не доживу до этой страшной минуты.... ребенокъ! мечтательница!... должна ли ты желать смерти прежде своего мужа? Я самъ испыталъ потерю твоей матери, моей первой жены. (Онъ заплакалъ.) О Боже, Боже! зачѣмъ лишилъ ты меня моего счастья и сдѣлалъ несчастными дѣтей моихъ?.... Нѣтъ, нѣтъ! молись дочь моя, чтобы никто не испытывалъ такой тяжкой потери. Можешь ли спокойно подумать о томъ, что дѣти, которыхъ Богъ вамъ дастъ, останутся послѣ тебя сиротами?... ты сама знаешь сиротство!....

сиротами единственно за то, что мать, ослѣпленная страстью, не хотѣла пережить своей красоты?... Черезъ нѣсколько лѣтъ, среди хлопотъ семейной жизни, которыхъ нельзя предоставить ни какой преемницѣ, ты однако жъ съ ужасомъ замѣтишь огромную разницу между тобою и мужемъ, и сдѣлаешься жертвою его развѣтой красоты, его непостоянства....

— Ахъ!.... простонала она, и, закрывъ глаза руками, положила голову на плечо отца.

— Теперь, ты предметъ его первой любви. Но можетъ ли онъ, обладая преимуществами молодости, не подпасть подъ обольщенія, тогда когда ты будешь отцвѣтатъ?

— Это ужасно!

— Прійдетъ ревность, ужаснѣйшее изъ мученій ада, могила согласія и взаимнаго довѣрїя на землѣ. Ваше счастье, ваша любовь, будутъ разрушены окончательно. Ты сдѣлаешься ему ненавистною и погибнешь ничтожно, даже безъ самоотверженія, безъ того великодушнаго пожертвованія собою, о которомъ теперь мечтаешь.... Ты не переживешь его *измѣны!*

Смертельный холодъ окостенилъ все тѣло несчастной Елены. Отецъ продолжалъ :

— Ты уже не дитя, и должна покорять чувства разсудку. Припомни все, что я тебѣ говорилъ въ продолженіи двухъ дней; тебя уговариваетъ, не гнѣвъ, а любовь отца.

Долго еще, послѣ этихъ словъ, оставались они въ кабинетѣ. Наконецъ Елена, блѣдная какъ смерть, вошла въ гостиную. Посинѣвшія губы ея дрожали, не производя звука; впалые глаза дико блуждали по освѣщенной комнатѣ.

— Что съ вами? спросилъ испуганный Страстищевъ; вы не замѣчаете меня?

Онъ послѣдовалъ за нею въ другую комнату.

— Елена! не общались ли вы дѣлать всё чувства?...

Облокотясь на этажерку, она слушала и не отвѣчала. Дыханіе сперлось въ ея груди; каждая фибра лица выражала страданіе; слезы текли изъ глазъ, но она ихъ не чувствовала. Страстинъ смотрѣлъ на нее всё тѣмъ же пламеннымъ любовникомъ.

— Скажите мнѣ, Елена... скажи, другъ души моей, что это значитъ?... что случилось?... Я сегодня ничего не понимаю въ этомъ домѣ, начиная съ тебя. Ты была такъ счастлива моею любовью!.... ты говорила, что будешь всегда счастлива ею: развѣ я тебѣ измѣнилъ?

— Александръ!... произнесла она такимъ пронзающимъ голосомъ, что тотъ невольно вздрогнулъ. — Александръ!.... повторила она съ глубокимъ чувствомъ, какъ-бы сзывая этимъ словомъ всё мечты прошедшаго.

Сердце страшно призабилося у Страстина. Тучи мрачныхъ предчувствій заволокли горизонтъ его счастья. Онъ поблѣднѣлъ и дрожащею рукою старался взять холодную руку Елены. Она тихо отняла ее у него.

— Чѣмъ кончится наша страсть? спросила она слабымъ голосомъ, и едва не лишилась чувствъ.

— Чѣмъ кончится наша страсть? повторилъ восторженный молодой любовникъ, сверкая глазами. Развѣ конецъ міра?... развѣ уничтожается время и вѣчность?... Елена! вы меня спрашиваете о концѣ, когда мы только-что вступаемъ въ новое бытіе и наши души обмѣнялись первыми чувствами и мыслями, сливаясь въ одну мечту о земномъ блаженствѣ, въ одно безконечное желаніе?....

— Ахъ! сказала печальная дѣвушка, и взвела глаза къ небу, между-тѣмъ какъ ея губы лепетали: — Боже, Боже! спаси, подкрѣпи меня! — Вы мнѣ обѣщали... вы говорили мнѣ, что въ состояніи всѣмъ для меня пожертвовать.

— Пожертвовать?... Какой нужно жертвы? Хотите ли моей жизни?... Она ваша.

— Мы должны разстаться! Мы почти равныхъ лѣтъ ... я старше васъ.... и мы не можемъ принадлежать другъ другу.

Эти слова дѣлили ее со Страстинымъ на всю вѣчность : послѣ нихъ уже не было возврата; эти роковыя слова, казалось, оторвались отъ ея сердца вмѣстѣ съ жизнью. Она упала въ кресла, стоявшія подлѣ этажерки. Страстинъ вспрыгнулъ съ своего мѣста какъ левъ.

— Разстаться?... разстаться?... повторялъ онъ въ себя. Какъ, разстаться?... Душа съ тѣломъ можетъ разстаться : разлука ихъ — смерть. Но два сердца, изъ которыхъ брызжетъ одна жизнь, одно желаніе, одна надежда.... нѣтъ, они не расстаются! Не расстаются двѣ звезды, которыя рука Творца связала одною силою и бросила въ пространство вселенной по одному направленію!.... Двѣ волны, бѣгущія въ морѣ сряду, не расстаются по желанію человѣка : та, которую хотятъ оттолкнуть, ломаетъ всѣ преграды, и обѣ погибаютъ вмѣстѣ у одного берегу!...

Юный морякъ долго говорилъ съ такимъ же жаромъ, дико озираясь во всѣ стороны. Онъ быстро ходилъ по комнатѣ, и тѣрѣ рукою свой широкій лобъ, какъ-бы сглаживая мысли. Лицо у него горѣло, руки судорожно сжимались, волосы становились дыбомъ, поднятыя брови почти скрестились. Наконецъ выкатившіеся глаза Страстина остановились на Еленѣ. Она рыдала. Почувствовавъ на своемъ лицѣ его жгучій взглядъ, она собралась съ силами, встала и подошла къ нему.

— Прощай, Александръ! сказала она, и упала наземь безъ чувствъ.

Въ цѣломъ домѣ поднялась тревога. Всѣ засуетились около Елены. Она долго казалась бездыханною. Мраморное лицо ея было совершенно неподвижное, и уже нескоро появились около рта первыя судорожныя

движенія : она старалась, какъ-будто изъ дна могилы, еще разъ произнести ужасное слово — про.....щай!.....

Я, во все это время, находилъ я тогда Страстину и звалъ его домой, но голосъ дружбы не могъ воскресить убитого громомъ любовной разлуки.

Наконецъ онъ поднялъ голову и сталъ всматриваться въ часы, стоявшіе на консоли камина. Нѣсколько времени онъ бессмысленно слѣдовалъ за невидимымъ ходомъ стрѣлки, потомъ закрылъ глаза, и, въ этомъ внутреннемъ мракѣ, однообразные удары маятника страшно отражались въ его груди, совпадая съ ударами изволнованнаго сердца. « Все кончено! произнесъ онъ глухимъ голосомъ: прощай, прощай, вся моя будущность! » Страшно было смѣрять на него. Въ его лицѣ, не оставалось ни одной свѣтлой черты, ни слѣда его всегдашней красоты.

Я его вывелъ изъ этого дому.

На улицѣ, онъ бѣжалъ, промывая несвязныя слова, наконецъ остановился, схватилъ меня за руку, и сказалъ: — Вѣтеръ и дождь!.... какъ скоро все въ мірѣ измѣняется, на погибель человека! — Лицо его освѣщалось въ ту минуту дрожащимъ мерцаніемъ потухающаго фонаря. Оно было все изрыто морщинами : онъ показался мнѣ грознымъ духомъ, стерегущимъ свою могилу, однимъ изъ тѣхъ страшныхъ призраковъ, которыхъ младенческое воображеніе народовъ навсегда приковало къ землѣ, въ память событій, завѣщанныхъ преданіями.

Душевныхъ страданій, княгиня, нельзя прописать тамъ же буквами, какими изображаемъ мы всѣ прочія слова. Я думаю, что Китайцы совершенно правы, выражая страданіе особеннымъ іероглифомъ, изломаннымъ, переломаннымъ, темнымъ, составленнымъ изъ тысячи острыхъ гвездей въ различныхъ положеніяхъ : глядя на него, самъ страдаешь !

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Съ новой главой я долженъ вывести на сцену новое лицо, Кузьму Петровича Пентюшкина, степнаго помещика по имѣнію, нравамъ и образованію. Его всѣ знали въ городѣ, и всѣ издали узнавали его по низкому росту, боченковатой периферіи, круглому, жирному, лоснящемуся лицу, въ которомъ разительнo проявлялась смѣсь луны съ голландскимъ сыромъ, по кудрявымъ волосамъ и широкимъ брюкамъ съ карманами, въ которые носѣ Пентюшкинъ клалъ всегда руки во время своихъ душевныхъ страданій, когда ему наканунѣ убили четыре одинаковыя карты сряду!

Кузьма Петровичъ Пентюшкинъ важное лицо въ моемъ разсказѣ. Онъ жилъ открыто, принималъ много гостей, и самъ вездѣ былъ принятъ. Къ нему можно было привести всѣхъ и cadaго, и всякой могъ у него дѣлать все, что угодно.

Исторія жизни Кузьмы Петровича весьма проста. Онъ родился въ степи, подъ созвѣздіемъ Быка, веснитывался вмѣстѣ съ баранами, и процвѣталъ въ то отдаленное время, когда люди еще играли въ банкъ. Въ его домъ всегда былъ огромный банкъ. Играли шибко. Пили безошадно. Со времени учрежденія экзаменовъ для чиновниковъ, онъ отказался отъ всякаго честолюбія и рѣшился жить и умереть въ четырнадцатомъ классѣ. Одну только науку онъ зналъ въ совершенствѣ, карты, и ею приобрьлъ большую извѣстность: есть люди, которые и донынѣ отъзываются съ глубокимъ уваженіемъ объ его познаніяхъ по этому предмету. И дѣйствительно, Пентюшкинъ, при жизни пользовался во многихъ обществахъ особеннаго роду авторитетомъ, который придавалъ ему необыкновенную важность и даже возбуждалъ зависть въ посред-

ственностяхъ : всѣ сомнительные казусы, всѣ спорные случаи, въ какой бы то ни было игрѣ, торжественно и согласно представлялись на его благоусмотрѣніе, и какъ рѣшалъ Кузьма Петровичъ, тому рѣшенію никто не смѣлъ прекословить. Остальная біографія Пентюшкина недовольно ясна. Утверждаютъ, будто онъ, еще въ юныхъ лѣтахъ, женился на Палагѣ Петровнѣ, женщицѣ безъ воспитанія, которая была десятию годами старше, но тремя стами душами богаче его, и заточилъ свою супругу въ деревнѣ, позволяя ей пріѣзжать къ себѣ только на масляницу, съ наливками, вареніями и солеными грибами. Былъ нѣжнымъ отцомъ. Болея женою. Самъ рѣдко металъ банкъ. Слылъ богачомъ. Умеръ въ нищетѣ.

Я имѣлъ рѣшительную антипатію къ картамъ, однако жъ иногда посѣщалъ этотъ домъ или, какъ весьма удачно Англичане называютъ такіе дома, этотъ *адъ*, — не для себя, — а для моего друга, Страстина. Любовь бываетъ источникомъ, и самыхъ возвышенныхъ подвиговъ, и самыхъ постыдныхъ паденій. Отвергнутая любовь сдѣлала Страстина игрокомъ.

Столъ былъ заваленъ кучами ассигнацій и золота, и окруженъ соборомъ зловѣщихъ фигуръ съ блѣдными лицами, жадными глазами. Погребальное молчаніе царствовало на этомъ базарѣ гнуснѣйшихъ страстей. Нѣсколько человекъ уже разорилось. Страстинъ позтировалъ.

— Транспортъ на десять кушей и пять тысячъ мазо! сказалъ онъ.

— Зачѣмъ вы увеличиваете кушъ? прошепталъ низенькій человекъ, тайный сообщникъ банкюмета, дѣйствовавшій по его инструкціи. Послали бы на пѣ. Въдъ вы и такъ несчастливо играете: у васъ, кажется, передъ этимъ, убили десять картъ сряду.

— Чтò вы учите? закричалъ банкюметъ, принимая

на себя грозный видъ. Вамъ какое дѣло? Всякой играетъ какъ ему хочется : я брошу карты....

При словахъ «брошу карты», поднялся общій ропотъ между проигравшими поэтерами : все напали на извѣстнаго человѣка, который скрылся въ другую комнату.

— Экъ! ворчалъ банкOMETъ : самъ не играетъ, а во все вмешивается! Видно нѣтъ денегъ, что другихъ учить нищиться.... У васъ что идетъ?

— Пять рублей, отвѣчалъ одинъ молодой поэтёръ.

Банкометъ посмотрѣлъ на него съ улыбкою, напоминающею о нищенствѣ. Молодой поэтёръ къ числу пять приписалъ нуль, и кушъ возросъ до пятидесяти.

Талія кончилась.

— Да! сказалъ банкOMETъ, обращаясь къ Страстину: вы очень несчастливы. Впрочемъ, кто несчастливъ въ картахъ, всегда счастливъ въ другомъ.... Теперь за вами ровно десять тысячъ. Вы, кажется, прежде вынимали билетъ на эту сумму?

Страстинъ безмолвно раскрылъ свой бумажникъ.

— Я вамъ удивляюсь, продолжалъ банкOMETъ, заглядывая въ портфель Страстина: сколько времени, какъ вы всякой день проигрываете, и все это съ такимъ расчетомъ, съ такимъ непостижимымъ хладнокровіемъ!... На вашемъ мѣстѣ, я всегда поэтировалъ бы: въ одинъ счастливый вечеръ вы можете, не только отыграться, но и разорить огромнѣйшій банкъ. Признаюсь, хладнокровія, подобнаго вашему, я никогда не встрѣчалъ!

Страстинъ вспыхнулъ. Онъ грозно посмотрѣлъ на банкOMETа, съ своей обыкновенною пылкостью разстегнулъ жилетъ, рванулъ запки, и показалъ присутствующимъ исцарапанную, избитую грудь.

Всѣ игроки ахнули.

— Вотъ каково мое хладнокровіе! вскричалъ Страстинъ. Я равнодушенъ здѣсь, между вами, въ виду этихъ презрѣнныхъ денегъ... Здѣсь не унижусь я и до измѣненія въ лицѣ. Но вотъ гдѣ кроваво вычерчиваютъ ся мои чувства!....

И онъ отошелъ, отъ стола.

— Другъ! сказалъ я: полно!.... полно!.... уйдемъ изъ этого ужаснаго собранія.

— И всё проигрываю на даму! говорилъ онъ, не слушая меня. О! Елена!.... дорого ты мнѣ стоишь!... Въ лучахъ твоей любви, я былъ чистъ какъ ангелъ, а теперь, лишенный ея свѣту, я сдѣлался демономъ, блуждаю въ мракъ страстей. Нѣтъ этихъ лучей!.... такъ пусть же адской пламень освѣщаетъ меня!

— Опомнись, Страстинъ! сказалъ я.

— Все или ничего! отвѣчалъ онъ сильнымъ голосомъ. Нѣтъ середины!... жребій брошенъ. У меня еще осталась небольшая сумма изъ бывшаго значительнаго капитала: или выиграю на нее огромное богатство и утоную въ золотѣ, растопленномъ страстями, или сдѣлаюсь нищимъ и трудами буду врачевать свои сердечныя раны.

Я началъ серіозно уговаривать его.

— Вы могли вытащить меня изъ воды, вскричалъ раздраженный Страстинъ: это могли вы сдѣлать.... въ надеждѣ, быть-можетъ, получить награду за спасеніе чловѣка. Но прошу васъ не мѣшать мнѣ играть до тѣхъ поръ, пока у меня еще будетъ нѣсколько рублей.

Какъ ни любилъ я Страстину, но эта грубая выходка неблагодарнаго друга неприятно поразила меня. Оскорбленный и растревоженный, я отправился въ комнату мадамъ Пентюшкиной, — потому что это было за насляницъ.

Я встрѣтилъ ее въ дверяхъ. Она держала въ рукахъ какую-то банку.

— Ахъ!... здоровы ли вы? вскричала она своимъ степнымъ голосомъ. Вотъ уже круглый годъ какъ мы не видались! Милости просимъ!.... благодарю, что вспомнили обо мнѣ!.... А я въ такихъ хлопотахъ!.... ко мнѣ вѣрѣхала дочь Павла Павловича Лучова, сосѣда нашего по деревнѣ. Прекрасная дѣвица!... Я хочу показать ей мои соленые грибки.... Вотъ бы вамъ познакомиться съ нею!.... Насилу нашла одну банку.... А право, невѣста хоть куда!.... Привезла-то я три пуда, да Кузьма Петровичъ уже изволилъ все выкупать съ своей ватагой.... Она сдѣлала мнѣ честь своимъ посѣщеніемъ.... Милости просимъ!

«Елена здѣсь? въ этомъ домѣ?» съ удивленіемъ спросилъ я самого себя, и, признаюсь, не вѣрилъ словамъ Палагеи Петровны, пока, войдя въ гостиную, собственными глазами не увидѣлъ Лучовой. При моемъ появленіи, радостная улыбка блеснула на ея лицѣ. Виновница всѣхъ несчастій моего друга, та, съ чьимъ именемъ были обвиняемы всѣ его страданія, сіяла всеми прелестями прежней красоты своей. Разлука, казалось, не произвела въ нихъ ни какаго опустошенія. Мнѣ досадно стало видѣть ее такою красавицей, и я поклонился съ холодною утчивостью. Неудовольствіе мое на то, что она не сдѣлалась скелетомъ, страшилищемъ, привидѣніемъ, было такъ велико, что я прямо завелъ разговоръ о погодѣ.

Вслѣдъ за этимъ вбѣжала Палагея Петровна съ банкою въ рукѣ, и завертѣлась трещоткою, рассказывая, какъ образъ должно солить и сберегать на зиму грибки:

— Вотъ, изволите видѣть, Елена Ивановна: надо приказать набрать молоденькихъ, самыхъ-таки молоденькихъ грибковъ....

— (Давно не имѣли мы удовольствія васъ видѣть въ нашемъ домѣ, сказала Лучова, непримѣтно обращаясь ко мнѣ и въ то же время показывая видъ, будто очень внимательно слушаетъ Палагею Петровну.)

(Я отвѣчалъ : — Теперь я такъ занятъ !... Человѣкъ когда рабъ обстоятельствъ.)

— Всего лучше , продолжала Палагея Петровна , собирать грибки для этого поутру , пока еще роса не сохнѣла обсохла....

— (Неужели васъ такъ связываютъ занятія , что вы не можете удѣлать нѣсколько минутъ старому знакомству?)

— (Ежели вамъ угодно считать это преступленіемъ , то заранѣе прошу опредѣлить очистительное наказаніе.)

— Потомъ надо обрѣзать всѣ кончики , обмыть грибки водою , и высушить ихъ на воздухъ . Прежде ставили ихъ у меня въ теплую печь , но послѣ-того я убѣдилась , что гораздо лучше....

— (Наказаніе?... Это слово не существуетъ для васъ въ моемъ словарѣ.)

— (Но я совершенно покоряюсь вашей волѣ . Однако жъ я надѣюсь , что вы будете со мною милосивѣе....)

— (Нежели съ кѣмъ?)

— (Я говорю безъ сравненій.)

— Ну, нѣтъ ни какого сравненія ! Въ печи грибки тотчасъ вянутъ и когда ихъ посолишь , то они коробятся и тотчасъ начинаютъ портиться....

— (Вы сказали однако жъ , милостивѣе.)

— (Милостивѣе нежели съ кѣмъ бы то ни было . Съ малюгаго времени , я каждый день пробуждаюсь мыслью предвѣдно побывать у васъ , и засыпаю съ раскаяніемъ , что не могъ выполнить моего обѣта . Но теперь

судьба выручила меня : я васъ увидѣлъ совсѣмъ неожиданно. Теперь...)

— Теперь, продолжала хозяйка, прикажите подать кастрюлю, положите по-больше.... не скупаясь.... положите соли, налейте воды и вскипятите.

— Вы говорите, Палагея Петровна, сказала Лучова, желая вдругъ доказать почтенной провинціалкѣ свою внимательность къ ея интересному разсказу : вы говорите, что нужно положить соли.... для чего же это ?

— Какъ, для чего ?.... Да какъ же вы хотите солить грибки безъ соли ?..... Ахъ, Елена Ивановна !..... ха, ха, ха !.... ну, ужъ правду сказать, здѣшнее модное воспитаніе !.... Не быть вамъ хозяйкою, Елена Ивановна !

— Отчего же вы, Палагея Петровна, такого невыгоднаго мнѣнія обо мнѣ ?.... Конечно, теперь я плохая хозяйка ; но со-временемъ... Я вообще чрезвычайно люблю хозяйство.... и желала бы поучиться у васъ.... То, что вы говорите, очень любопытно, очень занимательно. Пожалуйста, продолжайте !.... Надобно сперва положить соли....

— И налить воды, присовокупила Палагея Петровна. Потомъ прикажите, Елена Ивановна, вскипятить.

— А сколько минутъ надо кипятить ? спросила Лучова.

— Въ деревнѣ, Елена Ивановна, мы не считаемъ минутами, отвѣчала мадамъ Пентюшкина : у меня и часы круглый годъ не заведены ! Вотъ, какъ Кузьма Петровичъ заведетъ ихъ здѣсь на первой недѣлѣ поста, отпуская меня въ деревню, такъ они и идутъ верстъ двести отсюда, а тамъ и остановятся.... Богъ съ ними. Надо кипятить, такъ, четыре чудочныя спички, минута пять....

— (Вы, какъ я вижу, рѣшительно собираетесь солить грибки, сказалъ я въ полголоса Лучовой.)

— (Въ обществѣ нельзя быть невнимательной, отвѣчала она.)

— (Какая печальная роль!)

— (Все зависитъ отъ привычки....) — Тереза Карловна! продолжала Лучова обращаясь къ своей старой гувернанткѣ, которой до того времени я, признаться, не замѣтилъ на диванѣ: сдѣлайте одолженіе, Тереза Карловна, слушайте со вниманіемъ Палагею Петровну и старайтесь не забыть ни одного обстоятельства. Какъ-скоро наступитъ весна, мы съ вами пойдѣмъ на дачу въ лѣсъ собирать грибки и будемъ солить.

Лучова, такимъ образомъ, очень искусно передала свою гувернантку въ жертву Палагеѣ Петровнѣ. Мы освободились отъ ея теоріи соленія грибковъ. Провинциалка тотчасъ обратилась съ банкою къ старой Нвмкѣ, плохо понимавшей по-русски, и принялась излагать ей съ самаго начала всѣ подробности своего процесса. Лучова сперва взглянула на меня съ коварною улыбкою, потомъ вдругъ призадумалась, вздохнула и продолжала:

— Да! ко всему можно привыкнуть!....

— Даже и къ страданіямъ, присовокупилъ я.

— Изъ вашихъ словъ, отвѣчала она чуть внятнымъ голосомъ, должно заключать, что вы уже знакомы со страданіями. Ктѣ былъ ихъ причиною?

— Страстинъ, сказалъ я.

Она едва усидѣла въ креслахъ.

— Первый человекъ, котораго я искренно полюбилъ, былъ Страстинъ. Онъ вполнѣ заслуживалъ моей привязанности. Я счастливъ былъ его счастіемъ, надѣялся на его надежду; теперь онъ страдаетъ, и я страдаю. Кромѣ меня, забыли несчастнаго: когда онъ, въ отчаяніи, призывалъ смерть, бросался въ воду, другіе, которые клялись украсить цвѣтами сердца существованіе, предавались привычному упо-

нiямъ радости , изъ одного бала переносились на другой....

— Что же я могла сдѣлать? съ живостью возразила Елена. Вы были нашимъ общимъ повѣреннымъ; вы все знаете : не должна ли я была невиноваться вольт родителя?

— Такъ вы его не забыли?

— Можно ли забыть..... (Она вздохнула)..... того, кому однажды мы отдали наше сердце?.... Можно ли забыть ... Зачѣмъ же я прiѣхала въ этотъ домъ? Мадамъ и москѣ Пентюшкины сдѣлали на прошедшей недѣль свой годичный визитъ моимъ родителямъ по праву деревенскихъ сосѣдей. Папенька не можетъ самъ отвѣчать имъ учтивостью за учтивость : онъ боится, чтобы не сказали въ городъ , что его видѣли въ этомъ домъ. Мачиха моя, вы знаете, терпѣть ихъ не можетъ; и притомъ она теперь не выѣзжаетъ. Я вызвалась быть ихъ представительницей на полчаса и прiѣхала сюда съ Терезой Карловной, единственно длятого чтобы... Не подумайте, прошу, что мой прiѣздъ — знакъ уваженiя къ Пентюш..... (Она съ безпокойствомъ оглянулась и, послѣ нѣкотораго молчанiя, продолжала:) Я слышала, что Страстищъ сдѣлался игрокомъ , и посѣщаетъ этотъ ужасный домъ : я пожертвую всѣмъ , чтобы спасти его.... Боже! онъ — игрокъ!....

Она заплакала.

— Успокойтесь..... грибки уже посолены! сказалъ я.

Лучова отерла слезы.

— Это есть совсѣмъ удивительно! говорила Тереза Карловна. И, съ вашимъ позволеньемъ , кто это работала?

— Мои дѣвки въ деревнѣ!

— И окромъ солюмъ тутъ ничего не буилъ?...

— Умоляю васъ, шептала мнѣ Лучова: доставьте мнѣ случай видѣться съ Страстинымъ.

— Со всей готовностью; но не берусь за успѣхъ.

— Такъ онъ уже обо мнѣ не думаетъ? съ горестью сказала она.

Она печально облокотилась на ручку кресла, и я видѣлъ, что въ ней было больше страданій нежели жизни.

— Онъ обожаетъ васъ больше нежели когда-либо. Но Страстинъ такъ отсталъ отъ общества, что трудно будетъ уговорить его перейти въ гостиную хозяйки дому.

— Я васъ уполномочиваю сказать, что для него только одного я рѣшилась сюда прѣхать. Мнѣ непременно нужно поговорить съ нимъ! Я прошу трехъ минутъ свиданія.

Лучова устремила на меня свои черные глаза съ такимъ трогательнымъ выраженіемъ, въ ея взоръ было столько краснорѣчія, въ ея словахъ столько сердечной теплоты, и — что грѣха таить! — она, въ эту минуту, показалась мнѣ такой прекрасною, что я готовъ былъ броситься за нее въ огонь и въ воду, и безпрекословно пошелъ исполнить ея желаніе. Въ дверяхъ гостиной, я столкнулся съ Кузьмою Петровичемъ, который, надѣвъ новый фракъ, съ бѣлымъ платкомъ на шеѣ, спѣшилъ засвидѣтельствовать свое глубочайшее почтеніе Еленѣ Ивановнѣ Лучовой.

— Страстинъ еще играетъ? спросилъ я его.

— Играетъ.... кажется, ему теперь повезло счастье, отвѣчалъ Пентюшкинъ съ смущеннымъ видомъ, но не останавливаясь.

Я вобъжалъ къ игрокамъ. Мой Страстинъ стоялъ въ кругу поэнтѣровъ, которые, уже какъ простые зрители, оставивъ свои карты, наблюдали за его отчаянною игрою. Страшный бой завязался между нимъ и банкометомъ. Страстинъ былъ спокоенъ какимъ-то грознымъ спокойствіемъ. У банкмета тряслись руки: онъ, съ ве-

личайшимъ усилиемъ, выжималъ изъ сухихъ губъ своихъ судорожную улыбку, и походилъ на утопающаго, который, посреди водоворота, идетъ уже ко дну, но держится еще за свою опроминутую лодку.

— Позвольте перемѣнить карты.

— Нѣтъ! отвѣчалъ Страстинъ. Я срѣзалъ.

«Мы погибли!» подумалъ банкометъ, и весь адъ страстей вычертился на его морщиноватомъ лицѣ.

— Это слишкомъ большой кушъ : я не могу бить.

— Я срѣзалъ! грозно отвѣчалъ Страстинъ.

Наступила страшная тишь, предшественница урагановъ. Слышно было, какъ бились сердца у зрителей. Каждой абцугъ отражался въ залъ ударомъ молота по наковальнѣ.

— Вотъ показываются четыре съ боку! сказалъ кто-то дрожащимъ голосомъ.

— Проигралъ! прошептали нѣкоторые.

— Нѣтъ, отвѣчалъ банкометъ, и зубы его шелкали отъ нервическаго сотрясенія. — Это десятка, прибавилъ онъ.

— А вотъ и девятка! торжественно произнесъ Страстинъ, на котораго всѣ съ любопытствомъ посмотрѣли. Теперь пришлите мнѣ деньги. Ваша правда : одинъ счастливый вечеръ....

Страстинъ улыбнулся, и всѣ невольно улыбнулись вмѣстѣ со Страстинымъ. Съ трехъ картъ онъ воротилъ весь свой проигрышъ за нѣсколько мѣсяцовъ, и еще выигралъ почти вдвое. Присутствующіе только односложными восклицаніями выражали ему свое удивленіе : — Славно! — Молодецки! — Лихо!

— Теперь, продолжалъ Страстинъ, обращаясь къ банкомету : вы можете перемѣнить карты.

— Вы продолжаете? спросилъ тотъ.

— Конечно! отвѣчалъ Страстинъ, все или ничего!

— Такъ ужъ послѣ этой талин я вамъ пришлю деньги.

— Нѣтъ, теперь.

— Но вѣдь, вы продолжаете?

— Я хочу теперь!

Банкометъ, съ унылымъ видомъ, началъ отсчитывать сумму пучками ассигнацій. Я никакъ не могъ подойти въ эту минуту къ торжествующему и углубленному въ расчеты Страстину. Кузьма Петровичъ прибѣжалъ изъ гостиной своей супруги, и, съ любопытствомъ шакала, издали смотрѣлъ на этотъ роковой дѣлежъ награбленной добычи. Ударъ былъ слишкомъ тяжелъ для его души: пятьдесятъ тысячъ его собственныхъ денегъ находилось въ этомъ банкѣ, потрясенномъ въ своихъ глубочайшихъ основаніяхъ. Кузьма Петровичъ, съ отчаянія, положилъ руки въ боковые карманы брюкъ. Онъ стоялъ какъ вкопанный. Я подошелъ къ нему.

— Вы не изволите играть? спросилъ онъ меня разсѣянно.

— Нѣтъ, я не играю.

— Вы много проиграли?

— Я вовсе не играю, и не люблю игры.

— Напрасно.... человекъ долженъ всегда испытать свое счастье....

— Мнѣ нужно сказать пару словъ Страстину.

— Теперь нельзя мѣшать ему.

— Его зовутъ къ дамамъ.

— Теперь никакъ нельзя.

— Палагея Петровна прислала меня къ вамъ....

Кузьма Петровичъ не слушалъ меня.

— Палагея Петровна ужасно сердится, продолжалъ я.

Кузьма Петровичъ посмотрѣлъ на меня и съ безпомощнымъ спросилъ:

— Зачтò?

— Она уже второй раз присылает сюда просить Страстина на-минуту въ гостиную, и его не пускаютъ. Чтобы прекратить ея неудовольствіе, я принялъ дѣло на себя и обѣщаль привести его немедленно. Сдѣлайте одолженіе, отзовите его. Палагея Петровна говоритъ, что прійдетъ сама сюда, размѣтаетъ карты по-полу и прогонитъ изъ дому всѣхъ игроковъ.

Кузьма Петровичъ поблѣднѣлъ. Онъ зналъ бурный нравъ своей сунруги, которая вовсе не любила пресловѣія. Не-разъ уже въ жизнь свою разогнала она честную компанію Кузьмы Петровича, когда онъ имѣлъ неосторожность оказать при гостяхъ малѣйшее сопротивленіе ея волѣ. Онъ бросился къ Страстину, передъ которымъ лежала куча ассигнацій, векселей, золота, и на нихъ — четверка. Банкометъ тасовалъ новую колоду картъ.

— Ну, посмотримъ, говорилъ Страстинъ, хороша ли эта четверка?

— Позвольте васъ попросить на пару словъ, сказалъ хозяинъ, взявъ Страстина подъ руку и отводя его отъ стола. Жена моя, Палагея Петровна, препоручила мнѣ убѣдительно просить васъ пожаловать къ ней.

— Извините, я уже второй годъ не хожу къ дамамъ, угрюмо отвѣчалъ мой пріятель.

— Нельзя! таинственно возразилъ Пентюшкинъ: есть важное дѣло!

— Тамъ тебя ожидаетъ Елена, шепнулъ я моему пріятелю, но онъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, посмотрѣлъ на меня въ недоумѣніи и хотѣлъ опять воротиться къ столу.

— Нельзя, Александръ Федоровичъ! повторилъ Пентюшкинъ. Пойдемте! Какъ же иначе одѣваться?... Пожалуйте къ Палагеев Петровѣ, умоляю васъ!

— Ступай, Елена пріѣхала чтобы видѣться съ тобою, присовокупилъ я.

— Покорно васъ благодарю, воскликнулъ Страстинъ, бросаясь обнимать Пентюшнина. Пойдемте! пойдемте скорее!.... я горю нетерпѣннѣе увидѣть Палагею Петровну. О! она ангелъ!

— Куда вы? вскричалъ банкومتъ.

— Я больше не играю, громко отвѣчалъ Страстинъ изъ конца залы. — Василій Ивановичъ! присоветуйнись онъ, обращаясь къ одному изъ поэнтёровъ: соберите, пожалуйста, мои деньги: я больше не играю!

Я увелъ Страстину самъ въ покои Палагеи Петровны, потому что Кузьма Петровичъ внезапно оставилъ насъ въ половинѣ пути: онъ побѣжалъ обратно въ залу разсчитываться съ банкомъ.

Мы были уже почти на порогъ гостиной, какъ вдругъ Страстинъ остановился: держа его подъ-руку, я почувствовалъ, что онъ весь дрожитъ.

— Чтò съ тобою? спросилъ я.

— Мнѣ дурно!

— Не хочешь ли стаканъ воды?... . Вотъ вода на столѣ.

Страстинъ подошелъ къ столу и разомъ проглотилъ стаканъ воды, который я ему налилъ.

— Ты ничего не слышишь? сказалъ онъ.

— Да; тамъ поютъ.

Тамъ, въ самомъ дѣлѣ, пѣла Лучова. Палагея Петровна, — настоящая провинціалка! — осадивъ несчастную своимъ степными учтивостями, предприняла наконецъ формальный приступъ и почти насильно заставила ее сѣсть къ фортеціано и спѣть какой-нибудь романсъ, чтобы имѣть поводъ въ глаза восхищаться ея талантомъ, искусствомъ, талантомъ.

— Эта она поётъ! воскликнулъ Страстинъ: она!.... я своимъ голосомъ свѣваетъ порокъ съ моего сердца, свѣваетъ въ него забытыя чувства! — Эти звуки, пролетая надъ нимъ, воспаменяютъ: эти звуки освѣжаютъ

меня, говорятъ мнѣ счастиемъ, грѣютъ сердце, разносятъ облегченіе, и отъ ихъ обаятельнаго дыханія раны минувшихъ страданій излечиваются. — Тамъ адъ! сказалъ онъ съ жаромъ, показывая въ сторону залы: тамъ, за цѣну золота люди отдають свою совѣсть; тамъ вытряхиваютъ на карты святые чувства, высокія мысли.... Здѣсь земной рай!.... Слышишь?.... она всё-еще поётъ. Пой, пой, чистое созданіе! Вѣйте, вѣйте, чудные звуки, на меня забвеніемъ прошедшихъ несчастій, вызывайте на уста молитву, на глаза слѣзы! Да!... я теперь даже могу плакать!.... (Онъ, точно, плакалъ.) Здорово, слѣзы! Вы, какъ дерево *упасъ*, вбираете весь яд моего сердца; я дѣлаюсь кроткимъ, послушнымъ своей судьбѣ!.... Войдемъ! теперь я очистился и могу видѣть Елену.

Мы вошли.

Хозяйка, знавшая, что Страстинъ проигрывалъ много денегъ, рассыпалась передъ нимъ въ учтивостяхъ и привѣтствіяхъ. Это обстоятельство, и смущеніе при встрѣчѣ послѣ продолжительной разлуки, были причиною, что нѣсколько времени Страстинъ и Елена, которая перестала пѣть при нашемъ появленіи, не могли сказать другъ другу ни слова. Мало-по-малу они сблизились, но Палагея Петровна, своими восторгамъ насчетъ голосу Лучовой и похвалами *любезности* Страстина, не давала имъ вступить въ разговоръ. Напрасно старался я отвлечь отъ нихъ ея убійственное вниманіе: она, своей неловкою лестью, безпрестанно приводила въ краску то Лучову, то Страстина, и заставляла ихъ скромность учтиво опровергать эти непростительныя наглости, которыя въ провинціи называютъ комплиментами. Оставалось одно средство, — просить Палагею Петровну, чтобы она научила меня солить грибки, и я уже готовъ былъ на него рѣшиться, изъ состраданія къ двумъ несчастнымъ любовникамъ. Къ-счастью, прекращеніе игры съ уходомъ Страстина

прислало имъ неожиданную помощь. Картежная сволоочь удалилась; то, что въ толпѣ было по-лучше, перешло въ гостиную. Хозяйка должна была заняться новыми гостями. Кузьма Петровичъ ушелъ съ банкометомъ въ свой кабинетъ свести счетъ въ проигрышѣ.

— Какъ мы давно не видались! сказала Елена Страстину.

— Давно! отвѣчалъ онъ едва внятнымъ голосомъ.

— Но наконецъ мы увидѣлись.... Благодарны ли вы мнѣ по-крайней-мѣрѣ за доставленіе случая?

— О!.... до гробу!.... Я вѣрю въ будущее, какъ вѣрю въ любовь.... и когда-нибудь докажу вамъ мою благодарность. Она будетъ достойна вашего благодѣнія. Ваше участіе спасаетъ меня. Я уже погибалъ; уже пропасть зѣла подъ моими ногами.... О! сколько выстрадалъ я, въ это время, безъ привѣту, безъ надежды!.... какихъ сокровищъ души я лишился!.... Одно только меня утѣшаетъ: что я не торговалъ моимъ сердцемъ, не проигрывалъ его по частямъ за минутныя наслажденія, и теперь — въ состояніи.... любить еще возвышеннѣе.

— Но, возразила Елена, вы хотѣли проиграть его въ карты. Вы чрезвычайно меня огорчали. Я не могу вѣрить, чтобы корыстолюбіе увлекало васъ къ этой опасной страсти.

— Я хотѣлъ заглушить ею другую, которая еще опаснѣе, сказалъ Страстинъ.

— Для чего заглушать ее? примолвила Елена, красня отъ удовольствія и замѣшательства. Вы хотите убить въ своемъ сердцѣ прекраснѣйшее чувствованіе?... Идете ли вы право? (Говоря это, она пльзнительно улыбалась, и глаза ея блестяли чудеснымъ огнемъ.) Послушайте: вы сейчасъ сказали мнѣ, что вѣрите въ.....? Она живетъ надеждою. Надѣйтесь!... и общайте мнѣ никогда не играть въ карты!

— Не буду! твердо отвѣчалъ Страстинъ среди снѣжнаго волненія, которое произвело въ немъ слово «надежда».

Палагея Петровна подбѣжала къ Лучовой съ новымъ комплиментомъ. Разговоръ свѣдѣлся общимъ. Елена вскорѣ уѣхала.

Прощаясь съ хозяйкою, она еще осчастливила его своей улыбкою и, на нѣсколько мгновеній, взоръ ея, въ которомъ, казалось, сосредоточилась вся теплота души, остановился на Страстинѣ.

— Не забудьте обѣщанія, сказала она ему.

— Ничего не забуду! отвѣчалъ Страстинъ въ восторгѣ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Въ одну изъ очаровательнѣйшихъ ночей, какія только представляетъ сѣверное лѣто, домъ Г***, въ Свеаборгѣ, блисталъ яркими огнями. У подъезду музыка, въ прекрасно убранныхъ комнатахъ музыка, въ саду музыка. Глаза женщинъ горятъ свѣтлые алмазовъ. Воздухъ залитъ благоуханіемъ. Цвѣты въ рукахъ красавицъ, цвѣты на головахъ, цвѣты на платьяхъ. Изъ открытокъ ошощъ видно раскинутое серебристою скатертью море, на которомъ величаво колеблется красивая русская эскадра, мананунъ бросающая здѣсь якорь во время лѣтняго крейсерства.

Общество, въ которомъ главную роль играли морскіе офицеры, рассѣялось по всѣмъ комнатамъ. Одни танцуютъ, другіе заняты вистомъ, иные предаются безмолвнымъ наблюденіямъ. Въ числѣ послѣднихъ и нашъ

угрюмый Страстинъ. Онъ глазамъ своимъ не вѣритъ : кажется, въ этомъ кадрилѣ — Елена!.... Сердце его страшно бьется. Взоръ жадно слѣдуетъ за движеніями блага платья. Это она!.... Она на него взглянула! Она привѣтствовала его улыбкою!

Послѣ кадрили, многія изъ дѣвицъ, танцоровъ и зрителей, вышли въ садъ. Страстинъ поспѣшилъ за бѣлымъ платьемъ.

— Вы не думали встрѣтиться здѣсь со мною? сказала Елена.

— О! навѣрное нѣтъ! отвѣчалъ Страстинъ. И какъ я благодарю небо за то, что оно позволило мнѣ еще разъ увидѣть васъ въ этой печальной, тягостной жизни! Я слышалъ, что вашъ папенька переселился въ Финляндію, что вы уѣхали туда, вскорѣ послѣ того какъ однимъ своимъ словомъ спасли меня отъ ужаснаго пороку, возвратили къ святымъ чувствамъ, которыя.... Я полагалъ, что уже не увижу васъ болѣе, и снова приходилъ въ отчаяніе.

— И мы встрѣтились на балѣ въ Свеаборгѣ!

— Да!.... въ Свеаборгѣ, и на балѣ : это еще удивительнѣе, потому что съ того времени вовсе не бываю въ обществахъ. Въ этомъ шумномъ мірѣ, даже среди этого минутнаго столкновенія съ людьми по моей службѣ, я живу совершенно одинъ.... одинъ съ моею надеждою, какъ отшельникъ съ молитвою. Я такъ одинокъ, такъ отсталъ отъ свѣта, отъ этого базара, гдѣ люди, собираясь, торгуютъ и обманываютъ другъ друга чувствами, мыслями, словами, что это веселое собраніе, алчущее удовольствія и наслажденія, кажется мнѣ чрезвычайно страннымъ, да и я ему долженъ казаться страннымъ. Не правда ли, я похожъ на одного изъ тѣхъ щетинистыхъ тулгузскихъ шамановъ, которые стоятъ въ петербургской кунсткамерѣ? Я дикой?

Лучова посмотрѣла на него и улыбнулась :

— Я этого не вижу!.... А впрочемъ, въ дикихъ только и встрѣчается постоянство.

— Повторите, повторите, милая Елена! воскликнулъ восторженный любовникъ. Вамъ еще пріятно мое постоянство?

— Пріятно?... спросила она съ нѣжнымъ упрекомъ. Чтò это за слово?... Можете ли сомнѣваться въ моихъ чувствованіяхъ?

— О! небесная душа! благородное, возвышенное созданіе! сказалъ Страстинъ въ упоеніи. Нѣтъ, нѣтъ! я не измѣню вамъ!.... я не могу измѣнить!.... я....

Онъ хотѣлъ схватить ея руку.

— Тихе! ради Бога, тихе! возразила Елена. Вы въ самомъ дѣлѣ — дикой. Не видите ли, что за нами идутъ?

— Забудьте людей съ ихъ мелочными условіями, ничтожными разсчетами, мелочными мнѣніями! отвѣчалъ Страстинъ. Они никогда не поймутъ того восторгу, тѣхъ святыхъ чувствъ, которыя поддерживаютъ благородныя сердца въ разлукѣ. Для многихъ разлука уничтожаетъ все прошедшее. Для меня, мысль о васъ обратилась во внутреннюю жизнь. Чѣмъ другимъ на свѣтъ могу я теперь населить эту душевную пустыню!

— Скорѣ ли вы отсюда уходите? прервала Лучова.

— Завтра.

— И на долго?

Страстинъ не отвѣчалъ. Неподвижный взоръ его вознился въ прелестные черные глаза Лучовой. Она печально опустила ихъ къ землѣ. Луна освѣщала ихъ блѣдныя лица. За ними слышался веселый говоръ, перемѣняемый съ музыкой. Нѣсколько минутъ они шли, не говоря ни слова.

— Неужели мы не увидимся? грустно спросила Елена.

— Мы увидимся!.... но Богъ знаетъ, гдѣ и когда!

отвѣчалъ Страстиный. Эскадра должна остановиться въ Ревель въ концѣ сентября; оттуда мы возвратимся въ Кронштадтъ, и тамъ я уже имѣю такое назначеніе, которое не позволитъ мнѣ отлучиться ни на одинъ сутки.

— Такъ пріѣзжайте сюда изъ Ревеля, сказала Елена, если будетъ возможность, шестнадцатаго октября, въ моему рожденію.

— Непременно пріѣду! съ твердостью воскликнулъ Страстиный, но въ это самое время подошелъ къ нимъ старикъ Лучовъ.

Елена ускользнула. Страстиный долженъ былъ вступить въ разговоръ съ ея отцомъ. Въ этотъ вечеръ они почти уже не видались. На слѣдующее утро эскадра выступила въ море и пришла изъ крейсерства въ Ревель не раньше какъ четырнадцатаго октября: можете судить о истеричнн и отчаяннн Страстина!

Мы были на рубежѣ зимы. Осень свирѣпствовала со всѣмъ ожесточеніемъ. Вечеромъ тогоже дня, три человека пробирались по предмѣстью Ревеля. Передовой несъ фонарь, выбирая тропинку: тише! тише! грязь залила улицы и тротуары. Двое слѣдовавшихъ за нимъ оборонялись отъ воротниковъ свихъ шинелей, которые вѣтеръ безпрестанно закидывалъ имъ на голову.

— Безразсудное желаніе! сказалъ одинъ изъ двухъ. Давно ли мы чуть-чуть не разбились на бригъ, а ты хочешь перецалыть море на шлюпку!

— Теперь попутный вѣтеръ, отвѣчалъ второй. Я обещалъ Еленѣ, что буду къ ея рожденію въ Свеаборгъ; и буду!

— Ежели не утонешь,

— А утону, такъ море выброситъ меня на ея берегъ, можетъ быть и прямо къ подъѣзду ея дома, если онъ на набережной.

— Очень пріятно ей будетъ получить подобный гостинецъ!

— Лучше это чѣмъ ничего. Впрочемъ, ты совсѣмъ не-напрасну издерживаешь свою мудрость на благіе соображенія и глубокомысленныя возраженія, зная мой насстойчивый или, буде угодно, упрямый, характеръ. Безрассудно было давать слово, а давши, нужно держать.

— А что, если бы эскадра была еще въ морѣ сегодня?

— Тогда другое дѣло!

— Развѣ и теперь не то же самое дѣло? Виноваты ли ты, что мы претерпѣли противныя вѣтры, бури, должны были пребыть въ морѣ до вчерашняго дня, и пришли сюда такъ поздно?... Останься! Не дѣлай глупости! Скажу тебѣ притомъ, что если ты свой пяти-дневный отпускъ употребишь на такую отчаянную поездку для такой пустой дѣля, то это будетъ очень неприятно тѣмъ, которые его дали. Во время оно, когда люди и чувства еще были баснями на землѣ, Леандръ изъ Абидоса переплывалъ вплавь Гелеспонтъ, чтобы поцѣловать прекрасную Гѣро, которая ожидала его въ Сестосъ на башнѣ съ фонаремъ въ рукѣ. Но это были миеологическіе люди, немножко лучше ладившіе съ судьбою чѣмъ мы нынѣшніе. Кроме-того Гелеспонтъ, любезный другъ мой, не Фивскій Заливъ: Байронъ, говорятъ, переплылъ его безъ труда, чтобы показать, что англійскій лордъ плаваетъ не хуже миеологическаго мичмана. И Леандру, какъ кажется, эти сунабродства хорошо сходились съ рукъ: его даже прославили за нихъ поэты; а тебѣ за такой же подвигъ дадутъ строгій выговоръ. Времена, братъ Александръ, ужасно измѣнились, да и женское сердце въ томъ же числѣ. Леандрова красавица бросилась съ башни въ море, когда однажды ея любовникъ, нарѣзавшись дряннымъ тенеосскимъ виномъ, не приплылъ къ ней по условленному знаку, а твоя едва ли рѣшится на такое сильное дока-

злѣе своего нетерпѣнія наслаждаться твоимъ ипезрънїемъ.

— Все правда, отвѣчалъ мнѣ Страстинъ: но теперь поздно возвращаться къ разсудку. Я далъ слово, и если бы пришлось заплатить здоровьемъ всей остальной жизни, то пожертвую имъ, но сдержу слово.

— Поѣзжай кругомъ: авось какъ-нибудь!

— Перестанемъ объ этомъ говорить. Пожалуй, еще Чухонецъ увлечется силою твоихъ аргументовъ и откажется перевезти меня.

Это опасеніе неожиданно представило мнѣ надежду на возможность удержать моего друга отъ явной гибели, потому что не трудно было напугать перевозчика простымъ изображеніемъ опасности. Маленькая лодка, или, какъ ихъ называютъ, финка, ожидала Страстина. Грязный парусъ былъ завернутъ около тонкой мачты.

— Эй! закричалъ Страстинъ подходя къ берегу. Что, испугъ?

И черная фигура Эстонца поднялась изъ шлюпки при мерещающемся свѣтѣ фонаря. Растрепанные длинные волосы, шетинистая борода, шапка съ мѣховыми наушниками и дубинообразный корпусъ уподобляли его Воляному, встающему изъ пучины на погибель мореходовъ.

— Готовъ ли? спросилъ Страстинъ.

— Готовъ! отвѣчалъ Эстонецъ, расправляя окоченѣвшіе члены.

— Встеръ свѣжій, шлюпка ваша маленькая! скажъ я.

— Все ли вещи принесены? спросилъ Страстинъ челоука, несшаго фонарь впереди.

— Это былъ слуга его, Павелъ.

— Уфъ! коледно, продолжалъ я, и, обращаясь къ Эстонцу, прибавилъ: — Вы замерзнете; говорятъ у береговъ въ Финляндіи сталъ ледъ.

— Не слушай его! возразилъ Страстинь: Меду нѣтъ, и ты успѣешь воротиться и привезти соли.

— Въ такую погоду вся соль подмокнетъ, сказалъ я.

— Ну, садись! закричалъ Страстинь: заслушался, что ли?

И онъ прыгнулъ въ шлюпку. Эстонецъ, нѣхотя, началъ развертывать дарусь.

— Какой страшный вѣтеръ! воскликнулъ я. Вашу глупую лодчонку залетѣть водою; нето, унесетъ въ море: тогда умрете отъ голоду и жажды.

Въ это время Павелъ вскочилъ въ шлюпку.

— Ты зачѣмъ? сказалъ Страстинь Ктò тебѣ велѣлъ?

— Съ вами! отвѣчалъ слуга. Не оставаться же!

— Пошелъ прочь!

— Слышишь! замѣтилъ я Эстонцу: должно быть плохо!

Эстонецъ проворчалъ что-то сквозь зубы.

— Позвольте мнѣ вѣхать вмѣстѣ съ вами! говорилъ Павелъ умоляющимъ голосомъ.

— Пошелъ прочь, говорятъ тебѣ! Сейчасъ же бери лошадей и скачи кругомъ.

— Нѣтъ! я не пушу васъ одного въ такую пору!

— Пошелъ прочь!.... или я тебя брошу въ воду. Такой дуракъ!.... думаетъ, что я безъ него не съумѣю и умереть.

Последнее слово Страстина довершило въ его перевозчикѣ то впечатлѣнiе, которое я старался произвести въ его чухонскомъ разумѣ: Эстонецъ выпрыгнулъ изъ шлюпки.

— Извольте, баринъ, плыть одинъ! сказалъ онъ Страстину. Я не повезу!

— Экой трусъ! равнодушно возразилъ мой прiятель. Какъ тебѣ не стыдно?... Ты думалъ испугать меня? Ну, не хочешь, такъ я поплыву одинъ.

— Баринъ! закричалъ Эстеицеъ : моя лодка!

Лодку уже увело въ море. Мы только услышали слова : — Прощайте!.... Павелъ, заплати за лодку, и приважай скорѣе! — и все исчезло въ темнотѣ ночи и шумъ взволнованной воды. Свѣжій вѣтеръ быстро учалъ углое судно, на которое не успѣли даже поставить компаса и положить припасовъ. Бѣлыя волны ходили кругомъ. Съ порывами вѣтру налеталъ снѣгъ, клубившійся въ черномъ воздухѣ. Наргинскій и экатеринадальскій маяки, двумя блестящими глазами, долго еще высматривали смѣлаго любовника во мракѣ. Наконецъ Страстинъ потерялъ изъ виду и этихъ отдаленныхъ товарищей своего одиночества.

Вздѣ темно и пусто. Море превратилось въ пропасти. Налетающіе съ мятелью шквалы перебрасывали лодку съ одной горы на другую. Мракъ сближаетъ предметы : Страстину казалось, будто весь міръ придвинулся къ нему и сдавилъ его своими черными стѣнами.

— Теперь я совершенно одинъ! сказалъ онъ, и, дрожа отъ стужи, погрузился на дно шлюпки.

Прошло много часовъ. Наступилъ день, и этотъ день былъ еще мрачнѣе ночи. Страстинъ, собравшись съ силами, привсталъ : но берегу не видно, въ морѣ нѣтъ ни одного судна; земля, съ людьми, съ теплотою, съ житейскими удобствами, казалось, уничтожилась и обратилась въ безконечное бурное пространство, въ которомъ длыветъ только одинъ человекъ. Но этотъ человекъ, едва дышашій отъ холоду, изнуренный, усталый, мучимый голодомъ и жаждой, былъ непоколебимъ. На сердцѣ у него было тепло и свѣтло.

«Туда! туда! думалъ онъ. Тамъ, за этимъ огромнымъ пространствомъ, которое должно проплыть, за этой мятелью, за этими вѣтрами, за мракомъ, можетъ быть и за смертью, живетъ она... этотъ ангелъ!... эта удивительная женщина!....»

И онъ обратился въ одну безконечную, страстную мысль объ Еленѣ. Чтобы обладать ею, онъ переплывалъ море на лодкѣ. Чтобы сдержатъ слово-возлюбленной, онъ боролся съ землею и съ небомъ. Какой награды, какой любви, достоинъ такой человекъ, княгиня?....

Берегу всё-еще не видно.

. Страстинъ уже неподвиженъ. Другая ночь смѣнила день. Тѣло его страдаетъ, но надежда шепчетъ: — «Ты ее увидишь!» — и онъ выпрямляется, онъ дѣлается могучимъ.

Осенняя ночь явилась со всеми своими ужасами, съ черными нависшими тучами, которыя какъ-бы хотятъ раздавить землю, съ ледовитымъ вѣтромъ, огромными валами, снѣжнымъ хаосомъ, ревомъ, шумомъ, свистомъ. Человѣку тогда не нужно ни глазъ ни рукъ: онъ ничего не видитъ, ничего не можетъ сдѣлать. У Страстина закрылись глаза; руки его онемѣли, жизнь застыла въ тѣлѣ; но мысль объ Еленѣ производила надъ нимъ такое же дѣйствіе какъ сильный гальваническій токъ надъ трупомъ: омертвѣлые члены его вдрагиваютъ, глаза открываются, руки, хватаютъ руль. Всё однако жъ только на мгновеніе. Буря проникла въ его внутренность: вѣтеръ ходилъ по всему тѣлу, истощенному страшными усиліями; онъ часто лишался памяти: иногда ему казалось, будто вѣтеръ поднимаетъ его изъ шляпки и онъ летитъ, — его несетъ куда-то, — онъ гдѣ-то въ мрачномъ пространствѣ, въ которомъ нѣтъ ни мѣры, ни счету, ни видимыхъ образовъ.... Бѣдный Страстинъ!

Вдругъ шляпка стукнулась о камень. Въ радости, онъ хотѣлъ подняться, и упалъ отъ изнеможенія; хотѣлъ закричать, и не могъ извлечь голоса изъ разбитой груди.

Къ счастью, въ это время, хозяинъ маленькаго острова, къ которому прибило Страстина, вышелъ на бе-

режь посмотреть, не оторвалъ ли вѣтеръ его собствен-
ной лодки и, увидавъ чужую, притащилъ ее къ при-
станн. Спустя нѣсколько времени, онъ принесъ въ свою
ябу полу-мертвора человека.

— Который часъ?... гдѣ я?... далеко до Свеаборга?
спросилъ Страстинъ въ первую минуту обновленія
силъ.

— Семь часовъ; а до Свеаборга будетъ десять верстъ.

— Вези меня туда : заплачу, что хочешь!

Хозяинъ охотно согласился. Подплывая къ Свеабор-
гу, Страстинъ едва могъ усидѣть въ лодкѣ : сердце его
билось отъ нетерпѣнія, дыханіе спиралось при одной
мысли, что онъ можетъ опоздать, но поспѣть хоть къ
концу условленнаго дня. Но вотъ онъ уже у пристани.
Страстный любовникъ выскочилъ на берегъ и побѣ-
жалъ на квартиру одного изъ своихъ морскихъ пріате-
лей. Его не было дома. Слуга радушно принялъ не-
жданнаго гостя.

— Здравствуй, Константинъ! сказалъ ему Страстинъ.
Навяжи поскорѣ эполеты, приготовь вице-мундиръ.
Гдѣ твой баринъ?

— На свадьбѣ.

— У кого это?

— Дочь Лучовыхъ, Елена Ивановна, не-какъ выхо-
дитъ сегодня замужъ за барона С — а.

Черезъ нѣсколько дней печальная процессія остано-
вилась на крѣпостномъ кладбищѣ, и гробъ Страстина
опустили въ землю. Три залпа изъ ружей отдали по-
слѣднюю почестъ неустрашимому моряку. Огорченіе
обманутой преданности и слѣдствія этого отчаяннаго
путешествія низвели его въ могилу. Сильная горячка

открылась на другой день послѣ его прибытія. Онъ умеръ въ безпамятствѣ.

Кончину Страстина вѣроятно скрыли отъ Елены, но причины его смерти не могли остаться тайною въ Сведборгъ. Объ нихъ много разсуждали, даже въ присутствіи Лучова, который весь подобныя разсужденія заключалъ великимъ аргументомъ логики такъ-называемыхъ благоразумныхъ отцовъ :

— Бракъ ихъ былъ невозможенъ : моя дочь старше его двумя годами !.... Я не могъ согласиться на общее ихъ несчастье.

ВЛАДИМИРЪ ВОЙТЪ.

РЪКИ.

=

Играю поверхность земли разсыкая,
 Волнуясь и пѣнясь, кипя и сверкая,
 Хрустальные рѣки текутъ въ океанъ,
 Бьются, ниспадають по склону земному
 Въ бездонную пасть къ великану съдому,
 И ихъ поглощаютъ съдой великанъ.

О! какъ разнообразенъ ихъ бѣгъ своеобразный!
 Та мчится угрюмо подъ тѣнью дубравной,
 А эта, широкой, жемчужной стѣной,
 Отважно упала съ гранитной вершины
 И стелется легкой, веселой волной,
 Какъ свѣтлая лента, по персямъ долины.
 Завь — дикій потокъ, весь лишь пѣна и прахъ,
 Дрожитъ и вздуваетъ хребетъ серебристый,
 Упорствуетъ въ схваткѣ съ оградой кремнистой,
 И мучится, сжатый въ крутыхъ берегахъ;
 Тамъ — рѣчка, безъ битвы напрасной и трудной,
 Преграды обходитъ покорной дугой,
 И чистаго пола коверъ изумрудный,
 Развѣся, обдираетъ алмазною каймой,
 И дальше, спокойно, струясь безмолвной,
 Втекла въ многоводный, могучій потокъ:
 Въиграла многоводный, въ стронтивыя волны
 Велла мидья кажда, и въ море повлекъ.

Такъ катятся рѣки и въ долинахъ теченье,
 Не обидѣ утѣтъ имъ природою дасть;

Но тамъ ихъ смыкаетъ одно назначенье,
Но тамъ ихъ пріемлетъ одинъ океанъ!

ВЕНЕДИКТОВЪ.

МРАМОРНЫЙ ФАВНЪ.

=

Бродилъ я въ глубинѣ заброшеннаго сада.
Гасъ красный блескъ зари. Деревья безъ листовъ
Стояли черныя. Осенняя прохлада
Дышала въ воздухъ. Случайно межъ кустовъ
Открылъ я статую : то фавнъ былъ, прежде бѣлый,
Теперь въ сору, въ пыли, во мху, позеленѣлый.
Умильно изъ вѣтвей глядѣлъ онъ ; а онъ,
Качаясь по вѣтру, въ лицо его хлестали
И мраморнаго пня подножіе скрывали.
Вкругъ липы древнія тѣснились ; въ глубинѣ
Иныя статуи изъ-за деревьевъ мелькали ;
Но мнѣ была видна, обнятая кустомъ,
Одна лишь голова съ смѣющимся лицомъ.

Я долго шлоломъ забытымъ любовался.
Лукаво изъ кустовъ кумиръ мнѣ улыбался.
Мнѣ стало жаль его. « Ты некогда былъ богъ,
Циническій кумиръ ! Тебѣ, при флѣйтѣ звонкой,
Бывало, человекъ костеръ священнѣйшій жегъ,
На камнѣ закалялъ съ молитвою личика,
И кровью орошалъ тебя.... О ! расскажи,
Что? жаль тебѣ тѣхъ дней? Какъ ты разстался съ властью,
Развѣнчанный ? Тогда бывали ближе ль къ счастью
Младья племена ? Иль это умной лжи
Несбытнѣйшій вымыселъ, ихъ миръ и наслажденья ?

Иль нынѣ счастливѣй земныя поколѣнья?....

Ты улыбаешься?.... Потому была пора,

Ты былъ свидѣтелемъ роскошнаго двора,

Тебя въ развалинахъ какъ чудо отыскали,

Тебя разбила садъ, вокругъ тебя собрали

Тригоновъ и наядъ, аѳинскихъ мудрецовъ

И римскихъ цесарей и греческихъ боговъ....

А ты смялся всё, умильно ослабляясь!....

Ты видѣлъ бальный блескъ : по саду разливался,

Грѣшала музыка ; въ аллеѣ темной сей

Чета любовниковъ скрывалась отъ гостей.

Ты былъ свидѣтелемъ ихъ тайнаго свиданья,

Ты видѣлъ ласки ихъ, ты слышалъ ихъ лобзанья....

Скажи мнѣ : долго ли хранились клятвы ихъ

Ненарушимыми ? любовь въ сердцахъ у нихъ

Горела вѣчно ли ? и долѣе ль, чѣмъ имя

И уврѣнья ихъ, на мраморъ твоёмъ

Нанесчатанныя и.... смытыя дождемъ ?

Иль, можетъ-быть, опять, подъ липами густыми,

Двигались они, условившись съ другими,

И твой лукавый смѣхъ изъ-за густыхъ вѣтвей

Съ любви ихъ не сорвалъ предательскую маску,

Не бросилъ имъ въ лицо стыда живую краску?....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

..... »

Такъ, молча, взоромъ и статуею вопрошалъ,

А цинкъ мраморный глупительно смялся.

АПОЛОГЪ МАЙНОВЪ.

ОТВѢТЪ НА ПОСЛАНИЕ.

=

Благодарю, мой милый другъ,
 Благодарю твою пріязнь, мнѣ дорогую,
 И пѣснопѣвицу, камену молодую,
 Такъ вдохновившую счастливый твой досугъ!
 Утѣшно слышать мнѣ отзывъ мечтамъ завѣтнымъ
 И грѣзамъ юныхъ лѣтъ и помысламъ души.
 Мнѣ дороги они : давно, какъ плодъ запретный,
 Давно я ихъ хранилъ, лелѣялъ ихъ въ-тиши.

Да, милый другъ ! приманчивъ край тотъ дивный,
 Гдѣ дышетъ нѣгою земли роскошной грудь,
 Гдѣ волны шумныя лепечутъ гимнъ призывный
 И манятъ путника въ привольѣ отдохнуть.
 Но тамъ, гдѣ, на холмы опершись, гордо дремлетъ
 Великолѣпный Римъ ; гдѣ Тибръ, смятенъя полъкъ,
 У пята его шумитъ грядой косматыхъ волкъ
 И пѣной млечною зеленый брегъ объемлетъ ;
 Тамъ, гдѣ въ дни древніе царица городовъ
 Внчанная, теперь въ истлѣвшей багряницѣ,
 Съ изломаннымъ вѣнцомъ, подъ бременемъ оковъ,
 Какъ усмиренная лежитъ въ тенетахъ львица, —
 Не такъ душа легко : отъ чуждыхъ береговъ,
 Отъ сладострастія ей неродной природы,
 Она летитъ подъ сѣнь отеческихъ дубовъ
 Искать спокойствія, безмолвья и свободы.

У очага, въ кругу домашнихъ ларь,
 Отраднo было бѣ ей ~~сривалъ~~ воспоминанья
 Отъ пыли отряхнуть и вспомнить дѣтскихъ чаръ
 Счастливые часы, мимувшія мечтанья....
 О ! сколько сладкихъ думъ поля земля родной
 На сердце, хладное отъ опыта, навѣютъ !

Какъ благотворно нагъ тепломъ своимъ пригрѣть !
 Какъ далеко умчатъ въ мѣръ претвѣй за собой !
 Бывало, помню я, съ восходящею зарею,
 Расправивъ парусъ свой, летѣлъ я по волнамъ
 Родной моей рѣки, то дремлющей, порою,
 То вдругъ бушующей ; бывало, я мечтаю
 Въ часы вечерніе безмолвно предавался,
 Дубравой темною и зеленью полей
 Цвѣтушею и пышною любовался,
 Глядѣлъ на блескъ волнуемыхъ зыбей....
 Свободныя, онѣ шумѣли на просторахъ,
 И за волной волна, быстрѣе и быстрѣй,
 Катилися всё дальше, дальше.... въ море !

О! полечу туда ! въ восторгъ припаду я
 Къ тебѣ, священная, родимая земля,
 Твой милый прахъ слезами оболую я,
 Какъ перси матери, вспоившія меня !

с.

ПОДРАЖАНІЕ ИСПАНСКОМУ.

Вотъ погасла ужъ заря,
 И въ тѣни вѣтвей,
 Вдохновеніемъ горя,
 Свещетъ соловей.

Звѣзды вспыхнули ; взорелъ
 Мѣсяцъ молодой,
 И разлилъ на лѣсъ и доль
 Блескъ свой золотой.

Но трепещи, межъ кустовъ,
 Къ лону чистыхъ водъ,
 Милый другъ, моя любовь,
 Ангелъ мой придетъ.

Ядъ желанія въ крови !
 Весь томленье я !....
 «Что же медлишь ? Безъ любви
 Нѣтъ намъ бытія.

Сердце мигъ живетъ. Спиши
 Насладиться имъ,
 Сливъ огонь своей души
 Съ пламенемъ другимъ.

Что же медлишь ? Ужъ взошелъ
 Мѣсяцъ молодой,
 И разлилъ на лѣсъ и доль
 Блескъ свой золотой !»

Чу !... вотъ шорохъ межъ кустовъ....
 Это ангелъ мой !....
 Скройся жъ въ груду облаковъ,
 Мѣсяцъ молодой !

И на землю темноту
 Черную пролей,
 Чтобъ счастливую чету
 Скрыла отъ людей.

Тише, звонкія струи !
 Перестаньте течь,
 Чтобъ слышимъ была любви
 Пламенная рѣчь.

.....

.....

.....

 Мѣсяцъ ясный! изъ-за тучъ
 Снова блескъ пролей,
 Брось на дѣву бѣдный лучъ
 У груди моей!

Н. ГРИНОВЪ.

ЭЛЕГІЯ.

=

Быстро, быстро остываютъ
 Страсть и чувство!.... Ужъ давно
 Взоры милыхъ не пѣняють,
 Не пѣнитъ меня вино.
 Нѣтъ веселыхъ сновидѣній,
 Нѣтъ желанья славныхъ дѣлъ:
 Съ нимъ и пѣсень добрый геній
 Невозвратно улетѣлъ.
 Я пою ль, мои напѣвы
 Сердца струнъ не потрясуть,
 Изъ очей невинной дѣвы
 Чистыхъ слѣзъ не навлекутъ,
 Не взволнуютъ и не тронутъ
 Пылкой юности души,
 Не польются, не застонутъ
 Града дальняго въ глуши.

Н. ГРИНОВЪ.

СОВѢТЬ.

Зачѣмъ о будущемъ тревожно грезить?

Живи какъ вѣльно судьбою:

Что ею суждено, тому не миновать!

Покаместъ юнъ и свѣжъ ты, веселись душою,

Люби напѣвы дѣвъ, ихъ пляски, игры ихъ,

Въ тѣни условныя свиданья

И пѣсни томныя въ тиши часовъ ночныхъ

И за полночныя гулянья:

Въ саду таинственномъ, при блескѣ звѣздъ златыхъ,

И долгій поцѣлуй въ минуту разставанья.

С.

СУЕТНОЙ КРАСАВИЦѢ.

Собой вы очень хороши;

Но что же сердцу въ этомъ толку?....

Довольно пѣлъ я безъ умолку

Васъ, идеаль моей души:

Что жъ взялъ я лирою своею?

Что взялъ я горькою тоской,

Когда и розу и лилею

Равнялъ я съ вашей красотой?....

Одинъ порывъ самолюбивый

Въ вашемъ сердцѣ разбудилъ,

Одинъ лишь взглядъ вашъ горделивый

Къ себѣ невольно приманилъ.

И въ томъ смертельную обиду

Разсудомъ здравымъ разобравъ т
 Вы не терпите здѣсь въ виду
 Моехъ и песенъ и похвалъ ;
 Не я вамъ нуженъ былъ душою,
 А мой блестящій мадригалъ.
 Простясь съ безумною мечтою
 И переживъ разлуки дни,
 Кропить не буду я слезою
 Моехъ элегій, какъ Парни ;
 Не буду пѣть васъ въ томной нѣгѣ
 Иль, какъ знакомый вамъ корнетъ,
 На почтовыхъ, въ ямской телегѣ
 Не поскачу за вами вслѣдъ.
 Я разогналъ свои химеры
 И, полонъ гордостью одной,
 Беру для васъ другія мѣры
 Себялюбивою душой....
 Не говорите жъ, что обязанъ
 Пѣвецъ вамъ лирою своею :
 Нѣтъ ! *вашъ* вѣнокъ лавровый связанъ
 Рукой досужею моею !

Н. ГРЕКОВЪ.

ВЗДОХЪ ПО РОДИМОЙ.

Вѣтеръ грозный, вѣтеръ бурный,
 Снѣжнокрылый ураганъ !
 Въ тучахъ скрылъ ты сводъ лазурный,
 Съ ложа поднялъ океанъ,

Вогромоздиль съ утесомъ вразомъ
 На валахъ сядыкъ вады,
 И, слонивъ маякъ подъ корень,
 Съ воплемъ ринулъ со скалы.

Натянулъ ты крѣпко снасти,
 Мачты долу наклонилъ,
 И, въ норывъ грозной страсти,
 Указавъ ряды могилъ
 Взорамъ путниковъ усталыхъ,
 Забѣжалъ впередъ вѣтрилъ,
 Съ дикимъ хохотомъ сорвалъ ихъ
 И разнесъ какъ перья крылъ.

Вѣтеръ грозный! ты изъ тучи
 Вырвалъ блѣдный лучъ луны,
 Указалъ имъ въ мглѣ кипучей
 Камень, вставшій съ глубины,
 Какъ палачъ съкирой плаху,
 И, собравъ что было силъ,
 Поднялъ судно, и съ размаху
 Бросилъ въ бездну, сокрушилъ.

Ураганъ необоримый!
 Силенъ ты : снеси жъ мой вздохъ
 Къ сердцу матери родимой....
 Что жъ ты смолкъ? нль изнемогъ?
 Знать, тебѣ онъ не по силамъ....
 Да! мой вздохъ, живой тоской
 Поднятой съ души унылой,
 Тяжелый волны морской!

ГЕОРГЪ ИМНЪ.

ЛЮБОВЬ.

=

Не вѣрилъ я въ любовь, не вѣрилъ въ упоенья,
Которыя давно поэты всѣхъ вѣковъ
Прославили толпъ. Я думалъ, что любовь
Есть прихоть вѣтренныхъ, игра воображенья
Или пустой капризъ изнѣженныхъ сердець,
И, атеистъ въ любви, не зналъ я, что такое
Земное счастье, и все мое бывшее
Казалось мнѣ сномъ. Я былъ живой мертвецъ,
Безъ чувства, безъ души, безъ думъ, безъ впечатлѣній,
Не трепеталъ какъ листъ предъ взоромъ красоты,
Не зналъ ни сладостей полуночной мечты
Ни поэтическихъ священныхъ вдохновеній.
Но вотъ.... пришла пора! ударилъ часъ, и я,
Люби покорный рабъ, склоняюсь предъ кумиромъ,
Который съ древнихъ лѣтъ за божество всемъ міромъ
Торжественно почтенъ. И мнѣ легко, друзья!
Я вѣрую теперь, что въ міръ есть блаженство,
Что есть о чемъ жалѣть, утративъ жизни цвѣтъ,
Что тотъ, надъ кѣмъ горитъ любви небесный свѣтъ,
Живѣ чувствуетъ природы совершенство
И глубже сознаетъ все, чѣмъ всещедрый Богъ
Насъ смертныхъ одарилъ. Ахъ! какъ же я не могъ,
Во снѣпотъ своей, понять, что Провидѣнье
Насъ родило на свѣтъ для счастья, наслажденья?....
Да, други! счастливъ я, и, кажется мнѣ, нѣтъ
Предѣла счастью, въ которомъ утопаю:
Всѣ горести свои, всю грусть я забываю,
Люблю, блаженствую, и ужъ не знаю бѣды!

КАВАНОВЪ.

ПАДЕНИЕ.

Такъ! вѣтренъ я, друзья! Напрасно я учусь
 Себя обуздывать : все тщетно ! тяжкихъ узъ
 Мой духъ чуждается. Когда на взоръ мой томный,
 Улыбку вижу я въ устахъ у дѣвы скромной,
 Я самъ не свой : прости, Сенска, Локкѣ и Кантъ,
 И пыльныхъ кодексовъ старинный фолиантъ,
 Лицей блистательный и портикъ величавый,
 И знаменитый рядъ именъ, вычванныхъ славой!
 Опять ко мнѣ прійдутъ волшебная мечта
 И ливки блѣдые и шма на уста,
 И взоры томные и жажда сладкой нѣги,
 И стихъ таинственный задумчивыхъ элегій.

АПОЛЛОНЪ МАЙКОВЪ.

ГОЛОСЪ МАТЕРИ.

Прийди ко мнѣ ! при мнѣ успокоенье
 Отъ горестей сей жизни обрѣтешь....
 Ахъ ! гдѣ тебѣ приютъ во всемъ твореньѣ,
 Когда не здѣсь ты сердцемъ отдохнешь ?
 Младенцемъ ты отсюда удалилась,
 И.... что жъ съ тѣхъ поръ ? свершились ли мечты ?
 Нѣтъ ! съ жизнью ты вежною не сроднилась :

Съ младенческимъ приходишь сердцемъ ты.
 Куда твой путь? Въ вѣсѣхъ сумрачнѣхъ вѣли.
 Здѣсь полно все любви и тишины;
 Здѣсь видѣлись при вашей колыбели
 Мнѣ чудные, блистательные сны.
 И нынѣ я условьямъ бѣдной жизни
 Любовью къ вамъ еще покорена,
 И вамъ вослѣдъ изъ вѣчныхъ отчизны
 Въ міръ суетный влечетъ меня она;
 И съ вами я, приникнувъ къ изголовью,
 Невидимо порою слѣзы лью;
 И съ вами я мятусь еще любовью,
 И съ вами я вновь чашу жизни пью,
 Вамъ вслѣдъ ношусь кочующею тѣнью....
 Мнѣ путь — вашъ путь! мнѣ цѣлю — ваша цѣль!
 Но я васъ жду сюда къ отдохновенію:
 Здѣсь мой пріютъ, здѣсь ваша колыбель....
 Прийди жъ ко мнѣ! Подъ этими садами
 Спокоишься, по буряхъ жизни, ты.
 Я вѣжно ихъ раскинула надъ вами,
 Мной полны здѣсь и воздухъ и цвѣты.
 Я думала, что, послѣ всѣхъ волненій,
 Сбравшись подъ-вечеръ, въ тишинѣ,
 Садовъ моихъ въ развѣсистыя сѣни,
 Вы вспомните, быть-можетъ, обо мнѣ.
 Пусть будетъ вамъ открыто все творенье,
 Лишь здѣсь любви и мира сторона:
 Здѣсь васъ хранитъ мое благословеніе,
 Здѣсь светъ вамъ душой моей весна.

В. А.....ВА.

ПРИЗНАНИЕ.

Я васъ люблю.... Но, можетъ-быть,
 Пьвца безславнаго признанье
 Встревожитъ васъ и оскорбитъ....
 Простите мнѣ изъ состраданья
 Мою невольную вину,
 Мое ужасное безумство !
 Разрывши сердца старину,
 Я впалъ въ бывшее вольнодумство
 И полюбилъ васъ всей душой,
 Какъ воннѣ честь, какъ птичка волю....
 Но знаю : радости судьбой
 Не мнѣ отсчитаны на долю ;
 Не мнѣ любиму вами быть :
 Объ этомъ думать я не смѣю !
 Я долженъ былъ похоронить
 Едва родившуюся идею
 Любить васъ. Дерзкая выросла
 Незамѣчаемая мною....
 Чтò дѣлать ! вновь занемогла
 Душа знакомою тоскою....
 Но успокойтесь ! пылъ страстей
 Я придавлю желѣзною силой
 И безъ роптанья въ иракъ могилы
 Снесу недугъ души моей.

М. Д.

ОТЪѢЗДЪ.

Пошелъ, пошелъ, ямщикъ лихой !
 Ударь по всѣмъ по тремъ !....

Прощай, прощай, мой край родной!
 Прощай, мой отчий домъ!
 Немного благъ, немного бѣдъ
 Въ тебѣ покинулъ я;
 Покинулъ васъ, невѣрныхъ лгъ
 Невѣрные друзья!
 Еще вчера моихъ проказъ
 Исполненъ былъ вашъ кругъ,
 А завтра ужъ никто изъ васъ
 Не скажетъ: «Гдѣ-то другъ?»
 Тебя покинулъ я; тобой
 Мечталъ я быть любимъ,
 Но души дѣвы молодой
 Легки какъ легкій дымъ.
 Пройдутъ печально день и ночь:
 Поплакавъ въ тишинѣ,
 Ты оторвешь отъ сердца прочь
 И память обо мнѣ.
 И скоро явится другой
 Со льстивымъ языкомъ....
 Пошелъ, пошелъ, ящичекъ лихо!
 Ударь по всемъ по тремъ!
 Но горько мнѣ, но больно жаль
 Невѣрныхъ мнѣ терять,
 И долго тайная печаль
 Мнѣ сердце будетъ жать.
 Въ высокой долѣ и въ честяхъ,
 Все думая о нихъ,
 Въ толпѣ людей, въ чужихъ краяхъ,
 Не выберу другихъ.
 Чуждаясь всѣхъ, для всѣхъ чужой,
 Засну могильнымъ сномъ....
 Пошелъ, пошелъ, ящичекъ лихо!
 Ударь по всемъ по тремъ!

КРИКОМЪ.

СОНЕТЪ.

=

Я плывъ въ мечтѣ рывкой бытописанья :
 Объ углый чолнъ дробилася волна ;
 За мной вилсъ библейскія сказанья ;
 Душа была смиренія полна.

Какъ сладостны о древности мечтанья !
 При нихъ, душа огнемъ озарена,
 И видится въ торжественномъ сіяньѣ
 Прошедшее — святая старина.

О ! если бы я могъ на берегъ дальній
 Минувшаго отсюда улетѣть,
 И эготъ міръ, теперь лишь идеальній,
 Въ своемъ умъ навѣкъ запечатлѣть :
 Тогда бъ не сталъ я болѣе коснѣть
 Ни въ суетѣ мірской, ни въ гордости печальной !

С.

ИДЕАЛЬНАЯ КРАСАВИЦА,

ИЛИ

ДВѢ ЧУДНЫЯ.

=

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

=

Во всѣхъ поэмахъ, стихотвореніяхъ, романахъ, по-
вѣстяхъ, быляхъ, разсказахъ, сказкахъ, я имѣю
честь встрѣчать однѣхъ только «дѣвъ чудныхъ», —
необыкновенныхъ, неземныхъ, идеальныхъ кра-
савицъ: сочинители всякаго званія и пола не находятъ,
въ словаряхъ своихъ, словъ, довольно восторжен-
ныхъ, чтобы выразить сверхъестественныя прелести
своихъ героинь; необычайная женская красота стала
дешевле чернилъ, и каждый, взявъ перо въ руки, такъ
свободно выводитъ на сцену это рѣдкое явленіе при-
роды, какъ-будто стоило только выйти и подобрать
его на мостовой. Цѣлое народонаселеніе можно со-
ставить изъ печатныхъ «неземныхъ» женщинъ; ме-
жду-тѣмъ мы, бѣдные читатели, вокругъ себя ви-
димъ только безпредѣльный горизонтъ болѣе или ме-
нѣе миловиднаго безобразія, на которомъ посредствен-
ная красота сіяетъ уже яркою звѣздою и какъ рѣдкое
исключеніе. Спросите у живописцевъ, сколько они видѣ-
ли на свѣтѣ идеальныхъ красавицъ! Греки, чтобы со-
ставить для своего неба одну такую женщину, о ка-

кихъ вы намъ ежедневно рассказываете новые анекдоты, должны были совокупить въ одномъ тѣлѣ частныя совершенства тысячи знаменитѣйшихъ красавицъ своего времени. И когда, въ своемъ воображеніи, создадите такую неземную красоту, что же вы изъ нея дѣлаете? Назвавъ ее Ольгою или Зенеюдою, придаете ей въ обожатели Владиміра, съ которымъ, проливъ нѣсколько слезъ по случаю маменькиныхъ капризовъ или препятствій со стороны опекуна, она непременно будетъ счастлива среди розъ супружеской любви, если до этой неизбежной развязки смерть не похититъ ея или Владиміра. Какъ-будто изъ пламенной любви и необыкновенной красоты можно составить счастье на землѣ! Какъ-будто человѣческое счастье состоитъ не въ посредственности! не въ этомъ блаженномъ равновѣсіи совершенствъ и недостатковъ, которымъ природа такъ искусно распоряжается въ дѣлѣ творенія, и изъ котораго образуетъ она наслажденіе всего созданнаго во вселенной! Оставьте въ покоѣ идеальную красоту. Природа производитъ ее для показанія своего могущества и для удивленія людей видомъ ихъ возможно-совершеннаго образа, но благость Творца позволила ей только изрѣдка выходить изъ спасительной колеи равновѣсія и производить эти опасныя возможности. Преклоните колѣни передъ такими проявленіями сокровеннаго совершенства, и не оскорбляйте ихъ приторными бреднями своего вымысла. Великая красота, это — великое несчастіе! Она, въ женщинѣ, то же, что гений въ мужчинѣ: а когда гении были счастливыми? Общій удѣлъ ихъ — борьба, терпѣніе, страданіе. Для нихъ на землѣ даже нѣтъ любви, которая была бы ихъ достойна.

Я давно живу на свѣтѣ, но помню только двухъ или трехъ такихъ красавицъ, и всѣ онѣ были очень несчастны. Въ особенности помню одну, которой, если позволите, расскажу вамъ печальную исторію. Она была знаменита своей красою: потому что необыкновенной кра

соть, какъ и необыкновенному генію, человекъ не дозволить оставаться въ безвѣстности. Нельзя себѣ представить ничего правильнѣе и тоньше чертъ ея лица, ничего бѣлѣе и нѣжнѣе ея кожи, розовѣе ея румянца, чертѣ волосъ ея, алѣе губъ, очаровательнѣе улыбки, ничего идеальнѣе формъ ея тѣла, стройнаго, высокаго, величественнаго, въ которомъ все, отъ уха до оконечности ножи, было совершенство и гармонія. Она затмѣвала собою самыя блистательныя созданія воображенія великихъ живописцевъ. Люди останавливались въ изумленіи, встрѣчаясь съ нею на улицахъ. И первымъ движеніемъ ихъ всегда былъ неописанный восторгъ, вторымъ — досада на себя, и клевета въ отмщеніе за такое превосходство.

Родители ея были люди богатые и знатные: страсть къ роскоши и честолюбіе сильно разстроили ихъ огромное состояніе, но оно было еще весьма значительно въ то время, когда ихъ сокровище, предметъ ихъ гордости, ихъ несравненная Анна, достигала шестнадцатилѣтняго возраста. Необыкновенная красота и богатство!... каждый полагаетъ, что изъ соединенія этихъ двухъ великихъ началъ наслажденія, особенно если къ нимъ прибавить любовь, должно непременно составить верховное счастье: но какъ далеко, и всё самыми естественными путями, повели они Анну къ противоположнымъ послѣдствіямъ, именно по причинѣ ея необыкновенной красоты!

Мать Анны никогда не была настоящею красавицею: въ молодости она обладала только тѣми необходимыми прелестями, которыя съ перваго взгляду не позволяютъ видѣть множества недостатковъ и составляютъ ходячую женскую красоту; но тѣмъ не менѣе она считала себя прекраснѣйшею женщиною во всей столицѣ и, благодаря неунынной заботливости о сохраненіи этихъ драгоценныхъ прелестей, въ тридцать пять лѣтъ была

еще очень хороша. Многія праздныя сердца влюблялись въ нее со скуки и гораздо позже, когда уже въ свѣтъ не было другой рѣчи какъ объ удивительной красотѣ ея старшей дочери. Но надобно отдать справедливость уму и сердцу графини Маріи : она умѣла быть доброю матерью въ самомъ опасномъ стеченіи обстоятельствъ, когда, ея старое тщеславіе, и молодое тщеславіе дочери, оба совершенно законныя и естественныя, могли вступить въ гибельную борьбу другъ съ другомъ и породить между ними тайную ненависть. Это было уже великое счастье для Анны : не всѣ матери, въ положеніи графини Маріи, бываютъ такъ благоразумны. Кокетками, въ обществѣ, называютъ только такихъ женщинъ, которыя вовсе не умѣютъ кокетничать, стараясь производить очарованіе слишкомъ грубо и явственно : самыя искусныя кокетки, напротивъ, тѣ, на которыхъ никогда не падаетъ подозрѣніе въ намѣреніи кокетничать, между-тѣмъ какъ онѣ во всю жизнь тѣмъ только и занимаются. Женщина безъ кокетства — существо противоестественное: это все-равно что мужчина трусъ, что солдатъ робѣющій при встрѣчѣ съ непріателемъ, и я скажу какъ Дездемона, —

I do not think there is any such woman, —

«Я не вѣрю, чтобы такія женщины были на свѣтѣ!» Такимъ образомъ, ни мало не обижу я праха покойной графини Маріи утвержденіемъ, что она была одною изъ искуснѣйшихъ кокетокъ своей эпохи : что касается до ея добродѣтели, то для насъ совершенно достаточно знать, что графъ Андрей, мужъ очень вѣтренный и невѣрный, былъ доволенъ этой статьюю въ своей супружъ, иногда доволенъ до досады.

— Если бы я не была такъ добродѣтельна, часто говорила ему жена : если бъ я могла рѣшиться на самое невинное кокетство, ты не упалъ бы такъ жестоко. Ты

знаешь, что я имѣла прекрасный случай поддержать тебя!

При этихъ словахъ, графиня Марія украдкою бросала самодовольный взглядъ на зеркало, а графъ Андрей нахмуривался, бралъ книгу и, бросаясь на диванъ, думалъ про себя: «Такъ зачѣмъ же ужъ и не поддержала!... какая мнѣ польза отъ добродѣтели, которая стоить намъ такъ дорого!»

Если то, что графиня Марія называла «жестокимъ паденіемъ» своего мужа, было слѣдствіемъ только ея желѣзной добродѣтели, то добродѣтель женъ принадлежала бы къ разряду самой дорогой домашней утвари, къ наслажденіямъ исключительно аристократическимъ: она дѣйствительно стоила мужу слишкомъ милліона два долговъ, сдѣланныхъ на преслѣдованіе мечтъ честолюбія, къ которымъ подстрекала его сама же графиня Марія. По ея словамъ, отъ нея зависѣло утвердить первый успѣхъ на прочномъ основаніи, но она отказалась отъ всего, чтобы спасти свою добродѣтель. Есть однако жъ другія данныя, противорѣчащія этому прекрасному толкованію событія. При помощи всѣхъ возможныхъ средствъ, въ числѣ которыхъ поставляютъ искусство графини Маріи пріобрѣтать усердныхъ пріятелей мужу, его умъ и дарованія сначала пошли въ славу, и онъ скоро возвысился. Благоразуміе повелѣвало остановиться на средней точкѣ. Но графиня Марія, слишкомъ полагаясь на свой умъ, требовала, чтобы мужъ пользовался благопріятными обстоятельствами, и онъ неожиданно достигъ той высоты, съ которой всѣ увидѣли его неспособность. Съ той минуты паденіе было неизбѣжно. Современныя лѣтописи упоминаютъ, что графиня Марія употребила всю силу своихъ глазъ, плечъ и улыбокъ, и даже готова была рѣшиться на болѣе важныя пожертвованія, чтобы предупредить катастрофу: но какъ ни что

не могло отвратить удару, то она живописно завернулась, передъ мужемъ, въ великолѣпный плащъ добродѣтели, а мужъ, передъ свѣтомъ, заключился въ достоинство неузнаннаго человѣка, котораго, просто, не допустила зависть быть полезнымъ и великимъ.

Честолюбцы не прежде какъ послѣ паденія примѣчаютъ, что у нихъ есть дѣти и источники домашняго блаженства, и несчастіе родителей Анны обратилось на-время въ ея пользу. Графъ Андрей и графиня Марія открыли у себя прелестное дитя, достойное ихъ любви и восторговъ. Съ той минуты они привязались къ ней всей душою. Заботливый взоръ матери проникъ въ стаю гувернантокъ и учителей, которымъ дотолъ она была ввѣрена, и окружилъ ее нѣжными попеченіями: мать сама занялась ея воспитаніемъ.

Въ Европѣ извѣстны двѣ различныя системы женскаго воспитанія: одна состоитъ въ возвращеніи дѣвушекъ, до замужства, въ совершенномъ незнаніи зла, другая во внушеніи имъ сильнаго чувства долга; одна тщательно отдѣляетъ дѣвушку отъ свѣта и скрываетъ отъ нея всякое понятіе объ его безпорядкахъ, надѣясь, посредствомъ полнаго невѣжества въ дѣлахъ жизни, сохранить въ ней для брака дѣвственность души и чистоту мысли; другая позволяетъ ей свободно наблюдать свѣтъ, узнавать людей съ раннихъ лѣтъ, ходить объ-руку съ жизнью, играть со страстью, но вооружаетъ ее противъ всѣхъ опасностей твердымъ понятіемъ о чести и святыхъ обязанностяхъ женщины. Первой системѣ слѣдуютъ во Франціи, въ Италиі, и такъ далѣе: второй въ Англии и нѣкоторыхъ частяхъ Германіи, но особенно въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ дѣвушки, до замужства, пользуются полною свободою. Я не хочу разбирать, которая изъ двухъ методъ надежнѣе для мужей: добродѣтельныхъ женъ вездѣ много, гораздо болѣе нежели чистыхъ репутацій. Но, для женщинъ, для

ихъ счастья, феодальное воспитаніе въ неприступномъ замкѣ невѣдѣнія чрезвычайно не выгодно. Каждая изъ монхъ читательницъ, при небольшомъ соображеніи дѣла, сама легко почувствуетъ, что это искусственное невѣжество, ни къ чему не служить на дѣлѣ: въ первый годъ брака оно уже совсѣмъ разсѣивается, если еще прежде не было случая какъ-нибудь украдкою приподнять его завѣсу; и молодая женщина, не зная какъ употреблять вдругъ полученную свободу, находится, безъ вѣрнаго внутренняго руководителя, въ непрерывной опасности сдѣлаться жертвою своей неопытности среди безчисленныхъ прельщеній свѣта. На знаменитаго внѣшняго руководителя, то есть, мужа, всѣ мы знаемъ, какъ мало можно полагаться: это кормчій, который, выплывъ съ вами въ море, бѣльшею частью спитъ пребезпечно въ лодкѣ: и не доведи, Господи, чтобы, проснувшись, онъ вдругъ схватился за руль!... по своей самонадѣянности, онъ какъ-разъ самъ направитъ лодку на подводный камень. Это ужъ такая у него *нація!* Но предположимъ, что счастливый случай спасъ отъ всѣхъ крушеній молодую женщину, получившую такое воспитаніе: пробираясь сквозь незнаемыя опасности, ей не возможно не забыться гдѣ-нибудь на мгновеніе, не заглядѣться невиннымъ образомъ, не прельститься очарованіемъ, во всей чистотѣ сердца и мысли: каждая подобная *inconséquence* подаетъ поводъ къ злословію; клевета жадно овладѣваетъ новою своею добычею; репутація, спокойствіе и счастье разрушены.

Но если тамъ, гдѣ происходило дѣйствіе, понятія уже приняли это направленіе, то несправедливо было бы упрекать графиню Марію, что она, въ воспитаніи своей дочери, послѣдовала общему примѣру; что, заключивъ Анну тщательно въ свои объятія, она совершенно закрыла отъ нея свѣтъ, котораго такъ хорошо знала всѣ опасности; что, желая оградить на-время

зеркальную поверхность этой свѣтлой души отъ нечистаго дыханія общества, собственными руками приготовила ей въ будущемъ тысячу глубокихъ страданій. Анна выросла въ томъ торжественномъ невѣдѣніи, сквозь хрустальныя стѣны котораго свѣтъ и его пороки облекаются въ роскошныя цвѣта радуги и молодымъ умамъ кажутся земнымъ раемъ, гдѣ обитаютъ только добродѣтель, восторгъ и счастье. Мысль расцвѣтающей дѣвушки, на которую природа уже высыпала первыя красоты весны, разгорячается отъ этого обманчиваго зрѣлища гораздо болѣе чѣмъ отъ чтенія романовъ, и ей остается только сравнивать передъ зеркаломъ свои прелести съ плѣнительнымъ видомъ страны, ожидающей ея прибытія. Въ этой тайной самоучкѣ тщеславія, разумъ, непривычный къ наблюденію, чуждый всякаго понятія о дѣйствительности, поражается слѣпотою, часто неизлечимую; и оттого давно уже замѣчено, что въ молодыхъ особахъ ограниченность ума бываетъ любимую спутницею красоты. А между-тѣмъ въ нихъ-то, въ этихъ-то самыхъ блестящихъ цвѣткахъ челоуѣчества, правильное воспитаніе и должно было бы предпочтительно развивать силу разсужденія, потому что они болѣе всѣхъ прочихъ будутъ подвержены прельщеніямъ свѣта и жадности пороку. Анна, въ эту эпоху жизни, не была лучше другихъ юныхъ красавицъ: наемныя воспитательницы и льстивыя служанки благовременно развили въ ней самосознаніе необыкновенной красоты; зеркало услужливо подтверждало ихъ раболѣпные восторги; да и маменька, съ восхищеніемъ глядя на это чудо природы, невольно признавала, что Анна почти такъ же хороша, какъ была она сама въ ея лѣта. Будучи отдѣлена отъ общества китайскою стѣною своего воспитанія, дѣвушка, естественно, занималась собою болѣе нежели чѣмъ-либо на свѣтѣ: великое несчастье! — потому что отсюда происходятъ глупость и эгоизмъ. Съ каждымъ днемъ болѣе она дѣлалась идоломъ родите-

лей : все въ домѣ относилось къ ней, и она все относилась къ себѣ.

Я забылъ сказать, что у Анны была сестра, Катенька, но это потому что и родители не совсѣмъ помнили, что у нихъ есть еще другая дочь, моложе Анны только двумя годами. Причиною такого забвенія было не что иное какъ отсутствіе красоты: Катенька не обѣщала сдѣлаться даже и посредственно миловидною; очеркъ и цвѣтъ лица, маленькіе глаза, огромный носъ, широкій ротъ, длинная шея, большія руки и ноги, не предвѣщали въ ней ничего плѣнительнаго. Если бы она была единственная дочь, графиня Марія, конечно, не находила бы ея такою безобразной : но можно ли было матери смотрѣть на нее безъ огорченія, безъ тайной досады, возлѣ Анны? Тщетно мать дѣлала усилія, чтобы дѣлать ласки свои поровну между двумя дѣтьми : глаза ея невольно отвращались отъ Катеньки и съ упоеніемъ останавливались на художественныхъ красотахъ старшей дочери ; во взглядѣ ея было меньше удовольствія, въ поцѣлѣу меньше теплоты, и въ самомъ ободреніи какъ-будто заключался упрекъ. Катенька все это чувствовала, понимала, разгадывала : досада и зависть дѣлали ее брюзгливою, своеюравною, злою: двѣ сестры ссорились безпрестанно; мстительность и ѣдкость этого ребенка часто приводили въ слезы кроткую Анну; это влекло за собою справедливую строгость матери, которая наконецъ утомилась выговорами и охладѣла даже и по-наружности къ непокорной дочери. Катеньку предоставили гувернанткамъ. Въ четырнадцать лѣтъ, она уже душевно ненавидѣла свою сестру-красавицу. Она тайно вела дневникъ своихъ наблюденій и чувствованій, и писала въ немъ — *это чудовище, Анна — съ ней нѣтъ ничего благороднаго, ничего хорошаго, — она убьетъ или отравитъ меня!* — Между-тѣмъ Анна, которую она съ такимъ наслажденіемъ представляла себѣ извергомъ, добрая, чувствительная Анна, была

душевно къ ней привязана : она дѣлала все, что только могла, чтобы доказать сестрѣ свою любовь, преданность, готовность на пожертвованія; но ничѣмъ нельзя было излечить сердца, глубоко уязвленнаго завистью, которая болѣе и болѣе искажала характеръ Катеньки. Анна наконецъ догадалась, несмотря на ограниченность своихъ понятій, что этотъ ужасный, неблагодарный характеръ, этотъ домашній адъ, вся эта непонятная и неестественная вражда, источникъ столькихъ семейныхъ неудовольствій, грозившій ей еще большими огорченіями въ будущемъ, происходили прямо отъ ея необычайной красоты. Съ той минуты Анна узнала душевные страданія : она плакала по ночамъ, хотѣла умереть, проклинала свою красоту, и если бы могла, то охотно уступила бы ее сестрѣ и облеклась бы въ ея безобразіе, чтобы только приобрести себѣ ея любовь. «Неземная красавица» была несчастна еще до вступленія въ свѣтъ.

Эта торжественная эпоха уже приближалась, и Анна горячо призывала ее въ своихъ мечтахъ, надѣясь найти въ свѣтъ болѣе теплаго чувства нежели въ холодномъ сердцѣ родной сестры. Ей уже былъ семнадцатый годъ въ исходѣ; тѣло ея развилось во всемъ своемъ великолѣпіи; время не могло ничего прибавить къ ея прелестямъ, но мать еще никуда не брала ея съ собою. Многимъ это покажется страннымъ : но расчетливыя матери знаютъ, въ чемъ тутъ сила. По ихъ теоріи, дочь красавицу должно представить свѣту уже полною невѣстой, вдругъ ослѣпить жениховъ, и выдать за мужъ тутъ же, на-мѣстѣ : возить заранее въ публичные мѣста, показывать блестящій алмазъ по частямъ, развѣшивать дорогой товаръ за годъ или за два до срока продажи съ молотка, все это никуда не годится: во-первыхъ, глаза привыкнутъ; во-вторыхъ, когда-нибудь впоследствии, если придется долго ждать прилично партіи, многіе вспомнятъ, что видѣли вашу дочь взро-

лю дѣвицею въ такомъ-то году и въ такомъ-то мѣстѣ, станутъ разсчитывать, и вычтутъ, что она уже не молода. При этомъ непріятномъ случаѣ, вдругъ прибавляется по два или по три ненужныхъ года къ объявленному возрасту, не только дочери, но и самой матери, потому что представляя свѣту впервые семнадцатилѣтнюю дочку, вы, разумѣется, сказали, что ей только «шестнадцатый годъ вначалѣ», и себя тутъ же убавили два года для равновѣсія. И это одинъ изъ сильнѣйшихъ поводовъ, которые побуждаютъ множество женщинъ предпочитать французскую методу воспитанія дочерей, основанную на совершенномъ отдѣленіи ихъ отъ свѣта до извѣстнаго возраста: она, удобнѣе всѣхъ другихъ методъ, позволяетъ матери скрадывать у себя годъ и какъ нельзя лучше пренятствуетъ повѣркѣ. Моралисты написали много тяжелыхъ шутокъ надъ этимъ древнимъ обыкновеніемъ женщинъ, не примѣчая, что ихъ насмѣшки противны здравому разсудку. По-моему, женщина должна быть всегда молода: это—ея ремесло. Какъ! да если ей не убавлять себя годовъ, такъ ужъ и не сжимать талия корсетами, не надѣвать тѣсныхъ перчатокъ, не носить узкихъ башмаковъ, не употреблять вырѣзныхъ платьевъ, не показывать плечъ, не опускать глазъ,—не притворяться!—перестать быть женщиною! Гдѣ логика?... Что касается до меня, — я моралистъ не хуже другихъ, — философъ, такой же почтенный какъ и многіе философы въ рыжихъ парикахъ, — но скажу откровенно, что я не уважаю женщины, которая, при появленіи гостей, не поправитъ своихъ локоновъ и не спрячетъ вѣдь подушку по-крайней-мѣрѣ трехъ годовъ изъ своей жизни, — до тридцати лѣтъ, — а какихъ-нибудь пять или шесть, послѣ тридцати. Случись оно при моемъ появленіи, я готовъ такой безпорядокъ принять въ личную для себя обиду, — какъ явное нежеланіе мнѣ нравиться, — какъ презрѣніе ко мнѣ, — какъ нарушеніе законовъ гостепріимства! При томъ, со стороны жен-

щины, объявленіе вѣрнаго итога своихъ лѣтъ означаетъ злой характеръ : тѣ, которыя не убавляютъ себя, всегда прибавляютъ другимъ. Впрочемъ.... о чемъ тутъ спорить ! Таковъ законъ природы, которая, конечно, умнѣе всѣхъ моралистовъ. Съ сотворенія міра донинѣ, всѣ убавляли и убавляютъ, и свѣтъ, собственно, старѣе нѣсколькими годами, нежели какъ пишутъ въ календаряхъ. Женщина не можетъ не скрадывать своего возраста : это свѣше ея силъ. Въ Австріи было обыкновеніе подавать, въ день рожденія, первымъ блюдомъ яйца всмятку : приносили подъ салфеткою столько яицъ, сколько минуло годовъ хозяину праздника, гости разбирали яйца, сосчитывали ихъ и поздравляли по-принадлежности. Императрица Марія-Тереза, въ пожилыхъ лѣтахъ, всегда при такихъ случаяхъ вынимала по-тихоньку передъ обѣдомъ нѣсколько яицъ изъ-подъ салфетки, чтобы уменьшить итогъ ихъ при расчетѣ, хотя настоящій годъ ея рожденія былъ напечатанъ во всѣхъ календаряхъ. Такъ можно ли, послѣ этого, обвинять графиню Марію въ жестокомъ эгоизмѣ, единственно за то, что она слишкомъ долго откладывала предъ-явленіе своей дочери свѣту, чтобы благовиднѣе убавить себя какихъ-нибудь два года, не болѣе, въ добавокъ къ двумъ, убавленнымъ прежде еще ея матерью?

Это немножко длинно ; но совершенно необходимо для моего дѣла и для хронологіи нашей исторіи.

Когда графиня Марія выходила замужъ, ей было двадцать лѣтъ отъ-роду, но зятю, повеликодушію, поставили въ счетъ только осемнадцать. Прибавивъ къ двадцати годамъ семнадцати-лѣтнюю дочь и одинъ годъ замужства до ея рожденія, по печатнымъ правиламъ ариметики выходитъ тридцать осемь : но печатныя правила ариметики въ практикѣ безбожно ложны. Дочери теперь только шестнадцатый годъ вначалѣ — иначе и быть не можетъ : надобно же ей, до брач-

наго совершеннолѣтія, имѣть годъ времени впереди, для вѣнчанія жениха! — шестнадцать да осемнадцать, 33, — иные говорятъ, 34, — это еще не рѣшено, — графиня Марія во всякомъ случаѣ — еще молодая женщина, и еще долго останется молодою. Слѣдовательно, графиня Марія, чтобы за хлопотами воспитанія не потерять навыку къ искусству, увѣжала каждое лѣто на воды пококетничать, по общему примѣру, мѣсяца на три съ половиною. Въ этотъ годъ, — въ годъ называемый «шестнадцатымъ началомъ», — она взяла съ собою и Анну. Теперь уже можно было показать ее людямъ: притомъ, всегда ловѣе ввести дочь въ свѣтъ прямо изъ-за границы, и всегда лучше, когда первое, пробное, впечатлѣніе будетъ юною красавицею произведено въ другомъ обществѣ, особенно, если можно, въ европейскомъ фешенебельномъ мѣстѣ; когда она явится между своими уже съ громкою славою и — о счастье! — о блаженство! — съ готовою исторіей о возбужденіи отчаянной страсти въ какомъ-нибудь заколдованномъ принцѣ, инкогнито пившемъ горькую воду вмѣстѣ.

Я сказалъ, что графиня Марія и графъ Андрей были люди честолюбивые: историческая точность заставила меня открыть эту общую слабую сторону ихъ разнородныхъ характеровъ; но, для несчастія Анны, вовсе ненужно было этого предварительнаго обстоятельства: родители, которымъ небо посылаетъ въ дочери такой великій даръ, такую блестящую красоту, становятся честолюбивыми, когда бы они и не знали этого мучительнаго чувства прежде. Не справедливо ли имъ гордиться такимъ подаркомъ любви своей? Не въ правѣ ли они, обладая подобнымъ сокровищемъ, считать себя выше другихъ? Естественно ли имъ знать первымъ его неисчислимымъ цѣну, находить все обыкновенное не довольно выходящимъ для столь высокаго проявленія чудесной силы природы, мечтать объ его величій въ будущемъ, и, по трудамъ, опасеній и печалей продолжительной за-

ботливости объ его сохраненіи, связывать съ нимъ надежды на свое собственное возвышеніе какъ вполне заслуженную награду?..... Между графиней Маріей и графомъ Андреемъ давно уже велись разсужденія, и даже жаркіе споры, о томъ, чего можно ожидать отъ Анны, и какъ лучше употребить ее въ дѣло общаго счастья, то есть, силы и значенія въ свѣтъ. Теперь эти споры приняли характеръ болѣе важный и торжественный. Дочь вступила въ свѣтъ. Первый шагъ уже былъ сдѣланъ. Въ германскихъ столицахъ, гдѣ они останавливались, чтобы немножко показать Анну, удивительная красота ея привела въ волненіе цѣлые города; Нѣмцы ахнули: они и во снѣ не видали ничего подобнаго! Въ Эмсѣ, куда наконецъ семейство нашихъ путешественниковъ пріѣхало уже довольно поздно, чтобы дать время собраться самымъ важнымъ потокамъ зловкусной воды, въ этомъ періодическомъ столпотвореніи всѣхъ притязаній, всѣхъ языковъ, всѣхъ кокетствъ, всѣхъ душевныхъ и тѣлесныхъ болѣзней, въ этомъ модномъ и блестящемъ чистилищѣ уязвленныхъ честолюбій и разстроенныхъ желудковъ, стремящихся сюда со всѣхъ концовъ Европы, Анна, въ Эмсѣ, произвела землетрясеніе: дома поколебались, источники изсякли, аллеи и тропинки перепутались; это былъ шумъ, крикъ удивленія, общій восторгъ, даже между женщинами пріѣхавшими просто кокетничать. Между хворыми вспыхнулъ настоящій мятежъ. Доктора не могли унять бунтующихъ подагръ и чахотокъ. Воды были оставлены, стаканы опрокинуты, каждый бѣжалъ стремглавъ, чтобы гдѣ-нибудь встрѣтиться «съ неземною» пріѣзжею, чтобы взглянуть на это чудо. Графиня Марія, проходя черезъ этотъ безконечный рядъ торжествъ, столь упительныхъ для матери, въ радости своей забыла, что ей самой только тридцать-четвертый годъ. Но графъ Андрей, менѣе впечатлительный, не забывалъ ничего, и принялся разсуждать: это была его страсть, несчастна

страсть, которой жена приписывала всѣ ихъ неудачи. Но пельзя же не разсуждать! Дочь — невѣста! При первомъ опытѣ, она пріобрѣтаетъ такіе страшные успѣхи! Уже четверть Европы влюблена въ нее безъ памяти. Не возможно ввести ее въ свѣтъ безъ всякаго плану! И графъ Андрей, которому, безъ жены и безъ секретаря, никогда не приходили въ голову счастливыя идеи, разсуждалъ очень просто : за дѣйствительнымъ могуществомъ, за личнымъ вліяніемъ на дѣла, послѣ столь громкаго паденія, гоняться было нечего ; слѣдовательно, не остается ничего болѣе какъ итти путемъ такихъ почестей, которыя требуютъ только важности, осанки и нѣкоторой ловкости.

— Я думаю, что всего лучше будетъ выдать Аннету за молодого Т*** : это сблизитъ насъ съ его отцомъ и съ Э—ами, и черезъ нихъ можно будетъ все исправить.

— За молодого Т***? вскричала жена : за такого болвана?... .

— Что за нужда! Умъ въ супружествѣ не нуженъ.

«Ты говоришь по опыту!» подумала жена, но прибавила громко : — У него такое злое сердце! Онъ еще молодъ, а уже такой эгоистъ!

— Конечно, это большой порокъ. Но его отецъ очень силенъ, и намъ рѣшительно нуженъ : Аннета была бы счастлива съ сыномъ такого человѣка.

— Пожалуйста, не разсуждай о женскомъ счастьи! сказала графиня Марія : ты этихъ дѣлъ не понимаешь. Я никогда не отдамъ моей Анны за этого осла : такія красавицы, какъ она, рождаются на свѣтъ не для господъ Т***.

— Какъ тебѣ угодно, душа моя! Но я сегодня перебралъ всѣхъ мысленно и, кромѣ молодого Т*** и князя Петра, котораго ты напрасно не любишь, никого не вижу вокругъ насъ. А князь Петръ тоже могъ бы намъ

быть весьма полезенъ!... и по своему настоящему положенію, и по связямъ своей матери!

— Князь Петръ, сухо возразила графиня : уже промоталъ свою молодость и свое здоровье ; в той, которая рѣшится за него выйти, достанутся очень незавидные остатки. Ему уже далеко за сорокъ лѣтъ.

— Почти столько же какъ было и мнѣ, когда я женился.

Жена не дала на это ни какого отвѣту, чтобы не сказать мужу чего-нибудь неприятнаго. При имени князя Петра, тысяча различныхъ мыслей и чувствованій, которыхъ не въ состояніи понять ни какой мужъ въ свѣтъ, мгновенно въ ней закипѣли, столкнулись и разсыялись : она имѣла очень важныя причины не любить князя Петра. Промолчавъ нѣсколько секундъ, она сказала :

— Но онъ уже схоронилъ двухъ женъ!

— И готовъ жениться до безконечности.

— Разумѣется! Вътренику, мужчинѣ непостоянному и капризному, закоснѣлому домашнему тирану, это ничего не стоить. Обѣ его жены были очень несчастны.

— Третья можетъ быть счастливою. На это нѣтъ ни какого общаго правила. При его нынѣшнемъ значеніи, во-первыхъ, всякой чрезвычайно лестно будетъ носить его имя и пользоваться такимъ блестящимъ положеніемъ.... Его жена, особенно при красотѣ Анны и при небольшомъ умѣнъ, стояла бы въ члѣ всего общества, могла бы рѣшительно быть первою дамою.

— Это правда.

— Согласись, что это была бы прекрасная партія!

— Прекрасная, только не для Анны.

— Какъ, не для Анны? А для кого же?... Не только для Анны, но и для насъ съ тобою, мой другъ! Развѣ наше счастье — не ея счастье? ея — не наше?

— Анна въ правѣ помышлять о чемъ-нибудь по-лучше, сказала мать.

— По-лучше князя Петра! воскликнулъ отецъ. Ты нутнешь, моя милая! За кого же надвешься ты ее выдать?

— Предоставь это моему уму. Мы съ Анной найдемъ собъ жениха. Она еще слишкомъ молода; времени впереди довольно.

— Нельзя же начинать дѣло безъ плану!

— Охъ; ужъ мнѣ эти твои планы!.... Еще, сколько я помню, ни одинъ изъ нихъ не удался. Планъ сомастся послѣ, какъ прійдетъ время. Мы съ Аннетой съюмо можемъ подождать.

— Ты хочешь всё ждать! Я, право, не понимаю, чего ты ждешь: вѣдь ей скоро наступитъ осемнадцатый годъ!

— Стань же ты всѣмъ рассказывать, что ей скоро осемнадцатый годъ, такъ будетъ польза! съ живостью возразила жена.

— Затѣмъ рассказывать! отвѣчалъ мужъ хладнокровно: я знаю, что ей только шестнадцатый вначалѣ! При всемъ томъ, намъ уже пора заняться устройствомъ для нея выгодной партіи. Не думаешь ли ты выбирать ей жениховъ по своему вкусу въ то время, когда она влюбится въ кого-нибудь?.... Тогда будетъ поздно! А теперь, если умно приняться за дѣло.... я увѣренъ.... я имѣю предчувствіе, что, при помощи старой графини Наталии, князь Петръ, который скоро сюда прійдетъ....

— Да оставь же ты своего князя Петра! съ явною досадою сказала графиня Марія. Для Анны открыто все на свѣтъ: и что ты мнѣ скажешь, если она.... съ ея красотою, все возможно!.... если она вдругъ слѣзается даже?....

— Даже чѣмъ, напимьрѣ? живо спросилъ отецъ.

— Сувругою одной.....

— Одной?.... а не одного?

— Нѣтъ, не одного, а одной.

— Вотъ этого я никакъ не полагалъ!

— Однако жъ это положительно.

— Даже супругою одной!... Это что-то удивительное. Чьей же супругою?... Ну, скажи чьей!

— Вла.... сказала мать, послѣ минутнаго молчанія, колеблясь въ отвѣтъ и придавая ему глубокую таинственность внезапнымъ прерваніемъ начатаго слова.

— Машенька! моя милая! мой другъ! вскричалъ графъ Андрей, цѣлуя жену съ такимъ любопытствомъ, что, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, она могла бы это принять за порывъ любви: не мучь меня!.... скажи, что это такое?... Супругою одной Вла?...

— Не могу!

— Ради Бога, скажи!.... если ты меня любишь!

— Но я тебя не люблю! возразила она, улыбаясь. Развѣ ты еще имѣешь притязаніе на мою любовь?

— Необыкновенное! сказалъ мужъ, сгараая нетерпѣніемъ.

— Ахъ!.... зачѣмъ оно пришло такъ поздно! насмѣшливо вздохнула жена.

— Это, знаешь, возрожденіе Феникса изъ пепла, отвѣчалъ мужъ: возрожденіе, въ видѣ, еще блистательнѣе прежняго.

— Только прежняго? примолвила она, хохоча. Ну, такъ это еще немного! Но по случаю такого праздника....

— Ты удовлетворишь мое любопытство?

— Непременно! Твоя дочь можетъ сдѣлаться даже супругою одной высокой владѣтельной особы.

Я прерву здѣсь этотъ разговоръ. Набросимъ поскорѣе занавѣсъ на сумасбродныя предположенія матери, обманутой наружностью и своимъ честолюбіемъ. Поводомъ къ столь великолѣпной мечтѣ было слѣдующее обстоятельство. Въ Эмсѣ находился проездомъ одинъ молодой и богатый Англичанинъ, окружавшій себя, изъ странности или по расчету, какою-то таин-

ственностью. Онъ былъ въ концертъ и, на другой день, послалъ артистамъ, которые ему понравились, такіе щедрые подарки, что всѣ изумились. Стали дѣлать предложенія. Кто-то сказалъ, въ шутку или по глупости, что это — владѣтельная особа, путешествующая инкогнито. Въ обществѣ праздномъ, составленномъ изъ прїѣзжихъ всѣхъ націй, людей, вовсе неизвѣстныхъ другъ другу, самыя смѣшныя сплетни тотчасъ снискиваютъ себѣ общее довѣріе. Молодому Англичанину повсюду начали оказывать почтительное уваженіе. Необыкновенная красота Анны произвела въ немъ впечатлѣніе. Нѣсколько любезныхъ словъ, сказанныхъ имъ прелестной незнакомкѣ, нѣсколько привѣтствій, отпущенныхъ по необходимости самой матери, совершенно вскружили голову графинѣ Маріи. Она была увѣрена, что это принцъ и что онъ влюбленъ въ Анну до безпамятства. Это подало ей нелѣпую мысль о возможности выдать дочь свою за владѣтельную особу, и она безпрерывно бредила своимъ мнимымъ принцемъ. Англичанинъ уѣхалъ и забылъ объ Аннѣ. Но прошу переубѣдить даже самую умную мать такой красавицы, что дочь ея не имѣетъ права быть всѣмъ на свѣтѣ! Возраженія графа Андрея принисаны были его ограниченности: графиня Марія непременно требовала, чтобы онъ «предоставилъ это ея уму», потому что онъ ничего не знаетъ и не понимаетъ, и головой своей ручалась въ успѣхъ. Я не хочу рассказывать послѣдствій ея печальнаго заблужденія: болѣе жестокосердый льтописецъ изобразитъ когда-нибудь потомству, какъ она изъ Эмса дѣтала по всей Европѣ за мнимымъ высокимъ посѣтителемъ водъ, какъ вездѣ его ловила, какія жестокія возникли отсюда мистификаціи, и какою вопріятностью кончились для нея всѣ эти высокомѣрные поиски. Онъ съ Анною, только черезъ полтора года, возвратился въ свое отечество. Къ счастью, онъ не потерялъ ни одной секунды времени: любуясь на предпріятіе

графини Маріи, Время неподвижно остановилось въ изумленіи, и читательницамъ пріятно будетъ узнать, что мать и дочь пріѣхали назадъ такъ же, какъ уѣхали, — одна по «тридцать-четвертому году», — другая по «шестнадцатому вначалѣ».

Здѣсь я совсѣмъ оставляю на-время исторію графини Маріи : дочь ихъ уже не дитя ; она въ свѣтъ и почти невѣста ; у нея есть сердце и глаза, которые могутъ доставить намъ пропасть дѣла. Того, что мы видѣли, очень достаточно для удостовѣренія, что нѣтъ ни какой выгоды для дочери быть необыкновенною красавицей у своихъ родителей : это только возбуждаетъ въ нихъ честолюбіе, жадность, необузданныя надежды, высоконравные расчеты, въ которыхъ будущее счастье дѣвушки не ставится въ копѣйку. Матери, и нерѣдко также отцы, впадаютъ передъ ними въ идолопоклонство, но не изъ чистой любви, а потому что ждуть великихъ благъ отъ идеала ; и вообще родители гораздо основательнѣе и глубже любятъ дочерей, не ослѣпляющихся своей красотой : они тогда готовы уважать ихъ чувствованія.

Преувеличенное обожаніе со стороны матери имѣло весьма предосудительное вліаніе на Анну, которая мало-по-малу усвоила себѣ всѣ качества идеала, — мраморный холодъ, нечувствительность къ куреніямъ, и требованіе всеобщаго поклоненія со стороны смертныхъ. Триумфальное путешествіе ея по Европѣ было однимъ непрерывнымъ торжествомъ ; но она ничего не видала : она только показывала себя и думала о томъ, чтобы ее хорошо видѣли. Ктѣ же изъ васъ, милыя мои читательницы, согласится быть такимъ истуканомъ?..... Нѣтъ ни одной, сколько мнѣ извѣстно, которая бы охотно не пожертвовала всей остальной жизнію, чтобы одинъ годъ, — не болѣе, — быть необыкновенною красавицею ; но вы думаете эту красоту соединить съ тѣмъ умомъ, съ тою силою разсужденія, которыя теперь на-лицо въ

мсь находятя, а это рѣшительно не возможно: съ той минуты какъ въ ослапительной красотѣ пробуждается умъ, она несчастна : все очарованіе исчезаетъ для нея, и она видитъ, какой ужасный даръ послала ей природа. Это такъ справедливо, что люди, которые выдумываютъ женщинъ, принуждены были, — чтобы соединить красоту, умъ и счастье, — изобрѣсть чудовище. Въ мнѳологіи нашихъ романовъ встрѣчаются иногда чудесныя красавицы, одаренныя высокимъ умомъ, и которыя въ то же время не знаютъ, что онѣ чудесныя красавицы, отчего, какъ говорятъ, онѣ еще красивѣе. Вѣрите ли вы существованію такихъ женщинъ? Похожи ли онѣ сколько-нибудь на женщину? Ктѣ изъ васъ согласится быть чудесною красавицею или, говоря технически, «дѣвою чудною», съ условіемъ ничего не знать объ томъ? Признайтесь, что одни только мужчины, могли, въ своемъ грубомъ незнаніи женской природы, изобрѣсть такихъ кентавровъ въ юбкахъ. У этихъ господъ одно только на умѣ, — красота! — неземная красота! — божественная красота! — и они приклеиваютъ ее ко всему возможному и невозможному, даже къ уму, спокойствію, счастью: разумѣется, только въ своемъ алчномъ воображеніи; потому что на-дѣлъ они не знаютъ тѣмъ и дѣлать съ такою красотою. Невѣжды! они, я, мы всѣ! всѣ мужчины! мы гоняемся за неуловимымъ блескомъ наружности, не понимая, что женщина, сама по себѣ, и безъ этой блестящей поверхности, есть высочайшая красота въ природѣ! Надобно только умѣть ее достигнуть.

Но оставимъ насъ, мужчинъ: я совершенно согласенъ съ вами, милостивыя государыни, что это — порода существъ, необходимыхъ для созданія вамъ на землѣ, своимъ трудомъ, красиваго, веселаго и удобнаго свѣта, расписаннаго красочными картинками, убранныаго золотомъ, бархатомъ, кружевомъ и стихами, но существъ, вылитыхъ изъ слишкомъ грубой матеріи и потому неспособныхъ понимать

многого весьма тонкаго въ высшей человѣческой природѣ, которой вы — настоящія и единственныя представительницы. Это — быки, сильные, рабочіе, искусные, съ большими рогами, но также и съ бычачьей тонкостью въ понятіяхъ: прежняя литература, которая изображала ихъ, возлѣ женщинъ, смѣшными, самонадѣянными и всегда обманутыми, была гораздо ближе къ истинѣ нежели нынѣшняя, жалующая этихъ надменныхъ рабовъ въ утонченныя тираны. Прочихъ! Будемте говорить о дѣлѣ. Всѣ вы желали бы, до замужства, быть такими «неземными» красавицами, такими «дѣвами чудными», о какихъ они мечтаютъ въ своемъ ненасытномъ невѣжествѣ. Ихъ оставимъ въ-сторонѣ; они мечтаютъ наобумъ: но къ чему полезна вамъ самимъ столь высокая красота? Чтобы добыть себѣ мужа, работника? И, Боже мой! для этого довольно только не быть безобразною! Тысячи очень посредственно прелестныхъ легко выходятъ замужъ, и тысячи такъ-называемыхъ красавицъ остаются сто лѣтъ въ дѣвкахъ. Любовь, которая должна кончиться бракомъ, почти никогда не зависитъ отъ красоты: есть русское слово, превосходно выражающее начало этого роду любви, именно, слово *приглянулась*. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы заставить мужчину рѣшиться на женитьбу, надобно только «приглянуться» ему: съ той волшебной минуты, онъ увидитъ въ васъ сотни красотъ, которыхъ и сами вы въ себѣ не видите. Но положимъ, что «неземная» красота пособила къ скорѣйшему достиженію результата. Бракъ состоялся: на другой день послѣ свадьбы, къ чему вамъ служить такая красота? Мужъ не станетъ любить васъ пламеннѣе за нее. Въ обладаніи вещами, самая необыкновенная вещь скоро становится для обладателя обыкновенною: притомъ для мужчины въхалатъ исчезаютъ всѣ красоты съезли; онъ не видитъ ихъ въ своемъ домѣ, а если, къ несподобности, примѣчаетъ, то становится ревнивцемъ, тираномъ и превращаетъ жизнь вашу въ безконечное терзаніе

Думаете ли вы, что мужья необыкновенныхъ красавицъ вѣрнѣе другихъ мужей? Ужасное заблужденіе! Изъ одного тщеславія, они почти всегда готовы измѣнить имъ. Напротивъ, по врожденной своему полу гордости, гораздо чаще упрямятся они быть вѣрными мужьями въ такихъ случаяхъ, когда всѣ постороннія хорошенькія женщины полагаютъ, что это имъ никакъ невозможно, и когда онъ, изъ состраданія, совершенно готовъ извинить крошечную измѣну со стороны этихъ «бѣдняковъ». Такая нація!

Рѣшительно, большая красота — во всѣхъ отношеніяхъ большая помѣха для супружескаго счастія, предположивъ даже, что съ нею соединяются образцовая кротость, героическое забвеніе своихъ преимуществъ, и характеръ вовсе не избалованный льстивымъ рабствомъ свѣта передъ всякою прекрасною наружностью, что, въ порядкѣ вещей, не возможно или, по-крайней-мѣрѣ, не вѣроятно. Самое счастіе устроено, на землѣ, безъ красоты: природа составляетъ чашу его для людей, сливая вмѣстѣ медовую росу чувствованій, желаній и надеждъ двухъ сердецъ, и приправляя ее душистымъ сокомъ, выжатымъ изъ неувядаемыхъ цвѣтовъ неограниченнаго взаимнаго довѣрія, нѣжной обоюдной заботливости и вѣчнаго согласія. Въ этомъ безсмертномъ питъи, красоты нѣтъ ни капли, потому что летучее ея начало, которое такъ быстро испаряется, и блекнетъ отъ солнечнаго луча, и мутится отъ вѣтру, и вянетъ отъ нечали, скоро оставило бы въ чашѣ только приторность и горечь, если бъ оно было необходимою частью волшебнаго состава. Посмотрите, какъ мудро, съ какою благостью, рассчитано наслажденіе смертныхъ Провидѣніемъ, и замѣтьте, что весь этотъ расчетъ сдѣланъ, отнюдь не на красоту, а на среднюю точку между безобразіемъ и красотою: оно дало человѣку инстинктъ супружества и, въ нѣдрахъ супружества, помѣстило всѣ сокровища счастія, для того чтобы, въ его очарованіяхъ,

онъ воображалъ, будто вѣчно видитъ передъ собою красоту и молодость! Привычка безпрестанно, бесконечно глядѣть на свою вѣрную подругу и дѣлиться съ ней жизнію; заставляетъ мужчину открывать въ лицѣ ея особенную прелесть, незримую для другихъ, и не видѣть измѣненій, наносимыхъ годами : всѣ кричатъ, что вы старѣетесь, — что уже состарѣлись, — одинъ онъ не примѣчаетъ этого : ему кажется, будто, за вычетомъ двухъ трехъ незначительныхъ морщинокъ, вы всё такъ же молоды и милы, какъ были въ день брака. Видѣли ль вы, съ какимъ восхищеніемъ, съ какимъ восторгомъ, антикварій разсматриваетъ старую монету, которую время изгрызло въ землѣ своими каменными зубами? какъ онъ мысленно возстанавливаетъ истертые черты? какъ пополняетъ воображеніемъ вызубренные округлости? и какъ онъ счастливъ въ ту минуту? Дайте ему новую, блестящую монету : онъ броситъ ее съ презрѣніемъ и опять углубится въ этотъ драгоценный памятникъ древности. Мужъ, послѣ пятнадцати лѣтъ счастливаго брака, просто — антикварій своей жены. Одно и то же чувство. И я воображаю, что Турокъ, у котораго, втеченіи осемнадцати или двадцати лѣтъ счастливаго супружества, наберется порядочная коллекція старыхъ женъ, долженъ, глядя на нихъ, испытывать совершенно то самое блаженство, какое ощущаетъ ученый К***, просиживая по цѣлымъ днямъ надъ своимъ собраніемъ древнихъ изломанныхъ копѣекъ!

Но вы скажете, что, взаимно красоты и молодости, я предполагаю въ бракъ условіе, котораго достигаютъ весьма не многіе, что я говорю исключительно о счастливомъ супружествѣ. Это правда : я говорю именно о счастливомъ. Не спорю, что такіе браки — чрезвычайная рѣдкость. Сегодня утромъ, я составилъ списокъ всѣхъ моихъ знакомокъ, которыя вышли замужъ по любви, — ихъ набралось семьдесятъ шесть, — подлѣ имени каждой, которая уже не любитъ своего мужа, я

стали крестикъ, — и оказалось, что, изъ семидесяти шести монахъ некогда влюбленныхъ знакомецъ, семьдесятъ двѣ съ огромными крестиками, рѣшительно не любить своихъ мужей, за невозможностью любить долѣе такихъ тирановъ, грубіановъ, эгоистовъ, вѣтренниковъ, — одна остается подъ сомнѣніемъ, — двѣ любятъ порядочно, несмотря на тиранство, — одна обожаетъ. Списокъ удивительно вѣренъ, и основанъ на самыхъ несомнѣнныхъ документахъ. Положеніе дѣла ужасно. Семьдесятъ двѣ изъ семидесяти шести! Но такое огромное число несчастныхъ водилось только до-сихъ-поръ: впередъ оно чрезвычайно уменьшится, и даже дойдетъ вкорѣ до нуля, потому что я открылъ рецептъ, какъ быть счастливою въ супружествѣ, — который, для общаго блага монахъ прекрасныхъ читательницъ, тутъ же и сообщаю, не требуя даже десяти-лѣтней привилегіи въ свою пользу за труды и издержки на изобрѣтеніе. Средство — самое простое! Хотите ли, чтобы мужъ обожалъ васъ постоянно, неизмѣнно, чтобы онъ былъ вѣренъ, учтивъ, внимателенъ, заботливъ, покоренъ, достоинъ любви, чтобы вы надъ нимъ безпредѣльно владычествовали и чувствовали себя совершенно счастливыми?... Будьте съ нимъ всегда такъ любезны и милы, какъ вы были, будучи его невѣстою. Не перемѣняйтесь ни сколько! Продолжайте, — вѣдь это для васъ такъ легко! — продолжайте, и послѣ свадьбы, быть той же невѣстою, относительно къ ровности характера, отсутствію капризовъ, кротости, невзыскательности, любезному и веселому нраву; встрѣчайте мужа какъ жениха, всё съ той же ангельскою улыбкою, съ тѣмъ же нѣжнымъ взглядомъ, съ тѣмъ пламеннымъ выраженіемъ любви; если у васъ есть своедравіе, страсть спорить, склонность ворчать, готовность къ упреку, расположеніе къ кокетству или другіе недостатки, прячьте ихъ отъ мужа такъ тщательно, какъ вы прятали отъ жениха: вѣдь такого тигра, медвѣдя, слона, носорога, во всей

лютой породѣ мужей, который бы, съ этимъ простымъ средствомъ, не смирился у ногъ вашихъ; котораго природная дикость не превратилась бы въ самое страстное и постоянное обожаніе, властолюбіе въ самую плънительную покорность, эгоизмъ въ образцовую благодарность. Новаго ничего противъ мужей выдумывать не нужно : будьте только такъ, какъ были невѣстой!

Вы, однако жъ, всё-таки желали бъ быть необыкновенными красавицами, — и я знаю длячего! — длятого чтобы, если мужъ возмутится противъ вашего законнаго владычества, противъ долгу вѣрности и повиновенія, отмстить мятежнику за измѣну, показать неблагодарному все его ничтожество, быть завоевательницею, покорять, владычествовать надъ другими, надъ свѣтомъ, надъ всѣмъ этимъ поломъ, къ которому принадлежитъ чудовище. Но — Боже мой! — знаете ли всѣ опасности, весь дымъ, всю горечь, всѣ бѣдствія, яды, кинжалы такого владычества? Вы не царствуете, но только защищаетесь отъ злобы непріятели и коварства рабовъ. Вы ходите въ пышной мантии по вулкану : эта горячая почва вдругъ взорвется невидимою подземною силою, и вы ничтожно погибнете въ огнѣ, пыли, сажѣ и потокахъ извергнутой грязи..... Я, кажется, примѣчаю, что вы зѣваете? Вы какъ-будто находите, что это болѣе похоже на лекцію нравственной философіи чѣмъ на повѣсть, которой отъ меня ожидаете? Да я повѣсти и не пишу! Я пишу дѣло.

Анна воротилась изъ-за границы прекрасная какъ солнце и безчувственная какъ лента.

При первомъ вступленіи въ общество, въ одномъ изъ тѣхъ немногочисленныхъ, но очаровательныхъ круговъ, въ которые осень соединяетъ по нѣскольку челоуѣкъ родныхъ и короткихъ знакомыхъ, длинное и блѣдное лицо одного изъ присутствующихъ привлекло къ себѣ ея вниманіе. Это было у ея тетки, мадамъ Б***. Все общество состояло — изъ хозяйки, безобразной, но

ловкой и умной женщины, которая, какъ известно, деспотически управляла своимъ мужемъ, совершенно влюбленнымъ въ нее еще послѣ осемнадцати-лѣтняго супружества; ея всеподданнѣйшаго мужа, чело-вѣка весьма неглупаго, способнаго, и очень просвѣщеннаго; ихъ общей дочери Софіи, сентиментальной болтушки, начинающей кокетки, которая уже очень искусно работала глазами, живой, бѣленькой, розовой, довольно миловидной; изъ великолѣпной княгини Х***, славившейся своей ученостью, впрочемъ милой и доброй женщины; ея дочери Александры, пожилой дѣвы, которую обыкновенно звали княжной Лоло, ядовитой пересмѣшницы, одаренной тонкою наблюдательностью, но скрытной, злой, молчаливой, всегда выжидавшей случая; чтобы, съ заоблачной вышины своего ума, объявить смертнымъ свою сентенцію; графини Маріи и ея чудесной статуи, Анны; стараго графа Ф***, который въ городѣ слылъ чело-вѣкомъ очень ограниченнымъ, но въ обществѣ былъ всегда самымъ замысловатымъ и неисчерпаемымъ рассказчикомъ пріятныхъ анекдотовъ; наконецъ изъ молодаго чело-вѣка, съ вышесказаннымъ длиннымъ и блѣднымъ лицомъ, съ грустною улыбкою, съ небрежною и нѣсколько разсѣянною наружностью, но съ одушевленною и изящною рѣчью, блестящимъ воображеніемъ, и живописнымъ колоритомъ почти въ каждомъ словѣ; и двухъ знатныхъ иностранцевъ, обходительныхъ, учтивыхъ, сладкихъ, одѣтыхъ неукоризненно, и весьма красивыхъ собою: однимъ изъ нихъ былъ маркизь С***, молодой Италіянецъ, прославленный красавецъ, левъ, щеголь, мотъ, герой будуаровъ, кукла и чума всѣхъ внутреннихъ женщинъ, великолѣпная банка тщеславія, влюбленная въ собственную красоту, и, слѣдовательно, чело-вѣкъ не очень пронцательный; другимъ баронъ З***, секретарь одной изъ германскихъ миссій. Я принужденъ говорить объ нихъ съ нѣкоторыми подробно-

стями, потому что все они вскорѣ переселились въ гостиную графини Маріи. Маркизу, какъ кажется, Анна съ перваго взгляду ужасно понравилась: это было тѣмъ очевиднѣе, что на нее онъ только бросалъ сладкіе взгляды и, какъ хорошій дипломатъ, тотчасъ занялся исключительно матерью и расточалъ передъ ней всю свою любезность. Прочіе, все вмѣстѣ, искали совокупнаго удовольствія. Въ этомъ небольшомъ и почти дружескомъ обществѣ совокуплены были, какъ вы видите, все элементы очарованія, — умъ, красота, злость, познанія, краснорѣчіе, остроуміе, изящество, глупость. Изъ смѣси ихъ образовалась одна изъ самыхъ восхитительныхъ бесѣдъ, какими только наслаждались люди отъ вымышленія самолюбія. Но молодой человекъ съ длиннымъ и блѣднымъ лицомъ, котораго по разнымъ причинамъ я не могу называть иначе какъ Валеріаномъ, господствовалъ въ ней примѣтнымъ образомъ посредствомъ своего плѣнительнаго ума и слова; когда онъ говорилъ, удовольствіе написано было на всѣхъ лицахъ, и когда молчалъ, предаваясь своей привычной задумчивости, все, казалось, ждало съ нетерпѣніемъ той минуты, когда онъ снова начнетъ говорить. Лицо его все не отличалось миловидностью: напротивъ, въ обыкновенномъ выраженіи его было что-то сухое, жесткое, неприятное; но, когда онъ говорилъ нѣсколько времени, это самое лицо, освѣщенное лучами блестящей мысли, сіяніемъ пылкаго воображенія, становилось удивительно живописнымъ и даже красивымъ.

— Ктò это? съ любопытствомъ спросила Анна у своей кузины Софіи.

Софія назвала его.

— Ктò же онъ таковъ?

— Да онъ.... развѣ ты не знаешь?.... нашъ знаменитый поэтъ. Другъ мой! какіе чудесные стихи онъ пишетъ!.... прелесть! очарованіе!.... Я все утро плака-

ла, прочитайъ его «Фату Моргану». Ты ничего не читала изъ его сочиненій?

— Ничего. Гдѣ же я могла читать?

— Пойдешь ко мнѣ, въ мою комнату. Я покажу тебѣ одни стихи его.... коротенькія.... но ты увидишь, что за прелесть.

— Я хочу его послушать.

— Теперь не услышишь его болѣе. Посмотри, вотъ уже Александрина Х^{***} имъ овладѣла : пока она не выскажетъ ему всѣхъ своихъ несносныхъ остротъ, не видѣйся видѣть свободнымъ этого чудеснаго человѣка. Пойдемъ.

Онъ ушли.

— Онъ тебѣ нравится? спросила Анна. Ты говоришь съ такимъ жаромъ!

— Очень нравится!.... Нельзя, по словамъ мужчинъ, чтобы онъ не нравился, хоть онъ не хорошъ собою. Но.... мое сердце уже занято!.... Я расскажу тебѣ объ этомъ послѣ. Я тебѣ расскажу всѣ мои тайны, а ты мнѣ расскажи свои.

— У меня нѣтъ ни одной.

— Возможно ли?.... Какая ты бѣдная!.... Онъ удивительно милъ! Не правда ли?.... Я знаю по-крайней-мѣрѣ сто дѣвицъ, которыя просто влюблены въ него.... Мужчины говорятъ объ немъ много дурнаго : да что пущды!.... когда мы всѣ его обожаемъ!....

Онъ побѣжали черезъ спальню и уборную Софиной матери. Анна, быть-можетъ, первый разъ въ жизнь свою, испытала что-то похожее на впечатлѣніе : до того времени, будучи занята исключительно собою, она никогда не ощущала даже и любопытства, самаго простаго женскаго чувства. Блескъ этого необыкновеннаго ума ослѣпилъ ее послѣ густаго туману изящныхъ прелестей, въ которомъ жила она дотолѣ. Свѣтлая, слышная, мужская мысль впервые звучала въ ея ушахъ. Это было для нея родъ любопытнаго воздушнаго явде-

нія. Въ сравненіи съ тѣмъ вѣчнымъ ничтожествомъ рѣчи молодыхъ свѣтскихъ мужчинъ, которымъ даръ слова какъ-будто данъ только въ шутку, для дѣтской потѣхи, для составленія кудрявыхъ узоровъ безъ мысли, челоуѣкъ, говорившій такимъ образомъ, показался Аннѣ чѣмъ-то выше мужчины. Она неохотно уходила изъ кабинета Софьиной матери, въ которомъ находилось это маленькое общество. Привыкнувъ уже къ удивленію мужчинъ, она до-тѣхъ-поръ не обращала вниманія на ихъ взгляды : но теперь она тихо допрашивала свое самолюбіе о впечатлѣніи, которое сама могла произвести на такого мужчину, припоминала себя, была ли имъ примѣчена, и вспомнила съ удовольствіемъ, что взоръ его нѣсколько разъ съ удивленіемъ останавливался на ея чудесномъ лицѣ.

Софія прочитала ей изъ собственной своей тетради послѣднее его стихотвореніе, одно изъ лучшихъ, какія написалъ онъ когда-либо. Объ были въ восторгѣ.

— Онъ издалъ недавно небольшую книгу разныхъ своихъ стиховъ, продолжала Софія. У меня есть экземпляръ съ его собственноручною надписью. Не хочешь ли прочитать?... я тебѣ дамъ его.

— Ахъ, съ большимъ удовольствіемъ! сказала Анна.

Софія взяла съ своей этажерки красивый томикъ, переплетенный въ зеленый сафьянъ съ богатыми золотыми украшеніями, позвала горничную, и приказала вернуть книгу въ бумагу и отдать лакею графини Маріи. Кузины возвратились къ обществу, разговаривая о своихъ прическахъ, и о мужчинахъ, бывшихъ въ кабинетѣ. Софія вдругъ, къ удивленію Анны, стала пахотить Валеріана очень безобразнымъ и прославлять маркиза С... удивительнымъ красавцемъ : Анна признавалась, что не замѣтила въ немъ ничего необыкновеннаго. Странно! женщины необыкновенныя красавицы вообще не цѣнятъ красоты въ мужчинахъ ; часто даже онъ рѣшительно ея не любятъ, почитая ее какъ-бы нару-

шеніемъ своего собственнаго великаго преимущества. Съ одной стороны, онъ слишкомъ много занимаютъ своей собственной красотой, и красота уже немножко имъ прискутила, а съ другой, при хорошемъ разчетѣ, онъ находятъ выгоднѣе для себя быть однимъ прекраснымъ и не дѣлить ни съ кѣмъ въ свѣтѣ правъ на удивленіе. Притомъ, большая красота предполагаетъ большое шеславіе : ктѣ лучше ихъ знаетъ это обстоятельство!... и онъ боится встрѣтиться въ мужчинѣ съ шеславіемъ, равнымъ своему собственному.

Остальная часть вечера доставила менѣе удовольствія Аннѣ. Поэтъ былъ молчаливъ и разсѣянъ. Софія приписывала это тлетворному вліянію устарѣлой злости княжны Лоло. Но причина была другая : вы узнаете ее послѣ. Молодые дипломаты утомляли красавицу, одиавъ своими взглядами, другой бездушнымъ разговоромъ. Отъ анекдотовъ стараго графа Ф*** у нея разболѣлась голова. Она подошла къ своей матери и съела такъ, чтобы необыкновенный человекъ, котораго умъ очаровалъ ее, могъ видѣть всю ея красоту и сознался передъ собою, что она также заслуживаетъ нѣкотораго любопытства. Общество разѣхалось довольно рано.

Возвратясь домой, Анна тотчасъ удалилась въ свою комнату, раздѣлась, легла въ постель, и принялась за чтеніе книги, данной кузиною. Этотъ музыкальный языкъ, эта могущественная мысль, одѣтая во всѣ прелести поэзіи, это возвышенное, сильное и вмѣстѣ тонкое чувство, брызжущее съ пламенемъ изъ глубины благородной души, это умѣнье проникать во внутренность женскаго сердца, отгадывать лучшія его желанія, оцѣнивать самыя тайныя и самыя драгоценныя ея чувствованія, непонятныя и потеряныя для обыкновенныхъ мужчинъ, все это не могло не восхитить, не поразить, не взволновать дѣвушки, до-тѣхъ-поръ нечувствительной. Она читала съ жадностью, съ восторгомъ, со страхомъ : это неизнаемое, необозримое ве-

личіе души гениальнаго мужчины ужасало ее, доставляя съ другой стороны невыразимое наслажденіе въ первые почувствованнаго глубокаго удивленія. Книга выпала изъ рукъ ея при послѣдней страницѣ. Въ этомъ затмѣніи ума и сердца, произведенномъ блескомъ гениа, когда еще всѣ фибры сладостно дрожали волшебными звуками его поэзи, внезапный лучъ свѣту, родъ вдохновенія, вдругъ совокунилъ, въ одно понятіе, ея растревоженныя мысли и чувства: она постигла, что въ мужчинѣ можетъ быть неземная красота, равная ея собственной красотѣ, но что эта красота — внутренняя, какъ та — наружная, обѣ равно могущественныя и равно небесныя, и что она-то, эта внутренняя красота, и есть настоящая красота мужчины.

Анна не могла уснуть всю ночь. Сильное дѣйствіе этого огненнаго чтенія, болтовня сентиментальной Софіи, новыя понятія, новыя чувства, вторгнувшіяся въ молодую душу съ потокомъ гармоническихъ вдохновеній, волновали ее до самаго утра. Образъ поэта, окруженный великолѣпнымъ сіяніемъ славы, образъ чуднаго человѣка, представителя огромныхъ силъ творчества, гиганта мужескихъ достоинствъ, который въ то же время жаловался, страдалъ, искалъ утѣшенія, вымаливалъ любви, участія, одной слезы, этотъ торжественный образъ неразъ являлся ея воображенію, и оно съ благоговѣніемъ преклоняло передъ нимъ колѣни.

Знатоки въ дѣлѣ тотчасъ скажутъ, что Анна, эта холодная Анна, тщеславная, преданная самообожанію, была уже влюблена въ автора книги. Я не говорю—нѣтъ; и по моему расчету, она была влюблена, хотя мысль о любви до-тѣхъ-поръ и въ голову ей не приходила: но вотъ какъ нѣжныя женскія сердца убиваютъ въ обществѣ доброе имя великихъ поэтовъ и писателей съ необыкновеннымъ дарованіемъ, которые трудятся для женщинъ! вотъ, какъ безвинно погибаетъ репутація всѣхъ подобныхъ людей! Я объяснюсь. Это фактъ, совершенно

доказанный, хотя и очень тайный, фактъ, котораго мы, обыкновенные мужчины, почти неподозрѣваемъ, что женщины чрезвычайно легко влюбляются въ великихъ поэтовъ и писателей, великихъ художниковъ, великихъ артистовъ; что, между-тѣмъ какъ мы усердно ухаживаемъ за ними, онѣ чуть-ли не всѣ влюблены въ этихъ несносныхъ людей, и что нашу любовь принимаютъ онѣ только по невозможности возбудить въ нихъ взаимное чувство или по неудобству наслаждаться его чарами. Правда, такого роду восторженные, мечтательныя страсти—вещь самая естественная изъ всѣхъ естественныхъ вещей. Обвинять женщинъ за подобныя увлеченія было бы совершенно несправедливо. Эти люди дѣйствуютъ на нихъ самымъ сильнымъ, самымъ страшнымъ, истинно мужескимъ средствомъ, — внутреннею красотою мужчины, гениемъ, — то есть, исполинскою силою въ дѣйствіи, — тогда какъ мы, бѣдняжки, стараемся дѣйствовать самымъ слабымъ, самымъ дряннымъ, — наружною нашею красотою, — или, еще хуже, самымъ смѣшнымъ орудіемъ, — мужскимъ кокетствомъ. Наши опасные соперники имѣютъ случай, въ своихъ чудесныхъ произведеніяхъ, тотчасъ, въ одинъ присѣсть, развернуть передъ ними всѣ сокровища своего ума, все волшебство своего воображенія, весь огонь души и сердца, все могущество художественной рѣчи, волнующей землю и море, все свое умѣнье чувствовать, отгадывать чувствованія и любить страстно, съ разными микроскопическими тонкостями. А мы что?... Безъ хвастовства сказать, ума, души, сердца, жару, тонкости, можетъ-быть нашлось бы въ насъ столько же сколько и у нихъ: но развѣ это видно сквозь самыя лучшія перчатки или самыя тонкіе лакированные сапоги? Развѣ мы смѣемъ въ гостиныхъ ораторствовать такимъ пламеннымъ языкомъ и слогомъ, какъ они въ своихъ книгахъ, расписывать наши идеи такими живописными красками, какъ они на полотнѣ, извлекать изъ чего-бы

тогда было такіе страстные и краснорѣчивые звуки, какъ они изъ своихъ инструментовъ?... развѣ мы умѣемъ?... Скорѣе тысячь женщинъ, на нашей памяти, были безъ памяти влюблены, напримѣръ, въ Байрона и Пушкина, даже, никогда не видавъ ихъ!... А въ насъ кто влюбился за глаза? Мы ни чѣмъ не поражаемъ ихъ воображенія, источника женской любви: конечно, оттого только что не имѣемъ случая. Что если бы у насъ былъ случай? Да мы бы ихъ! этихъ Байроновъ!!..... Но безъ средствъ ничего не сдѣлаешь. Напрасно, несчастные, повязываемъ мы наши шейные платки съ удивительнымъ искусствомъ, тщетно причисываемся самымъ ученымъ образомъ, надѣваемъ блестящіе жилеты, показываемъ рубашки неукоризненной свѣжести, отращаемъ великолѣпныя бороды, оружие, казалось бы, неотразимое: въ глазахъ женщинъ, мы куклы, съ позволенія сказать, такія же какъ онѣ сами; мы безсильны, женообразны, мелочны, смѣшны.... А съ какимъ чудеснымъ искусствомъ рѣшаемъ мы дѣла въ палатахъ! съ какою твердостью сидимъ въ комитетахъ! какія краснорѣчивыя записки, съ *сими* и *оними*, составляемъ обо всѣхъ казусныхъ вопросахъ! Но развѣ онѣ это видятъ? и развѣ могутъ оцѣнить всѣ наши великія канцелярскія достоинства? Работаемъ мы на нихъ усердно, управляемъ имѣніями безподобно, удивительно, убираемъ для нихъ дома на-славу, ихъ самихъ закутываемъ въ шелкъ, кружева и золото, непрерывно подносимъ имъ самыя блестящіе подарки, поварамъ заказываемъ безсмертные объѣды: онѣ говорить: «Это ваша обязанность; съ вашей стороны тутъ нѣтъ ни какого особеннаго достоинства, ни какой истинно мужеской доблести, за которую существовъ косматыхъ какъ трутни можно было бы любить безъ памяти. Будьте великими! будьте настоящими мужчинами! возбуждайте наше удивленіе!» Это легко сказать: но чѣмъ же мы можемъ удивлять васъ, сударыни? Положен

наше, въ самомъ дѣлѣ, ужасно. Природа заключила женскую красоту въ слабости, мужскую въ силу, и пришила имъ обожать другъ друга; женщины, по мѣрѣ совершенствованія образованности, становятся болѣе и болѣе слабыми, вѣжными, мягкими, красивыми, чуждыми: а мы?... а наша сила увеличивается ли въ дошъ же содержаніи?... Увы! мы со дня на день ослабеваемъ болѣе и болѣе. Сила въ мужчинѣ можетъ быть физическая или умственная. Въ прежнія времена, эпохи такъ-называемаго варварства, когда между людьми дѣйствовала одна только физическая сила, мужикъ, дюжій какъ китъ, заковывался весь въ желѣзо, носилъ саженный мечъ, садился на огромную лошадь, бралъ въ руку тяжелое копье, и ѣхалъ въ свѣтъ, — смѣливалъ съ одного удара пнуть сотъ бусурмановъ, однимъ разомъ сабли разсѣкалъ по-поламъ великана выходящую съ гору, вышибалъ изъ сѣдла по пятидесяти знаменитыхъ рыцарей на турнирѣ, шелъ одинъ на приступъ ко дворамъ ревнивыхъ мужей-тирановъ, истреблялъ соты этихъ чудовищъ, и подвиги его личной силы и доброты по-справедливости возбуждали удивленія: женское сердце трепетало при видѣ и при описаніи дѣйствій такихъ мужчинъ. Героическія проявленія мужества, дѣйствующаго тѣлесною силою, открывали тогда ту внутреннюю красоту мужчины, которую такъ восхищаетъ женщинъ, одаренныхъ наружною и совершенно довольствующихся ею. Это были великіе мужчины; и ихъ водилось множество: посредствомъ упражненія можно было сдѣлаться великимъ. Теперь? Физическая сила замѣнена машинами и палицами, личная храбрость тактикою и дисциплиною. Мужикъ ослабъ тѣлесно. Наступило царство силы умственной. Легко ли отличиться ею? Надобно родиться гениемъ, чтобы удивлять свѣтъ своими подвигами и смѣнять женскія воображенія. Одно счастье нашего вѣка — то какъ геніевъ природа производитъ очень ма-

лю , то красавицы , вслѣдствіе печальной необходимости , принуждены брать насъ въ мужья и порой даже въ любовники ; и какъ мы , въ нашихъ изящныхъ персонахъ , нигдѣ не представляемъ имъ внутренней красоты , то онѣ , хотя нехотя , берутъ съ удовольствіемъ то , что въ насъ есть , что мы имъ даемъ , за неимѣніемъ ничего лучшаго , — красоту наружную , — миловидность , — идеальство , — совсѣмъ женскія достоинства . Любовь , говоримъ мы , ослабла , съ успѣхами образованности ! Да что жъ имъ въ насъ и такъ крѣпко любить , имъ , бѣдными женщинами , оставшимся на свѣтѣ почти безъ мужчинъ ? Онѣ насъ любятъ только по нуждѣ , иногда по обязанности ; любятъ братскою любовью : да и то слава Богу ! Но пусть между нами , среди этого всеобщаго ничтожества , появится настоящій мужчина , человѣкъ съ великою новѣйшею сплюю , съ истинно мужескою красотою , — геніемъ , — огромнымъ талантомъ , — такъ онѣ всѣ насъ и оставили : души и сердца ихъ бросили , болѣе или менѣе явно , наши пошлыя сердца , наши беззвучныя души , и , цѣлыми кадрилями , цѣлыми толпами , устремились туда , гдѣ слава , гдѣ подвиги , мысли и чувства , гдѣ великое , гдѣ прекрасное , гдѣ удивленіе . Онѣ совершенно правы , — тяжкій долгъ безпристрастія повелѣваетъ мнѣ объявить торжественно , что — нечего сказать , онѣ правы : да намъ-то каково ! ... Онѣ такъ мало насъ уважають , что при насъ же восхищаются такимъ человѣкомъ и его талантомъ , то есть , не забудьте , его мужескою красотою ; приходятъ въ восторгъ , палають въ обморокъ . Это насъ бѣситъ ! Мы , по праву личной защиты , стараемся унизить его въ ихъ глазахъ : мгновенно взводимъ на него небылицы , лжемъ , чернимъ , клеветимъ , бросаемся на его доброе имя , рвемъ зубами его частную жизнь , порицаемъ его нравственность . Собственно говоря , намъ ли порицать его нравственность ! намъ ли , которые . . . Ну , да что жъ дѣлать , надобно защищаться . Если угодно , это — большо

несчастію, но несчастіе неизбежное. Дѣло само по себѣ такъ естественно, что и говорить нечего, и другого средства противъ этихъ господъ я не вижу. Если вамъ запретите клеветать на гениальныхъ людей, такъ ужъ подвольте по-крайней-мѣрѣ запретить нашихъ дамъ гъ турецкіе гаремы, съ высокими глухими стѣнами со всѣхъ четырехъ сторонъ, куда бы не достягалъ ни одинъ «волшебный звукъ» этихъ страшныхъ «вдохновеній», какого бы то роду и разряду они ни были. Хорошій, надежный по-арабски *гаремъ*, а по-русски *теремъ*, правю, не такое безнравственное изобрѣтеніе,—да и не столь противное домашнему счастью, — какъ обыкновенно полагаютъ. Я-таки думаю, что, конецъ концовъ, мы возвратимся къ теремамъ среднихъ вѣковъ. Способу вѣтъ съ нашими женщинами: мы клеветемъ на мужчинъ съ великими талантами; старушки, надобно имъ отдать справедливость, усердно намъ помогаютъ: тѣ не върать! Дошло до того, что, какъ-скоро мужчины говорятъ много дурнаго о комъ-нибудь изъ своихъ братьевъ, хоть-бы даже и справедливо, безъ всякой клеветы, онъ тотчасъ предполагаютъ, что это долженъ быть необыкновенный человекъ, и готовы взять его подъ покровительство своего нѣжнаго сердца. Не знаю, судятъ ли онъ объ насъ, въ такихъ случаяхъ, по тому какъ сами поступаютъ съ необыкновенными женщинами, но это — фактъ, примѣченный повсемѣстно въ образованномъ мірѣ и принятый уже романистами, которые, вообще, ничего не примѣчаютъ. Таковы-то — увы! — плачевныя послѣдствія нашей прославленной образованности!

А вы всё ждете повѣсти! Мои философскія отступленія вамъ не нравятся: вы требуете чистой и простой повѣсти. Но это повѣсть и есть! Развѣ я здѣсь говорю о геологіи или объ акустикѣ? о вещахъ неизвѣстныхъ? Я повѣствую о красотѣ, о счастіи, о женщинахъ, о мужчинахъ, о томъ, кого изъ нихъ и за что мож-

но любить или не любить; повѣсткую о страстяхъ мечтательныхъ, сладчайшихъ изъ страстей, о мужскомъ кокетствѣ, самомъ злодѣйскомъ изъ кокетствъ, и о прочемъ. Повѣсти лучше быть не можетъ. Тѣмъ болѣе, что я же сказалъ, *между прочимъ*, и то, что Анна не могла уснуть до самаго утра. Когда, въ первомъ часу, она пришла въ столовую къ семейному завтраку, графиня Марія воскликнула :

— Ахъ, какъ ты блѣдна, Анна !

— Я не здорова, маменька, отвѣчала она.

Анна, собственно, хотѣла сказать — я не спала всю ночь, — и объяснить причину бессонницы, но робость, спутница раждающейся любви, убила признаніе, уже трепетавшее на сладкихъ устахъ дѣвушки. Она только покраснѣла. Вскорѣ начали являться дамы и мужчины съ визитами. Между прочими, изъ вчерашняго общества, пріѣхали почти въ одно время, ученая княгиня Х*** съ своей княжною Лоло, въ лицѣ которой еще и сегодня видна была досада на то, что Валеріанъ вчера, по причинѣ, которой еще нельзя сказать, разсѣянно слушалъ ея глубокія разсужденія о прелестяхъ дружбы и другихъ любимыхъ чувствахъ старыхъ дѣвицъ; старый графъ Ф***, обѣгавшій уже нѣсколько домовъ съ визитами, въ которыхъ онъ проводилъ всю праздную жизнь свою; и молодой италіанскій маркизь, котораго Софія прославляла такимъ красавцемъ. Это, на примѣръ, ничтожество было увѣрено, что его аполлоновская наружность оставила неизгладимый отпечатокъ на сердцѣ прекрасной Анны. Женщины не повимаютъ разныхъ оттѣнковъ кокетства въ мужскомъ туалетѣ; но наблюдательный мужчина тотчасъ примѣтилъ бы по одному тому, какимъ образомъ въ это утро повязанъ былъ платокъ маркиза, что онъ уже почиталъ себя побѣдителемъ. Разговоръ вскорѣ коснулся вчерашняго вечера, и постепенно перешелъ къ Валеріану.

— Я очень люблю его, сказала ученая княгиня К*** : онъ — человекъ не только съ большимъ талантомъ, но и скромный, благородный, приятный въ обществѣ.

— Но согласитесь, chère maman, что онъ довольно смѣшонъ, возразила княжна Лоло съ своей злобной усмѣшкой. Онъ формально начинаетъ корчить генія, который выше всякой суеты этого суетнаго свѣта. Я наблюдала его вчера съ большимъ вниманіемъ, и увѣрена, что эти любезныя разсѣянности, которыя онъ себѣ позволяетъ въ обществѣ, заучены имъ благовременно, и что онъ проводитъ передъ зеркаломъ болѣе времени, для того чтобы одѣться небрежно, нежели другіе, чтобы явиться щеголями.

— Это писатель, не правда ли? спросилъ маркизь.

— Поэтъ.... и превосходный поэтъ! отвѣчала ему княгиня Х***. Многія изъ его небольшихъ піесъ удивительны : я не читала ничего лучше ни на одномъ языкѣ, изъ тѣхъ, которые знаю.

— Что касается до меня, примолвилъ старый графъ Ф***: то я не смѣю противорѣчить приговору тѣхъ, которые гораздо лучше моего въ состояніи судить о поэзіи, новъ отношеніи къ авторству придерживаюсь правила, кажушагося мнѣ несомнѣннымъ. Можетъ-быть, онъ превосходный поэтъ.... я не читалъ ни одной его строчки, хотя онъ благосклонно и подарилъ мнѣ свою книгу.... я такъ занятъ, что никогда не имѣю двухъ свободныхъ часовъ времени для чтенія!... но издавать книги.... (графъ сдѣлалъ презрительную гримасу), записываться въ авторы человекъ, живущему въ свѣтъ.... признайтесь, княгиня!.... Какъ вы думаете, маркизь?

— Онъ человекъ хорошей фамиліи? важно спросилъ дипломатъ.

— Очень хорошей! отвѣчалъ старый рассказчикъ анекдотовъ. Имя, которое онъ носитъ, одно изъ древнѣйшихъ и самыхъ блестящихъ въ исторіи. Положимъ, что нужда заставила бы его искать себѣ въ авторствѣ

источника доходу : но, слава Богу, еще оно не въ такой крайности! Отецъ оставилъ ему весьма порядочное состояніе. Съ его умомъ, именомъ, средствами, дарованіями, все пути къ отличію были бы передъ нимъ открыты, если бы онъ не бросился въ это несчастное начинательство.

— Я совершенно согласенъ съ вами, важно приподвигъ графъ Андрей, отецъ Анны.

— И я тоже, подхватила княгиня Лодо. Пока онъ писалъ маленькія прекрасныя піески, которыя его друзья сообщали намъ для прочтенія, и которыя мы съ восхищеніемъ читали между собою, рукописная ихъ счастливому автору, все обстояло какъ нельзя лучше и приличнѣе. Можно было, и слѣдовало, удовольствоваться этимъ торжествомъ. Но мы, кажется, избаловали его тщеславіе нашими восторгами : мнѣніе маленькихъ комитетовъ показалось ему ничтожнымъ, и скромный авторъ призвалъ еще въ цѣнители своего таланта всю публику.... страшное судилище!....

— Гдѣ онъ встрѣтится съ критикою, съ различными сужденіями, съ грубыми и рѣзкими перьями, съ униженіемъ, присовокупилъ маркизъ.

— Совершенно справедливо! сказалъ графъ Андрей.

— Это неизбежно! воскликнулъ старый графъ Ф***.

— Развѣ онъ напечаталъ книгу? спросила графиня Марія.

— Да! Недѣли двѣ или три тому назадъ. Уже слишкомъ пятнадцать дней тому, какъ онъ безсмертенъ.

— Жаль, что я вчера ничего не знала объ этомъ, а то непременно сказала бы ему прекрасное привѣтствіе. Вотъ какъ можно быть неучтивымъ по незнанію!—Мой другъ! продолжала графиня Марія, обращаясь къ мужу: прикажи сегодня же купить его творенія, разрывать, и положить здѣсь на столъ, чтобы онъ увидѣлъ ихъ, когда пріѣдетъ. Я пригласила его навѣщать насъ.

— Вы коварны! вы умѣете убійственно лѣстять ав-

сердце самолюбивымъ! сказалъ, смѣясь, графъ Ф^{***}.

— Что жь дѣлать, являва графиня Марія, потупляя глаза и съ насмѣшливою улыбкою: надобно! Мать, у которой одна дочь почти невѣста.... Аннѣ уже шестнадцатый вначалъ!.... должна вести себя осторожно со всеми мужскими самолюбими.

Всѣ разсмѣялись, маркизъ — громче прочихъ. Эта иронія показалась ему безподобною, потому что, въ тщеславныхъ понятіяхъ о собственной своей красотѣ, онъ назначалъ Валеріану второе мѣсто послѣ обезьяны. Одна только Анна не смѣялась. Можно вообразить, съ какиѣмъ удовольствіемъ слушала она подобный разговоръ, страшное противовѣсье ея ночнымъ восторгамъ! При жестокой шуткѣ маменьки, она покраснѣла и съ трудомъ скрыла свое смущеніе, но не могла удержаться, чтобы, взгляды за тѣмъ, не бросить гнѣвнаго и презрительнаго взгляду на прекраснаго италіянскаго льва, который, на ея глаза, былъ, просто, отвратительною восковою куклою. Этотъ взглядъ княжна Лоло, задѣтая за живую злость словами «шестнадцатый вначалъ», поймала на половинѣ пути и записала въ своей памяти, и въ то же время, измѣривъ Анну взоромъ съ ногъ до головы, нашла въ ея ростѣ и лицѣ еще два года и два мѣсяца болѣе, нежели какъ было въ самомъ дѣлѣ.

Не одной Аннѣ не нравились эти насмѣшки: княгиня Х^{***}, которая любила и уважала Валеріана, была не-пріятно поражена ими. Она боялась своей дочери, ни когда не смѣла ей противурѣчить, однако жь сказала:

— Но я не думаю, графиня, чтобы вамъ удалось задобрить себѣ нашего автора такимъ образомъ. Когда онъ подарилъ мнѣ свою книгу, то сказалъ положительно, что велѣлъ напечатать ее очень въ маломъ числѣ экземпляровъ, только для поднесенія своимъ благо-склоннымъ друзьямъ.

— Какъ вы добры, маменька, возражда Лоло: что

вѣрите авторской скромности! Это всегда такъ говорится. Я бьюсь объ закладъ, что всѣ лавки наполнены этою рѣдкою книгою. — Помните! прибавила она, съ злобною улыбкою, вполголоса, дружески кинувъ головою Маріи.

— Если эта книга напечатана только для друзей, весело замѣтилъ графъ Ф*** то мы очень неблагодарные друзья, что такъ злословимъ автора....

— Я совѣмъ неблагодарный другъ! тихо сказала ему княжна Лоло въ томъ же тонѣ.

— Право?.... вы удивительно милы! шепнулъ насмѣшницѣ старый селадонъ, укладывая свои морщины въ пріятную улыбку. — Что касается до меня.... я.... я послѣдній буду клеветникомъ на нашего любезнаго поэта, повторяя то, что рассказываютъ другіе объ его характеръ и привычкахъ. Это могутъ быть только слѣдствія молодости. Я былъ друженъ съ его отцомъ, уважаю въ немъ дарованіе, люблю его; и только поэтому позволяю себѣ сожалѣть.... Впрочемъ, княжна Александрина, съ своимъ необыкновеннымъ умомъ, такъ превосходно опредѣлила неприличіе для человека свѣтскаго, принадлежащаго къ «обществу», являться передъ публикою въ образѣ сочинителя, что я не могу быть неправымъ въ моемъ сужденіи!

Эти понятія были такъ новы и такъ непонятны для Анны, что, несмотря на все стараніе не обнаружить своихъ чувствованій, она обратилась къ матери и сказала :

— Но если книга отлично хороша, такъ что же за неприличіе быть ея авторомъ?

— Большое, мой другъ! важно отвѣчала мать. Человѣкъ, принадлежащій къ «обществу», издавая книгу, всегда компрометируетъ себя этимъ, какъ бы хорошо ни было его сочиненіе.

— Вы совершенно правы, графиня! подхватила маркизъ, между-тѣмъ какъ Анна прятала глубоко въ сво-

еть сердце книгу Валеріана, чтобы маменька не увидела ея. Это ремесло должно быть предоставлено среднему классу. Всегда что-то смѣшное сопряжено въ «обществѣ» съ человѣкомъ, который издалъ книгу, облекся въ мантию сочинителя, выступилъ съ своимъ умомъ передъ лицо всего свѣта.

Съ той минуты Анна возненавидѣла прекраснаго маркиза.

— Онъ этимъ самымъ уже отказывается отъ своихъ и переходитъ въ другой классъ людей, продолжалъ графъ Ф^{...}. Онъ ищетъ судей своему уму не изъ среды себѣ равныхъ, хочетъ отличиться отъ своего сословія занятіемъ, образомъ мыслей и честолюбіемъ домогается почестей, не принадлежащихъ себѣ по званію, становится въ ряды публики, заставляеть говорить о себѣ... Я нахожу, что членъ хорошаго и изящнаго общества долженъ, какъ благовоспитанная дѣвица, всего болѣе страшиться того, чтобы объ немъ много разсуждали. Дѣлать какъ-можно менѣ шуму и занимать какъ-можно менѣ мѣста, вотъ старинное, классическое правило хорошаго общества, и я желалъ бы, чтобы наши молодые люди никогда его не забывали.

— Какая странная идея, употреблять свой умъ нато, чтобы другимъ доставлять чтеніе! глубокомысленно воскликнулъ графъ Андрей. Развѣ у насъ нѣтъ французскихъ романовъ?....

Княгиня Х^{...} и княжна Лоло съ трудомъ удержались отъ улыбки. Графиня Марія удивительно нѣжно посмотрѣла на мужа, который тотчасъ понялъ, что, вѣроятно, сказалъ глупость. Это былъ, почти, условленный знакъ между ними. Графъ Андрей превосходно зналъ его значеніе, и поспѣшилъ переменить предметъ разговору. Къ его спасенію, въ это самое время доложили о приездѣ новыхъ гостей. Прекрасный маркизъ подошелъ къ Аннѣ, чтобы сказать ей нѣсколько заранее приготовленныхъ *сопsetti*, но та, на всѣ его фразы, от-

вѣчала такъ сухо и холодно, что красавецъ почувствова-
валъ въ спѣси своей острый кинжалъ униженія. Долго,
когда онъ удалился, наговорила ей тысячу увѣреній въ
своей дружбѣ и привѣтствій насчетъ ея удачнаго замѣ-
чанія матери и умныхъ отвѣтовъ маркизу, и уѣхала съ
матерью въ другіе домъ рассказывать всѣмъ, что видѣ-
ла прославленную красавицу, — видѣла, познакомилась
и подружилась съ нею, — что она дѣйствительно чудес-
на, но зато глупа какъ пробка и холодна.... вотъ какъ
эта стѣна!

Зная честолюбіе графини Маріи, никто не допустилъ
такой обидной ипотезы, будто бы она дѣйствительно
находила Валеріана возможнымъ женихомъ для своей
Анны; но между-тѣмъ каждый, и по своему личному со-
ображенію, и по тому, что я уже имѣлъ честь сказать
прежде о современномъ женскомъ нравѣ, конечно согла-
сится со мною въ той истинѣ, что трудно было бы при-
думать разговоръ, болѣе зажигательный, и наказать
въ немъ вещей, болѣе способныхъ рѣшить дѣвушку на
отчаянную любовь, какъ то, что мы здѣсь слышали.
Человѣкъ, который уже очаровалъ ее вчера своимъ
умомъ, взглядомъ, голосомъ; съ сердцемъ и душою
котораго, прекраснымъ сердцемъ, и великою, силь-
ною душою, — коротко познакомилась она втеченіи
восхитительной ночи, этого человѣка осмѣивали, поно-
сили, унижали въ ея присутствіи! Слѣдовательно, онъ
достоинъ любви. И она уже его любила. Сердце ея уже
забилось для него во время этихъ жестокихъ и несправед-
ливыхъ порицаній. Они даже хотѣли представить его
смѣшнымъ! Какъ ни мало были развиты ея понятія,
благодаря необычайной красотѣ, но тотъ удивитель-
ный даръ ясновидѣнія, который вспыхиваетъ въ жен-
щинѣ при первой искрѣ любви и вдругъ озаряетъ свѣ-
томъ ея соображеніе, совершенно ясно показывалъ Ан-
нѣ, что человѣкъ съ такимъ огромнымъ талантомъ не
можетъ быть смѣшонъ: онъ мощенъ, высокъ, исполненъ,

сила его страшна, слово его потрясаетъ умы и сердца, рука его низводитъ небо на землю и разсвѣтаетъ по ней неизяемыя радости, — а они, — этотъ завитый франтъ, — этотъ старый болтунъ, — да и папà тоже, — они безсильны! они мелки, пугливы, неспособны ни къ какому подвигу!.... они боятся даже славы! Она, слабая дѣвушка, не боится ея! Она знаетъ, что уже прославилась своей красотой и что ей суждено, вышедши замужъ, надѣвъ чудесный чепчикъ, сдѣлаться еще славнѣе, и не страшится этого. Она любитъ славу, и въ себя, и въ томъ, ктò долженъ имѣть право надъ нею. Она чувствуетъ свое высокое достоинство въ природѣ, и чувствуетъ, что въ той же природѣ, на землѣ, на свѣтѣ, сколько она ихъ видѣла и знаетъ, одинъ онъ равенъ ей достоинствомъ, — онъ, — этотъ несравненный волшебникъ, — этотъ великій умъ. Она цречасна; онъ силенъ : слѣдовательно, они созданы другъ для друга. Его характеръ и привычки обвиняютъ въ недостаткахъ: это говоритъ зависть! она ей не вѣритъ! А впрочемъ, чтò нужды? недостатки — украшеніе для великаго челоука! Одни только обыкновенные мужчины и могутъ быть безъ недостатковъ, какъ бываютъ безъ достоинствъ. Она обожаетъ недостатки. Умѣть съ нимъ ужиться и, несмотря на всѣ препятствія, наполнить любимую грудь радостью и счастьемъ—это честь и слава женщины!... Такъ уже восторженно разсуждала благородная дѣвушка, вчера еще—мраморъ Кановы, нынче уже вся—пламя и мечта, отъ сопротивленія людей первому ея очаровательному ощущенію. Въ концѣ того же дня, она уже неозвратно была влюблена въ некрасиваго, почти безобразнаго, Валеріана, — на зло папà, — татап, — этой шизъ Лоло, — несносному старому графу, — и, особенно, этому чудовищу, великому красавцу маркизу, которій такъ самонадѣянно на нее посматриваетъ.

— Но будетъ ли онъ меня любить? мысленно спра-

шивала она, и, за отвѣтомъ, подходила съ чудною улыбкою къ зеркалу.

Зеркало таяло, искрилось, горѣло отъ этой улыбки, разсыпалось брызгами радужнаго свѣту отъ этой жгучей красоты, освѣщенной блестящимъ лучомъ любви, и говорило : «Ужъ это я беру на себя!.... будьте спокойны.»

Довольная отвѣтомъ, Анна садилась перечитывать книгу, въ которой каждая сильная мысль превращалась въ прекрасный, живой портретъ сильнаго человека, овладѣвшаго ея воображеніемъ. И сколько возвышенныхъ, невыразимыхъ прелестей открывала она въ чертахъ этого портрета, видимаго только для глазъ души ея! Какъ онъ прекрасенъ! Что маркизь!.... Фи!

Вы видите, что я не пишу повѣсти, не творю, не создаю, а представляю вещи весьма прозаически, такъ какъ онъ есть. Будь это повѣсть, красавица Анна была бы влюблена въ красавца маркиза, и вы имѣли бы пару прекрасныхъ дураковъ, о счастіи которыхъ хлопотали бы мы отъ первой до послѣдней страницы, рассматривая, въ увеличительное стекло, ихъ чувства, мысли, страданія, надежды. Есть, въ самомъ дѣлѣ, очень хлопотать и что рассматривать! Писатели повѣстей полагаютъ, и увѣрили читателей и читательницъ, будто для любви и для счастія нужны непременно красавица и красавецъ. На чемъ это основывается, я, право, не знаю. Не думаютъ ли, напримѣръ, они, что когда выдадутъ удивительную красавицу, дѣву чудную, за юношу прелестнаго, то она будетъ вѣрнѣе ему чѣмъ всякому другому? Позвольте мнѣ сомнѣваться въ справедливости этого предположенія. Я давно живу на свѣтѣ.

Я замѣтилъ,—это говорю я тоже между прочимъ,—что дѣвушка, дѣва, женщина, даже самая умная, отъ любви съ человекомъ обыкновеннымъ, какъ бы красивъ онъ ни былъ, очень скоро глупѣетъ, и наоборотъ. Есть, конечно, очень умныя женщины замужемъ за ничтоже-

ствами: это даже вещь довольно обыкновенная. Но такі женщины, для сохраненія своего ума, принимаютъ мѣру предосторожности: онѣ, или презираютъ своихъ мужей, или любятъ ихъ только такъ, какъ любятъ мужа, устрицъ, икру, мороженое, и еще менѣе. Онѣ никогда не бываютъ влюблены въ своихъ мужей и, говоря повѣствовательно, художественно, я не вижу возможности создать въ развязкѣ какое-нибудь прочное земное блаженство изъ чудной дѣвы и прекраснаго, страстнаго Владимира, въ которомъ нѣтъ ровно ничего кромѣ страсти и красоты, ничего для восторгу женщины, для ея воображенія, для гордости своимъ выборомъ; ни какихъ подвиговъ, ни какой славы, ни какого личнаго величія, при всѣхъ съ другой стороны хорошихъ домашнихъ качествахъ героя. Въ моихъ путешествіяхъ по Ледовитому Океану, я видѣлъ много морскихъ коровъ, и много морскихъ быковъ тоже. Въ ясный и теплый день, они выходятъ изъ воды на берега острововъ чтобы повѣжиться на солнцѣ. Морскіе быки, изъ которыхъ многіе — удивительные красавцы и статны какъ Владиміры нашихъ романовъ, начинаютъ любезничать съ морскими коровами, граціозно поводятъ усами, хлопаютъ хвостомъ по песку, прыгаютъ, рисуются. Морскія коровы на нихъ и не смотрятъ. Тогда самцы отползаютъ подалеже и начинаютъ драться. Завязывается страшный бой. Часто одинъ быкъ нападаетъ на многихъ или многіе на одного. Кровь льется. Земля стонетъ. Герои, одушевленные присутствіемъ красавицъ, оказываютъ удивительные подвиги мужества, силы, смысленности, почти разума, и, когда сраженіе кончилось, молодыя и самыя прелестныя самки уходятъ въ море съ побѣдителями, израненными, оборванными, ужасными, но покрытыми славою, наградить ихъ счастіемъ и любить до гробу. Побѣжденные, безсильные, остаются на берегу лизать свои раны и вымаливать состраданія у старыхъ дѣвъ. Вотъ повѣсть! вотъ романъ!

Сила! подвиги! слава! личное величіе! Безъ нитъ, нѣтъ истинной любви для женщины, и, следовательно, нѣтъ любви повѣствовательной. То, что, во всѣхъ другихъ случаяхъ, мы называемъ «любовью» просто, или «истинною любовью», не что иное какъ *подражаніе* любви, болѣе или менѣе удачное, и весьма непрочно въ употребленіи. Съ помощію разныхъ натяжекъ воображенія, эти подражанія доходятъ иногда до восторженности вначалѣ; но зато они скоро ослабѣваютъ въ слѣдствіи. Мы жалуемся — любовь прошла! Да любви тутъ и не было. Мы только подражали. Въ насъ не было нужныхъ условій, опредѣленныхъ природою для истинной любви, въ томъ смыслѣ какъ природа, которая сама женщина, понимаетъ истинную любовь. Люди обыкновенные, мы вздумали наслаждаться счастьемъ людей необыкновенныхъ. Не имѣя денегъ, мы хотѣли задать себѣ великолѣпный балъ: такъ что жъ мудренаго, что балъ не удался!.... Станемте, лучше жениться по простому влеченію глазъ или по расчету, называя это, если угодно, любовью, даже пламенною любовью, но ужъ безъ всякихъ притязаній на истинную любовь, для насъ недостижимую: такъ по крайней-мѣрѣ дѣло будетъ яснѣе, и бесполезныя нареканія прекратятся, въ жизни и въ романахъ.

Я знаю, что это — отступленіе; но безъ него нельзя идти далѣе. Вся мои читательницы, — въ томъ я совершенно увѣренъ, — найдутъ чувства и понятія Анны правильными, законными и радикально женскими; но между читательницами есть читатели, которыхъ нелегко будетъ убѣдить въ этомъ. У насъ, мужчинъ, принято за несомнѣнную истину, что каждый изъ нихъ можетъ вполне одною своею особою удовлетворить всѣ потребности женскаго сердца и воображенія, какъ-скоро эта его особа имѣетъ довольно красивую и изящную наружность. Странное и непостижимое заблужденіе! Какъ это можно до такой степени забываемъ факты? Чортъ соблазняетъ

же женщин! Кажется, онъ не красивъ, и одѣтъ совсѣмъ не по модѣ : но зато какъ въдъ уменъ!... гений! Мы совершенно выпускаемъ изъ виду это поучительное обстоятельство. Съ одной нашей наружностью, мы требуемъ отъ женщинъ самой восторженной, самой истинной любви, и приходимъ въ ужасное негодованіе, когда онѣ любятъ насъ недолго, — пока не примѣтятъ нашего ничтожества, прикрытаго на первый случай кое-какими блестящими будничными честолюбіями, или и долго, да очень слабо и кисло. Мы понимаемъ любовь съ одной только чувственной стороны : другими словами, вовсе ее не понимаемъ. Объ этой сторонѣ женщины и не думаютъ : она для нихъ послѣдняя. За недостаткомъ въ ней, мы иногда поднимаемся на ходули, несемъ великолѣпный вздоръ о чувствованіяхъ, пускаемся въ отчаянности платонизма, силу, подвиги и славу хотимъ замѣнить пожертвованіями, преданностью, самоотверженіемъ, — совершенно женскими добродѣтелями, — или стараемся испугать нашихъ возлюбленныхъ безумными порывами страсти, то есть, дѣйствуемъ на женщинъ всѣми возможными доказательствами нашей слабости, нашего отчаяннаго безсилія, выдаемъ это за истинную любовь, и пускаемся въ великолѣпныя элѣгии, когда дѣйствіе такихъ чаръ не продолжительно и комедія оканчивается измѣною. Что мы именно такъ понимаемъ любовь, въ томъ я почтенивѣе ссылаюсь на всѣ наши стихи, повѣсти и романы. Но женщины, какъ мы ихъ ни запутываемъ ложными романтическими понятіями о любви и ея отвлеченномъ блаженствѣ, по врожденному инстинкту понимаютъ ее совсѣмъ иначе. Онѣ всегда готовы сказать мужчинамъ : «Оставьте тщеславіе своей наружностью, эти гримасы, эти слѣзы, эти восторженности, эти судорожныя стремленія къ совершенству чувствъ : слѣзы, тщеславіе и совершенство — наше дѣло, а не ваше; будьте съ недостатками, но станьте, вашей мужеской силою, выше другихъ,

сотрясите сердца, покоряйте умы, торжествуйте на своихъ, и мы — ваши навсегда, пламенно и безъ вины! Мы созданы поощрять васъ къ великимъ дѣламъ и награждать нашей красотою, нашимъ сердцемъ, и ми его сокровищами, за страданія, неразлучныя борьбою всякой силы, всякаго превосходства, всякаго таланта : не дѣлайтесь же въ глазахъ нашихъ маленькими, слезливыми ребятишками, которымъ надо обреть носъ, прежде чѣмъ ихъ поцѣлуешь. А старая продолжать эти фарсы, то на исторгнутыя у насъ клятвы въ любви не извольте полагаться, и если вдругъ случайно увидимъ, среди васъ, такого мужчину, какомъ мы мечтаемъ по волю природы, такъ ужъ прогнѣвайтесь.....» и прочая, и прочая.

Не знаю, убѣдительно ли эта рѣчь для монаховъ блудливыхъ и сентиментальныхъ читателей, но въ то время что она вѣрна съ подлинникомъ, я свидѣтельствуюсь всѣми моими прекрасными читательницами. Я тогда докладчикъ. Мое дѣло — сторона. Не я подавалъ со стороны Аннѣ влюбиться предпочтительно въ Валеріана, съ такою обидою для всѣхъ «львовъ» изящнаго свѣта. Анну вѣдунью, и распорядительницу всего дѣла, была сама природа, — правда, безъ вѣдома и безъ согласия графини Маріи, — по маменьки взрослыхъ дочерей, которые вѣдуньи и неблагодарны!.... въ молодости онѣ и знать не хотятъ другаго голоса, кромѣ голоса природы, а потомъ, когда ихъ дочерямъ уже «шестнадцатый вначалѣ», вовсе не помнятъ, что ей-то были посвящены онѣ драгоценнѣйшими минутами своей жизни, и рѣшительно ссорятся съ первою и лучшею своею природою. Если бы графиня Марія благовременно узнала объ этихъ распоряженіяхъ, она ужасно разсердилась бы на природу и согнала бы ее со двора. Но Анна съ своимъ чувствованіемъ на самомъ днѣ души, надѣялась на лучшее времяна. Положеніе ея въ домѣ было вѣдуньи мучительное : прежде она страдала только отъ зависти

и лести Катеньки; теперь имѣла всегдашняго врага въ сестрѣ, тѣмъ опаснѣйшаго, что онъ уже выросъ, поумнѣлъ и сталъ искуснѣе въ ненависти, и тягостная тайна сердца отдѣлила ее отъ честолюбивой матери. Анна увидѣла себя среди роднаго семейства отшельницею въ пустынь съ своей мечтою, и это одиночество сдѣлало ихъ нераздѣльными.

Валеріанъ былъ у графини Маріи съ визитомъ въ четвертый день послѣ ихъ перваго свиданія. Анна его видѣла. Онъ былъ очень скромнѣнъ, остороженъ, но дѣвушка казалось, что взоръ его оживляется особеннымъ огнемъ, когда онъ на нее смотритъ или говоритъ съ нею. Она дрожала отъ удовольствія. Теперь время сказать, что разсѣянности молодаго человѣка у мадамъ Б***, за которыя Лоло такъ ужасно на него разсердилась, происходили отъ красоты Анны. Графиня Марія приняла Валеріана съ особеннымъ радушіемъ и уваженіемъ, какъ человѣка уже знаменитаго, о талантѣ котораго весь городъ говорилъ съ величайшимъ восторгомъ, но не произнесла ни какого намѣку на это, не сказала въ глаза ему ни лести ни похвалы, что показываешь съ ея стороны тонкое чувство приличія. У сестры своей она мало могла оцѣнить его, бывъ большею частью занята отдѣльною бесѣдою съ старымъ графомъ Ф*** и маркизомъ. Но здѣсь Валеріанъ безъ труда очаровалъ ее своимъ умомъ и любезностью: черезъ полчаса времени, она была въ восхищеніи отъ него, и пригласила его на слѣдующій день обѣдать.

Въ какомъ восторгѣ была Анна, когда, послѣ его ухода, мать сказала, что это—одинъ изъ пріятнѣйшихъ мужчинъ, какихъ она знаетъ! И между тѣмъ робость, любовь, осторожность, воспрепятствовали ей обнаружить, какъ далеко раздѣляетъ она это мнѣніе съ матерью!... Изліяніе, въ эту минуту, было бы такъ сладостно!... дружба была бы таимъ бальсамомъ для души!...

Первая горькая слеза сердца выкатилась изъ глазъ блондинки.

Ночь однако жъ была проведена въ счастіи, пролитомъ отъ свиданіемъ; утро прошло въ блаженствѣ ожиданія новаго счастія. Никогда, ни прежде ни послѣ того Анна не была такъ невыразимо прекрасна, какъ въ этотъ день, когда явилась она въ комнаты, освѣщенныя умѣренно, но весьма искусно, гдѣ уже собирались гости: то былъ день высшаго и блистательнѣйшаго стоянія красоты ея. Тѣ, которые видѣли ее входящею, не могутъ и понынѣ говорить объ этомъ равнодушно. Въ жизни каждой прекрасной женщины есть всегда одинъ такой моментъ: въ этотъ торжественный часъ прохожденія ея красоты черезъ зенитъ, она сіяетъ ярче солнца, и все все покоряется ея могуществу. Притомъ, по природѣ или по искусству, Анна умѣла чудесно бросать на человека первый взглядъ: когда она смотрѣла внизъ, когда атласныя вѣки ея съ ровной и богатою бахрамою рѣсницъ были опущены, и потомъ она, тихо, приподнимала ихъ и вдругъ устремляла на мужчину свои большіе черные глаза, колѣни дрожали подъ мужчиною, онъ готовъ былъ упасть ницъ и безпрекословно исполнить всякое ея желаніе. Одинъ изъ такихъ электрическихъ взглядовъ она приготовила для Валеріана, который уже былъ въ гостиной. Ударъ произвелъ полное дѣйствіе: у молодого человека закружилась голова. Этотъ взглядъ былъ необходимо нуженъ: безъ него робкое сердце Валеріана, можетъ-быть, не рѣшилось бы на всѣ волненія, боли и муки любви къ такой высокой красотѣ, передъ которою онъ уже съ первой встрѣчи благоговѣлъ въ восторженномъ удивленіи.

Графиня Марія была тоже очень хороша, и притомъ одѣта прелестно: въ этотъ день ей рѣшительно было тридцать четыре года. Изъ гостей, числомъ человекъ около двѣнадцати, я назову только тѣхъ, которые уже вамъ знакомы, — сестру графа Андрея, мадамъ Б...

и пригласить и докторю Сесіей; княжну Лоло съ матерью, и маркизу О'Валерианъ я уже сказала. Маринка была крайне внимательна къ графу Андрею, ласкательно стараясь сблизиться съ нимъ лично, и въ то же время чрезвычайно любезна съ его женою, но такъ тонко, такъ непримѣтно, что ни какой любозытный глазъ не могъ съвидѣть за планомъ этой операціи. Она сказала разныя Маріи нѣсколько прелестныхъ привѣтствій въ-бходъ насчетъ ея неувядаемой свѣжести и красоты, и она все время была въ очаровательномъ расположеніи духа. Графиня Марія, положительно, находила его чудеснымъ, и Анна, читая это мнѣніе въ лицѣ матери, страшилась за послѣдствія пристрастія, казавшагося ей неостыжимымъ. Сестра ея, Катенька, разумѣется, была тутъ же: несмотря на всѣ усилія прически и миндального мыла, лицо этой дѣвушки все не представляло глазу заманчивой картины; одинъ только бюстъ ея, благодаря началу будущей полноты тѣла, образовался удачно, и на этотъ пунктъ маменька геніально устремила всѣ дѣйствующія силы корсета, молестіи и скользящихъ рукавовъ: за исключеніемъ одного этого мѣстоположенія, на всѣхъ другихъ позиціяхъ Катенька была рѣшительно дурна собою. Она представляла мать въ страшное затрудненіе. Въ наукѣ быть матерью, о безобразныхъ дочеряхъ существуетъ законъ совершенно противоположный тому, какой выведенъ для дочерей-красавицъ: дочь, необыкновенно свѣжата и миловидною, должно вывозить въ свѣтъ какъ-можно раньше; позволяется даже прибавить ей лишній годикъ, въ потребномъ случаѣ, смотря по обстоятельствамъ, съ правомъ впоследствии убавить четыре. Чортъ, говорятъ, былъ довольно хорошъ собою, пока былъ молодъ; поэтому подобно пользоваться чортовою красотой въ безобразной дѣвушкѣ, чтобы спустить ее женихамъ въ даромъ цвѣтъ; иначе она навѣрное останется на рукахъ. Графиня Марія вполне чувствовала основатель-

ность этого великаго правила, выведеннаго изъ опыта вѣковъ : но на что рѣшиться ? Братъ Катеньку вмѣстѣ съ Анною : это было бы убійственно!... Не братъ : она можетъ остаться въ дѣвкахъ на цѣлое столѣтіе , если Анна нескоро выйдетъ замужъ. А хуже всего то , что ей уже шестнадцать лѣтъ ; положимъ , « шестнадцатый вначалѣ » : Аннѣ и себѣ надо прибавить по одному году!... Оставивъ эту важную статью впредь до рѣшенія , относительнокъ двумъ первымъ графиня Марія по-временамъ предполагала держаться точной середины , то есть , въ маленькія собранія брать одну только Анну , а большіе балы ѣздить съ двумя дочерьми , потому что тамъ страшная красота Анны не можетъ вредить Катенькѣ въ большой толпѣ дѣвушекъ , болѣе или менѣе некрасивыхъ .

Княжна Лоло въ первый разъ увидѣла Катеньку : она нѣкогда видала ее ребенкомъ , но это предано забвенію . Открытіе безобразной сестры у Анны было настоящимъ сокровищемъ для злой дѣвы ; впрочемъ всякая женщина обожаетъ безобразіе въ другой женщинѣ : это ея природная подруга , подкладка къ ея лицу , вѣрное средство къ эффекту . Лоло тотчасъ овладѣла Катенькою : привѣтствія , предложенія дружбы , ласки , ободренія , лесть , градомъ посыпались на безобразную дѣвушку , которую красота Анны приводила въ ярость , такъ же какъ и новую ея пріятельницу . За объѣдомъ , графиня Марія посадила , возлѣ себя , съ одной стороны Валеріана , съ другой маркиза : Лоло сѣла подлѣ Катеньки и не упустила ни малѣйшаго случая чтобы приобрести ея довѣренность . Анна должна была занять пустое мѣсто возлѣ маркиза , потому что любовь отняла у нея смѣлость сѣсть рядомъ съ Валеріаномъ , близъ котораго находилась она сначала . Тщеславный маркизь растолковалъ это въ свою личную пользу , и всякой разъ какъ Валеріану случалось говорить , то есть , приковывать къ себѣ вниманіе присутствующихъ , онъ пользовался этимъ

нутою чтобы обворожить Анну своей собственною
красотой. Это бѣсило Анну : она хотѣла слушать
Валеріана, котораго каждое слово отзывалось въ ея душѣ
слабенькимъ восклицаніемъ—Какъ онъ милъ! — и отвѣ-
чала холодною въжливостью на полное чувства вниманіе
краснаго сосѣда. Это опять бѣсило маркиза : онъ не
достигалъ въ природѣ женщины, которая не обожаетъ
съ перваго взгляду, и, въ досадѣ, усугубляя любез-
ность свою къ матери. Графини Анны это не бѣсило ни
малю. Въ концѣ обѣда, она принуждена была при-
нестись сама перелѣ собою, что маркизъ столько же
милъ сколько прекрасенъ.

Въ другой, нѣсколько менѣе самолюбивый, послѣ
неудачныхъ попытокъ, отказался бы отъ дальнѣйшаго
посѣдованія Анны, но для маркиза это сопротивленіе
было недостаточнымъ поводомъ къ противному. Огорчен-
ное тщеславіе его рѣшилось покорить себѣ ея сердце
что бы то ни стало. Опытность совѣтовала ему при-
нестись къ равнодушію и притворному презрѣнію мя-
ской красоты : это средство весьма рѣдко остается
неуспѣшнымъ. Онъ разсердился на Анну, надулся, не
смиривъ уже съ нею послѣ обѣда, и занялся исключи-
тельно, сперва ея отцомъ, потомъ ея матерью. Анна была
случайно рада этому. Она съѣла подлѣ своей тетки,
которая отдѣльно отъ другихъ разговаривала съ княги-
ней Х... Это мѣсто избрала она не безъ намѣренія :
она сидѣла противъ дверей, въ которыя она могла ви-
дѣть большую часть смежной гостиной, гдѣ Софія про-
говаривалась съ Валеріаномъ. Нѣсколько разъ она хотѣ-
ла встать и присоединиться въ кухню, но опасеніе об-
идеть этимъ свои чувства удержало ее на-мѣстѣ.
Она завидовала счастью Софіи быть такъ хорошо съ нимъ
иногда!

Когда Софія возвратилась въ ту комнату, гдѣ была
обычная часть гостей, Анна тотчасъ увлекла ее ходить
за нею.

— Обо всемъ мы говорили?

— Обо всемъ! Мы съ нимъ больше друзья. Обо всемъ различаю: любить маменьку и мамоньку; они все обаяютъ; между онъ называетъ не иначе какъ: счастливую голубку, и я его поворачиваю. Онъ мнѣ говоритъ все, что думаю, замѣчаетъ, чувствуетъ, и я ему, тоже; это такъ приятно! Ты не поворачивай, какъ онъ добръ, прѣстѣ, доверчивъ..... какъ дитя!.... совсѣмъ не похожъ на другихъ мужчинъ! Мы, между прочимъ, много говорили о тебѣ.....

— Обо мнѣ?

— Разумѣется! Я сказала ему, что дала тебѣ его книгу; спрашивала, какъ онъ тебя находитъ..... Ахъ, мой другъ! если бъ я могла пересказать тебѣ.....

— Что такое? что такое?....

— Въ какомъ онъ отъ тебя восхищеніи. Я не умю какъ говорить.... Онъ говоритъ такъ живописно, такъ умно, такъ поэтически!.... Ахъ, если бъ ты насъ подслушала! Пстой, дай посмотреть на себя: такова ли ты въ самомъ дѣлѣ, какою онъ тебя описываетъ?.... Да! онъ правъ: ты удивительна!

Анна покраснѣла отъ удовольствія: никогда еще похвала ея красотѣ не была ей такъ пріятна; никогда грудь ея не дрожала такъ сладостно. Счастіе, изъ сердца, лилось по всему ея прекрасному тѣлу.

— Ты удивительна! продолжала милая сентиментальная болтуня. Обо мнѣ.... увы!... хоть мы съ нимъ и друзья.... онъ навѣрное не скажетъ никому и десятой доли того, что сказалъ мнѣ о тебѣ. Онъ тебя видѣлъ однажды, лѣтъ пять или шесть тому назадъ.

— Гдѣ же онъ меня видѣлъ?

— На облакахъ! Когда онъ писалъ свое «Счастіе поэта»..... ты читала? ты помнишь эту чудесную піесу?

— Можно ли не помнить! сказала Анна съ прекраснымъ выраженіемъ.

— Ты слышишь, что это, когда в воображении воплоти Платонія въ образъ чудесной женщины? — Анна, какъ это описано, мой другъ! какъ это описано! вдругъ воспыкала Соня; сильно сжимая руку Анны отъ невольнаго восторгу. Мнѣ такъ хотѣлось быть Платоніемъ, но противъ этого ослѣпительнаго мѣста!

— Ахъ, и мнѣ тоже! примолвила Анна.

— Ну, вотъ видишь! добродушно сказала неподражаемая Соня; а онъ говорить, что ты еще лучше еси!... Когда, при сочиненіи этой піесы, въ нервическомъ напращеніи всѣхъ чувствъ, въ жару раскаленной мысли, среди тумановъ, явился его воображенію этотъ блестящій идеаль красота, онъ похожъ былъ на тебя. Выше этого, воображеніе его не постигало: но когда онъ увидѣлъ тебя, то долженъ былъ признаться, что, несмотря на разительное сходство, то, что ему представилось въ восторженной мечтѣ, было гораздо ниже дѣйствительности, тебя. Я не могу рассказывать! Посмотри, какъ я горю! (Она бросилась обнимать Анну.) Описаніе этихъ страшныхъ усилій мысли, этого мученія сильнаго творческаго понятія съ безсиліемъ языка, этого изнеможенія, которое слѣдуетъ за ними, привело меня въ трепеть: а онъ описывалъ все это такъ просто, такъ мило!... и вмѣстѣ такъ живописно!... Я не хотѣла бы видѣть его въ одну изъ такихъ минутъ. Онъ тогда долженъ быть.....

— Выше человека, сказала Анна въ дополненіе мысли рассказчицы, которая вдругъ остановилась, какъ-бы не находя слѣва.

— Да! что-то непостижимое, страшное! продолжала Соня. И при всемъ томъ онъ не выдумалъ ничего лучше тебя!... даже не достигъ дѣйствительности!... Какая ты счастливая!

— И онъ тебѣ все это рассказываетъ?

— Ну, да! И только мнѣ одной, потому что я его такъ быстро понимаю, и что это, какъ онъ говоритъ,

понимаютъ только души новыя, чистыя; дѣтенія, не покрытыя ржавиною свѣта.

— Такъ онъ тебя считаетъ еще ребенкомъ?

— Ну, не совсѣмъ! Мы съ нимъ иногда разсуждаемъ о такихъ серьезныхъ вещахъ, что ты не можешь себя представить. Я говорю ему все, къ мнѣ нравится, кого я начинаю любить, кого перестаю, что происходитъ въ моемъ сердцѣ.....

— Счастлива ты, Софія, что имѣешь такого друга! со вздохомъ сказала Анна. Сколько ему лѣтъ?

— Двадцать девять, кажется.

— Счастлива ты! повторила она.

— О! увѣряю тебя, что очень счастлива! отвѣчала Софія съ дѣтскимъ восторгомъ. Въ его обществѣ я всегда нахожу утѣшеніе, покой и счастье. Онъ всегда говоритъ такъ умно, такъ благородно!....

— Ну, а если бъ ты въ него самого влюбилась, сказала бы ты ему?

— Да я уже была страшно влюблена въ него!.... Нельзя не влюбиться, когда его слушаешь! Изъ этого и возникла наша дружба. — Онъ не могъ любить меня!... я его не достойна! продолжала Софія со слезами на глазахъ: я это знаю!.... Зато, по-крайней-мѣрѣ, онъ наградилъ меня своей милою дружбою. Я теперь люблю его еще болѣе, но совсѣмъ иначе. Самъ же онъ и вылечилъ меня отъ моей страсти, присоветовалъ мнѣ влюбиться въ другаго, въ третьяго.... такъ!.... чтобы разсѣяться!.... Я люблю немножко пококетничать. — Ну, теперь ты расскажи мнѣ свои секреты!

Сердце Анны таяло отъ радости и любви во время этого прелестнаго изліянія сердца добродушной дѣвушки, но столь неожиданное заключеніе повѣсти сердца привело ее въ краску и замѣшательство.

— Я уже тебѣ сказала, мой другъ, что у меня еще нѣтъ ни какихъ секретовъ, отвѣчала Анна, съ чувствомъ цѣлуя кузину, чтобы скрыть свое смущеніе.

— Какая ты недобрая, Анна! воскликнула Софія: ты выслушала мои сердечныя тайны, а мнѣ ничего не хочешь сказать!

— Но когда у меня теперь еще сказать нечего!

— А когда будетъ, скажешь?

— О! скажу непременно!

— Смотри же!

Анна пожала ей руку; но, при всей своей неопытности, тотчасъ почувствовала опасность ввѣряться Софіи, которая была ея соперницею еще до знакомства Анны съ Валеріаномъ. Женщины, по тайному инстинкту природы, всегда на-сторожъ одна отъ другой. При всей добротѣ сердца, воспитаннаго нѣжными и умными родителями внѣ всякихъ расчетовъ честолюбія, съ единственною мыслію объ его полномъ счастьи, при всей очаровательной довѣрчивости этого сердца, оно могло сдѣлаться мстительнымъ и скрытнымъ отъ одной ревности. На днѣ его, быть-можетъ, таилась еще непотухшая искра надежды. Видѣ соперницы могъ бы пробудить его гордость и возжечь новый пожаръ чувствъ. Анна, не по лицемерству, а со страху, заключилась въ непроницаемую тайну. Она съ участіемъ обняла свою двоюродную сестру, и спросила:

— Зачѣмъ же онъ, милая Софія, не могъ любить тебя? Развѣ онъ влюбленъ въ другую?

— Зачѣмъ!.... зачѣмъ! воскликнула она: развѣ можно сказать, зачѣмъ я не нравлюсь тому, а нравлюсь другому?.... Нѣтъ, въ другую онъ не влюбленъ: онъ сказалъ бы мнѣ, если не тогда, такъ послѣ. Онъ мнѣ часто говорилъ, что нравились ему многія, и очень, но что онъ никогда еще не былъ влюбленъ и ужасно боится влюбиться. Онъ такъ мало думаетъ о себѣ!... никогда не доволенъ ни своими сочиненіями ни собою!... увѣренъ, что не можетъ нравиться ни какой женщинѣ, и говоритъ, что если ему прійдется когда-нибудь быть рѣшительно влюбленнымъ, если Богъ пошлетъ ему это

испытаніе, то онъ будетъ несчастливѣйшій, чѣловѣкъ въ мірѣ, и я одна въ мірѣ съ своею скромностію, съ такими странными понятіями о самомъ себѣ и своѣхъ достоинствѣхъ, у онъ никогда не рѣшится сказать дѣвушкѣ, что ее любитъ. Онъ и самъ говоритъ это...

Последнія слова Софіи глубоко онечалили Анну. Вотъ препятствіе къ счастью, о которомъ она и не думала, препятствіе непреодолимое, потому что здѣсь не помогло бы даже и одобреніе любви ея родителями, въ которомъ она заранее сомнѣвалась, но которое, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, не было невозможнымъ. А между-тѣмъ это почти общій характеръ людей необыкновенныхъ и истинныхъ талантовъ: они вѣчно сомнѣваются въ самихъ себѣ, и очень долго не вѣрятъ, чтобы другіе находили ихъ удивительными. Правда, что въ природѣ все устроено съ неисповѣдимою мудростію: съ такими мужчинами женщины теряютъ врожденную застычивость, и часто роли перемѣняются до того, что робкій полъ дѣйствуетъ паступательно, а дерзкій болѣе или менѣе оборонительно. Разумѣется, скорѣй менѣе чѣмъ болѣе. Но нравы наши предоставляютъ это преимущество однимъ только женщинамъ, а не дѣвицамъ. Чтò можетъ сдѣлать несчастная дѣвушка въ подобномъ случаѣ? Она должна ждать и плакать.

Это вовсе не значитъ, чтобы и дѣвицы не были съ такими мужчинами несравненно смѣлѣе чѣмъ съ прочими. Для вступленія въ разговоръ съ челоѣкомъ, пользующимся славою таланта, есть всегда готовый предметъ, — его талантъ, его слава. Тогда какъ передъ обыкновенными мужчинами, чувствуя себя выше ихъ, онъ всегда сохраняютъ свое личное достоинство и ждутъ должной себѣ дани, ихъ привѣтствій; къ знаменитымъ людямъ, какъ равнымъ себѣ въ природѣ, онъ самъ часто подходятъ съ привѣтливимъ словомъ. Это совершенно предично. И дѣйствительно, возвратившись въ гостиную, Анна и Софія подошли прямо къ мадемуазель группѣ со-

бесѣдниковъ, состоявшей изъ Софійной матери, княгини Х*** и Валеріана. Анна рѣшилась воспользоваться первымъ благовиднымъ случаемъ чтобы завестъ съ нимъ разговоръ.

Случай скоро представился. Общая бесѣда была прервана появленіемъ отца Софій за преслави своей жены; обѣ дамы вступили съ нимъ въ разговоръ, незанимательный для прочихъ; Валеріанъ придвинулъ свои кресла къ кресламъ Софій, и сталъ разговаривать съ миленькимъ своимъ «другомъ». Анна очень естественно должна была принять участіе въ ихъ бесѣдѣ. Она долго собиралась съ силами, чтобы произнестъ лично къ нему первое слово: впоследствии она сознавалась, что это была самая страшная минута въ ея жизни; ей казалось, что судьба ея рѣшается съ этимъ словомъ; сердце быстро билось въ груди, зубы дрожали, руки и ноги сдѣлались холодными. Она, вѣроятно, и не произнесла бы ни одного звука, если бы мадамъ Б*** не позвала Софій къ себѣ, и Валеріанъ, оставшись одинъ наупротивъ Анны, не посмотрѣлъ на нее долго и задумчиво: въ его взорѣ было столько тоски, сладости, жизни, восторгу, прелести, что обвороженная Анна была увлечена непреодолимою силою, и сама не помнитъ, какъ сказала:

— Я обязана вамъ большою благодарностью!

— Что же я имѣлъ очастіе сдѣлать вамъ пріятнаго? скромно спросилъ Валеріанъ.

— Вы доставили мнѣ одну изъ очаровательнѣйшихъ минутъ, какія только можно испытать на землѣ. Моя двоюродная сестра Софія сообщила мнѣ прелестную книгу, которую вы издали. Я читала ее. Я не могу выразить вамъ, ни моего удивленія, ни того восторгу, того счастья, какіе я чувствовала во время этого чтенія. Я была взволнована до глубины души, плакала....

— Вы сдѣлаете меня тщеславнымъ, графиня, такую похвалою, которой я далеко не заслуживаю, сказалъ

онъ, выжило кланяясь своей прекрасной читательницѣ.

— Пусть сдѣлаю! продолжала она, одушевляясь. Въ этомъ случаѣ тщеславіе не будетъ порокомъ.

При этихъ словахъ, невольно вырвавшихся изъ души, нынѣшняя красота ея засіяла всеми своими лучами, глаза зажглись волшебнымъ огнемъ, алыя губки, смѣшиваясь съ бѣлыми блестящими зубами, образовали самую живописную улыбку. Она была великолѣпна. Валеріанъ задрожалъ.

— Если вы еще не прочитали всей книги, сказалъ онъ смущеннымъ голосомъ, въ которомъ Анна мигомъ примѣтила дѣйствіе своей красоты и любви: то, я прошу васъ; не читайте ея далѣе. Эти первые труды слишкомъ несовершенны. Я теперь.... впервые.... сожалѣю, что ихъ напечаталъ.... Я желалъ бы явиться передъ вами болѣе достойнымъ вашего вниманія, занять эти опыты чѣмъ-нибудь болѣе слабымъ. Не судите меня по нимъ!.... не дочитывайте!.... прошу васъ, подождите! То, что я теперь началъ.... что хочу начать.... что еще у меня въ головѣ.... кажется, будетъ хорошо.... или, по-крайней-мѣрѣ, лучше.

«Онъ меня любитъ!» съ радостью сказала Анна про себя, и счастье придадо ей самоувѣренности. Она наконецъ совладѣла съ собою, стала спокойною, и уже смѣло господствовала надъ своимъ пѣвникомъ.

— Кто жъ будетъ тотъ счастливецъ, спросила она: кому вы первому прочитаете то, что начали, что теперь пишете?

— Вамъ! невольно отвѣчалъ онъ.

Она была напередъ увѣрена въ этомъ отвѣтъ.

— Мнѣ? Быть не можетъ!

— Если только вы позволите.

— Вы общаете? Мнѣ первой? Никому кромѣ меня?

— Я почту себя это за такую честь....

— Нѣтъ, это я должна почесть себя честию, всегда буду гордиться этимъ.

Въ это время, Софія возвратилась и заняла прежнее мѣсто между ними.

— Софія! сказала она весело : ты ничего не знаешь о моемъ счастиі? Мы говорили объ этой удивительной книгѣ, которую ты мнѣ дала, и я уже получила обѣщаніе, что когда одна, теперь начатая, піеса будетъ окончена, я первая буду ея слушательницей.

— Такъ уже не я? не маменька? не папà? съ упрямомъ сказала Софія Валеріану. — Анна! печально продолжала она, обращаясь къ кузинѣ : ты едва пріѣхала, и уже насъ разоряешь!

— Нѣтъ, мой другъ! быстро возразила Анна : нѣтъ, это будетъ у тебя, у васъ. — Не правда ли? сказала она Валеріану. — Я надѣюсь, милая Софія, что ты позволишь мнѣ участвовать въ твоихъ удовольствіяхъ?

— Это другое дѣло, сказала Софія.

Разговоръ съ той поры сдѣлался незначительнымъ. Валеріанъ съ благодарностью и удивленіемъ оцѣнилъ умъ и деликатность Анны въ неожиданномъ оборотѣ, который она дала обѣщанію, обидному для этой доброй и чувствительной дѣвушки, но Анна, съ своей стороны, ясно поняла, изъ печали и упрёку кузины, всю опасность брать ее въ повѣренныя въ такомъ нѣжномъ вопросѣ. Она стала осторожнѣе. Бесѣда молодыхъ людей продолжалась еще съ четверть часа. Аннѣ было въ ней такъ отрадно, что она желала бы продлить ее до безконечности. Но родители Софіи спѣшили въ театръ : Софія уѣхала, и общество ихъ разстроилось. Поговоривъ съ отцомъ Анны, и посидѣвъ еще немного возлѣ графини Маріи, Валеріанъ удалился вслѣдъ за княгинею Х***, которую Лоло, несмотря на усталость почтенной старушки, утащила съ собою къ своей кузинѣ : тамъ это пріемный день, и Лоло страхъ хотѣлось воспользоваться еще остаткомъ вечера, чтобы раз-

сказать всѣмъ, что у Анны есть сестра — нечего сказать, ужасъ — очень нехороша собою — но зато такая милая! — ангелъ доброты! — умная! — крутая! — обворожительная!.... то-то будетъ счастливъ, кто не посмотритъ на лицо этого ангела, и женится на немъ!

Этотъ вечеръ, вечеръ незабвенный въ жизни Анны, доставилъ ей, на долгое время, тму сладостныхъ мечтъ и печальныхъ размышлений. Мнительность знаменитаго человека насчетъ своихъ личныхъ достоинствъ поразила ее, не только въ разговоръ Софій, но и въ короткомъ разговоръ съ Валеріаномъ. Ясно, что онъ не рѣшится открыто ухаживать за нею, а это, конечно, было бы единственное средство преклонить маменьку, хоть со-временемъ, если еще есть средство преклонить ее. Съ-тѣхъ-поръ они видѣлись еще нѣсколько разъ, говорили долго и свободно; онъ положительно былъ влюбленъ, обнаруживалъ это каждымъ словомъ, каждымъ наклоненіемъ голоса, видѣлъ, что къ нему также неравнодушны, потому что Анна, частью неволью, а частью и нарочно, сколько позволяло приличіе, дѣлала ему замѣтить это, и, при всемъ томъ, не становился смѣлвѣ! Напротивъ: онъ, казалось, усиливалъ свою осторожность. Разговоръ, происходившій однажды у ея тетки, между мадамъ Б***, ея мужемъ и Валеріаномъ, о непомерномъ честолюбіи графини Маріи и объ ея прошлагоднихъ сумасбродствахъ за границею и мечтахъ выдать дочь свою за владѣтельную особу, былъ отчасти переданъ Аннѣ болтливою Соней. Она поняла, что этотъ разговоръ напугалъ скромнаго Валеріана. Между-тѣмъ все, что происходило вокругъ нея, великіе планы матери, ея непрерывныя разсужденія о счастіи и необходимости занимать высокое положеніе въ обществѣ, презрѣніе, съ какимъ она отзывалась о молодыхъ людяхъ безъ значенія, хоть бы даже съ именемъ и богатствомъ, и о бракахъ по влеченію сердца, самый выборъ знакомствъ и пріятелей, наконецъ пыш-

ныя приготовления къ баламъ, все это наполняло душу блудной дѣвушкой страхомъ и уныніемъ. Она стала задумчивою и грустною, искала уединенія, плакала иногда безъ всякаго видимаго повода, не любила наряжаться. Мать не могла не примѣтить въ ней перемѣны. Графиня Марія нѣсколько разъ разспрашивала ее о причинѣ этой непонятной тоски. Анна всегда отвѣчала, что ей здѣсь скучно, что она желала бы умереть.

— погоди, утѣшала ее мать. Вотъ скоро наступагъ балы: разсѣнешся.

Отвѣтомъ на это утѣщеніе были всегда новый вздохъ и горькія слезы. «Я не понимаю пѣмѣреній маменьки, думала про себя Анна: она хочетъ просто продавать меня съ аукціону!»

Открылась зимняя кампанія. Вы знаете, о какой я говорю кампаніи. Я говорю о той страшной войнѣ, о томъ грозномъ ополченіи, о томъ внезапно и опустошительномъ наведеніи опаснаго числительною силою и коварствомъ врага, словомъ, я говорю о томъ знаменитомъ нашествіи двадцати народовъ маменекъ, съ многочисленною арміею дочекъ, — вооруженною всеми средствами тактики, стратегіи и колдовства, на безсечный народъ жениховъ, — страшикомъ побойше холостяковъ, въ которомъ каждую зиму безвозвратно погибаетъ столько любовныхъ молодыхъ людей. Это настоящая война, брань подъ музыку кадрылей и маршкѣ, кампанія при свѣчахъ. Страшныя приготовления дѣлаются къ ней благовременно, прежде чѣмъ первый звукъ трубъ подастъ знакъ къ упорной борьбѣ: тысячи острыхъ стальныхъ орудій повсемѣстно приходятъ въ дѣйствіе; арсеналы наполняются блестящимъ оружіемъ прозрачныхъ платьевъ, кружевъ, лентъ, цѣтговъ, алмазовъ, парюровъ, турнюровъ, корсетовъ наватъ, косъ на гребенкахъ и предательскихъ карманныхъ буклей. Авангардъ выступаетъ впередъ: отцы и братья высылаются на разъѣзды, узнавать о пози-

цѣльхъ непріятеля и заманивать его ни засады. Онъ тѣмъ слѣдуетъ главная армія, полки дочерей-новобогъ, въ полномъ вооруженіи. За ними — генералитетъ, меновники: каждая предводительствуетъ своимъ отрядомъ, иногда весьма многочисленнымъ; отъ ея тактики, хладнокровной распорядительности, умѣнія занять позиціи, быстроты въ непрерывномъ перемѣщеніи своихъ силъ на разные пункты, вѣрнаго взгляду на слабыя стороны непріятеля, гениальнаго выбору момента рѣшительной атаки, зависитъ побѣда или постыдное низложеніе. Между этими полководцами въ чепчикахъ, перѣдко есть удивительные стратеги. И говоря вообще, чтобъ быть отличною матерью зиню, нуженъ фельдмаршальскій гений. Многія, по недостатку въ воинскихъ талантахъ, проигрываютъ всю кампанію и принуждены ретироваться съ разбитымъ и обезоруженнымъ корпусомъ, единственно оттого что, или слишкомъ горятся, или становятся въ ложномъ пунктѣ для команды, очень близко къ сражающимся, когда происходитъ самая жаркая пальба изъ орудій, или играютъ въ карты, тогда какъ побѣда уже одержана и надо принимать мѣры къ преслѣдованію и истребленію непріятеля. Позади главной арміи и генералитета, всегда находится сильный и дѣятельный арріергардъ, состоящій изъ тѣтушекъ, бабушекъ и старыхъ кузницъ. За арріергардомъ, въ отдаленіи, тлѣется багажъ, фургоны, ящики, тарчани съ приданымъ. Какъ уже давно извѣстна военная хитрость обороняющагося непріятеля, дѣлать внезапныя нападенія на тылъ атакующей арміи въ надеждѣ разграбить багажъ, то окрашеніе его върѣется бдительности и неумѣнью арріергарда: по-типо наполеоновская штука — допустить врага довольно близко къ багажу, и когда тотъ, почувавъ поживу, горячо устремится на обозы, взять его во флангъ, окружить со всѣхъ сторонъ, и принудить къ безусловной сдачѣ, между-тѣмъ какъ фургоны и ящи-

и счастием, уходя во весь опор. Конечно: борьбу на-
пущенной, уступками, это не победа. Такой резуль-
татом чемпионы не показывают себя. Даже генераль-
нать, которая, вдруг захлопнув крышку, поймала
рыба в пустом фургон, не может похвастаться сре-
не дарованиями, но тому уже одному что допустила
книжка до фургона. Велика дѣло быть матерью взрос-
лых невест! И какъ, съ другой стороны, свѣтъ рав-
нодушья къ истиннымъ талантамъ!.... до-сихъ-поръ
ни одной биографіи великихъ матерей, которыя
играли по нѣскольکو блистательныхъ панпаний сре-
ду, не потерявъ ни одного гроша на приданое!

Красно распростирается съ умысломъ объ этомъ важномъ
и необычномъ предметѣ, чтобы поставить читателя
въ надлежащей точкѣ зрѣнія передъ великими событія-
ми, которыя ознаменовались эти достопамятная зна-
менія была необыкновенно интересна, борьба уди-
тельно жарка и усорна. Сражаешься, не на животъ, а
на смерть. Когда свѣтъ растаялъ, свѣчи погасли, сол-
нечный полубраніи, — жениховъ не было ни жи-
воты: всѣ погибли, съ оружіемъ въ рукахъ, на
полѣ супружества. Двѣдательность и таланты жа-
рко превзошли въ эту зиму всякое описаніе. Гений
никогда бывающъ плодомъ соревнованій: а могъ ли
превзойти такой поведъ къ соревнованію чѣмъ поведе-
ніемъ поприщѣ такой красавицы какъ Анна? Слава ея
ранѣе встревожила всѣхъ матерей, тѣтушекъ,
дѣвъ, племянницъ, кузинъ. Безъ всякаго совѣщанія;
каждому чувству опасности, единогласно припята
противъ нея одна изъ самыхъ мудрыхъ мѣръ,
и знаю: всѣ женщины, всѣ дѣвицы, которыя ее
знали или невидѣли, пустились, какъ по командѣ, въ
поискахъ похвалы и восторга насчетъ ея безпримѣр-
ныхъ добротъ, чтобы всѣми возможными преувеличеніями
сдѣлать въ мужчинахъ ожиданіе чего-то невѣроят-
наго, баснословнаго: предполагалось, что когда они, при

такомъ напряженіи понятій, впервые увидать Анну, то она покажется имъ далеко не такою на-дѣлѣ, какою они воображали въ пылкой мечтѣ своей. Ни что такъ верно не убиваетъ чаръ перваго эффекта, ни что не приводитъ человека въ такую досаду, какъ обманутое ожиданіе. Этого только и было нужно. Если мужчины скажутъ — «Да тутъ нѣтъ ничего сверхъестественнаго!» — тогда можно будетъ еще спорить съ ними, — они станутъ изъ упрямства поддерживать свое мнѣніе доказательствами, — съ явными доказательствами нельзя не согласиться, — и если еще, въ угожденіе спорщикамъ, вы невинно замѣтите сами разные недостатки въ слишкомъ прославленной красавицѣ и доставите имъ новые доводы, такъ и дѣло съ концомъ: необыкновенное сдѣлается для всѣхъ самымъ обыкновеннымъ и почти пошлымъ. Очень умная мѣра! Къ сожалѣнію, на этотъ разъ она не удалась: красота Анны, была выше всѣхъ преувеличеній. Самое восторженное ожиданіе далеко отстало отъ дѣйствительности, потому что мечтою нельзя постигнуть ничего совершеннѣе природнаго совершенства; напротивъ, при повѣркѣ, оно всегда оказывается выше воображаемаго. Торжество Анны на первыхъ балахъ огорчило весь прекрасный полъ, но не охолодило соревнованія его въ красоту. Степень бѣлизны ея блестящей кожи, объемъ ея тоненькой талии, прелестной ручки, крошечной ножки, — ножекъ у нея почти и не было! — все это измѣрено въ дюреты съ астрономическою точностью, и черезъ недѣлю — увидите! — такія кожи, талии, ручки и ножки будутъ ни по чемъ. Началось всеобщее бѣленіе, шнурованіе, сжиманіе оконечностей въ тиски. Миндальное тѣсто въ трое сутокъ вадорожало вдесятеро. Одинъ гениальный басонщикъ, который кстати изобрѣлъ «новый, испытанный, привилегированный *неразорвимый* корсетный шнурокъ» изъ шелку съ платиновой проволокой, втеченіи пяти мѣсяцовъ купилъ

себя четыре дюйма. Въ башмачники и перчаточники, изготовившіе съ осени огромное количество башмаковъ и перчатокъ среднихъ номеровъ, какъ самыхъ употребительныхъ, къ веснѣ обокрутились и должны были представить свои балансы : кто могъ ожидать, что всѣ станутъ требовать башмаковъ и перчатокъ однихъ только дѣтскихъ номеровъ !... Наконецъ, тѣ, которые женились уже послѣ Святой, всѣ ребра, ручки и ножки нашли у своихъ молодыхъ нереломанными. Дѣло было жаркое !

При первомъ появленіи на балахъ огромной и богатой столицы, самолюбіе Анны не могло не испытать того упоенія, которое доставляетъ всякое торжество. Всѣ глаза были устремлены на нее : толкались чтобы ее увидѣть. Всѣ дѣвицы вдругъ лишились своихъ обожателей, всѣ женщины — мужей и любовниковъ. Можно себя представить ихъ озлобленіе и самодовольство Анны ! Она была великимъ и могущественно сіяющимъ центромъ, въ который стекалась и изъ котораго исходила всеобщая любовь. Этотъ восторгъ, эта преданность, это благоговѣйное удивленіе всѣхъ мужчинъ передъ прекраснѣйшею изъ прекрасныхъ, царицею одного пола и повелительницею другаго, конечно, были ей весьма пріятны. Но долго ли наслаждалась она этимъ блаженствомъ ? Взгляните, вы, которыя алчете торжество красоты и которыя объ нихъ вздыхаете, взгляните на эту несчастную дѣвушку, одинокую, печальную, безъ подруги между своими, безъ сердца къ этой толпѣ бесполезныхъ и тягостныхъ поклонниковъ ! Она окружена злостью и легкомысленностью. Красота уже ей въ тягость. Эта тма молодыхъ и старыхъ обожателей не даетъ ей ни минуты покою : и къ чему она ей служить ? Любовь одного была ей достаточна ! Онъ тутъ ! И она почти не смѣетъ взглянуть, чтобы не навлечь на него тысячи новыхъ враждъ, прибавокъ къ тѣмъ, которыя уже поднялись противъ

него, за его личное превосходство! Одно слово, дружбы, доверія, искренности, было бы для нея освящающим надлею въ этомъ удивль удивленія. Гдѣ она?... Всѣ прочія дѣвицы дружно ходятъ объ-руку, шепчутся, смѣются; имъ весело; онѣ наслаждаются. Отъ Анны онѣ бѣгаютъ какъ отъ чумы: ни одна не хочетъ даже и стоять рядомъ съ нею, чтобы не казаться ужающею подлѣ такой красавицы. На одномъ изъ первыхъ баловъ, добрая Софья взяла ее подъ-руку и сказала:

— Ну, ужъ я пожертвую собою!... Я вижу, ты считаешь, одна. Скажи, Анна, люблю ли я тебя, когда не боюсь подходить къ твоей убійственной красотѣ?

Слова Софьи раскрыли глаза неопытной дѣвушкѣ: она поняла, что всѣ эти женщины ненавидятъ ее. Съ той минуты, балы, блестящія собранія, удивленіе мужчинъ, опротивѣли Аннѣ. Немного нужно было времени, чтобы измѣрить пропасть, которую необыкновенная красота изрыла подъ ея слабыми ногами. Катенька скоро начала выѣзжать съ нею на балы: маменька рѣшилась; надобно было поскорѣе товаръ лицомъ продать, показывая его не иначе какъ при свѣчахъ. Появленіе Катеньки показало бѣдной Аннѣ всю необъятность людской злобы при видѣ неоспоримаго превосходства. Лоло взяла этого толстенькаго урода подъ свое покровительство: знакомила, всѣмъ рекомендовала и расхваливала. Женщины и дѣвицы, какъ бы сговорившись, приходили отъ нея въ неописанное восхищеніе, осыпали ее ласками, дружбою, доверенностью, прославляли ея умъ, доброту, скромность, либезность. Нѣсколько словъ зависти, произнесенныя Катенькою передъ своими новыми пріятельницами, быстро пронеслись по всему обществу, выросли, развѣтвились какъ пырей, и опутали Анну клубами мерзкихъ клеветъ. Въ половинѣ зимы, это уже было принято всѣми за доказанный фактъ, что Анна, эта безмолвная страдалица — тишеглазая эгоистка, которая угнетаетъ

свою благородную сестру, эту милую Катеньку, этого тихого и кроткаго ангела; капризна, зла, холодна, нечувствительна и, въ добавокъ, удвительно глупа, — ну, такъ глупа, что изъ рукъ вонъ! — просто, статуя! Сотни анекдотовъ были выдуманы объ ея печальномъ слабоуми и повторялись какъ подлинныя. Нѣкоторыя женщины говорили объ ней, и даже съ нею, съ такимъ состраданіемъ, какъ-будто она была юродивая. Маменьки, желая побранить своихъ дочекъ, сравнивали ихъ съ Анною. И дочки еще обижались, что ихъ сравниваютъ съ такимъ «чудовищемъ».

Могла ли та, о которой образовалось такое мнѣніе въ обществѣ, долго оставаться въ невѣдѣніи объ немъ! Не будь даже ложныхъ пріятельницъ, которыя по секрету передаютъ всѣ злобные отзывы, для того чтобы дружески вонзить кинжалъ въ сердце, сама Катенька приняла бы на себя эту пріятную должность, одна за всѣхъ. Въ безпрерывныхъ ссорахъ своихъ съ сестрою, эта змѣя медленно выжимала на ея раны весь ядъ, выдѣляемый въ пасти всеобщей зависти. «Ужъ, вѣрно, я должна быть нѣсколько добрѣе тебя, говорила она при всякомъ случаѣ: когда всѣ меня любятъ, всѣ со мною дружны, а о тебѣ повсюду господствуетъ такое ужасное мнѣніе!» И, послѣ этого предисловія, всегда начиналось новое изданіе подобранныхъ на-канупъ клеветъ, исправленное и умноженное ядомъ своего издателя. Не проходило дня чтобы Анна не рыдала и не проклинала своей жизни уже по одной этой статьѣ злодѣйскаго мщенія.

Объ этихъ жестокихъ неудобствахъ великой красавицы Анна еще не имѣла ни малѣйшаго понятія. Она жила за границею: тамъ всѣ, и мужчины и женщины, считали ее равнымъ восторгомъ; но тамъ каждая знала, что эта страшная красавица не можетъ повредить, что она здѣсь только провѣздомъ, скоро исчезнетъ, и, вслѣдъ за тѣмъ, все прійдетъ въ прежній по-

рядокъ. Преслѣдованіе не имѣло бы цѣли. На родитѣ, между своими, дѣло другое: здѣсь каждая отчаянно защищала свою собственность. Это неожиданное озлобленіе было ужаснымъ открытіемъ для изумленной и опечаленной дѣвушки.

Но клеветы на личный характеръ не опасны, какъ онѣ ни огорчительны: люди, съ которыми вы должны жить или имѣть дѣло, одни имѣютъ съ нимъ столкновение, и они безъ труда обнаружатъ всю ложь этого роду. Для дѣвушки, славящейся красотой, есть другой родъ клеветы, гораздо убійственнѣе, потому что онъ посягаетъ прямо на честь ея и можетъ отравить счастіе всей жизни. Вотъ, что случилось съ Анною: о другихъ я не говорю. Она, какъ я уже сказалъ, однимъ своимъ появленіемъ въ свѣтъ, отбила множество обожателей и любовниковъ у другихъ женщинъ. Мужчины жадны на красоту, какъ волки на мясо, — пока она имъ не принадлежитъ: укусивъ, они бросаютъ добычу, и идутъ дальшѣ. Какъ этой укусить было невозможно, то, въ первомъ пылу всеобщихъ восторговъ, вошло даже въ моду быть влюбленнымъ въ нее. На вопросъ — Здоровъ ли? — отвѣчали — Ахъ, не спрашивай! я влюбленъ въ «божественную» Анну. Не быть въ нее влюбленнымъ значило почти принадлежать къ дурному обществу. Во время этого вихря модной страсти, я самъ видѣлъ, будучи мальчикомъ, какъ даже многіе парики и съдья головы кружились въ воздухѣ. Все это было ужасно обидно почтенному сословію дамъ и дѣвицъ. Чтобы прекратить мятежъ подвластныхъ себѣ мужчинъ и утвердить ихъ вѣрность на прочномъ основаніи, онѣ дѣятельно стали распускать слухи, будто Анна влюблена въ такого-то, — разумѣется, каждый день въ другаго. Извѣстія были самыя достовѣрныя, доказательства на-лицо. Въ концѣ первой зимней кампаніи общаго врага можно уже было провозгласить ужасною кокеткою и вѣтренницею: и бысть тако. Потомъ всѣ, общими силами, принялись вы-

дочь ее замужъ? каждую недѣлю приписывали ей
 новаго жениха; дѣло всегда было несомнѣнное, хотя
 оно тайное: они уже цѣлуются!... Нѣсколько разъ и
 до свадьбы быть назначенъ: многіе сами слышали
 вымечку въ церкви. Я говорю многіе, а не многія,
 потому что въ этихъ сплетняхъ охотно участвовали и
 мужчины, особенно изъ числа возвратившихся къ долгу:
 они лгали въ ознаменованіе полного и чистосердечнаго
 своего раскаянія. Однажды, — и, какъ я думаю, одни
 уже мужчины, — сочинили прескверную исторію, съ та-
 кими мелкими подробностями, что невозможно было
 не повѣрить: въ самомъ дѣлѣ весь городъ, втеченіи
 нѣсколькихъ трехъ дней вѣрилъ, что Анна бѣжала съ од-
 нимъ молодымъ офицеромъ. Мужчины!... Вы желаете
 быть необыкновенными красавицами, чтобы плѣнять
 мужчинъ! Но знаете ли, что мужчины первые враги
 необыкновенной красотѣ, гонители еще злѣе васъ са-
 мыхъ? Тщеславіе ихъ часто такъ велико и такъ нагло,
 что многіе нимало не совѣстятся легкомысленно прино-
 сить честь женщины въ жертву лакейской потѣхѣ хва-
 стовства своими любовными подвигами, и чѣмъ пре-
 раснѣе женщина, тѣмъ, по-несчастію, болѣе падки
 на это мерзкое удовольствіе. Были между ними
 и такіе, которые, въ досадѣ на равнодушіе Анны, кля-
 нись окомпромитировать ее, и, негодяи, сдерживали
 свое слово. Множество нелѣпыхъ и гнусныхъ анекдо-
 товъ, пущенныхъ въ ходъ ими, повторялось объ ней
 между легковѣрною молодежью. Иные простирали
 свое стыдство до того, что хвастались условленными съ
 нею свиданіями. Нѣкоторые даже показывали ей воло-
 сныя перчатки, кольца, и прочая. Не прошло двухъ лѣтъ,
 Анна, — я нѣсколько опережаю ходъ событій, — чи-
 стая, девичья Анна, была уже обезславлена!

— Mes dames et demoiselles! оставайтесь просто ми-
 лыми существами! нежелайте быть лучше, и бла-
 жать будете!

На вѣрты сочинителямъ подвѣстей и романовъ, рождающимъ небывалыя блаженства женщину цвѣтущей красоты : дни не знаютъ что говорить. Другими словами, они не умѣютъ писать. Боже мой ! имъ кажется, что женщины такъ же легко быть необыкновенною красавицею, какъ имъ сочинить ее ; что это не стоитъ ей ни какого труда на свѣтъ : что жъ ! сделаться необыкновенной красавицей, състь, глаза взвести, и идти «страстнаго Владиміра»!... И на это тратятъ они столько и такой рѣдкой красоты !

Всего ужаснѣе то, что такія женщины почти всегда рождены быть также необыкновенными женщинами и по своему уму. Природа надѣляетъ ихъ удивительными умственными способностями. Сердце ихъ убрано благородными и возвышенными чувствами. Онѣ такъ же прекрасны внутри какъ и снаружи. Воспитаніе, по большей части, заглушаетъ въ нихъ эти драгоценныя зародыши свѣту и блага неосторожнымъ развитіемъ непоумѣрнаго женскаго тщеславія : тогда душа ихъ скопляется вся на наружной сторонѣ ихъ чудеснаго тѣла, и внутри часто остается прискорбная пустота. Но стоитъ только сотрясти ихъ несчастіемъ, страданіемъ, несправедливостью : ихъ умъ и сердце вдругъ выходятъ изъ продолжительнаго усыпленія и сіяютъ чуднымъ блескомъ. Я ссылаюсь на исторію : она представляетъ намъ много женщинъ, вмѣстѣ чрезвычайно прекрасныхъ и чрезвычайно умныхъ. Графиня Марія, своей методою воспитанія, своимъ сумасброднымъ честолюбіемъ и примѣромъ собственнаго своего тщеславія, сдѣлала все, что только возможно, чтобы дочь ея была только прекрасною дурочкой ; но, сперва домашнія огорченія съ завистливою сестрою, потомъ вдругъ это страшное тайное остервененіе цѣлой половины общества, разбудили въ ней размысленіе и чувствительность. Она сосредоточилась въ самой себѣ. Ея умъ и сердце быстро приобрѣли ту упругость и тонкость, которыя производятъ прекраснѣйшія явлен-

на нравственномъ міра и дѣлаютъ души великими. Анна прорѣзала. Она стала дѣственно различать гнусную игру страстей подъ доскою назидной наружности, проникла на-сквозь людскія сердца, и на днѣ ихъ увидѣла адъ. Проницательность ея, доходившая до ясновидѣнія, ужасала ея природную слабость. Будущее являлось ей еще явнѣе настоящаго. О Боже! что дѣлать? куда дѣваться?... Отчаяніе и умныя овладѣли его. Глаза ея проливали потоки горькихъ слезъ. Потомъ вдругъ возстала она во всемъ чувствѣ своего достоинства, во всемъ спокойствіи великой женщины, бросила презрительный взглядъ на людей, которые не умѣли узнать и уважать ея, и заключилась всею душою въ любви своей къ челоуьку, подобно ей страдавшему за опасное великодушіе природы. О! какъ она теперь любила Валеріана! Теперь только поняла она его положеніе среди завистливой и злой посредственности, оцѣнила его внутрення скорби, и постигла, какимъ утѣшеніемъ въ жизни можетъ быть для него ея благородная и теплая любовь. Прежде она ненавидѣла свою красоту: теперь красота, — ея великій талантъ, — стала для ней драгоценнѣе чѣмъ когда-либо, потому что она приобрѣла ею удивленіе челоуька съ великимъ талантомъ. Она отерла слезы, и рѣшилась быть спокойною, чтобы сохранить для него одного и какъ-можно долѣе.

Негодование на людей, презрѣніе къ ихъ страстямъ-чувство своей чистоты и невинности, мало-по-малу со, общили ея обращенію видъ холодной гордости, сознанія личнаго превосходства и тонъ нѣсколько повелительный. Отвѣтъ ея былъ всегда важенъ и часто не чуждъ эпиграммы. Этого, по строгому нравоученію, нельзя не признать недостатками ея характера; но нравоученіе чрезвычайно забавно въ своихъ сужденіяхъ: оно никогда не входитъ въ положеніе челоуька. Можно ли не извинить ихъ, эти недостатки, послѣ такихъ незаслуженныхъ и отвратительныхъ оскорб-

лейнъ?... Замѣчательно также, что на эти знаменитые недостатки болѣе всего указывали тѣ, которые были ихъ причиною и противъ наглости которыхъ они служили Аннѣ щитомъ и отрадою!

Возвратимся немножко назадъ. Спѣши дать нѣсколько полное понятіе о страданіяхъ Анны и началахъ, изъ которыхъ окончательно образовался ея характеръ, а ничего не сказать о томъ, чѣмъ кончилась первая зимняя кампанія графини Анны. Кампанія кончилась ничѣмъ, или, правильнѣе, полною неудачей. Графиня Марія составила—было слишкомъ обширный планъ операцій, охватила вдругъ огромное пространство для своихъ стратегическихъ дѣйствій, всѣ силы сосредоточила въ арріергардѣ, и непріятель улизнулъ со всѣхъ пунктовъ. Впрочемъ, самая сущность дѣла представляла непреодолимыя препятствія къ успѣху: въ такую чудную красоту, какова дочери графини Маріи, мужчины готовы влюбятся по два раза въ сутки; но, съ нашими правами, послѣ уничтоженія теремовъ среднихъ вѣковъ, жениться на ней... принимать званіе ея отвѣтственнаго сторожа.... подвергать себя добровольно всѣмъ тревоженіямъ колоссальной славы своей супруги.... жертвовать спокойствіемъ всей жизни безконечнымъ сплетнямъ и анекдотамъ злословія, зависти, мщенія.... стрѣляться совсякимъ тщеславнымъ нахальствомъ.... и, что всего обиднѣе, быть извѣстнымъ въ обществѣ подъ названіемъ мужа своей знаменитой жены, какъ Валабрегъ былъ извѣстенъ подъ именемъ мужа Каталани,—этого страшатся всѣ благомыслящіе женщины. Одни только неопытные юноши, негодящіеся въ порядочные мужья, и — странно! — опытные старики, охотно рываются на такую «глупость!» : старики еще скорѣе чѣмъ юноши. Всѣ блистательнѣйшіе женихи той блистательной эпохи, были влюблены въ Анну: но, когда которому-нибудь изъ нихъ приходила въ

голубу мысль о возможности жениться на ней, каждый говорил — Странно! — и отступалъ. Радство со знатынымъ семействомъ, бесполезнымъ для честолюбія родителей, не прельстило бы матери: вотъ уже самая знаменитая часть хорошихъ молодыхъ жениховъ, — въ сторону. Тѣ, которые бы съ расчетомъ бросались во все опасости подобнаго брака, въ вышней надеждѣ достигнуть значенія въ обществѣ, не подходили къ плану графини Маріи, и притомъ Анна съ негодованіемъ отвергла бы ихъ некательство. Между-тѣмъ соперничество быстро истребляло цвѣтъ кандидатовъ къ браку: матери въ эту анну употребили въ дѣло весь свой гоній, тѣтушки одушевились истинно классическимъ усердіемъ, дочки вооружили свои слабыя прелести безпримѣрною детою любовью, и женихи гибли какъ мухи. Все, что было удобоженимое, женилось на-побѣдъ. Для Анны оставались одни только старики. Мать повела на нихъ атаку, и сначала успѣхъ былъ блистательный. Шесть человекъ тузовъ, самыхъ важныхъ и самыхъ богатыхъ, отъ пятидесяти-пяти до семидесяти-семилѣтъ включительно, съ разныхъ пунктовъ разонъ влюбались въ Анну: мать имѣла объ этомъ «самыя положительные» свѣдѣнія; все были вдовы или похмѣлые холостяки, все на прочь отъ женитьбы, и особенно два изъ нихъ очень, очень согласовались съ виданіи графини Маріи; но, или ихъ устранила эта толпа обожателей, безпрерывно окружавшая Анну, или, какъ утверждала мать, графъ Андрей надълазъ неловкостей, — дѣло въ томъ, что ни одинъ изъ нихъ не сдѣлалъ предложенія. У самаго туза, козырной масти, жена была при смерти въ февралѣ и началу марта: графиня Марія имѣла на него большія надежды; старалась показать ему дочь свою вблизи, средь горестей и печалей, въ внимательномъ дружескомъ свѣтъ; брала ее всегда съ собою, навѣщая больную съ самымъ важнымъ и трогательнымъ участіемъ: дѣло, кажется, было въ рное

но — скажите, пожалуйста! — надобно же такое счастье! — жена юзерного тура вдругъ выздоровѣла... Судьба!

Послѣ столь острочительной новости, графиня Марія заключила первую знитую кампанію и, со всѣми наличными силами, отретировалась на дачу.

Вточеніи этой знаменитой вины, Анна видѣлась съ Валерианомъ. Мать и не воображала, чтобы они были влюблены другъ въ друга. Она сама очень любила его общество. Человекъ знаменитый и другъ сестры графа Андрея былъ всегда принятъ въ ея домъ съ уваженіемъ и радушіемъ. Анна могла безпрерывно встрѣчаться съ нимъ вѣдь, у своей тѣтки, въ обществахъ, на балахъ. Дружба его съ Софіей сблизила ихъ еще болѣе. Ученіе обыванной писмы проходило въ домъ мадамъ Б***: Анна была въ неописанномъ восхищеніи отъ этой дивной прозы, полной неба, свѣту и любви; ея гармоническія звуки, съ жадностью вбирала слухомъ; талая въ пылающей душѣ дѣвушки и упала въ сердце дождей огненныхъ капель; все ея тѣло егерало въ наслажденіи. Твореніе было могущественно выдуманно, и исполнено съ неподражаемымъ искусствомъ. Анна не могла не видѣть, что оно далеко превосходитъ все прежнее, и мысль, что, вѣроятно, она имѣла въ числѣ ихъ этого величій гувель таланта, прослышала ея ея ея ея и усыливая счастье. Она подала русу Валериану, пріявляя свое удивленіе; благодарность, и надежду, что онъ удостоитъ ее такой же дружбы, налою уже гордилась ея ея ея ея Софія. И съ тѣхъ поръ они были друзьями. Но, несмотря на эту короткость, никогда одно слово о любви не извѣняло благородной осторожности Валериана. Онъ тщательнѣо закрывалъ передъ нею свою душу ея страданіямъ, хотя могъ видѣть, и видѣть, что Анна предпочитаетъ его всѣмъ и пріяняла бы пріяненіе съ восхищеніемъ. Анна; съ своей стороны, была чуврена, что она любима, не эта непоколебимая строк-

ность иногда мучила ее ужасно: она соображала, догадывалась, сомневалась, и порой приходила въ отчаяніе. Полу-неизвѣстности особенно была ей тягостна въ многосленные минуты огорченій отъ утомительной борьбы съ вѣстныя сестры и злобою свѣта. Въ эти ужасныя минуты, она отдала бы всю жизнь свою за одно слово уврѣнія въ томъ, что она не обманывается.

Въ исходѣ зимы, пріѣхала къ ней поутру Софія. Она была блѣдна и печальна; слезы часто появлялись на глазахъ ея. Анна разспрашивала ее о причинѣ этой грусти, и долго не получала отвѣту. Наконецъ Софія бросилась ей на грудь, судорожно сжала ее въ своихъ объятіяхъ и заплакала:

— Онъ влюбленъ въ тебя! вскричала она.

— Кто?

— Ты знаешь кто!

Бѣдная дѣвушка рыдала на груди Анны.

— Не плачь, мой другъ! успокойся! сказала Анна, взявъ ее цѣлуя. Расскажи, что случилось. Кто тебѣ сказалъ это?

— Онъ самъ! отвѣчала она, утирая слезы. Жждала этого ужаснаго удара въ нашей дружбѣ. Ударъ совершился, все кончено. Мишенька всё-еще надвигалась!.... Я уже давно отказалась отъ всякой надежды: я знала, что онъ не любитъ меня.... но трудно.... знаешь!... услышать отъ него же, что онъ любитъ другую. Прости меня, мой другъ! Это мои послѣднія слезы: съ ними, я отдаю его тебѣ навсегда. Не бойся меня, Анна: я не соперница. Люби меня!.... любите меня оба!

Она опять кинулась ей на шею и заплакала. Анна клялась вѣстѣ съ нею.

— Благородная душа! говорила она: милая, добрая Софія!.... будь увѣрена, что я всегда буду искренно любить тебя. Я вполне постигаю твои чувства....

— Поцѣлуй меня еще разъ за пріятное извѣстіе, которое привезла тебѣ, прервала Софія.

Анна поцѣловала и улыбнулась.

— Почему же ты знаешь, что оно мнѣ пріятно?...
А, можетъ-быть, совсѣмъ напротивъ.

— О! нѣтъ! я знаю!.... Я давно знаю, что ты его любишь.... Да какъ можно не любить его!.... Напрасно ты такъ долго притворялась со мною..... Ну, да это понятно : ты не хотѣла огорчать меня!.... Съ вѣраго вечера, когда вы встрѣтились у насъ, я предвидѣла, что это тѣмъ кончится : мое сердце мнѣ сказало, да я и сама замѣтила, по твоимъ глазамъ, по всемъ твоимъ движеніямъ, что онъ произвелъ въ тебѣ сильное впечатлѣніе : и, помнишь ли, я сказала тебѣ, что онъ — такой гадкой, и что маркизъ, напротивъ, удивительный красавецъ?.... Я хотѣла отвратить твое вниманіе отъ него къ маркизу. Извини, Анна, мою хитрость : зато теперь я признаюсь, что онъ удивительно милъ и совершенно достоинъ твоей любви.

Онѣ поцѣловались.

— Ну, когда ужъ начала, такъ рассказывай все! при-
совокупила Анна. Скажи, какъ это случилось, что онъ тебѣ признался.

Софія повторила весь свой вчерашній разговоръ съ Валеріаномъ : онъ сказывалъ ей, что намѣренъ вскорѣ уѣхать на три года за границу ; это подало опечаленной дѣвушкѣ поводъ допытываться до причины столь вчерашняго намѣренія, и мало-по-малу обнаружилось, что страданія сердца удаляютъ его изъ отечества ; по-слѣ-того уже не трудно было Софіи заставить его признаться откровенно, что эти страданія происходятъ отъ ихъ общаго друга, Анны, съ которою онъ, въ нынѣшнемъ положеніи своихъ связей, видится очень часто ; близко, а, при извѣстныхъ намѣреніяхъ графини Маріи это только усиливаетъ его мученія, и онъ никакъ не можетъ оставаться здѣсь долѣе.

— Онъ говоритъ, продолжала Софія, что никогда не

рѣшится сказать ни ей ни тебѣ, что тебя любитъ, хоть-бы даже и успѣлъ преодолѣть свою природную робость. Поэтому я и прѣвѣхала сказать тебѣ все, чтобъ ты все знала. Ахъ! какъ я плакала всю ночь!....

— Но ты же мнѣ говорила, что твое сердце занято другимъ?

— Было занято, но теперь прошло. У меня это приходитъ и уходитъ: я очень счастлива въ этомъ отноше- нии! Одинъ онъ никакъ не уходилъ изъ сердца, и я лю- била его, даже и тогда какъ любила другихъ. Онъ — другое дѣло!.... Только ты, Анна..... ради Бога!.... честное слово!..... не давай ему знать, что тебѣ извѣ- стень нашъ вчерашній разговоръ, потому что я покля- лась не пересказывать его никому въ свѣтъ.

— Хорошо, я тебѣ обещаю, сказала Анна: можешь быть увѣрена въ моей скромности. Но скажи мнѣ те- перь, какого онъ мнѣнія обо мнѣ? думаетъ ли онъ, что я его люблю? или что ненавижу? или какъ!....

— Ахъ, онъ такой: чудакъ! воскликнула Софя: я сама ему сказала, что ты любишь его..... цюбишь лю- бовью.

— Да что же тебѣ далъ право говорить это? Вѣдь я тебѣ ничего не говорила.

— Это мое мнѣніе. Я говорю свое мнѣніе!

— И онъ повѣрилъ твоему мнѣнію?

— Нѣтъ, онъ никакъ не вѣритъ. Онъ забралъ себѣ въ голову, что онъ ужасно гадокъ и не можетъ править- ся ни какой женщиной. А между-тѣмъ нѣтъ мужчины обворожительнѣе его: согласись сама!.... Если бы онъ вѣрилъ, что его могутъ любить, вѣроятно, я теперь не была бы у тебя съ приятнымъ извѣстіемъ: можетъ-быть, меня бы любилъ онъ!... хоть за мою любовь. Ахъ, какъ я его любила!.... Онъ ничего не видѣлъ!

— Это ни сколько не утѣшительно и для твоихъ со- перницъ, сказала Анна, прелестно улыбаясь. Милая

Софія! если ты мнѣ другъ, будь же моей спасительницей. Маменька можетъ дѣлать со мною что угодно, выдавать меня за кого хочетъ, но сердцемъ моимъ она не въ правѣ распоряжаться. Любить я буду его одного... когда ужъ ты такъ добра, что позволяешь. Если онъ увидетъ, я умру! Прошу тебя.... умоляю!.... скажи ему отъ меня, что я не согласна на его отъездъ. Скажи именно эти слова — не согласна — не хочу.

— Скажу!.... непременно скажу! отвѣчала добродушная Софія, забывая, что этимъ обнаружитъ она нарушение своей клятвы. Будь увѣрена, что я не допущу тебя умереть! Вотъ и польза быть такой удивительной красавицей!.... ты можешь повелевать; тебѣ стоитъ только произнестъ — не согласна — не хочу, — и все будетъ исполнено.

— Ахъ, не завидуи мнѣ, мой другъ! грустно сказала Анна: дорого плачу я за это! Что за такое преимущество! Повѣрь мнѣ, въ самой тебѣ есть болѣе красоты, нежели сколько нужно, чтобы тотъ, кто будетъ любить тебя, исполнить твои желанія. Но зачѣмъ умолять?.. скажи сама! Обстоятельства могутъ переизмениться!

— Справедливо!

— Я желаю, чтобы онъ меня видѣлъ какъ можно чаще и былъ свидѣтелемъ каждаго моего поступка. Однако только его присутствіе въ состоянии поддержать во мнѣ мужество. Я стою на краю пропасти; я окружена завистью, злословіемъ, врагами; меня чернятъ, рвутъ, нравственно убиваютъ.... Если онъ увидетъ, я погибну!... погибну даже въ собственныхъ его глазахъ, и не переживу этого несчастія! Объясни ему все это. Тебѣ не можетъ быть незавѣстно, что уже обо мнѣ говорятъ....

— Ты умна, Анна, и благородна, сказала Софія, и молчалъ немного. Ты хорошо дѣлаешь. Но если такъ то говори ужъ мнѣ все свои секреты. Въ городъ уходятъ, что ты, наконецъ, выходишь замужъ за мар

книга, что ты въ него влюблена. После этого я думаю, не правда ли какъ первое, не совсѣмъ отъ тебя зависитъ —
 — Когда эти люди перестанутъ выкачать меня замужъ и выдумывать для меня страсти! преврата. Анна съ негъ родоначиель. Ни первое ни последнее не имѣетъ ни какогъ основанія. Но несомнѣнно то, что маркизъ мукаетъ меня ужасно. Какъ я ни явно показываю ему мое отвращеніе къ его прекрасной особѣ, онъ какъ будто не замечаетъ этого и никакъ не отстаетъ. Я вижу его намѣреніе: онъ конечно желаетъ превозмочь мое не расположеніе какимъ-нибудь насильственнымъ образомъ, окопрометировать меня подѣйствовать на мое убѣжденіе черезъ моихъ родителей. Прежде онъ долгое время притворялся жестоко-равнодушнымъ, но потомъ пришелъ, что это не производитъ ни какого эффекта; и онъ опять не даетъ мнѣ покою своими вниманіями. Мнѣ дуться онъ напрягаетъ все силы, чтобы пріобрести себѣ дружбу моихъ родителей! Ты не можешь себѣ представить, какія онъ употребляетъ средства! Онъ льститъ маменькѣ, такъ что совѣстно слушать и что даже сама маменька не можетъ удержаться отъ улыбки; каждое его слово изречено оны, удивительнымъ, до весьма приторности съ его словами, дѣлаетъ все, все для него, предъупреждаетъ, все желанія; и маменька не можетъ для друзей, бѣги маркиза; каждый день, для доченька, у него, какъ онъ у дѣвочки. Въ то же время онъ не забылъ маменьку, внимаетъ ей къ маменькѣ, она знаетъ ты служишь тонкихъ услугъ, водить съ ней маленькіе секреты, занимается даже ея туалетомъ; онъ съ ней самый важный другъ, и маменька такъ его любитъ, что готова не поухать на балъ, если маркизъ скажетъ, что будетъ у нея вечеромъ. Нельзя себѣ представить такого дѣстиваго челоуька! Маменька и не примѣчаетъ, что это тайный предметъ всей его дружбы!

— Такъ онъ долженъ быть ужасно влюбленъ въ тебя! сказала Софія.

въ счастливыхъ сердцахъ: взаимная любовь составляетъ для двухъ существующихъ фактъ, котораго нѣтъ надобности подвергать разбору; обо всемъ прочемъ они могутъ говорить съ откровенностью присяжныхъ любовниковъ. Анна была нѣсколько времени нездорова, вскорѣ послѣ интересной бесѣды съ Софiей, и просила мать свою уволить себя отъ одного изъ послѣднихъ баловъ. Но узнавъ случайно отъ кузины, что Валерiанъ поинтересуется своимъ присутствiемъ въ нѣсколько минутъ свое присутствiе изъ уваженiя къ хозяйкамъ, она вдругъ выздоровѣла и отправилась на балъ съ матерью и сестрою.

— Вы здѣсь? спросилъ онъ съ притворнымъ удивленiемъ.

— Я прiѣхала только для васъ, отвѣчала Анна, бросая на него взглядъ полный любви и душевной довѣренности.

— Благодарю, сказалъ Валерiанъ въ восторгѣ: я былъ увѣренъ, что вы здѣсь будете, если Софiя повидается съ вами сегодня.

— Благодарю! сказала она ему взаимно. Будьте всегда увѣрены!

Это очаровательное душевное сообщенiе, безъ клятвъ, безъ страшныхъ увѣренiй, и даже безъ упоминанiя о любви, можетъ быть учреждено и поддержано только между очень умными любовниками: другимъ непременно нужны всѣ точки и запятые; иначе они не понимаютъ другъ друга. Валерiанъ и Анна были оба въ высокой степени одарены той изыятною пронципательностью, которая книгу души читаетъ прямо въ челоуѣкѣ безъ пошлыхъ пособiй языка, придуманныхъ для слѣпыхъ и близорукихъ.

Взглядъ Анны на маркиза и на образъ его дѣйствованiя былъ такъ же вѣренъ, какъ всѣ сужденiя этой удивительной женщины, приводившей всѣхъ въ изум-

даше своимъ непостояннымъ дѣломъ аспидизитъ
 ну, которая можно было сравнить только съ ея про-
 ходною чувствительностью и возвышеннымъ образомъ
 мысли. Этому роду способностью разгадывать несчастье
 и непонятное обладаютъ вообще всѣ гениальные люди
 между мужчинами, но никогда не примѣтите въ нихъ
 той молниенной быстроты и микроскопической тонкости,
 какими отличалось ея соображеніе. Ни одно слово, ни
 одинъ взглядъ челоуѣка, не были для ней потеряны:
 она видѣла въ нихъ, какъ въ зеркаль, ихъ причину, цель,
 отношеніе съ характеромъ и будущія послѣдствія.
 Маркизь въ самомъ дѣлѣ упряился изъ одного тщесла-
 вія, которое въ мужчинахъ, наивысшихъ понятіемъ о
 своихъ преимуществахъ, бываетъ развито въ высочай-
 шей степени и жорьдко заставляетъ ихъ рваться на
 цемонѣрные усилія и на самые гнусные поступки,
 чтобы восторжествовать надъ женщиною, славящейся
 своею красотою. Рѣдкія изъ такихъ женщинъ, возбу-
 гаютъ страшныхъ послѣдствій ихъ раздраженія. Видъ
 этого челоуѣка ужасалъ Анну: она предчувствовала и
 понимала, что онъ въ состояніи на все рѣшиться. Мар-
 кизъ не могъ перенести мысли быть отверженнымъ ею.
 При каждомъ удобномъ случаѣ, онъ непримѣтно и
 весьма искусно возобновлялъ свои приступы, и, встрѣ-
 тивъ холодность, отступалъ съ необыкновенною лов-
 костью. Бѣшенство его, тайное для всѣхъ, но примѣтное
 для пронизательнаго глаза Анны, возрастало съ каж-
 дымъ днемъ. Открыть его происки родителямъ не послу-
 жило бы ни къ чему: онъ уже занялъ эти пунк-
 ты атаки тѣсною дружбою. Мать и отецъ души въ
 немъ не чаяли: они не повѣрили бы предостереже-
 ніямъ Анны. Въ приготовленномъ для себя положеніи,
 ему такъ легко было дать сейчасъ другой оборотъ сво-
 имъ дѣйствіямъ. Анна могла бы только показаться
 клеветницей. Притомъ между родителями и дочерью уже
 не существовало взаимной довѣренности. На ея красо-

ту, вы знаете, они смотрели какъ на естественное ору-
дѣ къ достиженію своихъ высококомѣрныхъ цѣлей; они
хотѣли помертвовать ею для себя, и мать со страхомъ
привѣтила, что дочь уже понимаетъ это. Быстрое раз-
витіе ума и характера Анны испугало ее еще болѣе:
мать вдругъ увидѣла передъ собою, въ почтительной и
привѣрной дочери, не прежнюю чудесную куклу,
въ которой можно было поселить все, какія угодно,
чувства и понятія, но женщину необыкновенную въ
полномъ смыслѣ слова, необыкновенную и по уму, и
по красотѣ, и по чувствамъ. Токъ природной любви
изъ сердца въ сердце разобщился самъ собою, безъ по-
трясенія, и онъ, другъ передъ другомъ, безмолвно ста-
ли въ положеніе, одна — смирной обреченной жертвы,
другая — жрицы съ занесеннымъ ножомъ, исполню-
щей непреложный долгъ своей вѣры или своихъ суе-
вѣрій. Все лѣто маркизь продолжалъ тотъ же образъ
дѣйствования. Почти ежедневно прѣзжая къ нимъ на
дачу, онъ изобрѣталъ для графа Андрея охоты, поѣздки,
увеселенія, для графини Маріи разные сюрпризы
и тѣ важныя мелкія угожденія, которыхъ одна она
чувствовала всю цѣну и всю нѣжность.

— Ну, ужъ признаться! говорила графиня Марія му-
жу: какого ты нашелъ себя друга въ этомъ маркизь!
Просто, чудо!

— Да! это правда! отвѣчалъ графъ Андрей.

— Какъ ты это обворожилъ его до такой степени?
спрашивала жена.

— Ты, кажется, сегодня что-то очень расположена къ
невиннымъ эпиграммамъ, возражалъ графъ Андрей.

— Совсѣмъ нѣтъ! Я хочу знать. Ну, скажи какъ?

— Заимствуюсь у тебя любезностью.

— Это очень остроумно; но, по милости вашей тро-
гательной дружбы, я почти не вижу тебя. Ты вѣчно съ
нимъ. Это несносно!

— Что же ты меня удивляешь? Марія? Въ тебѣ же сама любовь его столько же какъ и!

— Столько? Я не думаю! Даже болѣе, въ этомъ отношеніи, мы съ тобой очень не сходны въ нашихъ чувствахъ.

— Однако жъ ты, какъ будто съ некимъ болѣе удовольствіемъ его общаешься. Вчера вечеромъ ты даже нападѣ часовъ ходила съ нимъ по аллеѣ. Когда мнѣ нѣтъ, ты же охотно его принимаешь.

— Потому что онъ тебѣ другъ!

— Благодарю за самоотверженіе. Но онъ, твоей же другъ мнѣ, какъ и тебѣ.

— Я сплавываюсь. Можешь взять его всего цѣлѣмъ на свою долю.

— Беру!... но не всего. Между нами будь сказано, я подозреваю, что онъ имѣетъ виды на нашу Анну.

— О! будь увѣренъ, ни какихъ! Онъ ея не любитъ. Я знаю также, что и Анна онъ вовсе не нравится. Не припутывайте насъ къ своему дѣлу! Онъ твой другъ! твой, исключительно!

— Такъ очень жаль! Я охотно уступилъ бы моей дочери часть его дружбы ко мнѣ. Партія хороша.

— Онъ?

— Да, онъ!.... Чѣмъ же не женихъ Аннѣ? Красавецъ, уменъ, любезенъ, молодъ, богатъ, въ ходу. Прекрасное имя! Одинъ изъ знатнѣйшихъ родовъ во всей Италіи!

— Что съ тобой, мой другъ? Что ты это? Какъ это возможно? Ва иностранца!... Можетъ-статься, маркизъ—очень важный человекъ на своей родинѣ, но у насъ онъ не имѣетъ ни какого личнаго вѣсу. Неужели мы съ нимъ побѣдемъ, когда онъ отсюда удалится? И что мы, иностранцы, будемъ значить въ его отечествѣ? Что онъ можетъ для насъ сдѣлать? Предоставь, пожалуйста, это мнѣ, и не вмешивайся въ наши дѣла съ Анной!

Мы съездили, обаянно для нас, в Восточной Европе
 куда-то, варту, варту, ужасно пришла-ть, втиснула,
 востокъ, отъ дачи, варту, варту, съ балами, с андрийскими
 и дурочками, и съ дичками на прогулку, в Поезд.

Наша, сегодня, мнѣ, чужая, Оля, на распе, при-
 хать, я, долженъ, тотчасъ, неслы, обая, вилты, въ, ро-
 роль.

Ну, такъ, покажи, въ, карету, вонъ, видны, въ,
 когда ты, увидишь, я же, должна, буду, забавлять, твоего,
 друга!

Такое было положеніе дѣла, продолженіи всего
 дѣла. Съ Валеріаномъ Анна видалась гораздо рѣже,
 однако жъ довольно часто для полного блаженства души
 въ хорошую погоду, при тепломъ солнцѣ, пахучей
 воздухѣ, и зефирѣ, играющемъ съ нивтами. Злѣсь она
 вскачь отдохнула отъ злобы свѣта, которая въ это
 время предадалась невнятнымъ парашюскимъ насмѣж-
 камъ. Маркизъ преслѣдовалъ ее своими вздохами и выж-
 ными уныніями, но на дачѣ каждый кустъ можетъ сдѣ-
 латься защитникомъ отъ преслѣдователей. Съ загородны-
 ми посѣщеніями маркиза соединилось, между прочимъ,
 одно обстоятельство, на которое необходимо обратить
 полное вниманіе. Графиня Марія иногда была занята
 или долго одѣвалась, графъ Андрей спалъ передъ об-
 ъемомъ или еще не возвращался домой, и маркизъ очень
 часто оставался одинъ. Какъ Анна всячески думала о
 томъ, что онъ естественно долженъ быть, въ такихъ случа-
 яхъ, довольствоваться обществомъ одной Катеньки. Они
 очень подружались между собою. Катенька была, везе-
 вычайно, любезна съ нимъ, на зло своей сестрѣ, и часто,
 самъ маркизъ, испытывъ сильное огорченіе отъ колючихъ
 ледовитыхъ отвѣтовъ Анны, почиталъ себя весьма сча-
 стливымъ, что могъ скрыть свою досаду, поджавъ руку
 своей новой пріятельницѣ, во время прогулки или пере-
 хода къ ней въ гостиной. После каждого такого свиданія

первый восторгъ съ много-любовными достоинствами, Катенька получила, въ насвѣдство отъ сестры, ей обещавшей, и доставляла ему все утѣшеніи дружбы: любила и она его очень пружольно, но знаю, — въ этомъ сухомъ сердцѣ не было ни какого хорошаго чувства, — но вѣрно то, что мало-по-малу она стала его покровительницею, совѣтницею, собесѣдницею, и что наконецъ наблюдательные люди видѣли маркиза гораздо чаще съ Катенькою нежели съ Анною; на которой, по весенней молвѣ, ему следовало тотчасъ жениться. Маркизь очень радъ былъ этому обстоятельству: оно приводило наблюдателей въ недоразумѣніе и представляло ему средство увернуться въ случаѣ окончательной неудачи. Притомъ дружба двухъ злыхъ челоуѣкъ заключаетъ въ себя неисчерпаемый кладъ такихъ прелестей, въ сравненіи съ которыми вся земныя наслажденія вялы и ничтожны. Вообще это самая теплая и самая вѣрная изъ людскихъ дружбъ. Катенька и маркизь равно дорожили своей трогательною дружбою, — какъ змѣи дорожатъ своимъ жаломъ.

Отсюда слѣдуетъ, что Катенька знала о томъ, что маркизь называлъ своею «любовью» къ Аннѣ и «мученіями» или «печалами» этой любви. Но онъ взявъ съ нея обѣщаніе ничего не говорить матери до-времени, и какъ она все готова была сдѣлать для прекраснаго друга, то и сдерживала свое слово съ образцовою скромностію, коренною добродѣтелью злыхъ по-преимуществу. Между-тѣмъ она его утѣшала, ободряла, даже обладеживала своей помощью въ приличномъ случаѣ, не забывая тутъ же по-немножку представлять ему свою сестру чудовищемъ и себя жертвою ея гордости.

Наступила вторая зимняя кампанія: Я описывать ее не стану. Она была такъ же неудачна какъ и первая; и притомъ несравненно менѣе занимательна. Теперь уже мужчины болѣли, не только жениться на Аннѣ, но и влюбляться въ нее. Объ ней ходили такіе горючіе слу-

ли!... Зимною бѣдная дѣвушка, встрѣтившись съ Валерианомъ послѣ трехъ-недельной отлучки его изъ столицы по семейнымъ дѣламъ, сказала ему съ отчаяньемъ въ лицѣ и въ голосъ:—Заклинаю васъ, не увязайте отсюда надолгое время! Если когда-нибудь судьба насъ разлучитъ, черезъ годъ вы не увидите меня въ этой страшной, вѣчно-шелкающей пасты цветовъ: я уже буду измолота!

Июлиа января двадцать-девятого дня, графъ Ф^{***}, старый разсказчикъ анекдотовъ, вступилъ въ законный бракъ съ дѣвицею княжной Лоло, старой пересмѣшницей. Этого должно было ожидать!

Февраля семнадцатаго, поутру, Катенька, съ своимъ бурнымъ нравомъ, который такъ легко отъ малѣйшаго слова приходилъ въ ярость и безпамятство, завела съ Анною страшнѣйшую ссору за бездѣлицу. Начавъ бѣсноваться, нескоро умолкала она! Брань, упреки, ложь клевета, ядовитыя насмѣшки, рѣкою лились изъ ея краснаго рта, вмѣстѣ съ пѣною. Сверкающіе глаза выскакивали изъ ямокъ. Лицо чернѣло. Она была ужасна! Но, въ этотъ день, была ужаснѣе чѣмъ когда-либо. Сколько говорила она обидъ Аннѣ, того не списать во всей этой книгѣ. Между-прочимъ, она говорила или, точнѣе сказать, ревѣла:—Ты злая!—ты гордая!—ты тиранка!—ты меня угнетаешь!—тебя всѣ ненавидятъ!—поди, послушай, какъ о тебѣ отзываются! — я краснѣю, когда тебя называютъ моею сестрою! — ты кокетка! — ты дѣвушка безъ правилъ! — ты скверная дочь! — ты обманываешь маменьку! — ты строишь глазки маркизу, мучишь, убиваешь этого человѣка, а между-тѣмъ у тебя есть любовникъ! — Я знаю въ кого ты влюблена! — я все знаю! — я скажу маменькѣ!... и прочая, и прочая. Анна, блѣдная какъ смерть, стояла на колыняхъ передъ этой фуріей и, сложивъ руки, умоляла ее уняться, не дѣлать соблазну въ домъ, не кричать, выслушать

тотчасъ. Но въ эти минуты Анну повели къ ма-
машкѣ.

Тогда она встала и вѣжливо объявила, что она не
желаетъ.

— Это былъ одинъ прошлагодній тузъ, чужезы-
чный сановъ и автамъ: «Виречемъ ему (мояму) пятьде-
сятъ латъ?», говорила графиня Марія: «для мужчины,
это ровно ничего!»

Нермоградъ на пятьдесятъ лѣтъ, тузъ, былъ еще
молоденько, красивый и ловкій мужчина, необы-
чайно остроносый, веселъ какъ. Онъ еще считалъ себя
совершенно въ правѣ нравиться женщинамъ, и на
этомъ основаніи, ухаживалъ за Анною съ начала осе-
ни. Къ масляницѣ онъ объявился. Изъ семи прошлагод-
нихъ тузовъ-обожателей, на которыхъ графиня Марія
повела было неудачную аттану, онъ одинъ рѣшился
наконецъ сдѣлать предложеніе матери, но не прямо,
а черезъ свою сестру. И, собственно говоря, это еще
было, скорѣе рекогносцировка, чѣмъ формальное пред-
ложеніе. Мать, конечно, предпочла бы этому отважи-
му тузу другихъ жениховъ изъ числа тузовъ, которыхъ
она имѣла на примѣтъ, но какъ тѣ не шевелились,
графиня Марія готова была согласиться и на этого: она
объщала подумать, поговорить съ дочерью, и дать
вѣтъ.

По случаю полу-предложенія этого туза, вышло
перъ между матерью и дочерью то, что въ семействѣ
называютъ «сценею». Анца живо и откровенно вы-
сказала все свое отвращеніе отъ подобнаго брака, но не
совокучила спокойно, что она знаетъ долгъ свой по
преданія матери, и это страдательное спонствіе у
не доводилось графинѣ Маріи. Она вспыхнула, вы-
шла дочь, назвала ее глупой, неблагоприятной, недосто-
пой своей, и забылась до того, что
эта погрозила ей своимъ проклятіемъ.

Анна молчала во все время. Мать продолжала горьчиться, потому что сама чувствовала свою жестокость и свое насилие. Наконец, дочь не могла долге выдержать несправедливых упреков и сказала:

«Зачѣмъ вы меня браните, маменька?... зачѣмъ предполагаете во мнѣ чувства, которыхъ я не понимаю? Я благодарна и послушна. Угодно вамъ за этого, я выхожу; угодно за другого, я выхожу безъ всякаго сожалѣнія. Я васъ прошу даже, не говорите мнѣ никогда отъ васъ, за кого хотите выдавать меня. Выбирайте сами, распоряжайте, дѣлайте: когда все будетъ готово, скажите мнѣ только, что пора вхѣть въ церковь; я, если буду жива, сама повдну и отдамъ руку тому, кого найду у наоя, а если мертва, то можно съезди меня въ гробъ и обвѣнчать мои кости для вышей славы.»

Мать пристально посмотрѣла на Анну, покраснѣла, и велѣла ей итти въ свою комнату.

Анна поцѣловала ея руку и вышла. Катенька, разумѣется, была въ это время на своемъ мѣстѣ, — за дверью, — и подслушала все. Когда мать приказала Аннѣ итти, она быстро отскочила отъ дверей, побѣжала въ свою комнату и, схвативъ тамъ какую-то книгу, бросилась въ кабинетъ матери. Анна встрѣтилась съ нею въ дверяхъ кабинета. Катенька страшно посмотрѣла на плачущую сестру. «Я тебя отмщу!» сказала она, и побѣжала далѣе.

Анна примѣтила у нея подъ платкомъ что-то квадратное. Едва сдѣлала она нѣсколько шаговъ, какъ страшная мысль поразила ее: она прыгнула въ свою комнату, отперла бюро дрожащими руками, и упала въ кресла!... Ея журналъ украденъ! Въ немъ все ея сердце, все его надежды. Не имѣя права и возможности сказать Валеріану, сколько она любитъ, и какъ драгоценна для ней любовь его, несчастная дѣвушка находила облегченіе въ горь ввѣрять по ночамъ свои лучшія чувства бумагъ. Имя его было означено

только одною буквою, но тамъ же списаны многа его стихи, и, прочитавъ нѣсколько этихъ выдающихся строчекъ, нельзя не узнать, къ кому онѣ относятся.

Катенька уже была у матери, и передостыла за дело, нею эту задѣтную тетрадь. Графиня Марія, какъ подобаетъ, благоразумной матери, страшно выбранила дочь за ея низкій поступокъ, и, объявивъ, что она читать не хочетъ содержанія этой книги, приказала Катеньку тотчасъ же снести ее обратно въ комнату сестры, въ присутствіи Анны, положить на прежнее мѣсто. Но между тѣмъ и мать уже успѣла, впрома, быстрою молни, пробѣжать нѣсколько страницъ журнала, и Катенька успѣла сказать ей, что дѣло идетъ о Валеріанѣ.

Катенька упрямилась. Графиня строго наставляла на немаломъ испушеніи своего приказанія. Валеріанъ каково-лишь!

— Маркизь прѣхалъ!

— Поди сейчасъ! грозно сказала мать: «сдѣлай, что приказываю, и возвращайся въ гостиную принять маркиза. Вскорѣ выйду.»

Катенька, съ яростью въ сердцѣ, пришла къ порогу Анниной комнаты, бросила въ сестру журналомъ въ двери и ушла къ себѣ. Книга упала прямо на голову печально задумавшейся Анны, которая вдругъ вскочила съ кресель, не зная въ испугъ, откуда свалился ударъ и какъ эти драгоценные листы къ ней возвратились.

Оправивъ немножко свой нарядъ и выбранивъ старую безмолвную гувернантку, которая никогда не смѣла слова пикнуть передъ нею, Катенька вышла къ маркизу. Злость кипѣла въ ея сердцѣ. Приемъ сдѣланный матерью сестрѣ-доносницѣ, и приказаніе отнести журналъ на-мѣсто, безъ прочтенія, не только еще болѣе озлобили ее на Анну, но и привели къ большому недоумѣнію. Ей показалось, будто тайная любовь мол-

дыхъ людей не совсѣмъ не повраждалась матери, и что графиня Марія готова согласиться на бракъ дочери съ человѣкомъ, котораго Анна такъ пламенно любитъ. Завистливая дѣвушка рѣшилась, если возможно, воспрепятствовать этому. Она никогда не простила бы себя, счастія такой красивой сестры!

Говоря вообще, этотъ былъ день несчастный какъ по-недѣльничъ: со всѣми приключались горячиди огорченія. Маркизь тоже былъ не въ духъ: онъ завтракалъ у своего дипломатическаго друга, барона З... , котораго нѣсколькимъли мы удовольствіе видѣть вмѣстѣ съ нимъу дѣтки Анны, въ день первой ея встрѣчи съ Валеріаномъ: тамъ, у барона, кромѣ маркиза, было еще нѣсколько человѣкъ молодыхъ людей, ихъ товарищей или пріятелей, и они жестоко разсердили льва-красавца, подшучивая надъ его разсѣянностью и задумчивостью, его сердечными горями, и неудачами, его безсилемъ, торжественно доказаннымъ невозможностью побѣдить прекрасную Анну, хотя сначала онъ говорилъ объ ней почти какъ о своей добычѣ и въ городѣ уже нѣсколько разъ назначали день его свадьбы. Всѣ пошлости и глупости, какія говорятъ о женщинахъ молодые мужчины, собравшись, между собою, были сказаны о благородной Аннѣ въ этотъ остроумномъ и изящномъ обществѣ. Маркизь оставилъ его въ страшной досадѣ на своихъ наглыхъ друзей, которые довершили удары увѣреніемъ, что всѣ молодыя и хорошенькія женщины, покинутыя своимъ идоломъ изъ тщеславія, для знаменитой красавицы, ссыются теперь надъ нимъ безъ милосердія.

Несмотря на обоюдныя улыбки, Катенька и маркизь открыли тотчасъ другъ въ другъ еще нестертые слѣды глубокаго огорченія. Въ дружбѣ, это великая минута взаимной откровенности. Катенька расплакалась. Она, по обыкновенію, жаловалась на сестру, разумѣется, сначала не называя ея; представляла себя жертвою ея гоненій, и, съ отлично поддѣланнымъ чувствомъ, заго-

«Воргла очень красноречиво о своемъ действительномъ положеніи.

— И вышла бы за перваго нищаго, который захотѣлъ бы взять меня! присовокупила она. Отъ какъ бы я стала его счастливымъ!... Я чувствую, сколько здѣсь, этомъ сердцѣ, есть любви и счастья для моего великаго душевнаго избавителя!

«Какой ангель!» подумалъ маркизъ. — Вы уже сказали онъ потомъ Катенькѣ: вы вѣрно не сомнѣваетесь въ томъ, сколько я самъ скорблю о вашемъ неприятномъ положеніи! Повѣрьте же мнѣ, что я давно бы откасался отъ своей мечты, если бы моя къ вамъ дружба, моя Катенька, не внушала мнѣ мысли о необходимости разделить васъ другъ съ другомъ по-скорѣе. Желю обезпечить вашъ покой, ваше счастье...

— Какой вы добрый! воскликнула она, дружески подавая ему руку. Но зачѣмъ же вы не действуете? Вотъ уже полтора года какъ ваши дѣла остаются въ одномъ и томъ же положеніи.

— Да какъ же я могу действовать? спросилъ маркизъ. Научите меня!

— Вы лучше моего знаете свои отношенія къ моимъ родителямъ, особенно къ маменькѣ; думаете ли, что она желала бы имѣть васъ своимъ зятемъ?

— Въ этомъ я почти увѣренъ. Она неоднократно намѣкала мнѣ, какъ ей было бы приятно, если бы она никогда не разлучалась съ ними.

— Такъ действуйте! Действуйте! быстро, сегодня же! Говорите съ мамонькою! Ея дѣло, ея предложенія. Не теряйте времени! Объявите ей все!

— Но, если Анна не согласится?

— Она сейчасъ согласится!

— Что вы говорите? воскликнулъ обрадованный маркизъ; которому вдругъ представилась возможность,

страх захотѣлось, доказать своимъ пріятелямъ, что совершенно отъ его воли зависитъ жениться или не жениться на Аннѣ.

— Я говорю то, что знаю навѣрное, сказала Катенька. Если только угодно маменькѣ, Анна не сдѣлаетъ ни малѣйшаго возраженія. Будьте въ этомъ совершенно увѣрены: я васъ не обманываю!

— Вы дѣлаете меня совершенно счастливымъ!

— Видите, что я не зла! Я желаю добра, желаю счастья, той, которая ко мнѣ такъ несправедлива, нецѣнитъ меня, преслѣдуетъ.... Я все готова сдѣлать для Анны! Я люблю ее отъ всего сердца, и убѣждена, что съ вами только она можетъ быть счастливою. При вашей прекрасной любви, при вашемъ умѣ, вы одни легко исправите ея характеръ, въ которомъ есть маленькіе недостатки, не считая незаслуженной вражды ко мнѣ, но есть также и множество прекрасныхъ качествъ. Я всегда отдаю ей полную справедливость, и ни сколько не сомнѣваюсь, что вы также будете совершенно счастливы съ нею.... Теперь скажите сами, такъ ли я зла, какъ говоритъ Анна?

— О! вы образецъ доброты....

Графиня Марія, которая всегда принимала большія поощренія о своей наружности при появленіи маркиза въ домъ, засіяла въ дверяхъ. Маркизъ поспѣшилъ къ ней на встрѣчу. Она возвратилась съ нимъ въ свой кабинетъ. Катенька ушла.

Окна этого волшебнаго кабинета, въ которомъ мебель была разбросана по ковру въ весьма искусномъ безпорядкѣ, всегда были завѣшены бѣлыми какъ снѣгъ шторами. Со времени рококо, многія предпочитаютъ двѣтныя шторы даже въ кабинетахъ. Это большая ошибка! Графиня Марія заняла мѣсто на своемъ любимомъ маленькомъ диванѣ; небрежно, но очень живописно, облокотилась, и утонула въ мягкихъ алыхъ подушкахъ, которые своимъ отливомъ, при бѣломъ ма-

товомъ свѣтъ шторъ, тотчасъ бросили на ея лицо прелестный отблескъ. Маркизъ сѣлъ въ низенькихъ креслахъ противъ нея.

Конференція, со сторозы опытнаго любезника, открылась обыкновеннымъ вступительнымъ замѣчаніемъ. Впрочемъ, въ этотъ день, и принимая въ соображеніе всѣ эти свѣты, отсвѣты, отливы, отблески, не сказать, что графиня Марія чудесна, было бы, не только невѣжливо, но и немножко несправедливо. Послѣ нѣсколькихъ минутъ совершенно исторической бесѣды о событіяхъ двухъ послѣднихъ дней, маркизъ сознался съ глубокимъ участіемъ, что находитъ свою милую собесѣдницу нѣсколько печальною и задумчивою.

— Не скрывайтесь, вы чѣмъ-то огорчены! сказалъ онъ. Ввѣрьте мнѣ свои печали. Къ чему служила бы дружба, если бы она, въ такія минуты, была бессильна приносить намъ утѣшенія?

Графиня молчала.

— Прошу васъ, продолжалъ онъ, не отказывайте мнѣ въ счастьи раздѣлять ваши огорченія!

— Ахъ, мой другъ! отвѣчала она, ощутивъ въ ней и глядя съ тайнымъ удовольствіемъ на свою блгую руку, прекрасно расположенную на аломъ атласѣ подушки: жизнь не что иное какъ безконечная цѣпь огорченій! Мать всегда имѣетъ ихъ болѣе чѣмъ другіе. Какъ я желала бы быть по-скорѣе свободною, выдать дочерей замужъ, и осуществить любимую мечту мою!.... Въ тяжкія минуты грусти, я создала себѣ земной рай въ спокойствіи, уединенія, солнца и нѣсколькихъ пріятныхъ чувствъ; прелестное убѣжище, подъ яснымъ и теплымъ небомъ вашей Италіи, среди красивыхъ деревьевъ, цвѣтовъ....

— И тѣхъ, которые васъ бы обожали, быстро дополнилъ маркизъ, придвигаясь къ ней съ креслами и скрывая эту гладкую, мягкую ручку, чтобы усвятъ ея радостными поцѣлуями.

Графиня нѣжно пожала его пальцы.

— Переселитесь въ Италію! продолжалъ онъ: тамъ истинное наслажденіе!... (Графиня взглянула на него, и опять опустила вѣки.) И позвольте мнѣ быть всегда подлѣ васъ, исполнять всѣ ваши желанія, заботиться объ вашихъ удовольствіяхъ, о вашемъ счастьи!.... Какими нѣжными попеченіями окружилъ бы я ваше существованіе! Сколько радостей находилъ бы я въ вашей радости! (Она снова, и еще нѣжнѣе, посмотрѣла на маркиза.) Съ перваго дня нашего знакомства, эта восхитительная мысль поселилась въ моемъ сердцѣ, и съ тѣхъ поръ я не разлучаюсь съ нею. Отъ васъ зависитъ счастье всей моей жизни....

Онъ остановился. Графиня Марія молчала тоже.

— Одно ваше слово можетъ меня сдѣлать счастливейшимъ изъ людей!....

Онъ снова замолкъ. Сердцѣ сильно билось у его слушательницы.

— Говорите! произнесла она вполголоса.

Горничная вошла въ кабинетъ изъ уборной.

— Чтò такое? съ нетерпѣніемъ спросила графиня.

Что ты хочешь?

— Ничего, я такъ вошла, отвѣчала смѣливая служанка: я думала, что ваше сіятельство меня требуетъ. Какъ не изволили звонить?..... Какъ же это мнѣ такъ показалось! Мадамъ Б*** пріѣхала. Она уже въ залъ.

Горничная удалилась по знаку графини Маріи, которая торопливо сказала маркизу:—Отодвиньтесь подалѣе отъ креслами!— Вы еще никогда не были такъ близки, приговорила она съ усмѣшкою: сестрицѣ это можетъ показаться подозрительнымъ.

Маркизь отъѣхалъ въ креслахъ на прежнее мѣсто и снялъ шляпу.

— Не уходите теперь! сказала графиня, весело улыбаясь: уйдете послѣ, при ней. Мы кончимъ нашъ разговоръ послѣ театра: тогда, надѣюсь, намъ никто не

помѣшаетъ въ самомъ любопытномъ мѣствѣ.... Дѣло идетъ о счастіи всей жизни, не правда ли?... Пріѣзжайте ко мнѣ на чай.

— Непременно, отвѣчалъ онъ.

Сестра графа Андрея вошла; начался общій разговоръ, и, минутъ черезъ десять, прекрасный Итальянецъ уѣхалъ съ достовѣрною надеждою и великою радостью въ сердце. Дѣло почти было кончено. Возвратясь на квартиру, онъ тотчасъ приступилъ къ составленію плановъ для устройства дому, приличнаго сану женатаго человека. Зачѣмъ терять время!

Мадамъ Б*** пробыла около двухъ часовъ у графини Маріи. Когда она уѣхала, графиня приказала позвать къ себѣ старшую дочь. Анна пришла, блѣдная и задумчивая: видно было, что она много страдала.

— Ты очень много говорила мнѣ сегодня о своемъ образцовомъ повиновеніи, сказала ей мать. Я хочу испытать его.

— Приказывайте, маменька, тихо отвѣчала дочь.

— Но прежде я требую откровенности.

— Я готова. Все, что есть въ моей душѣ и въ моемъ сердцѣ, можетъ быть высказано безъ стыда, даже съ гордостью.

— Ты влюблена?

— Въ человека самого достойнаго удивленія и любви.....

— Быть-можетъ!

— Оно такъ и есть въ самомъ дѣлѣ. Нѣтъ женщины въ мірѣ, которая бы немогла гордиться тѣмъ, что умѣла понять и оцѣнить такого человека. Мы созданы для того, чтобы любить такихъ людей.

— Оставь сентенціи. Я тоже женщина, и кое-что смыслю въ этомъ дѣлѣ. Не о томъ я тебя спрашиваю.

— Объ его имени?

— Я знаю имя. Знаю даже и то, что онъ любитъ тебѣ

взаимно. Но я хочу знать, что ты намѣрена сдѣлать изъ вашей любви.

— Сдѣлать изъ нея кладъ всей моей жизни, любить безпредѣльно, любить его одного, и здѣсь и на томъ свѣтѣ.

— Какія фразы!... Мы всё говорили то же самое, когда впервые влюблились.

— Но когда я говорю что-нибудь, то это такъ вѣрно какъ моя неизмѣнная любовь къ вамъ!

— Ты меня не любишь, Анна! сказала мать съ нѣжнымъ упрекомъ. Иначе ты говорила бы со мною, если бъ ты еще меня любила!

— Люблю всѣмъ сердцемъ, живо возразила дочь: люблю до той степени, что даже не домогаюсь взаимности и готова принести счастье моей жизни въ жертву одному вашему удовольствію.

Мать такъ была виновата передъ дочерью, что каждый изъ этихъ отвѣтовъ поражалъ ее какъ кинжаломъ въ сердце. Ей нужна была вся сила владычества надъ собою, чтобы не обнаружить этого. Съ притворнымъ гладнокровіемъ она отвѣчала дочери:

— Благодарю тебя за твою любовь и преданность. Будь увѣрена, что я употреблю ихъ не иначе какъ къ твоему благу и счастью, сколько моя опытность позволяетъ мнѣ понимать благо и счастье. Я не препятствую тебѣ любить того, кого избрало твое сердце; не могу, и не имѣю права, препятствовать. Люби его, пока любовь не пройдетъ сама собою. Но бракъ и любовь — двѣ разныя вещи въ свѣтѣ; то дѣло, а это — чувство; то на всю жизнь, а это на мгновение....

— Но моя любовь совсѣмъ другаго роду.

— Этого ни ты ни я не знаемъ: время покажетъ. Не прерывай меня. Я хочу испытать, какого роду твоя любовь, и для этого требую, отъ твоего повиновенія, чтобы ты больше не имѣла ни какихъ сообщеній съ

этимъ человѣкомъ, неговорила съ нимъ, и нестаралась съ нимъ видѣться.

— Это жестоко, маменька! воскликнула Анна. Вы запрещаете мнѣ видѣться и говорить съ нимъ, не освѣдомившись даже о томъ, въ какихъ мы находимся отношеніяхъ. Вотъ уже полтора года какъ мы любимъ и понимаемъ другъ друга, и еще слово «любовь» не было произнесено между нами, и не будетъ, если вы сами не благословите насъ на это. Съ такимъ благороднымъ и деликатнымъ человѣкомъ, я совершенно безопасна: онъ мнѣ вѣрный другъ, умный руководитель, добрый совѣтникъ; онъ моя звѣзда въ этомъ страшномъ мракѣ жизни, окруженной злобою и завистью; его слово для меня роса прохлады и упоеніе счастья. Зачѣмъ все это отнимаете вы у меня вдругъ, безъ всякой пользы для себя, и даже безъ нужды для приличія?...

Она упала на колѣни передъ матерью, схватила ея руки и умоляла :

— Не лишайте меня моего единственнаго сокровища! Не вырывайте изъ рукъ моихъ очаровательнѣйшей и невиннѣйшей дружбы въ мірѣ! Я погибну безъ нея! Возьмите себѣ всю мою жизнь, и только подарите мнѣ тѣ немногія минуты, въ которыя я изрѣдка говорю съ нимъ....

Она начала цѣловать руки матери, обливая ихъ горячими слезами. Честолюбіе тверже граниту. Выслушавъ терпѣливо Анну, графиня Марія сказала :

— Ты кончила?... Ну, и я кончила. Мнѣ очень пріятно слышать, что отношенія ваши такъ благородны и чисты, но я нехочу, чтобы они существовали. На-дняхъ ты можешь быть чьей-нибудь невѣстой : мой долгъ — прекратить эту дружбу, пока твой мужъ не позволитъ тебѣ возобновить ея. Я требую безусловнаго повинovenія. Встань, и пооди одѣваться къ обѣду: будутъ гости. Послѣ обѣда мы ѣдемъ въ театрѣ.

Анна встала полу-мертвая : она рыдала, ноги подѣ

ней дрожали, руки были холодны, дыхание спиралось въ груди.

— Позвольте мнѣ по-крайней-мѣрѣ не приходить къ обѣду, сказала она слабымъ голосомъ. Вы должны чувствовать, какой ударъ нанесли моему бѣдному сердцу. Я не въ состояннн сидѣть за столомъ : мнѣ нужно лечь въ постель.

— Хорошо, отвѣчала мать, вставая и уходя въ уборную : лягъ, отдохни. Но послѣ обѣда мы ѣдемъ въ театръ.

Нѣтъ, я не хочу вести васъ къ одру скорби этой злополучной страдалицы и показывать жестокое зрѣлище ея отчаяннн. Не смотрите теперь на Анну!

Вечеромъ она была въ театръ, но ничего не видѣла и не слышала. Мраморъ не можетъ быть холоднѣе, желѣзо безчувственнѣе : тѣло и чувства ея совершенно окаменѣли. Сердце забилося и кровь взволновалась въ жилахъ только на одну минуту; но эта минута была хуже самой мучительной смерти : Валеріанъ приходилъ въ ихъ ложу, и графиня Марія явила себя необыкновенно ласковою и любезною съ человѣкомъ, котораго, за три часа передъ тѣмъ, нравственно заколола вмѣстѣ съ своей дочерью. Анна не смѣла даже взглянуть на него. Это ужасно! Чѣмъ значать пытки среднихъ вѣковъ!...

Маркизь просидѣлъ цѣлый актъ въ ихъ ложѣ. Онъ нѣсколько разъ обращался къ Аннѣ съ своими нѣжныи взглядами и привѣтливими фразами. Она каждый разъ чуть не выпрыгивала изъ ложи въ партеръ. Анна показала ему такое сильное и презрительное отвращеніе, что маркизь предпочелъ бы проглотить сто острыхъ итальянскихъ стилетовъ чѣмъ получить одинъ такой пощипъ, среди своихъ плановъ объ устройствѣ великолѣпнаго балу къ свадьбѣ.

На театральной лѣстницѣ стояли графиня Марія и двѣ ея дочери, окруженныя нѣсколькими дамами и мужчинами. Софія была между ними.

— Софія, мой милый другъ! тихо сказала ей Анна: постарайся пріѣхать ко мнѣ завтра по-утру. Мнѣ нужно поговорить съ тобою. Дѣло очень важное!

— Пріѣду. Бѣдная Анна! ты огорчена!....

Маркизь подошелъ къ ихъ группѣ: нельзя было не подойти!... на него смотрѣли утренніе пріятели.

— Какъ вы блѣдны! вскрикнула Катенька. Что съ вами?

Онъ обратился къ Аннѣ и, съ трогательнымъ видомъ жертвы, произнесъ тихо:

— Я убить!

— Уже?... вслухъ сказала она. Слава Богу! — и отворотилась въ другую сторону.

Вся мрачная поэзія Дантова «Ада» и «Чистилища» не достаточна даже для приблизительнаго изображенія того, что происходило въ груди прекраснаго маркиза послѣ этого убійственнаго отвѣту. Бѣшенство заклокотало въ ней какъ лава въ подземныхъ пещерахъ Везувія, грозящаго землѣ своимъ гнѣвомъ. Онъ закусилъ губы, сжалъ кулаки подъ плащомъ, и говорилъ про себя: «О! никогда не прощу я тебѣ этого, негодная!.... Страшно отмщу я тебѣ за это!... Я отъ тебя не отстану! Не отдаешься ты отъ меня своими гордыми презрѣніями! Всю жизнь мою буду преслѣ.....»

— Я жду васъ съ чаемъ, сказала ему графиня Марія.

Закушенныя губы мгновенно превратились въ отлично милую улыбку.

— Сейчасъ буду! сказалъ онъ сквозь *оную*, — подавалъ руку, чтобы проводить до кареты.

— Скорѣе, скорѣе домой!....

Въ залѣ, графиня Марія сказала дочерямъ:

— Прощайте дѣти! Идите въ свои комнаты. — Анны ты устала, мой другъ: лягъ по-скорѣе въ постель.

Она очень нѣжно поцѣловала обѣихъ дочерей, которыя тотчасъ и удалились.

— Освѣтите немножко покой, сказала она потомъ слугамъ: и дѣлайте чай.

— На кругломъ столѣ? спросилъ одинъ изъ официантовъ, видя, что ея сіятельство ожидаетъ гостей.

— Нѣтъ, принесите въ чашкахъ, какъ-скоро придетъ маркизъ, отвѣчала она, стрелглавъ сгибша въ уборную.

Въ нѣсколько минутъ, графиня Марія преобразовалась съ ногъ до головы. Прежній нарядъ исчезъ: она вышла, въ свой прелестный маленькій будоаръ, въ восхитительномъ дезабильѣ, и живописно расположилась на софѣ. Будоаръ былъ освѣщенъ одной столовою лампой съ разноцвѣтнымъ экраномъ, въ которомъ было много блага и много алаго. Чудесное изобрѣтеніе!

Почти въ то же время вошелъ и маркизъ.

Пока слуги подавали чай, приходили и уходили, графиня Марія не питала ни какой охоты возобновлять утренній разговоръ. Это продолжалось слишкомъ полчаса. Конференція шла вяло. Маркизъ былъ молчаливъ и задумчивъ: онъ что-то, какъ говорили его великіе предки, Римляне, «ворочалъ въ умъ»: что-то страшное!..... Кажется, онъ рѣшался!.... Потомъ, беседа постепенно оживилась. Левъ пересѣлъ на софу, былъ уже возлѣ графини Маріи, но всё-еще не приступалъ къ дѣлу. Его прекрасной собесѣдницѣ стало очень досадно, зачѣмъ онъ теряетъ время.

— На чемъ же мы сегодня по-утру остановились? сказала наконецъ она. Помнится, на Италіи?

— Нѣтъ, еще нѣсколько далѣе, на счастіи всей жизни, отвѣчалъ маркизъ, и погрузился въ глубокую думу.

— Вы сегодня очень любезны!..... съ миленькимъ упрекомъ продолжала графиня, не дождавшись продолженія. Я васъ не узнаю! Возбуждать любопытство въ женщинѣ и не спѣшить удовлетворять его, это очень невѣжливо.

— Простите мнѣ, мой удивительный другъ! сказалъ

маркизь, нѣжно цѣлуя ея руку. Страданія сердца жесточе всѣхъ страданій; и когда они продолжаютъ столько времени, когда мы ими истерзаны, и приближаемся къ той страшной минутѣ, съ которой должны они или удвоиться или превратиться въ восторги блаженства, то.... весьма естественно....

Онъ замолчалъ : я думаю, запутался, не умѣя окончить слишкомъ длиннаго періода.

— Вы настоящій ребенокъ! смѣясь, воскликнула графиня Марія. Давно уже замѣтила я въ васъ большую робость, но всё же я думала, что вы нѣсколько лучше умѣете дѣлать свои дѣла....

Она, своей собственною шелковой ручкою, съ несказанною граціей погладила его по лбу, на которой мерцали капельки холоднаго поту. Маркизь взявъ эту ручку между своихъ оледенѣвшихъ ладоней, посмотрѣлъ пристально въ глаза графини, и сказалъ :

— Видите ль, какъ я дрожу?.... какія у меня руки!

— Мой бѣдный другъ!

— Изъ этого можете судить, какъ я терзаюсь внутреннимъ страхомъ, нервнностью....

— Ктѣ же виноватъ этому!

— Ну, какъ, могу ли говорить смѣло? Не ошибаюсь ли я въ васъ?....

— Говорите!.... Увидимъ.... Можетъ-быть, и не ошибаетесь!

— Помните ли ту пльвнительную картину счастья, которую составляли мы сегодня?

— Ну, да!....

— Въ которой мои заботливыя попеченія, моя преданность, привязанность.... попечительная заботливость....

— Помню, помню!.... (Ахъ! какой онъ несносный! подумала она : вотъ такъ мучить онъ меня уже шестьнадцать мѣсяцевъ!)

— Она, вы сами понимаете, можетъ состояться толь-

козь такомъ случаѣ, когда съ именемъ друга вы захотите соединить другое, еще нѣживѣйшее, еще болѣе нилое сердцу моему, имя....

— Ну, ну, говорите! сказала она въ волненіи. (Это слово «имя» испугало ее : имени-то она и не хотѣла!) Говорите, ради Бога!

— Имя вашего сына! хлопнулъ маркизь, какъ молотомъ по наковальнѣ.

Ни одна фибра не пошевелилась въ лицѣ графини Маріи : даже улыбка осталась вся на-мѣствѣ; руки своей она не высвободила изъ рукъ маркиза : напротивъ, она еще ближе къ нему придвинулась.

— Говорите же, мой другъ, смѣлѣе! сказала она, глядя на него съ отличнымъ умиленіемъ. Не мучьте меня полу-словами!

— Я давно люблю, обожаю, одну изъ вашихъ дочерей. Вы не могли не замѣтить этого....

— Да, да!.... я очень давно замѣтила, и, признаюсь, удивлялась, что, такъ долго посѣщая нашъ домъ, пользуясь моею искренней дружбою, вы до-сихъ-поръ не хотѣли открыться въ этомъ по-крайней-мѣрѣ передо мною.... (Должно признаться, присовокупила она въ душѣ, что эти мужчины удивительно глупы!)

— Я имѣлъ очень важныя причины не говорить съ вами до-сихъ-поръ. Теперь, я долженъ быть совершенно откровеннымъ. Я прошу васъ осчастливить меня рукою вашей вѣрестной, чудесной, несравненной.....

Имя Анны уже дрожало на языкъ его, но вдругъ гордыя слова презрѣнія, сказанныя въ ложѣ, и смертельный отвѣтъ произнесенный ею на театральной сценѣ, съ громовымъ трескомъ раздались въ его ушахъ : бышенство и жажда мщенія снова забушевали въ его груди..... «Проклятая Катенька! какъ она меня здѣсь запугала!»

— Ну, ну, несравненной? повторила графиня Марія.

— Катерины, произнесъ маркизь дрожавшимъ отъ злости голосомъ.

— Кого?

— Вашей милой Катеньки.

«Это просто дуракъ!» воскликнула графиня Марія въ душѣ, и примолвила вслухъ: — Вы ее любите?

— Обожаю!

— Она не красива.

— Что нужды! Она такъ мила! такая добрая! кроткая! чувствительная! такихъ благородныхъ правилъ!... Это настоящій ангелъ. Я презираю красоту. Я терпѣть не могу прекрасныхъ женщинъ.

— Вы хорошо обдумали ваше предложеніе?

— О! я превосходно обдумалъ все.

Графиня съ чувствомъ пожала ему руку обѣими руками, скрыла глубоко въ душѣ насмѣшку, и сказала:

— Она ваша. Я убѣждена, что вы вполне удостовѣрились въ чувствахъ моей дочери, грежде нежели сдѣлали мнѣ предложеніе, и что съ этой стороны препятствія быть не можетъ. Съ моей нѣтъ ни какого: я всегда желала видѣть васъ членомъ моего семейства, и почитаю родство съ вами за честь для него. Съ мужемъ я поговорю. Повидайтесь съ нимъ завтра.

— Онъ завтра у меня обѣдаетъ.

— Такъ и очень кстати! онъ самъ принесетъ вамъ отвѣтъ. Впрочемъ отвѣтъ извѣстенъ и сегодня: я отвѣчаю за моего мужа. Онъ васъ обожаетъ, и вы, своимъ лестнымъ предложеніемъ, составили его полное счастье.

Маркизь крѣпко потеръ себѣ лобъ, и поцѣловалъ руку своей тещи. Графиня обняла его какъ сына. Онъ чувствовалъ, что сдѣлалъ огромную глупость, единственно съ досады, — чтобы мстить Аннѣ, — чтобы, вслѣдствіе какой-нибудь сцены съ нею, не довести себя до разрыву съ ея семействомъ, — чтобы не лишиться этимъ возможности удобно ее преслѣдовать, — но глупо.

посль уже была невозвратима. Что скажутъ пріятели, которые еще сегодня надъ нимъ смѣялись?... Что скажутъ къ цѣлому городу?... Эта мысль убивала его. Теперь надобно поддержать свой новый характеръ. Это будетъ довольно трудно!...

Ему по-скорѣе нужно было уединеніе, чтобы собраться съ умомъ, съ разсудкомъ, съ мыслями. Поговоривъ еще съ четверть часа съ безцѣнною маменькою о разныхъ предметахъ, болѣе или менѣе относящихся къ главному дѣлу, онъ простился съ нею и уѣхалъ.

Графиня Марія чудесно выдержала свою роль. Она даже не дала замѣтить маркизу своего неизъяснимаго удивленія, когда онъ произнесъ имя Катеньки; она была съ нимъ вѣжна, любезна, очаровательна до самаго конца. Но когда онъ удалился, тогда-то разразилась гроза, тогда-то вспыхнули досада, злость, бѣшенство, на него, на себя, на дочерей, на мужчинъ, на всѣхъ, но особенно на своихъ глупыхъ или насмѣшливыхъ пріятельницъ, которыя, еще въ прошломъ году, таинственно поздравляли ее на-ухо съ «великолепною побѣдою» и подали ей первую мысль о томъ, будто этотъ человекъ любимъ въ ея сорока-лѣтнія предести. Служанки первыя испытала неудобства обманутаго ожиданія барыни. Катенька, во время всей конференціи, такъ, въ любовытства, простояла за шелковымъ занавѣсомъ дочерей будоара: какъ сама она изумилась предложению, это я предоставляю оцѣнить живому воображенію читателей; но, когда маркизъ былъ уже далеко, она не утерпѣла и придумала предлогъ чтобы прійти къ матери, будучи увѣрена, что та поздравитъ ее съ женихомъ. Не тутъ-то было! Графиня Марія страшно выбранила дочь и прогнала ее спать.

Посль уходу Катеньки, она, не раздвываясь, съла у стола передъ лампою, оперла пылающій лобъ на руку, тяжело вздохнула, и задумалась до неизмѣримой глубины. Какъ могла она ошибиться до такой степе-

ни?... Въ этомъ положеніи, она просидѣла съ часъ, неподвижно.

— Да какъ не ошибиться?... Вся обстоятельства рѣшительно доказывали.... Особенно эта непостижимая дружба съ мужемъ!... Можно ли съ нимъ быть дружнымъ безъ цѣли!... Ну, графъ Андрей! не забуду я тебѣ этой дружбы!...

Въ это самое время, графъ Андрей благополучно прибылъ въ будоаръ изъ дальняго путешествія въ одну изъ неизвѣстныхъ частей города. Графиня Марія напала на него.

— Гдѣ ты былъ до-сихъ-поръ?... Гдѣ это ты просиживаешь до двухъ часовъ ночи? Я здѣсь одна; а ты, въ твои лѣта, отецъ взрослыхъ дочерей, занимаешься волочитствомъ! Стыдъ! срамъ! пора бы ужъ перестать вспомнить, что у тебя есть жена.... Эй, смотри! я открою все, и надѣлаю тебѣ ужаснаго стыда! Когда статіе далотебѣ нѣжную, вѣрную и добродѣтельную жену, то имѣй же къ ней уваженіе. Если бъ я захотѣла хоть немножко подражать другимъ....

Графъ Андрей преспокойно усѣлся въ креслахъ, вынулъ табакерку, и понюхалъ табаку.

— Что ты это на меня смотришь съ такимъ любовитствомъ? вскричала жена.

— Я смотрю не на тебя, отвѣчалъ мужъ: а на твой прелестный нарядъ. Какъ это нило!... Я видѣлъ тебя въ театрѣ въ другомъ костюмѣ. Для кого ты такъ чудесно нарядилась?

— А ты какъ думаешь: для кого жены наряжаются дома, когда мужья не возвращаются къ нимъ дзари?

— Я смѣю думать, для любовниковъ.

— Именно! Такъ вотъ изволь же знать, что у меня былъ любовникъ. Я просидѣла съ нимъ, и, увѣрю тебѣ, преприятно, отъ возвращенія изъ театра почти до сихъ-поръ. Онъ только-что ушелъ.

- Поздравляю!

- Поди, поглядишь въ зеркало, и поздравь самого себя... Поди, посмотри, вакъ это тебѣ къ лицу!

У графа Андрея немножко вытянулось лицо. Его нѣкь-будто-бы что-то укололо въ лобъ. Но онъ продолжалъ улыбаться.

- Теперь, послѣ столь откровеннаго признанія съ моей стороны, не угодно ли вамъ, сударь, объяснить мнѣ, гдѣ вы были и какъ проводили время?

- Ты, право, странная женщина, Марія!.... Откуда же эта туча упрековъ? Зачтѣ ты вдругъ вздумала сдѣлать на меня сегодня такое грозное нападеніе?... Какъ же я былъ? гдѣ могъ быть?..... Я былъ тамъ, гдѣ бываю раза три въ недѣлю. Я былъ у маркиза.

- А!.... у маркиза?.... у твоего друга?

- Да!.... Мы играли въ карты.

- Что жъ? ты выигралъ или проигралъ?

- Выигралъ, около тысячи.

- И, по обыкновенію, у маркиза?

- Да!... большею частью у него. Онъ, вообще, очень счастливо играетъ.

- Подари мнѣ эти деньги на бальное платье для Анны. Я совсѣмъ израсходовалась.

- Съ удовольствіемъ.

Графъ Андрей очень неохотно вынулъ изъ кармана бумажникъ и положилъ на столикъ. Жена взяла бумажникъ къ себѣ.

- Очень благодарю тебя, сказала она. Всегда такъ шарьвай у своего друга и дари мнѣ. Да что жъ ты любопытнѣе знать, съ кѣмъ я здѣсь сидѣла одна все время?

- Ты говоришь, съ любовникомъ.

- Да! Но кто онъ таковъ? какъ его зовутъ?

- Ты навѣрное мнѣ не скажешь!

- Напротивъ, скажу! Откровенность за откровенность: долгъ платежомъ красенъ. Пока ты игралъ въ

карты съ твоимъ другомъ маркизомъ у него, твой безцѣнный другъ маркизь сидѣлъ все это время со мной, вотъ тутъ на софѣ, рядомъ со мною, и рука въ руку.

Я сказалъ, что это былъ для всѣхъ несчастный день! Графъ Андрей никогда еще, со дня своего знаменитаго паденія, не находился въ такомъ ужасномъ замѣшательствѣ. Онъ сталъ оправдываться. Жена хотѣла.

— Съ тобой нельзя говорить! сказалъ онъ наконецъ. Я объясняю, а ты хождешь!... Прощай, я иду спать.

— Погоди!... выслушай до конца, каковъ твой другъ! Онъ сдѣлалъ мнѣ удивительное предложеніе.

— Предложеніе какого роду?

— Да такого роду, что онъ хочетъ жениться.

— На Аннѣ?

— Нѣтъ, не на Аннѣ. Какъ это можетъ быть, на Аннѣ?... Твой другъ, и на Аннѣ!... Ты не умѣешь любить своихъ истинныхъ друзей!

— На комъ же?... на тебѣ?

— Еще удивительнѣе этого.

— Ну, такъ ужъ развѣ на мнѣ или на Катенькѣ?

— Именно. Вотъ безцѣнный другъ! Только одинъ ты умѣешь находить такихъ умныхъ друзей!... Взять у друга дочь-красавицу не составляло бы большой заслуги: но освободить его отъ урода, на такой подвигъ въ состояніи рѣшился одинъ только твой другъ, цѣль всѣхъ друзей на свѣтѣ!

— Нѣтъ, это шутки!... я не вѣрю!... Теперь только примѣчаю, что ты во все время надо мной насмѣхаешься. Ты, просто, дурачишь меня!... Тебѣ, не знаешь, зачѣмъ, вдругъ стало досадно, что маркизь такъ друженъ со мною, и ты издѣваешься надъ нашей дружбой, выдумываешь небылицы!...

— Я ничего не выдумываю!...

Она позвонила горничную и приказала позвать Катеньку.

— Какъ! пожалуй это правда?... И ты приняла его предложеніе?

— За себя и за тебя. Завтра ты съ нимъ объедаешь: я общала, что ты самъ принесешь ему отвѣтъ, вполне утвердительный, и своего сердечнаго друга расцѣлуешь какъ нѣжнаго сына. Не забудь же! Это уже конечно.

— Ахъ, Боже мой, что ты сдѣлала! вскричалъ въ испугъ графъ Андрей. Какъ это можно? Ты меня разоряешь! Если онъ задумалъ сочетаться бракомъ съ нашей Катенькою, то онъ женится не иначе какъ изъ приданого. Это ясно! Со своимъ оно ничего; но эти иностранцы — люди самые опасные: женясь, они хотятъ все дѣлать на бумагъ, заставляютъ подписывать условія, документы. А подписавъ документъ, и говорить нечего, надо отдать мнѣніе!

— Ну, такъ что жъ? возразила жена: отдашь!..... пусть беретъ!.... Развѣ между такими удивительными какъ вы друзьями можно считаться въ такихъ бездѣльцахъ?

— Однако жъ подумай только, Марія! съ трагическимъ жестомъ воскликнулъ графъ Андрей.

— Я уже хорошо подумала, сказала она съ злобной улыбкой, въ которой явственно отразилось удовольствіе женскаго мщенія. Прошу тебя, не дѣлай ему ни какихъ затрудненій! Подписывай все безъ спору! Если ты пожалѣешь своего имѣнія, я отдамъ мое, отдамъ все, что имѣю, до послѣдней пары чулковъ, лишь бы только этотъ бракъ состоялся. Я хочу, чтобы маркизъ женился непременно на Катенькѣ, и ни на комъ болѣе. Онъ будетъ такъ счастливъ съ нею!.... Увидишь!.... Они созданы другъ для друга.... Твой другъ совершенно достоинъ такой подруги. О! это будетъ мое величайшее наслажденіе, смотреть на то, какъ его дѣлаетъ счастливымъ Катенька, этотъ несравненный ангелъ, котораго онъ обожаетъ! Прошу тебя, другъ,

мой; умоляю, употреби всѣ свои усилія, весь твой умъ, все твое краснорѣчіе....

Она нѣжно поцѣловала мужа.

— Изволь! я исполню твое желаніе, сказалъ графъ Андрей въ совершенномъ недоумѣніи. Только признаюсь, если бѣ я не зналъ, что тебѣ иногда приходятъ въ голову странныя идеи, то, право, подумалъ бы, что это мистификація.

Явилась Катенька, полу-одѣтая. Въ этомъ нарядѣ, она совершенно была похожа на летучую мышь. Родители объявили ей, что она невѣста прекраснѣйшаго жениха во всемъ городѣ.

Проходя мимо комнаты сестры, счастливая змѣя примѣтила свѣтъ. Она по-тихоньку отворила дверь и увидѣла Анну на колыняхъ у кровати. Злополучная дѣвушка горячо молила Бога о ниспосланіи ей жестокой болѣзни, которая бы, или прекратила жизнь ея, или уничтожила красоту. Этотъ видъ ни сколько не тронулъ ея каменнаго сердца.

— Видишь, ты, красавица! сказала она Аннѣ: вотъ я прежде тебя нашла себѣ мужа!

БАРОНЪ ВРАМБЕРГЪ.

==

II.

ПОСТРАНЦАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ГРОМОВОЙ ОТВОДЪ.

Въ концъ прошедшаго лѣта, я, повѣсивъ голову, путешествовалъ по своей квартирѣ, изъ гостиной въ кабинетъ, изъ кабинета въ столовую, изъ столовой опять въ гостиную. Сказать мимоходомъ, я люблю «комфортъ», на который проживается теперь бѣольшая часть холостяковъ съ состояніемъ, и даже нѣкоторые господа, не имѣющіе ни какого состоянія. Поэтому, у меня есть кабинетъ, хотя я ни чѣмъ не занимаюсь, есть гостиная, хотя никогда не принимаю гостей, и есть столовая, хотя вѣчно обѣдаю не дома. Словомъ, квартира у меня прекрасная. Однако жъ, въ тотъ день, мнѣ страхъ въ ней соскучилось и, ни жить ни быть, хотѣлось куда-нибудь вѣхать. Но куда? то есть, какъ и гдѣ провести сентябрь мѣсяцъ? Вѣчная задача для умовъ людей праздныхъ, задача, какимъ образомъ убить время, занимала, мучила меня уже болѣе двухъ часовъ, и я тщетно старался разрѣшить ее, маршируя изъ комнаты въ комнату.

Не ѣхать ли путешествовать?... Да в теченіи послѣднихъ пяти мѣсяцовъ, я только и дѣлалъ, что путешествовалъ! Съ начала весны, я посѣтилъ берега Рейна, былъ въ Бельгіи, Голландіи и замѣчательнѣйшихъ городахъ Англіи : желаніе путешествовать во мнѣ притупилось. Не отправиться ли на воды?... Да, проездомъ изъ Лондона, я и то пробылъ двѣ недѣли въ Брайтонѣ да три въ Діеппѣ : не хочу больше соленыхъ ваннъ. Не махнуть ли въ Виши, Барежъ, Мон-доръ?... Да я ихъ знаю наизусть! притомъ и время года слишкомъ позднее. Развѣ не останется ли въ Парижѣ?... Фи! въ эту пору кто жъ остается въ Парижѣ, кромѣ будочниковъ? У всякаго мелочнаго торговца есть своя дача, и онъ проводитъ на ней прекрасные дни осени. Правда, и у меня, въ Шампаніи, есть славное помѣстье, съ порядочнымъ сельскимъ домикомъ; да при одной мысли ѣхать къ нему въ Шампаніи, меня такъ всего и корчило.... Чортъ возьми! что жъ мнѣ дѣлать съѣдемъ сентябремъ мѣсяцомъ?

Объ октябрѣ я-таки не заботился : въ октябрѣ будетъ свадьба моей кузины, что живетъ въ Овернѣ. Я, въ качествѣ двоюроднаго брата и холостаго человека, у котораго имѣется тридцать тысячъ ливровъ годоваго дохода, да три четыре дѣвствующія родственницы, — краса той вѣтви нашего генеалогическаго дерева, которая раскинулась въ окрестностяхъ Сенъ-Флура, — былъ приглашенъ на эту свадьбу, въ почетное званіе шафера, и приходилъ въ восторгъ, при мысли, что буду на свадьбѣ овернской, и, отъ радости, заранее выплясывалъ шассе и глisse въ разныя стороны. Слѣдственно, объ октябрѣ заботиться нечего; но какъ быть съ этими адскими тридцатью днями сентября мѣсяца? куда къ чорту дѣвать ихъ?

Не то въ пятый, не то въ шестой разъ, дѣлалъ я себѣ этотъ вопросъ, и всё бесполезно, какъ-вдругъ нить моихъ размышленій была прервана внезапнымъ посѣ-

щеніемъ одного пріятеля, Эдмонда Мальшара, съмоторымъ я уже давненько не видался.

— Какъ! ты еще въ Парижъ! сказалъ онъ тѣмъ веселымъ тономъ, который легко принять за выраженіе радушія и искренности. А я забыхалъ къ тебѣ просто на-удачу: думалъ, что и слѣдъ простылъ. Ну, куда на осень?

— А вотъ, думаю, отвѣчалъ я, предлагая ему сигару.

— На что жъ рѣшился?

— Ни на что.

— Я такъ счастливѣе тебя. Представь: не зная самъ, куда дѣться до половины октября, какъ-вдругъ, вчера вечеромъ, пришла мнѣ неподобная фантазія, которою и ты можешь воспользоваться. Отправляюсь въ Швейцарію, къ нашему пріятелю Ришому. Ась? каково?

— Да я чуть-чуть знакомъ съ нашимъ пріятелемъ Ришомомъ.

— Вотъ еще! Развѣ я не объдалъ у него вмѣстѣ съ тобою, и развѣ онъ не при мнѣ приглашалъ тебя въ свою деревню? Его жена не равнодушна къ твоимъ умственнымъ способностямъ. Впрочемъ, и мужъ и жена смертельные охотники до гостей. Тебѣ нельзя не знать, что у Ришомы есть около Берна великолѣпное помѣстье. Вотъ ужъ настоящая-то сельская жизнь! Любишь охоту? Славные лѣса и пропасть дичи. Любишь рыбную ловлю? Аара тутъ и есть. Любишь чтеніе? Книгъ въ библіотекѣ бездна. А тутъ еще журналы, билліардъ, верховыя лошади, кареты, коляски, словомъ, всѣ возможные средства къ разсѣянію. Домъ какъ полная чаша; о столѣ нечего и говорить: превосходный! Мѣстопоженіе — чудное! Оберландъ въ двухъ шагахъ: а что жъ живописнѣе Оберланда? Притомъ, славное общество и безпрестанно всё новыя лица: привлекатель-

ныя Беарники, живыя Фрибуржанки, милая Люцернанки, восхитительныя Цюришанки, и всякія разныя другія прекрасныя *анки!*.... А? вѣдь соблазнительно?

— Пожалуй, ты и вправду соблазнишь меня.

— Можешь представить, какъ мнѣ будетъ весело имѣть такого товарища!... Положимъ, что успѣю угворить тебя. На долго ли поѣдешь?

— Да.... сказать правду, мнѣ съ мѣсяцъ, кажется нечего дѣлать.

— Безподобно! четыре дня туда, четыре назадъ, а три недѣли тамъ.... Важно! Когда жъ ѣдемъ?

Могъ ли я не принять предложенія, которое, какъ нарочно, выводило меня изъ затруднительнаго положенія? Не будучи коротко знакомъ съ москѣ Ришомъ, я однако же былъ совершенно увѣренъ въ хорошемъ приѣмѣ, потому что москѣ Ришомъ, и въ самомъ дѣлѣ, любилъ щеголять и хвастать своимъ пышнымъ гостепріимствомъ, и не-разъ приглашалъ меня въ свое швейцарское помѣстье. Съ другой стороны, и жена его всегда была со мною привѣтлива. Такъ зачѣмъ же дѣло.

— И вправду, мой милый, сказалъ я Мальшару: вѣтъ силъ огорчить тебя отказомъ. Въ Швейцарію, такъ въ Швейцарію! Какъ вздумаешь, такъ и поѣдемъ.

— Послѣ-завтра! весело вскричалъ онъ.

— Послѣ-завтра, такъ послѣ завтра. А какъ ѣхать?

— Я думаю, мой милый Дюрантонъ, что такіе джентльмены, какъ мы, не должны ѣхать иначе какъ на почтовыхъ.

— Именно. Да у меня же есть кстати бричка, экипажъ крѣпкій, спокойный.

— Ахъ, какъ ты милъ! Пріѣзжай же послѣ-завтра ко мнѣ завтракать. Закусимъ на славу, и.... по всѣмъ по тремъ!

— Рѣшено!

Вопреки обычаю, предположеніе наше состоялось. Черезъ день, мы отиравились въ дорогу, и на четвертьи сутки имѣли торжественный въездъ на дворъ замка мосье Ришомъ, который замокъ лежитъ въ двухъ миляхъ отъ Берна. Въ ту минуту, какъ мы выѣзжали изъ экипажа, хозяинъ вышелъ насъ встрѣтить на крыльцо, и на лицѣ его сіяло удовольствіе тщеславія: по этому лицу легко было узнать челоуѣка, изъ ничего сдѣлавшагося Крезомъ и еще не привыкшаго къ своему новому положенію. Мосье Ришомъ высокъ ростомъ, плотенъ и толстъ, такъ толстъ, какъ, въ понятіяхъ простаго народа, прилично быть богатому челоуѣку. Въ этомъ огромномъ тѣлѣ, маленькому уму было бы очень просторно, если бъ маленькаго ума не тѣснило со всѣхъ сторонъ большое самолюбіе. Впрочемъ, въ итогъ, мосье Ришомъ не былъ ни глупѣе, ни смѣшнѣе, ни назойливѣе того, какъ подобаеть всякому обладателю двухъ или трехъ милліоновъ наличныхъ франковъ: даже, въ глазахъ многихъ изъ его знакомыхъ, всѣ эти небольшіе недостатки далеко выкупались двумя высокими достоинствами: мосье Ришомъ держалъ открытый столъ, и довольно снисходительно давалъ займы денегъ.

— Вотъ лихіе-то малые! сказалъ Крезъ изъ мѣщанъ, протягивая намъ руку. Спасибо, что заѣхали.

— Мы не заѣхали, отвѣчалъ Мальшаръ: а пріѣхали нарочно, чтобы съ вами повидаться.

— Ну, тѣмъ лучше. И мадамъ Ришомъ будетъ вамъ чрезвычайно благодарна за то, что вы предпочли наше общество вашему парижскому. Конечно, моя лачуга не то, что тамошніе дворцы: да не красна изба углами, а красна пирогами!

И говоря это, мосье Ришомъ разводилъ руками, указывая на великолѣпный фасадъ своего великолѣпнаго дому.

Мальшаръ толкнулъ меня локтемъ. Не нужно : я, и безъ этого, понялъ всю противоположность между смиренной рѣчью и гордымъ размахомъ рукъ нашего амфибіона, которымъ онъ, казалось, хотеть обхватить, какъ свою собственность, весь Бернъ до Альпъ, включительно.

— Вы пріѣхали въ плохое время, продолжалъ хозяинъ, ведя насъ по крыльцу : застаете насъ однихъ-однихонькихъ.... Что бы вамъ на прошлой недѣль! На прошлой недѣль, у меня гостило пятнадцать человекъ господъ, да одиннадцать человекъ прислуги: ихъ сіятельства, графъ и графиня де-Молевриде, лордъ и леди Ротсѣ, его сіятельство, князь Лишарини....

— Мы пріѣхали для васъ, улыбаясь прервалъ-было Мальшаръ.

— Ея сіятельство, графиня Черневская, съ дочерью, безшадно продолжалъ мѣщанинъ-во-дворянствѣ, потѣшая себя тѣмъ, что имѣеть удовольствіе высчитывать передъ нами громкія имена своихъ прошло-недѣльныхъ посѣтителей. Былъ у меня еще и его превосходительство, нашъ посланникъ : славный человекъ! Мы съ нимъ очень дружны. Я васъ представляю его превосходительству, въ первый разъ какъ онъ будетъ у меня обѣдать.

— Мнѣ бы прежде хотѣлось представиться мадамъ Ришбю, сказалъ я въ свою очередь : но для этого необходимо напередъ переодѣться. Послѣ четырехъ дней, проведенныхъ въ дорогъ....

— Васъ сейчасъ проводятъ въ ваши комнаты, возразилъ хозяинъ. До обѣда еще успеете переодѣться. Свобода во всемъ, свобода полная и совершенная : только къ обѣду какъ тутъ : вотъ наше правило. Впрочемъ, кажись, мнѣ нечего говорить, что вы здѣсь какъ дома.

И подавая намъ примѣръ той свободы, которую онъ

проповѣдывалъ, Ришомъ ушелъ, предоставляя лакею попеченіе помѣститъ меня и моего спутника въ двухъ смежныхъ комнатахъ, превосходно мебелированныхъ, какъ мебелированъ и весь домъ. Мы тотчасъ занялись своимъ туалетомъ и сошлись съ Мальшаромъ не прежде, какъ когда колоколъ возвѣстилъ о времени обѣда. Я успѣлъ замѣтить еще дорѣгой, что Мальшаръ часто о чемъ-то задумывается; теперь, онъ казался какъ-будто озабоченнымъ.

— Что съ тобой? спросилъ я, смѣючись: ужъ не тревожить ли тебя отъѣздъ леди Ротсѣ или графини Черневской?

— Я смерть усталъ, отвѣчалъ онъ съ безпечнымъ видомъ. Твоя бричка очень спокойна, однако жъ меня качало, и, вмѣсто того чтобъ идти за столъ, я бы гораздо охотнѣе согласился лечь спать.

Въ столовой, кромѣ хозяевъ, мы застали еще двухъ пожилыхъ гостей, съ ногъ до головы настоящихъ Швейцарцевъ; но, не обращая на нихъ большаго вниманія, мы прямо пролетѣли къ хозяйкѣ дому.

Мадамъ Ришомъ была, какъ часто встрѣчается въ супружествахъ, настоящій контрастъ своего мужа: глядя на нихъ, когда они шли подъ-ручку, можно было сказать, что это дикая козочка въ одномъ ярмѣ съ буivolомъ. Маленькая, худенькая, нѣжная, съ живымъ и пронизательнымъ взоромъ, съ выраженіемъ остроумія во всѣхъ чертахъ лица, посредственная собой, но не непріятная, она умомъ выкупала недостатокъ въ красотѣ. Я съ удивленіемъ замѣтилъ, что, по мѣрѣ того какъ мы приближались къ мадамъ Ришомъ, она, не только не сдѣлала ни шагу впередъ, чтобы насъ встрѣтить, но еще видъ ея становился съ минуты на минуту холоднѣе, серіознѣе, такъ, что я почти потерялся. Однакожъ, нельзя было не видѣть, что большая часть такой негостепріимной встрѣчи относится не ко

мнѣ, а къ Мальшару. Взоръ черныхъ глазъ мадамъ Ришомъ, проскользнувъ по мнѣ, остановился на моемъ товарищѣ; но взоръ этотъ былъ такой ледяной, такой холодный, что, на мѣстѣ Мальшара, я, кажется, провалился бы сквозь землю. Ждалъ ли Мальшаръ такого приему, или былъ ужъ такъ сотворенъ, что ни чѣмъ не конфузился, только онъ мужественно перенесъ это безмолвное, но тѣмъ не менѣе ясное доказательство, что нашимъ посѣщеніемъ не очень довольны.

— Вотъ, видите ли, сказалъ онъ съ улыбкой покорнаго слуги: мосьё Дюрантонъ увѣрилъ меня, что мы не обезпокоимъ васъ нашимъ прїѣздомъ, и, полагаясь на его увѣренія, я рѣшился съ нимъ ѣхать. Надѣюсь.....

Изумленіе, которое овладѣло мной при неслыханной дерзости товарища, разсудившаго за благо свалить на меня свою вину, помѣшало мнѣ дослушать его рѣчь. Я хотѣлъ-было обличить его во лжи, но смѣлая ложь почти всегда сбиваетъ съ толку обличителя и заставляетъ его молчать. Такъ случилось и со мною: я молчалъ какъ рыба, и, вѣроятно, казался довольно глупымъ; а между-тѣмъ Мальшаръ ловко отретировался и оставилъ меня одного на жертву дурнаго расположенія духа мадамъ Ришомъ. Однако жъ эта лукавая хитрость, казалось, не вполне удалась моему прїятелю: мадамъ Ришомъ, надо-быть, поняла ее, потому что улыбнулась съ презрѣніемъ. Я ей страхъ благодаренъ за эту улыбку.

И дураки на иное пригодны. Если они, по обыкновенію, и вмѣшаются въ разговоръ самой занимательный, зато случается, что кстатѣ прерываютъ разговоръ затруднительный. Въ эту самую минуту, какъ я уже начиналъ подумывать, не будетъ ли лучше всего съѣсть опять въ бричку и скакать въ Парижъ, мосьё Ришомъ схватилъ меня за руку и потащилъ къ окну, по-

казывать вершины оберландскихъ ледниковъ, отражающихъ послѣдніе лучи заходящаго солнца.

— Ну, что, господинъ Парижанинъ, сказалъ онъ съ горделивой насмѣшкой : не стоитъ ли это вашихъ тумановъ надъ Сеной ?

Оба пожилые Швейцарца важно улыбнулись : слова нашего хозяина шевелили ихъ національную гордость. Но я видѣлъ, что страсть мосьё Ришомъ къ красотамъ природы состоитъ въ тѣсной связи съ его пристрастіемъ къ своему помѣстью : только тамъ онъ осмѣливался нападать на туманное небо Парижа. Я не сталъ противурѣчить его невинному тщеславію, да и видѣ изъ окна былъ, въ самомъ дѣлѣ, превосходный ; я хвалилъ его и восхищался со всеусердіемъ. Между-тѣмъ мое вниманіе не дотога было поглощено созерцаніемъ мѣстоположенія, чтобы другія чувства мои оставались въ бездѣйствіи. Въ числѣ физическихъ способностей, которыми одарила меня природа и которыми я въ правѣ гордиться, надобно отдать полную справедливость необычайной тонкости моего слуха ; а, сказать правду, въ эту минуту я и смотрѣлъ и слушалъ съ одинаковымъ напряженіемъ, и, глядя на гору Юнгфрау, внимательно подслушивалъ разговоръ, который, въ двухъ шагахъ отъ меня, шопотомъ вели между собою мадамъ Ришомъ и мой путевый товарищъ.

— Неужели это преступленіе, не достойное ни какой пощады ? продолжалъ Мальшаръ послѣ нѣсколькихъ предварительныхъ словъ, такъ тихо сказанныхъ, что я не могъ ихъ разслушать.

— Не смѣйте извиняться, повелительно возразила мадамъ Ришомъ : вашъ поступокъ смертельно огорчаетъ меня.... Вотъ ваши обѣщанія !

— Знаю, знаю, прервалъ мой пріятель голосомъ раскаянія. Но что жъ дѣлать ? Есть влеченія столь силь-

няя, что передъ ними не устоитъ ни какая рѣшимость.

— И вы это говорите?... вы способны къ такимъ влеченіямъ?

— Почему жъ нѣтъ?... Какъ вы несправедливы!

Мальшаръ снова заговорилъ такъ тихо, что лишилъ меня удовольствія дослушать конецъ его оправданій, а между-тѣмъ вошелъ лакей съ официальнымъ донесеніемъ, что кушать готово.

Эти неполные отрывки разговора были для меня лучомъ свѣтлой истины. Нѣтъ сомнѣнія, Мальшаръ влюбленъ въ мадамъ Ришомъ, которая, можетъ-быть изъ добродѣтели, а можетъ-быть и изъ одного чистаго раскаянія, еще держитъ его здѣсь на благородной дистанціи. Нѣтъ также сомнѣнія и въ томъ, что мой любезнѣйшій пріятель, подговариваясь къ этому путешествію, считалъ меня чѣмъ-то въ родъ колпака. Вотъ ужъ это мнѣ не понравилось: не потому, чтобы подобнаго роду услуга была предосудительна между двухъ свѣтскихъ людей, но потому что мой товарищъ скрытничалъ и таился. Я бы, конечно, принялъ роль повѣреннаго, но быть страдательнымъ орудіемъ интриги.... это другое дѣло! Тутъ задѣли мое самолюбіе, и я поклялся отмстить Мальшару при первомъ удобномъ случаѣ за его обидную недовѣрчивость.

За обѣдомъ, мадамъ Ришомъ помѣстила возлѣ себя двухъ Швейцарцевъ. Почтенныя лѣта этихъ господъ давали имъ право на такое предпочтеніе, въ которомъ, однако жъ, я видѣлъ явное намѣреніе хозяйки дому уколоть Эдмонда, а, рикошетомъ и меня. Не знаю ничего непріятнѣе женщины въ дурномъ расположеніи духа, особенно когда не самъ его причиною, а только страдаешь изъ-за пріятеля. Первые минуты обѣда шли довольно скучно. Мадамъ Ришомъ говорила только съ прислугою, отдавая приказанія коротко и сердито.

Мальшаръ, человекъ обыкновенно разговорчивый, казалось, тоже наложилъ на себя обѣтъ молчанія, и уткнулъ носъ въ тарелку, словно семинаристъ, только-что выпущенный изъ школы. Швейцарцы вли, и вовсе не заботились заводить разговоръ. Что касается до меня, то, проголодавшись съ дороги, я также слѣдовалъ изъ примѣру, и тщетно хотѣлъ любезничать: туманное лицо мадамъ Ришомъ отбивало охоту. Словомъ, нашъ обѣдъ могъ бы начаться и кончиться совершенно одной пантомимой, если бъ мосьё Ришомъ, удовлетворивъ первымъ потребностямъ своего аппетита, не завелъ внезапной рѣчи.

— Э-э! господа Парижане! заговорилъ онъ неожиданно, наливая мнѣ и Мальшару вина: вы, кажется, ужасные меланхолики. Вамъ, видно, скучно. Да я знаю отчего: вы ожидали встрѣтить здѣсь тму красавиць. Вотъ то-то: прїѣхали бы на прошлой недѣль, такъ и застали бы леди Ротсѣ, прекраснѣйшую блондинку.

— Я не люблю блондинокъ, прервалъ Мальшаръ, и мнѣ показалось, что онъ украдкой взглянулъ на черные волосы мадамъ Ришомъ.

— То есть, вы любите брюнетокъ, возразилъ нашъ шестрїонъ, съ самодовольной улыбкой.

— Да, когда онъ хороши собой, отвѣчалъ Мальшаръ.

— Дѣло! сказалъ мосьё Ришомъ, смѣясь густымъ басомъ. Въ такомъ случаѣ, я скажу вамъ по-секрету, что, можетъ-быть, еще нынче вечеромъ вы увидите женщину по вашему вкусу, брюнетку и хорошенькую.

Тутъ, по волѣ злобной судьбы, я отпустилъ слѣдующую пошлость: «Да развѣ мы не видимъ ея теперь?» и посмотрѣлъ на мадамъ Ришомъ, которая не обратила на мальшарова вниманія на мой комплиментъ.

— Верно, вы ожидаете къ вечеру мадамъ Баррети?

спросилъ одинъ изъ Швейцарцевъ съ полу-набитымъ ртомъ.

— Сегодня вечеромъ или завтра, отвѣчалъ мосьё Ришомъ, и, относясь ко мнѣ, прибавилъ:—Вы знаете мою свояченицу.

Я слыхалъ, что у мадамъ Ришомъ есть сестра, но не зналъ, за кѣмъ она замужемъ, или, по-крайней-мѣрѣ, позабылъ, какъ позабываются всѣ незанимательныя вещи, однако же отвѣчалъ съ важностью :

— Да, я много наслышанъ о красотѣ и умѣ мадамъ Баррети, но не имѣлъ удовольствія съ ней встрѣчаться.

— Ну, такъ будете имѣть это удовольствіе очень скоро, и тогда увидите, что я нисколько не преувеличилъ, назвавъ ее хорошенькой.

— Вѣрю, и готовъ восхищаться.

Мосьё Ришомъ моргнулъ, мигнулъ, качнулъ опять головой, и, сказалъ полу-насмѣшливо, полу-серіозно :

— Послушайтесь-ка меня : восхищайтесь втайнѣ.

— Это почему? возразилъ я, изумленный такимъ со-вѣтомъ.

Толстякъ опять моргнулъ, опять мигнулъ, кивнулъ головой, и наклоняясь ко мнѣ, шепнулъ.

— Видали ли вы Отелло ?

— Видалъ.

— Такъ знаете и моего деверя.

— Ревнивъ ?

— До изступленія, до бѣшенства, до чертовщины!.....

И мосьё Ришомъ прошепталъ это такъ громко, что всѣ услышали. Взглядъ жены заставилъ его замолчать.

— Хорошо, хорошо, сказалъ онъ ей, и потомъ снова проговорилъ мнѣ на ухо : — Жена не любитъ, чтобы я

разсказывалъ при лакеяхъ о смѣшныхъ странностяхъ ея любезнаго девера. Впрочемъ, она права : всѣ эти лакеишки ужасные болтуны. Я объясню вамъ за десертомъ.

Хорошенькая жена, ревнивый мужъ : тутъ не было ничего необыкновеннаго. Однако же этотъ простой прологъ возбудилъ мое любопытство, и я сталъ нетерпѣливо ожидать десерта. Наконецъ десертъ поданъ; лакеи ушли. Я ужъ хотѣлъ-было напомнить хозяйину объ обещанномъ объясненіи; но онъ, благодаря Бога, былъ столько же болтливъ сколько я любопытенъ, и самъ началъ рѣчь.

— Вы, господа, сказалъ онъ, обращаясь къ Швейцарцамъ : знаете мосьё Баррети; но наши пріѣзжіе не знаютъ. Не правда ли, что онъ славный малой?

Швейцарцы отвѣчали какою-то странной гримасой, которую никакъ нельзя было перетолковать въ пользу человѣка, о которомъ шла рѣчь.

— Я хвалю его не потому, продолжалъ мосьё Ришомъ своимъ плоско-забавнымъ тономъ : не потому что онъ мнѣ, такъ-сказать, почти зять, а потому что врядъ ли найдется другой такой милый человѣкъ. Правда, злые люди говорятъ, будто онъ тяжеленокъ въ сожителствѣ, бранчивъ, заносчивъ, сердитъ, и, главное, ревнивъ какъ крокодилъ; но вѣдь это клевета : не правда ли, Цезарина?

Мадамъ Ришомъ слушала мужа съ видимымъ нетерпѣніемъ. Она пожала плечами и отвѣчала :

— У всякаго свои недостатки; а недостатки мосьё Баррети нисколько не мѣшаютъ ему имѣть доброе сердце и благородный характеръ.

— Говорить тебѣ, онъ премилая птица : только острый клювъ и длинныя когти ; о чемъ и не худо предупредить нашихъ пріѣзжихъ : пусть себѣ наматаютъ на усь.

Я взглянулъ на Мальшара. Онъ методически чистилъ ножомъ яблоко и казался вовсе невнимательнымъ. Мадамъ Ришомъ, съ своей стороны, была явно недовольна разговоромъ, и старалась взорами принудить мужа къ молчанію, но тотъ сказалъ ей :

— Милый другъ, ты напрасно усталила на меня глаза, какъ лукошки : я не желаю, чтобы въ моемъ домѣ возобновилась глупая штука, какая была въ Барежѣ.

— Какая штука? спросилъ я, не принимая въ уваженіе, что досаждаю мадамъ Ришомъ.

— Вы не слышали?... А оно-таки надъѣлало шуму. Прошлымъ годомъ, Баррети, у котораго иногда открывается старинная рана, ноѣхалъ на воды въ Барежѣ, и повезъ съ собою жену. Свояченица моя очень мила и очень хороша собой : такъ что жъ мудренаго, что вся молодежь въ Барежѣ стала за ней ухаживать? Можно биться объ закладъ, что девяносто-девять мужей изъ сотни не обратятъ на это ни какого вниманія; но у любезнаго Баррети течетъ въ жилахъ корсиканская кровь. Вотъ онъ началъ бѣситься, и только и думалъ что о ножахъ да о пуляхъ. Но прихлопнуть однимъ махомъ около дюжины пташекъ, которыя увивались около моей милой свояченицы, было бы дѣло хитрое, и мой ревнивецъ вздумалъ подѣйствовать на всѣхъ посредствомъ примѣра надъ однимъ. Онъ выбираетъ изъ молодцовъ того, который, какъ ему кажется, болѣе другихъ привязчивъ, и, при тридцати человекѣхъ, заводитъ съ нимъ ссору изъ-за сущей бездѣлицы. Тотъ хочетъ отойти шуткой, а нашъ Отелло хлопъ его по щеку: стало не до шутки. Вышли на дуэль, и Баррети подстрѣлилъ соперника въ ногу, такъ, что ужъ бѣднякъ не танцовать по гробъ своей жизни. Можете представить, какой сдѣлался шумъ и гвалтъ. Всѣ обвиняютъ Баррети; полиція вмѣшивается въ дѣло, и моего любезнаго затюшку сажаютъ подъ арестъ.... Да

еще слава Богу, что все кончилось трех-мѣсячнымъ арестомъ! Вы, можетъ, думаете, что этотъ урокъ послужилъ ему въ пользу?... Какъ бы не такъ! Вы не знаете Корсиканцевъ. При первомъ случаѣ, онъ опять прійдется зато же, и мнѣ будетъ чрезвычайно непріятно, если этотъ случай представится въ моемъ домѣ. Смотрите же, господа Парижане: я васъ предостерегъ, и если вы встрѣтитесь здѣсь съ моей свояченицей, то, пожалуй, восхищайтесь ею, только, знаете, про-себя.

— Право, сказалъ Мальшаръ : вы представляете своего зятя какимъ-то людоѣдомъ.

— А вотъ попробуйте влюбиться въ его жену, такъ онъ и проглотитъ васъ съ-разу.

— Богъ съ нимъ со всѣмъ! беззаботливо сказалъ Мальшаръ. Я плохой танцоръ, а всё-таки дорожу своими ногами.

Эта шутка разсмѣшила всѣхъ собесѣдниковъ, за исключеніемъ одной мадамъ Ришомъ, которая сохраняла свою убійственную холодность, и вдругъ вышла изъ-за стола. Мы последовали за нею, и такимъ образомъ нашъ разговоръ перервался.

Противурѣчія входятъ въ составъ человѣческой натуры : я это испыталъ на себѣ. Предостереженіе, сдѣланное мосье Ришомомъ, произвело на меня дѣйствіе, совершенно противное тому, котораго онъ, вѣроятно, ожидалъ. Я никогда не видывалъ мадамъ Баррети, но мысль о ней внезапно овладѣла моимъ воображеніемъ. Зналъ я, правда, что она хороша собой, но это бы еще не могло погрузить меня въ тѣ мечты о ея красотѣ, которыми я предался теперь, прихлебывая чашку ароматнаго кофе. Для моего воображенія, склоннаго къ романтизму, въ этой милой незнакомкѣ была не одна прелесть красоты, а прелесть другая, болѣе привлекающая. Нѣтъ сомнѣнія, что самое важное достоинство исперидскихъ яблокъ заключалось въ драконѣ, кото-

рый стерегъ ихъ; такъ точно и красота жены придаетъ высокую цѣну ревность мужа : чѣмъ мужъ ревнивѣе, тѣмъ жена кажется прелестнѣе. Поэтому мадамъ Баррети, — если справедливы слова Ришомъ, что кто ее любитъ, тотъ подвергаетъ свою жизнь опасности, — должна всякому казаться оборотительною ; а я, какъ нарочно, считалъ себя въ категоріи людей безстрашныхъ. Тутъ, изъ размышленія въ размышленіе, я, чортъ-знаетъ по какому самолюбію, дошелъ до того, что сталъ серьезно разсуждать о томъ, совмѣстны ли съ моимъ достоинствомъ предостереженія мосьё Ришомъ, и, подумавъ хорошенько объ этомъ важномъ вопросѣ, наконецъ рѣшился дѣйствовать съ должнымъ благоразуміемъ.

— Пусть дѣла идутъ своимъ порядкомъ, говорилъ я самъ себѣ : не буду разгорячать своего воображенія пустыми мечтами ; но, если ужъ такъ случится, что влюблюсь, — а въ деревнѣ и дѣлать лучше нечего, — то не стану ни крошечки противиться влеченію своего сердца. Въ глазахъ такого человѣка, какъ я, всѣ мужья должны подходить подъ одинъ уровень : будь они простофили, будь людоеды, мнѣ всё-равно.

И обсудивъ дѣло такимъ прекраснымъ образомъ, я совсѣмъ развеселился : мое теперешнее путешествіе въ Швейцарію получило въ глазахъ моихъ занимательность, которой вовсе не имѣло прежде. Съ радости, я даже простилъ Мальшара за неоткровенность, которую, передъ этимъ, вмѣнялъ ему въ преступленіе. Теперь любовь его къ мадамъ Ришомъ не казалась мнѣ досадною, а, напротивъ, крайне выгодной, въ томъ предположеніи, что если я влюблюсь въ мадамъ Баррети, такъ онъ не будетъ мнѣ мѣшать. Разумѣется, я не считалъ ни во что двухъ пожилыхъ Швейцарцевъ.

Напившись кофе, мы всѣ пошли въ садъ ; но вечерняя прохлада заставила воротиться въ комнату.

гдѣ немедленно составила партія въ вистъ. Впервые отъ-роду пожалѣлъ я, что не знаю этой игры: мосѣ Ришомъ, Мальшаръ и оба Швейцарца засѣли за ломберный столикъ, а мнѣ, несчастному, пришлось оставаться, такъ-сказать, съ глазу на глазъ съ хозяйкой дома, что было вовсе не весело, по причинѣ той заботливости и неудовольствія, которыя явно выражались на ея лицѣ. Вступить съ нею въ разговоръ казалось труднымъ, а молчать было бы смѣшно. Я, благословясь, пустился разсуждать о погодѣ; но мадамъ Ришомъ перервала мою рѣчь вопросомъ :

— Такъ это вы были такъ любезны, что вздумали наѣстить насъ? Слѣдовательно, это вамъ я обязана благодарностью?

Хотя мысленно я и помирился съ моимъ дорожнымъ товарищемъ, однакоже не счелъ за нужное поддерживать его ложь.

— Достойному достойное, отвѣчалъ я съ официальной скромностью: я сердечно радъ, что побѣхалъ съ Мальшаромъ, но долженъ признаться, что честь этой выдумки принадлежитъ ему.

Мадамъ Ришомъ кивнула головой съ такимъ видомъ, какъ-будто сказала: «Такъ! я это знала.»

— Вы очень дружны съ мосѣ Мальшаромъ? спросила она, вперяя въ меня пронизательный взглядъ.

— Я ужъ десять лѣтъ знакомъ съ нимъ.

— То есть, вы ничего не скрываете другъ отъ друга?

Вопросъ этотъ былъ сдѣланъ такимъ выразительнымъ тономъ, что, въ свою очередь, я пристально посмотрѣлъ на жену миллионщика.

— Есть вещи, отвѣчалъ я, понизивъ голосъ: которыхъ не пересказываютъ и самому искреннему другу. Я не все говорю Мальшару, онъ не все мнѣ: мы часто принуждены разгадывать одинъ другаго:

— А ловокъ ли мосѣ Мальшаръ на такія разгадки?

— О! очень.

— А вы?

— Скромность не позволяет мнѣ отвѣчать, сказала я улыбаясь.

— То есть, вы считаете себя еще искуснее своего пріятеля.

— Искуснее, нѣтъ; а въ равной степени, можетъ быть.

Мадамъ Ришомъ, казалось, смутилась.

— А давно ли вы имѣли случай наблюдать за нимъ? спросила она съ притворною веселостью.

— Наблюдаю и теперь, отвѣчалъ я съ насмѣшливымъ видомъ, потому что всѣ эти разспросы начинали мнѣ надоедать.

— Право! вскричала Цезарина, которой глаза вдругъ заблестали. А, позвольте спросить, что вы теперь стараетесь разгадать?

— Теперь, мой пріятель занятъ очень занимательной игрой, такъ смотрю, выиграетъ или проиграетъ.

И я указалъ на ломберный столикъ. Но мадамъ Ришомъ не обманулась насчетъ настоящаго смысла этихъ словъ, тѣмъ болѣе, что я сопровождалъ ихъ очень значительнымъ взглядомъ: она поняла, что я говорю не про вистъ, а про другую игру, и, отвѣчая на мою мысль, сказала очень равнодушно:

— Если проиграешь вашего пріятеля будетъ зависть отъ меня, такъ онъ навѣрное не выиграетъ.

«Чортъ возьми! подумалъ я: видно крѣпость не думаетъ сдаваться, и дѣла друга Мальшара обстоятъ не совсѣмъ благополучно.»

Въ это время послышался стукъ экипажа, и раздалось хлопанье почтоваго бича: мадамъ Ришомъ, въ томъ предположеніи, что это пріѣхала ея сестра съ мужемъ, встала съ досадою, и, не промолвивъ ни слова, вышла.

Игроки продолжали глубококомысленно заниматься картами, чему я несколько не удивился, потому что видѣть такую игру, что развѣ преставленіе обѣда можетъ развѣсвятъ играющихъ. Что касается до меня, признаюсь, я не раздвѣлялъ ихъ равнодушія : у меня даже сдѣлалось біеніе сердца, котораго я никакъ не ожидалъ отъ себя.

— Что это! сказалъ я самъ себѣ : неужели я и вправду влюблюсь?.... Посмотришь.

Зачѣмъ скрывать? Скажу откровенно: я подошелъ къ зеркалу, поглядѣлся, и, по обыкновенію, не совсѣмъ остался доволенъ своею фигурою. Поправивъ волосы и бантикъ шейнаго платка, я прислонился къ камину и принялъ позу, которая, по моимъ соображеніямъ, шла мнѣ всего лучше къ лицу. Такимъ образомъ, ставъ подъ ружье, началъ я ожидать появленія женщины, въ которой не отказывался признать будущую повелительницу моего сердца.

Вскорѣ дверь залы отворилась, и мадамъ Ришомъ вошла съ сестрою. Людоѣдъ шелъ за ними; но въ первыя минуты я не обратилъ на него ни какого вниманія : оно все было поглощено его женою. Мадамъ Баррети казалась немного по-моложе сестры, то есть, ей было около двадцати-осми лѣтъ ; ростъ ея средній и талія чудесная; на лицѣ отпечатывалась вся красота жительницъ юга. На ней было черное шелковое платье и шляпъ темнаго цвѣту. Но, и подъ этой не пышной одеждой, мадамъ Баррети показалась мнѣ настоящею королевою. Она шла медленно, съ цепривужденною важностію, утихо отвѣчала на мой почтительный поклонъ и на поклоны игроковъ, которые, при входѣ новопріѣзжихъ, рѣшились наконецъ встать съ своихъ креселъ, и, протянувъ руку къ Ришому, проговорила звучнымъ, ободрожительнымъ голосомъ :

— Здравствуйте, братецъ.

Конечно, нѣтъ ничего на свѣтѣ обличивающаго прѣстѣе этихъ двухъ словъ, «здравствуйте, братецъ», и однако же никогда ни какая фраза Россіи не казалась мнѣ столь исполненнымъ мелодіи. Притомъ, блѣдно-свѣтлый цвѣтъ лица вуглостественницы, приходилъ мнѣ совершенно по-сердцу, такъ же какъ и два ряда чудеснаго жемчугу, украшавшіе ея прелестный ротикъ, и которые я успѣлъ замѣтить, несмотря что мадамъ Баррети ни-разу еще не разсмѣялась. Здѣсь кстати сказать, что я отъ души уважаю женщинъ, которыя имѣютъ прекрасные зубы, и не смѣются. Какъ бы то ни было, всѣ эти причины, а, главное, предрасположеніе моего сердца, сдѣлали то, что я немедленно влюбился.

Я взглянулъ на Мальшара, чтобы посмотреть, какое дѣйствіе произведетъ на него красавица: Мальшаръ слылъ за знатока; его одобреніе было бы мнѣ пріятно. Но, къ неопisanному моему удивленію, онъ преспокойно тасовалъ-себѣ карты, не обращая ни малѣйшаго вниманія на предметъ моей страсти. Мнѣ казалось, что, для человѣка въ тридцать лѣтъ, Мальшаръ уже слишкомъ пристрастенъ къ картамъ, и онъ тотчасъ же потерялъ въ моемъ мнѣніи половину того уваженія, которое я имѣлъ къ нему, какъ къ знатоку въ женской красотѣ.

Послѣ нѣсколькихъ обоюдныхъ привѣтствій съ новопріѣзжими, оба Швейцарца и москѣ Ришомъ последовали примѣру моего пріятели, и снова принялись за вистъ. Сестры сѣли рядомъ, на диванъ, и начали между собой разговоръ въ полголоса. Я счелъ приличнымъ отойти къ ломберному столу, и помѣстился возлѣ играющихъ: отсюда навелъ я внимательные глаза на человѣка, котораго до-сихъ-поръ не успѣлъ еще разглядѣть, а долженъ же былъ разглядѣть хорошенько.

Москѣ Баррети, этотъ кровожадный мужъ, былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, коренастый, грубый, впрочемъ легкій на ногу и безъ затрудненій справлявшійся

съ значительнымъ объемомъ своего тудовища. Такая наружность была очень прилична старинному капитану вольтижеровъ, каковымъ онъ былъ до тыдцати-осямидесяти-тридцати-второго года, въ которомъ вышелъ въ отставку, по случаю раны, полученной имъ въ африканскую экспедицію. Африканское солнце навело мядный цветъ на кожу его лица, которое, при малѣйшемъ внутреннемъ волненіи, вспыхивало и наливалось кровью, какъ отъ апоплексическаго удару. Волоса его, обстриженные подъ гребенку, едва начинали съдѣть, и щеткой стояли на головѣ. Густыя брови дугой сходились поверхъ черныхъ глазъ, напоминавшихъ мнѣ угле-пламенные глаза Харона, описанные у Данте. Воинственно-безобразный въ своемъ нормальномъ положеніи, отставной капитанъ долженъ былъ быть ужасенъ въ пароксизмъ ревности. Широкий шрамъ вдоль нижней челюсти и недочетъ одного пальца на лѣвой рукѣ торжественно доказывали, что храбрость капитана соотвѣтствовала его наружности, и что онъ не даромъ носитъ въ петлицѣ сюртука лоскутокъ красной ленточки.

Въ то время, какъ я начиналъ прилежно разсматривать мосьё Баррети, онъ только-что безъ церемоніи погрузился въ пространныя вольтеровскія кресла, въ которыхъ почти исчезъ, несмотря на свою значительную гучность. Положеніе его казалось какъ-то дикимъ и того согласовалось съ непривлекательнымъ выраженіемъ его лица, что я не могъ не пайти капитана похожимъ на бульдога, который лежитъ въ своей канурѣ: морда на лапахъ, глазъ дремлетъ, а зубы не спятъ. Я замѣтилъ, что сквозь полу-закрытыя вѣки, онъ по-смотрѣлъ сначала на Мальшара, потомъ на меня, и тотчасъ понялъ смыслъ этого наблюдательнаго взгляда. Не было сомнѣнія, что любезнѣйшій супругъ, при одномъ видѣ двухъ молодыхъ незнакомцевъ, содрогнулся въ своей ревнивой внутренности, и хотѣлъ отгадать, съ которымъ изъ насъ прійдется ему возобно-

вить баретскую продѣлку. Но эта мысль, вѣсто того чтобы укрѣпить мою выласть, еще болѣе подстрекала ее. Я почувствовалъ, что опасность придаетъ и самой любви большую прелесть, и, снова взглянувъ на мадамъ Баррети, нашелъ ее еще прекраснѣе прежняго. Мало-по-малу я предался удовольствію созерцать ея красоту, и, забывая, что ревнивый мужъ, вѣроятно, наблюдаетъ за мною, погрузился въ глубокую мечтательность.

«О, судьба! разсуждалъ я мысленно: вотъ еще одна изъ твоихъ злостныхъ насмѣшекъ! Ты берешь одной рукой существо нѣжное, милое, прелестное; другую хватаешь какого-нибудь грубіа, уроды, и соединяешь ихъ.... Насмѣшка! злая насмѣшка!»

Между-тѣмъ какъ я такъ разнѣжился, неподобные глаза мадамъ Баррети встрѣтились съ моими, и взоръ ея остановился на мнѣ; но взоръ этотъ такъ былъ исполненъ меланхоліи и съ тѣмъ вмѣстѣ огня, что я смутился до глубины души. Странное впечатлѣніе, произведенное на меня этимъ взоромъ, будетъ достаточно объяснено, когда скажу, что я не былъ привыченъ привлекать особенное вниманіе женщинъ.

Здѣсь мнѣ должно сдѣлать одно признаніе, которое очень горько для моего самолюбія, но необходимо для ясности разсказа.... Увы! я не красивъ собою. Знаю: есть родъ некрасивости, который однако же идетъ къ лицу мужчины. Таковъ, напримѣръ, былъ Мирабо, съ своей звѣрскою рожей, испещренной оспою. Къ-несчастью, неправильность чертъ моего лица не выкупается ихъ выразительностью: мое безобразіе — одно изъ тѣхъ безобразій, которыя встрѣтишь на каждомъ шагу въ каждой улицѣ; я до того похожъ на цѣлый міръ, что знакомые часто не узнаютъ меня, а люди, которыхъ отъ-роду я не видывалъ, со мной здороваются. Почему говорить, что, рожденный съ чувствительнымъ серд-

цель и романтическимъ воображеніемъ, я часто печалюсь, а иногда и приходилъ въ отчаяніе, по поводу моей пошлой физиономіи, потому что сколько женщины имъ толкуютъ о своемъ равнодушіи къ физическимъ достоинствамъ мужчинъ, а я всегда замѣчалъ, что для нихъ и умъ мужской умнѣе тотъ, у котораго глаза краснорѣчивѣе да зубы лучше. «При моемъ знаніи дѣла, будь-ка я красавецъ, говаривалъ я самъ съ собою: такъ не встрѣчать бы мнѣ жестокосердыхъ!» А теперь я такъ-частенько встрѣчалъ ихъ.

Такимъ образомъ, взглядъ мадамъ Баррети былъ для меня и новостью и неожиданнымъ счастіемъ. Еще впервые встрѣчался я съ женщиной, которая, съ перваго разу, смотрѣла на меня съ такой нѣжностью, и моя скромность до того была изумлена этимъ случаемъ, что я сначала больше сконфузился чѣмъ обрадовался. Въ умъ моемъ, даже возникло чувство недобѣрчивости. Развѣ не могло случиться, что я имѣю дѣло съ кокеткой, которая расположилась подшутить надо мною? Однако жъ я вскорѣ отвергъ это предположеніе и сталъ думать, что съ моей стороны будетъ ужъ слишкомъ скромно и такъ-сказать глупо, если я перетолкую въ дурномъ смыслѣ лестное вниманіе красавицы, тѣмъ болѣе, что и причины его не вовсе не понятны.

«Выданная замужъ за человѣка ея недостойнаго, рассуждалъ я: эта женщина не можетъ не быть несчастною; а всѣ несчастныя ищутъ симпатіи, сочувствія, и когда думаютъ, что нашли его, то принимаютъ съ сердечной благодарностью. Конечно, я не красавецъ, но, можетъ-быть, я уже черезъ-чуръ строго сужу себя. Какіе бы ни были глаза, хорошіе или дурные, а всё-таки они зеркало души. Видно, мадамъ Баррети прочтала въ моихъ то чувство сердечнаго соучастія, которое она мнѣ внушила; видно, она угадала, что я сохотѣлъ понять ее, словомъ, нашла во мнѣ друга, и это-то хотѣла высказать своимъ ангельскимъ взглядомъ.»

И я машинально принялъ положеііе, подобное другу несчастной женщины : скрестивъ руки на груди, потупивъ голову, я продолжалъ пристально смотреть на мадамъ Баррети, будучи увѣренъ, что этотъ несведимый взоръ, если она замѣтитъ его, не будетъ ей неприятеііь. Мое предположеніе оправдалось. Она опять взглянула на меня, но взглянула еще милѣе, еще нѣжнѣе прежняго. Я затрепеталъ; но мой восторгъ былъ тотчасъ прерванъ дребезгливымъ звукомъ разбитаго фарфора, нарушившимъ въ это мгновеніе всеобщую тишину залы. Всѣ глаза устремились на мосьѣ Баррети. Капитанъ вскочилъ съ вольтеровскихъ креселъ, съ стремительностью раненаго тигра. Быстрота этого движенія откатила кресла; онъ толкнули горку, загроможденную фарфоромъ, и фарфоръ полетѣлъ на полъ.

— Или тебя кто кольнулъ шиломъ? вскричалъ мосьѣ Ришомъ, печально глядя на дребезги своей посуды: или ты принялъ мои японскія вазы за Бедуновы?

— Извините, пожалуйста! мнѣ кажется, я будто заснулъ, отвѣчалъ капитанъ хриплымъ голосомъ.

Но звѣрскій взоръ, кинутый имъ въ это время на жену, объяснилъ мнѣ настоящую причину гибели фарфора.

— У тебя сонъ, просто, убійственный, проворчалъ хозяинъ. Кой чортъ! хочешь спать, такъ поди ложись.

— Именно! сердито отвѣчалъ ревнивецъ. Да и пора: ужъ двѣнадцатый часъ. — Пожалуйте, сказалъ онъ, подавая руку женѣ.

Мадамъ Баррети молча повиновалась. Такое страдательное повиновеніе въ хорошенькой женщинѣ утвердило меня въ той мысли, что я имѣю передъ глазами самаго самовластительнаго тирану и самую покорную жертву его тираніи. Если бъ я уже не былъ вполне очарованъ прекрасной страдалицей, то не могъ бы

остаться къ ней равнодушнѣе при одномъ видѣ ея трогательной покорности жестокому мужу. Они вышли изъ зады, и зала, въ ту же минуту, показалась мнѣ пустынею, точно такъ, какъ Востокъ показался пустынею Антиоху, послѣ отъѣзда прелестной Береники. Я сталъ нетерпѣливо дожидаться окончанія виста, который, наконецъ, прекратился. Всѣ разошлись. Подъ предлогомъ выкурить сигару, я зашелъ въ комнату Мальшара.

— Какъ ты находишь мадамъ Баррети? спросилъ я его безъ предисловія.

— Не дурна, разсѣянно отвѣчалъ онъ.

— Не дурна!.... Ахъ, Господи! Да видѣлъ ли ты ее?

— Конечно, видѣлъ, и говорю, что сестра ея лучше.

— Не сомнѣваюсь! взразилъ я насмѣшливо. Ты изгнѣшаешь себя, любезнѣйшій. Но я бы желалъ, чтобъ ты былъ со мной по-откровеннѣе.

— Измѣняю себя!.... А въ чемъ, прошу покорно?

Я пожалъ плечами и сказалъ :

— Не станешь ли отнѣкиваться, что ухаживаешь за мамъ Ришомъ?

Мальшаръ посмотрѣлъ на меня пристально.

— А! ты замѣтилъ это! проговорилъ онъ послѣ минутнаго молчанія и такимъ тономъ, въ которомъ, какъ мнѣ показалось, было больше насмѣшливости чѣмъ злобы.

— Да вѣдь я не слѣпъ и не глухъ. Сказать по правдѣ, ты бы лучше сдѣлалъ, если бъ признался, а не заставлялъ меня прибѣгать къ моей проницательности.... Ну, да Богъ съ тобой! Я, несмотря на твою обидную откровенность, готовъ, при нуждѣ, помогать тебѣ.

— Не съ тѣмъ ли, чтобъ рука руку мыла? спросилъ я, не сводя съ меня глазъ.

— Что ты разумеешь подъ этимъ? возразилъ я съ любопытствомъ.

Мой пріятель выпустилъ, разъ за разомъ, три четвере клуба дыму, и, положивъ сигару на каминъ, сказалъ съ улыбкою, которая показалась мнѣ совершенно простосердечною :

— Послушай, любезный Дюрантъ : не станемъ манывать другъ друга. Ты думаешь, что я влюбленъ въ мадамъ Ришомъ : изволь, соглашаюсь! Не согласишься же и ты въ свою очередь, что не равнодушенъ къ убійственнымъ взглядамъ ея сестрицы.

— Смѣешься ты, что ли? вскричалъ я, довольный тѣмъ, что мои наблюденія подтверждаются безстрастнымъ свидѣтелемъ.

— Вѣдь и я не слѣплю тебя. Нельзя же было не замѣтить, что мадамъ Баррети обращала на тебя во все вечеръ очень многозначительное вниманіе.

— Изъ одного любопытства, скромно проговорилъ я.

— Положимъ. Но развѣ любопытство не есть тотъ всеобщій двигатель, тотъ обильный источникъ, изъ котораго все происходитъ? Чему мы обязаны открытіемъ Америки, приложеніемъ силы паровъ, и всѣми другими пріобрѣтеніями въ области наукъ? Да и самая любовь развѣ что другое, а не любопытство, направленное къ извѣстной цѣли? Повѣрь, любезнѣйшій : женщина, которая сегодня любопытничаетъ, завтра непременно влюбится, если чуть-чуть найдетъ къ тому возможность.

Мальшаръ говорилъ такимъ догматическимъ тономъ, какъ-будто доказывалъ какую-нибудь теорему. Было нечего съ нимъ спорить, потому что я и не раздвѣлялъ образъ его мыслей, и, вслѣдствіе того, удовольствовался улыбкою человека, который радъ, если нашелъ случай удостовѣриться въ собственномъ умѣ.

— Сейчасъ, на зло тебѣ, я сказалъ не то, что думалъ.

подиалъ Мальшаръ съ веселымъ видомъ : и готовъ
быть ирещеніа. Мадамъ Баррети не во что же дурна,
прекрасна, и, на твоёмъ мѣстѣ...

— Ну, что на моемъ мѣстѣ ?

— И бы рискнулъ не понравиться ей мужу.

— Такъ и сдѣлаю, опрометчиво отвѣчалъ я.

Мнѣ стало жаль, что я проболтался; но дѣлать
нечего, и я ужь откровенно высказалъ весь свои
мысли. Узнавъ настоящую причину гибели Фарфора,
Мальшаръ такъ расхохотался, такъ расхохотался, что
не могъ удержаться отъ смѣху.

— Славно! не робѣй! говорилъ онъ съ шутовской
веселостью : ату-его, Синюю-Бороду! ату-его, этого
жестяка, который не хочетъ, чтобъ любовались его же-
нами. Не давай пощады этому варвару! Помни : онъ
идетъ въ ноги, а ты мѣть ему въ голову.

Въ награду моей довѣренности, Мальшаръ наконецъ
рѣшилъ, что я угадалъ и что единственной причиной
этого прѣизвуда была любовь къ мадамъ Ришомъ, лю-
бовная, продолжающаяся уже нѣсколько мѣся-
цевъ, и всё-еще плохо вознаграждаемая. Я пустился
рассуждать его въ вкусъ, хотя въ глубинѣ души и удивлял-
ся, что могла ему понравиться женщина, почти дур-
ная. Послѣ всѣхъ этихъ объясненій, мы расста-
лись наилучшемъ согласіи, и дали слово молчать и
не говорить другъ другу.

Слово мое съ товарищемъ окончательно утвер-
ждено въ принятомъ намѣреніи или, лучше сказать,
въ возможности оставаться въ бездѣйствіи. Взявъ
своего повѣреннаго, я уже не могъ отступить ни
слова, потому что этотъ величайшій насмѣшникъ не
могъ бы приписать мое отступленіе благоразум-
ности. Такимъ образомъ, страхъ быть осмѣян-
нымъ привелъ къ увлекательному чувству любви, и я,
чувствуя столько же нѣтъ тщеславія сколько нѣтъ

сердечного чувства, рившись нежданно устроїти въ дѣло все способы къ обольщенію, которыми надила меня природа.

На слѣдующій день, я увидѣлся съ мадамъ Барр не прежде какъ за завтракомъ. Она показала мнѣ и чальною, и, несмотря на мое веселое расположеніе, я тоже долженъ былъ принять томный, унылый видъ, потому что въ любви, какъ въ музыкѣ, буется полное созвучіе, а безъ того и нѣтъ себѣ играть вѣрно. Тоскующая женщина налагаетъ мужчину, желающаго ей понравиться, непремѣнное условіе казаться живой элегіей, точно такъ же, какъ два бемоля въ ключъ, съ *фа-діэзомъ*, налагаютъ музыканта условіе разыгрывать піесу въ плачевный тонъ *соль-миноръ*.

Принужденная меланхолія, о которой веду я тутъ штука не очень хитрая. Она не требуетъ ни великаго ума, ни сильнаго воображенія, ни большой ловкости, ни отчаянной смѣлости; она особенно прилична для цамъ робкимъ и воображеніямъ лѣнивымъ. Но мы искусные обольстители не пренебрегаемъ этимъ средствомъ: оно хорошо особенно тѣмъ, что освобождаетъ отъ обязанности безпрестанно любезничать, обязанности весьма затруднительной для всякаго любовника. Отъ любовника, погруженнаго въ меланхолію, нельзя же требовать, чтобъ онъ былъ очень милъ, тѣмъ меньше забавенъ: онъ безспорно имѣетъ право быть молчаливымъ, печальнымъ, нелюдинымъ, и чѣмъ онъ болѣе даетъ воли своей меланхоліи, тѣмъ удачнѣе разыгрываетъ свою роль, безъ-сомнѣнія пріятную, но имѣющую также и свои неудобства, живя въ деревнѣ.

Въ столицѣ, молодой человекъ, становясь полнѣе разсудительной меланхоліи, не принимаетъ на себя слишкомъ тяжкихъ обязанностей: только буди

личными образом разстроить, растрепать и растереть въ присутствіи предмета своей страсти, такъ въ такое время можетъ считать себя въ отпуску, и не веселъ сколько душѣ угодно; внѣ этой службы, можетъ курить табакъ, объѣдать въ любой рестораціи, идти въ театръ или проигрывать свои деньги въ карты. Иной такъ, кажется, и умретъ сейчасъ отъ любви какой-нибудь аристократической зады, а смотритъ черезъ нѣсколько часовъ, онъ преживо прыгаетъ въ первый классъ. Всякая столица — дистанція огромнаго размаха! Напротивъ-того въ деревнѣ.... о! тамъ другое дѣло: тамъ безпрестанно встрѣчаешься съ другимъ; тамъ влюбленный меланхоликъ сидитъ на безсмысленныхъ ординарцахъ, и на каждомъ шагу, во всякое время, долженъ быть въ полной формѣ и страданій. Прискучить, разумѣется; но, въ нѣсколько часовъ, такъ потеряешь все, потому что у деревенскаго, какъ по службѣ, нѣтъ отговорокъ.

В деревнѣ, скажу вамъ, особенно опасно объеденіе: это я знаю по собственному опыту. За завтракомъ, мадамъ Баррети почти ни до чего не дотрогивалась, а если и брала какой кусокъ, то съ такимъ обреченіемъ, что я сейчасъ почувствовалъ, какъ въ невозвратно потеряю въ ея глазахъ, если начну въ невозвратно удовлетворять грубыя требованія моего аппетита. И въ самой вещи, что жъ можетъ менѣе созвучно съ настроеніемъ чувствъ сантъимпальской женщины, какъ не видъ мужчины, который съ себя на здоровье? Хуже развѣ только то, что въ деревнѣ, уснешь.

В деревнѣ, въ исключительныхъ обстоятельствахъ, больше всего дѣлать, какъ пожертвовать собою. Я такъ и поступилъ: несмотря на соблазнительность поданнаго блюда, я мужественно посадилъ себя на строгую диету. Я даже пошелъ въ буфетъ, мысленно отвѣчалъ на предложенія представленія моего желудка.

— Или вы нездоровы? спросилъ мосьё Ришбма, итнвъ, что я ничего не ѣмъ.

— Совершенно здоровъ, отвѣчалъ я.

— Въ такомъ случаѣ, вы, вѣрно, влюблены, васъ живо возразилъ онъ.

Я удовольствовался отвѣчать одною улыбкой и то же время бросилъ на мадамъ Баррети страстный взглядъ, которымъ хотѣлъ дать ей почувствовать замѣчаніе мосьё Ришбма справедливо. Прелестная дамъ Баррети, съ своей стороны, устремляла на мнѣ взоръ чрезвычайно нѣжный и выразительный. Къ счастью, этотъ взоръ былъ замѣченъ не однимъ ревнивымъ мужемъ, противъ обыкновенія подобнаго мужей, пользовавшагося превосходнымъ зрѣніемъ. Онъ мѣтилъ всю продолжку, и гнѣвъ его опять не замедлилъ выразиться самымъ страннымъ образомъ. Какъ только-что принялся было разрывывать великая аарскую форель, какъ-вдругъ, въ пылу ревности, сильно воткнулъ въ нее вилку, что куски рыбы разлетѣли во всѣ стороны и разбрызгались по скатерти. Реблеческая злость имѣла символическое значеніе. Явно, что ревнивецъ мысленно протыкалъ мнѣ образъ невинной форели. Я тотчасъ свиннулъ ложку, и не сталъ, какъ какой-нибудь школьникъ, пуше раздражать сердитаго звѣря, но немедленно бранилъ себя всякую дальнѣйшую демонстрацію въ къ его женѣ. Да и чего жъ мнѣ было ожидать? Развѣ я не замѣтилъ уже явнаго расположенія и очаровательной властительницы моего сердца? Не бы ли были побудительныя причины поступковъ дамъ Баррети, кокетство ли, необходимость личнаго опыта, или, просто, симпатія, а всѣ-таки явно подала мнѣ поводъ увиваться за собою. Слѣдующія минуты между нами существуетъ безмолвное единеніе, таинственная связь сердець, и потому именно на величайшая осмотрительность..... Боже мой,

мы для сего подвинутою впередъ! Едва прешло
владать часовъ съ-тѣхъ-поръ какъ я увидѣлъ впер-
ю прекрасную мою побѣдительницу, и уже началъ
ее быть осторожнѣе!

Да, я сталъ очень остороженъ; но, къ крайнему
испугу, замѣтилъ, что мадамъ Баррети не сдѣлалась
еще болѣе осмотрительной. Глаза ея безпрестанно
вращались на меня, и, по выраженію ея лица, мож-
но было видѣть, что она весьма не довольна моею
личностью. Однако же я не переставалъ наблюдать
за нею, увѣренный, что подъ-вечеръ найду случай
исградить себя за всю свою осторожность: увы!
не вышло.

Утромъ завтрака, мосьё Ришомъ предложилъ своей
женѣ сыграть партію въ билліардъ. Другой бы,
если бы мѣсть, пошелъ за ними, но я былъ не такъ
ленивъ, и нарочно отретировался въ садъ. Я надѣялся,
что, благодаря моему отсутствію, от-
пустятъ на охоту, о чемъ говорилъ еще утромъ. Давъ
мнѣ полчаса, который показался мнѣ за полвѣка,
я только пошелъ въ билліардную..... О невзгодѣ!
тамъ особа, которую тамъ я встрѣтилъ, была несно-
вѣливаго ревниваго капитана: онъ занялъ позицію
на скамеекѣ, и, съ сигарой во рту, съ газе-
той въ рукахъ, стерегъ жену. Примоемъ приходя, онъ
взялъ газету на коѣнни, скрестилъ руки на груди,
и началъ сводить съ меня глазъ. Взглядъ его былъ
такъ жестокъ какъ у волка, у котораго отнимаютъ до-
бро. Я притворился, что не замѣчаю ничего, и, по-
сле съ минутой на играющихъ, вышелъ съ безза-
ботнымъ видомъ изъ билліардной, проклиная въ глу-
бокой тишинѣ дикаря-мужа, который обрадовался, что
онъ завладѣлъ сокровищемъ, и хочетъ одинъ имъ
пользоваться.

Черезъ несколько часовъ, когда жаръ уменьшился, всѣ

собрались идти гулять, за пол-льѣ отъ замка, къ стронѣ сырни, откуда, говорили, видъ безподобный. Ожидалъ, что ужъ теперь-то мнѣ навѣрное будетъ съчай сказать нѣсколько словъ мадамъ Баррети, съ которою еще не успѣлъ промолвить ни полслова, и рѣшился непременно воспользоваться этимъ случаемъ. Онъ не замедлилъ представиться.

При самомъ выходѣ изъ парка былъ крутой спускъ по немъ, извиваясь въ тѣни густыхъ деревьевъ, узкая дорожка, по которой не возможно было идти вдомъ больше какъ двоимъ. Тутъ, естественно, каждый мужчина былъ долженъ предложить руку дамѣ. Одинъ изъ Швейцарцевъ велъ уже мадамъ Ришомъ; я тотчасъ направился къ мадамъ Баррети, какъ вдругъ былъ удержанъ слѣдовавшимъ за мною Мальшаромъ.

— Помилуй! что ты дѣлаешь? сказалъ онъ мнѣ. Мужревнивъ, жена неосторожна: будь же хоть ты благодаренъ. Смотри: видишь, я не подаль руки мадамъ Ришомъ. Такими бездѣльцами можно все испортить. Опай любезничать съ Корсиканцемъ; онъ уже много на тебя подозрѣнія: такъ постарайся ихъ разсѣять между-тѣмъ поведи твою инфанту, и развѣдаю, какъ она о тебѣ мыслей.

Советъ товарища показался мнѣ весьма разумнымъ.

— Ты правъ, отвѣчалъ я ему: конечно, для самое главное — убаюкать аргуса. Да о чемъ же говорить съ этой акулой?

— Заведи рѣчь о его походахъ, такъ онъ и не станетъ.

Комиссія была тяжкая; но, однажды признавъ ея пользу, я не могъ, логически говоря, отказаться отъ исполненія. Скрѣпя сердце и предоставивъ Эдмунда вести мадамъ Баррети, я укоротилъ шагъ, чтобы ждать ея мужа. Ревнивецъ, можетъ-быть съ

решенъ наблюдать за мною, шелъ въ аррьергардъ. Когда онъ нагналъ меня, я отнесся къ нему съ нѣсколькими пошлыми замѣчаніями насчетъ погоды и красоты подлежащаго мѣстоположенія : въ отвѣтъ послѣдовало какое-то неопредѣленное ворчанье. Такое начало было вовсе не ободрительно ; но первый шагъ сдѣланъ, а это, говорятъ, самое трудное.

Надмѣнный видъ моего собесѣдника, его грубый голосъ, лаконизмъ его отвѣтовъ, наконецъ, та сардоническая гримаса, которая отъ времени до времени коробила его губы и довершала безобразіе лица, и безъ того уже обезображеннаго шрамомъ, навели меня на мысль, что онъ не ошибается насчетъ настоящей цѣли моей къ нему въжливости и разгадалъ мою тактику. Если бы не было цѣлымъ свѣтомъ признано, что всякій мужъ жены, за которою ухаживаешь, есть лицо въ высочайшей степени достопочтенное, даже почтенное до той степени, что отъ него скорѣе должно все стерпѣть нежели съ нимъ разсориться, то, признаюсь, я бы не выдержалъ всѣхъ его неучтивостей. Но, съ той точки зрѣнія, на которой я находился въ отношеніи къ капитану, его поступки со мною имѣли ровно такую же нравственную важность, какъ ретивость лошади съ повозкою въ отношеніи къ волѣ наѣздника. Мужъ брыкается : тутъ нѣтъ обиды, а только препятствіе, которое надобно побѣдить.

Несмотря на неуспѣшность первыхъ моихъ попытокъ, я продолжалъ исполнять возложенную на себя службу любезности; удваивалъ свою мнимо-простодушную веселость, искалъ занимательныхъ предметовъ для разговора, словомъ, маневрировалъ такъ ловко, что наконецъ, потому ли что успѣлъ разсѣять сомнѣніе ревнивца, или потому что онъ изъ двухъ золъ предпочелъ выбрать меньшее, то есть, удержать меня при себѣ, чтобы не допустить до жены, только мой шагъ сдѣлался ручнѣе. Обстоятельство, само по себѣ

довольно пошлое, доказало, что капитанъ начинаетъ питать ко мнѣ болѣе снисходительныя чувства. Известно, что у дикихъ народовъ калюметъ служить залогомъ мира, и многіе изъ просвѣщенныхъ курителей табаку охотно признаютъ этотъ обычай исполненнымъ поэзіи. Отъ трубки до табакерки разстояніе не большое. Вы уже понимаете, что ревнивый мужъ нюхалъ табакъ : онъ, наконецъ, рѣшился поподчивать меня своимъ вонючимъ порошкомъ, а я, невзирая на опасность зачихаться, рѣшился взять щепотку, по двумъ причинамъ, во-первыхъ, потому что мадамъ Баррети не могла видѣть какъ я стану нюхать, во-вторыхъ, потому что мнѣ пришло на память разсужденіе Сганареля о нюхальномъ табакѣ какъ элементъ добраго согласія, гармоніи и общежительности.

При возвращеніи въ замокъ, я и Корсиканецъ были уже дотого дружны между собою, что онъ предложилъ мнѣ итти съ нимъ завтра на охоту. Какъ тутъ прикажете отказаться? Это бы значило будить засыпающаго тигра. Я принялъ приглашеніе съ изъявленіемъ большой радости. между-тѣмъ какъ втайнѣ посылалъ его къ чорту : терпѣть не могу охотиться!

Во весь остатокъ вечера не случилось ничего замѣчательнаго. Я, правда, успѣлъ еще нѣсколько разъ переглянуться съ мадамъ Баррети, но никакъ не могъ найти случая сказать ей хотя бы два слова наединѣ; а заводить съ нею разговоръ общій и пошлый, при всѣхъ, не хотѣлъ, затѣмъ что съ любимой женщиной лучше молчать чѣмъ говорить что попало.

Когда общество разошлось по спальнямъ, то, на этотъ разъ, ужъ не я зашелъ къ Мальшару, а Мальшаръ къ мнѣ. Онъ, во все время прогулки, не отставалъ отъ мадамъ Баррети, и однако же ничуть не возбудилъ ревности капитана, которая очевидно была вся сосредоточена на моей особѣ. Мнѣ нетерпѣливо желалось

поразспросить своего пріятеля насчетъ разговоровъ его съ сопутницей, которыхъ, по нашему условію, я былъ долженъ быть главнѣйшимъ предметомъ.

— Брависсимо, мой милый! сказалъ онъ, какъ-скоро мы остались одни: вчера вечеромъ и сегодня утромъ, ты, по правдѣ сказать, казался мнѣ порядочнымъ новичкомъ, но теперь возвращаю тебѣ мое полное уваженіе: не возможно лучше твоего ловить мужей на дочку!

— Хорошо тебѣ говорить, отвѣчалъ я: а каково-то мнѣ вести дѣло по всемъ правиламъ искусства! Слущай тебѣ итти завтра палить съ нимъ по куропаткамъ....

— Онъ идетъ на охоту? спросилъ Мальшаръ съ необыкновенной живостью.

— То есть, мы идемъ на охоту. Людоѣдъ сдѣлалъ мнѣ это приглашеніе такъ неожиданно, что я не нашелся вдругъ чѣмъ отговориться.

— А рано ли вы отправитесь?

— Съ разсвѣтомъ.

— Съ разсвѣтомъ! повторилъ мой пріятель, и на лицѣ его, не знаю отчего, выразилось великое удовольствіе.

— Однако жъ, я, быть-можетъ, и не пойду: думаю отговориться мигренью.

— Съ ума что ли ты сходишь? вскричалъ Мальшаръ. Вѣдь не умрешь, что побываешь на охотѣ: велика бѣда! А знаешь ли, что я, битыхъ шесть мѣсяцовъ, каждый Божій день, игралъ по три партіи въ шахматы съ однимъ извѣстнымъ мнѣ муженькомъ: вотъ это такъ жертва! Что жъ ты ребячишься? Или хочешь снова пробудить его ревность? Если не пойдешь съ нимъ на охоту, такъ и онъ, пожалуй, не пойдетъ, а тогда что жъ ты выиграешь?

Я опять долженъ былъ признаться, что Эдмондъ со-

вершено правъ , и потому рѣшился вооружиться терпѣніемъ и идти за проклятыми куропатками.

— Теперь, мой милый, сказалъ я, приступая къ зашпательнѣйшей для меня сторонѣ дѣла : теперь, будь же откровененъ и скажи, говорилъ ли ты обо мнѣ съ мадамъ Баррети ?

— О чемъ же, какъ не о тебѣ ? отвѣчалъ онъ, усмѣхаясь.

— Что жъ она говорила ?

— Тысячу вещей.

— Однако жъ ?

— Ты знаешь, какъ трудно припомнить изъ слова слово что говорятъ женщины, особенно когда говорятъ не-совсѣмъ ясно. Тутъ онѣ употребляютъ такіе тонкіе обороты рѣчи, такіа увертливыя фразы, такое множество околичностей, что едва-едва поймешь, что хотѣли выказать, а ужъ припомнить никакъ не возможно.

— Поэтому, ты понялъ....

— Я понялъ, что если ты успеешь превратить зѣвряка капитана въ купидона, помощью повязки ему на глаза такъ будешь болѣе чѣмъ на половинѣ дороги ; не для этого, мой милый, тебѣ придется застрѣлить еще много куропатокъ.

— Что тутъ куропатки ! готовъ стрѣлять верблюдовъ, слоновъ, медвѣдей ! воскликнулъ я съ жаромъ.

— Bravo ! Ухаживай же за мужемъ : это главное. Только, смотри, не вздумай отказаться идти съ нимъ завтра.

— О ! будь спокоенъ ! Прийдемъ съ поля дружными нето, считай меня простофилей.

И, воспламененный ободреніями Мальшара, я въ минуту не сомнѣвался уже въ успѣхъ, весь превратился въ огонь, въ нетерпѣніе.

Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня, я и мосьё Баррети по уговору, отправились въ путь. Охота, говорить, и

добіе войны. Поэтому капитанъ находился теперь въ своей естественной стихіи. Глядя какъ онъ шагаль рѣшительнымъ шагомъ, съ ружьемъ на плечъ, съ ягдташемъ на боку, въ длинныхъ охотничьихъ сапогахъ, въ картузъ на манеръ кивера, можно было сказать, что онъ словно не выходилъ въ отставку. Пальба по куропаткамъ, вмѣсто Бедуиновъ, поглощала все его вниманіе, и усыпляла даже ревность. Да и къ кому же ревновать? Я вѣдь съ нимъ: слѣдовательно, его супружескій лобъ внѣ всякой опасности. Еще нѣсколько дней такихъ же маневровъ, и всѣ его подозрѣнія рушатся сами собою. Такъ рассуждалъ я, стараясь ободрить себя на подвигъ терпѣнія.

Сначала все шло хорошо. Мосъё Баррети дичился со мною менѣе вчерашняго, былъ, сколько могъ, то есть, очень мало, любезенъ, и я всячески старался поддерживать его въ этомъ расположеніи духа. Къ-несчастію, обстоятельства пошли мнѣ на-перекоръ. Мы не встрѣтились ни одной куропатки, но зато наткнулись, среди лѣсу, за двѣ льѣ отъ дому, на проливной дождь, отъ котораго вѣтви деревъ недолго служили намъ защитою: скоро насъ промочило до костей. Пословица говорить, бѣда никогда не приходитъ одна. Выходя изъ замка, мы предполагали возвратиться къ завтраку, но ускорили преслѣдованіемъ воображаемой дичи, и такимъ образомъ страхъ проголодались; къ довершенію бѣдствій, заблудились и, пробродивъ часть дня по грязи, насилу вышли на битую дорогу, по которой, не прежде какъ еще черезъ два часа, попали въ замокъ. Но, Боже, въ какомъ положеніи! Ягдташи и желудки пусты, все платье въ водѣ и въ грязи! Я уже принялся въ томъ, что не очеь красивъ собою: теперь можно сказать, что и не очень крѣпокъ здоровьемъ. Отъ-роду не случалось мнѣ дѣлать такого походу, какъ сегодняшній. Къ концу дороги, я уже не шелъ, а тащился. Я былъ утомленъ, разслабленъ, измученъ; по-

думалъ про ретираду изъ Москвы, и впервые понялъ весь ея ужасъ. Что касается до капитана, онъ переносилъ наше невзгодье съ терпѣливымъ мужествомъ стараго солдата, и, несмотря на свою тучность, шелъ на возвратномъ пути тѣмъ же твердымъ шагомъ, какимъ его началъ.

— Ну, вамъ бы нельзя служить въ волтижерахъ, сказалъ людоедъ съ иронической улыбкой, когда замѣтилъ, что я далеко отстаю отъ него.

— Къ чорту всѣхъ куропатокъ! сердито возразилъ я.

— День на день не приходится отвѣчать людоедъ : завтра будемъ посчастливѣе.

Отъ этихъ словъ, на меня какъ-будто нашло желаніе удавить своего безжалостнаго тирана ; но я смолчалъ, чтобъ не сказать какой-нибудь дерзости ; онъ, также пересталъ говорить, и мы вошли на крыльцо. Часъ обѣда былъ близокъ. Я стремглавъ кинулся въ свою комнату, чтобы не попасться, въ теперешнемъ видѣ, на глаза моей очаровательницы. Переодѣвшись съ головы до ногъ, я, сколько былъ въ силахъ, стараясь прогнать съ лица слѣды неоспоримаго утомленія. Такъ Мазарини, умирая, еще румянился ; къ-сожалѣнію, мнѣ нельзя было прибѣгнуть къ этому средству, и пришлось оставаться такимъ, каковъ былъ. « Впрочемъ, сказалъ я самъ себѣ : если мое лицо немного повытннуто и блѣдно, такъ, можетъ-быть, она припишетъ это моей любви, и я покажусь ей очень интересенъ. »

Успокоенный такимъ остроумнымъ размышленіемъ, я сошелъ въ столовую, гдѣ засталъ только мадамъ Ришбмъ, ея сестру и Мальшара. Всѣ они встрѣтили меня довольно страшнымъ образомъ. Эдмондъ живо подошелъ ко мнѣ, и пожалъ руку съ такимъ чувствомъ, какъ-будто изъявляетъ за что-то сердечную признательность. Я не могъ понять за что бы именно : казалось, я не оказалъ ему ни какой услуги. Мадамъ Барретт,

которой какая-та томность придавала еще болѣе красоты, обратилась ко мнѣ съ очаровательной улыбкой, очень похожею на улыбку благодарности. За что бы эта прелестная женщина могла благодарить меня? Наконецъ мадамъ Ришомъ, вѣрная своему дурному расположенію духа, бросила на меня одинъ изъ своихъ самыхъ насмѣшливыхъ, самыхъ небрежныхъ, самыхъ презрительныхъ взглядовъ. Какая же бы причина такой явной, незаслуженной, холодности? Во всякомъ другомъ случаѣ, я бы сталъ стараться разгадать эту тройную загадку, но теперь всѣ мои мысли, всѣ мои чувства были заняты инымъ, очень пошлымъ, предметомъ: желудокъ вопилъ и заглушалъ голосъ любопытства; надобно было повиноваться желудку. Сантиментальная діета, на которую я обрекъ себя вчера, не могла ни подѣлать какому видомъ имѣть мѣста сегодня. Я сѣлъ къ столу съ неописанной торопливостью, и началъ ѣсть какъ Гаргантюа, несмотря на то, что, проявленіемъ такого звѣрскаго апетита, могъ навсегда лишиться добраго мнѣнія женщины, которой хотѣлъ понравиться.

Пожирая лакомыя кушанья, я однако же и самъ былъ пожираемъ неизъяснимой досадой. Безсознательно недовольный собою и другими, хотя и не могъ ни на кого жаловаться, я сталъ перебирать въ умѣ обстоятельства двухъ послѣднихъ дней. Что я выигралъ? на много ли подался впередъ? какія побѣдилъ препятствія? какіе сдѣлалъ успѣхи? Для человѣка положительнаго, — а я-таки, несмотря на свои романтическія фантазіи, считалъ себя человѣкомъ положительнымъ, — какую цѣну могли имѣть нѣсколько взглядовъ, ослѣдственныхъ какъ молнія, но и столько же быстролетящихъ? Развѣ не поставитъ ли въ число успѣховъ тотъ предивный дождь, подѣ которымъ я мокнулъ битые шесть часовъ вмѣстѣ съ мосьё Баррети? Принимая вещь въ ихъ настоящемъ значеніи, мнѣ печѣмъ было по-

хвастаться, и, чтобъ не навлечь на себя своего собственного презрѣнiя, я долженъ былъ перемѣнить планъ атаки, и приняться за средства, болѣе дѣйствительныя чѣмъ тѣ, которыя употреблялъ до этихъ поръ.

Послѣ объѣда, вмѣсто того чтобъ идти въ садъ, куда вызвала всѣхъ разведрившаяся погода, я пробрался въ свою комнату. Здѣсь, воодушевленный прекрасными глазами мадамъ Баррети и нервическимъ раздраженiемъ, слѣдствiемъ досады, а также, сказать правду, и превосходнаго вина, которое пилъ за объѣдомъ, я принялся сочинять краснорѣчивое письмо, въ которомъ доказывалъ : *первое*, грубость, пошлость, невѣжество, словомъ, всѣ недостатки отставнаго капитана волтижеровъ ; *второе*, чудный умъ, дивную красоту, очаровательныя прелести непонятаго ангела, котораго судьба соединила съ этимъ варваромъ ; *третье*, преданность, скромность, почтительность и любовь чувствительнаго человѣка, который осмѣлился написать предлежащее посланiе.

Изъ этихъ трехъ капитальныхъ пунктовъ, слѣдствiе уже вытекало само собою. Оно было слѣдующаго содержания : мадамъ Баррети не должна мнѣ отказывать въ позволенiи обожать себя. Въ-заключенiе, я умолялъ ее подтвердить нѣмую рѣчь своихъ взглядовъ однимъ словомъ, однимъ только словомъ, — формула известная и необходимая, какъ точки..... и окончательныя знаки восклицанiя !!!!, которые я не забылъ разставить по должнымъ мѣстамъ.

Окончивъ письмо и сложивъ его въ самый малѣйшiй форматъ, я отправился въ гостиную, гдѣ засталъ общество въ полномъ собранiи. Партiя въ вистъ была уже составлена. Мадамъ Ришомъ замѣнила въ ней Мальшара, который игралъ въ экартѣ съ капитаномъ. Мадамъ Баррети сидѣла за ролею и разбирала чью-то фантазiю. Случай былъ такъ благопрiятенъ, какъ я и

не ожидалъ. Я рѣшился имъ воспользоваться. Безпечно подойдя къ роялю, я, когда пришло время, одной рукой перевернулъ листъ нотной тетради, а другою смѣло положилъ мое письмо на клавиши. Прелестная музыкантша не пропустила ни одного такта, не сфальшивила ни въ одной нотѣ, на-лету схватила записку, среди быстрого исполненія тмы тройныхъ крошей, и такъ живо спрятала, что я и самъ не видалъ куда она ее дѣвала. Сказать правду, такая невѣроятная ловкость изумила меня, но не обрадовала: она, конечно, показывала большую смѣтливость, достаточную привычку къ лгу, но эти качества не всегда намъ нравятся въ любимой женщинѣ.

Судя по образу принятія моего письма, я уже не сомнѣвался, что завтра же получу на него отвѣтъ, однако жъ опять обманулъ. На другой день, увидѣвшись съ мадамъ Баррети, я тщетно искалъ отвѣту въ ея краснорѣчивомъ взорѣ: онъ безмолвствовалъ и старался не встрѣчаться съ моимъ. Во всемъ этомъ я находилъ, правда, не болѣе какъ обыкновенное кокетство женщины, желающей придать бѣольшую цѣну своей благосклонности; но, разрѣшая такимъ удовлетворительнымъ образомъ причину скромности мадамъ Баррети, я никакъ не могъ отдать себѣ отчету въ причинѣ измѣненія поступковъ ея мужа. Грубая угрюмость капитана уступила мѣсто нѣкотораго роду привѣтливой любезности, его ежовая физиономія приняла видъ нѣкотораго простодушія, и даже гримасы лица его можно бы было, съ маленькой натяжкой, почесть за улыбку. Онъ ходилъ мѣрнымъ шагомъ, говорилъ не громко, соглашался съ мнѣніемъ каждаго, и сморкалъ носъ очень тихо. Словомъ, въ капитанѣ произошла такая быстрая и неожиданная перемена, что даже поразила самого г-на Ришбма.

— Что это сдѣлалось съ твоимъ мужемъ? спросилъ онъ свояченицу: сегодня онъ точно какъ ягненокъ.

Вмѣсто отвѣту, мадамъ Баррети томно улыбнулась и подняла глаза къ небу.

Послѣ завтрака, капитанъ подошелъ ко мнѣ, и съ веселымъ и фамилярнымъ видомъ сказалъ :

— Ну, что, мосьё Дюрантонъ? Погода опять стала прекрасная. Думаете ли, по-прежнему, взобраться на Гриндельвальдъ?

А я вчера, такъ, неопредѣленно, говорилъ ему, что хотѣлъ бы побывать на ледникахъ этой горы.

— Для исполненія такой затѣи, надобно сговориться по-крайней-мѣрѣ двоимъ, отвѣчалъ я, не предчувствуя, въ какую бѣду попадусь этимъ отвѣтомъ.

— Что правда, то правда, подхватилъ капитанъ, предлагая мнѣ табакерку : я, тоже, никогда не бывалъ на Гриндельвальдъ. Пойдемте вмѣстѣ.

Я такъ мало ожидалъ столь дружескаго предложенія, что на первыхъ порахъ вовсе онѣмѣлъ. Машинально взглянулъ я на мадамъ Баррети, которая стояла позади своего мужа. Ея взоръ, быстрый и повелительный, въ смыслъ котораго невозможно было ошибиться, говорилъ : — Иди.

«Видно, подумалъ я : у нея есть важныя причины требовать, чтобы я принялъ предложеніе ; она объяснить мнѣ ихъ послѣ : теперь должно только повиноваться.»

И, въ самомъ дѣлѣ повиновался я отъ души негодую на всѣ красоты природы и проклиная всѣхъ ея обожателей.

— Радъ, очень радъ ! сказалъ я, обращаясь къ капитану, съ возможно ласковымъ видомъ.

— Въ такомъ случаѣ, что жъ намъ мѣшаетъ отправиться сегодня же, сію же минуту? Теперь только полдень. Въ два часа мы будемъ въ Тюнгъ, гдѣ оставимъ свой экипажъ. Если не застанемъ почтоваго парохода, такъ легко найдемъ другой. Пообѣдаемъ въ Унтерзее

нѣ, и доберемъ до Лаутербрунена, гдѣ переночуемъ. А завтра, примѣлвилъ ревнивецъ, съ странной улыбкой, на которую я въ ту пору не обратилъ вниманія : а завтра, будемъ живы да здоровы, такъ увидимъ.

— Завтра, сказалъ мосьё Ришомъ : вы взойдете на Гриндельвальдъ, и, побывавъ въ ледникахъ, спуститесь къ Мейрингену по Шейдегу : вотъ вамъ и маршрутъ; а возвратитесь черезъ Бріенцкое Озеро. Послѣ-завтра, къ вечеру, вы можете быть здѣсь. Только, совѣтую, разсчитывать на лишнія сутки: наши горы таки-высоконьки.....

— А мосьё Дюрантонъ не изъ бойкихъ ходоковъ, перервалъ капитанъ, голосомъ челоуѣка снисходительнаго, чувствующаго свое превосходство.

Я былъ взбѣшенъ. Въ сравненіи съ предстоящимъ путешествіемъ, вчерашняя охота была рай. Пробыть три, а можетъ-быть и четыре дня, съ глазу на глазъ съ мосьё Баррети : о! какое предварительное наказаніе за зло, которое я располагалъ ему сдѣлать! Въ горестномъ моемъ положеніи, я сталъ посматривать, не увижу ли Мальшара, въ той надеждѣ, что онъ не оставитъ меня одного пуститься въ это бѣдственное путешествіе; но мой пріятель Мальшаръ, какъ-только слышалъ, что рѣчь идетъ о восшествіи на Гриндельвальдъ, преблагополучно ускользнулъ изъ комнаты, а за нимъ вышла и мадамъ Баррети, которой взглядъ могъ бы, по-крайней-мѣрѣ, поддержать меня. Оставленный всѣми, я прибѣгнулъ къ покорности вельніямъ судьбы, къ этой добродѣтели людей малодушныхъ. Людоѣдъ далъ мнѣ полчаса времени на приготовленія къ дорогѣ. Я печально вошелъ въ свою комнату, и набросалъ въ походный чемоданъ кой-какого платья. Не прошло еще и ~~длиннаго~~ срока, какъ явился лакей, съ докладомъ, что ~~карета~~ готова, и мосьё Баррети меня дожидается. Я не ~~успѣлъ~~ повидаться ни съ мадамъ Баррети, ни съ Мальшаромъ, которыхъ былъ недоволенъ, самъ не знаю от-

чего. На крыльцѣ я встрѣтился съ одною мадамъ Ришомъ, смотрѣвшей на капитана, который уже помѣстился въ карету. Проходя мимо ея, я поклонился и сказалъ нѣсколько словъ насчетъ желанія скорѣй возвратиться. И никогда ни какое желаніе не бывало откровеннѣе.

— О! какую роль вы разыгрываете! проговорила она вполголоса, презрительно, и, не дожидаясь моего отвѣта, ушла въ комнаты.

Я хотѣлъ-было итти за нею и выпросить, что она разумѣетъ подъ этими словами, но капитанъ не далъ мнѣ времени.

— Я ужъ съ четверть часа какъ ожидаюсь! закричалъ онъ съ нетерпѣніемъ.

Я бросился въ карету, и лошади помчались.

«Роль-то моя, и въ самомъ дѣлѣ, довольно жалкая, подумалъ я, вспоминая послѣднія слова мадамъ Ришомъ: да откуда жъ она провѣдала? Очевидно, мы не понимаемъ другъ друга. Я думаю объ одной вещи; она намѣкаетъ на другую. Тутъ есть загадка, которую разгадаю, какъ возвращусь.»

Впродолженіи перваго дня, мы постоянно слѣдовали по назначенному маршруту. Переѣхавъ тюринское озеро и плохо пообедавъ въ Унтерзеенѣ, мы верхомъ взобрались по узкой долинѣ Лаутербрунена. Въ осемь часовъ вечера, мы, съ нѣсколькими другими путешественниками, сидѣли уже передъ гостиницей, насупротивъ штаубахскаго водопада, и курили превосходныя сигары. Утомленный быть-можетъ своей утренней веселостью, капитанъ сдѣлался очень молчаливъ, чѣмъ я былъ несказанно доволенъ, потому что, на свободѣ, могъ предаваться мечтаніямъ. Спать легли рано, затѣмъ что надобно было вставать на-зарѣ. Моя досада не помѣшала мнѣ заснуть самымъ крѣпкимъ сномъ. Между-тѣмъ, солнце начало всходить, и безжалостный капитанъ сильно застучалъ въ дверь моей комнаты.

— Вставать, и маршъ! крикнулъ онъ такимъ голо-
сомъ, какъ-будто командовалъ своей волтижерской
ротъ.

Я вскочилъ съ постели, одѣлся зѣвая, и вышелъ къ
несносному товарищу. Онъ, покуривая сигару, дожидал-
ся меня у дверей гостиницы. Походный чемоданъ, въ
родъ солдатскаго ранца, былъ уже у него за плечами;
въ рукъ держалъ онъ длинную палку съ острымъ же-
лезнымъ наконечникомъ и съ рукоятью изъ рогу ди-
кой козы.

— Гдѣ жъ лошади? спросилъ я, изумленный такимъ
нарядомъ моего спутника.

— Лошади? насмѣшливо отвѣчалъ капитанъ : лоша-
ди исключены изъ списковъ. Въ дорогъ однообразіе
еще несносная. Вчера мы вѣхали въ каретъ, плыли на
пароходѣ, гуляли верхомъ : сегодня пойдемъ пѣшіе.

Я печально взглянулъ на почти отвѣсные скаты горъ,
насъ окружающихъ, и ужаснулся при мысли, что дол-
женъ карабкаться на такую крутизну : при этой мыс-
ли, я даже почувствовалъ предварительную боль въ
поджилкахъ.

— Мнѣ кажется, жалобно проговорилъ я : лучше бы
имѣть лошадей чѣмъ....

— Я служилъ въ кавалеріи, рѣзко прервалъ капитанъ :
верховая ѣзда меня утомляетъ, а ходьба придаетъ
застыть.

Что жъ мнѣ было отвѣчать на такіе резоны?

— Но, гдѣ же нашъ проводникъ? замѣтилъ я, увидя,
что капитанъ тронулся въ походъ.

— Проводникъ? а на что намъ проводникъ? возвра-
тилъ онъ, не останавливаясь. Дорога отъ Лаутербру-
нна на Гриндельвальдъ всё-равно что дорога изъ Па-
рижа въ Булоньской Лѣсъ.

Такое сравненіе, конечно, было не очень точно; но
за то бы мнѣ послужило спорить съ упрямымъ, къ

которому обязанъ былъ имѣть всякое снисхожденіе? Я не сталъ настаивать о проводникѣ, какъ не настаивалъ насчетъ лошадей, и, вооружась такою же палкою, какую держалъ капитанъ, молча за нимъ послѣдовалъ. Когда приходится лѣзть на крутую гору, такъ ужъ тутъ не до разговоровъ; притомъ мы оба курили сигары, онъ по привычкѣ, я чтобы нѣсколько сберечь себя отъ вліянія сырости окружавшаго насъ туману. Провидѣніе хранить путешествующихъ: мы ни разу не сблизись съ дороги, и, послѣ нѣсколькихъ часовъ весьма труднаго пути, благополучно добрались до Гриндельвальда. До-сихъ-поръ, мы еще ни однажды не отдыхали, и на всѣ мои замѣчанія по этому предмету, капитанъ отвѣчалъ одно и то же: «Отдохнемъ на ледникѣ», проиасося эти слова каждый разъ съ какой-то странной улыбкой, смыслъ которой мнѣ объяснился уже впоследствии.

Въ гриндельвальдской гостинницѣ, мы нашли возможность порядочно позавтракать, но, сверхъ моего чаянія, не остановились и здѣсь на отдыхъ. Едва допилъ я послѣднюю чашку чаю и сталъ располагаться прилечь на стульяхъ, которые сдвинулъ-было рядомъ, какъ чортъ капитанъ снова надвѣлъ свой ранецъ и вскричалъ голосомъ, походящимъ на лай бульдога: — На ледникъ!

— Вы, видно, желѣзный, сказалъ я въ отчаяніи: дайте мнѣ уснуть съ часъ времени.

— Уснете на ледникѣ, отвѣчалъ онъ самымъ страннымъ тономъ.

«Нашелъ гдѣ спать! подумалъ я: по всему видно, что молодецъ-то началъ свое военное поприще въ русскую кампанію.

Я предугадывалъ съ самаго начала, что это путешествіе будетъ мнѣ сущимъ наказаніемъ, и потому, безропотно покоряясь судьбѣ, всталъ, потягиваясь всѣми членами.

— Ну, идемъ, если ужъ вамъ хочется, проговорилъ я съ принужденной улыбкой. Но зачѣмъ же вы берете свой ранецъ? Вы бы оставили его здѣсь, и взяли какъ прійдемъ назадъ.

— Мнѣ легче идти, когда есть что-нибудь за спиною.

Этотъ отвѣтъ показался мнѣ вовсе нелѣпымъ, и, въ другое время, я непременно бы сталъ спорить съ людомомъ; но для споровъ требуется также физическая энергія, а мои силы уже почти истощились. Я чувствовалъ, что ихъ едва-едва станетъ на довершеніе пути, и въ благоразумія не рѣшился тратить на бесполезное преніе.

Достигнувъ до края ледника, мы пріостановились. Отсюда можно было однимъ взоромъ окинуть любопытную и великолѣпную картину. Мнѣ ничего такъ не хотѣлось, какъ прилечь на траву и предаться созерцательности, единственному удовольствію, которое прилично усталому тѣлу и утомленной душѣ; но мой спутникъ былъ другаго мнѣнія.

— Спуститесь на ледникъ, сказалъ онъ, и тотчасъ исполнилъ по сказанному.

Я безмолвно за нимъ послѣдовалъ, и мы скоро перешли за грань, на которой останавливается бѣольшая часть туристовъ. Мосьё Баррети шедъ по льду словно по большой дорогѣ; я тоже, съ своей стороны, шагаль скрѣпя сердце, хотя отъ времени до времени и призадумывался, когда приходилось перепрыгивать черезъ щель. Я уже говорилъ, что капитанъ, несмотря на свою тучность, былъ легокъ на ногу; имѣя пятьдесятъ лѣтъ отъ-роду, онъ всё-еще оставался достойнымъ волтижеромъ. Мнѣ, право, было весело смотреть, какъ онъ, упираясь на свою длинную палку, смѣло перепрыгивалъ черезъ зіяющія пропасти, черезъ которыя мнѣ прыгать за нимъ не составляло большаго удовольствія. Такимъ образомъ мы отошли уже доволь-

но значительное пространство, часто встречая на пути такія разсылины, что отъ одного на нихъ взгляду у меня кружилась голова! Посреди этого хаоса, мое воображеніе разъигрывалось. Несмотря на вовсе неэстетическую наружность толстаго капитана, я сравнивалъ себя съ Данте, слѣдующимъ за Виргиліемъ по девятому отдѣленію тартара, гдѣ предатели погружены въ вѣчный ледъ. Это изящное мечтаніе было прервано тѣмъ, что я поскользнулся и чуть не упалъ въ бездну, передъ которой самый глубокой колодезь — игрушка. Холодный потъ градомъ покатился у меня по лбу; я принужденъ былъ съестъ, потому что голова шла кругомъ, и ноги подкашивались.

— Ну, къ чорту! да куда жъ мы идемъ? вскричалъ я, отдохнувъ отъ испугу.

Мосѣ Баррети обернулся.

— Или вы трусите? спросилъ онъ съ насмѣшкой, которая показалась мнѣ ненавистною.

— Я вѣдь не дикая коза, сухо отвѣчалъ я. Ломайте себѣ шею, если это вамъ нравится, а я не слѣваю ни шагу болѣе.

Капитанъ провелъ глазами по всей окрестности, какъ будто внимательно обозрѣвая ее. Осмотрѣться было легко: вдали гранитное темя скалъ, опоясывающихъ верхніе ледники, надъ нами небо, подъ нами окаменѣлое море: вотъ и всё-туть! Кругомъ пустыня и безмолвіе. Ни одного живаго существа, которое бы могло насъ видѣть или слышать. Намъ бы можно подумать что мы единственные обитатели земнаго шара.

— А что, и въ самомъ дѣлѣ, сказалъ наконецъ мосѣ Баррети: мы и здѣсь можемъ кончить свое дѣло.

— Какое дѣло? наивно спросилъ я.

— А вотъ увидите.

И людоѣдъ скинулъ ранецъ, положилъ его на ледъ и началъ отстегивать пряжки. Я съ любопытствомъ

сдѣлалъ за его движеніями, въ той увѣренности, что понимаю ихъ цѣль. Капитанъ отнюдь не презиралъ благословеннаго винограднаго соку. Онъ, вѣрно, сообщалъ, что бутылка хорошаго вина несколько не утрачиваетъ своего достоинства, если будетъ выпита даже на Ридельвальдскомъ ледникѣ. Эта мысль показалась мнѣ весьма разумною и похвальною. Я приготовился принять съ должною почестію любезную бутылку, какъ вдругъ, вмѣсто ожидаемаго засмоленнаго горлышка, увидѣлъ, что капитанъ вытаскиваетъ узкій и плоскій ящичекъ, видъ котораго внезапно перевернулъ вверхъ ногами всю мою идею и въ-минуту отбилъ всю мою надежду.

Вытащивъ ящичекъ, капитанъ отперъ его посредствомъ маленькаго ключика, и моему взору представилась пара богато отдѣланныхъ пистолетовъ.

— Понимаете? сказалъ онъ тогда, пристально смотря на меня.

Я понималъ, что комедія принимаетъ видъ драмы, и искалъ на помощь все свое хладнокровіе, чтобы усмирить моего кровожаднаго спутника.

— А! вы хотите сдѣлать акустическій опытъ? отвѣтилъ я, какъ только могъ равнодушно. Густота воздуха дѣйствительно дѣйствуетъ на силу звука, и на той высотѣ, на которой мы теперь находимся, опытъ долженъ представить весьма любопытные результаты.

— Дѣло не объ акустикѣ, ни объ музыкѣ, ни о физикѣ, — трубо возразилъ ревнивецъ : дѣло въ томъ, такъ вы спокойно заглянете въ дуло пистолета, какъ заглядываетесь на чужихъ женъ.

— Это что? сказалъ я, притворяясь изумленнымъ.

— А это то, что насъ пришло сюда двое, а уйдетъ одинъ.

— Однако жъ, мой любезный капитанъ...

— Однако жъ, мой милый, такъ тому и быть!

— Мнѣ кажется, что всё же надобно сначала объяснить.

— Пожалуй. Объясненіе будетъ не продолжительное. Видите, я не то, что парижскіе мужья. Я, извольте мнѣ дать, Корсиканецъ. Быть-можетъ, я и кажусь вамъ очень смѣшонъ, да мнѣ до этого нѣтъ ни малѣйшей надобности. Я ревнивъ, и не скрываю, что ревнивъ. Называйте это слабостью, какъ угодно. Человекъ, который станетъ искать понравиться моей женѣ, съ той самой минуты становится моимъ смертельнымъ врагомъ, какъ-будто далъ мнѣ пощечину или плюнулъ въ лицо. А вы-то именно этотъ человекъ!

— Я? вскричалъ я, всплеснувъ руками.

— Вы, именно вы, отвѣчалъ ревнивецъ.

И продолжалъ бормотанье, похожее на глухой хрюк кабана, капитанъ началъ заряжать пистолеты.

Опасность становилась неизбежною; нельзя было терять ни минуты.

— Позвольте, только два слова, проговорилъ я, стараясь какъ-можно болѣе принять на себя видъ человека хладнокровнаго и чувствующаго свое достоинство. Вы обвиняете меня въ томъ, что я желалъ понравиться мадамъ Баррети. На это я скажу, что надобно было слѣпымъ, чтобы не отдать должной справедливости всѣмъ ея превосходнымъ качествамъ; не это еще доказываетъ, будто вы можете обижаться тѣмъ почтеніемъ, которое къ ней питаютъ другіе. Большая разница между почтеніемъ и любовью; да и сама любовь, если она ни чѣмъ не выражена, не можетъ служить поводомъ къ такой крайности, къ которой вы теперь прибѣгаете: оскорбиться можно фактомъ, а не мыслию.

— Ахъ, Господи! какъ вы неподобно разсуждаете! отвѣчалъ капитанъ, шаря въ своихъ карманахъ. Вамъ нужны факты? Хорошо! вотъ вамъ и факты.

И въ то же мгновение онъ уставилъ мнѣ передъ глазами, почти подъ самымъ носомъ, мое вчерашнее красно-рѣчивое посланіе.

Ударъ былъ жестокий и неожиданный; у меня не стало умѣнья отвратить его, и я только пробормоталъ:

— Не постигаю, что общаго между этой бумагой

и.....

— Эта бумага писана вами, заревѣлъ мосье Баррети. Не стану входить въ особое разбирательство дѣлъ глухостей, которыя тутъ сказаны на мой счетъ; раздѣлка будетъ за весь итогъ содержанія; но, мадамъ, теперь вы видите, что я знаю все. Вчера вечеромъ, ожидая, конечно, что жена моя не прійметъ этого письма, вы булавкою прикололи его къ ол. платню.

— Прикололъ булавкою!! вскричалъ я въ удивленіи.

— Да нашла-то не жена, а я. Женатомъ, не только не читала этого вздору, но и не подвѣриваешь, что такой вздоръ есть на свѣтѣ. На этотъ разъ, ваше краснорѣчие пропало даромъ. Не правда ли, ошибка очень забавная?

Тѣмъ временемъ какъ капитанъ говорилъ все это съ величайшей ироніей и съ видомъ совершеннаго убѣжденія, на меня нашелъ какъ-будто туманъ, такъ, что не зналъ, во снѣ ли я это вижу, или на яву. Едва-едва могъ я наконецъ понять, что странные варианты исторіи моего письма, суть не что иное какъ дѣло предательства мадамъ Баррети, котораго я становился жертвою. Но что же могло побудить ее воспользоваться инквизиторскою привычкою своего мужа и заставить его найти это проклятое письмо? Отгадать трудно, но въ не менѣе предательство очевидно: я былъ игрушкою ужаснѣйшей мистификаціи!

— А? какъ вы думаете? сказалъ капитанъ, видя, что сохраняю мертвое молчаніе: вѣдь вы не отпоретесь своей руки?

— Не отпираюсь ни отъ чего, отвѣчалъ я съ горькою улыбкою. Принимаю на себя отвѣтственность и за писмо, и даже за булавку, насмѣшливо приколывагъ я следовательно, дѣло кончено. Вы считаете себя обиженнымъ, и требуете удовлетворенія. Согласенъ.

— Прекрасно, сказалъ москѣ Баррети, забывая пуля въ одинъ изъ пистолетовъ.

— Согласенъ, только не здѣсь и не теперь : я не иду безъ секундентовъ.

— Повольте, возразилъ капитанъ, продолжая свои воинственные приготовления. Мы сошлись въ сущности въ вещи : это главное ; что касается до подробностей, считаю васъ неспособнымъ на приказные крючки, особенно когда вы узнаете, что причины уважительныя принуждаютъ меня дѣйствовать такъ, какъ дѣйствую теперь. Я знаю, что москѣ Ришомъ рассказывалъ въ прошлогодній случай со мною въ Барезжъ. Просидѣлъ три мѣсяца въ тюрьмѣ за дуэль по всемъ правиламъ, это ужасно ! Оттого-то я и поклялся, что ужь въ другой разъ не попадусь въ руки полиціи. Секунды вѣчно разболтають, и всегда кончится тѣмъ, что королевскій прокуроръ сунетъ носъ въ чужое дѣло, правда, въ Швейцаріи, да здѣсь на это еще хуже, какъ во Франціи. Чтобы намъ избавиться отъ всѣхъ хлопотъ, я вотъ что придумалъ. Видите эти двѣ щины ? Въ каждую изъ нихъ можетъ свободно пройти цѣлый слонъ : этого-то намъ и надобно. Вы стоите на край одной, я на край другой. Кинемъ жеребѣю, кому стрѣлять первому, и станемъ палить до тѣхъ поръ пока не послѣдуетъ результатъ. Можно держать пулю противъ одного, что тотъ изъ насъ, который раненъ, свалится въ трещину, возлѣ которой сидитъ. Ужь лучше дай Богъ ему быть убиту. Во всякомъ случаѣ, его смерть будетъ приписана собственной неосторожности. Теперь вы понимаете, отчего я не иду провожатаго.

Мосье Баррети продолжалъ съ ужаснымъ спокойствіемъ выхвалять всѣ выгоды своего плана, который съ самаго начала мнѣ показался достойной выдумкой людскаго; но я уже не слушалъ его болѣе. Слова капитана пробудили во мнѣ воспоминаніе объ одномъ происшествіи, отъ котораго волосы поднялись дыбомъ. Я вспомнилъ, что, назадъ тому нѣсколько лѣтъ, посѣтивъ Шамуви, слышалъ разсказъ о трагической смерти одного англійскаго путешественника. Несчастный упалъ въ разъяну, и, черезъ три года потѣмъ, его тѣло, очень хорошо сохранившееся, выплыло на Авейронъ, который служитъ источникомъ каналамъ ледника... Ужасная участь! А и мнѣ грозила подобная! Отъ этой мысли мнѣ, какъ петлей, сощемило горло. Я вообразилъ, каково будетъ мнѣ катиться въ эти бездонныя пропасти, которыя совсѣхъ сторонъ окружали меня. Я вообразилъ себя на глубинѣ нѣсколькихъ сотъ футовъ, внезапно стиснутаго постепеннымъ сближеніемъ ледяныхъ скалъ, раздавленнаго ихъ ужаснымъ натискомъ. Отъ одной этой мысли, я уже задыхался, и, въ эту торжественную минуту, всѣ человѣческія приличія исчезли передъ воиющимъ голосомъ животнаго инстинкта, побуждающаго каждую тварь къ своему личному сохраненію. До этихъ поръ, я всё-еще сидѣлъ на льду, наступивъ капитана; вдругъ, посредствомъ отчаяннаго прыжка, очутился съ нимъ рядомъ. Одной рукой я вырвалъ у него пистолетъ, который онъ еще заряжалъ, другою поднималъ заряженный, и, съ размаху, далеко откинулъ ихъ; капитанова палка, отъ пинка ногою, вылетѣла въ пропасть, а я, упираясь на свою, перекинулъ въ нѣсколько секундъ три четыре очень потѣшныя трещины, и сталъ въ безопасности отъ преслѣдствій кровожаднаго врага.

— Трусъ!.... негодяй!....

— Такъ началъ кричать мосье Баррети, когда успѣлъ основательно отъ моей быстрой и нечаянной продѣлки.

Мы были одинъ, отъ другаго въ разстояніи пятидесяти шаговъ. Онъ не имѣлъ оружія, и, безъ помощи палки, не могъ перепрыгнуть отдѣляющихъ насъ трещинъ. Поэтому я остановился, и, обращаясь къ нему, сказалъ :

— Я не трусь и не негодаю. Вы знаете мое имя; я живу въ Парижѣ, на Тревизской Улицѣ, номеръ, осмой. Вы всегда найдете меня готовымъ къ вашимъ услугамъ, и я не откажусь съ вами рѣзаться, но только по обычаю людей честныхъ. Если вы меня убьете, то я желаю, чтобы мои кости легли въ порядочной землѣ, а не въ этихъ льдахъ, гдѣ бы я былъ похожъ на замороженнаго морскаго рака. Не пытайтесь выбраться отсюда безъ палки: непременно сломайте шею. И сейчасъ прицѣлю вамъ проводника.

И, не слушая свирѣпыхъ ругательствъ капитана, я заднагалъ, но дедлику съ такимъ проворствомъ, къ какому, и не считалъ, себя способнымъ. Я бѣгомъ спустился къ гриндельвальдской гостинницѣ, и, вѣрный данному слову, тотчасъ послалъ проводника къ капитану, о которомъ, сказалъ, что онъ заблудился въ ледникѣ. Потомъ, не переводя духу, я побѣжалъ въ Аутербруннедъ. Усталости я не чувствовалъ, и, лишь вспоминая про трещины на льду, такъ летѣлъ словно на крыльяхъ. Въ гостинницѣ, гдѣ мы ночевали, нашлась, очень кстати, обратная лошадь въ Интерлакенъ: я тотчасъ же сѣлъ на нее, и, благодаря безпрестанному хлестанью, приѣхалъ къ тунскому озеру въ половину меньше времени, чѣмъ рѣзять обыкновенно. Пароходъ только-что собрался отчаливать: я сѣлъ на него. Въ Тюнгъ я опять нанялъ верховую лошадь, и, на закатѣ солнца, возвратился въ замокъ мосье Ришона, гдѣ, ужъ конечно, меня не ожидали.

Я не пошелъ въ главные ворота, а, слѣдая, боковой аркой и прообразовъ въ паркъ, черезъ калитку. Для объясненія этого поступка, нахожу необходимымъ ска-

ить, — хотя бы оно и поведило мнѣ въ мнѣніи чита-
 телей насчетъ моего великодушія, — что, не проник-
 нувъ еще тайныхъ причинъ поведенія мадамъ Баррети,
 я былъ уже дотого золъ на нее, что жандаль отчаян-
 ной мести. Я рассчитывалъ, что, вѣроятно, послѣ объ-
 да всѣ выйдутъ въ садъ, и что тамъ я найду какъ-ни-
 будь случай встрѣтить измѣнницу одну. Уже не лю-
 бивъ, а негодование возбуждало во мнѣ желаніе этой
 встрѣчи. Я обѣщалъ себѣ быть великолюбно холо-
 днымъ, убійственно насмѣшливымъ, словомъ, сдѣлаться
 стрѣе булавки, которою она такъ предательски при-
 няла мое несчастное письмо.

Изъ-за шпалеръ, за которыми я скрывался, былъ
 виденъ одинъ изъ выходовъ замка, и я вскорѣ замѣтилъ
 несколько незнакомыхъ мнѣ особъ, прѣхавшихъ, на-
 обно думать, послѣ моего отъѣзду. Посреди ихъ на-
 чинался хозяинъ дому, но не было видно ни его жены,
 ни мадамъ Баррети. Я уже хотѣлъ перейти для наблю-
 деній въ другое мѣсто, какъ-вдругъ мимо меня мельк-
 нула мадамъ Ринионъ: она шла очень скоро и каза-
 лась очень недовольною. Не знаю, какой тайный голосъ
 шепталъ мнѣ, что она ищетъ сестру, и я машиналь-
 но пошелъ въ сторону, противоположную той, въ ко-
 рую вошла Цезарина. Шагъ за шагомъ, я зашелъ
 конецъ въ самую уединенную аллею, и внезапно
 упалъ словно вкопанный, какъ собака надъ птицей.

Не больше какъ въ тридцати шагахъ отъ моей осо-
 бы, прошли мадамъ Баррети и мой другъ Мальшаръ.
 Она опиралась на его руку, и, поднимъ немного голо-
 ву, часто смотрѣла ему въ глаза. Они шли медленно
 и разговаривались почти безпрестанно. Не воображая
 себя свидѣтелей, оба разговаривали довольно громко;
 и, безъ ихъ рѣчей, уже понялъ всю великость моей
 ошибки.

— Небудь, небудь еще! говорилъ Мальшаръ тѣмъ то-
 номъ, которымъ воркуютъ горлицы.

— Боюсь, чтобы не замѣтили нашего отсутствія, отвѣчала предательница. Цезарина опять будетъ бранить меня.... Ахъ, если бы ты зналъ какъ она мучитъ меня изъ-за тебя! Вѣрно, и теперь насъ нищетъ.

— Э, пусть бранить! По-крайней-мѣрѣ вѣдь ты уверена, что она намъ не измѣнитъ.

— Она такъ меня любитъ!

— Я думаю, Цезарина любитъ тебя столько же, сколько ненавидитъ меня.

— Нѣтъ, она тебя не ненавидитъ, а только боится опасности, которую я накликаю. Скажи, не права ли она? Все это мнѣ кажется сномъ, и я боюсь пробудиться. Вотъ, уже день прошелъ; пройдутъ еще два: и онъ возвратится!

Мадамъ Баррети глубоко вздохнула.

— Два дня..... это вѣчность для тѣхъ, кто любить! отвѣчалъ Мальшаръ драматическимъ голосомъ.

Наступила минута краснорѣчиваго молчанія.

— Все меня беспокоитъ, все меня страшитъ, задумчиво говорила мадамъ Баррети: даже мое маленькое кокетство съ твоимъ пріятелемъ мнѣ кажется теперь преступленіемъ. Но ты хотѣлъ этого.

— Буду хотѣть и впередъ. Не этой ли славной шуткѣ мы обязаны нашимъ сегодняшнимъ блаженствомъ?

— Дѣло въ томъ, что не онъ одинъ принялъ эту шутку за серьезное. Боюсь, не слишкомъ ли далеко мы зашли. Это письмо, пришпиленное къ платью....

— Восхитительная выдумка! смѣясь прервалъ Мальшаръ. Это электрическій проводникъ, по которому гроза сбѣжитъ на сосѣднее поле.

— Это-то меня и пугаетъ.... Онъ такой вспыльчивый! Что, если они поссорятся?.....

— Полно, не безпокойся! Дюрантонъ малой благо- разумный, осторожный....

— И порядочно самонадеянный, прибавила мадам Баррети съ насмѣшливой улыбкой. Я думаю, онъ теперь вполне увѣренъ, что покорилъ меня своимъ напыщеннымъ слогомъ, своими большими глазами, въ которыхъ нѣтъ ни какого выраженія.

Я не могъ удерживаться болѣе, и въ одинъ скачокъ, какъ бомба, упалъ передъ изумленными любовниками. Мадамъ Баррети вскрикнула въ ужасъ и отшатнулась. Мальшаръ поддержалъ ее, и, вперивъ въ меня взоръ, спросилъ живо и рѣшительно :

— Другъ или недругъ ?

— Недругъ, стремительно отвѣчалъ я.

— Очень хорошо. Я сейчасъ буду къ вашимъ услугамъ. Позвольте мнѣ только проводить мою даму въ замокъ.

— Позвольте сами сказать мнѣ нѣсколько словъ вашей дамѣ и принести ей должную благодарность.

— Ни полслова! вскричалъ онъ повелительнымъ голосомъ. Подождите меня здѣсь.

И они ушли.

Теперь мечь была въ моихъ рукахъ. Но, сказать со совѣсти, я чрезвычайно жалостливъ отъ природы. У меня не злое сердце. Довольный громкимъ дѣйствіемъ моего появленія, я счелъ недостойнымъ себя употребить во зло мое явное превосходство надъ непріятельницей.

— Она женщина, сказалъ я самъ себѣ : будемъ же милкодушны.

И, признаюсь, въ эту минуту я считалъ себя великимъ почти наравнѣ съ Августомъ, прощающимъ Дану.

Пожавшая назадъ и впередъ, я сталъ ожидать моего друга Мальшара. Онъ скоро возвратился. Видно, и Эдмондъ, съ своей стороны, успѣлъ надуматься, потому что, вмѣсто бѣшенства, съ которымъ, я думалъ, онъ

подойдет ко мнѣ, увидѣвъ, напротивъ, что лицо его очень весело.

— Скажи-ка, мой милый, откуда ты тутъ очутился? — сказалъ онъ, пріятельски взявъ меня подъ руку. Ну, можешь похвастать, что чертовски перенюгалъ меня. Я принялъ тебя за кабана. А гдѣ онъ, Синяя-Борода? Надѣюсь, что не былъ спрятанъ тутъ, вмѣстѣ съ тобою; а не то, дѣло выйдетъ ужасно запутанное.

Такая рѣчь явно доказывала, что Мальшаръ не жаждетъ моей крови; да и я, невзирая на новыя открытія, нисколько не хотѣлъ его смерти, и потому заговорилъ въ его тонъ:

— Прежде всего, объясни, пожалуйста, мистификацію.

— Весьма справедливо, спокойно отвѣчалъ онъ: ты подстерегъ мою тайну, такъ ужъ всё-равно, я тебѣ все выскажу. Ты честный человекъ, и, конечно, не измѣнишь. Видишь въ чемъ дѣло: я влюбленъ не въ мадамъ Ришомъ, а въ ея сестру.

— Это ужъ не новая новость! вскричалъ я.

— Вотъ какъ это случилось. Прошлымъ годомъ, покомосье Баррети сидѣлъ въ тюрьмѣ за известную тебѣ дуэль, жена его жила въ Тулузѣ, у своей тетки. Тамъ я съ нею и встрѣтился.

— Понимаю. Но какимъ же образомъ я-то попалъ въ эту интригу?

— Капитанъ, какъ ты знаешь, воплощенная ревность. Онъ еще съ-роду меня не видывалъ, и мнѣ было необходимо отвѣсть отъ себя его подозрѣнія. Единственный способъ былъ предложить его ревности другую цѣль.

— Такъ ты и пожаловалъ меня въ пирогъ, который хотѣлъ заткнуть пасть этого чербера..... Покорный благодарю! По-крайней-мѣрѣ, хотя бы предупредилъ.

— Тогда бы ты разыгралъ свою роль не такъ натурально.

— А мадамъ Ришомъ заживириваетъ глаза?

— Напротивъ, такъ и смотритъ въ оба, и съ утра до вечера говоритъ сестрѣ проповѣди. Да я наэто неомотъ. Она думаетъ, что ты мой наперсникъ.

— А! такъ вотъ причина ея холодности. Ужъ не полагаютъ ли она, что я, дая твоего удовольствія, нарочно подговорилъ москѣ Баррети на Гриндельвальдъ?

— Она въ этомъ увѣрена, смѣясь отвѣчалъ Мальшаръ.

— Послушай, мой милый, сказалъ я, тоже стараюсь жить. Я считаю, что обманывать таковыя нравы — дѣло непохвальное, несправедливое, и потому, предупреждаю, что ровно въ пять часовъ утра отправлюсь обратно въ Парижъ.

— Ахъ, чортъ возьми! я опять буду въ ужасномъ удивленіи. Нашъ людоедъ ужъ такъ сотворенъ, что необходимо свѣжее мясо, и, если я чуть-чуть дамъ проголодаться, такъ онъ, чего добраго, проглотитъ меня самого. Правда; здѣсь есть молодой человекъ изъ Ліона, который еще только вчера пріѣхалъ соею матерью, и уже перемѣнилъ пять галстуховъ: хочется пустить его въ ходъ. Онъ имѣетъ одинакой вкусъ: ему мадамъ Баррети тоже очень нравится. Да, кстати! что жъ ты сдѣлалъ съ нашимъ мальшаромъ?

— Я разсказалъ Мальшару сцену на ледникъ: онъ только хохоталъ, что я съ нимъ также расхохотался. Скажи ему и гляди, что ревнивецъ завтра пріѣдетъ! за это Эдмондъ, и отъ этого замѣчанія веселость его, Мальшаръ, поуменьрилась.

— Скажи ему поклонъ и отдай мой адрессъ, если увидишь его. Я всегда къ его услугамъ.

— А ты ужъ рѣшительно ѣдешь?

— Что жъ бы ты приказалъ мнѣ здѣсь дѣлать?

— Да.... то же, что дѣлалъ.

— Видишь!.... Не говори никому, что я возвращался

въ замокъ. Теперь проберусь тихонько въ свою комнату и лягу спать : смерть спать хочется !

— По-приятельски ? сказалъ Мальшаръ , протягивая мнѣ руку.

— По-приятельски ! отвѣчалъ я , хотя и чувствовалъ , что не совсѣмъ охотно прощаю его.

Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня , я оставилъ замокъ мосьё Ришомъ , не простившись ни съ кѣмъ , и вывелъ съ собою изъ Швейцаріи урокъ , который послужилъ мнѣ въ большую пользу . Теперь я уже не вѣрю взглядамъ женщинъ : зато вѣрю ихъ словамъ . Скептики можетъ-быть , и тутъ еще станутъ сомнѣваться и спорить .

==

ИНФАНТА

МАРІЯ-АННА-ВИКТОРІЯ.

=

НОВЕЛЪ ГОСПОДИНА РОЖЕ ДЕ-ВОЗОАРА.

=

Въ сентябрь тысяча-семьсотъ-двадцать-четвертаго года, наследникъ португальскаго престола, молодой князь лѣтъ шестнадцати, пріѣхалъ въ Парижъ инкогнито, подъ именемъ простаго дворянина. Несмотря на свою юность, онъ уже ходилъ на совершеннолѣтнее. Красота, ловкость и благородная осанка его, были еще замѣтнѣе при смугломъ лицѣ какъ у Мавра : слышавши на принца, нельзя было не вспомнить, что португалія близкая сосѣдка Африки. Онъ имѣлъ стройнаго станъ, выразительные глаза и чудесные зубы. Однакожь, подъ блескомъ его цвѣтущей наружности, тотъ же можно было примѣтить какую-то раннюю скорбь : какъ уже подточилъ корень молодого растенія. Благодаря климату своей родины, Португалецъ, въ шестнадцать лѣтъ, такъ же способенъ къ любви какъ двадцати-лѣтній, и страсти производятъ въ немъ иногда губельныя опустошенія. Можетъ-статься, это же случилось и съ тѣмъ, кто называлъ себя въ Парижѣ просто донъ Мануэлемъ ; можетъ-статься, донъ Мануэль уже любилъ, уже боролся съ свирѣпымъ потокомъ страсти : по-крайней-мѣрѣ такъ надобно было думать,

судя по тому, что онъ какъ-то неохотно принималъ участіе въ парижскихъ забавахъ и развлеченіяхъ.

Онъ пріѣхалъ въ Парижъ по дорогѣ въ Англію и Италію. Его сопровождалъ одинъ пожилой господинъ, по имени донъ Инниго, воспитатель и вмѣстѣ шталмейстеръ принца. Донъ Инниго отправлялъ объ эти должности довольно посредственно: шталмейстерскую потому, что былъ болѣе податрой и очень не плотно держался въ сѣдлѣ, а воспитательскую по семидесяти-семи разнымъ причинамъ, доказывавшимъ весьма убѣдительно, что нельзя было выбрать человека меньше его способнаго къ надзору за чѣй-нибудь нравственностью. Онъ былъ добръ какъ овца, снисходителенъ до послѣдней крайности; думалъ только о Лиссабонѣ, жалелъ о тамошнихъ удовольствіяхъ, и поминутно жаловался на то, что прошли его красные дни и любовныя приключенія. Въ Парижѣ, ему пришлось повѣсить на гвоздикъ свою гитару, надѣть пудренный парикъ, и жить въ мерзкой гостинницѣ, чтобы лучше выдерживать инкогнито принца: все это приводило его въ отчаяніе, и онъ былъ самый несчастный человекъ въ мірѣ.

Разъ, этотъ несчастнѣйшій человекъ усялся за столъ и началъ писать длинное донесеніе португальскому королю, своему государю, о состояній политическихъ дѣлъ во Франціи и объ успѣхахъ своего высокаго воспитанника. Онъ доносилъ, что молодой принцъ со дня на день пріобрѣтаетъ приемы, приличные его знаменитому происхожденію, что онъ кланяется отменно, ходитъ удивительно, сморкается съ необыкновенною прѣятностью и силой, учится съ прилежаніемъ, подаетъ надежду быть первѣйшимъ въ свѣтѣ игрокомъ на гитарѣ, и очень милостивъ къ своему наставнику, то есть къ нему, донъ Инниго: словомъ, принцъ хоть куда образецъ всѣхъ совершенствъ и всѣхъ добродѣтелей. Въ заключеніе, воспитатель присовокупилъ, что онъ

высочество совершенно исцѣлился отъ своей безразсудной страсти къ испанской инфантъ; которая должна ѣхать завтра въ Парижъ, въ качество высокообрученной невѣсты короля Людовика XV, вслѣдствіе окончательнаго предложенія, сдѣланнаго мадрицкому двору отъ его Сенъ Симономъ. «Но принцъ объ ней и не знаетъ,» писалъ донъ Инниго.

— Пустяки! вскричалъ въ эту минуту его молодой интанникъ. Вычеркните эти слова: Я не потерплю въ такомъ дѣлѣ. Вы, донъ Инниго, лучше всѣхъ знаете.....

— Что ваше высочество Богъ въдаетъ что забрали съ головы?..... Знаю! Но и вы также знаете, что величество слышать не хочетъ о женитьбѣ вашей испанской инфантъ. Что же тутъ толковать? Или хотите компрометировать себя еще какой-нибудь истією, такой, напримѣръ, какъ въ Мадридѣ?

— Я ничего не хочу: только вычеркните эти слова... вычеркните же!

Но.....

— Ахъ! что за но?... Вычеркните!..... ну, пожалуй-я прошу васъ!

— И будетъ помарка!.... Да какъ это можно!... По какому аккуратнаго донесенія на трехъ страницахъ изъ здѣшняго кабинета, я вдругъ проведу черную черту черезъ дѣльныя полторы строки?.... Но взгляните, съ какимъ тщаніемъ это переписано!... Нѣтъ, ваше высочество! вы сами не знаете, что говорю. — И ктому жъ, прибавилъ торжественно донъ Инниго: король поручилъ мнѣ особенно имѣть наблюденыя вами по этому обстоятельству: слѣдственно, я долженъ представить его величеству отчетъ о подожедномъ сердцѣ.

— Хорошо же! вскричалъ молодой принцъ: съ этихъ поръ я не буду вамъ ничего рассказывать. Я пригла-

иенъ въ Рамбуллѣ на охоту: вы увидите что дѣлать поѣду, ночую.... не дожидаетесь меня! Я думаю, что вы человекъ добрый, чувствительный, не станете страдать моего душевнаго горя; а вы, я вижу, тотъ такой же старикъ, какъ и всѣ старики: злой, упрямый, подозрительный.... Пишите свое донесеніе къ тюшкѣ: мнѣ нужды нѣтъ!

Въ этотъ день при дворѣ короля французскаго, самомъ дѣлѣ, была назначена большая охота. Кардиналъ Флѣри, министръ и дядька Людовика имѣлъ, говорятъ, свои причины позволять юному сударю такія удовольствія: онъ надѣялся ими отъ Людовика отъ дѣлѣ. Король проводилъ цѣлые дни стрельбѣ воробьевъ, напущенныхъ въ залу. Многочисленные враги кардинала шептали, что это растравляетъ здоровье его, и точно, Людовикъ, окруженный порхающими птицами, едва имѣлъ силу спустить курокъ своего ружья; егермейстеръ насильно уговаривалъ его палить смѣлѣе, какъ-будто хотѣли унизить въ сердцѣ Людовика всѣ сѣмена доброты, и явные отцомъ его, герцогомъ Бургундскимъ, такъ похищеннымъ смертью у любви своего сына.

Однако же, въ тотъ день, къ которому относится выше повѣствованіе, охота юнаго короля, по какомъ исключенію изъ общаго правила, была назначена въ домашнемъ птичникѣ: на этотъ разъ ему позволено было погнать оленя. Людовикъ чувствовалъ себя въ всѣмъ здоровымъ, и потому не могъ ѣхать верхомъ: долженъ былъ слѣдовать за охотниками въ экипажѣ. Экипажъ его состоялъ изъ маленькой телѣжки, в которую тащили четыре прекрасныя козы, покрытыя яркими чепраками и убранныя перьями, погребуши золотомъ и дорогими камнями, словомъ, всѣмъ что могло украсить и сдѣлать затѣйливѣе эту дѣловую упряжь. Какъ бы то ни было, оберъ-егермейстеръ величества почтительно вручилъ королю палку.

раю употреблялась для защиты отъ древесныхъ сучьевъ, когда скакали верхомъ. Вооруженный этимъ смиреннымъ скипетромъ, Людовикъ вышелъ на дворъ. На немъ было бархатное платье голубаго небснаго цвѣту, ордена Святаго Людовика и Святаго Духа, кружевные жабо и маншеты, слоенныя неподражаемымъ образомъ, парикъ, осыпанный душистою пудрой, и треугольная шляпа, надѣтая очень кокетливо. Поясъ съ блестящимъ на немъ охотничьимъ ножомъ и сапоги съ шпорами дополняли это щегольское убранство. Почетные придворные не забыли въ этотъ день подумывать Людовика. Четыре чиновника егермейстерскаго вѣдомства, шталмейстеръ и его помощникъ ожидали короля у телѣжки; за ними стояло нѣсколько егерей, стрѣлковъ, доѣзжачихъ и другихъ служителей; пажъ держалъ королевскій карабинъ.

Наконецъ повѣхали. Охота началась. Молодой король, отъ радости, билъ въ ладоши. Въ нетерпѣніи, онъ двинулъ впередъ свою телѣжку, и такимъ образомъ отступилъ въ довольно значительномъ разстояніи отъ оленей. Вдругъ видитъ, что нѣсколько гончихъ собакъ, привалившись у охотниковъ, гонятся за оленемъ вплавь черезъ прудъ. Скоро быстроное животное было окружено ими: въ бѣдствѣ и въ отчаяніи, оно нагнуло рогающую голову и кинулось съ быстротою стрѣлы прямо на Людовика. Опасность была ужасна: ружье короля осталось въ рукахъ егермейстера; ему нечего оборониться. Онъ ухватился одной рукой за сукъ дерева, другою за свой охотничій ножъ. Но въ это время надъ лѣсу раскатился громъ выстрѣла, и олень, мертвый, упалъ къ ногамъ Людовика.

Кто смѣлъ стрѣлять прежде его величества? Эти слова были сказаны на той сторонѣ пруда. За нимъ наступила глубокая тишина удивленія. Подоспѣвъ къ королю придворные остановились отъ ужаса, чувствуя опасность, которой онъ подвергался. Король

былъ блѣдень. Онъ выпрыгнулъ изъ телѣжки и вдругъ увидѣлъ передъ собою донъ Мануэля, который былъ вчера представленъ ему португальскимъ посломъ подъ видомъ престогаго путешественника.

— Донъ Мануэль!.... это вы!... я вамъ обязанъ своимъ спасеніемъ!

Блѣдный Людовикъ кинулся обнимать Португальца. Между-тѣмъ нѣсколько кавалеровъ окружили донъ Мануэля, и взапуски осыпали его вопросами и привѣтствіями.

— Славно прицѣлились! сказалъ маркизъ де-Сенъ-Бри. Но, какъ вы сюда попали? Par la sambleu! вы только пріѣхали.

— Да, я только пріѣхалъ, скромно отвѣчалъ Мануэль: а что касается до выстрѣла, такъ согласитесь, господа, могъ ли я промахнуться, видя опасность и мужество его величества?

— Bravo! bravo, донъ Мануэль! кричалъ герцогъ де-Шаролё, осаживая коня, покрытаго цѣной: вы дѣлаете честь королю Португалліи. Отдайте свою лошадь и карабинъ моему Гаспару: мы пѣшкомъ, подъ-руку, воротимся съ вами въ замокъ.

— Нѣтъ, mon cousin, перебилъ Людовикъ: донъ Мануэль поведетъ со мною, въ моей телѣжкѣ. Я хочу торжественно представить его кардиналу и герцогу Бурбонскому.

Мануэль поклонился и сѣлъ возлѣ Людовика. Придворные перешоптывались, глядя на двухъ молодыхъ людей, изъ которыхъ одинъ былъ нѣженъ какъ роза, другой черенъ какъ Эіопъ. Дамы находили Мануэля прелестнымъ и очень интересовались признаками задумчивости, сквозившими въ его смуглой физиономіи.

Между-тѣмъ телѣжка катилась, и между двумя молодыми принцами незамѣтнымъ образомъ установи-

люта дружеская короткость; та искренность; та которую такъ скоро добрая; неопытная молодость. Къ счастію, кардиналь Флёрн не былъ свидѣтелемъ приключенія, а прѣехалъ тогда уже; какъ все возвратилось къ воядну; отъ этого король не подвергся неудовольствію слышать позанія и бесполезныя прароученія. Онъ былъ въ восторгъ: ему было чрезвычайно приятно выказать свою признательность. Сердце Людовика еще въ сноло теплаго чувства дружбы, ни сладкаго яду любви: ни какой женскій ликъ, ни черты друга, не воздали еще души его; живи въ одиночествѣ, не имѣя друзей наслажденій, кромѣ тѣхъ, на которыя давали ему прароученіе, онъ, въ пятнадцать лѣтъ, чувствовалъ способность говорить, вылить свои ощущенія въ душу какому-нибудь повврннаго, не въ черствыя души своихъ старыхъ учителей и опекуновъ. Все это невольню влекло и привязывало его къ донъ Мануэлю. За объѣдомъ, который слѣдовалъ тотчасъ послѣ охоты, онъ посадилъ его возлѣ себя и рекомендовалъ герцогу Бурбонну, Ришліё и другимъ вельможамъ. Радость и удовольствіе его были дотога сильныя, что онъ почти забылъ стараго кардинала, какъ вдругъ тотъ, наклонясь къ его уху, шепнулъ, что ему пора итти почивать. Людовикъ былъ избалованъ регентомъ, его смеходительнаго, его тонкимъ умъземъ приравливаясь къ величественнаго государя: Отъ этого грубое напоминаніе показалось ему еще досаднѣе, и онъ былъ въ вешутя разсердиться. Долгій и веселый объѣдъ случайно нравился Людовику; пышность стола, богатые и изящныя костюмы присутствующихъ, острые шутки, живыя шутки, красота и нескромная одежда, и въ взглядѣ; и въ уловительное дыханіе, все это казалось ему какимъ-то новымъ для него міромъ, внушало ему мысли и чувства, которыхъ онъ еще никогда не испытывалъ. Кардиналь Флёрн стоялъ въ свосемъ: надобно было

повиноваться. Принцессы и принцы, следуя установленному обычаю, проводили короля до дверей его комнаты. Толстый камеръ-фурьеръ шелъ впередъ съ двумя огромными подсвѣчниками, въ которыхъ горѣло по нѣскольку свѣчекъ. Подойдя къ дверямъ, онъ передалъ ихъ пажу. Кардиналъ и герцогъ Бурбонскій одни послѣдовали за Людовикомъ въ опочивальню. Гардеробмейстеръ спросилъ, какое платье угодно его величеству надѣть завтрашній день. Король хотѣлъ отвѣчать, но кардиналъ перебилъ его.

— Его величество завтра изволитъ выѣхать рано въ восемь часовъ. Объ этомъ ужъ дано знать дежурному камеръ-юнкеру. Въ полдень всѣ чиновники его величества должны ожидать его въ луврскомъ павильонѣ.

Гардеробмейстеръ вышелъ. Проливной дождь хлесталъ въ окончины. Черезъ нѣсколько минутъ, съ королемъ остался одинъ кардиналъ. Онъ вынулъ изъ дорогаго футляра женскій портретъ, осыпанный бриллиантами, и показалъ его Людовику, который долго разсматривалъ его съ любопытствомъ. Наконецъ кардиналъ также ушелъ, погасивъ своими руками послѣднюю свѣчку, оставшуюся въ комнатѣ. Молодой король всталъ съ постели, вытащилъ изъ-подъ подушки миниатюръ, и принялся опять смотреть на него при свѣтѣ ночной лампы. Вопреки всѣмъ его усиліямъ, Людовику какъ-то не спалось. Онъ вспоминалъ объ онисности, отъ которой такъ странно забавился, и о донъ Мануэлѣ. «Что это за человѣкъ? чего онъ хочетъ въ Франціи?» думалъ Людовикъ.

Между-тѣмъ и принцъ португальскій также страдалъ бессонницей. Онъ давно слышалъ отъ донъ Инго, что есть предположеніе женить французскаго короля на испанской инфантѣ, но не вѣрилъ своему италийскому мастеру: онъ думалъ, что старикъ морочитъ его, с намѣреніемъ исцѣлить отъ любви. Въ нынѣшній вечеръ однако жъ всѣ придворные говорили между с

бою, что инфанта уже прїѣхала и остановилась въ луврскомъ павильонѣ. Эта новость ошеломила душу Мануэля вверхъ дномъ. Онъ чувствовалъ, что любовь его возгарается съ новою силой. Но что ему дѣлать? что предпринять? Донъ Инниго, котораго молодой принцъ считалъ болѣе за шпіона, чѣмъ за добраго и снисходительнаго наставника, конечно воспротивится всему, что бы онъ ни предпринялъ; донъ Инниго, вѣрно, тотчасъ увезетъ его изъ Парижа. Съ рѣшимостью, свойственной молодымъ лѣтамъ и пламенному характеру, онъ вдругъ принялъ намѣреніе скрыться на нѣсколько времени изъ-подъ надзору своего гувернера, и, вместо того чтобы воротиться изъ Рамбуддѣ въ Парижъ, написалъ къ донъ Инниго письмо, которое отдалъ первому встрѣчному почталіону для доставленія по адресу.

Въ тотъ же вечеръ педагогъ и шталмейстеръ получили записку слѣдующаго содержанія.

«Донъ Инниго, вы несносный тиранъ. Отъ вашихъ строгостей, жизнь сдѣлалась мнѣ ненавистна. Не ищите меня; не надѣйтесь никогда меня видѣть: я погибъ навѣки, и для всѣхъ и для всего свѣта. Судьба, поразившая меня нынче похлѣбъ несчастіемъ, сама указываетъ мнѣ что я долженъ дѣлать. Сегодня же глубокія воды Сены....»

— Ахъ, Боже мой! Боже мой! скорѣе бѣжать и спасти его! вскричалъ донъ Инниго, забывъ, что его хворыя ноги ни за что въ мірѣ не окажутъ ему этой услуги. Мануэль, милый мой Мануэль!.... Что теперь подумаетъ его величество?.... А я еще сегодня по утру писалъ къ нему такое похвальное слово Мануэлю!.... Эй! кто тамъ!.... проворнѣе! лошадь! карету!.... Поѣду къ посланнику.... вѣтъ! къ оберъ-полиціймейстеру: это будетъ взрывъ!.. Эй! да что же никто нейдетъ?.... Эй! лошадь! карету!

Крики отчаяннаго старика были услышаны содержателемъ гостиницы. Онъ прибѣжалъ съ своими

людьми въ комнату донъ Иниго и нашелъ его въ положеніи, непохожемъ на съумасшествіе. Старикъ стоялъ какъ деревянный, смотрѣлъ на нихъ блуждающими глазами, не могъ поворотить языка, и только съ чрезвычайнымъ усиленіемъ наконецъ успѣлъ привести въ движеніе свои руки, которыми началъ размахивать какимъ-то страннымъ и непонятнымъ образомъ. Трактирщикъ и слуги равно ничего не понимали. Наконецъ однако же донъ Иниго вышелъ изъ комнаты, опираясь на двухъ служителей, которымъ хозяинъ велѣлъ держать его, чтобы больной, въ своемъ страшномъ припадкѣ, не надѣлалъ какихъ-нибудь бѣдъ. Отдохнувъ на воздухѣ, онъ приблизился къ парапету, которому окаймлена набережная Сены, и устремилъ глаза въ темныя волны рѣки. Сена была спокойна, ночь накупила на нее свою черную епанчу, и какъ луны не было на небѣ, то воображеніе донъ Иниго могло разгуляться безъ всякаго затрудненія. Не спуская глазъ съ вечно движущейся поверхности, онъ каждую минуту ожидалъ, что изъ глубины ея покажется голова Мануэля, но въ глубины ни что не являлось, и донъ Иниго, уставъ и соскучившись бродить по берегу, направилъ стопы свои къ Лувру, гдѣ и сѣлъ на скамью подъ окнами одного павильона. Въ этомъ самомъ павильонѣ остановилась инфанта испанская. Звуки нѣсколькихъ инструментовъ побудили старика оглянуться. Онъ увидѣлъ, что окна павильона озаряются яркимъ свѣтомъ: внутри зажегли свѣчи, и на бѣлыхъ шелковыхъ занавѣсахъ начали двигаться женскіе силуэты. То была не балъ, но скорѣе что-то въ родѣ концерта, составленнаго, вѣроятно, изъ однихъ женскихъ голосовъ, потому что голоса эти были звонки и трогательны. Итальянскіе ступи въ на скамью, въ надеждѣ слышать какія-нибудь полезныя или пріятныя наблюденія надъ пѣвцами. Между тѣмъ фантазмагорія голосовъ начала постепенно исчезать: пѣніе становилось тише, тише, и

наконецъ были слышны только уже два голоса, которые никакъ не могли поладить между собою, одинъ свѣжій, серебристый, очевидно голосъ молодой дѣвушки, другой жесткій, скрыпучій, безъ-сомнѣнія голосъ старухи, если не карканье вороны.

Вниманіе донъ Инниго было возбуждено въ высочайшей степени, не только пѣніемъ, но и словами, потому что пѣли одну изъ тѣхъ прелестныхъ сервентъ, которыми оглашаются берега задумчиваго Мансанареса. Шталмейстеру даже казалось, что онъ узнаетъ скрыпучій старушничій голосъ, сопровождаемый звуками люты, на которой играла чья-то искусная рука. Онъ изъ всѣхъ силъ таращилъ глаза свои; но окошко было и мелко и закрыто занавѣсомъ. Донъ Инниго едва дышалъ; съ наслажденіемъ и съ глубокою горестью глядя онъ родные звуки: можетъ-статься, въ душѣ его возбуждались далекія, милыя воспоминанія. Но вдругъ все утихло; черезъ нѣсколько секундъ занавѣсъ медленно поднялся, окошко раскрылось, и донъ Инниго увидѣлъ фигуру, которая, сколько онъ могъ разсмотрѣть, должна была принадлежать какой-нибудь почетной манской дамѣ. Она подошла къ окну и оперлась на него, вѣрно, чтобъ подышать чистымъ воздухомъ. Темная ночи препятствовала шталмейстеру разглядѣть ее. Дама была одѣта вся въ черное: кромѣ серебряныхъ аграмантовъ, которыми были убраны ея рукава и нижняя часть корсажа, ни что не нарушало угрюмості этого будто-траурнаго наряда. Сухая и длинная шея торчала изъ пышной фрезки, на головѣ былъ чепчикъ изъ чернаго кружева. Дама еще держала въ рукахъ труду, по которой она распѣвала такимъ бѣднымъ голосомъ. Донъ Инниго могъ въ-волю наблюдать, съ какимъ аппетитомъ она глотаетъ разные куски, вынимая ихъ изъ большой вызолоченной корзинки, и эта прожорливость, еще болѣе нежели голосъ, дали шталмейстера, что онъ видитъ передъ собою

первую статсъ-даму инфанты, герцогиню Барбару де-Рокка-Негра. Добрый шталмейстеръ имѣлъ свои резоны помнить эту герцогиню.

Между-тѣмъ дама отошла отъ окошка. Наступилъ часъ ложиться спать, и донъ Инниго замѣтилъ, что огни въ павильонѣ начинаютъ гаснуть: остался только одинъ огонекъ въ самомъ верхнемъ этажѣ дворца, гдѣ помѣщалась свита инфанты. Вдругъ судьба привела донъ Инниго быть свидѣтелемъ странной сцены, которая поразила его еще сильнѣе появленія знакомой статсъ-дамы. На доскѣ, служившей локотникомъ при окошкѣ, гдѣ горѣлъ огонекъ, показалась кукла. Дѣвѣ руки, привычныя къ дѣлу, приводили ее въ движеніе, передъ единственнымъ зрителемъ, который стоялъ сложивъ руки въ глубинѣ комнаты. Посредствомъ остроумнаго механизма, кукла исполняла разные жесты, и, кажется, очень занимала человѣка, который глядѣлъ на нее молча. Черезъ нѣсколько минутъ фокусникъ, вмѣсто ея, взялъ еще двѣ или три другія куклы, и тѣ также двигались, кланялись, присѣдали. Эта забава продолжалась до самой полуночи: наконецъ на луврскихъ часахъ пробилъ двѣнадцать, огонекъ погасъ, видѣніе исчезло.

— Охота же забавляться такими дурачествами! сказалъ самъ про себя донъ Инниго. Правда и то, инфанта еще въ такомъ возрастѣ, что ей простиительно играть куклами. Но человѣкъ, который теперь упражнялся въ этой забавѣ, показался мнѣ старикомъ?..... А! это, видно, лейбъ-кукольникъ ея высочества!

Донъ Инниго печально побрелъ домой, и, дорогою молилъ Божию Матерь Аточскую, чтобы она сохранила и помиловала его воспитанника, потому что донъ Инниго, обстоятельно обо всемъ размысливъ, утѣшилъ себя надеждою, что Мануэль хотѣлъ только сыграть надъ нимъ штуку и скрылся не съ тѣмъ, чтобы въ самомъ

дѣлъ утопиться, какъ сказано въ письмѣ его, а только, чтобы свободнѣе предаваться своей любви къ испанской инфантѣ.

Вслѣдствіе всего этого, намѣреніе, принятое шталмейстеромъ, было такое, чтобы, для пользы и безопасности португальскаго принца, войти немедленно въ сношенія съ герцогиней де-Рокка-Негра, въ памяти которой онъ надѣялся еще сохранять маленькое мѣстечко. Онъ хотѣлъ предупредить герцогиню о страсти донъ Мануэля къ инфантѣ, и заодно съ нею придумать мѣры, чтобы молодой человекъ не могъ увидѣться съ невѣстой Людовика XV. Разодѣвшись едва не до-свѣту въ свое парадное платье, вычищенный, напудренный и помолодѣвшій, донъ Инниго явился у воротъ Лувра. Въ входы и выходы дворца, по приказанію кардинала, были охраняемы крѣпкою стражею; внутри также былъ учрежденъ строгій надзоръ. Около павильона, въ которомъ жила невѣста, спозаранку тѣснилась толпа любопытныхъ: часовые то и дѣло потчивали ихъ алебардами. Подъѣхала раззолоченая карета, и изъ нея вышла герцогиня де-Вангадуръ, вся въ брилліантахъ и въ лучахъ радости, что она удостоилась назначенія быть французскою гувернантою при дочери Филиппа V. Донъ Инниго вошелъ за ней во дворецъ. Во второй залъ остановилъ его гофмейстеръ инфанты.

— Я желалъ бы видѣть герцогиню де-Бокка-Негра, первую статсъ-даму ея высочества, сказалъ донъ Инниго.

Эти слова, произнесенныя твердо, на португальскомъ нарѣчій, сдѣлали выгодное впечатлѣніе на маркиза де-Санта-Круса, который умѣлъ различать людей. Богатый нарядъ донъ Инниго, его голова, закинутая назадъ, и два ордена, блестящіе на груди его, внушили маркизу де-Санта-Крусу мысль, что передъ нимъ стоитъ какая-нибудь значительная особа. Онъ разсуждалъ, что донъ Инниго можетъ имѣть какое-нибудь

важное дѣло до статсъ-дамы, и потому приказалъ тотчасъ же проводить его въ ея комнаты.

Статсъ-дама кушала свой утренній шоколадъ. Она была въ-пухъ разряжена и держалась какъ палка, пряма, неподвижна, боясь пошевелиться, чтобы не лопнули швы ея шелковой робы и не повыскакали булавки, которыми она была вся утыкана. Подъ тройнымъ подбородкомъ ея висѣла салфетка, тщательно завязанная и разложенная, въ благоразумной предосторожности, чтобы не замарать платья. Брусничный цвѣтъ носу свидѣтельствовалъ, что достойная герцогиня не прочь отъ лишней рюмки хереса, а усы — что она, въ продолженіи путешествія, должна была отказаться отъ услугъ горничной, которой должность состояла въ истребленіи у статсъ-дамы этого не-женскаго украшенія. На щекахъ лежалъ толстый слой румянъ; серьги, цѣпочки и разнаго роду металлическія привѣски, входившія въ великолѣпный нарядъ ея, звенѣли какъ погремушки на ослѣ андалузскомъ. Шталмейстеръ вошелъ безъ церемоніи и назвалъ герцогиню за-просто гармоническимъ именемъ Барбары.

— Барбара! милый, несравненный мой другъ!

— Что это значитъ, сеньоръ?.... Какъ вы осмѣливаетесь?....

— Входить безъ доклада? подхватилъ донъ Иниго. О! моя восхитительная Барбара! звезда моя! луна моя солнце, планета! развѣ это въ первый разъ такъ случилось? Помните, въ Мадридѣ, по веревочной лѣстницѣ...

— Ахъ! это сеньоръ донъ Иниго!.... онъ еще живъ сказалъ тоненькій голосъ въ углу комнаты, гдѣ стояла Марикита, довѣренная камеристка герцогини.

— Молчать, Марикита! вскричала герцогиня съ величавою строгостью: ты очень глупа. Вынеси этотъ подносъ и доложи мнѣ, какъ проснется ея высочество.

Марикита вышла.

— Что вам угодно сеньоръ? спрашива тогда статсъ-
дана у донъ Инниго.

— Предостеречь васъ отъ одного оболъстителя.... да,
сеньора! отъ оболъстителя, который покушается на
сердце вашей инфанты. Изволите видѣть; у меня есть....
есть, у меня былъ..... одинъ молодой человѣкъ,
котораго отдали на мое попеченіе, подѣ мой надзоръ,
онъ влюбленъ безъ памяти въ вашу принцессу, точь-
въ-точь какъ я былъ влюбленъ въ васъ въ тысяча-шестъ-
съ-двѣдцать-двѣдцать-двѣдцать-двѣдцать-двѣдцать-двѣдцать
году. По всѣмъ моимъ сооб-
щеніямъ, этотъ молодой человѣкъ, ежели только онъ
будетъ писать къ инфантѣ, а можетъ-статься и
идеть случай переговорить съ нею или подождать
какого-нибудь посредника, или какую-нибудь посред-
ницу, или.... и почему я знаю, что онъ сдѣлаетъ! Но
въ томъ, что это обстоятельство очень важно. Васъ
было при инфантѣ во время одной процессіи, три
года тому назадъ. Какъ Испанка, вы знаете, что у васъ,
Мадридѣ, набираютъ молодыхъ людей и молодыхъ
девушекъ, наряженныхъ геніями....

— Ну, знаю. Я сама прежде....

— И вотъ, чтобъ потѣшить моего Мануэля.... его зо-
вутъ Мануэлемъ, этого душечку..... я сверучно
люблю его, разодѣлъ пребогато, прелестно: длин-
ныя локоны, множество бѣлыхъ перьевъ и крыльщи-
чекъ, картонныя, обтянутыя атласомъ. Онъ былъ чу-
днѣе всего, какъ милъ. Въ карманы ему я насыпалъ кучу кон-
фектъ, и онъ ѣлъ ихъ безпрестанно во время всей
процессіи, какъ вдругъ... Ахъ! зачѣмъ вы тогда при-
шли желудочное? зачѣмъ вы не были при инфантѣ?
Вдругъ, экипажъ принцессы вдругъ зацѣпилъ за что-
то, столкнулся, и принцесса уронила въ рѣку букетъ,
который былъ у нея въ рукахъ. Мой воспитанникъ,
увидѣвъ это, кидается въ воду, выхватываетъ букетъ,
подаетъ принцессѣ, а вода такъ и льется съ атласныхъ
плышекъ: все испорчено!

— Да, я слышала объ этомъ, сказала статсъ-дама. Ужасное нарушение этикета! По правиламъ, одна изъ насъ бы право....

— Кинуться въ воду?.... Гмъ! вы тогда принимали желудочное. Но обратимся къ моему Мануэлю. Когда онъ подалъ цвѣты инфантъ, ваши мадритскіе будочники.... прескверный народъ! пренеучтивые!... кинулись на него, какъ коршуны на добычу, схватили, поволокли. Я ихъ уговаривать : ничего не бывало ! еще толкуются. А инфанта во все это время.... вообразите ! она сдѣлала ему ручкой, потомъ подняла глазки къ небу, вздохнула, и говоритъ такимъ сладенькимъ голоскомъ « Бѣдняжка! » Ну, можете вообразить, что сдѣлалось со мной Мануэлемъ, какъ онъ услышалъ такія слова. Голова его пошла словно мельница : влюбился ужасно. Ктому жъ и сама инфанта, какъ она называла его бѣдняжкой, глядѣла на него такъ нѣжно, такъ ласково, какъ, помните, лѣтъ двадцать тому назадъ, я глядѣла на васъ, когда вы танцевали волеро. Этотъ случай помню, былъ прежде паденія моего съ веревочной лестницы, которую вашему супругу вздумалось подрѣзать для шутки ; что чрезвычайно разстроило мое здоровье.

— Вашъ Мануэль меня нисколько не беспокоитъ, сказала герцогиня, желая удержать потокъ воспоминаній о ея двусмысленныхъ похожденияхъ. Вы говорили, кажется, мнѣ въ Мадридѣ, что онъ сынъ какого-то неаполитанскаго дворянина и отданъ вамъ подъ опеку.

— Да-съ, точно такъ. Могу васъ увѣрить, что онъ разстался съ нимъ съ большимъ сожалѣніемъ.

— Гдѣ жъ онъ теперь? что вы сдѣлали съ этимъ молодымъ человѣкомъ?

— Я.... я потерялъ его, моя безподобная Барбаресса! потерялъ вчера! Но, во всякомъ случаѣ, вы слышите, что ежели повѣса успѣетъ проскользнуть изъ Лувръ и сойдется съ инфантой, то это будетъ страшная, бѣдственная: весь городъ заговоритъ, и...

скій король узнаеть, португалльскій тоже, и мнѣ останется только повѣситься.

— Не безпокойтесь: я не дремлю; мой глазъ за всѣмъ смотритъ. Апартаменты ея высочества и комнаты всѣхъ чиновниковъ, дамъ, фрейлинъ, слугъ и служанокъ, все находится здѣсь въ моемъ завѣдываніи: муха не пролетитъ, чтобы я того не узнала! Да притомъ вся свита ея высочества состоитъ изъ однихъ Испанцевъ, кромѣ старика Суареса, механика, родомъ изъ вашей Португалліи, котораго инфанта сдѣлала своимъ *boneseiro*, то есть, кукольнымъ мастеромъ. Но онъ нѣмой: слѣдовательно, нѣтъ ни какой опасности.

На этомъ мѣствъ разговоръ статсъ-дамы и донъ Иниго былъ прерванъ прибытіемъ герцогини де-Вантадуръ и мадамъ де-Субизъ, которыя вошли ужасно разгнѣванныя тѣмъ, что ихъ заставляютъ такъ долго ждать представленія принцессъ. Статсъ-дама, нахмурившись, отвѣчала, что ея высочество еще спитъ, но гости возразили, что это не правда, что инфанта съ кѣмъ-то дружески разговариваетъ, завершись въ своей комнатѣ.

— Что жъ это значитъ? пробормотала статсъ-дама и повела ихъ въ апартаменты принцессы, между-тѣмъ какъ шталмейстеръ отправился къ португалльскому посланнику.

Дамы подошли къ дверямъ инфантиной спальни: въ замкѣмъ дѣль заперто. Герцогиня де-Бонка-Негра позанилала, постучалась, еще покашляла: нѣтъ отвѣту. Наконецъ однако же замѣкъ шелкнулъ, и пригожее личико Марикиты высунулось изъ комнаты. Три благородныя дамы нашли инфанту сидящую на кучѣ вышитыхъ шелками подушекъ съ огромными кастями по угламъ; около нея было разбросано множество куколъ; Суаресъ подбиралъ ихъ и располагалъ порядкомъ въ сѣдственной комнатѣ. Марія-Анна-Викторія была въ простой батистовой юбкѣ, въ косыни изъ чернаго кружева, безъ румянъ и безъ мушекъ, въ испан-

скою національною прическою, убраннымъ разноцвѣтными лентами, и въ кожаныхъ туфляхъ, которыя чуть держались на ея маленькихъ ножкахъ, потому что состояли изъ однихъ подошвъ съ узенькими передниками, едва закрывавшими пальцы. Если бы не дорогія бриллантовые серьги, никто бы не могъ вообразить, что это дочь испанскаго короля Филиппа V. Крупныя четки, между которыми было нанизано нѣсколько маленькихъ образковъ на финифти, медалей и разныхъ золотыхъ и серебряныхъ бездѣлушекъ; висѣли съ правой стороны на ея поясѣ. Физиономія принцессы еще не лишилась ясности дѣтства и выражала сердечную доброту. Зубы ея были немножко попорчены сладкими лакомствами, но ротикъ, формою и свѣжестью, входилъ на молодецкій розанъ.

Увидѣвъ вошедшихъ дамъ, принцесса встала и возниклась.

— Вчерашняя церемонія, сказала она: это длинное представленіе и потому концертъ, такъ меня утомили, что мнѣ до-смерти хотѣлось разсвѣять себя, и я заставила Марикиту говорить съ моими куклами. Хотите посмотреть моихъ куколъ? Онѣ изъ Испаніи.

Герцогиня де-Вантадуръ улыбнулась и взглянула на мадамъ де-Субизъ. Статсъ-дама спросила инфанту, почему она о-сю-пору не одѣвается.

— Прилично ли это, ваше высочество? инфанта всея Испаніи, принцесса изъ дому Карла-Пятаго... въ простой батистовой юбкѣ! разговариваетъ съ этимъ иль-мымъ дуракомъ! съ этой служанкой!... Ахъ, Боже мой, Боже мой!... Марикита! убери сейчасъ комнату; и позови камеръ-юнгферъ одѣвать инфанту.

— Опять вчерашнее! печально сказала молодая принцесса, взглянувъ на нарядъ, который внесли ей камеръ-юнгферы. Король ужъ видѣлъ меня въ этомъ платьѣ!

— И ваше высочество показались ему восхитительными, подхватила герцогиня де-Вантадуръ.

— А какъ онъ пѣвнмся вашимъ очаровательнымъ голосомъ! примолвила мадамъ де-Субизъ. Но вотъ голосъ другой особы, которая пѣла съ вами послѣ концерта, когда мы уѣзжали и слушали подь окномъ.... о! но не то!

— Это мой голосъ, сударыня, сухо сказала герцогиня де-Рокка-Негра. Кажется, онъ не имѣлъ счастья вамъ понравиться: гмъ!.... Вы пріѣхали доложить мнѣ, что къ ней будетъ король; но я должна предупредить васъ, что ея высочество сейчасъ займется моею: не угодно ли вамъ принять это въ соображеніе и сократить свой визитъ?

Мы считаемъ долгомъ слѣдовать обычаямъ жизни высочества, отвѣчала мадамъ де-Вантадуръ, кусая губы. Но прежде позвольте намъ выполнить приказаніе ея величества: онъ желаетъ сегодня видѣть принцессу одѣтую по-французски.

По-французски? съ пудрой какъ вы? вскричала мадамъ де-Субизъ. О! какое счастье! Ея величество удивительно угадалъ мое желаніе.... Мнѣ такъ понравились вчера ваши дамы!

Какъ по-французски? съ важностью произнесла герцогиня де-Бокка-Негра: инфанта всея Испаніи.... по-французски! Да развѣ она ужъ обвѣнчана съ Людовикомъ XV? Притомъ, я думаю, ни одно французское платье не будетъ ей въ-пору; она ни одно не найдеть своей талии.

Какъ ваше высочество изволите находить это? сказала мадамъ де-Вантадуръ, давъ знакъ стоявшему у ея служителю, чтобы онъ подошелъ и раскрылъ шкафъ, который былъ у него въ рукахъ.

Прелестно! прелестно! вскричала инфанта. — Попробуйте, герцогиня, примолвила она, обращаясь къ мадамъ де-Субизъ: какъ хороша эта матерія! какой запахъ! какая отдѣлка!.... Ахъ! король французскій не до крайности!

— Это мой вкусъ, сказала мадамъ де-Вантадуръ, снисливо окинувши взглядомъ всѣхъ присутствующихъ. Въ вашему высочеству также нужны мушки, пудра....

— Мушки, пудра.... ахъ! какъ это весело! Скорѣе скорѣе! Я хочу сейчасъ одѣваться.

Марикита раздвинула широкія ширмы вокругъ стола. Инфанта мигомъ сбросила свою юбочку, кружевную косынку, поясъ съ четками, головной уборъ: хотѣлось тотчасъ превратиться въ Французенку. Вои каммеръ-юнгферы, присланные отъ короля; кто съ перчатками, кто со шпильками, кто съ булавками, съ мушками, съ румянами: испанскій штатъ принцессы сморщился на нихъ завистливыми глазами. Инфанта пришла хала Кастиланкой, и ее хотѣть сдѣлать Французенкой. Между-тѣмъ превращеніе это шло своимъ чередомъ, шло, надо сказать, чудесно. Полныя плечи инфанты вырвавшись изъ-подъ ревниваго корсажа, обнаруживали свои прекрасныя линіи; живость глазъ ея, черныя какъ уголь, пламенныхъ какъ огонь, казалась еще ярче отъ пудры, которая молодила самыхъ пожилыхъ кокетокъ прошлаго столѣтія. Можетъ-статься, инфанта была немножко смугла, не ослѣпляла бѣлизной, собственноручной красавицамъ странъ болѣе сѣверныхъ, но ея фізіономіи было столько игры, столько жизни, столько пріятности, что мадамъ де-Субизъ, и герцогиня Вантадуръ, переглянувшись между собою, взаимнымъ видомъ особъ знающихъ дѣло, безъ словъ утверждали, что принцесса будетъ со-временемъ одной изъ самыхъ прелестнѣйшихъ женщинъ въ цѣлой подсолнечной. Что касается до почтенной статсъ-дамы, то, когда инфанта подошла спросить ея мнѣнія, она указала часы и на четки.

Черезъ нѣсколько времени, невеста Людовика, во всемъ блескѣ молодости, красоты и великолѣпнаго туалета, сидѣла раскинувшись на голубомъ атласномъ диванѣ, въ большой и высокой комнатѣ, убранной

изысканною роскошью и вкусомъ. По стѣнамъ шелковья обои и гигантскія зеркала; на обояхъ вензеля изъ двухъ буквъ Л и М, вышитыхъ золотомъ; на потолкѣ живописныя голубки и амурь; въ углахъ мраморныя тумбы съ огромными жирандолями; на столикахъ, на каминѣ, на окнахъ бездна разныхъ украшеній, золото и фарфоръ, статуи и вазы.... Вдругъ раздался громъ колесъ: экипажъ остановился у павильона, и, секунду спустя, Людовикъ вошелъ въ комнату.

Свита короля состояла только изъ двухъ человѣкъ: изъ одного младшаго гувернера, который слѣдовалъ за его величествомъ, и изъ духовника, который шелъ впереди. По знаку отца Линьера, всѣ удалились, и инфантъ осталась только Марикита, сидѣвшая на табуретѣ у ногъ ея. Герцогиня де-Бокка-Негра была очень недовольна этимъ распоряженіемъ; но отецъ Линьеръ сказалъ ей, что знатнѣйшая дама французскаго двора, маркиза де-При, просить у нея аудіенціи, и это слово, «аудіенція», успокоило герцогиню, польстивъ ей самолюбію.

Король взглянулъ на инфанту. Лицо его сіяло отъ радости. Пролепетавъ установленный комплиментъ, въ которомъ было что-то и насчетъ вчерашняго концерта, онъ далъ волю своему юношескому чистосердечію.

— Вы ужь Французенкой! вскричалъ онъ: какъ скоро!.... прекрасно!

Людовикъ взялъ ее за руку и подвелъ къ зеркалу...

— Это лицо, лучше всѣхъ моихъ просьбъ, смягчило сердце кардинала. Я отъ него насилу отдѣлялся. Вообразите: онъ заставляеть меня читать проповѣди, да еще какія? своего сочиненія!.... Лучше же я стану читать Мессальюна.

— Такъ вы бонтесъ кардинала? простодушно спросила инфанта.

— Охъ! боюсь.

Т. XLIX. — Отд. II.

— И я также боюсь герцогини, моей статсъ-дамы. Она пресердитая, и.... вообразите! усы, а сама черная, худая.... ужасъ какая гадость! И мучить меня безпрестанно.

— А меня кардиналъ всякой день заставляетъ читать мою родословную, да течение главныхъ рѣкъ въ Европѣ : очень весело! Но мало того : онъ еще вѣдываетъ, малъ-было, чтобы я съ вами не видался сегодня. «Завтра, говорить : за обѣдней.» Къ-счастію, я догадался ему сказать, что это значитъ насильно вводить меня въ грѣхъ, потому что я буду ужасно разсѣянъ, видя васъ въ церкви?... Французское платье вамъ очень идетъ на лицо.

— Право? я правлюсь вамъ въ этомъ платьѣ?

— Удивительно!.... По милости моихъ гувернеровъ я ни слова не разумѣю по-испански; но какъ я вѣкъ послушалъ ваши романсы, такъ теперь непременно выучусь. Хотите меня учить?

— Пожалуй. Какъ у васъ здѣсь все убрано! какъ порядно! У насъ, въ Эскуріалѣ, нѣтъ такихъ фарфоровыхъ вазъ. Надъ моей кроватью вы велѣли повѣсить портреты короля и королевы Испаніи; следовательно я буду спать словно дома, и, проснувшись поутру, могу здороваться съ папенькой и съ маменькой.

— Вы счастливѣе меня : у васъ есть папенька и маменька.

— Да. Папенька, хоть сердить, однако жъ любитъ меня. Маменька часто мнѣ говорила объ васъ. Я видѣла нѣсколько вашихъ портретовъ, но французскіе живописцы вамъ не польстили : вы, такъ, гораздо лучше чѣмъ на портретѣ.... Ахъ, да! я хочу васъ попросить объ одной вещи. Оставьте при мнѣ Марикиту, она ко мнѣ очень привязана и, точно какъ я, терпеть не можетъ моей герцогини; сверхъ-того Марикита прекрасно танцуетъ фанданго и умѣетъ играть въ волаанъ. А вы любите играть въ волаанъ?

— О! до-смерти!

— Ну, такъ мы сегодня же вечеромъ поиграемъ. Мы выйдемъ въ садъ, а то, здѣсь, я боюсь перебить эти прекрасныя чашки. — Ахъ! какъ мы будемъ счастливы! прибавила инфанта, невинно играя орденомъ, висящимъ на груди Людовика. Я, прежде всего, удалю отъ двора свою несносную герцогиню. А вы съязвете то же съ кардиналомъ, не правда ли?

— Какъ хотите, отвѣчалъ Людовикъ, котораго мягкій характеръ не могъ противиться глазамъ милой принцессы.

— Но теперь вамъ надобно познакомиться съ моими куклами, продолжала она. Знаете ли? у меня есть одна, которая точь-въ-точь похожа на герцогиню. Суаресъ сдѣлалъ ее для меня. Она спрятана: я играю этой куклой потихоньку, только тогда, когда нѣтъ герцогини.

— Ахъ! покажите. Вѣрно, вы бьете ее, правда?

— О! разумѣется. Бью всякой разъ, какъ герцогиня выведетъ меня изъ терпѣнія. Это случается часто. Марикита! дай мнѣ статсъ-даму.

Марикита открыла ящикъ и вынула куклу, которая въ самомъ дѣлѣ была похожа на герцогиню де-Рокка-Негра: такая же длинная, тонкая, черная, и въ такомъ же костюмѣ.

Инфанта посадила ее къ себѣ на колѣни и стала дергать за руки и за голову.

— Вообразите, говорила она: герцогиня терпѣть не можетъ вѣселей прелестной Франціи. «Здѣсь дурно вѣрятъ шоколадъ; здѣсь дѣтъ ананасовъ.» Боже мой! будетъ только и счастья, что ананасы!... Ахъ! она мнѣ до-смерти наскучила... продолжала инфанта, передразнивая ухватки и голосъ статсъ-дамы. «Ваше высочество, не глядите въ окно; это противно правиламъ этикета. Ваше высочество, не кушайте этого; будете не-

здоровы. Ваше высочество, не играйте въ воланъ : устанете.» И вѣчно всё этикетъ, этикетъ !... А какая злая ! Вчера вечеромъ Марикита вдругъ плачетъ. «Что ты, Марикита ?» — «Ничего-съ, герцогиня не позволила мнѣ сегодня ѣсть, зато, что я капнула оржадомъ на ея платье.» Представьте себѣ ! Ну, да мы ужъ и раздѣлались за это съ куклой ! Видите, рука выломлена. Надо отдать Суаресу, чтобъ починилъ. Марикита ! возьми ее.

— И конечно, примолвилъ Людовикъ : неравно зайдеть герцогиня.

— Нѣтъ, намъ еще съ четверть часа можно побыть однимъ. Но что же мы станемъ дѣлать ? Хотите, Марикита будетъ танцовать ? И я тоже : хотите ? Марикита ! кастаньеты !

И принцесса, вооруживъ кастаньетами свои прелестные пальчики, начала порхать передъ Людвигомъ въ живомъ, упоительномъ фанданго. Король былъ вни себя.

— Теперь ваша очередь, сказала она, падая на подушки.

— У насъ танцуютъ одинъ менюэтъ, отвечалъ Людовикъ.

— Менюэтъ ?.... Это прелестно ! Я никогда не видалъ менюэта. Протанцуйте ; покажите мнѣ, что это такое.

— Но менюэтъ не танцуется безъ дамы, сказалъ Людовикъ. Дайте мнѣ свою руку.

— Съ удовольствіемъ.

Король и инфанта попытались выполнить нѣсколькихъ фигуръ менюэта, но дѣло, разумѣется, не могло идти очень успѣшно, потому что хотя Людовикъ танцовалъ удивительно, зато дама его рѣшительно не умѣла ступить.

— Вашъ менюэтъ, вѣрно, кардиналъ выдумалъ, сказала инфанта.

Король засмѣялся, но въ это время вошли отецъ Динеръ и герцогиня де-Рокка-Негра, первый съ извѣстемъ, что Людовика ожидаетъ учитель географіи, а послѣдняя съ напоминаніемъ, что инфантъ пора пойти. Молодые люди должны были сказать другъ другу прощанье.

— До свиданія вечеромъ, шепнула инфанта. Уже въ саду, въ воланъ.

И они разстались.

По окончаніи молитвы, герцогиня вышла, оставивъ инфанту опять одну съ Марикитою. Наперсница, по повеленію, разставила принцессины игрушки и ожидала своей повелительницы; но инфанта, на этотъ разъ, не спѣшила къ своей привычной забавѣ: она продолжала держать въ рукахъ молитвенникъ и съ величайшимъ вниманіемъ разсматривала одну страницу. Случившись долгимъ ожиданіемъ, Марикита встала по праву повѣрпной, заглянула, на что такъ смотритъ инфанта: она увидѣла на страницѣ, привлекательное вниманіе принцессы, имя, написанное, видно, съ поспѣшностію, потому что написавшій его тотчасъ сложилъ книгу, и оно отпечаталось на противуположной страницѣ.

Мануэль! невольцо произнесла Марикита.

Инфанта вздрогнула и оглянулась.

Кто это могъ написать? сказала она съ замѣшательствомъ. Молитвенникъ мой былъ здѣсь, а сюда не могъ никто, кромѣ тебя и Суареса. Неужели герцогиня?

Нѣтъ, это мужской почеркъ, возразила Марикита.

Кто?.... гдѣ-то оный, бѣдненькой? вѣрно, умеръ: давно не получали о немъ ни какого извѣстія.

Да, три года, съ той самой процессіи.... Это удивительно, Марикита: я до-сихъ-поръ такъ и вижу его передъ собою.... Какъ онъ тогда былъ хорошъ! и какъ смелъ! Когда онъ мнѣ подалъ букетъ, то глаза его,

кажется, говорили : « Я люблю васъ » ! Можетъ-быть это грѣхъ, Марикита, но я цѣлые два мѣсяца каждую ночь видѣла его во снѣ. Онъ мнѣ представлялся все съ крылышками, съ изломанными.... Бѣдный молодой человекъ ! я не знаю, кто онъ таковъ, но мнѣ его смерть жалко. Можетъ-статься, онъ теперь страдаетъ гдѣ-нибудь въ бѣдности и въ несчастіи.

— Полноте, ваше высочество. Поговоримъ лучше молодомъ королѣ. Я не видала другихъ королей, кромѣ вашего родителя, такъ думала, что и этотъ съ длинными усами. А онъ.... ахъ, какой онъ миленькой ! Прекрасный король. Вы съ нимъ будете какъ въ раю.

— Ты думаешь ? сказала инфанта разсѣянно.

— Да какъ же не думать?... Если бъ вы видѣли какими глазами онъ смотрѣлъ на васъ, когда вы танцевали !

Принцесса улыбулась.

— Но кто жъ это написалъ ? спросила она, задумавшись.

— А Богъ знаетъ, отвѣчала Марикита. Здѣсь все недосудно. Какъ вы думаете, кого я видѣла сегодня поутру. О-сю-пору смѣяться хочется, какъ вспомню.

— Кого же это ?

— А вотъ видите. Вамъ вѣдь извѣстно, что, прежде нежели меня опредѣлили къ вашему высочеству воспитывалась у герцогини. Въ то время къ ней хаживалъ въ гости одинъ знатный баринъ, и хаживалъ не всегда въ дверь, какъ обыкновенно водится, а другими дорогами. Разъ, случилась презабавная штука : баринъ этотъ лѣзъ къ намъ въ окно, да вдругъ упалъ, весь перепачкался, ушибся.... смѣхъ такой, и Господи ! Его звали донъ Иниго де-Карденасъ. Разсите же : я сегодня видѣла его у нашей старшей дамы ; пришелъ такой разряженный, распудренный. Да смотрите ! смотрите ! вонъ они опять прогуливаются вмѣстѣ по саду.... Ай-да Парижъ !

Ифанта взглянула въ окно и въ самомъ дѣлѣ увидѣла довѣ Инниго въ жаркомъ разговорѣ съ статсъ-дамою.

— Чуть ли они не ссорятся, сказала Марикита.

— Боже мой! вскричала ифанта. Знаешь ли, Марикита? вѣдь это тотъ самый старикъ, который былъ съ Мануэлемъ, въ той процессіи.... Ахъ, если бъ намъ можно было узнать отъ него что-нибудь про Мануэля!

— Боже избави! онъ вѣдь герцогининъ любовникъ; пусть ей перескажетъ: бѣда! Да и что вамъ этотъ Мануэль? Мануэль: что за имя? Много-много, если онъ какой-нибудь простой дворянинъ.

— Не знаю. Мнѣ сказали только, что онъ Португалецъ.

— Фи! Португалецъ! Король, вашъ батюшка, воевалъ съ Португальцами! А впрочемъ, я думаю, есть хорошенькіе и между ними. Я знала въ Мадридѣ одного, который продавалъ апельсины и пѣлъ прекрасныя пѣсенки. Онъ былъ такой милашка, что я хотѣла выйти за него замужъ.... Да позвольте-ка, ваше высочество! нашъ Суаресъ тоже родомъ изъ Португаліи: не знаетъ ли онъ Мануэля? Спросимъ.

— Спросить у нѣмага!.... у человѣка, который служитъ при мнѣ по кукольной части!.... Можно ли это? только съ одной тобой такъ откровенна.

— Ну, такъ я спрошу. Ему надо починить герцогини. Позову и начну спрашивать.

— Какъ хочешь. А я стану писать письмо къ маменькѣ, мнѣ хочется по-скорѣе увѣдомить ее о своемъ приѣздѣ въ Парижъ и какъ меня приняли.

Черезъ нѣсколько минутъ, Суаресъ былъ уже въ процессиныхъ комнатахъ и разбиралъ ея куколь.

— Сеньоръ Суаресъ, не знаете ли вы одного молодого португальца, котораго зовутъ Мануэлемъ?

При этомъ имени, Суаресъ какъ-будто пришелъ въ

замышательство, но, оправившись, отъѣчалъ отрицательнымъ знакомъ. Голова его была закрыта огромнымъ напудреннымъ парикомъ, котораго длинныя бубли висѣли надъ глазами и закрывали большую часть лица; на носу были очки, подъ носомъ множество табачныхъ крошекъ, щеки также усыпаны табакомъ, и все лицо, сколько его было видно, очень походило на маску. Инфанта не могла смотрѣть безъ улыбки на эту чучелу: письмо ея подвигалось впередъ очень тихо. Марикита вскрикнула отъ удивленія, когда инфанта показала, что на немъ нѣтъ ни одного чернильнаго пятна.

— Ужъ видно, что вамъ полюбился Людовикъ, сказала Марикита. Да что и говорить! вы съ нимъ будете славная пара.

Суаресъ сдѣлалъ движеніе, какъ-будто его кольнули булавкой.

— Что вы, сеньоръ Суаресъ? Или починивать нашу статсъ-даму не такъ-то легко, какъ кажется? Правда, ей вчера порядкомъ досталось. Что бы сказалъ донъ Инниго, если бы онъ видѣлъ, какъ мы отдѣлывали его возлюбленную?

Но лишь-только Марикита успѣла выговорить эти слова, какъ почтенный штаймейстеръ, собственною своею особою, явился передъ ея глазами.

— Боже мой! это вы? вскричала она, между-тѣмъ какъ неожиданный гость расшаркивался передъ принцессою. Ваше высочество, имѣю честь представить вамъ того самаго господина, о которомъ мы сейчасъ говорили, донъ Инниго де-Карденаса, обожателя статсъ-дамы вашего высочества, герцогини де-Рокка Негра, и кавалера множества орденовъ.... Какія у васъ еще чины и отличія?

— Я надзиратель донъ Мануэля, началъ говорить донъ Инниго. Ищу моего воспитанника, и какъ мнѣ показалось, что онъ бродилъ около павильона, то....

— Такъ Мануэль живъ? вскричала принцесса. — Впрочемъ, что мнѣ за надобность? примолвила она, опомнившись и принявъ важный видъ, который ужасно смутилъ донъ Инниго.

— Извините меня, ваше высочество, сказалъ онъ. Я осмѣлился прійти къ вамъ по весьма важному дѣлу; только мнѣ хотѣлось бы объяснить его собственно вашему высочеству, безъ свидѣтелей.

Принцесса дала знакъ Суаресу, чтобы онъ вышелъ. Стойный механикъ, съ самаго появленія донъ Инниго, стоялъ оборотившись къ нему спиной, и когда принцесса велѣла ему удалиться, то не заставилъ повторять этого приказанія.

— Смотрите же, сеньоръ Суаресъ, сказала ему Марикита: уже вечеромъ ея высочество будетъ играть съ родемъ въ воланъ, такъ возьмите да осмотрите, все ли исправно.

Суаресъ взялъ воланъ и поспѣшно ушелъ. Между тѣмъ донъ Инниго принялся подробно описывать страсть Мануэля къ принцессѣ и въ заключеніе объявилъ, что съ своей стороны, почелъ долгомъ довести обо всемъ этомъ до свѣдѣнія ея высочества, дабы она приняла свои мѣры.

— Онъ рѣшительно помѣшался, прибавилъ шталмейстеръ. Ни время, ни разлука, ни что на него не подѣйствовало: такъ и бредитъ вашимъ высочествомъ. Я боюсь, что онъ теперь спрячется гдѣ-нибудь здѣсь, и я пошлю васъ, если онъ явится, приказать его выгнать.

— Положитесь въ этомъ на меня! вскричала Марикита: я его выпровожу! Какъ это можно: простой Португалецъ вздумалъ быть соперникомъ короля французскаго! Совѣтую вамъ поискать его гдѣ-нибудь въ ближайшемъ домѣ: вѣрно онъ попался. И дай-то богъ, чтобы его никогда не выпустили: не то, если онъ

вздумаетъ гоняться по улицамъ за принцессиною каретой, такъ, вы знаете, кардиналъ шутить не любитъ.

Донъ Инниго вполне сознавалъ глубокую основательность этого замѣчанія, и потому, не сочтя за нужное что-либо возразить, поклонился и вышелъ.

Когда наступилъ часъ, назначенный для игры въ волянь, Суаресь явился съ инструментами. Король уже дожидался своей невесты. Мило было смотреть, съ какой ложкостью, съ какой граціей и съ какой веселостью, они посылали другъ къ другу легкую ракетку, которая перелетала между ними, описывая правильное полукружіе. Суаресь стоялъ позади короля, Марикита позади инфанты. Герцогиня сидѣла всторонѣ и наблюдала за благочинностью. Игра продолжалась ужъ больше получаса. Вдругъ ракетка упала на колѣни къ герцогинѣ. Статсъ-дама взяла ее, и ту же минуту замѣтила, что въ ней, между перышекъ, всунута маленькая бумажка, вынула ее, спрятала за корсажъ, и съ важностью объявила, что инфантъ-лора ложиться въ постелью.

Не успѣла инфанта заснуть, какъ герцогиня является въ ея комнату.

— Ваше высочество, злой духъ преслѣдуетъ насъ въ Парижѣ. Я сейчасъ допрашивала вашего кукольнаго мастера, и онъ мнѣ сказалъ, что рѣшительно никто не дотрогивался до этой ракетки, а между-тѣмъ я нашла въ ней письмо, котораго содержаніе преступно въ высочайшей степени. Прочтите и судите сами. Я нарочно принесла его къ вамъ, чтобы вы удостовѣрились въ глупости того молодаго человѣка, Мануэля, о которомъ вы мнѣ такъ часто говаривали. Онъ осмѣливается извѣщать васъ этой запиской, что онъ еще живъ. Видите ли, ваше высочество, влюбленные умираютъ отъ любви только въ романахъ, а въ натурѣ совсѣмъ не то, и вы напрасно сокрушались объ участи этого сумасшедшаго.

— А что жъ за бѣда, если я сокрушалась объ участи молодого человѣка, который оказалъ мнѣ услугу и который такъ меня любитъ? Если мнѣ случится его найти, то я не оставлю его безъ помощи : я возьму его ко двору, сдѣлаю своимъ пажомъ.

— Помилуйте! помилуйте! что вы? Инфанта всея Испаніи, принцесса изъ дому Карла-Пятаго....

— Охъ! вы мнѣ смерть надобли. По-вашему, я не должна имѣть при себѣ никого, кто мнѣ нравится : вы готовы отнять у меня и Марикиту.

— Марикита, ваше высочество..... Мнѣ очень больно говорить вамъ объ этомъ, но Марикита, съ этого же дня не будетъ болѣе находиться при вашемъ высочествѣ.

— Какъ?... что это значить?

— Она оказалась виновною въ ужаснѣйшемъ преступленіи : въ покражѣ сладкаго пирога.

— Совсѣмъ нѣтъ, герцогиня. Этотъ пирогъ не она украла. Вы вздумали морить ее голодомъ: я унесла пирогъ и отдала ей.

— Нужды нѣтъ, ваше высочество. Вы не имѣли права брать пирога, и она, во всякомъ случаѣ, равно виновата. Мнѣ одной предоставлена власть награждать и наказывать.

Молодая принцесса залилась слезами.

— Безжалостныя! говорила она : безчеловѣчныя! вы стѣсняете у меня все, что меня забавляетъ, лишаете меня всякаго удовольствія, мучите, держите какъ въ тюрьмѣ.... Ну, да хорошо же! я пожалуюсь Людовику; и онъ придумаетъ что съ вами сдѣлать!

Но эта угроза нисколько не подѣйствовала на герцогиню : зная свои права надъ инфантой, она улыбнулась съ презрѣніемъ и вышла, не сказавъ ей ни слова, а бѣдная принцесса начала плакать еще пуще прежняго.

Эти слезы были какъ-бы предвѣстіемъ горя, которое ожидало ее въ Парижѣ. Обрученіе Людовика съ испанской инфантой подняло при дворѣ кучу интригъ. Честолюбцы раздѣлились на двѣ партіи : одна хотѣла, чтобы Людовикъ женился на Испанкѣ, другая напротивъ старалась всячески этому противудѣйствовать. Первымъ очевиднымъ слѣдствіемъ этихъ козней, совершавшихся въ тишинѣ и сумракѣ, было измѣненіе Лувра: система кардинала Флѣри, который находилъ нужнымъ держать принцессу въ совершенномъ одиночествѣ, превратила веселый замокъ въ какое-то печальное и угрюмое жилище, гдѣ все наводило тоску и уныніе. Павильонъ, въ которомъ жила инфанта, по милости приставленнаго къ ней гофмейстера, сдѣлался настоящей тюрьмой. Испанцы, пріѣхавшіе съ нею въ Парижъ, страшно скучали : принадлежа къ знатнѣйшимъ и богатѣйшимъ фамиліямъ, гранды, ужасные гордецы, они съ неудовольствіемъ видѣли себя здѣсь совсѣмъ въ другомъ мірѣ, который былъ такъ далекъ отъ ихъ міра поклоновъ, важничанья и подобострастія. Французы тоже не были ими довольны. Сперва ихъ манила новостъ предмета, но когда впечатлѣніе новости разсѣялось, когда любопытство было удовлетворено, они стали смотрѣть на принцессу какъ на ребенка, вырвашагося изъ пансіона, а на ея свиту какъ на людей скучныхъ, тяжелыхъ и мало образованныхъ.

Что касается до самой принцессы, то она была настоящей страдальницей. Лишась Марикигы, она лишилась всего : теперь ей не съ кѣмъ стало ни поговорить, ни посмѣяться, ни раздѣлить своихъ мыслей, ни доверять чувствъ своихъ. Строгая и церемоніальная герцогиня, съ нѣкотораго времени, присутствовала при всѣхъ ея свиданіяхъ съ Людовикомъ: свиданія сдѣлались скучны. Но мало того : инфанта должна была утратить и это послѣднее утѣшеніе : Людовикъ, единственная ея отрада, началъ посѣщать ее рѣже, рѣже, и потомъ вдругъ

прекратилъ совсѣмъ свои посѣщенія. «Что это значить?» думала про себя принцесса, и не могла ничего понять. Грустныя мысли поселились въ молодой головѣ ея, тоска овладѣла сердцемъ, слезы почти не просыхали на черныхъ глазахъ.

Въ одну ночь, когда герцогиня, уложивъ ее въ постель, вышла изъ комнаты, принцесса встала, съѣла къ окну, и предалась своимъ размышленіямъ. Она смотрѣла на луврскій садъ, который ей описывали такимъ веселымъ. «Боже мой, какъ меня обманули!» Бѣдняжка попеременно взглядывала то на высокія темныя деревья, то на небо, усыянное мелкими облаками, за которыми пробиралась луна. Все было спокойно, все спало; во всемъ дворцѣ царствовала глубокая тишина, въ саду не примѣтно было ни какого движенія. Вдругъ ей показалось, что лѣстница, дня три тому назадъ представленная къ ея окошку для починки карниза, начала немножко дрожать. Принцесса взглянула внимательнѣе и закричала отъ страху: по лѣстницѣ поднималась челоуѣческая фигура въ широкомъ темномъ плащѣ. Луна вышедши изъ-за облака, осыпала ее серебристымъ свѣтомъ. Инфанта отскочила въ ужасъ: это былъ самъ король.

— Марія! шепнулъ онъ и прыгнулъ въ комнату.

— Что это значить? вскричала инфанта. Вы, король Франціи, ночью, въ окошко.... Что вы дѣлаете?

— Какъ быть! отвѣчалъ король: я не могъ выбить ни времени ни дороги. Короля Франціи держатъ въ дворцѣ его какъ въ тюрьмѣ. Мнѣ надобно поговорить съ вами объ одномъ дѣлѣ, которое не терпитъ отсрочки. Всѣ думаютъ, что я сплю въ Тюильри, а я пробѣдлся пажомъ, и, съ помощію моего вѣрнаго Ніера, отъ пробрался кое-какъ въ вашу комнату.

— Но часовые?... Что, ежели они васъ видѣли?

Инфанта взглянула на короля, и ей показалось, что у него глаза красны, какъ-будто онъ плакалъ.

— Вы плакали, ваше величество?..... Ахъ! кто это огорчилъ васъ?

— Да, Марія, я плакалъ. Смотрите, что осмѣливаются ко мнѣ писать. Противъ насъ съ вами составился заговоръ, какія-то козни.... не знаю, только я увѣренъ, что тутъ замѣшалась маркиза де-При.

Людовикъ подалъ инфантъ письмо, и она прочла слѣдующее :

«Не огорчайтесь, что вы не видите куклы, которая годится только для забавы двора. Дочь Филиппа V и съ вами готова обращаться какъ съ своими куклами. Лучше подождите пока мы съделаемъ васъ королемъ не по-кардинальски. Только будьте осторожны, молчите. Прилично ли вамъ жениться на дѣвочкѣ, которая ни на что не способна, какъ только играть съ вами въ волавъ? Вамъ готовится союзъ, болѣе достойный васъ и Франціи. Черезъ нѣсколько дней, можетъ-быть черезъ нѣсколько часовъ, вы все узнаете..... Богъ и собственное ваше благоравуіе да хранятъ драгоценные дни ваши!»

Инфанта отдала письмо королю и посмотрѣла на него съ сожалѣніемъ.

— Если бъ это случилось при нашемъ дворѣ, такъ виновнаго завтра же не было бы на свѣтѣ!

— Я его наказываю моимъ презрѣніемъ, отвѣчалъ Людовикъ, разрывая письмо. Вы — моя невеста, моя супруга : насъ никто не разлучитъ. Кардиналъ цѣлую недѣлю сказывается больнымъ; но я писалъ къ нему, я требовалъ, чтобы свадьба наша была какъ-можно скорѣе, и онъ обязанъ мнѣ отвѣчать. Посмотримъ : онъ самъ хотѣлъ, чтобы я женился на испанской принцессѣ, тогда какъ дядя мой, герцогъ Бурбонскій, былъ противъ этого.

— Но что же я съдѣлала герцогу Бурбонскому? стодушпо сказала инфанта : чѣмъ я передъ нимъ виновата? Не сомнѣвается ли онъ въ моей къ вамъ любви?

ш!... А кромѣ этого, я, право, не знаю, что бы могло оставить его мѣшать намъ играть въ волянъ.

Король улыбнулся. Инфанта подвинулась къ нему и начала развивать и опять свивать его локоны.

— Послушайте, Людовикъ. Прогоните отъ себя этихъ спорщиковъ. Если бъ я была на вашемъ мѣстѣ, я давно бы отправила герцога въ Сеговию, а кардинала въ какой-нибудь монастырь.... О! въ Мадридѣ не стали бы важничать!

— Право?

— И сверхъ-того я еще велѣла бы Суаресу сдѣлать куклы, которыя бы точь-въ-точь походили на герцога и на кардинала.... Ахъ! какъ къ вамъ присталъ этотъ нарядъ! Жаль, что моя бѣдная Марикита не можетъ васъ видѣть. Но какъ-то вы отсюда выберетесь? Смотрите, какой дождь.

— Садномъ дѣлавъ дождикъ лилъ словно изъ ведра.

— Ну, что жъ! я побуду въ вашей комнатѣ, сказала герцогиня. Намъ надо поговорить обо всѣхъ этихъ дѣлахъ, пока идетъ дождикъ.

— Только молодецъ король и принцесса распорядились говорить о важныхъ дѣлахъ, какъ послышался стукъ въ двери и голосъ герцогини сказалъ: — Смотрите, ваше высочество.

— Мы пропали! вскричалъ король: это ваша статсъ-дама!

— Бѣгите, Людовикъ!

— Куда?... Въ окошко не возможно: идетъ патръ!

— Повторите же, ваше высочество! повторили за герцогиней.

— Скорѣ спрячьтесь вотъ въ этотъ чуланъ.... Тутъ куклы: ужъ не взъищите.

— Дама вошла въ комнату, окинула глазами и сказала: — Вы здѣсь не одни, ваше высочество!

— Я не понимаю, что вы говорите, отвѣчала инфанта.

— Такъ вотъ этотъ пажескій плащъ, можетъ-быть, пособить вамъ понять, что я говорю.

Принцесса смутилась.

— Ваше высочество, начала опять герцогиня : скрываться ужъ нечего. Я знаю все. Какой-то молодой человекъ влезъ по лѣстницѣ въ вашу опочивальню. Меня уведомили объ этомъ запиской, написанной наскоро-руку, карандашомъ. Не знаю отъ кого : она вдругъ вырыгнула ко мнѣ сквозь дверную щель. Ожидаю моего чистосердечнаго признанія : это одно средство избѣгнуть огласки. Говорите же : гдѣ онъ?

— Герцогиня! отвѣчала принцесса съ гордостью прошу васъ сейчасъ выйти изъ моей комнаты. Здѣсь нѣтъ ни кого, ни кого : слышите ли, сеньора? Что касается до вашей записки, то мнѣ до нея нѣтъ надобности. Это, вѣрно, шутка какого-нибудь шалуна, который хотѣлъ васъ потревожить, а кто знаетъ? можетъ-быть, она и отъ вашего любезнаго донъ Инниго, который не-разъ приходилъ къ вамъ по веревочнымъ лѣнцамъ.

Герцогиня поблѣднѣла отъ гнѣва, но удержалась и, еще разъ осмотрѣвъ комнату, сказала : — Пожалуйте мнѣ ключъ отъ этого кабинета.

— Это кабинетъ съ моими куклами, сеньора. У меня нѣтъ ключа : его унесъ Суаресъ.

— Ну, такъ мы позовемъ Суареса.

Герцогиня отвернувшись къ дверямъ, сказала вслухъ слово стоявшей тамъ камеръ-юнгферъ, и, минутой спустя, Суаресъ явился.

— Ключъ!

Кукольный мастеръ потрясъ головою.

— А! такъ и у него нѣтъ ключа!.... Въ такомъ случаѣ, я сама отворю дверь кабинета.

Она хотѣла подойти къ дверямъ : принцесса заступила ей дорогу.

— Я не позволю вамъ съѣзжать ни шагу далѣе. Тамъ нѣтъ ни чего такого, чего бы вы не могли видѣть : но я хочу, чтобы вы положились на мое слово, и ежели не поможитесь, это будетъ обида, которой я не снесу.

— Нужды нѣтъ : я должна видѣть.

— Не увидите.

— А кто же мнѣ запретить ?

— Я, дочь короля испанскаго, супруга Людовика XV, короля французскаго.... Берегитесь, герцогиня !

— Но вы обязаны мнѣ повиноваться.

— Нѣтъ ! вы должны повиноваться мнѣ. Я принцесса изъ дому Карла-Пятаго : сами вы безпрестанно мнѣ это твердите.

— На этотъ разъ я беру всю отвѣтственность на себя. Мнѣ надо видѣть, что въ этомъ кабинетѣ.

— Я запрещаю !

— Запрещаете ?.... мнѣ ?.... Вы забыли, что говорите съ своею статсъ-дамой.

— Нѣтъ, я очень хорошо помню, что моя матушка называла старой дурой свою статсъ-даму, которая мучила ее такъ же какъ вы меня !

При этихъ словахъ герцогиня, внѣ себя отъ бѣшенства, схватила инфанту за руку и хотѣла оттащить ротъ отъ дверей.

— Какъ ? вы смѣете меня трогать ? вскричала инфанта, и, размахнувшись, хлопнула по щекъ гордую бабку.

Старуха задрожала и повалилась на кресла.

— Помощница ! сказала она задыхаясь : помощница твоя дама венанскаго двора !

Раскаяніе и состраданіе ту же минуту пропикли въ лице инфанты : она подбѣжала къ герцогинѣ, осыпала ее ласками, просила прощенія.

Но герцогиня встала и пошла вонъ.

— Хорошо, ваше высочество, сказала она: прощайте! прощайте навсегда! Я болѣе не стану дама вашего величества, король, мой государь, узнаетъ, какъ вы отплатили мнѣ за всѣ мои попеченія и за верную службу ему и вашей родительницѣ.

Она вышла. Инфанта затрепетала, принимая ужасный взглядъ, который бросила на нее старуха; но скоро эта робость уступила мѣсто надеждѣ на обстоятельство. «Чего жъ мнѣ бояться? подумала молодая девушка: Людовикъ меня защититъ. Развѣ онъ не мой? развѣ онъ не король?» Но этого короля еще надобно было выпустить изъ чулана, а чтобы выпустить его изъ чулана, надобно было прежде удалить Суареса. Принцесса подошла къ кукольному мастеру, сказала ему ласковымъ голосомъ:

— Суаресъ, я скоро буду королевой великаго королевства. Если тебѣ что надобно, проси не робѣя для тебя все сдѣлаю.

Вмѣсто отвѣту, кукольный мастеръ сунулъ руку пазуху и вынулъ оттуда сухую розу съ висающею стеблѣю золотой ниткой.

— Боже мой!.... ахъ!.... какимъ образомъ это цвѣтокъ очутился у тебя?

Суаресъ опять не отвѣчалъ на вопросъ принцессы, но вдругъ сорвалъ съ себя огромный парикъ и ударилъ имъ по ногамъ ея.

— Какъ!.... вы здѣсь!....

— Вы думали, что я умеръ.... Да! я точно умеръ для вашего высочества, потому что я знаю, вы любите короля, онъ любитъ васъ, и стану дама приняла свое решение вовсе не во-время, чтобъ разстроить ваше свиданіе.

— Ктѣ вамъ сказалъ?

— Я самъ видѣлъ, какъ король лѣзъ къ вамъ въ окошко; я же и увѣдомилъ о томъ герцогиню....

— Молчите, молчите! перебила инфанта: если у

дать ваши слова, то и я не буду въ силахъ снасти васъ отъ наказанія.

— О! что мнѣ наказаніе! что мнѣ смерть! Какъ-скоро я не могу посвятить вамъ своей жизни, то она же нужна мнѣ ... Жалкая, несчастная жизнь, когда отецъ мой взялъ съ меня слово не объявлять вамъ своего имени, когда я, для того чтобы васъ видѣть, долженъ былъ притвориться нищимъ, подкупить вашего слугу и являться къ вамъ подъ его видомъ, въ этой ливрѣ!

Мануэль замолчалъ, но всё-еще стоялъ на колыняхъ: Принцесса была растрогана. «Бѣдненькой! какъ онъ меня любитъ!» подумала она, и блѣдная, дрожащая, не знала, что дѣлать. Но наконецъ ей представилась во всей полнотѣ опасность, которой подвергаются два молодые человѣка, скрывающіеся въ ея комнатахъ.

— Уйдите! уйдите! сказала она Мануэлю.

Онъ всталъ. Но въ это время послышался шумъ въ корридоръ, и молодой человѣкъ едва успѣлъ спрятаться за оконничный занавѣсъ, какъ въ комнату вошла герцогиня съ мадамъ де-При.

— Прошу извинить, что я опять нарушаю уединеніе вашего высочества, сказала герцогиня насмѣшливымъ тономъ. Я точно имѣла намѣреніе не являться болѣе къ высокообрученной невѣстѣ Людовика XV, къ будущей королевы Франціи; но мадамъ де-При просила меня представить ее вашему высочеству, для немедленнаго исполненія возложеннаго на нее порученія.

Тогда мадамъ де-При выступила впередъ и начала говорить съ притворнымъ участіемъ, сквозь которое очень видна была радость:

— Ваше высочество, на знаменитой и важной чредѣ, на которую Провидѣнію было угодно поставить васъ, одна политика должна руководствовать всѣми чувствами сердца. Благо народовъ, вотъ единственное счастье человечества, призванныхъ управлять народами: Верховный совѣтъ французскаго королевства имѣлъ чрезъ-

выдавшее собраніе нынѣшнимъ вечеромъ по случаю депешъ, полученныхъ изъ Испаніи, и заключилъ, что союзъ Франціи съ отечествомъ вашего высочества, которому мы такъ радовались, не можетъ состояться. Важныя государственныя выгоды обѣихъ державъ полагаютъ тому непреодолимое препятствіе. Провидѣніе судило вамъ осчастливить собою другую землю, а корона французская, которая такъ прекрасно блистала бы на головѣ вашего высочества, должна быть представлена другой благородной принцессѣ. Этого требуютъ великія политическія причины.

Инфанта стояла какъ вкопанная. Наконецъ, однакожь, къ ней возвратилось присутствіе духа, и она съ презрительно-гордымъ видомъ спросила:

— Могу ли я по-крайней-мѣрѣ знать имя соперницы, которую предпочитаютъ мнѣ по этимъ великимъ причинамъ?

— Марія, дочь Станислава, короля польскаго, отвѣчала мадамъ де-При. Ея высочество изволила сегодня пріѣхать.

— И вы пришли сказать мнѣ, чтобы я уступила ей свое мѣсто? вы пришли выгнать меня изъ этого дворца?.. меня, дочь Филиппа V, внуку Людовика XIV!

— Нѣтъ, ваше высочество, почтительно возразила мадамъ де-При. Вы можете оставаться при французскомъ дворѣ сколько вамъ будетъ угодно: здѣсь всегда будутъ оказывать вашему высочеству должное уваженіе. Но если также вамъ заблагоразсудится и лишитъ французскій дворъ этой высокой чести, то всѣ повелѣнія ваши насчетъ скорѣйшаго отъѣзда въ Испанію будутъ немедленно выполнены. Объ этомъ — то именно я и пришла доложить вашему высочеству.

— Благодарю васъ, отвѣчала инфанта съ принужденной улыбкой: и васъ также, герцогиня. Послѣдності ваша доказываетъ, что вы очень заботитесь о чести

Испанія. Что касается до моего отъезда, то вы, мадамъ де-При, конечно, позвольте мнѣ дожидаться приказанія на этотъ счетъ отъ самого короля Людовика. Верховный совѣтъ, прибавила она громко, стараясь, чтобъ король слышалъ ея слова: верховный совѣтъ, можетъ-быть, слишкомъ поторопился рѣшить дѣло, не спросивъ о согласіи его величества.

— Съ его величествомъ точно еще не было говорено объ этомъ предметѣ, сказала мадамъ де-При: но государь, безъ-сомнѣнія, не станетъ противурѣчить плану, который давно обдуманъ его дипломатами. Онъ такъ печется о славѣ и благосостояніи своего государства, что не отвергнетъ союза, который, хотя-бы и былъ неприятенъ его частнымъ склонностямъ, однако жъ, обогащаетъ Францію приобрѣтеніемъ цѣлой области.

— А я, перебила инфанта: имѣю нѣкоторыя причины думать, что король именно отвергнетъ этотъ союзъ. Нѣтъ! продолжала она твердымъ и въ то же время умоляющимъ голосомъ: нѣтъ! король не согласится, не захочетъ быть игрушкой своихъ министровъ: онъ объявитъ самъ свою волю!

Но дверь кабинета, гдѣ скрывался Людовикъ, не отворилась.

— Его величеству поздно было бы спорить, сказала мадамъ де-При: совѣтъ рѣшилъ; выгоды Франціи требуютъ переменны, и уже нѣсколько дней какъ бракъ совершился въ страсбургскомъ соборѣ, гдѣ нашъ посланникъ представлялъ лицо короля.

Эти слова какъ громъ поразили инфанту. Статсъ-дама и маркиза де-При почтительно поклонились и вышли. Инфанта бросилась на софу.

— Боже мой! говорила она вполголоса: онъ слышалъ все и не вышелъ ко мнѣ на помощь!... И это король!

Когда въ комнатѣ все затихло, дверь кабинета начало-было отворяться, но вдругъ снова закрылась, пото-

му что въ это же самое время донъ Мануэль, со слезами на глазахъ и не въ силахъ удержать своей радости, вскочилъ изъ-за занавѣса и бросился къ ногамъ инфанты.

— Марія!.... Марія!.... я все слышалъ!.... Этотъ ненавистный бракъ не состоится!

— Никогда! ни за что въ міръ! отвѣчала инфанта, какъ бы говоря сама съ собою.

— Такъ общайте же мнѣ, продолжалъ Мануэль: общайте мнѣ, что не состоится и тотъ другой бракъ, которымъ угрожаютъ вашему высочеству!.... О Боже! я не могу говорить: клятва меня связываетъ; но со-временемъ, повѣрьте, со-временемъ вы увидите, что я достоинъ.... О! говорите, скажите, что вы не согласитесь на бракъ, о которомъ онъ намѣкали!

Принцесса нѣсколько минутъ не знала что отвѣчать, поглядывая то на донъ Мануэля, который лежалъ у ногъ ея, то на дверь, которая была по-прежнему плотно затворена. Вдругъ, словно молнія блеснула въ головъ молодой дѣвушки, и она мгновенно приняла ту рѣшимость, которая часто бываетъ слѣдствіемъ столько жъ любви, сколько досады.

— Хорошо, сказала она: я даю вамъ слово; я покажу имъ, что женщина можетъ быть тверже мужчины и не позволить управлять собою. Отецъ мой не останется нечувствительнымъ къ моимъ просьбамъ. Быть-можетъ, мы съ вами вѣчно будемъ разлучены; но ежели Провидѣнію не угодно соединить насъ, то не буду же я и женой другаго, потому.... потому что я.... люблю васъ!

Въ ту минуту дверь наконецъ отворилась, и король, блѣдный отъ гнѣва, съ угрозою на губахъ и со шпагой въ рукъ, бросился на соперника, который съ своей стороны проворно сталъ въ оборонительное положеніе.

— Какъ! это вы, Мануэль! вскричалъ король, вдругъ остановившись и выронивъ шпагу, при видѣ своего изъбавителя.

— Нѣтъ, ваше величество, ужъ не Мануэль, сказалъ донъ Инниго, входя въ комнату вмѣстѣ со многими придворными, между которыми были кардиналъ Флѣри и посланники испанскій и португальскій : это донъ Иосифъ Браганскій, сынъ Юанна V, наследникъ престола Португалліи и Бразиліи.

— Иосифъ! вскричали въ одно время король и инфанта.

— Вотъ эти почтенные господа, продолжалъ донъ Инниго : посланники испанскій и португальскій, могутъ удостовѣрить ваше величество въ высокомъ аваніи моего питомца. Король Юанпъ V, мой все милостивѣйшій государь, имѣлъ особенныя причины запретить ему объявлять о своемъ происхожденіи; но, благодаря политическимъ мѣрамъ французскаго правительства, теперь эти причины не существуютъ, и между тѣмъ какъ Франція старалась разорвать союзъ свой съ Испаніей, Португаллія и Испанія, зная объ этомъ, сочли за нужное тѣснѣе соединиться между собою : принцъ Иосифъ имѣетъ вступить въ бракъ съ инфантой Маріей-Анной-Викторіей.

Посланники подтвердили слова донъ Инниго. Португальскій принцъ былъ въ восторгъ ; инфанта также торжествовала, видя себя столь скоро отомщенной ; а что касается до Людовика, то онъ самъ не зналъ что вокругъ него происходитъ и былъ выведенъ изъ оубытій только громомъ подъѣхавшихъ экипажей.

— Что это значитъ? спросилъ онъ.

— Приѣхала принцесса Марія, отвѣчалъ кардиналъ Флѣри. Не угодно ли вашему величеству встрѣтить свою супругу.

Людовикъ печально взглянулъ на инфанту, потомъ оправился, поднялъ голову, и, какъ-бы вспомнивъ свое достоинство, сказалъ, обращаясь къ португальскому принцу :

— Прощайте, mon cousin ! будьте счастливы, а я... начну царствовать.

Пятьдесятъ лѣтъ спустя, въ то самое время, какъ Людовикъ XV кончался въ Версали, дочь испанскаго короля Филиппа, сдѣлавшаяся супругой португальскаго принца Иосифа, умирала въ Лиссабонѣ. Двѣ царственныя жизни, которыхъ Провидѣнію не угодно было соединить въ этомъ мірѣ, угасли въ одинъ и тотъ же день и въ одинъ и тотъ же часъ.

КОРСИКАНСКАЯ ТЕТУШКА.

=

ПОВѢСТЬ ГОСПОДИНА ЭЛИ ВЕРТЁ.

=

Два путешественника пѣшкомъ спускались съ горы въ восточной части острова Корсики. Мѣстоположеніе вокругъ нихъ было печальное : бѣловатыя пики, отвѣсныя скалы, темныя пихтовые лѣса. Съ возвышенія, на которомъ они находились, видна была обширная панорама, но на этой панорамѣ ни одного человѣка. Жаръ нестерпимый; солнце совершило половину дневнаго пути, и корсиканскіе поселяне, неотличающіеся особенно большимъ трудолюбіемъ, ухватились за этотъ случай, чтобы залечь спать въ своихъ бѣдныхъ лачугахъ, мелу-тѣмъ какъ ихъ черныя бараны разбрелись по склонамъ въ разныя стороны, пока пастухи и собаки также легли въ тѣни каштановъ. Вездѣ пустоѣта, вездѣ тишина : кромѣ шуму кузнечиковъ и печальнаго свисту ветра, ни что не нарушало глубокаго молчанія этой дикой пустыни.

Утомленные знаніемъ и трудной дорожкой, два пѣшехода наконецъ выбрали пріютное мѣстечко между можжевелникомъ, съѣли, раскрыли свои котомки, и принялись завтракать. То были два молодые человѣка, видимо иностранцы, дяди, принадлежавшіе не къ высшему классу общества. Одинъ изъ нихъ, на котораго

Т. XLIX. — Отд. II.

окорокъ ветчины производилъ не столь сильное впечатлѣніе какъ на его товарища, былъ юноша лѣтъ двадцати, невысокаго росту, тоненькій, блѣдный, и, по видимому, чрезвычайно нѣжнаго сложенія. Онъ былъ одѣтъ очень щеголевато, но его модный пальто худо защищалъ отъ утренней горной прохлады, а лакированные сапоги не годились для ходьбы по крутымъ и косымъ тропинкамъ, усыпаннымъ острыми камнями. Зато путешествіе и произвело на него самое бѣдственное вліяніе, разстроивъ даже его здоровье. Къ этому еще присоединялись жуки душевныя: бѣдный молодой человекъ видимо былъ чѣмъ-то озабоченъ, потому что съ непростительнымъ равнодушіемъ смотрѣлъ на вино, которымъ другой путешественникъ усердно поливалъ въ своемъ желудкѣ огромные куски ветчины и прочихъ дорожныхъ запасовъ.

Этотъ другой былъ совершенная противоположность своего хилаго и женоподобнаго товарища. Дѣтина высокаго росту, атлетическаго сложенія, онъ казался возлѣ него Голиафомъ возлѣ Давида. Не должно однако жъ думать, чтобъ въ его колоссальной фигурѣ не было ни какой пріятности: правда, фізіономія этого человека не отличалась ни особеннымъ благородствомъ, ни поэтическимъ выраженіемъ, но онъ былъ все-таки очень не дуренъ; стѣило только взглянуть на него, чтобы тотчасъ догадаться, что онъ малой добрый, честный, веселый. Костюмъ его, также болѣе чѣмъ костюмъ хилаго юноши, согласовался съ обстоятельствами. Новый Голиафъ былъ въ свѣтло-зеленомъ суконномъ сюртукѣ съ бѣлыми пуговицами, въ толстыхъ сапогахъ съ каблуками и въ волосяномъ картузѣ съ козырькомъ испанскаго протяженія, чудесно защищавшимъ его отъ солнца. Усталость отъ долгаго пѣшеходства выражалась у него только особеннымъ аппетитомъ, а что касается до заботъ, которыя такъ, кажется, убивали его товарища, то все заботы новаго Голиафа заключались

единственно въ томъ, какъ бы по-скорѣе увидѣть, что отъ ветчины, надъ которою онъ трудится, остались однѣ голыя кости.

— Тьфу, мосьё Шарль! вскричалъ онъ, не прерывая своей работы : неужели съ вами всегда такъ случается, что если вы много пройдете пѣшкомъ, такъ вамъ не хочется ѣсть? Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же вы не хотѣли взять лошади? Я напередъ зналъ, что вамъ будетъ трудно. Мнѣ.... это иное дѣло : я человѣкъ крѣпкій, человѣкъ.... такъ-сказать, коренастый, пѣлый вѣкъ свой живу въ деревнѣ, рыскаю по полямъ съ ружьемъ, съ собакою; а вы.... ну, гдѣ же вамъ? вы воспитывались въ Парижѣ, привыкли ходить только по асфальтовымъ тротоарамъ....

— Но мнѣ надобно было спѣшить, мосьё Поль, отвѣчалъ молодой человѣкъ : а проводники и лошади только связали бы насъ на здѣшнихъ дорогахъ.

Эти слова, произнесенныя музыкальнымъ голосомъ и съ выраженіемъ глубокой печали, тронули чувствительность Поля.

— Послушайте, мосьё Шарль, сказалъ онъ : мы съ вами такъ хорошо познакомились, что намъ пора бы приняться за откровенность. Я, съ своей стороны, чистосердечно вамъ объявляю, что замѣтилъ въ васъ нѣчто очень для меня трогательное. Особенно сегодня поутру вы совсемъ изъ рукъ вонъ. У васъ есть тайное горе. Вѣдь не можетъ же быть, чтобъ эта задумчивость напала на васъ оттого, что вы увидѣли свою родину.

— Нѣтъ, мосьё Дюверъ : Коренка, хотя моя родина, производитъ на меня такое же впечатлѣніе какъ на васъ, которые здѣсь никогда не бывали. Меня увезли отсюда ребенкомъ : я ничего не помню.

— Ну, вотъ видите ! вскричалъ Поль, усиливъ свою дѣятельность надъ завтракомъ, какъ-будто хотѣвъ наверстать пропавшее въ разговоръ время. Я не знаю какъ

вы, но что насчетя до меня, такъ мнѣ ваша хваленая Корсика вовсе не нравится. Конечно, примолвилъ онъ, указывая ветчинною костью на великолѣпную панораму, которая разстилалась у нихъ подъ ногами : конечно, это можетъ приводить въ восторгъ стихотворцевъ, художниковъ ... да мнѣ что за дѣло! Нашему брату Фламандцу, который посвятилъ себя сельскому хозяйству, не пристало заниматься такими вздорами. Я не дамъ и сажени земли отъ своего хутора за всѣ эти такъ-называемыя красоты природы. Правда, земля здѣсь мѣстами не дурна; но зато какъ ее обрабатываютъ : жалость! Три молодца съ моего хутора въ одни сутки надѣлаютъ больше чѣмъ всѣ жители Корсики въ цѣлое лѣто.... Нѣтъ, мосьё Шарль! не знаю, говорю, какъ вы; а мнѣ здѣсь нечему научиться. Я поѣхалъ изъ Лилля съ тѣмъ, чтобы поглядѣть, какъ гдѣ ведутъ хлѣбопашество, чтобъ потомъ ввести у себя, ежели замѣчу что-нибудь хорошее; но здѣсь.... нѣтъ! здѣсь ничего не замѣтишь. И что за народъ сами Корсиканцы?.... Дьяволъ ихъ знаетъ! ходятъ нахмурившись въ какихъ-то черныхъ плащахъ, въ колпакахъ на-бекрень, съ ружьями : ни дать ни взять, словно разбойники! Мы съ вами, кажется, честные люди, не хуже другихъ; а чуть попробуешь невиннымъ образомъ поцѣловать какую-нибудь черноглазую дѣвочку, такъ тотчасъ и за ножи.... Нѣтъ, мосьё Шарль! провалъ побери вашу хваленую Корсику! То ли дѣло наши фламандскія деревни? Сытно, привольно, спокойно; живешь-себѣ словно у няньки за пазухой. Я только по одному обстоятельству не жалѣю, что сюда пріѣхалъ.

— По какому же, мосьё Поль?

Дюверъ покраснѣлъ и смутился.

— Потому что мнѣ удалось познакомиться съ вами, отвѣчалъ онъ, запинаясь отъ непривычки говорить комплименты.

— Благодарю васъ, мосьё Дюверъ, сказалъ Шарль.

Я и сажь во многомъ согласенъ съ вами насчетъ моей родины. Впрочемъ трагическія приключенія здѣсь теперь случаются рѣдко, если кто ихъ не ищетъ; а въ-разсужденіи удовольствій, для человѣка свободнаго, какъ вы напримѣръ, здѣшній климатъ, множество всякаго роду дичи, плодовъ....

— Дичи! перебилъ Поль Дюверъ. Ну, ужъ объ этомъ не говорите.... Хороша ваша дичь, бекасы да рябчики! Нѣтъ, вотъ какъ по-нашему, подстрѣлишь жирнаго, крупнаго зайца.... Вотъ такъ ужъ дичь! Не спорю, что и здѣсь зайцы водятся, да прошу покорно гоняться за ними по такимъ анаемскимъ буеракамъ и когда солнце печетъ тебѣ голову какъ картофелину!.... Однако жъ, я думаю, мы съ вами всё-таки пострѣляемъ? примолвилъ Дюверъ, ласково посмотрѣвъ на Шарля.

— Я плохой стрѣлокъ, отвѣчалъ Шарль. Воспитываясь въ Парижѣ, я не имѣлъ практики, да притомъ мнѣ едва ли и будетъ время ходить на охоту: порученіе, которое отецъ далъ мнѣ къ тетушкѣ, вѣрно, займетъ меня такъ, что не останется ни одной свободной минуты.

За этимъ послѣдовало молчаніе. Шарль погрузился въ печальныя думы. Поль напрягалъ все свое неповоротливое воображеніе, чтобъ отгадать причину его тоски, и вдругъ доброму Фламандцу показалось, что внутренность головы его озарилась необычайнымъ свѣтомъ.

— Мосѣ Лабеччо, сказалъ онъ съ важностью: не считите нескромностью мой вопросъ и отвѣчайте мнѣ чистосердечно. Могу ли я быть увѣренъ, что ваше безпокойство, которое видимо увеличивается по мѣрѣ того какъ мы подвигаемся къ жилищу вашей почтенной тетушки, происходитъ не отъ меня?

— Отъ васъ? повторилъ Шарль съ удивленіемъ.

— Да, отъ меня. Намъ надобно объясниться. Когда мы познакомились съ вами на пароходѣ, который при-

везъ насъ въ Аяччо, я согласился на ваше приглаше-
ніе путешествовать вмѣстѣ по Корсикѣ и провести не-
сколько дней въ домѣ вашихъ родныхъ, потому разу-
мѣется, что я думалъ не быть въ тягость ни мнѣ
ни вамъ. Но ежели напротивъ тетускѣ вашей можетъ
непонравиться присутствіе посторонняго человѣка и
ежели вы сами теперь одумались, что напрасно меня
пригласили, то сдѣлайте одолженіе, говорите безъ це-
ремоніи. Я малой простый.... Пожалуйста безъ цере-
моші!

Шарль дружески взялъ его руку.

— Полноте, любезный мосьё Дюверь. Неужели вы
думаете, что въ Корсикѣ такъ худо знаютъ гостеприм-
ство?... Нѣтъ, тетуска, въ этомъ отношеніи, Корси-
канка болѣе всякаго другаго. И если сказать вамъ по
совѣсти, такъ я готовъ думать, что ваше присутствіе
будетъ для нея пріятнѣе моего.

— Какъ такъ? чужой, незнакомый....

— Да, мосьё Поль, чужой и незнакомый, вы однако
жъ имѣете гораздо больше, чѣмъ я, тѣхъ качествъ, ко-
торыя она любитъ видѣть въ мужчинѣ.... Послушайте!
я не хочу долѣе скрывать отъ васъ своего страннаго
положенія. Мнѣ могутъ быть нужны совѣты и утѣше-
нія друга....

При этихъ словахъ, дюжій Фламандецъ такъ крѣико
стиснулъ хрупкую руку своего свутника, что тотъ едва
не вскрикнулъ отъ боли.

— Говорите, говорите, сказалъ онъ. Совѣты и утѣ-
шенія, конечно, не совсѣмъ мое дѣло: я въ этомъ не
очень опытенъ.... риторика какъ-то мнѣ не далась, и
призательно вамъ сказать, что гдѣ рѣчь идетъ не о
пашнѣ и сѣнокосѣ, такъ я не могу тамъ пошегалѣть
большимъ краснорѣчіемъ; но.... вотъ видите, въ голо-
вѣ моей всё-таки есть немножко здраваго смыслу, и
ошъ къ вашимъ услугамъ, равно какъ и эти здорыя

кулаки.... потому что на ваши кулаки, я думаю, нельзя очень полагаться. Говорите же, мосьё Шарль. Можетъ-быть, мы вмѣстѣ и придумаемъ что-нибудь умное, ежели это вамъ нужно. А Поль Дюверъ—добрый человекъ: этому ужъ вы можете повѣрить безъ всякаго опасенія.

Шарль поблагодарилъ его движеніемъ головы и хотѣлъ приступить къ разсказу, какъ вдругъ Дюверъ всталъ и спросилъ :

— Вы, кажется, говорили, что дѣло не терпитъ отсрочки ?

— Дѣло идетъ о чести и состояніи моего отца, отвѣчалъ Шарль.

— Ну, такъ что жъ мы тутъ прохлаждаемся !

Поль началъ укладывать остатки припасовъ.

— Если вы не ѣдите, такъ нечего терять время, говорилъ онъ. Я докончу и на-ходу.... потому что вы, — не въ обиду вамъ молвить, мосьё Лабеччо, — ходите черепашьимъ галопомъ.

Минуту спустя, два пріятеля шли уже по каменистому косогору. Шарль едва переставлялъ ноги, опираясь на прекрасную трость съ золотымъ набалдашникомъ. Поль шелъ преспокойно, ровнымъ и твердымъ шагомъ, успѣвая въ то же время убирать преогромный кусокъ холодной говядины.

— Чтобы не утомлять вашего терпѣнія, началъ Шарль : я не буду чертить вамъ родословной нашего дому, который принадлежитъ къ числу знатнѣйшихъ корсиканскихъ фамилій. Скажу только, что по разнымъ несчастіямъ, случившимся во время имперіи, отъ нашей фамиліи осталось всего-на-все два человека, братъ и сестра, то есть, отецъ мой и тетка. Тетушка, женщина зараженная всеми корсиканскими предрассудками, была замужемъ за тамошнимъ уроженцемъ Біанки и вскорѣ одовѣда, не имѣя дѣтей. Батюшка,

напротивъ, женился на Французкѣ, увѣхавъ во Францію, и одно это уже водожило начало раздору между нмъ и тетужкой. Какъ бы то ни было, они помирились на нѣсколько времени, когда матужка сдѣлалась беременна. Мадамъ Біанки думала, что можетъ быть матужка родить сына, который продолжитъ въ Корсикѣ угасающій родъ Лабеччо, и потому вызвала къ себѣ моихъ родителей. Но, по-несчастію, золовки никакъ не могли сойтись нравами : матужка была Французка во всемъ смыслѣ слова и безпрестанно оскорбляла корсиканскую гордость и суевѣріе мадамъ Біанки. Ктому жъ и ребенокъ, котораго родила она, то есть, я, сдѣлался невиннымъ поводомъ къ несогласію. Тетужка хотѣла воспитывать меня по-спартански, не разбирая того, что я родился хворый и былъ чрезвычайно слабаго сложенія. Напротивъ-того матужка, привыкшая совѣмъ къ другому образу жизни и видя мою болѣзненность, окружала меня безчисленными попеченіями. Кончилось тѣмъ, что двѣ вѣтви дому, нѣкогда столь многочисленнаго и дружнаго, разсорились совершенно : батюшка съ матужкой принуждены были увѣхать изъ Корсики и взяли меня съ собою, а тетужка, чтобы намъ не досталось ея богатство, приняла къ себѣ на воспитаніе сироту, дальнюю родственницу своего мужа, и рѣшилась передать ей все свое состояніе. Наконецъ матужка моя умерла. Получивъ извѣстіе объ ея кончинѣ, мадамъ Біанки опять вздумала сблизиться съ батюшкой и написала къ нему письмо, въ которомъ отъ начала до конца говорила все обо мнѣ, какъ о будущемъ единственномъ представителѣ дому Лабеччо. Батюшка очень обрадовался : ему было досадно, что тетка хочетъ отдать свое имѣніе въ постороннія руки, и, чтобы отвратить это, онъ написалъ къ ней, что, оставшись вдовцомъ, рѣшается воспитывать меня по ея системѣ. Съ этого времени между ними установилась очень аккуратная переписка. Изъ угожденія ма-

дамъ Біанки, батюшка описывалъ ей меня молодымъ-человѣкомъ совершенно по ея вкусу, сильнымъ, здоровымъ, отважнымъ, готовымъ переносить всякія лишенія и неудобства жизни. Тетушка, съ своей стороны, безпрестанно требовала, чтобы мы пріѣхали къ ней. Но.... вы можете сами судить, какъ было батюшкѣ довести меня, слабаго отъ природы и еще больше изнѣженнаго воспитаніемъ можетъ-быть слишкомъ чадолюбивой матери. Нѣсколько времени тетушка оставалась въ заблужденіи, вѣря, что отецъ мой не можетъ выѣхать изъ Парижа по причинѣ своихъ коммерческихъ дѣлъ, но наконецъ стала подозрѣвать правду: въ одинъ день, нѣсколько мѣсяцовъ тому назадъ, батюшка получилъ отъ нея письмо, въ которомъ она писала, что проникаетъ его обманъ и лишаетъ насъ своей дружбы. На эту пору съ батюшкой случилось несчастье: обанкрутился одинъ коммерческій домъ, и онъ увидѣлъ себя въ опасности прекратить платежи по своимъ векселямъ, лишиться всего своего состоянія, кредиту и чести. Чтò было дѣлать? Батюшка рѣшился писать къ сестрѣ. Мадамъ Біанки немедленно отвѣчала, но не на его, а на мое имя: она писала, чтò, пожалуй, готова пособить намъ, только какъ сроки платежей еще не пришли, то не посылаетъ намъ денегъ, а приглашаетъ меня къ себѣ и отдастъ мнѣ лично шестьдесятъ тысячъ франковъ, которыя нужны моему батюшкѣ. «Если же ты не пріѣдешь, прибавляла она: это будетъ значить, что ты не достоинъ моей привязанности, и все состояніе, которое я имѣю, перейдетъ къ воспитанницѣ моей Терезѣ.» Вы легко можете представить себѣ, какъ поразили насъ этотъ отвѣтъ. Но дѣлать было нечего: въ концѣ текущаго мѣсяца батюшка долженъ заплатить шестьдесятъ тысячъ франковъ или лишиться честнаго имени.... Я поѣхалъ. Можетъ-быть, если мнѣ не удастся понравиться тетушкѣ, то, крайней-мѣрѣ, просьбы мои смягчатъ ея сердце; мо-

жеть-быть, она тронется моими слезами, моимъ отвращеніемъ....

— Ну, сказалъ Поль сквозь зубы : я на это нѣко надѣюсь. Дѣло, чортъ возьми, очень сомнительное. Да и что задумалось вашему батюшкѣ извести на васъ такую небывлицу? Видно онъ.... какъ бы это сказать?... видно онъ ужасный добрякъ, что не смѣкнулъ, чѣмъ кончится эта проделка. Разумьется, тетюшка ваша — настоящая вѣдьма : объ этомъ и говорить нечего ; ну, да вѣдь и вы-то.... не сердитесь, любезнѣйшій мосѣ Шарль.... стѣдуетъ дать вамъ щелчокъ, такъ вы и полетите врямехонько въ вренеподнюю. Какъ же послѣ этого описывать васъ Александромъ-Великимъ ?

— Что дѣлать, мосѣ Дюверъ ! отвѣчалъ Шарль съ печальной улыбкой : родительская привязанность, стеченіе обстоятельствъ....

— Да, да, родительская привязанность, стеченіе обстоятельствъ ; а между-тѣмъ, ежели эта старая корга такая же, какъ нѣкоторыя изъ моихъ знакомыхъ, то она лишитъ васъ наслѣдства и, пожалуй, еще не дастъ и тѣхъ шестидесяти тысячъ франковъ, безъ которыхъ вашему батюшкѣ надо будетъ зарѣзаться.... Послушайте, мосѣ Шарль ! вы требовали у меня совѣту : рѣшительно объявляю, что я ничего не могу присоветовать.

Друзья замолчали и нѣсколько минутъ шли, не говоря ни слова. Шарль размышлялъ, Дюверъ поспѣшивалъ.

Вдругъ, однако жъ, этотъ свистъ прекратился, и Поль, одной рукой толкнувъ Шарля, другой указалъ ему на вершину горы. Тамъ, на самой маковкѣ возмѣщенія, на которомъ имъ должно было вѣбираться, стоялъ человекъ въ національномъ корсиканскомъ костюмѣ. Онъ былъ вооруженъ и ридовался темнымъ свистомъ на свѣтлой синевѣ неба.

— Что бы это значило? спросилъ Поль.

— Ничего, какой-нибудь адвѣнный итель, отвѣчалъ Шарль безпечно.

— А зачѣмъ же онъ стоитъ на самой серединѣ тропинки, по которой намъ должно идти?

— Видно, ему такъ нравится. Какое намъ дѣло?

— А зачѣмъ у него ружье!

— Да развѣ вы позабыли, что здѣсь все мужики съ ружьями?

— И потому больше похожи на разбойниковъ нежели на крестьянъ, которые мирно занимаются хлѣбопашествомъ?... Правда. Но онъ что-то очень пристально на насъ смотреть.

— Э, мосьё Поль! да кто жъ здѣсь на насъ не смотрѣлъ? Платье обличаетъ въ насъ иностранцевъ: всякому любопытно назѣвать на прохожаго путешественника.

Шарль улыбнулся.

— Не думайте, что я трушу, сказалъ Поль, замѣтивши эту улыбку. Если бы мы были въ мартинскомъ округѣ, гдѣ я родился, такъ, повѣрьте, я думалъ бы объ этомъ молодцѣ столько же какъ о турецкомъ султанѣ; но здѣсь, мосьё Шарль, здѣсь я рѣшительно на чужой сторонѣ, и потому мнѣ очень естественно быть осторожнымъ.... Погодите маленько.

Онъ вынулъ изъ кармана большой складной ножъ, отшелъ всторону, срѣзалъ съ дерева толстый сукъ, слѣлалъ изъ него палку, и, оборотясь къ Лабечно, сказалъ: — Ну, теперь пойдѣте хоть на самого дьявола!

Между-тѣмъ незнакомецъ и въ самомъ дѣлѣ началъ казаться немножко страннымъ: онъ стоялъ, не двигаясь съ мѣста, словно вкопанный; не сводилъ глазъ съ нашихъ друзей, и сохранялъ постоянно одну и ту же грозную позу. Все это наконецъ стало безпокойно хлѣлаго Лабечно, и онъ старался идти какъ можно

ближе къ своему дюжему спутнику, который продолжалъ быть спокойнымъ и началъ опять пошвыстывать. Такимъ образомъ они подошли къ незнакомцу. Тропинка была узка; надлежало, чтобы незнакомецъ не сторонился или чтобы Шарль и Дюверъ, проходя мимо, толкнули его. Между-тѣмъ онъ стоялъ неподвижно, и только поднялъ свое ружье, когда два пріятеля подошли къ нему на близкое разстояніе. Поль вышелъ впередъ, заслонилъ собою Лабеччо, и сказалъ:

— Послушай, пріятель! долго ли ты намѣренъ торчать тутъ какъ огородное пугало? Если ты изъ-дали принялъ насъ за своихъ знакомыхъ, такъ ужъ теперь видишь, что это не правда.... Посторонись же, пожалуйста: я не люблю слишкомъ близко сходитьсь со всякимъ встрѣчнымъ; а не то.... видишь эту исторію?

Говоря это, Поль приподнялъ свою палку и съдѣлалъ ею искусный манѣвръ, который, по его мнѣнію, долженъ былъ произвести впечатлѣніе на таинственнаго незнакомца; но незнакомецъ и не думалъ двинуться. Онъ только пробормоталъ сквозь зубы: — Да, это Лабеччо! — и стоялъ какъ статуя:

Не понявъ коротенькой фразы, сказанной на корсиканскомъ нарѣчій, Шарль и Дюверъ съ изумленіемъ смотрѣли другъ на друга. Фламандецъ хотѣлъ-было ужъ начать атаку, но въ эту минуту незнакомецъ съдѣлалъ шага два впередъ и сказалъ по-французски:

— Нѣтъ, молодой человекъ, я не ошибся: я ждалъ именно тебя.... Мы увидимся.

Путешественники наши остолбенѣли.

— Ты, вѣрно, меня не знаешь? сказалъ незнакомецъ насмѣшливымъ голосомъ. Я — Марліани.

— Очень радъ, синьоръ Марліани, весело отвѣчалъ Дюверъ. Но сдѣлайте одолженіе, скажите, не знаете ли вы дороги на хуторъ Казабеллу, синьоры Біанки?

Корсиканецъ въ это время сошелъ ужъ съ тропинки

и пробирался въ кусты. Услышавъ вопросъ Дювера, онъ показалъ пальцомъ на мелькавшее вдали каменное строеніе, и скрылся.

— Хоть на висѣлицу, я въ этомъ ни чорта не понимаю! вскричалъ Поль Дюверъ.

— Вѣроятно, онъ счелъ васъ за кого-то другаго, сказалъ Лабеччо.

— Да, онъ счелъ меня просто за васъ, отвѣчалъ Поль. Вы слышали, онъ помянулъ ваше имя?

— Въ самомъ дѣлѣ! Но что жъ это значить? Я здѣсь никогда не бывалъ, кромѣ того времени, когда еще лежалъ въ колыбели.

— А потому-то они и ошибаются! подхватилъ Поль. Знаете ли?... Но нѣтъ! надо хорошенько подумать.

Онъ ударилъ себя ладонью по лбу и сталъ изъ всѣхъ силъ тереть его, что у добраго Фламандца значило процессъ размышленія. Шарль хотѣлъ говорить.

— Погодите.... не мѣшайте....

Лабеччо былъ принужденъ ждать терпѣливо, что выйдетъ изъ растиранія Полева лба.

— Послушайте, мосьё Шарль, сказалъ наконецъ Фламандецъ. А что, если мы и всѣхъ такъ же надуемъ, какъ этого господина?

— Ну, что же?

— Мнѣ хочется оказать вамъ услугу.

— Какимъ образомъ?

— Вы говорили, что я скорѣе васъ буду по вкусу тетушкѣ?

— Да. Что жъ изъ этого?

— И вы просили моихъ совѣтовъ?

— Просилъ.

— Ну, такъ я совѣтую вамъ назваться Полемъ Дюверомъ, а меня назвать Шарлемъ Лабеччо. Можетъ-быть, тогда дѣло обдѣляется, старушка развяжетъ мощну, и все пойдетъ прекрасно.

Шарль сперва испугался темного дерзкаго предложенія ; ему казалось неблагороднымъ обманывать старую тетку ; но крайность, несчастное положеніе дѣлъ отцовскихъ и плохая надежда на самого себя, заставили его поколебаться.

— Рѣшайтесь-на ! говорилъ между-тѣмъ Поль. Конечно, я не даю вамъ слова не пошутить иногда надъ тетускиными причудами, но я буду смѣяться надъ ней про-себя ; кому же вы предостережете, научите меня, если я порой собьюсь съ толку, да и время короткое, всего три дня : выдержу !... Ну ! рѣшаетесь, чтѣ ли ?

Лабеччо подумалъ, и согласился.

— Повѣрьте, что моя признательность, сказалъ онъ...

— Объ этомъ послѣ, перебилъ Фламандецъ : прежде съиграемъ комедію.

Разговаривая о своемъ предпріятіи, молодые люди подвигались впередъ. Шарль давалъ новыя поясненія и наставленія Полю ; Поль слушалъ съ величайшимъ вниманіемъ. Наконецъ они опустили въ небольшую долину, обставленную со всѣхъ сторонъ крутыми горами. Непроходимый кустарникъ росъ по краямъ этого убѣжища ; на серединѣ было болото ; вредныя испаренія поднимались надъ нимъ въ видѣ тонкаго облака ; воздухъ былъ густъ, тяжелъ, непрозраченъ. Несмотря на то, эта берлога была мѣстопробываніемъ старой синьоры Біанки, которая провела тутъ безвыѣздно тридцать лѣтъ. Восторонъ, на небольшомъ возвышеніи, стояло ея жилище, нѣчто въ родѣ маленькой крепости, ветхое, угрюмое, некрасивое каменное строеніе, поросшее мохомъ и обвѣшенное плющевыми гирляндами. Путешественники направились прямо къ нему, и лишь-только сдѣлали нѣсколько шаговъ, какъ увидѣли, что къ нимъ идутъ двѣ особы, которыя, вѣроятно, замѣтили ихъ изъ замка. То были молодая дѣвушка и пожилой мужчина, лѣтъ пятидесяти. Дѣвушка отли-

чалась необыкновенно правильными чертами лица, и хотя знойные лучи солнца навели золотистый отблескъ на ея кожу, однако жь она всё-еще могла называться красавицей. Одежда ея была очень проста, но считалась по модѣ: кисейное платье плотно обхватывало стройный и тонкій станъ, на плечахъ была черная шелковая мантилья испанскаго покрою, на головѣ соломенная шляпка съ длинными лентами, красиво волновавшимися по воздуху. Что касается до ея товарища, то о немъ съ перваго взгляду можно было сказать, что это за человекъ. Онъ принадлежалъ къ поколѣнію той толпы Грековъ, которая въ тысяча-шесть-сотъ-семьдесятъ-шестомъ году выпросила себѣ позволеніе поселиться на Корсикѣ, и, заведя тамъ разныя ремесла, всегда отличалась трудолюбіемъ и расторопностью въ сельскомъ хозяйствѣ и въ торговлѣ. У зажиточныхъ Корсиканцевъ вошло въ обыкновеніе брать этихъ выходцевъ къ себѣ въ управляющіе, и лукавые потемки народа, изъ котораго нѣкогда возникли Комнены, мастерски исправляли прикащикью должность, не забывая ни господъ ни себя. О Чезаріо, прикащикѣ синьоры Біанки, носились слухи, что онъ совсѣмъ овладѣлъ умомъ своей помѣщицы, и мы увидимъ, до какой степени это было справедливо. Чезаріо былъ здоровый старикъ; онъ носилъ обыкновенно бѣлыя широкія шальвары, доходившія только до колѣна, синіе чулки, башмаки, широкую шляпу, и въ этомъ странномъ костюмѣ, представлявшемъ смѣсь греческой одежды съ италіанскою, не могъ не обратить на себя вниманія двухъ друзей, которые не видывали ничего подобнаго во Фландріи и въ Парижѣ.

— Что это за чучело въ юбкѣ? спросилъ Дюверъ вполголоса.

— Не знаю, отвѣчалъ Шарль.

— А эта хорошенькая дѣвушка?

— Вѣроятно, тетюшкина воспитанница.

Но лишь-только Шарль успѣлъ выразить догадку какъ гармоническій голосокъ, немощко дрожавшій отъ замѣшательства, спросилъ, нѣтъ ли между путешественниками синьора Карло Лабеччо. Молодые люди взглянули другъ на друга : Шарль не зналъ что дѣлать, Поль выступилъ впередъ и сказалъ :

— Точно такъ, сударыня, это я, Карло Лабеччо, вашимъ услугамъ. А вы, позвольте спросить.... въ я имѣю честь говорить съ мадамъ Терезою Биа...

— Ну, да, съ вашей кузиной, простодушно отвѣдъвушка, подавая ему прекрасную ручку.

Дюверъ, по долгу родства, влѣпилъ въ эту рувъсисый поцѣлуй и оглянулся на Шарля, какъ желая сказать : « Дѣло начинается очень недурно»

— Я поставляю за честь, началъ-было онъ, обратясь къ Терезѣ....

Но Тереза захохотала и потащила его къ замку.

— Бросьте эти учтивости, cousin! Обращайтесь мной какъ съ сестрою.

— И дѣло! вскричалъ Дюверъ : я самъ то же думаю. Знаете ли, сестрица? безъ комплиментовъ скажу, вы хороши какъ ангель, и что я ужъ люблю васъ памяти.

Въ подтвержденіе этой истины, Поль нашельнымъ припечатать ее вторичнымъ, еще полновшимъ, поцѣлуемъ. Между-тѣмъ Шарль стоялъ нѣ и задумчиво смотрѣлъ на красавицу. Тереза зашла его пристальный взглядъ, покраснѣла.

— Это мосье Шарль.... то есть, мосье Поль. Дюверъ мой пріятель, сказалъ Поль. Прошу полюбить... ловѣкъ предобрѣшій.

Всѣ пошли къ замку. Чезаріо, идучи возлѣ безпрестанно говорилъ ему что-то по-итальянски итальянскимъ акцентомъ. Дюверъ ничего не понималъ.

наконецъ ему наскучило жужжаніе несноснаго Грека, и онъ оборотясь къ нему, сказалъ :

— Хорошо, хорошо, мой милый. Я не знаю, что ты мнѣ говоришь, но догадываюсь, о чемъ идетъ дѣло. Ступай своею дорогою.

— Вы его обидѣли, шепнула дѣвушка, когда Чезаріо въ самомъ дѣлѣ ушелъ впередъ, чтобы доложить синьорѣ Біанки о пріѣздѣ ея племянника.

— Ну, такъ что же? возразилъ Дюверъ. Вѣдь это прищикъ.

— Да. Только вы не знаете, что это за человекъ.... Онъ ужасный человекъ! Вы не можете представить себѣ у него замыслы. Но.... нужды нѣтъ! теперь я его боюсь : у меня есть защитникъ. Вѣдь вы будете моимъ защитникомъ, братецъ? не правда ли?

— О! непременно, сестрица.

Черезъ нѣсколько минутъ, вся компанія вошла въ залу. Комната, гдѣ на ту пору сидѣла синьора Біанки, была довольно просторная зала, печальная, закопченная, обитая деревомъ и выкрашенная густою красною краской, которая отъ времени совсѣмъ почернѣла. Вѣтъ старинная мебель, съ рѣзными украшеніями, стояла около стѣнъ ; двѣ три картины были едва замѣтны въ слабыхъ лучахъ свѣту, проникавшихъ въ узенькія щели; ихъ рамы, нѣкогда позолоченныя, совсѣмъ потемнѣли. Сама мадамъ Біанки вполне соответствовала своему виду комнаты. Она лежала въ большихъ барокко-креслахъ ; ноги ея были окутаны теплыми одеялами. Зная силу характера, которую эта женщина показала въ сношеніяхъ своихъ съ братомъ, Дюверъ до крайности удивился, когда увидѣлъ передъ собой тощее, блѣдное, изможденное существо, готовое, кажется, всякую минуту испустить духъ подъ бременемъ старости и болѣзней. Но при входѣ гостей, синьора Біанки встрепенулась.

— Я хочу достойнымъ образомъ принять моего племянника! сказала она , напрягая свой трепещущій голось; поднялась, взяла палку, и, дрожа всѣмъ тѣломъ, едва не падая, заковыляла навстрѣчу Полю, вошедшему подъ-руку съ Терезою.

Дюверъ едва удержался отъ смѣху. Онъ также ожидалъ увидѣть въ синьорѣ Біанки женщину высокую, величественную, бойкую : вмѣсто того , увидѣлъ маленькую и дряхлую старушонку. Къ-счастію Шарль успѣлъ въ-время образумить его . и добрый Фламандецъ сдѣлалъ лицо, которое, по его мнѣнію, было соотвѣтственно обстоятельствамъ.

Между-тѣмъ синьора Біанки остановилась.

— Привѣтствую васъ, господа! сказала она съ горделивою важностію, которая вдругъ придала ей совсѣмъ другой видъ въ глазахъ путешественниковъ. День вашего прибытія въ этотъ замокъ я почитаю однимъ изъ счастливейшихъ дней въ моей жизни. Мосьё Дюверъ, прошу васъ быть у меня какъ дома. А ты , любезный племянникъ , ты , милый мой Карло , прибавила она, обращаясь къ Дюверу : прійди въ мои объятія.

Эти послѣднія слова , кромѣ того что сами по себѣ были очень ясны , сопровождались еще повелительно-ласковымъ движеніемъ которое не оставяло Полю ни какого сомнѣнія въ томъ , что ему надлежало дѣлать, и однако жъ онъ не могъ непоколебаться, тѣмъ болѣе, что объятія мадамъ Біанки были для него слишкомъ чувствительнымъ переходомъ послѣ поцѣлуевъ Терезы. Шарль опять надоумилъ его. Выпустивъ тяжкій вздохъ, Поль сдѣлалъ-было шага два къ старухѣ , но вдругъ снова остановился : ему страхъ не хотѣлось обнимать тетущку; онъ притворился, будто не понялъ ея привѣтствія, и въ смущеніи бормоталъ сквозь зубы:

— Тетущка.... тетущка.... я не могу изъяснить.... я такъ обрадовался....

— Сюда! въ мои объятія! на мою грудь! перебила сеньора Біанки.

Нечего было дѣлать! Поль жалобно посмотрѣлъ на Шарля, и, съ отчаяніемъ челоуѣка, который видитъ неминуемость своей гибели, бросился цѣловать отвратительную старуху, которая, подъ тяжестью этой нѣжности, была сама готова просить пощады. Вырвавшись изъ его объятій, она едва могла стоять на ногахъ. Шарль предложилъ ей руку.

— Нѣтъ, сказала она съ презрѣніемъ: вы еще хитѣе меня. Пойдите. Дай мнѣ свою руку, Карло! поддержи меня.... Съ этого времени ты будешь единственною опорою своей старой теткн!

Шарль понялъ изъ этихъ словъ, чего бы онъ долженъ былъ ожидать, если бы призналъ себя племянникомъ мадамъ Біанки.

Нѣсколько часовъ спустя, все общество собралось въ столовую. Осыпанный нѣжностями и угожденіями старухи, Поль далъ волю своему веселому нраву, шутилъ, хохоталъ, и только изрѣдка поглядывалъ на Лабеччо, чтобъ справиться, одобряетъ ли тотъ его поведеніе. Съли обѣдать. Управитель Чезаріо, по корсиканскому обычаю, имѣлъ свое мѣсто за господскимъ столомъ, и, сидя на нижнемъ концѣ, безпрестанно смотрѣлъ изподлобья на двухъ путешественниковъ. Поль, за обѣдомъ, былъ въ дурномъ расположеніи духа. Изъ угожденія дорогому племяннику, хозяйка приказала настряпать множество блюдъ, но все корсиканскихъ, національныхъ, которыя, правду сказать, не очень заманчивы, особенно для желудка, привыкшаго къ французской кухнѣ. Одному только Шарлю, «жалкому Парижанину», какъ называла его сеньора Біанки, позволено было проглотить нѣсколько кусочковъ жареной дичи. Прочіе должны были кушать каніе-то *pisticcine*, *fritelli*, *frändoline*, вещи ужасныя, несъдомыя, приправлен-

выпить сплоснь мукой вѣтъ каштановъ, которая, кажется, составляетъ первое основаніе всякаго корсикавскаго кушанья. Поль, одаренный блистательнымъ аппетитомъ и привыкшій къ отборному куску въ своемъ фламандскомъ помѣстьѣ, ужасно морщился, глотая эти *risticcine* и *frandoline*. Тереза замѣтила его несчастное положеніе.

— Братецъ Шарль не привыкъ къ нашимъ блюдамъ, сказала она старухъ : онъ будетъ голоденъ.

Поль далъ себѣ слово расцѣловать за это ручки Терезы; но отвѣтъ мадамъ Біанки принудилъ несчастнаго скрыть удовольствіе, которое засверкало-было въ глазахъ его.

— Молчите, сударыня, сказала старуха. Карло, конечно, не имѣлъ случая привыкнуть къ нашему національному столу, но если онъ любитъ свое отечество, то эти кушанья должны ему нравиться больше французскихъ.

Бѣдная дѣвушка робко опустила глаза.

— Не браните ея, сказалъ Дюверъ, съ веселымъ видомъ даваясь своей порціей *frandoline* : въ этомъ я одинъ виноватъ. Мнѣ дѣйствительно, съ непривычки, показались немножко странными эти прекрасныя кушанья, но завтра, вы увидите, я буду ихъ пожирать какъ удавъ.... потому что въ Корсикѣ все превосходно.

Синьора Біанки наградила его довольной улыбкой.

Обѣдъ подходилъ къ концу. Старуха завела рѣчь о мнѣніяхъ, чувствахъ, понятіяхъ, исключительно собственныхъ жителямъ Корсики.

— Послушай, Карло, сказала она. Вообрази себѣ что мы живемъ въ тѣ времена, когда ищеніе, но на *муveudetta*, почиталось здѣсь непреложнымъ закономъ и не было еще запрещено Французами; вообрази себѣ что кто-нибудь изъ твоихъ кровныхъ получилъ обиду что бы ты сдѣлалъ въ такомъ случаѣ ?

— Что бы я сдѣлалъ? отвѣчалъ Поль съ одушевленіемъ, котораго требовала принятая имъ на себя роль: я отмстилъ бы за эту обиду!

— Прекрасно! вскричала старуха. Вижу, что въ тебѣ течетъ моя кровь! Но.... отвѣчай мнѣ еще на одинъ вопросъ. Представь себѣ, будто ты находишься въ такихъ обстоятельствахъ теперь, въ эту минуту, когда наша родина стѣснена чужеземными законами: что бы сдѣлалъ?

— Я плохой законникъ, отвѣчалъ Поль: я сдѣлалъ бы то же, что и тогда, когда наша родина управлялась своими древними обычаями.

При этомъ отвѣтѣ, старуха едва усидѣла на-мѣстѣ.

— Храбрый и благородный молодой человекъ! вскричала она. Но ты воспитанъ между жалкими Парижанами, въ роскоши, въ нѣгѣ: будешь ли ты въ состояніи удовлетворить своему благородному чувству? умѣешь ли ты владѣть оружіемъ?

— Ну, ужъ на этотъ счетъ не беспокойтесь, тетушка, отвѣчалъ Поль: я стрѣляю не хуже всякаго другаго! Наша братья, молодежь, вѣтрена: часто, изъ сущаго вздору.... одинъ взглядъ, одно слово, и.... дуэль! Я самъ три раза былъ на дуэли, и не могу пожаловаться, чтобы вышелъ съ безчестіемъ.

— Право? вскричала синьора Біанки: ты былъ три раза на дуэли?... три раза?... О! какъ я счастлива! Ты, Карло, мой родной, мой кровный племянникъ! Ты не можешь себѣ вообразить, какъ я люблю тебя!

Она въ изнеможеніи опустилась на спинку креселъ. Шарль шепнулъ Полю, что это самая благопріятная минута начать разговоръ объ его отцѣ; Поль кивнулъ головой въ знакъ согласія, и былъ уже готовъ приступить къ дѣлу, какъ вдругъ синьора Біанки поднялась съ мѣста, и, бросивъ на Поля значительный взглядъ, сказала:

— Да! нечего больше тебя испытывать. Ты, Карло, превзошелъ все мои ожиданія, все мои надежды..... Дело кончено! Завтра же пишу къ своему банкиру въ Аяччо, чтобы онъ отплатилъ къ отцу твоему восемьдесятъ тысячъ франковъ изъ моихъ денегъ. Брату надобно только шестьдесятъ : нужды нѣтъ! я велю послать восемьдесятъ : двадцать пойдутъ отъ тебя въ подарокъ.

Полю не зная, что сказать; Шарль совсѣмъ растерялся. Но синьора Біанки, не обращая вниманія на замѣшательство мнимаго своего племянника, продолжала :

— погоди, однако жъ, милый мой Карло. Я хочу тебѣ предложить условія. Во-первыхъ, скажи мнѣ, какъ ты думаешь о Терезѣ?

Этотъ вопросъ еще болѣе смутилъ Поля : онъ рѣшительно обезумѣлъ и началъ бормотать что-то о скромности, о стыдливости....

— Все это прекрасно, сухо сказала синьора Біанки : но я не люблю пустяковъ, да и некогда.... Говори мнѣ прямо, нравится ли тебѣ Тереза? хочешь ли на ней жениться? Она дѣвочка добрая и наследница всего моего имѣнія, сорокъ тысячъ франковъ годоваго дохода....

— Тетушка, отвѣчалъ Поль : я, конечно.... я отдаю полную справедливость.... я цѣню.... но.... я не знаю... мадмоазель Тереза....

— А! понимаю : ты не знаешь, будетъ ли согласна Тереза.... Изволь! мы объ этомъ осведомимся. Тереза! ты видишь своего брата: онъ молодецъ честный, храбрый, откровенный : ну, какъ же ты думаешь, будетъ ли ты съ нимъ счастлива?

— Тетушка, позвольте мнѣ....

— Я не позволю тебѣ ничего, какъ только отвѣчать сію же секунду на мой вопросъ : да или нѣтъ?

— Да, произнесла Тереза чуть слышнымъ голосомъ.

— Теперь твоя очередь, Карло, сказала старуха.

Поль молчалъ.

— Но если ты будешь молчать, замѣтила сухо синьора Біанки : то Тереза въ правъ обидѣться.

Дюверъ сидѣлъ какъ на иголкахъ.

— Тетушка.... счастье, которое вы мнѣ предлагаете, такъ велико....

— Но согласенъ ли ты?.... да или нѣтъ?

— Согласитесь, шепнулъ Шарль, сдѣлавъ надъ собой тягостное усиліе.

— Соглашаюсь! отвѣчалъ Поль, самъ не зная, что съ нимъ дѣлается.

— Кончено! вскричала старуха : ни слова больше!... Встаньте, дѣти мои, и поцѣлуйтесь : вы — женихъ и невѣста.

Дюверъ былъ не прочь отъ цѣлованья съ такой милою дѣвушкой : онъ тотчасъ же повиновался волѣ синьоры Біанки ; но голова его кружилась ужаснымъ образомъ : онъ чувствовалъ себя какъ-бы пьянымъ, не зналъ что вокругъ него дѣлается, и не умѣлъ дать себѣ отчета въ своихъ поступкахъ. Что касается до Шарля то онъ, утомленный продолжительнымъ пѣшеходствомъ, теперь, казалось, ослабѣлъ еще болѣе : черты его совсѣмъ измѣнились, лицо поблѣднѣло. Синьора Біанки, посмотрѣвъ, какъ мнимый ея племянникъ цѣлуетъ свою невѣсту, взглянула потомъ на Шарля съ очевиднымъ презрѣніемъ.

— Можетъ-быть, господинъ Парижанинъ находить, что я поступаю немножко странно, сказала она.

— Помилуйте, спѣшилъ возразить Лабеччо : я никогда не осмѣлюсь....

— Э! перебила синьора Біанки : осмѣливайтесь сколько хотите! Мнѣ, право, нѣтъ надобности, что вы будете обо мнѣ говорить. Я на все имѣю свои причины.

Но объ этомъ ужъ завтра. Карло! Тереза! дайте мнѣ свои руки, проводите меня. Чезаріо, ступай за мною.

Синьора Біанки ушла. Проводивъ ее, Поль вошелъ въ комнату, назначенную для Шарля, и засталъ своего пріятеля въ крайней степени физическаго и моральнаго разслабленія : бѣдный Шарль плакалъ.

— Чтò съ вами сдѣлалось?

Молодой человекъ не могъ говорить : онъ только взглянулъ на Поля и протянулъ къ нему руку.

— Да чтò же съ вами сдѣлалось?... Растолкуйте, пожалуйста.

— Ахъ! сказалъ Шарль : я стыжусь признаться.... я ревную васъ къ моей кузинѣ.

— Ну вотъ! вскричалъ Поль съ огорченіемъ : этого только недоставало!.... Я полюбилъ васъ какъ брата и ѣмъ прескверныя кушанья, цѣлуюсь съ старухой, играю глупую роль жениха хорошенькой дѣвушки, которая никогда не будетъ моею женою; а вы.... ревнуете! Чтò жъ это будетъ?... Нѣтъ! провалъ возьми Корсику и всѣхъ здѣшнихъ старухъ, и невѣсть, и кушанья.... Я, право, сойду съ ума!

На другой день Поль, по своему помѣщичьему обыкновенію, всталъ очень рано. Шарль еще спалъ. Не зная чтò дѣлать, онъ взялъ ружье и пошелъ охотиться. Скоро онъ былъ далеко отъ замка. Пейзажъ, окружавшій его, отличался дикими красотами : художникъ умеръ бы отъ восторгу, глядя на это удивительное мѣстоположеніе; но доброму Полю было не до того. «Ну! думалъ онъ : поймали меня какъ барана за носъ! Какъ-то я вырвусь изъ этого омута!.... Очень нужно было мѣшаться въ дѣла какого-то корсиканскаго пѣтуха! Отдувайся теперь, хлопочи, а онъ послѣ будетъ клевать мои ягодки.... Да! клевать! я вчера очень хорошо видѣлъ, какъ онъ, не только клевалъ, а просто-за-просто ѣлъ, жареную дичину, тогда-какъ мнѣ надо

было давиться пирогами съ каштанами! онъ сидѣлъ-себѣ преспокойно, а я лобызался съ его скаредной те-тушкой!.... Конечно, оно очень пріятно быть жени-хомъ такой милашки какъ Тереза, да что проку, что я женихъ?.... Только одна насада!.... А нечего ска-зать, хороша.... охъ! хороша! Этакой невесты мнѣ въкъ не найти въ нашемъ округѣ : и красотка и при-даное! сорокъ тысячъ доходу и черные волосы!»

Поль тяжело вздохнулъ и пошелъ скорѣе, какъ-буд-то хотѣлъ уйти отъ своихъ горькихъ мыслей.

— Что думать! вскричалъ онъ. Все это вздоръ.... мечта.... Не назовись я Шарлемъ Лабеччо, такъ ничего бы и не было. Впрочемъ, мнѣ кажется, что я правлюсь Терезъ.... право, правлюсь! она вчера смотрѣла на меня такъ мило, такъ нѣжно!.... Ахъ, Боже мой! какъ она хороша! Но что объ этомъ думать!.... Нѣтъ! не надобно думать объ этомъ, не надобно!

Поль увидѣлъ зайца, разсѣянно прицѣлился, застрѣ-лилъ и вдругъ услышалъ возлѣ себя пріятный голосъ, который сказалъ : — Bravo, мосьё Шарль! да, вы ма-стеръ!

Это была Тереза.

— Какъ! это вы, кузица?.... такъ далеко отъ зам-ка?.... однѣ?.... Но помируйте! въдь я могъ не узнать васъ въ кустарникъ и застрѣлить вмѣсто дикаго звѣря.

Дѣвушка робко потупила свои глазки.

— Вы сердитесь, мосьё Шарль?.... Я вышла гулять, увидѣла васъ вдали, и побѣжала за вами, чтобы спросить, отдохнули ли вы съ дороги. За что жъ вы на меня сердитесь?

Поль внутренно восхищался красотой и замѣшатель-ствомъ прекрасной Терезы.

— Я совсѣмъ не сержусь, сказалъ онъ : но, помилуй Богъ, если бы такой случай....

— Э, полноте, моеё Шарль! перестанемъ говорить объ этомъ.... Ахъ! какъ я счастлива!

— Счастливы?... чѣмъ? спросилъ Поль, боясь и надеясь услышать, что онъ играетъ нѣкоторую роль въ ея счастьѣ.

— Ахъ, cousin! если бъ вы знали!.... Этотъ Чезаріо!....

— Чтò такое?

— О!.... ужасъ!

— Да чтò же?

— Онъ хотѣлъ.... знаете ли чего?

— Чего?

— Онъ хотѣлъ.... на мнѣ жениться.

— На васъ?... онъ?... управитель?

— Да! Чезаріо совсѣмъ овладѣлъ тѣтенькой. Онъ считаетъ себя обязанныю ему своимъ богатствомъ, онъ.....

— Но это не возможно!.... Какъ! прикащику Чезаріо быть вашимъ мужемъ!

— А былъ бы, если бъ вы не пріѣхали!

Полю стало казаться, какъ-будто кошки скребутъ его по сердцу: онъ думалъ, что Тереза рада своей нимъ помолвкѣ, цѣня его добрыя качества, а на вѣрку выходитъ, она радуется только тому, что избавилась отъ стараго Грека. Это страхъ не понравился Полю: онъ надулъ губы. Тереза смутилась.

— Послушайте, cousin, сказала она. Когда тетя еще не сомнѣвалась насчетъ вашихъ достоинствъ, она ужъ давно положила выдать меня за васъ?... съ малолѣтства привыкла къ мысли быть вашей женою; я васъ любила заочно; я воображала васъ иномъ такимъ, каковы вы въ самомъ дѣлѣ, и, увидѣвшись съ вами, только поняла еще лучше свою къ вамъ обязанность.

Поль опять сталъ въ-туникъ. Наивное признаніе

вѣтвѣлка было для него чуть ли не тяжелѣе нежели мысль, что она къ нему равнодушна. Онъ не зналъ, что говорить, что дѣлать, и отъ всего сердца желалъ провалиться сквозь землю. Между-тѣмъ Тереза, видя его угрюмымъ, вообразила, что онъ еще сомнѣвается въ ея вѣжности, и, чтобы разсвѣять это сомнѣніе, осыпала его тысячью ласкъ, тысячью увѣреній, тысячью тѣхъ милыхъ, очаровательныхъ вѣжностей, на которыя такія мастерицы хорошенькія женщины. Но бѣдный Поль отъ этого приходилъ только лишь въ большее отчаяніе. Наконецъ дѣвушка залилась слезами. Тутъ онъ не выдержалъ : началъ ее утѣшать, клялся ей въ своей любви.... Тереза ничего не слыхала : ей сдѣлалось дурно ; она была готова упасть. Дюверъ принявъ ее въ свои объятія. Голова ея склонилась къ нему на плечо....

— А! вотъ они! закричалъ чей-то голосъ въ недалеомъ разстояніи отъ любовниковъ.

Дюверъ оглянулся : это былъ Грекъ, и съ нимъ нѣ сколько человѣкъъ служителей мадамъ Біанки.

— Что тебѣ надобно ? сердито спросилъ Поль. Я замѣчаю, любезный, что ты удостоиваешь меня особеннаго вниманія.... Смотри ! я этого не люблю.

— Извините меня, сударь, отвѣчалъ Чезаріо. Барыня послала искать васъ въ горахъ. Она желаетъ о чемъ-то говорить съ вами.

— То-то, говорить со мной ! подхватилъ Фламандецъ. Я тебѣ однажды навсегда объявляю, что ежели ты будешь слѣдить за каждымъ моимъ словомъ, то мы съ тобой скоро поссоримся.

Между-тѣмъ Тереза очнулась, и, увидѣвъ себя въ объятіяхъ Поля, затрепетала отъ ужасу. По корсиканскимъ понятіямъ, дѣвушка, которую застали наединѣ съ молодымъ мужчиной, теряетъ навсегда свое доброе имя. Тереза видѣла, что слуги поглядываютъ на нее

очень двусмысленно и перешоптываются между собою. Особенно Чезаріо не сводилъ съ нея глазъ; на тонкихъ губахъ его бродила насмѣшливая улыбка; во взглядѣ было выраженіе злобы и радости. Тереза сочла за нужное оправдаться.

— Я надѣюсь, Чезаріо, сказала она: что никто изъ васъ не найдетъ страннымъ, видя меня одну съ моимъ двоюроднымъ братомъ. Мы съ нимъ помолвлены.

— Но вѣдь еще не обвѣчаны, проворчалъ Чезаріо сквозь зубы.

Къ-счастію Поль не слышалъ этихъ словъ: иначе, греческіе бока дорого бы за нихъ заплатились. Тереза спѣшила взять Поля за руку, и всѣ пошли въ замокъ.

Синьора Біанки ожидала мнимаго своего племянника въ отдаленной комнатѣ, которая служила ей кабинетомъ. На лицѣ ея господствовало выраженіе важности и торжественности, показывавшее, что она намѣрена приступить къ какому-то великому дѣлу. Поль идучи въ замокъ, успѣлъ размыслить о своемъ положеніи и рѣшился на все, что бы съ нимъ ни случилось. Но видъ мадамъ Біанки опять привелъ его въ невольное замѣшательство. Между-тѣмъ старуха, при входѣ его, какъ-будто переродилась: на лицѣ ея заиграла улыбка, въ глазахъ засвѣтилось выраженіе радости.

— Поди сюда, mio Carlo! весело вскричала она. Я получила извѣстіе, которое приводитъ меня въ восторгъ. Я помолодѣла тридцатью годами.

Эти слова успокоили Поля.

— Ну что жъ, сказалъ онъ: это не дурно, тетушка. Дай Богъ почаще. Могу ли я знать причину вашей радости?

— Марліани на все согласенъ.

— А! очень радъ!..... Видно, этотъ Марліани у васъ....

— Да, онъ тридцать лѣтъ былъ у меня вотъ здѣсь, подхватила синьора Біанки, указывая на сердце.

Люверъ подумалъ, ужъ не влюблена ли она въ синьора Марліани, котораго онъ имѣлъ честь пугнуть на-кой.

— Сегодня вечеромъ, сказала старуха.

— Сегодня?... вечеромъ?... Тетушка, я не совсѣмъ ясно понимаю это сложное обстоятельство. Сдѣлайте одолженъе, извольте....

— О! съ большимъ удовольствіемъ! Тебѣ надобно все узнать. Воспитываясь въ Парижѣ, ты не могъ имѣть нужныхъ свѣдѣній. Теперь наступила минута... минута, которой я ждала тридцать лѣтъ! Передъ тобой откроется тайна страшная, тайна великая. Видишь ли этотъ коммодъ?... Вотъ ключи. Отопри, и вынь что ты тамъ найдешь.

«Старуха, кажется, рѣшительно помѣшалась,» подумалъ Фламандецъ, однако жъ не могъ преодолѣть въ себѣ чувства какой-то робости, которое внушала ему торжественность рѣчей старой тетки.

— Тридцать лѣтъ этотъ коммодъ не былъ ни разу отпертъ, продолжала она : я поклялась, что его не откроетъ никто, какъ только самый храбрый, самый благородный потомокъ дому Лабеччо !

И дѣйствительно, Полю стоило большаго труда отпереть таинственный коммодъ: ключъ и замокъ заржавѣли. Наконецъ сила взяла свое. Онъ выдвинулъ ящикъ, вынулъ хранившіяся тамъ вещи, и едва устоялъ на ногахъ, увидѣвъ, что это были старые жилетъ и штаны.

— Положи ихъ на столъ, сказала синьора Біанни съ достоинствомъ.

Полю не трогаясь съ-мѣста. Онъ смотрѣлъ то на тетку, то на платье, потряхивалъ старой ветошью, какъ-бы привѣшиваясь къ ея необыкновенной тяже-

сти, и ему стражъ хотѣлось расхохотаться. Но тетушка смотрѣла на штаны и жилетъ съ глубокимъ вниманіемъ.

— Племянникъ, сказала она : это сокровище было ввѣрено мнѣ съ тѣмъ, чтобы я передала его законному наследнику славнаго имени Лабетто. Оно принадлежитъ тебѣ, тебѣ одному. Приими его отъ своей покойной тетки.

На этотъ разъ Дюверъ уже никакъ не могъ воздержаться отъ хохоту, и почти безъ памяти повалился въ кресла.

— Какъ! вскричала синьора Біанки, заскрыпѣвъ бами : какъ, сударь! вы смѣетесь?... вы смѣетесь въ такую торжественную минуту.... при видѣ этихъ личественныхъ....

— Ахъ, тетушка! да какъ же вы хотите, чтобы я смѣялся? Ха-ха-ха! Вотъ ужъ подлинно отличный подарокъ! Да не хотите ли вы нарядить меня въ древности? Признайтесь, тетушка, онъ немножко вышелъ изъ моды.

— Довольно, сударь! довольно! Знаете ли вы къ кому принадлежало это платье?

— Не знаю, тетушка, но вижу только, что оно испорчено, неопрятно, и объявляю рѣшительно, что за чѣмъ въ свѣтъ его не надѣну.

— Это платье, подхватила синьора Біанки, вырвала жилетъ и штаны изъ рукъ Поля и подставивъ ихъ подъ носъ : это платье.... Видите ли вы эту дыру?

— Вѣрно, моль съѣла, сказалъ Поля, стараясь роняться.

— Нѣтъ, сударь! возразила старуха, преслѣдуя жилетомъ съ дырою : это не моль, это пуля!

— Пуля?... Можетъ-быть. Почему и не такъ.

— Да, сударь! эта дыра сдѣлана пулей! продала синьора Біанки : а эти черныя пятна.....

ли?... это кровь! И знаете ли чья кровь?... Кровь вашего дѣда!

— Въ самомъ дѣлѣ, тетушка?... Вотъ уже не воображалъ!

— Если вы Корсиканецъ, говорила опять старуха: то эти вещи должны производить на васъ глубокое впечатлѣніе. Этотъ жилетъ — драгоценность нашего дому, штаны — историческія: онѣ тѣсно связаны съ исторіей нашей фамиліи.

— Неужели?... Такъ расскажите же, тетушка; а то я, право, ни чорта не понимаю.

Любопытство Поля укротило старую Корсиканку.

— Хорошо, Карло! сказала она. Я передамъ тебѣ эту страшную исторію: сердце твое задрожитъ, когда ты услышишь.

И она принялась рассказывать.

Дѣло въ томъ, что ровно за полтора ста лѣтъ до того времени, къ которому относится наша повѣсть, на островѣ Корсикѣ жили два сосѣда, Джакомо Лабеччо и Паоло Якоби, искренніе между собою пріятели. Разъ, когда они вмѣстѣ охотились на сосѣдномъ болотѣ, козелъ да баранъ изъ стада Лабеччо забрели съ-дуру въ огородъ Якоби. Люди Якоби выгнали дураковъ палочьемъ назадъ въ поле, а люди Лабеччо, оскорбившись тѣмъ, напали съ палочьемъ на самихъ людей Якоби. Сора слугъ отразилась на господахъ. Спустя нѣсколько времени, Паоло Якоби, ни съ того ни съ сего, застрѣлилъ изъ ружья Джакомо Лабеччо. Дѣти Лабеччо застрѣлили самого Паоло и двухъ его сыновей. Началась vendetta. Цѣлыя сто-двадцать лѣтъ потомки двухъ домовъ душили другъ друга при всякомъ удобномъ случаѣ: со стороны Лабеччо было убито двадцать-семь человекъ, со стороны Якоби пятьдесятъ-два, и этотъ родъ прекратился. Но послѣднею жертвою былъ Лабеччо, отецъ синьоры Біанки. Тогда еще су-

ществовалъ одинъ членъ семейства Якоби , и онъ-то отправилъ на тотъ свѣтъ старика Беппо , который, умирая на рукахъ своей дочери, завѣщалъ ей приснять мстителя.

— Я тотчасъ написала объ этомъ къ твоему отцу, продолжала синьора Біанки: но братъ, живучи во Франціи, позабылъ родные обычаи и не исполнилъ священнаго долгу. Между-тѣмъ убійца батюшки умеръ; ни одного Якоби не осталось на островъ, ни на весь земномъ шаръ: мстить стало некому. Къ-счастью, теперь эти дѣла приняли другой оборотъ, и я вручаю тебѣ окровавленное платье твоего дѣда, въ залогъ того, что ты будешь исполнителемъ кровной мести.

— Я, тетуська? вскричалъ Поль. Но помилуйте! развѣ вамъ мало?... съ одной стороны двадцать-семь, съ другой пятьдесятъ-два!

— Vendetta не считаетъ, возразила синьора Біанки.

— Однако жъ! возразилъ Поль. Неужели не должно принять въ уваженіе, что съ ихъ стороны побито вдвое болѣе нежели съ нашей. По-моему, этого весьма достаточно для удовлетворенія самой задорной вендетты.

— Vendetta никогда не удовлетворяется, сказала старуха. Местъ, вѣчная мечь! Ктому же послѣдній убитый былъ на нашей сторонѣ, и это непременно требуетъ мщенія.

— Но вы говорите, что родъ Якоби прекратился: кому жъ теперь мстить?

— Это и меня долго приводило въ отчаяніе, отвѣчала синьора Біанки: но, слава Богу, недавно я получила извѣстіе, что здѣсь есть одинъ дальній родственникъ дому Якоби. Нѣкоторые говорятъ, будто онъ имъ не родня; я сама сомнѣваюсь.... по-крайней-мѣрѣ не знаю и никогда не слыхивала, чтобы Марліани были въ родствѣ съ Якоби; развѣ ихъ предки, въ старыя времена, по другой вѣтви... Какъ бы то ни было, только Мар-

лани принялъ мой вызовъ , и сегодня вечеромъ онъ ожидаетъ тебя въ горахъ , за пол-мили отсюда.

Эта развязка поразила Поля какъ молнія. «Вотъ тебѣ разъ! думалъ онъ : мало того , что я цѣловалъ старуху и влюбился въ прекрасную дѣвушку , которой мнѣ не видать какъ ушей своихъ : меня еще заставляютъ стрѣляться!.... Чортъ возьми! прежнія похождения по-крайней-мѣрѣ были забавны или приносили пользу моему другу , хотя впрочемъ я не знаю навѣрное , какая ему можетъ быть польза изъ того , что я разстраивалъ свой желудокъ дурацкими *grandoline*; но теперь.... кой чортъ! теперь , право , ужъ нѣтъ ничего ни забавнаго ни полезнаго. Пожалуй , вѣдь и убьютъ... вотъ будетъ прекрасно!

— Ты соглашаешься? спросила синьора Біанки.

Дюверъ молчалъ.

— О! ты соглашаешься!..... соглашаешься!..... Не правда ли?

— Позвольте , тетушка , отвѣчалъ Поль. Исторія , которую вы мнѣ рассказали , конечно , очень любопытна , и я не спору , что , глядя на дѣло съ известной точки зрѣнія....

— Скажи мнѣ только , соглашаешься ли ты? перебила старуха.

— Не спѣшите! пожалуйста , не спѣшите , тетушка! Я не прочь отъ всякихъ вамъ угожденій; но , съ другой стороны... принимая вещи въ настоящемъ ихъ видѣ... Короче сказать , я прошу часъ сроку.

— Часъ сроку!.... Зачѣмъ?

— Затѣмъ , что я долженъ напередъ посоветоваться съ своимъ другомъ , который очень интересуется моимъ поведеніемъ.

Поль всталъ и подошелъ къ двери.

— Carlo! mio Carlo! вскричала старуха.

— Можетъ-быть , черезъ нѣсколько минутъ Карло

Лабеччо прійдетъ къ вамъ и скажетъ, что онъ готовъ драться съ Марліани, отвѣчалъ Поль: но теперь, въ эту минуту, я еще не знаю ничего рѣшительнаго.

— Ахъ! ты шутишь!..... ты хочешь позабавиться надъ своей старой теткой!

— Нѣтъ, тутъ нѣтъ ничего забавнаго! сказалъ Поль, и вышелъ.

У него было особенное намѣреніе.

Войдя въ комнату Шарля, онъ ту же минуту приступилъ къ дѣлу; но прежде-нежели мы дадимъ отчетъ въ разговоръ, послѣдовавшемъ между двумя пріятелями, надобно сказать, въ какомъ положеніи былъ Лабеччо. Бѣдный молодой человекъ страдалъ жестокой горячкой. Врачъ, посѣтившій его поутру, сказалъ, что онъ не ручается за выздоровленіе, и надавалъ кучу лекарствъ. Лабеччо лежалъ въ постель; окна были завѣшаны; толстая корсиканская баба сидѣла у изголовья, и чуть не каждыя пять минутъ угощала больного разными медицинскими снадобьями. Къ этимъ тѣлеснымъ мученіямъ присоединялось еще душевное безпокойство, — мысль объ отцѣ, неувѣренность въ теткѣ, сомнѣніе въ осторожности и ловкости Поля, зараждающаяся любовь къ Терезѣ, неизвѣстность о томъ послѣднемъ условіи, которое старуха хотѣла предложить сегодня своему мнимому племяннику. Увидѣвъ входящаго Поля, онъ вскрикнулъ отъ радости, и первыя слова его были вопросъ о происходившемъ съ синьорой Бланки.

— Я сдѣлалъ открытіе, что вы не предупредили меня объ одномъ важномъ обстоятельстве, отвѣчалъ Поль.

— О какомъ?

— Да о томъ, что ваша тетушка — воплощенный дьяволъ.

Дюверъ рассказалъ всю исторію.

— Боже мой! вскричалъ Шарль : могъ ли я думать, что эта глупая распря, о которой когда-то говорилъ мнѣ батюшка, продолжается о-сю-пору!

— Не знаю, мосьё Лабеччо, могли ли вы объ этомъ думать, отвѣчалъ Поль : только предупреждаю васъ, что я не намѣренъ подставлять подъ пулю свой лобъ, изъ прихоти старухи, которая очевидно помѣшана..... Нѣтъ, мосьё Лабеччо! слуга покорный! Я ужъ довольно здѣсь накутилъ : пора опомниться! корсиканскія блюда мнѣ не по-нутру, обычай не по нраву.... Прощайте, мосьё Лабеччо! Желаю вамъ всякаго благополучія, ладовъ съ вашей прелестной тетушкой, и прочая.

— Какъ, мосьё Поль! вскричалъ бѣдный Лабеччо : вы меня оставляете! вы хотите бросить своего друга, когда онъ умираетъ, когда онъ не имѣетъ ни въ комъ подпоры!

— А что жъ прикажете дѣлать?

— Охъ!..... я не знаю..... Но будьте великодушны, мой другъ! не покидайте меня! Безъ васъ я ни въ чемъ не успѣю. Мой несчастный отецъ, его честь, состояніе, все погибнетъ!

— Но что же мнѣ дѣлать, спрашиваю я васъ?

— Подумайте сами : можетъ-быть, вы найдете средство.

— Вотъ то-то! подхватилъ Поль : вы только умѣли запутать меня въ эту исторію.... Нѣтъ, сударь! ужъ довольно. Я ѣлъ для васъ *risticcine* и *frandoline*, целовалъ обгорѣлую головешку, и теперь вы хотите еще, чтобы я рисковалъ своей жизнью, чортъ-знаетъ изъ чего, чортъ-знаетъ почему.... Нѣтъ-съ! ужъ не взъищите на этомъ : будетъ съ меня и прежняго!

Поль принялся укладывать свои вещи. Въ комнату подворилась глубокая тишина, прерываемая только стечаніями больнаго. Толстая Корсиканка, не разумая

французскаго языка, смотрѣла на все съ равнодушіемъ кукула. Вдругъ дверь заскрыпѣла, и Тереза показалась на порогъ, спрашивая знаками, можно ли ей войти.

Шарль хотѣлъ встать съ постели. Поль подошелъ къ дверямъ. Тереза стояла, робко и стыдливо наклонивъ голову.

— Извините.... мнѣ было нужно.... Я знаю все!

— Что такое? спросилъ Поль съ замѣшательствомъ.

— Все, мосьё Дюверъ, отвѣчала Тереза. Чезаріо, который имѣетъ свои причины наблюдать за нами, рылся въ вашихъ бумагахъ, пока вы были на охотѣ. Онъ открылъ весь обманъ : я знаю неблагородную хитрость, посредствомъ которой вы вкрались въ довѣренность тетюшки; знаю постыдную слабость моего брата....

— Сестрица!.... Тереза!.... вскричалъ Шарль въ отчаяніи : дѣло шло о чести и благосостояніи моего отца!

— Это-то только и извиняетъ васъ нѣсколько, отвѣчала Тереза.

Между-тѣмъ Поль, въ отчаяніи, не зналъ что дѣлать.

— Мосьё Дюверъ, сказала ему прекрасная дѣвушка : я вижу, что вы собираетесь бросить своего друга. Не буду судить, до какой степени неблагороденъ такой воступокъ : скажу только, что васъ удерживаютъ здѣсь и другія обязанности.

— Другія? повторилъ удивленный Поль.

— Да, сударь, отвѣчала Тереза дрожащимъ голосомъ. Развѣ вы позабыли, что здѣсь есть еще одинъ человекъ, котораго вы обманули? Вы воспользовались моею довѣрчивостью, стеченіемъ обстоятельствъ. Почитая васъ братомъ, женихомъ, будущимъ мужемъ, я, прислужителяхъ здѣшняго дому, позволила себѣ короткое съ вами обращеніе. Но ны здѣсь не въ Парижъ; здѣсь другіе нравы, другіе обычаи. Теперь я навсегда потеряла

свое доброе имя, обещанна и погибла. Понимаете ли, мосьё Дюверъ, что вамъ нельзя отсюда ухвать?

— Боже мой! вскричалъ Поль въ изступленіи, по тому опомнился и прибавилъ: — Мадмоазель Біанки, не будьте слишкомъ строги къ моеи неосторожности. Я не стану говорить, что мы не могли предвидѣть послѣдствій.... вѣтъ! поступокъ мой непростителенъ. Но ежели есть какое-нибудь средство поправить зло, то сдѣлайте одолженъе, мадмоазель Біанки, сдѣлайте одолженъе, скажите: я даю слово рѣшиться на все пожертвованія, чтобы только доказать вамъ то уваженіе, ту привязанность, которыя я почувствовалъ къ вамъ съ первой минуты нашего знакомства.

— Ахъ! они любятъ другъ друга! просточалъ Шарль. — Сестрица, продолжалъ онъ: вспомните, что по-настоящему вы не его, а моя невѣста. Вѣдь я вашъ братъ: я и женихъ.

— Теперь ужъ поздно, мосьё Шарль, отвѣчала Тереза, и, повернувшись къ Полю, примолвила: — Я сейчасъ увижу, искренны ли тѣ чувства, о которыхъ вы говорите. Поступокъ вашъ непростителенъ, но.... есть еще одинъ способъ его поправить.

— Есть? вскричалъ Поль. О! такъ говорите же!..... приказывайте!..... требуйте!

— Доказательство мужества и привязанности будетъ оцнено моеи тетушкой, кто бы ни былъ докащикомъ, отвѣчала Тереза. Ежели настоящій Шарль Лабеччо не въ состояніи выполнить тетушкиныхъ условій, то можетъ-быть другой замѣнитъ его. Дѣло ужъ началось; тотъ, кого она называла своимъ племянникомъ, кому она назначила мою руку и кого я уже считала своимъ женихомъ....

— Тереза! вскричалъ Поль: я не смѣю понять что вы говорите.... Ради Бога, яснѣе!

— Очень хорошо, отвѣчала двушка, подавивъ свое

замышательство. Согласитесь выполнить желаніе тетушки, и я вамъ клянусь, что не буду принадлежать никому кромѣ васъ.

Поль едва не вспрыгнулъ отъ радости.

— А тетушка?

— Тетушка не осмѣлится отказать тому, кто, съ опасностью своей жизни, отмститъ за честь ея роду.

— Сейчасъ же иду и объявляю синьорѣ Біанки, что я согласенъ! сказалъ Поль, сжимая руки Терезы. Счастіе.... о! Тереза, я Богъ-знаетъ на что готовъ согласиться въ надеждѣ заслужить счастье, которое вы мнѣ обѣщаете.

Тереза краснѣла и молчала, но по выраженію лица ея было видно, что она раздѣляетъ чувства Дювера.

— Обдумайте, мосьё Дюверъ, наконецъ сказала она вполголоса : Марліани, говорятъ, человекъ страшный.... эта дуэль смертельная....

— Что мнѣ за дѣло! отвѣчалъ онъ. Зато, ежели я останусь живъ.... Ахъ, Тереза!.... Пойдемте скорѣе къ тетушкѣ : я все ей открою.

— Нѣтъ, нѣтъ! подхватила дѣвушка : лучше, ежели тотъ, кто пойдетъ на дуэль съ Марліани, будетъ называться Лабеччо. Мы откроемъ тайну когда все кончится.

— Но я не позволю ему присвоить себѣ мое имя, закричалъ Шарль въ безпамятствѣ : я пойду самъ, я хочу самъ....

— Не пускай его, сказала Тереза толстой бабѣ на корсиканскомъ нарѣчій, которая ухаживала за Шарлемъ, и та, своими сильными руками, тотчасъ уложила больного опять въ постель, между-тѣмъ какъ любовники вышли и вмѣстѣ явились къ синьорѣ Біанки.

Нечего говорить, съ какой радостью услышала старуха, что ея мнимый племянникъ принимаетъ дуэль съ Марліани. Первымъ проявленіемъ ея благо-

дарности было вручені Полю приказа своему банкиру въ Аяччо объ отсылкѣ къ Шарлеву отцу осьмидесяти тысячъ франковъ. Поль сѣлъ къ столу, написалъ письмо, и отдалъ его, вмѣстѣ съ приказомъ, Терезѣ, прося, чтобы она немедленно отправила все это по адресамъ. Онъ хотѣлъ быть по-крайней-мѣрѣ полезнымъ своему другу. «Пусть будетъ что будетъ! думалъ онъ про себя : по-крайней-мѣрѣ я сдѣлаю добро этому несчастному Шарлю.» Остатокъ дня прошелъ въ разныхъ приготовленияхъ. Синьора Біанки непременно хотѣла сама проводить Поля на мѣсто дуэли : она приказала осѣдлатъ свою старую верховую лошадь и надѣла какой-то пречудный капотъ съ еще чуднѣйшею шляпкою, форма которой не уступала въ древности формѣ самыхъ древнѣйшихъ шляпокъ на всемъ островѣ Корсикѣ. На поясъ у синьоры Біанки висѣла сумочка съ порохомъ и пулями, а въ рукѣ было ружье старинной работы, съ богатыми украшеніями изъ золота и драгоценныхъ каменьевъ. Тереза между-тѣмъ сидѣла въ углу и горько плакала.

— Ну, mio Carlo! сказала старуха, когда наступило время пускаться въ путь. Не должно, чтобы Лабеччо заставлялъ себя дожидаться..... Поѣдемъ! Я доведу тебя до ушелія, гдѣ назначено быть поединку, и потомъ ворочусь домой.

Тереза вскочила и бросилась къ Полю.

— Нѣтъ, нѣтъ! не ѣзди! кричала она. Забудь что я тебя говорила..... Я сама не знала что дѣлала.....

— Нѣтъ, Тереза, отвѣчалъ Поль, стараюсь ласками успокоить дѣвушку : я не могу забыть, что только посредствомъ этой опасности приобрѣту право быть твоимъ мужемъ.... Полно же, моя милая! не плачь!.... Я ворочусь.

Онъ посадилъ ее въ кресла. Бѣдная лишилась чувствъ и упала.

— Дура! сказала синьора Біанка: вотъ нужно теперь падать въ обморокъ, когда мы торопимся ѣхать!..... Эй! Марія! подбери ее.... Это непостижимо, какъ въ нынѣшнемъ свѣтѣ молодыя дѣвушки позабыли важность вендетты!

Старуха, кашляя, взяла руку Поля и вывела его на крыльцо. Черезъ нѣсколько минутъ они вдвоемъ уже поднимались на горы. Любопытно и странно было видѣть дряхлую Корсиканку, съ необыкновенною ловкостью сидѣвшую на сѣдлѣ, въ какомъ-то почти фантастическомъ нарядѣ и съ ружьемъ за плечами. Наконецъ они приблизились къ одному ущелію, сдвоенному между двухъ горъ. Скалы стѣнами возвышались по обѣимъ сторонамъ узкаго провѣзду; ихъ вершины нагнались надъ дорожкой; подъ ними господствовалъ мракъ; вдали мелькало что-то свѣтлое: то былъ выѣздъ въ горную ложбину, озаренную лучами заходящаго солнца....

Синьора Біанки остановилась.

— Вотъ здѣсь! сказала она. Поѣзжай черезъ это ущеліе. Марліани пріѣдетъ съ другой стороны. По обычаю нашей родины, никто изъ васъ не долженъ выйти изъ этой лобжины, прежде нежели дѣло будетъ кончено, какъ слѣдуетъ. Прошай!

Она подвинулась къ Полю, взяла его руку, притянула молодаго человѣка къ себѣ, и поцѣловала ее съ любовью.

— Богъ да благословитъ тебя, mio Carlo! Будь достоинъ своего имени! возвращайся со славой!..... Прощай!

Полю остался одинъ и нѣсколько секундъ прислушиваясь къ топоту лошади, на которой отъ него уѣхала старуха.

— Ну! сказалъ онъ потомъ: я почти увѣренъ, этотъ сорванецъ Марліани подстрѣлитъ меня какъ зайчика.... Однако жъ!...

И онъ пустился въ ущеліе.

Между-тѣмъ снѣбора Біанки воротилась домой. Прошло довольно времени. Сидя подъ раскрытымъ окошкомъ, въ которое была видна дорога къ ущелію, она изрѣдка наклоняла голову, какъ-бы стараясь услышать звукъ отдаленнаго выстрѣла; но все было спокойно: ни какой шумъ не нарушалъ глубокой тишины вечера. Тереза, уединившись въ отдаленномъ углу, по-временамъ выпускала тяжелый вздохъ или не могла удержать своихъ всхлипываній; старая тѣтка взглядывала на нее сердито, и бѣдная дѣвушка должна была глотать свои слѣзы. Зараженная мѣстными предразсудками, старуха еще ни-разу не подумала о самоотверженіи, съ какимъ молодой человѣкъ подвергалъ опасности свою жизнь изъ угожденія ея прихоти; однако жъ она не могла не чувствовать ужасу, представляя себѣ горестныя послѣдствія, ежели онъ будетъ убитъ и въ немъ погибнетъ послѣдній потомокъ роду Лабеччо. Эта мысль покрыла блѣдностью ея старыя щеки и наполнила душу ея всѣми мученіями безпокойнаго ожиданія. Что касается до Терезы, то у нея къ состраданіямъ любви, хотя еще новой, однако уже глубокой и нѣжной, оправдываемой благороднымъ поведеніемъ Поля, присоединялось болѣзненное чувство раскаянія и угрызеніе совѣсти, что она была виновницею рѣшимости молодаго человѣка, который не имѣлъ ни какой нужды вмѣшиваться въ эту опасную исторію. Воображеніе Терезы представляло ей страшныя картины: она видѣла Поля раненымъ, окровавленнымъ, умирающимъ. Сердце ея разрывалось отъ злой тоски, и часто самыя строгіе взгляды тѣтки не могли дать ей силы скрыть свою горечь.

— Перестань же, Тереза! говорила снѣбора Біанки: не то, и я сдѣлаюсь такъ же робка и слаба какъ ты.

— Ахъ, тетушка! вы думаете только о чести своей фамиліи; но я.... я....

Этотъ разговоръ былъ прерванъ шумомъ шаговъ, раздавшихся подъ окнами замка.

— Кто тамъ? сказала старуха.

Тереза выглянула въ окно и съ ужасомъ объявила что это *желтыя куртки*, то есть, полиція, учрежденная въ Корсикѣ французскимъ правительствомъ и ненавидимая туземцами.

— *Желтыя куртки!* вскричала синьора Біанки. Зачѣмъ онѣ?... Гдѣ Дженовева? почему она ихъ не прогонитъ?

— Дженовева у больного, отвѣчала Тереза.

— Проклятый!..... Терпѣть не могу эту мокрую курицу!

Между-тѣмъ полицейскіе уже вошли въ замокъ, и предводитель ихъ, капралъ, веселый и краснощекій толстякъ, считавшійся первымъ говоруномъ по бригадѣ, остановясь на порогъ комнаты, гдѣ сидѣла синьора Біанки, отдалъ ей воинскій поклонъ.

— Что вамъ угодно, синьоръ? спросила хозяйка, съ высокомеріемъ глядя на учтиваго воина.

— Извините, что мы васъ беспокоимъ, отвѣчалъ онъ: но на лѣстницѣ и въ прихожей нѣтъ ни одного человѣка, а служба, вы знаете, синьора, служба.... о!...

— Служба, я думаю, не даетъ вамъ права входить въ мою комнату, когда я вамъ этого не позволила.

— Не совсѣмъ, синьора. Но я надѣюсь на вашу извѣстную благосклонность и смѣю полагать, что вы не откажете мнѣ и моимъ товарищамъ въ кружкѣ вина, когда мы, для пользы службы, сдѣлали три мила въ такую погоду, не промочивъ горла ни какимъ освежительнымъ.

— Да развѣ вы считаете мой домъ за кабакъ? возразила старуха съ гнѣвомъ.

— Не совсѣмъ, синьора, отвѣчалъ капралъ. Но..... перестанемъ говорить объ этомъ! Мы исполняемъ долгъ

службы. Служба, вы знаете.... Эй! ребята! закричалъ онъ, оглянувшись къ своей командѣ : ружья на плеча! и караулъ у всѣхъ входовъ и выходовъ !

— Чтѣ это значить ? спросила синьора : развѣ я подъ арестомъ ?

— Не совсѣмъ, синьора, опять отвѣчалъ капралъ съ своимъ неистощимымъ краснорѣчіемъ : это только маленькая предосторожность, которой требуетъ служба. Не извольте ни сколько беспокоиться : если мы и задержимъ вашего племянника , то обойдемся съ нимъ самымъ деликатнѣйшимъ образомъ.

— Моего племянника!.... Какъ? развѣ онъ въ чемъ виноватъ ?

Не совсѣмъ, синьора. Имѣются только свѣдѣнія, которыя его обвиняють , но дѣйствительно ли онъ виноватъ , это мы узнаемъ при исполненіи долга службы. Дѣло въ томъ, что у васъ есть недоброжелатели. Какой-то Грекъ донесъ , что племянникъ вашъ намѣренъ исполнить старинный обычай вендетты , а вы знаете, французскіе законы запрещаютъ вендетту : вотъ мы и посланы задержать вашего племянника.

— А! сказала синьора Біанки , двусмысленно взглянувъ на капрала.

— Но этотъ проклятый Грекъ не умѣлъ сказать, гдѣ будетъ вендетта, продолжалъ между-тѣмъ капралъ: и потому я полагаю, что намъ лучше всего дожидаться вашего племянника здѣсь.... надѣясь во всякомъ случаѣ, что вы не откажете намъ въ кружкѣ вина, синьора.

— О! разумѣется, разумѣется!.... Тереза! вели Дженовевъ..... Ахъ! да, она занята..... Потрудиись сама, моя милая , проводи этихъ добрыхъ людей на кухню, дай имъ вина.... вина.... нѣсколько кружекъ....

Тереза встала и вышла.

— Благодаримъ покорно, сказалъ капралъ, и хотѣлъ сдѣлать налѣво кругомъ, чтобы идти за Терезою , но синьора Біанки подозвала его къ себѣ.

— Вы говорите, что на моего племянника дождет Грекъ? спросила она вполголоса.

— Точно такъ, синьора, одинъ изъ тѣхъ Грековъ, которые надуваютъ нашихъ богатыхъ помѣщиковъ. Поручикъ, можетъ-статься, и не повѣрилъ бы этому негодяю, но долгъ службы, вы знаете.... Онъ повалъ меня къ себѣ, и говоритъ: «Капралъ Сенка! вотъ этотъ чортовъ сынъ показываетъ, яко бы племянникъ синьоры Біанки намѣренъ исполнить обычай вендетты съ синьоромъ Марліани. Вслѣдствіе того возьми шесть чловѣкъ, и трехъ изъ нихъ отправь къ Марліани, а трехъ въ замокъ синьоры Біанки, и буде слова этого чортова сына окажутся справедливыми, то задержи виноватыхъ и представь ихъ ко мнѣ по принадлежности.» — Слушаю-съ! отвѣчалъ я, и выполнилъ предписаніе начальства, присоединившись къ тому отряду, который отправился къ вамъ, синьора, потому что мнѣ ужъ давно было извѣстно, что вашъ домъ содержится отличнымъ образомъ, и притомъ я чловѣкъ воспитанный, умѣю обходиться съ прекраснымъ поломъ.

— Но помилуйте, капралъ! сказала синьора Біанки: какая надобность вашему поручику мѣшаться въ чужое дѣло?

— Не могу знать, синьора. Я обязанъ исполнять только долгъ службы.

— Но мой племянникъ и Марліани назначили поединокъ.... честный поединокъ, гдѣ каждая сторона пользуется одинаковыми преимуществами.

— Должно быть такъ, если вы это говорите, отвѣчалъ капралъ, приложивъ руку къ каскѣ.

Въ это время Тереза воротилась въ комнату и молча указала капралу на дверь.

— Понимаю, сударыня. Вы изволите давать знать, что тамъ приготовлено кое-что для меня и моихъ товарищей. Очень хорошо-съ. Могу васъ уверить, что мой

и никогда еще не пивали вина изъ рѣчьной хорошенькой маркизантки.

— Полицейскіе громко захохотали при этомъ образчикъ шарпейнаго остроумія и отправились за своимъ преподавателемъ въ кухню. Скоро звонъ кружекъ возвѣстивъ, что они ревностно приступили къ исправленію своей должности. Тереза на цыпочкахъ подошла къ нимъ.

— Тетюшка! что жъ это будетъ? если нашъ другъ оббгнетъ отъ смерти, то его арестуютъ полицейскіе!

— Негодяй Чезаріо! проворчала синьора Біанки. Я знаю его хитрость: онъ нарочно не сказалъ о сѣхъ поединка, чтобы во всякомъ случаѣ погубить его.

— Тетюшка! нельзя ли какъ-нибудь его предупредить? нельзя ли кого-нибудь послать къ нимъ сказать, чтобы они не стрѣлялись?

— Чтобы они не стрѣлялись!.... Ты съ ума сошла, Тереза!

— Но, тетюшка!....

Въ эту минуту послышались чьи-то шаги въ корридѣ. Тереза бросилась къ дверямъ, надѣясь увидѣть Шарля; но это былъ Шарль. Блѣдный, разстроенный, едва передвигалъ ноги отъ слабости, и, войдя въ комнату, упалъ на ближнія кресла. Тереза спѣшила подойти къ нему. Напротивъ того синьора Біанки взглянула на Шарля съ видомъ презрѣнія и насмѣшки.

— Что вы, москѣ Дюверь? сказала она: зачѣмъ вы пришли изъ своей комнаты?

— Извините, отвѣчалъ Шарль. Жѣнщина, которая оставлена ко мнѣ, задремала, и я воспользовался этимъ, чтобы добраться сюда.... Мнѣ необходимо надо поговорить съ вами.... Можетъ-быть, есть еще способъ отвратить несчастіе....

— Какое несчастіе? небрежно спросилъ сеньора Біанки. Или вы думаете, что человекъ благородныхъ правилъ считаетъ несчастіемъ подвергнуть опасности жизнь свою въ такомъ дѣлѣ, которое касается чести его фамиліи?

— Но ежели это дѣло совсѣмъ не касается чести его фамиліи? сказалъ Шарль.

— Чтò это значить, сударь? съ гнѣвомъ вскричала сеньора Біанки.

— Это значить, отвѣчалъ Шарль, дѣлая надъ собой болѣзненное усиліе: это значить, что вашъ племянникъ, сынъ вашего брата, тотъ, кому принадлежитъ право мстить за честь вашей фамиліи, словомъ, Карло Лабетчо — я, а человекъ, который теперь подвергаетъ для васъ опасности жизнь свою, совсѣмъ посторонній, чужой, другъ вашего племянника.

Сеньора Біанки, въ недоумѣніи, взглянула на Терезу.

— Тетушка, робко прошептала Тереза: онъ говоритъ правду.

— Быть не можетъ! возразила старуха: нѣтъ! этого быть не можетъ!.... онъ бредитъ.... онъ болѣнъ....

— Клянусь вамъ! подтвердилъ бѣдный Шарль.

— Пустое!.... Возможно ли, чтобы Лабетчо.... О, нѣтъ! и къ чему эта хитрость? къ чему посторонній станеть проливать за меня свою кровь?

— Эта хитрость была употреблена длятого чтобы спасти моего отца.

— А изъ любви ко мнѣ, мосьё Дюверь согласился драться съ Марліани, прибавила Тереза.

Старуха нѣсколько минутъ смотрѣла на Шарля; глаза ея горѣли и губы тряслись отъ ярости.

— Такъ ты Лабетчо! вскричала она наконецъ: ты Лабетчо! потомокъ людей, которые всегда отличались силой и мужествомъ!.... Нѣтъ! это не правда....

правда, говорю тебѣ! Если же ты въ самомъ дѣлѣ Лабеччо, то безчестишь собою всю нашу фамилію....

— Тетушка! простоналъ Шарль: прежде-нежели обвините меня, подумайте о моемъ положеніи, вспомните....

— Что мнѣ теперь за нужда, если Марліани и будетъ убитъ на дуэли! продолжала синьора Біанки: его убьетъ не Лабеччо! Я не могу принять такой услуги отъ посторонняго.... Ежели онъ самъ будетъ жертвой, это ляжетъ вѣчнымъ упрекомъ на мою совѣсть.... Я не должна допустить.... надобно послать кого-нибудь.... О, Боже мой! имя наше покрывается вѣчнымъ срамомъ!

— Нѣтъ, тетушка! возразилъ Шарль: отсрочьте только этотъ бѣдственный поединокъ. Я выздоровлю и.... клянусь вамъ! я исполню свою обязанность.

Между-тѣмъ Тереза, въ отчаяніи, ломала руки, не зная кого послать къ Полю.

— Боже мой! вскричала она: я одна во всемъ виновата: я и побѣгу спасать его....

— Ты не знаешь дороги, бѣдненькая, съ участіемъ сказала ей тѣтка.

— Нужды нѣтъ! я буду бѣгать.... кричать.... Онъ узнаетъ мой голосъ....

Но въ эту минуту послышался звукъ отдаленнаго выстрѣла. Всѣ онѣмѣли. Никто не смѣлъ тронуться съ мѣста.

— Поздно! произнесла наконецъ синьора Біанки.

— Поздно! повторила Тереза, упавъ на колѣни. Господи! пощади его.

Послѣдовало долгое и томительное молчаніе. Старуха ожидала втораго выстрѣла, но въ горахъ было тихо: только слышался звонъ стакановъ, которыми забавлялись исправные полицейскіе.

— Не стрѣляютъ, сказала синьора Біанки: одинъ изъ противниковъ палъ.... Карло Лабеччо! ты долженъ дать отчетъ въ его смерти, кто бы онъ ни былъ.

— Карло Лабеччо! повторили въ кухню. Ребята! въ походъ! Лабеччо воротился: захватимъ его скорѣе по долгу службы.

И секунду спустя, краснощекий капралъ, сдѣлавшійся еще румянѣе, вошелъ въ залу, въ-сопровожденіи трехъ солдатъ, которые пошатывались изъ стороны въ сторону.

— Такъ вотъ онъ, этотъ шалунишко Карло Лабеччо! сказалъ Сенекъ, глядя на Шарля. Я узналъ бы его изъ тысячи человекъ.... Ребята! исполняйте долгъ службы, только съ уваженіемъ, съ благопристойностію.... понимаете?.... А! синьоръ Карло Лабеччо! вы изволили подстрѣлить старика Марліани? Кръпокъ былъ старый плутъ, не правда ли?.... Ну, теперь нечего дѣлать, дружочекъ! пойдите. Не заставьте долго себя упрашивать. Мы поведемъ васъ тихонько: будьте спокойны на этотъ счетъ.

И, повернувшись къ синьоръ Біанки, капралъ прибавилъ: — Надѣюсь, синьора, что вы совершенно довольны моею учтивостію.

Старуха не обратила вниманія на эти слова: казалось, ей было рѣшительно всё-равно, арестуютъ или не арестуютъ Шарля. Но Тереза, напротивъ, не могла безъ содроганія видѣть, что больной Шарль подвергается безвинной отвѣтственности.

— Господинъ капралъ, сказала она: это не Лабеччо.

— Право? отвѣчалъ Сенекъ: а развѣ мы не своими ушами слышали, какъ эта почтенная госпожа называла его Карломъ Лабеччо? Или вы думаете, что если ужъ попотчивали насъ водкой, такъ и того..... Нѣтъ, наша распрекрасная барышня! полицейскіе водку пьютъ, а дѣла не забываютъ. Такъ ли, ребята?

Громкій хохотъ солдатъ былъ отзывомъ на глубокую истину, сказанную капраломъ.

— Но что же, если бы я и въ самомъ дѣлѣ былъ

Карло Лабеччо, что бы вы со мной сделали? спросил Шарль.

— Видите, наша распрекрасная барышня? подхватил капраль: онъ самъ сознается, что онъ Карло Лабеччо!

— Карло Лабеччо!.... я здѣсь! закричалъ въ это время знакомый Терезъ голосъ, и Поль опрометью кинулся въ комнату.

Платье его было въ беспорядкѣ, волосы растрепаны, лицо до крови исцарапано колючими вѣтвями растеній; но между-тѣмъ Дюверъ казался въ самомъ веселомъ расположеніи духа.

Шарль и Тереза, увидѣвъ Поля, вскрикнули отъ радости. Синьора Біанки вскочила и, подойдя къ нему, спросила шопотомъ: — Онъ убитъ?

Но Поль, на первый разъ, не видѣлъ никого кромѣ Терезы. Подбѣжавъ къ своей милой невѣстѣ, онъ схватилъ ея руки и осыпалъ ихъ поцѣлуями.

— Я говорилъ вамъ, что ворочусь! сказалъ онъ съ восторгомъ.

— Что же это за дьявольщина? бормоталъ между-тѣмъ капраль: или я хватилъ лишнее, что у меня стало въ глазахъ двоиться? — Ребята! какъ вы думаете, нѣтъ ли здѣсь двухъ Карловъ Лабеччо?

— Нѣтъ, здѣсь одинъ Карло Лабеччо, возразилъ Поль, тотчасъ догадавшійся о причинѣ прибытія полицейскихъ: это я! Что вамъ надобно?

— Вы?..... а не онъ?..... Смотрите, молодой человекъ! службой не шутятъ: служба, знаете.... Я обязанъ сдѣлать вамъ формальный допросъ. Отвѣчайте: вы ли Карло Лабеччо?

— Я.

— У васъ ли была назначена дуэль съ Марліани?

— У меня.

— Такъ милости просимъ! Я арестую васъ какъ убійцу онаго Марліани.

— Но Марліани живъ! сказалъ Поль, сдѣлавъ движеніе, отъ котораго капралъ полетѣлъ на другой конецъ комнаты.

— Живъ? закричали всѣ въ одинъ голосъ.

— Да, живъ, повторилъ Дюверъ: и, въ доказательство, вотъ онъ самъ!

Дѣйствительно, въ эту минуту высокая фигура Марліани показалась изъ темнаго корридора и остановилась у входу въ комнату. Старикъ былъ разстроены; взглядъ его, прежде гордый и пламенный, смотрѣлъ неподвижно въ землю; на лицѣ, вмѣсто обыкновенной насмѣшливой улыбки, господствовало выраженіе скорби и униженія. Онъ держалъ въ рукѣ длинное ружье, на которомъ еще были слѣды недавняго выстрѣла. Синьора Біанки, увидѣвъ его, мгновенно всыхнула всѣмъ жаромъ своихъ корсиканскихъ страстей; но Марліани, подойдя къ ней, сказалъ:

Синьора, племянникъ вашъ пощадилъ меня, и я пришелъ выполнить данное ему обѣщаніе. Мы были въ горахъ. Я первый увидѣлъ Лабеччо, выстрѣлилъ.... но глазъ и рука моя теперь уже не такъ вѣрны какъ были въ старые годы!.... Карло тотчасъ подбѣжалъ ко мнѣ, приставилъ ружье къ моей груди, и сказалъ: «Ты въ моей власти; однакожъ я пощажу тебя, ежели ты сейчасъ же пойдешь къ моей почтенной теткѣ и скажешь ей, что ты знаешь передъ нею, что родъ Лабеччо превосходитъ родъ Якоби въ храбрости и въ великодушіи.» Что мнѣ было дѣлать?.... Я согласился....

Синьора Біанки выслушала этотъ разказъ съ гордымъ вниманіемъ.

— Марліани! произнесла она громко: такъ ты признаешь себя побѣжденнымъ? ты не опровергаешь того, что мы могли выместить на тебѣ смерть нашего предка Бенно Лабеччо и не сдѣлали этого только изъ состраданія.

— Признаю и не опровергаю, отвѣчалъ Марліани толголосо.

— А я, подхватилъ Поль : съ своей стороны также признаю, что дружище Марліани прелихой малой, потому что когда я ему приставилъ къ самой груди дуло ружья, такъ онъ даже и не понялился, какъ-будто это было не ружье, а свекла.

Дюверъ пожалъ руку Марліани ; старикъ оувѣчалъ ему тѣмъ же.

— Слѣдственно, сказала синьора Біанки : распря Ластю съ Якоби теперь окончилась. Пусть же о ней и не будетъ больше помину. Марліани, я не питаю противъ тебя ни малѣйшей вражды, и надѣюсь, что когда тебѣ случится проѣзжать мимо моего дому, то ты не откажешься завернуть ко мнѣ выпить рюмку вина.

— Вина ! повторилъ Сенека : это напоминаетъ мнѣ, что тамъ, въ кухнѣ, остался недопитый кувшинъ водки.....

— Допейте ее за наше здоровье, сказала старая бабка.

— Именно такъ ! отвѣчалъ капралъ. Никто никого не смѣлъ, арестовать некого : слѣдовательно, долгъ службы требуетъ допить водку.

Полицейскіе вышли изъ комнаты. Марліани, почти-льно раскланявшись, послѣдовалъ ихъ примѣру.

— Довольны ли вы, тѣтушка ? спросилъ Поль.

— Мосьё Дюверъ, отвѣчала старуха : вы оказали мнѣ услугу, которой я никогда не забуду, и зато получите въшанное награжденіе.

— Какъ ! вскричалъ молодой человекъ : вы ужь знаете мое имя.

— Да, я все знаю, мосьё Дюверъ. Но посторонніе не должны знать ничего, и потому я прошу васъ, во все время, которое вы здѣсь проведете, называться моимъ компаньонкомъ Карломъ Лабеччо. Поѣзжайте скорѣе во Францію. Черезъ три мѣсяца я съ Терезой буду ждать

васъ въ Аяччо. Тамъ кончимъ свадьбу. Тереза получитъ въ приданное все мое имѣніе. Я прошу только, чтобы вы позволили мнѣ управлять имъ вмѣстѣ съ Чезаріо. Этотъ человѣкъ для меня то же, что негодная собака для господина, который къ ней сдѣлалъ привычку. Онъ донесъ на васъ сегодня полиціи, но простите его.

— Отъ всего сердца !

— А что будетъ со мною, тѣтушка ? спросилъ Шарль печальнымъ голосомъ.

— Съ вами сударь ?.... Мосьё Дюверъ доставитъ приказъ къ моему банкиру на осемьдесятъ тысячъ франковъ. Вы спасли своего отца : это , кажется , все , за чѣмъ вы сюда пріѣзжали.

— Но ваша дружба, тѣтушка ?

— Никогда !

=

ГРАФИНЯ ЭСӨИРЬ ДЕ-ШАЗЁЛЬ.

ПОВЁСТЬ ГОСПОЖИ ШАРЛЬ РЕВӨ.

На колокольнѣ церкви Святаго Филиппа пробило пять часовъ утра. Лучи восходящаго солнца, просвѣщаясь сквозь зеленые занавѣсы въ окнахъ одной изъ богатѣйшихъ отелей Сенъ-Жерменскаго Предмѣстїя, освѣщали внутренность комнаты, убранной съ той изысканной простотой, которая составляетъ отличительную черту нѣкоторыхъ аристократическихъ жилищъ и обходится дороже самаго роскошнаго великолѣпія. Стѣны ея были обдѣланы бѣлой шелковою матерїей; бѣлая же матерїя покрывала мебель; на окнахъ цвѣты; воздухъ дышалъ ихъ утонченнымъ благовоціемъ; большое зеркало отражало въ себѣ стоящїе передъ нимъ часы въ изящныхъ украшенїяхъ комнаты. У стѣны, на супротивъ оконъ, была кровать, и за ея тонкимъ пологомъ спала кроткимъ, младенческимъ сномъ молодая дѣвушка красоты необыкновенной.

Тихо. Вдругъ пологъ зашевелился, и изъ бѣлой дивана ея, какъ изъ облака, выглянуло лицо, свѣжее словно утро, прелестное какъ цвѣты, украшавшіе комнату. Дѣвушка съ удовольствїемъ повела глазами по всѣмъ

предметамъ, которые около нея находились. Въ милой, почти дѣтской, физиономіи ея выражалось счастье, на губахъ играла радостная улыбка. Осторожно, какъ-бы украдкою, она выдвинула одну ножку изъ-подъ шелковаго одѣяла, спустила ее на полъ, спустила другую, и, выскочивъ изъ постели, подбѣжала къ уборному зеркалу, гдѣ, на дорогомъ туалетѣ, разложены были кружева, блонды, разныя драгоценныя украшенія; потомъ отпорхнула къ кресламъ, на которыхъ висѣлъ модный утренній шлафрокъ; потомъ перебѣжала къ цвѣтамъ, съ восхищеніемъ любовалась на ихъ пышныя чашечки, съ упоеніемъ вдыхала въ себя ихъ благоуханіе; оттуда кинулась опять къ туалету, еще разъ пересмотрѣла поодиночкѣ каждую вещь, и наконецъ впрыгнула снова въ постель, не переставая однако жъ выглядывать изъ-за кисейнаго полога на украшенія своей спальни.

Эта дѣвушка была Эсэвр де-Шазэль, единственная дочь графа Феликса де-Шазэля, богатѣйшаго изъ аристократовъ старинной Франціи. Не должно удивляться ребяческому восторгу, съ какимъ она разсматривала предметы роскоши, представлявшіеся глазамъ ея: мадамъ де-Шазэль только вчера вышла изъ монастыря. Отецъ ея, человекъ вдовый, провелъ большую часть своей жизни въ путешествіяхъ. Исторія его была мало извѣстна въ сѣнь-жерменскихъ гостиницъ. Знали только, что онъ принадлежитъ къ древнему благородному дому, часто упоминаемому въ отечественныхъ лѣтописяхъ: этого никогда не забываютъ между людьми, составляющими высшій кругъ общества, гдѣ титулъ, родословная, гербъ необходимо требуются отъ каждаго члена. Но какъ провелъ свою жизнь мадамъ де-Шазэль, послѣ того какъ оставилъ военную службу, гдѣ онъ былъ, что дѣлалъ, все это скрывалось подъ завѣсой какой-то таинственности. Больше всѣхъ знала мадамъ Абель, кормилица и нянька Эсэври, но и ея свѣдѣнія были очень ограничены. Она рассказывала

только, что первая встреча ея съ мосьё де-Шазэлемъ случилась на корабль, шедшемъ изъ Гаваны. Графъ всталъ съ супругой своей во Францію. Графиня была беременна. Сдѣлалась буря. Молодая женщина, въ испугъ, преждевременно родила и заплатила своей жизнью за жизнь дитяти. Въ это-то время мадамъ Абель, которая сама не задолго до того времени также родила, но имѣла несчастіе лишиться своего ребенка, поступила въ услуженіе къ графу, кормилицей его новорожденной дочери. Она прежде того никогда не видала мосьё де-Шазэля и его молодой жены, потому что графиня, по болѣзни, не выходила изъ каюты и графъ безотлучно находился при ней. Когда мадамъ Абель ввели въ жилище несчастнаго семейства, покойницы уже не было: ее бросили въ море. Вдовецъ сидѣлъ, опустивъ голову на руки, закрывши лицо, не произнося ни слова. Корабельный докторъ опасался сумасшествія; можно было также опасаться и самоубійства. Графъ уже два дня не принималъ ни какой пищи, и все, что онъ дѣлалъ впродолженіи этого времени, рѣшительно показывало склонность покуситься на свою жизнь. Мадамъ Абель, вдохновенная инстинктомъ женщины-матери, вывела его изъ этого бѣдственнаго состоянія: взявъ новорожденную малютку, она положила ее на колѣни къ графу и сказала, что онъ долженъ жить для этого бѣднаго, безпріютнаго существа. Мосьё де-Шазэль онемѣлся. Приѣхавъ во Францію, онъ провѣлъ нѣсколько лѣтъ въ своемъ бретанскомъ помѣстьѣ, гдѣ жилъ въ совершенномъ уединеніи, угрюмый, печальный, неразсвѣдаемый ничѣмъ кромѣ небольшихъ заботъ о воспитаніи малодѣтной дочери, но и тѣ онъ исполнялъ какъ-то неохотно, хотя страстно любилъ малютку. Казалось, что его давила какая-то тайная скорбь, кація-то горькія, безцвѣтныя воспоминанія, или, можетъ-быть, онъ потому некоторымъ образомъ удавался отъ Эсмеръ, что она слишкомъ живо приводила ему на память же-

ну, которую онъ, какъ видно, боготворилъ до безумія. Когда Эсэири минуло девять лѣтъ, онъ привезъ ее въ Парижъ и отдалъ въ одно воспитательное заведеніе при монастырѣ, гдѣ настоятельницаю была его дальняя родственница. Съ тѣхъ поръ Эсэиръ видѣла отца своего только трижды, на самое короткое время. Графъ постоянно жилъ за границей, считался по Англіи, по Германіи, по Италіи, и прѣзжалъ въ Парижъ только на нѣсколько дней, навѣщалъ дочь свою, осыпалъ ее нѣжливѣйшими ласками, и потомъ снова скрывался. Онъ былъ постоянно угрюмъ: время и путешествія не разсѣяли мраку, лежавшаго на душѣ его. Наконецъ Эсэири исполнилось семнадцать лѣтъ: она развилась прелестно. Графъ, бывшій на этотъ разъ въ отсутствіи слишкомъ три года, явился въ Парижъ и объявилъ дочери, что монастырское житіе ея кончилось. У него былъ въ Парижѣ свой домъ, наследственные палаты фамиліи де-Шазёлей. Тотчасъ началась уборка оставленнаго жилища. Графъ не жалѣлъ ничего: онъ хотѣлъ жить со всей роскошью, которую позволяло ему огромное богатство, хотѣлъ ввести дочь свою въ высшій кругъ, озарить ее блескомъ и нѣгой, потопить ее въ свѣтскихъ удовольствіяхъ, сдѣлать для нея все, лишь бы она была счастлива. Въ поздній вечеръ, Эсэиръ, въ своемъ темненькомъ монастырскомъ платьѣ, привезена была въ великолѣпную отель графа де-Шазёля, и мы видѣли пробужденіе ея на слѣдующее утро.

Графъ не любилъ ничего откладывать: въ тотъ же день у него былъ балъ, на которомъ Эсэиръ впервые явилась передъ глазами свѣта. Это появленіе сопровождалось успѣхомъ самымъ блистательнымъ. Иначе не могло и быть: красавица, семнадцати лѣтъ, единственная наследница имени и богатства древнихъ графовъ Шазёлей; Эсэиръ не могла не произвести впечатлѣнія на толпу, всегда готовую поклоняться золотому куми-

ру или составленную изъ людей разнаго образа мыслей, изъ умовъ разсчитливыхъ , которые цѣнили приданное молодой графини, и изъ чувствительныхъ душъ, которыя умѣли отдать справедливость ея красотѣ, уму и любезности. Достоинства Ээри дѣйствовали на всѣхъ. Она была царицею вечера. Молодые люди увивались вокругъ нея , оспаривая одинъ у другаго счастье протанцовать съ нею, и сами женщины не противурѣчили, что Ээери прекрасна, хотя нѣкоторыя изъ нихъ умнрали отъ зависти.

На другой день послѣ бала, къ графу пріѣхалъ старинный пріятель его баронъ д'Алюинъ. Графъ сидѣлъ тогда у Ээери. Баронъ , безъ доклада , вошелъ прямо къ нимъ. Это былъ старичокъ небольшого роста, живой, дѣятельный, нѣчто въ родѣ практическаго философа, который , не обладая богатствомъ, умѣлъ не завидовать богачамъ и вести пріятную жизнь, предпочитая общество молодежи обществу своихъ сверстниковъ, и заслуживая у всѣхъ имя честнаго, умнаго и добраго человѣка.

— Здравствуйте ! сказалъ онъ , протягивая руку къ графу. Знаете ли , что , по случаю моей дружбы съ вами, я сегодня засыпанъ визитами ? Того гляди , начну считать себя за важнаго человѣка. Цѣлое утро моя пріемная комната была биткомъ-набита людьми, которые вчера имѣли честь присутствовать на вашемъ удивительномъ праздникѣ. Многіе почти на колыняхъ просятъ , чтобы я исходатайствовалъ имъ дозволеніе посѣщать иногда вашъ домъ.

— У меня будетъ день, баронъ : по понедѣльникамъ. Ээери, что ты скажешь на это ?

— Ахъ , какое счастье ! вскричала Ээери. Есть нѣсколько человѣкъ, которыхъ мнѣ будетъ очень пріятно видѣть.

— Право?... а кто эти люди ? съ улыбкою спросилъ

баронъ д'Алюинъ, глядя на нее черезъ верхній край своихъ золотыхъ очковъ.

— Во-первыхъ, всѣ дамы. Онъ такія милыя. Потому, нѣсколько изъ мужчинъ.... не изъ молодыхъ только.

— Однако жъ молодые мужчины гораздо лучше танцуютъ, замѣтилъ баронъ съ шутливою важностію.

— Зато они ужасъ скучны. Говорятъ комплименты, все комплименты, и иногда такіе кудрявые, что сами сбиваются съ толку. Я лучше люблю людей, которые говорятъ просто.

— Что жъ, нашли ли вы въ этомъ родѣ?

— Нашла, баронъ. Тутъ былъ одинъ.... не самый молодой человекъ, вашъ знакомый.

— Мой знакомый? Почему вы знаете?

— Вы съ нимъ долго разговаривали, стоя подле меня, у столика, между столикомъ и этажеркой, на которой были цвѣты.... Помните?

— Нѣтъ.... не помню что-то....

— Ахъ! какъ же это вы не помните! Удивительно! Погодите, я расскажу вамъ, какъ вы стояли. Онъ былъ положимъ, вотъ здѣсь. Вы подошли отсюда, взяли за руку.... вотъ такъ, и потомъ стали.... вы здѣсь, онъ здѣсь.... Ну, помните?

— Право, не помню.

— Странно!.... Онъ здѣсь, вы здѣсь, и онъ еще жалъ руку вотъ такъ.... Неужели не помните?

— Хоть убейте, не помню! И какъ вы хотите, что я помнилъ всѣхъ, съ кѣмъ случилось мнѣ говорить такомъ множествѣ?.... Онъ человекъ пожилой?

— О! нѣтъ. Что вы? Онъ не самый молодой человекъ, говорю я, то есть, не мальчикъ; но еще молодѣлъ тридцати.... лучше всѣхъ собою и лучше былъ одѣтъ.

— А! знаю, знаю! вскричалъ баронъ, какъ будто

только теперь догадывалась, о комъ говорила прекрасная дѣвушка : это маркизъ де-Пальмарола.

— Испанецъ ? спросилъ мосьё де-Шазэль, не отводя глазъ отъ книги, которую перелистывалъ.

— Нѣтъ, креоль. Но онъ воспитывался въ Парижѣ, почти постоянно жилъ здѣсь, и совершенный Французъ по уму, по характеру, по образованію. — Такъ вамъ понравился его разговоръ, графиня ? Это не удивительно. Онъ мастеръ говорить и вѣрно наскандалилъ вамъ кучу блестящихъ любезностей.

— Вотъ то-то же нѣтъ ! Въ такомъ случаѣ, я не знала бы что отвѣчать. Онъ, напротивъ, заговорилъ со мной очень просто, какъ-будто одна изъ моихъ монастырскихъ подругъ, и я тотчасъ же нашла что сказать ему, такъ что черезъ нѣсколько минутъ мы болтали, словно вѣкъ были знакомы, а къ концу вечера подружился совсѣмъ.

При этихъ словахъ, компаніонка, приставленная къ Эсэри, почтенная дѣвица лѣтъ сорока, сухая, прямая, какъ сѣрная спичка, значительно подняла голову и остановила свои оловянные глаза на графинѣ. Баронъ съ улыбкою посмотрѣлъ на графа. Мосьё де-Шазэль кивнулъ головой.

— Вѣрно, я проболталась какъ монастырка ? сказала Эсэри въ смущеніи.

— Ничего, ничего ! вскричалъ веселый баронъ. При постороннихъ, другое дѣло ; но когда съ вами только видъ папенька, да вашъ старій другъ, то говорите-себѣ какъ прійдетъ въ голову : васъ не осудятъ. Однако жъ мы отбились отъ начатой матеріи. Скажите, ктѣ больше всѣхъ вамъ понравился изъ танцующихъ ?

— Никто. Я что-то не помню никого кромѣ вашего знакомаго, маркиза де-Пальмаролы.

Эсэри вышла въ другую комнату.

— Чтò вы скажете объ этомъ предпочтеніи? спросилъ баронъ, подвинувшись къ графу.

— Чтò жъ мнѣ сказать? отвѣчалъ мосьё де-Шавёлъ: ребячество!

— Конечно. Однако жъ вы позволите привезти къ вамъ Пальмаролу?

— Разумѣется. Я буду очень радъ его видѣть.

И черезъ два дня маркизъ Гонсало де-Пальмарола былъ представленъ въ домъ графа уже не въ качествѣ бальнаго рыцаря, а просто какъ знакомый человѣкъ, имѣющій право являться когда разсудить. Сближеніе его съ мосьё де-Шавэлемъ было непродолжительное. Чтобы не скучать читателю описаніемъ разныхъ препятствій, которыхъ тутъ вовсе не было, скажемъ, что, мѣсяца два спустя, Пальмарола былъ уже женихомъ Эсеири. Все дѣлалось очень просто, по-свѣтски. Даромъ-что любовь молодыхъ людей была вовсе не свѣтская и принадлежала къ глубокимъ, истиннымъ чувствамъ, объясненіе ихъ, помолвка и все прочее не сопровождалось ни какими изъ тѣхъ затрудненій, которыя съ такой щедростью изобрѣтаются романистами. Добрый мосьё д'Алюинъ, другъ обѣихъ сторонъ, игралъ, разумѣется, первую роль въ этомъ дѣлѣ и ускорилъ приведеніе его къ вождельнному окончанію. Ударили по рукамъ, и черезъ мѣсяць назначили свадьбу.

Впродолженіи этого мѣсяца, счастливый женихъ получилъ однажды письмо, которое заставило его поблѣднѣть, когда онъ увидѣлъ знакомый почеркъ. То было письмо отъ маркизы де-Виллаверде. Она очень холодно извѣщала Пальмаролу о возвращеніи своемъ изъ Мадрита и приглашала его къ себѣ, присовокупляя, что имѣетъ сообщить ему нѣчто важное. Молодой человѣкъ долго ходилъ въ задумчивости по кабинету: видно было, что онъ очень взволнованъ, что его терзаетъ какое-то жестокое чувство, раскаяніе или боль...

Однако жъ, когда пробило семь часовъ вечера, онъ поѣхалъ къ маркизѣ.

Напрасно въ тотъ день Эсмеръ ждала своего жениха: Пальмарола не являлся. На слѣдующее утро, баронъ д'Алюишъ, по порученію графа, пріѣхалъ къ маркизу осведомиться, не захворалъ ли онъ, и нашелъ его блѣднымъ, разстроеннымъ, въ ужасномъ волненіи духа.

— Что съ вами случилось, мой другъ? что вы?

Молодой человекъ долго не отвѣчалъ. Но надо же было объясниться съ пріятелемъ будущаго своего тестя: слово-за-слово, и Пальмарола чистосердечно высказалъ старику все свое несчастіе. Вотъ его повѣсть.

Гонсало родился въ Гаванѣ, гдѣ отецъ его имѣлъ значительныя плантаціи. Кончивъ въ Парижѣ курсъ своего воспитанія, онъ, по требованію отца, на двадцать-второмъ году отъ-роду, воротился въ отчизну. Свиданіе было и радостное и горестное: старикъ Пальмарола находился на краю гроба и вызвалъ сына только затѣмъ, чтобъ дать ему родительское благословеніе и проститься на другую, вѣчную разлуку. Когда первое волненіе этого трогательнаго свиданія миновало, пріѣзжій замѣтилъ, что они не одни.

— Ты не знаешь своей кузины, Луизы, сказалъ старикъ, указывая на прекрасную молодую женщину, которая сидѣла поодаль и молча глядѣла на Гонсало.

Луиза была дочь младшей сестры отца его. Оставшись сиротой послѣ матери, она находилась подъ опекой у стараго Пальмаролы. Гонсало дѣйствительно никогда ее не видывалъ, зналъ о ней только по отцовскимъ письмамъ. Ему казалось, что старикъ имѣетъ намѣреніе соединить ихъ бракомъ, и потому онъ не безъ замѣшательства подошелъ къ Луизѣ съ обычной рекомендаціей. Напрасно: Луиза была уже замужемъ за богатымъ гаванскимъ помѣщикомъ, маркизомъ де-Виллаверде.

Несколько дней, протекшіе отъ пріѣзду Гонсало до кончины отца, невольнымъ образомъ сблизили молодого человека съ Луизой, которая въѣхала съ мужемъ гостить у своего дяди. Она ему вовсе не нравилась: прекрасная красотой креолки, она имѣла въ своей физиономіи что-то такое, съ чѣмъ взыскательный вкусъ Гонсало никакъ не могъ гармонировать. Несмотря на то, близкая степень родства, житье въ одномъ домѣ, взаимное знаніе всѣхъ обстоятельствъ семейственныхъ, неизбежно должны были водворить между ними нѣкоторую короткость. Что касается до мужа Луизы, то онъ какъ-то не сошелся съ молодымъ Пальмарой. Впрочемъ этого не надобно относить къ его недостаткамъ: Виллаверде былъ человекъ умный, благовоспитанный. Обладая притомъ молодостью и замѣчательной красотой, онъ по-настоящему долженъ бы былъ внушить страстную любовь такой женщины, какою казалась Луиза. Но судьба устроила иначе. Двоюродная сестра Гонсало принадлежала къ числу креолокъ, которыхъ ратъ excellence можно назвать креолками. Ленивая, избѣженная, безпечная, она цѣлые дни проводила лежа на мягкихъ циновкахъ, безъ всякаго физическаго или умственнаго занятія, и цѣлыя ночи просиживала на балконѣ, опершись на его балюстраду, глядя на звѣздное небо, прислушиваясь къ отдаленному ропоту моря: вся ея дѣятельность сосредоточивалась въ крови. Однимъ вечеромъ Гонсало засталъ ее въ такомъ положеніи. Зашла рѣчь о кончинѣ Луизинной матери.

— Къ-счастію, мой отецъ случился на эту пору, сказалъ Гонсало. Онъ любитъ васъ какъ родную дочь и устремля въ васъ благополучіе.

— Да, онъ хотѣлъ устроить мое благополучіе, отвѣчала Луиза. Я очень признательна ему за родственную любовь, но никогда не прощу того, что онъ выдалъ меня замужъ за мѣсяць до вашего пріѣзду.

Наконецъ старикъ Пальмарола умеръ. Гонсало тотчасъ же рѣшился уѣхать во Францію. Хлеботы по случаю похоронъ и приготовленій къ дорогѣ сблизили его еще больше съ Луизой. Маркиза де-Виллаверде, равнодушная и небрежная къ нему при другихъ, увидѣла однако жъ такъ управлять обстоятельствами, что они почти всегда были вмѣстѣ, часто наединѣ. Разъ — это случилось наканунѣ отъѣзду Гонсало — они вечеромъ сошлись въ бельведеръ, устроенномъ на кровлѣ ихъ дому. Вдали былъ видѣнъ заливъ; французскій бригъ «Клеопатра», на которомъ Гонсало долженъ былъ завтра уѣхать во Францію, качался въ гавани и призывалъ пассажировъ. Молодой человекъ въ послѣдній разъ слышалъ однообразный крикъ негровъ, нагружавшихъ суда; въ послѣдній разъ видѣлъ заходящее гаванское солнце. Это навело на него задумчивость. Опустивъ голову на руку, устремивъ глаза на розовую поверхность моря, онъ размышлялъ о таинственномъ будущемъ, которая его ожидаетъ, и эти мысли пролили въ его душу какую-то грусть безотчетную и неизяснимую. Луиза сидѣла возлѣ; она слѣдила за движеніями Гонсало и, такъ же какъ онъ, устремила свой взоръ на море, положивъ руки крестомъ на волнующуюся грудь. Долго длилось молчаніе. Наконецъ Луиза сказала:

— И я когда-нибудь поѣду во Францію.

— Когда овдовѣешь, произнесъ голосъ позади Луизы.

Это былъ Виллаверде. Гонсало, самъ не зная отчего, поблѣднѣлъ. Слова Виллаверде, кажется, не заключали въ себѣ ни какого особеннаго значенія, но голосъ, которымъ они были сказаны, придавалъ имъ глубокий смыслъ. Трудно рѣшить, что было на умѣ у мужа Луизы: можетъ-статься, ничего не было. Онъ спокойно сѣлъ и примолвилъ:

— Лучше привѣжайте-ка вы къ намъ, любезный Гон-

сало, да привошите съ собой молодую жену, какую-нибудь прекрасную Парижаночку.

— Это легко можете случиться, отвечалъ Пальмарола, и въ ту же минуту увидѣлъ, что Луиза вдругъ поблѣднѣла какъ полотно.

На слѣдующее утро, онъ простился съ своими родственниками. Креолка была спокойна, не обнаруживъ ни какого волненія.

Прошло нѣсколько мѣсяцовъ, и Пальмарола, живъ въ Парижѣ, ничего не слыхалъ о Луизѣ. Вдругъ получаетъ письмо. Она здѣсь.

Приличіе требовало поѣхать съ визитомъ. Онъ нашелъ Луизу блѣдною, изнуренною, чуть живую, и въ траурѣ. Его невольно обхватилъ трепетъ.

— Виллаверде?... вашъ мужъ?....

— Я вдова, отвечала Луиза невнятнымъ голосомъ.

Рука Пальмаролы, дрожа, выпустила руку молодой женщины, и онъ не могъ подавить въ себѣ какого-то страшнаго чувства.

— Я вамъ говорила, что пріѣду во Францію, сказала маркиза, принуждая себя улыбнуться.

Съ этого дня, Пальмарола сталъ посѣщать Луизу сперва изрѣдка, потомъ чаще. Онъ не чувствовалъ въ ней ни малѣйшей привязанности; но маркиза была такъ красива, любила его страстно: молодой человекъ уступилъ оболъщению, сдѣлался ея любовникомъ.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда Пальмарола увидѣлъ дочь графа де-Шазёля. Свободное сердце тотчасъ отдалось милой дѣвушкѣ. Луиза сперва ревновала, потомъ скрыла свою ревность въ душѣ, и, наконецъ, одно простившись съ своимъ любовникомъ, уѣхалъ въ Испанію. Гонсало думалъ, что они разстанутся навсегда. Ничѣмъ не связанный, онъ предложилъ свою руку Эсенри, получилъ согласіе, и плывалъ въ бѣдѣ.

ствѣ, какъ вдругъ его поразила ужасная вѣсть о возвращеніи Луизы.

— И, мой другъ! сказалъ баронъ д'Алюинъ: неужели вы думаете, что Луиза въ состояніи помѣшать вашей свадьбѣ? Эти связи, знаете.... это контрактъ, такой контрактъ, въ которомъ ни съ той ни съ другой стороны не положено неустойки. Нравится — исполняютъ; наскучило — прочь. Нѣтъ, маркиза не можетъ воспрепятствовать вашему счастью.

— Да она и не хочетъ препятствовать, отвѣчалъ Пальмарола: по-крайней-мѣрѣ не подаетъ на этотъ счетъ ни какого виду. Но тутъ есть другое обстоятельство, которое приводитъ меня въ отчаяніе.

— Что такое, мой другъ?

— Вотъ выслушайте. Живучи въ Парижѣ, думая объ однихъ удовольствіяхъ, я вовсе не занимался своими плантаціями въ Гавань. Управитель, по моимъ требованіямъ, очень исправно высылалъ ко мнѣ деньги, всегда ту самую сумму, какую я назначалъ, и это заставляло меня думать, что, по его усердію, плантаціи мои приходятъ въ цвѣтущее состояніе; но вообразите: маркиза де-Виллаведре показала мнѣ письмо своего управителя, который пишетъ, что мое имѣніе совершенно разорено, что оно все въ долгу и непременно будетъ продано съ аукціоннаго торгу. Одно личное мое присутствіе, и то не навѣрное, можетъ отратить это несчастье; но, во всякомъ случаѣ, я — или бѣднякъ, или круглый нищій.

Баронъ д'Алюинъ задумался.

— Да, это непріятно, сказалъ онъ: но погодите, мой другъ, не торопитесь опредѣлять себя въ нищіе и въ несчастные. Я крѣпко надѣюсь на де-Шазёля.

Пальмарола, по гордости, не хотѣлъ быть предметомъ графова великодушія.

— Великодушія! вскричалъ, засмѣявшись, баронъ.

Какое тутъ великодушіе? Дѣло идетъ о спасеніи васъ отъ нищеты, а о томъ, чтобы мадамъ де-Эсенрь не умерла съ горя.

Смѣтливый старикъ не ошибся.

— Только-то? спросилъ графъ де-Шазель, выслушавъ разсказъ его объ отчаяніи Гонсало по случаю разстройства его имѣнія. Любезный баронъ! шес состояніе можетъ обогатить и жениха и невесту. Его было лишнее. Побѣжайте скорѣй къ Пальмаролу и скажите ему, чтобы теперь же пріѣхалъ къ Эсенри. Бѣднѣйка вчера была очень грустна, оттого что его не дала.

Такъ все пришло въ прежній порядокъ: счастье Пальмаролы ожило. Но дѣятельный баронъ не довольствовался тѣмъ, что уладилъ жениха съ тестемъ : онъ еще почелъ нужнымъ употребить свое посредничество и у маркизы де-Виллаверде, на случай, чтобы эта женщина чего-нибудь не напроказничала, хотя подобное дѣло казалось ему вовсе невѣроятнымъ. Маркиза удивилась его посѣщенію : онъ былъ у нея рѣдкій гость. Но креолка смѣкнула о причинѣ неожиданной чести. Начался разговоръ : имя Пальмаролы, какъ общаго знакомаго, тотчасъ очутилось на языкъ собесѣдниковъ. Говорить прямо было нельзя. Зато баронъ былъ уменъ, тонокъ : разными двусмысленностями, намѣками, стороною, онъ далъ маркизѣ сильно почувствовать, что она не имѣетъ ни права ни средства помѣшать женитьбѣ Гонсало, что она только окопирометируетъ себя, подастъ поводъ къ скандальнымъ толкамъ, покроетъ стыдомъ свое имя; а Пальмарола всё-таки женится.

— Богъ знаетъ ! заключила маркиза, провожая лукаваго посѣтителя : мнѣ все что-то кажется, будто этой свадьбѣ не состояться.

Въ одинъ день Пальмарола сидѣлъ у невесты. Они разсматривали новый альманахъ съ гравюрами.

— Взгляните! вотъ видъ Гавааны! сказала Эсмеръ.

Наэту поруграфъ, изъ другой комнаты, подошелъ къ молодымъ людямъ, разсѣянно наклонился къ книгѣ, и вдругъ поблѣднѣлъ.

— Что это значитъ? спросилъ Пальмарола, когда мосьё де-Шазель заперся въ своемъ кабинетѣ.

— Гаваана родина маменьки, отвѣчала графиня. Папенькѣ всегда дѣлается дурно, когда заговорять объ этой странѣ, и у насъ въ домѣ положено никогда не поминать про Гавану.

— Баронъ д'Алюинъ, выходя въ этотъ день изъ дому де-Шазеля, увидѣлъ на лѣстницѣ какого-то человѣка, очень дурно одѣтаго, похожаго съ виду на стараго моряка, въ изорванной камлотовой курткѣ и въ лакированной шляпѣ, изъ-подъ которой торчали сѣдые волосы.

— Что это за человѣкъ? спросилъ онъ швейцара, подававшаго ему зонтикъ.

— Не знаю, сударь. Хочетъ видѣть его сіятельство. Я говорилъ, что графъ не принимаетъ: нейдетъ.

Баронъ спустился съ лѣстницы. Незнакомецъ подошелъ и взялъ его руку.

— Ты, братъ, нецеремонишься! сказалъ мосьё д'Алюинъ, засмѣявшись.

— Вы меня не узнали? прошепталъ незнакомецъ, снимая шляпу и обнажая лысую, желтую, шишковатую голову.

Баронъ отступилъ назадъ.

— Пойдемте, пойдемте, сказалъ онъ, схвативъ его за руку.

— Теперь узнали?

— Да.... да.... пойдемте.

— Боже мой! продолжалъ баронъ, когда они отошли на нѣсколько шаговъ отъ дому графа де-Шазеля: Боже

мой! Я не могу опомниться.... Привидѣніе!.... съ того свѣту!....

— Именно съ того свѣту, сказалъ незнакомецъ : потому что изъ Америки, и привидѣніе, потому что..... смотрите! чтѣ осталось отъ Роберта де-Шазэля?

— Но ужь прошло осемнадцать лѣтъ, какъ васъ считаютъ умершимъ!

— По милости моего любезнаго двоюроднаго брата Феликса, который распустилъ слухъ, будто я умеръ отъ желтой горячки, и, какъ добрый родственникъ, прибралъ къ рукамъ мое состояніе!

— Онъ былъ обманутъ. Вы одни можете растолковать эту непонятную вещь. Онъ считалъ васъ умершимъ.

— Разумѣется! Какъ ему не считать меня умершимъ, когда онъ всадилъ мнѣ двѣ пули?

— Онъ хотѣлъ васъ убить?.... Нѣтъ, нѣтъ, сударь! я не вѣрю этому.

— Какъ хотите, равнодушно отвѣчалъ незнакомецъ. По-мѣму, человекъ, который въ степи, на дуэли безъ свидѣтелей, выстрѣливаетъ дважды въ своего противника и потомъ убѣгаетъ, по-мѣму, такой человекъ — убійца.

— И вы говорите, что дѣло было именно такъ?

— Именно такъ. Мы давно другъ друга ненавидѣли: рано или поздно, надобно было подраться. Изъ-за пустяковъ, вышла ссора. Въ тѣ времена, по случаю безпокойствъ въ Мексикѣ, всѣ и всегда носили при себѣ оружіе. Мы случайно встрѣтились въ безлюдномъ мѣстѣ. Тотчасъ дуэль. Онъ всадилъ въ меня двѣ пули и скрылся. Уже черезъ три дня, Индѣйцы нашли меня умирающимъ и принесли къ себѣ. Я выздоровѣлъ. Но выздоровленіе тянулось долго: между-тѣмъ Феликсъ успѣлъ распустить слухъ, будто я умеръ отъ желтой горячки, и уѣхалъ во Францію. Ему выдали въ Вера-

Крусь, не знаю на какомъ основаніи, свидѣтельство что я погребенъ, и онъ получилъ мое наслѣдство, а я считался нищимъ между Индѣйцами, тысячу разъ подвергался голодной смерти.... наконецъ, вотъ я здѣсь!

Баронъ д'Алюинъ не чувствовалъ себя при этомъ разсказѣ.

— Что жъ вы теперь намѣре ны дѣлать? спросилъ онъ.

— Взять свою собственность.

— И обвинить брата въ убійствѣ?

— Почему жъ и не такъ.

— Нѣтъ!.... нѣтъ! вскричалъ баронъ. Разгорячася за обиду, графъ могъ васъ вызвать и могъ убить васъ; но чтобы онъ былъ способенъ посредствомъ обману воспользоваться вашимъ имѣніемъ.... нѣтъ! это не возможно. Вы сами сказали, что между вами была дуэль. Шазэль васъ ранилъ, подумалъ, что вы убиты, и, только для избавленія себя отъ преслѣдованія, объявилъ, будто вы умерли отъ желтой горячки. — Такъ я думаю! прибавилъ баронъ, глядя прямо въ глаза Роберту де-Шазэлю: и это истина! это истина! Вы можете взять назадъ все, что вамъ принадлежитъ, все.... онъ отдастъ.... Но, ради Бога, чтобъ не было уголовного дѣла!.... безъ шуму, безъ огласки!

Робертъ улыбнулся и покачалъ головой.

— Да развѣ вы не понимаете, что мнѣ нужно мщеніе? сказалъ онъ глухимъ голосомъ.

И оба замолчали.

— Послушайте, наконецъ произошло баронъ. Теперь поздно. Не хотѣте ли вы сдѣлать мнѣ одолженіе, остановиться у меня, вмѣсто того чтобъ искать почью другой квартиры?

— Хорошо, отвѣчалъ Робертъ де-Шазэль.

Т. XLIX. — Отд. II.

13

— Я, какъ старинный другъ графа, долженъ быть вашимъ посредникомъ.

На этотъ разъ Робертъ не сказалъ ни слова. Баронъ проводилъ его до своего жилища, самъ помѣстивъ въ особую комнату, отдалъ нужные приказы слугамъ, и ту же минуту опять уѣхалъ.

Не станемъ описывать всего разговора, который затѣмъ послѣдовалъ между барономъ и графомъ де-Шазельемъ.

— Въдь вы не вѣрите этому обвиненію спросилъ графъ съ мрачнымъ видомъ : вы не вѣрите.... и никто не повѣритъ. Клянусь вамъ тѣмъ, что мнѣ всего дороже на свѣтъ, клянусь счастьемъ, жизнію моей дочери, что я поступилъ съ Робертомъ честно..... Онъ нападалъ; я только оборонялся.

Но надобно было предпринять какія-нибудь мѣры. Баронъ, опасаясь пуще всего свиданія между братьями, уговорилъ графа ѣхать въ деревню. Тотчасъ же сдѣланы были распоряженія : мосьё де-Шазель уѣхалъ. Въ домъ еще никто не зналъ что такое случилось, но безпокойство было уже написано на лицахъ служителей : всякій чего-то боялся, что-то предчувствовалъ. Поутру Эсэирь, узнавъ о внезапномъ отъѣздѣ отца, очень перепугалась. Ей сказали, что мосьё де-Шазель подходилъ къ дверямъ ея комнаты, но она еще почивала, и онъ не велѣлъ будить ее. Мадамъ Абель, оставшись одна съ Эсэирью, шепнула ей съ безпокойствомъ :

— Дитя мое, у насъ въ домъ что-то недоброе. Баронъ ночевалъ въ бариновомъ кабинетѣ и спрашиваетъ, можно ли ему сюда войти.

Мадмоазель де-Шазель поблѣднѣла, когда увидѣла барона блѣднаго и разстроеннаго безсонницей. Воображеніе ея тотчасъ предалось самымъ ужаснымъ догадкамъ; она подумала, что вѣрно находится въ опасности жизнь отца ея : поэтому, когда баронъ сказалъ,

что графъ де-Шазэль можетъ лишиться своего состоянія, ей стало легче. О другихъ несчастіяхъ не было упомянуто. Добрый старикъ надъялся на содвѣствіе самой Эсэври: онъ думалъ, что ея молодость, красота, слёзы тронуть суроваго дядю. Вслѣдствіе того, въ этотъ же самый день, послѣ обѣда, мадмоазель де-Шазэль съ своей нянюшкой пріѣхала къ барону. Робертъ былъ одѣтъ нѣсколько по-опрятнѣе вчерашняго; однако жъ молодая графиня вздрогнула, увидѣвъ этого человѣка: его лысая, желтая голова, сморщенное лицо и, особенно, злобный, любопытный взглядъ, который онъ устремилъ на племянницу, поразили ее. Съ боязнью и отвращеніемъ подошла она къ дядѣ.

— А! это Феликсова дочь! сказалъ Робертъ, улыбаясь. Садитесь. Очень радъ, что васъ вижу.

Эсэври, молча, съѣла. Робертъ вынулъ изъ кармана засаленный свертокъ табаку, пабилъ коротенькую трубку, выскѣкъ огня, закурилъ.

— Баронъ д'Алюинъ говорилъ мнѣ, что ты добрая дѣвушка. И это правда. Ты не похожа на тѣхъ чопорныхъ барышень, которымъ дѣлается дурнота, если онъ только увидятъ трубку. Ты хорошо воспитана.

Потомъ оборотясь къ барону, прибавилъ: — Она смугловата немножко, однако жъ хороша. Вы правду сказали.

— Это говорятъ всѣ, отвѣчалъ баронъ.

Эсэври ожидала пріему гораздо худшаго. Странная ласковость дяди нѣсколько ее ободрила. Но за всѣмъ тѣмъ, она не могла преодолѣть своего страху, не смѣла поднять глазъ, и отвѣчала на вопросы Роберта дрожащимъ голосомъ.

— Авось, дѣло пойдетъ на ладъ! шепнулъ ей баронъ, когда они вмѣстѣ спускались съ лѣтницы.

— Ахъ, баронъ! возможно ли, чтобъ такой человѣкъ былъ мнѣ дядя!.... Шазэль!

Простившись съ Эсэирью, баронъ побѣжалъ къ жениху ея: надо же было уведомить его объ несчастъи. Старикъ передалъ Пальмаролъ всѣ обстоятельства, не упавъ ничего. Тотъ не задумался.

— Баронъ, сказалъ онъ: когда первая суматоха утихнетъ и графъ воротится, скажите ему, что я ожидаю свадьбы.

Дня два спустя, мадмоазель де-Шазель, по совету барона, переехала на житье въ монастырь, гдѣ она воспитывалась. Между-тѣмъ Робертъ жилъ по-прежнему у мосьё д'Алюиня и, кажется, ничего не предпринималъ. Узнавъ о перевздѣ Эсэири, онъ изъявилъ нѣкоторое сожалѣнiе и, въ послѣдовавшiе за тѣмъ дни, три раза навѣстилъ ее. Баронъ внутренно радовался его недѣятельности, полагая, что можетъ-быть все кончится миромъ: онъ не зналъ тайныхъ Робертовыхъ замысловъ.

Въ одинъ день Робертъ сказалъ барону:

— Вотъ ужъ двѣ недѣли какъ я живу у васъ и не думаю ни за что приниматься. Надо же наконецъ начать. Не хотите ли вы написать отъ меня письмо къ графу? Я самъ не могу: дрожать руки.

— Съ большимъ удовольствiемъ, отвѣчалъ баронъ, и боюсь и надѣюсь, что Робертъ наконецъ склоняется къ миру. Чтò же прикажете написать?

Дядя Эсэири немножко подумалъ и отвѣчалъ:

— Напишите, что я могу войти во владѣнiе своимъ имѣнiемъ, не отнимая его у Феликса. Пусть онъ отдастъ за меня свою дочь.

— За васъ! вскричалъ мосьё д'Алюинъ, выронивъ изъ руки перо. Какъ!... вы хотите жениться на Эсэири... на молодой, семнадцати-лѣтней дѣвушкѣ!

— Да, это рѣшено.

— Но она ужъ помолвлена.

— Гмъ! можно отказаться прежнему жениху.

Баронъ увидѣвъ свою ошибку, понялъ, что только чувственное влеченіе къ прекрасной Эсэри сдерживало до-сихъ-поръ непримиримую ненависть Роберта, и его обдало холодомъ, когда онъ подумалъ, что эта ненависть будетъ имѣть всѣ свои бѣдственные послѣдствія для чести и состоянія графа.

— Послушайте, сказалъ онъ : ради самого Бога, ради самого Бога, умоляю васъ, обдумайте хорошенько свое намѣреніе. Бракъ съ Эсэрию не можетъ васъ осчастливить.... а притомъ, если даже она согласится, то отецъ ея....

— Вы знаете, что есть вещи, которыя могутъ его принудить, сказалъ Робертъ съ дьявольскимъ равнодушіемъ.

— Вы обвините его въ смертоубійствѣ ?

— Да.... Словомъ, баронъ, или я женюсь на Эсэри, или отца ея сошлютъ на каторгу. Это послѣднее мое рѣшеніе. Пусть они выбираютъ.

На другой день мосьё д'Алюинъ пришелъ въ монастырь, попросилъ выслать къ нему мадмоазель де-Шазель, и сѣлъ у черной деревянной рѣшетки, которою, какъ водится, была разгорожена надвое монастырская приемная комната.

— Ахъ, какъ я вамъ благодарна, что вы меня навѣстили ! сказала Эсэри, подойдя къ другой сторонѣ рѣшетки.

Баронъ взялъ ея руку и пожалъ съ выраженіемъ глубокой горести.

— Боже мой !.... что это значитъ ?.... не новое ли несчастье съ папенькой ?

— Дитя мое, отвѣчалъ баронъ : папенька вашъ точно находится въ весьма затруднительномъ положеніи. Кромъ потери всего богатства, онъ можетъ еще лишиться и честнаго имени. Отъ васъ зависитъ спасти и

то и другое; вы можете успокоить его старость. Скажите, рѣшитесь ли вы на пожертвованіе?

— Конечно, съ твердостью отвѣчала Эсэирь, но въ то же время устремила безпокойный взглядъ на барона, въ ожиданіи узнать, какого именно пожертвованія отъ нея требуютъ.

Старикъ колебался, наконецъ сказалъ:

— Робертъ де-Шазэль поручилъ мнѣ отправить это письмо къ вашему папешкѣ, но оно ближе относится къ вамъ. Онъ проситъ руки вашей. Достанетъ ли у васъ силы и мужества на это рѣшиться?

— Я исполню свою обязанность, отвѣчала Эсэирь умирающимъ голосомъ.

Баронъ и не ожидалъ другаго отвѣту: онъ зналъ, до какой степени Эсэирь любитъ отца.

— И вы не колеблетесь? сказалъ онъ: вамъ не трудно рѣшиться? я могу увѣрить мосье де-Шазэля, что предложеніе его принято?

— Можете, подтвердила Эсэирь.

Баронъ въ тотъ же день написалъ о всемъ къ графу. Скоро бѣдная дѣвушка имѣла удовольствіе увидѣться съ своимъ несчастнымъ родителемъ. Свиданіе это было печально. Напрасно мы стали бы силиться описать его: тайныя чувства отца и дочери не могутъ быть выражены ни какими словами. Графъ де-Шазэль оставившись не въ своемъ домѣ, который былъ уже занятъ Робертомъ: онъ панялъ себѣ маленькую квартирку возлѣ монастыря и обѣщалъ всякій день быть у дочери.

За тѣмъ, въ присутствіи барона, послѣдовало первое свиданіе двухъ враговъ-братьевъ. Не было слова о примиреніи; графъ даже не подалъ руки человѣку, которому отдавалъ руку Эсэири. Оба смотрѣли другъ на друга съ мрачною недоувѣрчивостью и съ выраженіемъ ненависти глубокой, непримиримой. Тотъ и другой

очень состарѣлись съ того времени, какъ судьба разлучила ихъ, и они замѣтили это мысленно съ горькимъ чувствомъ.

Такимъ образомъ дѣла пришли въ нѣкоторый порядокъ. Гонсало съ горя уѣхалъ на родину. Эсвирь выпросила недѣлю сроку : послѣ этой недѣли она должна была сдѣлаться женой своего страшнаго дяди.

Однажды графъ де-Шазёлъ пришелъ въ монастырь. Это было въ сумерки. Войдя въ приѣмную комнату, онъ увидѣлъ двухъ человекъ, разговаривающихъ черезъ рѣшетку, и, не замѣченный ими, сѣлъ всторонѣ, чтобы дождаться служительницы, которой на ту пору тутъ не случилось. Между-тѣмъ голоса разговаривающихъ показались ему знакомыми. Графъ хотѣлъ подойти, но женщина за рѣшеткой произнесла въ эту минуту: « Она умереть съ горя », и графъ остался.

— Она умереть съ горя, говорила мадамъ Абель барону д'Алюиню. Этотъ грѣхъ будетъ на вашей душѣ: вы всему причиною. А зачѣмъ хлопотали, Богъ знаетъ. Весело ли будетъ и графу быть богачомъ, когда у дочери на глазахъ слезы не просыхаютъ? Бѣдняжка не спитъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ ее помолвили за дялюшку. Ночью встану, смотрю : стоитъ на колѣняхъ да молится.... я чаю, о томъ, чтобы Богъ по-скорѣе прибралъ ее къ себѣ. Право, сударь, изъ этого не быть ничему доброму : умереть! непременно умереть! Я ужъ нѣсколько разъ думала пойти къ графу да рассказать ему все, что знаю. Время, пока, не ушло....

Графъ де-Шазёлъ тихонько выкрался изъ приѣмной.

На другой день, поутру, баронъ д'Алюинь, проходя мимо дому, въ которомъ графъ нанималъ квартиру, увидѣлъ толпу людей, собравшуюся подъ воротами и на улицѣ.

— Что тутъ такое? спросилъ онъ.

— Да вонъ , какой-то старичокъ застрѣлся , отвѣчалъ ему мальчикъ . Я зналъ его : онъ недавно сюда переѣхалъ и всякій день хаживалъ мимо нашихъ окешекъ . Теперь вхожу посмотреть : голова такъ и раздалась въ разныя стороны !

Мѣсяца три спустя послѣ всѣхъ описанныхъ происшествій , въ одно прекрасное апрѣльское утро , французскій бригъ Мезелі , бросилъ якорь въ Матансасскомъ Заливѣ , на островъ Кубъ . Въ числѣ пассажировъ находилась одна молодая дѣвушка въ траурѣ , съ пожилой женщиной , исправлявшей при ней должность служанки . Вышедъ на берегъ , онъ освѣдомились , гдѣ отыскать кофейную плантацію Симона Ваэса , наняли туземный экипажъ , родъ кабриолета , котораго кузовъ почти утонулъ между двумя огромными колесами , и поѣхали по указанной дорогѣ . Зрѣлище , представившееся тогда взорамъ мадмоазель де-Шазель , заняло ее своей новостью . Дорога пролегла невоздѣланными полями , на которыхъ расла густая трава , и въ ней паслись лошади , мулы и коровы . Кое-гдѣ были видны сельскіе домики ; кое-гдѣ показывалась нива , засѣянная бананами , и на ихъ яркой зелени рисовалась темная зелень деревьевъ . Поминутно встрѣчались караваны муловъ , сопровождаемые погонщиками : пыль столбомъ по дорогѣ ; погонщикъ идетъ позади , и оретъ во всю голову пѣсню , въ которой речитативъ страннымъ образомъ перемежанъ съ унылой и однообразной мелодіей . Въ другомъ мѣстѣ путешественницы видѣли чету земледѣльцевъ острова Кубы . Мужъ въ соломенной шляпѣ и въ короткой рубашкѣ , которая развѣвается сверхъ панталонъ , а за поясомъ *манчета* , оружіе , всегда готовое въ дѣло , если чуть только заспорятъ съ его хозяиномъ . Жена , цвѣту потемнѣвшаго золота , безнечнокуритъ сигару ; на головѣ ея странная шляпа съ *терьями* . Наконецъ Эсэиръ и мадамъ Абель добрались до плантаціи Симона Ваэса . Няня пошла впередъ , сказать , что

пріѣхала его внучка. Ту же минуту на крыльцѣ показался высокій, худощавый старикъ, въ полосатой капаменковой курткѣ, въ такихъ же панталонахъ, въ башмакахъ со шпорами и въ соломенной шляпѣ. Онъ бросился навстрѣчу къ мадмоазель де-Шазель и закричалъ на креольско-французскомъ нарѣчьи : — Дитя мое!.... дочь моей Каталины!

Эсмеръ упала къ нему въ объятія, съ удивленіемъ ласковому приему и наружности дѣда : онъ былъ мурлатъ!

Между-тѣмъ на крыльцо высыпало еще нѣсколько лицъ, всё желтыхъ какъ зрѣлые померанцы, съ черными пламенными глазами, съ черными кудрявыми волосами и съ радостною улыбкою на темныхъ губахъ. То были высокій молодой человѣкъ и три дѣвушки, которыя, послѣ перваго порыву радости, робко остановились и прижимались другъ къ другу.

— Ну, что жъ! сказалъ имъ Симонъ Ваэсъ по-испански : подойдите сюда! Дитя мое, это твой братъ и сестры, дѣти другой моей дочери, которую Богъ также взялъ съ здѣшняго свѣту.

Мадмоазель де-Шазель протянула къ нимъ руку. Молодые креолки застычиво поздоровались съ своей бѣлой родственницей; но скоро ихъ страхъ прошелъ, и онѣ залепетали всѣ въ одинъ голосъ; только Эсмеръ ничего не могла понять, потому что сестры ея не умѣли говорить иначе какъ по-испански.

Симонъ Ваэсъ взялъ ее за руку и ввелъ въ домъ. Эсмеръ должна была рассказать въ короткихъ словахъ свои несчастія, причину своего пріѣзду. Старикъ слушалъ ее съ умиленіемъ; по щекамъ его текли слезы, руки не хотѣли выпустить рукъ Эсмери.

— Бѣдненькая! говорилъ онъ : такъ ты вытерпѣла много печали?.... Отецъ твой умеръ.... Благородный былъ человѣкъ! Я давно не получалъ отъ него ни ка-

кого извѣстія, но вспоминалъ объ немъ часто. Ты хорошо сдѣлала, что прѣвхала къ намъ. Тебя не пускали, говоришь ты?

— Не пускали, отвѣчала Эсэирь : двоюродный дядя, мой единственный родственникъ въ цѣлой Франціи, долго мѣшалъ моему отъѣзду. Къ-счастію, одинъ старинный другъ нашего дому, былъ назначенъ моимъ опекуномъ, и онъ защитилъ меня.... онъ устроилъ, что я могла ѣхать.

Мы не будемъ исчислять всѣхъ ласкъ, которыми Симонъ Ваасъ осыпалъ свою внучку. Иногда онъ обращался къ ней съ привѣтливыми вопросами, хотѣлъ знать, что она любитъ, чего не любитъ, старался предупредить всѣ ея желанія, угодить всѣмъ привычкамъ; иногда напротивъ онъ, молча, устремлялъ на нее глаза, пожималъ ея руку, и во взглядѣ его сіяли гордость и сердечное удовольствіе. Нельзя было сомнѣваться, что Эсэирь сдѣлается любимымъ дитятей своего дѣда. Злополучная дѣвушка чувствовала глубокую признательность, и, посмотрѣвъ на мирный ландшафтъ, окружавшій жилище Симона Вааса, кинулась на шею къ своему дѣдушкѣ и сказала :

— Да, дѣдушка!.... да!.... я хорошо сдѣлала, что прѣвхала къ вамъ!.... Можно ли въ такомъ раю знать несчастія!

Вечеромъ вся семья собралась на площадкѣ передъ домомъ Вааса. Домъ этотъ совсѣмъ не походилъ на то, что мы привыкли называть этимъ именемъ. Онъ состоялъ изъ четырехъ каменныхъ столбовъ, а промежутки, гдѣ должны бы быть стѣны, загорожены были зелеными подвижными рѣшетками, и такія жъ рѣшетки, или ширмы, служили перегородками внутри сквознаго жилища. Кровля также состояла изъ накладныхъ рѣшетокъ, выкрашенныхъ красною краскою, которыя можно было снимать и опять класть на мѣсто. Вокругъ

если разные цвѣты и кустарники, и, окруженное ими, жилище Симона Ваэса, была настоящая клѣтка или птичникъ въ саду какого-нибудь знатнаго барина.

Съ площадки открывался прекрасный видъ. Все дышало мирною, сельскою жизнію. Около дому ходили утки и цесарскія куры съ сѣрыми перьями, усыпанными темными пятнышками; далѣе, въ глубинѣ аллеи, блѣяла ручная коза; еще далѣе, на полянѣ, паслось небольшое стадо барановъ; а тамъ, за поляною, тянулись плантаціи тростнику и кофе, и за плантаціями видѣлись домики, усадьбы, лѣса, увѣнчанные синими вершинами отдаленныхъ горъ. Солнце начинало садиться, прохладный вѣтерокъ подувалъ съ западу и свѣжалъ воздухъ, раскаленный во время дневнаго зноя.

— Видишь ли, дитя мое, красныя кровли, вонъ, за тѣми густыми деревьями? сказалъ Симонъ Ваэсъ своей внучкѣ. Это деревня Лимонарь. Въ тамошней церкви начали мать твою, мою бѣдную Каталину.

— Папенька всю жизнь свою ее оплакивалъ, сказала внучка, печально взглянувъ на церковь. Но его горестя была нѣма, и я никогда не слыхала, какимъ образомъ онъ вздумалъ искать себѣ жены здѣсь, такъ далеко отъ дома.

— Онъ ея не искалъ, отвѣчалъ Симонъ Ваэсъ: а нашелъ случайно.... Странная исторія! Графъ пріѣхалъ сюда изъ Мексики, больной, и остановился въ домѣ моего моего господина....

Внучка съ удивленіемъ устремила глаза на дѣда.

— Да, дитя мое, продолжалъ Симонъ Ваэсъ, улыбаясь и взглянувъ около себя, какъ-бы желая слѣдить свое прежнее состояніе съ нынѣшнимъ: да, дитя мое, я былъ невольникъ; но я имѣлъ добраго господина, и онъ-то оставилъ мнѣ послѣ смерти эти плантаціи, и все, чѣмъ я нынче владѣю. Я когда-нибудь

разскажу тебѣ про моего добраго барина, а теперь поговоримъ о твоёмъ отцѣ. Вотъ, какъ я ужъ сказала, графъ де-Шазель, больной, останѣвился на здѣшней плантаціи. Каталинѣ моей было тогда около семидцати лѣтъ. Она была тиха, хороша, бѣла почти такъ же какъ ты. Графъ полюбилъ ее, она полюбила его, и изъ этого вышло дѣло, о какомъ прежде того и не слыхивали: графъ честнымъ образомъ посватался и женился на Каталинѣ. Черезъ мѣсяцъ они уѣхали изъ Гаваны. Жаль мнѣ было ихъ отпустить, да дѣлать нечего: имъ нельзя было здѣсь оставаться.

— Почему же? спросила Эсфирь.

— Какъ почему? Вѣдь Каталина была мулатка, дочь невольника. У васъ, во Франціи, не умѣютъ узнавать смѣшанной крови; а здѣсь не то: тотчасъ догадаются, и для блага стыдно. Есть признаки, по которымъ мы съ перваго взгляду отличаемъ мулатскую кровь. Вотъ хоть бы ты, дитя мое: бѣла, а всё видно, что въ твоихъ жилахъ есть капелька черной крови.

Эсфирь потупила голову; ей сдѣлалось тяжело: она увидѣла свое жалкое значеніе въ обществѣ, въ которое переселилась; увидѣла бездну, которая разлучаетъ ее съ возлюбленнымъ. Между-тѣмъ Симонъ Ваэсъ, желая скорѣй познакомить ее съ новымъ мѣстопребываніемъ, обратилъ вниманіе ея на окрестность.

— Видишь, дитя мое, тотъ большой бѣлый домъ, съ сахароварнями и другими строеніями для мастерскихъ и работниковъ?... Это имѣніе дони Карлоты де-Пальмарола, самое богатое имѣніе на всемъ островѣ. Фамилія Пальмаролы — первая въ здѣшнемъ краю: половина земель, которыя ты можешь окинуть глазомъ, принадлежитъ этой фамиліи. За усадьбой дони Карлоты бѣлѣется, — вонъ, на горѣ, — домъ ея родственницы маркизы де-Виллаверде, тоже богатой барыни; а за усадьбой маркизы де-Виллаверде, — отсюда невидно, —

лежить вѣнчѣ маркиза Гонсало де-Пальмарела. Въ эти земли смежныя и если достанутся въ однѣ руки, такъ выйдетъ богатство невиданное.

Можно себѣ представить, что чувствовала Эсмеръ при этомъ разсказѣ. Все, больше и больше, уничижало ее передъ бывшимъ ея женихомъ, и бѣдная дѣвушка испытывала жестокое страданіе.

— Видитесь ли вы когда съ доней Карлотой? спросила она у дѣда.

— Не то что вижу, а вижу, отвѣчалъ онъ. Донъ Карлотъ не прилично водить знакомство съ людьми нашего цвѣту. Мы встрѣчаемъ ее только въ церквѣ по праздникамъ, да еще когда она прогуливается съ своей свитой. Старушка старая и такая гордая.

Сердце мадмоазель де-Шазэль еще пуще заныло. Симонъ Ваэсъ продолжалъ описывать ей окрестности. Солнце съело за дальній лѣсъ; быстрыя южныя сумерки начали фантазмагорически измѣнять видъ предметовъ. Зазвенѣлъ колоколъ. Все семейство собралось вокругъ старика; онъ снялъ шляпу, и нѣсколько секундъ царствовало безмолвіе : это была молитва. Вскорѣ затѣмъ негры, невольники Симона Ваэса, начали возвращаться съ полевыхъ работъ. Проходя мимо своего господина, они останавливались, кланялись ему и просили благословенія. Онъ каждому дружески кивалъ головой и говорилъ : «Богъ съ тобою!» Потомъ къ нему подошелъ какой-то старикъ. Симонъ Ваэсъ почтительно всталъ передъ этимъ человѣкомъ.

— Ктѣ это? спросила мадмоазель де-Шазэль, когда незнакомецъ удалился, сказавъ Симону нѣсколько словъ съ видомъ покровительства.

— Это старшій прикащикъ дони Карлоты, Педро Пересъ, отвѣчалъ Симонъ : онъ чистой европейской крови.

Эсмеръ ужаснулась, видя, что ея родственники при-

нуждены унижаться даже передъ слугами, какъ-скоро эти слуги бѣлые. Но что же, въ такомъ случаѣ, сами господа? Если ужъ Педро Пересъ позволяетъ себѣ обходиться съ семействомъ Симона Ваэса какъ съ нисшими, то какъ бы обошлась съ ними сама доня Карлота?... На ту пору доня Карлота возвращалась съ прогулки: она шла впереди; за нею слѣдовала огромная толпа служителей и служительницъ, мулатовъ, мулатокъ и негровъ. Мадмоазель де-Шазель смѣшалась при видѣ этой процессіи и важной фигуры дони Карлоты; но знатная барыня прошла мимо, не обративъ на нее ни какого вниманія.

Само собой разумѣется, что баронъ д'Альоннъ извѣстилъ Пальмаролу объ отъѣздѣ Эсэири на островъ Кубу; но письмо это не дошло по адресу, и маркизь жилъ въ своемъ имѣніи возлѣ Гаваны, не подозрѣвая даже, что его любезная такъ близко. Онъ велъ жизнь уединенную, отшельничью, никуда не ѣздилъ, ни съ кѣмъ не видался, убивалъ свое время въ печальныхъ прогулкахъ и въ чтеніи. Маркиза де-Виллаверде, пріѣхавшая съ нимъ вѣсть, напрасно старалась вывести его изъ этого положенія: Пальмарола не поддавался. Разъ, управитель маркизы, сообщая своей госпожѣ всякія новости, сказалъ, что къ сосѣду ихъ, мулату Симону Ваэсу, пріѣхала изъ Франціи прекрасная дѣвушка, которая доводится ему родной внучкой, и передалъ ей всю исторію женитьбы графа де-Шазеля на дочери Симона Ваэса. Маркиза де-Виллаверде пришла въ отчаяніе. Неожиданный пріѣздъ мадмоазель де-Шазель угрожалъ лишить ее Пальмаролы. Что дѣлать? какъ поступить? По одному изъ внушеній, свойственныхъ страстнымъ характерамъ, она рѣшилась сама увѣдомить обо всемъ маркиза.

Пальмарола, въ задумчивости, сидѣлъ, обложенный новыми журналами, присланными изъ Франціи.

— А! новости изъ Парижа! съ улыбкой вскричала маркиза де-Виллаверде. Что тамъ подѣлываютъ?

— Не знаю. Я не хочу ничего читать. Зачѣмъ раздражать воспоминаніе о странѣ, которой намъ не суждено больше видѣть?

— Конечно. Но скажите, Гонсало, чѣмъ же вы станете заниматься, если прервете всѣ свои сношенія съ Европой? Здѣсь вы тоже ни съ кѣмъ не видите.

— Я стараюсь приучить себя къ жизни, которая назначена мнѣ судьбой; хочу выучиться переносить ее какъ можно съ меньшими издержками со стороны удовольствій.

— Прекрасное намѣреніе!... Однако жъ, я позабавлю васъ одной повостью, которую мнѣ сказалъ сегодня мой управитель. Дѣло идетъ объ особѣ, которую вы знавали въ парижскомъ обществѣ.

— Вѣрно какой-нибудь промотавшійся франтъ пріѣхалъ сюда наложить заплаты на свое счастье?

— Совсѣмъ нѣтъ.... Вы никогда не угадаете.... Мадмоазель Эсмер де-Шазель!

Пальмарола сдѣлался блѣденъ какъ мертвый.

— Помните, вы бывали у графа де-Шазеля, продолжала маркиза, которая могла говорить такимъ образомъ, потому что самъ Пальмарола, изъ какой-то робости, не сказывалъ ей о своей помолвкѣ съ Эсмерью. Я слышала даже, будто вы имѣли виды на его дочь. Вообразите же, какая смѣшная исторія. Оказывается, что мадмоазель де-Шазель, эта красавица и богатая невѣста, о которой такъ много шумѣли въ свѣтъ, просто-запросто, родная внучка мулата Симона Вааса, бывшего невольника на Санъ-Доминго. Она какъ съ неба упала въ семью своихъ черномазыхъ родственниковъ и, говорятъ, скоро выходитъ замужъ за двоюроднаго брата, за мулата Марціала Вааса.

— Она? вскричалъ Пальмарола : этого быть не можетъ! Графиня де-Шазель выйти за мулата!

— Почему жъ и не такъ? холодно возразила маркиза. Чтò такое она сама? Цветная дѣвчонка! Во Франціи не знаютъ этого, но здѣсь вѣдь не то. Ктò ее здѣсь возьметъ, кромѣ какого-нибудь мулата?

Пальмарола однако жъ всё-еще никакъ не могъ понять, откуда взялась Эсепрь, когда она должна была выйти за своего дядю. Маркиза не умѣла разсѣять его недоразумѣнія. Они разстались. Молодой человекъ тотчасъ велѣлъ осѣдлать лошадь и поскакалъ къ дому Карлотъ. Это было ужъ вечеромъ. На другой день, рано поутру, онъ прїѣхалъ въ имѣніе своей тетки и нашелъ ее въ саду, гдѣ нѣсколько ребятшекъ изъ негровъ пололи гряды подъ надзоромъ старой негритянки. Педро Пересъ прибѣжалъ отдать почтеніе племяннику своей барыни. Раскланявшись съ Пальмаролой, онъ отошелъ къ-сторонѣ и взглянулъ на дорогу, пролежавшую мимо самой рѣшетки саду. То было воскресенье. Все семейство Симона Ваэса, верхами на прекрасныхъ лошадяхъ, ѣхало въ Лимонарь слушать объѣдню. Когда кавалькада приближалась къ садовой рѣшоткѣ, Педро Пересъ сказалъ : — Вонъ и старикъ Симонъ ѣдетъ съ своими внуками.

Пальмарола спрятался за кустарникъ. Онъ въ-минуту замѣтилъ бѣлое лицо мадамозель де-Шазель между черными лицами ея родственниковъ. Но... странное дѣло! онъ увидѣлъ, что и она имѣетъ тѣ тайные родовыя признаки, по которымъ опытный глазъ отличаетъ не чистое европейское происхожденіе. Желчь пролилась въ сердце Пальмаролы; онъ грустно провожалъ глазами свою невесту. Между-тѣмъ Педро Пересъ съ важностью излагалъ дому Карлотъ систему лучшаго управленія неграми.

— Если бъ они по воскресеньямъ работали на себя,

говорилъ онъ : то охотнѣе бы занимались вашими план-таціями въ остальные шесть дней недѣли. У Симона Ваэса именно такъ заведено, а Симонъ Ваэсъ человекъ знающій. Его пятьдесятъ невольниковъ готовы бросить-ся за него въ огонь.

— Пятьдесятъ невольниковъ! вскричала доня Карло-та. Возможно ли, чтобы пятьдесятъ невольниковъ бы-ло у мулата!

— Точно такъ, сударыня, подтвердилъ Педро Пе-ресь. А что касается до Симона Ваэса, такъ онъ не толь-ко мулатъ, но и самъ былъ прежде невольникомъ. Здѣсь въ околоткѣ всѣ помнятъ, какъ онъ пріѣхалъ сюда съ своимъ господиномъ съ острова Санъ-До-минго.

Пальмарола почувствовалъ ужасно болѣзненное сму-щеніе, подслушавъ эти слова. Черезъ нѣсколько вре-мени, семейство Ваэса опять ѣхало мимо саду, возвра-щаясь изъ церкви. Гонсало опять спрятался за кусты. Онъ не могъ не ощутить нѣкоторой ревности и негодо-ванія, увидѣвъ, что мулатъ Марціалъ ѣдетъ возлѣ Эс-еири. Графиня боялась; дрожащая рука ея худо пра-вила лошадей, и молодой мулатъ ни на минуту не вы-пускалъ ее изъ виду. Поровнявшись съ домомъ дони Карлоты, мадамозель де-Шазель бросила продолжи-тельный взглядъ на жилище спѣсивой барыни. Паль-марола показалось, что она грустна: это его утѣшило. Два часа спустя, онъ написалъ къ Эсеири письмо, въ которомъ увѣдомлялъ ее о своемъ пріѣздѣ и просилъ позволенія видѣться съ нею.

Это письмо повергло бѣдную дѣвушку въ самыя про-тивуположныя чувствованія. Сначала ей представлялась одна мысль, что она увидитъ опять человека, съ кото-рымъ разлука стоила ей такъ много страданій, и при кой радостной мысли, Эсеири ощутила въ душѣ своей мажнство неизъяснимое; но скоро она вспомнила

разности въ цвѣтѣ кожи : начались горестныя предчувствія, опасенія.

Симонъ Ваасъ, узнавъ о будущемъ посѣщеніи маркиза де-Пальмаролы, тотчасъ смѣкнулъ, что такая великая честь относится къ одной его пріязней внучкѣ, которую маркизъ встрѣчалъ въ парижскихъ обществахъ, и потому, когда Пальмарола вошелъ въ домъ Вааса, онъ засталъ мадмоазель де-Шазель одну.

Эта минута была полна радости, горести, счастья и мученій. Шестъ мѣсяцовъ прошло, какъ Гонсало въ послѣдній разъ видѣлъ свою любезную въ роскошныхъ комнатахъ ея парижскаго дому.... Сколько съ тѣхъ поръ они перенесли жестокихъ ударовъ судьбы! Имъ казалось, что они — два несчастные странника, которые бурей выкинуты на необитаемый островъ. Гонсало говорилъ о своихъ предположеніяхъ : онъ не перемѣнилъ своихъ мыслей ; онъ тотъ же ; съ тою же нѣжною и почтительною любовью, онъ просилъ Эсеиръ отдать ему свою руку. Она слушала его съ кроткою радостью.

— Я знала, что вы не перемѣнитесь, сказала она : я ждала васъ. Богъ далъ вамъ благородное и вѣрное сердце. Но я не могу принять жертвы, которую вы мнѣ приносите : долгъ требуетъ отказать.

— Почему? вскричалъ Гонсало. Если бъ вы были на моемъ мѣстѣ, развѣ вы не сдѣлали бы того же, что я дѣлаю?

Эти слова поколебали рѣшительность мадмоазель де-Шазель : она мысленно оглянулась на счастье, которое отвергала, и душа ея не выдержала столь сильнаго испытанія.

— Хорошо, сказала она. Передъ нами еще лежитъ долгая будущность. Подождемъ : прійдетъ время.

— Но неужели, отвѣчалъ Пальмарола съ чувствомъ : неужели наша молодость такъ ничтожна, что мы не

должны сожалеть о ней? Можетъ-быть, цѣлые годы пройдутъ въ ожиданіи счастья. Если бъ, по-крайней-мѣрѣ, были какія-нибудь границы, какая-нибудь цѣль.....

Эсмеръ подала ему руку.

— Черезъ два года я ваша, сказала она : черезъ два года.... если только вы еще не забудете въ то время своей Эсмери!

Съ этого дня началась для мадмоазель де-Шазель жизнь, исполненная томленій : рѣдкія радости, вѣчное безпокойство, тайныя и мучительныя страданія. Гонсало гостилъ у дони Карлоты : одинъ неширокій лугъ раздѣлялъ жилища любовниковъ ; они смотрѣли на одни и тѣ же предметы, вѣтерокъ приносилъ къ нимъ одно и то же благоуханіе ; но между ними лежала страшная бездна, изрытая предрасудками. Гонсало не посѣщалъ болѣе Симона Вааса : его посѣщенія подали бы поводъ къ злословію. Эсмеръ, съ своей стороны, еще менѣе могла ходить въ гости къ донѣ Карлотѣ : между ними не было ничего общаго. Пальмарола изрѣдка встрѣчалъ Эсмеръ только на прогулкахъ, но она всегда прогуливалась вмѣстѣ съ своими сестрами, никогда одна : двѣ три ничтожныя фразы, и Гонсало долженъ былъ итти своею дорогою. Нѣсколько разъ его искушала мысль упробить мадмоазель де-Шазель видѣться съ нимъ потихоньку ; но что, если это откроется?.... Онъ не рѣшился.

Такимъ образомъ одорочка, назначенная Эсмерью, становилась для нея съ каждымъ днемъ тягостнѣе, неноснѣе.

Въ одинъ вечеръ, когда она сидѣла съ своими сестрами у опушки роши, къ нимъ подошелъ старый негръ съ заступомъ на плечъ.

— Здравствуйте, сударыни, сказалъ онъ по-французски.

— Здравствуй, мой другъ, отвѣчала удивленная мадамъ-мазель де-Шазель. Ктѣ ты таковъ? гдѣ ты научился французскому языку?

— Я негръ дони Карлоты де-Пальмарола, сказалъ старикъ : а по-французски выучился на Санъ-Доминго. У прежняго моего барина была тамъ славная сахарная плантація, и самъ онъ былъ человекъ добрый: вѣчная ему память! Послѣ его смерти, у наследниковъ все стало вверхъ дномъ : плантацію разорили, насъ всѣхъ распродали ; я достался донѣ Карлотѣ.

— Новочему же вашъ господинъ не отпустилъ васъ, если онъ былъ добрый человекъ?

— А чтѣ было бы въ томъ хорошаго? Вотъ когда, какъ Симону Ваэсу, дадутъ и землю и работниковъ, это другое дѣло; а нашъ баринъ не могъ раздѣлить по насъ своего имѣнія : у него были наследники, дѣти.

Этотъ простой отвѣтъ навелъ несчастную дѣвушку на грустные размышленія. Стало-быть, ея дѣдъ и негры дони Карлоты — равны : о! какъ же она ничтожна въ-сравненіи съ Пальмаролой!

Нѣсколько дней спустя, мадамъ Абель, раздѣвая свою барышню, сказала : — Дитя мое! можетъ-статься, ты не примѣтила : вѣдь Марціалъ тебя любитъ!

— Марціалъ Ваэсъ!....

— Да. Ты не обращаешь на него вниманія, такъ и не видишь; а я увѣрена, что онъ думаетъ на тебѣ жениться.

— Марціалу жениться на мнѣ!.... Можно ли это?.... Но конечно, примолвила она со вздохомъ : конечно! почему ему и не думать этого? Мы ровни.

И въ самомъ дѣлѣ, нѣсколько дней спустя, Симонъ Ваэсъ съ таинственнымъ видомъ взялъ ее за руку и повелъ въ садъ.

— Дочь моя, сказалъ онъ : мнѣ хочется поговорить съ тобой безъ свидѣтелей.

Эсепрь тотчас догадалась, что это значитъ. Лицо ея облилось яркимъ румянцемъ, на глазахъ показались слёзы.

— Развѣ ты думаешь, что я стану тебя приневоливать? спросилъ Симонъ Ваэсъ, глядя на нее съ тѣвностью.

— О! нѣтъ.... нѣтъ.... Я знаю, что вы справедливы, что вы меня любите....

— Такъ чего жъ ты боишься?.... Да, дитя мое, я тебя люблю болѣе всѣхъ другихъ дѣтей.... люблю такъ, какъ любилъ Каталину.... Не бойся же, моя милая! Я вижу, что ты догадалась, о чемъ я хочу говорить.

— О Марціалъ?.... Дѣдушка! это не возможно!

— Я самъ ему говорилъ, что не возможно, но.... поди! онъ любитъ тебя безъ памяти.... Бѣдная дочь моя! ты здѣсь не найдешь себѣ жениха.... въ нашемъ краю никто на тебѣ не женится!

— Ради Бога, дѣдушка, не будемъ объ этомъ никогда говорить, сказала Эсепрь, заливаясь слезами.

Симонъ Ваэсъ покачалъ головой.

— Хорошо, хорошо, не будемъ, отвѣчалъ онъ съ печальнымъ видомъ, и въ самомъ дѣлѣ съ того времени не было болѣе рѣчи о Марціалѣ.

Такимъ образомъ прошелъ цѣлый годъ. Вдругъ Симонъ Ваэсъ сдѣлался болѣвнѣ. Домашніе расточали ему нѣжнѣйшія попеченія, но скоро всякая надежда исчезла: старикъ очевидно приближался къ концу.

Въ одинъ вечеръ, когда Эсепрь сидѣла у его постели и въ комнатѣ никого болѣе не было, онъ взялъ ея руку и сказалъ тихо:

— Дитя мое, я чувствую, что я скоро умру....

— Дѣдушка!....

— Не утѣшай меня, Эсепрь: я это навѣрное знаю и не боюсь смерти. Но, разставаясь съ тобой, я хотѣлъ

бы сдѣлать все, что отъ меня зависить, чтобы ты была счастлива. Марціалъ останется послѣ меня хозяиномъ дому. Я завѣщаль ему обходиться съ тобой какъ онъ обходится съ своими сестрами; но, ты знаешь, мой другъ, у него были другіе виды, а мужчины иногда дѣлаются несправедливы къ женщинѣ, которая ихъ отвергла. Если съ тобой случится такое несчастіе, кто будетъ твоимъ защитникомъ?

«Гонсало», подумала мадмоазель де-Шазель, но языкъ ея не могъ произнести это имя, и она со слезами нагнувшись къ умирающему, прошептала только: — О! зачѣмъ такія печальныя предположенія? зачѣмъ думать о смерти? Вы еще долго, долго насъ не покинете.

Симонъ Ваэсъ сдѣлалъ отрицательный знакъ.

— Отопри этотъ шкафъ, сказалъ онъ: и вынь оттуда маленькій окованный ящичекъ.

Эсэиръ повиновалась. Ящичекъ былъ очень тяжелъ. Симонъ велѣлъ достать ключъ, лежавшій у него подъ подушкой, отперъ ящикъ и показалъ въ немъ золотыя деньги.

— Тутъ шесть сотъ унцій золота, сказалъ онъ: это твоя законная доля наслѣдства. Возьми ее. Марціалъ отдалъ бы тебѣ самъ, но мнѣ хотѣлось, чтобы ты изъ моихъ рукъ получила эти деньги. Если тебѣ будетъ не хорошо жить здѣсь, поѣзжай во Францію: тамъ тебѣ будетъ лучше; можетъ-быть, тамъ ты найдешь свое счастье. Только, что бы ни случилось съ тобою, дитя мое, вспоминай иногда о своемъ старомъ дѣдѣ и молись о душѣ его.

На другой день Симонъ Ваэсъ скончался. Его похоронили рядомъ съ женой на лимонарскомъ кладбищѣ. Въ слѣдующее утро мадмоазель де-Шазель получила отъ Пальмаролы письмо, въ которомъ онъ старался ее утѣшить, потому что упоминалъ о своихъ ожиданіяхъ, го-

ворилъ, что теперь нѣчего откладывать ихъ общаго счастья, и заключалъ все это словами, что онъ скоро съ нею увидится, чтобы уже никогда болѣе не разлучаться.

Мѣсяцъ спустя, семейство Вазса, въ траурѣ, было у обѣдни въ лимонарской церкви. Отпустивъ сестеръ съ Марціаломъ домой, мадмоазель де-Шазэль пошла на кладбище, поклониться могилѣ дѣдушки. Съ ней была няня. Поплакавши вмѣстѣ на свѣжей могилѣ, онѣ съли въ кабриолетъ и поѣхали, не замѣчая того, что за ними изъ-дали слѣдуетъ всадникъ. Дорога свернула влѣсъ : нигдѣ ни одного человѣка; пустота и безмолвіе. Всадникъ пришпорилъ лошадь и мигомъ очутился возлѣ кабриолета. Эсэиръ вскричала отъ удивленія, узнавъ своего жениха. Гонсало просилъ позволенія поговорить съ нею одну минуту. Она согласилась дойти съ нимъ до того мѣста, гдѣ оканчивается лѣсъ. Пошли. Имъ надобно было передать другъ другу тысячу мыслей, тысячу чувствованій, и за всѣмъ тѣмъ они почти не могли выговорить ни слова. Скоро лѣсъ кончился : наступила минута разлуки.

—Прощайте! сказалъ Гонсало, прижимая къ губамъ руку мадмоазель де-Шазэль. Черезъ недѣлю я поѣду въ Гавану, въ нѣсколько дней окончу тамъ всѣ дѣла, и тогда, Эсэиръ..... тогда я ворочусь къ вамъ, чтобы напомнить наше условіе.

Казалось, при этомъ свиданіи не было никого; однако жъ маркиза де-Виллаверде въ тотъ же день знала всѣ подробности. Душа ея закипѣла. Скрывъ отъ Гонсало свою ревность и злобу, она придумывала, какимъ бы образомъ помѣшать невѣрному любовнику. Но чтобы достигъ этой цѣли, надобно было напередъ узнать его планъ, его средства, его намѣренія. Маркиза послала управителя своего въ Гавану, развѣдать, въ какомъ положеніи находятся дѣла Пальмаролы. На третій день, этотъ человѣкъ извѣстилъ ее, что Пальмарола

продать свое имѣніе и его повѣренный съ часу на часъ ожидаетъ полученія денегъ. Въ самомъ дѣлѣ, маркизъ въ этотъ же вечеръ простился съ доней Карлотой, говоря, что ѣдетъ на недѣлю въ Гавану, а потомъ отправится путешествовать.

— А! теперь понимаю все! прошептала маркиза де-Виллаверде, смотря вслѣдъ коляскѣ, въ которой уѣзжалъ Гонсало : онъ хочетъ увести ее.... жениться..... Нѣтъ! этому не бывать!.... Поѣзжай, поѣзжай, Гонсало! надѣйся, рассчитывай : ты ея не заставишь, когда пріѣдешь назадъ!

Мадмоазель де-Шазель задумчиво глядѣла на заходящее солнце, когда старушка Абель подала ей слѣдующую лаконическую записку :

«Важныя семейственныя дѣла требуютъ объясненія между мадмоазель де-Шазель и одной близкой родственницей маркиза де-Пальмаролы. Если мадмоазель де-Шазель пожалуетъ завтра утромъ въ домъ дони Карлоты, то будетъ принята со всѣмъ уваженіемъ, какого она заслуживаетъ.»

— Что это значитъ? сказала испуганная Эсѳиръ. Тетка Гонсало хочетъ со мною говорить.... Боже мой!,....

Увы, дитя мое! отвѣчала мадамъ Абель.... Но какъ же ты думаешь поступить?

— Поѣду! сказала бѣдная дѣвушка. Нечего дѣлать, надобно ѣхать.... Ахъ, нянюшка! если бъ ты знала, какъ я боюсь этого свиданія!..... Чего отъ меня хотятъ?.....

Какъ бы то ни было, въ слѣдующее утро, прежде нежели звонокъ на заводъ дони Карлоты возвѣститъ работникамъ время перваго отдыха, Эсѳиръ вмѣстѣ съ мадамъ Абель вѣхала въ густую аллею, которая вела къ жилищу этой спѣсивой барыни. Никогда она не была такъ трогательно-прекрасна. Черное платье совершенно уничтожало легкую смугловатость ея лица и придавало ему блѣдную бѣлизну, которая имѣла прелесть

ное выраженіе. Темноглубые глаза ея теплились какъ лампы подь чернымъ воалемъ, спущеннымъ съ соломенной шляпки. Благородство, скромность, прелестная простота были разлиты во всей фигуръ и физиономіи молодой графини.

Подъѣзжая къ концу аллеи, Эсэиръ увидѣла женщину, которая, лишь-только кабриолетъ началъ съ нею равняться, сдѣлала кучеру знакъ, чтобы онъ остановилъ лошадей. Мадмоазель де-Шазёлъ и мадамъ Абель вышли изъ экипажа. Эсэири казалось, что она гдѣ-то видѣла эту даму : черты незнакомки напоминали ей что-то прошедшее, что-то отдаленное; она вспомнила роскошный праздникъ, толпу, блистательные уборы, веселыя лица..... Маркиза де-Виллаверде сдѣлала шагъ впередъ. Эсэиръ подошла къ ней и сказала своимъ гармоническимъ голосомъ :

— Кажется, я имѣла удовольствіе встрѣчать васъ прежде.... давно.... далеко отсюда....

— Можетъ-быть, сухо отвѣчала маркиза, и потомъ прибавила : — Это я писала къ вамъ вчера вечеромъ. Благодарю, что вы не заставили себя дожидаться.

Она сдѣлала знакъ, чтобъ Эсэиръ шла за нею. Молодая дѣвушка думала, что ее введутъ въ домъ, но маркиза де-Виллаверде свернула направо и повела ее въ садъ. Черезъ нѣсколько шаговъ, Эсэиръ увидѣла того стараго негра, который разговаривалъ съ нею однажды, когда она сидѣла съ своими сестрами у опушки роши. Видъ бѣднаго невольника печально напомнилъ ей, что такое былъ прежде Симонъ Ваэсъ, и противоположность этого воспоминанія съ тѣмъ, которое въ ней пробудили черты маркизы, наполнила ея сердце ужасною горечью. Наконецъ три женщины вошли въ померанцовую бесѣдку. Мадамъ Абель съѣла. Эсэиръ и маркиза удалились еще на нѣсколько шаговъ по дорожкѣ, и послѣдняя начала говорить:

— Мне очень не хотѣлось васъ беспокоить; но иначе, я должна бы была сама къ вамъ ѣхать, а это не возможно.

— Я здѣсь, сударыня, отвѣчала Эсэри съ достоинствомъ.

Мэрива немножко смѣшалась: въ голосъ и въ глазахъ Эсэри было что-то гордое, что-то благородное; это была ужъ не внучка мулата Симона Ваэса, а точно мадамезель де-Шазель, графиня, дѣвица знатнаго рода, принадлежащая къ высшему классу парижскаго общества.

— Я давно хотѣла поговорить съ вами, продолжала маркиза, оправившись. Мне надобно сдѣлать васъ судьей въ обстоятельствахъ, которыя касаются счастья, чести, состоянія и, словомъ, всей будущности одного человѣка, моего близкаго родственника. Я знаю, что маркизъ де-Пальмарола намѣренъ на васъ жениться. Въ Европѣ, это было бы дѣло возможное, но здѣсь.... здѣсь еще никогда не случалось такого примѣра. Конечно, это предразсудокъ: не спорю; но предразсудокъ этотъ такъ сильно укоренился въ нашихъ обычаяхъ, что ему никто не смѣетъ противиться. Женясь на васъ, Гонсало долженъ будетъ на-вѣкъ отречься отъ своего отечества, отъ своихъ родныхъ, даже отъ своего состоянія. Онъ вамъ говорилъ, вѣроятно, что любовь ваша замѣнитъ ему все на свѣтѣ; но.... бѣдная молодая дѣвушка! вы не опытни, вы не знаете сердца мужчины! Я увѣрена, что Гонсало не думалъ васъ обмануть; но онъ самъ обманывается: я его знаю!

Эти простыя и почти дружескія слова произвели глубокое впечатлѣніе на сердце Эсэри: она сама нѣсколько разъ такъ же думала, сама нѣсколько разъ начинала сомнѣваться.

— Увы! отвѣчала она: я знаю, какъ велика жертва, которую хочетъ принести мнѣ мосьб де-Пальмарола; но

я надѣюсь, что она не будетъ для него слишкомъ близка. Франція ему та же отчизна; а что касается до родныхъ, то у него ихъ не много. Доня Карлота и вы : вотъ всѣ его родственники.

— О! конечно, конечно, перебила маркиза съ странной улыбкой: я знаю, что Гонсало готовъ бросить родину, бросить насъ, бросить все. Но привыкнетъ ли онъ къ своему новому положенію?... Никогда! Что его ожидаетъ? Бѣдность. У него остается только полторы тысячи піастровъ дохода. Онъ не знаетъ расчетливости. Здѣсь, безъ его вѣдома, такъ что онъ этого и не подозреваетъ, доня Карлота своими деньгами исправляетъ тѣ нужды, на которыя у него не достаетъ своихъ средствъ. Но когда онъ будетъ принужденъ жить одними этими жалкими средствами, когда притомъ надобно содержать семейство, тогда онъ почувствуетъ всѣ ужасы бѣдности и.... будетъ ли счастливъ? Можетъ, вы думаете, что эти затрудненія только временныя, что послѣ смерти дони Карлоты онъ снова разбогатѣетъ ея наслѣдствомъ?... Нѣтъ! доня Карлота, въ самый день вашей свадьбы, перемѣнитъ свою духовную: она скорѣе отдастъ все въ постороннія руки, нежели согласится, чтобы ея имѣніе досталось человѣку, который женился на внучкѣ вольноотпущеннаго мулата Симона Вазса.

Маркиза замолчала. Эсмеръ въ уныніи опустила голову и тоже не смѣла произнести ни слѣва. Наконецъ ея соперница начала опять говорить:

— Теперь вы видите положеніе Пальмаролы и ваше, сказала она. Подумайте же. Я къ вамъ самимъ обращаюсь: будьте сами судьей. — Надобно, чтобы вы пожертвовали своими надеждами, присокупила маркиза, устремивъ на Эсмеръ испытующій взглядъ. Достанетъ ли у васъ на это мужества? любите ли вы Пальмаролу столько, чтобъ сберечь его счастье?

— Да, отвѣчала Эсэирь со слезами: я буду готова на все, если увѣрюсь, что это нужно для счастья Генсало. Но.... ахъ! ежели бы вы знали.... онъ любить меня....

— Любить! подхватила маркиза де-Виллаверде съ мрачной насмѣшкой. И, можетъ-статься, вы думаете, что онъ не перенесетъ разлуки съ предметомъ своей любви?... что ему не замѣнить васъ ни какая женщина?... что онъ никого не любилъ кромѣ васъ?

— Да, я увѣрена, отвѣчала Эсэирь съ убѣжденіемъ.

Маркиза опять нѣсколько секундъ молчала и потомъ сказала вполголоса:

— Послушайте. Есть одна тайна, которой я не открывала никому, но которую теперь, вижу, принуждена открыть вамъ. Вы считаете себя единственнымъ предметомъ любви Пальмаролы?... Вы ошибаетесь: онъ любилъ и меня. Хотите ли доказательствъ? Я покажу его письма.

Эсэирь, въ отчаяніи, подняла глаза на маркизу. Маркиза была прекрасна.

— И онъ могъ вамъ измѣнить? пролепетала она едва внятнѣмъ голосомъ.

— Да, равнодушно отвѣчала маркиза. А между-тѣмъ, замѣтите, эта любовь продолжалась нѣсколько лѣтъ.... Вѣрно, онъ вамъ ничего не рассказывалъ?... Мужчины не любятъ говорить объ этихъ вещахъ. Они ихъ забываютъ.

Эсэирь опустила голову на руки. Всѣ ея мысли перемѣшались. Она думала, что сойдетъ съ ума. Но маркиза не щадила несчастной дѣвушки.

— Полноте, полноте, сказала она. Лучше взгляните прямо на свое положеніе....

— Ахъ! оно ужасно! вскричала мадамозель де-Шазель, залившись слезами.

Торжествующая соперница дала ей волю поплакать и потомъ сказала :

— Однако жъ вамъ должно рѣшиться на что-нибудь. Вотъ, если бы вы были богаты, такъ, что могли бы жить съ Гонсало во Франціи, не нуждаясь въ наследствѣ послѣ дони Карлоты, тогда другое дѣло : положимъ, Гонсало бы васъ разлюбилъ ; по-крайней-мѣрѣ онъ не проклиналъ бы своего необдуманнаго поступка. Но у васъ тоже нѣтъ состоянія.

— Нѣтъ, отвѣчала Эсэиръ, успокоиваясь : дѣвушка оставилъ мнѣ сумму, которой будетъ довольно только на то, чтобы обезпечить судьбу моей старой няни и заплатить за себя вкладъ въ монастырь.

— И вы хотите сдѣлать какъ говорите ? поспѣшно спросила маркиза.

— Да, сказала мадамозель де-Шазэль съ покорностью.

— Въ какой же монастырь вы думаете вступить ? Святой Клары въ Гавань ?

— Нѣтъ, я поѣду во Францію.

Радость и торжество просіяли на лицѣ маркизы де-Виллаверде. Она быстро сообразила всѣ способы, которые надобно предоставить Эсэири, чтобы выпроводить ее какъ-можно скорѣе. Несчастливая дѣвушка была рѣшительно у нея въ рукахъ, а она имѣла цѣлую недѣлю времени для выполненія своего плана : чего не сдѣлаетъ женщина при такихъ обстоятельствахъ !

— Ну, такъ надобно же, чтобъ вы не медлили, сказала маркиза : потому что если Гонсало застанетъ васъ еще здѣсь, то, можетъ-быть, вы не въ силахъ будете исполнить свое благородное и благоразумное намѣреніе. Притомъ нужно имѣть въ виду, что Марціалъ также, пожалуй, вздумаетъ препятствовать вашему отъѣзду. Впрочемъ вы не имѣете надобности быть съ нимъ откровенною. Можно сказать, что вы ѣдете только въ Гавану, а тамъ съѣсть на корабль, и черезъ два

мѣсяца вы во Франціи. Корабли въ Гавръ и Бордо отправляются каждый день.

Легко себѣ вообразить, въ какомъ состояніи Эсэиръ воротилась домой послѣ этого ужаснаго разговора. Она не понимала сама себя, не знала, чтѣ съ нею дѣлается. Черезъ нѣсколько времени, ей показалось и страннымъ и страшнымъ, что она могла такъ скоро рѣшиться на вѣчную разлуку съ человѣкомъ, съ которымъ была связана обещаніемъ. Эсэиръ начала раскаяваться, начала размышлять, имѣетъ ли она право нарушить слово, данное Пальмаролѣ. Цѣлая ночь прошла въ этой душевной борьбѣ. Маркиза де-Виллаверде предвидѣла могущіе возникнуть перевороты, и на этотъ разъ ее ужъ не удержали ни какія приличія : рано утромъ она была въ домѣ Симона Вааса, чтобы не оставить Эсэиръ на волю собственныхъ ея чувствъ. Бѣдная дѣвушка покорилась вліянію хитрости и энергическаго характера маркизы : черезъ четыре дня, ея уже не было въ домѣ; она уѣхала въ Матансасъ, чтобъ оттуда водой переправиться въ Гавану.

Маркиза де-Виллаверде также поѣхала въ Матансасъ. Она боялась выпустить свою жертву, и хотѣла даже не отстать отъ нея до тѣхъ самыхъ поръ, какъ несчастная отправится въ море, но потомъ раздумала, зная, что поѣздка ея въ Гавану можетъ внушить Пальмаролѣ подозрѣнія, которыя навсегда ее съ нимъ разсорятъ. Маркизу пуще всего безпокоила мысль, что Гонсало и Эсэиръ могутъ встрѣтиться. Для отвращенія этой бѣды, она взяла съ мадамъазель де-Шазель клятву не искать свиданія съ Пальмаролой.

Такимъ образомъ Эсэиръ, въ сопровожденіи своей нянюшки, ушла изъ Матансаса въ Гавану, а маркиза де-Виллаверде въ тотъ же день отправилась къ дому Карлотъ, куда, по ея разсчету, Гонсало долженъ былъ пріѣхать дня черезъ два или три.

Прошла недѣля : Гонсало не было; прошли двѣ : она не воротилась. На письма, которыя между-тѣмъ послала маркиза, также не приходило отвѣтовъ : ни Гонсало ни Эсэиръ не писали къ ней. Въ отчаяніи, она рѣшилась ѣхать сама.

Пріѣхавъ въ домъ Пальмаролы, она нашла тамъ пустоту и безмолвіе. Домъ проданъ ; двери заколочены, окна закрыты. Надобно было обратиться къ сосѣдямъ за свѣдѣніями : сосѣди говорятъ, что Пальмарола, два дня тому назадъ, уѣхалъ на корабль въ Гавръ.

— Я предчувствовала это, сказала глухимъ голосомъ маркиза де-Виллаверде. Должно было посадить ее на корабль : тогда только я достигла бы своей цѣли!

Но оставалась еще надежда, что, можетъ-быть, Эсэиръ уѣхала прежде Гонсало, что онъ поѣхалъ ее догонять, что они пріѣдутъ въ разныя гавани, что мадмоазель де-Шазэль успѣетъ постричься, прежде нежели Гонсало ее отыщетъ.

На другой день невольникъ маркизы, исправивъ кой-какія надобности въ городѣ, воротился домой и сказалъ своей барынѣ, что онъ былъ на почтѣ и случайно нашелъ тамъ письмо на ея имя, оставленное, для отсылки по адресу, какою-то дамою, которая уѣхала въ Европу. Это письмо было отъ мадмоазель де-Шазэль. Вотъ его содержаніе :

«Милостивая государыня,

«Богъ мнѣ помогъ. Участь чловѣка, который такъ дорогъ вашему сердцу, теперь въ безопасности отъ тѣхъ бѣдствій, которыя ваша дружба желала отвратить отъ него. Я получила здѣсь письмо отъ барона д'Алюиня, который извѣщаетъ меня, что дядя мой Робертъ де-Шазэль скончался. Все имѣніе его, по закону, переходитъ ко мнѣ, и мосьё де-Пальмарола, хотѣвшій пожертвовать мнѣ своимъ состояніемъ, согласился раздѣлить со мною мое богатство. Свадьба наша будетъ тотчасъ какъ мы пріѣдемъ во Францію.

Мосье де-Пальмарола пишетъ объ этомъ къ тетущкѣ своей дежъ Карлотъ, прося ее о прощеніи и продолженіи своей къ нему дружбы.

«Вы не раздвѣяете предрасудковъ, которые, въ вашемъ отечествѣ поставили бы непреодолимую преграду между маркизой де-Виллаверде и внучкой Симона Вазса. Поэтому я смѣю надѣяться, что вы не отвергнете дружбы, которую вамъ предлагаетъ жена Гонсало.»

Руки маркизы, въ судорожномъ движеніи, смяли и уронили это письмо. Она мрачно уставила глаза въ полъ, долго сидѣла безмолвная и угрюмая, потомъ приложила руку къ глазамъ и сказала :

— Такъ небо отмщаетъ за мертвыхъ!....

=

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

КАРДИНАЛЬ ХИМЕНЕСЬ.

Когда почти каждое утро приноситъ извѣстіе о новомъ несчастіи или новомъ страданіи этой бѣдной, истерзанной, залитой кровью, Испаніи, очень естественно устремить испытующій взглядъ на прежнюю ея исторію и отыскать тотъ день, съ котораго началось это безконечное, мучительное паденіе нѣкогда могущественнаго государства. Но, сообразивъ нѣсколько данныя исторіи, не трудно увидѣть, что этимъ зловѣщимъ днемъ былъ самый день торжества Испаніи, день шумнаго выхода ея изъ хаосу, день ея величайшаго блеску и значенія. На слѣдующее утро послѣ своего возрожденія она уже начала умирать. Тотъ самый человекъ, который создалъ ея баснословную знаменитость, желѣзною рукою положилъ на ней клеймо неминуемаго разрушенія.

Въ жизни каждаго народа бываетъ минута, когда онъ, положивъ первыя основанія своего самостоятельнаго существованія, испытываетъ великій переворотъ, опредѣляющій судьбу его въ будущемъ. Черты каждаго общества зарождаются при самомъ его началѣ, но тогда онъ еще въ безпорядкѣ и тонуть въ хаосъ разныхъ неустроенныхъ стихій : впоследствии, когда національность взяла верхъ, онъ начинаютъ постепенно отдѣляться другъ отъ друга, приходить въ стройный порядокъ, организоваться въ нѣчто цѣлое, особое, самобытное.

Этотъ торжественный переломъ, болѣе или менѣе, видѣнь въ исторіи всѣхъ новѣйшихъ европейскихъ народовъ; но нигдѣ нельзя такъ хорошо замѣтить его, какъ въ Испаніи, гдѣ онъ совпадаетъ съ концомъ пятнадцатаго и началомъ шестнадцатаго столѣтій. Въ это время Испанія довершила великое дѣло, которое, въ продолженіи осьми вѣковъ, поглощало всѣ ея силы: Мавры были окончательно побѣждены ею. Съ той поры начиналась новая эра для пиренейскаго полуострова. Народъ, долгое время бывшій ни чѣмъ инымъ какъ огромною арміею, вступилъ твердою ногой на отнятую у непріятеля свою землю и долженъ былъ подумать о новомъ устройствѣ, объ устройствѣ правильномъ, совсѣмъ уже не такомъ, какое нужно было для продолжительнаго крестоваго похода, который похитилъ у него столько времени и людей, и произвелъ столько безпорядковъ.

Положеніе Испаніи въ концѣ пятнадцатаго вѣка было необыкновенно блистательно. Мелкія владѣнія, на которыхъ раздѣлялся полуостровъ, слились въ два королевства, аррагонское и кастильское, а бракъ наследницы Кастиліи съ наследникомъ Аррагоніи основалъ одно обширное государство, въ которомъ быстро соединились всѣ прежнія независимыя, христіанскія и мавританскія, области. Десять милліоновъ жителей занимали страну, и это народонаселеніе, въ сравненіи съ народонаселеніемъ другихъ государствъ тогдашней Европы, казалось необыкновенно многочисленнымъ. Оно состояло изъ двухъ главныхъ поколѣній: одно было побѣжденное, но еще сильное, другое — побѣдоносное, всегда пылкое, всегда готовое снова драться.

Мавры играютъ въ исторіи чрезвычайно важную роль. Они готовы были покорить всю Европу. Принужденные ограничиться однимъ полуостровомъ, они завели на немъ много прекраснаго. Когда христіане восторжествовали надъ ними, они, изнеможенные благоденствіемъ, уже позабыли-было свою древнюю военную славу, и не стали противиться. Страстная привязанность къ прелестнымъ андалузскимъ долинамъ, которыхъ долго они не могли изгладить изъ своей памяти даже и послѣ, въ изгнаніи, заставила ихъ безропотно подчиниться возникшему преобладанію христіанъ, лишь бы имъ дозволяли заниматься въ тиши своею промыш-

леностью, своими искусствами. Поля Валенсіи и Гренады, чудесно обработанныя ими, обогащали всю страну произведеніями земледѣлія, которому не возможно не удивляться, а великолѣпные остатки дворцовъ и мечетей, послѣдніе памятники роскоши, которой долгое время не было ничего подобнаго въ свѣтъ, еще и теперь свидѣтельствуютъ о томъ, какими изящными произведеніями умъли они украсить свое новое отечество.

Напротивъ, христіанское поколѣніе трепетало воинственнымъ жаромъ, пыломъ кровавыхъ битвъ, восторгомъ побѣдъ : народъ, дворянство, общины, духовенство, правительство, воодушевляли другъ друга воспоминаніемъ общихъ успѣховъ, добытыхъ оружіемъ и кровью. Въ Наваррѣ, Кастиліи, Каталоніи, Валенсіи, частныя народныя собранія, или кортесы, имѣли огромныя привиллегіи. Арагонія отличалась республиканскимъ духомъ. Чувство превосходства быстро распространилось во всѣхъ классахъ христіанскаго народонаселенія и положило основаніе той національной гордости, которую не могли поколебать впоследствии ни какіе перевороты. Все воспѣвало, все прославляло рыцарскія доблести соотечественниковъ. Отъ Пиренеевъ до Гибралтара, только и слышались голоса земледѣльцевъ, вогоньщикоу лошаковъ, работниковъ, моряковъ, которые пѣли подвиги Сиды и паденіе городовъ мавританскихъ; не было сердца, которое бы не дрожало отъ радости при этихъ славныхъ воспоминаніяхъ.

Дворянство было здѣсь гораздо сильнѣе, нежели въ остальной Европѣ. *Ricos hombres*, «бояре», собственно «державные люди», принявшіе впоследствии названіе «грандовъ», пользовались такими преимуществами, которыя дѣлали ихъ почти независимыми. Во время раздѣленія Испаніи на мелкія королевства, эти вассалы имѣли права едва не равныя съ правами королей; когда же королевская власть взяла верхъ и даже подчинила ихъ, то они остались владѣтелями почти всѣхъ земель, которыя были покорены ими на собственный счетъ. За этими первостепенными феодалами тянулся длинный рядъ дворянъ втораго разряда, называемыхъ *hidalgos* или *caballegos*. Они собирались группами вокругъ бояръ : каждый имѣлъ своего начальника или покровителя, и такого

дворянства въ Испаніи было больше чѣмъ во всякой другой странѣ , потому что титулъ *hidalgo* пріобрѣтался военною службою, а войны еще продолжались.

Такую же важную роль играли и города въ Испаніи. Причиною построения городовъ была необходимость имѣть убѣжища отъ опустошительныхъ нашествій непріятеля. Поэтому число ихъ было очень велико : въ одномъ гренадскомъ королевствѣ считалось до четырехъ-сотъ. Большая часть изъ нихъ были богаты и многолюдны ; общественностью отличались особенно города кастильскіе , арагонскіе и каталонскіе. Представители ихъ были многочисленны, имѣли большое вліяніе въ частныхъ народныхъ собраніяхъ, и присвоили себѣ право, предоставленное однимъ градамъ , быть съ покрытою головою въ присутствіи короля. Промышленость и торговля испанскихъ городовъ находились долгое время въ цвѣтущемъ состояніи. Ихъ мануфактурныя произведенія, толедскіе клинки, кордованскія кожи, севильскія шелковыя ткани , славились по цѣлой Европѣ: каждый городъ занималъ работою нѣсколько тысячъ ремесленниковъ. Корабли изъ Барселоны, Валенсіи, Каррагены, Малаги, Кадикса, безпрестанно ходили въ Италію, Францію, Англію и Левантъ. За-пиренейскіе купцы славились у всѣхъ сосѣднихъ народовъ; ихъ торговыя и мореплавательныя обычаи получили силу закона во всѣхъ иностранныхъ портахъ. Отечественные историки не наговоятся о чудесахъ этой промышленной дѣятельности и о сокровищахъ, которыя были отсюду привозимы въ страну, гдѣ теперь все голо и пусто.

Такое богатство, вмѣстѣ съ пылкостью народнаго духа, послужило Испаніи къ необыкновенному распространенію своего могущества. По счастливому стеченію обстоятельствъ, Испанія въ это же самое время пріобрѣла цѣлый новыи свѣтъ : открытіе Америки послѣдовало тотчасъ за покореніемъ Гренады, и между-тѣмъ какъ вся Европа трепетала испанскаго оружія, оно дѣйствовало также въ Мексикѣ, въ Перу, въ этихъ чудесныхъ странахъ, въ которыхъ воображали столько золота, сколько онъ никогда не видалъ. Страсть къ приключеніямъ, барышничеству, славы, удовольствіямъ, опасностямъ, движенію, заразила весь ду-

ни, разгорячила всѣ воображенія и подняла всѣхъ на ноги. Не оставалось ничего такого, что казалось бы слишкомъ далекимъ, смѣлымъ, или огромнымъ: Испанецъ отваживался на все для удовлетворенія своей народной гордости, и остальной мiръ съ изумленіемъ смотрѣлъ на кипѣніе націи, которая, казалось, была назначена господствовать надъ всеми другими.

Двѣ пружины правили и поддерживали такую дѣятельность Испанцевъ, католицизмъ и монархическое правленіе. Испанское духовенство издревле имѣло непосредственное вліяніе на образованность своего отечества: пиренейскій полуостровъ обязанъ своимъ епископамъ законами и всеми учрежденіями. Впослѣдствіи, когда христіане принуждены были пріобрѣтать каждый аршинъ родной земли цѣною крови, духовенство, съ крестомъ въ рукѣ, вело ихъ на битвы. Нераздѣльность священно-началія и воинственности, подали поводъ къ учрежденію трехъ религіозно-военныхъ орденовъ, Святаго Іакова, Калатравы, Алькантары, и наконецъ еще ордена Святающихся Братій, Альмогабароу, ордена возможнаго только въ одной Испаніи, котораго члены давали обѣтъ жить внѣ человеческого общества и вездѣ истреблять невѣрныхъ, быть отшельниками и въ то же время странствующими рыцарями. Ни въ какой части Европы религіозныя убѣжденія не были такъ тѣсно связаны съ наклонностями, понятіями, и самою жизнью народа, какъ въ Испаніи. То же можно сказать и о королевскомъ санѣ. Народъ обожалъ своихъ королей. Старинныя испанскія комедіи, въ которыхъ такъ хорошо отразились всѣ оригинальности тогдашняго общества, превосходно показываютъ, чѣмъ былъ король въ древней Испаніи. Главнѣйше, король творитъ судъ и правду, воздастъ каждому должное: онъ не имѣетъ при себѣ стражи, ходитъ вечеромъ по улицамъ въ видѣ простаго дворянина и часто своею саблею защищаетъ слабыхъ и обижаемыхъ. Его власть, его санъ священны: лишь-только онъ произнесъ свое имя, всякій снимаетъ шляпу; что онъ ни скажетъ, все исполняется. Среди катастрофъ и кровавыхъ сценъ, наполняющихъ испанскую исторію, среди этихъ людей съ пылкими, необузданными

страстями, король является всюду земнымъ представителемъ Бога : онъ судитъ, награждаетъ, наказываетъ.

Въ такомъ-то положеніи находилась Испанія, когда для нея наступила минута великаго переворота, который, какъ мы сказали, случается въ жизни каждаго народа и заключаетъ въ себя его окончательное образованіе. Въ эту минуту явился въ Испаніи одинъ изъ тѣхъ необыкновенныхъ людей, которые, своимъ умомъ, характеромъ и дѣяніями, даютъ направленіе будущимъ судьбамъ государствъ и народовъ. Этотъ человекъ былъ простой монахъ, по имени Францискъ Хименесь де-Сиснерось. Изъ буднаго корделіерскаго инока, онъ въ короткое время сдѣлался архіепископомъ толедскимъ, примасомъ, великимъ канцлеромъ кастильскимъ, главнымъ инквизиторомъ, кардиналомъ, духовникомъ королевы Изабеллы, министромъ Фердинанда-Католика, регентомъ Испаніи при Карлѣ Пятомъ, и, во время своей жизни, продолжавшейся около вѣку, былъ вождемъ, опорой и разрушителемъ своего отечества.

Говорить такимъ образомъ о Хименесѣ, значитъ идти противъ всѣхъ составленныхъ объ немъ мнѣній; но правды не скроютъ софизмы. Хименесь былъ великъ въ двухъ отношеніяхъ,—силою своего духа и силою воли. Онъ успѣвалъ во всемъ, что ни предпринималъ : этого ужъ довольно, чтобы понять, какимъ образомъ онъ прославился. Но какъ онъ успѣвалъ? Вотъ вопросъ, на который надобно обратить вниманіе. Исторія показываетъ, что средства его успѣховъ были насильственны и жестоки : для минутнаго торжества Испаніи онъ вдругъ истощилъ матеріалы будущаго, прочнаго величія этого государства.

Хименесь родился въ тысяча-четыреста-тридцать-седьмомъ году, въ маленькомъ кастильскомъ городкѣ, отъ неизвѣстной фамиліи. Въ первые годы своего поприща, онъ шелъ медленно и съ трудомъ : много убилъ онъ времени, много перенесъ затрудненій и безпокойствъ, прежде чѣмъ сталъ на свое мѣсто. Ему было шестьдесятъ лѣтъ, когда Испанія доживала осьмое столѣтіе борьбы своей съ Маврами.

Отецъ Хименеса былъ уздннй казначей. Онъ готовилъ было къ той же должности и своего сына, но способности

и характеръ молодого человека вовсе не согласовались съ такими унизительными для него занятіями. Хименесъ рѣшительно отказался повиноваться волю отца. Кончилось тѣмъ, что Хименесъ принужденъ былъ оставить училище въ Алькаль-де-Энаресъ, а впоследствии и саламанкскій университетъ, знаменитѣйшій тогда въ цѣлой Испаніи. Въ тѣ времена, бѣдные молодые люди, желавшіе заниматься науками, непременно должны были поступать въ духовное званіе: надѣвъ монашескую рясу, они легко находили средства жить при университетахъ. Хименесъ не долго думалъ о выборѣ поприща: разомъ постригся въ монахи. Первые двѣнадцать лѣтъ въ этомъ новомъ званіи провелъ онъ точно такъ какъ проводили свою жизнь всѣ ученые среднихъ лѣтъ: питался милостынею и переносилъ множество трудовъ и лишеній. Но онъ съ жаромъ брался за все и дѣлялъ же въ глубинѣ души своей высокіе замыслы. Свѣдѣнія, пріобрѣтенныя имъ въ саламанкскомъ университетѣ, дали ему это безпокойное направленіе и поселили въ немъ требованія, которымъ онъ никакъ не могъ удовлетворить, идя по дорогѣ, указанной незнатнымъ происхожденіемъ. Возвратившись изъ Саламанки, Хименесъ былъ очень недоволенъ своимъ состояніемъ, нѣсколько времени искалъ около себя средствъ выбиться изъ толпы, и, не найдя ихъ въ своемъ отечествѣ, рѣшился пуститься въ Римъ. Столица западнаго христіанства была въ то время мѣстомъ, куда стекались всѣ честолюбія и откуда изливались всѣ дары счастья. Хименесъ былъ бѣденъ, Римъ далекъ; дорога представляла множество затрудненій и опасностей. Но ни какія препятствія не могли удержать честолюбца: онъ принялся читать публичныя лекціи о нравѣ, скопилъ нѣсколько денегъ, и отправился. Путешествіе его сначала было благополучно: онъ безъ всякихъ бѣдственныхъ приключеній миновалъ Испанію, Пиренеи и Лангедокъ; но въ Провансѣ на него напали разбойники. Обобранный до послѣдней нитки, онъ принужденъ былъ остановиться въ Э (Aix). Здѣсь ему случилось встрѣтить одного Кастильца, товарища своего по саламанкскому университету. Землякъ взялъ Хименеса въ свои спутники, и такимъ образомъ онъ наконецъ добрался до Рима.

Здѣсь его ожидало все, что прїязнїе обыкновенно находятъ въ большихъ столицахъ, — многолюдство, богатство, нечистота, нищенство. На папскомъ престолѣ сидѣлъ тогда Сикстъ Четвертый, изъ сына простаго савонскаго рыбака, онъ сдѣлался главой всего католическаго міра. Но, рядомъ съ такими успѣхами, съ такимъ блистательнымъ возвышенїемъ, являлись ему и горестныя усилїя, не принесшія ни какихъ плодовъ, неудачныя попытки, обманутыя надежды и заботы. Къ пренїятствїямъ въ достиженїи честолюбивыхъ цѣлей присоединилось одно важное обстоятельство, паденїе Константинополя. Многія знатныя греческія фамиліи принуждены были искать убѣжища въ Римѣ. Милости римскаго двора обратились на этихъ чужестранцевъ, которые принесли съ собой древнюю греческую литературу: немного оставалось для италїанскихъ искателей счастья, еще меньше Испанцамъ.

Все, чего Хименесъ могъ добиться послѣ долгихъ ходатайствъ у римскихъ властей, была папская булла, уполномочивавшая его занять первое вакантное мѣсто въ толедской епархіи, какъ-скоро оно откроется. Буллы такого роду, назначавшія преемниковъ живымъ прелатамъ, были очень не по-сердцу епархіальнымъ-епископамъ, которые не думали въ скоромъ времени умереть. Хименесъ однако жъ рѣшился извлечь что-нибудь существенное изъ своего путешествїя: не въ его духъ было питаться только надеждою и носить титулъ безъ всякой власти. Онъ возвратился въ Испанїю съ твердымъ намѣренїемъ, во что бы ни стало, осуществить право, данное себѣ въ Римѣ. Вскорѣ очистилось усекское епископство. Хименесъ употребилъ все средства, чтобы прибрать его къ своимъ рукамъ. Между-тѣмъ толедскїй архїепископъ прочилъ эту ваканцію одному изъ своихъ любимцевъ. Хименесу предложили прекратить свои прїязнанїя. Онъ не хотѣтъ и слышать объ этомъ. Но съ человекомъ, каковъ былъ Карилью, нельзя было спорить: какъ архїепископъ и министръ католическихъ королей, Карилью легко могъ поставить на-своемъ, особливо въ такомъ случаѣ, когда задѣвали его гордость. Кончилось тѣмъ, что Хименеса взяли и, безъ всякихъ формальностей, бросили въ тюрьму.

Тутъ въ первый разъ открылась непоколебимая твердость характера этого человека. Съ нимъ обращались какъ нельзя хуже, грозили ему уголовнымъ судомъ, таскали его изъ одной темницы въ другую; но все напрасно: Хименесъ протестовалъ противъ насильственныхъ поступковъ архіепископа и ни подъ какимъ видомъ не хотѣлъ отступить отъ своихъ требованій. Эта борьба тянулась долѣе шести лѣтъ. Наконецъ, не извѣстно что, страхъ ли посориться съ римскимъ дворомъ, или просьбы племянницы, какъ говорятъ нѣкоторые, заставили Карилью смягчиться: онъ уступилъ. Хименесъ получилъ свободу и уседское епископство. Биографы его прибавляютъ, что, во время заключенія въ уседской башнѣ, одинъ содержавшійся въ ней старикъ священникъ предсказалъ Хименесу блестящую будущность. Какъ бы то ни было, Хименесъ обязанъ своимъ возвышеніемъ единственно силъ своего характера.

Кардиналь Гонсалесъ де-Мендоса, котораго въ Испаніи называли «великимъ кардиналомъ», былъ тогда епископомъ сигуэнскимъ. Этотъ знаменитый прелатъ любилъ окружать себя людьми умными. Приключенія Хименеса обратили на него вниманіе всѣхъ и еще болѣе распространили выгодную извѣстность, которою онъ уже начиналъ пользоваться. Желая привлечь такого человека въ свою епархію, великій кардиналь предложилъ Хименесу капелланскіе доходы въ сигуэнскомъ соборѣ. Смѣтливый монахъ съ радостью принялъ предложеніе: ему было гораздо лучше служить подъ начальствомъ прелата, который благоволилъ къ нему, чѣмъ у гордаго и мстительнаго Карилью. Опредѣлившись къ Мендосѣ, онъ такъ искусно вкрался въ его довѣренность, что тотъ сдѣлалъ его тотчасъ же своимъ викаріемъ. Хименесу было тогда сорокъ-пять лѣтъ.

Послѣдняя борьба съ Маврами, кончившаяся черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этихъ событій, находилась въ ту пору на высочайшей степени раздраженія и сопровождалась всѣми ужасами взаимнаго ожесточенія враждебныхъ сторонъ. Въ народъ только и говорили, что о набѣгахъ невѣрныхъ на христіанскія земли и объ опустошеніяхъ, производимыхъ христіанами въ мусульманскихъ владѣніяхъ. Не проходило дня безъ того, чтобы не случилось какой-

нибудь драки, стычки, рязни, между Маврами и испанскими рыцарями: то они вызывали другъ друга на поединки, то устроивали засады, то нападали врасплохъ на какое-нибудь селеніе и выжигали, опустошали его. Въ одномъ изъ подобныхъ сраженій, происходившемъ въ тысяча-четыреста-семьдесятъ-третьемъ году, въ малагскихъ горахъ, королевскій знаменосецъ и губернаторъ Севилін, графъ Сифуэнтесъ, попалъ въ плѣнъ къ Маврамъ. Ему нуженъ былъ умный и надежный человекъ, который управлялъ бы его огромными имѣніями, пока онъ самъ будетъ въ плѣну. Графъ избралъ Хименеса, и это уже показываетъ, какимъ значеніемъ Хименесъ пользовался въ то время. Мѣсто главнаго управителя владній богатаго гранда до-сихъ-поръ почитается въ Испаніи однимъ изъ самыхъ завидныхъ и теплыхъ: можно представить, что оно значило въ блистательнѣйшую эпоху феодальной системы, когда управители боярскихъ имѣній пользовались въ нихъ правами почти владѣтельными!

Казалось, что счастье Хименеса было теперь устроено. Всякій другой, на его мѣсть, сталъ бы набивать свой карманъ и спокойно ожидалъ бы прекрасной будущности, которая ему готовилась. Но Хименесъ былъ не таковъ; онъ рѣшился на дѣло необыкновенное и неслыханное въ Испаніи: передалъ все свои доходы младшему брату своему Бернардину де-Сиснеросу, а самъ пошелъ въ корделіеры и вступилъ простымъ послушникомъ въ монастырь Святаго Іоанна де-лосъ-Рейесъ, который только-что былъ выстроенъ въ Толедо Фердинандомъ и Изабеллою, по обещанію, данному во время войны. Этотъ поступокъ, вѣрно изображалъ характеръ Хименеса, объясняетъ его вліяніе на судьбу своего отечества. Панегиристы приписываютъ его Хименесовой набожности; но, кажется, они впадаютъ въ ошибку: вѣрнѣе, что Хименесъ просто повиновался своему характеру. Современники говорятъ, что онъ былъ угрюмъ и склоненъ къ меланхоліи; счастье, полившееся на него рѣкою, развило въ немъ удивительныя причуды. Одна затворническая жизнь, требующая постояннаго самоумерщвленія, могла удовлетворить энергію его духа, искавшаго вездѣ крайностей. Онъ сдѣлался образцомъ подвижниковъ, которыми

въ концѣ пятнадцатаго столѣтія была наполнена вся Испанія. Не довольствуясь принятіемъ корделіерскаго ордена, онъ, въ отношеніи къ себѣ, усилилъ обыкновенныя его строгости и подвергъ себя всемъ родамъ истязаній, какія были приняты въ то время западною церковью: спалъ на голой землѣ или на полу; вмѣсто подушки, клалъ подъ голову камень; носилъ власяницу; въ постахъ, бдѣніяхъ, бичеваніяхъ, онъ равнялся, если не превосходилъ, съ самымъ учредителемъ ордена нищихъ монаховъ. Когда кончился годъ искуса, онъ снова началъ свои подвиги въ талаберскомъ монастырѣ и переимѣнилъ имя Альфонсъ на имя Францискъ, чтобы рѣшительно во всемъ уподобляться своему патрону, которому доселѣ подражалъ только одними дѣяніями. После онъ перешелъ въ Толедо и посвятилъ себя проповѣди слова Божія. Успѣхъ былъ неизвѣстный: всякой хотѣлъ слышать поученія человека, который всѣ іерархическія отличія принесъ въ жертву подвижнической жизни и явился въ мірѣ со славой святаго мужа. Число духовныхъ дѣтей его увеличивалось съ каждымъ днемъ. Но вдругъ Хименесъ поразилъ всѣхъ новою неожиданностью: къ несказанному сожалѣнію удивлявшагося ему народа, онъ вдругъ оставилъ Толедо, кафедру проповѣдника, и скрылся въ уединенную обитель Кастаньярской Божіей Матери.

Этотъ новый разрывъ его съ міромъ надѣлалъ много шума. Обитель кастаньярская находилась въ мрачномъ и дикомъ мѣстѣ, посреди необитаемыхъ горъ. Хименесъ своими руками построилъ себѣ тѣсную келію и прожилъ въ ней три года, проводя ночи и дни въ молитвахъ и размышленіяхъ. Травы, растшія по скаламъ и утесамъ, служили ему пищею; горные потоки утоляли его жажду. Неизвѣстно, что происходило въ пылкой душѣ его въ долгіе часы этого уединенія. Въ самомъ ли дѣлѣ поступокъ Хименеса былъ слѣдствіемъ религіозной восторженности, которая безпрестанно требовала отъ него новыхъ, всё болѣе и болѣе убійственныхъ, подвиговъ, или онъ хотѣлъ этимъ постояннымъ стремленіемъ къ небу освободиться отъ какой-нибудь глубокой страсти, влекшей его къ землѣ? Не хотѣлъ ли онъ низложеніемъ плоти убить въ себѣ демона властолюбія, или, напротивъ, это было желаніе привлечь къ себѣ взоры

всѣхъ своихъ соотечественниковъ, которые въ восторженныхъ отшельникахъ видѣли что-то неземное? Объѣтъ иночества, въ средніе вѣки, нерѣдко служилъ дорогою къ храму богатства и славы. Часто случалось, что человекъ, успѣвшій снискать любовь народа, вдругъ удалялся въ какой-нибудь монастырь. Этотъ расчетъ былъ вѣренъ: толпа, при первомъ удобномъ случаѣ, на рукахъ выносила своего любимца изъ келіи и вручала ему власть надъ собою. Монахи, предводители-партіи — вещь самая обыкновенная въ Испаніи даже и въ новѣйшія времена. Удаленіе Хименеса сильно подѣйствовало на всѣ умы: имя отшельника, который поселился въ страшной пустынь и заживо роетъ себѣ могилу, произносилось въ благоговѣніи. Кастаньярскій анахоретъ зналъ это: молва долетала и до его неприступнаго убѣжища.

Впрочемъ несправедливо было бы назвать Хименеса чистымъ лицемеромъ, хотя и нельзя не сказать, что за нимъ водился этотъ грѣшочекъ. Подобные характеры удивительно многосложны. Не подлежитъ ни малѣйшему спору, что Хименесъ въ одно время дѣйствовалъ лицемерно, а въ другое по искреннему, душевному убѣжденію. Пылкій и безпокойный, онъ долженъ былъ постоянно бороться и съ самимъ собою и съ другими. Набожность такъ же сильно двигала имъ какъ и свѣтское честолюбіе: перевѣсъ могъ быть и на той и на другой сторонѣ.

Какъ бы то ни было, удаленіе Хименеса отъ міра продолжило ему путь къ могуществу. Духовное начальство, желая смягчить строгость подвиговъ, которые могли сократить его жизнь, приказало ему перейти въ монастырь сальседскій. Тамъ его выбрали попечителемъ. Необыкновенная способность его къ дѣламъ немедленно обнаружилась и на этомъ новомъ мѣстѣ. Кардиналъ Мендоса, сдѣлавшись, по смерти Карилью, архіепископомъ толедскимъ и министромъ Фердинанда и Изабеллы, часто говаривалъ, что такой человекъ никакъ не долженъ оставаться въ монастырь. Вскорѣ представился случай вывести его изъ келіи. Братъ Фернандо де-Талабера, духовникъ королевы, былъ назначенъ греналскимъ архіепископомъ. Мѣсто его осталось празднымъ. Изабелла совѣтовалась съ великимъ кардиналомъ, кого ей избрать

преемникомъ Талаберъ. Дѣло было затруднительное: королева имѣла слишкомъ робкую совѣсть и почти всегда мучилась разными казуическими сомнѣніями; голосъ духовника имѣлъ для нея одинаковую важность, какъ въ дѣлѣ правленія государствомъ, такъ и въ дѣлѣ спасенія души. Мендоса указалъ на Хименеса. Изабелла призвала его къ себѣ, предложила ему нѣсколько вопросовъ, и была изумлена основательностью его отвѣтовъ. Выборъ былъ сдѣланъ.

Говорятъ, что когда новый духовникъ показался въ первый разъ при дворѣ, то всѣ придворные были поражены его наружностью. Истощенное тѣло, блѣдное лицо, впалые, ноогненные глаза, дѣлали его похожимъ на одного изъ тѣхъ древнихъ пустынниковъ, которые спасались въ степяхъ египетскихъ и сирійскихъ. Присутствіе Хименеса внушило всѣмъ страхъ.

Такимъ образомъ совѣсть могущественнѣйшей королевы своего времени была теперь въ рукахъ Хименеса. Съ этой минуты жизнь его принадлежитъ политической исторіи и его вліяніе на современную политику начинаетъ открываться въ полной силѣ. То было въ тысяча-четыреста-девяносто-второмъ году: Фердинандъ и Изабелла уже двадцать лѣтъ царствовали вмѣстѣ, и самое важное дѣло ихъ правленія, — взятіе Гренады, — уже свершилось. Всѣмъ извѣстно, что, пока Изабелла и Фердинандъ не соединили своихъ престоловъ, Арагонія и Кастилія представляли зрѣлище страшныхъ волненій и кровопролитія. Но когда двѣ половины Испаніи сомкнулись въ одно государство, вѣковыя безпорядки, истощавшіе пиренейскій полуостровъ, стали прекращаться и наконецъ совсѣмъ уничтожились. Королевская власть получила такую силу, какой она здѣсь никогда еще не имѣла; правосудіе было введено, на первый разъ, учрежденіемъ Эрмандады; сверхъ-того составили сводъ законовъ; уменьшили, благоразумными и вѣрными мѣрами, излишнюю власть дворянъ; оградили отъ властолюбиваго Рима дѣла церковнаго управленія; оказали благотѣльное покровительство ремесламъ и торговлѣ.

Но всѣ эти прекрасныя распоряженія, за которыя Испанія должна вѣчно благодарить Фердинанда и Изабеллу, отнесены по несчастію только къ одной первой половинѣ ихъ

совокупнаго царствованія. Взятіе Гренады, столь славное для Испаніи, отуманило побѣдителей чадомъ пролитой крови : они сдѣлались жестокими гонителями чуждой религіи. Испанецъ не смѣлъ и подумать, чтобы мусульманина не следовало убить только за то, что онъ мусульманинъ; жить съ поклонникомъ Пророка почиталось грѣхомъ невротительнымъ. Фанатизмъ возрасталъ съ удивительной быстротою : наконецъ, грозная нетерпимость проникла и на королевскій престолъ.

Основываясь на историческихъ фактахъ, можно сказать съ достовѣрностью, что одна Изабелла душой раздѣляла противо-евангельскую ненависть своихъ подданныхъ къ людямъ, не следовавшимъ католическому исповѣданію. Мъры нетерпимости, которыя допускалъ Фердинандъ, были только необходимою данью духу времени и религіозному направленію всѣхъ умовъ. Можетъ-быть также, здѣсь дѣйствовали еще два обстоятельства, которыя теперь показались бы незначительными, но въ то время были весьма важны. Первое то, что Испанцы, въ память соединенія Кастиліи съ Арагоніей, никогда не произносили имени короля безъ имени королевы, ни имени королевы безъ имени короля : оттого всѣ распоряженія, принадлежащія собственно Изабеллѣ, принадлежали также и Фердинанду. Другое обстоятельство заключалось въ томъ, что папа къ титулу Фердинанда и Изабеллы прибавилъ эпитетъ : *католическіе* : давая этотъ необыкновенный эпитетъ, римскій первосвященникъ имѣлъ въ виду, могуществомъ Испаніи, покорить себя цѣлый міръ, потому что въ могущество ея дотогу вѣрили, что подумывали уже объ одной всемірной монархіи, центромъ которой должна была быть Испанія : документы того времени ясно свидѣтельствуютъ объ этомъ. Какъ же римскому двору не обезопасить было заблаговременно своего вліянія на страну, которая могла пріобрѣсти такое владычество, и съ тѣмъ вмѣстѣ на страны, которыя будутъ со-временемъ ей подвластны? Но къ-несчастью, Римъ ожидалъ отъ Фердинанда и Изабеллы прямыхъ, вещественныхъ доказательствъ, что онъ не-даромъ называлъ ихъ *католическими* ; а не отвѣчать на эти ожиданія, при

тогдашнемъ состояніи церковныхъ и политическихъ дѣлъ, было невозможно.

Замѣтимъ однако жъ, что, каковы бы ни были причины нетерпимости, ввѣдрившейся въ Испаніи, Изабелла и Фердинандъ много потеряли черезъ нее у своихъ подданныхъ. Стоитъ только напомнить, съ какою радостью были принимаемы всѣ ихъ первыя учрежденія и какою признательностью народъ платилъ имъ за то добро, которое они ему дѣлали. Не таково было впечатлѣніе ихъ позднѣйшихъ распоряженій : Фердинандъ и Изабелла возстановили противъ себя все государство. Учрежденіе инквизиціи обошлось имъ дорого : тутъ погибла любовь, которую они прежде снискали, и повиновеніе, которое до тѣхъ поръ всегда видѣли. Кортесы, тысячью случаевъ доказавшіе свою преданность коронѣ, начали явно роптать на безчеловѣчное учрежденіе, а народъ, обожавшій короля и королеву, взялся за оружіе : первый аррагонскій инквизиторъ, Педро Арбуесъ, былъ убитъ въ сарагосскомъ соборѣ. Безпорядки, происшедшіе по этому случаю, продолжались долго. Нужно было пролить много крови, чтобы уничтожить ихъ, и Фердинандъ, самъ по себѣ, ни за что не согласился бы идти далѣе, если бы королева не увлекла его.

Испанцы вообще отдають Изабеллѣ преимущество передъ ея супругомъ. Это обстоятельство, поражающее съ перваго взгляду своею несообразностью съ тѣмъ, что Изабелла же была причиною народнаго охлажденія, объясняется гармоническимъ согласіемъ ея достоинствъ и недостатковъ съ общимъ, національнымъ, испанскимъ характеромъ. Глубокій политикъ, холодный, практическій, положительный, Фердинандъ не имѣлъ ни одного изъ тѣхъ блистательныхъ качествъ, которыми можно снискать удивленіе Испанцевъ. Напротивъ-того, Изабелла была женщина пылкая, страстная, съ живымъ, горячимъ воображеніемъ, съ рыцарскими понятіями. Эти качества совершенно соответствовали народному испанскому духу и прославили ее между соотечественниками, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они были причиною и многихъ политическихъ ошибокъ, которыхъ не могъ поправить весь умъ Фердинанда. Конечно, безъ королевы Изабеллы, Христофоръ Колумбъ не имѣлъ бы средствъ

открыть Америку; но, зато, безъ нея, не было бы издано и тѣхъ постановленій, которыя впоследствии погубили Испанію.

Первые годы своей жизни она провела въ горести и почти нищетѣ. Когда ее, изъ этого состоянія, возвели на престолъ, она долго еще была несчастлива. Подъ ея именованіемъ совершались дѣянія, которыми запятналъ себя братъ ея, Генрихъ Четвертый. Замужъ вышла она изъ политическаго разсчета, за человека, который былъ моложе ея шестнадцатью годами и совсѣмъ другаго характера. Единственный сынъ ея, донъ Іоаннъ, погибъ въ цвѣтъ лѣтъ; старшая дочь, доня Изабелла, умерла вскорѣ за своимъ братомъ; младшій сынъ донъ Мигель, долженствовавшій соединить на себѣ три короны, кастильскую, арагонскую и португальскую, скончался еще въ колыбели. У ней оставалась одна только дочь Іоанна, самое прозвище которой «Безумная» показываетъ уже, какія чувства должна была она возбуждать въ материнскомъ сердцѣ. Набожной до восторженности Изабелла нечего было болѣе дѣлать, какъ склонить свою растерзанную душу подъ руку Провидѣнія, которое карало ее. Отсюда происходитъ та готовность, съ какою она исполняла всѣ совѣты, предлагаемые именованъ Неба.

Фердинандъ во всю свою жизнь старался избѣгать споровъ съ королевой, чтобы не раздражать ея болѣзненной чувствительности. Большая и лучшая часть государства принадлежала ей. Тогдашнее арагонское королевство состояло собственно изъ такъ-называемой Аррагоніи, Каталоніи и Валенсіи; кастильское было гораздо обширнѣе: оно заключало въ себѣ обѣ Кастиліи, Леонъ, Бискаію, Астурію, Галисію, Эстрамадуру, Мурсію, всю отнятую у Мавровъ часть Андалузій, словомъ, почти двѣ трети нынѣшней Испаніи. И притомъ это сильное королевство сохраняло свои законы, свое управленіе, и не признавало ни чьей власти, кромѣ власти Изабеллы. Аррагонія, болѣе слабая, должна была принять его формы: мрачность и крутость характера, составлявшія отличительную черту кастильскаго королевства и олицетворенныя въ самой королевы, сдѣлались общими для всей Испаніи.

Вотъ примѣръ тайной борьбы, которая постоянно проис-

ходила между Изабеллой и Фердинандомъ. Въ тысяча-сорок-два-десять-второмъ году, тридцать-перваго марта, вышелъ знаменитый декретъ, по которому все Евреи должны были оставить Испанію. Говорятъ, что они уже напередъ провидѣли что имъ готовится, и рѣшились предупредить бѣду. Они предложили Фердинанду тридцать тысячъ червонныхъ на военныя издержки, если только декретъ будетъ отмененъ. Такое огромное приношеніе поколебало разсудливаго короля и, навѣрное, онъ уговорилъ бы Изабеллу, если бы великій инквизиторъ Торкемада не разстроилъ дѣла. Запальчивый доминиканецъ явился къ королю и королевы съ Распятіемъ въ рукахъ и сказалъ: «Иуда продалъ Господа за тридцать сребренниковъ: вы хотите продать его за тридцать тысячъ. Вотъ Онъ: возьмите и продавайте скорѣ!» Эти слова страшно подѣйствовали на Изабеллу: она ужаснулась, и декретъ былъ приведенъ въ исполненіе. Осемь-сотъ тысячъ Евреевъ оставили Испанію, унеся съ собою большую часть своихъ сокровищъ, хотя и вельно было обирать ихъ. Присоедините къ нимъ еще Мавровъ, которые ушли въ Африку съ Боабдиломъ, и вы увидите, что Испанія въ одномъ этомъ году лишилась цѣлаго миліона жителей. Такимъ образомъ начала дѣйствовать роковая система, которая обезлюдила полуостровъ.

Религіозное направленіе ума Изабеллы, подъ вліяніемъ тако-го духовника, каковъ былъ Хименесъ, должно было усилиться еще болѣе. Братъ Фернандо-де-Талабера, который доселѣ управлялъ совѣстью королевы, былъ человекъ кроткій, снисходительный: все его совѣты клонились къ умеренности. Напротивъ-того Хименесъ всегда брался за самыя крайнія и крутыя мѣры, какъ въ политикѣ, такъ и въ религіи. Удивительно, что тихій и добрый Мендоса рѣшился возвести его на такой важный постъ. Великій кардиналъ, тотъ, какъ говорили, *третій король Испаніи*, занимавшій мѣсто подлѣ Фердинанда и Изабеллы, теперь сталъ едва виднѣнъ за Хименесомъ, которому онъ самъ открылъ путь къ могуществу.

Съ самаго прибытія Хименеса ко двору, Изабелла не отпускала его отъ себя. Куда бы она ни ѣздила, гдѣ бы она ни жила, ему всегда приготавливали комнату возлѣ ея покоевъ.

Но Хименесъ , вѣрный суровому образу жизни , котораго онъ такъ прославился , не отставалъ и среди двора отъ своихъ монастырскихъ привычекъ . Зимомъ и лѣтомъ , онъ занималъ всегда одну комнатку съ голыми стѣнами ; вся мебель его ограничивалась столомъ , стуломъ и постелью , кабитой соломою . Ходилъ онъ всегда пѣшкомъ , питался милостынею , и имѣлъ при себѣ постоянно только одного монаха своего ордена , Франциска Рунса , котораго послѣ сдѣлалъ епископомъ . Онъ не принималъ никогда и ни чьихъ услугъ . Если въ домахъ францисканцевъ , гдѣ онъ иногда останавливался , подавали вопреки его запрещенію , какое-нибудь изысканное блюдо , онъ отсылалъ блюдо къ мѣстнымъ больнымъ . Такое воздержаніе сильно дѣйствовало на воображеніе королевы и доставило Хименесу неограниченную власть надъ ея поступками . Два года спустя , онъ вполне это обнаружилъ . Его сдѣлали провинціаломъ францисканскаго ордена . Въ это время францисканцы , въ Кастиліи и въ другихъ мѣстахъ , давно уже жили не такъ , какъ требуютъ ихъ строгіе орденскіе уставы . Вопреки правилу , по которому францисканецъ , ни подъ какимъ видомъ , не долженъ имѣть ни какой собственности , многіе монастыри владѣли богатыми помѣстьями и великолѣпными домами . Жившіе въ этихъ домахъ называли себя « общежительными монахами » , въ противоположность тѣмъ , которые болѣе соблюдали правила своего ордена и были извѣстны подъ именемъ « вѣрныхъ » , *ordo certus* . Хименесъ принадлежалъ къ числу послѣднихъ . Сдѣлавшись начальникомъ всѣхъ францисканцевъ , онъ рѣшился искоренить ихъ злоупотребленія и ввести между ними тотъ суровый образъ жизни , которому слѣдовалъ самъ . Эта новость не понравилась богатымъ монахамъ : они не хотѣли повиноваться . Истощивъ надъ ними безъ пользы разныя увѣщанія , Хименесъ наконецъ прибѣгъ къ силѣ . По его ходатайству , вслѣдствіе повелѣнія королевы , одинъ толедскій монастырь былъ осажденъ военнымъ порядкомъ . Монахи принуждены были выйти : они составили крестный ходъ и съ торжественнымъ пѣніемъ псалма *In exitu Isrăelis* « Во исходѣ израильтянъ » , удалились изъ стѣнъ монастырскихъ . Изабелла было сдѣлано множество навѣстовъ на Хименеса по этому

случаю, но они только еще болѣе утвердили ея къ нему довѣренность.

Прошло около трехъ лѣтъ, какъ Хименесъ находился при королевѣ. Великій кардиналъ Мендоса съдѣлся больнѣ и умеръ. Упразднилъ ея смертью толедская архіепископія считалась тогда въ западной іерархіи первымъ мѣстомъ послѣ панской катедры. Власть толедскаго архіепископа въ церковныхъ и политическихъ дѣлахъ была неограниченна : онъ занималъ должность канцлера Кастиліи и примаса Испаніи, и во всѣхъ государственныхъ совѣщаніяхъ подавалъ голосъ тотчасъ послѣ короля. Многочисленныя лены и разныя доходныя церковныя мѣста, принадлежавшія къ толедской катедрѣ, приносили ей ежегодно огромныя суммы. Кастильскіе короли часто прочли это мѣсто для своихъ дѣтей, потому что власть, съ нимъ соединенная, нисколько не уступала власти самой короны. По смерти Мендосы, Фердинандъ хотѣлъ возвести на его мѣсто сына своего, донъ Альфонса, который въ то время былъ уже сарагосскимъ епископомъ ; но Изабелла, отъ которой зависѣлъ выборъ новаго прелата, не согласилась съ желаніемъ своего супруга, и несмотря, что на толедской катедрѣ изстари всѣ привыкли видѣть людей знатныхъ по происхожденію, отдала ее Хименесу. Это избраніе сопровождалось многими любопытными подробностями. Біографы Хименеса рассказываютъ, что королева, ожидая сильнаго противурѣчія со стороны своего духовника, дѣйствовала секретно. Не сказавъ никому ни одного слова, она сама написала въ Римъ, чтобы оттуда скорѣе выслали необходимыя буллы. Когда буллы были получены, Изабелла призвала Хименеса къ себѣ и сурово подала ему письмо папы, которое было надписано : *Достуважаемому нашему брату Франциску Хименесу, архіепископу толедскому.* Это случилось великимъ постомъ. Прочитавъ адрессъ, Хименесъ измѣнился въ лицѣ, почтительно поцѣловалъ письмо и, не распечатывая, отдалъ его королевѣ, съ словами : «Не можетъ-статься, чтобы это письмо писано было ко мнѣ». Потомъ онъ вышелъ отъ королевы, поспѣшно оставилъ Мадридъ, и пошелъ иышкомъ въ оканьскій монастырь встрѣчать тамъ Святую Недѣлю, какъ дѣлывалъ это

принде. Изабелла, ничего не подозревая, въпустила его отъ себя безъ всякаго противурчія, но когда ей донесли, что Хименесъ ушелъ изъ Мадрита, то она послала за нимъ придворныхъ. «Эти господа, замечаетъ біографъ: держа на прекрасныхъ лошадяхъ, легко могли догнать пинсекода, который былъ изнуренъ постами и насилу танцль свою тяжелую одежду.» Но зато нимъ большихъ трудовъ стало упрасить его воротиться въ Мадритъ. Прибывъ въ столицу, Хименесъ не заманилъ себя: сколько ни настаивали и сама королева и всь друзья его, онъ рашительно отказался отъ мѣста. Онъ говорилъ, что единственное его желаніе заключается въ томъ, чтобы провести остатокъ своей жизни въ монастырскихъ стѣнахъ, и что онъ никогда не чувствовалъ себя такъ неспособнымъ къ жизни общественной, какъ теперь. Цѣлыхъ шесть мѣсяцовъ тянулись эти странные споры, пока наконецъ вторичное, уже грозное, писмо папы не заставило Хименеса повиноваться. Тогда онъ принялъ архіепископство, но всё-еще не безъ сопротивленія. Это происходимо въ тысяча-четыреста-девяносто-пятамъ году: ему было около шестидесяти лѣтъ.

Посвященіе Хименеса совершалось съ необыкновеннымъ великолѣпиемъ. Церковь была установлена богатѣйшею королевскою мебелью. Фердинандъ и Изабелла присутствовали при церемоніи со всею кастильскою и арагонскою знатью. Когда обряды были окончены, Хименесъ поцѣловалъ къ королю и королеву, поцѣловалъ у нихъ руки, и сказалъ: «Цѣлую ихъ не въ благодарность за то, что вы поставили меня архіепископомъ. Подавая имъ свои руки, вы этимъ самымъ обявляетея поддержать меня при исполненіи моихъ трудныхъ обязанностей.» Фердинандъ и Изабелла также поцѣловали руку новаго примаса, а за ними и вся испанская знать. Хименесъ вышелъ изъ церкви въ сопровожденіи двора, при радостныхъ кликахъ народа, не умолавшаго до тѣхъ поръ, пока онъ не удалился въ свои покои.

Сдѣлавшись богатѣйшимъ и могущественнѣйшимъ прелатомъ въ мирѣ, Хименесъ ничуть не измѣнилъ строгости своей жизни. Изабелла припуждена была писать къ папѣ, Александру Шестому, чтобы онъ велѣлъ толедскому архіепис-

скону жить какъ слѣдуетъ по его высокому сану. Хименесъ и тутъ бросился въ крайность: онъ ввелъ у себя роскошь, о какой и не думалъ его святѣйшество; великолѣпіе и изысканность были распространены на все, до послѣднихъ бездѣлицъ; Хименесъ не пощадилъ ничего, чѣмъ можно было ослѣпить взоръ: число его прислуги, блескъ дому, пышность одежды, стола, превосходили все, что было видано при его предшественникахъ. Но, посреди этой роскоши, самъ Хименесъ несколько не перемѣнилъ образа своей жизни: за богатымъ столомъ, онъ оставался вѣрнымъ восту и воздержанію, подъ шелковыми, пурпуровыми одеждами, носилъ власницу, своими руками починивалъ ее, когда она гдѣ-нибудь пронашивалась, не употреблялъ никогда бѣлья, и за пышною драпировкою его великолѣпнаго ложа скрывалась убогая кровать, на которой онъ спалъ въ прежнее время.

Упорное отрѣченіе Хименеса, отъ архіепископской кафедры не можетъ однако жъ служить доказательствомъ, чтобы онъ не желалъ власти. Напротивъ, онъ сильно жаждалъ владычества, и какъ-скоро достигъ этой цѣли, то началъ довольно страннымъ образомъ пользоваться своими правами. Никто больше его не заботился о соблюденіи цѣлости и неприкосновенности своего могущества. Тысячи фактовъ доказываютъ это. Вотъ одинъ случай. Въ числѣ многихъ мѣстъ, зависѣвшихъ отъ толедскаго архіепископа, было одно, на которое покойный великій кардиналъ, еще при жизни своей, хотѣлъ опредѣлить своего младшаго брата, донъ Педро Уртадо-де-Мендосу. Когда Хименесъ вступилъ на архіепископскую кафедру, то всѣ стали просить его, чтобы онъ подтвердилъ этотъ выборъ; напоминали ему о благодарности, которою обязанъ онъ своему благодѣтелю; прибѣгали даже къ посредничеству королевы, и та, съ своей стороны, также горячо вступалась за Мендосу. Но что же сдѣлалъ новый архіепископъ? Онъ сказалъ наотрѣзъ, что никому не позволить распорядиться церковными должностями и новымяненіями. Это заставило всѣхъ умолкнуть: ходатайства прекратились; никто не говорилъ болѣе о несчастномъ Мендосѣ, и сама королева оставила свои требованія. Вдругъ Хименесъ встрѣчается съ Мендосою во дворцѣ. Обиженный отвернулся, чтобы не покло-

виться архіепископу, но тотъ привѣтливо подошелъ къ нему и поздравилъ съ мѣстомъ. Мендоса подумалъ, что онъ видитъ это во снѣ, и не смѣлъ вѣрить ни ушамъ ни глазамъ своимъ. Но Хименесъ повторилъ поздравленіе и приложилъ : «Я только хотѣлъ доказать, что не намѣренъ подчиняться ни какому вліянію, и теперь считаю себя очень счастливымъ, что могу дать вамъ мѣсто, котораго я никогда и не думалъ лишать васъ.» Этотъ поступокъ произвелъ сильное впечатлѣніе на умы всѣхъ придворныхъ. Съ тѣхъ поръ никто уже не смѣлъ впутываться въ дѣла ревниваго къ своей власти архіепископа ; только не все оканчивалось такъ тихо и благополучно : бѣльшую частію Хименесъ насильно заставлялъ повиноваться своей волѣ.

Высокій, почти независимый, самъ развернулъ въ немъ страсть къ преобразованіямъ. По званію архіепископа, Хименесъ почелъ долгомъ обратитъ свое вниманіе на образъ жизни епархіальнаго духовенства, и началъ съ толедскаго собора. Между-тѣмъ каноникамъ тяжело было разстаться съ напѣженной и привольной жизнью, которой давно уже никто не тревожилъ. Реформа имъ не понравилась. Они рѣшились отправить въ Римъ жалобу на нововведенія своего прелата. Для этого щекотливаго посольства былъ выбранъ человекъ ловкій и умный, по имени Альборносъ. Дѣло вели чрезвычайно осторожно, но оно не укрылось отъ Хименесовой провицательности. Лишь-только Альборносъ выѣхалъ изъ Толедо, какъ за нимъ посланъ былъ одинъ офицеръ съ приказаніемъ арестовать его, а ежели каноникъ уже успѣлъ отправиться моремъ, то взять какое-нибудь легкое судно и ѣхать за нимъ, какъ можно скорѣе, въ Италію. Такъ и случилось. Альборносъ еще не прибылъ въ Остію, какъ испанскій министръ при папскомъ дворѣ Гарсиласо де-ла-Вега получилъ уже инструкцію и приготовился принять по ней этого человека. Каноникъ былъ схваченъ, и подъ карауломъ отправленъ назадъ въ Испанію. Двадцати-двухмѣсячное заключеніе заставляло его переизмѣнить свои мысли о нововведеніяхъ строгаго архіепископа, а съ тѣмъ вмѣстѣ и все епархіальное духовенство, наученное этимъ примеромъ, перестало противиться Хименесовой волѣ.

Монашествующая братія оказала больше сопротивленія,

но не была счастливые канониковъ. Мы уже видали, какъ Хименесъ поступалъ съ некоторыми францисканскими общинами, и какъ эти общины смотрѣли на его поступки. Теперь, облеченный властью, онъ сдѣлался еще строже прежняго, но, чѣмъ пламеннѣе были его усилія достигь предположенной цѣли, тѣмъ болѣе онъ встрѣчалъ непокорности. Раздраженные францисканцы доходили иногда до ожесточенія: нѣсколько тысячъ переселилось въ Варварію, желая лучше имѣть дѣло съ невѣрными, нежели подчиняться невыносимымъ строгостямъ своего мѣстнаго начальника; другіе жаловались римскому двору, и вопли ихъ были такъ громки, что генералъ францисканскаго ордена, жившій въ Римѣ, не дождался срока, назначеннаго для посѣщенія Кастиліи, и пріѣхалъ туда раньше обыкновеннаго. Онъ былъ изъ числа тѣхъ монаховъ, которыхъ называли «общежительными». Причина его посѣшной поѣздки заключалась въ надеждѣ, что онъ, по прибытіи на-мѣсто, успѣетъ подорвать довѣренность, которою пользуется архіепископъ, и удалить его. Генералъ не зналъ ни Изабеллы ни ея неустрашимаго духовника. Не собравъ ни какихъ обвиненій противъ Хименеса, онъ выпросилъ у королевы аудіенцію и изложилъ свою жалобу самымъ наглымъ образомъ. Онъ говорилъ, что Хименесъ, выползни изъ ничтожества, не покидаетъ грубыхъ привычекъ своего низкаго происхожденія; что, подъ мнимою его святостью, скрывается самое алчное и необузданное честолюбіе; что нелѣпыя притязанія его производятъ всеобщій и вредный соблазнъ; что ежели королева сколько-нибудь заботится о своей славы и о пользахъ своего престола, она непременно должна лишить Хименеса милости и покровительства; что Хименесъ — безстыдный прощлецъ и долженъ возвратиться къ тому ничтожному состоянію, къ которому онъ принадлежитъ по рожденію. Трудно повѣрить, чтобы такіа дерзости были сказаны на аудіенціи съ коронованною особой, сказаны передъ королевой; но, къ стыду пятнадцатаго столѣтія, это было именно такъ. Говорятъ, что королева едва удержала свое негодованіе. Какъ бы то ни было, она дала генералу высказать все до послѣдняго слова, и потѣмъ спокойно спросила, въ умъ ли онъ, и не во снѣ ли все это бредить? — «Нѣтъ,

государыня! отвѣчалъ дерзкій францисканецъ: я помню что говорю, и знаю, что вы, хотя королева кастильская, однако жъ, подобно мнѣ, не болѣе какъ горсть праха!» Сказавъ это, онъ вышелъ изъ комнаты и хлопнулъ за собой дверь. Вслѣдъ за тѣмъ, его уже не было въ Испаніи. По возвращеніи въ Римъ, онъ исходатайствовалъ у папы Александра Шестаго грамату, утвержденную съ общаго согласія всеми кардиналами, которой предписывалось испанской коронѣ остановить начатія преобразованія, пока самъ папа не разберетъ дѣла. Хименесъ не удивился и не испугался: поддерживаемый королевою, которая считала богоугоднымъ дѣломъ приводить въ исполненіе его планы, онъ стоялъ на своемъ, безпрестанно отправлялъ въ Римъ посольства, и наконецъ, въ слѣдующемъ году, добился того, что папа далъ ему грамату, которою предоставлялась толедскому архіепископу полная власть продолжать преобразованія, столь неприятыя духовенству.

Этотъ переворотъ дѣла такъ раздражилъ членовъ францисканскаго ордена, что они начали грозить Хименесу смертію. Въ отчаяніи, они возстановили на архіепископа роднаго брата его Бернардина де-Сиснероса. Бернардинъ сочинилъ пасквиль, въ которомъ собралъ все неистовыя обвиненія, летѣвшія на Хименеса изъ разныхъ монастырей. Архіепископъ, узнавъ объ этомъ заблаговременно, уничтожилъ рукопись. Виповный братъ получилъ прощеніе, но на такихъ тяжкихъ условіяхъ, что возненавидѣлъ Хименеса еще болѣе прежняго. Однажды архіепископъ былъ боленъ и лежалъ въ постель. Служители, чтобы дать ему покой, вышли изъ комнаты. Вдругъ является Бернардинъ. Мало-по-малу между братьями завязалась жаркая перепбранка. Бернардинъ, внявъ себя отъ бышенства, схватилъ подушку, лежавшую возлѣ Хименеса, и, зажавъ ею ротъ больному, началъ душить его. Но мысль объ ужасъ подобнаго преступленія испугала братоубійцу: онъ бросилъ свою жертву, и спрятался въ одной отдаленной комнатѣ. Прислуга нашла архіепископа почти мертвымъ: пульсъ не бился, дыханія не было. Все бросилось помогать, и одними только немощными усиліями Хименесъ наконецъ былъ приведенъ въ чувство. Спасшимся такимъ удивительнымъ

образомъ отъ неизбежной смерти, онъ, впоследствии, всю жизнь, не хотѣлъ видѣть брата; говорятъ, что онъ заковалъ его, посадилъ въ цѣпль въ монастырь и, можетъ-быть, никогда бы не выпустилъ, если бъ неотступныя просьбы самого короля не вымогли ему свободы послѣ очень долгаго заключенія.

Говоря о реформахъ, предпринятыхъ Хименесомъ въ испанскомъ монашествѣ, нельзя не отдать справедливости тому постоянному, ни на одну минуту неослабывавшему, стремленію, съ какимъ онъ шелъ къ своей отдаленной нравственной цѣли. Конечно, надобно согласиться въ томъ, что нравы его были черезъ-чуръ круты и заслуживали имя жестокостей; но, иначе, и невозможно было достигнуть успѣха. Осуждая суровость Хименесовыхъ распоряженій, никакъ не должно упускать изъ виду, что испанское духовенство, въ его время, почти вовсе забыло свое высокое назначеніе и требовало немедленныхъ исправленій. Это все знали, все видѣли, все этого желали. Хименесъ трудился надъ такимъ дѣломъ, за которое благословляла его вся Испанія, кромѣ одного духовенства. Онъ какъ-бы предчувствовалъ ту грозу, которая должна была разразиться надъ римскою церковью въ шестнадцатомъ вѣкѣ, и хотѣлъ предотвратить ее въ своемъ отечествѣ. Успѣлъ ли онъ въ этомъ, можно судить по послѣдствіямъ: когда вся Европа вопіяла противъ злоупотребленій римскаго духовенства, одна только Испанія не имѣла повода жаловаться на своихъ духовныхъ сановниковъ, которые отличались въ то время необыкновенною чистотой нравовъ. Къ этому надобно присоединить, что исправленіе духовенства сильно подѣйствовало и на все народонаселеніе Испаніи. Благочестивая наружность монаховъ, особенно нищихъ, которыхъ число значительно увеличилось, ихъ бѣдность въ одеждѣ, жилищнѣ, на которыя они себя обрекали, все это привлекало и внушало народъ. Францисканцы сдѣлались необходимыми членами семействъ, душою обществъ; все съ жадностью слушали ихъ проповѣди объ отрѣченіи отъ прелестей міра, и съ неподдѣльной рѣшимостью старались подражать имъ. Реалистическая восторженность проникла во весь умъ, и Испанія той эпохи вынесла собою лучшія времена христіан-

ства. И Хименесъ нивѣль счастье своими глазами видѣть эти плоды тяжкихъ трудовъ своихъ, своего удивительнаго терпѣнія!

Ревность Хименеса по дѣламъ вѣры не ограничилась одними этими подвигами, но нашла еще богатую пищу въ обращеніи невѣрныхъ: и здѣсь архіепископомъ толедскій являлся столько жъ неустрашимымъ, рѣшительнымъ, всегда вѣрнымъ своей идѣе. Мавры, послѣ совершеннаго покоренія ихъ христіанами, жили спокойно. Сдаваясь на капитуляцію, они выговорили себѣ право держаться своихъ законовъ и своей религіи. Губернаторъ Гренады, графъ де-Тендилья, человекъ съ умомъ свѣтлымъ, волею твердою, сердцемъ благороднымъ и опытностію рядкою, употреблялъ все свои силы на то, чтобы сблизить побѣжденныхъ съ Испанцами тихо и незаметно. Онъ раздѣлялъ свою власть съ однимъ изъ тѣхъ смертныхъ, о которыхъ можно сказать, что Провидѣніе посылаетъ ихъ въ міръ «да творятъ добро человѣчеству», съ почтеннымъ монахомъ Фернандомъ де-Талаберой, бывшимъ духовникомъ королевы, теперь архіепископомъ гренадскимъ. Братъ Фернандо обладалъ всѣмъ, что могло снискать христіанскому священноначальнику уваженіе и любовь невѣрныхъ. Познанія, благочестіе, кротость, непритворная доброта, привлекали къ нему самихъ враговъ христіанства. Изучивъ арабскій языкъ какъ природный, онъ перевелъ на него Евангеліе. Переводъ былъ принятъ съ восторгомъ: требованія на него возрастали, а слово Божіе само за себя говорило. Талабера, съ своей стороны, содѣйствовалъ силою своего собственнаго убѣжденія, своею отеческою кротостію, утѣшеніями, благотвореніями и примѣромъ святой жизни. Все это не могло не привести къ счастливейшимъ результатамъ: время отъ времени, Мавры, убѣжденные въ истину и божественномъ происхожденіи христіанской религіи, пресли крещенія. Но число ихъ было еще, пока, невелико. Нетерпѣливому Хименесу не нравилось, что обращеніе идетъ медленно. Осенью, тысяча-четыреста-девяносто-девятая года, король и королева посѣтили Гренаду. Хименесъ, бывший въ ихъ свитѣ, изъявилъ Талаберѣ готовность содѣйствовать его подвигу. Скромный прелатъ принялъ

предложеніе духовника королевы. Но визитателство Хименеса уничтожило все, что сдѣлалъ Талабера. По отъѣздѣ Фердинанда и Изабеллы, Хименесъ началъ свои проповѣди. Онъ призвалъ къ себѣ аль-факиговъ, мусульманскихъ въручителей, и долго доказывалъ имъ божественность вѣры Христовой. Въ подкрѣпленіе своихъ доказательствъ, архіепископъ прибавилъ дары, и «наконецъ, говоритъ просто-душно историкъ: ласками, лестью, гостинцами, привелъ невѣрныхъ къ познанію истиннаго Бога». Число всѣхъ обращенныхъ имъ Мавровъ, говорятъ, было такъ велико, что онъ принужденъ былъ крестить разомъ цѣлыя тысячи. Въ такихъ случаяхъ, желающіе принять крещеніе, падали ницъ на землю, Хименесъ кропилъ ихъ святой водой, и тѣмъ оканчивались всѣ обряды. Но блестящіе успѣхи первыхъ проповѣдей его, къ несчастію, не принесли ничего существеннаго: вскорѣ было достоверно открыто, что Мавры не искренно обращались къ христіанству. Заботливость, съ какою Хименесъ хлопоталъ объ умноженіи послѣдователей Евангелія, производила въ мусульманахъ враждебное чувство. Открылось возмущеніе въ самомъ многолюдномъ кварталѣ Гренады: недовольные кричали, что условія, на которыхъ они сдавались, нарушены; что ихъ религія также имѣетъ полное право на уваженіе со стороны христіанъ. Тогда Хименесъ перемѣнилъ образъ своихъ поступковъ: пересталъ льстить и ласкать, началъ повелѣвать и насильствовать. Возникшія жалобы были подавлены жестокостями. Начальникомъ партіи, непріязненной Хименесу, былъ одинъ храбрый Мавръ, по имени Сегри, который, въ послѣднюю войну, дрался съ знаменитымъ Гонсальбомъ и потѣмъ былъ названнымъ братомъ его по оружію. Хименесъ приказалъ схватить этого человека. Для расправы съ мятежниками, у него былъ офицеръ, котораго онъ называлъ своимъ львомъ и который превосходно оправдывалъ это куріозное прозваніе. Хименесъ отдалъ мусульманскаго предводителя своему льву, а тотъ заверъ его въ темницу и подвергнулъ такимъ мученіямъ, что несчастный Сегри черезъ нѣсколько дней началъ просить пощады. Тогда Хименесъ перевелъ его на житье въ великолѣпныя комнаты и, частію угрозами, частію обещаніями, принудилъ креститься. Съ этихъ поръ единствен-

новый оружейный завод сто-дальней-сь Мирами было на-
ше и лукавство.

Однажды онъ велѣлъ разложить на площади большой
костеръ дровъ, и когда дерево было обвѣщено пламенемъ,
онъ приказалъ бросить туда пять тысячъ разныхъ мусуль-
манскихъ священныхъ книгъ, которыя накопились у него
вточнѣйшій мѣсѣ, черезъ отбирание у новообращенныхъ
Мауровъ, и изъ которыхъ большая часть была весьма за-
мѣчательна красотою письма и великолѣпномъ переплетомъ.
Но Хименесъ не пожалѣлъ ни какихъ драгоценностей: онъ
оставилъ только одинъ экземпляръ, который отослалъ въ
библиотеку алькальскаго университета: все прочее пошло
въ пламени. Зато этотъ поступокъ задѣлъ за живое Мау-
ровъ: они не удержали своего негодованія; двое Химене-
совыхъ слугъ были схвачены народомъ: одного убили,
другой коб-какъ спасся. Обыватели бунтующаго квартала
склонили на свою сторону всѣхъ остальныхъ жителей Гре-
нады, и прошло не болѣе двухъ часовъ, какъ уже сто тысячъ
человѣкъ подняли оружіе. Неосторожный архіепископъ
былъ тогда у себя во дворцѣ одинъ только съ своею при-
слугою. Ночь наступила прежде нежели онъ успѣлъ уда-
литься въ Аль'амбру, служившую въ то время крѣпостью.
Бунтовщики, со всѣхъ сторонъ окружили дворецъ и грози-
ли умертвить Хименеса. Въ эту минуту онъ показалъ свою
необыкновенную твердость. Недавно крестившійся Сегри
явился къ нему черезъ потайную дверь. Отъ души или изъ
какихъ-нибудь видовъ, онъ обѣщалъ Хименесу забыть
его отъ всѣхъ опасностей, если тотъ согласится идти одинъ
и-переодѣвшись. Хименесъ рѣшительно отказался, присво-
вокупляя, что онъ лучше готовъ принять мученичскій вы-
нецъ. Между-тѣмъ прислуга его удерживала нападающихъ.
Къ тому времени подоспѣлъ графъ де-Тендилья съ отрядомъ
нѣсколькихъ человѣкъ. Сегри также не оставался безъ
дѣйствія: онъ сѣлъ на лошадь, и, выхвативъ изъ мѣтежи-
канъ, съ жаромъ кончалъ имъ, что если они посмѣютъ
чѣмъ-нибудь оскорбить архіепископа, то навлекутъ на себя
страшное ищеніе короля и королевы. Слова благороднаго
Маура поколебали толпу, которая уже готовилась зажечь
горючія вещества, наваленныя у входа въ дворецъ: она бро-

стала все и пошла въ свой кварталъ. Вскорѣ узнали Сегри, Тондилья и Талабера. Эти три человека, уважаемые всеми мусульманами, не пощадили ничего для потушенія мятежа, возбужденнаго Хименесомъ. Тондилья обещалъ Маграмъ испросить у Фердинанда и Изабеллы прощенье, отдавая въ залогъ своего обета, жену и дѣтей. Талабера, предшествующій крестомъ, обходилъ разныя части города. Его вездѣ встречали съ любовью: куда онъ ни показался, вездѣ уничтожались самыя признаки возмущенія. Мало-по-малу все мятежники разошлись по домамъ и занялись по-прежнему своими дѣлами: бунтъ былъ потушенъ; но доверенность между христіанами и мусульманами исчезла уже навсегда: въ души Мавровъ гатаилась месть, которая только ждала случая обнаружиться.

Хименесъ зналъ, что это происшествіе можетъ поколебать доверенность къ нему королевы, и потому, немедленно описавъ по-своему все случившееся, послалъ свою реляцію къ Изабеллѣ съ однимъ Евіопомъ, который въ то время ездилъ первымъ скороходомъ въ Испанію. Къ несчастію его, посланный на пути вынуждъ и прокустивъ время: слухи о возмущеніи дошли до двора прежде-нежели онъ успѣлъ выспаться, и, разумется, все было преувеличено, искажено. Фердинандъ первый услышалъ объ этомъ. Онъ никогда не любилъ Хименеса: разсудительный и осторожный политикъ, онъ не могъ ужиться съ его горячимъ и упертымъ характеромъ. Узнавъ о несчастіи, случившемся въ Гренадѣ, онъ пришелъ къ Изабеллѣ и сказалъ: «Что, государыня? не говорила ли я, что вы обманываетесь въ духовника своего? Его нельзя отнудить у насъ все плоды столькихъ трудовъ, издержекъ и крови, пролитой нами и нашими предшественниками.» Изабелла была ужасно испугана описаніемъ безпорядковъ, которое ездилъ ей Фердинандъ. Она послала къ Хименесу два письма съ выговоромъ. Но Хименесъ отправилъ къ ней своего францисканца Рунса, и доверенность королевы къ своему духовнику взяла верхъ надъ очевидными донавательствами его виновности: когда архіепископъ толедскій, отправившись самъ въсадъ за Рунсомъ, донесъ къ королевы и хотѣлъ оправдываться, она предупредила его, сказавъ, что не имѣетъ нужды къ его оправданію и всегда

договорна его услуги. Фердинандъ также призналъ его благословенно : онъ не хотѣлъ отступить отъ своего права не противурочить Изабелъ и скрывать свое несогласіе съ ея мыслями. Собрали совѣтъ. Въ предложенія Хименеса касательно обращенія Мавровъ были приняты : жестокость и терпимость замѣнились систематическими преслѣдованіями и насильствомъ. Хименезъ похалъ обратно въ Гренаду и объявилъ жителямъ мятежнаго квартала, что если они, все до одного, не примутъ крещенія, то гибель ихъ неизбежна. Мавры покорились необходимости. Арабскій переводъ Евангелія былъ уничтоженъ. Снисходительность и христіанская любовь Талаберы къ невѣрнымъ были вѣщены ему въ уголовное преступленіе. Ни образованность этого примѣрнаго пастыря, ни его добродѣтели, ни его санъ, словомъ ни что не спасло несчастнаго отъ инквизиціи : инквизиторъ Лусеро пыталъ беззащитнаго старца, и онъ былъ освобожденъ уже по формальному предписанію паны.

Нарушеніе условій, заключенныхъ испанскою короною съ Маврами, вооружило ихъ противъ христіанъ. Они, многочисленными толпами, начали удалаться въ Альдухараскія Горы, и, скрываясь между ихъ низкими пиками, въ ихъ глубокихъ долинахъ, производили оттуда опустошительныя набѣги на христіанскія селенія. Такимъ образомъ, вмѣсто мирнаго совокупленія двухъ разнѣрныхъ народовъ, которое утвердилось бы временемъ, завязалась безконечная, жестокая борьба, и страна, надъ которою, по словамъ мѣстныхъ жителей, находилъ рай, страна, которая, казалось, самою природою была назначена для счастья человѣка, сдѣлалась мѣстомъ грабежей, убійствъ, смерти, нежаровъ. Первое возмущеніе Фердинандъ прекратилъ лично; битва была ужасная, и побѣда Испанцевъ обошлась дорого: тутъ погубъ донъ Алоисо, братъ великаго полководца Гонсалса, одинъ изъ лучшихъ рыцарей своего времени. Но хуже всего то, что минутное торжество Фердинанда не имѣло ни какихъ вѣчныхъ послѣдствій : мятежамъ не было конца; каждое возстаніе вызывало новыя жестокости, каждая новая жестокость влекла за собой новое возстаніе, одно страшнѣе другаго, и это бѣдственное состояніе продолжа-

лось до тѣхъ поръ, пока Мавры не оставили земли, которую они такъ прекрасно обработали. Съ ними исчезли искусства, промышленность, земледѣліе.... все! Испанія погрузилась въ мракъ невѣжества, бѣдности, и только небольшіе слѣды, уцѣлѣвшіе до нашего времени, показываютъ, что въ ней нѣкогда жилъ народъ умный, трудолюбивый и ученый.

Хименесъ, безспорно, былъ главною причиною всѣхъ этихъ золъ: онъ вытѣснилъ прекрасное племя, которое было такъ нужно для блага его отечества. Не повстрѣчаясь Изабелла съ этимъ желѣзнымъ человѣкомъ, кроткія мѣры Фердинанда имѣли бы полную силу, и Мавры навѣрно слились бы когда-нибудь съ христіанами. Въ осемь лѣтъ, протекшихъ съ покоренія Гренады, пока архіепископъ толедскій не принималъ участія въ обращеніи ихъ къ христіанской религій, они уже доказали, что это было возможно. Исторія никогда не проститъ Хименесу его ошибки.

Съ другой стороны, Хименесъ вполне заслуживаетъ имя искуснаго государственнаго челоѵка. Его способность къ правленію не подлежитъ ни малѣйшему спору. Онъ всегда воступалъ умно тамъ, гдѣ не вмѣшивалась религій. Такъ, напримеръ, онъ уничтожилъ налогъ извѣстный подъ именемъ *кабалы*, *alcabala*, смягчилъ жестокости, сопровождавшія сборъ водатеи, и прочая.

Казалось, что со смертію Изабеллы, которая скончалась двадцать-шестаго ноября тысяча-пятьсотъ-четвертаго года, могущество Хименеса должно было поколебаться. И точно: одна только королева защищала его противъ безчисленныхъ враговъ, которыхъ онъ нажилъ себѣ своимъ характеромъ. Дворянство ненавидѣло его, какъ заклятаго противника ихъ привилегій; духовенство не хотѣло простить ему его нововведеній; Фердинандъ смотрѣлъ на него всегда съ тайною завистью. Словомъ, его положеніе было самое затруднительное. Но Хименесъ съ необыкновеннымъ искусствомъ предупредилъ опасность: отъ злобы дворянъ онъ сталъ защищаться любовью и уваженіемъ народа; монаховъ держалъ въ рукахъ своимъ саномъ примаеса; а что касается до Фер-

диданна, то, — это уже всего удивительнее! — онъ умѣлъ сделаться для него необходимымъ.

По смерти Изабеллы, Фердинандъ сложилъ съ себя титуло короля Кастиліи и провозгласилъ кастильскою королевою дочь свою Іоанну, а самъ принялъ обязанности регента, согласно съ завѣщаніемъ покойной государыни. Эрцгерцогъ Филиппъ, мужъ Іоанны, бывшій тогда въ Нидерландахъ, не захотѣлъ признать правъ отца ея на регентство. Противъ Фердинанда составила многочисленная партія. Когда Филиппъ и его супруга прибыли въ свое королевство, всѣ безусловно признали ихъ власть. При дворѣ Фердинанда вдругъ не стало ни одного изъ кастильскихъ подданныхъ, и Хименесъ воспользовался этою минутою, чтобъ сблизиться съ своимъ государемъ. Онъ явился въ видѣ посредника, и взялъ на себя вести переговоры. Фердинандъ согласился уступить регентство и удалиться въ свои наслѣдственные владѣнія въ Аррагоніи, съ тѣмъ, чтобы ему было предоставлено главное начальство надъ кастильскими войсками и выдавалась половина тамошнихъ доходовъ, назначенная ему по завѣщанію Изабеллы. Филиппъ принялъ эти условія и договоръ между тестемъ и зятемъ былъ заключенъ. Въ кратковременное царствованіе Филиппа, Хименесъ имѣлъ мало вліянія на дѣла Кастиліи, потому что ея управлялъ, отъ имени Филиппа, любимый министръ его, донъ Хуанъ Мануэль; но, за всѣмъ тѣмъ, воспоминаніе о посредничествѣ толедскаго архіепископа между двумя государями въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, внушило кастильскому правительству глубокое уваженіе къ Хименесу, а въ то же время онъ успѣвалъ снискивать всё болѣе и болѣе довѣрія и у Фердинанда, который ненавидѣлъ Хуанъ Мануэля.

Черезъ нѣсколько мѣсяцовъ, по восшествіи на престолъ, Филиппъ умеръ отъ поврежденія въ мозгу, произведеннаго неумѣренной игрой въ мячъ. Слабый разумъ королевы Іоанны, съ потерей мужа, котораго она страстно любила, совершенно разстроился. Старшій сынъ ея, извѣстный впоследствии подъ именемъ Карла Пятаго, былъ почти еще въ колыбели. Настала необходимость выбрать правителя. Двѣнадцать имѣли право на это мѣсто: императоръ Максимъ

дѣла, отецъ Филиппа, и король Фердинандъ, отецъ Иоанны. Завязался споръ между Мануэлемъ и Хименесомъ: первый держалъ сторону императора, другой стоялъ за Фердинанда. Кастильская знать предпочитала Максимилиана, надеясь при немъ возстановить свои старинныя привилегіи. Незная мѣстныхъ обстоятельствъ, находясь всегда вдали отъ Испаніи, императоръ легко могъ уступить просьбамъ; но Хименесъ поднялъ за своего государя все духовенство и герода. Они одержали побѣду: кортесы провозгласили Фердинанда регентомъ Кастиліи, и эта новость была для него тѣмъ пріятнѣе, что онъ, находясь въ то время въ Неаполь, куда уѣхалъ до кончины Филиппа, не успѣлъ съ своей стороны принять ни какихъ мѣръ къ удержанію за собою регентства. Въ изъявленіе своей признательности къ архіепископу, онъ выпросилъ ему у папы Юлія-Второго кардинальскую шапку и доставилъ мѣсто главнаго инквизитора, очистившеся увольненіемъ Десы, преемника Торкемады.

Такимъ образомъ Хименесъ, вмѣсто паденія, сталъ еще выше. Достигнувъ послѣднихъ ступеней земнаго величія, онъ показалъ новый примѣръ той глубокой расчетливости и предусмотрительности, которымъ обязанъ былъ своимъ возвышеніемъ съ самаго начала своего поприща: онъ добровольно отказался отъ государственныхъ дѣлъ и предоставилъ все одному Фердинанду. Король былъ очень честолюбивъ и неохотно дѣлился своею властью. Хименесъ зналъ это и благоразумно отсторонился, чтобы не нарушить согласія, водворившагося у него съ Фердинандомъ. Король, съ своей стороны, былъ очень доволенъ такимъ положеніемъ: онъ видѣлъ исполненіе своихъ давнишнихъ желаній соединить на себя двѣ короны, арагонскую и кастильскую. Не останавливаемый ни кѣмъ, онъ съ жаромъ принялся исполнять разныя планы, которые ужъ давно были придуманы имъ въ ожиданіи этого благополучія. Десяти-лѣтнее самостоятельное правленіе его принесло плоды, какихъ нельзя было ожидать. Фердинандъ водворилъ спокойствіе и порядокъ внутри всей Испаніи, о чемъ такъ далеко и бесполезно хлопотали другіе; по дѣламъ внѣшнимъ, онъ приобрѣлъ Неаполь, заставилъ папу утвердить это приобретеніе,

принималъ живое участіе въ италянскія войны; войны кончились изгнаніемъ Французовъ и ослабленіемъ Венеціи; подъ ничтожнымъ предлогомъ, занялъ своими войсками Наварру и присоединилъ ее къ своему королевству.

Между-тѣмъ Хименесъ неуспѣшно трудился надъ дѣлами своей епархіи, которая тоже представляла нечто въ родъ особаго государства. Съ помощью благоразумной экономіи, онъ накопилъ кучу денегъ, и это дало ему возможность сдѣлать много прекраснаго. Онъ основалъ нѣсколько превосходныхъ заведеній разнаго роду, которые существуютъ и до настоящаго времени: лучшее изъ нихъ — университетъ. Мы уже говорили, что онъ началъ учиться въ Алкаль. Въ то время тамъ еще не было университета: уже долго спустя, Хименесъ вздумалъ основать его, съ оцінальнаго разрѣшенія папы Александра-Шестаго. Зато алкальскія университетскія зданія, на которыя Хименесъ пожертвовалъ огромныя суммы, превзошли все, что было въ Испаніи по части архитектуры. Щедрость архіепископа привлекла сюда лучшихъ испанскихъ ученыхъ. Хименесъ и самъ болѣею частью жилъ въ Алкаль: дворецъ, который онъ имѣлъ въ этомъ городѣ, былъ его любимымъ мѣстопробываніемъ. Здѣсь онъ окружилъ себя людьми, заслуживавшими извѣстность своимъ умомъ, и, говорятъ, принималъ дѣйствительное участіе въ составленіи извѣстной подъ его именемъ Библіи на нѣсколькихъ языкахъ, *Biblia polyglotta*, заключающей въ себя еврейскій текстъ, халдейскій на арабскій, греческій переводъ семидесяти толковниковъ и латинскую вулгату: произведеніе колоссальное, судя по времени, въ которое оно было предпринято, по времени, когда вся исслѣдованія были такъ трудны и обходились такъ дорого!

Но самымъ блистательнымъ подвигомъ Хименеса, подвигомъ, который озарилъ его необыкновенною славою, была экспедиція въ Гранъ. Онъ снарядилъ ее собственными своими средствами, велъ безъ всякихъ постороннихъ пособій, и начальствовалъ ею лично. Фердинанду въ то время было не до новыхъ затѣй: онъ еще не зналъ, какъ убраться съ дѣлами въ Италиіи и Наваррѣ. Хименесъ на свой счетъ собралъ и вооружилъ четыре тыщи конницы, десять ты-

слать пахоты, восемьдесятъ транспортныхъ судовъ и десять большихъ военныхъ галіотовъ. Начальниками надъ этими войсками, подъ своею верховной властью, назначилъ онъ двухъ знаменитѣйшихъ въ тѣ времена кондотіеровъ, Петра Наваррскаго и Иеронима Віанелли. Первый былъ просто морской разбойникъ, служившій попеременно то Флорентинцамъ, то Испанцамъ. Другой, родомъ изъ Венеціи, считался однимъ изъ лучшихъ тамошнихъ мореходовъ и зналъ Средиземное Море какъ свой карманъ. Въ концѣ февраля тысяча-пять-сотъ-девятого года, сухопутная армія собралась въ Карагену, а флотъ въ Малагу. Зима прошла въ приуготовленіяхъ; къ началу весны экспедиція была готова въ походъ.

Хименесу было тогда шестьдесятъ два года; но онъ находилъ еще въ себѣ столько силъ, что лично наблюдалъ за всеми работами. Верхомъ на конѣ, онъ разъѣзжалъ всюду, осматривалъ все, отдавалъ гдѣ нужно разныя приказанія, словомъ, не упускалъ изъ виду ни одной изъ безчисленныхъ мелочей, которыя, необходимо должны были встрѣтиться при осуществленіи такого огромнаго плана. Ктому же не обошлось безъ препятствій: враги архіепископа поднимали на смѣхъ его предпріятіе и поговаривали между собою, что ему, на старости, лучше бы готовиться въ экспедицію на тотъ свѣтъ, чѣмъ въ Оранъ. Солдаты, съ своей стороны, какъ люди, набранные отсюду, не могли ничего понять, видя предводителемъ у себя монаха, и передразнивали его, какъ онъ будетъ ими командовать, а два начальника, избранные Хименесомъ, обходились съ нимъ безъ всякаго уваженія и разсудили наконецъ не слушать его приказаній. Эти безпорядки, зародившіеся между высшими офицерами, скоро перешли и къ солдатамъ: когда надобно было сдѣлаться на суда, вдругъ вся армія взбунтовалась. Хименесъ прекратилъ мятежъ, новѣенкъ перваго негодья, который попался ему подъ-руку. Рыцарность, умъ, ирадность и золото его восторжествовали: начальники дали ялты въ повинненія, и хорошо устроенная экспедиція отправилась въ море, шестнадцатаго мая тысяча-пять-сотъ-девятого года.

Въ ту эпоху городъ Оранъ принадлежалъ къ числу дуръ

плыхъ крѣпостей на берегахъ Средиземнаго Моря. Онъ составлялъ родъ республики. Земли у него было немного; но огромныя толпы Мавровъ, переселившіяся сюда изъ Испаніи, увеличили собою его морскія и сухопутныя силы. Онъ уже давно былъ центромъ обширной торговли, и эта торговля, вмѣстѣ съ подвигами пиратовъ, которые тутъ имѣли пристанище, въ короткое время обогатила Оранъ безчисленными сокровищами. Экспедиція, на другой день по выходѣ въ море, прибыла въ африканскую гавань Мерса'ль-Кебирь. Высадка происходила ночью. Когда разсвѣло, кардиналъ, въ полномъ облаченіи, сошелъ съ своего галіота, благословилъ армію, выстроенную въ боевой порядокъ на берегу, и прошелъ по рядамъ между солдатами, слѣдуя за крестомъ, который несъ передъ нимъ монахъ его ордена. Послѣ-того впопеченіе двинулось въ дальнѣйшій походъ къ Орану, находившемуся верстахъ въ четырехъ отъ этого мѣста. Хименесъ воротился въ Мерса'ль-Кебирь и цѣлый день провелъ въ молитвахъ, пока армія дѣлала свое дѣло. Маврская кавалерія нѣсколько разъ пыталась разорвать ряды христіанъ, бросаясь на нихъ съ страшными криками, но всегда была принуждена отступать съ значительными потерями. Подошедши къ Орану, испанскія войска, въ свою очередь, также сдѣлали сильный натискъ на непріятеля. Два Мавра и одинъ жидъ, напередъ подкупленные Хименесомъ, отворили городскія ворота. Осаждающіе вломились въ городъ и начали безпощадно убивать все, что имъ ни попадалось, не разбирая ни полу ни возраста, мужчинъ, женщинъ, дѣтей. Ночь прекратила это убійство. Пьяные, облитые кровью, съ награбленными вещами въ рукахъ, солдаты, въ отерзанныхъ безпорядкѣ, валялись по улицамъ и площадямъ, среди труновъ своихъ непріятелей. Хименесъ имѣлъ церемоніальный въездъ въ городъ. Онъ прибылъ моремъ. При влѣдѣ на берегъ, его встрѣтилъ Виванелли; у городскихъ воротъ, Петръ Наваррскій подалъ ему ключи; пѣхота и кавалерія стояли по обѣ стороны всей дороги, начиная отъ самаго берега. Триста христіанскихъ невольниковъ, освобожденныхъ по взятіи Орана, бросились къ ногамъ Хименеса, съ цѣпами, которыя были уже разорваны. Призвѣтственные восклицанія войска и пу-

шечная пальба продолжалась во все время его шествія. Пробывавъ въ алькасаръ, онъ явился на площадь, гдѣ была собрана добыча, отложилъ нѣсколько драгоценностей и отправилъ ихъ къ королю съ извѣстіемъ о побѣдѣ; себя ваялъ только нѣсколько арабскихъ книгъ для алькальской библиотеки; остальное отдалъ войску. Цѣнность всей добычи простиралась до 500,000 скудовъ.

Современные лѣтописцы рассказываютъ много чудеснаго объ этой экспедиціи. По ихъ словамъ, во все время, пока она снаряжалась, дули противныя вѣтры; когда же совсемъ изготовилась, то начались вѣтры попутныя. Во время сраженія, облако освѣяло христіанъ и доставляло имъ освѣжительную прохладу; между-тѣмъ непріятель томился въ палищемъ жару. Стаи хищныхъ птицъ не переставали ширить надъ Арабами въ воздухъ; атласскіе львы, пораженные сверхъестественнымъ страхомъ, оглашали пустыню жалобными рыканіями. Говорили еще, будто бы во время пребыванія Испанцевъ въ Оранъ, часто видали неизвѣстнаго святителя, въ полномъ облаченіи, съ мечомъ въ одной рукѣ и съ крестомъ въ другой, и по его движеніямъ догадывались, что онъ защищаетъ покоренное христіанами мѣсто.

Какъ бы то ни было, въ войскѣ появились страшныя безпорядки, которые чуть не уничтожили всѣхъ плодовъ экспедиціи. Хименесъ всячески старался успокоить буйныхъ солдатъ, но почти безъ успѣха. Начальники безпрестанно мучили его своими притязаніями и жалобами. Архіепископъ едва имѣлъ силы пробыть въ Оранъ нѣсколько дней. Въ это время онъ успѣлъ однако же превратить большую оранскую мечеть въ церковь и посвятить ее Божіей Матери. Отправляясь въ Испанію, онъ передалъ Петру Наваррскому и Віанелли всѣ военные запасы, оставшіеся на сулахъ. Петръ и Віанелли стали продолжать завоеванія: начальствуя войскомъ, похожимъ болѣе на шайку разбойниковъ, они взяли Буджію и Триполи. Имя ихъ наводило страхъ на всю Африку. Наконецъ они были разбиты въ одномъ сраженіи: Віанелли погибъ въ этомъ дѣлѣ, а Петръ Наваррскій воротился въ Италію, и, проведя еще нѣсколько лѣтъ въ безпрестанныхъ битвахъ то за Испанцевъ, то за Французовъ,

умеръ въ тюрьмѣ Карла-Пятаго. Изъ всѣхъ завоеваній Испанцевъ въ Африкѣ, удержанъ былъ только Оранъ, который Хименесъ присоединилъ къ толедской архіепископш и который принадлежалъ Испаніи до тысяча-семьсотъ-девятосто-второго года. Хименесъ, покоривъ этотъ городъ, не думалъ о существенныхъ государственныхъ пользахъ: единственною его заботою было построить здѣсь церкви, монастыри, завести инквизицію. Нѣкоторые писатели говорятъ, что онъ хотѣлъ поселить христіанъ въ Оранъ, но на дѣлѣ этого не было: можетъ-быть, Хименесъ не успѣлъ осуществить своего плана. Верно только то, что онъ былъ намъренъ учредить здѣсь военный орденъ святаго Іакова, наподобіе родосскаго, для преслѣдованія невѣрныхъ; но и это не исполнилось. Между-тѣмъ испанское правительство не брало ни какихъ мѣръ для утвержденія власти своей надъ Ораномъ. Все мусульманское народонаселеніе было или перерезано, или обращено въ неволю, а христіанъ не переселяли. Испанія около трехъ-сотъ лѣтъ владѣла Ораномъ, не имѣла ничего кромѣ огромныхъ убытковъ, и была очень рада, когда могла безъ стыда отъ него избавиться. При покореніи Хименесомъ, Оранъ былъ богатъ и силенъ: легко бы поддержать его благоденствіе; но та же самая политика, которая лишила Испанію цѣлыхъ милліоновъ жителей, обезлюдила и этотъ прекрасный городъ.

Чтобы видѣть Хименеса на своемъ мѣстѣ, надобно взглянуть на него въ инквизиціи. Трудно себѣ представить, сколько гибло людей въ рукахъ этого грознаго трибунала. Одинъ Хименесъ, втеченіи своего одиннадцати-лѣтняго инквизиторства, приговорилъ къ смерти 52,855 человекъ, изъ которыхъ 3,564 сожжены. Онъ былъ геній по этой части: въ его правленіе, испанская инквизиція получила такое благоустройство, что преемникамъ его нечего было довозмъщать ни перемънять. Ревность, съ какою онъ велъ свои инквизиторскія дѣла и преслѣдовалъ тайныя помышленія, изумительна; твердость, энтузіазмъ, съ которыми мучилъ онъ свои жертвы, приводили въ ужасъ всѣхъ современниковъ. Онъ не упустилъ ничего чтобы сдѣлать судилище инквизиціи важнѣмъ и страшнѣмъ, самостоятельнѣмъ и независимѣмъ. Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ. Въ тыся-

въ шестидесяти-двѣнадцатомъ году распространился слухъ, что Фердинандъ хочетъ напасть на Наварру. Новообращенные христіане явились къ королю и предложили ему 600,000 талеровъ на намерженіе, съ условіемъ, чтобы онъ приказалъ объявлять во всенародное извѣстіе инквизиціонные процессы. Фердинандъ согласился; но Хименесъ, узнавъ объ этомъ, возсталъ всей своей властью за неприкосновенность и тайну дѣлъ инквизиціи. Чтобы склонить Фердинанда, онъ даже пожертвовалъ отъ себя огромными суммами, въ которыхъ тотъ имѣлъ нужду, и наконецъ убѣдилъ короля отказать отъ нововведенія. Замѣчательно, какъ инквизиціалъ свое дѣло передъ королемъ. «Если ваше величество исполните домогательство новообращенныхъ христіанъ, говорилъ онъ Фердинанду: то ни одинъ человекъ въ мірѣ не согласится быть доносчикомъ и свидѣтелемъ: кто же тогда будетъ съ душами грѣшниковъ?» И эта заботливость о спасеніи грѣшныхъ душъ простиралась до такой степени, что за каждый шагъ, за каждое движеніе, требовали въ инквизицію. Тайные служители грознаго судьи были вездѣ, все видѣли, все слышали. Горе человеку, который имѣлъ у себя враговъ: жизнь его каждую минуту была въ опасности. Страхъ пытки и казни поселялъ раздоръ между ближайшими родственниками, между друзьями, между родителями и дѣтьми. При имени великаго инквизитора Хименеса-де-Сиснероса, все приходило въ трепетъ.

Между-тѣмъ Фердинандъ-Католикъ приближался къ концу. Ему осьмидесяти-лѣтнему Хименесу суждено было перейти и Изабеллу и ея супруга; одному ему, главному предводителю своего вѣка, дано было сойти съ поприща послѣ трудившихся на этомъ поприщѣ, и докончить тотъ великій переворотъ, который рѣшилъ судьбу Испаніи.

Единственной дочери Фердинанда и Изабеллы, Юанны, названной Безумною, отъ супружества ея съ эрцгерцогомъ Филиппомъ-Пригожимъ, было два сына. Старшій, Карлъ, уже управлялъ Нидерландами; младшій, Фердинандъ, владѣлъ въ Кастиліи. По смерти Фердинанда-Католика, Кастилія должна была наследовать Арраговію, какъ она наследовала отъ Изабеллы Кастилію. Затѣмъ возникалъ во-

прось : которому изъ двухъ сыновей ея вручить оба короны. По праву, слѣдовало Карлу, но для блага Испаніи, Фердинанду. Первый былъ воспитанъ въ Германіи и не зналъ испанскаго народнаго духа; имѣя особенныя большія владѣнія, живя далеко, онъ не могъ вполне посвятить себя правленію Испаніею, которая служила бы только прибавкою къ главному, настоящему его, государству. Напротивъ того, Фердинандъ постоянно жилъ въ своемъ отечествѣ, былъ совершенный Испанецъ, и не имѣлъ въ виду ни какихъ другихъ владѣній кромѣ Испаніи.

Фердинандъ-Католикъ, еще за нѣсколько лѣтъ до своей кончины, началъ обдумывать этотъ вопросъ. Цѣля великія выгоды единой державы и независимости отъ чуждаго владычества, онъ всячески старался оспорить у старшаго внука право на наслѣдство испанской короны. Когда Кастильцы признали Карла государемъ Астуріи, Фердинандъ рѣшился удержать за собою по-крайней-мѣрѣ Аррагонію и Неаполь. Съ этою-то цѣлю онъ и вступилъ во вторичный бракъ, и радость его не имѣла предѣловъ, когда молодая супруга подарила его наслѣдникомъ. Но преждевременная смерть этого принца снова повергла его въ отчаяніе. Онъ прибѣгъ къ медицинѣ : лекаря нашли вѣрное средство укрѣпить его разслабленный организмъ и прописали ему какого-то снадобья, отъ котораго онъ занемогъ и умеръ.

Не успѣвъ въ желаніи передать свою корону непосредственному наслѣднику, Фердинандъ-Католикъ, на смертномъ одрѣ, составилъ завѣщаніе, въ которомъ приказывалъ привести въ исполненіе другой планъ, также заключенный въ себя идею единой державы и независимости : онъ передавалъ управленіе всемъ государствомъ младшему своему внуку, Фердинанду.

Но, къ несчастію Испаніи, никто изъ совѣтниковъ короля не раздѣлялъ его образа мыслей. Юный Фердинандъ имѣлъ на своей сторонѣ большую часть народа, а за Карла стояли всѣ люди государственные, и въ томъ числѣ Хименесъ. Архіепископъ съ изступленіемъ защищалъ права старшаго брата : по страсти къ владычеству, ему хотѣлось видѣть монархію, которая составила бы изъ Кастиліи, Аррагоніи, Наварры, Сициліи, неаполитанскаго королевства, ис-

нашихъ владѣній въ Америкѣ и въ Африкѣ, земель, котораго Карлъ наследовалъ отъ отца, и наконецъ многочисленныхъ королевствъ, герцогствъ, княжествъ, графствъ, и другихъ областей, принадлежащихъ къ германской имперіи, въ-случаѣ избранія Карла въ императоры. Такая монархія дѣйствительно была бы безпримѣрна со времени римской имперіи; она обнимала бы почти половину названнаго міра: предположеніе смѣлое, обширное, великолѣпное, прекрасное въ цѣломъ, погубительное для Испаніи въ частности. Что могла выиграть Испанія отъ исполненія такого гигантскаго плана? Обольстя своими романтическими идеями, Хименесъ оставилъ безъ вниманія этотъ вопросъ, и его отечество впоследствии дорого поплатилось за ошибку пылкаго кардинала: оно должно было играть малую роль въ ряду нѣсколькихъ государствъ, истощать для другихъ свои силы, и не дѣлать ни какихъ приобретеній собственно для себя. Какъ бы то ни было, Хименесъ увлекъ всѣхъ въ свою сторону: по его внушеніямъ, самые старшіе министры Фердинанда-Католика, Карбахаль, Сапата, Баргасъ, неотступно просили своего государя уничтожить завѣщаніе въ пользу младшаго сына Іоанны-Безумной. Фердинандъ долго сопротивлялся; но, не видя около себя ни одного человека, который бы былъ его мнѣнія, и опасаясь, вмѣсто единодержавія, ввести въ Испанію ужасы междоусобной войны, поссорить навсегда родныхъ братьевъ, онъ наконецъ уступилъ. Издано было новое завѣщаніе, въ которомъ Карлъ назначался единственнымъ наследникомъ всѣхъ государствъ, Фердинанду предоставлялось начальство надъ войскомъ, а Хименесу поручалось регентство въ Кастиліи. Послѣ этого, старый король скоро умеръ, и Хименесъ тотчасъ же вступилъ въ отправленіе своей должности.

Пользуясь королевскою властью, онъ показалъ себя во всемъ блескѣ. Преклонныя лѣта не ослабили его душевныхъ способностей: въ глубокой старости, когда другіе люди смотрятъ уже въ могилу, онъ былъ смѣлъ, предприимчивъ, неутомимъ, неворотливъ. Съ давняго времени вся его страсти слились въ одну страсть — владычествовать. Виродженіи двадцати-двухъ-мѣсячнаго регентства, онъ сдѣлалъ столько, сколько другіе, и съ лучшими способностями, не могли

бы сдѣлать въ цѣлые годы. Онъ урядился безъ устали, безъ отдохновенія ; онъ исполнялъ обязанности регента , такъ , какъ нѣкогда исполнялъ обязанности монаха . Стояло не утомимый въ государственныхъ замятняхъ , сколько прежде былъ утомимъ въ своемъ аскетическомъ подвижаніи , онъ проводилъ въ нихъ цѣлые дни и ночи . И это ему ничего не стоило : прежде онъ выносилъ больше . Испанія , возмужавшая сверхъестественной дѣятельности , бодрости и способностямъ осьмидесяти-лѣтняго старца , чувствовала къ нему невольное уваженіе .

Скоро однако жъ въ Кастиліи помели , къ чему можетъ привести Испанію послѣдняя политическая мѣра Хименеса , и хотѣли-было предупредить зло . Но кардиналъ наставлялъ молчать недовольныхъ и снѣшилъ обезопасить себя и государство . Первою заботою его въ этомъ случаѣ было учрежденіе надзора за молодымъ Фердинандомъ : Хименесъ сталъ держать его при себѣ ; выстроилъ ему домъ , окружилъ его преданными себѣ людьми , и ни на одно мнновеніе не вынуждалъ его изъ виду , вездѣ за нимъ следовалъ . Приверженцы принца хотѣли избавить его отъ этой тяжкой опеки , но не успѣли . Вторая мѣра безопасности , принятая архіепископомъ , состояла въ назначеніи Мадрита столицей , которой Испанія до-сихъ-поръ не имѣла . Тутъ , съ перваго взгляду , пожалуй , можно подумать , что Хименесъ сдѣлалъ ошибку въ выборѣ : Мадридъ одинокъ , отдѣленъ отъ всего , и далекъ отъ лучшихъ частей королевства . Но Хименосу это-то и правилось : онъ былъ здѣсь царемъ . По естественному порядку , столицей должна бы была Севилья , но она находилась внѣ Хименесовой епархіи . Третья , и самая сильная , самая вѣрная , мѣра его къ обезопасенію своего владѣчества , заключалась въ учрежденіи постоянного войска . До-сихъ-поръ право носить оружіе было въ Испаніи исключительною принадлежностью дворянства . Хименесъ распространилъ его на всѣхъ гражданъ , а настояскія городскія общины , въ то время , были такъ сильны , что могли выставить вдругъ тридцать тысячъ пѣхоты . Дворяне Кастиліи протестовали-было противъ этого нововведенія , но регентъ не поемотрѣлъ на нихъ : онъ не внималъ ни жалобамъ ни угрозамъ , не хотѣлъ знать ни казней пречат-

ствій , и новое учрежденіе существовало до самой смерти его.

Такимъ образомъ прибравъ къ рукамъ всю силу государства, Хименесъ заговорилъ уже повелительнымъ голосомъ. Карлу хотѣлось, чтобъ его провозгласили королемъ при имени Іоанны. Это было несовобразно съ древними обычаями и, по образу мыслей Испанцевъ , могло вочесться нарушеніемъ, со стороны Карла, сыновнихъ обязанностей. Всадствіе того, въ Аррагоніи оппозиція была такъ сильна , что ее не могли победить ни какія усилія тамошняго правителя , сарагосскаго архіепископа донъ Альфонса. Въ Кастиліи, напротивъ, смотрѣли на дело иначе. Хименесъ созвалъ народное собраніе. Начались споры. Министръ Карбахаль говорилъ , что разсудокъ Іоанны безпрестанно всё больше и больше разстраивается, а потому должно теперь же признать королемъ ея сына. Напротивъ-того кастильскій адмиралъ герцогъ Альба доказывалъ , что несчастное состояніе умственныхъ способностей матери Карла не можетъ быть поводомъ къ лишенію ея священнаго имени королевы. Споръ съ минуты на минуту становился живѣе; спорщики горячились; уже они были готовы выйти изъ границъ, какъ-вдругъ Хименесъ, председательствовавшій въ собраніи, окончилъ все однимъ разомъ. «Собраніе созвано, сказалъ онъ: не для того , чтобы члены его спорили между собою , а чтобы повиновались. Государь можетъ безъ собранія провозгласить себя королемъ. Правда , его величеству было угодно отобрать согласіе кортесовъ : потому я и собралъ ихъ; но противиться воля его величества , значило бы быть недостойными чести , которую онъ вамъ дѣлаетъ.» И не дожидаясь отвѣта, кардиналъ велѣлъ мадритскому коррехидору провозгласить Іоанну и сына ея Карла совокувными королями Кастиліи. Коррехидоръ вышелъ. Приготовленія къ этому провозглашенію сдѣланы были заблаговременно, и вдругъ надъ самыми окнами залы собранія, услышали звуки трубъ, возвѣщавшіе принятіе Карломъ титула короля. Присутствующіе изумились; но о сопротивленіи и думать было нечего: Хименесъ всѣмъ распорядился въ Мадридѣ одинъ. Онъ въ это же свиданіе приготовилъ, для разсылки повсемъ Кастиліи, указы, въ которыхъ предписывалось другимъ городамъ

следовать примѣру Малрита, и потому распустить собраніе, не услышавъ противъ себя ни одного слова.

Это не единственный примѣръ самодвстія, съ которымъ распорядился архіепископъ. Онъ такимъ же образомъ поступалъ и съ самыми знатными градами, которые наперсво возставали противъ его деспотизма. Одинъ изъ нихъ, донъ Педро Порто-Карреро, искодѣтайствовавъ себя у папы патентъ на гроемейстерство сятаго Іакона, тайно собралъ навигуль этого ордена, чтобы объявить ему о воля его святѣйшества. Кавалеры охотно явились: они надѣялись видѣть возстановленіе древняго блеску своего общества. Но Хименесъ, провѣдавъ объ этомъ, послалъ сильный отрядъ войска и принудилъ навигуль разойтись. — Вотъ другой случай. Андалузскій дворянинъ донъ Педро Хиронъ, человекъ чрезвычайно отважный, имѣвшій какія-то притязанія на герцогство Медину Сидонію, вздумалъ осадить городъ Санъ-Лукаръ, который принадлежалъ этому герцогству. Кардиналъ велѣлъ собрать весь войска, назначенныя для защиты морскихъ береговъ отъ нападенія Мавровъ, и послалъ ихъ противъ Хирона: бѣднякъ принужденъ былъ бѣжать.

Во время прежнихъ царствованій, когда въ Кастиліи происходили ужасныя безнорядки, дворяне, пользуясь безсалиемъ королей, обратили въ свою собственность весь земли, завоеванныя у непріятелей. Регентъ вдругъ объявилъ, что эти земли первоначально принадлежали королю, и что онъ разберетъ, какія кто имѣетъ права на владѣніе. Если бы эта угроза была исполнена во всей полнотѣ, то дворяне потеряли бы все, и дѣло могло бы кончиться общимъ возстаніемъ противъ Хименеса. Но онъ смѣкнулъ объ опасности и ограничился пересмотромъ правъ собственности только на тѣ дворянскія земли, которыя пріобрѣтены ихъ хозяевами въ царствованіе Фердинанда. Такимъ образомъ онъ отобралъ въ казну множество имѣній, которыя были вовсе потеряны изъ виду въ правленіе этого государя, и сверхъ того, подъ предлогомъ, что послѣ Фердинанда не осталось ни какихъ суммъ, прекратилъ все пенсіоны, которые покойный король давалъ разнымъ лицамъ. Отъ этого доходы казны значительно увеличились. Избытки ея кардиналъ упо-

треблялъ на уплату долговъ, оставленнѣхъ Фердинандомъ и Изабеллой, на снаряженіе флота, украшеніе городовъ, постройку арсеналовъ, заведеніе всякаго рода поминковыхъ припасовъ, и, наконецъ, на предметы необходимыя для поддержания блеску королевскаго сана.

Рассказываютъ, будто однажды адмиралъ герцогъ дель Инфантадо и графъ Беневентскій, попросивъ дворянина, явился къ Хименесу съ жалобою на собственные его жестокости. Выслушавъ ихъ спокойно, кардиналъ показавъ записки Фердинанда-Католика, въ которомъ онъ былъ назначенъ регентомъ. Депутаты не совсемъ скромно отозвались объ этой воле покойнаго короля. «А! вы требуете другихъ доказательствъ на права мои? воскричалъ Хименесъ, вывелъ ихъ на балконъ, откуда были видны стоящія подъ ружьемъ корпуса пѣхоты съ артиллеріею, и, указывая на нихъ, сказалъ: «Вотъ они!» Анекдотъ этотъ, можетъ-статься, не достоверенъ, но, во всякомъ случаѣ, онъ прекрасно выражаетъ характеръ Хименеса. Писатель, у котораго онъ заимствованъ, приосмысливаетъ, что кардиналъ взялъ потому веревочный поясъ монаховъ францисканскаго ордена и примолвилъ: «Вотъ чѣмъ надобно усмирять себя настальскихъ грандовъ!»

Наступала однакожъ минута, когда онъ самъ долженъ былъ сделаться жертвою неограниченной власти, которую ввелъ въ Кастилію. Фламандскіе вельможи, окружающіе Карла, хотѣли править Испаніею по своей воли. Хименесъ уже былъ регентомъ, когда лузевскій деканъ, Адрианъ Утрехтскій, наставникъ Карла, бывший впоследствии папою подъ именемъ Адриана-Шестаго, покушался оспорить его права, ссылаясь на полномочіе Карла. Архіепископъ безъ труда уничтожилъ эти притязанія черезъ посредство кастильскаго государственнаго совѣта: онъ предоставилъ Адриану, и то изъ одного снисхожденія, только титулъ полномочнаго Карлова намѣстника, а за собой удержалъ всю власть, подъ предлогомъ, что Испанцы не потеряютъ у себя правителя изъ чужеземцевъ. Между-тѣмъ Фламандцамъ всё-таки до-смерти хотѣлось поправить Испаніею: спустя нѣсколько времени, они убили Карла назначить Хименесу двухъ помощниковъ, фламандскаго дворянина Lachan и Голландца Амерсторфа, человека

знатной семьи. Кардиналъ пріемалъ вѣдь съ повестями, но не уступилъ ни въ вершка своихъ правъ, какъ и Адриану Утрехтскому. Свистіе во войскъ предпріятіяхъ не позволяло ему легко обзудивать честолюбіе этихъ принцевъ, которые смотрѣли на Испанію какъ на добычу. Бѣшній король наваррскій, Юанъ-д'Альбрѣ, покусился было овладѣть опять своимъ королевствомъ; но регентъ выслалъ противъ него войско и заставилъ его удалиться за Пиренеи. Генуя завела съ Хименесомъ ссору, по поводу потраченныя имъ и генуезскихъ галеръ: онъ отвѣчалъ ей съ такимъ злымъ-намыремъ, что Генуезцы, отрусивъ, отирали по-скорѣе посольство къ Карлу просить извиненія. Все это придала регенту удивительно много славы, но и было необходимо для него, чтобъ держаться въ Карловой милости. Одна неудача потрясла до основанія могущество кардинала и приготовила его паденіе.

Знаменитый ширатъ Барбарусо овладѣлъ Алжиромъ, и угрожалъ оттуда Орону и Монахъ. Хименесъ послалъ противъ него флотъ подъ начальствомъ Діаго Беры, который сдѣлался известнымъ при взятіи Орона. Бера была разбитъ; почти вся армія его погибла, и онъ воротился въ Испанію только съ малыми ея остатками. Хименесъ съ твердостью перенесъ горестное извѣстіе, но враги его махали головою. По-образивъ, что неудача совсемъ разстроила Хименеса и что онъ только скрываетъ это, Адрианъ Утрехтскій, Ласкавъ и Америкеторъ позволили себѣ въмоторя съ нимъ похлопотать. Однажды они подписали прежде него какую-то бумагу и послали ее къ нему также для подписанія. Кардиналъ ревновалъ ее, и велѣлъ секретарю приготовить другой экземпляръ, точно такой же, подписавъ его одинъ, и съ тѣхъ поръ не позволялъ Адриану и его товарищамъ ничего подписывать. Но это жестоко разсердило честолюбивыхъ Фландецъ: они стали, болѣе чѣмъ когда-нибудь, подыматься надъ Хименеса, и, указывая на неудачу похода Беры, вслѣски чернили кардинала передъ дворомъ. Регентъ долженъ былъ по минутамъ оправдываться и отвѣчать на разные привѣчиваемыя вопросы. Это его не пугало: онъ всегда находилъ, что дѣлать и что говорить, въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Можетъ-быть даже, что дѣла

через несколько времени пришла бы въ прежній порадокъ; но Испанцы не обладали Хименесовой терпимостію, и развратность ихъ погубила регента.

Въ Кастиліи никто не былъ доволенъ Фламандцами. Знали, что Хименесъ часто посылаетъ въ Брюссель огромныя суммы. На ту пору разнесся слухъ, что скоро все общественныя должности будутъ отданы иностранцамъ и что придворные короля уже не скрываютъ надеждъ на выгоды, которая они могутъ извлечь изъ такого переворота. Молва эта до того походила на истину, что многіе города назначили общій советъ и рѣшились просить Карла, чтобы онъ не допустилъ никого управлять Испаніей, кромѣ самихъ Испанцевъ. Хименесъ, одинъ противъ всѣхъ, доказывалъ, что слухи не справедливы: напрасно!... ему не варьши, его нельзя подозревать. Кардиналъ увидѣлъ себя между двухъ огней: и иностранная и испанская партіи равно нитали на него алобу. Въ отихъ отчаянныхъ обстоятельствахъ онъ написалъ къ Карлу, что если съ его стороны не будетъ принято ни какихъ мѣръ, то Карлъ можетъ увидеть брата своего Фердинанда на престолѣ кастильскомъ; что одной власти регента не достаточно для усмиренія народа; и что усюконтъ Испанцевъ нать другаго способу, какъ согласиться на всеобщее требованіе.

Письмо это нанесло Хименесу рѣшительную погубель. Карлъ ужасно оскорбился. Вдругъ получено извѣстіе, что король самъ ѣдетъ въ Кастилію. Кардиналъ тотчасъ снарядилъ флотъ и послалъ его для сопровожденія Карла. Несмотря на свои преклонныя лѣта, онъ и самъ отправился на встрѣчу государю, возведенному имъ же на престолъ. Во время этого путешествія, однажды, послѣ обѣда, вдругъ сдѣлалось ему дурно. Разныя обстоятельства заставили приписать это отравленію: но кто былъ виновнымъ?... Богъ знаетъ! И Фламандцы и Испанцы равно ненавидѣли кардинала. Одно то вѣрно, что не было ни какой надобности прибѣгать къ яду чтобы убить его: для этого стало бы и письма, которое онъ получилъ отъ Карла. Вышедши на берегъ Испаніи, король всячески хотѣлъ показать, что онъ не нуждается въ совѣтахъ Хименеса. Напрасно кардиналъ просилъ позволенія увидѣться лично: ему отказали

подъ ардегомигъ его же болѣзни. Все домогательства, и жалобы архіепископа-кардинала остались тщетны. Въ заключеніе, Карлъ написалъ къ нему письмо, въ которомъ благодарилъ его за услуги и совѣтовалъ ему удалиться въ попой, въ свою толедскую епархію.

Хименесъ получилъ это роковое письмо осьмаго ноября тысяча-пятьсотъ-семнадцатаго года, большою, въ востокъ. Черезъ несколько часовъ его уже не было въ живыхъ.

Что же случилось съ Испаніей?... То, чего надобно было ожидать по такому ходу дѣлъ. Избранный черезъ два года въ императоры, Карлъ забылъ объ Арагоніи, Валенсіи, Леоны, Кастиліи: эти королевства потерялись въ числѣ пяти другихъ. Млгжежи, погубившіе Хименеса, по удѣлу Карла вспыхнули съ новою силою. Онъ присылалъ свои войска для усмиренія бунтовщиковъ, и кровопролитіе конца не было. Испанія истощалась. Отдаленный малодушная ея считала ее бездной, накопленною сокровищами, болѣе часть своихъ непрерывныхъ войнъ производилъ на счетъ. Серебро и золото постоянно вывозились изъ Іберіи: имперія поглотила весь пріобрѣтеніа Писарро, Песа и Альмагра! Великолѣпное, но непрочное, зданіе, данное Хименесомъ, начало упадать еще при его жизни: оно даило медленно, но непрерывно, и, въ наше время, имѣетъ уже совершенную развалину.

ФРАНКЛИНЪ *

Въ 1673 году жили въ Лондонѣ два человека, которые рѣшили въ своемъ кабинетѣ будущую судьбу Америки: это материалистъ Джонъ Локъ и мятежный министръ лордъ Шефсбери. Локъ писалъ тогда законы для Южной-Каролины, которой часть принадлежала министру, а министръ исправлялъ сочиненія своего секретаря-законодателя. Такимъ образомъ вся будущность новорожденного края была въ рукахъ двухъ человекъ, которые могли сдѣлать изъ него что бы имъ ни разсудилось за-благо. Они-то ввели въ его кодексъ все тѣ идеи, которыя впоследствии побудили колонію искать независимости; они-то изобразили фразу United-States, Соединенные Штаты. Недавно въ Лондонѣ вышли въ свѣтъ письма, которыя по этому поводу Шефсбери писалъ къ Локу; уложеніе философа также издано: его законы и теперь имѣютъ еще полную силу въ Южной-Каролинѣ. Известно, что Шефсбери, глава англійской оппозиціи, былъ, какъ бунтовщикъ, посаженъ въ тюрьму и тайно просилъ Карла Второго о позволеніи удалиться въ свои американскія владѣнія. Что касается до Лока, то Карлъ въскорѣ выгналъ его, какъ безбожника, изъ кембриджскаго университета. Шефсбери возставалъ противъ Карла, Локъ противъ англійской церкви. Одинъ утомлялъ короля безконечными спорами неутомной оппозиціи, другой безпре-

* The works of W. Franklin, containing several political and historical facts not included in any former edition, etc.; by Jared Sparks.

станно надѣлалъ духовенству своей системой вѣротерпимости. Южная-Каролина, съ первой минуты своего политическаго существованія, сдѣлалась вмѣстилищемъ двухъ этихъ началъ: недовольные Англіей всегда находили въ ней для себя убижище.

Лѣтъ сорокъ прежде того, именно въ 1633 году, трагическая сцена возвыстила Саверной-Америкѣ будущія судьбы ея. «Майскій цвѣтокъ», небольшой корабль, выкрашенный весь черною краскою, стоялъ на якорѣ въ Дельветѣ, и на него почти каждую недѣлю собирались добрые люди, одѣтые съ головы до ногъ въ черное. Они съ важностію и въ глубокой печали садились на палубу, распивали псалмы и персильвали океанъ, чтобы основать два новыхъ города, Филадельфію и Нью-Йоркъ. Едва ли и въ нутешности Артонавтовъ было столько поэзіи какъ въ этихъ псалмахъ. Пять лѣтъ спустя, въ 1638 году, Карлъ Первый, наущенный поэтическими переселеніями, строго запретилъ добровольную эмиграцію, грозившую совершенно обезлюдить Великобританію. Корабль, на которомъ должны были отправиться Кромвелль, Гемденъ, лордъ Се, лордъ Брукъ, сэръ Артуръ Гассельригъ, всѣ главные послѣдователи и защитники пуританизма, былъ остановленъ въ самой пристани, и король на свою голову удержалъ въ Англіи людей, которые впоследствии сдѣлались его убійцами.

Годы 1633, 1638 и 1673, въ младенчествующей исторіи Соединенныхъ-Штатовъ, ярко обозначены тремя соотвѣствующими имъ событіями, — эмиграціею, гоненіемъ и конституціоннымъ правительствомъ. Въ 1682 году, восторженный пуританинъ изъ Нортемтоншейра, Іосія Франклинъ, увлекъ за собой примаромъ своихъ собратьевъ, эмигрировалъ въ Пенсилванію, взявъ съ собою жену и дѣтей. Это было смѣлое, трудолюбивое, набожное. Въ царствованіе королевы Тюдоръ, оно, въ своей нортемтоншейрской хижинѣ, исповѣдало догматы Кальвина. Кальвинская библія хранилась въ старомъ дубовомъ табуретѣ. Вечеромъ, одинъ изъ сыновей становился на сторожѣ у дверей хижины, и держалъ знакъ при малѣйшей опасности. Между тѣмъ старый

кладъ табуретъ къ себѣ на колѣни, отырывалъ обдѣтую бархатомъ подушку, вынималъ изъ-подъ нея священную книгу, и, съ благоговѣдіемъ перерождая листы, начиналъ чтение. Если караульный уведомлялъ о приближеніи англичанскаго дозорщика, книга пряталась опять къ табуретъ, онъ ставился на прежнее мѣсто, и всякой бралъ какую-нибудь работу: дозорщикъ не находилъ ничего. Но такое принужденіе наскучило наконецъ Іосіа Франклину: онъ отправился въ Бостонъ, и заведъ тамъ свѣчную и мыльную фабрику. У него было семнадцать человѣкъ дѣтей: пятнадцатый изъ нихъ, родившійся въ 1706 году, былъ тогда знаменитый Веніаминъ Франклинъ, который въ свое время надѣлалъ такъ много шума.

Воспитанному въ строгой, трудолюбивой жизни, посреди бѣдности и терпѣнія, Веніамину, въ развратномъ осемнадцатомъ вѣкѣ, и притомъ во Франціи, не трудно было прослыть человекомъ совершеннымъ, не обладаяни однимъ блистательнымъ дарованіемъ. Кривой между слѣзцами, онъ естественно долженъ былъ сдѣлаться героемъ не-геройственнаго общества, которому всякая новость казалась чудомъ. Но природа дала ему другіе дары: онъ въ высочайшей степени обладалъ всеми талантами, свойственными мирному гражданину, смѣлостью, смѣтливостью, терпѣливостью, усидчивостью, и прочая. Собственные сочиненія Франклина служатъ лучшимъ доказательствомъ того, что его никто не понималъ надлежащимъ образомъ. Онъ слылъ простолюдиномъ философомъ, любезнымъ простакомъ, а между тѣмъ онъ былъ самымъ тонкимъ дипломатомъ своего времени. Онъ велъ на какомъ-то дѣлѣ, подобно наблюдателю Франклина! Вообще нѣтъ ничего забавнѣе комедіи челоука чинкаренуваній, отъ которыхъ часто дѣля поколѣнія остаются въ дуракахъ. Франклинъ, впродолженіи, самъ отъ души смѣялся, когда Франція не могла надвинуться его башмакомъ божь пражекъ, и преклоняла колѣна передъ Руссо и Гамлицулемъ, а его, Франклина, провозглашала Лигуриемъ и Эпанимондомъ. Но чѣмъ онъ возбуждалъ къ себѣ таковую неприязненность? Что такое онъ былъ: частный человекъ, осторожный писатель, глубокомысленный ученый?

Собі самій нічого! И Франклінъ бачивъ хороше знавъ, что оны ни что, ни другое, ни третье: "Вся сила въ тебѣ, что оны были самою свѣжею новостію въ семнадцатомъ вѣкѣ, и вотъ это-то вскружило голову людямъ; которые непрестанно хотѣли прослыть глубокомысленными философиями. Кому же Франклінъ соединялъ въ себя все, что могло очаровать Французовъ семнадцатаго столѣтія: оны были эгоизмъ, матеріалізмъ, проповѣдникъ вѣротерпимости; оны въыхали изъ-за моря и носили огромныя башмаки безъ пряжекъ; оны были жаркій защитникъ анализа, а, по мнѣніямъ тогдашнихъ Французовъ, анализъ долженъ былъ замѣнять все, торжествовать надъ всемъ: какъ же имъ было не превознести человека, который безъ-устали анализировалъ и огонь и воду и звуки и свѣтъ и финансы и самую добродѣтель? Но главное, что сдѣлало славу Франкліна между Французами, это его чудесная хитрость: оны были великій хитрецъ, какъ видно изъ вышедшихъ книгъ Works of Benjamin Franklin, «Сочиненій Бенѣамина Франкліна», изданныхъ въ Бостонѣ, господиномъ Спарксомъ (Jared Sparks), неутомимымъ издателемъ письменныхъ памятниконъ, относящихся до Америки, который не безъ спуска ни одному, самому ничтожному, листку бумаги, и сообщаетъ читателю мельчайшія подробности въ десяти томахъ своей «Франкліновской библіотеки».

Что жъ такое былъ настоящій Франклінъ? Мастеровой, не мастеровой; типографщикъ, не типографщикъ; оны былъ человекъ самый откровенный, который однако не и не думалъ быть откровеннымъ; прекрасный писатель, которое тонкое и нѣжное перо соединило въ себя качества Бомарсанта и Аддисона; оны былъ дипломатъ-простойлюдия, разлагавшій на части человеческое сердце, какъ матеріалъ для эмпирическихъ наблюдений; аккуратный Англичанинъ, который лучше всѣхъ понималъ свои выгоды; пуританинъ во наружной строгости въ соблюденіи религіозныхъ постановлений; ученикъ Лока по философіи; человекъ тихій, смиренный и терпимый; человекъ честный, который много не обманывалъ, но и себя никому не давалъ провозвѣстать: человекъ, умѣвшій при случаѣ молчать и при случаѣ

поворотъ съ такою ловкостью, что озадачилъ бы самого Таллерана; отличный промѣха, который такъ мастерски пользовался обстоятельствами, что въ продолженіи пятидесяти лѣтъ его считали идеаломъ высокой любви къ человечеству, тогда какъ онъ на самомъ дѣлѣ былъ идеаломъ лживости и эгоизма.

Веніаминъ Франклинъ родился въ Бостонѣ, въ 1700 году, въ такое время, когда Англія достигала зенита своей императорской славы и роскоши. Бостоицы вели правильный и трезвый образъ жизни. Въ дѣтскомъ и юношескомъ возрастѣ, Франклинъ помогалъ отцу на фабрикѣ, а между дѣлами учился читать и писать. Однажды, за работой въ книжной лавкѣ, нашелъ онъ въ старомъ шкафу два заброшенныхъ книги «Опытъ о проектахъ», Даниэля Фозъ, и одинъ томъ Аддисонова «Зрителя». Дванадцати-лѣтній юноша съ жаромъ принялся читать эти книги, и вскорѣ чтеніе сдѣлалось любимымъ его занятіемъ. Аддисонъ и Фозъ, два писателя съ положительнымъ направленіемъ и которыхъ главная идея заключалась въ общественной пользѣ, имѣли огромное вліяніе на развитіе умственныхъ способностей Франклина. Они предлагали современному обществу держаться середины между строгимъ исполненіемъ обязанностей и изяществомъ нравовъ, и Франклинъ, пораженный этой идеей, съ ранней молодости началъ стремиться къ истинной нравственности и ловкому обращенію, превышавшему его состояніе.

Одинъ изъ братьевъ Франклина былъ типографщикомъ, ставшимъ подмастерьемъ въ его заведеніи, Веніаминъ же возбудилъ къ себѣ ненависть превосходствомъ своимъ ума и даже образованія. Братъ разошелся, и Веніаминъ остался одинъ во всемъ свѣтѣ, безъ покровительства, безъ надежды, безъ всякихъ надеждъ. Его родители поконились въ бостонскомъ кладбищѣ, а прочіе братья и сестры сами существовали кое-какъ. Это обстоятельство было первымъ ударомъ для молодого человѣка. Онъ увидѣлъ, что ничего не можешь, если станешь выказывать свое превосходство надъ другими, и сдѣлался самымъ скромнымъ юношей.

Весьма замѣчательны правила, которыя онъ себѣ составилъ въ этомъ отношеніи: никогда не говорить — «Я увѣренъ въ этомъ, я этого хочу»; уступать другимъ честь перваго изобрѣтенія проектовъ, которыя вамъ хочется привести въ дѣйствіе; прятаться за другихъ для вѣрнѣйшаго успѣху въ намѣреніи; изворачиваться бѣсомъ, чтобъ не задѣть чьего-нибудь самолюбія; предоставлять соперникамъ тѣмъ превосходства, чтобы потомъ вѣрнѣе одержать надъ ними победу. Этими правилами Франклинъ былъ вѣренъ во всю свою жизнь.

Франклинъ твердо полагался на свою дѣятельность, терпѣніе, постоянство, и никогда не обманывался. Человекомъ до крайности тонкій, холодный, остроумный, и мужественный; онъ весело побѣждалъ жизнь, одиночество и бѣдность. Сама природа назначила его въ дипломаты.

Вотъ какъ онъ описываетъ свой пріездъ въ Филадельфію, когда у него тамъ не было ни человѣка знакомыхъ, а въ карманѣ ни гроша денегъ.

«Это случилось въ октябрь. Ночь была холодная. Мы вышли на берегъ въ воскресенье поутру, около девяти часовъ, прямо на рыночную площадь. Я охотно увлекаюсь подробностями, говоря о своемъ первомъ вступленіи въ свѣтъ: читатели увидятъ, какъ мой дебютъ совсѣмъ не похожъ на роль, которую я игралъ впоследствии. На мнѣ былъ рабочий кафтанъ, весь въ грязи отъ долгаго сидѣнья на лодкѣ; карманы набиты рубашками и чулками; я не имѣлъ никакихъ знакомыхъ, и мнѣ трудно было придумать, гдѣ найду для себя пристанище. Ктому еще, утомленный работою и продолжительнымъ бодрствованіемъ, я очень проголодался; всѣ мои финансы состояли изъ одного доллара и одного шиллинга. Шиллингъ отдалъ я лодочникамъ, которые до того не хотѣли брать съ меня этой платы, потому что я могъ имъ грести: бѣднякъ часто великодушнѣе тѣмъ, кто много денегъ. Я пошелъ наудачу, куда глаза глядятъ; и, озираясь во всѣ стороны, увидѣлъ мальчика съ корзиною въ рукахъ. Мнѣ ужъ не разъ случалось, но никогда раньше не случалось, заглянуть чертвѣтъ въ альбомъ. Я остановился и

челка и спросилъ, гдѣ онъ купилъ этотъ хлѣбъ. Тотъ указалъ мнѣ на булочника, и я пошелъ къ лавочку. Не зная различныхъ сортовъ хлѣба, употреблявшихся въ Филадельфіи, я шаудачу спросилъ себя на полтора пенни, и мнѣ подали три огромные хлѣба, которые озадачили меня своей массивностію. Не зная, куда ихъ дѣвать, потому что въ карманѣ не было мѣста, я положилъ по одному хлѣбу подъ мышку, а третій началъ ѣсть. Въ такомъ живописномъ видѣ, прошелъ я мимо жилища господина Рида, отца той женщины, которая впоследствии сдѣлалась моею женой. Дѣвица Ридъ стояла тогда у воротъ. Увидѣвъ разгильдяя съ хлѣбомъ во рту, съ хлѣбомъ въ рукахъ и съ хлѣбомъ подъ мышками, она начала кохотать отъ всего сердца, и послѣ рассказывала мнѣ, что я былъ ужасно смѣшонъ. Между тѣмъ меня ничуть не тревожило, что всѣ на меня смотрятъ: я шелъ-себѣ преспокойно, и наконецъ очутился опять у пристани, гдѣ мы остановились. Наклонившись къ рѣкѣ, я утолилъ жажду, и тѣмъ повершилъ свой завтракъ. Какъ мнѣ болѣе не хотѣлось ѣсть, то я отдалъ остальные два хлѣба пріѣхавшей съ нами женщины, которая съ дѣтьми сидѣла на мостовой, а самъ пошелъ опять гулять по городу. На улицахъ была бездна народу, всѣ хорошо одѣты. Смѣшавшись съ толпой, я попалъ въ meeting-house, или квакерскую молельню. Увидѣвъ, что здѣсь всѣ молчатъ никто даже не шевелитъ губами, я сѣлъ на лавку и задремалъ богатырскимъ сномъ. Сонъ мой продолжался до тѣхъ поръ, пока братія не начала выходить изъ церкви. Когда кто-то толкнулъ меня въ плечо; я проснулся, и вотъ мой первый дебютъ въ Филадельфіи.»

Умный, расторопный, дѣятельный молодой человекъ не оставался безъ должности. Онъ опредѣлился подмастерьемъ къ старому типографщику, и скоро заступилъ его мѣсто. Недостатки ховянина и достоинства подмастерья играли важную роль въ этой странной перемѣнѣ положенія, которой Франклинъ, по обыкновенію; рассказываетъ, будто бы очень простодушно, но между-тѣмъ съ великою тонкостью. Франклинъ уже зналъ, по своему собственному братству; какъ предно отличать передъ другими.

Брать эту идею, гонимую и несчастною судьбою, и молодому Молодому Великому удалось напечатать на ней статью собственнаго названія. Статья надлежала ему; Великий совершенно втайнѣ своего старшаго брата, и они мессорились. Въ Филадельфій, у типографика Кеймера, они уже вслѣдствіи остерегались тревожить чье бы то ни было самолюбіе. Между тѣмъ однако жъ губернаторъ этой провинціи, лордъ Keith, замѣтилъ способности и позваніе малаго Франклина, и отправилъ его въ Англію, за покупкой шрифта и печатальныхъ станковъ для основанія новой, хорошей типографіи. Съ той поры счастье обратилось лицомъ къ ловкому искателю приключеній. Въ самомъ дѣлѣ, едва было замѣчено, что въ англо-американской колоніи родился человекъ съ дарованіями, какъ вдругъ этого основана образовалось быстрое и благоприятное движеніе, положившее прочное основаніе его успѣхамъ. Франклинъ не встрѣтилъ ни одного препятствія къ своему возвышенію, во весь продолжительный періодъ, начиная съ воззвѣдкн своей въ Англію до того времени, когда лордъ Четемъ въ верхнемъ парламентѣ, а Мирабо въ національномъ собраніи, прославляли представителя Новаго-Свѣта. По возвращеніи въ Филадельфію, онъ занялъ мѣсто Кеймера, открылъ первую въ той странѣ бібліотеку для чтенія, сдѣлалъ нѣсколько счастливыхъ коммерческихъ оборотовъ, присоединился къ числу почетнѣйшихъ гражданъ, овладѣлъ въ юномъ обществѣ тѣмъ положеніемъ умнаго моралиста, которое такъ удавалось славному Аддисону, завелъ первый клубъ, и окружилъ себя первостепенными гражданами провинціи, которые тотчасъ признали въ немъ самаго мудраго и почетнаго представителя своего отечества.

Богатый, уважаемый всѣми, глава одного литературно-народнаго общества, повѣренный своего правительства при заключеніи договора съ Индейцами, директоръ всѣхъ почтъ въ Филадельфій, и агентъ этой колоніи въ сношеніяхъ ея съ метрополіей, словомъ, первое лицо въ своей странѣ, Франклинъ не долженъ быть разсматриваемъ какъ простой типографикъ. И замѣйте, что онъ игралъ эту роль въ 1726 году, то есть, не болѣе какъ двадцать лѣтъ отъ реду.

Васильевскія оны, подвигая еще выше горы и остроумная свобода въ области науки доставили ему мѣсто между Вашингтономъ и Геллемъ. Но наружная простота разсудка этого Франклина вела къ обмену всю Европу, и онъ возсилья себя типографщикомъ, хотя уже давно имъ не былъ.

Франклинъ безспорно былъ самымъ проникновеннымъ и тонкимъ политикомъ своего времени. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вникнуть въ софиты, которые онъ въ 1773 году дарилъ колонистамъ, своимъ согражданамъ: «Не смотрите, говорили онъ: мы безпрестанно идемъ впередъ, и скоро наступитъ время, когда не станутъ отклонять ни въ одной нашей просьбѣ. Нисильственное ускореніе ходу обстоятельствъ только задержитъ насъ, и, быть-можетъ, на далье столѣтіе отодвинетъ назадъ. Какъ между друзьями ссора не извиняетъ дуэли, такъ и между народами ни какая несправедливость не оправдываетъ войны, ни какія неудовольствія не извиняютъ возстанія. Теперь надобно только защищать свои права и стараться, чтобы сограждане дорожили ими. Особенно должны мы поддерживать внутреннее гармоническое устройство нашихъ провинцій, чтобы Европа насъ уважала и чтобы мы имѣли вліяніе на дѣла ея. Такимъ образомъ мы въ короткое время упрочимъ навсегда свою независимость и силу.»

Этотъ порядокъ, устроенный Франклиномъ, былъ важнѣйшей услугой его юному обществу. Франклинъ обезоружилъ зависть чужестранныхъ державъ, украсилъ Америку именемъ страны, приверженной къ миру и справедливости, и удалилъ все поводы къ несогласіямъ съ метрополіей. Уверенный въ безпрестанномъ возрастаніи народонаселенія въ Сѣверной-Америкѣ, онъ хотѣлъ выждать, чтобъ этотъ новый, едва устроившійся, край приготовился къ борьбѣ и вступилъ въ нее не прежде какъ когда будетъ способенъ одержать побѣду. Дѣло требовало змѣиной хитрости, не во силы льва, и Франклинъ, у котораго хитрость была отличнѣйшимъ качествомъ, явился новымъ Спартакомъ.

Хладотливая, такъ сказать, прудготовительная, жизнь

Франклина, до 1777 года, то есть, до окончательного разгрома Соединенных Штатов; весьма хорошо переведена и разобрана им самим в своей автобиографии. Интереснее эта повесть доведена только до той минуты, в которую начинается движение. Съ этого-то места документы, собранные господиномъ Спарксомъ, дѣлаются чрезвычайно любопытными.

Франклинъ поручилъ вести переговоры съ Франціей. Онъ никогда не любилъ Французовъ, и чтобы узнать его мысли насчетъ ихъ отечества, довольно прочелъ шутивую пьесу, которую онъ сочинилъ еще въ 1761 и которая нынче въ первый разъ является въ свѣтъ въ изданіи господина Спаркса. Изъ этой пьесы видно, что мудрецъ, обожаемый Французами, былъ по преимуществу Англичанинъ. Пьеса называется «The mother-country, Мать-родина». Вотъ ея содержаніе.

«У насъ есть старая матушка, которая сдѣлалась страхъ брюклива. Она бьетъ насъ какъ малыхъ дѣтей, и не видитъ того, что мы уже выросли и завели въ головъ свой умшко.... Этого никто не можетъ оспаривать!

«Если мы когда не послушаемся въ чемъ-нибудь своей старой матушки, она сердится и ворчитъ, а порой, пожалуй, и поколотить.... Этого никто не можетъ оспаривать!

«Приказанія нашей матушки иногда бываютъ такіа мудренія, что, право, подумаешь, не выжила ли она изъ ума отъ старости. Но мы всё-таки ее уважаемъ..... Этого никто не можетъ оспаривать!

«Мы готовы терпеть матушкины причуды; но зачѣмъ же намъ терпеть причуды и ея слугъ? Слугу за глупости надо бить палкой..... Этого никто не можетъ оспаривать!

«А что касается до васъ, непогодные сосѣди, желающіе рассорить насъ съ матушкой, такъ знайте, что мы всегда будемъ ею гордиться, и ежели вы чуть затѣете обижать ее, мы всѣ за нее горюемъ..... Этого никто не можетъ оспаривать!

«Мы защитимъ ее отъ всякаго, кому вздумается отнимать ея собственность, потому что когда матушки не станетъ, такъ ведь мы ополчимся: ея добра.... Этого никто не можетъ оспаривать!»

Книга господина Спаркса совершенно разоблачаетъ Франклина; и философъ остается очень немногимъ торжествующимъ.

ной простоты, которую приписывали ему въ Европѣ. Контрастъ съ этимъ ленивъ, расточливый, всегда увѣнчанный владыка собою: вотъ кто былъ истинный Франклинъ! Франція воздвигала ему алтари, украшала цѣлыми пидеестами; его статуи, хлѣбчала изъ всехъ силъ, чтобы парестити такъ-каго дядька въ возвышеннаго героя: посмотримъ же, какъ этотъ обоготворенный ею герой раздѣлялъ симпатію, которую внушилъ онъ царедворцамъ и моднымъ дамамъ.

Четвертаго января 1777 года, вскорѣ по прибытіи во Францію, Франклинъ писалъ къ своимъ американскимъ друзьямъ: «Голосъ народа за васъ; дворъ не хочетъ войны съ Англіей, но поспорить, поспорить, да и уступить.....» Вотъ вамъ и вся его благодарность! вотъ вамъ и дружба, которую ему приписывали! Искусно обдѣлывая дѣла своего народа, онъ смѣялся исподтишка, когда французскіе утописты величали его представителемъ возвышеннаго чело-вѣколюбія. Ихъ смѣшное заблужденіе дѣлаетъ еще забавнѣе нѣкоторыя комическія мѣста въ письмахъ Франклина. Тогда какъ Французы удивлялись его американской простотѣ, мнимый простякъ преспокойно подвергалъ ихъ анатомическому ножу своихъ наблюденій и отъ всего сердца хохоталъ надъ французскою націей. Безъ дальнихъ околичностей, онъ называетъ ее «націей сплетниковъ», какъ-скоро не ищетъ въ ней нужды, но напротивъ-того съ большимъ уваженіемъ отзывается объ англійскомъ королѣ, какъ о своемъ государѣ, постоянно гордится именемъ Англичанина, и оставляетъ этотъ тонъ только тогда, когда настало время перевороту. Первое впечатлѣніе, произведенное на него Французами, было весьма неблестательно: философъ нашелъ ихъ людьми очень въжливыми, учтивыми, и все тутъ. «Какъ въ Версали, пишетъ онъ къ одной дамѣ: такъ и въ Парижѣ, я вижу самую странную смѣсь великолѣпія и перлшества. Французы до-смерти любятъ щегольство, но обратности въ нихъ не ищите. Рядомъ съ версальскимъ дворцомъ, который, говорятъ, стоилъ милліоновъ; торчатъ страшныя воючія стѣны, почти въ развалинахъ.... Что касается до румянъ, о которыхъ вы такъ любознательно знаете, то въ нихъ здѣсь ужасная мода, и ежели вамъ воза-

только подражать различнымъ замкамъ, такъ въ изобразительности что-то глупо подражать, и вы будете надеяться, да никакъ для каждаго вида. Пусть всего берегитесь подражать природѣ: это глупое; не подобно умножать поспешно яркость румянца отъ средины щеки, а еще менее употребить различныя сорты красокъ. Мнѣ еще не случалось присутствовать при туалетахъ парижскихъ красавицъ; но думаю, что и безъ того могу рассказать какъ она румянится. Если я ошибусь, то еще не беда: свободѣ, мною предуманнымъ, во всякомъ случаѣ пронаведеть тѣ же самые результаты. Выразьте на бумагѣ кружокъ около трехъ дюймовъ къ поперечникъ, приложите бумагу къ своей щекѣ, такъ чтобы верхній край кружка пришелся подъ самымъ глазомъ, потомъ обмокните кисть въ лучшія румяна, и безъ разбору начкайте ею всю, и бумагу и часть щеки, которая остается наружу въ отверстіи. Такимъ образомъ вы получите на лицѣ своемъ круглое красное пятно, до извѣрности безобразное, но самое медное, и которое придастъ вашимъ глазамъ удивительный блескъ. Это портретъ всѣхъ французскихъ красавицъ, актрисъ и прелестницъ, словомъ, всѣхъ дамъ, имѣющихъ претензію на щегольство и красоту. Одна королева, сколько мнѣ извѣстно, не слѣдуетъ всеобщему обыкновенію.»

Жаль, что потерялъ дневникъ Франклина, который могъ бы дать самое вѣрное понятіе объ его характерѣ. Отъ этого любопытнаго дневника остались только отрывки, относящіеся къ 1784 году и къ пребыванію Франклина въ Парижѣ. Въ нихъ заключаются весьма любопытныя подробности. Около Франклина, въ его философскомъ удивленіи, собирались коршуны, почувшіе запахъ близкой добычи, тигры французской революціи, Шамфоръ, Мирабо и Маратъ. «Нынче поутру, пишетъ Франклинъ, подъ числомъ тридцатаго іюля: съѣзжали мнѣ визитъ господа Мирабо и Шамфоръ. Они прочли мнѣ переводъ американскаго письма; напечатаннаго въ Южной-Каролинѣ Эдвансомъ Беркомъ (Edwards Berke) противъ Ордена или Общества Девъ-Вашингта. Эти господа переработковали по-своему оригиналь, и съѣзжали: изъ него эдакую сатиру на деораторство. Они говорятъ,

твое, генералъ Вашингтонъ и маркизъ де-Ла-Файетъ, долж-
ны безъ колеблѣнія отказаться отъ члена общества, несправедливо
называемаго рыцарскимъ орденомъ, и что, не отдавшись
отъ него, они пропустили самую благосчастливую минуту.

Въ другихъ мѣстахъ дневника, Франклинъ очень забавно
изображаетъ бурное броженіе мыслей и высокопарныхъ
утопій, дѣлавшихъ изъ Франціи огромный котелъ проек-
товъ, изъ которыхъ одну была правдиве другая.

«Суббота, семнадцатого Іюля, 1784.

«Одинъ добрый аббатъ принесъ мнѣ толстую рукопись,
въ которой содержится планъ всеобщей реформы законовъ,
коммерціи, нравовъ, промышленности, правительства, и про-
чая, и прочая. Онъ обдумалъ это дѣло въ своемъ кабинетѣ,
тайкомъ отъ всего человѣческаго роду. Я общалъ взгля-
нуть на его фантазіи. Аббатъ придетъ въ четвергъ. От-
куда, право, берется такая пропасть законодателей, кото-
рые столь благосклонно сообщаютъ мнѣ новые планы для
управленія міромъ и особенно Американскими Соединенны-
ми Штатами? Стану записывать все, что услышу сегодня
отъ великихъ людей, которые удостоятъ меня своимъ по-
сещеніемъ.

«Одиннадцать часовъ утра.

«Вотъ ужъ одинъ посетилъ. Онъ приходилъ сказать мнѣ,
что изобрѣлъ машину, которая действуетъ сама собою,
безъ угля, безъ пружинокъ, безъ колесъ, безъ воздуха, безъ
огня, безъ воды, и предлагалъ мнѣ купить этотъ секретъ
за двѣсти фундоровъ наличными деньгами. Я отвѣчалъ, что
сомнѣваюсь въ изобрѣтеніи и поѣду посмотреть машину.

«Полдень,

«Наша миссъ Кларкъ предлагаетъ мнѣ завербовать пеще-
ротъ павола, и всоружить ихъ зажиточными суза-
ми, и протомъ герцога на баратахъ Англій, Ирландіи и
Шотландіи: Средствъ, миссисъ, самое смѣлѣе, и самое,
поэтому, что уничтожаетъ возможность войны. Я отвѣчалъ:

что у меня взять денег для такого устройства; что фран-
цузское правительство, конечно, не позволит американцу
вербовать солдат во Францию, и, наконец, что я не уде-
ренъ въ действительность этого средства прекратить войну.

« Два часа.

« Одинъ человекъ проситъ меня принять участие въ изобретеніи, которое онъ оцѣнилъ, и которое, по его словамъ, должно совершенно измѣнить систему военного искусства. Штука очень простая: надо снабдить гусара оружіемъ, дать ему провизію на двадцать четыре часа, и одѣть его въ партикулярное платье, такъ чтобы никто не догадывался, въ чемъ состоитъ его ремесло, и чтобы вся принимали его за обыкновеннаго путешественника. Шестьсотъ или семьсотъ такихъ гусаровъ легко могутъ взять любой городъ, когда изъ городскихъ обывателей никому и въ голову не приходитъ, что это за люди. Я отвѣчалъ, что вовсе незнакомъ съ военнымъ искусствомъ, и совѣтовалъ изобретателю обратиться къ военному ведомству. Эти изобретатели озадачиваютъ меня каждый день, и отнимаютъ цѣпъ часть времени: видно придется мнѣ разомъ послать къ чорту всѣхъ прожектёровъ.

« Четыре часа.

« Привнесли пакетъ отъ *неизвѣстнаго философа*, который проситъ рассмотреть его изслѣдованія объ элементарномъ огнѣ и подвергнуть наблюденію и некоторые опыты, сделанные имъ въ темной комнатѣ. Сочиненіе писано на англійскомъ языкѣ, и словъ надурачить, хотя много французскихъ оборотовъ. Надобно посмотреть, что тутъ за опыты.»

Этотъ «неизвѣстный философъ» былъ Марэ.

Посреди пестрыхъ и яркоцвѣтныхъ нарядовъ парижскихъ модниковъ, черное платье Франціи произвело фуроръ. Чуть болѣе правъ этого времени удалились отъ проскота; такъ сильное было общее робкое тупоуміе чужеземцу, который не носилъ ни шляпы ни бороды. Франціанцы закрили дружно отъ удовольствія: видѣвъ проскота

голубого ластана американскаго министра; волохья таба-
керки, блестящія нуговицы, брилліантовыя прядки зата-
вадись скромнымъ костюмомъ флладельскаго типографа,
и весь эти шезиваге и belles dames вовсе не подозревали,
что человекъ, такъ просто одятый, въ тысячу разъ хитрее
самаго отчаяннаго парижскаго щеголя, что эта скромная
простота была однимъ изъ сильнѣйшихъ орудій его поли-
тики, и что пуританскій дипломатъ могъ дать десять новней
впередъ первымъ промдохамъ версальскимъ.

Франклинъ жилъ въ Пасси, въ небольшомъ домикѣ съ
садомъ, гдѣ обыкновенно принималъ онъ парижскую знать
и придворныхъ. Его письма отсюда особенно замѣчательны
остроумною колкостью: онъ называетъ Французовъ *маре-*
домъ младыхъ дѣтей, съ которыми ему забавно проповѣ-
чать. «Меня считаютъ здѣсь *идоломъ*, пишетъ онъ къ до-
черю: и въ самомъ дѣлѣ, я настоящая кукла для Парижанъ.
Меня причисываютъ, наряжаютъ, кладутъ мнѣ на голову
вѣнокъ, играютъ со мной преуморительнымъ образомъ.
Бюсть мой въ такой модѣ, что если бы я срывался отъ
наказанія, то мнѣ ни за что бы въ свѣтъ не ускользнуть:
во бюсту меня все знаютъ.» И не одинъ этотъ ребяческій
энтузіазмъ забавлялъ американскаго выходца: Франклинъ
также смѣялся надъ разными нагледцами, которые являлись
къ нему за рекомендательными письмами въ Соединенные-
Штаты. Нельзя придумать проишія мѣлче той, которую пред-
ставляетъ одно рекомендательное письмо, найденное въ его
бумагахъ и служившее для него циркуларомъ во всѣхъ та-
кихъ случаяхъ.

«Образчикъ рекомендательнаго письма для моды, кото-
рыхъ я не знаю.»

«Парижъ, втораго апрѣля 1777.

«Милостивый государь,

«Податель этого письма, отправляясь въ Америку, про-
силъ мой рекомендаціи, хотя и не знаю даже и его имени.
Это поможетъ показаться вамъ страннымъ, де здѣсь такая
мода: случается даже, что одинъ невѣстный рекомен-

дуютъ какъ друге чужаго чина, и оба расмалашитъ другъ друга. Чтѣ насчетъ до этого двора, то поутудитесь сами спроситъ у него, умнѣ ли онъ, или глупъ, добръ или злобъ, образованъ или небызда. Впрочемъ рекомендую его вамъ какъ чина, заслуживающаго чинъ унизности, на которыя имѣютъ право вслѣдъ иностранецъ, смали онъ получено объ немъ дурныхъ свѣдѣній. Будьте къ нему благосклонны: можетъ-быть, онъ и окажется достойнымъ этого, когда вы его некороче узнаете,

«Чтѣ имъ, и проча.»

После этихъ строкъ, нельзя не улыбнуться, пробирая себя тотъ энтузіазмъ, съ которымъ храбрые французскіе джентльмены приходили толпами къ доктору Франклину, проситъ, чтобы онъ позволилъ имъ сражаться на независимость Срединнахъ-Штитовъ, тогда какъ онъ внутренно почиталъ этотъ энтузіазмъ суицидальною глупостью, и принималъ всѣхъ Французовъ дураками, которыхъ надобно употреблять только въ видъ игрушки или въ видъ орудія, но отнюдь не принимать къ себѣ въ дружбу. «За всѣмъ тѣмъ, возвратитъ Франклинь: Французы народъ очень малой. Онъ убиваютъ свои головы тѣмъ, что желаетъ надѣть шляпы, и покупаютъ себѣ прекрасныя шляпы, чтобы носить ихъ подъ шляпкою.» Впрочемъ Франклинь и не могъ не смѣяться надъ этимъ «шляпнымъ народомъ», который возмущалъ надъ своей собственной религіей, чтобы лучше выразить удивленіе свое къ человеку, котораго онъ не смѣлъ не разгадать и боготворилъ безотчетно.

Весьма забавно описываетъ Франклинь балъ у мадамъ д'Удто (d'Houdetot), въ Саннѣ, въ долине Монтморан. Для преобразователя цѣлей вселенной нельзя выдумать триумфокъ великолѣпнѣе тѣхъ, какими упоенная Франція окружила тамъ своего любимца. Мадамъ д'Удто, со всеми гостями и въ сопровожденіи необходимаго Сентъ-Дамбера, выѣхала къ селу на встрѣчу шопти за четверть милы. Когда Франклинь вълезалъ въ кареты, она подала ему фуру и краснѣе свѣчи, достаточныя быть сочиненными въ езуитскихъ догахъ. Потомъ сели за столъ. Нельзя возмани

слѣдовали за каждымъ блудомъ ; любезный графъ де-Трессанъ, виконтъ д'Аншэ, мадамъ де-Пернанъ, дочь мадамъ д'Уато, и наконецъ самъ мосьё д'Уато, каждый и каждая въ свою очередь, произнесли стихи, наполненные ужасными глупостями. Мосьё д'Уато, въ качествѣ супруга; былъ, разумеется, еще смѣшнѣе другихъ. Онъ между прочимъ сравнивалъ Франклина съ Вильгельмомъ Теллемъ, и находилъ въ нихъ одно то различіе, что Вильгельмъ Телль былъ очень неприятный невѣжда, а Франклинъ пылъ до дна и игралъ на гармоникѣ. Но еще сильнѣе полился потокъ стихотворной шумихи, когда подали кофе. Изъ множества мелкихъ стиховъ, сочиненныхъ отчасти самою мадамъ д'Уато, особенно замѣчательны тѣ, которые были вырваны на мраморной колоннѣ :

Recevez le juste hommage
De nos vœux et de notre encens.

Этой конфетной поэзіей душили Американца до самого конца бала, и даже садясь въ карету, онъ долженъ былъ еще выслушать слѣдующіе четыре стиха :

Législateur d'un monde et bienfaiteur des deux,
L'homme dans tous les temps te devra ses hommages ;
Et je m'acquitte dans ces lieux
De la dette de tous les âges.

Придворные, министры, дворянство, все раздѣляли этотъ смѣшной энтузіазмъ, который иногда выражался самыми оскорбительными образомъ для здраваго смысла. Откуда же происходило такое башенное предубѣжденіе? Мадамъ Кампартъ, въ своихъ запискахъ, объясняетъ причину. «Дело въ томъ, говоритъ она : что Франклинъ явился при версальскомъ дворѣ одѣтый простымъ американскимъ владѣльцемъ хутора, что онъ носилъ длинные, гладко причесанные волосы безъ пудры, что на головѣ его была круглая шляпа, на плечахъ черный суконный фракъ, и что все это составляло чрезвычайно рѣзкую и пофразительную противоположность съ кружевами, шитыми кафтанами и раздушенными, набуренными головами версальскихъ придворныхъ.»

Переписка Франклина очевидно доказывает, что французскій дворъ, въ продолженіи и послѣ американской войны, былъ жертвою самой странной мистификаціи. Отдавъ Сѣверной-Америкѣ свои деньги и войско, лишившись Канады, Франція, не только не выиграла ничего и утратила свое нравственное могущество содѣйствіемъ къ уничтоженію монархическаго начала, но она еще принуждена была пережить явное презрѣніе со стороны облагодѣтельствованныхъ ею Американцевъ, которые безъ нея заключили отдѣльный миръ съ Англіей и даже не дали знать о томъ версальскому кабинету. Самъ издатель Франклиновыхъ сочиненій, Спарксъ, заклятый Американецъ, удивляется такому нарушенію всѣхъ приличій народомъ, котораго представителемъ былъ Франклинъ, образецъ добродѣтелей. Версальскій кабинетъ обидѣлся, но общее предубѣжденіе было такъ сильно, что даже и въ то самое время, когда Франціи была нанесена эта обида, казнѣ Людовика XVI, казна уже истощенная, чуть не пустая, отдавала все, что у ней оставалось, въ кассу Американцевъ.

Вотъ что писалъ тогда французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ де-Верженнъ, къ французскому поверенному при Соединенныхъ-Штатахъ, де-Ла-Люзерну:

«Версаль, двадцатаго декабря, 1783.

«Честь имѣю препроводить къ Вамъ переводъ preliminaryныхъ статей договора, который американскіе полномочные заключили съ полномочными Великобританіи.... Вы, конечно, съ удовольствіемъ увидите, что нѣкоторые пункты этого договора очень выгодны для нашихъ союзниковъ, Американцевъ; но въ то же время, вѣроятно, и удивитесь поведенію господъ комиссаровъ, которымъ, по справедливости, не следовало бы ничего дѣлать безъ нашего участія. Такъ по-крайней-мѣрѣ обѣщано было на конгрессѣ. Король хотѣлъ употребить свое вліяніе въ этотъ дѣлъ только въ той мѣрѣ, въ какой оно могло быть необходимымъ для нашихъ друзей. Американскіе комиссары не могутъ также пожаловаться, чтобы я вмешивался въ ихъ переговоры и надоедалъ имъ своимъ любопытствомъ. Они

намъ держали себя въ большомъ отъ насъ отдаленіи. Одинъ изъ нихъ, господинъ Адамсъ, по возвращеніи изъ Голландіи, гдѣ принималъ его нашъ посланникъ, вовсе не зналъ, что онъ обязанъ мнѣ некоторымъ уваженіемъ : прѣкль три недѣли въ Парижъ и нисколько не заикалъ ко мнѣ, хотя я и напоминалъ ему о своемъ существованіи. Промолженіи переговоровъ я неоднократно заводилъ рѣчь о немъ, но отъ меня всегда отъигрывались общими фразами, являла думать, будто еще не скоро рѣшатся на что-нибудь окончательное. Представьте же мое изумленіе, когда двадцать-девятого ноября докторъ Франклинъ извѣстилъ меня, что всѣ статьи уже подписаны вопреки взаимному нашему соглашенію ничего не подписывать порознь. Черезъ нѣсколькихъ времени я замѣтилъ Франклину, что такой поспѣшнѣйшій отдѣльный образъ дѣйствования не можетъ правиться кому-либо. Докторъ, кажется, понялъ это и извинялъ, какъ себя и своихъ товарищей. Мы разговаривали въ дружескомъ тонѣ..... Ежели бы нашъ король былъ невѣжливъ по американскихъ комиссаровъ, то Франція ужъ давно могла заключить отдѣльный миръ съ Англіею; но король не смѣлъ покровительствовать союзникамъ и продолжалъ войну, несмотря на выгоды отдѣльнаго мира... Извѣстите главнѣйшихъ членовъ конгресса о неблаговидномъ поступкѣ американскихъ комиссаровъ. Можете говорить объ этомъ что угодно, какъ о дѣлѣ уже оконченномъ. Не виню ни кого и не бросаю браню доктору Франклину : онъ уступилъ своимъ товарищамъ, которые никогда съ нами не церемонились. Ихъ вниманіе было занято Англичанами, проживающими въ Парижѣ. Но ежели судить и о будущемъ по настоящему ходу дѣлъ, такъ я думаю, что намъ дурно заплатятъ за ваши услуги Соединеннымъ-Штатамъ.... Американцы просятъ у насъ денегъ ; но вы сами можете судить, слѣдуетъ ли намъ, послѣ такого поведенія ихъ повѣнчанъ, давать имъ новыя доказательства нашей щедрости. Сострастіе французскаго правительства къ Франклину не уменьшаетъ всякое вѣроятіе. Черезъ два дня тотъ же графъ Фердинандъ писалъ къ де-Ла-Люзерну :

«Вы уже знаете, что пошгросъ обратился къ его величеству съ просьбой о деньгахъ. Онъ требуетъ двадцати милліоновъ. Эта сумма далеко превосходитъ всѣ наши способности, однако жъ его величество, желая дать Соединеннымъ-Штатамъ новое доказательство искренняго желанія быть имъ полезнымъ, приказалъ ассигновать шесть милліоновъ денегъ на 1783 годъ. Доктору Франклину поручено продать часть этихъ денегъ господину Моррису. Не скрою отъ васъ, что такое усиліе очень тягостно для королевства, особенно послѣ пяти-лѣтней войны, которая и теперь еще стоитъ намъ очень дорого».

И нужно еще замѣтить, что Франція бросила эти милліоны наканунѣ своего банкротства, что она пожертвовала имъ странѣ, которая причиняла ей существенный вредъ въ политическомъ и въ нравственномъ отношеніи! Учрежденіе Соединенныхъ-Штатовъ, какъ отдѣльнаго государства, было полезно для всѣхъ кромѣ Франціи. Англія освободилась черезъ это отъ колоніи, которая была ей въ тягость, и между-тѣмъ удержала за собою Канаду и Новую-Шотландію, следовательно, могла по-прежнему во всѣ стороны обращать свою торговую дѣятельность. Напротивъ-того Франція выиграла ничего: она только заразилась бышеною страстью къ революціямъ, которая потрясла ее до самой основанія, по-сѣ-временя исподоволь подтачиваетъ ея существованіе.

Франклинъ очень хорошо зналъ, чѣмъ кончится для Французовъ этотъ бѣдственный фанатизмъ, но не упустилъ ничего, что могло содѣйствовать къ его развитію. Онъ написалъ у графа де-Верженна позволеніе перевести и издать въ Парижъ новое уложеніе Соединенныхъ-Штатовъ и теорію правъ гражданина. Герцогъ де-Ла-Рошфуко издалъ на себя изданіе этого вреднаго сочиненія, а графъ де-Верженнъ распространилъ его по всѣмъ слоямъ французскаго общества. Стало-быть, можно сказать, что Франклинъ поощрялъ Францію. Успѣхомъ такого подвига онъ обязанъ не столько дѣйствительнымъ качествамъ своего ума, сколько тому, умѣлъ приписать себѣ эти качества, то есть, великому лицемерию и притворству. «Помните, часто повторяютъ

въ своихъ писмахъ : помните , что не довольно было , но надобно еще и казаться.» Къ одной дѣвицѣ , поручившей ему напечатать свой переводъ , Франклинъ писалъ : «Я хотѣлъ отдать книгу подъ вашимъ именемъ , но боюсь , что это сочтутъ заастотствомъ , и потому издаю ее безъ имени , а между-тѣмъ востраюсь разгласить , что она вашего перевода , и васъ похвалять за скромность.» Франклинъ хотѣлъ , чтобы все считали его за совершеннаго человека. Въ отношеніи къ Франціи , онъ казался умѣреннымъ и безшерыстнымъ только до тѣхъ поръ , пока ему были нужны деньги и солдаты , а какъ-скоро достигъ своей цѣли , то прехладнокровно началъ смѣяться надъ Французами , и , заключивъ отдѣльный миръ съ Англіей , не потруился даже сдѣлать визитъ министрамъ Людовика XVI. Озадаченный такимъ поступкомъ Франклина , графъ де-Верженнъ выразилъ свое удивленіе и неудовольствіе въ слѣдующей къ нему запискѣ :

«Версаль , пятого мая , 1773.

«Милостивый государь ,

«Надѣюсь имѣть честь видѣть васъ завтра въ Версали. Смыю думать , что вы тамъ можете быть съ иностранными министрами. Рѣдкое появленіе американскихъ комиссаровъ при дворѣ подаетъ поводъ къ различнымъ толкамъ , которые вы , конечно , постараетесь опровергнуть».

Въ другомъ письмѣ , отъ пятнадцатаго декабря , де-Верженнъ говоритъ : «Вы умны и осторожны , милостивый государь , и очень хорошо понимаете требованія приличій. Исполняя во всю жизнь лежащія на васъ обязанности , вы , безъ-сомнѣнія , знаете свой долгъ въ отношеніи къ королю. Я не хочу распространяться объ этомъ предметѣ , полагаюсь вполне на ваше благородство , и какъ-скоро вы меня выведете изъ неувѣренности , то я немедленно упрошу короля удовлетворить вашимъ просьбамъ». Франклинъ , въ отвѣтъ на это письмо , съ обыкновеннымъ хладнокровіемъ изъявляетъ самую живую признательность и благогованіе къ королю , и признается , что американскіе комиссары поступили точно не совсѣмъ *благопрістойно* , заключивъ отдѣль-

ный трактатъ съ Англіей. Двусмысленность фразы была слишкомъ очевидна, и американскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Робертъ Ливингстонъ, думавшій объ этомъ одинаково съ де-Верженномъ, письменно потребовалъ отъ Франклина объясненія. Простодушный отвѣтъ доктора всего лучше показываетъ, какъ мало онъ обращалъ вниманія на Французовъ. Франклинъ писалъ къ Ливингстону : «Вы не одобрите комиссаровъ, подписавшихъ мирный трактатъ съ Англіей безъ сношенія съ версальскимъ дворомъ. Сказать правду, я, съ своей стороны, вовсе не вижу здѣсь основательнаго повода къ неудовольствію, и думаю, что Французы никогда не станутъ жаловаться официально; а ежели будутъ, такъ мы съумѣемъ имъ отвѣчать. Я уже давно удовлетворительно объяснился на этотъ счетъ съ де-Верженномъ. Мы поступали по возможности лучшимъ образомъ, и если ошиблись, такъ пусть конгрессъ прежде насъ выслушаетъ и потомъ уже судить. Нарядивъ пять особъ для этого дѣла, мы могли имѣть довѣренность къ собственному суду, да довольно было бы и одного человѣка для переговоровъ съ Англіей подъ дирекціей французскаго министерства». Трудно представить другой дипломатической изворотъ тоньше этого отвѣту, который оставляетъ главный вопросъ въ тѣни, и, сваливая всю вину на союзниковъ, даетъ Французамъ право жаловаться конгрессу. Щекотливое положеніе де-Верженна дѣлаетъ комедію еще забавнѣе. Онъ, въ качествѣ проницательнаго министра, не могъ сказать во всеуслышаніе, что его кругомъ одурачили : какъ же, послѣ этого, ему лѣзть съ жалобой въ конгрессъ?

Въ исторіи жизни Франклина, двѣ эпохи отличаются особенною прелестью : это старость и юность. Въ зрѣломъ возрастѣ, онъ хитритъ спокойно, расчетливо, играя людьми какъ ловкій музыкантъ своимъ инструментомъ. Напротивъ того въ юношескихъ лѣтахъ, онъ сражается съ бѣдностью, въ старости онъ смеется; въ юношескихъ лѣтахъ, онъ мужественно обороняется отъ нападковъ судьбы, а въ старости онъ окруженъ уваженіемъ цѣлой націи, и священная мысль о Богѣ снова осязаетъ душу философа, которая заблудилась было во мракъ современнаго материализма.

Вотъ любопытное извѣстіе о старцѣ Франклинѣ, замѣстваемое нами у друга его, ботаника Манассія Кутлера:

«Я нашелъ доктора въ саду. Онъ сидѣлъ подь тѣнью большаго шелковичнаго дерева, окруженный дамами и своими пріятелями. Увидѣвъ меня, осьмидесяти-лѣтній старецъ всталъ, подалъ мнѣ руку и просилъ садиться. Голосъ его былъ пріятенъ, поступь твердая, физіономія открытая и веселая; сѣдые волосы падали по плечамъ. Мы разговаривали вплоть до ночи, и бесѣда наша была чрезвычайно занимательна. Когда принесли чайный столикъ, мистриссъ Бечъ, любимая дочь Франклина, живущая вмѣстѣ съ нимъ, стала разливать чай. Около нея увивались маленькія дѣти, которыя очень любятъ своего дѣдушку. Докторъ показалъ мнѣ натуральную рѣдкость, только-что ему принесенную: это была змѣя о двухъ головахъ, найденная въ рѣкѣ Шуилькиллѣ. Двуголовое животное пробудило ироническій духъ стараго доктора, и онъ сказалъ: «Воображаю себѣ жалкое положеніе этого существа, когда ему случалось запутаться въ кустарникъ: одна голова думаетъ повернуть направо, другая налево. Предположите, что обѣ онѣ завязли, и ни той ни другой не хочется уступить волю своей соперницы: междоусобная война неизбежна. Вотъ почти такой же случай былъ нынче поутру въ Конвенціи....» Но тутъ напомнили старику, что дѣла Конвенціи должны оставаться въ секретѣ, и онъ прервалъ свою остроумную апологію двуголовой змѣи.

«Ночью, продолжаетъ Кутлеръ: мы вошли въ бібліотеку, которая служитъ доктору также и кабинетомъ. Это большая комната, наполненная до потолка книгами и разгороженная на три отдѣленія. Изъ многихъ машинъ, находящихся здѣсь, нѣкоторыя изобрѣтены самимъ Франклиномъ, въ томъ числѣ искусственная рука, приделанная къ концу большой палки: она приводится въ дѣйствіе пружиною, беретъ книги съ самыхъ верхнихъ полокъ, и опять кладетъ ихъ на мѣсто.... Мы разговаривали преимущественно о философскихъ предметахъ, и болѣе всего о натуральной исторіи, любимомъ предметѣ Франклина. Нельзя было не удивляться обширности его познаній, его свѣтлой памяти, бы-

стротъ соображенія и той непринужденности въ обращеніи, которая распространяетъ вокругъ него неизъяснимую прелесть. Но всего болѣе поразило меня живое, яркое, часто колючее остроуміе, съ которымъ Франклинъ, казалось, соединился какъ съ воздухомъ».

Франклинъ умеръ спокойно, повторяя и изъясняя слова полу-шуританскаго поэта Ваттса о всемогуществѣ Божіемъ. Человѣкъ, действовавшій всегда по требованію современныхъ обстоятельствъ, стоя у дверей гроба, почувствовалъ, что смерть безъ мысли о Богѣ помрачила бы жизнь столь счастливую и столь блистательную. Последнія, очень характерныя, слова его были: «Велите оправить мою постель: надобно умереть благопристойно».

ПОДЗЕМНАЯ ЭТРУРІЯ.

По безотчетной привычкѣ благоговѣть передъ Греціею и Римомъ, намъ какъ-то не вѣрится или, точнѣе, не хочется вѣрить, чтобы въ Европѣ могли существовать другіе образованные народы, прежде-нежели процвѣло греческое искусство и загремѣло римское оружіе. Несмотря на очевидныя доказательства, что просвѣщеніе уже было извѣстно некоторымъ странамъ до Грековъ и Римлянъ, мы, съ дѣтства находя въ исторіи только эти двѣ націи, думаемъ, будто онѣ ни у кого не учились, сами создали свое просвѣщеніе, изъ ничего. Сто лѣтъ назадъ, ни одинъ ученый не смѣлъ помыслить, чтобы отъ временъ, предшествовавшихъ эпохѣ, въ которую счастіе поставило свой храмъ на скалѣ капитолійской, могло уцѣлѣть что-нибудь кромѣ искаженныхъ преданій и нелѣпыхъ выдумокъ. Рѣдкіе принимали многозначительныя слова Цицерона и святаго Августина, что Ромулъ царствовалъ уже не въ варварскомъ языкѣ, но во время образованности и владычества разума, *jam inveteratis aetate*. Теперь эти слова объяснились: передъ нами открыта древняя могущественная держава, которая до сихъ-поръ оставалась погребенною въ недрахъ земли. Случай привелъ науку къ воротамъ цѣлаго города подземныхъ гробницъ, и она увидѣла тамъ народъ, который, во время основанія Рима, былъ уже на верху своего цвѣтущаго состоянія, теряясь началомъ въ сумракъ самой отдаленнѣйшей древности.

При всей недостаточности историческихъ свѣдѣній о происхожденіи Этрусковъ, можно однако жъ сказать навѣрное, что они издавна обитали въ странѣ, извѣстной теперь подъ названіемъ Тосканы, и въ бѣльшей части ны-

нѣшней Палской Области, отъ Аппенинъ, лежащихъ къ северу отъ Флоренціи, до Тибра, въ прекраснѣйшемъ участкѣ Италіи, изъ котораго, какъ говоритъ преданіе, они изгнали другой, еще древнѣйшій, народъ, — Умбровъ. Ихъ побѣдоносныя колоніи разсыпались по долинамъ Ломбардіи до Мантуи и Адрии, предшественницы Венеціи, которой мѣсто было тогда покрыто моремъ. На северъ они проникли даже въ ущелья Ретійскихъ Горъ, а на югъ покорили и заселили роскошную Кампанію. Древніе не согласны въ своихъ догадкахъ о томъ, откуда явились Этруски: они слыли вообще восточными выходцами, между-тѣмъ какъ другое, болѣе опредѣлительное, преданіе называло ихъ потомками Ассирійцевъ, пришедшихъ изъ Малой-Азіи. Нѣкоторые новѣйшіе писатели, въ томъ числѣ Микали, думаютъ, что Этруски были туземцы страны, гдѣ ихъ находитъ исторія; другіе напротивъ соглашаются съ мнѣніемъ древнихъ о выходѣ ихъ съ востока; третьи производятъ Этрусковъ изъ Греціи, относя ихъ къ пелазгійскому племени; а четвертые, принявъ смѣлую гипотезу Нибура, полагаютъ, что они произошли отъ смѣшенія двухъ племенъ, изъ которыхъ одно вышло съ севера черезъ Альпы, а другое прибыло съ востока и жило на берегахъ Тиренскаго моря. Впослѣдствіи Этруски, бывъ вытѣснены изъ завоеванныхъ странъ на северъ и на югъ, сосредоточились въ серединѣ полуострова, или въ собственно такъ-называемой Этруріи. Тамъ у нихъ былъ обширный союзъ городовъ, который существовалъ нѣсколько столѣтій, пока не подпалъ оружію Рима, ослабленный уже внутренними раздорами и нападениемъ съ стороны Галловъ. Страна, подвластная этому союзу, была заселена Этрусками прежде другихъ и составляла ихъ главное мѣстопробываніе. Тутъ-то они развили все свое могущество и достигли той степени совершенства въ механическихъ искусствахъ, до какой не доходилъ ни одинъ изъ прочихъ народовъ древности. Двѣнадцать главныхъ городовъ, первоначальное число ихъ республикъ, занимали каждый особенную возвышенность, около которой были расположены группою другіе, подвластные ему, меньшіе города. Veii, соперникъ Рима, Caere, древняя Агулла, жилище народа, изгнаннаго Этрусками, и Tarquinii, религиозно-во-

литическая метрополия всего союза, были первенствующими. Теперь они совершенно исчезли, и даже самое положение двух из них только еще недавно определено новейшими антикваріями. Другіе, менѣе важные, города были дикливые: Перузія, Кортона, Больсена донынѣ возвышаются на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, которыя заложены еще Этруски. Окруженные крѣпкими каменными стенами, совершенно закрывающими вершины холмовъ, на которыхъ они были построены съ своими тѣсно сдвинутыми домами и извилистыми, вокатыми улицами, Перузія, Кортона, Больсена до-сихъ-поръ сохранили наружность, какъ вродитно, имѣли они до покоренія Римлянами. Ни одинъ изъ этрусскихъ городовъ не занималъ большого пространства внутри стѣнъ: Veii и Tarquinii имѣли отъ стѣны до десяти верстъ въ окружности, а прочіе еще меньше. Но они красовались большими пригородами, или предместьями, особенно въ цвѣтуція времена союза, когда мечъ еще не истребилъ еще многолюднаго народонаселенія, а уничтожилъ разнообразной и искусной промышленности.

Изъ этого видно, что все пространство земли между Тибромъ, Арно и моремъ было покрыто человѣческими жилищами; долины, лежація здѣсь, были воздѣланы, и только въ самыхъ гористыхъ мѣстахъ росли еще дремучіе лѣса, въ которыхъ теперь не осталось ни слѣду ни воспоминающаго. Обширная и каменистая равнина, прилегающая къ берегу Средиземнаго моря, мѣсто, на которомъ построены были, пространство, извѣстное подъ названіемъ «римскаго марша», и пустынные песчаные степи, называемыя «маремма», гдѣ теперь только цѣрядка виднѣются пробковыя деревья да белотный кустарникъ, служащій жильемъ кабановъ, — все это было усыяно городами и питало цѣлыя племена жителей. Городъ Tarquinii, напримѣръ, стоялъ въ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынче тянется тосканская марша, которая въ наше время сдѣлалась еще больше дика и пустынна, нежели какова она была во времена Данте. Necropolis, «трупоградъ», или кладбище этого города простирается на тридцать шесть квадратныхъ верстъ, и, судя по числу тысячамъ открытыхъ недавно гробовъ, заклю-

чало въ себѣ до двухъ милліоновъ могилъ, то есть, тутъ было похоронено столько покойниковъ, сколько ихъ можетъ накопиться среднимъ числомъ отъ сто-тысячнаго народонаселенія втеченіи шести столѣтій. И должно еще замѣтить, что по-сосѣдству отъ этого колоссальнаго трупограда со всѣхъ сторонъ лежатъ другія кладбища, которыя едва ли уступаютъ ему въ обширности. Довольно упомянуть о кладбищахъ въ Тусканіи, Вульчи и Монтальто, не говоря уже о кладбищѣ, что близъ Кастель д'Ассо, которое, по всѣмъ вѣроятностямъ, было главнымъ или почетнымъ мѣстомъ погребенія въ средней Этруріи. Судите же посылъ этого, какую блистательную идею должны мы имѣть о народонаселеніи Этруріи, объ ея внутреннихъ силахъ и о продолжительности ея благоденствія!

Хлѣбъ, вино, масло, скоть были, какъ и теперь, главнымъ произведеніями страны. Вътъ оливковаго дерева, встрѣчаемая на всѣхъ этрусскихъ картинахъ, служитъ самымъ убѣдительнымъ отвѣтомъ на все умозрѣнія нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ писателей, полагающихъ, будто бы климатъ Италіи былъ прежде хуже и поправился въ первые вѣки существованія Рима. Впрочемъ Этруски были болѣе торговый, нежели земледѣльческій, народъ. Они купечествовали съ востокомъ и вывезли изъ Египта множество странныхъ мастерій, а изъ Іоніи разныя искусственныя произведенія, которымъ не могутъ подражать и новѣйшіе народы. Этруски очевидно находились въ постоянныхъ и тѣсныхъ сношеніяхъ съ Греціею. Ихъ торговля простиралась до отдаленнаго юга, какъ доказывается тѣмъ, что этрусскіе художники знали цвѣтъ и отличительныя черты фizioноміи негровъ. Съ запада привозили они драгоценныя металлы, которые употреблялись у нихъ на предметы роскоши. Этруски дали названіе морю, омывавшему берега ихъ земли, и оспаривали у Финикійцъ владычество на водахъ, можетъ-быть, нѣсколькими столѣтіями прежде переселенія Дидоны. Обладая большими богатствами, они счастливо жили подъ твердымъ, систематическимъ правленіемъ, въ которомъ религіозныя и гражданскія учрежденія были соединены между собою тѣснѣе нежели у всѣхъ прочихъ народовъ, исключая развѣ однихъ Египтянъ. Они

имѣли свой особый языкъ, свою литературу, свои искусства, мирныя и военныя, которыхъ одна часть впоследствии перешла въ побѣдоносный Римъ, но другая, большая и важнѣйшая, погибла вмѣстѣ съ побѣжденными. Жизнь ихъ отличалась всѣмъ блескомъ и утонченностью жизни другихъ образованныхъ древнихъ народовъ, у нихъ бывали такія же игры и зрѣлища, какъ потомъ въ Греціи; они любили тѣ же домашнія удобства и роскошь, къ которымъ были такъ пристрастны Египтяне: у нихъ существовали семейственныя учрежденія, подобныя римскимъ, только съ своимъ народнымъ характеромъ.

Эти факты неоспоримо подтверждаются результатами новѣйшихъ разысканій; но, за всѣмъ тѣмъ, мы еще не можемъ составить себѣ полнаго понятія о древней Этруріи. Быть и могущество ея представляются намъ какъ нѣмая картина, какъ видѣніе, котораго никто объяснить не можетъ. Ея литература почти вся уничтожена римскими завоеваніями. Императоръ Клавдіи собралъ-было значительное число этрусскихъ памятниковъ, которыхъ остатки послужили къ изданію цѣлыхъ двадцати книгъ объ этрусскихъ древностяхъ; сверхъ-того мы имѣемъ множество надписей, въ которыхъ сохранился этрусскій языкъ; но все это не ведетъ ни къ какому удовлетворительному результату. Надписи легко разбирать: алфавитъ совершенно сходенъ съ греческимъ; читать надобно отъ правой руки къ левой; но понять, что заключается въ этихъ надписяхъ, рѣшительно невозможно: смыслъ ихъ превышаетъ все догадки учености. Языкъ Этрусковъ былъ вовсе не похожъ на латинскій, какъ это уже известно по отзывамъ самихъ римскихъ писателей, которые называли его совершенно чуждымъ для себя нарѣчіемъ: «*Quasi nescio quis Tusce aut Gallice dixisset,*» говоритъ Аулусъ Гелліусъ. Правда, господинъ Ланци и его послѣдователи вздумали-было, что они въ этомъ смыслятъ болѣе Римлянъ, и начали доказывать родство этрускаго языка съ латинскимъ и греческимъ, но дальнѣйшія изслѣдованія совершенно опровергли ихъ филологическія грезы. Гробничныя пещеры въ Этруріи не доставили ни какихъ матеріаловъ, по которымъ бы можно было добраться до ключа къ языку Этрусковъ. *RIE AURIL*, «жизнь годовъ»:

вотъ все, что ученые до-сихъ-поръ сумѣли прочесть въ этрусскихъ надписяхъ; эти два слова, съ придачею къ нѣкѣмъ нѣсколькимъ собственнымъ именъ, суть единственные, въ которыхъ они отыскали наконецъ смыслъ. Иногда воображенію удается вывести изъ мраку какую-нибудь догадку; порою, тамъ или здѣсь, мелькнетъ что-то похожее на слово то египетскія, то финнскія, то кельтическія, то тавтонскія; но всё-таки нѣтъ ни какого способу опредѣлить, что это былъ за языкъ, и, по неизвѣстности другихъ источниковъ, исторію этрускаго народа должно искать въ его могилѣ.

Кто, лѣтъ десятокъ назадъ, повѣхалъ изъ Рима съ полнымъ убѣжденіемъ, что онъ изучилъ весь его памятники, тому, вѣрно, и въ голову тогда не приходило, что въ землѣ, которая, казалось, была ужъ изслѣдована до послѣдней крайности, найдется бездна древнихъ вещей, которыя должны будутъ обновить и измѣнить многія части науки. Около 1827 года, одинъ крестьянинъ Луціана Бонапарте, принца Капино, обрабатывая свое поле, нашелъ въ землѣ гробъ, заключавшій въ себѣ нѣсколько расписанныхъ глиняныхъ вазъ, изъ роду тѣхъ, которыя называютъ обыкновенно, но не совсѣмъ точно, этрусскими. Одна изъ этихъ вазъ, превосходнаго стиля, была потихоньку продана какому-то римскому лавочнику, а отъ него перешла въ руки нѣмецкаго любителя древностей, Дорва, который не упустилъ воспользоваться такимъ счастливымъ обстоятельствомъ. Онъ собралъ довольно большое число вазъ, найденныхъ въ томъ же мѣстѣ. Рауль-Рошеттъ и другіе ученые путешественники, увидѣвъ ихъ, были поражены явленіемъ греческихъ древностей на территоріи столь близкой къ Риму. Но никто изъ этихъ господъ еще и не подозревалъ того огромнаго подземнаго сокровища, которое должно было открыться по поводу одной вазы, случайно найденной и перешедшей изъ рукъ римскаго лавочника къ берлинскому антикварію. Какъ-скоро стало извѣстно, что земля, дотолъ производившая одну жатву, дастъ еще прекрасныя греческія вазы изъ этрускою бронзой, ее начали копать во всѣхъ направленіяхъ. И что же? Оказалось, что въ недрахъ этой земли гробницы слѣдуютъ за гробницами, кладбища за кладбищами, древности за древностями. Откопали цѣлыя тысячи вазъ,

одна другой замѣчательнѣе въ отношеніи къ мѣологич., ремесламъ и искусствамъ; откопали всю древнюю утварь, разныя бронзовыя издѣлія въ самыхъ изящныхъ и разнообразныхъ формахъ, то въ видѣ предметовъ, относящихся до войны, то въ видѣ домашней посуды или принадлежностей богослуженія; нашли золото въ разныхъ издѣліяхъ, въ тонкихъ и легкихъ листкахъ, въ доскахъ, въ филигранной работѣ, въ драгоценныхъ вещахъ всѣхъ родовъ; лѣпныя фигуры изъ глины разнаго виду и величины, отъ маленькихъ статуэтокъ до большихъ фигуръ въ ростъ человѣческой; словомъ, откопали могилу цѣлаго народа, нашли такъ-сказать гнѣздо цѣлаго общества, которое хотѣло сохранить послѣ смерти память о своемъ существованіи, о своихъ занятіяхъ, играхъ, удовольствіяхъ. Работы, втеченіи послѣднихъ десяти лѣтъ, продолжались съ чрезвычайно дѣятельностью, особенно на пространствѣ между рѣками Тибромъ и Фіорой и отъ Рима до моря. Въ кладбищахъ, находящихся близъ Тосканеллы, Бомарцо, Вульчи, Корнето, Чери, найдены цѣлыя тысячи расписанныхъ вазъ, болѣею частію чистаго греческаго стиля, а нѣкоторыя и этрусской работы; множество разныхъ золотыхъ и бронзовыхъ вещицъ, служившихъ къ мужскому наряду, къ туалету женщинъ, къ украшенію гробовъ; всякая богослужебная и домашняя утварь, бронзовыя и глиняныя издѣлія, и прочая, и прочая. Исчисленіе всего найденнаго рѣшительно невозможно, и массу этихъ сокровищъ можно считать важнымъ приобрѣтеніемъ въ пользу наукъ со времени ихъ возрожденія. Найденныя вещи разошлись по всѣмъ европейскимъ кабинетамъ древностей; лучшія достались Лондону, Мюнхену и Берлину; многіе частные люди вошли въ состязаніе съ государями, стараясь собрать богатѣйшія коллекціи расписныхъ вазъ.

Лучшее понятіе объ общемъ характерѣ этрусскихъ гробницъ можно получить изъ описанія трупограда, принадлежащаго къ городу Тарквиніи. Онъ занималъ длинный ходъ, параллельный тому направленію, въ которомъ былъ выстроенъ самый городъ, и находился въ срединѣ между городомъ и морскимъ берегомъ. Кажется, почти вся кладбища этрусскихъ городовъ были расположены такимъ же

образомъ на ближайшихъ высотахъ. Гробницы людей почетныхъ представляютъ обыкновенно большіе, невысокіе, каменные цилиндры, лежащіе довольно глубоко въ землю и покрытые сверху земляною насыпью конической формы, отчего все кладбище кажется собраніемъ погребовъ. Иногда строитель гробницы пользовался естественнымъ возвышеніемъ грунта, и только обдѣлывалъ его въ видъ конуса, окружая при основаніи низменнымъ цилиндрическимъ валомъ. Главный покойникъ обыкновенно занималъ мѣсто въ сводѣ, подъ самой вершиною конуса; ниже, клались члены его семейства и подчиненные. При открытіи каждой этрусской гробницы, оказывается, что она очень искусно приперта иногда одной, иногда двумя большими каменными дверями. Всякая дверь состоитъ изъ цѣльнаго камня, повѣшена на крюкъ, и прилажена такъ плотно, что ее никакъ нельзя отворить, а должно ломать. Гробница, принадлежащая, судя по надписямъ, благородной фамиліи Вельтури и теперь открытая сирьоромъ Кампанари, однимъ изъ ревностнѣйшихъ раскапывателей, можетъ дать общее понятіе о томъ, что обыкновенно находятъ въ этрусскихъ могилахъ. Когда отняли дверь, факелы освѣтили родъ комнаты въ девятнадцать или двадцать квадратныхъ футовъ. Кругомъ были устроены нары, гдѣ въ порядкѣ стояло до десяти или двѣнадцати саркофаговъ. Каждый былъ покрытъ крышкою, на которой находилось хорошо сдѣланное изображеніе покойника изъ terra cotta, въ натуральную величину, а на нѣкоторыхъ въ колоссальныхъ размѣрахъ. Мужчины представлены съ повязками на шею; на пальцѣ кольцо; въ рукѣ чаша для возліяній. Женщины всѣ богато одѣты, съ плющевыми или миртовыми вѣнками на головахъ, съ прекрасными серьгами въ ушахъ, съ цѣпочками на шеяхъ, и съ браслетами на рукахъ. Позади каждаго саркофага лежало нѣсколько, въ безпорядкѣ наваленныхъ, вазъ, а нѣкоторыя изъ нихъ были повѣшены надъ саркофагами на бронзовыхъ гвоздяхъ, вколоченныхъ въ стѣну. Главный саркофагъ, мѣрою болѣе чѣмъ другіе, стоялъ по-серединѣ комнаты. Онъ былъ открытъ и содержалъ въ себѣ останки скелета и вооруженіе старшины семейства Вельтури. Покойникъ, по обычаю классической древности, былъ похороненъ въ шлемѣ, въ латахъ и

съ двумя копьями; около него въ гробѣ валялось множество мелочей, и если позволительно судить о любимыхъ занятіяхъ древняго воина по тому, что съ нимъ законано въ землю, то его надобно признать или страстнымъ любителемъ рококо, или собирателемъ всякихъ бездѣлушекъ: онъ имѣлъ при себѣ пропасть мелкихъ кусочковъ финифти, цвѣтныхъ камешковъ, композицій въ родѣ топазу и аметисту, нѣсколько благовонныхъ шариковъ, нѣсколько штукъ бронзовой посуды разнаго роду, и бездну другихъ пустяковъ, въ томъ числѣ даже пару фальшивыхъ игральныхъ костей, что весьма уронило господина Вельтури въ нѣвнія любопытныхъ зрителей и дало имъ не совсѣмъ выгодную идею объ упражненіяхъ его въ свободное время. При подробнѣйшемъ осмотрѣ этого саркофага, замѣчено другое, болѣе страшное, обстоятельство: на обѣихъ сторонахъ его, очень недвусмысленно, изображены человѣческія жертвоприношенія. Конечно, сюжеты барельефовъ на гробницахъ часто не имѣютъ ни какой связи съ погребенными въ нихъ покойниками, но, тѣмъ не менѣе, эти сюжеты бываютъ всегда національные и историческіе. Притомъ же этотъ барельефъ былъ уже не первый, доказывающій, что Этруски, въ некоторыхъ случаяхъ, приносили людей въ жертву богамъ своимъ: въ Клузіумѣ саркофаги имѣютъ видъ лежащихъ человѣческихъ фигуръ, расписанныхъ красками; головы ихъ отвинчиваются, и внутри иногда находятъ прахъ людей, принесенныхъ въ жертву.

Въ некоторыхъ другихъ гробницахъ попадались вещи еще страннѣе нежели коллекція старика Вельтури. Въ одной, извѣстной подъ именемъ *Regolini Galassi*, найденный въ Черн, вмѣстѣ съ большимъ, прекрасной работы, нагрудникомъ и множествомъ разныхъ золотыхъ украшеній, оружія и другихъ знаковъ высокаго воинскаго сану, лежали чернильница изъ terra cotta и этрусскій букварь, состоящій изъ буквъ алфавита древнѣйшей греческой формы и изъ слоговъ *ба, бе, би*, и прочая. Докторъ Липсіусъ разобралъ алфавитъ; но кто таковъ былъ покойникъ, — царь? жрецъ? историкъ? философъ? школьный учитель?... Когда все находившееся въ первой комнатѣ этой гробницы было растащено двуногими гіепами, антикваріями, приступили къ дѣ-

реликты, залуценыя въ другое отдѣленіе, и, разсмотрѣвъ ихъ, увидѣли зрѣлище еще чудное. На гвоздяхъ, вбитыхъ къ стѣну, висѣли бронзовыя вазы; по-серединѣ стоялъ треножникъ съ курительницею; а въ концѣ комнаты, въ некоторомъ роду углубленіи, лежали два большіе камня, футахъ въ шести одинъ отъ другаго, и на этихъ камняхъ ноги и голова погребеннаго здѣсь покойника. Сверхъ-того на камень, который былъ ближе къ стѣнѣ, нашли какое-то странное золотое украшеніе, состоящее изъ двухъ повязокъ и двухъ кружковъ съ чешаными изображеніями животныхъ; съ-боку былъ прислоненъ къ камню превосходный золотой нагрудникъ, подобный тому, о которомъ мы сейчасъ говорили; по сторонамъ, гдѣ висѣли руки покойника, лежали широкіе золотыя браслеты богатой рельефной работы; возлѣ нагрудника нашли застѣжку, составленную изъ трехъ золотыхъ шариковъ; а между камнями, въ разныхъ мѣстахъ, валялись мелкіе куски золота, украшавшіе парадную одежду мертвеца. Но вотъ обстоятельство, заслуживающее особеннаго вниманія: этотъ мертвецъ былъ женщина. Ктѣ же она? царица или служительница религіи?... Богъ знаетъ. Вѣрно только то, что она носила при жизни высокій санъ и пользовалась большимъ уваженіемъ. Ее называли *larthia*, а какъ *larg* значитъ князь, то *larthia*, вѣроятно, означаетъ княгиня.

Иногда раскопыватель вознаграждается за свой трудъ открытіемъ чрезвычайно любопытныхъ предметовъ въ тайникахъ этого могильнаго міра. Гонфалоніеръ Карло Авольта нашелъ въ Тарквиніи тѣло одного этрускаго вождя, которое сохранялось въ наружной цѣлости нѣсколько десятковъ столѣтій и мгновенно разсыпалось, лишь только онъ успѣлъ посмотреть на него. Отъѣхавъ дверь гробницы, въ которой покоилось это тѣло, Авольта взглянулъ въ отверстіе, находившееся надъ нею, и увидѣлъ лежащій на каменномъ катафалкѣ трупъ въ золотой коронѣ, въ оружіи, со щитомъ, съ копьемъ и стрѣлами; но вдругъ наружность покойника измѣнилась: онъ началъ крошиться, разсыпаться, и потомъ совершенно исчезъ; когда воцѣли во внутренность гробницы, отъ него осталась только золотая корона, горсть праху и нѣсколько обломковъ оружія. Кампанари, который

простолюдику лезть тому поглубже, ирривая въ Демосомъ величественное собраніе этрусскихъ древностей, тамъ рассказываютъ одинъ замѣчательный случай. Рассказывая какое-то место, необычайное по-видимому ничего чрезвычайнаго, онъ вдругъ услышалъ ужасный трескъ: земля подъ нимъ обрушивается, и онъ падаетъ себя посреди двѣнадцати мертвецовъ, которые глядятъ на него вытаращивъ глаза, какъ-будто спрашиваютъ, зачемъ онъ пришелъ возмутить ихъ спокойствіе. Кампанари признается, что онъ оледенѣлъ отъ ужаса и не знаетъ, что дѣлать, потому что, куда бы оглядывался, вездѣ встрѣчалъ страшныя красныя лица и гнѣвные взоры. Туловища мертвецовъ были въ землю, и только одны головы торчали надъ ея поверхностью, какъ-будто покойники встали, чтобъ судить святотатца, дерзнушаго осквернить неприкосновенность могилы.

Но, чтобы получить полное понятіе о богатствѣ, изяществѣ и разнообразіи этрусскихъ древностей, надобно посѣтить въ Римѣ кабинетъ рѣдкостей, названный подъ именемъ Museo Gregoriano, и назначенный преимущественно для памятниковъ этрусской жизни. Выходя изъ залы бронзовыхъ вещей, вы вступаете въ другую комнату, гдѣ хранятся вазы и такъ-называемыя *patenae*, чаши, особый родъ писанныхъ вазъ, отличающійся формою, нѣжностью глины, блескомъ лаку, изяществомъ стила и красотою рисунковъ. Въ этой комнатѣ собраны образчики всѣхъ эпохъ искусства, отъ самыхъ древнѣйшихъ, въ которыхъ еще проглядываетъ вкусъ Финикійскій, до произведеній позднѣйшаго времени, являющихъ во всемъ блескъ художество Эллиновъ. Трудно бы было, изъ такой массы превосходныхъ созданій греческой керамографіи, выбрать тѣ, которыя наиболее заслуживаютъ вниманія, потому что каждое изъ нихъ обладаетъ чѣмъ-нибудь такимъ, что даетъ ему неотъемлемое право на выборъ; но, во всякомъ случаѣ, нельзя не упомянуть о коллекціи чудесныхъ расписныхъ чашъ, которыхъ сюжеты взяты изъ исторіи Аргонавтовъ: онѣ найдены въ Чери и сами собою составляютъ уже цѣлый классъ памятниковъ, не встань неощущимыхъ какъ въ-отношеніи къ рѣдкой красотѣ ихъ рисунковъ, такъ и въ-отношеніи къ оригинальности стила и работъ. Содержаніе рисунковъ этихъ чашъ

тъмъ болѣе замѣчательно, что живописцы повторили сюжеты ихъ изъ источниковъ, которые до насъ не дошли. Такъ, напримеръ, на одной картинѣ представленъ Язонъ, поглощенный дракономъ и освобождаемый изъ горла чудовища Минервою : эта картина рѣзительно противурѣчитъ всему, что мы знаемъ по древнимъ памятникамъ и твореніямъ древнихъ поэтовъ; стиль ея дышетъ самою отдаленною древностью, а исполненіе самыя патріархальныя простодушіемъ. Рисунокъ другой чаши, на которой представлено, какъ Медея, съ помощью трехъ дочерей, совершаетъ ищскіе надъ Пеліасомъ за умерщвленіе стараго Эсона, разделенъ на двѣ части и замѣчателенъ сочиненіемъ и отдѣлкой. Есть еще чаша самой старой работы, на которой представленъ Сизифъ, согбенный подъ тяжестью скалы, которую суждено ему вѣчно поднимать на гору, откуда она тотчасъ же скатывается, и Титіосъ, прикованный къ столбу и у котораго вдронъ терзаетъ внутренности : это самыя древнія, какія до-сихъ-поръ извѣстны, изображенія адскихъ казней. На другой чашѣ прекрасной отдѣлки, съ желтыми фигурами по черному грунту, представленъ предметъ столь же необыкновенный по своей новосте: на ней нарисованъ Мидасъ, сидящій на тронѣ; ослиное ухо торчитъ изъ-подъ его колпака, а передъ нимъ стоитъ фригійскій крестьянинъ съ митрою на головѣ, въ короткой туникѣ и съ цирюльничьимъ инструментомъ въ рукѣ. Эта басня, сдѣлавшаяся народною въ послѣдній періодъ древности, была намъ извѣстна только изъ позднѣйшихъ писателей и не встрѣчалась до-сихъ-поръ ни на одномъ древнемъ памятникѣ : следовательно, открытіе чаши, о которой мы теперь говоримъ, есть фактъ весьма важный для мифологическихъ развѣсканій. Рядомъ съ одною чашею, на которой представленъ Эдипъ, сидящій въ задумчивости насупротивъ Сонника, — рисунокъ, достойный вниманія по особенному благородству стиля, — есть другая чаша, гдѣ тотъ же предметъ изображенъ въ шуточномъ видѣ : Эдипъ, человекъ съ огромною головою на маленькомъ и уродливомъ туловищѣ, сидитъ насупротивъ обезьяны. Эта древняя карриатура выюмлена съ большимъ искусствомъ и на прекрасно отдѣланной чашѣ. Многія изъ, различныхъ эпохъ, представляютъ сюжеты очень ис-

скромныя, а еще чаще божественныя, зѣта вещи, находящіяся въ Грегорианскомъ Музеумъ, принимались сюда съ бѣльшимъ разборомъ. Навпротивъ-того сцены обжорства, несмотря что онѣ состоятъ въ тѣсной связи съ оргіями, на которыхъ происходили крайности всякаго рода, встрѣчаются очень рѣдко, и въ Museo Gregoriano есть только двѣ чаши съ такими рисунками: на одной изъ нихъ представленъ бородатый мужчина, лежащій на постель и свѣсившій впередъ свою голову, въ положеніи челоуѣка, изрыгающаго съдѣнный имъ обѣдъ, тогда какъ столица подлѣ женщины поддерживаетъ ему голову: эта чаша чрезвычайно важна для исторіи древняго обжорства; на другой сюжетъ еще непристойнѣе: мы не считаемъ возможнымъ о немъ говорить.

Зала бронзовыхъ вещей, единственная въ мірѣ по множеству и драгоценности собранныхъ въ ней сокровищъ, сама собой составляетъ цѣлый музеумъ. Она, съ полу до потолка, наполнена издѣліями изъ бронзы, которыя принадлежатъ къ этрусскимъ древностямъ частью, потому что они этрусской работы, частью потому что найдены въ могълахъ древней Этруріи. На столѣхъ по-серединѣ мраморныхъ столахъ, въ шкафахъ, которыми загорожены стѣны, и на самыхъ стѣнахъ до значительной высоты, расположены намятники всякаго рода, зеркала, вазы, оружіе и различная домашняя утварь. Прежде всего кидается въ глаза известная статуя этрускаго воина, найденная въ Тоди: воинъ представленъ въ латахъ и въ шлемѣ; надпись этрускаго шрифта до-сихъ-поръ остается загадкою для антикваріевъ и, несмотря на сличеніе ея со всеми древними языками, сохраняетъ секретъ имени и званія лица, подлѣ которой она находится. Но ежели эта надпись, терзающая любопытство археологовъ, не поддается ихъ усиліямъ, зато сама статуя обладаетъ такими очевидными достоинствами, такою національною характеристикою, что ее безъ всякихъ сомнѣній можно назвать типомъ этрускаго искусства. Въ этой залѣ, осматривая собранные въ ней предметы, узнаешь настоящій бытъ и степень образованности Этрусковъ. Здѣсь есть вся принадлежности ихъ домашней утвари: курильницы, или жаровни, всякой величины, съ принадлежащими къ нимъ инструментами; канделябры всѣхъ формъ, разныя

ровъ и стилей; еще одинъ родъ вещей, которыя исправляю-
но называютъ также наделабранн, но которыя служили
для вынанія разной свѣщенной утвари, употребляемой при
религіозныхъ и погребальныхъ обрядахъ; вазы для свя-
щеннаго и домашняго употребленія, различныхъ формъ и
величины; зеркала, украшенныя разными мифологическими
изображеніями, съ надписями, которыя составляютъ одинъ
изъ важнѣйшихъ этрусскихъ и латинскихъ памятниковъ;
различныя роды орудія, употреблявшихся при исправленіи
почти всѣхъ потребностей жизни; множество бронзовыхъ
украшеній, застежекъ, пряжекъ, серебриць (которыя древ-
ніе чистили себѣ кожу въ баняхъ), и прочая, и прочая. Не-
численіе всего не возможно. Между памятниками, которые
болье другихъ любопытны по своему назначенію, форма,
или по дорогому металлу, изъ котораго они слѣданы, обра-
щаютъ на себя особенное вниманіе разныя принадлежности
военнаго, оборонительнаго и наступательнаго, изобрешенія,
найденныя болѣею частію въ гробницахъ Вомерцо; тро-
ношникъ и лядиъ изъ бронзы, прекрасной формы и рабо-
ты, открытыя въ Вульчи; щитъ этруская юмолница, со
всѣми принадлежностями, редкость едва ли не единственная
въ мірѣ; и некоторыя другія. Но что сказать о золотыхъ и
серебряныхъ вещахъ, разставленныхъ и разложенныхъ
на большомъ кругломъ столѣ посреди залы? Есть и въ
другихъ музеумахъ много драгоценныхъ женскихъ уборовъ,
найденныхъ въ гробницахъ во большой части на грече-
скихъ островахъ; но тѣ, что добыты изъ этрусскихъ могилъ
и хранятся въ Грегорианскомъ Музеумѣ, рѣзительно пре-
восходятъ всѣ прочія коллекціи. Здѣсь, кромѣ женскихъ
украшеній, имѣющихъ полное преимущество надъ памятни-
ками этого рода, хранящихся въ другихъ кабинетахъ, со-
брано еще множество предметовъ, принадлежащихъ къ му-
жескому наряду, множество разныхъ вещей, служившихъ
знаками достоинства и наградами за гражданскія заслуги и
военные подвиги, множество священныхъ памятниковъ жи-
зни, некогда пользовавшейся всеобщимъ уваженіемъ, памят-
никовъ, которые пережили цѣлое общество, давно погребенное
подъ землею, и на которыя нельзя смотреть, къ кото-
рымъ нельзя прикоснуться, безъ благоговѣнія, зная, что

они найдены на скелетахъ, превращавшихся въ прахъ, лишь-только на нихъ налагали руки. Въ числѣ предметовъ воинской роскоши древнихъ Этрусковъ, между ожерельями, застежками, печатами, жезлами, знаками жреческаго достоинства, вънцами за подвиги гражданскіе, военные, гимнастическіе, изъ плюща, лавра, мирта, между фалерами, бляхами и конской сбруей, отличаются особенно серебряныя и золотыя вещи, найденныя въ одной гробницѣ въ Черри, которая, при вскрытіи ея, представила странное зрѣлище, заслуживающее удивленіе нашего вкуса и порождающее трудный вопросъ для ученыхъ. Въ этой гробницѣ нашли столько золота, что наполнили имъ нѣсколько корзинъ. Вещи уже потеряли свою первоначальную форму при паденіи своду, но большая часть обломковъ заключается въ листахъ, составлявшихъ, вѣроятно, одежду покойника. Это тѣмъ болѣе похоже на правду, что и вся прочая утварь гробницы соответствовала великолѣпнѣю подобнаго одѣянна, употребленнаго безъ-сомнѣнія съ тѣмъ, чтобъ возвысить усопшаго на степень полубога, такъ какъ въ древнія времена идею о нравственномъ совершенствѣ не умѣли выразить иначе какъ съ помощію вещественнаго богатства, и присутствіе бога лучше всего означалось блескомъ золота. Между принадлежностями убора, составлявшими матеріальное выраженіе этой апофеозы, заслуживаетъ вниманія нечто въ родѣ овальнаго полу-диска, филигранной работы, который формою похожъ на нагрудникъ древнихъ египетскихъ жрецовъ и конечно имѣлъ то же самое назначеніе и у Этрусковъ. Еще должно замѣтить огромную застежку, состоящую изъ двухъ кружковъ неравной величины, соединенныхъ между собою двумя горизонтальными поперечниками, и изъ крючка, которымъ она прикрѣплялась къ платью: вещь любопытная, сколько по величинѣ, столько и по фигурѣ, которой она украшена и которая представляютъ животныхъ. Мы не будемъ говорить о другихъ безчисленныхъ драгоценностяхъ, принадлежавшихъ къ убору этого чуднаго жертвенца и напоминающихъ великолѣпную мотальную одежду Кира.

Въ одномъ корридорѣ того же музея, наполненномъ этрускими надписями, и въ смежной съ нимъ залѣ, собраны

копій съ картинъ, украшавшихъ внутренность некоторыхъ гробницъ въ Корнето и Вульчи. Эти копій, снятыя очень тщательно, сберегутъ для науки памятники, обреченные на скорое разрушеніе. Середина наполнена вазами и другими произведениями этрусской скульптуры изъ terra cotta, большею частію съ надписями, въ которыхъ заключаются все сокровища письменности, дошедшей до насъ отъ Этрусковъ. Наконецъ, въ этой же залѣ, есть модель этрусской гробницы, вѣрное подражаніе лучшимъ такого рода памятникамъ, открытымъ въ Вульчи. Войдя въ нее, вы находите себя въ одной изъ гробничныхъ комнатъ, какія бывають обыкновенно при каждой этрусской могилѣ. Дверь ея охраняють два льва, сдѣланные изъ terra cotta точно въ томъ видѣ, какъ при одной гробницѣ въ Вульчи. Во внутренности стоять одры, на которыхъ покоились мертвые, а на полу и по стѣнамъ расположены вазы и прочая утварь. Такимъ образомъ вы находите въ святилищѣ этрусской древности и видите около себя историческіе предметы, вполне удовлетворяющіе вашему любопытству, но не встрѣчаете ни одного изъ тѣхъ печальныхъ образовъ разрушенія, которые неприятно поразили бы васъ въ настоящей гробницѣ.

Могилы Римлянъ никогда не доставляли такого множества любопытныхъ вещей, какъ могилы этрускія. Въ этомъ отношеніи, обычай двухъ народовъ, столь сходныхъ между собою, совершенно различны. Ни въ одной изъ римскихъ гробницъ, древнихъ и новыхъ, небыло найдено писанныхъ вазъ, военныхъ и парадныхъ одеждъ, колесницъ, благовоцій, катафалковъ, и ни какого оружія, кромѣ копій. У Римлянъ вся эти вещи только доносились до могилы, и потому возвращались домой или сожигались вмѣстѣ съ покойникомъ. Одинъ прахъ его или кости клались въ могилу; къ этому прибавляли иногда нѣсколько монетъ, глиняныя или стеклянныя слезныя урны и стеклянныя или финиціанскія вазы, послѣднія впрочемъ рѣдко. Напротивъ-того, въ гробахъ древнихъ Этрусковъ монеты составляютъ весьма рѣдкое явленіе. Этруски, съ самыхъ раннихъ временъ, хоронили своихъ покойниковъ, а обычай сожигать мертвыхъ тѣла введенъ у нихъ ужъ позже; Римляне, напротивъ, кажется, всегда сожигали своихъ мертвецовъ. Фресковыя картины

Этрусковъ не принадлежатъ въ древнѣйшѣ римскѣ гробницахъ въ Римѣ въ позднѣйшихъ; онѣ представляютъ обыкновенно фантастическіе предметы, арабски или какую-нибудь одну человѣческую фигуру; таинственныхъ, аллегорическихъ композицій и историческихъ группъ, какъ у древнихъ Этрусковъ, у Римлянъ совсѣмъ не встрѣчается. Внутренность гробницы Сципіона, древнѣйшей изъ римскихъ, открытыхъ учеными; обдѣлана вовсе не такъ искусно, какъ грубѣйшія изъ этрусскихъ. Словомъ, разница между римскими и этрусскими могилами дотога поразительна, что самый плохой антикварій рѣдко ошибется, определяя, которому изъ двухъ народовъ принадлежитъ отысканная гробница, и это обстоятельство можетъ служить весьма сильнымъ доказательствомъ тому, что у латинскаго племени долгое время не было ни какихъ сношеній съ Этрусками, хотя Римляне сознавались, что они переняли у нихъ свою религію, законы, обряды, игры, ремесла и военное искусство. Впрочемъ случается, что въ склепѣ знаменитаго этрускаго семейства находятъ прахъ Римлянина, какъ находятъ останки нормандскаго витязя въ длинномъ ряду саксонскихъ графовъ или прахъ вождя мавританскаго между грандами чистой крови Пелаівъ.

Страсть къ открыванію древностей сдѣлала землю, гдѣ есть древнія могилы, очень прибыльнымъ родомъ собственности. Мѣста, на которыхъ, судя по наружнымъ признакамъ, можно открыть что-нибудь историческое, отдаютъ въ наемъ за высокую цѣну. Любопытныя подробности по предмету этихъ отдачъ и самаго раскапыванія можно найти въ занимательной книгѣ, которую издала прошлаго года въ Лондонѣ мистрисъ Гемилтонъ Грей подъ названіемъ *Four to the sepulchres of Etruria*, «Путешествіе къ этрусскимъ могиламъ». Папа, великій герцогъ тосканскій, герцогиня де-Сермонета и Луціанъ Бонапарте, которымъ принадлежатъ *Monte Negro* и *Purgi*, могутъ, вмѣстѣ съ некоторыми духовными общинами, назваться главными владельцами этихъ особаго рода угодій; многія мѣста откуплены богатыми антикваріями изъ одной любви къ своей наукѣ. *Scavatore*, «гробораскрыватель», набираетъ партію работниковъ и выходитъ на пошукъ. Вожатый, обыкновенно че-

дверей открыты въ дѣлѣ, часть вперед; ступенька надлогости камова-цибуль зеленого холма, отъ отъ времени до времени, ударяетъ заступомъ въ землю и прислушивается: ежели по звуку можно заключить, что тутъ есть пустота, принимаютъ за работу; но найдется ли что-нибудь ценное или нѣтъ, это другое дѣло, потому что, въ случаѣ неапатія ни какихъ древностей, работники всегда опять закрываютъ яму, чтобы обманывать другихъ антикваріевъ, которымъ случится проходить по этому мѣсту. Кроме классическихъ раскапывателей древнихъ могилъ, надъ ними трудились и руки менѣе ученые. Изъ числа гробовъ, открытых въ Тарквиніи, каждый двадцатый, а можетъ-быть и десятый, былъ женскій, и драгоценности, находившіяся въ этихъ гробахъ, раскрадены болѣею частию еще въ давнія времена. Впрочемъ и тамъ попадаются любопытныя вещи, потому что старинные гробоутошители забирали только золотыя и серебряныя украшенія, а все прочее, саманные изъ глины и прочая, оставляли на своемъ мѣстѣ. Некоторые антикваріи думали, будто строители древнихъ гробницъ дѣлали къ нимъ тайныя ходы и потому сами обзоровывали гробницы, которыя были ими построены. Что касается до Римлянъ, завоевавшихъ впоследствии эти мѣста, то ихъ нельзя подозревать въ большомъ участіи въ разрушеніи этрусскихъ погребальныхъ памятниковъ, потому что ихъ всеобщее уваженіе къ умершимъ и тѣсная связь съ этрусками въ религіозныхъ вѣрованіяхъ, безъ сомнѣнія, составляли важное препятствіе къ подобному святотатству. Ракость этрусскихъ произведеній въ Римѣ и самое невѣдѣніе, въ которомъ находились Римляне относительно положенія Veii и некоторыхъ другихъ городовъ, гдѣ найдено наибольшее количество подземныхъ сокровищъ, кажется, еще болѣе подтверждаютъ мнѣніе, что Римляне, которые все дохипали, никогда не нарушали неприкосновенности гробовъ. Духъ древняго общества решительно противился этому. Пропажу драгоценностей изъ древнихъ могилъ въ Италию относятъ обыкновенно къ временамъ Феодосія и Юстиниана, когда между крестившимися Римлянами распространился слухъ о несмытныхъ богатствахъ, погребенныхъ въ могилахъ ихъ предковъ-язычниковъ.

Велье, скульптура, графика, монеты, все древнее и ценное, по религиозному суеверию херувимов, отлиты были потавностью разорваны на надгробные памятники. У Квинтанъ и Этрусковъ это обратилось въ страсть. Никакая жертва не была для нихъ слишкомъ ценною, ни какіе расходы не казались имъ слишкомъ значительными, когда дело шло объ украшеніи могилы любимого и почитаемаго покойника. Здѣсь собирались самая изящныя произведенія искусства, самыя дорогіе предметы роскоши. Во всякомъ городе, гдѣ обитали живые люди, стоялъ другой городъ, въ которомъ покоились мертвые, городъ, состоявшій изъ множества отдаленій, высѣченныхъ въ скалы, или изъ надземныхъ памятниковъ, возвышавшихся конусами и пирамидами. И этотъ могильный городъ бывалъ обыкновенно гораздо пространнее, прочнее и величавее живого. Никакое несчастіе, ни какая степень нищеты не могли заставить современника попытаться на присвоеніе богатствъ, которые тутъ хранились, составляя овященныйшую часть народнаго достоянія. Известно, что некоторые этрусскіе города, напримеръ Tarquinii, Veii, чрезвычайно обдѣлены еще задолго до покоренія ихъ Римлянами, и однако жъ гробницъ ихъ остались неприкосновенными. Все это, конечно, было очень странно и совершенно противоположно явившейся утилитарной системѣ: погребенное золото не приносило никому пользы, было безъ метафоры *мертвыми капиталомъ*; но съ другой стороны этотъ обычай принесъ существенную пользу исторіи, которая находитъ теперь въ гробницахъ Египтянъ и Этрусковъ полную картину ихъ могущества, богатства, искусства, промышленности, торговли, ремеселъ и домашней жизни.

Самый обыкновенный и, въ некоторыхъ отношеніяхъ, самый замѣчательный изъ предметовъ, отысканныхъ въ этрусскихъ могилахъ, — такъ называемый этрусскій вазы. Полагая, что наши читатели не вѣрятъ хорошо известнаго характера и достоинства этихъ вазъ въ историческомъ отношеніи, мы считаемъ не лишнимъ сказать несколько словъ о ея любопытномъ предметѣ. Въ прежнія времена вазы отыскивались преимущественно въ городахъ южной Италіи, или Великой Греціи, въ Пестумѣ, Ноль, и прочая;

высчитавъ насъ видѣли, находили Этрурии: сдѣланы въ Италіи; въ системѣ открытій. Число всѣхъ вырытыхъ и теперь еще лежа въ землѣ. Дочь: вырытыя вазы необытно: въ соразмѣрности съ тѣмъ увеличеніемъ цѣны. Изъ одной гробницы Тарквиніи, въ послѣдніе двадцать пять лѣтъ, вылучено пять тысячъ вазъ; а между-тѣмъ вся поверхность Этрурии, отъ Тибра до моря, изрыта рѣшительно во всюду на правленіяхъ, и по вычисленію господина Рауль-Рашетта, упомянутые гробораскапыватели добыли тѣмъ болѣе десяти тысячъ вазъ. Слѣдовательно, у Этрусовъ были огромныя фабрики этой посуды. Тождество формы, различныя мнѣнія многихъ вазъ, найденныхъ въ землѣ на значительныхъ разстояніяхъ, другъ отъ друга, все показываетъ, что онѣ — произведенія местовныхъ и навсегда обширныхъ мануфактуръ, разбросанное по всему террену, въ которой составляли значительную статью. Но гдѣ же находились эти мануфактуры? когда онѣ были въ дѣйствіи? Нѣтъ сомнѣнія, что такъ называемыя этрусскія вазы очень древни. Плиній, великій историкъ искусства, говоритъ о нихъ какъ о рѣдкостяхъ, а не какъ о предметахъ современной работы. Ихъ нѣтъ ни въ Помпей ни въ Геркуланумъ. Какъ ни богаты Геркуланумъ и Помпей приближенными ремесламъ и художествъ, въ нихъ же нѣ было ни одной этрусской глиняной вазы, хотя вазы изъ terra cotta найденны тамъ открытыя великое множество. Напротивъ всего этрусскіе города въ Кампаніи наполнены ими. Изъ этого можно вывести заключеніе, что въ первый періодъ римской имперіи мода на вазы уже прошла, какъ подтверждается и сказаніемъ Страбона, который говоритъ, что третскія вазы, называемыя *трупо-коринтскими* (потому что ихъ находили римскіе переселенцы время Августа въ древнихъ коринтскихъ мѣстахъ), привозились въ Римъ въ большомъ количествѣ «какъ любопытная древность». Светоній, съ своей стороны, прибавляетъ, что нѣкоторыя изъ вазъ, известныхъ подъ названіемъ трупо-коринтскихъ, «вынуты изъ могилъ въ Капуѣ». Слѣдовательно, все эти вазы, коринтскія, капуанскія и этрусскія, безъ сомнѣнія были одного и того же роду, и мы можемъ присовокупить къ этому, что множество подобныхъ вазъ, точно такой же формы, работы и манеры, открыты

въ восточное время у насъ въ Крыму, въ Адріану, въ Италію, въ Грецію, въ острова, въ Архіпелагъ. Непослѣднее писаніе у насъ и другія образцы того, что называется писаными вазами, есть этрусской и итосканской подгруппы, относящаяся къ республиканскому періоду Рима; но относительно начала этого искусства послѣдовавъ ея развитіе: Латія утверждаетъ, что искусство дѣлать писаныя вазы было перенято Этрусками у Грековъ; Гелль доказываетъ, что ея итосканское этрусское изображеніе, а другіе писаніе думаютъ, что писаныя вазы занесены къ Этрускамъ торговлей. Изъ этого возникъ споръ, который, какъ видно изъ сего, былъ очень жарокъ и шуменъ; но теперь открылось, что ученые совершенно напрасно спорили, потому что все три мнѣнія равно справедливы. Въ Греціи и въ Италіи недалеко найдены многія вазы рѣшительно одинаковаго фасону и одинаково раскрашенныя, съ надписями именъ однакъ, какъ тахъ же греческихъ фабрикантовъ: следовательно, такъ называемыя этрускія вазы были произведеніе древнѣйшихъ аежискихъ и коринтскихъ фабрикъ. Нынче это не подлежитъ ни какому сомнѣнію. Адрія, предшественница Венеціи, считалась аежиской колоніей; мѣсто, гдѣ она лежала до сихъ поръ усыпано обломками писаныхъ вазъ; являясь, что Адрія была значительный торгъ этой посудой и доставляла ее всей Италіи. Но, вмѣстѣ съ привозными вазами, которыя всегда отличаются особеннымъ изяществомъ работы, рисунку и отделки, въ Этруріи были и туземныя; но драганія этимъ чужестраннымъ издѣліямъ, уступающимъ имъ въ красотѣ формъ и правильности рисунковъ. Сверхъ того антикваріи нашли множество настоящей этрусской, національной посуды, въ которой не замѣтно ни какого подражанія, хотя въпрочемъ гончарное искусство, какъ изъ всего видно, заимствовано было Этрусками у Грековъ, вмѣстѣ съ алевантомъ и другими значащими образцовостями.

Древнѣйшія вазы почитаются такъ называемыми аежисскими или египетскими, который однако жъ собственно не египетскій, и восточный, а можетъ быть и египетскій. Они греческаго издѣлія, но ихъ формы и сюжеты, рисунки совершенно отличаются отъ всѣхъ прочаго и представляютъ изображенія чернымъ и краснымъ цветомъ пожелтого

лучше химеры, сонники, гримы, гербы, цветы, и прочее. Черныя вазы, съ барельефными украшениями и изображениями животных; также очень древнія иль много находятъ въ Вольтерре. Вазы съдуютъ, по порядку времени, вазы съ черными фигурами на красномъ полѣ; а за этими вазы съ красными фигурами по черному полю. Неблудный вѣкъ новье, и въ нихъ старинный складный стиль уступаетъ мѣсто изящнымъ формамъ усовершенствованнаго греческаго искусства. Какъ эпоха основанія Римскаго вѣка также и эпохой самаго цвѣтущаго состоянія Этрурии; въ которую роскошь и великолѣпіе этой страны достигли высочайшаго своего развитія, то вообще полагаютъ, что лучшія этрускія вазы не принадлежатъ къ самымъ древнимъ, а тѣ, которымъ отличаются такъ-называемымъ египетскимъ стилемъ, относятся къ періоду древнему. Хорошія вазы, дѣланныя за двѣ-тысячи-шестьсотъ лѣтъ до нашихъ временъ, обыкновенно бывають черныя, съ черными фигурами на красномъ полѣ и съ палевыми, бѣлыми и пурпуровыми цвѣтами въ одеждѣ фигуръ: бѣлымъ цвѣтомъ преимущественно означались непокрытыя части женскаго тела. Но въкоторыя изъ этихъ вазъ бывають также и красныя, съ фигурами сплошь черными: въ такихъ замѣтны недостатки пріятности въ формѣ и совсѣмъ другія пропорціи, облачающія глубокую древность. Напротивъ-того въкоторыя и изъ самыхъ древнихъ вазъ, которымъ римскіе антикваріи дали названіе *архаическихъ*, «старо-древнихъ», отличаются превосходнымъ матеріаломъ и тщательною отделкой.

Не вводя въ подробное разсужденіе о стилѣ этрускіхъ вазъ, мы заметимъ въ немъ только три главные рода. Первый—это стиль египетскій или, лучше сказать, восточный, съгаринскимъ и соникскимъ, при совершенномъ отсутствіи всякой естественности: Этруски ему не подражали. Второй—вазы прекрасной работы, но не довольно-складныя, съ человѣческими фигурами, въ которыхъ однако жъ нѣтъ греческаго изящества, съ изображеніями пышныхъ дамъ, сивыхъ проросій, боговъ, божицъ и: разныхъ аллегорическихъ существъ: эти вазы дѣланы, вѣроятно Греками для Этр-

русскими, а частью самими Этрусками по греческимъ образцамъ. Наконецъ, третій родъ — вазы съ красными фигурами, представляющими мужчинъ и женщинъ, очень замысловатыми, вѣрными природѣ и иногда чрезвычайно шалыми; изображающими сюжеты изъ исторій боговъ и героев или различные случаи частной жизни: эти вазы чистаго греческаго издѣлiя. Здѣсь кстати замѣтить, что какъ въ черной фигурѣ, при всей тщательности отдѣлки, вы редко найдете легкость, естественность, граціозность, такъ точно въ красной фигурѣ очень нечасто увидите грубость и неестественность, свойственныя фигурамъ чернымъ. Если черныя фигуры, отличающіяся нѣжностью и легкостью, находятся на вазахъ не самаго высокаго достоинства, значитъ, что вазы эти греческой работы, но изъ числа тѣхъ, которыя принадлежали къ дешевымъ предметамъ торговли, подобно тому, какъ грубо нарисованныя красныя фигуры означаютъ туземное подражаніе изящнѣйшимъ вазамъ, привезеннымъ изъ Аеннъ черезъ Адрию.

Этруски нѣсли свою религію, весьма древнюю и таинственную, наполненную безчисленными обрядами. У нихъ была также исторія, которая начиналась съ самыхъ отдаленныхъ временъ и была тщательно сохраняема. Но врожденныя свойства народа или особенный духъ религіозной и правительственной системъ произвели то, что на вазахъ Этрусковъ не осталось ни какого воспоминанія ни объ ихъ мифологіи ни объ ихъ герояхъ. Этруски только копировали прекрасныя созданія греческой фантазіи. Паденіе Тронъ, судъ Париса, подвиги Геркулеса, были любимыми ихъ сюжетами, которыми украшали они свои вазы и чаши. Имена боговъ и героев, написанныя надъ головами фигуръ, бывають иногда греческія, иногда туземныя: греческая Паллада называется Menfra, что означаетъ тосканскую Минерву; а Юпитерь, Тина, и Геркулесь, Ertle, названы по-гречески. Наконецъ и самое преданіе подтверждаетъ, что такъ-называемыя этрускія вазы были греческое издѣліе: иже о водвореніи въ Этрурію Коринтеянина Демарата и двухъ его товарищей, которыхъ звали одного Eischeig, «Влафорукъ», и другаго Eigrashmos, «Влагонисецъ», очень ясно показываетъ на переселеніе въ эту страну школы гре-

честных художников, съ которыми въ 1839 году въ Риме
 вать вазы, которые этрусски такъ охотно покупали

За вазами въ собственномъ значеніи слѣдуетъ особую
 родъ этихъ сосудовъ, разегае, «чаши», о которыхъ мы те
 говорили. Онъ изъ того же матеріала, но имѣютъ совсемъ
 другой видъ: круглыя, широкія, не глубокія, на корот
 комъ стержнѣ, иногда съ ручками, иногда безъ ручекъ.
 Ихъ употребляли при религіозныхъ обрядахъ и въ дома
 немъ быту. Одна чаша, открытая въ 1839 году, необык
 венно красива, и мы можемъ прибавить описаніе ея
 прежнему бѣглому списку чашъ Грегорианскаго Музея.
 На ней изображено шесть фигуръ, возлежащихъ за трап
 зой, въ длинныхъ мантияхъ. Положенія ихъ свободны
 непринужденны. Сцена представляетъ пиръ. Одинъ изъ со
 бесѣдниковъ играетъ на флейтѣ, другіе серіозно разгово
 риваютъ. Любопытно отгадать предметъ разговора. Веро
 яно, рѣчь идетъ о политикѣ, потому что на этомъ пи
 рѣ женщины, а въ другихъ изображеніяхъ этрусскихъ пи
 ровъ мы встрѣчаемъ оба пола. Можетъ-быть, собесѣд
 ники разсуждаютъ о набѣгахъ толпы негодяевъ, пастуховъ
 осужденныхъ преступниковъ и бѣглыхъ рабовъ, которы
 недавно стали лагеремъ на семи холмахъ, облегающихъ
 тинскій берегъ Тибра, или, скорѣе, какъ здѣсь есть гре
 ская надпись, разговоръ ихъ обращенъ на событія еще бо
 лѣе памятные и горестныя, на гибель этрусской свобод
 на пораженіе при Вапдимонійскомъ Озерѣ, на кровавое
 рушеніе Тарквиніи, на междоусобія въ Вольсціи. Эта ча
 особенно примѣчательна еще тѣмъ, что на столѣ, около
 тораго лежитъ цирующая компанія, представлено мно
 ство разныхъ питейныхъ сосудовъ, которые отличаетъ
 хозяинъ пира большаго любителя странностей и курь
 зностей: одна изъ этихъ сосудовъ имѣютъ обыкновен
 ную форму чашъ, другіе видъ стакановъ, третья видъ ва
 зъ, и, наконецъ, двѣ чаши совершенно похожи на кубки
 говъ.

Кромѣ вазъ и чашъ, обыкновеннаго украшенія гр
 обницъ этрусскихъ, въ нихъ, какъ мы видѣли, встрѣ
 еще разныя вещи изъ золота, бронзы и глины. На сѣ
 любопытныя и прекрасныя, а только съ несчастно

простые, но истинно этрусской жизни суть фресковые картины, которыми въ некоторыхъ мѣстахъ, особливо въ Тарквиніи, украшены стѣны гробничныхъ комнатъ. Одна чрезвычайно скоро портится въ открытыхъ гробницахъ и новѣйшее искусство еще не нашло способу возстановить ихъ. Антикваріи, присутствовавшие при вскрытіи некоторыхъ гробницъ съ картинами, говорятъ, что въ живописи произошла въ несколько дѣтъ ужасная перемена, не только относительно красокъ, но и самыхъ рисунковъ. Впрочемъ, страсть флорентинскихъ и римскихъ жителей къ археологическимъ развѣскамъ позволяетъ надеяться, что историческое значеніе этихъ картинъ будетъ сохранено посредствомъ точныхъ копій; что же касается до красокъ, которыми обладаютъ оригиналы, то они, ужъ разумется, должны погибнуть. Въ художественномъ отношеніи, этрускія картины представляютъ тѣ же самыя стѣны искусства, о которыхъ мы упоминали при обзорѣи вазъ. Лучшія изъ нихъ, найденныя въ Тарквиніи, относятся къ познѣйшему періоду. Сюжеты ихъ разнообразны до невѣроятности: мистическіе символы Египта и аллегоріи, еще менѣе намъ извѣстныя, принадлежащія, кажется, самой Этруріи, перемѣшаны съ арабесками и разными фантастическими украшеніями, съ горгонами, сфинксами, химерами, гиппокампами (дошадми съ рыбьими хвостами) и другими чудовищами, съ изображеніями пиршествъ, игръ, плясокъ, религиозныхъ процессій, сценъ изъ исторіи героевъ и изъ домашней жизни, съ событіями изъ собственной этрусской исторіи, и такъ далѣе. Все это написано очень вѣрно и производитъ эффектъ. Войдемъ въ Camera di Criclino e del Ballo, находящуюся въ Тарквиніи. Потолокъ этой комнаты стѣлавиный сводомъ, расписанъ разными красками и раздѣленъ по-срединахъ перекладиной, которая очень красиво обвивается вътвями плюща. По сторонамъ двери, написаны два человека, лежащія на полущкахъ; на противоположной стѣнѣ два барса, всегдѣшніе хранители гробницъ, и два молодыхъ воиновъ, съ копьями. Картина средней стѣны представляетъ три ложа и на каждомъ изъ нихъ мужчина и женщина; по срезу, двумя ложами стоятъ стѣны съ вазами, а вершины третьихъ, большой сосудъ съ лицомъ, которое

него въ другіе, меньшіе, сосуды, для круговой поѣдки. Второнъ родъ буета, затромжеденнаго чапани и другими сосудами разныхъ видовъ. Пестрыи покрывала на ложахъ, разноцвѣтныя скатерти на столахъ и нарядныя одежды собесѣдниковъ, увѣчанныхъ плющомъ и миртомъ, замѣчательны своей красотой и великолѣпиемъ. Богато одѣтый слуга играетъ на флейтѣ, а голый мальчикъ прислуживаетъ пирующимъ, держа въ одной рукѣ небольшую вазу, а въ другой особаго роду снарядъ, посредствомъ котораго онъ усердно посыпаетъ кушанья солью и другими приправами. Гости, все въ разныхъ положеніяхъ, обращаются другъ къ другу съ живыми жестами и заняты, кимется, болѣе разговоромъ нежели пышной трапезой. Но пиръ уже начался, потому что одна изъ женщинъ ѣстъ яйцо, а лежащій подлѣ нея мужчина осушаетъ чашу за ея здоровье. Все три женщины украшены богатыми ожерельями и браслетами. Мази и благовонія, составляющія столь важный предметъ въ вѣнченнѣй жизни древнихъ, также не забыты. Стукъ чашъ и запахъ кушанья привлекли къ пирующимъ кошку, куропатку и пѣтуха, и они прилежно подбираютъ крохи, упавшія на полъ. Надъ ложами висятъ вѣнки и гирлянды, которыми древніе имѣли обыкновеніе украшать себя головы, шеи и руки, когда, кончивъ трапезу, предавались роскошному отдохновенію или дальнѣйшей попойкѣ. По окончаніи погребальнаго пиршества, начинаются пляски. Балетъ состоитъ изъ осьми танцующихъ и двухъ музыкантовъ, изъ которыхъ одинъ играетъ на флейтѣ, а другой на лярѣ, и которые оба также принимаютъ участіе въ танцахъ. Одна танцовщица шевелитъ руками, какъ-будто шелкаетъ кастаньетами; другая держитъ въ рукѣ плющовый вѣнокъ; прочія почти все украшены такими жѣ вѣнками. Онѣ обуты въ прекрасныя котурны и сопровождаютъ пляску быстрыми, живыми движеніями головы и рукъ, что очень напоминаетъ тарантеллу. Сеньоръ Авольта говоритъ, что подобная пляска существовала еще въ томъ краю во время его молодости; онъ присвоупладеть, что, будучи мальчикомъ, самъ танцовалъ такимъ образомъ; и горько жалуется на проклятыя французскія моды, которыя вытѣснили изъ Тосканы все національ-

ныя убранья. Одежда римскихъ царицъ очень бедно была; она состояла изъ материи, утолщенной пеллами звездочками; и украшена построй убранными шифрами, украшенными омерзительными серагами, рунами, браслетами; Юноши одыались (отъ тьмы, кривизны, дряхлости и широты) дрянными, наизувь, вялыми деревья сидаты, разными пряжи, а зину, брадганты, зайцы, голки, оловяч и другиа животныа, которыа, кажется, тоже наслаждаются праздникомъ...

Бюджанис описанныхъ нами фресокъ, конечно, очень похоже на некоторыа египетскіа расписанія гробницы; но работа гораздо лучше и тщательнее. Сверхъ того здесь вполне выразилась склонность Этрусковъ къ щегольству и кокетству. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, принцесса Камилла явилась въ Римъ на одинъ балъ въ нарядѣ изъ драгоценныхъ вещей, вынутыхъ изъ этрусскихъ гробовъ, и нарядъ этотъ, помрачившій собою все издѣлія Парижа и Вены, возбудилъ всеобщую зависть и удивленіе. Въ самомъ дѣлѣ, пышные уборы Этрусковъ представляютъ весьма рѣзкій контрастъ съ чрезвычайною простотою одежды Грековъ и строгою наружностью Римлянъ, у которыхъ щегольство было запрещено законами. Такъ, на примѣръ, Этруски обращали особенное вниманіе на обувь, которая составляла самую изукрашенную часть ихъ костюма, тогда какъ Греки совершенно пренебрегали обувью и нѣрѣдко вовсе не употребляли ее. Есть женскія и мужскія фигуры, у которыхъ головы и ноги убраны пребогато, а прочія части тѣла оставлены во всей наготѣ, какъ у негровъ, которые, надѣвъ на себя англійскій парикъ и сапоги, а впрочемъ оставшись совершенно голыми, думаютъ, что этого наряду достаточно для самыхъ важныхъ оккзій.

Дряжно однако жъ зачѣтить, что картины, о которыхъ мы теперь говоримъ, не имѣютъ и вполнѣну той занимательности, какую представляютъ другой родъ этрусскихъ картинъ, которыя съесты взяты изъ древнихъ туземныхъ изреченій о богахъ и духахъ, шествіяхъ изъ тѣла, въобще о предметахъ міра духоваго. Несмотря на всъ рѣзискии, ученые собрали очень мало положительныхъ свидѣній касательно религіа изреченій Этрусковъ, и кажется, что новейшіа открытія никогда не объяснятъ ее. Все,

что до религии, то, как известно, первоначально догматы религии определяются, главным образом, необходимостью и нуждой религии, и поэтому религия от религии. Религия Этрусков была, как и религия Греков, Египтян и Финикийцев, что было характерно для Этрусков, Юнона, и т. д. далее, как были Юпитер, Юнона, и протия божества троянского пантеона. Этруски имели свои храмы, свои обряды, свои жертвоприношения, о которых мы знаем, который лежит под этим названием: религия, мы действительно ничего не знаем, жрецы и ритуалы храмов Юнона и т. д. далее, и т. д. далее, их погибла вместе с независимостью народа. Судя по оставшимся памятникам, Мивала думает, что религия Этрусков состояла первоначально из двух элементов: из простых легенд и поверхностных аллегорий, каковы, например, предания о Тагесе, Янусе, Сатурне, и прочее, и из особых мистических догматов, перешедших из Этрурии в Египет и Финикию. К этим двум элементам впоследствии привнеслась третья, — мифология греческая: известно, что поклонение Бахусу было введено из Греции. И кажется, что в эти последние времена, в эпоху развития роскоши, древняя религия Этрусков потеряла свою народность, по причине, что жрецы слишком тщательно берегли ее и давали народу в гомеопатическом приеме: толпа соскучилась непонятной верой, бжала в храм в леса, и, слушая чувственных поучений поклонников Бахуса, присоединялась к их разгульному бранству.

Самый любопытный и самый народный догмат этрусской религии состоял в твердой вере о существовании и близком присутствии мира духов, который проявляется смертному в безчисленных случаях и очевидно действует на его чувства, в молнии, в вихрях, в полете и крике птиц, в разных способах гадания и предугадания будущего. Эта идея долгого времени уверенилась в Этрурии, что, прозаически сильное впечатление на скептической умственности Римлян и не менее погибла даже после падения этрусского государства. В древней этрусской религии были признаваемые догматы божества божества лангиты и отдельных лиц.

интересны для нас истинны, если не останавливаться дойти быт свойственны унскому и ливонскому народу; улавляющему следом старинныя, патриархальныя преданія. У души каждого ребенка балет свой родственный духъ; покровитель, спутникъ, руководитель, въ безвременною: одна безвременно существъ, завладѣвшихъ и обоемъ нашъ земной миръ и миръ; ожидающій насъ за гробомъ. Но что же такое были эти духи, эти вѣсны, национальная мечта древнѣе Этрускивъ? Удаленные: остатки римской литературы даютъ намъ весьма темное и обильное о нихъ помятѣ. Нить ничего неяснаго и неяснаго отъ гонимого гонимъ, заключающейся въ твореніяхъ латинскихъ писателей и въ памятникахъ классическаго искусства, въ драматическихъ вѣдяхъ и статуяхъ, дошедшихъ до насъ отъ времени императоровъ. Говорятъ, что онъ былъ нравственнымъ спутникомъ человека отъ самаго его рожденія. Не былъ ли онъ такъ же и смертны, какъ человекъ? Онъ раздавалъ всь его удовольствія и страданія; возносилъ отъ нѣмъ наслаждался у семейнаго очага, веселился съ инкрустацией, торжествовалъ въ счастьи, сѣдывалъ въ здуго гонимы, помогать добрымъ советами въ трудныхъ обстоятельствахъ. Но съ тѣмъ мѣстѣ его воображаютъ и духомъ, который имѣлъ высшій надзоръ за поступками смертныхъ, руководствовалъ ихъ дѣяніями и управлялъ ихъ судьбою. Иногда гонимъ является способнымъ называть своей паружьей и видъ, показываться: человеку то бѣдѣ, то черноты, смотря по тому, одобрять или осуждаютъ онъ его поведение, радуется дѣламъ его или предостерегаетъ объ нѣмъ непохвальности и опасныхъ послѣдствіяхъ. Иногда, напротивъ, кажется, какъ будто бы у всякаго человека были два различныя гонимы, одинъ бѣлый и другой черныи. И не только вождь, человекъ, но всякой донъ, городъ, восточникъ, холмъ, даже всякое животное, имѣли, кажется, свои гонимы. Полъ, возрастъ, наружный видъ этихъ гонимыхъ дуковъ, были различны: гонимъ бѣлъ мущина, гонимъ бѣлъ женщина, гонимъ былъ то и другое; иногда красноты юности, иногда старикъ въ налѣи, иногда скелетъ... Существенно странное, неумовное, мечтательное и въ высочайшей степени поэтическое!

На древнѣе, этрусскѣ и египетскѣ (если только правда)

двое парадических (у насъ означенныя гонимыя) и представляются въ обыкновенномъ повеленескомъ образѣ. Фреску въ Фаринини, она была продана. Главная особенность для местона. селенствъ въ островахъ и восточной Азии, которая, по уверению антикваріевъ, всегда украшалась изъ дождя; сверхъ-того она именуется иногда въ востокъ, съ темнотой изъ земли, — эмблема рывности. Ростъ и особенныя краски красноты отличаютъ гонимыхъ отъ чужеземцевъ; которые обыкновенно очертаны очень живо. Близко грунту и напоминаютъ собою зрѣнію Лукреція. За гонимыя являются иногда въ видѣ уродливыхъ дьяволовъ, иногда изъ мотыль узнавать только по черному цвету; и мученыя, мальтоновскія фигуры, съ страшною нарушностію. Въ Фаринини есть гробница, прозванная Самара de Mo в которой одна картина представляеть длинную процессію покойниковъ разныхъ временъ и состояній; именуемая въ сопровожденіи гонимыхъ къ послѣднему судану. Большая часть этой картины стерлась, но въ сохранившейся части Грей, о которой мы упоминали, прилежно изобразилъ одной изъ удѣленныхъ частей ея. На этомъ изображеніи ставлено высокою зѣлѣю гонимыхъ, изъ которыхъ одни лежатъ, а другіе сидятъ у воротъ ада, опершись на зѣлѣю обыкновеннаго приваженности отруенихъ чертей, и на мажущаго зѣлѣю духахъ другаго века и другой страны. Мухометовскіе Муншари и Намиръ, коверы, при которыхъ допросы души человеческихъ, разбиваютъ красноту леньшия мотыли тѣлѣ, которые не сознаются въ своихъ преступленіяхъ. Тутъ же изображены два гонимыхъ, одинъ изъ нихъ, оспаривающіе другъ у друга душу увертливостію, а другой тащитъ впередъ, а другой отталкиваетъ колесоциду, на которой сидитъ замешанный шокрантъ мертвецъ. Это очень похоже на описанный у Джорджа «чернаго керуны» въ посланіи на Небо. Душа, которая пришла. Впрочемъ, такое сходство въ частяхъ различно: мотыльчскія: карудамъ, токсавскіе: статистическія: престаніе приходить на землю, когда красноту восточные и восточные его предковъ, о которыхъ мы упоминали, не имѣлъ ни какого понятія. На другой картине, найденной также въ Фаринини, представляется

классія жертвеннонь, которую ведетъ добрый геній, въ розовой мантии, въ вѣнокъ изъ змѣй и съ змѣями же въ обѣихъ рукахъ. Судя по разнымъ примѣтамъ, большая часть покойниковъ находится подъ его покровительствомъ; но двое, юноша и дѣвица, оба удивительной красоты, окружены со всѣхъ сторонъ злыми геніями отвратительной наружности, похожими на негровъ, съ зварскими лицами, съ когтями, красными глазами, въ страшныхъ одеждахъ и въ змѣиныхъ повязкахъ. Глубокая горестъ прекрасно выражена въ лицѣ и глазахъ женской фигуры. Глядя на эту группу, нельзя не вспомнить о разныхъ дѣйствующихъ лицахъ «Божественной Комедіи». И сходство не ограничивается одною внѣшностью: оно лежитъ глубже, въ самой идее. Вообще можно сказать, что характеръ воображенія, которое создало драматическія фрески этрусскихъ гробницъ, есть тотъ же самый національный характеръ, который проявился впоследствии подъ перомъ Данте и подъ кистью Микель-Анджело. Незабывныя измѣненія, произведенныя столѣтіями, здѣсь ничего не значатъ: сущность осталась прежняя. Идея о смерти, говоритъ Микали, дѣлала въ древней Этруріи глубокое впечатлѣніе на умы, и это же самое мы видимъ у Тосканцевъ въ средніе вѣки. Въ обоихъ случаяхъ, одинаковое настроеніе души дало свой особенный характеръ искусству, въ которомъ мысль выражалась не столько изящно, сколько могущественно, безъ нѣжныхъ, игривыхъ греческихъ фантазій, безъ определенности и отчетливости въ отдѣлкѣ частныхъ, съ чудною смѣсью высокаго и того, что въ художествахъ называется гротескомъ. Воображеніе молодого Данте впервые было возбуждено публичнымъ представленіемъ страшнаго суда, разыграннмъ флорентинскими жителями, на берегахъ Арно, вѣроятно, съ тою же точно народностью, которою древніе этрусскіе художники запечатлѣли свои произведенія, сохранившіяся подъ землею, и которая послѣ выразилась въ смѣлыхъ созданіяхъ Буонаротти и страшныхъ мечтахъ Сяньорелли.

Национальный типъ лицъ на этрусскихъ картинахъ, по словамъ Микали, сходенъ съ общимъ характеромъ нынѣшней тосканской физиономіи, классической и прекрасной, хотя не столь правильной какъ греческая и не столь выразительной

какъ римская : вертикальный діаметръ головы короткий, уши нѣсколько приподняты, лобъ широкій и низкій; носъ орлиный, подбородокъ круглый. Но Мюллеръ, историкъ древней Этруріи, совсѣмъ иначе описываетъ наружность Этрусковъ : онъ говоритъ, что фигуры представленныя на саркофагахъ, вообще изображаютъ людей очень некрасивой наружности, низкаго росту, съ большими головами, короткими и толстыми руками : *obesi et pingues Etrusci*. Какъ бы то ни было, Этруски были народъ живой, веселый, любившій удобства и наслажденія, хотя и чуждый утонченности : это доказывается сюжетами большей части ихъ художественныхъ произведеній, — попойками, играми, коискими скачками, травлею кабановъ, пляскою, музыкой. Музыка у нихъ играла, кажется, важную роль : Аристотель пишетъ, будто бы они мѣсили тѣсто для хлѣба и сѣкли рабовъ подъ звуки флейты, а на одной древней картинѣ представленъ кулачный бой, происходящій съ аккомпаниментомъ этого неизбежнаго инструмента. Микали, съ своей стороны, много распространяется объ уваженіи Этрусковъ къ женщинамъ и выводитъ изъ того доказательство ихъ образованности и чистоты ихъ семейныхъ нравовъ. Но что говорятъ объ этомъ древніе? Греческій путешественникъ Теопомпъ не очень благопріятно отзывался о добродѣтели этрусскихъ красавицъ, и хотя горячій Микали съ крайнимъ презрѣніемъ отвергаетъ показаніе «недобросовѣстнаго» Грека, однако жъ его рыцарское заступничество не можетъ заглушить всеобщаго голоса древнихъ писателей. Впрочемъ, должно сказать и то, что вошедшій въ пословицу развратъ жителей Тосканы принадлежалъ уже къ послѣднему періоду упадавшаго общества и былъ, можетъ-статься, преувеличенъ Римлянами, которые имѣли привычку обвинять въ извѣженности и безнравственности каждый народъ, какъ скоро нравы его были нѣсколько мягче ихъ грубыхъ и зверскихъ обычаевъ.

Любопытно сравнить два періода, въ которые Этрурія пользовалась именемъ независимаго государства, первый, предшествовавшій и современнѣй основанію Рима, и второй, продолжавшійся съ двѣнадцатаго до пятнадцатаго столѣтія по Рождествъ Христовъ. Періоды эти имѣютъ много

сходнаго. Въ обоихъ та же дѣятельность и то же богатство, то же промышленное, торговое направленіе и та же смѣсь гражданскаго характера съ воинственностью; въ обоихъ одинаковыя заблужденія и пороки, одинаковое расположеніе къ мятежамъ, одинаковое раздѣленіе жителей каждаго города на патриціевъ и простыхъ гражданъ, и отсутствіе одной сосредоточенной власти; наконецъ, въ обоихъ одно и то же неистовство или равнодушіе при важныхъ переломахъ, требовавшихъ всеобщаго соединенія, и одни и тѣ же послѣдствія, — разстройство, упадокъ, порабощеніе. Но древнія республики имѣли значительный перевѣсъ надъ новѣйшими въ томъ, что начала ихъ гражданской политики были тверже и тѣсно соединялись съ религіей. Объ Этруріи можно сказать вмѣстѣ съ Мюллеромъ, что обитатели этой страны, боги и люди, составляли изъ себя одно цѣлое; люди находились въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ богами, а боги руководили людей, поучали ихъ разными предзнаменованіями и выполняли ихъ молитвы. Этруски вѣрили, что усиленная набожность можетъ отвратить или отсрочить опредѣленія рока. Но это уже само-собой показываетъ, какимъ огромнымъ вліяніемъ долженъ былъ пользоваться тотъ классъ, который изъяснялъ волю боговъ и умилялъ ихъ. И дѣйствительно, въ Этруріи санъ жреца былъ равнозначителенъ сану аристократа: жречество и дворянство были наследственные достоинства и принадлежали однимъ и тѣмъ же фамиліямъ. Этрурію можно назвать расадникомъ всей римской знати. Въ греческихъ государствахъ также было дворянство, *эпатриды*, потомки родовъ, присвоившихъ себѣ некоторыя наследственные преимущества надъ своими согражданами; но тамъ эти аристократы не пользовались ни какой постоянной, определенной властью, ни какимъ исключительнымъ уваженіемъ, котораго бы они имѣли право требовать: различіе ихъ съ прочими гражданами могло быть уничтожено при первомъ переворотѣ. Въ Греціи все стремилось къ демократіи, и, вслѣдствіе того, хотя мы встрѣчаемся, въ цвѣтущія времена греческихъ республикъ, съ нѣсколькими историческими лицами, которыя отличались богатствомъ и знатнымъ происхожденіемъ, однако жъ не видимъ фамилій, родовъ, ко-

торые бы изъ поколѣнія въ поколѣніе передавали свое имущество, сопряженное съ обладаніемъ помѣстьями, и возрастающее или упадающее, смотря по количеству и положенію ихъ помѣстій. Напротивъ-того въ Этруріи, какъ видно изъ всѣхъ ея памятниковъ, существовала настоящая аристократія, столько же опредѣленная и твердая, какъ аристократія феодальной Европы. Исторія Рима свидѣтельствуетъ, что многіе и изъ римскихъ знатнѣйшихъ родовъ были этрускаго происхожденія. Такъ, напримѣръ, роды Licinii, Cیلnii и Maecenates, къ которымъ принадлежалъ знаменитый вельможа Августа, были выходцы изъ этрускаго города Арреціума, Саесинас изъ Вольтерры, Aelii изъ Вольсиніи, Salvii изъ Ферентинума. Коренныя этрускія формы этихъ именъ — Lesne, Celne, Ceicne, Oele и Salse. Они встрѣчаются на многихъ гробницахъ и повторяются съ такою отчетливостію въ своихъ видоизмѣненіяхъ, что досужій антикварій можетъ возстановить «родословное древо» любой изъ древнихъ этрусскихъ фамилій, со всеми ея отростками и приростками, съ восходящими, нисходящими и побочными линіями, черезъ множество поколѣній.

Номенклатура древнихъ этрусскихъ родовъ имѣетъ въ себѣ много оригинальнаго и искусственнаго. У нихъ не существовало названій для поколѣній или, какъ въ Римѣ, для трибъ, заключавшихъ въ себѣ нѣсколько фамилій, которыя иногда были, иногда не были, соединены между собой кровными узами. Въ надгробныхъ надписяхъ обыкновенно находятя четыре имени. Первое значитъ титулъ покойника, по большей части Lars для мужскаго и Larthia для женскаго. Вѣроятно, слово Lars имѣло какое-нибудь отношеніе къ римскому lar, домашнее божество. Впрочемъ, у Этрусковъ встрѣчаются и другія приставки къ собственному имени: у мужчинъ Aguns, Aule (*Aulus*) и Fele (*Velius*); у женщинъ Thana, или Thancufil (*Tanaquil*), Felia, Sethra, Titia, Phastia, Ane и Ramta. За этими титулами слѣдуетъ обыкновенно родовое имя покойника, потомъ титулъ его отца съ прибавленіемъ *al*, что, можетъ-быть, значило сынъ, и наконецъ родовое имя матери съ тѣмъ же прибавленіемъ. Такимъ образомъ гробничная надпись Lars Tetina Larival Spuinal значитъ, «Ларсъ, или князь, Тетина, сынъ друга»

го Ларса Тетины и матери изъ роду Спурина». Въ Женевѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ доннынъ существуетъ обыкновеніе къ фамиліи, которую сынъ наследовалъ отъ отца, прибавлять еще фамилію матери, для отличія разныхъ отраслей одного и того же дому. У женщинъ иногда писалось прежде всего ихъ собственное имя, потомъ родовое имя отца, за нимъ родовое имя матери, и наконецъ родовое имя мужа, напримѣръ: *TANCIPII RVNELNEI TEBATNA LESNEZA*, то есть, «Танаквилъ, дочь Фрельна и Тебатны, жена Лицинія.» На гробничныхъ урнахъ Лициніева дому, открытыхъ близъ Сіенны, найдено восемь надписей въ этомъ родѣ.

Какъ бы то ни было, надписи на женскихъ гробницахъ показываютъ, что прекрасный полъ въ Этруріи дѣйствительно пользовался значительнымъ уваженіемъ. Притомъ и на живописныхъ этрусскихъ памятникахъ нѣтъ даже слѣда ни того отдаленія женщинъ, какое находимъ мы на Востокѣ и въ Греціи, ни того дерзкаго обращенія съ ними, какое позволили себѣ Римляне. Матроны знатныхъ этрусскихъ фамилій погребались съ такимъ же великолѣпіемъ и почестями какъ жрецы и народоправители. Въ одной гробницѣ, въ Чиузи, посреди всѣхъ саркофаговъ, на возвышеніи, стоитъ большая статуя, изображающая женщину въ курульныхъ вреслахъ, съ лицомъ, обращеннымъ ко входу, и съ важнымъ, торжественнымъ видомъ, производящимъ такое сильное впечатлѣніе, что зритель невольно попытается, взглянувъ на эту фигуру. Это покойная владѣтельница Чиузи. Осанка ея чрезвычайно величественна, одежда великолѣпна; у ногъ начертана надпись, изъ которой узнаемъ ея санъ. Статуя сдѣлана изъ известняка, — чиузскаго драгоценнаго камня, — и, по своему стилю, принадлежитъ къ перво-степеннымъ образчикамъ этрускаго ваянія.

Новѣйшіе историки полагаютъ, что древнее правленіе этрусскихъ городовъ было чисто аристократическое и что только впоследствии изъ домовъ, которые пользовались правительственною властью, возникли владѣтельные князья съ царскимъ достоинствомъ, *Lars* и *Lucumo*. Таковы были *Lars Tolumnius* и, завоеватель Рима, *Lars Porcena*. Однако жъ царское достоинство не оставалось долго въ одной фамиліи: очень часто родъ, изъ котораго, впродолженіи

известнаго времени, избирались по надобности цари, съ перемѣною политическихъ обстоятельствъ входилъ опять въ общую категорію знатныхъ дворянскихъ домовъ и не пользовался ни какимъ особеннымъ противъ нихъ уваженіемъ. Въ послѣдніе дни этрусской независимости начались народные бунты, и они-то болѣе всего, ослабивъ могущественную конфедерацію городовъ этрусскихъ, содѣйствовали къ порабощенію ихъ Галлами и Римлянами.

Нибуръ, съ своей обыкновенной смѣлостью на историческія мечты, провозгласилъ мнѣніе, будто бы этрусскій народъ состоялъ изъ двухъ отдѣльныхъ племенъ, — изъ побѣдителей-патрицевъ и изъ покоренныхъ. Онъ взялъ эту мысль у Вико. Главное изъ его доказательствъ заключается въ томъ, что, только допустивъ такое предположеніе, мы можемъ объяснить себѣ происхожденіе дивныхъ, огромныхъ, величественныхъ, публичныхъ памятниковъ, воздвигнутыхъ Этрусками. Но ученый мечтатель построилъ эти памятники въ своей головѣ: ихъ вовсе не было въ древней Этруріи; ни какіе слѣды не подають ни малѣйшаго повода подозрѣвать ихъ существованія. Страна эта не имѣла ни пирамидъ, ни гигантской башни Беа; стѣны древнихъ этрусскихъ городовъ никогда не представляли огромныхъ и непреодолимыхъ твердынь; этрусскіе храмы замѣчательны болѣе особенностью постройки нежели размѣрами и великолѣпіемъ. Самые достойные вниманія образцы здѣшней архитектуры суть частные дома, еще больше гробницы. Обычай Этрусковъ былъ совершенно отличенъ отъ нравовъ, которые Гораций приписываетъ древнимъ Римлянамъ. Этруски, какъ мы замѣтили, были народъ склонный къ удобствамъ жизни, къ роскоши и тщеславію въ домашнемъ быту. Ихъ жилища наполнялись художественными и ремесленными произведеніями; въ нарядахъ и украшеніяхъ своихъ они кокетничали какъ женщины. Все это показываетъ богатую, торговую націю, но отнюдь не смѣсь господъ и рабовъ, какъ говоритъ нѣмецкій ученый. Обычай окружать главный гробъ какой-нибудь важной фамиліи гробами ея друзей и кліентовъ также противурѣчитъ предположенію о существованіи двухъ отдѣльныхъ и совершенно между собою противоположныхъ племенъ. Сверхъ-того

нѣтъ ни какого различія ни въ физіономіяхъ ни въ другихъ принадлежностяхъ наружнаго виду человѣческихъ фигуръ представленныхъ на гробничныхъ картинахъ. Въ анимационной «Пляска мертвецовъ», всѣ фигуры перемежаются между собою безъ всякаго разбору; люди знатные и незнатные, патриціи и плебеи, всѣ, какъ равные, ешшатъ къ одной цѣли; никому нѣтъ отличія, никто не обращаетъ на себя особеннаго вниманія или уваженія прочихъ: Лисиппа, ремесленникъ, деревенскій житель, каждый съ символическими знаками своего званія, слѣдуютъ за добрымъ или злымъ гениемъ, и всѣ являются какъ-бы членами одного семейства. Наконецъ, въ періодъ, который уже освященъ некоторымъ святомъ исторіи, то есть, въ періодъ сношеній этрусской республики съ Римлянами, мы находимъ въ ней, точно такъ же какъ въ другихъ древнихъ государствахъ, три класса подданныхъ, — классъ людей благородныхъ, дворянъ, классъ свободныхъ гражданъ, и классъ невольниковъ. Кровавыя междоусобія Вольсини были дѣломъ этого послѣдняго класса, возмущившагося противъ своихъ господъ. Исторія говоритъ, что, въ окончательную войну Этруріи съ Римомъ, когда во всей республикѣ не стало свободныхъ людей, невольники составляли все ея войско. Что касается до дворянъ, то они были толстяки, весельчаки, хлѣбосолы, моты. Римляне ихъ побѣдили оружіемъ, но они Римлянъ своею кухней. Нескромный сюжетъ чаши, на которую мы указали въ Грегорианскомъ Музеумъ, положительно доказываетъ историку, что покорители міра брали уроки въ обжорствѣ у коренныхъ этрусскихъ дворянъ, которыхъ повара управляли, поэтому, дѣлами «вѣчнаго города». Нѣкоторые этрусскіе аристократы, и во время римскаго владычества, продолжали жить въ своихъ богатыхъ помѣстьяхъ, какъ знатные провинціалы, имѣющіе почетное имя и всѣ въ обществѣ. Цецина Децій Альбинъ, въ царствованіе императора Гонорія, жилъ еще по обычаямъ старины этрусской, въ виллѣ, на берегахъ родимой рѣки, въ окрестностяхъ Вольтерры. Впрочемъ, большая часть этрусскихъ дворянскихъ фамилій, ускользнувшихъ отъ истребленія въ періодъ продолжительнаго издыханія республики, погибла въ великомъ римскомъ водоворотѣ. Римляне, не имѣя своихъ

собственныхъ памятниковъ, пинали крайнее уваженіе древностямъ другихъ націй и старались ихъ сократить и присвоивать, для возвеличенія своего государства. Какъ и где изъ нихъ знатнѣйшихъ фамилій не могли отыскать себе предка важнѣе какого-нибудь негодяя, который, похищая добраго ларса, избѣгнулъ отъ висѣлицы, то они необходимо должны были чувствовать глубочайшее уваженіе къ этрускимъ родословнымъ, которыхъ начало, казалось, теряется въ туманъ эпохъ, современныхъ началу самаго міра. Это уваженіе проглядываетъ во многихъ мѣстахъ сочиненій Горація: желая сказать комплиментъ какому-нибудь римскому вельможѣ, начальнику провинціи или министру, онъ непременно вспоминаетъ объ его прародителѣ, управлявшемъ, еще до основанія Рима, какою-нибудь этрусскою крепостцой. Сильнѣе этого, вычеге нельзя было придумать. Римляне взяли Этрусковъ за образецъ въ религіи и переняли у нихъ большую часть своихъ учрежденій, своихъ кулонныхъ дѣлъ, и, наконецъ, своей нравственной порчи.

ИСТОРИЯ

ЖИЗНИ И СОЧИНЕНІЙ ЮАННА КАЛЬВИНА.

Подъ этимъ заглавіемъ * вышло въ свѣтъ въ Парижѣ сочиненіе, которое вполне заслуживаетъ вниманія любителей исторіи. Извѣстно, что «Исторія реформаціи», изданная D'Aubigné, надѣлала много шума въ ученомъ свѣтѣ, но даже приверженцы Кальвинова ученія, не хотѣли защищать нѣкоторыхъ смѣлыхъ утвержденій новаго историка. Господинъ Audin, изъ любви къ исторической истинѣ, рѣшился предпринять обширныя разысканія въ архивахъ и печатныхъ источникахъ, чтобы привести въ ясность спорные пункты столь неясной и столь любопытной части религіозныхъ волненій западной Европы. Сочиненіе его представляетъ множество подлинныхъ и неоспоримыхъ документовъ, которыхъ показанія бросаютъ новый свѣтъ на жизнь, характеръ и дѣйствія Кальвина. Этотъ человекъ, некогда столь знаменитый какъ ересіархъ и глава особеннаго христіанскаго исповѣданія, играетъ теперь весьма странную роль, и передъ противниками, и передъ послѣдователями такъ-называемой «евангелической» или «реформатской церкви». Тамъ всё-еще почитаютъ его учителемъ и свѣтиломъ этой церкви, тогда какъ «кальвинисты» отвергаютъ нынче весь собственныя положенія Кальвина и не признаютъ его своимъ образцомъ ни въ какомъ отношеніи. Отсюда происходитъ, что и тамъ и другіе нападаютъ на Кальвина, и, въ многочисленномъ собраніи его біографіи, найдется, правда, много панегириковъ, но гораздо болѣе, втрое болѣе, встрѣ-

* Histoire de la vie, etc., de Jean Calvin, par M. Audin. Paris.

тите пасквилей на женеваго реформатора. Общій результатъ тотъ, что безпристрастной биографіи нѣтъ ни одной. Да и трудно было, безъ прилежныхъ изысканій, написать что-нибудь безпристрастное. Кальвинъ самъ былъ чловкъ страстный, дѣйствовалъ безъ положительнаго плану, проповѣдывалъ наудачу. Личный его характеръ былъ таковъ, что даже самые жаркіе его защитники не питають къ нему ни какой симпатіи: онъ могъ убѣдить ихъ разсудокъ, но не въ состояніи былъ покорить себѣ ихъ сердца.

Зенебиръ хорошо сказалъ о Кальвинѣ, что онъ жилъ и дѣйствовалъ одними только «классными логическими формами»: это суцая правда. Такое направленіе дали ему обстоятельства, въ которыя онъ былъ поставленъ, въ ранніе годы своей жизни. Кальвинъ родился въ Нойонѣ, десятаго іюля, тысяча-пятьсотъ-девятаго года. Отецъ его занималъ почетное мѣсто по церковно-судебной части и былъ домашнимъ секретаремъ у своего епархіальнаго епископа. Въ сочиненіяхъ Кальвина, также какъ и въ твореніяхъ Лютера, есть множество самыхъ свѣтлыхъ, самыхъ плавнительныхъ воспоминаній дѣтства, которыя встрѣчаются у него въ такихъ мѣстахъ, гдѣ менѣе всего можно было ожидать ихъ, именно, среди самыхъ горячихъ, чтобы не сказать желчныхъ, споровъ. Отецъ готовилъ маленькаго Кальвина въ духовное званіе, но, обремененный большимъ семействомъ, не находилъ средствъ дать ему приличное образованіе. Къ счастью, семейство Момморъ, съ которымъ онъ былъ въ дружбѣ, взяло его сына къ себѣ въ домъ и воспитывало малютку наравнѣ съ своими дѣтьми.

На тринадцатомъ году своего возраста, Кальвинъ, вмѣстѣ съ двумя Момморами, отправился въ Парижъ для окончанія воспитанія и жилъ въ квартирѣ своего дяди, бѣднаго слесаря. Благодаря вліянію Момморовъ, онъ получилъ доступъ въ лучшія общества, и вскорѣ отвыкъ отъ того грубаго обращенія, которое сначала много вредило ему. Въ это время Кальвинъ учился въ Collège de la Marche, состоявшей подъ начальствомъ Матюрена Кордери, котораго «Разговоры» долгое время служили первымъ и единственнымъ

руководствомъ къ изученію латинскаго языка, во всѣхъ тогдашнихъ европейскихъ школахъ. Кордери находилъ правильными нѣкоторыя положенія Лютера и Меланхтона, которыя начинали распространяться въ Германіи, и былъ въ восторгѣ отъ реформаторовъ, потому что они смѣялись надъ варварскою латынью западныхъ монаховъ; онъ не могъ налюбоваться ихъ произведеніями, написанными слогомъ лучшихъ классическихъ временъ. Логикъ Кальвина училъ какой-то Испанецъ, страстный обожатель аристотелевскихъ формулъ, не смотрѣвшій ни на какія насмѣшки, которыми осыпали тогда стагирскаго философа. Кальвинъ, по примѣру своего учителя, страстно полюбилъ диалектику и горько ропталъ на Лютера, что тотъ исключилъ ее изъ теологіи.

Кальвину было уже около девятнадцати лѣтъ. Тутъ Моммори доставилъ ему мѣсто приходскаго священника въ Pont l'Évêque, близъ его родины. Отецъ никакъ не хотѣлъ зарыть въ деревнѣ способностей своего сына; онъ рѣшилъ, что Іоаннъ долженъ быть адвокатомъ, и ему удалось хлопотать для молодаго Кальвина право пользоваться доходами съ своего прихода во все время, пока онъ будетъ заниматься юриспруденціею въ буржскомъ университетѣ. Будущій адвокатъ до прибытія своего въ этотъ университетъ слушалъ лекціи у Л'Этоала въ Орлеанѣ и сдѣлался однимъ изъ самыхъ любимѣйшихъ учениковъ своего наставника, который, подобно ему, былъ безъ души отъ Аристотеля. Но товарищи надѣли ему, твердя: «Намъ хотѣлось бы, чтобъ Кальвинъ прошелъ весь склопенія; а ему никакъ не подвинуться далѣе *винительнаго надежда*».

Въ Буржѣ, Кальвинъ занимался законовѣдніемъ подъ руководствомъ знаменитаго Альціати. Юриспруденція не нравилась Іоанну и онъ бросилъ ее. Греческія лекціи Мельхіора Вольмара, заклятаго школяра и ревностнаго поборника реформаторовъ, поглотили все его вниманіе. Кальвина вскорѣ отличили. Вольмаръ началъ расчитывать на его содѣйствіе. «Я уважаю Кальвина, писалъ онъ къ Фарелю: его дурныя наклонности подають мнѣ больше надеждъ,

чужь опасеній. Съ такимъ направленіемъ, онъ для насъ, при теперешнихъ обстоятельствахъ, такая находка : онъ будетъ твердымъ защитникомъ нашихъ мыслей; онъ разомъ запутаетъ всякаго противника, а его самого нельзя сбить съ толку ни какими діалектическими тонкостями.»

Въ числѣ товарищей Кальвина въ Буржъ находился и Теодоръ Беза, который только-что выдалъ тогда собраніе самыхъ безнравственныхъ поэмъ, какія только являлись когда-нибудь, со времени Катулла. Любовь къ литературѣ подружила двухъ школьникова. Беза оставилъ прежне свое литературное поприще и совершенно посвятилъ себя изученію Библіи : съ этихъ поръ на него надобно смотреть какъ на Меланхтона французской реформаціи. Читая Августина, товарищи всеми силами ухватились за извѣстную мысль его «о предопредѣленіи», которая впоследствии возбудила столько споровъ и считалась отличительною чертою кальвинизма. Страшныя послѣдствія этого ученія глубоко запали въ душу Кальвина; онъ дрожалъ отъ ужаса, когда вспоминалъ, что, можетъ-быть, и самъ онъ принадлежитъ къ числу отверженныхъ или предопредѣленныхъ на вѣчныя мученія. Вспоминая объ этомъ времени въ послѣдніе годы своей жизни, онъ говаривалъ : «Господи! какъ часто я погружался въ самого себя! какъ часто душа моя стремилась къ Тебѣ! Смертныи ужасъ оковывалъ меня и я не могъ избавиться отъ него ни постомъ ни молитвами.» Наконецъ, по словамъ Кальвина, чудесное откровеніе свыше, убѣдило его въ томъ, что «онъ причисленъ къ избраннымъ и стоитъ внѣ пропасти папизма».

Кальвинъ, оставивъ Буржъ, отправился въ Парижъ и здѣсь началъ распространять свои новыя мысли, но тайно и съ большими предосторожностями. Около этого времени вышли въ свѣтъ первыя его литературныя произведенія. Чтобы убѣдить короля Франциска Перваго въ томъ, что не должно преслѣдовать людей, не одинаково съ другими мыслящихъ, онъ издалъ «Разсужденіе о милосердіи», посвященное Сенекою Нерону! По всему видно, что Кальвинъ рѣшительно не зналъ автора, котораго сочиненіе напеча-

тадь: онъ смѣшалъ двухъ Сенекъ, отца съ сыномъ, и, въ-добавокъ, навязалъ своему сочинителю сто-пятнадцать лѣтъ жизни. Промакъ имѣлъ для него гибельныя послѣдствія, Нельзя не сострадать бѣдному Кальвину, когда онъ жалуется, что истратилъ на печать все свои деньги и просить своихъ друзей содѣйствовать къ распродажѣ его изданія. Среди этихъ литературныхъ хлопотъ, Кальвинъ былъ позванъ къ ректору сорбонскаго университета Николаю Коцу, который заказалъ ему диссертацию для произнесенія въ годичномъ собраніи университетскихъ ученыхъ. Кальвинъ сочинилъ огромное разсужденіе, о чемъ бы вы думали?... «Объ оправданіи чловѣка *одною* вѣрою!» Почтенный ректоръ не замѣтилъ, что эта мысль заключаетъ въ себя самое жестокое для папистовъ ученіе Лютера. День собранія наступилъ: онъ началъ читать. Старики сорбонскіе слушаютъ и не вѣрятъ ушамъ своимъ. Вдругъ поднялся гвалтъ: профессора повскакали съ скамеекъ и бросились на Копа. Тотъ едва спасся бѣгствомъ, а съ нимъ вмѣстѣ долженъ былъ спастись и авторъ знаменитаго разсужденія: онъ переодѣлся садовникомъ и укрылся въ Неракъ у Маргариты Наваррской.

Маргарита была страстная покровительница литературы, не всегда вѣрной строгимъ правиламъ чистой нравственности. Одинъ изъ ея панегиристовъ, Брантѳмъ, говоритъ, что «маленькій неракскій дворъ былъ сборищемъ писателей, которые сочиняли злыя сатиры; собраніемъ обворожительныхъ дамъ, составлявшихъ любовныя повѣсти, съ описаніемъ въ нихъ собственныхъ своихъ похожденій; пріютомъ поэтовъ, которые сыпали одами, въ родъ Беза; убѣжденіемъ недовольныхъ проповѣдниковъ, которые со всеми ссорились; пристанищемъ италіянскихъ актеровъ, для которыхъ не было ничего святаго, ничего неприкосновеннаго, и глушцовъ-реформаторовъ, которые, зная одну только азбуку, брались преобразовывать церковь.»

Въ Неракѣ Кальвинъ началъ писать знаменитѣйшее свое сочиненіе: «*Institutiones Christianae*». Когда нѣкоторыя части этого сочиненія были готовы, онъ читалъ ихъ Мар-

гарить среди придворныхъ, которые не могли надуться его уму. Въ то же время онъ составилъ свою «*Psychopannychia*», гдѣ опровергъ мысль анабаптистовъ, толковавшихъ, будто «души, по разлученіи съ тѣлами, остаются до страшнаго суда безъ сознанія собственнаго положенія». На этотъ разъ Кальвинъ написалъ въ духъ церкви; это помирило его съ Сорбоною, и съ того времени онъ свободно могъ жить во Франціи. Богословская протестантская система, которую приняли шотландскія и женевскія церкви и французскія протестантскія общества, вышла въ первый разъ въ свѣтъ въ мартъ тысяча-пятьсотъ-тридцать-шестаго года. Едва ли какая другая книга имѣла подобный успѣхъ при первомъ своемъ появленіи, какъ «*Institutiones Christianae*» Кальвина. Современные писатели говорятъ о выходѣ этого сочиненія какъ-будто о какомъ-нибудь чудѣ, совершившемся передъ ихъ глазами. И точно, нельзя не отдать справедливости трудамъ Кальвина: онъ, въ своемъ Богословіи, кратко и отчетливо совмѣстилъ все, входившее въ составъ этой науки. Только должно замѣтить, что самое изложеніе, напоминающее собою цвѣтистый слогъ Сенеки, не совсѣмъ гармонируетъ съ сухой и официальной силлогистикой римскаго юриста, которая преобладаетъ въ цѣломъ. Посвященіе Франциску Первому можетъ служить образцомъ неподдѣльнаго краснорѣчія; глава «О терпимости» прекрасна, въ полномъ смыслѣ слова. Очень жаль, что авторъ, въ послѣдствіи, уничтожилъ мѣста, въ которыхъ говорилось о свободѣ совѣсти; а тутъ взглядъ его необыкновенно хорошъ. Вотъ нѣсколько строкъ для примѣру: «Съ людьми, которые держатся гибельныхъ мнѣній, опасно заводить дружбу и дѣлиться сокровенными мыслями; но мы должны, единственно своими увѣщаніями, радушными наставленіями, милосердіемъ, кротостію и молитвами къ Богу, дѣйствовать на нихъ такъ, чтобы они измѣнили свой образъ мыслей, сдѣлались способными приносить духовные плоды и навсегда остались бы чадами церкви. Такъ нужно поступать не съ одними только заблуждающимися христіанами, но даже съ Турками и Сарацинами.» Но какъ-скоро Кальвину пришлось самому дѣйствовать въ духъ этого истинно христіанскаго ученія, то онъ ясно доказалъ, что такіа

християнські / чувства / въ-отношеніи / къ / ближнимъ / не-
 когда / не / существовали / въ / его / сердцѣ. Изъ / жажды / лич-
 ной / мести / и / для / отклоненія / отъ / себя / общаго / справед-
 ливаго / негодованія / за / нарушеніе / правилъ ; которыя / самъ /
 преновьдывалъ , онъ / пожертвовалъ / лучшими / мѣстами /
 своего / сочиненія / о / свободѣ / совѣсти , и / такимъ / способомъ /
 лишилъ / всѣхъ / средствъ / къ / зашитѣ / врага / своего , Серве-
 та , который / изъ / темницы / горько / протестовалъ / противъ /
 насилій / Кальвина / и / ссылался / на / его / сочиненія , внушавшія /
 терпимость / къ / разномыслиющимъ . Лишь-только / вышли / въ /
 свѣтъ «*Institutiones Christianae*» , какъ / авторъ / ихъ / былъ /
 приглашенъ / въ / Феррару , герцогинею , дочерью / Людовика /
 Двѣнадцатаго , которая / раздѣлила / образъ / мыслей / этого / ре-
 форматора . Италіяны / не / увлекались / ученіемъ / новыхъ /
 преобразователей / церкви , а / потому / Кальвинъ / не / долго / про-
 былъ / въ / этой / странѣ ; отсюда / онъ / отправился / во / Францію ,
 а / потомъ / немедленно / пріѣхалъ / въ / Женеву . Герцогиня / оста-
 лась / вѣрна / наставленіямъ / Кальвина : она , вслѣдъ / за / нимъ /
 оставила / Феррару / и / поселилась / въ / замкѣ / Монтаргисъ , от-
 куда / вела / съ / своимъ / учителемъ / постоянную / переписку .
 Герцогъ / Гвизъ , женатый / на / дочери / ея / Аннѣ / д'Эстъ , гро-
 зилъ / своей / тещѣ / осадить / ея / замокъ , если / она / не / оставитъ /
 ереси ; но / герцогиня / отвѣчала / ему : «*Поберегитесь / лучше /
 вы / сами , потому / что , если / вы / явитесь / здѣсь , то / я / выйду / къ /
 вамъ / навстрѣчу / и / посмотрю , достанетъ / ли / у / васъ / духу /
 убить / дочь / короля , за / смерть / которой / небо / и / земля / должны /
 будутъ / мстити / вамъ / и / всему / вашему / поколѣнію , до / послед-
 няго / младенца , лежащаго / еще / въ / колыбели .*» И / герцогиня /
 непременно / сдержала / бы / свое / слово , но / Гвизъ / имѣлъ / столь-
 ко / ума , что / не / рѣшился / подвергать / свою / тещу / такому / страш-
 ному / испытанію .

Женева / отвергла / власть / герцога / савойскаго / и / своего / епи-
 скопа ; большая / часть / гражданъ / приняла / новое / вѣроисповѣ-
 даніе , которое / дарило / ихъ / политическою / независимостью ;
 но / многіе / изъ / нихъ / оставались / вѣрными / прежней / церкви :
 усилія / обратити / ихъ / къ / новому / ученію / болѣе / и / болѣе /
 увеличивали / ихъ / ревность / къ / католицизму . Фарель ,
 основатель / протестантской / церкви / въ / Женевѣ / и / главный

проповѣдникъ, и былъ болѣе ревностенъ чѣмъ умѣлъ бытъ по своему дѣлу; заисключительность и грубость выводовъ этого педагога разочаровали очень многихъ людей относительно истинности новаго ученія, за которое онъ сначала хватался, было съ жаромъ; это вѣчныя воззванія къ народу были причиною многихъ беспорядковъ, и правительство не знало, какъ тушить религиозные восторги духовныхъ его дѣтей. Въ эти критическія минуты, Кальвинъ прибылъ въ Женеву, съ мыслию провести здѣсь только одну ночь. Фарель, узнавъ объ его пріездѣ, явился къ нему и предложилъ навсегда остаться въ Женевѣ.

Кальвинъ, Фарель и Вире вводили реформацію не въ одной Женевѣ, но и во всей Швейцаріи. Однажды, жители Берна пригласили ихъ къ публичному диспуту съ католическимъ лозаннскимъ духовенствомъ. Въ самомъ ли дѣлѣ они одержали побѣду надъ папистами, или только такъ показалось слушателямъ, но диспутъ кончился тѣмъ, что въ Лозаннѣ мисса была уничтожена, иконы въ церквахъ сняты, монастыри заперты. Во время этой поѣздки реформаторовъ, два германскіе анабаптиста прибыли въ Женеву, начали проповѣдывать свое ученіе, и, прежде нежели Кальвинъ и Фарель возвратились изъ Лозанны, успѣли обратить къ себѣ очень многихъ. Назначили публичный диспутъ съ анабаптистами; спорили долго и жарко. Въ заключеніе всего, женевскіе преобразователи не могли похвастаться побѣдою надъ новыми, незванными проповѣдниками. Но въ своемъ домѣ нельзя же оставаться въ дуракахъ, и Фарель, чтобы не уступить анабаптистамъ, выхлопоталъ отъ правительства предписаніе, которое приказывало имъ оставить городъ подъ опасеніемъ казни. Такимъ образомъ здѣшніе реформаторы ясно доказали, какъ свято чтутъ самое главное правило своей секты, «свободу совѣсти». Чтобы предупредить подобныя опасности и на слѣдующее время, Кальвинъ составилъ «Исповѣданіе Вѣры». Все женевскіе жители поклялись принимать, держать и защищать этотъ символъ. Вслѣдъ за тѣмъ было учреждено судищище, которое имѣло главной цѣлью наказаніе нарушителей правилъ вѣры: такимъ обра-

ромъ и между протестантами, началась инквизиція, въ полномъ смыслѣ слова.

Женевскій сенатъ исполнялъ всѣ капризы Кальвина, выкалъ во всю отрасль церковной дисциплины, и вступался за нарушение оныхъ ничтожнѣе предписаній своего реформатора. Въ бумагахъ республлки, относящихся къ половинѣ шестнадцатаго столѣтія, есть одна записка, составленная двадцатаго мая тысяча-пятьсотъ-тридцать-седьмаго года, которая чрезвычайно любопытна въ этомъ отношеніи. «Въ последнее воскресенье, у одной женщины, когда она выходила изъ дому, булки были пущены длиннѣе, чѣмъ бы слѣдовало; а какъ это дурной примѣръ и противно ученію проповѣдниковъ, то определено посадить означенную женщину въ тюрьму, вмѣстѣ съ двумя особами, которыя при ней находились, равно и съ тѣмъ, кто убиралъ ей голову. «Одинъ человекъ, пойманный за карточною игрой, присужденъ былъ къ выставкѣ у позорнаго столба, съ колодой картъ, прицѣпленной къ шеѣ. Кальвинъ поставилъ правиломъ, что всякъ посѣщающій трактиры подлежитъ отлученію отъ церкви. Такое насиліе слѣжалось нестерпимымъ: сенатъ потребовалъ, чтобы проповѣдники сообразились съ постановленіями, сдѣланными въ Бернѣ. Кальвинъ отвергъ это требованіе, но зато не удержался на своемъ мѣстѣ: его выгнали изъ Женевы.

Большую часть своей трех-лѣтней ссылки Кальвинъ провелъ въ Страсбургъ, гдѣ можно было найти представителей всѣхъ религіозныхъ сектъ тогдашняго времени. Протестантскіе историки не нахвалятся братской любовью реформаторовъ; можетъ-быть, съ этой стороны преобразователи и заслуживаютъ добраго слова; но едва ли кто будетъ удивляться ихъ краснорѣчію, которое ни что иное, какъ самая невопятаая смѣсь ругательствъ, вѣдпныхъ возгласовъ, вылодокъ, обличающихъ невѣроятное неумѣство, и картинъ отвратительныхъ. Кальвинъ былъ одинъ изъ самыхъ холодныхъ, суровыхъ и злыхъ спорщиковъ; онъ всегда выигрываетъ въ головѣ болѣе, чѣмъ въ словѣ. Меланхтонъ былъ пораженъ неизмѣннымъ спокойствіемъ этого человека; и

дѣстью хотѣлъ склонить его на свою сторону, но безъ успѣху. Кальвинъ не захотѣлъ сблизиться съ Лютеромъ; потому, какъ говорилъ онъ своему другу, что «лисацъ не пристаю разыгрывать роль льва».

Въ одномъ письмѣ, сохранившемся въ археологическихъ сборникахъ Гремуса, резко описана наружность Кальвина. Вотъ его тогдашній портретъ :

«Кальвинъ похожъ на древняго евваилскаго пустытника, изнуреннаго продолжительными бдѣніями и постами; щеки его впалы, лобъ изрытъ морщинами, лицо безцвѣтно, какъ и все тѣло, но глаза блестятъ огнемъ неземнымъ. Станъ его немного сгорбленъ; кости, кажется, готовы прорваться сквозь кожу, но на ногахъ онъ крѣпокъ, и поступь его тверда.»

Теперь мы должны сказать о важнѣйшей эпохѣ въ жизни Кальвина, именно, о его женитьбѣ. Какъ ни разногласили между собою въ догматахъ вѣры страсбургскіе протестанты, сколько ни осыпали другъ друга анаѣмами на тысячу другихъ пунктовъ, но всѣ единодушно признавали необходимость дозволить духовенству имѣть женъ. Кальвинъ, потому ли что имѣлъ мало времени или мало расположенія высмотрѣть себѣ невесту, написалъ циркуляры ко всѣмъ своимъ друзьямъ, чтобы они постарались отыскать для него жену, которая стояла бы такого проповѣдника, какъ и онъ считалъ себя. Въ особомъ письмѣ къ Фарелю, онъ описываетъ идеалъ своей супруги. «Я не гонюсь, говорить онъ, за личной красотой: красота, которая мнѣ нужна, это чтобъ жена моя была экономна, женщина вѣрная, послушная, терпѣливая, и чтобы я съ полною надеждою могъ возложить на ея попеченія о моемъ здоровьи.»

Много молоденькихъ женщинъ представлялось на непріятный судъ Кальвина, но всѣ были отвергнуты подъ предлогомъ вѣтрености. Наконецъ, явилась вдова одного германскаго анабаптиста, и, несмотря что она имѣла отъ прежняго мужа, реформаторъ избралъ себя въ жену. Одно извѣстіе, дошедшее до насъ объ еѣ

бразной жизни, состоятъ въ томъ, что единородное дѣтище, которое имѣлъ Кальвинъ, пришло на свѣтъ мертвымъ, и что нечувствительность реформатора, притомъ, случивъ ужасно огорчила его жену и ея друзей.

Проповѣдники были изгнаны изъ Женевы за то, что не соглашались принять обрядовой части, установленной двинглинстами въ Бернъ. Но когда съдѣлалось извѣстнымъ, что бернскіе законодатели, на основаніи постановленій своей сѣты, затѣваютъ основать себѣ политическое господство, то женевскіе патриоты, для сохраненія независимости отечества, признали необходимымъ вызвать назадъ всѣхъ своихъ изгнанниковъ. Кальвинъ предвидѣлъ это и заранее составилъ планъ «Церковнаго управленія», «Символа Вѣры», «Катихизиса», и «Христіанской дисциплины», такъ, чтобы, вслучаѣ осуществленія своихъ ожиданій, имѣть готовъ матеріалы этого важнаго дѣла. Наконецъ, вслѣдствіе его желанія исполнилось: его пригласили въ Женеву, съ просьбою быть тамошнимъ законодателемъ. Такимъ образомъ онъ теперь имѣлъ случай осуществить свои планы относительно устройства секты, которые онъ изложилъ въ своемъ сочиненіи «Institutiones Christianae».

Учрежденія Кальвина въ Женевѣ служили образцомъ для англійскихъ реформаторовъ: всѣ его постановленія, на нѣкоторомъ усвоенны въ Шотландіи.

У Кальвина іерархія чисто пресвитеріанская. Въ ней двуполовыми дѣлами завѣдуетъ советъ, составленный изъ пасторовъ. Общины дѣйствуютъ посредствомъ своихъ старейшыхъ, которые рѣшаютъ дѣла съ согласія прихода. За пасторами слѣдуютъ «доктора», или «чтецы», которые должны изустно, объяснять народу Ветхій и Новый Заветы. Это было нечто въ родѣ приготовленныхъ занятій для желающихъ поступить въ духовное званіе; но чтецы, сперва принадлежали въ Женевѣ. После докторовъ — «старейшы». Они были избираемы изъ мірянъ, и обязывались смотрѣть за общественною нравственностью и церковною дисциплиною. Выборъ въ старейшы былъ производимъ советомъ, а потому

то совѣтъ и пользовался политическою властью. «Діаконы» занимались раздачею милостыни, какъ это еще и теперь ведется въ Шотландіи. Консисторія состояла изъ шести проповѣдниковъ и двѣнадцати старцевъ. Она каждую недѣлю назначала для преступниковъ зптиміи; но если виновный заслуживалъ большаго наказанія, то его предавали суду гражданскому.

Учреждая свою іерархію, Кальвинъ имѣлъ въ виду одну главную цѣль, — придать проповѣдникамъ исключительную важность въ дѣлѣ религіи и доставить имъ полное вліяніе на дѣла государства. По его видамъ, на долю служителей алтари доставалось власти гораздо больше, чѣмъ сколько сами папы присвоивали себѣ.

Вмѣстѣ съ церковною дисциплиною, Кальвину были отданы на разсмотрѣніе и гражданскіе женевскіе законы. При этомъ помогали ему юристы Colladon. Плодомъ ихъ трудовъ была кровавая система уголовныхъ законовъ. Можно сказать, что Кальвинъ, при составленіи своего законодательнаго кодекса, держался уложенія Оттоманской Порты; примѣръ, жену, которая не имѣла терпѣнія остаться вѣрною своему мужу, онъ приказываетъ, прямо, безъ всякихъ церемоній, бросить въ воду и утопить непременно: на берегахъ Бессора ее по-крайней-мѣрзашили бы въ мяшокъ. Консисторскіе и сенатскіе акты того времени наполнены описаніемъ самыхъ странныхъ судебныхъ дѣлъ и процессовъ ужасныхъ. Почти на каждой страницѣ встрѣчаете, что такой-то или такая-то была пытанъ и призналась въ томъ-то и томъ-то: пытка на минуту не сходила съ плечъ. Вотъ образецъ тогдашняго судопроизводства. Жена Розе, призначившаяся съ пытки въ не позволительныхъ отношеніяхъ съ зашумѣвшими женщинами, была приговорена къ вислицѣ; но, въ уваженіе мукъ, которыя она уже вытерпѣла, ея присудили только пройти подъ палками сквозъ всѣ городскія улицы и просидѣть въ тюрьмѣ десять лѣтъ въ цѣпяхъ. Одинъ малютка ругалъ своихъ родителей и за это его велѣли повѣсить; одна дѣвочка нарижалась въ платкѣ на шпиль, и — отлучена отъ церкви; имѣли съ матерью;

которая позволяла ей сделать такое преступление. Какая-то женщина дала простыл псаломъ на голось псаломъ: ее осудили на изгнаніе; кто-то читалъ сказки Поджіо: его загночили въ землицу. Одинъ крестьянинъ похлялся своею сметливой, и также попалъ въ тюрьму. Въ три года, около *этой* человекъ было сожжено за колдовство. Приведемъ случай въ этомъ родѣ. Богатый гражданинъ, Генрихъ Фидлихъ Невѣ, былъ обвиненъ въ томъ, что болѣе пяти лѣтъ швыль сношенія съ какимъ-то портретомъ, написаннымъ на стеклѣ и который онъ называлъ своимъ демономъ. Когда бы ему ни вздумалось узнать, что дѣлаетъ жена его, онъ только прикадывалъ ухо къ портрету, и нескромное изображеніе открывало ему такія вещи, о которыхъ ему лучше бы никогда не слышать. Несчастный жаловался на свою сожителницу и хвалилъ преданность демона. Но судебная власть узнала объ этомъ, и бѣдному Невѣ, какъ чернокнижнику, отрубили голову. «Съ тѣхъ поръ, говоритъ протоколь, она, демонская фигура перестала сплетничать.»

Предписанія «Трибунала нравственности» неслыхали до самыхъ смѣшныхъ мелочей: назначено было число блюдъ, которыя подавать за столъ; наложено строгое запрещеніе на карты, азартныя игры, танцы, криккіе напутки и роскошныя одѣжды; для мужчинъ выданы покроя штановъ и форма башмаковъ; женщинамъ приказано убирать голову только известнымъ образомъ. Это судилище вскорѣ поравнялось своею несправдливостію и усердіемъ съ самою консисторіей: три кожанника-гуляки были посажены въ тюрьму на хлебъ и на воду за сѣдленіе во время завтраку трехъ дюжинъ реидетовъ, «ибо, говоритъ записка, сіе есть великое неговство». Генрихъ де-Маръ былъ приговоренъ къ трехлѣтнему заключенію «за поношеніе Кальвина»; Шапюи назначено пробыть въ темницѣ четыре дня за то, что онъ хотѣлъ новорожденнаго сына своего назвать Клавдіемъ, тогда какъ пастыррь совѣтовалъ дать ему имя Авраама. Но все это бездѣлица въ сравненіи съ судьбою бѣдняка, по имени Гриса. Этотъ человекъ навлекъ на себя подозрѣніе въ разсылкѣ расквѣда на Кальвина, и тотчасъ же былъ взятъ; его бумаги захвачены и объискъ произведенъ во всѣхъ углахъ.

по всемъ шлоамъ его дому. Изъ кое-какихъ члочковъ составили обвиненіе въ ереси, отдали несчастнаго въ пытку и до тѣхъ поръ мучили, пока онъ не сказалъ всего, что хотѣлось жестокимъ судіямъ. Тогда отрубили ему голову на эшафотъ. Но Кальвинъ этимъ не удовольствовался: онъ потребовалъ, чтобы сенатъ сжегъ всѣ книги казненнаго, и какъ члены не заблагоразсудили принять на себя хлопотъ по этому дѣлу, то самъ все обработалъ. Этотъ ужасный документъ написанъ собственною рукою Кальвина и до сихъ поръ хранится въ бернскомъ архивѣ.

Отличительною чертою женевской секты было преслѣдованіе ересей. Много людей погибло на эшафотъ и въ пыткахъ изъ-за подозрѣній въ неправославіи. Кальвинъ, водворившій здѣсь эту систему, старался при первомъ удобномъ случаѣ приложить ее къ дѣлу. И, что всего хуже, тутъ, кромѣ фанатизма, дѣйствовала иногда одна личная вражда, которая выставляла себя въ видѣ пламеннаго желанія спасти душу ближняго. Мы уже видали, что Кальвинъ погубилъ такимъ образомъ нѣсколько челоуѣкъ. Но ни одно убійство не кладетъ на его память такого кроваваго, такого страшнаго пятна, какъ ужасная смерть Сервета. Вѣроломство, низость, самая мелкая зависть, которыя Кальвинъ не казалъ въ этомъ дѣлѣ, едва ли когда-нибудь такъ тѣсно соединились между собою:

Михаилъ Серветъ родился въ Испаніи и былъ, въ этомъ вѣкѣ схоластики, изъ лучшихъ, если только не изъ первыхъ, наставниковъ по части изъясненія. Ему очень хотѣлось основать какое-нибудь новое ученое общество, и въ эту цѣлю онъ написалъ одну богословскую книгу, гдѣ заключаются пропасть ума и самой непонятной безумности. Онъ опередилъ Гарвея открытіемъ кругообращенія крови, но зато чудовищнымъ образомъ объяснилъ оторваніе эмбриологическій фактъ, также какъ и законы мышленія.

Всѣ секты вооружились противъ новой ереси; но Серветъ рѣшился спорить со всеми своими противниками. Для этого онъ ходилъ изъ города въ городъ и заводилъ споры съ

каждымъ знаменитымъ докторомъ. Иногда его слушали, а большею частію онъ едва успѣвалъ уносить ноги. Однажды, онъ заспорилъ-было съ Кальвиномъ, но опасаясь, что этотъ человекъ, при извѣстномъ оборотѣ дѣла, силою заставитъ его замолчать, не сталъ продолжать своихъ возраженій.

Обольстившись своею ученою славою, Серветъ рѣшился посѣтить Парижъ. На дорогѣ, ему пришло въ голову сдѣлаться медикомъ: онъ занялся этимъ предметомъ, выдержалъ экзаменъ и былъ принятъ въ члены медицинскаго факультета. Въ это время онъ кончилъ, давно уже начатое, сочиненіе, въ которомъ доказывалось, что Галенъ не зналъ устройства человеческого черепа. Всѣ французскіе врачи возстали противъ такого страшнаго оскорбленія памяти древняго медика. Серветъ, довольный тѣмъ, что и по медицинской части сдѣлался такъ же извѣстнымъ, какъ по богословской, обратился къ астрологіи. На первый разъ онъ перессорилъ всѣхъ европейскихъ издателей альманаховъ. Пока они старались узнать въ чемъ дѣло, Серветъ уже успѣлъ погрузиться въ географію, издать комментарий на Птоломея, и настроилъ кучу самыхъ отчаянныхъ теорій, изъ которыхъ каждая была въ-состояніи возжечь сотни чернильныхъ войнъ. Между-тѣмъ, кошелекъ его опустѣлъ; онъ перемѣнилъ фамилію, назвалъ себя Вильнёвомъ, и опредѣлился корректоромъ при ліонской типографіи. Вьенскій архіепископъ, замѣтивъ способности Сервета, сдѣлалъ его своимъ библіотекаремъ и секретаремъ.

Серветъ зажилъ спокойно и счастливо; но въ это время дѣло преній снова овладѣло имъ, и все измѣнилось. Завидуя славу Кальвина, онъ, при посредствѣ ліонскаго книгопродавца Фрельона, завелъ съ нимъ полемическую переписку. Споръ, какъ водилось въ то время, начался учтивостями, а кончился трагическимъ образомъ. Серветъ былъ до крайности взбѣшонъ надмѣнностью Кальвина, который обходился съ нимъ какъ съ дерзкимъ мальчишкою-школьпикомъ. Въ отмщеніе за это, Серветъ рѣшился написать опроверженіе на знаменитыя «*Institutiones Christianae*», и сочиненіе

его вышло въ Вѣнѣ подъ заглавіемъ «Возстановленное Христіанство» безъ имени автора и типографщика или издателя. Одинъ экземпляръ этой книги былъ посланъ къ Кальвину. До той поры женевскій реформаторъ не выдалъ ни одного разбору своего сочиненія злѣе и умнѣе этого. Онъ тотчасъ узналъ работу Сервета, и, черезъ одного ліонскаго агента, сдѣлалъ доносъ вѣнскому инквизитору, Михаилу Ори, что Серветъ еретикъ. Обвиняемаго позвали къ отвѣту, и онъ отказался отъ своего сочиненія. Чтобы убѣдить инквизитора, что Серветъ, а не кто другой, написалъ книгу, Кальвинъ, черезъ третьи руки, передалъ Ори все письмо, которыя получилъ отъ своего критика. Но это еще не все. Проповѣдникъ правоты написалъ два безыменныя письма, которыя сохранились до нашего времени и заключаютъ въ себѣ укоризны инквизитору за его невнимательность къ искорененію ереси. Ори, прочитавъ ихъ, велѣлъ схватить Сервета и бросить въ темницу. Но вѣнское духовенство любило странствующаго ученаго за его образованный умъ, и, зная, что онъ терпитъ все это за свое превосходство передъ другими, возвратило ему свободу. Серветъ, на пути въ Цюрихъ, захватилъ въ Женеву; но лишь-только появился въ городъ, какъ былъ снова схваченъ и брошенъ въ тюрьму, которую стерегли крѣпче нежели вѣнскую. «Я не хочу скрывать, говоритъ Кальвинъ въ одномъ изъ своихъ циркуляровъ : что Серветъ заточенъ по моему желанію и опредѣленію совета», а въ письмѣ къ Зельцеру онъ пишетъ : «Когда злая судьба занесла его сюда, то синдикъ, дѣйствующій по моимъ приказаніямъ, отправилъ его прямо въ темницу.»

Серветъ былъ взятъ подъ стражу тринадцатаго августа, и терпѣлъ истязанія болѣе мѣсяца. Вопросы, которые предлагали ему, были чрезвычайно щекотливы: они касались не одной только ереси, но входили въ самыя малѣйшія подробности его частной жизни, и многіе были до такой степени грязны, что нельзя произнести ихъ. Пятнадцатаго сентября Серветъ писалъ сенату просьбу о позволеніи избрать себѣ адвоката, и въ то же время жаловался, что одежда его изорвалась, что черви пожираютъ его, и что онъ не смѣялъ бѣжать съ самаго аресту. Сенатъ приказалъ-было

выдать ему рубашекъ и бѣлья, но Кальвинъ воспротивился такой милости, и опредѣленіе было отмѣнено. Послѣдующіе защитники женевскаго святоши становятся въ-тупикъ при изъясненіи этого факта. Двадцать-перваго октября Серветъ былъ подвергнутъ пыткамъ, а двадцать-четвертаго осужденъ на сожженіе. Кальвинъ съ необыкновеннымъ восторгомъ описываетъ ужасъ, которымъ былъ пораженъ его несчастный противникъ, послѣ объявленія приговору. «Насколько времени, говоритъ онъ, Серветъ стоялъ въ изумленіи, какъ статуя; потомъ испустилъ глубокій вздохъ, застоналъ, и наконецъ впалъ въ такую слабость, что только и могъ бормотать — Попадайте! попадайте!»

Фарелю было назначено присутствовать при казни Сервета, и онъ, вмѣсто того чтобъ утѣшить несчастнаго, самъ показалъ на него народу, примолвивъ, что это жертва дьявола. Но довольно: не будемъ останавливаться долѣе на этой ужасной картинѣ и прибавимъ только, что въ парижской королевской библіотекѣ есть письмо Кальвина, писанное имъ къ Фарелю, за семь лѣтъ до сожженія Сервета, гдѣ онъ говоритъ: «Если этотъ еретикъ когда-нибудь попадетъ въ Женеву, то надобно сдѣлать такъ, чтобы онъ никогда оттуда не вышелъ.»

Съ этихъ поръ власть Кальвина въ Женевѣ сдѣлалась неограниченною; но здоровье его начало быстро ослабѣвать, и, по мѣрѣ того какъ силы его сокрушались, онъ видѣлъ, что система, которую онъ ввелъ, также распадается и, что не далеко уже то время, когда она будетъ совершенно изменена. Постановленія Цвингли снова получили полную силу во всѣхъ сосѣдственныхъ городахъ; ропотъ на злоупотребленія женевской консисторіи отзывался даже въ самой Женевѣ. Ужасныя болѣзни отравили послѣднія минуты жизни Кальвина; но онъ, несмотря на это, ни на одну минуту не переставалъ заботиться о цѣлости своей секты, которую только одну, отъ всей души, считалъ самымъ высокимъ и самымъ совершеннымъ образцомъ христіанскаго общества на землѣ. Не задолго до своей смерти онъ захотѣлъ торжественно проститься съ совѣтомъ; сенаторы, чтобы избе-

вить его отъ совершеннаго изнеможенія , съ процессією, явились къ нему въ домъ. Когда они вошли въ его комнату, силы его воспрянули: онъ долго говорилъ имъ , исчислялъ весь случай, когда они были поставляемы въ необходимость бороться со всемъ окружающимъ , сколько разъ они находились въ самыхъ критическихъ обстоятельствахъ, и сколько заслуживали благословеній; послѣднія слова его были: «Будте тверды; идите всегда однимъ путемъ Спасителя и держитесь свѣта Его небеснаго Слова». Кальвинъ не долго переживъ эту страшную сцену: онъ умеръ двадцать-осьмого мая, тысяча-пятьсотъ-шестьдесятъ-четвертаго года; следовательно, на пятьдесятъ-шестомъ году отъ рожденія.

Кальвинъ, подобно всемъ фаталистамъ, не имѣлъ никакого сочувствія ни къ страданіямъ ближняго ни къ жизни чело-вѣка. Если то и другое ему было нужно для достиженія цѣли, онъ, ни на мгновеніе не задумываясь, однихъ осуждалъ на мученія, другихъ стиралъ съ лица земли. Мысль, что въра въ предопредѣленіе ведетъ къ разврату, не имѣетъ основанія. Напротивъ, фаталисты—всегда люди самой строгой нравствен-ности: таковы были стопки въ Греціи и нуритане секты Кальвина въ Англіи. Эта въра только производитъ холодность въ сердце, равнодушіе къ горю ближняго, и образуетъ характеръ суровый, ничѣмъ не смягчающійся. Кромвелль, Кальвинъ и Наполеонъ дѣйствовали именно подъ вліяніемъ этого страшнаго върованія. «Такъ написано на скрижаляхъ судьбы»: вотъ все, чѣмъ они утѣшаютъ и ободраютъ себя въ опасностяхъ; вотъ оправданіе, которымъ они извиняютъ всякое зло, причиняемое другимъ.

Кальвинъ, съ наслажденіемъ читалъ описаніе гибели языческихъ ханаанскихъ народовъ, не могъ оторваться отъ жезла, гдѣ рассказывалось что-нибудь похожее на послѣднія минуты Агага, и не могъ никогда начитаться повѣсти объ истребленія жрецовъ вааловыхъ, по приказанію Иліи. Но зато онъ не увлекался Евангеліемъ, въ которомъ каждая страница, каждая строка, каждое слово, дышутъ любовью и милосердіемъ. При этомъ должно еще вспомнить, что сердце Кальвина никогда не было согрѣто чувствомъ до-

машней привязанности и семейнаго счастья; мы увѣрены, что во всѣхъ его сочиненіяхъ, во всѣхъ его письмахъ, нельзя найти ни одного обращенія къ матери, ни одного проблеску той сыновней нѣжности, которая наполняетъ сердце каждаго человѣка не подавившаго въ своей душѣ самыхъ святыхъ наклонностей. Онъ отмѣчаетъ день смерти своего отца и своего единственнаго дитяти съ такимъ хладнокровіемъ, которому нельзя вполнѣ удивиться; его плачь о смерти жены походитъ больше на досаду, которую можно чувствовать отъ потери человѣка, прислуживавшаго намъ, нежели на скорбь о разлукѣ съ существомъ дорогимъ для сердца. Железные правила, которыя онъ далъ своей консисторіи, и которыя запрещаютъ, не только одни невинныя развлеченія, но даже и визитство въ домашнемъ и общественномъ быту, составляютъ необходимое слѣдствіе его политическихъ заблужденій и аскетическаго направленія духа. Люди всегда готовы лишити другихъ всего, къ чему сами не имѣютъ вкуса.

Изъ проповѣдей Кальвина напечатаны очень не многія. Несравненно большая часть ихъ находится еще до-сихъ-поръ въ рукописяхъ и хранится или въ Женевѣ или въ Бернѣ, больше въ Бернѣ. Число всѣхъ проповѣдей Кальвиновыхъ простирается до двухъ-тысячъ-двадцати-трехъ. Кальвинъ былъ такъ занятъ логическими формами, что умъ простаго слушателя растеряется въ безднѣ силлогистическихъ посылкъ, изъ которыхъ сколочена вся его рѣчь. Его проповѣди — ни что иное, какъ огромныя, сухія логическія разглагольствія, похожія на скелетъ, безъ тѣла и крови. Онъ только тогда близокъ къ настоящему краснорѣчію, когда говоритъ противъ враговъ и нарушителей правилъ своей секты. Въ одной изъ его напечатанныхъ проповѣдей, есть разсужденіе «о воспитаніи дѣтей», въ которомъ доказывается только то положеніе, что «дѣтей нужно съць, съць больно, съць безпрестанно, съць во вѣки вѣковъ».

Система Кальвина недолго пережила своего основателя. Предчувствіе его сбылось: въ Женевѣ давнымъ-давно не признаютъ его ученія. Въ тысяча-осемьсотъ-тридцать-пя-

томъ году предполагено было воздвигнуть памятникъ въ честь Кальвина; но всь его послъдователи сильно вооружились противъ этого плана, и дъло кончилось только однимъ шумомъ. Можно утвердительно сказать, что тьнь женеvскаго реформатора никогда уже болъе не дождется той почести, которой хотъли-было ее удостоить. «Такова, говоритъ Гизо, участь всякой системы, которая заковываетъ совесть въ логическiя умозаключенiя сухаго разсудка.»

=

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

и

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

КУРСЪ ОВЦЕВОДСТВА.

=

ЧТЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

=

XV.

Размноженіе стада. — Племенные бараны. — Племенные овцы. — Суязность. — Ягненіе.

Самую важную часть въ дѣль овцеводства, безъ-сомнѣнія, составляетъ такое размноженіе стада, которое бы увеличало положенный на заведеніе его капиталъ и заключало въ себя всѣ условія предбудущаго достоинства овчарни, для измеченія изъ нея постоянныхъ доходовъ. Поэтому, всѣ старанія овцевода должны быть безпрестанно устремлены на то, чтобы приобрѣтать какъ-можно многочисленнѣйшій и лучшій приплодъ. Чѣмъ лучше приплодъ, тѣмъ лучше и самое стадо, и тѣмъ болѣе денегъ выручается отъ продажи животныхъ, сбываемыхъ за излшествомъ. Но какимъ же образомъ достигнуть такого состоянія дѣль? Выборомъ племенныхъ животныхъ и хорошимъ за ними уходомъ.

Главное влияние на качество приплода принадлежит барану, какъ по явному преобладанію производительной его силы, такъ и по тому, что одинъ и тотъ же баранъ можетъ оплодотворить нѣсколько матокъ и, слѣдственно, быть ежегодно отцомъ многихъ дѣтей. Оттого качество всего стада зависитъ преимущественно отъ качества барановъ, употребляемыхъ на племя, и выборъ ихъ, слѣдовательно, долженъ составлять важнѣйшую заботу хозяина.

Хорошій, для племени годный, баранъ долженъ быть чистой породы, и имѣть шерсть, соединяющую въ себѣ, по возможности, всѣ свойства хорошей шерсти, а особенно уравненіе на всѣхъ частяхъ тѣла, правильное, мелкозвѣлистое образованіе и высшую тоннну. Безъ этихъ главныхъ и необходимыхъ качествъ, баранъ не годится для племени, потому что онъ ихъ-то преимущественно и передаетъ своему потомству. Но съ тѣмъ вмѣстѣ не должно упускать изъ виду и другихъ хорошихъ качествъ руна породистыхъ мериносовъ, какъ-то длины, густоты, отсутствія тунеядныхъ волосъ и лже-шерстинокъ, и прочая, и прочая, что было подробно описано въ своемъ мѣстѣ. Все это, болѣе или менѣе, имѣетъ существенное влияние на добротность рождающагося потомства, особливо со стороны барановъ, которые, какъ мы сказали, болѣе овецъ передаютъ свои качества дѣтямъ. Наконецъ, при выборѣ племеннаго барана, слѣдуетъ принимать въ соображеніе его тѣлосложеніе и формы: онъ долженъ быть здоровъ, силенъ; при хорошемъ среднемъ ростѣ, онъ долженъ имѣть пропорціонально длинное, объемистое, бочкообразное, туполицее, брюхо не отвислое, плечи и крестецъ широкіе, шею толстоватую, лобъ выпуклый, большіе свѣтлые глаза, не длинныя и не слишкомъ отвислыя уши, горбатый носъ, крѣпкія, толстоватыя, средней длины ноги. На рунѣ его нигдѣ не должно быть черныхъ, темныхъ или желтыхъ пятенъ; также не должно быть ихъ и на ушахъ, на губахъ, на носу, на языкѣ. Пятна на этихъ послѣднихъ мѣстахъ вообще не портятъ руна барана, однако жъ замѣчено, что отъ такихъ животныхъ нерѣдко рождаются пѣгіе ягнята. Правомъ хорошій баранъ долженъ быть бодръ, смѣлъ, боекъ и драчливъ съ товарищами, особливо же

онъ долженъ обнаруживать свою драчливость, какъ слѣдствіе ревнивости, во время обращенія съ овцами.

Относительно роговъ хорошаго племеннаго барана, овцеводы не согласны между собою. Одни, въ томъ числѣ Петри, думаютъ что хорошій баранъ долженъ имѣть большіе рога, и почитаютъ это признакомъ сильной производительной способности, основываясь на томъ, что рога перестаютъ расти, какъ скоро барашекъ вылегченъ, — обстоятельство, доказывающее, что между производительными органами и развитіемъ роговъ дѣйствительно существуетъ прямая связь. Но другіе напротивъ утверждаютъ, что величина, форма и самое присутствіе или отсутствіе роговъ у барана, не имѣютъ рѣшительно ни какого вреднаго вліянія на способность дѣторожденія, и въ доказательство этого, ссылаются на то, что есть цѣлыя безрогія породы, которыя столько же способны къ размноженію племени, какъ и рога-тыя, и что въ обыкновенныхъ мериносовыхъ стадахъ часто родятся бараны безъ роговъ, но эти животныя употребляются на племя безъ всякаго замѣтнаго уменьшенія производительной ихъ способности. Какъ бы то ни было, всѣ вообще овцеводы неохотно держатъ безрогихъ барановъ, потому что у такихъ животныхъ обыкновенно бываютъ большія головы, а это, переходя къ потомству, примѣтно затрудняетъ разрѣшеніе матокъ отъ бремени.

Всякій баранъ, каковы бы ни были его достоинства, не долженъ быть допускаемъ къ овцамъ прежде достиженія имъ возраста двухъ съ половиною лѣтъ, или полнаго тѣлеснаго развитія. Молодые барашки въ концѣ перваго года обнаруживаютъ уже склонность къ обхожденію съ овцамъ, но если ихъ допустить къ тому, то это, по нѣжности ихъ тѣлосложенія, можетъ на всю жизнь разслабить въ нихъ производительную силу. Притомъ же въ такомъ раннемъ возрастѣ животнаго, еще нельзя съ достовѣрностью опредѣлить будущихъ достоинствъ его руна, и того, не скрывается ли въ самомъ организмѣ животнаго какая-либо наследственная болѣзнь или другой недостатокъ. Все это обнаруживается обыкновенно не прежде какъ въ то время, когда животное достигнетъ полнаго физическаго развитія въ третьемъ году своего возраста.

Когда молодому барану исполнится полтора года, и даже не много раньше, онъ начинаетъ чувствовать сильное влеченіе къ овцамъ, такъ что, въ случаѣ неудовлетворенія этого влеченія, могутъ произойти послѣдствія вредныя для его здоровья. По этой причинѣ, опытные овцеводы, хорошо развитымъ молодымъ баранамъ, достигшимъ двадцатидвухъ-мѣсячнаго возраста или немного и раньше, даютъ по нѣсколько матокъ, напиримѣръ по десяти и даже пятнадцати, если они крѣпкаго сложенія. По достиженіи же баранамъ двухъ съ половиною лѣтъ, число матокъ безъ вреда можетъ быть увеличено и до двадцати-пяти. Молодые бараны, какъ сказано было на своемъ мѣствѣ, суть самые плодовитые и чрезвычайно хорошо передаютъ все свои качества дѣтямъ. Но, за всемъ тѣмъ, баранъ долженъ поступать въ полный припускъ не раньше какъ по достиженіи трехъ-лѣтняго возраста. Тогда ему можно давать такое число матокъ, какое онъ въ состояніи оплодотворить безъ ослабленія своихъ силъ. Само собой разумѣется, что число это не всегда одинаково, но должно быть соразмѣряемо съ силами каждаго барана. Есть бараны, которые въ одинъ годъ покрываютъ до полутора ста матокъ; но есть и такіе, которые могутъ оплодотворить не болѣе двадцати. Обыкновенно, среднимъ числомъ полагаютъ на каждаго взрослога, совершенно развившагося, барана по тридцати матокъ, или сотню на трехъ, но господинъ Петри совѣтуетъ круглымъ числомъ назначать на каждаго барана по двадцати овецъ, чѣмъ съ одной стороны сохраняются силы барановъ, а съ другой та выгода, что, въ такомъ случаѣ, почти вовсе не будетъ холостыхъ матокъ, да и ягнята, по мнѣнію господина Петри, будутъ крѣпче сложеніемъ, если отцы ихъ не были изнурены многочисленными случками. Для отвращенія этого изнуренія, онъ находитъ полезнымъ припускать барановъ не сплошь всякій день, но съ перемежкой, черезъ сутки, черезъ двое, и наконецъ черезъ недѣлю.

Время, въ продолженіи котораго баранъ можетъ быть способенъ для произведенія племени, бываетъ весьма различно, смотря по тѣлосложенію, силамъ, возрасту, съ котораго начали его припускать, и, наконецъ, по числу ежегодно даваемыхъ ему матокъ. Чѣмъ раньше баранъ употребилъ свою

производительную силу и чѣмъ большее число матокъ давали ему каждый годъ, тѣмъ, естественно, скорѣе онъ совсѣмъ истощается, и наоборотъ. Но преимущественно это зависить отъ тѣлосложенія барана и состоянія зубовъ его: пока зубы не очень испорчены и годны къ пережевыванію корму, до тѣхъ поръ баранъ бываетъ здоровъ, крѣпокъ и способенъ къ племени, хотя бы лѣтами онъ былъ уже старъ. Само собою разуметсяя впрочемъ, что съ приближеніемъ старости число даваемыхъ матокъ исподволь должно уменьшаться до десяти и меньше, соответственно силамъ барана.

Содержаніе барановъ во время случки должно быть лучше обыкновеннаго. Въ это время надобно прибавлять имъ зерноваго корму, тѣмъ болѣе, что они, находясь на пастбищахъ вмѣстѣ съ матками, почти ничего не ѣдятъ, да притомъ еще изнуряются припусками и драками. Для поддержанія ихъ силъ, слѣдуетъ, нѣсколько недѣль до начатія случки и во весь этотъ періодъ, давать баранамъ ежедневно, кромѣ хорошаго сѣна, по золотнику или по полтора соли и фунта по два овса, ячменя, мочеваго гороху или чернаго горошку. Сверхъ-того, какъ бараны въ это время обыкновенно очень разгорячаются, то надобно ихъ почаще поить чистою водою. Употребленныхъ въ случку барановъ не должно выгонять на одно пастбище вмѣстѣ съ неслучеными, потому что послѣдніе чутѣемъ узнаютъ припущенныхъ и будутъ съ ними жестоко драться. Чтобы отвратить эти драки, часто смертельныя и всегда крайне изнурительныя для животныхъ, лучше всего запираеть барановъ въ тѣсныхъ южщенияхъ, гдѣ бы имъ цѣлѣя было сбѣгаться, по и то отдѣльно припущенныхъ и неприпущенныхъ. Разуметсяя, что эта мѣра можетъ быть употребляема только въ гулевыя дни, или въ дни отдыха, когда бараны не ходятъ съ матками.

Хотя вліяніе матокъ на качество рунъ потомства видимо слабѣе вліянія барановъ, однако жъ отъ нихъ преимущественно зависить крѣпость тѣлосложенія ягнятъ, ихъ здоровье, ростъ и развитіе въ первые мѣсяцы послѣ рожденія. Потому выборъ племенныхъ овецъ не долженъ быть предоставленъ на волю случая, но слѣдуетъ производить его съ надлежащею тщательностію. Кромѣ общихъ хорошихъ ка-

чество шерсти, которыя требуются отъ племеннаго барана, — разумется, если стадо тонкорунное, мериносовое, а не простое, — хорошая племенная матка должна быть приличныхъ лѣтъ, хорошаго росту, крѣпкаго тѣлосложенія, совершенно здоровая и богатая молокомъ, чтобы могла прокормить своего ягненка.

Касательно лѣтъ, съ какихъ молодая матка можетъ быть употребляема на размноженіе стада, мнѣнія овцеводовъ очень различны. Многіе увѣряють, будто этотъ срокъ наступаетъ не прежде какъ яркъ исполнится два года съ половиною, — возрастъ, въ которомъ оканчивается совершенное развитіе овцы; между-тѣмъ другіе считаютъ овцу уже способною быть матерью, когда ей минетъ двадцать-одинъ мѣсяць. По моему сужденію, эти мнѣнія оба справедливы и кажутся противурѣчащими только оттого, что, въ различныхъ мѣстностяхъ и при разномъ кормѣ, полное развитіе молодыхъ животныхъ совершается не въ одномъ и томъ же періодѣ ихъ существованія. Если молодыя овечки были содержимы роскошно съ самаго рожденія, то многія изъ нихъ приходятъ въ ярость очень рано, именно въ послѣднюю четверть перваго года, и въ началѣ втораго года могутъ уже ягниться. Но увѣряють, что, въ такомъ случаѣ, и мать и приводимый ею ягненокъ остаются хилыми на всю жизнь. Впрочемъ, все зависитъ отъ степени развитія матери и ея силъ, какъ видно, напримѣръ, изъ того, что наша русскія овцы весьма часто приносятъ перваго ягненка въ пятнадцати-мѣсячномъ возрастѣ своемъ, безъ всякаго вреда для здоровья и для прочности породы, неуступающей ни въ величинѣ ни въ хорошемъ тѣлосложеніи мериносамъ. Между-тѣмъ защитники противнаго мнѣнія утверждаютъ, что ярки даже и въ концѣ втораго года еще негодятся быть матерями и что отъ ранней ихъ случки вся порода дѣлается мелкою и хилою. Это очевидно опровергается ежедневнымъ опытомъ: извѣстно, что Испанцы рѣшительно всегда употребляютъ ярковъ на племя какъ-скоро имъ исполнится двадцать-одинъ мѣсяць, и за всѣмъ тѣмъ порода испанскихъ мериносовъ, не только не обмельзла, но, напротивъ, отличается крупнымъ ростомъ, необыкновенно крѣпкимъ тѣлосложеніемъ и роскошнымъ развитіемъ формъ. Изъ всего

этого видно, что въ опредѣленіи настоящаго возраста для первой случки слѣдуетъ руководствоваться единственно степенью развитія молодыхъ животныхъ : если ярки съ самаго рожденія получали обильный, хорошій кормъ, росли безостановочно, не терпѣли ни какихъ болѣзней, мѣшающихъ надлежащему ихъ развитію, и въ половинѣ втораго года достигли уже такого росту и тѣлосложенія, что равняются или почти равняются съ матерями, то ихъ можно безъ всякаго опасенія употребить на размноженіе племени, хотя бы этимъ яркамъ минуло только еще полтора года. Бываютъ однако жъ случаи, что первымъ ихъ шагомъ должно повременить : такъ, напримѣръ, если ярки на первомъ или на второмъ году были больны, замедлились въ ростѣ, остались хилыми и, вслѣдствіе того, не обнаруживаютъ въ себѣ такъ сильно потребности въ баранѣ какъ здоровыя животныя, то, разумѣется, первый ихъ шагъ надобно отсрочить впередъ до того времени, когда онѣ вполне разовьются, то есть, до половины третьяго года или еще и дальше, смотря по обстоятельствамъ. Потому-то многіе германскіе овцеводы и считаютъ этотъ послѣдній періодъ настоящимъ временемъ, въ которое ярка дѣлается годною на племя. Въ многолюдныхъ областяхъ, гдѣ какъ-нарочно водятся лучшіе мериносы, пастбища ихъ болѣею частью бываютъ довольно скудны, да и зимній кормъ также не роскошенъ, а оттого-то и развитіе молодыхъ ярокъ совершается тамъ гораздо медленнѣе, нежели въ Испаніи и у насъ, гдѣ, при малочисленности стада въ сравненіи съ обширностью средствъ къ ихъ пропитанію, содержаніе барана вообще гораздо обильнѣе. Изъ этого видно, что мнѣніе германскихъ овцеводовъ не можетъ быть принято у насъ постояннымъ правиломъ для всехъ овчаренъ, особенно для овчаренъ, находящихся въ степныхъ мѣстахъ, которыя богаты хорошимъ кормомъ ; но въ мѣстахъ, гдѣ стада, относительно корму, находятся въ такомъ же стѣсненномъ положеніи, какъ въ нѣкоторыхъ слишкомъ населенныхъ частяхъ Германіи, это правило можетъ быть примѣнено къ дѣлу. Общій же терминъ зрѣлости ярокъ въ Россіи, за исключеніемъ особыхъ, неблагопріятныхъ случаевъ, есть тотъ же, какъ и въ Испаніи, именно, когда яркъ минуетъ двадцать-одинъ

мѣсяць отроду. Если кормъ хорошъ, то молодыя ярки унасъ, на второй половинѣ второго года своей жизни, равняются уже съ матерями своими, и потому нѣтъ съ ихъ стороны ни какого препятствія къ случкѣ, но, разумѣется, это можетъ быть допущено только тогда, когда животное совершенно здорово; больную же, пзнуренную, хилую ярку, несмотря и на хорошиі ея ростъ, никакъ не должно пускать къ барану, да въ такомъ положеніи она и сама не обнаруживаетъ къ тому склонности. Подобныхъ ярокъ оставляютъ холостыми до слѣдующаго года.

Возрастъ, до котораго матка можетъ быть употребляема для племени, совершенно зависитъ отъ ея здоровья и силъ. Пока зубы овцы не испортились и способны хорошо пережевывать пищу, до тѣхъ поръ силы ея не ослабѣваютъ и тѣлосложеніе остается въ такомъ состояніи крѣпости, что матка, безъ вреда для себя, можетъ произвести и выкормить ягненка. Оттого вообще полагается, что періодъ производительности у овецъ прекращается осьмымъ годомъ, потому что, на девятомъ году, зубы овцы подвергаются уже значительной порчѣ. Слѣдовательно, всякая матка можетъ привести семерыхъ ягнятъ, перваго съ наступленіемъ второго года ея возраста, а послѣдняго послѣ достиженія ею осьми лѣтъ. Но это правило имѣетъ однако же множество исключеній: очень часто случается, что матки еще ягнятся въ девятилѣтнемъ возрастѣ и въ десяти-лѣтнемъ, и даже далѣе, а бывали примѣры, хотя рѣдкіе, что овца рождала и пятнадцатилѣтъ.

Въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ овца обнаруживаетъ склонность къ совокупленію и ягнится одинъ разъ въ годъ, приводя болѣею частію одного ягненка, котораго она носитъ около пяти мѣсяцовъ или двадцать-одну недѣлю. Періодъ ярости, продолжающійся съ перемежками около двухъ мѣсяцовъ и болѣе, наступаетъ у простыхъ овецъ нашихъ, какъ равно и у кочевыхъ мериносовъ въ Испаніи, въ началѣ іюля, а ягнята рождаются въ декабрь или въ январь. Изъ этого однако жъ не слѣдуетъ, чтобы назначенный природою срокъ случки былъ во всехъ мѣстахъ исключительно іюль мѣсяць. Въ такомъ случаѣ у насъ дѣти овецъ, находящихся въ дикомъ состояніи, рождались бы среди са-

кой жестокой зимы и неминуемо погибали бы отъ холоду; а мы видимъ напротивъ, что природа, пекущаяся о сохраненіи тварей, всегда назначаетъ рожденіе приплода въ такое время года, въ которое есть все необходимыя для его существованія условія, какъ то, тепло, пища, и прочая. Поэтому, у дикихъ муфлоновъ и во многихъ домашнихъ стадахъ, ягнота рождаются весною, по наступленіи теплаго времени, въ мартъ или апрѣль, смотря по климату; а періодъ ярости наступаетъ въ позднюю осень и зимою, въ ноябрь и декабрь. Имѣя въ виду столь различныя эпохи ягненія въ одно и то же климатъ, овцеводы впоследствии, при искусственномъ размноженіи стадъ, замѣтили, что время, въ которое овцы начинаютъ яриться, зависитъ отъ произвола самого овцевода и можетъ быть пригоняемо какъ онъ захочетъ. Многіе хозяева, желая скорѣе размножить свое стадо, заставляли овецъ, посредствомъ сильно-питательнаго корму и возбуждающихъ средствъ, яриться вскорѣ послѣ ягненія, чтобы онѣ приводили по ягненку каждые восемь мѣсяцевъ, или трюхъ въ два года. Но такое усиленное ягненіе извуряетъ матокъ и затрудняетъ надлежащее вскармливаніе новорожденныхъ; притомъ же опытомъ доказано, что не всякую матку можно столь часто приводить въ ярость даже и самымъ лучшимъ кормомъ: успѣхъ распространяется обыкновенно только на третью или, много, на половину стада, и то нѣкоторыя матки, послѣ двухъ усиленныхъ ягненій, приходятъ въ ярость не прежде какъ по истеченіи полугоду. Однако жъ легкость, съ какою овцеводъ можетъ переставлять періодъ случки по своему произволу, подала поводъ къ весьма различнымъ срокамъ ягненія, изъ которыхъ самый сообразный порядку природы есть безъ-сомнѣнія весенній, въ апрѣль и въ маѣ, когда наступаютъ теплые дни. Впрочемъ у насъ, если только овцы живутъ теплыми помѣщеніями, предпочитается болѣе зимнее ягненіе, начинающееся со второй половины декабря и оканчивающееся въ началѣ февраля. Нѣкоторые же овцеводы назначаютъ ягненіе съ половины августа до первыхъ дней сентября. Сообразно этимъ тремъ разнымъ срокамъ, и случка овецъ производится также въ различныя времена года, съ марта по декабрь мѣсяць включительно, смотря по тому,

когда хозяинъ, по мѣстнымъ удобствамъ и климату, желаетъ имѣть ягнятъ. Въ Россіи, изъ трехъ періодовъ ягненія, приняты два: зимнее, заведенное у крестьянъ и въ тѣхъ овчарняхъ, въ которыхъ есть теплыя помѣщенія для огражденія ягнятъ отъ холоду, и весеннее, принятое въ большей части большихъ овчаренъ, неимѣющихъ теплыхъ загоновъ, особенно же въ степныхъ стадахъ полуденныхъ губерній, гдѣ овцы почти весь годъ проводятъ безъ крова.

Съ перваго взгляду, лучшимъ временемъ для ягненія кажется конечно весна, какъ время, избранное самою природою для появленія на свѣтъ молодыхъ животныхъ. И дѣйствительно, это время заключаетъ въ себѣ много условій, способствующихъ благопріятному развитію приплода. Овцеводы, предпочитающіе весеннее ягненіе, приписываютъ ему слѣдующія выгоды: 1) Овцы-кормилицы находятъ на полѣ готовый кормъ для себя и ягненка: слѣдственно хозяину нѣтъ надобности заботиться о заготовленіи имъ пищи. Это обстоятельство важно особенно по тому, что кормъ, производимый маткамъ въ послѣднее время сухости и втеченіи кормленія ягнятъ, а потомъ и самимъ ягнятамъ, долженъ быть отборный, отнюдь не подмоченный, не лежалый и тухлый; свѣжая же трава соединяетъ въ себѣ всѣ эти качества, и, слѣдовательно, матки въ всякой опасности захворать или разстроить здоровье дѣтей своихъ. 2) При весеннемъ ягненіи, матки бываютъ въ хорошемъ тѣлѣ, силы ихъ находятся во всей полнотѣ, а это облегчаетъ трудный и изнурительный актъ разрѣшенія отъ беременности. 3) Содержаніе матокъ и ягнятъ обходится гораздо дешевле, потому что не нужно заготовлять такого количества корму, какъ при зимнемъ ягненіи. Излишекъ кормовыхъ травъ, потребный для прокормленія зимнихъ ягнятъ и ихъ матерей, можетъ быть обращенъ на увеличеніе стада. 4) Обстоятельство, что, при весеннемъ ягненіи, матки и ягнята прокармливаются такъ-сказать даромъ, не столь еще важно, какъ то, что въ этомъ случаѣ кормъ бываетъ самаго лучшаго качества. Свѣжія травы, во всѣхъ отношеніяхъ, дѣйствуютъ гораздо благопріятнѣе на питаніе животнаго, чѣмъ самый роскошный зимній кормъ; осо-

бенно онъ весьма увеличиваютъ количество молока, какъ доказываются коровами, и притомъ весеннее молоко, какъ извѣстно, несравненно гуще и сытнѣе нежели зимнее, хотя бы зимній кормъ былъ роскошнѣе весеняго. Оттого весенніе ягнята, сосущіе матокъ, которыя кормятся на пастбищахъ подножнымъ кормомъ, всегда лучше развиваются и бываютъ крѣпче тѣлосложеніемъ. 5) Кромъ благотворнаго дѣйствія материнаго молока на ягненка, самое положеніе ягнятъ на зеленыхъ пастбищахъ имѣетъ на нихъ выгодное вліяніе. Молодое животное находится въ движеніи, пользуется чистымъ воздухомъ, пріучается щипать траву. Оно съ двухъ-недѣльнаго возраста можетъ уже безъ затрудненія съскрывать на полѣ нужнѣй для себя кормъ, и чѣмъ раньше поставлено въ такое положеніе, тѣмъ сообразнѣе съ порядкомъ природы совершается его развитіе, тѣмъ лучше оно растетъ и бываетъ здоровѣе. Въ Испаніи ягнята вырастаютъ на пастбищахъ безъ всякаго другаго пособія въ кормъ, подъ попеченіемъ матерей своихъ, между-тѣмъ какъ зимнимъ ягнямъ надобно прибавлять зерноваго корму, а это составляетъ лишній расходъ и вовсе не развиваетъ ихъ такъ вѣрно и хорошо, какъ питаніе свѣжей травой. 6) Вліяніе открытаго воздуха, весенней теплоты и свѣту заслуживаетъ особаго вниманія. Пользуясь ими съ самаго своего рожденія, весенніе ягнята развиваются несравненно быстрѣе зимнихъ, которые должны дышать густымъ, спертымъ и, часто, смраднымъ воздухомъ наполненныхъ навозомъ овчарень. Воздухъ и свѣтъ суть великіе дѣятели въ развитіи молодаго животнаго. Между-тѣмъ въ овчарнѣ, зимней порой, никакъ нельзя ихъ доставить ягнямъ, потому что непрерывное освѣженіе овчарни, при двадцати-пяти градусахъ морозу, настудило бы ее съ опасностью для жизни ягнятъ, а что касается до свѣту, то его у насъ въ серединѣ зимы вообще очень мало. Сверхъ всего надобно принять въ соображеніе, что зимой овчарню, во время ягненія, въ длинныя декабрьскія ночи, необходимо освѣщать посредствомъ огня, а это влечетъ за собой новую опасность, — пожаръ. 7) Наконецъ увѣряютъ, что весенніе ягнята на воздухъ, развиваются такъ скоро, что къ концу года, и въ ростѣ и въ силахъ, они равняются уже съ зимними, родив-

шлись несколькими мѣсяцами раньше: следовательно, нѣтъ ни какой надобности спѣшить произведеніемъ ягнать зимою, когда это сопряжено со столькими неудобствами, опасностями и расходами.

Въ Испаніи, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, весеннее ягненіе предпочитается всѣмъ другимъ. Въ южныхъ провинціяхъ этого государства, гдѣ зимуютъ кочевые мериносы, весна начинается въ декабрь мѣсяцъ, и съ того времени продолжается постоянная, умеренно теплая погода до исхода марта. Изъ этого легко понять, что, во-первыхъ, ягнота, до наступленія жаровъ и начала кочеваго похода, достигаютъ уже трехъ-мѣсячнаго возраста, и следовательно становятся способными къ перевесенію вліянія различной вредоносной погоды и трудностей кочевья, и, во-вторыхъ, — что не менѣе важно, — шерсть племенныхъ матокъ, остановившаяся въ ростъ во время трехъ-мѣсячнаго кормленія ягнать, послѣ отлученія приплода подрастаетъ и принимаетъ всѣ свойственныя себѣ качества, дѣлается по-прежнему крѣпкою и упругою, и къ стрижкѣ, производимой въ іюнь, совсѣмъ осыѣжается, такъ, что поступаетъ въ торговлю въ самомъ лучшемъ состояніи. Отъ этого, нечего и сомнѣваться, что во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ весна наступаетъ рано, испанскій обычай назначать ягненіе весною заслуживаетъ полного подражанія. Но если гдѣ весна наступаетъ поздно, тамъ многія выгоды весенняго ягненія вовсе теряются, и, напротивъ, встрѣчаются уже невыгоды, побуждающія избрать другой срокъ, болѣе сообразный съ хозяйственными требованіями. У насъ, напримѣръ, въ средней полосѣ Россіи, гдѣ весенняя теплая погода начинается со второй половины апрѣля, ягненіе должно начинаться также не ранее половины апрѣля, тѣмъ болѣе, что только лишь съ двадцатыхъ числа этого мѣсяца на поляхъ нашихъ показываются первыя свѣжія травы, и то въ такомъ незначительномъ количествѣ, что одинъ подножный кормъ едва ли достаточно для прокормленія матокъ. Порядочный подножный кормъ появляется уже въ первой половинѣ мая, и следовательно, по-настоящему, весеннее ягненіе должно бы проходить у насъ въ май мѣсяцъ, какъ оно и заведено во многихъ овчарняхъ. Но, съ другой стороны, если и нѣтъ недостат-

ку въ кормъ , то всё-таки есть недостатокъ въ теплѣ : наша вогода майская вовсе не такъ тепла, и, особенно, не такъ постоянна , чтобы новорожденные ягнята могли безопасно ходить съ матерями на пастбище; кожа и пшуба , въ которыхъ они рождаются на свѣтъ , худо защищаетъ ихъ отъ простуды при холодныхъ вѣтрахъ и пяти или шести градусахъ теплоты. Вспомните еще о ненастныхъ , дождливыхъ дняхъ , и вы увидите , что приходится держать ягнятъ и ихъ матерей значительную часть весны дома , въ овчарняхъ , на сухомъ корму , а слѣдовательно и всѣ выгоды весенняго ягненія , обиліе подножнаго корму , благотворное вліяніе чистаго воздуха , свѣту , движенія , и прочая , оказываются у насъ почти мечтательными. Положимъ однако жъ , что хозяйство не затруднился бы прокормить матокъ съ ягнятами дома до второй половины мая , то есть , втеченіи одного весенняго мѣсяца . требующаго , разумется , меньше корму , чѣмъ три мѣсяца зимнихъ . Но , во всякомъ случаѣ , ягнята , родившіеся въ апрѣль , понадають четырехъ-недельными , и моложе , подъ жестокой юньской и особливо июльской жаръ , а это весьма вредитъ ихъ развитію и нерѣдко причиняетъ имъ опасныя , даже смертельныя , болѣзни. Кромѣ того , при такомъ порядкѣ ягненія , надо будетъ стричь матокъ въ то самое время , какъ онѣ кормятъ дѣтей , слѣдственно , въ періодъ самый невыгодный для доброты шерсти , когда она останавливается въ ростъ , дѣлается суше , слабѣе , теряетъ значительную часть своей упругости , становится менѣе годною на выдѣлку прочныхъ тканей , и понижается въ цѣнѣ. Далѣе : ягнятъ родившихся въ маѣ , нельзя стричь въ первое лѣто , надобно ожидать слѣдующаго года , а какъ ягнячье руно цѣнится вполовину противъ овечьаго , то отсутствіе его при снятіи шерсти въ первомъ году составляетъ немало-важный ущербъ въ доходъ. Наконецъ , должно принять въ соображеніе мнѣніе многихъ овцеводовъ , которые увѣряють , что , отъ запоздалой первой стрижки ягнятъ , руно ихъ бываетъ впоследствии рже , чѣмъ у тѣхъ , которые въ первый разъ были стрижены въ полугодовомъ возрастѣ. Изъ всего этого видно , что весеннее ягненіе выгодно только въ тѣхъ мѣсахъ , гдѣ весна наступаетъ рано , какъ напримеръ въ Испаніи , гдѣ , до наступленія времени стрижки , мат-

ки не только успѣваютъ выкормить ягнятъ, но имъ еще остается съ мѣсяцъ или съ полтора мѣсяца на восстановленіе хорошихъ качествъ своей шерсти. Напротивъ-того у насъ весеннее ягненіе не можетъ сопровождаться такими благоприятными обстоятельствами, и потому оно, за исключеніемъ полуденныхъ полосъ Россіи, для насъ не годится.

Замѣчательно, что крестьяне наши, которые вообще мало разсуждаютъ о причинахъ и слѣдствіяхъ въ сельскомъ хозяйствѣ, давно уже предпочли зимнее ягненіе и придерживаются его, несмотря на всѣ трудности, съ которыми сопряжено воспитаніе ягнятъ въ избахъ. У нихъ овцы ягнятся окло новаго года, съ первой половины декабря до половины января, или двумя тремя недѣлями позже, то есть, въ тѣ же самыя мѣсяцы, въ которые происходитъ въ Испаніи весеннее ягненіе. Тутъ одно изъ главныхъ неудобствъ состоитъ въ томъ, что для матокъ и ягнятъ необходимо имѣть очень теплыя зимнія помѣщенія, свѣтлыя, хорошо провѣтриваемыя, въ которыхъ, и во время крещенскихъ морозовъ, было бы никакъ не меньше десяти градусовъ тепла. Устройство такихъ помѣщеній требуетъ значительныхъ издержекъ, но, съ другой стороны, должно замѣтить, что у насъ и вообще нельзя безъ теплыхъ овчаренъ водить тонкорунныхъ овецъ, потому что шерсть ихъ отъ холоду измѣняется въ качество. Другая невыгода для хозяина, отъ зимняго ягненія, заключается въ лишнемъ количествѣ корму, который надобно заготовить для матокъ и для ягнятъ, и который кромѣ-того долженъ быть еще самый отборный, лучшаго качества, безъ чего новорожденные животныя непременно погибнуть, какъ подтверждается ежегодными наблюденіями овцеводовъ. Но если принять въ соображеніе, что безъ хорошаго зимняго корму ни какое скотоводство у насъ выгодъ приносить не можетъ, и что, поэтому, въ каждомъ порядочномъ хозяйствѣ онъ всегда долженъ быть заготовляемъ въ изобиліи, то оказывается, что единственная невыгода зимняго ягненія состоитъ въ томъ, что хозяинъ обязанъ зимою кормить ягнятъ. Это обстоятельство тоже вовсе не такъ значительно, какимъ оно является съ перваго взгляду: безъ прибавленія запаснаго зимняго корму, ягнята наши во всякомъ случаѣ

не могут продовольствоваться весной на пастбищъ, и излишекъ корму, расходуемаго на нихъ при зимнемъ ягненіи, составляетъ, весьма незначительное количество, которое съ избыткомъ вознаграждается получаемою съ ягнать шерстью.

Зато зимнее ягненіе имѣетъ на своей сторонѣ многія, положительныя преимущества, вслѣдствіе которыхъ оно и сдѣлалось у насъ общимъ правиломъ овцеводства. Къ такимъ преимуществамъ во-первыхъ принадлежитъ то, что овцы во время ягненія, и потомъ самыя ягнята, находятся постоянно въ овчарнѣ, гдѣ можетъ быть соблюдаема всегда одинаковая теплота, предохраняющая ихъ отъ простуды, почти неизбѣжной при весеннемъ ягненіи, и способствующая большему отдѣленію молока для питанія молодыхъ животныхъ. Далѣе : матки во время ягненія остаются безвыходно дома, подъ надзоромъ овчара, и въ случаѣ надобности всегда могутъ получить своевременную помощь. Сверхъ-того въ нашемъ непостоянномъ и своенравномъ климатѣ, погода такъ переменчива, что если допустить овецъ ягниться въ полѣ, то это надѣляетъ хозяину бездну заботъ; напротивъ того, въ овчарнѣ можно соединить для этого всѣ условія пріятнаго, умереннаго климата, не исключая даже чистаго воздуха и свѣту, если помѣщеніе устроено надлежащимъ образомъ.

Опытомъ дознано, что суягныя матки носятъ и ягнятся легче, когда они во время беременности получаютъ хорошій кормъ и находятся въ постоянномъ движеніи на воздухѣ. Эта важная выгода отчасти утрачивается при весеннемъ ягненіи, потому что тогда случка бываетъ въ началѣ зимы, и овцы во все время беременности находятся въ овчарняхъ. Напротивъ того, при первомъ ягненіи, овцы случаются въ іюль и, слѣдовательно, еще около трехъ мѣсяцовъ ходятъ въ полѣ, на лучшемъ подножномъ корму. Конечно, хорошій кормъ можно доставить имъ и въ овчарнѣ, но что касается до движенія, то онѣ его здѣсь рѣшительно лишены.

Чѣмъ раньше по наступленіи зимы ягнятся овцы, тѣмъ лучше, потому что тѣмъ свѣжѣе будетъ ихъ кормъ. Сверхъ-того, въ декабрѣ и январѣ мѣсяцахъ можно имѣть доста-

точное количество картофеля, а это растение имѣетъ самое благотворное вліяніе на здоровье кормящихъ матокъ, на количество и качество ихъ молока, и, слѣдственно, на развитіе самыхъ ягнятъ. При раннемъ ягненіи, матки успѣваютъ совершенно выкормить ягнятъ своихъ до наступленія теплой весенней погоды, а ягнята къ тому времени достигаютъ уже такого возраста, что могутъ быть отлучены отъ матокъ и ходить вмѣстѣ съ старыми овцами на пастбище. Овцы имѣютъ время поправиться до стрижки: имъ остается около двухъ мѣсяцовъ, впродолженіи которыхъ шерсть ихъ подрастаетъ и восстанавливаетъ всѣ свои добрыя качества, утрачиваемыя обыкновенно во время кормленія, особенно крѣпость и упругость. Наконецъ, послѣ ранняго зимняго ягненія, можно мыть матокъ для стрижки въ холодной водѣ; шерсть зимнихъ ягнятъ до времени стрижки бываетъ уже въ значительномъ ростѣ, и снятіемъ этой шерсти получается отъ сорока-осьми до семидесяти-двухъ золотниковъ съ cadaго животнаго, что въ общемъ итогѣ по продажѣ половинной цѣной противъ овечьей шерсти, покрываетъ всѣ расходы на издержанный для ягнятъ зимній кормъ, не говоря уже о томъ, что, отъ ранней стрижки, равно на ягнятахъ, имѣющее при слѣдующей стрижкѣ одинаковую цѣнность съ руномъ взрослыхъ овецъ, становится лучше. Всѣхъ этихъ выгодъ хозяинъ лишается при весеннемъ ягненіи, потому что весенняго ягненка нельзя стричь раньше достиженія имъ годоваго возраста; слѣдовательно шерсть годоваго ягненка будетъ у него ягнятъ, а настоящее, годное на выдѣлку тканей, руно снимется уже тогда какъ животному исполнится два года. Взаключеніе можно прибавить, что какъ зимніе ягнята, ко времени продажи скота, бывающей лѣтомъ, достигаютъ уже значительной величины, то они продаются скорѣй и дороже, чѣмъ малоразмерныя весенніе: покупщики знаютъ, что эти ягнята къ слѣдующей зимѣ хорошо разовьются, покроются густымъ руномъ, и, слѣдовательно, гораздо прочнѣе для зимовки.

Нѣкоторые хозяева предпочитаютъ однако жъ еще третій срокъ ягненія, не зимою и не весною, а лѣтомъ, или, лучше сказать, въ началѣ осени, потому что дѣло совершается втеченіи августа мѣсяца. И чуть ли этотъ срокъ не лучшій

изъ всѣхъ : въ немъ соединяются многія изъ тѣхъ выгодъ, которыя въ теплыхъ странахъ имѣетъ весеннее ягненіе. Осенніе ягнята родятся въ умеренно теплое время года, когда ихъ тотчасъ же можно выпускать на воздухъ вмѣстѣ съ матками, обезпеченными изобильнымъ и сытнымъ подножнымъ кормомъ до самаго октября мѣсяца. Матки случаются при окончаніи зимы и почти во все время беременности находятся въ самыхъ благопріятныхъ для нея, обстоятельствахъ, именно, въ постоянномъ движеніи на пастбищахъ, а послѣ ягненія, даютъ въ большомъ количествѣ и хорошее молоко, потому что имѣютъ еще неистощенный запасъ зимняго корму, не лежалого и неспорченного, между-тѣмъ какъ ягнята, съ своей стороны, при умеренной теплотѣ, продолжающейся у насъ довольно постоянно до первой половины сентября, развиваются съ чрезвычайною быстротою и, по увѣренію некоторыхъ овцеводовъ, гораздо рѣже страдаютъ поносомъ, нежели зимніе и весенніе. Сверхъ того очень вѣроятно, что осеннихъ ягнятъ, вступающихъ въ холодное время года въ двухъ-мѣсячномъ возрастѣ, а въ теплыхъ мѣстахъ и еще старше, легче сберечь отъ зимнихъ морозовъ, нежели рождающихся во время самыхъ жестокихъ холодовъ, и что нѣтъ надобности заготовлять имъ кормъ съ такою разборчивостію, какъ для зимнихъ ягнятъ. Все это сильно говоритъ въ пользу осенняго ягненія. Почти единственное неблагопріятное обстоятельство, неразлучное съ этимъ срокомъ, состоитъ въ томъ, что мытье и стрижка овецъ должны происходить во время суягности, отчего многія матки могутъ быть повреждены и выкинуты; но это только еще предположеніе, которое надобно поверить на дѣль. Если мытье и стрижка суягныхъ овецъ окажутся не вредными, какъ и должно заключать изъ того, что крестьянка наши осенью передъ стрижкою моютъ своихъ суягныхъ матокъ въ весьма холодной водѣ безъ всякаго вреда, то осеннее ягненіе, вѣроятно, со-временемъ одержитъ у насъ верхъ надъ всеми другими и войдетъ во всеобщее употребленіе.

Смотря во времени года, въ которое хозяинъ желаетъ имѣть ягнята, переставляется и время случки. Для получе-

нѣя весеннихъ ягнать овцы случаются у насъ въ ноябрь, для осеннихъ въ февраль, для зимнихъ въ июль.

Время случки можетъ быть измѣняемо по произволу овцевода, соответственно его видамъ, но если вновь назначаемый срокъ различествуетъ отъ прежде заведеннаго нѣсколькими мѣсяцами, то переѣмну должно дѣлать исподволь, втеченіи двухъ или трехъ лѣтъ, такъ, чтобы каждый годъ случка приближалась къ предназначенному сроку нѣсяцемъ или шестью недѣлями. При внезапномъ переставленіи времени случки на нѣсколько мѣсяцовъ, напримѣръ, съ іюля на ноябрь, многія матки вовсе не примутъ барана и останутся холостыми. Впрочемъ, это можно отворотить посредствомъ откармливанія овецъ, которое должно начинать недѣли за четыре до случки. Особенно же полезна соль: она сильно содѣйствуетъ къ возбужденію ярости матокъ, и потому ее во всякомъ случаѣ надобно давать племеннымъ овцамъ недѣли за двѣ до начатія случки и во все время ея продолженія, чтобы періодъ совокупленія былъ какъ можно короче, не болѣе трехъ или четырехъ недѣль, и чтобы ягнота рождались одновременно, напримѣръ, втеченіи четырехъ или пяти недѣль, потому что большое различіе въ возрастѣ ягнать одного и того же ягненія весьма затрудняетъ уходъ за ними.

Порядокъ или способъ слученія бываетъ разнаго роду, смотря по цѣли учрежденія овчарни. Приемы, употребляемые въ племенныхъ стадахъ, назначенныхъ для произведенія образцовыхъ животныхъ, не могутъ имѣть мѣста въ простой хозяйственной овчарнѣ, которой главное и почти единственное назначеніе состоитъ въ полученіи отъ него удобренія; такъ какъ въ облагороживаемомъ стадѣ соблюдается опять свой, соответственный съ его цѣлью, порядокъ.

Въ хозяйственномъ стадѣ случка производится просто, безъ всякихъ приуготовленій. Когда наступитъ время, барановъ пускаютъ въ стадо къ маткамъ, и они ходятъ вмѣстѣ съ ними на пастбищѣ, а если случка производится зимою, то помѣщаютъ ихъ вмѣстѣ въ овчарнѣ недѣль на шесть или болѣе, пока всѣ овцы не будутъ покрыты. Но какъ бараны въ такихъ обстоятельствахъ непрерывно гоняются за овцами и дерутся между собою, то, для отвраще-

нѣя несчастій, число назначаемыхъ въ стадо барановъ должно быть не меньше одного на двадцать или много на двадцать пять матокъ; а чтобы сберегать ихъ силы, то надобно пускать барановъ не всѣхъ вдругъ, но раздѣливъ ихъ на двѣ или на три очереди, изъ которыхъ одна можетъ ходить съ матками, другія же должны содержаться дома, въ тѣсномъ помѣщеніи, или, лучше, въ отдѣльныхъ хлѣвахъ, получая, кромѣ хорошаго сѣна, нѣкоторое количество зерноваго корму, особенно коноплянаго сѣмени. Если, напримеръ, на полтора ста матокъ имѣется шесть барановъ, то въ стадо разомъ пускаютъ по два, которые каждые восемь часовъ смѣняются двумя свѣжими. Другіе хозяева оставляютъ въ стадѣ половинное число барановъ по суткамъ, такъ что очереди смѣняются черезъ день; нѣкоторые, наконецъ, всѣхъ назначаемыхъ для случки барановъ пускаютъ къ маткамъ только на ночь, по возвращеніи съ пастбища, а на день отдѣляютъ ихъ особо и кормятъ въ овчарнѣ хорошимъ, болѣею частью зерновымъ, кормомъ. Каждый изъ этихъ способовъ можетъ быть признанъ за лучшій, смотря по мѣстности, по болѣе или меньшей отдаленности пастбищъ, и по тому, ночуетъ ли стадо дома или проводитъ нѣсколько дней сряду въ полѣ, также можетъ ли хозяинъ посѣщать ежедневно свое заведеніе или онъ бываетъ въ немъ только въ извѣстные сроки для распоряженія смѣнами.

Напротивъ того, въ облагораживаемыхъ стадахъ, гдѣ весь успѣхъ зависитъ отъ совокупленія животныхъ извѣстныхъ качествъ, и гдѣ, слѣдственно, надобно вести дѣло такъ, чтобы каждая матка была покрываема именно тѣмъ бараномъ, который для нея назначенъ, случка не можетъ быть предоставлена на ихъ волю. Необходимо предварительно повѣрить нумерацію всѣхъ матокъ и написать на рунъ каждой матки номеръ или знакъ ея барана. Если стадо многочисленно и для случки раздѣлено на классы по достоинству рунъ, то каждый классъ получаетъ одинъ общій номеръ, которымъ снабжаются и бараны того же разряда. Советуютъ писать эти знаки спускомъ изъ сала и черной смолы, но какъ спускъ въ холодной водѣ не смывается, то лучше употреблять красный карандашъ. Знакъ пи-

шется на спянь, крупно и какъ можно лаственнѣе, чтобы его можно было безъ затрудненія видѣть. По этимъ знакамъ случаемое стадо разбивается на отдѣленія, и каждое изъ нихъ пасется на особомъ пастбищѣ или содержится въ особой отгородкѣ овчарни. Въ тѣсныхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ затруднительно было бы пастись врознь нѣсколько отдѣленій матокъ на такомъ разстояннѣ между собою, чтобы онѣ не смяшались однѣ съ другими, случка, и въ теплое время года, лучше всего производится въ загородкахъ, которыя устраиваются на дворѣ вблизи овчарни или подъ однимъ навѣсомъ. Ежели случка производится на пастбищахъ, то барановъ должно пускать къ овцамъ попеременно, черезъ день, такъ, чтобы каждому барану, послѣ суточного пребыванія съ матками, приходилось отдыхать тоже цѣлыя сутки, втеченіи которыхъ производятъ ему зерновой кормъ и соль. Если же случка производится зимою въ овчарнѣ, или хотя и лѣтомъ, однако въ загородкахъ, то барановъ пускаютъ къ маткамъ по-утрамъ и по-вечерамъ натри или на четыре часа каждый разъ, и тщательно наблюдаютъ, чтобы они не проводили времени въ дракахъ и не совокуплялись слишкомъ часто съ однѣми и тѣми же матками. Потомъ отгоняютъ ихъ отъ стада и, впредь до наступленія очереди, содержатъ въ овчарнѣ. Покрытыхъ матокъ также отдѣляютъ въ особое стадо или пускаютъ къ ягнѣтамъ, съ которыми онѣ ходятъ вмѣстѣ сутки или двое. Этотъ порядокъ случки хорошъ тѣмъ, что можно навѣрное знать, какимъ бараномъ была покрыта каждая матка, и что сберегаются силы барановъ, которые, находясь по одному или по два въ малочисленномъ, изъ пятидесяти или сотни матокъ состоящемъ, стадѣ, не имѣютъ случая драться между собою и не истомляются отъ бѣганія въ полѣ, гдѣ они обыкновенно, во время случки, цѣлый день почти ничего не ѣдятъ.

Но въ племенныхъ овчарняхъ этотъ порядокъ почитается еще недостаточнымъ, а принята одиночная или ручная случка, какъ въ конскихъ заводахъ. Каждая овца, обнаруживающая потребность въ слученнѣ, приводится къ назначенному ей барану, и такимъ образомъ всегда бываетъ известно, въ какое время и съ какииъ бараномъ она была

случаю : следовательно, въ случаѣ надобности, можетъ быть ясно доказано, отъ какихъ именно родителей родился ягненокъ, — обстоятельство весьма важное для заводчика, пекущагося о чистотѣ породы своихъ животныхъ. Не менѣе значительная выгода этого способа случки состоитъ еще въ томъ, что бараны содержатся дома, не встрѣчаются другъ съ другомъ въ стадѣ, не утомляются драками, бѣганьемъ, прыганьемъ и добровольнымъ постомъ ; что слабѣйшіе не отбиваются отъ матокъ сильнѣйшими ; и что ни одинъ изъ нихъ не теряетъ по-пустому силъ своихъ въ безполезныхъ и частыхъ совокупленіяхъ съ однѣми и тѣми же матками, если ярыхъ овецъ слишкомъ мало, или же отъ чрезмѣрнаго напряженія, если ихъ слишкомъ много. Не будучи истощаемы многими и потому уже неплодовитыми совокупленіями, находясь постоянно дома, въ покоѣ, на сытномъ зерновомъ кормѣ, бараны, употребляемые для одиночной случки, могутъ покрывать вдвое, втрое и даже вчетверо больше овецъ, нежели бараны, пускаемые въ стадо, а это составляетъ немаловажную выгоду, особенно для племенныхъ овчаренъ, въ которыхъ бараны обыкновенно бываютъ высокой цѣны. Наконецъ, какъ, при этомъ порядкѣ, бараны всегда сохраняютъ вполне свои силы, то можно ожидать, что родящееся отъ нихъ потомство будетъ несравненно лучше нежели отъ барановъ, находящихся непрерывно въ стадѣ и потому болѣе разслабленныхъ.

Главная забота, при одиночной случкѣ, состоитъ въ своевременномъ отысканіи между матками тѣхъ, которыя обнаруживаютъ потребность въ совокупленіи, безъ которой онѣ не примутъ барана или, по-крайней-мѣрѣ, не будутъ оплодотворяться. Ярящихся матокъ узнаютъ посредствомъ пробнаго барана, или, по-просту, пробника. Въ пробники беретъ баранъ низшаго достоинства, вовсе не назначаемый въ случку. Пущенный въ стадо къ маткамъ, онъ бѣгаетъ между ними и ласкается къ тѣмъ, которыя чувствуютъ потребность совокупленія : такія матки обыкновенно собираются около пробника и постоянно держатся близъ него, не сопротивляясь его покушеніямъ и ласкамъ. Но чтобы пробникъ не могъ однако же удовлетворить своему влеченію, вазываютъ ему подъ брюхо крышкѣ холстинный передникъ,

который прикрѣпляется посредствомъ веревки, обведенной вокругъ туловища и завязываемой на спинѣ. Снарядъ этотъ дѣлаетъ пробника способнымъ только къ тому, для чего онъ назначенъ. Указанныхъ имъ ярыхъ матокъ пастухъ отличаетъ извѣстными знаками на рунѣ, и вечеромъ, по возвращеніи съ поля, онѣ отдѣляются особо для случки на другой день по-утру.

Нѣкоторые овцеводы пускаютъ пробника къ маткамъ поутрамъ послѣ разсвѣта, всего часа на два, до выпуска ихъ на пастбище, и указываемыхъ имъ ярыхъ овецъ, по мѣрахъ обнаруживанія, тотчасъ же отдѣляютъ и случаютъ. Этотъ порядокъ проще и хорошъ особенно тѣмъ, что овцы находятся еще дома, и, слѣдственно, хозяину можно имѣть надлежащій присмотръ за точнымъ ходомъ дѣла, которое въ полѣ предоставляется одной совѣсти пастуха, отчего, при его нерадивости или невнимательности, многія ярыя матки могутъ остаться незамѣченными и непокрытыми.

Узнанныя ярыя овцы по-одиначкѣ приводятся къ тому племенному барану, который для нихъ назначенъ. Бараны эти содержатся каждый въ особомъ отдѣленіи овчарни, которое дѣлается изъ тонкихъ досокъ и должно имѣть такую вмѣстительность, чтобы двое животныхъ свободно могли въ немъ двигаться, слѣдовательно, около трехъ съ половиною аршинъ въ длину и столько же въ ширину. Вышина стѣнъ должна быть аршина въ два, чтобы бараны не могли видѣть другъ друга. Отдѣленія эти надобно устраивать не въ той самой овчарнѣ, гдѣ помѣщаются матки, потому что, въ такомъ случаѣ, бляеніе матокъ будетъ цѣлую ночь тревожить барановъ и не дастъ имъ нужнаго покоя и отдыха. Какъ-скоро баранъ покрылъ засаженную къ нему овцу разъ, а еще лучше два раза, тотчасъ ее берутъ прочь и выпускаютъ въ стадо, внося въ списокъ день случки и номеръ барана. Въ одно утро, втеченіи двухъ часовъ, баранъ можетъ покрыть двухъ и даже трехъ матокъ, каждую по два раза; а если хозяинъ предпочитаетъ, чтобы матки покрывались только по одному разу, то баранъ можетъ оплодотворить до четырехъ и даже пяти овецъ въ одно утро. Впрочемъ, число матокъ естественно зависитъ отъ возраста, сложенія, здоровья и содержанія барана. Если, втеченіи утра,

окажется ярых матокъ больше, нежели сколько можно дать барану за одинъ разъ, то лишнихъ слѣдуетъ отдѣлить отъ стада, и, оставивъ дома въ овчарнѣ, пустить къ барану по-слѣ объѣда, или, пожалуй, и отправить со стадомъ на пастбище, только снабдить особеннымъ знакомъ, по которому слу-чить ихъ на слѣдующее утро.

Бывшихъ въ случкѣ барановъ, по окончаніи дѣла, можно на нѣсколько часовъ выпускать на ближній лугъ или на особое для нихъ заведенное пастбище, при чемъ однако жъ необходимо кормить ихъ въ стойлѣ зерновымъ кормомъ и снабжать ихъ достаточнымъ количествомъ воды для пойма. Если бы они, на свободу, стали драться между собою, то надобно тотчасъ ихъ загнать, или, по-крайней-мѣрѣ, безпокойныхъ отдѣлить и запереть особо. Драчливыхъ барановъ, которые буянятъ въ своемъ отдѣленіи и ударами стараются разбивать простѣнки, отдѣляющіе ихъ отъ сосѣдовъ, усмиряютъ тѣмъ, что надѣваютъ имъ на глаза легкую холщевую покрывку : кормъ и пойма они тотчасъ научаются находить по обонянію.

Тѣ матки, которыхъ случка не была плодовита, черезъ семь, четырнадцать и не позже двадцати-одного дня, опять обнаруживаютъ желаніе принять барана, и тогда должны быть покрываемы въ другой разъ, а если и эта случка окажется бесполезною, то въ третій. Чтобы не оставалось холостыхъ матокъ, можно, и по окончаніи времени случки, еще нѣсколько недель ежедневно пускать пробника въ стадо для открытія ярыхъ овецъ. Другіе овцеводы предпочитаютъ однако жъ пускать въ стадо по нѣскольку тѣхъ же самыхъ племенныхъ барановъ, которые были употреблены при случкѣ, отправляя ихъ по-очереди вмѣстѣ съ матками на пастбище, втеченіи мѣсяца или больше. Въ этомъ случаѣ, мѣстныхъ обстоятельства должны опредѣлить, тотъ или другой порядокъ удобнѣе.

Какъ ни хороша кажется ручная случка, соответствующая всемъ требованіямъ благоустроеннаго хозяйства, однако жъ она не вездѣ принята, даже и въ племенныхъ овчарняхъ, по тому предубѣжденію, будто бы при ней остается гораздо больше холостыхъ матокъ, нежели при свободномъ слученіи въ стадѣ. Но эта мысль противурѣчить

существо дала, потому что мѣры, принимаемыя при ручной случкѣ, чрезвычайно берегаютъ силы барановъ и оттого совокупленія ихъ вообще должны быть плодотвѣе. Несмотря на то, многіе овцеводы, основываясь на своихъ наблюденіяхъ, увѣряютъ, что отъ ручной случки получается меньше ягнятъ. Конечно, безъ положительныхъ, съ болѣею точностью произведенныхъ, опытовъ, трудно рѣшить этотъ споръ; но есть причины, по которымъ, во многихъ случаяхъ свободное совокупленіе должно быть предпочтительно ручному. Главная причина состоитъ въ томъ, что если бараны ходятъ вмѣстѣ съ матками въ стадѣ, то каждая овца бываетъ покрыта именно въ то самое время, когда ея ярость находится въ надлежащей степени, следовательно, въ самое способное для оплодотворенія время, которое у овецъ продолжается весьма недолго, только отъ полутора до двухъ сутокъ. При ручной же случкѣ, это время легко можетъ быть упущено, если за обнаруживаніемъ ярости матокъ не будетъ постоянно тщательнаго присмотра, подъ наблюденіемъ опытнаго и искуснаго овчара, который не оставитъ бы безъ вниманія даже и тѣхъ матокъ, которыхъ ярость слаба. Часто случается, что нѣкоторыя матки, обнаруживающія слабое желаніе совокупиться, вовсе не означаютъ пробникомъ, который больше выжестся за овцами, означаящими потребность въ принятіи барана въ сильной степени. Какъ на другія сутки ярость первыхъ уменьшается, иногда и совершенно исчезаетъ, то не мудрено, что, и при хорошемъ присмотрѣ, многія матки останутся непокрытыми или будутъ случены тогда уже, когда настоящій, самое способный для оплодотворенія, моментъ ярости прошелъ. Неудобство это можетъ быть устранено, если слученныя матки отмѣчать большими знаками на рунахъ, такъ, что, въ случаѣ нѣкотораго продолженія случки, съ перваго взгляда видно, сколько осталось вовсе непокрытыхъ, которыхъ отъ томъ можно отдѣлать отъ стада и усиленнымъ, горькимъ зерновымъ кормомъ и солью приводить въ лежащую ярость. Кроме-того, если по окончаніи случки, мѣсяць или на два, пустить къ маткамъ въ стадо молодыхъ барановъ, то они, хоть позже, однако жъ не оставятъ нечаянныхъ. Это послѣднее распоряженіе нужно и въ

еще, что многія матки, несмотря на воспослѣдовавшее зачатіе, нѣсколько времени послѣ того вновь обнаруживаютъ желаніе принять барана, что иногда повторяется нѣсколько разъ. Другое обстоятельство, могущее быть причиною меньшей плодовитости ручной случки, состоитъ въ томъ, что при этомъ способѣ, производимомъ преимущественно въ племенныхъ овчарняхъ, дорогимъ баранамъ часто даютъ слишкомъ большое число матокъ, до сотни и больше, изъ которыхъ, естественно, многія должны оставаться холостыми. Но устранить это обстоятельство, какъ само собою разумѣется, очень легко.

Въ племенныхъ стадахъ ручная случка вообще заслуживаетъ предпочтеніе предъ всеми другими; но если хозяину нельзя самому присматривать за порядкомъ производства, отъ котораго зависитъ успѣхъ всего дѣла, то лучше разбивать стадо матокъ на небольшія отдѣленія и пускать къ нимъ племенныхъ барановъ попеременно, на сутки или на двѣнадцать часовъ. Тогда хозяину останется хлопотать только о правильной сѣмьѣ барановъ и хорошемъ содержаніи ихъ, а все прочее предоставитъ природа. Конечно, въ этомъ случаѣ могутъ произойти невѣрности въ спискахъ совокупленія, особенно если въ большое стадо будетъ пущено нѣсколько барановъ въ одно время; но и такой бѣды можно помочь раздѣленіемъ стада матокъ на небольшія отдѣленія, напримѣръ, по сту штукъ, и каждые восемь часовъ пускать къ нимъ по одному изъ трехъ назначенныхъ имъ барановъ: тогда всегда навѣрное будетъ извѣстно, отъ котораго изъ нихъ каждая овца будетъ сукна.

Изъ описаннаго въ своемъ мѣстѣ вліянія различныхъ внешнихъ причинъ на качество зародыша понятно уже, что сукныя матки, носящія въ себѣ будущій составъ всего стада и всѣ надежды хозяина, требуютъ съ самаго покрытія особыхъ попеченій, которыя, по мѣрѣ приближенія времени ягненія, естественно должны усугубляться. Какъ для образованія цѣлаго новаго организма нужно овцѣ израсходовать значительную часть собственныхъ своихъ соковъ и сохранить достаточно силъ, чтобы носить ягненка, то необходимо сукнымъ маткамъ прибавлять корму: противъ холостыхъ, особенно со времени наступленія второй поло-

вины суягности. Съ тѣмъ вмѣстѣ надобно заботиться, чтобы кормъ ихъ былъ отборный, и чтобы, пуще всего, въ немъ не было сѣна съ кислыхъ, гнилыхъ болотъ, равно предметовъ подмоченныхъ, залежалыхъ и заплѣсневалыхъ. Преимущественно производимый въ послѣднее время суягности дурной, испорченный кормъ бываетъ причиною образования дурнаго качества молока, отчего новорожденные ягнята подвергаются губительному носу и параличу заднихъ ногъ. Замѣчено также, что отъ залежалаго, гнилаго и болотистаго сѣна, даваемаго маткамъ передъ ягненіемъ, молоко уменьшается въ количествѣ и часто вовсе исчезаетъ, такъ, что новорожденные ягнята могутъ исцхнуть просто съ голоду.

Не менѣе нужно ограждать суягныхъ овецъ отъ всѣхъ случаевъ, которые могутъ быть поводомъ къ преждевременному выкидыванію. Слѣдуетъ строго смотреть, чтобы овчары обращались съ ними бережно, не травили ихъ часто собаками, не заставляли прыгать черезъ рвы и заборы, не толкали ихъ ногами или посохомъ, и не таскали за заднія ноги съ одного мѣста на другое. Надобно тщательно наблюдать, чтобы суягныя матки, ни въ какомъ случаѣ, не сжимались слишкомъ плотно между собою, какъ это нередко бываетъ при задаваніи имъ корму и при испугѣ, а особенно при выхожденіи изъ овчарни и возвращеніи въ овчарню, если овчары неосторожно подгоняютъ ихъ во время приближенія къ воротамъ. Увѣряютъ еще, что такое же губительное дѣйствіе на суягныхъ матокъ производитъ трава, покрытая инеемъ, мерзлые корни и листья овощей, картофель, особливо поростшій, производимый въ слишкомъ большомъ количествѣ безъ прибавленія сухаго корму, и наконецъ очень холодное пойло, особенно снѣжная вода. Впрочемъ, многое зависитъ отъ прочности породы и бѣльшей или меньшей степени изнѣженности овецъ, какъ это замѣчается и во всѣхъ другихъ родахъ домашнихъ животныхъ. Всего вреднѣе для суягныхъ овецъ полагаютъ испугъ, которому онѣ, по врожденной слабости и беззащитности, болѣе подвержены, чѣмъ другой домашній скотъ, имѣющій отъ природы достаточныя средства защиты отъ внезапныхъ нападеній.

Наступленіе ягненія познается по заметному спущенію живота и наполненію вымени молокомъ, причѣмъ распухаютъ дѣтородныя части, и изъ нихъ начинается безпрерывное истеченіе слизистой жидкости. Какъ-скоро окажутся эти признаки, овцу должно отдѣлить отъ стада и помѣстить въ особомъ родильномъ отдѣленіи, составляемомъ въ той же овчарнѣ изъ подвижныхъ загородокъ, гдѣ она можетъ спокойно разрѣшиться, безъ опасенія, чтобы другія матки, при внезапныхъ быстрыхъ движеніяхъ, затѣтали ее или ея ягненка. Если ягненіе происходитъ весною, когда овцы пасутся въ полѣ, то каждое утро, передъ выходомъ стада на пастбище, должно тщательно осмотрѣть матокъ, и тѣхъ, у которыхъ окажутся признаки скорого ягненія, оставить лежа въ родильномъ отдѣлѣ. Тутъ, нарочито приставленный, исправный овчаръ долженъ не выпускать матокъ изъ виду пока онѣ не разрѣшатся, чтобы въ случаѣ, надобности, оказать имъ помощь и принять мѣры къ сохраненію какъ матери, такъ и новорожденнаго ягненка. Обыкновенно овцы рождають скоро и легко, безъ всякаго посторонняго пособія; но бываетъ, что ягненокъ представляется къ родамъ въ невыгодномъ положеніи или очень великъ, и оттого роды затрудняются, а иногда, при порочномъ образованіи костянаго таза матери, безъ дѣтельной помощи и вовсе невозможны. Если же овчаръ удостовѣрится, что ягненокъ находится въ хорошемъ положеніи, то есть, идетъ впередъ мордою, подъ которою лежатъ обѣ переднія ноги, тогда нѣтъ ни какой надобности заботиться о маткѣ, хотя бы роды были и продолжительны, исключая однако жъ того случая, когда ягненокъ великъ или голова его такъ толста, что, по чрезвычайной продолжительности родовъ и крайнему ослабленію родильницы, не предвидится возможности разрѣшенія. Но и въ такомъ случаѣ должно воздерживаться отъ лишней торопливости; особенно не слѣдуетъ преждевременно разрывать пузыря, или такъ-называемой рубашки, потому что заключенными въ немъ водами производится необходимое для благополучнаго разрѣшенія постепенное расширеніе дѣтородныхъ частей, и что послѣ своевременнаго, самою природою совершаемаго, разрыва пузыря, воды его увлаживаютъ путь прохожденія ягненка. При благо-

вогучныхъ родахъ, искусственное разрываніе пузыря можетъ сдѣлаться необходимымъ тогда только, когда голова ягненка появится наружу, а между-тѣмъ пузырь еще будетъ цѣлъ : тутъ ужъ надобно скорѣй разорвать его, потому что, иначе, ягненокъ задохнется. То же самое слѣдуетъ сдѣлать, если онъ родится весь въ пузырь, или, по-просту, въ сорочкѣ. Обыкновенно, во время совершеннаго выхода ягненка на свѣтъ, пуповина сама отрывается, но случается, что, по особенной крѣпости, она иногда остается цѣлою и связываетъ ягненка съ матерью : въ такомъ случаѣ овчаръ отрываетъ ее ножницами или ножомъ, паяца на четыре отъ живота новорожденнаго. Вскорѣ послѣ родовъ выходитъ обыкновенно и послѣдъ самъ собою, но бываетъ иногда, что это дѣйствіе замедляется по разнымъ причинамъ, и для ускоренія его надобно употребить помощь.

БАРОНЪ БЕДОРЪ УНГЕРЪ-ИТЕРНБЕРГЪ.

=

КУРСЪ ОВЦЕВОДСТВА.

=

ЧТЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ И ПОСЛѢДНЕЕ.

=

XVI.

Ягнята и ихъ воспитаніе.

Несмотря на тихій и смиренный нравъ свой, мериносовыя овцы вообще такія плохія матери, что безъ особыхъ побудительныхъ мѣръ, принятыхъ тотчасъ послѣ рожденія ягненка, онъ вовсе не заботится о своемъ дѣтищѣ, и оно, предоставленное собственнымъ силамъ, можетъ сдѣлаться жертвою голода и холода. Безопасность овецъ-матерей до того доходитъ, что онѣ не различаютъ своего ягненка съ чужимъ и не кормятъ его, если ихъ не принудить къ исполненію этой обязанности. Въ многочисленномъ стадѣ, при родахъ изъ сколькихъ сотъ овецъ въ одно время, это можетъ имѣть послѣдствія весьма вредныя, но трудности усмотрѣть за всеми матерями. Дѣло однако жъ обдѣльвается довольно легко, чрезъ помѣщеніе каждой матери съ ея ягненкомъ въ особую кѣтку, длиною и шириною аршина въ полтора, а вышиною въ аршинъ. Кѣтки эти устраиваются безъ всякихъ хлопотъ изъ подвижныхъ перегородокъ, изъ которыхъ однѣ, длинныя ставятся параллельно съ заднею стѣною строенія, въ которой нѣтъ оконъ, въ разстояніи отъ стѣны на полтора аршина, а другими, короткими, разделяется эта полоса на равныя квадратныя пространства. Подславъ въ кѣтку свѣжей сухой соломы, сажаютъ туда оцъ съ новорожденнымъ ягненкомъ и смотрятъ чтобы она

его облизала. Если овца этого не делаетъ, посыпаютъ ягненка небольшимъ количествомъ соли и подносятъ его къ мордѣ матери; а если и такое средство не помогаетъ, то овчаръ долженъ бережно обтереть новорожденного до-суха пучкомъ мягкаго сѣна или соломы. Потомъ слѣдуетъ наблюдать, припускаетъ ли мать ягненка къ соскамъ. Бываетъ, что она сначала толкается: въ такомъ случаѣ надобно, приложивъ ягненка къ соскамъ, придержать мать, но такъ однако же, чтобы она могла свободно заворачивать голову и обнюхивать свое дѣтище, что ускоряетъ ея съ нимъ сближеніе. Замѣчено, что эти хлопоты чаще всего бываютъ съ рогатыми матками, и особенно при первомъ ягненкѣ. Но достаточно принудить такую матку къ кормленію одинъ разъ, и послѣ того она рѣдко противится исполненію своей обязанности. Если ягненокъ, отъ продолжительныхъ и трудныхъ родовъ, явился на свѣтъ столь слабымъ, что самъ не можетъ подняться на ноги и сосать, то на первый разъ должно, приподнявъ его и придержавъ у соска, нацѣдить ему въ ротъ изъ вымени немного молока, чтобы поддѣржать его силы. Овца остается въ клеткѣ съ своимъ ягненкомъ до тѣхъ поръ, пока они не прилькнутъ другъ къ другу, и въ матери не обнаружится любовь къ своему дѣтяти. Последнее можно замѣтить изъ того, что она начинаетъ имъ заниматься, часто его обнюхиваетъ, охотно допускаетъ къ соскамъ, а сама во время сосанія спокойно жуется жвачку, при разлученіи же обнаруживаетъ тоску продолжительнымъ и безпокойнымъ блужданіемъ. На это обыкновенно довольно трех-дневнаго пребыванія въ клеткѣ.

Если случится, что мать вскорѣ послѣ родовъ перестанетъ, или не будетъ имѣть достаточно молока, то ягненку даютъ кормилицу, выбираютъ сегодѣ тѣхъ матокъ, которыя произвели мертвыхъ ягнятъ или которыхъ дѣти умерли послѣ рожденія.

Надобно однако жъ замѣтить, что въ кормилицы годятся овца только втеченіи первыхъ трехъ дней послѣ рожденія или смерти ея ягненка: позже этого срока, молоко ея исчезаетъ, если не будутъ приняты предварительныя мѣры, то есть, если ее не стануть донть два въ день: въ такомъ случаѣ она не лишится молока довольно долгое

время. Вообще овца-кормилица безъ особаго затрудненія принимаетъ чужаго ягненка, но чтобы еще болѣе ускорить ихъ сближеніе, совьтуютъ чужаго ягненка потереть ея собственныиъ, только-что родившимся, или зарвать ея ягненка и шкурку его надѣть на чужаго. Сверхъ того опытъ показалъ, что если у подкладываемаго ягненка отстричь съ головы, хвоста или заднихъ ногъ нѣсколько клочковъ шерсти и всунуть ихъ въ ротъ овцы-кормилицы, то она, пережевавъ и проглотивъ эту шерсть, очень скоро приметъ ягненка.

Когда мать и ягненокъ свинутся, ихъ выпускаютъ изъ кляткы въ особое отдѣленіе къ другимъ овцамъ, кормящимъ своихъ или чужихъ дѣтей, но прежде того даютъ имъ обоимъ одинаковый знакъ или номеръ, который пишется краскою или краснымъ карандашомъ на голову, затылокъ и крестецъ, и отъ котораго ягненокъ получаетъ впоследствии свой постоянный номеръ въ книгѣ съ означеніемъ при томъ номеровъ отца и матери. Сходство номера ягненка съ номеромъ его матери или кормилицы нужно для того, что можно узнавать мать каждаго ягненка, если онъ отстанетъ отъ нея въ стадѣ. Случается, что овца, по вынужденію изъ кляткы, перестаетъ подпускать къ себѣ свое дитя или своего питомца, и потому должно, особенно въ первые дни, тщательно наблюдать не худѣютъ ли ягнята, и если это будетъ замѣчено, то похудѣшаго ягненка вмѣстѣ съ матерью или кормилицею снова помѣстить въ клятку.

Весьма большую осторожность должно употреблять при кормленіи матокъ въ первые дни послѣ ягненія: отъ качества и количества производимаго имъ корму непосредственно зависитъ здоровье ягнятъ, ихъ развитіе и все будущее преуспѣваніе стада. Обыкновенно совьтуютъ давать кормящимъ маткамъ много сытнаго корму, на томъ основаніи, что кормленіе ягнятъ ихъ изнуряетъ и что самое молоко не будетъ у нихъ въ достаточномъ количествѣ, если онѣ будутъ содержимы скудно. Но отнюдь не должно однакожь увеличивать порцію съ самой минуты рожденія ягненка: напротивъ, въ первые дни его жизни, когда пищеварительные органы его еще очень нѣжны и легко разстраиваются отъ самой маловажной причины, для здоровья его необхо-

дымо, чтобы молоко матери было жидко и не отягачало его желудка. Отъ густаго молока у новорожденнаго ягненка сдѣлается поносъ, который весьма часто бываетъ смертельнымъ. Чтобы избѣгнуть этой губительной болѣзни, маткамъ, втеченіи первой недѣли послѣ объягненія, надобно производить обыкновенное количество корму, а если она хорошо содержались во время суягности, то не мѣшаетъ даже немного и убавить его. Особенно нужно остерегаться мучныхъ питательныхъ поиль : умеренное количество сѣна и соломы, съ чистой водой для питья, должно составлять все ихъ продовольствіе. Нужды нѣтъ, если матки отъ такой діеты немного похудѣютъ въ первую недѣлю : зато ягнята здоровы. Когда же ягнята подкрѣпятся и будутъ въ состояніи безвредно принимать болѣе густое молоко, тогда можно постепенно прибавлять ихъ порцію, впрочемъ отнюдь не торопясь, а исподоволь, сообразно съ болѣею или меньшею худобою матокъ и съ состояніемъ здоровья ягнать. Не менѣе того нужно тщательно смотрѣть, чтобы сѣно и солома, производимыя въ пищу кормящимъ маткамъ, особливо въ первыя недѣли послѣ объягненія, были лучшаго качества, отнюдь неподмоченныя во время уборки : сѣно должно быть съ сухихъ луговъ, тонкое и зеленое. Поэтому, для избѣжанія всѣхъ хлопотъ, тѣ скирды сѣна и хлѣба, которыя убраны въ совершенно сухую погоду, съ самаго лѣта сберегаются особо для времени ягненія, если можно, подъ крышею. При весеннемъ и осеннемъ ягненіи, когда овцы ягнятся на пастбищѣ, діета ихъ состоитъ въ томъ, что имъ не отводятъ слишкомъ сытныхъ пастбищныхъ мѣстъ : въ противномъ случаѣ произойдутъ тѣ же губительныя послѣдствія для ягнать, какъ отъ сильнаго сухаго корму. Самъ господинъ Петри, весьма сытно кормящій овецъ своихъ, предостерегаетъ отъ сытнаго кормленія матокъ тотчасъ послѣ ягненія.

Сколько времени матка должна кормить ягненка, опредѣлить съ точностью трудно. Замѣчено однако жъ, что послѣ двѣнадцати недѣль отъ ягненія количество молока видимо уменьшается, и какъ, втеченіи этого времени, ягнята достаточно подрастаютъ, такъ что могутъ питаться травой или сѣномъ, то принято за правило, что матки должны

кормить ягнят не более трехъ мясцовъ. После этого срока, отлученіе ихъ необходимо для того, чтобы овцамъ оставалось довольно времени поправиться, чтобы шерсть ихъ опять получила къ стрижкѣ тѣ качества, которыя она утратила во время кормленія, и чтобы сами овцы укрѣпились въ силахъ къ слѣдующей за тѣмъ случкѣ. По отдѣленіи ягнятъ, надобно часто осматривать матокъ, не дѣлаются ли у нихъ въ вымени затвердѣнія, что иногда бываетъ отъ слишкомъ сильнаго напору молока: въ такомъ случаѣ, у страдающихъ матокъ ежедневно, по нѣскольку разъ, выдавливаютъ молоко, и вымя намазываютъ мазью изъ льнянаго масла съ свинцовыми бѣлилами.

Если производимый маткамъ кормъ совершенно хорошъ и устройство овчарни соответствуетъ условіямъ зимняго ячненія, а при весеннемъ стоитъ благопріятная погода, то воспитаніе ягнятъ не требуетъ ни какихъ особыхъ хлопотъ. Унасъ, гдѣ овцы зимою ягнятся въ овчарняхъ, строенія для помѣщенія кормящихъ матокъ съ ягнятами должны имѣть достаточно толстыя и плотныя стѣны и потолокъ, чтобы нигдѣ не продувалъ сквозной вѣтеръ, и чтобы, при самыхъ сильныхъ морозахъ, теплота въ овчарнѣ никогда не была меньше десяти градусовъ. Впрочемъ, когда морозъ силенъ и сопровождается вѣтромъ, то весьма не трудно, если теплота въ овчарнѣ доходитъ и до пятнадцати или осемнадцати градусовъ, потому что въ такихъ случаяхъ овчарня скоро остужается отъ частаго отворянья дверей, и стѣны ея дѣлаются такъ холодны отъ наружной тужи, что требуютъ непременно соответственнаго согрѣнія изнутри. Безъ надлежащей степени теплоты въ овчарнѣ, ягнята неминуемо подвергнутся простудѣ и всѣмъ я губительнымъ слѣдствіямъ, въ томъ числѣ поносу, отъ втораго обыкновенно умираетъ около третьей части или оловныя ягнятъ, тогда какъ другая половина останавливается въ своемъ развитіи и уже никогда не достигаетъ свойственнаго себѣ росту и тѣлосложенія. Наши крестьяне, удачно воспитывающіе ягнятъ въ избахъ, могутъ служить лучшимъ доказательствомъ необходимости тепла для ягнятъ. Въ овчарняхъ для этого должно затыкать часть отдушинъ, а какъ, при закрытыхъ отдушинахъ, сдавленные испаре-

ния навозу могутъ имѣть вредное вліяніе на лѣтнія молодѣющіе животныхъ, то надобно давать имъ хорошую толстую подстилку, которая умѣряетъ силу этихъ испареній и предохраняетъ ягнятъ отъ сырости, нередко причиняющей онемѣлость, или параличъ, заднихъ ногъ.

Какъ первые дни своего существованія ягненокъ проводитъ въ клеткѣ съ матерью и питается исключительно ея молокомъ, то все попеченіе объ его прокормленіи должно быть обращено на мать, которой первое молоко имѣетъ свойство выводить изъ ягненка накопившіяся въ его кишкахъ, до рожденія, нечистоты черного цвѣту. Поэтому весьма важно, для успѣянія молодаго животного, чтобы оно сосало первое материнское молоко какъ-можно скорѣе послѣ рожденія; а если ягненокъ такъ слабъ, что самъ сосать не можетъ, то надобно нацѣживать ему въ ротъ материнскаго молока черезъ каждые два часа или чаще, пока онъ не будетъ въ состояніи сосать самъ. Случается, что ягненокъ рождается съ плевою, которая покрываетъ переднія зубы и мѣшаетъ ему сосать: въ такомъ случаѣ слѣдуетъ прорѣзать плеву или протереть хлѣбною коркою. Если мать или кормилица не допускаетъ ягненка сосать, то должно подвостить его къ ней, какъ сказано выше, и повторять это по-крайней-мѣрѣ разъ шесть или восемь въ сутки. По выпускѣ ягнятъ изъ клетокъ, имъ должно быть отведено достаточное мѣсто, на которомъ они могли бы удовлетворить своему неодолимому влеченію къ бѣганью и прыганью, а какъ, въ большіе морозы, на дворъ выпускать ихъ нельзя, то надобно, чтобы въ самой овчарнѣ былъ достаточный просторъ для этихъ экзерцицій, отъ которыхъ члены ягнятъ и вообще весь ихъ организмъ, со включеніемъ желудка, чрезвычайно укрѣпляются. Свободно бѣгающіе ягнята вообще рѣже хвораютъ чѣмъ растущіе безъ движенія взаперти. По мѣрѣ того какъ они укрѣпляются силами, матерямъ надобно прибавлять корму, соблюдая однако жъ крайнюю постепенность, чтобы онѣ не давали слишкомъ много очень густаго молока, котораго желудокъ нѣжныхъ ягнятъ сварить не можетъ. Если мать худа и во время кормленія видимо истощается, въ такомъ случаѣ не худо прибавить къ сыну небольшое количество зерноваго корму или мучнаго поила. Полезною

щипкою для овецъ-кормилицъ, особенно въ первые осемь дней послѣ облягненія, почитаютъ свѣжіе коренья, картофель и свеклу, производимые имъ попеременно съ сухимъ кормомъ, сѣномъ и соломою. Нѣкоторые овцеводы полагаютъ даже затруднительнымъ выкормить ягнятъ безъ картофеля.

По достиженіи двухъ-недѣльнаго возраста, ягята начинаютъ ѣсть сѣно и пить воду. Еще прежде того они, играя, щиплютъ и рвутъ по-немногу сѣна или соломы, задаваемыхъ матерямъ, и такимъ образомъ исподоволь привыкаютъ жевать кормъ. Въ теплыхъ мѣстностяхъ, при весеннемъ и осеннемъ ягненіи, когда ягята, тотчасъ послѣ рожденія, выходятъ съ матерями въ поле, они начинаютъ щипать свѣжую травку гораздо раньше, а именно по истеченіи пяти или шести дней послѣ появленія своего на свѣтъ. При зимнемъ ягненіи въ овчарняхъ, продовольствованіе ягнятъ сухимъ кормомъ требуетъ нѣкоторыхъ особыхъ приемовъ. Какъ кормъ, даваемый матерямъ, былъ бы не по силамъ очень нѣжнымъ ягнѣтамъ и кромѣ того матери отталкиваютъ ихъ отъ ясель, то устраиваютъ въ овчарнѣ особое отдѣленіе, гдѣ они получаютъ особый свой кормъ. Отдѣленіе это отгораживается въ той же части овчарни, гдѣ находятся матки съ ягнѣтами, посредствомъ переносныхъ загоронокъ, изъ отвѣсныхъ жердей, поставленныхъ вершкахъ въ шести одна отъ другой, такъ, чтобы одни ягнѣта могли проходить между ними. Въ этомъ ягнѣчемъ отдѣленіи разставляются низенькіе ясли, соответствующія вышиною росту ягнѣтъ, и въ нихъ задается молодымъ животнымъ сѣно, солома и зерновой кормъ. Сперва кладутъ немного нѣжнаго луговаго сѣна или клеверу, перемѣшаннаго съ овсяною или, какъ совѣтуютъ нѣкоторые овцеводы, съ чечевичною соломою, а вдоль одной загородки утверждаютъ на полу корыто съ чистой водою. Десяти-дневные ягнѣта, играя и бѣгая въ материнскомъ отдѣлѣ, скоро открываютъ возможность проходить въ назначенное для себя отдѣленіе, и проходятъ сначала изъ любопытства, а потомъ ужъ для корму, который исподоволь дѣлается для нихъ потребностью, такъ, что какъ-скоро заложутъ имъ свѣжаго сѣна, они тотчасъ же проходятъ между жердями и сѣдаютъ его. За старши-

ни приучаются ходить и младшіе, и такимъ образомъ приученіе ягнать къ корму не бываетъ сопряжено ни съ какими затрудненіями. По мѣрѣ ихъ подрастанія, увеличиваютъ количество корму, и къ сѣну въ иныхъ мѣстахъ прибавляютъ мучное пойло изъ ячной муки. Надо однако къ смотреть, чтобъ это пойло не закисало: въ такомъ случаѣ оно причинитъ рывъ ягнатамъ; и потому должно переизменять его очень часто, по-крайней-мѣрѣ черезъ каждые шесть или восемь часовъ; сѣно же и солома должны быть самага лучшаго качества, не запыленные и не подмоченные. Съ приближеніемъ къ четырехъ-недельному возрасту, ягната ѣдятъ уже хорошо, видимо подрастаютъ, и какъ они притомъ меньше сосутъ матерей, то и матери поправляются.

Нѣкоторые овцеводы совѣтуютъ давать мяснымъ ягнатамъ немного соли, для возбужденія ихъ прожорливости, и растирать ее съ чеснокомъ, для предохраненія ихъ отъ глиствъ. Если ягната имѣютъ достаточное движеніе и задаваемый имъ кормъ хорошъ, то они ѣдятъ охотно и безъ всякихъ искусственныхъ пособій. Впрочемъ, въ низменныхъ мѣстахъ, гдѣ имъ производятъ луговое сѣно, которое не очень нѣжно и трудно варится, эти возбуждающія и согревающія средства могутъ быть очень полезны, равно какъ и лукъ, айрный корень, и другія горькія и пряныя вещества. Только надо замѣтить, что послѣ дачи ягнатамъ соли, пойло слѣдуетъ совсѣмъ убирать изъ ихъ отдаленія часовъ на шесть, потому что если они, вскорѣ по принятіи соли, напьются, то съ ними можетъ случиться изнурительный и опасный поносъ.

Втеченіи втораго мѣсяца начинаютъ прибавлять къ корму ягнатамъ по-немногу овса, сначала осьмушку, а потомъ, восходя постепенно, до четверти фунта, въ день. Другіе овцеводы полагаютъ однако жъ, что зерновой кормъ не должно производить раньше наступленія третьяго мѣсяца. Принятіе того или другаго порядка зависитъ частью отъ качества заготовленнаго хозяйствомъ сѣна, частью отъ породы самыхъ овецъ: чѣмъ она крупнѣе, тѣмъ роскошнѣе должно кормить ягнать и тѣмъ раньше можно начинать давать имъ зерновое прибавленіе, особенно, если имѣющееся въ хозяйствѣ сѣно не очень хорошее. По этой-то причине

въ господинъ Петри, вѣдущій крупную и тяжелую породу нисантадо, совѣтуетъ съ двухъ-недѣльнаго возрасту корнить ягнать зерновымъ кормомъ, а именно, крупно смолотымъ овсомъ или ячменемъ, производя имъ зерновую дачу три раза въ день, при двухъ только дачахъ сѣна и соломы. Естественно, что на такомъ продовольствіи ягнята будутъ очень крупны и складны, но съ тѣмъ вмѣстѣ шерсть ихъ будетъ значительно грубѣе, чѣмъ у продовольствуемыхъ умереннымъ кормомъ. Саксонскіе овцеводы своимъ электральнонымъ ягнатамъ начинаютъ производить зерновой кормъ не раньше какъ въ концѣ втораго мѣсяца, и это совершенно сообразно съ цѣлью ихъ овцеводства, — производить тончайшую шерсть на животныхъ средняго росту.

Втеченіи втораго мѣсяца начинаютъ ягнать разлучать съ матерями, ежедневно отдѣляя ихъ на нѣкоторое время въ такую пору, когда задается кормъ, утромъ, въ полдень и вечеромъ. Для этого кормленіе устраиваютъ такъ, что кормъ задается въ одно время и маткамъ и ягнатамъ. Сперва загоняютъ послѣднихъ въ ихъ отдѣленіе и закрываютъ за ними лазейки, а потомъ выпускаютъ матерей къ яслямъ. Какъ ягнята съ каждымъ днемъ приучаются больше вѣсть сѣно, то они безъ скуки проводятъ въ своемъ отдѣлѣ по часу, потомъ часа по два и болѣе, и такимъ образомъ привыкаютъ быть одни безъ матерей, такъ, что на третьемъ мѣсяцѣ безъ всякаго затрудненія вовсе могутъ быть отлучены отъ нихъ. Отдѣленіе ягнать отъ матерей на то время, когда послѣднія ѣдятъ, приноситъ еще ту важную пользу, что овцы спокойно наѣдаются, не будучи непрерывно терзаемы ихъ сосаньемъ, а сами ягнята не получаютъ вредной привычки, о которой мы сейчасъ скажемъ. При расположеніи овецъ тѣсными рядами вдоль ясель, ягнята, не имѣя къ нимъ свободнаго доступа, отъ скуки облизываютъ шерсть заднихъ ихъ ногъ, проникнутую солеными частицами мочи, и мало-по-малу приучаются выдергивать и проглатывать цѣлые клочки шерсти, обнажая нерѣдко весь задъ матерей; что въ послѣдствіи превращается у нихъ въ такую сильную привычку, что присвоивается иногда всей породѣ, и въ такихъ стадахъ уже не у однихъ племенныхъ матокъ, но у

возкъ овецъ, барановъ и валуховъ, старыкъ и молодыхъ, обыкновенно къ веснѣ объядены заднія части.

Съ наступленіемъ третьяго мѣсяца, въ кормъ ягнятъ не дѣлается ни какой перемены, кроме того, что посодоволь увеличиваютъ количество задаваемого имъ сѣна и зерновой пищи. Трудно опредѣлить, сколько именно въсомъ того и другаго надобно давать одному ягненку, потому что количество корму совершенно зависитъ отъ бѣльшей или мѣньшей крупности породы, отъ теплоты помѣщеній, доброты пищи и качества поила. Лучшее всего руководствоваться состояніемъ тѣла ягнятъ, то есть, кормить ихъ такъ, чтобъ они были въ хорошемъ тѣлѣ; но тщательно должно избѣгать слишкомъ роскошнаго продовольствія, потому что, отъ разжиренія, шерсть этихъ животныхъ впоследствии будетъ толста, длинна, и потеряетъ свою кудрявость и упругость, а съ тѣмъ вмѣстѣ сдѣлается и жиже, какъ всякій хозяинъ легко можетъ замѣтить при нарочномъ откармливаніи овецъ на убой. Съ другой стороны, для надлежащаго развитія ягнятъ, необходимо, чтобы они всегда были въ хорошемъ тѣлѣ. Втеченіи третьяго мѣсяца, овесъ ужъ не нужно молоть, а можно давать его цѣльнымъ. Нѣкоторые хозяева, желающіе ускорить развитіе ягнятъ и усилить ихъ ростъ, съ половины третьяго мѣсяца прибавляютъ къ прежнему корму хорошо размоченный горохъ, по четверти фунта въ день на ягненка. Въ электоральныхъ стадахъ, составленныхъ изъ животныхъ весьма тонкорунныхъ, средняго росту, это, кажется, вовсе не нужно и можетъ быть вредно для тонины и густоты шерсти; въ стадахъ же крупныхъ, складистыхъ инфантадо или рослыхъ длинно-шерстныхъ породъ, такое прибавленіе не безполезно, потому что сильно дѣйствуетъ на ростъ животныхъ и длину шерсти. Господинъ Петри, по опытамъ надъ своей крупной породой инфантадо, думаетъ, что, втеченіи четырехъ зимнихъ мѣсяцовъ, нужно на каждаго ягненка, кругомъ, въ день, по четверти австрійскаго фунта сѣна и столько же соломы, и на сто ягнятъ во всю зиму двадцать-пять метценовъ овса, что на нашъ русскій вѣсъ и мѣру составить, на каждаго ягненка, сѣна и соломы слишкомъ по три осьмушки фунта въ день, а овса по четыре съ половиною гарнца въ зиму. Не

такой усиленный кормъ, при материнскомъ молокѣ, можетъ быть полезенъ только для крупной породы инфантадо и длинно-шерстныхъ овецъ, а не для тонкорунныхъ электро-ральныхъ, у которыхъ особенно должно набирать зернового корму, производя его только тогда, когда съна мало или оно не хорошаго качества.

Какъ, съ достиженіемъ двухъ-мѣсячнаго возраста, ягнята хорошо ядятъ всякій кормъ, то въ началѣ третьяго мѣсяца они уже безъ вреда могутъ быть отлучены отъ матокъ, хотя впрочемъ, для лучшаго ихъ развитія, позволяютъ имъ сосать до конца третьяго мѣсяца. Отлученіе производится постепенно, безъ насилія. Начиная съ девятой недѣли, отдѣляютъ ягнятъ только на ночь, запирая ихъ въ ягнячьемъ отдѣлѣ послѣ вечерняго корму и выпуская оттуда поутру послѣ корму опять къ маткамъ. На десятой недѣлѣ они совсемъ отдѣляются и получаютъ особо достаточный для пропитанія кормъ, будучи допускаемы къ матерямъ только по два раза въ день, послѣ утренняго и по-полуденнаго корму. Наконецъ, въ одиннадцатую и двѣнадцатую недѣли, пускаютъ ихъ къ маткамъ только по одному разу въ день. Такимъ образомъ ягнята и овцы исподоволь отвыкаютъ другъ отъ друга, и, по достиженіи первыми трехъ-мѣсячнаго возраста, могутъ быть совершенно разлучены безъ вреда и тоски для тѣхъ и другихъ. Само собою разумѣется, что втеченіи этого постепеннаго отлученія, какъ ягнята всё меньше и меньше питаются молокомъ матерей, то надобно прибавлять имъ корму, чтобы они не скучали за матерями, и развитіе ихъ не останавливалось. Постепенно отлученные ягнята, и послѣ совершеннаго отдѣленія ихъ отъ матерей, могутъ оставаться въ одной съ ними овчарнѣ, только въ своей отгородкѣ; но если они до послѣдняго дня оставались постоянно при матеряхъ, то по отлученіи необходимо перевести ихъ въ другое строеніе, безъ чего какъ они, такъ и матки, слыша взаимное бляніе, затоскуютъ и исхудаютъ. Если обстоятельства требуютъ, можно безъ вреда отлучить ягнятъ и на двухъ-мѣсячномъ возрастѣ. Раннее отлученіе бываетъ необходимо въ тѣхъ случаяхъ, когда ягнята родились поздно къ веснѣ, и хозяинъ считаетъ за нужное дать маткамъ съ мѣсяцъ отдыха до стрижки, что-

бы шерсть ихъ успѣла приобрести свою крѣпость и укру-
тость; также, если хозяинъ предпринимаетъ переищещеніе
періода случки съ осеннихъ мѣсяцовъ на лѣтніе и потомъ
да весенніе; наконецъ, если ягнята родились весною и под-
ножный кормъ такъ плохъ, что матки слишкомъ исто-
щаются.

По отлученіи ягнятъ, надобно тотчасъ прибавить имъ
немного зерноваго корму, который заступаетъ мѣсто сыт-
наго молока. Впрочемъ это прибавленіе тогда только нуж-
но, если еще не наступило теплое весеннее время и ягнята
не могутъ быть выпущены на хорошія, сытныя паст-
бища.

Въ большихъ стадахъ, гдѣ въ короткое время родится
значительное число ягнятъ, полезно раздѣлять ихъ на клас-
сы, соответственно силамъ и возрасту, чтобы прежде рож-
денные и сильнѣйшіе не вредили при играхъ слабѣйшимъ и
младшимъ. Предохранять ягнятъ отъ обидъ нужно впро-
чемъ только въ первые дни послѣ рожденія, до недѣльнаго
возрасту. Хозяева, принимающіе дѣленіе ихъ на классы,
содержать обыкновенно новорожденныхъ ягнятъ особо съ
матерями втеченіи семи дней; потомъ они переводятся къ
двухъ-недѣльнымъ, а по достиженіи двухъ-недѣльнаго воз-
расту къ трехъ и четырехъ-недѣльнымъ, которые, въ свою
очередь, по достиженіи пяти-недѣльнаго возрасту, присо-
единяются къ двухъ-мѣсячнымъ. Впрочемъ какъ цѣль этихъ
раздѣленій состоитъ въ соединеніи между собою въ одномъ
отдѣлѣ молодыхъ животныхъ приблизительно одинаковыхъ
силъ, то недостаточно руководствоваться однимъ ихъ воз-
растомъ, но надобно обращать вниманіе и на тѣлосложеніе,
оставляя нѣжныхъ и слабыхъ, хотя и старшихъ, между
младшими, а молодыхъ, но рослыхъ и крѣпкихъ, присоеди-
няя къ старшимъ. Равнымъ образомъ надобно имѣть осо-
бые отдѣлы въ овчарнѣ для большихъ ягнятъ, чтобы удоб-
нѣе наблюдать за ходомъ ихъ болѣзней и принимать мѣры
къ излеченію.

Весенніе ягнята выпускаются вмѣстѣ съ матерями на
пастбище тогда только, когда погода тепла, а пастбища
близки къ овчарнѣ и хороши. Если же пастбищныя мѣста
отдалены и еще скудны, то лучше ягнятъ вовсе не выпу-

скать въ поле, а содержать втеченіи весны и лѣта дома. То же самое относится вообще и къ зимнимъ ягнѣтамъ. Впрочемъ, какъ зимніе ягнѣта къ веснѣ бывають уже довольно крѣпки и покрыты порядочной шубой, то ихъ можно гонять далѣе чѣмъ весеннихъ, съ тою однако жъ предосторожностью, чтобы тѣ изъ нихъ, которые слабы, хилы и болѣзненны, отдѣлились отъ прочихъ и паслись особо близъ самыхъ овчарень, въ мѣстахъ, по возможности защищенныхъ отъ вѣтру. Вообще должно беречь молодыхъ животныхъ отъ мокроты, а еще пуще отъ солнечнаго зною, который часто производитъ у нихъ воспаленіе мозгу, даже въ нашемъ климатѣ. Пастбища, отводимыя ягнѣтамъ, должны быть сухія и покрытыя обильною и самою лучшею травою. Особенно имъ полезны бѣлый клеверъ и эспарсетъ. На такомъ корму ягнѣта очень скоро крѣпнуть и подрастають, такъ, что къ осени ихъ трудно отличить отъ годовиковъ, да и шерсть ихъ дѣлается достаточно длинною для стрижки вмѣстѣ съ старыми.

По увѣренію господина Петри, въ бѣльшей части хорошихъ австрійскихъ овчарень заведено, весною и лѣтомъ, ягнѣтъ на пастбище вовсе не выпускать, а содержать ихъ до осени въ овчарняхъ, и послѣдователи этого обыкновенія утверждаютъ, будто оно соединено съ столь многими выгодами, что вѣрно было бы принято всѣми, если бы не требовало значительнаго количества самаго лучшаго сухаго корму, какой можно найти не во всѣхъ хозяйствахъ. Причина столь неумѣренной похвалы заключается въ томъ, что сухой кормъ, какъ извѣстно по опыту, для ягнѣтъ лучше зеленого, который при одинаковомъ объѣмѣ, содержитъ меньше питательныхъ частицъ; сверхъ того въ овчарняхъ ягнѣта получаютъ ужъ непременно здоровый кормъ и здоровое питье, а на пастбищахъ они нерѣдко находятъ вредныхъ травъ и пьютъ изъ лужъ гнилую, стоячую воду, отчего подвергаются разнымъ болѣзнямъ; наконецъ, въ овчарняхъ ягнѣта всегда подъ надзоромъ хозяина, не утомляются въ нѣжномъ возрастѣ дальними и продолжительными странствованіями, и, что особенно важно, не терпятъ холодныхъ и пронзительныхъ вѣтровъ, не мочатся дождемъ и вредными росами, находятся въ безопасности отъ солнеч-

наго зною, и не бывают мучимы несносными мухами и оводами. Нужно однако жъ замѣтить, что лятъ, хотя бы ягнята воспитывались и въ овчарняхъ, всё-таки слѣдуетъ въ хорошее время выпускать ихъ на дворъ или ближній лугъ, ежедневно, утромъ, послѣ обсохнутія росы до начатія жару, и передъ вечеромъ, чтобы они могли побѣгать на свободу и подышать сколько можно болѣе чистымъ воздухомъ. По второй же причинѣ, съ наступленіемъ весны, должно очищать овчарни отъ зимняго навозу, и втеченіи лѣта повторять это очищеніе каждый мѣсяць по-крайней-мѣрь одинъ разъ, чтобы ягнята не стояли на жгучемъ полу, выдыхающемъ въ жаркое время губительныя испаренія. Двери овчарни также должны быть отворены.

Гдѣ корму много и домашнее содержаніе ягнать не обременяетъ хозяйства, тамъ конечно на пастбище выпускать ихъ до достиженія годоваго или полутора-годоваго возраста недлячего, потому что на обыкновенныхъ, плохихъ пастбищахъ они едва ли разовьются столь успѣшно, какъ при содержаніи въ овчарнѣ; но если пастбища хороши и погода благопріятствуетъ, то нѣтъ ни какой причины предпочитать воспитывать ягнать дома, и въ такомъ случаѣ этотъ способъ ихъ воспитанія долженъ уступить первенство воспитанію подъ открытымъ небомъ, разумется съ соблюденіемъ всѣхъ нужныхъ предосторожностей.

Зимніе ягнята, которые, ко времени стрижки стада, достигаютъ четырехъ или пяти-мѣсячнаго возрасту, стригутся вмѣстѣ съ старыми овцами. Снимаемая съ нихъ ягначья шерсть съ остроконечными шерстинками, въсомъ отъ полу-фунта до фунта и болѣе, смотря по возрасту и росту ягненка, обыкновенно вознаграждаетъ всѣ или большую часть издержекъ на излишнее ихъ прокормленіе. Ранняя стрижка ягнать имѣетъ особенно ту выгоду, что руно отъ нея густѣетъ и при слѣдующей стрижкѣ, снятое съ годовалыхъ животныхъ, продается уже по одной цѣнѣ съ руномъ возмужалыхъ овецъ, отличаясь отъ него только въсомъ и мягкостью, а если ягнята все первое лѣто содержались въ овчарнѣ, то и въ всѣхъ нѣтъ большой разницы. Напротивъ того, весеннихъ ягнать не стригутъ прежде достиженія ими годоваго возрасту, въ слѣдующую весну, такъ,

что руно, снимаемое съ годовалого животного, бываетъ первое ягнчье, продаваемое за половину цѣны противъ обыкновенной шерсти, а хорошая шерсть снимается съ него въ первый разъ уже съ двухъ-годовалого.

Съ начала весны, всѣ ягнята, какъ баранки, такъ и ярочки, ходятъ вивствѣ на пастбище, но послѣ стрижки, которая оканчивается около половины юня, слѣдуетъ разлучить ихъ и пасты каждый полъ въ особомъ стадѣ. Ягнятамъ необходимо давать хорошаго, опытнаго и дѣятельнаго овчара, который бы приучалъ ихъ слѣдовать за собою, не разсыпаясь на слишкомъ большое пространство. Собака при ягнчьемъ стадѣ должна быть старая, спокойная, хорошо обученная и послушная, которая не пугала бы молодыхъ животныхъ и, вслучаѣ надобности, только лаемъ подгоняла бы отсталыхъ отъ стада, а отнюдь не кусала бы ихъ. Сверхъ-того, въ первое лѣто, при стадѣ ягнать должно быть нѣсколько старыхъ овецъ съ привышенными на шеѣ звоннами, которые привыкли слѣдовать за пастухомъ, и, собирая звономъ къ себѣ ягнать, такимъ образомъ дѣлаются вожаками всего стада.

При всей своей вѣжности, ягнята, при самомъ рожденіи, рѣдко подвергаются губительнымъ болѣзнямъ, такъ, что часто почти всѣ благополучно достигаютъ извѣстнаго возраста, за исключеніемъ развѣ четырехъ или пяти со ста, и то такихъ, которые явились на свѣтъ хилыми, что обыкновенно случается въ послѣдніе дни ягненія. Это обстоятельство внушило господину Петри догадку, что хилые ягнята рождаются отъ истощенныхъ барановъ, и потому онъ думаетъ, что если, къ окончанію случки, непокрытымъ или незащавшимъ маткамъ давать барановъ свѣжихъ, еще не бывшихъ въ припускѣ, то и поздніе ягнята будутъ равняться тѣлосложениемъ съ ранними. Предположеніе его можетъ быть не безъ основанія; но такъ-какъ и сами матки позднихъ ягнать дѣлаются способными къ принятію барана поздно, то изъ этого слѣдуетъ, что главная вина хилости позднихъ ягнать лежитъ не на баранахъ, а на овцахъ, которыя, по какому-то внутреннему болѣзненному состоянію организма, не оказываютъ полной способности и расположенія къ дѣторожденію. Въ стадѣ обыкновенно находится нѣсколько

такихъ матокъ, и на нихъ не действуетъ ни какой роскошный кормъ. Ягнята отъ этихъ матокъ, родившіяся поздно, обыкновенно бываютъ слабаго сложенія и при воспитаніи требуютъ особенныхъ попеченій, безъ которыхъ могутъ захилать и погибнуть. Некоторые овцеводы думаютъ еще, будто бы поздніе ягнята родятся отъ старыхъ овецъ и барановъ; но я, напротивъ, имѣлъ случай удостовѣриться, что старыя матки, находящіяся въ хорошемъ тѣлѣ, обнаруживаютъ способность къ принятію барана въ обыкновенное время, не позже молодыхъ.

Впрочемъ не подлежитъ сомнѣнію, что болѣзнь, въ томъ числѣ страшный поносъ, который, несмотря на всѣ принимаемыя мѣры, часто похищаетъ половину подвергнувшихся ему животныхъ, обнаруживается преимущественно въ послѣднія недѣли ягненія. Эта болѣзнь составляетъ у насъ главную трудность въ воспитаніи ягнятъ, тѣмъ болѣе, что очень мудро открыта ея настоящую причину. Бѣльшею частію, если овчарни теплы и простуды быть не могло, ее должно приписывать качеству и количеству корму, производимаго маткамъ-кормилицамъ. Потому надобно обращать особенное вниманіе на матокъ, ягнящихся позже; надобно отдѣлять ихъ отъ родившихъ раньше и производить имъ пищу по-немногу и то самое лучшее сѣно и свѣжую солому, а въ питье одну чистую отстойную воду, чтобы молоко ихъ было какъ-можно жиже и менѣе обременительно для ягнятъ. Изъ всѣхъ многочисленныхъ, предлагаемыхъ противъ поносу, средствъ, надлежащее, не очень сытное, кормленіе матокъ есть самое дѣйствительное; ягнята же, пораженные этой болѣзнію, получаютъ облегченіе отъ истолченнаго въ порошокъ мѣлу или устричныхъ раковинъ, даваемыхъ имъ въ количествѣ чайной ложки на пріемъ.

Когда ягнята подрастутъ и начнутъ хорошо ѣсть, следовательно около четырехъ или пяти-недѣльнаго возраста, надобно обрубить имъ хвосты, которые у породы мериносовъ вообще очень длинны. Эта операція особенно нужна для ягнятъ - дичекъ, потому что около длиннаго хвоста накапливаются изверженія, портящія шерсть заднихъ окороковъ; а въ возмужаломъ возрастѣ, когда матки водятъ ягнятъ, накапливающіяся тутъ нечистоты, особливо моча, и кровь со

слизью, остающаяся на хвостъ во время ягненія, бываютъ причиною, не только совершенной порчи шерсти ближнихъ частей, но своей остротой нередко разъедаютъ вымя, отчего кормленіе ягненка дѣлается весьма затруднительнымъ. Все это устраняется укорачиваніемъ хвоста, а сверхъ-того оно полезно еще и тѣмъ, что легче замѣтить приближеніе времени ягненія и всякія на вымени случающіяся болѣзни. Наконецъ увѣряютъ, что у овецъ съ отрезанными хвостами гораздо рѣже заводятся черви, извѣстные подъ названіемъ *oestri boemorroïdalis*. Баранамъ длинныя хвосты, конечно, гораздо менѣе тягостны, но имъ укорачиваютъ ихъ потому, что при совокупленіи они иногда наступаютъ на нихъ задними ногами, или другія въ стадѣ находящіяся животныя въ то время могутъ имъ притаптывать хвосты. Впрочемъ баранамъ можно оставить эту часть тѣла подлиннѣе чѣмъ овцамъ.

Увѣряютъ, что вся тѣ питательныя соки, которые потребны на отращеніе длиннаго хвоста, послѣ его отрезанія обращаются на развитіе крестца, потому что у животныхъ, лишенныхъ хвоста, заднія части тѣла вообще бываютъ круглае, объемистѣе, и производятъ больше шерсти, чѣмъ у тѣхъ, которымъ оставляютъ хвосты.

Самое производство укорачиванія хвоста весьма просто. Единственный нужный тому инструментъ состоитъ въ крѣпкомъ, остромъ ножѣ, которымъ отрѣзываютъ хвостъ на вершокъ или на два отъ корня, однимъ, по возможности скорымъ, съченіемъ, съ тою предосторожностью, чтобы ножъ былъ наставленъ на одномъ изъ членосоставныхъ промежутковъ между двумя позвонками, которые въ то же время придерживающими помощниками слегка растягиваются. Прежде съченія необходимо кожу хвоста натянуть вверхъ къ его корню, чтобы она послѣ операціи надвинулась на рану и закрыла ее собою. Ббльшую часть при этомъ не бываетъ кровотеченія, за исключеніемъ развѣ нѣсколькихъ капель крови, и потому въ обыкновенныхъ случаяхъ нѣтъ надобности дѣлать перевязку. Если же операція производится надъ животными, уже достигшими возраста, недѣль шести или больше, у которыхъ кровеносныя жилы имѣютъ нѣкоторую величину, то часто случаются

кровотеченія, могущія сдѣлаться изнурительными и опасными, если не будутъ употреблены кровь-унимающія средства. Обыкновенныя и почти всегда достаточныя состоятъ въ присыпкѣ на отверстія кровоточивыхъ жѣлъ зола или квасцовъ; если же кровь и за тѣмъ не унимается, то надобно перевязать хвостъ тесѣмкою, на палецъ выше раны. Должно однако жъ замѣтить, что перевязку эту, по истеченіи шести или осьми часовъ, слѣдуетъ снять, потому что, отъ долгаго перетягиванія хвоста можетъ сдѣлаться сильная опухоль или даже автоновъ огонь въ ранѣ. При обыкновенныхъ же обстоятельствахъ нѣтъ надобности ни въ какихъ особенныхъ средствахъ, и рана безъ всякой перевязки заживаетъ втеченіи недѣли или двухъ.

Кромѣ укорачиванія хвоста, которому подвергаются всѣ молодыя животныя, тѣ изъ нихъ, которые негодны на шлемя, легчатыя, или, по народному выраженію, валушатся. Барановъ въ стадѣ рождается столько же, сколько и ярокъ, но какъ на сотню матокъ нужно только отъ трехъ до пяти барановъ, то остальныхъ, какъ не нужныхъ, должно валушить. Само собой разумѣется, что валушеніе, или легченіе, производится послѣ самой строгой и искусной сортировки молодыхъ животныхъ. Если при этомъ возникнетъ сомнѣніе насчетъ будущихъ достоинствъ барана, то лучше не легчить его до нѣкотораго времени, пока не будетъ ясно видно, на что онъ годится. Выгода легченія барановъ въ первой молодости состоитъ въ томъ, что они дѣлаются спокойнѣе, лучше развиваются, бываютъ крупнѣе, и, при одинаковомъ съ другими количествѣ корму, даютъ больше шерсти, которая бываетъ особенно мягка; сверхъ-того они легче и скорѣе откармливаются, и мясо ихъ бываетъ нѣжнѣе и вкуснѣе. Съ совершеннолѣтняго валуха снимается шерсти въ полтора раза и даже вдвое больше чѣмъ съ матки, и потому содержаніе ихъ, вовсе не хлопотливое, весьма выгодно для одной даже шерсти; на старости же ихъ легко откормить и продать на бойню, потому что качествомъ и количествомъ мяса и жиру они превосходятъ кормленныхъ матокъ и барановъ.

Вообще лучшимъ временемъ для легченія молодаго баранчика считается трехъ или четырехъ-недѣльный возрастъ:

тогда отрѣзываемыя части еще очень мало развиты, такъ, что при операціи кровотеченіе бываетъ очень незначительно, а маленькая ранка заживаетъ скоро, безъ воспаленія. Впрочемъ необходимо, чтобы баранчики были уже приучены къ сѣну, потому что, вслучаѣ пзуренія отъ операціи, для споспѣшествованія безостановочному развитію, ихъ должно поддерживать хорошимъ сухимъ кормомъ. Ни въ какомъ случаѣ не годится слишкомъ надолго откладывать операцію: она становится тѣмъ опаснѣе, чѣмъ животное старше. Начиная съ трехъ-мѣсячнаго возраста, валушеніе требуетъ уже сложнѣйшихъ приѣмовъ и часто бываетъ сопряжено съ кровотеченіемъ и воспаленіемъ, причиняющимъ много хлопотъ. Нечего бояться пѣжнаго возрасту четырехъ-недѣльныхъ баранчиковъ и остановки въ ихъ развитіи: опытомъ дознано, что баранчики, легченныя трехъ недѣль, также хорошо растутъ, какъ валушенные въ годовомъ возрастѣ.

Лучшій и употребительнѣйшій способъ легченія, сопровождаемый наименьшими терзаніемъ и опасностью для животнаго, есть слѣдующій. Одинъ овчаръ кладетъ ягненка на столъ или скамью, и захватываетъ правою рукою его правыя переднюю и заднюю ноги, а лѣвою лѣвыя, прислоняя его спинною къ себѣ, такъ, что мошонка животнаго дѣлается совершенно доступною стоящему насупротивъ другому овчару, который острымъ ножомъ, съ одного разу, отрѣзываетъ захваченный имъ лѣвою рукою конецъ мошонки, и, положивъ ножъ, большимъ и указательнымъ пальцами обѣихъ рукъ выдавливаетъ изъ отверстія наружу оба яичка, потомъ захватываетъ ихъ одно послѣ другаго зубами и вытягиваетъ, пока не оборвутся семенные канатики.

Нѣкоторые опытные овцеводы совѣтуютъ внутренность мошонки, по окончаніи операціи, обмазывать свѣжимъ свинымъ саломъ или масломъ; а нѣкоторые свѣдущіе операторы плюютъ въ отверстіе или падуваютъ опорожненную мошонку, для скорѣйшаго заживленія раны. Обыкновенно можно обойтись безъ всѣхъ этихъ средствъ. Если оказавшееся кровотеченіе скоро не остановится, то слѣдуетъ мошонку слегка сжать и рану засыпать золою. Бѣльшее ча-

стию рана заживаетъ безъ всякихъ особыхъ принадлежностей, такъ, что на третій день ягненокъ уже бѣгаетъ и прыгаетъ какъ здоровый. Но, по единогласному увѣренію всѣхъ знающихъ это дѣло овцеводовъ, заживленіе раны скоро и легко совершается въ такомъ только случаѣ, когда съменные канатики были оборваны, а не обрѣзаны послѣ перевязки ниткою, какъ это иногда дѣлаютъ. Случающіяся у многихъ животныхъ опухоли и воспаленіе удобно излечиваются, болѣе или менѣе частыми обливаніями опухшихъ частей холодной водой или легкимъ повтореннымъ намазываніемъ ихъ свѣжимъ свинымъ саломъ.

Въ Испаніи и южной Франціи употребляютъ другой способъ леченія, при которомъ яички, не вскрывая мошонки, отрываются отъ канатиковъ посредствомъ скручиванія. Для этого пальцами отсовываютъ ихъ внизъ на дно мошонки и потомъ начинаютъ крутить ее какъ веревку, отчего яички отрываются отъ канатиковъ, и, не получая больше питанія, засыхаютъ. Наконецъ есть еще одинъ способъ производства этой операціи, а именно: кладутъ мошонку на крѣпкую колоду, и, отсунувъ яички какъ можно ниже, непосредственно надъ ними накладываютъ поперекъ кусокъ крѣпкаго угловатаго дерева, по которому бьютъ молоткомъ, стараясь однимъ сильнымъ ударомъ разорвать связь между яичками и канатиками, а если это не удалось, то, для досушенія яичекъ, ущемляютъ ихъ между двумя досками до совершеннаго разможженія. Оба эти способа очень мучительны и потому не заслуживаютъ подражанія.

Для валушенія барашковъ, достигшихъ полу-годоваго возраста, и тѣхъ, которые еще старше, обыкновенный способъ опасенъ: ихъ легчатъ другимъ образомъ, какъ лошадей и прочихъ крупныхъ животныхъ. Нѣкоторые вскрываютъ объ половины мошонки съ-боку, двумя съченіями, и изъ cadaго отверстія вытягивается одно яичко, перевязываютъ его канатикъ крѣпкимъ восчанымъ шнуркомъ, и по-ниже перевязки отрѣзывается острымъ ножомъ. При этомъ должно стараться, чтобы канатикъ былъ стянутъ вдругъ и очень туго, дабы совершенно уничтожить жизненность его нерва. Другіе напротивъ совѣтуютъ у старыхъ животныхъ, безъ всякой предварительной перевязки канатиковъ, отрывать

лячки, увѣряя, что такимъ образомъ рана скорѣе заживетъ, безъ опухоли и воспаления, которыя бывають послѣ отръзыванія лячекъ. Но чаще обонхъ этихъ способовъ употребляютъ такъ-называемыя лещедки, состоящія изъ небольшого куска оршникаваго дерева, длиной вершка въ два съ половиной и толщиной въ пол-вершка, расколотаго по длинѣ надвое и имѣющаго, на внутреннихъ сторонахъ этого раскола, небольшіе желобки, а снаружи близъ концовъ поперечныя надрѣзы, въ которые проводятся снурки или проволоки для стягиванія обнхъ половинокъ, такъ, чтобы они вмѣстѣ составляли родъ клещей. Желобки наполняются массою изъ равныхъ частей жженыхъ квасцовъ и сняго и зеленаго купоросу, смѣшанныхъ на уксусъ въ видѣ теста. Потомъ лещедки накладываются на мошонку, подъ брюшными покровами, такъ, чтобы лячки находились по-ниже ихъ, и крѣпко стягиваются проволокою или прочнымъ восчанымъ снуркомъ. Тѣмъ операція и кончена. Если лещедки достаточно крѣпко стянуты, то теченіе крови къ лячкамъ тотчасъ прекратится и вся нижняя часть мошонки вмѣстѣ съ ними распухнетъ, разрушится и наконецъ сама собою отвалится; нѣкоторые же, по истеченіи нѣсколькихъ дней, отръзываютъ ее ножомъ. Скоро послѣ того можно снять и лещедки.

Для валушенія старыхъ барановъ, предпочитаютъ простое перетягиваніе мошонки крѣпкою, тонкою, хорошо навосченною, бичевою или сапожною дратвою. Ее обводятъ по-выше лячекъ и, затянувъ какъ можно крѣпче, чтобы совершенно прекратить теченіе крови, связываютъ двойнымъ узломъ. Въ нѣсколько дней, всѣ части, находящіяся ниже перевязки, опухаютъ, мертвѣютъ и, наконецъ, на седьмой или осьмой день, срѣзываются острымъ ножомъ подъ перевязкою, разстояніемъ отъ нея на пол-пальца; рана же, для защиты отъ мухъ и червей, замазывается дегтемъ, однимъ или смѣшаннымъ съ угольнымъ порошкомъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ холостятъ и ярокъ, которыхъ не желаютъ оставить на племя. Эта операція, состоящая въ произведеніи на лѣвомъ паху разреза, черезъ который вытягивается и отръзывается лячникъ, требуетъ опытной

и искусной руки. По окончаніи операціи, края разреза снимаются особаго рода швомъ и рана смазывается свинымъ саломъ. Холощеніе ярокъ можетъ быть выгодно только вблизи большихъ городовъ, гдѣ ихъ чрезвычайно нужно. Мясо составляетъ предметъ лакомства для гастрономовъ.

ВАРОНЪ О. В. УНГЕРНЪ-ШТЕРНВЕРГЪ.

=

О СРЕДСТВАХЪ,

КОТОРЫМИ МОЖНО ОЖИВИТЬ И УТВЕРДИТЬ НА ПРОЧНОМЪ ОСНОВАНІИ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА ВЪ РОССІИ *.

Наблюдая внимательно ходъ и положеніе разнаго роду промышленности въ нашемъ отечествѣ, нельзя не замѣтить съ одной стороны блистательнаго развитія ремеслъ и торговли, а съ другой упадку и ослабленія основы всякаго труда народнаго и корня всякой промышленности, — сельскаго хозяйства. Въ нашъ вѣкъ, оно видимо колеблется и упадаетъ въ Россіи. Только въ однихъ остзейскихъ губерніяхъ его поддерживаютъ опытность и наука. Многіе изъ тамошнихъ молодыхъ дворянъ обучаются въ европейскихъ учебныхъ заведеніяхъ сельскаго хозяйства; кромѣ-того тамъ есть свои каѳедры и школы опытной агрономіи съ образцовыми фермами, есть общества. Этихъ благотворныхъ пособій весьма достаточно для такого небольшого края, какъ остзейскія губерніи. Они оживляютъ мѣстную промышленность, совершенствуютъ и ободряютъ во всѣхъ отношеніяхъ пути и ходъ дѣйствій. Зато въ остзейскихъ губерніяхъ давно уже не слышно о безотчетности въ сельскомъ хозяйствѣ и неурожаяхъ хлѣба, хотя почва тамъ вовсе нечерноземная, песчаная, скудная, неспособная безъ удобренія производить хлѣбныя растенія. Напротивъ-того у насъ, при всемъ естественномъ богатствѣ нашихъ черноземныхъ полей, неурожай не перестаютъ поражать то ту, то другую

* Речь читавшая въ общемъ собраніи Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, 10 мая, 1841, въ присутствіи Его Святлости Царя Ольденбургскаго.

губернію. Давно ли въ русскихъ губерніяхъ и въ Малороссіи былъ почти всеобщій неурожай хлѣба? Это было въ 1833 и 1834 годахъ, и вотъ уже снова, въ 1839 и 1840, неурожай грозитъ цѣлыя области русскія, прежде самыя хлѣбородныя. Нынешній 1841 годъ такъ же нельзя назвать урожайнымъ: въ домосковныхъ губерніяхъ очень худо родилась озимая рожь, такъ, что во многихъ селеніяхъ крестьяне не получили сѣмянъ, а въ замосковныхъ оказался недостатокъ въ сѣменахъ ярового хлѣба. Замѣчено, что въ наше время, при обыкновенномъ русскомъ сельскомъ хозяйствѣ, въ которое еще не проникли ни искусство ни свѣтъ познаній, и которое предоставлено на произволъ случаю и непостоянству природы, неурожай возвращаются черезъ четыре года. Послѣ неурожайнаго года, когда земля сама собой соберется съ силами, бываетъ обыкновенно урожайный годъ. Тогда сельская промышленность впадаетъ въ другую крайность: хлѣбъ дотога понижается въ цѣнѣ, что дѣлается почти нецѣнностью. Такъ въ 1831 и 1832 четверть ржи продавалась въ Торжкѣ отъ семи до осьми рублей на ассигнаціи, въ степныхъ губерніяхъ тульской, орловской, курской отъ четырехъ до пяти, а въ Малороссіи и Украинѣ отъ трехъ до четырехъ. Напротивъ-того, въ прошломъ 1840 году, почти по всему государству четверть ржи стоила отъ двадцати-пяти до тридцати рублей. Но если въ урожайные годы трудъ земледѣльца не вознаграждается, то по-крайней-мѣрѣ хотъ самъ земледѣлецъ сытъ. За урожайнымъ годомъ обыкновенно слѣдуетъ посредственный, за посредственнымъ плохой, за плохимъ опять совершенно неурожайный, потому что земля уже выбилась изъ силы. При такомъ положеніи сельскаго хозяйства борьба неурожавъ съ урожаями становится очень неравною: въ двухъ-годичное урожайное время нельзя покрыть издержекъ и тратъ на два года плохой и неурожайный, въ которые иной мужичокъ принужденъ былъ распродать все свое имущество, свою одежду, свою послѣднюю корову и лошадь, чтобъ не умереть съ голоду.

Между причинами частыхъ неурожавъ или, что всѣ-равно, между причинами колебаній и упадку народной русской сельской промышленности, одна изъ главнѣйшихъ есть не-

достатокъ познаній въ основательномъ, рациональномъ сельскомъ хозяйствѣ, которыхъ негдѣ и почерпнуть его главнымъ производителямъ, помѣщикамъ, хотя они обладаютъ въ государствѣ двадцатью милліонами рукъ обоюго пола и хотя ихъ капиталы, то есть, дворянскія помѣстья съ людьми и крестьянами, простираются на нѣсколько тысячъ милліоновъ рублей. Правда, у насъ есть земледѣльческія школы, но онѣ назначены только для казенныхъ крестьянъ, для крѣпостныхъ людей и разночинцевъ. Школы для казенныхъ крестьянъ, безъ всякаго сомнѣнія, принесутъ современемъ пользу, достигнуть своей цѣли: крестьянское хозяйство улучшится, усовершенствуется, расцвѣтетъ. Но крестьянское хозяйство вовсе не походитъ на помѣщичье съ крѣпостною собственностью: оно совершенно другаго рода. Въ крестьянскомъ хозяйствѣ работаютъ не наемники, но своя семья, не старосты и прикащики, но отцы семейства; старшіе въ семьѣ распоряжаются силами и трудами младшихъ, людей близкихъ себѣ по сердцу, своихъ родственниковъ, которые ревностно и неутомимо трудятся, и нарабатываютъ вдвое, втрое, больше противъ господскихъ работниковъ, оживляясь мыслію, что все сдѣланное ими принадлежитъ имъ же самимъ, ихъ же семейству и никому болѣе; они безпрекословно повинуются дѣду, отцу, старшему брату. Для крестьянскаго хозяйства не нужно ни какихъ сложныхъ мѣръ домоводства, ровнаго и безобиднаго распределенія повинностей и работъ по возрасту и полу; не нужно ни какихъ судовъ и расправъ, которыя столь необходимы для отчиннаго управленія. Крестьянское хозяйство, по своему объему, — пигмей въ сравненіи съ помѣщичьимъ, котораго сложная машина требуетъ особыхъ усилій ума и воли, особеннаго дарованія, обширныхъ познаній и значительныхъ капиталовъ на дѣлопроизводство и поддержку хозяйственныхъ заведеній. Для крестьянскаго хозяйства не нужно даже и этой последней важной пружины въ сельской промышленности, то есть, значительныхъ капиталовъ на обзаведеніе и дѣлопроизводство. Правда, удѣльное вѣдомство не оставляетъ учениковъ своихъ безъ нособій въ этомъ отношеніи: хорошо учившіеся въ его школахъ крестьяне, при возвращеніи на роди-

ду, получаютъ все нужное для крестьянскаго быту, особые участки земли со всѣми хозяйственными постройками, скотъ, лучшія земледѣльческія орудія ; словомъ , удѣльное владѣнство, обогативъ новаго хозяина въ своихъ школахъ невещественнымъ капиталомъ познаній, въ то же время доставляютъ ему и капиталы вещественные, безъ которыхъ нельзя хозяйничать. Но спрашивается : какіе вещественные капиталы для хозяйства находятся въ рукахъ нашихъ крепостныхъ людей и разночинцевъ , если и предположимъ , что эти люди выходятъ изъ школъ съ нѣкоторыми невещественными капиталами , съ теоретическими свѣдѣніями? Наши крепостные люди и разночинцы не составляютъ еще такого сословія , какъ въ Англіи фермеры, у которыхъ всегда есть готовые средства, чтобъ завести собственное хозяйство или нанять усадьбу какого-нибудь помѣщика. Наши крепостные люди и разночинцы, поступающіе въ школы суть люди бѣдные, безкапитальные : они не въ состояніи ничего сдѣлать на свой собственный счетъ, собственно для себя ; они могутъ быть только отчинными прикащиками и управителями у помѣщиковъ. Но здѣсь невольно встрѣчаешь новый вопросъ : способны ли они, по выходѣ изъ школы, быть полезными прикащиками и управителями помѣстій? получаютъ ли они въ школахъ, кромѣ теоретическихъ свѣдѣній, еще другія важнѣйшія, опытные познанія о настоящемъ русскомъ народномъ сельскомъ хозяйствѣ, о русскомъ домоводствѣ, объ управленіи дворовыми людьми, крестьянами и ихъ работами? Если нѣтъ , въ такомъ случаѣ , трудно будетъ найти помѣщиковъ , которые рѣшились бы ввѣрить мальчику или, положимъ, взрослому юношѣ , обучавшемуся въ нашихъ теоретическихъ школахъ, важные капиталы хозяйства, напримѣръ, отчину въ пятьсотъ, въ тысячу душъ крестьянъ съ разными заводами, конскими, винными, съ фабриками, и притомъ пятьдесятъ или сто тысячъ рублей денегъ , нужныхъ для дѣлопроизводства и на промышленные обороты такого хозяйства; ввѣрить все это ученику-теоретисту, который рѣшительно незнакомъ съ опытнымъ русскимъ сельскимъ хозяйствомъ , ничего не слышалъ о главной его части , домоводствѣ съ крепостной собственностью, не производилъ ни

дѣлкахъ хозяйственныхъ оборотовъ, не управляя дворянскими людьми и крестьянами, не распоряжался работами не только сотенъ, но и десятковъ тяголъ? Положимъ однако жъ, что молодой ученикъ поставленъ распорядителемъ отчины: въ такомъ случаѣ догадливый умъ нашихъ крестьянъ и домочадцевъ тотчасъ же смѣкнетъ, что управленіе хозяйствомъ въ рукахъ неопытной молодости, взятой изъ ихъ же сословія, и въ одинъ годъ самое лучшее хозяйство можетъ дотого пошатнуться и разладиться, что его потомъ въ несколько лѣтъ домовитому сельскому хозяину не привести въ прежній порядокъ. Наше русское сельское хозяйство заключается не въ однихъ свѣдѣніяхъ физическихъ, химическихъ, физиологическихъ, не въ одномъ знаніи теоріи хлѣбопашества и сѣвооборотовъ, не въ одномъ умѣнъ разлагать почвы и дѣйствовать усовершенствованными земледѣльческими орудіями: въ немъ, какъ въ хозяйствѣ съ крѣпостной собственностью, главная часть есть домоводство съ отчиннымъ управленіемъ, съ распределеніемъ работъ и повинностей, съ отчетностью, счетоводствомъ, сбытомъ, бережливостью, сельскими запасами денежными, хлѣбными, полевыми, и заведеніями сельскихъ вкладовъ и кредита, безъ которыхъ у насъ нельзя сдѣлать шагу. Сверхъ-того занимаютъ важное мѣсто сельскія ремесла: подъ нашимъ суровымъ небомъ, полевая земледѣльческія работы прекращаются слишкомъ на полгода, и нужно умѣть занять праздныя руки въ это время съ пользою для хозяйства. Русскій сельскій хозяинъ-помѣщикъ есть вмѣстѣ и земледѣлецъ, и скотоводъ, и производитель сельскихъ ремеселъ, и купецъ, и властитель, судья, отецъ своихъ крестьянъ, которымъ онъ даетъ судъ и расправу, которыхъ онъ кормитъ и бережетъ, не покидая безъ призрѣнія и пособія ни сиротства, ни одиночества, ни бѣдности, ни болѣзней. Подумайте же: съ одними теоретическими познаніями физическихъ, химическихъ, физиологическихъ, которыя можно почерпнуть изъ нашихъ земледѣльческихъ школахъ, съ одними свѣдѣніями о разныхъ системахъ полеводства и дѣйствованіи усовершенствованными земледѣльческими орудіями, представляется ли какая нибудь возможность ученикамъ, выходящимъ изъ этихъ школъ, молодымъ крѣпостнымъ людямъ и раз-

починчанъ , совладеть съ нашими русскими помѣстьями , управить отчинами , въ которыхъ должны вести цѣлымъ обществомъ людей путями справедливости , промышленности , довольства , обогащенія , и , кромѣ того , путями благочестія , нравственности , патриотизма и любви въриноподданнической?

Кажется , что поднять изъ праху упадающую промышленность сельскаго хозяйства , заставить ее просвѣтлѣть и процвѣсти , можно не иначе , какъ поддѣйствовать на самыхъ главныхъ обладателей земледѣльской собственности , то есть , на помѣщиковъ , на дворянъ , у которыхъ въ рукахъ всѣ средства , — движимое и недвижимое имѣнiе , денежные капиталы , образованный умъ , благородное , патриотическое сердце и обширная власть . Намъ нужны , дворянскія училища сельскаго хозяйства .

По государственнымъ узаконеніямъ , назначеніе благороднаго русскаго дворянства — во-первыхъ , быть воинами , защитниками отечества ; во-вторыхъ , быть просвѣщенными гражданами , судьями и законноисполнителями по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія ; наконецъ , въ-третьихъ , быть хорошими помѣщиками , искусными распорядителями своихъ отчинъ . Къ этому еще имъ предоставляется право заводить фабрики и производить торговлю . Для двухъ первыхъ цѣлей есть у насъ превосходныя вышнія и нисшія учебныя заведенія . Опытъ вѣковъ доказалъ , что для войны , для побѣдъ , не довольно одной храбрости , мужества и неустрашимости : нужны еще свѣдѣнія тактическія и стратегическія , словомъ , знаніе военнаго искусства ; для твердости и незыблемости законодательства и правосудія въ государствахъ , не довольно судейской честности : необходимо еще обладать искусствомъ правосудія , изучить права и законы , узнать , какъ святая правда переходила на земномъ шарѣ изъ вѣка въ вѣкъ , отъ народа къ народу , и изображалась гражданскими законоположеніями . Но для последней цѣли , для приготовленія искусныхъ сельскихъ хозяевъ-помѣщиковъ , которые имѣли бы основательныя понятія о своей промышленности и могли бы съ увѣренностію производить земледѣльскія цѣнности , составлять капиталы , содѣйствовать трудомъ своимъ къ народному обогащенію , у насъ нѣтъ училищъ , тогда какъ для со-

словія кувеческаго и даже мѣщанскаго есть разныя школы и Технологическій Институтъ.

Дворянскія училища сельскаго хозяйства принесли бы пользу и въ государственной службѣ. У насъ учреждено министерство государственныхъ ниществъ. Люди съ познаніями въ сельскомъ хозяйствѣ могли бы найти мѣста по этому министерству и быть полезными, не только для себя, но и для отечества.

Въ училищахъ, умы молодыхъ дворянъ съ малолѣтства обогащались бы точными хозяйственными правилами, ухо прислушивалось бы къ техническимъ терминамъ, глаза приглядывались бы къ чертежамъ и моделямъ разныхъ хозяйственныхъ строеній, земледѣльческихъ орудій, машинъ; лучшія сочиненія въ сельскомъ хозяйствѣ сдѣлались бы извѣстными, и все это запечатлѣвалось бы глубоко въ умы русскихъ юношей. Дворяне-помѣщики, обучавшіеся въ училищахъ сельскаго хозяйства не стали бы основывать своего хозяйства на старинныхъ повѣрьяхъ и предрассудкахъ, возставать противъ полезныхъ нововведеній: напротивъ того, понимая основательно, рационально всѣ роды сельской промышленности, они влеклись бы къ улучшеніямъ и усовершенствованіямъ, и соревновали бы другъ другу въ своихъ просвѣщенныхъ трудахъ. Тогда помѣщику не было бы странно слушать ученія возраженія своего крѣпостнаго челоука, вышедшаго изъ земледѣльческой школы. Обоюдныя свидѣнія отзывались бы другъ другу, и вели бы сельскую промышленность стезей улучшеній къ процвѣтанію. Познанія и невѣжество не оскорблялись бы взаимно, не враждовали бы другъ противъ друга и не заводили бы распръ, оканчивающихся обыкновенно гибелью для познаній.

Теперь жалко видѣть инаго доблестнаго воина или судью, который, имѣвъ прежде подъ своимъ начальствомъ цѣлыя полки или канцеляріи, пріѣзжаетъ въ свое помѣстье и долженъ слушать толки невѣжествующихъ старостъ и управителей, покоряться ихъ предрассудкамъ, стариннымъ повѣрьямъ, и быть ихъ жертвою, именно потому только, что ему не было случая пріобрѣсти ни какихъ свидѣній въ правлахъ сельскаго хозяйства. Съ сѣдыми волосами, поздно

и совѣстно дѣлать ошибки неразлучныя съ незнаніемъ и неопытностью. Не очевидно ли, что заведеніе дворянскихъ училищъ сельскаго хозяйства было бы истиннымъ благодѣліемъ для государства и новаго поколѣнія, на которое необходимо подѣйствовать? А достигнуть этого очень нетрудно. Стоитъ только благородному русскому дворянству, всегда готовому на подвиги патріотическіе, заняться поближе этимъ предметомъ и пожертвовать одной копѣйкою серебра съ души. Составится капиталъ въ триста пятьдесятъ тысячъ рублей, на который можно будетъ учредить дворянское училище сельскаго хозяйства, положимъ, хоть въ Петербургъ, какъ въ средоточіи просвѣщенія и правительства. На прошедшихъ выборахъ въ тверской губерніи, дворянство пожертвовало по пятнадцати копѣекъ ежегоднаго взносу съ души на заведеніе при губернской гимназій дворянскаго пансіона. Центральное дворянское училище сельскаго хозяйства въ Петербургъ было бы разсадникомъ свѣдѣній и снабжало бы наставниками другія дворянскія учебныя заведенія этого рода. Между-тѣмъ, чтобы, въ ожиданіи будущихъ плодовъ предполагаемой мѣры, сдѣлать какой-нибудь шагъ для распространенія хозяйственныхъ познаній между вынѣшнимъ благороднымъ юношествомъ, кажется, ничто не мѣшало бы, во всѣхъ существующихъ уже дворянскихъ училищахъ, къ предметамъ, преподаваемымъ въ послѣдній, выходной годъ, присовокупить реальный классъ сельскаго хозяйства и другихъ родовъ промышленности ремесленной и торговой. Опытъ сдѣлать не трудно.

Всякому извѣстно, всякій изъ насъ убѣжденъ, что благодѣтельное наше правительство, неуспяно некущееся о пользѣ государства, изыскиваетъ всѣ средства, ведущія къ народному благу, и заботится о распространеніи въ народъ реальныхъ свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ промышленнаго труда. Оно издало положенія о реальныхъ классахъ, назначило награды за подвиги на поприщѣ промышленности; оно съ благосклонностію првнимаетъ и одобряетъ всякія полезныя мнѣнія и предпріятія. Вотъ теперь представляется еще одно средство, которымъ можно оживить и утвердить на прочномъ, незыблемомъ основаніи наше сельское хозяйство, находящееся нынче въ такомъ упадкѣ. Императорское

Вольное Экономическое Общество не переставало съ своей стороны содѣйствовать къ успѣхамъ этой вѣтви народной промышленности. Бывшій президентъ Общества, его сіятельство, графъ Николай Семеновичъ Мордвиновъ, который своею патриотическою ревностію къ общему благу, своими постоянными заботами о процвѣтаніи народнаго сельскаго хозяйства, своими глубокими познаніями въ государственномъ и сельскомъ хозяйствѣ, снискалъ себѣ незабвенное имя въ потомствѣ, давно уже имѣлъ подобную изложенной мною мысль и сообщилъ ей развитіе. Достопочтеннѣйшій вице-президентъ, его высокопревосходительство, Алексѣй Семеновичъ Грейгъ, блистательно наслѣдовавшій славу знаменитаго отца своего, и собственными подвигами сроднившій имя свое съ нашимъ отечествомъ, также разсматривалъ это предположеніе, также одобрилъ его и пополнилъ полезными совѣтами. Остается обратиться къ Вамъ, Ваша Свѣтлость. Вы удостоили принять на себя званіе президента Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества и тѣмъ доказали предъ лицомъ отечества свою готовность не оставлять попеченіями предметовъ его занятій, изъ которыхъ главный есть успѣхи и процвѣтаніе народнаго сельскаго хозяйства. Патриотической ревности Вашей Свѣтлости обязана Россія заведеніемъ для благороднаго русскаго юношества Училища Правовѣднія. Пріймите къ сердцу еще другую сторону счастья Русскихъ. Ваша Свѣтлость, доблестный членъ обожаемаго нами Царственнаго Семейства! посвятите думы высокаго ума Вашего и влеченіе Вашего патриотическаго сердца къ общему благу, на изысканіе, нѣтъ ли средствъ соединить оба источника благъ государственныхъ, — правосудіе и процвѣтаніе помѣстій; нѣтъ ли возможности подарить Россіи, общей матерн нашей, правдивыхъ, искусныхъ законовѣдцевъ и вмѣстѣ свѣдущихъ сельскихъ хозяевъ-помѣщиковъ, рациональныхъ распорядителей помѣстной собственности. У нашего Общества есть собственный домъ для заведенія дворянскаго училища сельскаго хозяйства: да засіяетъ на немъ Императорскій гербъ съ подписью: «Дворянское Училище Сельскаго Хозяйства,» — слова утѣшительныя и сладостныя для взоровъ и сердца всякаго русскаго дворянина!

При этихъ нѣдрахъ можно надѣяться, что со-временемъ все прійметъ новый видъ въ народномъ сельскомъ хозяйствѣ, котораго сложная машина теперь оборачивается тяжело и неправильно, съ немовѣрными усиліями со стороны людей и животныхъ. Заслуженные воины и гражданскіе чиновники, отслужившіе свое время, сколько положено будетъ, имѣя запасъ свѣдѣній о разныхъ родахъ промышленности, проживая въ своихъ деревняхъ, повторяли бы на опытъ то, чему они некогда обучались въ классахъ, приравляя бы свои познанія къ мѣстному дѣлопроизводству и не ошибались бы въ своихъ практическихъ сельскихъ занятіяхъ, не теряли бы по-напрасну времени, денегъ, трудовъ на изобрѣтеніе того, что давно открыто, и не нускались бы на пустыя, бесполезныя или разорительныя затѣи, зная настоящую силу сельской промышленности и въ-дая то, съ чего надобно начинать и какъ вести всякое дѣло съ частною и общею пользою. Даже во время военной службы, въ мирное время, квартира по деревнямъ и селамъ, они могли бы легко приводить себя на память полученныя въ школь уроки, сами научались бы опытомъ и сообщали бы свѣдѣнія свои хозяевамъ мѣсть, въ которыхъ занимаютъ квартиры. Вышедъ въ отставку, они не были бы праздными зрителями чужихъ полезныхъ трудовъ, увеличивали бы собой массу людей свѣдущихъ, знакомыхъ съ правилами промышленности, не скучали бы жизнью въ пѣмѣстьяхъ, не искали бы городской разсыянности, и не стали бы осаж-дать правительство просьбами о мѣстахъ для своего развлеченія и содержанія. Сверхъ того мирныя сельскія занятія поселяютъ и мирныя, кроткія мысли. Трудолюбіе всегда тихо и покойно наживаетъ себя состояніе въ нѣдрахъ семействъ. Собственность привязываетъ человека къ своему краю, къ родинѣ, гдѣ находятся источники его довольства и счастья. Если бѣ кто и вздумалъ путешествовать за границей, то не увлекался бы тамъ однимъ вихремъ пустыихъ запаховъ, не прельщался бы только произведеніями изящ-ныхъ художествъ, но обращалъ бы вниманіе и на ходъ, на развитіе народной промышленности, на успѣхи ремесла и торговли, приносилъ бы съ собой изъ-за моря, вмѣстѣ съ образованностію вкусу, свѣдѣнія полезныя для приумноже-

нiя народнаго богатства въ своемъ отечествѣ, и воспивалъ бы не пошлыя встрѣчи по большимъ дорогамъ, а какъ Виргилiй въ своихъ георгикахъ, труды и искусство въ сельскомъ хозяйствѣ. Эти путешественники, проживая въ отцовскихъ помѣстьяхъ, были бы опорой своихъ престарѣлыхъ родителей, — не праздными расточителями ихъ достатковъ. Жены были бы сотрудницами дѣятельныхъ мужей своихъ, дочери домовитыми хозяйками, добрыми семьянинками, а не гостями въ семействахъ, занятыми съ утра до ночи только тѣмъ, чтобъ производить впечатлѣнiе въ свѣтъ и ничего не дѣлать. Всѣ вмѣстѣ были бы отцами и благодѣтелями своихъ крестьянъ и домохозяевъ, способствовали бы къ развитiю и процвѣтанiю отечественной промышленности, а съ тѣмъ вмѣстѣ и къ общему благосостоянiю государства, внушая каждому приверженность къ государственнымъ законамъ и безпредѣльную върнопоклонническую любовь къ Отцу Отечеству, нашему обожаемому Монарху. *Дмитрiй Шелеховъ.*

=

КОНТОРА

ДЛЯ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКИХЪ ДѢЛЪ, ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Извѣстный своими сочиненіями и практическими трудами агрономъ-хозяинъ, Дмитрій Потаповичъ Шелеховъ, желая содѣйствовать къ развитію и облегчить обороты всѣхъ частей сельской промышленности, учредилъ въ здѣшней столицѣ необходимое для ней заведеніе, котораго у насъ не доставало. Это заведеніе, подъ названіемъ *Конторы Земледѣльческихъ дѣлъ*, будетъ посредникомъ въ сношеніяхъ сельскихъ хозяевъ, живущихъ въ губерніяхъ, со столицею, гдѣ для сбыту и покупки произведеній представляется такое обширное поприще и гдѣ всегда можно сдѣлать хорошій выборъ управителей отчинами, и другихъ должностныхъ лицъ, необходимыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Контора принимаетъ на себя

1. Отъискивать все, что ни потребовалось бы сельскимъ хозяевамъ изъ Петербурга, и по востребованію доставлять въ какую бы то ни было губернію, — благонадежныя сѣмена разныхъ хлѣбовъ и другихъ растений, масляныхъ, пряныхъ, красильныхъ, цвѣточныхъ, лѣсныхъ, употребляемыхъ въ садоводствѣ, огородничествѣ и лѣсоводствѣ, также модели орудій и машинъ земледѣльческихъ, и самыя орудія и машины, самыя лучшія книги о разныхъ предметахъ сельскаго хозяйства, чертежи, архитектурныя планы для хозяйственныхъ строеній, и такъ далѣе, и выписывать для желающихъ, даже изъ чужихъ краевъ, лучшія породы домашнихъ животныхъ : все это по самымъ сходнымъ цѣнамъ, надежно, вѣрно и поспѣшно.

2. Находить мѣсто и средства для сбыту хлѣба, масла, сыровъ, полотень и другихъ тканей и издѣлій льняныхъ,

бумажныхъ и пеньковыхъ, ревертуху, парусины, шерсти, сукна, виноградныхъ винъ, свекловичнаго сахару, каперсовъ, сухихъ фруктовъ, лошадей, скота и другихъ предметовъ сельской ремесленности, земледѣлія и скотоводства, изъ сѣверныхъ, среднихъ и южныхъ губерній Россіи.

Для удобнѣйшаго сбыту произведеній и для полученія требуемыхъ вещей сельскими хозяевами изъ чужихъ краевъ, Контора Земледѣльческихъ дѣлъ соединилась съ купеческою конторою господина Нота и компаніи, которая, имѣя сношенія съ разными государствами, будетъ выписывать прямо изъ первыхъ рукъ, изъ Англій, Франціи, Германіи и другихъ государствъ, требуемыя сельскими хозяевами вещи, и сбывать произведенія сельскаго хозяйства по выгоднѣйшимъ цѣнамъ прямо за границу.

3. Заняться устройствомъ домовыхъ здѣсь, въ Петербургѣ, конторъ для отчинной отчетности, также раціональнымъ устройствомъ хозяйства съ разнообразными сѣвооборотами въ самыхъ отчинахъ, въ которыхъ счетоводство, бережливость, отчинное управленіе и общественные запасы хлѣба будутъ установлены на правилахъ раціональнаго сельскаго хозяйства по мѣстнымъ удобствамъ.

4. Производить повѣрку отчетовъ, доставляемыхъ изъ имѣній, и всего того, что касается до управленія помѣстьями, находить благонадежныхъ управителей, архитекторовъ, землемѣровъ, сыроваровъ, овцеводовъ и другихъ должностныхъ лицъ съ достаточными свѣдѣніями, и посылать благонадежныхъ ревизоровъ въ отчины.

Все это будетъ основываться на добровольныхъ соглашеніяхъ и утверждаться законными условіями и контрактами, для совершеннаго удостовѣренія съ обѣихъ сторонъ и для взаимнаго спокойствія. Иногородные сельскіе хозяева, желающіе получить какія-нибудь свѣдѣнія или содѣйствіе по означеннымъ здѣсь предметамъ и отвѣты на свои письма, присылаютъ въ Контору на корреспонденцію пять рублей ассигнаціями, прилагая породы и образцы своихъ произведеній, и объявляя свою послѣднюю цѣну и срокъ доставки въ Петербургъ. Особы, желающія принять на себя должности по хозяйству, являютя сами въ контору, которая открыта отъ десяти до двухъ часовъ ежедневно, кромѣ

кварталовъ, на углу Почтамтской Улицы, въ домѣ Кутнера, № 2.

Нѣтъ сомнѣнiя, что Контора, принимающая на себя столь обширное и столь дѣятельное посредничество въ сношенiяхъ внутреннихъ производителей съ потребителями отдаленнаго портового города, дѣйствующаго торговлей, сдѣлается настоящимъ кладомъ для сельскихъ хозяевъ, живущихъ внутри Россiи и не имѣющихъ здѣсь вѣрныхъ знакомыхъ, въ которыхъ можно было бы относиться о сбытѣ и покупкѣ разныхъ произведенiй и о другихъ своихъ хозяйственныхъ нуждахъ; также для молодыхъ помещиковъ, занятыхъ службою, и которымъ нужны совѣты опытности и руководство по отечественному управленiю для водворенiя въ новую порядку и хорошаго хозяйства.

=

V.

КРИТИКА.

КВТАЙ, ЕГО ЖИТЕЛИ, ПРАВЫ, ОБЫЧАИ, ПРОСВѢЩЕНІЕ. Москва Іакинча. *Самитпсторбургъ, 1840 (1841).*

Когда горсть смѣлыхъ пришлецовъ приводитъ въ трепетъ огромнѣйшую имперію въ міръ, державу въ триста шестьдесятъ два милліона жителей; когда государство, устоявшее три тысячи пятьсотъ лѣтъ противъ всѣхъ бурь, покорившее своей власти всѣ сосѣдніе, воинственные народы и со страхомъ почитаемое этими народами, образованное, трудолюбивое, промышленное и болѣе чѣмъ вполтора раза многолюднѣе всей Европы; не находитъ у себя другаго оружія противъ арміи въ три баталіона кромѣ комическихъ прокламаций; когда тысяча триста девяносто три человека европейскихъ солдатъ берутъ приступомъ колоссальный городъ, равный народонаселеніемъ и богатствомъ Парижу, окруженный высокими стѣнами, снабженный страшною артиллеріей и обороняемый пятидесятью тысячами гарнизону; когда одинъ пароходъ сожигаетъ весь флотъ этого народа въ триста шестьдесятъ два милліона душъ, одинъ капитанъ заставляетъ городъ въ осемьсотъ тысячъ жителей заплатить себѣ контрибуцію въ тридцать два милліона рублей, одинъ полко-

вникъ въ красномъ мундирѣ беретъ въ плѣнь пятьдесятъ тысячъ воиновъ и эта плѣнная армія дефилируетъ со свернутыми знаменами, но съ оружіемъ въ рукахъ, среди осмисотъ сорока человекъ своихъ побѣдителей, которыхъ она могла бы, буквально, закидать шапками; когда всѣ эти неслыханныя, невѣроятныя, невозможныя событія происходятъ передъ нашими глазами, — теперь-то или никогда и должно спрашивать почтеннѣйшаго отца Іакинѳа, что это за люди, эти любимые его Китайцы. Полно-те, я не вѣрю, чтобы такой народъ былъ на свѣтѣ! Китай долженъ быть басня, Китаецъ — мистификація. Эти мнимые «люди» навѣрное не что иное какъ фарфоровыя куклы, которыя киваютъ головками подъ стекляннымъ колпакомъ, и которыхъ одинъ человекъ можетъ разбить и изломать нѣсколько тысячъ для своей потѣхи. Эта прославленная имперія — какое-нибудь бумажное, расписанное и подлакированное государство, которое можно сжечь одною стеариновою свѣчою. Иначе я не могу объяснить себѣ того, что происходитъ въ Кантонѣ. И напрасно ищу объясненія столь непостижимыхъ фактовъ въ книгѣ ученаго нашего синодота: вотъ уже третій разъ читаю я эту книгу въ изумленіи; и чѣмъ больше читаю, тѣмъ сильнѣе старается она убѣдить меня, что Китай — самое благоустроенное государство на земномъ шарѣ, самое мудрое, умное, образцовое, распорядительное, дальновидное, дѣятельное, непобѣдимое. Если судить по ней, то Китаецъ — идеалъ всехъ человеческихъ добродѣтелей; я не вижу даже, чтобы онъ былъ трусъ или взяточникъ: все въ этомъ государствѣ обстоитъ такъ благополучно, все съ такою точностью слѣдуетъ установленному порядку, законы такъ хорошо исполняются, правители такъ усердны, чиновники ихъ такъ исправны, нравственность такъ чиста, даже и философія такъ возвышенна, что, читая книгу отца Іакинѳа, нельзя не удивляться и не завидовать Китаю.

Спору нѣтъ, порядокъ и любовь къ порядку въ Китаѣ должны быть безпримѣрны: въ противномъ случаѣ невозможно было бы постигнуть, какъ тамъ «губернаторы» могутъ управиться съ «губерніями» многолюднѣе сильнѣйшихъ нашихъ имперій, — потому что нерѣдко китайскія «губерніи» имѣютъ по семидесяти милліоновъ человѣкъ народонаселенія, которыми управляетъ одинъ «губернаторъ» съ нѣсколькими мандаринами. Между тѣмъ и безпорядокъ долженъ быть въ той же самой степени неизмѣримый: богдоханъ, сынъ неба, неограниченный повелитель, государь, который армию свою считаетъ не тысячами, а милліонами, втеченіи двухъ лѣтъ отправляетъ огромныя войска съ строжайшимъ приказаніемъ *истребить* Англичанъ, не только на берегахъ Китая, но даже въ Индіи и въ Англии, объявляетъ, что это — «единственное средство усмирить гнѣвъ его», пилить по-поламъ своихъ министровъ и полководцевъ, а войска его, дрожа, сдаются въ плѣнъ почти безъ бою ничтожному отряду непріятеля, города его, чтобы избавиться отъ горсти «красныхъ людей», платятъ имъ со страхомъ неслыханныя контрибуціи, почти по ста рублей со всякой мужеской души, втеченіи шести дней, — сумму, равную той, какую цѣлое персидское или турецкое государство могло бы втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ собрать для вознагражденія побѣдителя за убытки упорной и кровопролитной войны. Какой областной городъ въ Европѣ, какая даже изъ столицъ нашихъ, изъ которой заранѣе были бы вывезены капиталы правительства и публичныхъ банковъ, въ состояніи представить въ нѣсколько дней наличными тридцать два милліона рублей? Слѣдовательно, огромная промышленность и богатства Китая ни сколько не преувеличены; а порядокъ, какъ мы сказали, долженъ существовать тамъ повсемѣстно: безъ него общество въ триста шестьдесятъ два милліона человѣкъ не могло бы простоять одного года въ нераздѣльномъ видѣ. Дѣйствіе

верховой власти безпрекословно признается цѣлымъ обществомъ и равно проникаетъ во всѣ отрасли этой плотной, исполинской массы народонаселенія. И при такихъ началахъ величайшаго политическаго могущества такіе признаки крайняго, невообразимаго разслабленія!.... Вотъ самая удивительная сторона Китая. Вотъ загадка, которой изумленная Европа не можетъ рѣшить ни какими наведеніями, извлеченными изъ своей исторіи или изъ наблюденія. Но кто объяснитъ намъ это непостижимое явленіе, очевидно выходящее изъ круга политическихъ данныхъ и принадлежащее уже къ психологическимъ феноменамъ человечества? Отецъ Іакинѣвъ одинъ могъ бы подать намъ нить руководительницу въ этомъ лабиринтѣ; но онъ крѣпко держитъ ее въ рукахъ для себя, и ни сколько не помогаетъ читателю, блуждающему въ темнотѣ странныхъ учрежденій, которыя онъ описываетъ съ наслажденіемъ, не показывая нигдѣ, какое дѣйствіе имѣли они въ практикѣ на характеръ народа, и каковъ ихъ конечный результатъ въ отношеніи къ государству. Между-тѣмъ нигдѣ болѣе какъ въ этихъ учрежденіяхъ должны скрываться настоящія причины, и того удивительнаго благоустройства, какое онъ изображаетъ, и еще болѣе удивительной для насъ слабости Китая, о которой не говоритъ онъ ни слова, какъ-будто и не подозревая ея въ своихъ многоцеремонныхъ любимцахъ. Предметъ былъ однако жъ достоинъ всего вниманія философа-наблюдателя: жаль, очень жаль, что нашъ авторъ, имѣя всѣ средства къ правильному и основательному изслѣдованію такого важнаго предмета, выпустилъ изъ виду именно тѣ, чего любопытство наше могло исключительно искать въ его книгѣ, и предпочелъ дать намъ взамѣнъ новое описаніе того, что уже столько разъ было яснѣе описываемо другими синологами.

Да! нигдѣ болѣе какъ въ самыхъ учрежденіяхъ Китая должно искать причину и чуднаго благоустрой-

ства и баснословной слабости этого исполинскаго государства. Духъ его учрежденій можно изобразить въ нѣсколькихъ словахъ: это — крайнее, доведенное до педантизма, до ребячества, преувеличеніе системы такъ-называемаго патріархальнаго правленія. Какъ въ политическія преувеличенія, оно имѣло втеченіи вѣковъ самое гибельное вліяніе на умъ и характеръ народа. Китай съ глубокой древности представлялъ странное явленіе образованнаго государства безъ религій, — потому что нельзя назвать религіей шаманства, неопредѣленнаго вѣрованія въ существованіе Неба, или Великаго Духа, и нѣсколькихъ десятковъ низшихъ духовъ, безъ всякаго духовнаго и нравственнаго ученія, которое въ этомъ вѣрованіи замѣняется заклинаніями и магическими обрядами. До распространенія системы политизма, или многобожія, шаманство господствовало по всему сѣверу, отъ кудесниковъ Невровъ до Корейцовъ, то есть, отъ Буга и Нѣмана до береговъ Желтаго Моря, и проникало въ Америку, гдѣ эта форма вѣрованія сохраняется и донинѣ между туземцами. Конфуцій засталъ ее въ Китаѣ. Этотъ странный человекъ не далъ ни какой религіи своему отечеству; онъ оставилъ шаманство въ видѣ прежняго, темнаго вѣрованія, но, чувствуя необходимость какой-нибудь нравственной пищи для души, превратилъ, въ отвлеченную философическую систему, начала патріархальнаго правленія, издревле веденнаго въ Китаѣ. Этимъ-то хотѣлъ онъ замѣнить пользы и утѣшенія правильной и положительной вѣры. Принятое съ удивленіемъ и восторгомъ, его философско-политическое ученіе объ отвлеченно-совершенномъ патріархальномъ правленіи сдѣлалось нѣкоторымъ родомъ религіи для Китайцевъ. Преувеличивая до крайности всѣ послѣдствія своихъ основныхъ понятій, какъ обыкновенно дѣлаютъ умозрители, пускающіеся въ отвлеченности, онъ облекъ верховное лицо въ таинственное званіе «сына Неба». Онъ требовалъ отъ китай-

скаго повелителя; чтобы онъ былъ *отцомъ* своихъ подданныхъ, не только по чувствамъ сердца, но и по *знаніямъ*, возлагая на него все мелочныя заботы и хлопоты настоящаго отца семейства, лично воспитывающаго свое потомство, обучающаго его нравственности, учтивости, правиламъ общежитія, и прочая, и, служащаго ему вмѣстѣ кормильцемъ, нянькою, дядькою, учителемъ и послѣднимъ экзаминаторомъ, въ буквальномъ значеніи всѣхъ этихъ словъ. Отсюда та необыкновенная важность церемоній, отценочитанія, трауровъ, публичныхъ наставленій, экзаменовъ и ученыхъ степеней, въ китайскомъ правительствѣ, которое по справедливости можно назвать огромнымъ училищемъ, гдѣ одинъ верховный учитель стоитъ посреди трехъ сотъ шестидесяти двухъ милліоновъ своихъ школьниковъ, слушающихъ со вниманіемъ его наставленія о почитаніи родителей, о хорошемъ поведеніи, о совершенствованіи челоуѣческой природы, объ идеальномъ правительствѣ, о началѣ вещей, — все это, прибавьте, въ догматическомъ, отвлеченномъ и темномъ изложеніи, — и, въ заключеніе, задаетъ имъ сочинить пяти-стопные *стихи*, которые потомъ самъ же онъ имъ поправляетъ.

Усердное, неутомимое развитіе этой странной системы правленія втеченіи двадцати четырехъ вѣковъ имѣло послѣдствіемъ то умственное состояніе, въ какомъ мы теперь видимъ Китайцевъ: вѣчно играя роль школьниковъ, вѣчно слушающаго дѣтскія побасѣнки, изъ которыхъ составлено ихъ нравственное и политическое образованіе, тѣ невѣроятныя фикціи, которыя съ оціпальною важностію выдаютъ имъ за великія общественныя и философическія истины, они наконецъ сдѣлались настоящими школьниками, не только по *благонравію*, но и по уму. Это—триста шестидесять два милліона пяти-лѣтнихъ ребятшекъ съ совершенно дѣт-

скими понятиями, — робкихъ, послушныхъ, приученныхъ къ порядку, отлично знающихъ правила учтивости и благочинія, искусныхъ во всемъ, но не разсуждающихъ своимъ умомъ, вѣрющихъ въ своемъ младенческомъ воображеніи всему, что имъ сказано или скажутъ, и, вообще, чуждыхъ всякаго мужескаго чувствованія. Пусть, нечаянно, барсъ вторгнется въ эту толпу : учитель кричитъ — «Бейте его ! ловите ! истребите!.. это единственное средство усмирить мой гнѣвъ! — школьники пугливо бросаются въ противную сторону, отдають звѣрю свой завтракъ и спасаются бѣгствомъ, оставляя учителя одного въ классѣ. Таково именно зрѣлище, которое Китайцы всегда являли въ случаѣ народной опасности, а слѣдующій анекдотъ покажетъ читателямъ, до какой степени они дѣйствительно — настоящія дѣти по своему воображенію. Въ 1809 или 1810 году нѣсколько англійскихъ кораблей стояло въ Макао и командовавшій ими контръ-адмиралъ вздумалъ произвести на берегу ученье своимъ экипажамъ съ ружейною и пушечною пальбою. Нѣсколько знатнѣйшихъ мандариновъ пріѣхали изъ Кантона съ своими свитами, чтобъ быть свидѣтелями этого новаго зрѣлища. Эволюціи европейскаго войска чрезвычайно ихъ забавляли : эти высокіе сановники тѣшились ими какъ мальчики; сильная и правильная пушечная пальба привела ихъ въ неописанный ужасъ, хотя стѣны Кантона уставлены грозною артиллеріей и никто лучше Китайцевъ не умѣетъ сожигать пороху въ различныхъ видахъ; но бѣглый ружейный огонь восхитилъ ихъ до крайности. По окончаніи ученія, контръ-адмиралъ изъ учтивости спросилъ своихъ знатныхъ гостей, какъ оно имъ понравилось. «Это очень любопытно, отвѣчаютъ ему самый ученый и самый важный изъ мандариновъ : но противъ врага ни къ чему не служитъ. Вотъ посмотрѣли бы вы у насъ, внутри Середенной Имперіи : тамъ есть люди ростомъ въ пять аршинъ и такіе силачи, что

одною рукою поднимають огромнѣйшую пушку. Ихъ нѣтъ набранъ у насъ цѣлый корпусъ. Они вооружены саблями въ двѣ сажени, и, во время сраженія, съ одного взмаху разсѣкаютъ по-поламъ двѣнадцать человекъ не-пріятелей.» Недовѣрчивость контръ-адмирала ни сколько не привела въ смущеніе рассказчика: онъ сталъ божиться, что это правда, и по лицу его было видно, говорилъ намъ свидѣтель этой сцены, что онъ былъ убѣжденъ въ совершенной истинѣ своего разсказа. Впослѣдствіи оказалось, что не одинъ онъ душевно вѣрилъ этой дѣтской баснѣ: многіе изъ коренныхъ жителей Кантона были убѣждены въ дѣйствительности факта. Да и самъ отецъ Такинеъ разсказываетъ, что Китаецъ, видя въ ярославскомъ гербѣ медвѣдя, вооруженнаго алебардою, ни мало не сомнѣвается, что на свѣтѣ есть такіе люди, — косматые, съ хвостомъ, и собачьей головой. Авторъ приписываетъ это незнанію того, что происходитъ внѣ Китая, между-тѣмъ какъ такое явственное ребячество ума и воображенія у людей, съ другой стороны чрезвычайно образованныхъ и понятливыхъ, простирается прямо изъ существа ихъ политическихъ учрежденій, которое придало имъ не только чувствованія но и понятія дѣтей, вышколенныхъ по давной книгѣ. Согласитесь, что всему на свѣтѣ можетъ повѣрить человекъ, который официально и съ чувствомъ глубокаго убѣжденія пишетъ и толкуетъ такія философскія шарады, какъ на примѣръ слѣдующія: прочитайте ихъ со вниманіемъ, потому что безъ нихъ — нѣтъ Китая. Все «Поднебесье» тутъ въ этой мудрости:

«Безначальное или Первое начало» есть собственное существо теплорода происшедшаго отъ движенія, и водорода происшедшаго отъ покоя. Впрочемъ Первое начало не отделилось отъ теплорода и водорода, а составляетъ собственное существо послѣднихъ.

«Отъ движенія Перваго начала произошелъ теплородъ, отъ его покоя — водородъ.»

«Движеніе теплорода открылось дѣйствованіе Перваго начала. Покой водорода постановилъ существо Перваго начала. Покой водорода есть корень движенія теплорода; движеніе теплорода есть корень покоя водорода.

«Изъ превращеній теплорода и соединеній съ нимъ водорода произошли пять стихій : вода, огонь, дерево, металлъ, земля. Соединеніе огня съ металломъ черезъ землю есть превращеніе, производимое теплородомъ ; соединеніе воды съ деревомъ есть соединеніе, производимое водородомъ. Вода есть преизбытокъ водорода ; и посему занимаетъ правую сторону. Огонь есть преизбытокъ теплорода ; и посему занимаетъ лѣвую, то есть, преимущественную сторону. Дерево есть огустѣніе теплорода ; и посему слѣдуетъ за огнемъ. Металлъ есть огустѣніе водорода ; и посему слѣдуетъ за водою. Земля, какъ вмѣстительница воздуха, занимаетъ средоточіе.

«Водородъ произошелъ изъ теплорода , а теплородъ изъ водорода ; изъ воды произошло дерево, изъ дерева огонь, изъ огня земля, изъ земли металлъ ; металлъ опять превращается въ воду. Симъ образомъ стихій, подобно кольцу, не имѣютъ начала ; но съ началомъ ихъ пять воздуховъ распространились ; четыре времени года образовались.

«Пять стихій суть одно съ теплородомъ и водородомъ, и въ совокупности они составляютъ двѣ подлинности въ пяти разныхъ видахъ, безъ излишества и недостатка, то есть, въ соразмѣрномъ содержаніи. Теплородъ и водородъ суть единое съ Первымъ началомъ, и между ними нѣтъ разности ни въ тонкости ни въ грубости, ни по началу ни по концу. Первое начало собственно есть Безначальное. Дѣйствія Верховнаго Неба не имѣютъ ни звуку ни запаху. Каждая изъ пяти стихій при рожденіи получила свою природу ; не одинаковъ воздухъ ихъ, различное вещество ; каждая имѣетъ свое Первое начало — безъ заимствованія отъ другихъ.

«Небо — мужъ, Земля — жена имѣютъ отношеніе къ рожденію изъ воздуха, то есть, къ первоначальному рожденію чловѣка въ двухъ полахъ. Мужъ и жена, каждый имѣютъ свою природу : но оба суть одно Первое начало.

«Каждое существо въ міръ имѣетъ свою природу»: но всѣ суть одно Первое начало.

«Одинъ только человекъ, получившій тончайшее передъ прочими (существами), есть разумнѣйшее существо, и въ семъ самомъ заключается его Первое начало. Впрочемъ образъ, то есть, тѣлесное существо его, есть прозарженіе покоя водорода, а духъ, или душа, есть дѣйствіе движенія теплорода. Пять свойствъ его (человѣколюбіе, справедливость, благоприличіе, иначе церемонія, знаніе и вѣрность въ словахъ, предпріятіяхъ и дѣлахъ) суть качества пяти стихій: огня, дерева, воды, металла и земли. Добро и зло составляютъ различіе между мужчиною и женщиною. Душа человѣчeskія суть изображенія вещей, то есть, суть те же въ нравственномъ мірѣ, что вещи въ мірѣ физическомъ. Отсюда въ подлунномъ мірѣ происходитъ то разнообразное смѣшеніе движеній, которое производитъ между людьми счастье и несчастье, раскаяніе и сожалѣніе (о прошедшихъ поступкахъ). Одинъ только святой человекъ (правильнѣе, мудрецъ), получившій чистое и единое, то есть, безпримѣсное изъ тончайшаго, имѣетъ во всемъ совершенствѣ существо и употребленіе Перваго начала (то есть, столько же совершенъ, какъ Первое начало). По сей причинѣ и въ движеніи и въ покоѣ всегда стоитъ онъ на высшей точкѣ совершенства, и посреди безмолвія и недвижимости всегда чувствуетъ и внутренно видитъ все происходящее въ поднебесной. Ибо средина, челоѣколюбіе и созерцаніе суть движеніе теплорода, открывшее дѣйствія Перваго начала. Прямота, справедливость и безмолвіе суть покой водорода, постановившій существо Перваго начала. Средина, прямота, челоѣколюбіе и справедливость составляютъ въ немъ цѣлое и совершенное существо; покой всегда служитъ имъ основаніемъ. Какъ-скоро Первое начало (человѣка) составилось изъ помянутыхъ добродѣтелей, то Первое начало, движеніе теплорода, покой водорода, происшедшія изъ сего пять стихій, небо и земля, солнце, луна, четыре времени годовыхъ, духи въ веществахъ и духи освободившіеся отъ вещества не могутъ разнодѣйствовать съ нимъ. Благородный человекъ (*дзюнь-дзы*) съ опасеніемъ и страхомъ сохраняя добродѣтели, составляетъ счастье для себя. Низкій

человѣкъ по разсвѣтлости и распутству вопреки имъ дѣйствуетъ, и черезъ то составляетъ несчастье для себя. Законъ Неба, законъ Земли и законъ челоука имѣютъ единое Первое начало. Теплородъ, твердость и мягкость суть движеніе теплорода, начало тварей. Водородъ, повиновеніе и справедливость суть покой водорода, конецъ тварей (смерть, разрушеніе). Въ «Книгѣ Переминь» это названо постановленіемъ закона трехъ началъ, *самъ-дзи-дао*; а въ самой вещи есть одно Первое начало. Почему сказано: въ «Книгѣ Переминь» Первое начало есть движеніе теплорода и покой водорода.

«*Джу-дзи* пишетъ: чертежъ Перваго начала есть единый подлинный порядокъ естества, имѣющій основаніемъ единство. Еще пишетъ: Безначальное такъ названо потому, что оно ни мѣстопробыванія ни образа не имѣетъ. Оно было до бытія вещей, и по разрушеніи вещей вѣчно будетъ. Существова отдѣльно отъ теплорода и водорода, оно безпрерывно дѣйствуетъ въ нихъ, и, проникая все существо ихъ, все наполняетъ собою. Посему только можно сказать, что оно вначалѣ не имѣло ни голоса ни запаха, не давало ни тѣни, ни звуку. — Еще пишетъ: Первоначальнымъ источникомъ названо потому, что оно есть корень и начало всего. Святой челоукъ (Конфуцій) назвалъ Первымъ началомъ, дабы показать, что оно есть корень всѣхъ вещей въ мірѣ. *Джу-дзи* послѣдовалъ ему, и присовокупилъ слово: *Безначальное*, чтобы выразить непостижимость его существа.

«Отъ движенія Перваго начала произошелъ теплородъ; когда же движеніе достигло крайней своей точки, то послѣдовалъ покой. Изъ покоя произошелъ водородъ; когда же движеніе опять достигло крайней своей точки, то снова послѣдовалъ покой. Движеніе и покой взаимно произвели другъ друга. Отдѣленіе теплорода отъ водорода произвело два вида, то есть, двѣ дѣйствующія силы въ природѣ».

«Движеніе и покой Перваго начала есть вселдѣйствіе повелѣнія Неба, то есть, необходимое слѣдствіе вѣчныхъ законовъ міра. Это самое называется закономъ теплорода и водорода. Истина есть корень Святаго челоука, начало и

конецъ вещей, законъ повелѣній. Движеніе есть дѣйствіе истины, есть сообщаемое добро, черезъ которое вся существа пріемлютъ начало. Покой есть отсутствіе истины, усовершенная природа. Отсюда вся вещи заимствуютъ свою природу, и такъ далѣе.

«*Джу-дзы* пишетъ : Первое начало произвело теплородъ и водородъ; порядокъ произвелъ воздухъ. Когда теплородъ и водородъ пріяли бытіе; то Первое начало уже находилось въ нихъ, а порядокъ въ воздухъ. — Еще онъ пишетъ : природа (человѣка) есть какъ-бы Первое начало; душа есть какъ-бы теплородъ и водородъ. Первое начало пребываетъ только въ теплородъ и водородъ, и не можетъ отдѣлиться отъ нихъ. — Еще пишетъ : до движенія Перваго начала былъ только водородъ; въ покой водорода заключался корень теплорода, а въ движеніи теплорода корень водорода. Движеніе непременно должно перейти въ покой; потому что происходитъ отъ водорода; покой непременно долженъ перейти въ движеніе; потому что происходитъ отъ теплорода.

«*Бу-шы-ченз* пишетъ : Первое начало не имѣетъ ни движенія ни покоя. Движеніе и покой суть пружины воздуха; какъ-скоро будетъ тронута пружина воздуха, то и Первое начало приходитъ въ движеніе; какъ-скоро пружина воздуха приходитъ въ покой, то и Первое начало приходитъ въ покой, и такъ далѣе.

«Хотя *Джу-дзы* по теплороду и водороду раздѣляетъ послѣдованіе вещества и воздуха, однако жъ въ самой вещи теплородъ и водородъ имѣютъ одно существо; воздухъ и вещество совокупно возвращаются, каждое къ своему началу. Почему такъ? Небо есть единица, есть теплородъ. Если къ единицѣ придать 5 (число стихій), то будетъ шесть, — водородъ земли. Земля есть двойца, есть водородъ. Если къ двумъ придать 5 (число стихій), то будетъ 7, — теплородъ неба. То же самое произведутъ $3 + 8$, $4 + 9$. Симъ образомъ теплородъ и водородъ соединяются въ одно существо. На семь основаніи, въ отношеніи къ воздуху, зима и весна принадлежатъ къ теплороду, а лѣто и осень къ водороду: ибо воздухъ теплорода принимаетъ начало

въ зимній поворотъ и до высшей степени силы доходитъ весною. Равнымъ образомъ весна и лѣто принадлежатъ къ теплороду, а осень и зима къ водороду : потому что дѣйствіе теплорода открывається весною, и до высшей степени силы доходитъ лѣтомъ; дѣйствіе водорода начинается осенью, оканчивается зимою. Въ отношеніи къ веществу стихій, вода и дерево принадлежатъ къ теплороду, а огонь и металлъ къ водороду. Вода имѣетъ свойство увлажять ; и по сему можетъ производить дерево, а это есть расширение теплорода. Огонь имѣетъ свойство сушить и горячить, и по сему можетъ производить металлъ, а это есть сжимаемость водорода. Равнымъ образомъ можно отнести дерево и огонь къ теплороду. Дерево тепло, огонь горячъ, а сей воздухъ (теплота) сообщается теплородомъ. Металлъ остываетъ, вода мерзнетъ, а сей воздухъ (холодъ) сообщается водородомъ. Относительно къ стихіямъ вообще, теплородъ начинается въ водѣ, усиливается въ деревѣ, доходитъ до высшей степени въ огнѣ, оканчивается въ металлѣ ; водородъ начинается въ огнѣ, усиливается въ металлѣ, доходитъ до высшей степени въ водѣ, оканчивается въ деревѣ. Такимъ же образомъ дѣйствуютъ свойства времени и порядокъ вещей, безъ различія по отношенію къ воздуху и веществу.»

Это официальная философія китайскаго правительства и всего народа : ее излагаетъ самъ богдоханъ; ее усердно изучаютъ всѣ его подданные, отъ рожденія до семидесяти-лѣтняго возрасту; въ ней экзаминуютъ мандариновъ; за нее получаютъ первыя мѣста въ государствѣ. Почтеннѣйшій отецъ Іакинѣвъ, который такъ прекрасно, такъ вѣрно и отчетливо, перевелъ ее, конечно согласится съ нами, что въ ней нѣтъ ни тѣни человеческого смысла. Не возможно представить себѣ ничегъ болѣе ребяческаго и въ сущности и въ формѣ; и если стать изучать эти загадочныя бредни съ *китайскими прилежаніемъ* въ продолженіи двадцати четырехъ столѣтій сряду, то рывительно можно оглупить до степени груднаго ребенка самому смѣшленому народу на

землемъ шарь. Посмотримъ еще, — потому что это такъ же очень важно, — каковъ, по положенію, долженъ быть совершенный Китаецъ, мудрецъ, святой человекъ, идеаль того, къ чему стремится триста шестьдесятъ милліоновъ этихъ людей.

«Дѣйствительность Безначальнаго и чистота двухъ воз-
«духовъ (теплорода и водорода) и пяти стихій послѣ нево-
«стижимаго ихъ соединенія огустьяли. Послѣ сего Законъ
«Неба образовалъ мужа, Законъ Земли образовалъ жену».

«Въ міръ нѣтъ ни одной вещи внѣ природы, и природа повсюду находится. Симъ самымъ Безначальное, два начала и пять стихій слиты въ одно цѣлое, и не имѣютъ промежутка. Таковое сліяніе называемъ непостижимымъ соединеніемъ. *Подлинность* взята въ отношеніи къ порядку; значитъ неложность. *Чистота* взята въ отношеніи къ воздуху; значитъ *недвойственность, безпримѣсность*. *Огустѣть* значитъ сжаться въ одно мѣсто. Воздухъ огустѣлъ и составилъ образы вещей. Теплородъ по своей твердости образовалъ мужчину, — законъ отца; водородъ по своему повиновенію образовалъ жену, — законъ матери. Симъ образомъ въ началѣ міра люди и прочія твари родились въ свѣтъ отъ измѣненій воздуха,» и такъ далѣе.

«*Джу-дзы* пишетъ: одинъ воздухъ теплорода и водорода и пяти стихій кипитъ въ міръ. Чистѣйшій и дѣятельнѣйшій изъ него находится въ человекѣ, мутнѣйшій и грубѣйшій въ прочихъ существахъ; тончайшій изъ чистѣйшаго находится въ Святыхъ и ~~честныхъ~~ чистѣйшихъ, грубѣйшій изъ чистѣйшаго въ глупыхъ и безпутныхъ. — Можетъ-быть спросить: гдѣ находится разумность, въ душѣ или въ природѣ человека? Разумность въ душѣ, а не въ природѣ человека; природа есть только порядокъ. — Еще пишетъ онъ: природа человеколюбія, справедливости, благоприличія, знанія и вѣрности есть порядокъ воды, огня, дерева, металла и земли. Дерево — человеколюбіе, металлъ — справедливость, огонь — благоприличіе, вода — знаніе. Каждая изъ сихъ стихій имѣетъ свое мѣсто; одна земля не имѣетъ онаго, и составляетъ подлинность четырехъ прочихъ стихій. Симъ образомъ

вѣрность также не имѣетъ мѣста, и составляетъ подлинность четырехъ прочихъ добродѣтелей.

«Святой человекъ, утверждаясь на срединѣ, прямо, чело-
вѣколюбіи и справедливости, и пребывая въ покой, по-
становилъ (въ себѣ) совершенство человека».

«Законъ святаго человека составляютъ только чело-
вѣколюбіе, справедливость, средина и прямота. Святой чуждъ
желаній, и потому всегда спокоенъ».

«По сей причинѣ святой человекъ по добродѣтелямъ со-
гласуется съ Небомъ и Землею; солнце и луна соединяют-
ся съ нимъ въ свѣтъ, четыре времени годовыя согласуются
въ своемъ послѣдованіи; духи въ веществѣ и духи осво-
бодившіеся отъ вещества согласуются съ нимъ въ счастіи
и несчастіи.» И при движеніи и въ покой онъ въ совершен-
ной цѣлости сохраняетъ законъ Перваго начала безъ ма-
лѣйшаго ущерба. По сей-то причинѣ не могутъ въ немъ ни
желанія волноваться, ни страсти брать верхъ, ни пользы
се предомъ сражаться. Впрочемъ, покой есть отсутствіе ис-
тинны и подлинности природы. По сей-то причинѣ святой
человекъ сохраняетъ средину, прямоту, чело-вѣколюбіе и
справедливость. Его движеніе и покой всеміруны, и самыя
движенія имѣютъ основаніе въ покой. Сямъ образомъ онъ
утвердился на срединѣ.

«Начальное и истинное суть дѣйствіе истинны, суть дви-
женіе; *полезное и правое суть отсутствіе истинны, суть
покой*. Начальное есть зачало движенія; оно происходитъ
изъ покоя. Правое есть существо покоя; оно продвигается
изъ движенія. Движеніе и покой взаимосообщаютъ другъ за
другомъ безконечно. Сямъ образомъ истина полагаетъ ко-
нецъ бытію существъ и даетъ имъ начало. По сей причинѣ
хотя человекъ не можетъ быть безъ движенія, но постано-
вляющій совершенство человека непременно имѣетъ осно-
ваніемъ *покой* (отсутствіе истинны?). Имѣющій основаніемъ
покой, когда проявляетъ въ движеніи, все у него согласно
съ закономъ, и при томъ величается онъ естественнаго
покой».

«Чувствованія (страсти), еще не открывшіяся, суть при-
рода, и это ихъ состояніе есть *средина*, великій корень».

въ поднебесной. Открывшаяся природа есть чувствованіе (страсть). Сообразность открывшихся чувствованій (страстей) съ срединюю есть гармонія, всеобщій законъ въ поднебесной. Все сіе свойственно небесному порядку. Душа есть таинственное вмѣстительство чувствованій (страстей) природы: и по сей причинѣ достигшіи срединны и согласія, поставившіи великій корень и шествующій по всеобщему закону есть властитель небеснаго порядка. (Это святой человекъ, *шенъ-жинь*.)

Все это указывая философія китайскаго правительства. Въ такомъ же духѣ и точно такимъ же языкомъ разсуждаетъ она о существѣ и обязанностяхъ образцоваго правителя, гражданина и члена семейства. Нельзя не видѣть, что китайскій святой, мудрецъ поднебеснаго государства, человекъ, достигшіи совершенства посредствомъ такихъ умозрительныхъ логогрифовъ, долженъ былъ существовать не выше разговаривающей куклы. Правда, что въ китайскомъ подлинникѣ эти безсмыслицы нѣсколько удобооживить нежелали въ переводѣ, который мы выписали: но, придавъ имъ даже сто на сто ясности и логики, всё же они совершенно въ состояніи сбить съ толку, сдѣлать автоматомъ, превратить въ ребенка, самаго умнаго человека. И действительно, давно замѣчено, что Китаецъ, при всей своей природной смысленности, тѣмъ ограниченнѣе умомъ, чѣмъ онъ ученѣе, чѣмъ совершеннѣе Китаецъ. Если Конфуцій создалъ эту непостижимую чепуху съ расчетомъ, съ намѣреніемъ, чтобы отуманить ею головы слишкомъ многочисленнаго народонаселенія, чтобы лишить его свободнаго употребленія своихъ умственныхъ способностей и опрощенное общество людей превратить такимъ образомъ въ огромное стадо барановъ, безотчетно слѣдующее за звукомъ колокольчика, то онъ былъ самый искусный человекъ въ мірѣ: онъ перепоголялъ даже Магомета въ умѣнъ парализировать разумъ въ зародышѣ. Не приписывая ему такого

тонкаго и дальновиднаго макиавеллизма, нельзя однако жъ не подозревать въ его ученіи и нѣсколько злаго намѣренія. Эта система дураченія людей посредствомъ непонятныхъ отвлеченностей политической философіи существовала еще до него въ Китаѣ : Конфуціи засталъ ее въ полномъ дѣйстви. Будучи самъ министромъ, онъ не могъ не видѣть явственной пользы ея для затѣннія умовъ народа высокопарными бессмыслицами объ его счастьи, и онъ только усилилъ ее, придавъ ей новую форму. Вся послѣдующія правительства, за исключеніемъ одного умнаго государя, который велѣлъ повсюду истреблять книги Конфуціа и его школы, приняли этотъ усовершенствованный способъ насажденія слабоумія въ родъ человеческомъ, окружали его торжественностью въ приложеніи, распространяли съ удивительнымъ раченіемъ. Не возможно предположить, чтобы въ трехъ стахъ милліонахъ человѣкъ, втеченіи двухъ тысячъ четырехъ сотъ лѣтъ, не встрѣчалось множества благомыслящихъ государственныхъ людей, прежде и послѣ Ши-хуанъ-ди, которые были бы въ состояніи примѣтить, что прославленная философія Конфуціа просто мистификація, и что дѣйствіе ея смертоносно для успѣховъ разума : нѣтъ сомнѣнія, что, болѣею частью, китайскія правительства знали и знаютъ, въ чемъ состоитъ ея сила; но въ то же время все они чувствовали, какъ для нихъ полезно это ужасное политическое средство, и все вообще, съ большою ловкостью, употребляли въ дѣло рогатое гасилице, устроенное «святымъ человѣкомъ» для употребленія своего и своихъ преемниковъ. Посмотримъ теперь, какъ разыгрывается эта жестокая комедія.

Учебная или ученая часть занимаетъ главное мѣсто въ правительственной іерархіи Китая. Первая потребность китайской утонченной системы патріархальнаго правленія, и главная цѣль всѣхъ философическихъ

хитросмисленій Конфуція и его школы, состоятъ въ утвржденіи въ семействахъ деспотической родительской власти, на которую могла бы опереться власть «сыновъ Неба». Весь его неразгадаемый положенія, о началъ вещей стремится окончательно къ тому, чтобы вывести власть главы семейства изъ законовъ міроустройства, и внушить дѣтямъ глубочайшее благоговѣніе передъ родителями, слѣпое повиновеніе ихъ воли, суевѣрный страхъ гнѣву ихъ душъ послѣ смерти, и необходимость строжайшихъ трауровъ, безчисленныхъ обрядовъ, жертвъ и другихъ доказательствъ восторженной сыновней любви и преувеличенной горести послѣ ихъ кончины, для исходатайствованія милости ихъ и другихъ предковъ оставшемуся потомству. Ясно, что, для достиженія уже одного этого результата, надобно порядочно задутать понятія людей посредствомъ особенной философической кабалистики. Но, полное, совершенное запутаніе ихъ донятій имѣетъ еще другія выгоды для тѣхъ, которые намѣрены имъ пользоваться; и къ этому-то великому дѣлу направлено все общественное воспитаніе въ Китаѣ. Въ немъ-то собственно состоитъ то, что нашъ авторъ называетъ *китайскимъ народнымъ просвѣщеніемъ*, и что гораздо вѣрнѣе онъ могъ бы назвать *народнымъ затмѣніемъ*, — страшнѣйшее дѣло, какое гдѣ-либо и когда-либо душило за горло умъ человѣческій, — система во сто разъ хуже исламизма, — потому тутъ же приняты строжайшія политическія мѣры, чтобы ни какія другія, новыя, понятія не могли проникнуть въ государство извнѣ и ни что не разоблачало бы отуманенныхъ умовъ.

Вся имперія покрыта сѣткою постепенныхъ училищъ, въ которыхъ единогласно преподають, объясняють, и толкують тѣ умныя вещи, которыхъ только часть мы здѣсь читали. Училища раздѣляются на первоначальныя, второстепенныя и областныя, которыя отендъ да-

князь, следуя своей обманчивой системѣ переименований, называетъ *уездными* и *губернскими*. Каждое училище имѣетъ одного или двухъ наставниковъ, определяемыхъ правительствомъ, но первый учитель — самъ государь; онъ же и верховный экзамигаторъ. «Попечители учебныхъ округовъ» (!), то есть, по-просту, экзамигаторы, безпрерывно посылаемые изъ столицы, пользуются необычайными преимуществами и почестями: когда одинъ такой чиновникъ прѣзжаетъ въ который-нибудь изъ главныхъ городовъ, правитель провинции, иногда равной по народонаселенію, всей Россіи, является къ нему съ рапортомъ и во время экзаменовъ исправляетъ должность сторожа у воротъ училища. Въ главныхъ городахъ есть особенныя зданія для экзаменовъ: въ другихъ устраиваютъ временныя скамьи, въ которые почти весь грамотный народъ приходятъ на экзамень. Въ первоначальныхъ заведеніяхъ обучаютъ только чтенію, письму и официальному разученію, въ которомъ, разумѣется, главную роль играетъ отпочтеніе, первѣйшая добродѣтель въ Китаѣ. Городскія училища, находящіяся во всѣхъ городахъ, имѣютъ уже право признавать первую ученую степень, студента. Въ областныхъ получается вторая степень, кандидатская. Для полученія степени магистра надо отправляться въ столицу. При всѣхъ училищахъ учреждены бursы для воспитанниковъ казенно-дѣльныхъ и сверхштатныхъ; кромѣ-того бываютъ воспитанники прибавочные, или посторонніе: это раздѣле само по себѣ — уже родъ предварительныхъ степеней, потому что воспитанники, еще до полученія своей степени студента, за успѣхи, повышаются экзамигаторами, изъ постороннихъ въ сверхштатные, а изъ сверхштатныхъ въ казеннокоштные, и за нерадѣніе на-оборѣ понижаются. По окончаніи курса и полученіи ка-кого-нибудь степени, они поступаютъ на службу чиновниками, или мандаринами.

До-сихъ-поръ все очень хорошо и похвально: но этигь цль Конфуціевой системы не была бы достигнута; молодые люди, кое-какъ выслушавъ курсъ его рогатой мудрости, выходили бы изъ училищъ со свѣжею головою и со здравымъ смысломъ, а это въ Китаѣ почитается совершенно противнымъ государственному благоустройству. Приняты мѣры, чтобы потушить въ нихъ весь разумъ: кто однажды поступилъ въ учебное заведеніе, тотъ уже закабалилъ себя до гробу Конфуціевымъ догматифамъ и, волею или неволею, долженъ непременно сдѣлаться ученымъ болваномъ. Все обдуманно: самыя лестныя поощренія увлекаютъ націю къ блаженству слабоумія, почерпаемаго въ классическихъ или, какъ отецъ Іакинѣъ называетъ, «священныхъ» книгахъ Конфуція, Мынь-дзы, Джу-дзу и другихъ глубокихъ мыслителей этого разбору. Кромѣ почестей и доходныхъ мѣстъ при жизни, Китаецъ, лишившійся здраваго смыслу отъ этихъ книгъ, если еще притомъ онъ надѣлалъ кучу странностей чтобы выказать свою неукротимую любовь къ покойнымъ родителямъ, можетъ по смерти попасть въ число премудрыхъ мудрыхъ или значащихъ: ему соорудятъ храмъ и будутъ поклоняться съ безконечными церемоніями какъ святому. Но если этого поощренія не достаточно для тупаго самолюбія, то Китаецу, который вздумалъ получить первыя начала воспитанія, уже на всю жизнь нѣтъ возможности отдѣлаться отъ официальной философіи. Ученикъ, не получившій по экзамену степени студента, студентъ не удостоенный, званія кандидата, обязаны до скончанія вѣка, гдѣ и чѣмъ бы ни были, являться каждый годъ на новый экзамень, или оправдывать свое отсутствіе законными причинами, доколѣ не получаютъ слѣдующей степени, то есть, доколѣ начальство не удостоверится, что у нихъ умъ уже совершенно зашелъ за разумъ, что они разеуждаютъ такъ толково, какъ китайскіе мудрецы, которыхъ разсужденія мы видѣли.

Не раньше какъ на семидесятомъ году жизни, освобождаются они отъ этой пытки ума : тогда имъ, какъ совершенно неспособнымъ нести указную философическую околесицу, выдаютъ въ видъ утѣшенія награду платьемъ или жалуютъ почетную ученую степень, и увольняютъ несчастныхъ рабовъ движенія въ покоѣ и покою въ движеніи отъ дальнѣйшихъ экзаменовъ. Многіе удивятся, что Китайцы иногда до глубокой старости не въ состояніи выдержать испытанія, для котораго требуется только написать удовлетворительное разсужденіе на тему, взятую изъ положеній недалекой философіи Конфуція : но вѣдь всѣ эти положенія, которыя мы здѣсь читали, таковы, что отъ каждаго изъ нихъ право можно призадуматься на семьдесятъ лѣтъ, пока въ немъ добьешься до логическаго смысла!

Ученики безъ степени, и студенты, которыхъ въ Китаѣ несмѣтное множество, ежегодно препровождаются отсюда въ свои областные города, куда пріѣзжаетъ и экзаминаторъ для произведенія имъ испытанія. Правитель области первый является къ нему съ рапортомъ, въ которомъ означено : кто будетъ приставомъ у воротъ экзаминальнаго двора (этимъ приставомъ бываетъ онъ самъ); 2. служба подчиненныхъ ему чиновниковъ; 3. служба чиновниковъ по учебной части; 4. храмы и могилы премудрыхъ, мудрыхъ и знаменитыхъ людей области, которымъ поклоняются въ настоящее время; 5. имена отпочтительныхъ, утвердившихся на срединѣ, и сохранившихъ цѣломудріе; 6. имена ученыхъ, не желающихъ выказывать своей мудрости и своихъ добродѣтелей, съ показаніемъ тѣхъ лицъ, которыя объ нихъ представляли; 7. число всѣхъ учебныхъ заведеній, начиная съ деревенскихъ; 8. количество земель, принадлежащихъ этимъ заведеніямъ, и доходовъ, которые съ нихъ собираются; 9. имена студентовъ, подвергающихся испытанію. При рапортѣ правитель представ-

ляетъ еще карту провинціи, описаніе этой карты, описаніе всѣхъ каменныхъ памятниковъ съ надписями, и книги, изданныя уроженцами области. Начинаясь испытыванія, сопровождаемыя бездною мелочныхъ предосторожностей и странныхъ церемоній, для приданія государственной важности столь простому педагогическому дѣйствию. Являющіеся къ экзамену должны представить множество свидѣтельствъ и поручительствъ въ томъ, что они отцелюбивые и примѣрные сыновья что строго исполнили всѣ обряды продолжительнаго и тягостнаго траура по родителямъ, что въ эту минуту не подлежатъ трауру, что родители ихъ не рабы, не полицейскіе шпіоны или труносвидѣтели, не оружейные мастера, не актеры или музыканты, что они являются не подъ чужимъ именемъ, не состоятъ подъ судомъ, не уличены въ дурномъ поведеніи, и такъ далѣе. При малѣйшей неправильности въ которомъ-нибудь изъ этихъ отношеній, и сами они и поручители подвергаются суду. Такой же ответственности должны они страшиться за всякое нарушеніе безконечныхъ обрядовъ, соблюдаемыхъ при испытаніи. Ихъ обязываютъ, чтобы удостовѣриться, нѣтъ ли съ ними приготовленныхъ сочиненій, выдаютъ имъ тетради чистой бумаги, предписанной величины и формы, скрѣпленные печатями и содержащія въ себѣ двѣ темы, одну изъ классическихъ книгъ, для испытательнаго разсужденія, другую для стиховъ; потомъ усаживаютъ ихъ по мѣстамъ, на которыхъ должны они работать, не трогаясь и не оглядываясь; запираютъ ихъ, и *зачекаиваютъ*. Правитель области становится у дверей зданія, окруженнаго войскомъ. Ни онъ, ни кто-либо, желая представить о чемъ-нибудь экзаминатору, не можетъ говорить съ нимъ на-единѣ, но долженъ объясняться въ присутствіи всѣхъ. Экзаминатора, во все время своего пребыванія въ городѣ, не въ правѣ принимать ни какихъ писемъ ни визитовъ. Разсужденія и стихи, напи-

самыя соискателями степеней, по нѣскольکو разъ запечатываются, распечатываются, разсматриваются, разбираются по разрядамъ сообразно съ своимъ внутреннимъ достоинствомъ. Наконецъ соискатели получаютъ награды, которыхъ удостоилъ ихъ экзаминаторъ, и одну изъ двухъ низшихъ ученыхъ степеней. Степени эти раздѣляются еще на безчисленные разряды, и при полученіи ихъ, конца нѣтъ церемоніямъ.

Зачто же эти люди получаютъ степени и награды? Ровно ни зачто, развѣ только за то, что запрягли свой умъ въ тяжелую колесницу нѣсколькихъ отвлеченныхъ безмыслицъ, которую всю жизнь будутъ они тащить въ данномъ направленіи и въ глубокомъ мракъ, не находя возможности, ни выйти изъ старинной колеи, ни сверотить съ темной дороги на свѣтлое пространство. Они ничего не знаютъ; они не приобрѣли ни одного положительнаго свѣдѣнія во все время своего ученія, не получили ни одного луча свѣту, который могъ бы хоть со-временемъ раскрыть ихъ понятія. Первые награды и первые степени принадлежатъ тѣмъ, которые въ училищахъ убили свой умъ изученіемъ наизусть всего текста классическихъ книгъ, темнаго, загадочнаго и болѣею частью рѣшительно безмысленнаго. Въ этихъ училищахъ преподаютъ имъ только китайскую философію и нѣсколько отечественной исторіи: главное вниманіе обращено на то, чтобы истребить въ нихъ всякое разсужденіе и запутать умъ ихъ въ сѣть восторженныхъ понятій и суевѣрныхъ обрядовъ, способствующихъ къ сохраненію и усиленію власти главъ семействъ, какъ основанія патріархальнаго правленія. Забота объ этомъ дѣлѣ не ограничивается стѣнами учебныхъ заведеній: учителя каждый годъ объезжаютъ деревни, собираютъ простой народъ и толкуютъ ему тайны нравственности и счастья, основанныхъ на возвышенномъ отцепочитаніи. Главамъ многочисленныхъ семействъ, которые до глу-

бокой старости искусно управляли ими и никогда не допускали детей своих выйти изъ слѣпаго повиновенія, сыновьяхъ, которые отличились семейнымъ рабствомъ, ставятъ триумфальные ворота и памятники. Все направлено къ этой великой цѣли; ей пожертвовано всѣмъ въ этомъ маккиавелическомъ образованіи, благодаря которому Китай—страна самыхъ преданныхъ сыновей и самыхъ дурныхъ отцовъ. Отцы естественнымъ образомъ усердно поддерживаютъ систему, и составляютъ надежнѣйшую опору для богдоханскаго правительства. Если Китай неподвиженъ, то онъ неподвиженъ именно по милости своей системы воспитанія или, какъ авторъ называетъ, *просвѣщенія*: это Пеліонъ и Осса, взваленныя на грудь гиганта, подъ которыми онъ не можетъ пошевелиться. Народное образованіе въ Китаѣ неподвижно, и потому онъ вѣчно стоитъ на одной и той же умственной точкѣ; а въ неподвижности этого образованія правители поднебесные находятъ большія свои выгоды, и они смотрятъ за ней неусыпно: отцы имъ помогаютъ; и въ этомъ безмолвномъ заговорѣ отцовъ съ правителями противъ дѣтей, соображеніи, если угодно, истинно гениальномъ, заключается главная тайна той неизмѣнности нравственнаго и политическаго виду, какой являетъ Китай втеченіи тысячелѣтій, при всей своей колоссальности, при всемъ невообразимомъ многолюдствѣ.

Чтобы получить достаточное понятіе о необыкновенной важности, придаваемой китайскимъ правительствомъ статьѣ воспитанія народа въ понятіяхъ столь выгодной для себя Конфуціевой философіи, надобно посмотрѣть государственную торжественность испытаній для полученія третьей ученой степени. Черезъ годъ послѣ испытанія въ главномъ городѣ провинціи, всѣ кандидаты слѣдуютъ въ столицу для полученія званія *гунъ-ши*, или *дзинъ-ши*, то есть, магистра. Правитель-

ство отпускаетъ имъ деньги на прозѣдъ. Особенности экзаминаторы назначаются для этого испытанія. Самъ государь избираетъ ихъ изъ своихъ министровъ, председателей правительственныхъ палатъ и другихъ сановниковъ, которые вышли изъ магистровъ. Сотрудниками ихъ бываютъ чиновники, посланные въ предъидущемъ году экзаминаторами въ провинціи. Для просмотра задачъ также назначаются первые государственные чиновники. Разныя правительственныя палаты присылаютъ сюда же каждая по два своихъ члена. Начальниками осмотра тетрадей и обьиску кандидатовъ при вступленіи въ залы бываютъ приближенные князья. Для снятія копій съ задачъ отряжаютъ семь сотъ писцовъ изъ разныхъ приказовъ. Четыре члена изъ палаты церемоній вводятъ кандидатовъ на роковое испытаніе. Батеша ставитъ столъ съ предложеніемъ для задачъ. Осемь чиновниковъ раздаютъ бумагу съ предложеніемъ. Тетрадь этой бумаги стоитъ почти тринадцать лановъ серебра; въ длину имѣетъ она одинъ футъ, въ ширину четыре дюйма. Въ первые два входа дается одна тетрадь въ семь бѣлыхъ листовъ для черноваго сочиненія. Въ началѣ и въ концѣ поставлено по красной буквѣ, для избѣжанія подлогу. Другая тетрадь имѣетъ четырнадцать листовъ, съ красною клѣтчатою графировкою, для переписки набѣло. На каждомъ листѣ двѣнадцать строкъ, по шести на страницѣ; въ каждой строкѣ двадцать пять клѣточекъ для двадцати пяти буквъ. На концѣ тетради печатъ чиновника выдавашаго бумагу. На первой страницѣ бѣловой тетради означаютъ губернію, прозваніе съ именемъ, возрастъ и родину. Когда принесутъ бумагу въ экзаминальный дворъ, то смотрители прикладываютъ къ ней еще свои печати. Для одѣянія кандидатовъ во время испытанія есть положеніе. Шапочка валяная, однорядная, кафтанъ, курма и платье исподнее безподкладныя, чулки валяные однорядные, башмаки съ тонкими подошвами, вмѣсто тюфяка войлокъ съ тонкимъ

подкладомъ, чернильная плѣтка тоненькая, трубочка съ кистью просверленная, подсвѣчникъ изъ оловяннаго листа съ пустыннѣмъ стволонъ. Хлѣбъ и прочее съѣстное должно быть изрѣзано въ кусочки; дровяной уголь длиною въ два дюйма; корзинка съ вещами изъ бамбуковыхъ или таловыхъ прутьевъ, рѣшетчатая. Зданіе состоитъ изъ многихъ отдѣленій съ комнатами и эти отдѣленія означены буквами изъ *Вельможы-вынь*, или *Гвѣсичебуквія*, исключая буквъ *Небо*, *Государь*, *Императорь*, *Мынь-цзы*, числительныхъ знаковъ, и буквы *Хуанъ* (августѣйшій). Подъ каждою буквою сто номеровъ. Бумага для сочиненій и переписки задачъ раздается по номерамъ. Въ отвѣтахъ на программы дозволяется прибавлять и поправлять; но въ концѣ тетради должно означить, сколько буквъ прибавлено или исправлено. Черновыя и бѣловыя тетради выдаются вмѣстѣ. Прозваніе и имя сочинителя на бѣловыхъ заклеивается бумажкою въ особенной комнатѣ. Фирма на обѣихъ тетрадяхъ ставится одинаковая. Съ черновыхъ снимаютъ копіи, въ которыя не вносятъ только прибавленныхъ и поправленныхъ буквъ. Эти копіи поступаютъ на разсмотрѣніе экзаминаторовъ и ихъ помощниковъ.

Разсматриваніе задачъ производится въ отдельной залѣ и вносить ихъ въ свои комнаты не дозволяется. Писцамъ, назначеннымъ для переписки задачъ не позволается отлучаться до окончанія экзаменовъ, чтобы отнять все способы къ развѣдыванію и порученіямъ. Отрядъ гвардіи содержитъ караулы за всеми воротами, чтобы ни одно извѣстіе не могло выйти изъ внутренности. Вельможи, назначенные для просмотра задачъ, надзиратели и другіе чиновники, должны ночевать въ двухъ флигеляхъ тронной *Вынь-хуа-дэнъ*, съ запертыми воротами. Испытаніе состоитъ изъ трехъ входовъ; или пріемовъ. Въ первый входъ задаютъ три предложенія изъ *Четырехъ книгъ* и одно для стиховъ; во вто-

рой — пять рассужденій на предложенія изъ пяти классическихъ книгъ; въ третій входъ пять программъ китайской политики. Для перваго входа самъ государь назначаетъ всѣ три хри и одинъ сюжетъ для стиховъ. Эти задачи получаетъ отъ него членъ палаты церемоній, и относитъ въ экзаминальный дворъ, гдѣ главный смотритель передаетъ ихъ во внутренность; ключъ отъ ларчика съ предложеніями присылается отдѣльно изъ кабинета государева. Предложенія для втораго и третьяго входовъ избираются экзаминаторами. По окончаніи испытанія, палата церемоній препровождаетъ докладъ въ кабинетъ для представленія государю. Для дополнительнаго испытанія она испрашиваетъ еще одно предложеніе изъ Четырехкнижія и одно стихотвореніе. За день передъ этимъ дополнительнымъ дворовымъ испытаніемъ, чтецъ задачъ тайно представляетъ государю программу на утвержденіе, и, по утвержденіи относитъ куда слѣдуетъ для напечатанія. Въ день новаго испытанія онъ и прочіе чиновники въ церемониальномъ одѣяніи являются у тронной *Бао-хо-дзянь*, и становятся по обѣимъ сторонамъ Краснаго Крыльца (сходъ изъ тронной). Чиновникъ кабинета въ церемониальномъ одѣяніи кладетъ предложеніе въ тронной на столъ, стоящій на восточной сторонѣ. Когда чиновники и всѣ представленные ими кандидаты совершатъ обрядъ поклоненія, членъ палаты церемоній раздаетъ программу.

По окончаніи дополнительнаго испытанія представляютъ государю десять первыхъ, отличнѣйшихъ магистровъ. Послѣ-того чтецъ задачъ является съ тетрадами въ комитетъ красныхъ докладовъ, и записываетъ тамъ этихъ десять человекъ изъ перваго разряда. Потомъ идетъ въ другой государственный приказъ, и записываетъ тамъ прозванія и имена остальныхъ по порядку магистровъ. Этотъ реестръ, предназначенный къ объявленію, онъ отдаетъ двѣнадцати письмоводителямъ, для

перенски его на маньджурскомъ и китайскомъ языкахъ. Государственный дьякъ, взявъ это объявленіе, приходитъ къ воротамъ Цянъ-цинъ-мынь получить императорскую печать для приложенія къ бумагѣ. Въ назначенный часъ государь входитъ въ тронную *Тхай-хо-дань*, гдѣ объявленіе въ его присутствіи утверждается царскою печатію. По окончаніи церемоніи, которая безконечна, чиновникъ, назначенный нести объявленіе, беретъ его и приноситъ къ воротамъ Ву-мынь, гдѣ съ коленнопреклоненіемъ кладетъ объявленіе въ носилки и дѣлаетъ ему три поклона. Служители придворной экипажной, съ музыкою, царскимъ кортежемъ и девятью батеша, выносятъ объявленіе за ворота Чанъ-ань-мынь и выставляютъ на городской стѣнѣ. Первый магистръ, со всеми прочими магистрами, приходитъ посмотреть объявленіе, которое по прошествіи трехъ дней относятъ въ государственный приказъ для храненія. За воротами Да-ченъ-мынь ставятъ каменный памятникъ съ поименованіемъ всѣхъ новыхъ магистровъ по разрядамъ.

Какъ-скоро новые магистры выйдутъ изъ дворца за ворота Чанъ-ань-мынь, главноуправляющій, областной правитель и помощникъ его приглашаютъ магистровъ въ балаганъ, нарочно устроенный при тѣхъ же воротахъ. Послѣ взаимнаго привѣтствія, три первые магистра изъ перваго разряду надѣваютъ приготовленное почетное одѣяніе. Главноуправляющій, областной правитель и его помощникъ трижды подносятъ имъ вино, которое и сами пьютъ съ ними, стоя. Тутъ опять взаимныя привѣтствія, всѣ садятся на лошадей, и съ музыкою впереди пріѣзжаютъ въ областное правленіе. Первый магистръ съ товарищами всходитъ по западному сходу, а главноуправляющій, правитель и помощникъ по восточному, и на крыльцѣ передъ столомъ съ куреніями совершаютъ обрядъ поклоненія, а по вступленіи въ залу привѣтствуютъ другъ друга *легкимъ*

наклоненіемъ головы. Главноуправляющій, правитель и помощникъ, потчивая магистровъ виномъ, двукратно имъ кланяются; магистры тѣмъ же отвѣчаютъ, и потомъ, взаимно ихъ потчивая, также кланяются двукратно, на что имъ тѣмъ же отвѣтствуютъ. Начинается угощеніе. По окончаніи пира совершаютъ обрядъ поклоненія передъ столомъ съ куреніями. Наконецъ главноуправляющій, правитель и помощникъ, переодѣвшись въ обыкновенное платье съ нашивками, провожаютъ перваго магистра до его квартиры.

На другой день новые магистры входятъ въ храмъ Конфуція, выстраиваются въ ряды, и по голосу церемоніймейстера совершаютъ передъ таблицею съ титуломъ государя троекратное коленнопреклоненіе съ девятью земными поклонами. Далѣе, три первые магистра перваго разряда совершаютъ обрядъ предложенія, первый магистръ передъ таблицею Конфуція и равноумудрыхъ ему мыслителей, второй передъ таблицами мудрецовъ на восточной, третій передъ таблицами мудрецовъ на западной сторонѣ. Въ то же время первый магистръ втораго разряда совершаетъ предложеніе въ восточномъ, а первый магистръ третьяго разряда въ западномъ флигель. Прочіе магистры исполняютъ тотъ же обрядъ, стоя въ рядахъ. По окончаніи, ведутъ магистровъ къ храмовой кладовой снять шерстяное одѣяніе. Отсюда магистры идутъ въ педагогическій институтъ и на площади передъ заломъ дѣлаютъ привѣтствіе наклоненіемъ головы, которое ректоры и инспекторы института принимаютъ сидя. Послѣ-того первыхъ трехъ магистровъ перваго разряда вводятъ въ залу собранія, ректоры и инспекторы встаютъ на ноги передъ ними, служители подносятъ магистрамъ вино. Послѣ трехъ кубковъ магистры выходятъ, а ректоры и инспекторы провожаютъ ихъ до дверей. Такимъ же образомъ угощаютъ и прочихъ магистровъ, стоящихъ на дворѣ.

Читатель вѣроятно утомленъ до усталости этою комедіей. Нѣтъ сомнѣнія, что она прескучна; но весьма замѣчательна по эффекту, который производитъ она въ народъ. Иные, и даже самъ нашъ авторъ, могутъ подумать, что все это дѣлается добродушно, безъ намѣренія, по уваженію къ наукѣ, по пристрастію къ стариннымъ обычаямъ. Какъ бы не такъ! Въ Китаѣ давно уже совершился важный нравственный переворотъ, который, безъ искусныхъ мѣръ, принятыхъ благовременно, придалъ бы совсѣмъ другой видъ понятіямъ, народу и государству: новая религія, созерцательная и чисто духовная, хотя и ложная, быстро распространилась по всей имперіи. Мы говоримъ о буддизмѣ, или вѣрѣ Фо. Самъ повелитель Китая, со всѣмъ своимъ семействомъ, тайно исповѣдуетъ эту вѣру. Между-тѣмъ, онъ, всѣ члены его дому, все правительство, всѣ его чиновники, все народное образованіе, публично, слѣдуютъ философіи Конфуція, которая однако жъ — чистѣйшій материализмъ! Напрасно ученый авторъ, стараясь подводить все китайское подъ наши названія, возлѣ слова «Небо» ставитъ въ скобкахъ (Богъ). Конфуцій не имѣлъ понятія о Богѣ: его «небо» его «первое начало», и «природа» — совершенно матеріальныя дѣтели, и даже его «духи» не что иное какъ «чистѣйшее изъ чистѣйшаго вещество», *физическія силы* матерін. Какимъ же образомъ правители Китая, исповѣдуя со всѣмъ народомъ духовную религію Фо, жертвуютъ своимъ убѣжденіемъ, чтобы официально поддерживать другую вѣру или философію, и притомъ материализмъ? Это странное явленіе объясняется именно тѣмъ, что они чувствуютъ и видятъ всю пользу Конфуціевой философіи для своего владычества и страдаютъ того дня, когда умы начнутъ выходить изъ клещей ученія великаго мудреца, сдвинутыхъ разумъ ограниченными понятіями и хаотическими мелочными обрядами. Снимите съ Китая желѣзные оковы этого ученія: онъ распадется на части. Вся ре-

диги терпимы въ Китаѣ, исключая одного христіанства. Почему это? Да потому что христіанская религія, свѣтѣйшій даръ Неба, сильно способствуетъ къ развитію ума, тоже великаго дару небеснаго. Прельщенные познаніями и скромною любезностью езуитовъ, одинъ или два богдохана съдѣлали ошибку: новыя вѣрованія, новыя идеи быстро начали проникать въ общество. Опасность скоро примѣтили. Съ буддизмомъ можно было заключить сдѣлку: Будду приняли въ число древнихъ мудрецовъ, дали ему второе мѣсто послѣ Конфуція: Буддѣ можно было поклоняться какъ одному изъ «святыхъ», и двѣ системы кое-какъ пошли рядомъ. Но Евангеліе совершенно опрокидывало все затѣливое зданіе великаго учителя. Свѣтъ вторгнулся въ эту пропасть вѣчнаго мраку. Наслѣдники этихъ государей тотчасъ спохватились, и къ жестокимъ гоненіямъ на христіанъ присоединили разрывъ всякаго сообщенія своихъ подданныхъ съ иностранцами. Эти мѣры явственно показываютъ, что китайскіе правители знаютъ свое дѣло и не такъ добродушны, какъ кажется инымъ наблюдателямъ. Да и странно предполагать добродушіе въ хитрѣйшемъ народѣ на земномъ шарѣ! Что касается до «нравственности китайскаго правительства», о которой мы по временамъ встрѣчаемъ рѣчь въ книгѣ почтеннѣйшаго отца Лакмёа, то можно удивиться, какъ ему пришло въ голову примѣнить слово «нравственность» къ самому коварному правительству изъ всѣхъ азіатскихъ, къ знаменитому сословію мандариновъ, отъявленныхъ комедіантовъ или хонмцевъ! Въ одномъ мѣстѣ, послѣ упоминанія о «нравственности» китайскихъ правителей, онъ говоритъ: «Нынѣ сія часть (часть взятокъ) приведена въ такую извѣстность, что находятся подробныя расписанія, сколько каждое должностное мѣсто приноситъ положительнаго дохода въ годъ (изъ взятокъ), и по сему расписанію положено, сколько получившій мѣсто долженъ предварительно (за свое назначеніе) запла-

тить служащимъ въ палатѣ чиновъ. Въ Пекинѣ есть страховыя общества, которыя новоопредѣленныхъ чиновниковъ снабжаютъ для сего деньгами. Нынѣшній государь, при вступленіи на престолъ, указалъ всѣмъ чиновникамъ имперіи представлять себѣ о недостаткахъ и злоупотребленіяхъ въ правленіи и о средствахъ исправить оныя. Одинъ изъ стряпчихъ, исчисляя злоупотребленія, между прочимъ пишетъ: «Чиновники «корпуса (!) путей водянаго сообщенія при работахъ «по Желтой Рѣкѣ поступаютъ добросовѣстные другіе». Они изъ суммъ, отпускаемыхъ на производство «работъ берутъ себѣ только $\frac{6}{10}$, а при прочихъ казенныхъ работахъ вообще берутъ себѣ $\frac{7}{10}$. Что касается «до средствъ къ прекращенію сихъ злоупотребленій, «то трудно что-нибудь придумать.» Такимъ же образомъ, съ своей стороны, поступаетъ и правительство: оно производитъ чиновникамъ достаточное жалованье, изъ котораго они обязаны содержать свои канцеляріи со множествомъ писарей и сторожей.» Хотя нашъ ученый синологъ вообще пишетъ въ стилѣ Конфуція и Джу-дзы, и послѣдній періодъ такъ мало вяжется съ предъидущимъ, что мы даже и не беремся разгадывать таинственнаго смыслу его словъ, однако жъ, изъ предъидущаго, соображая эти $\frac{6}{10}$ и $\frac{7}{10}$, очень ясно выводится, что самые добросовѣстные члены восхваляемаго за свою нравственность правительства, когда имъ отпустить десять тыщъ рублей на общественныя надобности, крадутъ изъ нихъ только шесть тыщъ на Желтой Рѣкѣ, а на всѣхъ другихъ рѣкахъ и рѣчкахъ только семь тыщъ. Надобно поэтому полагать, что недобросовѣстные, изъ десяти тыщъ рублей отпущенныхъ денегъ, крадутъ по-крайней-мѣрѣ двадцать тыщъ!

Къ наивному замѣчанію поднебеснаго стряпчаго объ умврennomъ обыкновеніи самыхъ добросовѣстныхъ ки-

тайскихъ чиновниковъ брать себѣ только $\frac{6}{10}$ и $\frac{7}{10}$ изъ суммъ, ввѣряемыхъ имъ правительствомъ, присовокупимъ еще замѣчаніе автора о мошенничествѣ и подлогахъ въ присутственныхъ мѣстахъ. «Симъ занимаются, говоритъ онъ, жители области Шау-синъ-фу, которые служатъ письмоводителями въ присутственныхъ мѣстахъ, и стряпчими по дѣламъ, во всей имперіи, и на выдумки подлоговъ и обмановъ *отъ природы* имѣютъ большую склонность и способность.» Авторъ, кажется, хочетъ обвинить въ томъ бѣдствіи, не китайскія высшія начальства, а природу, которая дала жителямъ Шау-синъ-фу способность къ мошенничеству и склонность быть повсюду письмоводителями: насколько же, послѣ этого, остается на долю «нравственности» правительства, котораго всѣ чиновники — воры и лихоимцы, и всѣ секретари — плуты и обманщики? Авторъ утверждаетъ, будто всѣ эти маленькіе недостатки китайскаго правительства съ избыткомъ вознаграждаются *отличнымъ исполненіемъ законовъ*. Но мы знаемъ, что взятки изобрѣтены, именно для того чтобы законы не исполнялись или исполнялись только въ своихъ наружныхъ формахъ! Все это, право—вещи несогласимыя! И не странно ли слышать объ отличномъ исполненіи законовъ въ Китаѣ въ то самое время, какъ несчастная привычка поднебесныхъ мандариновъ продавать свои законы подала поводъ къ войнѣ между сыномъ неба и англійскою королевою и Кантонъ платить огромныя контрибуціи за прегрѣшенія своихъ правителей!

Мы чрезвычайно уважаемъ глубокія познанія нашего знаменитаго синолога въ китайскомъ языкѣ и его литературѣ, и знаемъ всю цѣну его полезнымъ трудамъ, изданнымъ по этой части, но его даръ наблюдательности надъ обществомъ всегда намъ казался сомнительнымъ. Чтобы судить о нравственной и политиче-

ской сторонахъ народа, о полезномъ или вредномъ дѣйствіи его учрежденій, объ относительномъ ихъ достоинствѣ, надобно всегда имѣть въ виду множество точекъ сравненія, и, главное, не должно обманывать себя произвольными переименованіями предметовъ, называя азіятскія вещи европейскими терминами: это — вѣрнѣйшее средство поставить все въ ложномъ свѣтѣ и, вмѣсто настоящаго виду, дать маскарадъ истины. Когда авторъ говоритъ о китайскихъ *министерствахъ, государственныхъ кабинетахъ, герольдіяхъ, казенныхъ и прокурорскихъ палатахъ*, и такъ далѣе, мы рѣшительно не понимаемъ, что это значитъ и какое внутреннее сходство видитъ онъ между этими приказами китайскаго патріархальнаго правленія и сомненными учреждениями правильныхъ, просвѣщенныхъ правительствъ Европы. Слѣдуя этой обманчивой методѣ, онъ и китайское общественное образованіе, какъ мы видѣли, прозвалъ *народнымъ просвѣщеніемъ*, потому что соответствующая часть управленія такъ именуется въ Европѣ. Въ Россіи, напримѣръ, гдѣ просвѣщенное правительство съ самымъ благороднымъ рвеніемъ употребляетъ всѣ свои усилія чтобы просвѣщать народъ, распространяя положительныя и полезныя свѣдѣнія, развивая понятія, устремляя умы ко всякаго роду успѣхамъ, эта часть по-справедливости называется народнымъ просвѣщеніемъ: но въ Азій и, особенно, въ Китаѣ, правительства не просвѣщаютъ: напротивъ, враги всякаго свѣту, они дѣйствуютъ въ пользу полнаго затмѣнія. Философія Конфуція, которую авторъ гдѣ-то называетъ «порывами *глубокомыслія*», и которая, за исключеніемъ не многого истинно хорошаго, представляетъ просто наборъ высокопарныхъ бессмыслицъ, эта философія и выдумана съ цѣлію устранить навсегда изъ Китая просвѣщеніе, воспрепятствовать всѣмъ умственнымъ успѣхамъ, сдѣлать умъ крѣпкимъ старинъ, и съ тою же цѣлію поддерживается она донынѣ.

Конфуцій не питаєть надежды на будущее, не предвидитъ для человѣчества ничего лучшаго со-временемъ, не толкаетъ ума впередъ, къ изысканію, къ открытіямъ, къ успѣху, подобно Платону или Бекону, но всѣми силами тащитъ его назадъ, ко мраку былаго, старается возбудить восторженное благоговѣніе передъ минувшимъ, и общаєть счастье не иначе какъ съ условіемъ достигнуть великой мудрости и идеальнаго совершенства предковъ. То, что мы называемъ «просвѣщеніемъ», кажется, сообщаетъ душѣ діаметрально противоположное направленіе.

Разсматривая картину «Китая, его жителей, нравовъ, обычаевъ и просвѣщенія», написанную отцомъ Іакинѳомъ по карманной книжкѣ для церемоніймейстеровъ и придворнымъ пеккинскимъ альманахамъ, читатель воображаетъ видѣть передъ собою обѣтованную землю гражданскаго благоденствія, совершеннѣйшее правительство и счастливѣйшій народъ на лицѣ земли. Пристрастіе нашего синолога ко всему китайскому, конечно, основывается на весьма благородныхъ побужденіяхъ, и свойственнаго ученымъ увлеченія своимъ спеціальнымъ предметомъ, и дружбы къ народу, среди котораго провелъ онъ лучшія лѣта своей жизни, пользуясь его гостепріимствомъ и уваженіемъ. Но когда писатель, желающій познакомить насъ съ этимъ народомъ въ самую занимательную минуту современныхъ событій, почерпаетъ въ такихъ чувствахъ весь тонъ и колоритъ своей картины, то онъ дѣйствуетъ вопреки потребностямъ и пользамъ своихъ читателей и навлекаетъ на себя подозрѣніе въ поверхностномъ и одностороннемъ наблюденіи. Никто лучше нашего знаменитаго синолога не знаетъ китайскихъ церемоній, придворныхъ, правительственныхъ и семейныхъ : доказательство—эта книга, которая исполнена самыхъ мелкихъ и точныхъ подробностей въ этомъ отношеніи; но нельзя же не дѣлать различія между церемоніаломъ

и нравственнымъ или политическимъ значеніемъ дѣйствій, которыя имъ сопровождаютъ, и сжѣшивать наружныя формы учрежденій съ внутреннимъ достоинствомъ ихъ въ отношеніи къ челоуѣчеству и его потребностямъ. Отнюдь не за то возстаемъ мы противъ этого любопытнаго сочиненія, что авторъ его удивляется китайщинъ : мы только не одобряемъ въ немъ склонности удивляться не тому именно, что дѣйствительно заслуживаетъ удивленія при правильномъ ея разборѣ. Философіи Конфуція и его школы мы никогда не назовемъ «глубокомыслиемъ»; гасильной системы китайскаго народнаго образованія не удостоимъ имени народнаго просвѣщенія; о нравственности поднебеснаго правительства, перещеголявшаго всѣ прочія азіатскія въ утонченномъ маккиавелизмѣ подъ наружностью патріархальнаго добродушія и дѣйствующаго на умы посредствомъ явнаго шарлатанства, мы и не желали бы заводить рѣчи, если бы авторъ не принудилъ насъ къ этому. Но справедливость требуетъ сказать, что и философія Конфуція, и китайское народное образованіе, и самъ образованный по немъ Китаецъ, и даже усовершенствованное премудрыми патріархальное правительство ихъ отечества, имѣють многія весьма хорошія стороны, которымъ мы охотно удивляемся со всѣми хорошими наблюдателями Китая. Эта необыкновенная важность, которую Конфуцій приписалъ безчисленнымъ обрядамъ и церемоніямъ, эта строгая дисциплина принятыхъ однажды навсегда обыкновеній, подъ которую подвелъ онъ жизнь частную, семейную и общественную, довели умъ и понятія Китайцевъ до послѣдней степени измельченія, но въ то же время придала имъ любовь къ порядку, къ благочинію, къ изяществу, и самая мелочность ума не была имъ бесполезною въ вещественномъ отношеніи : изъ ней-то образовались тотъ педантизмъ, та точность и аккуратность, которыя такъ необходимы для успѣховъ въ ремеслахъ и

искусствахъ и такъ похожи, въ результатъ, на гомогенность. Оба эти качества, при одинаковомъ образованіи, естественно сообщались равно и народу и его правителямъ. Въ народъ они произвели трудолюбіе, дѣятельность духъ промышленности, и ту неподражаемую ловкость, которая дѣлаетъ Китайца превосходнѣйшимъ ремесленникомъ и фабрикантомъ въ мірѣ. Въ правителяхъ они послужили къ развитію народныхъ средствъ въ бѣльшемъ видѣ и къ водворенію по-крайней-мѣрѣ того государственнаго благоустройства, какое можетъ быть достигнуто одною любовью къ порядку и аккуратности, безъ глубокихъ соображеній ума и безъ помощи наукъ. Дѣйствуя совокупно, снизу и сверху, эти два качества произвели чудеса: имперія покрыта величественными каналами, хорошими дорогами, монументальными мостами, сверлеными колодцами; внутренняя торговля кипитъ на всемъ пространствѣ; промышленность производитъ отличныя издѣлія и въ огромномъ количествѣ; земледѣліе доведено до совершенства; всякой клочокъ земли превосходно обработанъ и оживленъ цвѣтущимъ селеніемъ или многолюднымъ городомъ; безчисленные рынки соединены удобными путями сообщенія; во многихъ точкахъ государства накоплены значительныя богатства; каждый чинно и трудолюбиво занимается своимъ дѣломъ, и довольство въ народѣ разлито столь ровно, сколько это возможно при чрезмѣрномъ народонаселеніи. Съ помощію гениввія изобрѣтены даже разные механическіе способы, которые хорошо замѣняютъ великіе открытія Запада. Словомъ, это—образованный народъ, при всемъ своемъ невѣжествѣ, при всей ограниченности понятій, и благоустроенное государство, при всѣхъ *страховыхъ обществахъ*, для взятокъ, при продажности чиновниковъ, служебномъ грабительствѣ, произволѣ въ исполненіи законовъ, и отсутствіи правосудія. Внимательно разсматриваемый въ своихъ учрежденіяхъ и въ естественномъ ихъ дѣйствіи на характеръ, умъ и духъ народа, Китай

ни кому собственно не можетъ быть «загадочнымъ явленіемъ въ политическомъ мірѣ» (стр. 113) : въ политическомъ мірѣ нѣтъ загадокъ ; есть только неизбежныя слѣдствія причинъ , а писатель , потому именно что онъ писатель , долженъ умѣть ихъ отыскивать , проникнувъ испытующимъ взоромъ подъ кажущуюся наружность , которая , не въ одномъ Китаѣ , но вездѣ , съ перваго взгляду представляетъ что-то непонятное (стр. 114).

Авторъ видитъ , что мы отдаемъ похвалу всему похвальному въ Китаѣ , хотя смотримъ на него совсѣмъ съ другой точки и безъ всякаго китаелюбія . Скажемъ болѣе : если настоящая «образованность» есть полное рациональное владычество надъ самимъ собою и надъ своими страстями , то Китаецъ безспорно—человѣкъ гораздо образованнѣе Европейца ; и это также — одно изъ хорошихъ послѣдствій Конфуціевыхъ учреждений . «Китаецъ , хорошо сказалъ Моррисонъ , будетъ еще разсуждать спокойно тамъ , гдѣ Англичанинъ употребитъ въ дѣло кулаки , а Италіянецъ насквозь проколетъ книжаломъ» . Честь и слава Китайцу ! Стыдъ и срамъ Европейцу , который называетъ себя самымъ просвѣщеннымъ и самымъ образованнымъ человѣкомъ во всемъ человѣчествѣ ! Онъ — дикарь подлѣ чиннаго сына Поднебесья ! Но доведеніе человѣка до такой уточенной образованности весьма предосудительно для его нравственности . Мы вовсе не должны завидовать этому преимуществу Китайцевъ . Оно уже — порокъ . Такое владычество надъ собою тѣсно граничитъ съ лицемерствомъ , скрытностью , коварствомъ , низостью , мстительностью ; и самъ нашъ авторъ сознается , что эти пороки—господствующіе въ китайскомъ характерѣ . Это опять дурныя , очень дурныя , послѣдствія тѣхъ же Конфуціевыхъ учреждений . Для человѣка гораздо полезнѣе оставаться немножко дикаремъ : бурный , пылкій Европейецъ чрезвычайно много выигрываетъ передъ Китай-

цемъ въ томъ отношеніи , что пылкость души обыкновенно знаменуетъ ея благородство.

Имѣла ли патріархальная система правленія, составляющая отличительную черту китайскаго политическаго постановленія , какое-нибудь вліяніе на тѣ многочисленныя работы и постройки, какія верховная власть произвела тамъ въ пользу торговли и земледѣльской промышленности? Конечно, ни какого. Патріархальная система можетъ соединяться со всѣми образами правленія , отъ персидскаго деспотизма до аѳинской демократіи. Во время Конфуція она соединялась съ удѣльною, и отчасти даже феодальною, системою. Счастливому случаю обязанъ Китай тѣмъ, что она сошлась въ послѣдствіи съ единоподержавіемъ, и ему-то собственно обязанъ онъ сооруженіями, которыя придаютъ Поднебесной Имперіи видъ просвѣщеннаго государства. Одни только единоподержавные государи могли ихъ предпринять и исполнить. Если бы Китай просуществовалъ донынѣ въ коренной, классической формѣ, онъ не имѣлъ бы своего Великаго Канала. Здѣсь помогло ему измѣненіе формы, то есть, противоположное той вѣчной неизмѣнности, къ которой стремится его мудрость.

Это неимоверное народонаселеніе Китая, постоянный предметъ удивленія путешественниковъ, можетъ ли быть отнесено къ послѣдствіямъ утонченнаго патріархальнаго правленія? Мы не думаемъ. Законы народонаселеній совершаются подъ вліяніемъ обстоятельствъ , независящихъ отъ человѣческой воли или мудрости. Въ самомъ бѣдномъ уголкѣ Европы , въ этой голодной Ирландіи, которой нельзя сказать чтобы она была управляема очень патріархально, въ послѣдніе сто тридцать лѣтъ, народонаселеніе усилилось почти въпятеро. Въ 1713 году оно было изъ 2.010,219 душъ, а въ іюль нынѣшняго года найдено 9.879,713. Поэтому и въ Китаѣ, при особенныхъ физическихъ обстоятельствахъ , втеченіи полтора сто-

лѣтія оно могло умножиться отъ пятидесяти милліоновъ до нынѣшняго итога. Въ Японіи, Авъ и Индіи, при совершенно другихъ правительственныхъ системахъ, народонаселенія также чрезмѣрны.

Не возможно, въ одной статьѣ, исчерпать столь обширнаго предмету. Мы еще не коснулись множества обстоятельствъ, очень любопытныхъ въ настоящее время, и не отдали справедливости книгъ отца Іакинѣа, которая, подобно Китаю, имѣетъ и свои невыгодныя и свои прекрасныя стороны. Отложимъ окончаніе до слѣдующаго мѣсяца.

==

=

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

=

Въ нынѣшнемъ положеніи отношеній Запада къ Ки-
таю, самый любопытный вопросъ для Европейцевъ со-
стоитъ въ томъ, откуда происходитъ такое отвращеніе
поднебснаго правительства къ свободной торговлѣ съ
иностранными, къ торговлѣ, которая доставила бы ему
огромные доходы, и какими средствами можно было
бы завести съ Китайцами болѣе тѣсныя и правильныя
торговыя связи. Вопросъ этотъ чрезвычайно важенъ для
всей Европы: триста шестьдесятъ милліоновъ потреби-
телей, потребителей образованныхъ, трудолюбивыхъ,
привычныхъ къ изящной и роскошной жизни — не без-
дѣлица для нашей промышленности. Западъ, которому
уже некуда дѣвать избытковъ своей изобрѣтательной
дѣятельности, рано или поздно долженъ будетъ, или
уговорить Китай къ добровольному вступленію въ об-
щество народовъ трудящихся и обмѣнивающихъ труды
свои, или вломиться силою въ этотъ исполинскій ры-
нокъ. Напрасно обожатели китайщины стараются сво-
имъ краснорѣчіемъ оградить ея неприкосновенность,
утверждая, что поднебсная имперія довольна своими
внутренними средствами и въ насъ, Западныхъ, не
нуждается. Вопросъ не въ томъ, имѣетъ ли Китай
нужду въ насъ, или нѣтъ: мы имѣемъ нужды въ Ки-
таѣ; и какъ мы гораздо сильнѣе его, хотъ и малочислен-

нве, то остается только разсудить съ синологами, которые такъ хорошо знаютъ все китайское, нѣтъ ли какихъ-нибудь средствъ, не прибѣгая тотчасъ къ насилію, добромъ растолковать многоцеремонному государству огромныя обоюдныя выгоды свободнаго обмѣну произведеній? Откуда бы ни происходило отвращеніе китайскаго правительства къ открытію подобныхъ связей, — почтеннѣйшій отецъ Іакцнѣъ приписываетъ его просто двумъ коротенькимъ китайскимъ словечкамъ, *гунъ* и *бло*, «дань» и «поздравительный адресъ», — дѣло въ томъ, что надобно найти средство превозмочь это невѣжественное упрямство. Нашъ авторъ утверждаетъ, что нѣтъ ничего легче: стѣтъ только признать себя данниками богдохана и, въ этомъ качествѣ, регулярно по-здравлять его съ новымъ годомъ, и ворота завѣтнаго государства откроются для всего Запада. Авторъ ручается, что это и не дорого обойдется; потому что за подарки, представляемые богдохану въ видѣ *даней*, онъ великодушно пожелаетъ послать такіе же подарки. Мы выписываемъ подлинныя слова:

«Съ другой стороны должно признать, что *оші ма дай* и *вао* суть самые верные посредники къ сближенію съ Китаемъ: *отданы только признать себя вассалами; они долго и молчаливо въ договоръ поставлено представляють дань въ изобиліи году. Слѣдъ сроднѣннѣ нынѣ пользуются разные модіе владетели въ Азіи, и посланцы ихъ частенно посещаютъ столицу Китая, потому что за доставляемую дань получаютъ равноцѣнную награду и сверхъ сего пользуются безденежнымъ проѣздомъ черезъ китайскія владѣнія и безпошлиннымъ ввозомъ своихъ товаровъ изъ Пеккина.» (стр. 150.)*

Это любопытное мѣсто можетъ быть принято за типъ всѣхъ разсужденій нашего ученаго синолога о Китаѣ: оно превосходно показываетъ, съ какой точки зрѣнія смотритъ онъ на предметы. При всемъ должномъ уваженіи къ причинамъ постояннаго клоненія его въ пользу Китайцевъ, нельзя не замѣтить, что едва ли при-

страсти было когда-либо простираемо такъ далеко. Авторъ очевидно понимаетъ дѣло въ томъ смыслѣ, что эта дань, эти поздравленія — не что иное какъ перемены нидерландскаго придворнаго этикета, которыми не должно обижаться, и которымъ, хорошо постигнувъ ихъ духъ и сущность, не трудно было бы подвергнуться для важныхъ торговыхъ выгодъ. Иначе и не возможно растолковать этого мѣста приличнымъ образомъ. Но такой политикъ не можетъ усвоить себѣ на какая держава, у которой есть чувство своей силы и своего достоинства. Съ какой стати Западу давать даже мнимую дань богдохану, когда Западъ вѣственно можетъ брать действительную дань съ него? Даже и съ новымъ годомъ всегда слабѣйшій поздравляетъ сильнѣйшаго: если бы богдоханъ хорошо выкинулъ въ духъ устава о десяти тысячахъ церемоній, то онъ давно бы, въ новый годъ, прислалъ поздравительный адресъ Европѣ, а не ждалъ бы его отъ нея. Во всякомъ случаѣ, когда статья, которая начинается увѣреніемъ, что «при сношеніяхъ европейскихъ державъ съ китайскими дворомъ два обстоятельства дѣлывъ полагаютъ неократимое препятствіе къ политическому обличенію Бароны. отъ Китая», и что «эти препятствія заключаются только въ двухъ словахъ, — дань и поздравительный адресъ»; когда такая статья, послѣ такого вступленія, заключается тѣмъ, что здѣсь выписали о простомъ средствѣ «сближеніе съ Китаемъ» при помощи договоровъ, которыми «сдѣлать только признать себя законными отъ него и представлять дань въ извѣстныхъ водахъ», то читатель, при всемъ почтеніи къ познаніямъ автора, совершенно въ правѣ изумиться этому заключенію.

Не трудно было бы доказать исторіею всего Востока, что авторъ ошибается, приписывая такую важность препятствіямъ къ обличенію, содержащимся въ двухъ мутныхъ китайскихъ словахъ *гунъ* и *бно*. Чтобы убѣ-

дѣть читателя, какъ они неотератимы, онъ даетъ полную исторію учрежденія, означаемого этими двумя словами. Но ни изъ этой исторіи, ни изъ исторіи всего Китая; мы не видимъ; чтобы «дань» и «поздравленіе» когда-либо относились къ государствамъ сильнѣе Китая, и къ народамъ, которыхъ онъ не побуждалъ и не въ-состояніи побѣдить. Почитая это учрежденіе чисто китайскимъ, народнымъ, священнымъ, онъ забываетъ, что оно, отъ начала азійскихъ монархій донынѣ, господствуетъ во всей Азии, гдѣ отъ Артаксеркса до нынѣшняго бухарскаго хана, всякій владѣтель, во тмѣ напыщенныхъ титуловъ, называетъ себя владыкою и убѣжищемъ вселенной и, для внушенія страха своимъ подданнымъ, старается увѣрить ихъ невѣжество, будто онъ сильнѣйшій государь въ мірѣ, а всѣ другія державы — его рабыни. Автору, при сочиненіи книги о Китаѣ, вѣроятно не было извѣстно, что, до адрианопольскаго мира и несчастной борьбы съ египетскимъ пашою, наша европейская Турція объявляла тѣ же самыя притязанія какъ и поднебесная имперія: подарки, посылаемые ей европейскими государями, объявлялись ихъ «данью» передъ народомъ, и церемоніальныя аудіенціи пословъ у Порты провозглашаемы были изъясненіями ихъ покорности и вѣрнаго подданства. Стоитъ раскрыть перваго турецкаго исторіографа, чтобы, на любой страницѣ, убѣдиться въ этой истинѣ. Авторъ не видитъ, что та же самая наглая комедія разыгрывается и въ Китаѣ, не по силѣ историческихъ преданій или изъ уваженія къ священнымъ понятіямъ, а просто для прикрытія своей слабости обманомъ и внушенія преувеличенной мысли о своемъ могуществѣ народу, который стараются содержать въ полномъ незнаніи того, что происходитъ за предѣлами его родины. Это именно, а не два пустыя слова, *гунъ* и *бло*, заставляетъ богдохановъ такъ упорно отказываться отъ всѣхъ выгодъ свободнаго торговаго сношенія съ европейскими державами, и ученый авторъ, здѣсь, какъ и во многихъ

другихъ случаяхъ, наружныя формы китайскаго политическаго шарлатанства напрасно принявъ за дѣло. Нынѣшняя война Китая съ Англіей важнѣе для судьбы его, нежели какъ онъ вѣроятно предполагаетъ ; съ ней начнется его паденіе, и оно будетъ быстро, потому что это столкновеніе съ Европой впервые обнаружитъ со-сѣднимъ народамъ и самимъ Китайцамъ всю слабость маньджурскаго истукана, окружающаго себя призраками ложнаго владычества надъ вселенной. Капитанъ Эллиотъ будетъ для Маньджуровъ тѣмъ же, чѣмъ принцъ Евгенийъ былъ для Оттомановъ : паденіе страшныхъ азіятскихъ колоссовъ начиналось всегда отъ одного удара, который *вдругъ* показывалъ ихъ непрочность умамъ, ослѣпленнымъ официальными иперболами и шуткарьствомъ правителей. Есть надежда, что Европа вступитъ скорѣ въ полныя сношенія съ Поднебесьемъ, не признавая себя *«зависимою отъ него»* и не представляя ему *«дани въ извѣстные годы»*.

Послѣ вопросу о средствахъ «сближенія съ Китаемъ», самая любопытная задача для насъ состоитъ въ томъ, какъ эти триста шестьдесятъ милліоновъ людей, сжатые въ предѣлахъ тѣснаго пространства, существуютъ не пожирая другъ друга; и здѣсь мы должны отдать полную справедливость труду ученаго русскаго синолога. Всѣ его изысканія о статистикѣ Китая чрезвычайно интересны, и многіе, открытые имъ, факты новы. Можно даже сожалѣть, что онъ не посвятилъ подобнымъ изысканіямъ гораздо бѣльшаго числа страницъ и двѣ трети своей книги принесъ въ жертву мелочному и утомительному описанію всѣхъ возможныхъ церемоній и обрядовъ, извѣстныхъ уже изъ другихъ источниковъ. На одну изъ этихъ статистическихъ статей, именно о мѣрахъ народнаго продовольствія въ Китаѣ, мы считаемъ нужнымъ обратить пред-почтительное вниманіе.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ могутъ триста шестьдесятъ милліоновъ душъ жить на пространство сорока семи милліо-

нать десятины пахотной земли, то есть, по образу человека на десятину? Однако жь они живутъ, и, какъ кажется, живутъ хорошо, особенно въ южномъ Китаѣ. Въ Дзянь-су, Анхой и Дже-дзянь, считается около ста милліоновъ жителей подъ управленіемъ одного наивъстника. Населеніе тамошнихъ городовъ чрезмѣрно: людямъ негдѣ селиться на землѣ; они строятъ себѣ дома на лодкахъ и живутъ на водѣ. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, европейскія газеты заключали въ себѣ рескриптъ китайскаго императора на имя одного изъ южныхъ правителей, которому его богдоханское величество повелевалъ дать строгій выговоръ одному городу за его дерзкое желаніе открыть у себя публичный театръ: преимущество это, писалъ сынъ неба, предоставлено по законамъ только городамъ перваго и втораго разрядовъ, а этотъ дрянной городишко третьяго разряда, мѣстечко въ сто двадцать тысячъ жителей, осмѣливается помышлять о театрѣ!... Несмотря на такое многолюдство, эта страна почитается въ Китаѣ землей изобилія и утѣхъ, средоточіемъ промышленности, моды и вкуса. Китайцы говорятъ: «На небѣ есть одинъ рай, на землѣ два, Су и Хань.» Су и Хань — главные города южныхъ провинцій Дзянь-су и Дже-дзяна. Какъ сѣверный Китай вполнину меньше многолюденъ чѣмъ южный, то здѣсь, на десятину, надобно считать, не по осьми человекъ, а по двѣнадцати и болѣе. Но въ Китаѣ вездѣ получаютъ двѣ жатвы въ лѣто: въ сѣверномъ сѣютъ, черезбороздно, пшеницу и просо, и собираютъ съ одного поля два посѣва, одинъ послѣ другаго; въ южномъ рисъ, дважды втеченіи года, даетъ урожай самъ-сотъ и болѣе. Значительное количество рису привозится изъ Индіи и острововъ. При такомъ безземельѣ, о сѣнокосахъ и паровыхъ поляхъ и думать нечего: ихъ не знаютъ въ Китаѣ, гдѣ, следовательно, и нѣтъ скотоводства, а между-тѣмъ земледѣліе въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Это кажется невѣроятнымъ русскому читателю: но въ Китаѣ давно уже де-

или до открытія, которое теперь только сдѣлано въ Европѣ и удивляетъ ея сельскихъ хозяевъ, а именно, что унавоживаніе земли не есть необходимое условіе урожаю, и что влажность можетъ превосходно замѣнить его. Поэтому система орошенія полей и непрерывнаго поддерживанія въ ней приличной влажности, посредствомъ искусственныхъ наводненій, доведена въ той странѣ до совершенства. Всѣ усилія сельскихъ хозяевъ и правительства устремлены на эту великую статью земледѣлія. При большой умѣренности Китайцевъ въ пищу, требуемой, не только благоразумною бережливостію, но и самимъ климатомъ, при отвращеніи къ мясу всѣхъ четвероногихъ, исключая одного свиного, эти средства къ продовольствію огромнаго народонаселенія весьма достаточны въ обыкновенный годъ. Но въ несчастное лѣто, когда поднимаются тучи саранчи, когда продолжительная засуха уничтожаетъ подкормную воду и орошеніе полей дѣлаетъ невозможнымъ, когда Желтая Рѣка и другія рѣки, усиленные потоками продолжительныхъ дождей въ отдаленныхъ горахъ, разрываютъ искусственныя береговыя насыпи, и наводняя свои обширныя равнины, истребляютъ города и селенія, въ эти ужасныя годы многолюдный Китай представляетъ самое печальное зрѣлище. Тогда поднебесное правительство обязано показать всю свою дѣятельность, искусство, попечительность; и, къ чести его должно сказать, что, въ эти *общія бѣдствія*, оно отлично исполняетъ свое дѣло. Не надобно однако жъ преувеличивать его мудрости, какъ это сдѣлано въ нашей книгѣ: личный страхъ заставляеть его быть заботливымъ и даже прозорливымъ. Какъ владѣтели Китая не-шутя выдаютъ себя за родныхъ сыновъ неба и, поэтому, законныхъ обладателей Поднебесья и успѣли увѣрить въ томъ народъ, то народъ естественно въ такіа «общія бѣдствія» относитъ къ ихъ личной винѣ: значитъ, сынъ неба не ладитъ съ своимъ ба, тьюшкой, небомъ, соррѣшивъ, плохо исполняетъ дѣло-

для котораго отправленъ на землю ; небо на него разсердилось, и онъ одинъ всему виноватъ. Начинаются нареканія, потомъ сейчасъ вспыхиваютъ мятежи, а тамъ мятежь превращается въ опасное междоусобіе. Государь постится, проситъ прошенія у неба и его супруги, земли, приноситъ торжественныя покаянія, а между-тѣмъ мандарины всеми средствами спѣшатъ кормить голодный народъ, чтобы спасти свои головы и правительство, которое ихъ содержитъ, и прекратить поводъ къ беспорядкамъ. При всемъ лихоимствѣ и всей алчности поднебесныхъ чиновниковъ, эта причина весьма достаточна къ обезпеченію благоустройства мѣръ къ народному продовольствію въ Китаѣ. «Общія бѣдствія» раздѣлены на десять степеней, по мѣрѣ урону, который они причиняютъ жителямъ. Запасныя хлѣбныя магазины, казенныя и общественныя, устроены повсемѣстно, и мы готовы вѣрить ученому автору, что они всегда полны и содержатся въ исправности, несмотря на обыкновеніе «самыхъ умѣренныхъ» мандариновъ *брать себѣ только* $\frac{6}{10}$ на Желтой Рѣкѣ, а $\frac{7}{10}$ на другихъ рѣкахъ. По свѣдѣніямъ, которыя нашъ знаменитый синологъ извлекъ изъ китайскихъ статистикъ, въ этихъ магазинахъ всегда находится, среднимъ числомъ, сорокъ одинъ миллионъ кулей хлѣба : китайскій куль, или мѣшокъ, заключаетъ въ себѣ около шести пудовъ вѣсу.

«Не совѣтую, говорить онъ, вѣрить неосновательнымъ извѣстіямъ, будто бы въ Китаѣ и казначейства и хлѣбныя магазины опустошены злоупотребленіями чиновниковъ. Нѣтъ сомнѣній, что по уздамъ есть недочетъ въ некоторыхъ казначействахъ и недостатокъ въ наличномъ хлѣбѣ въ магазинахъ, но эти недочеты и недостатки, почти непримѣтны въ общей сложности наличнаго, строго доправляются правительствомъ. Неурожанъ въ 1832 году отъ засухи, съ апрѣля до августа продолжавшейся, и въ 1835 году отъ саранчи, истребившей хлѣбъ въ семи губерніяхъ, не могли произвести волненій въ народъ ; а это довольно доказываетъ полноту въ хлѣбныхъ магазинахъ въ Китаѣ.

«Продажа хлѣба, хранящагося въ казенныхъ магазинахъ, по губерніямъ, дозволится въ количествѣ $\frac{3}{10}$, а $\frac{7}{10}$ должны оставаться въ запасъ. Впрочемъ, смотря по свойству почвы, въ некоторыхъ мѣстахъ продаютъ половину и даже $\frac{7}{10}$: но въ урожайные годы не продаютъ болѣе $\frac{1}{10}$ или много $\frac{2}{10}$. Хлѣбъ изъ магазиновъ продается обыкновенно въ урожайный годъ съ пониженіемъ пяти, а въ неурожайный десяти процентовъ противъ справочныхъ рыночныхъ цѣнъ. Послѣ осенней уборки, магазины пополняются новымъ хлѣбомъ, покупаемымъ на вырученную сумму. Въ деревенскихъ же и общественныхъ магазинахъ, хлѣбъ обмѣнивается ссудою его землепашцамъ съ обязательствомъ возвратить зерномъ же послѣ осенней уборки.

«Начальствующимъ чиновникамъ въ обязанность поставлено по-временамъ свидѣтельствовать магазины и справляться, по какимъ цѣнамъ проданъ былъ старыи, и по какимъ купленъ новый хлѣбъ. Что касается до деревенскихъ и общественныхъ магазиновъ, если завѣдывающіе ими старшины расхитятъ хлѣбъ, обывателямъ дозволено приносить на нихъ жалобы правительству.

«Въ такомъ государствѣ, гдѣ количество обрабатываемой земли несоразмѣрно мало въ отношеніи къ многолюдности, правительство первою мѣрою считаетъ поощрять и усиливать землепашество. На этотъ конецъ уѣзднымъ правителямъ дозволено избирать трудолюбивыхъ, бережливыхъ и благоправныхъ землепашцевъ, и давать имъ, — для поощренія прочихъ, — шарики пятнадцатаго класса (что соответствуетъ чину канцеляриста). Если въ какой губерніи откроются земли, удобныя для обработанія, то мѣстные начальники обязаны вызывать желающихъ распахать нови и снабжать ихъ волами и сѣменами на посѣвъ. На землѣ, удобной для посѣва хлѣба, запрещается садить табакъ.

«Второй предметъ попеченія правительства о земледѣліи есть предупрежденіе саранчи, то есть, истребленіе ея въ самомъ началѣ. Саранча обыкновенно рождается по низменнымъ мѣстамъ, близъ большихъ озеръ и рѣкъ, почему мѣстнымъ начальникамъ въ обязанность поставлено ежегодно въ февральской и мартовской лунахъ, наблюдать приближеніе превращенія куколокъ ея. Какъ-скоро саранча появится,

то немедленно собираютъ солдатъ и крестьянъ, которые, перепахивая землю, истребляютъ самъя куколки; а въ сухое время выжигаютъ ихъ, пуская огонь по ветоши. Если же саранча успѣетъ окрылиться и подняться, мѣстные начальники предаются суду за безпечность.

«Трезвѣчайныя наводненія въ Китаѣ очень нерѣдки, особенно на равнинѣ, по которой Желтая Рѣка катится къ морю отъ поворота ея на востокъ. Хотя эта рѣка въ опасныхъ мѣстахъ укрѣплена двойною плотиною береговою и другою въ нѣсколькихъ верстахъ отъ берега, со всѣми тамъ отъ сильныхъ дождей въ хуанорскихъ горахъ и на западныхъ предѣлахъ Китая, она поднимается иногда неимоверно высоко и получаетъ столь сильное стремленіе, что разрываетъ обѣ плотины, разрушаетъ города и селенія, потопляетъ большое пространство полей съ хлѣбомъ. Въ подобномъ случаѣ мѣстные начальники обязаны собирать народъ для спасенія погибающихъ, утопшихъ хоронить на счетъ казны, а разорившихся отъ наводненія ссужать деньгами на поправленіе. О количествѣ денежныхъ пособій при такомъ несчастіи существуютъ особливья положенія для каждой губерніи.

«Въ случаяхъ сильной засухи начальникъ губерніи, вслѣдъ за донесеніемъ государю о бѣдствіи народа, предписываетъ немедленно отворить магазины и предварительно снабдить бѣдныхъ жителей хлѣбомъ на одинъ мѣсяцъ; потомъ, опредѣливъ степень общаго бѣдствія и разлививъ жителей на бѣдныхъ и крайне бѣдныхъ, вторично представляетъ государю о продолженіи вспоможенія. При «общемъ бѣдствіи» въ десять степеней, крайне бѣднымъ прибавляется хлѣбное вспоможеніе на четыре, а бѣднымъ на три мѣсяца. вспоможеніе понижается по степенямъ общаго бѣдствія такъ, что при шести степеняхъ прибавляется только крайне бѣднымъ на одинъ мѣсяцъ, а ниже прекращается. Выдача хлѣба изъ магазиновъ ежедневно производится. Возрастнымъ выдаютъ по полугарнцу (рису или проса), а малолѣтныиъ вполонину менше.

«При неурожаѣ отъ засухи, наводненія или саранчи, обыкновенно возвышаются цѣны на хлѣбъ: потому правительство, желая облегчить положеніе несчастныхъ, открываетъ продажу хлѣба изъ казенныхъ магазиновъ по цѣнамъ низ-

идеть противъ рыночныхъ. Если и подорожаетъ хлѣба въ разныя мѣста, то на счетъ выкуса производится закупка его въ смежныхъ губерніяхъ. Но окончаніи всего, продаваемый хлѣбъ замѣняется вновь купленнымъ, а суммы, употребленныя на покупку хлѣба, возвращаются въ казначейство.

«Если, послѣ неблагополучнаго года, въ слѣдующую весну маломощные землепашцы будутъ нуждаться въ хлѣбѣ на посѣвъ, то дозволяется замѣообразно отпускать имъ хлѣбъ и на посѣвъ и на пропитаніе. Если бѣдствіе отъ засухи или наводненія воспослѣдуетъ лѣтомъ, то, сверхъ вспоможенія, закономъ положеннаго, еще ссужаютъ хлѣбомъ и на осенній посѣвъ. Эта ссуда хлѣба производится изъ казенныхъ магазиновъ на условіи возвратитъ его послѣ осенняго убору въ будущемъ году, притомъ безъ процентной наддачи.

«Потерпѣвшимъ отъ «общаго бѣдствія», сверхъ прочихъ льготъ и пособій, прощаются государственныя подати также сообразно степенямъ бѣдствія. При бѣдствіи въ десять степеней, прощается $\frac{7}{10}$; при бѣдствіи въ девять степеней, прощается $\frac{6}{10}$; при бѣдствіи шести и пяти степеней, $\frac{1}{10}$. Въ это время немедленно прекращается сборъ податей, и то, что слѣдуетъ собрать, за исключеніемъ прощеннаго, разсрочивается при бѣдствіи отъ десяти до осьми степеней на три года. Бѣдствіе ниже пяти степеней не считается бѣдствіемъ, и если по разрѣшенію государеву бываетъ отсрочка, то до лѣтней только уборки; а лѣтній сборъ того времени откладывается до осени.

«Когда для продовольствія народа въ неурожайныхъ мѣстахъ, требуется большой подвозъ хлѣба изъ сосѣднихъ мѣстъ, испрашиваютъ у государя дозволеніе обвѣститъ объ этомъ купечество, торгующее хлѣбомъ. Въ такомъ случаѣ хлѣбъ, отправленный на продажу въ наружныя мѣста, освобождается отъ пошлины въ таможенныхъ, и препровождающимъ его правительство выдаетъ свидѣтельства, которыя они обязаны прелъявлять мѣстнымъ начальствамъ. Если же продадутъ хлѣбъ, не достигнувъ до назначеннаго мѣста, или тайно провезутъ въ другія губерніи, то, сверхъ взысканія двойной пошлины, предаются суду. Правительство, по употребленіи всехъ возможныхъ средствъ къ пособію, наконецъ дозволяетъ и частнымъ людямъ участвовать въ пособіи народу хлѣбомъ. Купецъ, изъявившій желаніе въ неурожайный

годъ одылатъ пожертвованіе хлѣбомъ, должно спроситъ дозволеніе у начальства; послѣ чего предоставляется ему самому распорядитъ своимъ пожертвованіемъ, а указнымъ чиновникамъ запрещается вмѣшиваться въ распоряженіе. Объ učinившихъ значительное пожертвованіе начальнымъ губерніи обязанъ представлять государю къ награжденію. Жители деревень въ неурожайные годы особенно затрудняются въ снисканіи пропитанія; почему правительство поручаетъ начальниковъ губерній производить въ это время нужныя казенныя работы, какъ то, очищеніе каналовъ, починку городскихъ стѣнъ и плотинъ, в такомъ образомъ доставлять народу способы къ снисканію пропитанія.

«При бѣдствіи, постигшемъ страну, начальникъ ея обязанъ немедленно отправить чиновниковъ для опредѣленія степени бѣдствія; на мѣсто же, постигнутое необыкновеннымъ бѣдствіемъ, долженъ лично отправиться, и оттуда донести государю о мѣрахъ, какія надлежитъ употребить для освобожденія несчастнымъ.

«Въ 1832 году была въ Китаѣ засуха, незапамятная въ лѣтописяхъ. Съ половины апрѣля до августа, впродолженіи самыхъ жаркихъ мѣсяцевъ, не видала капли дождевой. Правительство было въ крайнемъ затрудненіи. Богдоханъ, для укрѣпленія народа въ терпѣніи, молился небеснымъ силамъ въ разныхъ мѣстахъ. Вотъ молитва, читанная имъ въ храмѣ духу Земли, въ осьмнадцатый день шестой луны (въ іюль):

«Со смиреніемъ помышляю, что въ обширныхъ пределахъ поднебесныхъ я не въ силахъ оказывать помощь въ бѣдственное время наводненія или засухи. При продолжительномъ бездождіи, со всею искренностію молюсь только о повсемѣстномъ неукоснительномъ изліянніи благотворныхъ дождей, и всѣ чаютъ исполненія благости сей. Въ нынѣшнемъ году, съ самаго наступленія лѣта, не было дождя впродолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Это есть необыкновенная засуха. Я растерзанъ горестію и страхомъ; но не въ силахъ отвратить бѣдствія. Пѣшій я ходилъ въ три жертвенника молиться духамъ Ше и Цзи, но несподобился послучить отъ нихъ отличной милости. Вѣроятно, съ преложеніемъ жизни умножились мои погрѣшности и вины. Увлекаюсь надмѣнностію, я могъ выступать изъ пределовъ,

«иачертанныхъ обрядами; иногда одною ошибочною мыслью навлекать гнѣвъ неба, а иногда по самонадеянности «вотрипалъ въ выборъ людей къ государственнѣмъ должностямъ. Во всѣхъ случаяхъ я заслуживалъ милосердое указаніе Неба. Нынѣ, хотя глубоко раскаиваюсь и обвиняю себя, но уже не въ силахъ помочь бѣдствію. Съ благоговѣніемъ очистивъ духъ и тѣло, пѣшій прихожу въ жертвенникъ Земли принести моленіе. Высочайшій духъ царицы Земли, соучаствующій въ дѣйствіяхъ верховнаго Неба! «призри на землю во дни настоящей засухи, достигшей крайняго предѣла. Послѣ малыхъ жаровъ, народъ отчаялся въ надеждѣ на урожай и, обращаясь къ своему царю, обвиняетъ его въ безпечности о подданныхъ, безвинно страдающихъ. Увы! стыдъ и трепетъ попеременно объемлютъ меня, но не могу придумать мѣръ. Съ благоговѣніемъ молю тебя, августѣйшій духъ Земли! прости меня, клянущагося обновить (исправить) себя. Пролей некосненно тукъ милостей и спаси народъ мой. Изнемогая подъ тяжестію скорби и раскаянія, приношу тебѣ жертву.»

Много подобныхъ статей въ этой книгѣ, и онѣ придаютъ ей большую цѣнность, дѣлая сочиненіе любопытнымъ, даже для тѣхъ, которые знакомы съ литературою, касающеюся Китая. Если мы немножко взыскательны въ сужденіи другихъ частей книги, это также похвала автору: мы считаемъ его въ состояніи дать намъ сочиненіе о Китаѣ, гораздо лучше, важнѣе и любопытнѣе мелочнаго описанія церемоній и экзаменовъ, и проникнуть въ Поднебесье нѣсколько глубже его лакированной поверхности. Самую слабую статью во всей книгѣ мы осмѣлимся назвать поясненіе на отвѣты господина Крузенштерна покойному Вирсту о Китаѣ. Это поясненіе вообще ничего не поясняетъ; отвѣты господина Крузенштерна остаются почти всѣ въ своей силѣ, и авторъ, желая противорѣчить ему, часто увлекается явнымъ пристрастіемъ и обнаруживаетъ, что онъ не понялъ вопросу. Напримѣръ, то, что авторъ говоритъ о банкирскихъ и торговыхъ векселяхъ, можетъ подать поводъ къ предположенію, что ему недостаточно извѣст-

на сущность и польза векселей въ коммерціи. Многія другія положенія принадлежатъ съ той же категоріи, а одно изъ нихъ даже и очень необыкновенно. Виретъ спрашиваетъ: употребляются ли въ Кантонъ преисскуранты? Господинъ Крушевщгеръ отвѣчаетъ: употребляются, но только на европейскихъ языкахъ. Отвѣтъ Іакинетъ поясняетъ: «Очень вѣроятно (это не *сърочно*, а *доготовлено*), что Европейцы, торгующіе въ Кантонъ, имѣютъ преисскуранты на европейскихъ языкахъ, но только для себя, а не для Китайцевъ. Къ чести европейскихъ народовъ, имѣющихъ торговля связи съ Китаемъ, надобно сказать, что они въ Кантонъ производятъ торгъ съ Китайцами на исковерканномъ англійскомъ или португальскомъ нарѣчіяхъ, а съ Клякъ на «изуродованномъ русскомъ языкѣ.» Въ какой степени, это можетъ относиться къ чести или безчести европейскихъ народовъ, что ихъ купцы и шкипера объясняютъ съ Китайцами какъ могутъ и умѣютъ, и къ чему клонится эта шашка, изумленный читатель рѣшительно не понимаетъ. Во всѣхъ коммерческихъ частяхъ Азіи, Африки и Америки, существуютъ такіа исковерканныя нарѣчія, и никто еще не порицалъ за нихъ чести европейскихъ народовъ. Далѣе авторъ говоритъ, что въ Пекинѣ (вопросъ былъ о Кантонѣ) во всѣхъ лавкахъ есть преисскуранты, повѣшенные на стѣнѣ или напечатанные брошюрками. Да для кого же эти преисскуранты мавочниковъ занимательны. Виретъ объ этомъ и не спрашивалъ: онъ разумѣлъ биржевые преисскуранты, les prix-courants de la place, а не частные. Онъ только эти «газеты коммерческаго дня», какъ называютъ правильна организованной торговли, и могутъ возбуждать любопытство европейскаго политическаго эконома. Биржа въ Кантонѣ ничъ: такъ нѣтъ и преисскурантовъ! Объ чемъ тутъ спорить! Главная и странная торговля производится въ Кантонѣ: тамъ только можетъ существовать родъ биржи, и тамъ могутъ водиться настоящіе преисскуранты. Виретъ объ

нихъ и спрашивать, и господинъ Крузенштернъ очень хорошо его понималъ, и отвѣчалъ правильно. Но разбирать по колечку всю эту длинную цѣпь недоразумѣній было бы и скучно и бесполезно. Разсмотримъ немножко обширнѣе только одинъ пунктъ этихъ вопросовъ, отвѣтовъ и объясненій, какъ самый важный и самый любопытный.

Вирсть желалъ знать, есть ли въ Китаѣ *наслѣдственное дворянство*, кромѣ личнаго. Нашъ знаменитый мореплаватель, который, такъ же хорошо какъ и онъ, понималъ что значить *дворянство*, въ европейскомъ смыслѣ слова, отвѣчалъ ему, что есть одно только личное. Ученый синологъ оспариваетъ это: онъ утверждаетъ, будто въ Китаѣ есть и личное и *наслѣдственное дворянство*, и вы увидите какое:

«Въ Китаѣ есть дворянство и личное и наслѣдственное. Личными дворянами считаются все чиновники и получившіе ученую какую-либо степень. Преимущества ихъ предъ простолюдинами въ томъ состоятъ, что они освобождены отъ земскихъ повинностей и коленнопреклоненій въ судъ; избавлены отъ тѣлеснаго наказанія, которое замѣнено снятіемъ чиновъ, лишеніемъ должностей и вычетомъ жалованья. Даже отъ смертной казни за извѣстныя преступленія дозволено откупаться. Наслѣдственными дворянами должно считать дальнихъ родственниковъ нынѣ царствующаго въ Китаѣ дому. Они все имѣютъ чинъ осьмаго класса, и получаютъ солдатское жалованье. Въ диванскихъ, маньчжурскихъ и монгольскихъ наемцахъ наслѣдственное чиновничество: но здѣсь наслѣдство со всеми преимуществами переходитъ только къ одному человеку. Прочіе его родственники считаются простыми, хотя право наслѣдованія по роду ни у кого изъ нихъ не отъемлетъ. Въ Японіи правленіе феодальное, подобно древнему въ Китаѣ: тамъ все почти высшія должности наслѣдственны, вмѣстѣ съ достоинствами.»

Кто же когда либо называлъ въ Европѣ *дворянствомъ* родственниковъ царствующаго дому! Они принадлежатъ къ династіи, а не къ народу, и, за недостаткомъ

въ прямыхъ наследникахъ, могутъ даже въ известныхъ случаяхъ одинъ за другимъ вступать на престолъ. И развѣ двѣ или три сотни родственниковъ одного дому, какія бы ни были ихъ привилегіи, чинъ и жалованье, составляютъ политическое сословіе?... Такой парадоксъ объясняется только предвзятымъ намѣреніемъ доказывать, что въ Китаѣ все есть, все точно такъ же какъ въ Европѣ, не только государственные кабинеты, министерства, прокурорства, просвѣщеніе, но и всѣ роды дворянства. Ученый синологъ нашелъ тамъ даже и герольдію, не сообразивъ, что герольдія безъ геральдики гербовъ и существовать не можетъ. Если бы мы призваны были дать отвѣтъ или поясненіе на вопросъ о существованіи или несуществованіи дворянства въ Китаѣ, то мы говорили бы совсѣмъ иначе. Мы сказали бы: Нѣтъ, въ Китаѣ не знаютъ ни какого дворянства, ни наследственнаго, ни личнаго. Наслѣдственнаго дворянства тамъ положительно нѣтъ, потому что, въ государствѣ состоящемъ изъ трехъсотъ-шестидесяти милліоновъ жителей, полтораста или двѣсти человекъ дальнихъ родственниковъ царствующаго дому, не образующихъ ни какого политическаго сословія, нельзя назвать дворянствомъ, безъ явнаго превращенія смысла этого слова. А какъ скоро нѣтъ дворянства наследственнаго, то тѣмъ самымъ нѣтъ и личнаго, какъ не бываетъ младшаго брата, когда нѣтъ и не было старшаго: личное дворянство есть вещь совершенно относительная, и «дворянствомъ» называется оно только черезъ уподобленіе правъ этого дополнительнаго благороднаго класса нѣкоторымъ правамъ полнаго и настоящаго дворянства. Известное число привилегій, пожалованныхъ какому-нибудь сословію, еще не даетъ ему права на дворянскій титулъ. Въ противномъ случаѣ, всѣ сословія въ государствѣ были бы дворянствами, потому что всѣ, кромѣ послѣдняго, пользуются разными изъятіями изъ общаго закона. Но если, допуская полную свободу злоупотребленію словъ, за-

хотимъ называть дворянствомъ сословіе самое привилегированное и самое сильное въ государствѣ, то въ Китаѣ, устроенномъ по системѣ патриархальнаго правленія, есть конечно дворянство, только оно не наследственное, и не личное, а лично-наследственное, свойственное этой системѣ, которая безъ него не возможна. Настоящее китайское дворянство — отцы семействъ или старшіе въ родѣ; дѣти и внуки — ихъ вассалы. Они политическіе представители всего, что можетъ ихъ возрастомъ, и пользуются огромною властію; правительственная власть непосредственно опирается на нихъ какъ первое въ государствѣ сословіе; законы заботливо оберегаютъ ихъ права и окружаютъ ихъ самымъ величайшимъ почтеніемъ; оскорбленіе ихъ признается равнымъ оскорбленію величества и государственной чести; дѣти и внуки подвергаются смертной казни за всякое неуваженіе къ этимъ ближайшимъ намѣстникамъ верховной власти надъ ними, — смерть за поношеніе дѣда, бабушки, отца или матери, также мужнива дѣда и бабушки, свекра и свекрови, — смерть за своевольное оставленіе ихъ дому и раздѣлъ съ дѣдомъ, бабукою, отцомъ или матерью, — смерть за отказъ въ работѣ на пропитаніе ихъ, — за утаеніе траура по нимъ, — за ложное объявленіе, гдѣ бы то ни было, что они уже не существуютъ, — за семейный раздоръ съ ними, — за неповиновеніе ихъ волѣ, и такъ далѣе; наконецъ они имеютъ еще право продавать дѣтей и внуковъ въ рабство какъ свою феодальную собственность, на-время или на всю жизнь, и, замѣтьте, чиновные и нечиновные, все въ равной степени, состоятъ подъ этою привилегіею властію, доколь, послѣ смерти своихъ властелиновъ-родителей, не сдѣлаются сами такими же властелинами надъ потомствомъ. Это совершенно правда и преимущества великихъ феодаларіевъ и бароновъ среднихъ вѣковъ надъ своими вассалами. Другаго «дворянства» въ патриархальной системѣ правленія не быть.

не можетъ. Въ монархіяхъ аристократическихъ — дворяне, въ патриархальныхъ — отцы семействъ : вотъ соотвѣтственные и совершенно равныя другъ съ другомъ политическія сословія!

Трауръ, о которомъ здѣсь упоминается, составляетъ одну изъ самыхъ тягостныхъ обязанностей этого родственнаго вассалства. Онъ продолжается не менѣе двадцати-семи мѣсяцовъ : во все продолженіе этого времени, посвященнаго признакамъ глубочайшей печали, не позволено ѣсть мяса, выходить изъ дому, участвовать въ пиршествахъ, слушать музыку, заниматься общественною службою, вѣнать супружеское ложе. Стоиной не бреютъ головы, и три года носятъ платье изъ бѣлаго толстаго посконнаго холста. Чинovníкъ военный или гражданскій, гдѣ бы онъ ни былъ, получивъ извѣстіе о кончинѣ дѣда, бабуки, отца или матери, долженъ тотчасъ оставить службу и возвратиться на родину, для исполненія обрядовъ траура. Сорокъ девять дней сынъ не хоронитъ тѣла своего, отца или матери, и плачетъ надъ ихъ гробомъ. Иногда во все время траура гробъ съ трупомъ, плотно покрытымъ золою и известкою для предохраненія отъ зловонія, остается въ домѣ : каждый день поутру дѣти предлагаютъ покойнику пищу и чай, а въ праздничные дни совершаютъ возліанія виномъ и производятъ плачь. Геродотовы Скифы соблюдали почти такой же трауръ по своимъ государяхъ.

Но мы отнюдь не хотимъ оставлять, въ читателѣ, впечатлѣнія, невыгоднаго книгѣ почтеннѣйшаго отца Іакинѣа, оканчивая разборъ возраженіями противъ некоторыхъ частей ея. Напротивъ : мы желаемъ заключить его указаніемъ на одну изъ лучшихъ страницъ ея, и съ этою цѣлью выпишемъ еще замѣчанія автора о знаменитой некинской газетѣ *Динъ-био*, или *Столпѣномъ Вѣстникѣ* :

«Внутри пекинскаго дворца находится государственный кабинетъ, *Хей-го*. Четыре министра и два вице-министра составляютъ присутствіе этого мѣста. Доклады и донесенія о дѣлахъ, слѣдующіе къ государю отъ высшихъ присутственныхъ мѣстъ въ столицѣ и правительственныхъ лицъ въ губерніяхъ, прежде поступаютъ въ государственный кабинетъ, гдѣ министры разсматриваютъ содержаніе бумагъ, и потомъ уже, при запискѣ съ своимъ мнѣніемъ, представляютъ государю на разсмотрѣніе или на утвержденіе. Доклады и донесенія, разсмотрѣнные и утвержденные государемъ, чрезъ два дня послѣ подачи сдаются въ военный комитетъ; *Цзюнь дзи-чу*, а отсюда тѣ, которые слѣдуютъ къ объявленію, опять поступаютъ въ государственный кабинетъ. Эти бумаги суть факты государственнаго управленія, изъ которыхъ впоследствии составляется исторія китайской имперіи: по этой причинѣ всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ и казеннымъ заведеніямъ въ Пекинѣ постановлено въ обязанность ежедневно посылать въ государственный кабинетъ дежурныхъ списывать копія съ бумагъ сошедшихъ отъ государя, и хранить ихъ въ архивахъ. Такая же обязанность возложена и на всѣ судебныя мѣста въ губерніяхъ: на этотъ конецъ въ Пекинѣ имѣютъ пребываніе шестнадцать почтовыхъ экспедиторовъ, *Тъхи-тхань*, которымъ поручено печатать обнародованныя государственнымъ кабинетомъ бумаги и разсылать каждому въ свою губернію. Но, чтобы и народъ имѣлъ нѣкоторое понятіе о теченіи государственныхъ дѣлъ, то правительство дозволило въ Пекинѣ печатать эти выписки безъ малѣйшихъ опущеній и прибавленій или перемѣны словъ.

«Въ составъ описанной нами газеты входятъ разные дѣла, представляемыя государю на утвержденіе или только доводимыя до его свѣдѣнія, — въ столицѣ отъ всѣхъ высшихъ присутственныхъ мѣстъ, и гражданскихъ и военныхъ, извнѣ отъ правителей губерній, военныхъ начальниковъ и управляющихъ дѣлами но особенной какой-либо части. Содержаніе докладовъ и донесеній по большей части составляютъ опредѣленіе или перемѣщеніе высшихъ чиновниковъ къ должностямъ, повышеніе или переводъ низшихъ чиновниковъ, и гражданскихъ и военныхъ, преданіе винов-

ныхъ суду или приговоры къ наказанію, извѣстія о разныхъ приключеніяхъ, разные распоряженія по государственному хозяйству. Въ этой газетѣ помѣщается почти все, что въ европейскихъ кабинетахъ считается государственною тайною, даже переговоры съ иностранными посланниками, что можно видѣть изъ обнародованныхъ дипломатическихъ бумагъ, относящихся къ английскому посольству, бывшему въ 1816 году. Иногда обнародываются частныя представленія высшихъ чиновъ съ изложеніемъ ихъ замчаній на временныя политическія обстоятельства или ихъ мнѣній насчетъ дѣйствій правительства; а въ донесеніяхъ правителей губерній изрядка встрѣчаются случайныя происшествія какъ въ физическомъ такъ и нравственномъ мірѣ, очень любопытныя для наблюдателей природы. По этому описанію пекинской газеты, не трудно будетъ заключить, что она представляетъ зеркало, въ которомъ ясно и чисто отражается образъ государственнаго управленія въ Китаѣ.

«Пекинская газета издается и печатная и письменная. Вся бумаги помѣщаются въ ней на другой же день послѣ объявленія ихъ въ государственномъ кабинетѣ. Газета ежедневно выходитъ, письменная въ одной тетрадь, содержащей отъ осьми до двѣнадцати листовъ въ-12, а печатная на цѣломъ листѣ, иногда съ прибавленіемъ. На полученіе газеты можно подписываться на неопредѣленное время, даже на одинъ мѣсяць и нѣсколько дней. Отказаться отъ полученія также всегда можно, и деньги платятся только за полученныя номера. Подписная цѣна, и съ доставкою въ домъ, не простирается выше полтора дана серебра за мѣсяць, что составляетъ три рубля сорокъ копѣекъ серебромъ. Даже можно за небольшую плату, получать газету для одного чтенія: но въ такомъ случаѣ она иногда поздно доставляется, потому что одинъ номеръ долженъ пройти нѣсколько домовъ. Это единственная газета въ цѣломъ Китаѣ. О повременныхъ изданіяхъ по части литературы, науки и художествъ, Китайцы еще и понятія не имѣютъ.»

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЕТОИЩА.

ОКТАВРЬ, 1841.

НОВЫЯ КНИГИ.

СОЧИНЕНІЯ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА. *Томы IX, X и XI. СПб-бургъ, 1841, въ тип. Глазунова, въ-8, стр. 480 — 308 — 333.*

Случались минуты, и очень часто, когда Пушкинъ вовсе не бывалъ великимъ поэтомъ; но онъ никогда не переставалъ быть великимъ стихотворцемъ, необыкновеннымъ художникомъ роднаго слова. Будетъ ли стихъ Пушкина, въ слабыхъ, не поэтическихъ піесахъ, возбуждать въ нашихъ потомкахъ такой же энтузіазмъ, съ какимъ мы нѣкогда встрѣчали этотъ стихъ въ каждомъ его произведеніи?..... Этотъ вопросъ невольно представляется каждому, кто видитъ, кто вспомнитъ, какъ быстро старѣется нашъ литературный языкъ. Въ двадцать-пять лѣтъ, по-крайней-мѣрѣ треть прежнихъ красныхъ словъ, фразъ, устарѣла, то есть, вышла изъ моды вмѣстѣ съ чепчиками и лентами, которые были модными въ одно время съ ними. Все это поблекло, измѣлось, истерлось, и брошено. Кто виноватъ? Ужъ конечно не русскій языкъ! Языкъ не измѣнился ни на волосъ: мы такъ же говоримъ теперь,

какъ говорили тому двадцать-пять, тридцать, пятьдесятъ, сто-пятьдесятъ лѣтъ. Виноваты сами писатели, которые крошили себѣ изъ русскаго языка модныя тряпки, чтобы пощеголять въ нихъ нѣсколько дней, зная, что сдѣлаются смѣшными при наступленіи новой моды; которые его природнымъ прелестямъ предпочитали издѣлія своей тщеславной руки; которые мѣли свѣжія розы живаго, вѣчно цвѣтущаго языка, и замѣняли ихъ сухими искусственными цвѣтками, обрывали сочныя листья, и прикалывали къ вѣткамъ лоскутки старой фольги, стряхивали съ лепестковъ росу, и усыпали ихъ отысканными въ пыльной кладовой блестками, ломали простыя, естественныя формы слова, и придавали имъ видъ безвкуснаго рококо. Природа никогда не позволяетъ дѣлать себѣ насилія безнаказанно: языкъ, который она создала въ устахъ народа, останется навсегда тѣмъ же свѣжимъ, цвѣтущимъ языкомъ, а тѣ, которые уродовали его натуральныя звуки пріисканными украшеніями, будутъ несносными въ чтеніи уже для втораго поколѣнія. Этой непреложной истины никогда не должны выпускать изъ виду писатели, которые хотятъ быть читанными съ удовольствіемъ и послѣ своей смерти. Пушкинъ заставилъ русскій языкъ сдѣлать огромный шагъ къ естественности: онъ ближе всѣхъ подошелъ къ неподдѣльному русскому слову, и очень жаль, что остатки школьной привычки и предрасудковъ, посвященныхъ наставниками, удержали его отъ послѣдняго шагу. Онъ по-несчастію сохранилъ въ своемъ слогѣ нѣкоторыя ложныя украшенія живыхъ звуковъ, почитавшіяся въ ту эпоху изящными, необходимыми, нераздѣльными съ русскимъ языкомъ, и эти-то несчастныя украшенія скоро будутъ очень непріятно поражать его читателей. Они уже и теперь не-пріятны.

Пушкинъ не осмѣлился ихъ изъбгнуть: можно сожалѣть объ этой робости, неумѣстной въ великомъ художникѣ, но нельзя обвинять его. Болѣе очищенный, болѣе строгій вкусъ слѣдующихъ поколѣній одно только поставитъ ему въ упрекъ, именно, употребленіе, въ русскомъ языкѣ, формъ другаго языка, такъ-называемаго славянскаго, *вмѣсто* настоящихъ русскихъ, *злато* вмѣсто *золото*, *младость*, *младал*, вмѣсто *молодость*, *молодая*, и такъ далѣе, просто

по небрежности; потому что Пушкинъ зналъ и чувствовалъ, что это противно чистому вкусу и не позволительно въ настоящемъ искусствѣ, и между-тѣмъ позволялъ себѣ такіа поиранія правъ роднаго языка, уже не по предрасудку, а для рѣшмы или для мѣры въ стихѣ. Когда основанія искусства и достоинство русскаго языка лучше будутъ поняты, когда все постигнутъ, что ни въ какомъ образованномъ и просвѣщенномъ языкѣ не позволено насиловать коренныхъ формъ его и замѣнять ихъ формами другаго языка или нарѣчія, эти макаронизмы много повредятъ прелести пушкинскаго стиха въ произведеніяхъ, не скрѣпленныхъ печатью поэтическаго генія.

Но это еще не бѣда. Гений, заключенный въ другихъ его твореніяхъ, покроетъ все эти пятна, недостатки, небрежности. Пушкинъ всегда будетъ великимъ русскимъ поэтомъ. Настоящая бѣда—та, что онъ былъ великій поэтъ. Эти великіе поэты — самые несчастные люди на свѣтѣ: починивъ перо, они не могутъ написать ни одной строчки, ни одной буквы, на лоскуткѣ бумаги, для «пробы пера», чтобы, послѣ ихъ смерти, этой строчки, этой буквы, не напечатали въ собраніи ихъ сочиненій. Столяръ, сапожникъ, имѣютъ право худо обрѣзать кусокъ кожи или дерева и бросить его, какъ-скоро увидятъ, что работа не удалась, что это дурно и ни къ чему не служитъ. Великій поэтъ не имѣетъ этого права надъ своими издѣльями: всякую неудавшуюся мысль его, всякій испорченный кусокъ идетъ, который онъ бросилъ какъ негодный, неловкіе обожатели подберутъ съ его могилы и поставятъ между произведеніями его генія.... Это ужасно! Это значитъ давать публикѣ ложное понятіе объ его вкусѣ, сужденіи и талантѣ, обижать его самого въ могилѣ, оказывать неуваженіе къ его волю. Изъ-за одного этого вскорѣ никто не захочетъ быть великимъ поэтомъ. Сохраните эти списанные имъ лоскутки какъ автографы; если нужно, продавайте ихъ какъ автографы: каждый ихъ купить, и они сохранятся. Предоставьте отдаленному потомству это напрасное оскорбленіе памяти великаго человѣка: отдаленныя потомства считаютъ себя въ правѣ, изъ любопытства, разрывать могилы, раскидывать кости умершихъ, грабить дома вѣчнаго ихъ упокоенія; для нихъ нѣтъ ничего святаго, и эти свято-

татства еще величаются у нихъ почетными именами «антикварства» и «науки». Но мы — не алчные антикваріи въ отношеніи къ великимъ поэтамъ, съ которыми жили: мы ходимъ молиться на ихъ могилу, печаль наша еще не угасла, и мы обязаны къ нимъ по-крайней-мѣрѣ тѣмъ уваженіемъ, безъ котораго нѣтъ печали. Мы вовсе не любопытны читать то, что сами они признали недостойнымъ своей славы, и къ чему никогда не захотѣли бы приложить своего имени. Этими ничтожнымъ листкамъ бумаги древность еще не придава важности, и они, для насъ, не имѣютъ ни какой цѣны, а для великихъ поэтовъ, которыхъ духъ живетъ еще между нами, составляютъ жестокою обиду.

По примѣру собирателей всякихъ разныхъ произведеній едва умершаго Гёте, издатель новаго собранія «Сочиненій Пушкина» счелъ долгомъ, въ этихъ трехъ томахъ, напечатать безъ разбору все, что могъ собрать изъ его неизданныхъ трудовъ. Вся благоразумные почитатели Пушкина будутъ сожалѣть объ этой неумѣстной поспѣшности. Надлежало сдѣлать, напротивъ, осторожный выборъ и устранить многія изъ мелочей, внесенныхъ въ это собраніе. Два очень слабыя произведенія, «О Ценсурѣ», и «Русская изба», могли также быть пропущены. Между-тѣмъ, несчитая множества извѣстныхъ піесъ и статей Пушкина, разсыянныхъ въ журналахъ и которыя, положимъ, войдутъ еще въ составъ не изданнаго тринадцатаго тома, здѣсь допущены настоящіе пропуски. Напримѣръ, въ поэмѣ, названной «Каменнымъ гостемъ», пропущены двѣ прекрасныя пѣсни Лауры, одна, всѣмъ извѣстная, «Ночной зефиръ Струитъ зѣнрь», другая, не напечатанная, но тоже извѣстная публикѣ, потому что она была положена на музыку М. И. Глинкою :

«Я здѣсь, Ивезилья,
Стою подъ окномъ.
Объята Ссвилля
И мракомъ и сномъ.

Исполненъ отвагой,
Окутанъ плащомъ,
Съ гитарой и шпагой,
Я здѣсь подъ окномъ.

Ты спишь ли? — гитарой
Тебя разбужу;
Проснется ли старый? —
Мечомъ уложу.

Шелковыя петли
Къ окошку привьсь....
Что медлишь?.... Ужь нѣтъ ли
Соперника здѣсь?...

Я здѣсь, Иезилья,
Стою подь окномъ.
Объята Севилья
И иракомъ и сномъ..

Какъ бы то ни было, въ числѣ стихотвореній, впервые напечатанныхъ, девятый томъ заключаетъ въ себя много піесъ превосходныхъ: такова, на примѣръ, «Памятникъ»:

«Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворной;
Къ нему не заростетъ народная тропа;
Вознесся выше онъ главою непокорной
Наполенова столпа.

Нѣтъ! весь я не умру: душа въ завитой лирѣ
Мой прахъ переживетъ и глѣбья убъжитъ —
И славень буду я, доколь въ подлунномъ мѣрѣ
Живъ будетъ хоть одинъ пѣтъ.

Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ всѣмъ языкѣ —
И гордый ввукъ Славявъ, и Финявъ, и вывъ дикой
Тунгузъ, и другъ степей Калмыкъ.

И долго буду тѣмъ народу я любезень,
Что чувства добрыя я лирой пробуждаю,
Что прелестью живою стихомъ я былъ полезенъ.
И милость къ падшимъ призывалъ.

Велѣваю Божію, о муза! будь послушна:
Обиды не страшись, не требуй и вѣнца;
Хвалу и клевету приѣми равнодушно
И не оспаривай глупца.»

Маленькая поэма «Осень» также прелестна:

I.

«Октябрь уж наступил; уж роща отряхает
 Последние листы съ нагих своих ветвей;
 Дохнул осенней хладъ, дорога промерзаетъ;
 Журча еще бѣжитъ за мельницу ручей,
 Но прудъ уже застылъ; соседъ мой поспѣшаетъ
 Въ отъезжія поля съ охотою своей —
 И страдаютъ озими отъ бышеной забавы,
 И будить лай собакъ уснувшія дубравы.

II.

Теперь моя пора : я не люблю весны;
 Скучна мнѣ оттепель : вонь, грязь; весной я болѣю :
 Кровь бродитъ, чувства, умъ тоскою стѣснены;
 Суровою зимой я болѣе доволенъ;
 Люблю ея снѣга; въ присутствіи луны,
 Какъ легкой бѣгъ саней съ подругой быстръ и волею,
 Когда, подъ сободемъ согрѣта и свѣжа,
 Она вамъ руку жметъ, пылая и дрожа!

III.

Какъ весело, обувъ желѣзомъ острыя ноги,
 Скользить по зеркалу стоячихъ, ровныхъ водъ!
 А зимнихъ праздниковъ блестящія тревоги?...
 Но надо знать и честь; пол-года снѣгъ да снѣгъ,
 Въдъ это наконецъ и жителю берлоги,
 Медвѣдю, гадость. Нельзя же целый вѣкъ
 Кататься вамъ въ саняхъ съ Армидами молодыми,
 Иль киснуть у печей за стеклами двойными.

IV.

Охъ, лѣто красное! любилъ бы я тебя,
 Когда бъ не зной, да пыль, да комары, да мухи.
 Ты, все душевныя способности губя,
 Насъ мучишь; какъ поля, мы страдаемъ отъ засухи;
 Лишь какъ бы напоятъ, да освѣжить себя
 Иной въ насъ мысли нѣтъ — и жаль зны старухи,
 И, проводивъ ее блгами и виномъ,
 Помини ся творимъ мороженымъ и льдомъ.

V.

Дни поздней осени бранятъ обыкновенно;
 Но мнѣ она мила, читатель дорогой :

Красою тихою, блистающей смиренно,
 Какъ вѣлюбимое дитя въ семьѣ родной,
 Къ себѣ меня влечетъ. Сказать вамъ откровенно:
 Изъ годовыхъ времени я радъ лишь ей одной;
 Въ ней много добраго, любовникъ вѣщеславной,
 Умѣлъ я отыскать мечтою своенравной.

VI.

Какъ это объяснить? Мнѣ нравится она,
 Какъ, вѣроятно, вамъ чахоточная дѣва
 Порою нравится. На смерть осуждена,
 Бѣдняжка клонится безъ ропота, безъ гнѣва;
 Улыбка на устахъ увянувшихъ видна;
 Могильной пропасти она не слышитъ зѣва,
 Играетъ; на лицѣ еще багровый цвѣтъ —
 Она жива еще сегодня — завтра цвѣтъ.

VII.

Унылая пора! очей очарованье!
 Приѣтва мнѣ твоя прощальная краса;
 Люблю я пышное природы увяданье,
 Въ багрецѣ и въ золото одѣтые лѣса,
 Въ ихъ сѣняхъ вѣтра шумъ и свѣжее дыханье,
 И мглой волнистою покрыты небеса,
 И редкій солнца лучъ, и первые морозы,
 И отдаленныя сѣдой зимы угрозы.

VIII.

И съ каждой осенью я расцвѣтаетъ вновь:
 Здоровью моему полезень Русской холодъ;
 Къ привычкамъ бытія вновь чувствую любовь:
 Чредой слетаетъ сонъ, чредой находитъ голодъ;
 Легко и радостно играетъ въ сердцахъ кровь,
 Желанія кипятъ — я снова счастливъ, молодъ,
 Я снова жизни полнъ — таковъ мой организмъ.
 (Извольте мнѣ простить ненужный прозаизмъ.)

IX.

Ведутъ ко мнѣ коня; въ раздолія открытою,
 Махая гривною, онъ всадника несетъ —
 И звонко подъ его блистающимъ копытомъ
 Звездетъ промерзлый долъ и трескается ледъ.

Но гаснет краткій день, и въ комелькѣ забытомъ
Огонь опять горитъ, то яркій свѣтъ лѣтъ,
То тлѣетъ медленно; а я надъ нимъ читаю,
Иль думы долгія въ душѣ моей питаю,

X.

И забываю міръ — и, въ сладкой тишинѣ,
Я сладко усыпленъ моимъ воображеньемъ,
И пробуждается поэзія во мнѣ:
Душа стѣсняется лирическимъ волненьемъ,
Трепещетъ и звучитъ и ищетъ, какъ во снѣ,
Изливъ наконецъ свободнымъ проявленіемъ —
И тутъ ко мнѣ идетъ незримый рой гостей,
Знакомцы давніе, плоды мечты моей.

XI.

И мысли въ головѣ.....
И рифмы легкія навстрѣчу имъ бѣгутъ,
И пальцы просятся къ перу, перо къ бумагѣ,
Минута — и стихи свободно потекутъ.
Такъ дремлетъ недвижимъ корабль въ недвижной влагѣ;
Но... чу! матросы вдругъ кидаются, ползутъ
Вверхъ, внизъ — и паруса надулись, вѣтра полны:
Громада двинулась и разсѣкаетъ волны.

«Подражанія Данту», два маленькіе отрывка, прекрасны. Подъ особеннымъ заглавіемъ помѣщены три *последнія* стихотворенія Пушкина. Для любопытства читателей, мы приведемъ самое последнее, оставленное авторомъ, какъ кажется, безъ заглавья:

Опять на родинѣ! я посвятилъ
Тотъ уголокъ земли, гдѣ я провелъ
Отшельникомъ два года незамѣтныхъ.
Ужъ десять лѣтъ ушло съ тѣхъ поръ, и много
Перемянилось въ жизни для меня,
И самъ, покорный общему закону,
Перемянулся я; но здѣсь опять
Минувшее меня объемлетъ живо
И кажется вчера еще бродилъ
Я въ этихъ рощахъ.

Вотъ смиренный домикъ,
Гдѣ жилъ я съ бѣдой нянею моею.

Уже старушки вить, ужь за ствою
 Не слышу я шаговъ ея тяжелыхъ,
 Ни утреннихъ ея дозоровъ. Вотъ
 И холмъ лѣсистый, надъ которымъ часто
 Я снживалъ недвижныи, и глядѣлъ
 На озеро, вспоминая съ грустью
 Ивыя берега, ивыя волны....
 Межъ нивъ златыхъ и пажитей зеленыхъ
 Оно, снвивъ, стелется широко:
 Черезъ его невѣдомыя воды
 Плаваютъ рыбаки и таятъ за собой
 Убогой неводъ. По брегамъ отлогимъ
 Разсыяны деревни; тамъ, за ними,
 Скривилась мельница, на силу крылья
 Ворочая при вѣтрѣ....

На границѣ

Владѣній дѣдовскихъ, на мѣстѣ томъ,
 Гдѣ въ-гору подымается дорога,
 Изрытая дождями, три сосны
 Стоять, по-одалъ двѣ другія
 Другъ къ дружкѣ близко. Здѣсь, когда ихъ мимо
 Я проѣзжалъ верхомъ при свѣтѣ лунной ночи,
 Знакомымъ шумомъ вѣтеръ съ ихъ вершинъ
 Меня привѣтствовалъ. По той дорогѣ
 Теперь повхалъ я, и предъ собою
 Увидѣлъ ихъ опять. Онъ всё тѣ же,
 Всё тотъ же ихъ знакомый слуху шорохъ;
 Но около корней ихъ устарѣлыхъ,
 Гдѣ вѣкогда все было пусто, голо,
 Теперь младая роща разрослась;
 Зеленою семьей кусты тѣснятся
 Подъ сѣнью ихъ, какъ дѣти.
 Стоитъ одинъ угрюмый ихъ товарищъ,
 Какъ старый холостякъ, и вокругъ него
 По-прежнему все пусто.

Здравствуй, племя

Младое, незнакомое! Не я
 Увижу твой могучій поздній возрастъ,
 Когда перерастешь моихъ знакомцевъ
 И старую главу ихъ засловишь
 Отъ глазъ прохожаго. Но пусть мой внукъ
 Услышитъ вѣшь пріятный шумъ, когда,
 Съ пріятельской бесѣды возвращаясь,
 Веселыхъ и пріятныхъ мыслей полвъ,

Пройдетъ онъ мимо васъ во мракъ ночи
И обо мнѣ вспоминаетъ.....

Въ «Прибавленіи» находятся «Лицейскія стихотворенія» Пушкина. Въ десятомъ томъ, въ которомъ содержатся повѣсти, встрѣтили мы одно изъ прелестнѣйшихъ его произведеній въ этомъ родѣ, повѣсть «Дубровскій». Эта повѣсть, занимающая около ста пятидесяти страницъ и нигдѣ не напечатанная, заслуживаетъ полнаго вниманія, и позво-брътению, и по разсказу. Одиннадцатый томъ заключаетъ въ себѣ тринадцать прозаическихъ статей, въ томъ числѣ шесть новыхъ.

РУССКАЯ БЕСѢДА. *Собраніе сочиненій русскихъ литераторовъ, издаваемое въ пользу А. Ф. Смирдина. СПбурга, въ тип. И. Академіи Наукъ, 1841, въ-8. Томъ первый, стр. 682.*

Тѣнь великодушнаго Пушкина, вѣрно, страдаетъ еще и при мысли, что геній его, улетѣвшій въ свое надзвѣздное отечество, уже не можетъ принять участія въ этомъ изданіи и оказать своего покровительства Смирдину. Но въ добромъ дѣлѣ Богъ явственно благословилъ талантъ русскихъ литераторовъ: первый томъ «Русской бесѣды» издаваемой ими, то есть, нами всѣми, на поддержаніе полезнаго челоуька, благороднаго книгопродавца-издателя, котораго литература поставила въ стѣсненные обстоятельства и котораго она же должна вывести изъ затрудненія, тягостнаго для всей читающей публики, — этотъ томъ, составленный наскоро изъ первыхъ собранныхъ матеріаловъ и напечатанный еще скорѣе, превзошелъ всѣ ожиданія. Книга чрезвычайно занимательна. Этотъ первый томъ «Бесѣды», — второй уже печатается, — наполненъ прелестными стихотвореніями, остроумными разсказами, прекрасными романами, — потому что нельзя назвать иначе двухъ обширныхъ повѣстей Федора Фанъ-Дима и П. П. Каменскаго, «Александрина», и «Фультонъ». Эти два сочиненія стоятъ сами по себѣ двухъ хорошихъ книгъ. Особенно «Александрина», своимъ сильнымъ интересомъ, плѣнительнымъ разсказомъ, теплымъ чувствомъ, тонкимъ наблюденіемъ сердца и общества, возбу-

идаетъ всеобщее восхищеніе : ее читаютъ и перечитываютъ по нѣскольку разъ. Не нужно и говорить , что въ подлиннѣ *Федора фанъ-Дима* скрывается другое имя , которое столь примѣчательный талантъ не можетъ надолго сѣтовать за таинственнымъ занавѣсомъ. Тѣ , которые уже прочитали «*Александрину*», узнали въ ней перо даровитой русской дамы.

Вотъ списокъ примѣчательнѣйшихъ сочиненій , вошедшихъ въ первый томъ «*Русской Бесѣды*» : во-первыхъ , «*Александрина*»; во-вторыхъ , «*Фультонъ*»; далѣе , повѣсть *Кукольника* , «*Князь Маргеръ Пилонскій* , разсказъ *Цвиркуна* , великаго конюшаго великаго княжества литовскаго ; повѣсть госпожи *Жуковой* , «*Ландыши*»; разсказъ *И. Панаева* , «*Русская барыня*»; драма «*Кочубей*», въ трехъ дѣйствіяхъ , въ стихахъ , *И. Кульжинскаго* ; драматическая сцена «*Данте*», автора *Путешествія къ Святымъ Мѣстамъ*; стихотворенія *Державина* , *Батюшкова* , *Бенедиктова* , *Губера* , *Бороздны* , *Бернета*.

Эта книга должна быть немедленно читана всѣми , кто знаетъ русскую грамоту и любитъ литературу своего языка , и выписки изъ нея были бы бесполезны. Взамѣнъ , я доставлю вамъ случай прочесть кое-что изъ маленькой , скромной , но примѣчательной , книжечки , которой вамъ , навѣрное , не удастся быть читателями :

СТИХОТВОРЕНІЯ ВОСПИТАННИКА ПЯТАГО КЛАССА *Виленскаго Дворянскаго Института* , *Юлія Миньята*. Вильно , въ тип. *Марциновскаго*. 1841, въ-8., стр. 52.

Въ 1839 году , при выходѣ въ свѣтъ «*Опытовъ въ русской словесности воспитанниковъ гимназій бѣлорускаго учебнаго округа*», мы имѣли случай говорить о счастливомъ усиліи нынѣшняго министерства народнаго просвѣщенія , о томъ благодѣтельномъ вниманіи , какое оно обратило на воспитаніе юнаго дворянства древней Западной Руси. Семя , брошенное искусною рукою въ добрую почву , должно было принести хорошіе плоды. Это пылкое , даровитое юношество скоро полюбило прекрасный языкъ *Державина* и *Пушкина* , прониклось ихъ русскими чувствованіями , и начинаетъ уже составлять надежду нашей литературы. «*Стихо-*

творенія» молодого Юлія Миньята служить доказательствомъ этого. Вотъ одно изъ нихъ, «Русскій орелъ»; и, надобно-кровенно сказать, въ нашей текущей словесности обихъ столицъ не много съищется равныхъ ему по достоинству мысли и изложенія :

«Куда летишь, Орелъ двуглавой,
Съ щитомъ блестящимъ на груди,
Съ короной, съ скипетромъ, съ державой?
Твой мощный клевъ еще въ крови :
Чью кровь ты пилъ? Чей трупъ кровавой
Мчатъ Угры быстрыя струи ?

То трупъ губительнаго Змія.
Была пора, когда грозой
Съ толпами грознаго Батыя
Опустошалъ онъ край родной ;
Но встрепенулася Россія —
И Змій пощипнулъ головой.

Безумной злобою пылая,
Леталъ съ заката къ намъ Орелъ,
Роднаго брата грудь терзая.
Онъ хищныхъ коршуновъ къ намъ велъ,
И долго кровь лилася родная
За славный Грознаго престоль. 4

И, кровью собственной облитый,
Повникъ державною главой
Орелъ нашъ въ полъ знаменитый ;
Но Русь воспрянула.... и въ бой
Леталъ онъ бодро для защиты
Своихъ птенцовъ, страны родной.

Короны сѣверной державы
Хотѣли Русскую затмить,
И славный нашъ Орелъ двуглавой
Подъ Нарвой ими былъ разбитъ ;
Но имъ отмстилъ онъ подл Полтавой —
И мстилъ, какъ Царь Великій мстить.

Бывали дни, когда бѣдою
Двурогій извѣстъ намъ грозилъ,

И рати шли на насъ толпою;
 Казалось, часъ послѣдній былъ;
 Но Русскій сталь отважно къ бою —
 И нашъ Орелъ Луву сразилъ.

И Русь смутилась, ожидая
 Временщика между Орловъ;
 За нимъ во слѣдъ, войной пылая,
 Толпы шли Тигровъ, Птиць и Львовъ;
 Орлы отъ Одсра, съ Дуная
 И съ бурныхъ Вислы береговъ.

И съ великаномъ споръ перавный
 Уже не къ силу Русскимъ сталъ;
 Но вкоонецъ нашъ Царь державный
 Надъ пришлецомъ торжествовалъ:
 Бвжалъ Орелъ когда-то славный;
 Парижъ передъ Москвою палъ.

Пари, носись, Орелъ, высоко
 Ты надъ Россіею святой,
 И зорко-бдительнаго ока
 Ты не спускай съ страны родной,
 И крылья ты разбрось широко:
 Подъ ними счастье и покой!»

**Прекрасно! Посмотрите, какіе ловкіе и прелестные стихи
 въ этомъ переводѣ изъ Шиллера, «Альпійскій охотникъ»:**

«— Не желаешь ли весною
 На поляхъ съ овцами жить?
 Будешь ихъ кормить травою,
 Свяжею струей поить. —
 «Отпусти меня, родная,
 На скалы роднаго края!»

— Можеть-быть, ты хочешь въ поле
 Стадо тучныхъ гнать коровъ?
 Любо, весело на волъ,
 Средь отеческихъ луговъ. —
 «Отпусти меня, родная,
 На скалы роднаго края!»

— Или полнвай ты резм
 На пестрбюшникъ гряджъ :
 По скаламъ лишь скачуть козы ;
 Дико ва пустыжъ горехъ. —
 •Пожалй, родная, сына :
 Мнз душна твоя долина !»

Юноша пошелъ на ловлю,
 Сердце въ даль его влечеть,
 И родимую опъ кровлю
 Промъглялъ на неба сводъ.
 По скаламъ пустыннымъ бродить...
 Вдругъ предъ нимъ коза уходитъ.

И привычною ногою
 Скачетъ по скаламъ она,
 Черезъ пропасти стрѣлою
 Уббгаеть отъ стрѣла.
 Но отважно, по упорно
 Онъ ббжить за ней проворно.

На скале теперъ высокой
 Сайга ббдная стоитъ ;
 Нтъ тропивки, — надъ широкой
 Пропастью утесъ висить.
 Бездна подъ ся ногами,
 Сзали юноша съ стрѣлами.

Взоромъ стрѣла молодого
 Молить съ трепетомъ она,
 Молить тщетно ; ужъ готова
 Смертоносная стрѣла.
 Вдругъ изъ мрака бездны черной
 Показался Старець Горной.

И мохнатыми руками
 Сайгу горный духъ прикрылъ ;
 «Мало ль мвста подъ горами ?»
 Грозно онъ стрѣла спросилъ.
 «Моего не трогай стада ;
 «Помни : я его ограда !»

Но еще прекраснѣе чувство признательности, благодарно
 выраженное молодымъ поетомъ къ господину министру и

роднаго просвѣщенія, Сергію Семеновичу Уварову, который, будучи въ томъ краю исполнителемъ Высочайшей воли, умѣлъ привязать къ себѣ сердца молодыхъ своихъ питомцевъ :

« Незабвенное для насъ посѣщеніе вашего высокопревосходительства, ваше милостивое, отеческое вниманіе къ намъ, дѣтямъ, пробудило въ насъ живѣйшую любовь къ наукамъ и преимущественно къ русской словесности ; мы изперерывъ другъ передъ другомъ, всѣмъ сердцемъ и всею душою, старались быть достойными вашего ободрительнаго, драгоценнаго покровительства. Наравнѣ съ товарищами мною занимался я сочиненіями, и, чувствуя особенное расположеніе къ поэзій, пытался по временамъ мечты свои изливать на бумагу въ русскіихъ стихахъ. Зная по опыту вашу любовь къ намъ и желая выразить по возможности глубокую признательность, которой мы все исполнены къ вамъ, за ваши одобренія и милости, я осмѣливаюсь свой первый опытъ посвятить славному имени вашего высокопревосходительства. Пріймите благосклонно эту послынную дань нашей благодарной преданности и уваженія къ вашей особѣ. »

Revenons à nos moutons, — возвратитесь къ нашимъ баранамъ, то есть, къ нашимъ петербургскимъ Стихотвореніямъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ И. БОЧАРОВА. *СП.-бургъ, въ тип. Глазунова, 1842, въ-8., стр. 51.*

Какая неосторожность ! Какое неблагоразуміе ! Какъ это можно, за три мѣсяца впередъ, среди благополучно текущаго тысяча-осемь-сотъ-сорокъ-перваго года, выставлять на своей книжкѣ цифру будущаго, сорокъ-втораго ! Ну, а какъ книжка не доживетъ до начала сорокъ-втораго года?... Три мѣсяца!.... вѣдь это вѣчность для *Стихотвореній!* Многія породы Стихотвореній живутъ еще короче мошекъ, которыя всего живутъ двѣ недѣли : на третьей недѣлѣ, для мошекъ и для большей части Стихотвореній, начинается уже безпристрастное потомство. И въ самомъ дѣлѣ.... вотъ что значитъ опережать свой вѣкъ даже тремя мѣсяцами!.... въ самомъ дѣлѣ, эти юныя, полныя прелестнѣйшихъ надеждъ «Стихотворенія», радость и упованіе своего почтеннаго родителя, господина И. Бочарова, будущаго подпора Литературной Лѣтописи, которая только и жила лестною мыслию, что въ сорокъ-второмъ году ей будетъ о чемъ разговаривать-

ся, эти дорогія «Стихотворенія»—о горе!—скончались пять минутъ тому назадъ! Блѣдный, посинѣвшій, бездыханный трупъ ихъ лежитъ, вотъ на этомъ столѣ, между двумя свѣчами, и Лѣтопись, преклонивъ колѣни, въ слезахъ, въ глубокомъ траурѣ, читаетъ надъ ними отходную. Холодъ уже проникнулъ ихъ нѣжные члены. Юныя черты приняли видъ глубокой старости. Души, чувства, жизни, мысли, смыслу, какъ-будто не бывало! Осиротѣвшая Литературная Лѣтопись, съ душевнымъ прискорбiемъ и черною рамкою, извѣщаетъ читателей о кончинѣ «Стихотвореній» господина И. Бочарова, послѣдовавшей пять минутъ тому назадъ, на двадцать-пятихъ суткахъ ихъ жизни, и проситъ сдѣлать честь пожаловать на выносъ ихъ тѣла, который имѣетъ быть сейчасъ же, а оттуда на кладбище. Проводите ихъ до могилы, добрые читатели!... да и, что долго думать, похоронимъ ихъ тутъ же, но съ подобающею честью. Я самъ не пожалѣю собственнаго моего краснорѣчiя, чтобы сказать рѣчь, причиную *сему* печальному случаю.—Прощайте, «Стихотворенія» господина И. Бочарова!... прощайте навсегда! Сiя жестокая, сырая земля, которую мы уже держимъ въ хладныхъ дланяхъ нашихъ, скоро разлучитъ насъ навѣки съ драгоценнѣйшими останками вашими.... Внемлите гласу нашему въ послѣдній разъ; воззрите усопшими очами на слѣзы и рыданiя наши: да облегчитъ сiя душевная печаль всего почтеннаго собранiя, и особенно сей несчастной сироты, ея благородiя Литературной Лѣтописи, вѣчное упокоенiе ваше въ сей мрачной могилѣ. Не сожалѣйте о семъ суетномъ мiрѣ, исполненномъ горестей, заботъ и плохихъ стиховъ: тамъ — будетъ вамъ лучше! Вы были рождены не для сего мiра, не для сего времени, а для будущаго года, въ коемъ люди навѣрное будутъ лучше чѣмъ въ нынѣшнемъ, столь равнодушномъ для молодыхъ стихотворенiй. О! зачѣмъ люта судьба не дозволила вамъ дожить до сего вождеденнаго года... Вы отъ рожденiя были ему предназначены, и одинъ онъ умѣлъ бы достойно оцѣнить ваши добродѣтели. Теперь намъ остается только горькое воспоминанiе о слишкомъ кратковременной вашей жизни, коей исторiю покорнѣйше просимъ выслушать. — «Стихотворенiя», кои лежатъ на днѣ сей бездонной могилы, родились въ началѣ сего октября мѣсяца

отъ почтеннаго, но небогатаго поэзіей, родителя, господина И. Бочарова. Въ день рожденія своего на свѣтъ, они были молоды, очень молоды! Достойный ихъ родитель, по праву стихотворцевъ всякаго чина и званія, былъ влюбленъ въ «дѣву», восхищался ея прелестями, миловалъ и жаловалъ ее своимъ «ангеломъ-хранителемъ». Вдругъ не ему, —

«... другому молодцу
Предалася дѣва чудная!»

И мало того, что *предалася* : она еще коварно насмѣялась надъ «неуслышанной» страстью поэта, и уѣхала «въ далекій край» съ вышерѣченнымъ *другимъ молодцомъ*. Чтò, спрашивалъ несчастный поэтъ, было мнѣ дѣлать въ такихъ обстоятельствахъ?...

Чтò, скажите, было дѣлать мнѣ?
Я не взвидѣлъ свѣту Божьяго,
И... сложилъ впервые пьсенки, —

которыхъ потерю мы теперь оплакиваемъ. Проклятая дѣва!.... Вы понимаете, въ какое негодование долженъ былъ прійти поэтъ отъ таковаго поступка дѣвы и чтò могъ онъ сказать ей на это:

«Пренебрегла ты гимнъ смиренный
И непорочную любовь!
Твой взоръ душъ моей смущенной
Не посулитъ блаженства взовь!»

Твоихъ рѣчей, чудесно стройныхъ,
Мнѣ вѣчно, вѣчно не слышать;
Въ священный мигъ ночей безмолвныхъ
Къ твоей груди не припадать!

Страдалецъ бѣдный, одинокой,
Путь скорбей, въ слезахъ, пойду;
Какъ сирота въ глуши далекой,
Въ гробъ, неоплаканный, сойду!

Ни отъ кого мнѣ вздохъ участья
Земнрь, порою, не домчитъ;
Никто потеряннаго счастья
Не возвратитъ, не подаритъ!....

Ньтъ, ньтъ! к чему безумный лепеть
И безнадежная печаль,
И этот стонъ, и сердца трепеть?...
Завѣтныхъ дней ужъ мнѣ не жаль!

Не жаль? А что жъ въ душѣ смущенной?
Что страшно такъ волнуетъ кровь?
Не я, — *другой* самозабвенно
Ей шепчетъ про свою любовь!»

И это, пуще всего, его огорчало, что тотъ, «другой», шепталъ ей *самозабвенно*! Изъ сей-то несчастной любви, наполнившей дни его мрачною тучею ямбовъ и печальными приемами, родилась сія бездыханная книжечка, въ двадцать четыре стихотворенія, опущенная нами въ сію глубокую яму, гдѣ она и истлѣетъ до будущаго 1842 года.

«И — конченъ мигъ очарованій!....
Спускаясь, занавѣсь шумить.
Ты слышишь громъ рукоплесканій?
Тебя толпа благодаритъ!
Но, болѣе толпы надменной,
Цвѣя талантъ великій твой,
Безмолвно Летопись смиренна
Благоговѣетъ предъ тобой.
Кумирь взыскательнаго свѣта
Въ сіяньхъ чистой красоты,
Надъ страстною душой поэта,
Скажи, чего не можешь ты?....»

Полно! полно!.... я, отъ горести, уже самъ не знаю, что говорю.... Что сказалъ я теперь?... Поняли ль вы?... Я совсемъ не понимаю! Слова мои, — то есть, не мои : вы догадываетесь, чьи это слова, — тонутъ въ пучинѣ слѣзъ.... голось мой ослабѣваетъ.... я *не взвижу свѣту Божьяго!*.... упадаю!.... Держите меня!

Теперь, добрые читатели, умиленно бросьте каждый горсть земли на бранныя останки сихъ покойныхъ «Стихотвореній», и пусть болѣе не будетъ объ нихъ рѣчи. — Не дѣмте, лучше, всѣ вмѣстѣ объѣдать, и тамъ, за «чашей круговой», будемъ пѣть вологодскія пѣсни, или —

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ ВОЛОГОДСКОЙ И ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНІИ, собранныя Ѳ. Студитскимъ. СПб-бургъ, въ тип. Бородина, 1841, въ-16., стр. 188 и 116.

Большаго удовольствія отъ этой забавы я вамъ не обещаю, вамъ, которые такъ хорошо понимаете значеніе народныхъ пѣсень относительно къ народной поэзіи и значеніе народной поэзіи относительно къ поэзіи вообще. Эта квадратная книжечка, — нечего васъ напрасно обманывать, — этотъ красивый сборникъ господина Студитскаго, далеко не отвѣчаетъ вашей идее о хорошей книгѣ въ томъ именно родѣ, къ которому онъ принадлежитъ. Издатель называлъ его «Народными пѣснями вологодской и олонецкой губерній»: следовательно, тутъ должно бы ожидать пѣсень, во-первыхъ, совершенно *народныхъ*, во-вторыхъ, совершенно *вологодскихъ* и *олонецкихъ*. Издатель такъ и понимаетъ дѣло, рассуждая объ немъ въ предисловіи, гдѣ между прочимъ онъ говоритъ еще, что пѣсни, имъ собранныя, «почти все не напечатаны». Но если говорить по совѣсти, то большая часть этихъ пѣсней не принадлежитъ ни олонецкой ни вологодской губерніи: вы слышали ихъ на всемъ пространствѣ Россіи, отъ Петербурга до Оренбурга, и многія изъ нихъ очевидно изложены далеко отъ поэтической Вологды. Народности въ нихъ, пѣсняхъ, — самая бездѣлица, почти не примѣтна: есть только *простонародность*, грубая, не поэтическая, нескладная. Половина пѣсень украшена позднѣйшими вставками; другія носятъ на себѣ всѣ признаки искусственнаго сочиненія въ простонародномъ стилѣ. Что касается до утвержденія, будто онъ *почти все не напечатаны*, то я долженъ просить у васъ извиненія за издателя, который въ этомъ мѣстѣ не примѣтилъ важной опечатки: чѣтай — *почти не все напечатаны*: въ самомъ дѣлѣ, онъ *почти не все* находятся въ старинныхъ пѣсенникахъ, и подлинный текстъ ихъ сохраненъ тамъ лучше чѣмъ въ этомъ.

Между-тѣмъ, я разскажу вамъ, дорогою, очень занимательную исторію о Брильянтѣ и Розѣ:

Брильянтъ и Роза, мистерія въ трехъ дѣйствіяхъ, съ хорами и куплетами. Передѣлалъ съ немцаго Ѳ. Мил-

лоръ. Москва въ тип. Лазаревыхъ, 1841, въ-18., стр. 140.

Не пугайтесь, однако жъ; даромъ, что она московская мистерія: на этотъ разъ дѣйствіе происходитъ не въ снѣгахъ, но въ Берлинѣ и его окрестностяхъ. Тамъ живетъ Оберонъ, царь эльфовъ, король поэзиі, великій герцогъ музыки, живописи, и прочая, и у него имѣется дочь, по имени Роза Обероновна. У его сосѣда, царя гномовъ, князя на золотъ и серебръ, всѣхъ копѣекъ, рублей, гульденовъ, талеровъ и червонцевъ обладателя, напротивъ, есть сынъ, по имени Брильянтъ. Брильянтъ любитъ Розу, Роза любитъ Брильянта, и они, вслѣдствіе искони принятаго на подобный случай у эльфовъ и гномовъ обыкновенія, хотятъ тотчасъ же жениться другъ на другъ. Но, по странному стеченію обстоятельствъ, ихъ могущественные родители состоятъ между собою въ брани по поводу вопросу, кто изъ нихъ могущественнѣе.

ЦАРЬ ГНОМОВЪ (*подходя къ Оберону*)

«Ну, мой любезный собратъ, надумался ли ты? хочешь ли наконецъ сознаться, что я имѣю болѣе власти, и болѣе значу, нежели ты?»

ОБЕРОНЪ.

Нѣтъ; если бъ ты былъ еще въ тысячу разъ богаче, и тогда скажу, что вѣтъ.

ЦАРЬ ГНОМОВЪ.

Какое заблужденіе! Послушай, дружище, деньги управляютъ міромъ, — это неоспоримая истина; всѣ сокровища земли принадлежать имъ: поэтому я въ полномъ правѣ могу назваться властелиномъ міра.»

Но любезный собратъ царя гномовъ, дружище Оберонъ, стоитъ на своемъ, такъ, что для рѣшенія спору, повелитель гномовъ, царь мудрый какъ банкиръ, предлагаетъ нижеслѣдующее средство финансово-поэтическое, и говоритъ:

«Мы испытаемъ на дѣлѣ, кто изъ насъ сильнѣе. Мы пошлемъ дѣтей нашихъ на землю: пусть найдутъ они, между людьми, двухъ супруговъ, которые бы могли прожить въ любви и поэзиі безъ денегъ; пусть мой Брильянтъ дастъ имъ все въ изыществѣ, пусть исполняютъ всѣ ихъ прихоти, и если они останутся довольны своею судьбою и не требуютъ денегъ, тогда дочь твоя будетъ и моею дочерью.»

ОБЕРОНЪ.

Я надѣюсь, что дочь моя найдетъ двухъ смертныхъ, которые и безъ твоихъ сокровищъ будутъ наслаждаться счастьемъ.

ЦАРЬ ГНОМОВЪ.

Увидимъ.

ВРИЛЬЯНТЬ.

А сколько времени намъ должно употребить на это испытаніе?

ЦАРЬ ГНОМОВЪ.

Я хочу быть снисходителемъ къ такимъ пламеннымъ любовникамъ. Если избранная вами чета проживетъ безъ денегъ въ любви и поэзіи одинъ мѣсяць, не болѣе, тогда я васъ соединю. Согласенъ ли ты, другъ Оберонъ?»

Другъ Оберонъ — руками и ногами! — совершенно согласенъ. Брильянтъ и Роза улетаютъ «къ наземнымъ созданіямъ», искать, каждый съ своей стороны, двухъ такихъ супруговъ, которые могли бы прожить безъ денегъ въ любви и поэзіи. Но въ ту пору, то есть, во дни эльфовъ и гномовъ, всего можно было достать за безцѣнокъ въ большомъ городѣ, даже любви и поэзіи. Роза Обероновна; какъ умная двушка, отыскиваетъ бѣдняка-поэта, Аркадія, у котораго какъ и должно было предполагать, нѣтъ ни гроша денегъ, но зато есть нѣжная жена, Евгенія, къ завтраку, да молоко и хлѣбъ къ обѣду. Аркадію только-что кончилъ свою піесу, — летописи царства поэзіи не говорятъ какую, — и садится съ женою за умѣренную трапезу. Вдругъ, корзина цвѣтущихъ розъ является у ногъ Евгеніи; изъ корзины розъ выходитъ Роза, и между Розою Обероновною съ одной стороны и нѣжными супругами съ другой состоялся договоръ на нижеслѣдующемъ условіи: «Я, Роза, даю вамъ, нѣжнымъ супругамъ, обещаніе, что съ этой минуты вы не будете ни въ чемъ нуждаться: невидимые духи будутъ исполнять всѣ ваши желанія; а мы, нѣжные супруги, никогда имѣть денегъ, ни же требовать оныхъ, не будемъ.»

Роза махнула шарфомъ, и бѣдная комната бѣднаго поэта превращается въ красивый загородный домикъ съ прелестнымъ садомъ. Хорошо.

Посмотримъ, что между-тѣмъ дѣлаетъ Брильянтъ у «наземныхъ созданій». Онъ избираетъ для опыту также двухъ бѣдныхъ супруговъ, но проторговавшихся купцовъ, кото-

рые, послѣ банкротства, обыкновенно бываютъ чрезвычай-
но пѣжны. Антонъ, посвистывая, ходитъ взадъ и впередъ
по комнатѣ, а жена его, Анна, въ поношенномъ платьѣ, си-
дитъ у окна. У этой четы ужъ нѣтъ, не только денегъ, но
даже и молока съ хлѣбомъ; зато у нихъ есть двое голод-
ныхъ дѣтей, да цѣлый *хоръ* кредиторовъ. Очень пріят-
но!....

ХОРЪ КРЕДИТОРОВЪ.

«Денегъ намъ дайте,
Долгъ свой отдайте,
Денегъ намъ, денегъ скорѣй!
Мы добровольно
Ждали довольно;
Грѣхъ вамъ мочить людей!

ПЕРВЫЙ КРЕДИТОРЪ.

Время худое,
Дѣло плохое,
Вовсе торговлю хотъ брось.
Не до прибытка, —
Жди лишь убытка,
Не помогаетъ *авось*.

ВТОРОЙ КРЕДИТОРЪ.

Въ долгъ отпускаешь,
Такъ ужъ и знаешь:
«Охъ, онъ надуетъ меня!»
Глядь, — какъ сонъ въ руки, —
Онъ, безъ поруки,
Все прогусарилъ въ три дня!

ТРЕТИЙ КРЕДИТОРЪ.

Тотъ промотался,
Тотъ проигрался,
Тотъ же, смысленный злодѣй
Родственнымъ лицамъ,
Братцамъ, сестрицамъ,
Въ срокъ надавалъ векселей!

ЧЕТВЕРТЫЙ КРЕДИТОРЪ.

Вотъ и богатый,
И тороватый, —
Какъ не позвѣрить казнамъ? —

Глядь, а нивъсье,
Домъ, заведенъе,
Вся перезаложены!

ПЯТЫЙ КРЕДИТОРЪ.
Злишься, ругаешь,
Такъ и желаешь
Плута въ тюрьму засадить, —
А порасчислишь,
Такъ и размыслишь:
Надо его же кормить!

ВСѢ КРЕДИТОРЫ.
Плохо приходитъ!
Правъ, кто не плотить, —
Мы же смѣшны у людей.
Денегъ вамъ дайте,
Долгъ свой отдайте,
Денегъ намъ, денегъ скорвй!

АНТОНЪ.
Погодите, не кричите,
Вѣдь не къ смерти вамъ бѣда;
Денегъ вѣтъ, — и не взыщите, —
Что же дѣлать, господа?

ВСѢ КРЕДИТОРЫ.
Онъ же смѣется!
Видно велется
Все такъ на свѣтъ теперь!
Будеть вамъ худо:
Мы вѣдь отсюда
Вовсе не выйдемъ за дверь,

АННА.
Да пожалуй, хоть недѣлю
Здѣсь вы можете гостить.
Что же дѣлать, въ самомъ дѣлѣ,
Если нечѣмъ заплатитъ?!

ВСѢ КРЕДИТОРЫ.
Такъ хорошо же!
Судья на что же?

Будете помнить вы насъ!
 Ваше имя,е,
 Вамъ въ разоренье,
 Все мы опишемъ у васъ

АНТОНЪ И АННА.

Ну, извольте, мы вислолько
 Не жалемъ,—такъ и быть!
 Право жалко намъ васъ только.
 Чтò вы будете дѣлать?

ВСѢ КРЕДИТОРЫ.

Хоть неприятно,
 Но мы обратво
 Скоро съ гостями придемъ;
 Мебель, пожитки,
 Платья — до втки —
 Все мы у васъ оберемъ!

Едва ушли кредиторы, Брильянтъ, «окруженный краснымъ огнемъ», выходитъ изъ-подъ полу. Царевичъ гномовъ, дѣлаетъ съ Антономъ и Анной точно такое же условіе, какое царевна эльфовъ сдѣлала съ Аркадіемъ и Евгеніей, расплачивается съ ихъ кредиторами, *махаетъ* волшебнымъ жезломъ, и лачуга проторговывающагося и голоднаго кушца превращается въ великолѣпные покои, *посреди* которыхъ *покоевъ* является столъ съ разными кушаньями и винами. Брильянтъ произноситъ къ обрадованнымъ супругамъ краснорѣчивое увѣщаніе: «Все, что вы видите — есть ваша собственность. Живите теперь счастливо, и помните мое обещаніе. Смотрите, берегитесь! все это великолѣпіе обратится въ прахъ, если вы не сдержите своего слова.» И уходитъ. Сцена обжорства и лакомства.

Антонъ и Анна начинаютъ вести жизнь роскошную: у нихъ есть камердинеръ, поварь, буфетчикъ, горничныя, служанки, словомъ, всѣ элементы счастія «наземныхъ жителей»: но чтò за счастье, когда въ карманъ нѣтъ ни гроша денегъ! Дѣти просятъ на пряники: — нѣтъ! Пріатели и пріятельницы просятъ займы: — нѣтъ! Игроки зовутъ въ карты: денегъ нѣтъ!... Стыдъ и бѣда!

Между-тѣмъ, Аркадій и Евгенія поживаютъ прихваючи: они довольны тѣмъ, что есть, и не думаютъ о деньгахъ.

Правоученіе: поэты не такъ прихотливы какъ проторговавшіеся купцы.

Конецъ концовъ, Антонъ и Анна не выдержали: заняли двѣсти гульденовъ. Но Аркадій и Евгенія сохранили свое условіе свято и ненарушимо. Следовательно, на испытаніи, задача мудраго царя денегъ рѣшена въ пользу обѣихъ сторонъ: правъ Оберонъ, правъ и царь гномовъ. Розамъ Брильянтъ «упадаютъ въ объятія другъ къ другу». Занавѣсъ опускается. Теперь я вамъ предложу мудреную задачу для рѣшенія: скажите, зачѣмъ онъ поднимался?....

Если вы разрѣшите мнѣ эту задачу, то я вамъ предложу другую, еще мудренѣе: зачѣмъ напечатаныэти двѣ книжки,—

ночныя шалости молодого человѣка, написанныя въ духъ новѣйшей словесности, сочинилъ — инъ. Москва, въ тип. Смирнова, въ-18., двѣ книжки, стр. 102—100?

Что это «шалости», и шалости молодого человѣка, въ томъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія; но, чтобы онъ были «въ духъ новѣйшей», или какой-либо другой, словесности, этого я не вижу. Словесности тутъ вовсе нѣтъ ни какой, хотя впрочемъ есть признаки дарованія, которое, при лучшемъ употребленіи, могло бы произвести нѣчто похожее на словесность. Шалить на бумагѣ никому не воспрещено: многіе даже находятъ, что это очень полезно, потому что мѣшаетъ шалить въ то самое время на-дѣлѣ; но печатать написанныя шалости не дозволяется хорошимъ вкусомъ: вообще нѣтъ ничего скучнѣе шалостей въ печати.

Ночь. Вся Москва спитъ. Не спятъ только въ двухъ домахъ на Остоженкѣ. Въ одномъ домѣ, великолѣпномъ, балъ: это у барона Z***; въ другомъ, о пяти окнахъ, «довольно большая комната, убранная слишкомъ своенравно». Въ эту комнату входитъ сочинитель «ночныхъ шалостей», и, «по праву наблюдателя», видитъ, что на диванъ сидятъ.... Угадайте, кто сидитъ на диванѣ, въ довольно большой комнатѣ, убранной «слишкомъ своенравно»? На диванѣ сидятъ «двѣ противоположности»: одна противоположность блонкура, другая черноволосая; блонкурую противоположность зовутъ Дмитріемъ Розовскимъ, черноволосую, напротивъ,

Александръ П—вѣмъ. «Противуположности», разумеется, толкуютъ о противоположностяхъ, о женщинахъ и счастьяхъ :

« — Смѣшопъ, о! ты не повѣришь, какъ ты смѣшопъ, Александръ!... Врать любви женщины!... Защищать ихъ! Привѣтствую новаго Жоржъ-Санда!... смѣясь говорилъ блокурый. Увлечень! очарованъ! околдованъ! и не видитъ, что онъ умножаетъ только число лошадей въ колесницѣ его (своей) баровессы.

« — Какъ ты несносенъ, Дмитрій!... отвѣчалъ съ досадою Александръ : но, Боже мой! зачѣмъ же нападать на всѣхъ женщинъ?... Прекрасно! положимъ, что онъ втрѣпъ....

« — Послушай, перебилъ его Розовскій : меня любила когда-то одна женщина; я не скажу тебѣ, кто такая, потому.... потому что для тебя это всё-равно. О! если бы ты подслушалъ ея клятвы въ вѣрности мнѣ до гроба, въ любви замогильной! — Мнѣ кажется, что небо содрогалось, внимая этимъ клятвамъ! И чѣмъ жъ? Я хотѣлъ однажды поцѣловатьъ ее, но она, пресерьозно оттолкнувъ меня, сказала : «тише; Дмитрій! ты изомнешь мнѣ рукава... развѣ не видишь, что я въ бальномъ платьѣ?»

« Александръ всталъ съ дивана, и быстро началъ ходить по комнатѣ; лицо его безпрестанно измѣнялось; казалось, онъ припоминалъ свое прошедшее, бывшее, быть-можетъ невозвратимое; наконецъ, безмолвно остановился передъ своимъ другомъ, который разсматривалъ газеты и насвистывалъ арию изъ «Пуританъ» Мейербера.

« — Ты правъ, Дмитрій! сказалъ онъ, и голосъ его звучалъ всѣмъ волненіемъ бѣднаго его сердца: о! грустно разстаться съ лучшими мечтами; въ которыхъ такъ много было роскоши и счастья!... Но ты правъ! истинной любви нѣтъ на свѣтѣ! »

Говоря это, черноволосый, конечно, понималъ не то чтобы «истинной любви» собственно не было на бѣломъ свѣтѣ, а только, что ея не случилось на этотъ разъ на Остоженкѣ, гдѣ живетъ его мечта подъ именемъ Серафимы, жена барона Z***, она же и черноволосая.

По тому же «праву наблюдателя», авторъ, въ домъ барона, смотритъ на танцующихъ московскихъ дамъ и задаетъ себѣ великій вопросъ : можно ли влюбиться въ женщину на зеленомъ лугу? По надлежащемъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла разсмотрѣннхъ, онъ выводитъ заключеніе, что на зеленомъ лугу «глаза не зажигаютъ сердца,» и вопросъ рѣшается въ пользу московскихъ танцующихъ дамъ :

«Не люблю, о! если бы вы знали, как я не люблю простых дочерей природы! Да и помяните, что за наслаждение видеть женщину на зеленом лугу, на берегу рѣки, на простотѣ полей? Тамъ ли ея нѣжные глаза зажигаютъ сердце? Тамъ ли ея гибкій станъ волнуется воображеніемъ? Нѣтъ! не женщинамъ суждено сіять подѣ открытымъ небомъ, гдѣ все требуетъ крѣпкихъ рукъ и мощнаго духа, гдѣ палитъ солнце и воетъ непогода. У женщины другой міръ. Прекрасна она въ предѣлахъ гостивой, на свѣтломъ паркетѣ; я люблю въ ней роскошь образованной жизни, и ножку, затянутую въ стройный башмакъ, и живописные изгибы моднаго платья.»

Нѣсколько наблюденій надъ «черноволосой». Она, въ семнадцать лѣтъ, вышла замужъ за барона Z***, старика, вельможу, богача, «и потому чуть-ли не покровителя отечественнаго просвѣщенія. Съ ея вѣтреностью и легкомысліемъ, будучи замужнею женщиною, она казалась настоящимъ ребенкомъ. Романовъ она не любила и не читала; любовь знала понаслышкѣ, — даже и тогда какъ сказала Александру, что его любитъ. Это слово произнесла она не въ волненіи, не въ одну изъ тѣхъ минутъ блаженства, когда забываешь весь міръ, когда глаза видятъ одинъ предметъ страсти, когда въ устахъ любовниковъ слышны только одни нѣжные, молящія слова: — О, ты моя? не правда ли? Скажи любишь ли ты меня? увѣрь, повтори! — и когда даже послѣдняя труба не пробудитъ изъ упоенія. Нѣтъ, она произнесла признаніе въ любви голосомъ нѣжнымъ, но потому что голосъ ея всегда былъ нѣженъ, даже и тогда какъ приказывала подавать карету; она взглянула на него страстно, огненно, но потому что это былъ всегдашній ея взоръ; она не кинулась къ нему въ объятія, но подала ему руку, и ту отняла, когда онъ вздумалъ слишкомъ крѣпко и часто прижимать ее къ устамъ и къ сердцу. И виновата ли была она въ томъ, что Александръ обманулся, и милое, простодушное дитя принялъ за страстную любовницу, готовую на все пожертвованія, забывающую все, кромѣ любви? Но кто же бы и не обманулся? Кого бы не обманули этотъ взоръ, этотъ голосъ?...»

Что правда, то правда! Между-тѣмъ, обманувшійся Александръ идетъ къ обманчивой Серафимѣ, отзывается ея въ сторону, и они бесѣдуютъ такъ :

« Баронесса! началъ П — въ : вооружитесь терпѣннѣе и выслушайте меня не прерывая. Помните ли, какъ назадъ, тому годъ, въ этотъ самый день, въ этой самой комнатѣ, я васъ увидѣлъ въ первый разъ? Вы показались мнѣ ангеломъ, посланнымъ для моего счастья. Я искалъ существа, которому хотѣлъ предаться, которому хотѣлъ посвятить сердце, душу, мысли, все.... *Вы мнѣ предстали*, и сердце забилось въ груди моей; и за эготъ взоръ я бросилъ душу своею къ вашимъ ногамъ. О! не *разтопчите* ее, молилъ я васъ, вы не найдете больше преданной!... Вы обещали мнѣ (не разтоптать души); вы мнѣ сказали что меня любите... Зачѣмъ же преступили вы ваше обещаніе?... *Зачѣмъ попрали ногами мою душу?*... Но я васъ не вижу : вы сами ошиблись. Вы не любите, не любили меня баронесса!

« — Не правда! о, какая неправда, Александръ! я люблю тебя.... Если бы ты зналъ, сколько я люблю тебя!... Но слова твои такъ странны!..

« — Можеть быть, баронесса, я страшенъ, я смѣшонъ, но будьте милосерды : не смѣйтесь надо мною... Я былъ сграшенъ и смѣшонъ, потому что я слишкомъ любилъ васъ. Да, баронесса, любилъ!... *теперь я васъ уважаю* (?), исполнѣ цѣню вашу красоту, вашу любезность: я готовъ навсегда остаться вашимъ поклонникомъ; но чувства у меня больше нѣтъ. Любовь моя угасла; одна грусть и отчаяніе наполняютъ мое сердце.

« — Александръ! вы меня пугаете!... К чему все это?... Чего вы хотите отъ меня?

« — О, ничего, баронесса! Я ничего не хочу отъ васъ, и не пугаю васъ.... Не думайте, что я стану стращать васъ самоубійствомъ, или брошу все, родину, друзей, родныхъ, и бѣгу куда-нибудь въ пустыню. Нисколько! Я буду грустить, но нѣтъ въчвой грусти : и мой кончится, какъ кончилась любовь; да, — и кончилась навсегда! Я не хочу убѣгать васъ, баронесса; я живу въ обществѣ, вы также : и потому намъ по-необходимости должно будетъ встрѣчаться. Любовь моя была *чиста* (?). Между нами не было ничего такого, что могло бы заставить васъ краснѣть (!), а меня презирать самого себя. Поклонъ, привѣтствіе, нѣсколько словъ о вчерашнемъ балѣ, о сегодняшней погодѣ, вотъ все будущія ваши отношенія.

« — Вы сердитесь на меня, Александръ! о, нѣтъ, вы не перестанете.... не правда ли, ты не перестанешь любить твою Серафиму?

« — Повѣрьте, баронесса, въ сердцѣ моемъ нѣтъ ни малѣйшей злобы на васъ. Да и за что, Боже мой! за что? Мы не понимали другъ друга, вотъ и все. Но еще разъ, баронесса, забудьте, что я васъ любилъ; истребите изъ вашей памяти прошедшее, какъ я истребилъ изъ сердца моего любовь. Мнѣ скучно, мнѣ будетъ грустно, но я не требую даже сожалѣнія. Я все сказалъ; будьте счастливы, счастливы *да*

безконечности. Этого желаетъ вамъ тотъ, котораго счастьемъ были вы!..

« — Мы останемся друзьями, навсегда. О, какъ ты добръ, Александръ!.... Ты мой другъ, не правда ли?....

« — Прощайте, прощайте, баронесса! сказала Александръ, выходя поспѣшно изъ комнаты, —

и дыханіе ея пахнуло на него благоуханіемъ Счастливой Аравіи. Я не преувеличиваю. Именно такъ и было, какъ я нѣмю честь вамъ докладывать. Какъ-скоро дыханіе черноволосой опажнуло его благоуханіемъ Счастливой Аравіи, которая, по мнѣнію Плинія, совсѣмъ напрасно называется Счастливою, потому что въ ней нѣтъ ни какихъ благоуханій, черноволосый, оставивъ черноволосую, опять ушелъ на свой диванъ, въ свою «довольно большую комнату, убранную слишкомъ своенравно», и тамъ написалъ въ своемъ дневникѣ: «*Une illusion des moins!*»....

«Черезъ три мѣсяца послѣ этого происшествія, въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, въ графѣ объ отъѣзжающихъ за границу, было напечатано слѣдующее:

«Во Францію, Германію и Италію, Баронъ Z.... съ женою и двумя дворовыми его людьми: камердинеромъ Василіемъ Петровымъ и горничною Аграфеною Назаровою. Жительство имѣетъ на Остоженкѣ, во второмъ кварталѣ.

«Мая осемнадцатаго черноволосый дебютировался на одномъ изъ столичныхъ театровъ. Театръ ломился отъ народа. Дебютъ былъ блистательный: черноволосаго вызывали разъ пять.»

Настоящая шалость! Авторъ это называетъ *повѣстью*. Прочія его шалости, или повѣсти, всѣ въ томъ же занимательномъ родѣ, равно какъ и —

человѣкъ, женщина и демонъ, романъ, взятый изъ древняго сказанія о паннѣ Твардовскомъ, сочиненіе А. С. Москва, въ тип. Степанова, 1841, въ-12, двѣ книжки, стр. 153—141.

Сочиненіе, во всѣхъ отношеніяхъ достойное стоять на ряду съ предъидущимъ. Этотъ господинъ А. С., сочинитель подлежащаго сочиненія, и любезный шалунъ, господинъ А-инъ, на котораго «шалости» мы сейчасъ имѣли удовольствіе любоваться, должны быть одно и то же лицо:

слогъ, тонъ, манера, философія, сморъ, остроуміе обонъ сочиненій, похожи другъ на друга какъ двѣ капли шалости, и оба сильно напоминаютъ нѣкоторое твореніе о Шекспирѣ, изданное въ прошломъ году въ Москвѣ. Можетъ-быть, даже, сложивъ двухъ господъ, *А. С.* и *А-инъ*, вмѣстѣ, вышелъ бы одинъ полный господинъ *А. Славинъ*, авторъ вышепреченнаго творенія, въ которомъ Жанъ Поль (Рихтеръ) былъ пожалованъ въ Французы, и настоящая причина женьдыбы Шекспира отыскана въ находившемся въ немъ *волоканъ*. Тотъ же вулканическій слогъ кипучими потоками извергается и изъ нѣдръ подлежащаго сочиненія. «*Передъ обидомъ, дѣйствіе природы перемѣнилось, и солнце во всемъ блескѣ выступило на горизонтъ*». — «*Улица была наполнена разными фізіономіями пышеходцевъ*». «*Ба, друзья! вскричалъ онъ, увидѣвъ четверку похупьной молодѣжи*». — «*Стулья падали отъ сильныхъ движеній польской молодѣжи*», и такъ далѣе. И, также какъ о Жанъ-Полѣ, авторъ новаго сочиненія принялся писать о Твардовскомъ, философѣ, алхимикѣ, черно книжникѣ, польскомъ Фаустѣ, не справившись напередъ, кто онъ былъ по преданіямъ и къ какому принадлежитъ столѣтію. Онъ смѣло ставитъ свои сказанія подъ покровительство 17го года; и чтобы, по его же язучному выраженію, *охарактеризовать* своего героя, прибѣгаетъ къ выпискѣ почти шестидесяти стиховъ изъ «Евгенія Онегина», на котораго Твардовскій будто-бы «*былъ совершенно похожъ*».

Что касается до французскихъ фразъ, встрѣчаемыхъ во всѣхъ этихъ шалостяхъ, то автору ихъ можно порекомендовать :

1. Французско-русскій словарь, извлеченный изъ новейшихъ источниковъ, В. Эртелемъ. *СП.-бургъ, въ тип. Греча, 1841, въ-8. Томъ первый, А-К, стр. 557.*

2. Упражненія въ переводѣ, съ французскаго языка на русскій и обратно; расположенныя въ грамматическомъ порядкѣ. Извлеченныя изъ грамматики Якова Герда. Изданіе второе. *СП.-бургъ, 1841, въ-12, стр.* .

3. Ключъ къ упражненіямъ, или собраніе изреченій для переводовъ съ русскаго языка на французскій. *Изданіе*

ченныя изъ грамматики *Якова Герда*. Изданіе второе. *СП.-бургъ. 1841, въ 12., стр. 48.*

Пособія весьма полезныя для писателей «въ духъ новѣйшей словесности», забывшихъ порядочно выучиться по-французски. Конечно, слогъ этихъ книгъ не совсѣмъ въ томъ духъ *новѣйшей словесности*, въ которомъ пишутъ господа *А. С.* и *А —инъ*, но зато наставленія ихъ очень благоразумны и полезны :

- Трудъ укрѣпляетъ умъ и тѣло, а шалость расслабляетъ оныя.»
- Сіе наказаніе соразмѣрно сему преступленію.»
- Сей холмъ , сія роща , сія поле , сія скромная хижина напоминають мнѣ о необходимости учиться.»

При столь вѣрной оказіи , я обращаю ваше вниманіе на нѣкоторые другіе полезныя труды :

РУССКО-НѢМЕЦКІЙ И НѢМЕЦКО-РУССКІЙ СЛОВАРЬ *Н. Ульянова*. *Часть первая. Словарь русско-нѣмецкій. СП.-бургъ, въ тип. Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ, 1841, въ 16., стр. 338.*

Крошечный, уютный, дешевый, но въ то же время весьма полный словарь, содержащій въ себѣ болѣе двадцати тысячъ словъ, тщательно составленный , и прекрасно напечатанный въ видъ *édition-diamant*. Предпріятіе и исполненіе этой полезной книги дѣлають большую честь, и ея автору, господину Ульянову, и издателю ея, молодому русскому книгопродавцу, господину Юнгмейстеру. Это, безспорно , и лучший и самый красивый изъ всѣхъ русско-нѣмецкихъ словарей. Вторая часть должна заключать въ себѣ словарь нѣмецко русскій. Нѣтъ сомнѣнія , что это изданіе будетъ съ добреніемъ принято всеми воспитателями юношества, которые до-сихъ-поръ такъ жаловались на недостатокъ въ русскомъ лексикографическомъ пособіи къ изученію нѣмецкаго языка , не только довольно полномъ, но и совершенно удобномъ къ употребленію.

MISCELLANIES; OR, *A Collection of amusing stories, anecdotes, etc. St.-Petersburg, Ioanson, 1841, 8vo., pp. 71.*

Тоже не бесполезное пособие : это родъ маленькой хрестоматіи для дѣтей, обучающихся англійскому языку; собраніе

занимательныхъ разсказовъ , анекдотовъ , примѣровъ. Но вотъ замѣчательная учебная книга, и по своей методѣ, и по обстоятельствамъ, которымъ обязана она существованіемъ:

УЧЕБНЫЯ РУКОВОДСТВА ДЛЯ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ. — ГЕОГРАФІА. Составилъ Н. И. Соколовскій. Сп.-бургъ, въ тип. III Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи, 1841, въ-8. Часть третья, стр. 289.

Между-тѣмъ какъ мы, любезные мои читатели, занимаемся пустяками, споримъ съ отцомъ Іакинѣомъ о китайской нравственности или читаемъ шалости молодыхъ людей, смерть возлѣ насъ похищаетъ трудолюбиваго и полезнаго чело-вѣка, автора этой географіи, лучшаго сокращеннаго описанія нашего отечества, и начальство штаба военно учебныхъ заведеній, въ тишинѣ кабинета, безъ шума, безъ объявленій, совершаетъ одинъ изъ прекраснѣйшихъ литературныхъ подвиговъ, о какихъ только будетъ упомянуто въ исторіи нашего народнаго просвѣщенія. Собравъ въ одну массу штатныя статьи, назначенныя на учебныя пособія въ подвѣдомственныхъ себѣ заведеніяхъ, оно составило изъ нихъ капиталъ, сначала небольшой; умножило его въ короткое время, и вызвало ученыхъ заняться сочиненіемъ хорошихъ учебныхъ книгъ, опредѣлило имъ щедрыя почетныя вознагражденія за трудъ, кромѣ обезпеченія весьма важныхъ выгодъ отъ ежегодной продажи этихъ сочиненій, и подарило своимъ цвѣтущимъ заведеніямъ, литературу, просвѣщенію Россіи, цѣлый рядъ прекрасныхъ руководствъ, которыя, изъ стѣнъ военныхъ училищъ, быстро распространились на все государство, уже приняты во многихъ заведеніяхъ московскихъ, кіевскихъ и одесскихъ, и вѣроятно вскорѣ будутъ введены въ употребленіе и прочими. Однимъ своимъ заведеніямъ начальство штаба доставило такимъ образомъ въ нѣсколько лѣтъ сто-шестьдесятъ тысячъ экземпляровъ этихъ книгъ, которыхъ составъ постоянно притомъ улучшается; капиталъ, сперва незначительный, возросъ въ то же время до двухъ сотъ тысячъ рублей, несмотря на выданныя изъ него вознагражденія, и продолжаетъ быстро возрастать, представляя болѣе и болѣе обширные способы къ предпріятію новыхъ, еще лучшихъ

руководствъ; некоторые изъ ученыхъ, отвѣдавшихъ трудомъ на вызовъ, составили себя порядочныя состоянія. Все это сделано въ такое короткое время и съ такими ограниченными средствами, что успѣхъ можетъ назваться чудомъ.

Географія Н. И. Соголовскаго, которой третья часть выходитъ въ печальную минуту его преждевременной кончины, принадлежитъ къ ряду этихъ примѣчательныхъ изданій. Трудлюбивый авторъ, усердный наставникъ, не услышитъ уже одобренія, которымъ преподающій классъ встрѣтитъ послѣдній трудъ его. Это, безспорно, лучшая географія Россіи, какую наша литература представляетъ среднимъ учебнымъ заведеніямъ. Къ ней, какъ послѣдней части географическаго руководства, приложены — статистическая таблица Европы (за 1835 годъ), — таблица народонаселенія замѣчательныхъ городовъ, — маршрутъ важнѣйшихъ европейскихкихъ дорогъ съ разстояніями въ верстахъ, и алфавитный указатель географическихъ именъ, упомянутыхъ въ трехъ частяхъ сочиненія.

1. исторія семилѣтней войны въ Германіи, въ 1756 по 1763 годъ. Сочиненіе І. В. Аркенгольца, Перевелъ А. Маркозь. Москва, 1841, въ тип. Свѣдѣн., кн. 8, стр. 371.

2. о большихъ военныхъ дѣйствіяхъ, битвахъ и сраженіяхъ, происходившихъ при вторженіи въ Россію въ 1812 году. Сочиненіе генералъ-маіора Николая Окуева. Переводъ съ французскаго. Изданіе второе. Сп.-бургъ, 1841, въ тип. Корпуса Внутренней Стражи, кн. 8, стр. 262.

Два переведенныя сочиненія, и оба переведены довольно слабо. Аркенгольцова исторія Семилѣтней Войны пользовалась некогда большою славой: но и теперь еще эта книга: очень замѣчательная по части военной исторіи и, во всякомъ случаѣ, заслуживала быть несколько лучше изложенною по-русски. Сочиненіе генерала Окуева, «О Большихъ военныхъ дѣйствіяхъ», снискало себѣ весьма лестныя похвалы у Французскихъ и англійскихъ критиковъ, которые, впрочемъ, только отдали ей должную справедлив-

вость. Второе изданіе, котораго эта книга достигла въ искусномъ русскомъ переводѣ, доказываетъ, что достоинства ея выше всякаго слогу и одънены въ полной мѣрѣ нашею военною публикою.

1. Перейдемъ къ брошюрамъ. Я незнакомлю васъ съ ея, очень милою и занимательною.

КОРМИ БРОШЮРЫ.

СЕЛО ПОВѢЧЬЕ. — *Ille terrarum mihi praeter omnes Anguluz ridet. Horat. Москва, 1841, стр. 35.* — Сочиненіе «Вальгельма Мейстера», великій германскій поэтъ-философъ вздохнулъ однажды о счастьи умнаго человека, для котораго нѣтъ счастья на землѣ, и ему, въ золотыхъ лучахъ, представило роскошный замокъ, окруженный прелестными сельскими видами, въ которомъ наука, искусство и дружба, избрали себѣ мирное убѣжище: солнце и книги, горы птицъ и картины, цвѣты и статуи, роши и ученые бесѣды, гармонию и остроуміе, смѣхъ, философію, богатство, поэзію, изысканіе, дружескую довѣренность, умный спортъ, глубокое уединеніе, куда не проникаетъ ни взоръ завистника ни звукъ погремушекъ честолюбія. — все въ этомъ волшебномъ мѣстѣ накопило воображеніе поэта. Гёте уже чувствовалъ себя счастливымъ. Мимо оконъ проѣхала карета, домъ задрожалъ, стекла зазвенѣли, — видѣніе исчезло, а онъ увидалъ себя среди всѣхъ мелочныхъ тревоженій и суетней небольшого города.....

Но что, о чемъ только мечталъ Гёте, осуществилось въ дѣлахъ древняго жюайскаго удѣла. Замокъ такой, и тѣ же счастье, дѣйствительно существуютъ:

• Въ тридцати пяти верстахъ, на сѣверо-западѣ, отъ Москвы, недалеко отъ славнаго Бородинна, при устьѣ Иночи, впадающей въ Москву-Рѣку, лежитъ село Лоръльс, принадлежащее его высочайше-

восходительству, господину министру вероидного просвѣщенія, Сергію Семеновичу Уварову. Во всей волости душъ тысячи полторы, а земли съ строевымъ лѣсомъ тысячь двѣнадцать десятинъ. Послѣ Можайска, некогда удѣла князей Можайскихъ, теперь небогатаго узвѣднаго города, въ которомъ съ небольшимъ пятьсотъ домовъ и тысячь двѣ съ половиною жителей, проживъ бѣдныя и нечистыя деревишки, радуешься словно роскошному оазису, когда приближаешься къ Портьчю. Церковь, великолѣпный господскій домъ съ флигелями, расположенный на возвышенномъ холмѣ и гордо красующійся въ свѣтлой Иночѣ, нѣсколько громаднѣхъ каменныхъ зданій суконной фабрики, павильоны, проглядывающіе изъ густаго парка, красиво обстроеное село, гдѣ встрѣчаешь веселыя и опрятно одѣтыя крестьянѣ, вокругъ обширный, стѣнный лѣсъ, все это изъ дали поражаетъ путешественника, миритъ его съ сѣвровою природою и манитъ къ тихимъ наслажденіямъ. Сюда ученый русскій вельможа, владѣлецъ Портьчи, прѣзжаетъ лѣтомъ для кратковременнаго отдохновенія отъ трудовъ государственныхъ.

Представьте себѣ огромное каменное зданіе въ два яруса, съ каменными флигелями, съ двухъ сторонъ обнесенное іоническими колоннами, съ красивымъ бельведеромъ, господствующее надъ всѣми окрестностями, селами, деревнями, рощами, слева и справа олушенное паркомъ, и, какъ голубою лентою, опоясанное Иночею : это господскій домъ села Портьчи, который былъ бы красавцемъ-домомъ на лучшей московской улицѣ. Внутреннее расположеніе его совершенно выражаетъ мысль лозинна, съ какою онъ пересоздалъ Портьчу : онъ хотѣлъ имѣть въ немъ обитель науки и искусства, и приотнѣтъ отъ житейскихъ тревоженій. Здѣсь не найдете большаго зала, обыкновенно занимающихъ большую половину домовъ : весь домъ представляетъ презосходный кабинетъ съ бібліотекою; это по-истинѣ обитель науки и искусства. Вы, безъ сомнѣнія, восхититесь и гостинными и столовыми въ верхнемъ и нижнемъ ярусѣ; найдете сверху и внизу роскошное помѣщеніе для богатаго семейства; но, въ срединѣ дому, сверху, подъ свѣтлымъ бельведеромъ, главная зала — кабинетъ, соединенный съ тремя другими залами, крестообразно расположенными, въ которыхъ помѣщена бібліотека. Во всемъ домѣ, при всей его огромности, и въ каждой комнатѣ, зодчій художникъ умѣлъ соблюсти соразмѣрность и гармонию въ высокой стѣннѣ, а оттого, и въ целомъ, и въ частяхъ, домъ прекрѣсенъ. Портьча — не италіанская villa, назначенная для забавъ и сельскихъ наслажденій подъ роскошнымъ голубымъ небомъ : оно скорѣе походитъ на замки англійской аристократіи, герцоговъ Веллингтона, Нортумберланда, Марльборо, Бедфорда, маркиза Стаффорда, лорда Спенсера..... Владѣлецъ предпочелъ его величавымъ своимъ, и пензенскимъ, гдѣ точитъ Дядь

бара, и саратовскимъ, на берегахъ Волги и Хопра, и муромскому, по известности своей народному, селу Карачарову, которое омывается Ока.

«Пройдемъ по нижнему ярусу, черезъ столовую и биллиардную, прямо въ малый кабинетъ, гдѣ хозяинъ по-утрамъ сперва работаетъ съ секретарями своими, а потомъ занимается дѣлами домашними. Убранство простое, но съ изящнымъ вкусомъ: на бюрѣ и письменномъ столѣ все необходимое; ничего нѣтъ лишняго и все на своемъ мѣстѣ. Здѣсь портретъ Государя, портреты семейные, нѣсколько прекрасныхъ мраморовъ и картонъ Рафаэля, Гверчино и Рубенса. Рафаэлевъ картонъ изображаетъ торжество Бахуса и Ариадны. Картина съ этого картонъ, писанная ученикомъ Рафаэля, находится въ дрезденской галерей. У одного окна телескопъ, сводящій всю власть въ кабинетъ хозяина. Гостиная въ этомъ ярусѣ украшена также мраморными статуями и живописными видами въ родѣ Клаудія Лоррена и Пуссена. Тутъ роль ожидаетъ прикосновенія музыкальныхъ пальцевъ. Далѣе дамскій кабинетъ, спальня и гардеробная. Изъ гостиной выходите на террасу, украшенную цвѣтами, роскошными померанцовыми деревьями и изящнѣйшими произведениями искусства: и тутъ прекрасныя статуи. Что за очаровательный видъ! Передъ вами, на полдень, стелется коверомъ шелковистая зелень по склону холма, на которомъ красуется домъ. Внизу, тихо, ровень съ берегами, течетъ Иноча, угодили для хозяина называється въ паркъ и образуетъ по обширнымъ дугамъ бассейны. Впередѣ церковь, село, громадная аданія, фабрики; аданія, за рѣкою и на краяхъ полей, видѣются села, окаймленные рощами и лѣсами. Слева и справа паркъ, призывающій въ прохладныя свои аллеи. Какая прелесть на этой же террасѣ поражаетъ взоръ ночью, когда золотой мѣсяцъ выводитъ на голубое небо и любуется собою въ зеркальныхъ струяхъ Иночи!

«Въ верхнемъ ярусѣ половина дому занята парадными комнатами, изящно отдѣланными, расписанными, наполненными богатою мебелью; но главныя залы, любимыя комнаты хозяина — большой кабинетъ, куда онъ уединяется для занятій ученыхъ, и библіотека, съ рѣдкими умньемъ собранная, и состоящая изъ двѣнадцати тысячъ книгъ. Для нея составленъ систематическій и алфавитный каталогъ, по которымъ вы можете найти любимого писателя и приятно провести здѣсь съ нимъ нѣсколько часовъ. Передъ вами все выжившее, старое и новое, по всемъ отраслямъ знаній человеческихъ; а по части исторіи, словесности греческой, римской, англійской, немецкой, французской, италійской, найдете здѣсь полное собраніе всѣхъ ученыхъ пособій, въ сопряженномъ ихъ состояніи. Полюбопытствуйте рассмотреть богословіе. Кромѣ нѣсколькихъ рѣдкихъ изданій Библіи на разныхъ языкахъ, передъ вами творенія Отцевъ Церкви Восточной и Запад-

ной, — Василія Великаго, Григорія Назіанзскаго и Нисскаго, Іоанна Златоустаго, Лактанція, Блаженнаго Августина. Не хочется отойти отъ шкотовъ, въ которыхъ помѣщены сокровища по части теоріи и исторіи словесности и искусства, и самыя творенія поэтовъ, ораторовъ, историковъ. Тутъ Аристотель и Цицеронъ, Квинтилианъ и Лонгинъ, Сульцеръ и Буттервекъ, Дессингъ и Висселъманъ, Фюрндло и Виландъ. Тутъ васъ ожидаютъ Шекспиръ, Шидлеръ, Гёте, Валтеръ Скоттъ. Хотите ли передѣлывать Юма, Гиббона, Робертсона, Фокса, Питта, Борка, Шеридана? Нельзя пройти безъ вниманія великолѣпныхъ изданій Корнеля, Расина, Вольтера, Мольера, Босюэта, Фелелова, Монтеスキё, Руссо. По части физико-математическихъ наукъ и естественной исторіи найдете всѣхъ знаменитѣйшихъ писателей, отъ Ньютона, Даламберта, Лапласа, Шуберта, Бюффона, до Кювиё, Ариго и Гумбольдта. Сочиненія современныхъ ученыхъ съ собственноручными ихъ надписями. Посмотрите на богатство книгъ историческихъ, географическихъ, путешествій и записокъ. Здѣсь къ услугамъ вашимъ все, отъ Геродота и Саллюстія до Раумера и Капфга; отъ Страбона и Гавнонова перипла до Риттера, Давиля и Денова. Какія сокровища найдетъ филологъ: для него и Шревеліусъ, и Фабръ, и Геснеръ, и Дюкманъ, и Фабриціусъ. Тутъ всѣ труды знаменитостей семнадцатаго и осемнадцатаго вѣковъ по части греческой и римской словесности, — Этісѣва, Стенли, Грѣвиуса, Гейнзіуса, Казобона, Вольфа, Гроновіуса, Парсона, Гемстергузіуса, Брунка, Драккенборка, Удендорна, Рункена. Какая роскошь въ изданіяхъ классиковъ! Гомера видите съ перваго флорентійскаго изданія Илиады и Одиссеи во всѣхъ славяноязычныхъ, со схоліями Дидима и Евстація, до изданій Кларка и Эрнеста, съ пролегомемами Вольфа, Гермэвва, разсужденіями Крейцера и самого хозяина: у васъ все подъ руками. Тутъ же вы можете справляться съ переводами Гомера и Дасіё, и Лебрёя, и Фосса, и Гевдича. Съ такою же отчетливостью собраны изданія Шидара и другихъ поэтовъ и прозаиковъ, — венеціанское Альдово, первыхъ годовъ семнадцатаго вѣка, Гейве, Бёкка, Тирша. Въ такомъ же систематическомъ порядкѣ собраны и Римскіе классики. Тамъ Виргилія читаете вы въ амстердамскомъ изданіи Эльзевира, второй половины семнадцатаго вѣка, и въ изданіи, тоже амстердамскомъ, Вурмана, съ комментаріемъ Сервію, и наконецъ въ изданіи Гейла. Для Горация имѣете изданія съ комментаріемъ Ламбина, замѣчаніями Бенгли, Бекстера, Мичерлиха. Къ библиотечнымъ рѣдкостямъ принадлежитъ собраніе книгъ по части восточныхъ языковъ, еврейскаго, арабскаго, персидскаго, турецкаго, санскритскаго, китайскаго. Въ этомъ же собраніи невольно заглянете въ изслѣдованія египетскихъ героглифовъ, Яслонскаго и Шамполіона, Энциклопедіи и труды различныхъ академій и ученыхъ обществъ, отдаленно взятыя, составленныя

бы дѣкую библиотеку, Драгоцѣвымъ атласы Брюса, Дюфур, Лан, оаль-дери-Малево, и карты Леманна, Циндта, Стендера.

«Изъ библиотеки переходите въ большой кабинетъ, сверху освещенный, который можно по-истинѣ назвать храмомъ искусства. Тутъ вы влюбуетесь въ художественныя произведенія Фивелли въ изображеніяхъ Минервы и Цереры; и Кавовы въ прелестныхъ женскихъ группахъ. Что за мягкость придана мрамору! Съ какою гибкостью выигрываетъ эта одежда, кажется, по живому тѣлу, въ бесчисленныхъ складкахъ! Весь кабинетъ назовете мраморнымъ.

«Передъ домомъ, на свѣрь, выстроены двѣ ярусныя фонтаны, для гостей. Иные изъ пріѣзжающихъ помѣщаются въ граціозномъ виллионѣ, въ самомъ паркѣ.

«Церковь въ Порьчѣ, во имя Рождества Пресвѣтыя Богородицы, только что возобновлена и украшена къ пріѣзду хозяина усердіемъ преимущественно его собственнымъ и отчасти прихожанъ. Въ первыхъ числахъ іюля происходило малое освященіе храма. Иконостасъ весь въ золотѣ, самыя иконы писаны прекрасно. Поселяне в воссѣданки тѣснились въ новоосвященномъ храмѣ, желая послѣ обѣда поклониться доброму своему барину. Въ этотъ же день пріѣзжали изъ Можайска всѣ чиновники, представившіеся хозяину какъ министру, а послѣ угощенные пмѣ какъ русскимъ гостепріимнымъ помещикомъ.

«Суковина фабрика помѣщается въ шести огромныхъ каменныхъ адалахъ. Рубочихъ на фабрикѣ около пятисотъ. Паровая машина чудесной работы Кокерля. Сушка выдвигаются цѣною отъ шести и осьми до двѣнадцати и шестнадцати рублей. Ежегоднаго оборота платить можно до милліона рублей. Задѣльныхъ денегъ рабочія получаютъ въ годъ около ста тысячъ рублей. Въ Можайскомъ уездѣ, гдѣ почва неблагоприятная, а лесу довольно много, учрежденіе фабрики принадлежитъ къ потребностямъ рациональнаго хозяйства. Крестьянка Порьчѣ предоставляется полная свобода касательно фабричной работы, потому что она получаютъ плату наравнѣ съ прочими фабричными. Теперь изъ задѣльныхъ денегъ бездомночно уплачиваются она подушныя и господскія оброки: но откуда могли бы она добыть эти деньги, если бы не было фабрики? Такъ вполне оправдывается мысль хозяина — соединить земледѣліе съ фабричнымъ производствомъ.

«Наконецъ мы въ прелестномъ паркѣ, подѣ тѣнью столѣтнихъ липъ, душистыхъ тополей, лиственницъ и сосекъ. Какъ отдыхаетъ зрѣніе въ этихъ зеленыхъ лугахъ въ серединѣ парка, по которымъ звѣздой свѣтлая Июча! Черезъ паркъ переходите въ садъ и оранжерею, гдѣ пресыщается и обонянія и вкусъ роскошными дарами Флоры и Фауны. Здѣсь у гостепріимнаго хозяина гости пользуются его прелестью и

расть любой порежь, любую славу, любой город виноград, приносъ дерева, еще покрывые влагою растительной жизни.

«Этот садокъ и оранжерею гнечется рядъ деревянныхъ строений: это людскія, мастерскія, сираи, скотный, конный и птичный дворы, и прочая,

Удаляясь сюда, ученый хозяинъ приглашаетъ къ себѣ въ Поръчье ученыхъ и художниковъ изъ Москвы и Петербурга. Нынѣшнимъ лѣтомъ, по словамъ брошюры, постоянно жило ихъ здѣсь десять человекъ. Его радушіе, привѣтливость, снисходительность, скоро уничтожаютъ разстояніе между пожилыми и молодѣжь; его обширныя познанія, сладкая рѣчь, известное остроуміе, одушевляють все это общество; ученныя разсужденія перемѣшиваются веселыми бесѣдами, уединенныя занятія въ его библиотекѣ — занимательными прогулками по окрестностямъ; мысль обильно выдѣлывается въ совершенной свободѣ и дружеской доверчивости; веселая природа придаетъ ей свѣжести и блеску; всѣ науки и всѣ искусства попеременно доставляють предметы къ занимательнымъ и одушевленнымъ разговорамъ, на которые плѣнительный умъ хозяина разливаетъ особенное очарованіе, и человекъ — такъ близко къ умному образованному счастью, какъ только можно подойти къ нему на землѣ. Въ брошюру подробно описано, однимъ изъ ученыхъ гостей русскаго Айльворта, незабвенное, исполненное умственныхъ и свѣтскихъ наслажденій, пребываніе ихъ въ Поръчѣ нынѣшнимъ лѣтомъ. Многоразныя средства къ достойному препровожденію времени, многіе изъ нихъ, въ великолѣпной библиотекѣ, у подножія Минервы, которая наспосылала имъ вдохновенія, читали, для себя, лекціи о прекрасномъ: о Дмитріи Самбваницѣ, о физиологическихъ и психологическихъ отдѣліяхъ человека, объ архитектурѣ. Ихъ чтенія помѣщены также въ брошюру. Мѣсто же посвящаетъ намъ дѣлать записки изъ этихъ образованныхъ увеселеній счастливаго общества поръчскаго: брошюра кажется извлеченіемъ изъ «Москвитина», и читатели найдутъ ихъ въ этомъ журналѣ или въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ (сентябрь 23, 24 и 25).

Къ сожалѣнію въ видныхъ невестныхъ тѣлахъ. Сп.-бургъ, 7841, стр. 60. II Авторъ доказываетъ; что

«секунда времени имѣетъ безпредѣльное продолженіе», что «самомалѣйшее тѣло имѣетъ безпредѣльное пространство», и что есть различіе въ продолженіи времени «для человека и для разныхъ родовъ животныхъ», соответственно величинѣ ихъ тѣла». Въ отвѣтъ на это «Разсужденіе» издаю въ Москвѣ:

НАСТАВЛЕНІЕ скоро и съ большою выгодною откармливать всѣхъ родовъ животныхъ, полезныхъ для человека, составленное Ф. Кирхгофомъ; переводъ съ нѣмецкаго. Москва, 1841, стр. 16. — Авторъ «Наставленія», напротивъ, доказываетъ автору «Разсужденія», что, для разныхъ родовъ животныхъ, соответственно величинѣ ихъ тѣла, есть различіе въ количествѣ корму, а не во времени; что сутки — такія же сутки для быка какъ и для поросенка: тотъ и другой хотятъ втеченіи ихъ вѣсть и пить дважды; что если бы секунда имѣла безконечное продолженіе, то быкъ жевалъ бы одну горсть сѣна до скончанія вѣка, чего однако жъ въ благоустроенномъ хозяйствѣ не видно, — и прочая. Мы не можемъ входить въ эту полемику.

РАЗНЫЕ ИЗВѢСТІЯ.

— Тогда какъ Англичане, Итальянцы, Французы, Немцы, не жалуютъ ни трудовъ ни поддержки на великолѣпныя описанія своихъ отечественныхъ древностей и столь русскихъ гостинныхъ заведений и ихъ праворами, наши православные памятники, столь достойные впечатленія и въ историческомъ и въ художественномъ отношеніяхъ, были общино забываемы нами. Благородный ревнитель русской славы, московскій военный генералъ-губернаторъ, князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ, пожертвовалъ отъ себя значительною суммою на изданіе описанія и видовъ древ-

ностей Москвы Бюлокаменной. Его святлость отнесся объ этомъ къ тамошнему Обществу Любителей Исторіи, и оно избрало члена своего, И. М. Снегирева, исполнителемъ патриотическаго намѣренія начальника маститой столицы Руси. Съ половины ноября будутъ тамъ выходить, тетрадями въ большую четвертку, «*Памятшки московской древности, съ очеркомъ монументальной исторіи Москвы*», собраніе прекрасныхъ гравюръ и раскрашенныхъ литографій, печатаемыхъ въ Парижъ по литохромическому способу Энгельмана. Каждая тетрадь, кромѣ нѣсколькихъ листовъ тексту, должна содержать въ себѣ двѣ гравюры и двѣ литохроміи. Тетрадей будетъ около десяти : каждая стодѣтъ четыре рубля серебромъ.

— Между-тѣмъ у насъ, въ Петербургъ, благополучно выходятъ *сказка за сказкой*. Именно подъ этимъ заглавіемъ и печатается въ типографіи К. К. Края «собраніе оригинальныхъ разсказовъ нѣкоторыхъ русскихъ писателей», являясь въ свѣтъ безсрочными тетрадями. Первая брошюрка заключаетъ въ себѣ весьма занимательную историческую повесть Кукольника, «*Сержантъ Иванъ Ивановичъ Ивановъ*» : Несторъ Васильевичъ другихъ не пишетъ. Во второй, вышедшей недавно, находится «*Шахъ и матъ*», историческій разсказъ А. Грамотова; въ третьей, которую приносятъ къ намъ въ эту же самую минуту, «*Дуняша*», повесть О. П^{***}, и «*Эдуардъ и Кунигунда, или Серебряная свадьба*», анекдотъ, опять Кукольника.

— «*Ревизоръ*», господина Гоголя, и «*Исторія Россіи въ разсказахъ, для дѣтей*», въ трехъ частяхъ, извѣстное сочиненіе госпожи Ишнмовой, принятое публикою съ такимъ одобреніемъ, вышли вторыми изданіями. «*Семейство Холмскихъ*», романъ господина Бѣгичева, является въ образъ третьяго изданія, съ новыми прибавленіями. Передъ нами лежатъ еще двѣ части новаго романа, который долженъ имѣть ихъ пять и, судя по началу, обѣщаетъ сдѣлаться очень любопытнымъ: это — «*Солнечный лучъ, происшествіе изъ временъ Екатерины Второй*», сочиненіе И. Штевена.

— «*Практическая морская артиллерія*», изданная надняхъ капитаномъ морской артиллеріи, господиномъ Ильинымъ, заслуживаетъ всего вниманія военныхъ, служащихъ по этой части. Это — трудъ тщательный, многолѣтній, составленный ученымъ знатокотъ дѣла. Мы познакомимъ ихъ ближе съ содержаніемъ этой книги въ будущемъ мѣсяцѣ.

— Сельскіе и городскія хозяева, которые хотятъ жить славно и никогда не хворать, должны непременно читать «*Эконома*» и «*Друга Здравія*». Эти два изданія имъ необходимы: одно учитъ наживать деньги и объедаться, другое тотчасъ выльчиваетъ. Кромѣ шутокъ: это два полезнѣйшія чтенія въ хозяйствѣ. «*Экономъ*» содержитъ въ себѣ множество драгоценныхъ наставленій почти по всемъ отраслямъ сельскаго и городского хозяйства: земледѣліе, ремесла, кухня, все входитъ въ составъ этой «*Общепольной хозяйственной библіотеки*», которая научаетъ великому искусству жить въ изобиліи и въ удобствѣ, и вмѣстѣ получать хорошія произведенія и кушать ихъ съ аппетитомъ. Но какъ «*Экономъ*» — не журналъ, а книга, хоть и выходитъ отдѣльными листами еженедѣльно, то Литературная Лѣтопись можетъ смѣло углубиться въ ея вкусное содержаніе, и она обязана это сдѣлать въ слѣдующемъ мѣсяцѣ. Что касается до «*Друга Здравія*», народно-врачебной газеты, издаваемой ученымъ и усерднымъ врачомъ, докторомъ К. И. Грузомъ, то она и не можетъ подлежать ея разбору: этотъ журналъ имѣетъ правиломъ не вмѣшиваться въ содержаніе другихъ временныхъ изданій. О «*Другѣ Здравія*» мы можемъ сказать только, что это отличная газета популярной медицины, преподающая простые способы помогать въ болѣзняхъ за неизмѣнимъ врача, — вѣрнѣйшее средство выздороветь, — тщательно составляемая изъ хорошихъ источниковъ, писанная ясно и понятно для всякаго. Она, притомъ, съ вниманіемъ слѣдуетъ за новыми открытіями во врачебномъ искусствѣ, и поэтому равно полезна и для хозяевъ, и для врачей, практикующихъ въ провинціи. «*Другъ Здравія*» выходитъ также по-недѣльно.

НОВАЯ КНИГА.

НОВАЯ КНИГА.

СЕНСАЦИОННІЯ ЗАМѢЧАНІЯ *госпожи Курдюковой за границею*, данъ л'эстанже. Тамбовъ, 1841, въ-8.

Нѣтъ, я не кончу этого года, не воздавъ должной чести Тамбову. Привѣтъ тебѣ о благородный городъ, остроумнѣйшій и любезнѣйшій изъ городовъ! Красуйся, гордись, поднимай всё выше и выше головы свои надъ свѣтлою Цною: ты безсмертенъ! Когда время губительною сталью скоситъ твои стѣны, когда ты истлѣешь и превратишься въ прахъ, когда плугъ пройдетъ по твоимъ улицамъ и пшеница будетъ расти на томъ мѣстѣ, гдѣ ты теперь величаешься, ученый странникъ остановится на пустынномъ берегу Цны и скажетъ: «Здѣсь былъ Тамбовъ! здѣсь была несравненная мадамъ Курдюковъ! здѣсь, между ржи и ячменемъ, цвѣли вмѣстѣ эта чудесная женщина и этотъ чудесный городъ, которые были въ такой модѣ въ Петербургъ въ 1841 году; о которыхъ столько говорили впродолженіи многихъ мѣсяцевъ въ северномъ Вавилонѣ; которыми тамъ такъ восхищались. Здѣсь вышла въ свѣтъ эта яркая и любовная книга, которую любитъ библиоманъ, ссылаются историки, опирается антикварій, въ выводахъ своихъ о томъ, чѣмъ некогда были Тамбовъ и его высшая образованность. Да! здѣсь непременно процвѣтали науки, художества, вкусъ, роскошь, утонченность: такая книга могла со-здаться только среди безчисленныхъ типографій, которыя посредствомъ соперничества довели искусство книгопечатанія до высокой степени совершенства и изящества; ея пре-

красныя гравюры убѣждаютъ, что древній Тамбовъ обладалъ академіями художествъ, и множество отличныхъ артистовъ непрерывно трудились для его изящныхъ наслажденій; наконецъ ея содержаніе показываетъ, что здѣсь писали чрезвычайно оригинальные стихи, въ которыхъ были — не поэзія — а немножко лучше поэзіи — чистая, самородная веселость, милая шутливость, остроуміе безъ натяжки, насмѣшка въ хорошемъ вкусѣ и тонкая свѣтская публичность. Но особенно этотъ неподобный тамбовскій языкъ!... одинъ уже этотъ языкъ служитъ неоспоримымъ доказательствомъ дивной утонченности вкусу въ томъ древнемъ, давно исчезнувшемъ обществѣ, котораго незабвенная мадамъ Курдюковъ была типомъ и представительницею.» Такъ будетъ, спустя многія столѣтія, разсуждать странникъ, когда уже Тамбова не будетъ, и, бродя въ овся, онъ вдругъ остановится и воскликнетъ: «Да! вотъ то мѣсто! вотъ она! здѣсь и происходило то знаменитое консилиумъ ученыхъ тамбовскихъ врачей, въ которомъ ей —

«..... сказали доктора:
 Мадамъ Курдюковъ! пора
 Вамъ бы на воды въ Германию:

 Вамъ понравится Европа.
 Право мѣшать или не фод на,
 А то будете мадамъ!....»

Здѣсь-то она снарядилась въ это великое путешествіе, въ которое; прежде всего —

«Въ городъ Питеръ доташилась,
 И промѣнила билетъ
 Для себя, о турѣ Англи,
 Э туръ Харитонъ ле мидеръ....»

C'est imprayable! Если бы, изъ всей древней русской образованности, одна эта фраза осталась для насъ, потомковъ (это всё-еще говорить странникъ, а не я), то древній Тамбовъ, который намъ передалъ ее, за это самое долженъ быть признанъ бессмертнымъ городомъ! Камоу иладъ для вышесказанія! Камоу драгоценное указаніе на нравъ, рать образованности и понятія тѣхъ людей, которымъ говорили тѣмъ удивительнымъ языкомъ!..... Я вижу эту безцѣнную мадамъ Курдюковъ; я ее слышу, ее и всегда обществу;

и почти влюбленъ въ нее, и у меня сердце разрывается, когда она говоритъ :

«Но на Бердовой машинѣ,
Вадумалось моей кузинѣ,
Бядную, меня, маладь,
Проводить жюска Крошштадтъ.
Берегъ весь кипитъ выродомъ
Передъ нашимъ пароходомъ,
Де манзель, де кавалье!
Де попы, дезь-офисье!
Де коляски, де кареты,
Де старушки, де кадеты :
Однимъ словомъ, всякой сбродъ!

«Задымился пароходъ.
Въ колокольчикъ застучали,
Вся платками замахали ;
Заволилась ла мушуръ ;
Вся кричать : *адъё, бонсуаръ,*
Ревене, не м'убліе па!
Отвязался зацъпа ;
Мы пустились по водамъ.....»

Нѣтъ, я не отстану отъ мадамъ Курдюковой! Я поеду за нею, хоть на край свѣта! Я буду ночью мечтать съ нею на палубѣ; буду слушать бѣнья сердца ея. Она такъ мило говоритъ :

«И вотъ полночь! Мѣсяцъ ясный
Расходился въ небесахъ,
И на дремлющихъ волнахъ
Онъ пролилъ свое сіянье,
Въ сердце томное мечтаье
О быломъ, о старинѣ.
Мнѣ явился какъ во снѣ
Тъ боскеты, тѣ приоты,
Роковыя тѣ минуты,
Гдѣ, впервые, Курдюковъ
Объявилъ мнѣ про любовь.
Я жеманилась сначала;
Но потомъ ему сказала,
Поразивъжась *Пуркуа ндѣ*
Адресуйтесть : а панд!

.....
Пригорюнясь объ отчизнѣ,
Я подумала о жизни.

★

Проще то иль бываетъ съ ней!
 Много въ юности затѣй,
 Переградъ, любви, невзгоды.
 Протекуть, промчатся годы,
 И вся эта кутерма
 Исчезаетъ какъ дома!

Кстати берегъ Петергофа
 Тамъ снится : Здорово,
 Старый другъ минувшихъ лѣтъ!....
 Я была эвъ пѣ кокетъ....
 Помню, М*** волочился,
 И чуть-туть..... Но онъ женился.
 Завладѣла имъ жена.....
 И осталася вѣрна
 Господину Курдюкову.
 Но *адъё* и Петергову!....

Вотъ она уже въ Любекъ; вотъ гуляетъ по городу ; но —

«Но мой *эстомъ* по-русски
 Говорить: Пора *дине*,
 Полно-дискать *промене*.
 Вверхъ носить ко мнѣ забота;
 Я вотъ у *табельдота*.
 Вотъ вхожу; хозяйнѣ самъ
 Молвить: *Зецензи, мадамъ*.
 Но потѣмъ и самъ садится!
 Ну, куда жъ это годится,
 Чтобъ трактирщикъ, за столомъ,
 Самъ сидѣлъ, какъ *галантомъ*?
 Вотъ *ла супъ*, — оно водница!
 Съ лукомъ, съ тестомъ; и корица
 Такъ и плаваетъ по немъ.
 Не завидно; подождемъ,
 Дальше будетъ чтѣ такое.
 Вотъ *ле бѣфъ*, языкъ, жаркое,
 Рыба, утка и *семись*.
 Это *ле премье сервисъ*.
 Ко всему дають варенье....
 Чтѣ за странное смѣшенье!
 А съдѣять, *нейе папѣръ*!
 И затѣмъ *фромажъ* и *бѣръ*!
 Кушать мясо съ черносливомъ
 Запивать все это пивомъ:
 Тотчасъ будетъ *ла коликъ*.

Намекъ къ этому привалъ,
 Но я Русская, не Штика....
 Всѣ равно давай, позы-ка,
 Чтѣ-то будетъ? Ничего!

Изъ Любека въ Гамбургъ; изъ Гамбурга въ Бременъ.
 Здѣшняя церковь поразила безцѣнную путешественницу.

«Кирка здѣсь еще замѣтна,
 Но не тѣмъ, чтобы кокетна;
 Нѣтъ.... кто въ ней похоренъ,
 Тотъ не глеть.... обращенъ
 Просто въ кожу барьбана,
 Иль въ пергаментъ для фирмана,
 И по этому *суванъ*,
 На спицѣ дюнь *грандъ-маманъ*,
 Бременецъ стучить тревогу,
 Иль готовить домъ къ залогу,
 При свидѣльствѣ попа,
 На брюшкѣ *день гранъ-папа*»

Черезъ Оснабрюкъ и Мюнстеръ, —

«Наконецъ, не безъ *эласа*,
 Я до Рейна добралася.
 Вотъ ужъ съ башнями Колонъ;
 Пятна, *мо де неръ* и вонь
 Намъ ужъ больше не причина:
 Здѣсь вода *де Жанъ Фарша*.
 Совершенный *спесификъ*!
 Жанъ Фарша *л'омъ юникъ*,
 Какъ повсюду утверждаютъ:
 А и здѣсь ужъ ихъ считаютъ,
 Какъ я слышу, сорокъ пять!
 И никакъ нельзя узнать,
 Кто изъ нихъ *ле вритабль*!
 Всѣ-равно; *се тутъ энъ дьльбъ*;
 И по-миъ, пуская, не тронь:
 Тѣмъ дешевле *л'о-д-колонъ*!»

Изъ Кѣльна, ѣдутъ по Рейну на пароходѣ:

«Тутъ всё горы близъ Нейвида.
 Въ восхищеніи отъ вида,
 Пассажиры, какъ въ хивли,
 Вся кричатъ: *Комъ се жоли*!
Комъ се бо! А чтѣ такое?
 Горы лишь, не чтѣ иное!

Посмотрали бы у нас,
 Нашъ Уралъ и ле Комза!...
 Съезъ мнѣ право вполнеть!
 Отчего всѣмъ такъ вричеть
 Видь крутыя, скалистыя горы
 И рюньовъ? — Это вздоръ!
 Лучше всякой мнѣ рюньи
 Просто риги и овини;
 Въ нихъ, по-крайней-извѣрь, прокъ;
 А де рюньи муа же-манъ-мокъ,
 Домъ безъ крыши безъ окошекъ
 Годенъ только-что для кошекъ
 Иль для крысъ, не для людей!

Но поспѣвшимъ во Франкфуртъ. Мнѣ, отдаленному потомку, любопытному страннику, хочется посмотреть на древнихъ Русскихъ за границею; мнѣ такъ же какъ ей хочется —

• Поучиться этикету,
 И въ чужбинѣ, же лагу,
 Видѣть Русскихъ рандеву.

.....

• Русской право мнѣ досаденъ!
 Овъ ловчѣй, видѣве нсѣхъ,
 А стремится, какъ на смѣхъ,
 Походить на нностранца,
 На Француза, Итальянца,
 Англичаинна сюрту :
 Въ томъ находить красоту.
 Очень часто я видала, —
 Тихій, скромненькій сначала,
 Какъ побудеть а Франкфуртъ,
 Ужъ не брать ему и чортъ!
 Точно будто не здорово
 Вымолвить по русски слово :
 Же ве, дискать, волтижс,
 Годикъ сюръ лезъ-этранже,
 Же не вѣ па, же не не па,
 Же не манжъ па де ла рѣпа!....
 Этсетра.... Здѣсь аристархъ
 Для всѣхъ Русскихъ мосьѣ Зархъ.
 Вся къ нему, какъ-бы къ насторю,
 Насчетъ дѣлъ, покупокъ, спору.
 Онъ все ладить, все мирить,
 Преучтиво говорить :

Но, зато, ужь какъ, охъ, любить
 Нашихъ, ежели, что купить
 Или доставеъ а креди!
 Это Русскихъ малади:
 На милокъ все покупають,
 А расплату отлагають
 До поевдвднго каръ-дёръ.
 Ле трактирщикъ живодёръ
 Радъ радбиковскъ: охъ знаетъ,
 При отъездъ какъ считаетъ
 Русскій; вѣрно въ торопахъ,
 Раскричится такъ, что страхъ!
 Бьетъ и стулья и скамейки,
 Но заплатитъ до копѣйки,
 Какъ бы ни былъ писанъ счетъ.

«Съ этой мыслью въ магазинъ
 Ты идешь: вездѣ витрины,
 Бронзы, золото, хрусталь,
 Де холстинки э де шаль.
 Какъ же тутъ не разориться?
 Русскій любить заводиться
 И безъ нужды: про запасъ,
 Слабость такова у насъ.
 Особливо, какъ повѣрять
 Санъ-аржанъ, сейчасъ отиврять
 Вся товары, и въ отель
 Отошлютъ, се багатель!
 Всякой разъ спрямится шея,
 Какъ ты кликнешь лонъ-лакса,
 Скажешь: *Фетъ нѣе лотесъ.*
 А охъ снажеть: *Вуй, пренсессъ!*»

Чудные люди! чудное это было общество! восклицаетъ странникъ. — Но мы здѣсь оставимъ странника. Пока что будетъ, пока Тамбовъ разрушится и странники станутъ на его развалинахъ съ любопытствомъ и удивленіемъ пересчитывать эту милую, острую, забавную, оригинальную картину одного изъ самыхъ типическихъ характеровъ нашего общества, у насъ, въ Петербургъ, почти всѣ знаютъ наизусть книгу мадамъ Курдюковой, дѣти повторяютъ изъ нея цѣлыя страницы, взрослые слушаютъ и помираютъ со смѣху. Вѣрно, и въ Тамбовѣ те же. Поэтому напрасно бы-

ло бы умножать здѣсь выписки. Тѣ, которые еще не читали, прочитають. Я хочу сказать только то, что тутъ конца нѣтъ. Говорили о второй части. Гдѣ же она?... *Шерь э шармантъ* мадамъ де Курдюковъ! не заставляйте насъ такъ долго ждать остальной части своихъ прелестныхъ «сенсаций»! Вотъ уже годъ какъ мы наслаждаемся первою. «Право, мѣшкать *иль не фо пѣ!*» Поспѣшите изданіемъ второй, — Окажите се *сервисъ* : *Иль э тамъ ке са фишисъ!*

Теперь читатель видитъ, что содержаніе этой книги, въ самомъ дѣлѣ оригинально и забавно; мы прибавимъ, что и изданіе ея прекрасное и украшено очень искусно сдѣланными политипажами и вишнетками.

княжна Хабиба; *повѣсть въ стихахъ*, взятая изъ татарскихъ преданій Александрю Фуксъ. Казань, въ тип. университетской, 1841, въ-8, стр. 64.

Давно уже не наслаждались мы стихами любезной казанской Музы. Она повѣсила-было свою лиру на стѣнѣ золотого храма, сошла съ изящныхъ высотъ Парнаса и снисходительно посѣщала у подножья его смиренную Прозу. Посѣщенія не были безплодны: вы помните, какую занимательную произвели они книгу о Чувашахъ и Черемисахъ!... Но вотъ она опять восходитъ на родную гору, беретъ любимую лиру; струны звучать, пѣснь льется:

«Вотъ тамъ, гдѣ горъ Уральскихъ скать,
Гдѣ шумно бьетъ съ горы каскадъ»,

живетъ татарскій ханъ Халитъ и дочь его Хабиба. Хабиба — красавица, и влюблена въ Виктора, офицера казачкаго полка, который расположенъ вблизи Халитова дому. Викторъ, по принадлежности, влюбленъ въ Хабибу. Но, къ несчастію любовниковъ, киргизъ-кайсацкій ханъ, грозный Искандырь, посылаетъ свою сестру сватать за себя Хабибу. Ступай, говоритъ онъ сестрѣ:

«Ступай, и поспѣши скорѣе;
Письмо Халиту ты отдай,
И будь немного по-смыгте,
За чьемъ мѣнѣ зъвай.....
Да не забудешь ли приказа
Сказать, какъ я племень княжной?....»

Скажи, что я не твѣ другой, —

Я въ жизни не слыхала слова...

Скажи, что я отыта нду.

На радость мнѣ, или на бѣду!...

Съ такимъ женихомъ спорить трудно. Отцу и мать Хабибы изъявляютъ искреннее, а Хабиба притворное, согласие на предлагаемый бракъ. Между-тѣмъ, полкъ, въ которомъ служить Викторъ, посланъ противъ Киргизъ-Кайсаковъ. Хабиба, вместо того чтобы идти замужъ за свирѣпago Искандыря, идетъ въ походную палатку милого Виктора. Она принимаетъ крещеніе, и готовится обвенчаться съ возлюбленнымъ.

«А Викторъ съ милою клякою,
Всѣдневно, тихою порою,
Гулялъ вкругъ лагеря, въ лугахъ,
И по долинамъ и въ лѣсахъ.»

Эти неосторожныя прогулки были причиною ихъ гибели. Однажды наскочалъ на нихъ страшный Искандырь, и убилъ Виктора. Хабиба бросилась бѣжать въ рѣку и потонула.

Содержаніе повѣсти просто, и это доказываетъ превосходный вкусъ сочинительницы, которая притомъ обладаетъ особеннымъ даромъ открывать много поэзіи въ быту Татаръ и выражать ее тѣмъ милымъ стихомъ, который вы уже давно знаете. Между милыми стихами есть даже очень счастливые, напримѣръ :

«Забыла мать свои угрозы,
И тихо проливала слѣзы,
Чтобъ мнѣ не встревожить дочь.
Какъ часто Зюлиха, въ полночь,
Когда Хабиба засыпала,
Надъ ней стояла и вздыхала!...
Ахъ! сердце матери понять.
Одна лишь-только можетъ мать!»

Прекрасно!

СОЧИНЕНІЯ АКИМА НАХИМОВА, въ стихахъ и прозѣ, напечатанныя по смерти его. Изданіе четвертое. Москва, въ тип. Семена, 1841, съ-12, стр. 225.

Было время, когда «Сочинения Алина Нахимова» ходили въ спискахъ по рукамъ; и очень много выучивали ихъ наизусть. Но, въ двадцать-пять лѣтъ, прошли два вѣка съ колоной: между Нахимовымъ и нами воздвиглись исполинскія горы; — Пушкинъ и его искусство, — и подвумъ сторонамъ этого хребта господствуютъ теперь два языка, уже эти чуждые другъ другу. Кажется, однакожь, судя по числу изданий «Сочинений Алина Нахимова», еще много смѣло перелезаютъ черезъ эти горы, чтобы послушать что тамъ говорится. Впрочемъ, несмотря на недостатки слогу и языка, это такой родъ литературы, который не теряетъ право на общенародность: большая и лучшая часть сочинений Нахимова — колкія насмѣшки, рязкія сатиры, острия басни. Это никогда не прискуचितъ извѣстному классу читателей, не въискательному по части художества. У Нахимова было много ума, хоть и не изящнаго. Нѣкоторые изъ его басень могутъ, еще и теперь, стать на ряду съ хорошими произведеніями въ этомъ родѣ. Напримѣръ:

ЛАСТОЧКА И КОЛОКОЛЬ.

«На башнѣ колоколь висѣлъ,
И тамъ же ласточка гавдилась.

На колоколь вдругъ птичка разсердилась:

— «Ужь ты мнѣ уши прозвенѣлъ;

Въ соседствѣ жить съ тобой мнѣ силы не доставить.»

— «Молчалъ бы, Ласточка, охотно для тебя:

Но что жъ звонарь меня

За дрянной мой языкъ всегда изсылало тынуть!..»

—

А ты, Глуповъ, зачѣмъ ты поднимаешь крикъ?
Ужели и тебя кто тынетъ за языкъ?»

ВОЛЫ И ЛОШАДИ.

Спросили некогда у Лошади Волы:

— «Зачѣмъ боярину повраивались Ослы?

Вѣдь работать они намъ мало помогаютъ;

Однако больше ихъ и корчить и ласкать.»

— «И вы не знаете, — Козь отъчалъ Волынь:

Зачѣмъ такая чужь Одама?

И барская немилость къ намъ?

Такъ знайте, братцы:

Мы — Русскіе, Ослы же — иностранцы!

Очеркъ новой италіанской литературы. Сочиненіе Фортуната Пранди. Переводъ съ французскаго Александры Зражевской. Сп.-бургъ, въ тип. И. Академіи Наукъ, 1841, въ-12, стр. 75.

За предѣлами Италіи такъ мало занимаются ходомъ современной италіанской литературы, что даже имена ея многихъ писателей намъ вовсе не извѣстны. Господинъ Пранди объясняетъ это отчасти нашимъ равнодушіемъ, но гораздо болѣе посредственностью нынѣшнихъ италіанскихъ талантовъ, которыхъ труды, несмотря на сто осемьдесятъ газетъ и журналовъ, издаваемыхъ въ Италіи, не поднимаются такъ высоко, чтобы перелетать черезъ горы. Одною изъ важныхъ причинъ этого печальнаго обстоятельства, по словамъ Пранди, можно почестъ то, что Италіанцы еще очень недавно занялись распространеніемъ у себя народнаго воспитанія. Изъ его сочиненія мы видимъ, что въ 1836 году вышло во всей Италіи не мѣнѣе 3264 книгъ, и не объ одной изъ нихъ не заговорила Европа.

Книжечка любопытна; переводъ хорошъ.

Уральскій хребетъ въ физико-географическомъ, геогностическомъ и минералогическомъ отношеніяхъ. Сочиненіе Григорія Щуровскаго, ординарнаго профессора въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. Москва въ тип. университетской, 1841, въ-8., стр. 486. Съ осмыю картами и четырьмя чертежами.

Прошло уже около трехъ полу-столѣтій съ тѣмъ поръ, какъ уральскій хребетъ сдѣлался достояніемъ промышленности; но изслѣдованія его, по началамъ науки, продолжаются не болѣе пятидесяти лѣтъ. Однако жъ, несмотря на столь короткій періодъ времени и на всю трудности, съ которыми сопряжено изученіе этой любопытной мѣстности, накопилося уже объ ней довольно много отдѣльных свѣдѣній. Но не было правильнаго описанія, которое бы вмѣ-

ствъ показало всю государственную важность уральскаго хребта и опредѣлило его геологическое значеніе. Господинъ Щуровскій пополнилъ этотъ недостатокъ. Онъ собралъ всѣ отдѣльныя свидѣнія, которыя находятся въ Горномъ Журналь, и въ сочиненіяхъ Палласа, Германа, Купфера, Гумбольдта, Розэ, Эверсмана, Куторги, Эйхвальда, и по нимъ составилъ полную систематическую картину Урала. Сочиненіе содержитъ въ себѣ три «отдѣленія». Первое посвящено физико-географическому описанію уральскаго хребта; второе разсматриваетъ его геогностическое образованіе; третье говоритъ объ его минеральномъ богатствѣ. Первое изъ этихъ отдѣленій однако жъ еще лишено надлежащей полноты: это коротенькій и легкій очеркъ сѣвернаго, средняго и южнаго Урала, написанный очень хорошо, но не совсѣмъ удовлетворительный; климатъ цѣлаго хребта, этой длинной полосы, изображенъ по одному характеру растеній, и нигдѣ не показана ни температура воздуха, ни температура почвы, хотя академикъ Купферъ приготовилъ уже по этой части много хорошихъ матеріаловъ, которыхъ не слѣдовало бы откладывать всторону. Кромѣ того, почти на всѣхъ горныхъ уральскихъ заводахъ устроены теперь метеорологическія обсерваторіи, и наблюденія ихъ всѣ печатаются. О магнитныхъ и барометрическихъ наблюденіяхъ авторъ не говоритъ ничего. *Извѣстная* высота многихъ горъ не показана. Гидрографія уральскаго хребта развита весьма недостаточно, и авторъ ничего не говоритъ ни о теченіи рѣкъ, ни о свойствахъ воды озеръ тамошняго края, хотя его физическая географія очень искусно разработана господиномъ Купферомъ въ его *Voyage dans l'Oural*. Но зато второе отдѣленіе исполнено прекрасно: здѣсь виднѣть мастеръ своего дѣла; метаморфическія, сѣро-ваковыя, плутоническія породы описаны очень подробно и сообразно съ современнымъ состояніемъ науки. Но березитъ отнесенъ-таки къ семейству гранитовъ, хотя онъ, и по составу и по наружному виду, совершенно отъ нихъ отличенъ. Собственно-геологическая часть книги написана очень скромно и осмотрительно: въ ней нѣтъ отчаянныхъ гипотезъ: каждый выводъ подтвержденъ фактами. Значенія мѣдистаго песчаника и самое происхожденіе ураль-

скаго хребта объяснены правдоподобно. Впрочемъ авторъ придерживается еще «теоріи постепеннаго развитія органической жизни», предложенной Кювье: эта теорія нынче уже не удовлетворительна, и остатки млекопитающихъ животныхъ, найденные профессоромъ Куторгой въ мѣдистомъ песчаникѣ, служатъ новымъ доказательствомъ ея неосновательности. Все на свѣтъ дымъ, въ томъ числѣ и «всемирный законъ постепенности»! Право, на свѣтъ, все съ самаго начала было то же, какъ теперь есть. Если подь солнцемъ нѣтъ ничего новаго, то конечно потому что и никогда не было, и эти длинныя, тысяче-лѣтнія эпохи, каждая съ своими собственными чудовищами, со своей неполноисковой травой, существуютъ только въ воображеніи нѣкоторыхъ геологовъ. Первостепенные геогности, Ламель, Веклемъ, Агасси, и другіе, оставили уже эту теорію.

Третье отдѣленіе заключаетъ въ себя описаніе минеральнаго богатства. Здѣсь тотъ недостатокъ, что нѣкоторые минералы, свойственные исключительно уральскому хребту, описаны слишкомъ поверхностно, такъ, что даже и кристаллическая форма нѣкоторыхъ вовсе не показана. Правда, чевкинитъ, радицитъ, рутиль, перовскитъ, и тому подобныя новыя минералы еще очень мало изслѣдованы и не вошли въ минералогическіе курсы; но въ томъ-то и состояло бы достоинство, если бы авторъ спеціальной книги объ Уралѣ, ученый профессоръ минералогіи, для этихъ мало изслѣдованныхъ минераловъ потрудился сдѣлать то, чего не сдѣлали другіе.

Одно маленькое замѣчаніе. На страницѣ 189 сказано: «Канкринитъ составляетъ видоизмѣненіе везувскаго содалита, и отличается отъ него только синимъ цвѣтомъ. Такое сближеніе канкринита съ содалитомъ не подлежитъ ни какому сомнѣнію, особенно съ того времени, какъ канкринитъ найденъ въ правильномъ видѣ, въ состояніи естественнаго ромбоидальнаго декаэдра». Это что-то не совсѣмъ ясно. На какомъ разложеніи основывается авторъ? По разложенію Гмелина, канкринитъ оказался эмолитомъ, который уже вовсе не содалитъ; по-крайней-мѣрѣ до-сихъ-поръ такъ писали въ минералогіяхъ.

Книга, издава: очень хороши; нѣтъ, ни одной опечатки въ художескихъ формахъ.

ПРАКТИЧЕСКАЯ МОРСКАЯ АРТИЛЛЕРІА. Сочиненіе Корпуса Морской Артиллеріи капитана Ильина. С. П. бурса въ тѣх. Штаба Военно-учебныхъ Заведеній, 1841, въ 8-стр., XXX, и 377, таблицы XLVІІІ.

Не только наша, но и другія европейскія литературы по имѣютъ на одной истинно хорошей книгѣ по части морской артиллеріи, — полнаго трактата объ артиллеріи въкъ судна. А между-тѣмъ, при быстромъ усовершенствованіи ея въ практикѣ, такая книга очевидно необходима. Начальство поручило господину Ильину, ученому морскому офицеру, известному уже по переводамъ сочиненій адмирала Чарруки и капитана Мюшери, «составленію книги, по одобренному плану, которая могла бы служить руководствомъ для артиллеристовъ на берегу и на морѣ». Подобный трудъ не можетъ быть оконченъ въ короткое время. Между-тѣмъ наши артиллеристы нуждались по-крайней-мѣрѣ въ краткомъ, но по возможности полномъ, руководствѣ при своихъ занятіяхъ по службѣ; и господинъ Ильинъ, независимо отъ своего большаго труда, исполняемаго по порученію начальства, оказалъ имъ истинную услугу предварительнымъ изданіемъ «Практической морской артиллеріи», книги хорошо написанной, удобно и умно расположенной, такъ, что она можетъ, въ нѣкоторой степени и по своей части, служить ручнымъ энциклопедическимъ лексикономъ для морскихъ артиллеристовъ. Содержаніе ея раздѣлено на три части. Въ первой, при наименованіи всѣхъ артиллерійскихъ вещей, показываются высшіе отличительные ихъ признаки; дается понятіе о томъ, что такое порохъ, оружіе, снарядъ, статья и въ вообще артиллерійскія вещи, привесы и матеріалы; и описывается ихъ устройство, составныя части, свойства, предназначеніе. Во второй показаны отработныя лабораторныя и такелажныя издѣлія, бракованная и исправленіе артиллерійскихъ вещей и привесовъ. Третья часть посвящена описанію употребленію морской артиллеріи. Предметы, которые по содержанію своему не могли войти ни въ одну изъ трехъ частей, отнесены къ особымъ привесо-

нѣтъ. Прямѣ того присвоены ослѣпленіе и алегоричный указатель, которыми уничтожаются всякіе недостатки пѣна, если бы они существовали. Читатели, конечно, вѣста съ нами пожелать господину Ильяну дальнѣйшихъ успѣховъ въ творить, гдѣ его дарованія могутъ еще произвести такъ много прекраснаго.

Гдѣ это дѣлѣть и опыты по части усовершенствованія разныхъ отраслей сельскаго хозяйства въ Россіи, Варона Уитернъ-Штериберга. С. Н. Бурев, въ тип. Праца, 1841, въ-8, стр. 324.

Эта, собственно говоря, и говоря словами самого автора; «Общій перечень четырехъ-лѣтнихъ его усилій къ устройству и развитію улучшеннаго хозяйства, со всѣми вѣтрянными въ дѣлоприводствѣ затрудненіями». Книга дѣльная, полезное руководство для помѣщиковъ, начинающихъ серьезно заниматься устройствомъ своихъ имѣній; умный и опытный совѣтникъ въ безчисленныхъ случаяхъ сельскаго хозяйства; сочиненіе, съ которымъ можно разсуждать, потому что и оно разсуждаетъ. Особенно могутъ быть важны замѣчанія и совѣты автора касательно новаго образа и способу построения различныхъ зданій, необходимыхъ при ввѣденіи сельскаго хозяйства рациональнымъ, то есть, разсудительнымъ порядкомъ. Страницы этой книги о полеводствѣ и обработываніи пашни, и о скотоводствѣ, заслуживающаго особеннаго вниманія умныхъ хозяевъ.

экономъ, хозяйственная общепользная библиотека. ОН-бургъ; въ тип. Полиціи, 1841, въ-4. Выходитъ тетрадами, четыре раза въ мѣсяцъ.

Эта хорошая, очень хорошая, хозяйственная книга; собраніе умныхъ наставленій, содержащее въ себѣ, какъ говорится по-китайски, десять тысячъ полезныхъ вещей и полезныхъ средствъ, которыя можно приложить ко всѣмъ отраслямъ хозяйства, сельскаго, фабричнаго и городского. Это говорить обо всемъ, учить всему, все объясняетъ, отъ агрономіи до способовъ приготовленія вкусныхъ и дешевыхъ блюдъ; что, право, не бездѣлица.

Всѣ, или почти всѣ, русскіе сельскіе хозяева, постигаютъ

важность изменения существующей мянше системы трехпольнаго полеводства, которая пустила такіе глубокіе корни въ понятіяхъ русскихъ поселянъ. Известно, какъ мудро убрядитъ ихъ въ ея неудобствахъ и добьется до того, чтобы они добровольно согласились на необходимыя улучшения. Въ такомъ состояніи дѣла, не маловажную услугу оказываетъ хозяевамъ тотъ, кто, не принуждая къ принятію новыхъ системъ много-польнаго хозяйства, показываетъ имъ удобнѣйшія средства къ улучшенію и усовершенствованію зерноваго полеводства. Это именно дѣлаетъ «Экономъ», и дѣлаетъ вполне удовлетворительно, ясно, просто, толково и понятно для каждаго. Такую же услугу оказываетъ онъ занимающимся промышленнымъ и фабричнымъ хозяйствомъ: даже можно безъ преувеличенія сказать, что многіе смышленные хозяева, которые, при руководствѣ «Эконома», пріймутся за разработку новыхъ источниковъ дохода, получатъ большія и несомнѣныя выгоды, если употребятъ въ дѣло его полезныя наставленія по части промышленности. Съ этой точки зрѣнія, нельзя не обратить особеннаго вниманія на пространныя статьи о превращеніи винокурень въ свекло-сахарныя заводы и о крахмалѣ. Кроме того въ «Экономѣ» есть и очень любопытныя статистическія сужденія, любопытныя не для однихъ только хозяевъ, но и для всякаго образованнаго человека. Такъ, напримѣръ, нельзя не указать на статью о состояніи набойнаго и красильнаго искусства въ Россіи, въ которой исчислено количество, въ кускахъ, хлопчато-бумажныхъ тканей, приготовляемыхъ ежегодно въ европейской Россіи, и простирающееся до двухъ милліоновъ кусковъ, по тридцати-семи аршинъ въ каждомъ. «Экономъ» представляетъ также хорошія, испытанныя врачами, средства въ болезняхъ человека и животныхъ: это весьма полезно для жителей деревень, удаленныхъ отъ городовъ. Мы находимъ въ немъ еще описанія и рисунки хозяйственныхъ машинъ и новой мебели, по которымъ домашній столяръ можетъ дѣлать прекрасныя и совершенно модныя вещи; важную науку великаго искусства удобно жить и хорошо такъ мало извѣстную на Руси, гдѣ вообще живутъ безъ комфорта и очень рѣдко улыбаются, хотя дѣлать много;

рецепты для отличныхъ кушаньевъ и лакомствъ; советы касательно выбору и употребленія винъ за порядочнымъ столомъ; туалетные способы сохраненія женской красоты, и такъ даже. Словомъ, это книга, — непрерывное изданіе, — потому что, не будучи газетою, она соединяетъ всю ея занимательность и удобства, — книга, какой у насъ не было ничего подобнаго по этой части. «Экономъ», дѣйствительно, вполне достоинъ своего названія «хозяйственной общепользующей библіотеки».

НОВЫЯ БРОШЮРЫ.

ПРАВИЛА ИГРЫ ПРЕФЕРАНСЪ, почерпнутыя изъ иностранныхъ сочиненій и опыта. СПб-бургъ, въ тип. Штаба Военно-учебныхъ Заведеній, 1841, въ-32, стр. XI и 66.

На заглавномъ листѣ находится слѣдующее мудрое четверостишіе :

«Все заниматься важнымъ дѣломъ,
 Душой устанете и тѣломъ;
 А, чтобъ разсвѣяться, свободнѣе вздохнуть, —
 За картами извольте отдохнуть.»

И, въ самомъ дѣлѣ, что за вздоръ заниматься важнымъ дѣломъ! Мѣсяцъ плохъ, книгъ мало, и то всё хорошія: совершенно нечѣмъ разсвѣяться!... Скажите, куда дѣвались психіалкіи, которыя я обожаю! Но я догадываюсь, куда онѣ дѣвались! Онѣ жеманятся, припрятались, не хотятъ выходить въ свѣтъ въ ноябрь мѣсяцъ, собираются явиться всё вдругъ къ новому году. Какія умницы! Но всё же вы явитесь когда-нибудь, и мы повстрѣчаемся съ вами на этомъ столѣ. Напрасно вы намъ теперь не доставили великаго развлеченія, которое мы всегда находимъ въ вашей бесѣдѣ. Я «душой и тѣломъ усталъ» отъ хорошихъ книгъ. Это на-

стоящее мученіе — непрерывно удивляться хорошему! Я не знаю ничего утомительнѣе удивленія, хотя всякое удивленіе — счастье. Надо послѣдовать совѣту мудраго четверостишія, «отдохнуть» за картами, «подышать свободнѣе» и «разсѣяться» за преферансомъ.... Но что жъ это такое? Мой *заручный*, въ явное нарушеніе «Правилъ», параграфа пятьдесятъ-четвертаго, страницы тридцать-седьмой, «обнаруживаетъ игру посредствомъ разговоровъ», и, «не соблюдая *благоприличія*, не *чувствуя чувства собственного достоинства*», споритъ и не хочетъ ставить ремиза, что однако же именно и досконально учреждено и постановлено выше-сказаннымъ параграфомъ; а мой *подручный*, «руководимый всегдашнею боязливостію, а можетъ-быть и *другими, худшими, какими-либо* видами», безпрестанно перебиваетъ мои взятки, въ очевидную противность тѣхъ же рѣченныхъ «Правилъ», параграфа осемьдесятъ-третьяго, страницы пятьдесятъ-седьмой.... Будетъ! полно! Я «разсѣялся», «подышалъ свободнѣе». Сколько я теперь вижу изъ этихъ «Правилъ» и «изъ опыта», то преферансъ — самая скучная игра на свѣтѣ, — развлеченіе еще скучнѣе разбору хорошихъ книгъ.

РАЗНЫЕ ИЗВѢСТІЯ.

— Нынѣшняя книжка «Библиотеки для Чтенія», по причинѣ продолжавшихся цѣлый мѣсяцъ затрудненій въ сообщеніяхъ черезъ Неву между типографіей и редакціей, выходитъ четвертаго числа, вмѣсто перваго. По той же причинѣ и по случаю слишкомъ значительнаго объема нынѣшняго сорокъ-девятаго тома, содержащаго въ себя уже и теперь пятьдесятъ шесть листовъ печати, большая часть важныхъ статей Связи должна быть оставлена до будущей книжки. Помѣщенная въ нынѣшней декабрьской книжкѣ по-

вая часть «Идеальной красавицы», барона Брамбеуса, отпечатана также и отдельно въ достаточномъ числѣ экземпляровъ для тѣхъ изъ господъ подписчиковъ 1842 года, которые не получали этого журнала въ 1841: она будетъ имъ выдана вмѣстѣ съ первою книжкою, для полноты сочиненія, которое имѣетъ еще двѣ такихъ части, назначенныя для январьской и февральской книжекъ.

— Вторая часть «Русской бесѣды», издаваемой всеми русскими литераторами въ пользу А. Ф. Смирдина, будетъ выдаваться десятого декабря. Она обѣщаетъ быть еще занимательнѣе и разнообразнѣе первой, и состоитъ изъ слѣдующихъ сочиненій: «Архангельскій соборъ», автора Путешествія къ Святымъ Мѣстамъ; — «Записки покойнаго Дениса Васильевича Давыдова»; — «Захарушка, добрая душа» и «Каменная Баба», А. Ф. Вельтмана; — «Графъ Остерманъ», князя Петра Долгорукова; — «Душа женщины», князя В. Ф. Одоевскаго; — «Записки русскаго живонмца»; — «Разсказъ», господина Основьяненко; — Мичманъ Поцълуевъ», казака Луганскаго; — «Двѣ главы изъ романа», А. П. Башуцкаго; — «Случай изъ жизни Гёте», А. Ф. Струговщикова; — «Два дня въ Демутовомъ трактирѣ», барона Ф. Ф. Корфа. Въ числѣ стихотвореній находятся сочиненія Лермантова, графини Ростопчиной, Губера, Языкова, господъ Шевырева, Струговщикова, и проч.

— Тѣ же непредвидимыя обстоятельства, которыя подали поводъ къ изданію «Русской бесѣды», были причиною примѣчательнаго непостоянства судебъ старшаго изъ нашихъ литературныхъ журналовъ, «Сына Отечества». Публика уже съ удовольствіемъ узнала изъ другихъ источниковъ, что прочность, улучшение и новые успѣхи этого полезнаго и необходимаго изданія отнынѣ совершенно обезпечены. Съ утвержденія правительства, онъ поступилъ въ распоряженіе новаго редактора, Константина Петровича Массальскаго, писателя пріятнаго и остроумнаго, давно уже извѣстнаго русской публикѣ своими твореніями, трудолюбіемъ и точностью. Хорошо устроенная редакція, вкусъ господина Массальскаго, и матеріалы, уже пріобрѣтенныя имъ для «Сына Отечества», обѣщаютъ очень много занимательности

этому журналу, который съ новаго года будетъ опять выходить по-мѣсячно.

— Послѣ старѣйшаго изъ нашихъ литературныхъ журналовъ, нельзя не упомянуть о старѣйшей изъ нашихъ политическихъ газетъ, «*Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ*», Со времени поступленія своего подъ главную редакцію извѣстнаго литератора нашего, А. Н. Очкина, писателя съ дознаннымъ трудолюбіемъ и несомнѣннымъ вкусомъ, это важное ежедневное изданіе улучшалось годъ-отъ-году и наконецъ достигло, можно-сказать, блистательной степени достоинства по разнообразію, отличному выбору и постоянной занимательности своего содержанія. Нынче это превосходная газета во всѣхъ отношеніяхъ, не считая оффиціаль-ныхъ ея преимуществъ. Последняя программа ея обѣщаетъ еще новыя улучшенія.

— Вышла первая тетрадь живописнаго изданія «*Исторіи Петра Великаго*». Изданіе въ самомъ дѣлѣ великолѣпное и достойно своего высокаго предмету.

VII.

СМЪСЪ.

ПРЕВРАЩЕНИЕ УГЛЕРОДУ ВЪ МЕТАЛЛЪ КРЕМНІЙ. *Открытие эдинбургскаго химика, доктора Брауна.* Если это превращеніе справедливо, если докторъ Brown достигъ этого результата, превратилъ газъ въ металлъ, углеродъ въ кремній, то со времени Ньютонова всеобщаго тяготѣнія ничего подобнаго не открыто человекомъ. Это было бы величайшее открытіе новѣйшихъ временъ и полное оправданіе алхиміи. Мы читали это извѣстіе уже въ трехъ важныхъ англійскихъ журналахъ, которые нисколько не сомнѣваются въ достовѣрности факта, и слѣдующія подробности заимствуемъ изъ июльской книжки англійскаго горнаго журнала, Mining Journal. Молодой, но уже весьма искусный, химикъ, докторъ Браунъ, читалъ въ засѣданіи Эдинбургскаго Королевскаго Общества Ученыхъ, то есть, тамошней академіи наукъ, разсужденіе, раздѣленное на пять записокъ, о превращеніи углероду въ кремній, и представилъ при ней образцы своего произведенія. Процессъ доктора Брауна основанъ на изомеризмѣ, или равносооставности. Въ химіи извѣстно множество тѣлъ, которыя совершенно различны по виду и свойствамъ, но, при разложеніи, оказываются состоящими изъ однихъ и тѣхъ же составныхъ частей, взятыхъ въ одинаковой пропорціи. Это загадочное явленіе объясняютъ различнымъ расположеніемъ въ нихъ атомовъ: полагаютъ, что одинаковыя составныя части, или начала, должны быть различно перемѣшаны между собою, и оттого ихъ составы, или тѣла, выходятъ вовсе непохожими другъ на друга. Напримеръ, если возьмемъ три какия-нибудь на-

Т. КЛАК.—Одд. VII.

чала, изъ которыхъ одно назовемъ *a*, другое *b*, третье *c*, то изъ различнаго ихъ перемѣшанія получимъ шесть различныхъ составовъ, *abc, cba, bac, acb, bca, cab*. Докторъ Браунъ, въ началѣ своего разсужденія, доказываетъ очень простымъ образомъ равностованность углероду и кремнiя, приводя въ примѣръ разные химическiе процессы, въ которыхъ углеродъ можетъ быть измѣненъ въ кремнiй. Въ первой запискѣ своей, онъ разсматриваетъ образованiе кремнiя изъ гремуче-кислаго газу; во второй, образованiе кремнистыхъ мѣди, желѣза, платины, отъ реакцiи того же газу; въ третьей, пропорцiю азоту, находямаго въ томъ же газу, который измѣняется потомъ въ азотъ и кремнiй; въ четвертой запискѣ, описаны способы приготовленiя прозрачныхъ кристалловъ кремнистаго желѣза изъ гремуче-кислаго желѣза и изъ желѣзо-гремуче-кислаго поташу; въ пятой, простые способы добыванiя кремнистой кислоты изъ желѣзо-гремуче-кислаго поташу черезъ углекислый поташъ. Эти опыты были повторены докторомъ Брауномъ въ лабораторiи ньюкестльской медицинской школы, и увѣнчались совершеннымъ успѣхомъ.

Послѣ этого, какъ сказать гдѣ, въ цѣпи простыхъ тѣлъ, граница между кислородомъ и золотомъ?

ПРЕВРАЩЕНIЕ КАМЕННОЙ ПОРОДЫ ФЕЛДСПАТА ВЪ ФАРФОРОВУЮ ГЛИНУ. *Опыты господъ Броуна и Миллутти.* Нѣтъ ничего любопытнѣе въ природѣ какъ дѣйствiе силъ чрезвычайно слабыхъ, но постоянныхъ, на преобразованiе веществъ внутри и на поверхности земнаго шара. Мы еще не знаемъ тайнъ этой огромной лабораторiи, но уже новѣйшiя открытiя бросили первый лучъ свѣту на эти чудныя дѣйствiя, которыхъ тихо, медленно, безъ потрясенiй, безъ страшныхъ переворотовъ и асеобитныхъ пожаровъ, выдуманныхъ геологiей, переносятъ огромныя массы вещества изъ однихъ каменныхъ породъ въ другiя, испрiмѣнно измѣняютъ видъ и свойства тѣлъ и производятъ настоящiя превращенiя скалъ. Кажется, что чрезвычайно слабыя, но постоянныя электрическiе токи — гласныя дѣятельныя силы этихъ предпрiятiй природы: съ помощiю этихъ господиновъ Vesquelet и, послѣ него, другiе опыты были сви-

древляни образованія натуральныхъ минераловъ въ стеклянныхъ трубкахъ. Въ нынѣшнемъ году, господамъ Urengardt, извѣстный геологъ и директоръ знаменитой севрской фарфоровой мануфактуры, и господинъ Malagutti, искусный химикъ, получили такимъ же образомъ полное превращеніе фельдшпата, или полевого шпата, въ каолинъ, то есть, фарфоровую глину. Каолинъ, мягкая глина, и фельдшпатъ, основаніе многихъ горъ, твердый камень, рѣзущій стекло, состоятъ изъ однихъ и тѣхъ же началъ, — кремнезему, глинозему, поташу и известь. Составъ полевого шпата, котораго куски часто попадаются въ фарфоровой глины, отличается отъ ея составу только большимъ количествомъ поташу. Господа Броньяръ и Малагутти, съ помощію электрическаго тока, приличнаго употребленнаго, произвели размельченіе глыбы полевого шпата въ мягкую глину, и, отделивъ потомъ лишнюю пропорцію поташу, получили каолинъ перваго достоинства.

ПРОЦЕССЪ ИСПАРЕНІЯ КОСТЕЙ ВЪ ЖИВОТНЫХЪ. *Прибавленіе къ прежнимъ опытамъ господина Флуранъ.* Мы уже несколько разъ говорили о новыхъ наблюденіяхъ господина Flourens надъ животными, кориланными первою, надъ которыми повторилъ онъ опыты Дюгамля. Кости, фибры, мускулы, воо тѣло, непрерывно обновляются: прежнее уходитъ прочь, всмарается, новое заступаетъ мѣсто прежняго. Органическая жизнь, какъ кажется, состоитъ въ томъ, что природа по-минутно ияняетъ матерію, но строго удерживаетъ типъ, или форму, данную ей однажды. Сообразивъ несомненно обстоятельство дѣла, оно очень понятно: мы непрерывно принимаемъ въ себя новыя вещества посредствомъ пищи, питья и дыханія. Если бы все это оставалось въ нашей кожѣ какъ въ резиновомъ мячикѣ, то кожа растягивалась бы постоянно, мы бы росли и толстѣли до безконечности; человекъ въ пятьдесятъ лѣтъ былъ бы вслѣдствіемъ въ порядочною бору. Видно, въ молодости, пока мы растемъ, изъ тѣла нашего испаряется меньше вещества, нежели сколько мы ежедневно къ нему прибавляемъ; въ зрѣломъ возрастѣ убыль сохраняетъ равновѣсіе съ прибавкою, въ старости убыль превышаетъ прибавку. Огромная величина

нѣкоторыхъ животныхъ и чрезвычайная мелкость другихъ, должны, поэтому, зависѣть, у первыхъ, отъ необыкновенной медленности убыли вещества изъ тѣла въ раннейшій возрастъ, у послѣднихъ, отъ неизменно быстраго ея ходу. Но гдѣ же приборъ, который производитъ эту мѣну стараго на новое? Относительно къ костямъ, онъ найденъ. Кость имѣетъ всегда двѣ мягкія оболочки, одну снаружи, другую внутри: полезныя опыты господина Flourens удостоверяютъ, что наружная оболочка, или periostium, есть именно тотъ органъ, который отдѣляетъ изъ себя костную матерію и непрерывно настиляетъ ее вокругъ кости новыми слоями; напротивъ, внутренняя оболочка кости, въ той же соразмѣрности, всасываетъ и уноситъ матерію ближайшихъ къ себѣ слоевъ. Когда кость переломлена, то наружная оболочка, родная мать кости, склеиваетъ ее новымъ веществомъ, которое сочится изъ ткани этой плевы на промежутки перелому. Дюгамель былъ того же мнѣнія, но Галлеръ оспаривалъ его теорію, которую теперь господинъ Flourens подтвердилъ неоспоримыми фактами.

**Нѣкоторые изъ новѣйшихъ открытій въ помпей-
Доказательства, что древніе дѣйствительно расписывали свои статуи красками. Расписанные лица изъ слоновой кости. Колонны покрытыя мозаикою. Капители съ фигурами.** Нѣкогда, въ разсужденіи нашемъ о полихроміи, то есть, разноцвѣтности въ архитектурѣ древнихъ Грековъ и Римлянъ, были приведены извѣстные археологическіе доводы въ подтвержденіе того, что въ ихъ зданіяхъ все было расписано яркими красками, стѣны внутри и снаружи, колонны, капители, фризы, фронтоны, берельесы, и что даже каждый архитектурный членъ имѣлъ у нихъ свой опредѣленный колеръ. Мы составляемъ себѣ ложное понятіе о древности, предполагая наружность ея очень простою: она, напротивъ, была чрезвычайно блестяща и цвѣтна, и это богатство красокъ, перемѣшанныхъ между собою всегда съ большимъ вкусомъ, эта роскошь красивыхъ фресковыхъ картинъ, служившихъ то украшеніемъ подъзодовъ; то вывѣсками промышленниковъ; придавали классическимъ городамъ видъ самый разнообразный, самый занимательный, не-

облакопосельный, чудный, волшебный. Это были, въ помпейскихъ сѣняхъ, изящныя. Казалось, роскошь этихъ людей, должно признаться, для насъ же достижима, при всемъ имѣемъ богатствѣ. Эта странная живопись, которую мы называемъ «помпейскими росчерками» и которую покрываются теперь наши изящнейшія зданія, эта живопись была украшеніемъ бѣдныхъ мѣщанскихъ домовъ: даже въ самой Помпѣи, въ этомъ узкомъ городѣ древности, стѣны и потолки лучшихъ домовъ украшались мозаикою изъ цвѣтныхъ мраморовъ, подобранныхъ съ необыкновеннымъ искусствомъ. Огромныя картины были выполняемы такимъ образомъ у купцовъ провинціального городишка; это стоило гораздо дороже нынѣшнихъ гобеленовъ: что жъ было въ Римѣ? Прибавьте къ тому правильность рисунка и изящество композиціи этихъ каменныхъ и писанныхъ картинъ: они предполагаютъ присутствіе и употребленіе отличныхъ художниковъ. Древнему Римлянину лучшіе наши дома показались бы ужасно бѣдными.

Противъ наружнаго расписыванія зданій, барельефовъ и статуй, приверженцы воображаемой простоты древняго вкусу вооружались однимъ очень сильнымъ аргументомъ: возможно ли допустить, говорили они, чтобы Греки и Римляне употребляли благороднѣйшіе матеріалы, дорогѣй, бѣлоснѣжный паросскій мраморъ и прочая, чтобы покрывать ихъ красками? Съ перваго взгляду, это возраженіе кажется неопровержимымъ, но факты доказываютъ, что оно совершенно неосновательно. Самые рѣдкіе и самые богатые матеріалы такъ же покрывались красками какъ и простая штукатурка: въ этомъ состояла роскошь, безразсудная, невѣроятная, но между-тѣмъ неподлежащая сомнѣнію. Мы приведемъ въ доказательство одно мѣсто изъ письма извѣстнаго археолога, господина Рауля Рошетта, къ бывшему французскому министру народнаго просвѣщенія, господину Сальванди. Господинъ Рошеттъ посѣщалъ Помпею въ 1838 году.

На одномъ краю Помпей, около середины Улицы Гречницъ, въ 1837 году, назначены снова работы, остановленныя съ давняго времени. Мысль, что комната въ рощахъ, по бокамъ которой находятся двѣ лавки, и которая при-

находить къ и въ тому полуручью, стала извѣстному архитектору Помпеи, вѣла къ какому-нибудь зачехленному овалу дома, безспорно принадлежаща догаданному архитектору Помпеи. Раскапываніе, произведенное вслѣдствіе этой мысли, привело къ результатамъ, которые превзошли всѣ ожиданія любителей древности. При раскопкѣ сѣней, о которыхъ мы говоримъ, кромѣ другихъ добротныхъ предметовъ, найдены двѣ головы вакхантовъ, въ натуральную величину, сдѣланныя изъ мрамору довольно посредственно, но замѣчательныя тѣмъ, что на нихъ совершенно сохранились краски, которыми онѣ были расписаны: обстоятельство чрезвычайно важное и которому еще не было примѣру. У мужской головы волосы покрыты желтою краскою, брови тоже желтою по-темнѣе, зрачки коричневою, губы красною; повязка, которою прикрѣплялись къ головѣ листья плющу, кармазиннаго цвѣту, а самый плющъ темно-зеленою. Женская голова разрисована точно такъ же, съ тою разницею, что цвѣтъ волосъ гораздо темнѣе. Другой образецъ такой разрисовки, которая была въ обыкновеніи отъ самой колыбели греческаго общества до послѣдней минуты древности, — какъ доказываетъ Помпея, — былъ найденъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ помянутыхъ выше сѣней. Это — голова молодого Фауна, чудесно изваянная изъ мрамору. На ней сохранилась еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ позолота, которою были покрыты волосы; на лбу есть нѣсколько локоновъ, оконченныхъ кистью; въ глазахъ также уцѣлѣли слѣды красокъ. Эта голова, въ отношеніи къ отдалѣннѣ формѣ и употребленію колеровъ, можетъ служить примѣромъ чистоты и выразительности, свойственныхъ произведеніямъ греческаго искусства.

Продолжая раскапываніе, у выходу изъ сѣней, открыли большое пространство квадратной фигуры, окруженное высокими стѣнами, которыя обмазаны красною штукатуркою. Въ серединѣ этого двора, въ томъ мѣстѣ, которое соответствуетъ домашнему бассейну, impluvium, найдены четыре колонны, стоявшія еще на своихъ мѣстахъ. Эти колонны остаются до-сихъ-поръ единственными въ своемъ родѣ по формѣ и украшеніямъ: онѣ тосканскаго ордена и очень высоки, сложены изъ кирпичу и сверху до низу покрыты мо-

закую. На серединѣ и на обѣихъ концахъ каждой колонны изображены подлѣ различной ширины и съ различнымъ же арабесками: на серединѣ изображены амуры, пресладолюбивые дѣти; амуры вертятся на дельфинахъ, — сюжетъ, очень часто встрѣчаемый въ помпейскихъ мозаикахъ. Капиталь и база каждой колонны украшены маленькими натуральными раковинками разнаго цвѣту и величныи, какъ на прекрасныхъ фонтанахъ, найденныхъ при трехъ недавно открытыхъ домахъ. Мозаика сдѣлана изъ двѣтихъ стеклышекъ съ небольшими кусочками мрамору и цвѣтной глины; фигуры расположены по светло-голубому полю, и все утверждено на тройномъ слое штукатурки. Это были первые образчики колоннъ съ мозаикою, вышедшія изъ развалинъ древности, и потому онѣ надѣляли много шуму между археологами, даже въ самомъ Неаполѣ, гдѣ все кружится въ чадѣ праздниковъ и забавъ. Что касается собственно до мозаики, то она нисколько не лучше той, которою украшены всѣ помпейскіе фонтаны. Главное тутъ то обстоятельство, что мозаика является на колоннахъ, — случай, доселѣ невиданный и поэтому чрезвычайно важный въ исторіи искусства. Колонны эти составляли бесѣдку, находившуюся посерединѣ квадратнаго пространства, о которомъ говорено выше и которое, вѣроятно, было садомъ, расположеннымъ передъ домомъ.

Въ глубинѣ сада нашли фонтанъ, весь покрытый мозаикою. По стилю и украшеніямъ, онъ совершенно походитъ на тотъ, что въ домѣ, названномъ *домомъ великаго герцога тосканскаго*, и на два фонтана близъ дому *Фуллопки*. Все, что окружаетъ этотъ новооткрытый фонтанъ, украшено въ томъ же вкусѣ: стѣна, къ тоторой онъ прилегаеть, раздѣлена на квадраты, и рамы ихъ изъ мозаики; пьедесталы, на которыхъ стояли статуи и маски, украшены также мозаикою. Многіе изъ масокъ найдены въ мусорѣ: онѣ изображаютъ бахическія лица, съ просверленными глазами и открытымъ ртомъ. Изъ этого видно, что маски употреблялись для произведенія особаго роду освѣщенія посредствомъ лампы, которая ставилась сзади: обстоятельство любопытное, замеченное уже въ принадлежностяхъ фонтановъ въ домѣ Фуллопки. Теперь занимаюсь: рас-

чистой задней части здания; но что всего примечательнее въ этомъ домѣ, впрямую принадлежащемъ какому-нибудь зажиточному помпейскому торговцу, такъ это гробница, которая прилегаетъ къ большой полу-аркадой наши. Она сложена изъ крупныхъ кусковъ прекраснаго известковаго камня, и находится на небольшомъ открытомъ пространствѣ, направо отъ сада; на ней нѣтъ надписи, можетъ быть потому, что она, какъ и самый домъ, принадлежитъ къ числу уже послѣднихъ построекъ въ Помпѣяхъ. Гробница эта была закрыта мраморной дверью; въ нее спускались по тремъ ступенькамъ. При раскрытіи ея въ первый разъ, въ присутствіи неаполитанскаго короля, нашли въ ней амфору изъ синяго стекла съ бѣлыми выпуклыми украшеніями, chef-d'oeuvre древняго вкуса, которому нельзя удивиться, но которое трудно описать словами и изобразить въ рисунокъ. Амфора эта стояла въ одной изъ трехъ квадратныхъ нишъ, которыя сдѣланы въ стѣнахъ гробницы. Въ двухъ другихъ нишахъ тоже найдены урны, одна стеклянная, другая изъ горшечной глины. На полу валялось нѣсколько маленькихъ пидоловъ и маска Париса, изъ глины, въ натуральную величину, тщательно раскрашенная во всѣхъ ея подробностяхъ.

Въ Улицѣ Меркурія, еще въ 1828 году, начали отрывать лавку, принадлежавшую, судя по двумъ картинамъ, нарисованнымъ по обѣимъ сторонамъ входа, какому-нибудь столяру. На одной изъ этихъ картинъ представлены два столяра, распиливающіе дерево, на другой — Дедалъ, указывающій Пазифавъ на деревянную коробку, которую онъ только-что сдѣлалъ. Следственно, это поэтическое изображеніе ремесла хозяина лавки служило здѣсь вывѣской: какъ же различна была промышленность Римлянъ отъ нашей! Если бы въ цѣлой Помпѣяхъ не было найдено ничего кромѣ этихъ двухъ вывѣсокъ, мы уже могли бы составить себѣ понятіе о духѣ древнихъ, у которыхъ поэзія проникала во все, даже въ самыя мелочныя, ничтожныя потребности жизни. Въ другомъ домѣ той же улицы, между прочими любознательными вещами, открыты обломки маленькаго ящика изъ слошовой кости, который также былъ расписанъ расками и составляетъ почти единственный дошедшій до

насъ образчикъ этой вѣтви промышленности древнихъ. На противуположномъ углу улицы давно уже открыли домъ, названный сначала *домомъ Квестора*, а нынче известный подъ именемъ *дома Диоскуровъ*, по причинѣ изображенія этихъ полубоговъ, находящагося по обѣимъ сторонамъ входа. Великолѣпнѣе этого жилища показываетъ, что оно было однимъ изъ роскошнѣйшихъ въ Помпеѣ. Домъ Диоскуровъ замѣчательнѣе особенно по одному обстоятельству, котораго примѣры весьма часто встрѣчаются, съ тѣхъ поръ какъ принялись разрывать Улицу Меркурія: въ лѣвомъ углу притвора, *atrium*, нашли два деревянные ящика, вдланные дномъ въ каменное основаніе, въ которыхъ, вѣроятно, хранились деньги и драгоценныя вещи хозяина. Эти ящики были внутри обложены бронзой, а снаружи оправлены желѣзными полосами и бронзовыми досками съ украшеніями чеканной работы. Въ томъ, который по-больше, нашли сорокъ пять золотыхъ и пять серебряныхъ монетъ, уцѣлѣвшія, конечно, отъ гораздо значительнѣйшаго сокровища, потому что отверстіе, проломанное въ стѣнѣ изъ соседней комнаты, ведетъ къ заключенію, что этотъ ящикъ былъ обобранъ еще въ древности, вскорѣ послѣ несчастья Помпей. Люди, знавшіе важность суммы, хранившейся въ ящикъ, захотѣли воспользоваться ею, но не могли достигнуть этого иначе какъ проломавъ соседнюю стѣну. Уцѣлѣвшія пятьдесятъ монетъ, безъ-сомнѣнія, были забыты во время смятенія. Въ другомъ ящикъ находился только маленькой барельефъ и бюстикъ какого-то божества, тотъ и другой изъ бронзы: вѣроятно, одна изъ этихъ вещей была прикрѣплена къ крышкѣ, а другая ко дну ящика, въ видѣ талисмановъ, какъ у насъ простой народъ кладетъ въ кошельки двойчатки ореховъ, чтобъ водились деньги. Открытіе такихъ ящиковъ въ нѣсколькихъ домахъ Помпей, принадлежащихъ къ одному и тому же кварталу, раскрываетъ намъ одну особенную черту въ древнихъ обычаяхъ, которая не была замѣчена въ современныхъ сочиненіяхъ, черту, состоящую въ томъ, что сундуки, въ которыхъ хозяинъ хранилъ свои деньги, помѣщались всегда на самомъ видномъ мѣстѣ, въ отдаленіи, назначенномъ для гостей, *atrium*. Украшенія ихъ бывали великолѣпныя, изъ бронзы отличной чеканки.

Искусство нустило такіе глубокіе корни во весь обичай древняго общества, что самая обыкновенная вещь, вышедшая изъ рукъ древняго плотника, кажется намъ произведеніемъ артиста. Мы едва находимъ въ своихъ музеумахъ достойное мѣсто для обломковъ какой-нибудь древней ящички; денежные сундуки нашихъ нынѣшнихъ банкировъ не выдержатъ ни какого сравненія съ сундуками древняго купцовъ, со стороны украшеній.

Въ первую минуту, открытіе этихъ ящичковъ произвело всеобщее удивленіе. Думали, что нашли домъ инвестора, сборщика податей, мѣстнаго казначея, но когда потомъ такіе же ящички нашлись и въ другихъ домахъ, то надобно было измѣнить понятіе. Дѣло въ томъ, что на востокѣ и до-сихъ-поръ купцы держатъ свои денежные сундуки въ самомъ видномъ мѣстѣ, часто даже сидятъ на нихъ, и, следовательно, все эти дома — купеческіе. Тотъ, о которомъ говоритъ господинъ Рошеттъ, годился бы однако же для житья нынѣшнему вельможѣ. Изъ него добыты превосходнѣйшія произведенія живописи, арабески, историческіе пейзажи и картины всѣхъ возможныхъ родовъ. Даже въ томъ состояніи, въ какомъ онъ теперь находится, лишенный мраморовъ, которыми былъ обложенъ, и большей части картинъ, которыя украшаютъ теперь залы degli Studj, этотъ простой обывательскій домъ представляетъ великолѣпную картинную галерею. Онъ состоитъ изъ двухъ смежныхъ зданій. Замѣчательнѣе всего стѣль нѣкоторыхъ картинъ, которыхъ общее число такъ велико, что ему удивляются даже люди, привыкшіе видѣть подобную роскошь въ Помпѣяхъ. Два пейзажа, представляющіе одинъ битву Персея съ искателями руки Андромеды, а другой Европу, похищаемую быкомъ, можно назвать настоящими историческими пейзажами, которые превосходятъ все до-сихъ-поръ открытое въ этомъ родѣ, какъ по важности сюжетовъ, такъ по величинѣ размѣра и достоинству исполненія.

Домъ Мелеагра, названный такимъ образомъ вслѣдствіе того, что при входѣ въ сѣни есть изображеніе этого мифологическаго героя, занимаетъ второе мѣсто послѣ дома Диоскуровъ. Эти два зданія — самыя огромныя, пышныя и богатѣяя изъ всѣхъ открытыхъ доселѣ въ Помпѣяхъ. Посере-

двѣ двора возвышается портикъ или перистиль, состоящій изъ колоннъ, которыя расположены такъ, что на двухъ лѣвннхъ сторонахъ этого перистила стоитъ по осьми колоннъ, а на прочнхъ двухъ по шести. Перистиль окруженъ съ трехъ сторонъ стѣною; четвертая сторона открыта. Она обращена къ огромной залѣ, которой стѣны украшены также колоннами, поставленными на пьедесталахъ, въ двухъ футахъ отъ стѣны. Эта роскошная комната покрыта вся сплошь желтою краскою и представляетъ образецъ настоящей древней монохромн. Двѣ стѣны совершенно уцѣлнли. На нхъ сохранились двѣ картины, обведенныя коричневымъ бордюромъ и бѣлою полосою. Одна изъ этихъ картинъ представляетъ вакхантку, отступающую съ ужасомъ при видѣ змьи, которую ей показываетъ молодой пастухъ; другая — мужчину и женщину, сидящихъ рядомъ. Эту группу нѣкоторые принимаютъ за Тезея и Ариадну. Очевидно, что монохромн, одноцвѣтная раскраска, когда она была еще свѣжа, замѣняла собою позолоту, которою, въ самомъ дѣлѣ, покрывались стѣны въ домахъ римскихъ патрициевъ и въ позолоченныхъ палатахъ Нерона. Это было не что иное какъ поддѣлка подъ столичную пышность, приведенная къ скромнымъ размѣрамъ узднаго города; но, тѣмъ не меньше, монохромн эта очень замѣчательна потому, что она единственный образецъ одноцвѣтной живописи, вышедшій изъ развалинъ Помпей. Другое любопытное открытiе заключается въ новомъ подтвержденн догадки, что древнiе, для украшенiя стѣнъ, употребляли и барельефы и живопись въ одно время. Примѣръ тому уже есть въ *Титовыхъ Баниахъ*. Въ домѣ, о которомъ мы теперь говоримъ, отдѣленiе, называвшееся *tablinum*, отдѣлено точно такимъ же образомъ: украшенiя его состоятъ изъ фигуръ и арабесковъ; фигуры сдѣланы лѣпкою и раскрашены, а арабески просто нарисованы. Одна изъ стѣнъ этого *tablinum* можетъ служить образцемъ такого роду отдѣлки: на ней виднъ отблескъ вкуса, господствовавшаго въ Римѣ, во дворцахъ самихъ цезарей. Это роскошное жилище, какъ кажется, было отстроено въ последнее время существованiя Помпей, не задолго до ея разрушенiя. Доказательствомъ тому можетъ служить какъ необыкновенная роскошь картинъ, такъ и самое ихъ

исполненіе, въ которомъ нѣтъ уже легкости, хотя сюжеты прелестны.

Домъ капителей съ фигурами, котораго разрываніе продолжалось три года, съ 1831 по 1833 включительно, названъ этимъ именемъ потому, что на каждомъ фасѣ двухъ пиластръ, стоящихъ при входѣ, помѣщены въ капителяхъ по двѣ грудныя фигуры. Подобныя фигуры въ капителяхъ были замѣчены и при нѣкоторыхъ другихъ помпейскихъ домахъ; но здѣсь онѣ особенно любопытны по достоинству отдыки. Находящіяся на среднемъ фасѣ представляютъ двухъ вакхантокъ, а заднія мужчину и женщину въ сладострастномъ положеніи. Этотъ домъ заслуживаетъ исключительнаго вниманія еще и тѣмъ, что онъ, болѣе прочихъ жилищъ, открытыхъ въ Помпѣяхъ, согласуется съ описаніями Витрувія и со всемъ, что намъ извѣстно объ условіяхъ и обычаяхъ римской жизни.

ИСТОРИЯ ЭМИМЫ МЮЛЕРЪ И ФРАНЦА ШУБЕРТА, *автора извѣстныхъ Lieder*. Листъ давалъ прошлой зимой концертъ въ Парижѣ. Онъ игралъ съ особеннымъ одушевленіемъ и удивительной выразительностью знаменитую *Lieder* Шуберта, *La serenade*. Одна иностранка, сидѣвшая въ залѣ, упала въ обморокъ. Ее почти за-мертво вынесли въ коляску и отвезли домой. Извѣстный докторъ, бывшій также въ концертѣ, поспѣшилъ предложить ей свои услуги. Энтузіасты Листа приписывали этотъ случай магической игрѣ славнаго піаниста, но, какъ почти всегда бываетъ, причина необыкновеннаго дѣйствія на нервы неизвѣстной дамы заключалась совсѣмъ въ другомъ обстоятельстве. Приведенная въ чувство, иностранка благодарила доктора за великодушное участіе, но въ то же время обнаружила странное сожалѣніе, что ей не удалось умереть.

— Жизнь даръ Божій, замѣтилъ эскулапъ: и желать преждевременной смерти, значить возмущаться противъ Провидѣнія.

— Ваша правда, докторъ. Но я должна признаться, что у меня одна мысль, одно желаніе — соединиться на томъ свѣтѣ съ влюбленною сестрою, которой я лишилась. Мы родились въ одинъ день, въ одинъ часъ, питались однимъ

мелочекъ, спали въ одной колыбели, не разлучались ни на часъ, ни на минуту... И вотъ уже несколько лѣтъ я одна на свѣтъ, и ниго не дѣлать со мной горя жизни!

— Такъ эти-то печальныя воспоминанія пробудила въ васъ Шубертова Серенада?

— Да. Эта *Lieder* имѣла роковое вліяніе на жизнь бѣдной моей сестры. Ей было осемнадцать лѣтъ, когда въ первый разъ явилась она на сценѣ вѣнскаго театра. Одно призваніе одыало ее пѣвицей: сестра была богата, хороша собою и принадлежала къ почтенной фамиліи. Непреодолимая сила влекла ее на музыкальное поприще: ни обстоятельства ни препятствія, ни даже угрозы родственниковъ, не могли остановить ее. Тайный голосъ безпрестанно твердилъ ей, что удалъ ея — талантъ, слава, и этотъ голосъ не обманывалъ. Тотчасъ по всей Германіи раздалось имя дѣвницы Эммы Мюллеръ, и вѣнская знать засыпала комплиментами сестру мою, прелестную, умную, любезную. Однажды вечеромъ собрались въ ея залу Веберъ, Гофманнъ и другіе короткіе друзья. Сестра вздумалось повробовать піесы, принесенныя поутру, и выборъ случайно палъ на Серенаду. Когда *Lieder* была пропѣта, Эмма страхъ захотѣлось узнать кто былъ сочинителемъ такой прелестной мелодіи. Но на первый разъ ей не могли дать удовлетворительнаго отвѣту, потому что никто никогда не слыхивалъ объ авторѣ Серенады. После многихъ справокъ, требовавшихъ большого терпѣнія и хлопотъ, настойчивая сестра узнала наконецъ, что композиторъ былъ бѣдный молодой человекъ, какой-то Францъ Шубертъ. «Судьба не справедлива къ нему! съ живостію вскричала сестра. Я хочу подать ему руку; хочу, чтобы онъ занялъ приличное себѣ мѣсто.» И на другой день, Эмма вмѣстѣ со мною, въ сопровожденіи слуги, пошла къ молодому артисту. Шубертъ жилъ въ одномъ изъ бѣднѣйшихъ предмѣстій, въ маленькомъ домикѣ скарденной наружности. Старая служанка доложила объ насъ своему барину. «Что я вижу! вскричалъ изумленный Шубертъ, при взглядѣ на мою сестру: Эмма Мюллеръ у меня въ домѣ! Не сонъ ли это?» — Нѣтъ, отвѣчала Эмма, подавая ему руку: я случайно познакомилась съ вашей музикою, и теперь пришла просить васъ написать для меня оперу. — Эти слова

до того обладателя Шуберта, что онъ естествональ отъ удивленія и радости. «О! не смѣйтесь надо мной! бормотать онъ: не играйте бѣднымъ артистомъ, который готовъ умереть отъ такихъ шутокъ!» — Я и не думаю шутить, отвѣчала сестра моя. Приходите ко мнѣ обладать: я отрекомендую васъ директору театра и поэту, который напишетъ вамъ либретто. Жду васъ нынче же вечеромъ. — И вечеромъ сбылись золотыя мечты Франца Шуберта. Дана съ такимъ искусствомъ пала Серенаду, такъ блистательно охулила музыку молодого писателя, что директоръ съ радостью согласился исполнить желаніе примадонны. Онъ спросилъ у Шуберта партитю и предложилъ ему либретто, сочиненный однимъ моднымъ писателемъ. Будущая опера должна была называться «Саламанскіе друзья».... Но сестра не остановилась на такомъ блистательномъ началѣ. Во всехъ сабонахъ, куда ее приглашали, она пала только арія молодого артиста, и искоръ вниманіе публики сосредоточилось на Францѣ Шубертѣ, котораго до тѣхъ поръ не зналъ никто. Его Lieder, напечатанныя съѣзными книгопродавцами, быстро распространились въ Вѣнѣ и во всей Германіи. Шубертъ пересталъ быть неизвестнымъ. Каждый вечеръ онъ являлся съ сестрой въ театръ или на дому, разсказывалъ ей о своемъ счастьи, и не забывалъ даже благодарить возлюбленную, которая, мнѣ онъ говорилъ, однимъ маховеніемъ жезла вознесла его до небесъ. Съ перваго взгляду фигура Шуберта казалась очень незатѣйливою; но, всматриваясь въ него, замѣчалъ быдо не удивляться благородству и протости, выраженнымъ въ чертахъ лица его. Открытый и широкій лобъ обнаруживалъ возвышеннѣйшіи умъ; взглядъ всегда принималъ могущественное и магнетическое выраженіе. Шубертъ говорилъ тихо, выражался оговоркою и покровенно казался задумчивымъ. Я тщательно изучала его характеръ, потому что не могла не видеть, во что должно превратиться наше участіе, принимавшее остроту моей и отъ этого молодой человека. Какъ скоро Шуберта не было въ театрѣ, Анна казалась безпокойною и печальною, пока разсказывала, а не обращала ни какого вниманія на прощія рукоплесканія публики; но, разъ замѣтивъ между зрителями, она рвотчала въ окруженіи своего голоса и та-

данга. Однажды Эмма играла роль Анны въ оперѣ «Донъ Жуанъ». Никогда еще не являлась она въ такомъ совершенствѣ какъ пѣвица и трагическая актриса. Утомленная игрой и сильными ощущеніями своей роли, она послѣ представленія не хотѣла принять никого кромѣ Франца Шуберта. Лежа въ постели, она протянула ему руку и велѣла сѣсть подлѣ себя. «Довольны ли вы мной?» спросила она у Франца. — Вы никогда не пѣли такъ превосходно, отвѣчалъ молодой человекъ, цѣлуя ея руку. — «Но скоро я буду пѣть еще лучше: музыка вашей оперы одушевитъ меня сильнѣе чѣмъ музыка Донъ Жуана.» Шубертъ прослезился. — Благодарю, сказалъ онъ: благодарю! Еще недавно я велѣ жизнь безотраднѣю и печальнѣю: вы даровали мнѣ счастье. Благодарю! безъ васъ я былъ одинокъ во всемъ свѣтѣ, и никто не принималъ участія въ жалкомъ музыкантѣ. Бываютъ минуты, когда мнѣ хочется назвать васъ сестрой. — «Стало-быть, вы много натерпѣлись горя, мой другъ?» спросила Эмма. — Отецъ мой былъ учителемъ въ деревенской школѣ, отвѣчалъ Францъ. Привыкнуши строго обращаться съ учениками, онъ заботился только о моихъ успѣхахъ, и я почти никогда не слышалъ отъ него ласковаго слова. Матушки я не зналъ: Богъ прибралъ ее въ день моего рожденія. Когда я подростъ, меня отдали въ ученье къ церковному органисту въ Лихтендалѣ. Подлѣ ферулой грубаго старика, учился я музыкальному такту и разыгрывалъ пьесы, которыя онъ сочинялъ. Однажды я осмѣлился показать ему собственные свои опыты, написанные для фортепиано: педантъ расхохотался, и, не читая нотъ, отослалъ меня въ вѣнскую музыкальную консерваторію, гдѣ я нашелъ первое поощреніе при Салиери. Но вскорѣ мнѣ должно было промѣнять любимое искусство на ремесло солдата. Наступила война тысяча-осемьсотъ-тринадцатаго года. Три мѣсяца переносилъ я труды военной жизни, наконецъ получилъ отпускъ и хотѣлъ было воспользоваться этимъ временемъ для продажи нѣсколькихъ музыкальныхъ сочиненій, написанныхъ мною въ походахъ. Но никто не думалъ и взглянуть на мои пьесы: всѣ двери были для меня закрыты, и, чтобы не умереть съ голоду, я долженъ былъ промышлять переноскою сочиненій другихъ

композиторовъ. Съ такимъ ремесломъ не увидишь далеко: работая аккуратно десять часовъ въ день, я едва добывалъ насущный хлѣбъ и принужденъ былъ отказывать себя во всемъ. Часть ночи употреблялъ я на свои занятія: сочинялъ Lieder, хоры, миссы, пѣсы для фортепіано, заправлялъ все это въ сундукъ, ложился спать на нѣсколько часовъ, и на другой день та же исторія, та же ужасная жизнь..... Вотъ отъ какихъ мукъ вы меня избавили, прелестная благодѣтельница! — «А теперь вы счастливы?» спросила сестра дрожащимъ голосомъ. — Да, я счастливъ, очень счастливъ! отвѣчалъ Францъ. — «И больше ничего не желаете?» продолжала Эмма. — Я мечтаю только о своей оперѣ, но и тутъ нисколько не сомнѣваюсь въ успѣхѣ: вы играете главную роль. — «И, съ этимъ успѣхомъ, осуществляются все ваши мечты?» — Въ. — Бѣдная Эмма сдѣлала судорожное движеніе, крѣпко сжала меня въ объятіяхъ и поцѣловала въ плечо. Мнѣ показалось, что губы ея оледенѣли. «Прощайте, Шубертъ», сказала она прерывающимся голосомъ: ужъ поздно; мнѣ надобно отдохнуть и собраться съ духомъ. Послѣ-завтра первое представленіе вашей оперы.» Шубертъ раскланялся и ушелъ. Когда мы остались однѣ, Эмма, рыдая, бросилась мнѣ на шею. «Онъ не любитъ меня, милая сестрица, онъ не любитъ меня!» На другой день, когда она вышла изъ комнаты, необыкновенная блѣдность покрывала ея лицо, усталость выражалась во всѣхъ чертахъ, и не трудно было видѣть, что бѣдняжка всю ночь провела въ безсонницѣ. Я съ изумленіемъ взяла ее за руку; она холодно приняла мое участіе, притворилась, будто не понимаетъ моихъ опасеній, и старалась казаться веселою: видно было, что она принуждаетъ себя забыть прошедшее и не хочетъ, чтобы ей напоминали о печальномъ предметѣ. Рѣшившись помогать этому благородному усилію, я нѣразу не заводила разговора о Шубертѣ. Между-тѣмъ онъ съ обыкновенной аккуратностью продолжалъ свои визиты, заботился о репетиціяхъ и былъ весь занятъ своимъ искусствомъ, а еще болѣе можетъ-быть выгодами, какихъ следовало ожидать отъ успѣшнаго ходу оперы. Несмотря на высоту своего гения, Шубертъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, для которыхъ порядокъ и прочный успѣхъ — первая вещь

на свѣтъ. Посреди мечтаній о славѣ, его постоянно занима-
ли мысль о богатствѣ и выгодахъ, соединенныхъ съ неза-
висимымъ состояніемъ. Съ расчетливостью купца, онъ за-
решалъ обесцѣплять барыши отъ своихъ произведеній, и,
какъ дальновидный спекулянтъ, не рѣшился бросить пер-
вого книгопродавца, выручившаго его изъ бѣды, когда
другой сдѣлалъ ему болѣе выгодныя предложенія. Однажды
я хотѣла замѣнить сестра эту черную сторону въ характе-
рѣ Шуберта, но Эмма такъ горячо вступилась за своего лю-
бимца, что мы чуть-чуть не поссорились первый разъ въ
жизни. Между-тѣмъ репетиціи шли своимъ чередомъ.
Только въ театрѣ Эмма выходила изъ своей задумчивости.
Когда Шубертъ начиналъ съ нею говорить, лицо ея по-ви-
димому не выражало ни радости ни печали; но... увы!
сколько разъ сердце мое разрывалось отъ отчаянія, при
видѣ тайныхъ страданій бѣдной дѣвушки! Шубертъ, съ
своей стороны, не замечалъ ничего, и только официально
наивыдывался о здоровьѣ прима-донны. Наконецъ наступилъ
день перваго представленія. Утромъ Эмма одѣлась дур-
но, и бѣдняжка принуждена была написать къ директору,
что она не можетъ играть вечеромъ. Шубертъ тот-
часъ прибѣжалъ въ больную, живо описавъ страданія неиз-
вѣстности и сомнѣній, которыя его мучили, и умолялъ
прима-дону не отсрачивать представленія. «Вы совсѣмъ
не такъ больны, какъ вамъ кажется, говорилъ эгоистъ.
Это — небольшое волненіе, минутный припадокъ: немного
усполя надъ собой, и вечеромъ вы позабудете, что поутру
вамъ было дурно!» — Вы думаете? сказала сестра съ горькой
улыбкой, которой я никогда не забуду. Хорошо, господинъ
Шубертъ, вечеромъ я играю. — «Господинъ Шубертъ! по-
вторилъ онъ: господинъ Шубертъ!... Такъ я для васъ
ужъ не Францъ? вы меня больше не любите?.... О! я это
вижу! моя пламенная любовь угадываетъ вашу холодность!»
И онъ проговорилъ это съ чувствомъ, вмѣвшимъ всю наруж-
ные признаки горячей любви. Сердце бѣдной дѣвушки го-
тово было выпрыгнуть отъ сильнаго бѣнія, щеки покры-
лись живымъ румянцемъ, и въ глазахъ несчастной выра-
зилась надежда. — Францъ! милый Францъ! бормотала она.
— «Воутъ вы и здоровы, подхватилъ Шубертъ. Стало-быть,

дѣло кончено : вечеромъ мы устроили : а на утро Полковъ остано-
 вившись кричалъ, который означательно утвердилъ мое
 славу ! Шубертъ отираясь докопанный и веселый. Се-
 стра проводила его глазами, и долго впрямь ей было устрои-
 лень неподдажно на дѣрѣ, черезъ которую она вышла,
 потому вдругъ повала горничную и дала мушкетера прикла-
 нид для вечерняго представленія. Во весь день она не вы-
 ничеро, и повала въ театръ слабая, изурванная, едва-ли
 состоящи держаться на ногахъ. Чтѣ я заметила на предста-
 влѣхъ, возобновилось и при самомъ представленіи оперы.
 Никогда моя сестра не выходила на сцену съ такой страстью,
 никогда не пала она съ такимъ чудными одушевленіемъ.
 Какъ ни замѣчательна музыка Шуберта, но наивнравое усла-
 едъ былъ бы не такъ великъ безъ энергій крамь-донны. По-
 сля спектакля, публична гремогласно въпада любилуи на-
 виду, и Шубертъ самъ долженъ былъ выйти свѣное. За-
 кулисами, торжествующій аринотъ, уносеній славою, бро-
 сился къ ногамъ Эммы. «Вамъ принадлежить моя слава и
 существованіе ! говорилъ онъ въ восторгѣ : имъ! одерженъ
 я блаженствомъ этого вечера !» Несмотря на советы докторъ,
 на мои просьбы и слѣзы, Эмма продолжала каждыи
 вечеръ играть новую оперу. Мое беззастѣнливое уладчива-
 лось со дня на день, и я рѣшилась наконецъ обратиться къ
 самому Шуберту, чтобы тотъ уговорилъ ее отдохнуть. Но,
 къ величайшему моему изумленію, Шубертъ надулъ губы и
 завелъ длинную рѣчь объ убыткахъ, которые она понесла
 отъ прерыва въ представленіяхъ. «Ктому же, пришлому-
 пидъ онъ : мнѣ тогда нечѣмъ будетъ расплатиться за
 домъ, который я уже сторговала.» — Но въ губительную
 сестру ! вскричала я съ досадою. — Шубертъ холодно улы-
 нулся, сказалъ, что я преувеличиваю ея страданія, и по-
 шелъ уговаривать Эмму не слушаться моихъ глупыхъ со-
 вѣтовъ..... Увы ! эгонстъ какъ нельзя лучше смастерилъ
 свое дѣло ! Однажды ноутру я заметила кровавые пятныа
 платкѣ страдальцы : уже двѣ недѣли она скрываетъ отъ
 ня эти признаки чахотки. Наконецъ однако же должно бы-
 ло прекратить представленія оперы. На другой день новы
 этого Шубертъ пришелъ къ моей Эммѣ. «Я долженъ про-
 ститься съ вами, сказалъ онъ. Завтра ѣду въ Тироль и веру

съ собой Фореля; после дась, этотъ виртуозъ лучше всѣхъ поетъ мои мелодіи. Въ Гастейцѣ я буду давать концерты.» Мужество, соотрощенно оставило сестру, когда она услышала объ этомъ неожиданномъ отъѣздѣ. — Францъ, бормотала она: Францъ! именуемъ Неба умоляю, не оставляй меня! на дѣйствіе умереть являи отъ тебя! — «Что за глупыя мысли! холодно возразилъ агонистъ. Болезнь ваша совсѣмъ не опасна; два три недѣли деревенской жизни, и вы совершенно здоровы.» Эмма грустно покачала головой. — Именуемъ всего священнаго для тебя, прошу, заклинаю, мой другъ, не оставляй меня! — «Оно пожалуй, я исполнилъ бы вашу прихоть, если бы было можно. Вы съѣдали для меня очень много, и я не забуду, чѣмъ вамъ обязанъ. Но меня пригласилъ къ себѣ старшина нѣмецкихъ поэтовъ, авторъ *Luziadъ*, и я далъ ему слово: отказаться нельзя.» — Но хотѣте ли вы понять, что я буду въ могилѣ, когда вы воротитесь? — «Прощайте, сказалъ онъ, собираясь итти. Не будьте такъ слабы и малодушны. Все пойдетъ какъ нельзя лучше. До свиданія!» И артистъ преспокойно взялъ шляпу, между тѣмъ какъ его благодѣтельница утопала въ слезахъ и терялась отчаяніемъ. — По-крайней-мѣрѣ, Францъ, вы будете писать ко мнѣ, писать каждый день; не правда ли? сказала Эмма. — «Ну, не каждый день: это ужъ слишкомъ вамъ надоедаетъ мои письма.» Несчастная замолкала и вздыхала. — Хотя одно письмо въ неделю, писано карандашомъ четвергь! — «Согласенъ! и моя анимальность полегчаетъ, какъ я уважаю васъ.» Въ самомъ дѣлѣ, таковая регулярная каждая четвергь приходила иногда отъ Шуберта. Ожидать и читать ихъ, вотъ чѣмъ ограничивалось существованіе моей бѣдной сестры. Она уже не старалась побѣдить безумную страсть и предалась ей со всею слабостію женщины. Изнурительная болѣзнь лишила ее всякой энергии: только одна мысль жила въ ея душѣ, мысль о возвращеніи Шуберта. Ему следовало пробывать въ Тироли не болѣе трехъ мѣсяцевъ; такъ по-крайней-мѣрѣ обѣщаль онъ моей сестрѣ. Но три мѣсяца прошли, а Шубертъ не возвращался. Протянулись и еще три мѣсяца, мучительные, медленные какъ вѣчность. Уже давно сестра перестала ѣздить въ театръ, и докторъ запретили ей пѣть: запрещеніе бесполез-

ное, потому что Эмма постоянно лежала въ постели, и только по-временамъ подходила къ окну, посмотреть, не придетъ ли почтальонъ съ письмомъ отъ Шуберта. Но эгоисту наскучило быть аккуратнымъ, и случилось, что въ два три недѣли присылалъ онъ не больше одного письма. Разъ, вечеромъ, Эмма приказала перенести себя къ фортепиано. Перепробовавъ нѣсколько аккордовъ, она стала играть Серенаду, открывшую ей существованіе Шуберта и которая имѣла роковое вліяніе на ея судьбу. Она пѣла очаровательно: увѣ! то была пѣснь лебедя. Вскорѣ инструментъ издалъ звукъ похожій на жалобу.... и, у меня не стало сестры!

Иностранка печально склонила голову на грудь, и докторъ думалъ, что съ ней дѣлаются новые спазмы. Къ-счастью, слезы облегчили глубокую печаль, и дама продолжала разсказъ:

— Не знаю, какое впечатлѣніе сдѣлало на Шуберта извѣстіе о смерти Эммы. Мнѣ даже не извѣстно, зналъ ли онъ роковую тайну страдальцы. Отчаяніе похитило меня рассудка, и взглядъ на этого человека могъ бы убить меня. Я оставила Вѣну, отправилась въ Италію, путешествовала по Швейцаріи и Франціи, и возвратилась въ Германію въ тысяча-ошень-сотъ-тридцать-второмъ году. Разъ пошла я на могилу сестры, и, къ величайшему изумленію, между собою и монументомъ Бетговерна, увидѣла простой камень, на которомъ вырѣзано было имя Франца Шуберта.... И его сразу же смерть во всемъ блескѣ таланта! Жертва эгоизма, онъ страдалъ въ одиночествѣ съ горькою мыслію гениальнаго чловека, задержаннаго на пути и который не можетъ высказать всего, что начертано перстомъ Божиимъ въ душу его... Вотъ что разстроило меня, когда Листъ заигралъ Шубертову Серенаду.

Въ этомъ разсказѣ дѣвицы Мюллеръ заключается почти вся біографія Франца Шуберта. Мы прибавимъ нѣсколько словъ. Не странно ли видѣть столько меланхолической поэзіи въ произведеніяхъ самаго прозаическаго композитора? Не удивительно ли, что холодный эгоистъ, безъ сердца, безъ души, написалъ столько трогательныхъ и страст-

нгу, молодой? Впрочемъ, контрастъ между характеромъ и талантомъ встрѣчается не такъ рѣдко какъ думаютъ.

Знакомство съ Россіей. Будучи въ 1832 году въ Неаполь, я подружился съ однимъ молодымъ контемпораномъ Иоренцо С., человекомъ чрезвычайно богатымъ, лѣтъ двадцати трехъ, любезнымъ, веселымъ и очень расточительнымъ. Онъ былъ охотникъ до музыки; я любилъ ее до безумія. Однажды онъ пригласилъ меня въ театръ, обещая показать Россію. Въ этотъ вечеръ давали Семирамиду.

Санъ-Карло оглашался звуками инструментовъ и голосовъ. Казалось, что пѣніе излетаетъ изъ стѣнъ самой залы. Звукъ, не встрѣчая ни какого препятствія въ огромномъ строеніи, наполняли его какъ мелодическій ураганъ, дальный съ Байскаго Залива. Началась сцена присяги. Царь Индіи, первосвященникъ, Арсакъ, Сирійцы, народъ, маги, клялись въ вѣрности царицѣ Вавилона; Семирамида, съ высоты своего трона, изливала на эту восторженную толпу потоки мелодическихъ тоновъ. Нѣжный и сладострастный звукъ рога господствовалъ надъ всеми голосами, подобно отголоску Эвфрата, котораго вздохи, въ темныя восточныя ночи, долетали до высотъ столпа вавилонскаго. Могущественная любовь, дочь древности, казалось, обрѣла опять свою чудную, таинственную рѣчь, забытую во время смѣшенія языковъ, чтобы пробудить въ сердцахъ людей неизвѣстное чувство и подвигнуть ихъ на неистовства, которыми боги предавались съ дочерьми смертныхъ, въ допотопныя времена, когда земля дрожала отъ брачныхъ восторговъ гигантовъ. Передъ этою неизъяснимою гармоніею голосовъ и инструментовъ, человеческое слово было лепетомъ младенца или крикомъ новорожденнаго дитяти; въ этой музыкѣ, казалось, ожили тѣ таинственные гимны, которые раздавались по ночамъ въ глубинѣ вавилонскихъ пирамидъ или въ подземельныхъ святилищахъ храма Изиды; и всѣ эти голоса, всѣ эти вѣсни, это поразительное сліяніе струнныхъ и трубныхъ звуковъ, эти порывы величественной мелодіи, страстной любви, раздавались, какъ будто по мановенію маговъ, у ногъ женщины, прекрасной какъ соди-

це, благоухающей какъ счастливая Ираида! обласканный и
пурпуръ и золото какъ царяца Офрейда!

Я безмолвствовала, сидѣла неподвижно, какъ статуя, по-
режеиный зрѣю странно. Я восторженно и мучительно. Я всю
душою предавался демону сладострастной мелодии; нежданная
моя мечта, которую Россини создалъ на лагунахъ Венеци,
оказалась всемою мимическимъ существомъ. Я забылъ своего друга,
забылъ Россини, весь свѣтъ. Я плакалъ, и въ восторгѣ, да-
вая такія примасы, такія тѣлодвиженія, что мои партнер-
ные, сидѣли вопируя со смѣху. Толстый мужичка, сидѣ-
вшій отъ меня черезъ два кресла, больше всѣхъ забавлялся
моимъ невольнымъ энтузиазмомъ, и если бы я не былъ слиш-
комъ растроганъ, то непременно толкнулъ бы ногою въ
брюхо этого неуча, который очевидно ничего не смыслилъ
въ музыкѣ.

Очарованный удивительными мелодіями оперы, я посе-
рлялъ изъ виду своего друга Лоренцо, и вышелъ изъ театра
одинъ. Могущественное вдохновеніе генія Россини дотого
меня взволновало, что я не могъ сомкнуть глазъ: цѣлую
ночь я пробродилъ по берегу Байскаго Залива. Мнѣ каза-
лось, что въ прозрачныхъ струяхъ его еще играетъ музика
«Семирамиды», въ видѣ золотыхъ искръ, которыя луна
разсыпала по зеркальной поверхности.

На слѣдующій день, около полудня, Лоренцо пришелъ ко
мнѣ. Онъ извинялся, что оставилъ меня при входѣ въ те-
атръ и пропалъ на весь вечеръ.

— Дѣло было чрезвычайно важное, сказалъ онъ: въ кор-
ридорѣ попалась мнѣ прелестная дѣвушка; она шла одна,
закрывши лицо: дѣлать нечего! надобно было идти за ней.
Я проводилъ ее до балкона, и самъ тамъ уселся. Мо-
жешь себя представить, что тутъ ужъ мнѣ было не до Се-
мирамиды. Ну, а ты какъ находишь оперу?

— Россини — демонъ! отвѣчалъ я: это первый музы-
кальный геній нашего времени.

— Досадно же что я ничего не слыхалъ и т. д. Знаешь ли
что, мой шлоп! Онъ пришелъ звать тебя. Не хочешь ли
идти съ нами казаться? Будемъ облаченіи въ театръ. Зовутъ
онъ. Помнишь, ты говоришь, что желалъ бы видѣть это
человѣка.

— Ну, так чего же лучше? Сегодня ты можешь посмотре-

ть на него сколько душе угодно. Онъ славный малой, шутишь, «бабачишь», безпрестанно хохочетъ, разсказываетъ такіе вещи, что умора, и терпѣть не можетъ серьезныхъ лицъ.

— Кто? авторъ Семирамиды?

— Да, авторъ Семирамиды. Онъ встѣ за четверыхъ, никогда не говоритъ объ музыкѣ, и слыветъ лучшимъ застольнымъ товарищемъ, какого только Италия кормила своимъ жирнымъ макарони. Ты его тотчасъ увидишь. Одайвайсл...

Мы повхали. Катанье было назначено по воду. У берега насъ ожидало большое общество, въ лодкахъ, украшенныхъ тысячью разноцветныхъ флаговъ: всѣ болшею частью антеры и музыканты, два три поэта, да нѣсколько человѣкъ любителей, приглашенныхъ другомъ моимъ Лоренцо, который по-видимому былъ зачинщикомъ и хозяиномъ этой веселой прогулки. По словамъ его, тутъ долженъ былъ быть и Россни. Мы заняли свои мѣста. Весла зашевелились. Поплыли.

Я нагнулся къ Лоренцо, и, съ таинственнымъ видомъ, сказалъ ему на ухо: — Если глаза меня не обманываютъ, въ первой отъ насъ лодкѣ сидитъ прелестная женщина.

— Не женщина, отвѣчалъ Лоренцо: но какое-то чудо, привракъ, видѣніе, сонъ, демонъ... словомъ, это вчерашняя Семирамида!

Онъ подалъ знакъ хористамъ и музыкантамъ. Птицы замолкли, море притихло. Хоръ изъ «Семирамиды» *Era tanti regi e popoli*, раздавался въ воздухѣ, живой, радостный, освобожденный отъ грязныхъ кулисъ и озаренный не театральнымъ солнцемъ. Казалось, что очаровательные звуки россниевской музыки, возлетѣвъ къ небу, падали отгудъ обратно въ напяхъ золотого дождя на кристалльную поверхность моря, и что вся окрестность сложилась въ одну гармоническую пѣснь, чтобъ приветствовать творца Семирамиды.

Наконецъ наше золотня причалили къ берегу. Хоръ пѣлъ. Вдругъ раздавался продолжительный методическій хохоть, хохоть музыкальный, такъ сказать пропѣтый

или чудесно сыгранный на виолончели; и молодая женщина начала говорить.

— Прекрасно, прекрасно, сеньоръ Лоренцо! сказала она. Верно, царю Вавилона никогда не встречали съ такой торжественностью! — Не правда ли, любезный маэстро, примолвила красавица, обращаясь къ одному толстому господину: вѣдь въ Вавилонѣ не умѣли такъ хорошо пѣть? Вы должны знать это: вы тамъ жили въ то время... Но теперь моя очередь.

И, бросивъ свою соломенную шляпку на вѣтви апельсиннаго дерева, она запѣла, какъ вчера въ Санъ-Карло, *Era tanti regi*.

Я былъ внѣ себя. Между-тѣмъ толстый господинъ, о которомъ сейчасъ было помянуто, — толстый какъ бочка, — отделился отъ толпы, и, не обращая ни какого вниманія на чудесное пѣніе, подошелъ къ дереву, сорвалъ одинъ большой апельсинъ, и сталъ его преспокойно кушать. Лоренцо взялъ меня за руку и потащилъ прямо къ нему. Вообразите: это былъ мой вчерашній толстякъ, которому мнѣ такъ хотѣлось дать толчекъ въ брюхо!

— Signor Rossini! вскричалъ Лоренцо: позвольте представить вамъ моего друга, молодого путешественника, страстнаго любителя музыки, и обожателя вашего генія.

— А! вы любите музыку! отвѣчалъ Россини, съ громкимъ смѣхомъ. Скушайте-ка вотъ этотъ апельсинъ: онъ очень хорошъ.

Меня такъ и обдало изумленіемъ. Странный отвѣтъ Россини показался мнѣ не только глупымъ, но даже обиднымъ, и я, при первомъ удобномъ случаѣ, отошелъ отъ геніальнаго музыканта, котораго пошлая фигура совершенно убила все мое къ нему благоговѣніе.

По окончаніи хора, я шепнулъ своему другу Лоренцо: — Прощай, мой другъ! у меня есть дѣла; я долженъ ѣхать.

Но въ то самое время какъ я заносилъ ногу въ лодку, по мнѣ подошелъ Россини, и съ веселымъ видомъ сказалъ: — Куда это, молодой человекъ? Вы хотите оставить насъ?

— Я покраснѣла, и прерывала нѣсколько бессвязныхъ фразъ.

— Натъ! я васъ изъпускаю! продолжалъ Россини. Пожалуйста, мой другъ! Вы слишкомъ робки. Дайте-ка руку, и *andiamo a cantina*..... Мнѣ смерть вѣтъ хочется..... Кажется, это синьоръ Лоренцо? Эй! синьоръ Лоренцо!..... Дайте! куда ему! синьоръ Лоренцо теперь оглохъ : онъ за-нять свою *diva*.

Россини потащилъ меня къ столу. Я походилъ на трупъ, привязанный къ живому тѣлу, и опомнился только въ то время, когда уже сидѣлъ за столомъ. Россини разсыпался въ похвалахъ кушанью. Я началъ осматриваться кругомъ : противъ меня сидѣли Лоренцо и прима-дона; другіе собесѣдники, счетомъ вѣтъдесять человекъ, всѣ исчезали въ лучахъ красоты вавилонской царницы.

Сначала, какъ обыкновенно бываетъ за обѣдомъ, царствовало глубокое молчаніе; но когда гости утолили свой первый голодь, раздалось громкое *tutti* голосовъ. Благодаря этому шуму, во время второй перемѣны, я оправился отъ смущенія, собрался съ духомъ, и, подкрѣпивъ себя двумя или тремя рюмками *Lacrime-Cristi*, придумалъ нѣсколько очень милыхъ комплиментовъ для своего сосѣда, великаго музыкальнаго генія. Когда мнѣ показалось, что настала удобная минута, я оборотился къ Россини, и началъ расхваливать его вчерашнюю піесу.

— Знаю, знаю любезный другъ! перервалъ онъ вертя въ рукахъ вилку.

Я присовокупилъ еще одну фразу насчетъ его геніальности.

— Хорошо, хорошо, дайте мнѣ вашу руку, и оставимъ все это, сказалъ Россини. Хотите, я научу васъ дѣлать прекрасный соусъ къ говядинѣ, которая лежитъ на вашей тарелкѣ? Это очень просто : возьмите ломтикъ лимону, выдавите изъ него сокъ, смешайте съ испанскимъ перцемъ и лангоскою соей, ветонъ прибавьте анжусскаго масла, и перетутъ. Попробуйте, и скажите мнѣ свое мнѣніе. Я получилъ этотъ рецептъ отъ Кюсси : преклоните голову передъ великимъ именемъ.

— Биспадува. Россини вазначавъ отъ пи и надушишь въ моему уху, сказалъ : — Развъ приѣмъ мой, сего дня поугруше-
-вровисель въ васъ. Или дакогъ вивататъшиа? —

— Какой приѣмъ? спросилъ я съ любопытствомъ.

— Приѣмъ, который я вамъ оладать, отивчалъ Россини. И обошелся съ вами какъ съ стариннымъ прѣтелемъ, съ которымъ ввакомъ двадцать лѣтъ.

— Но вы меня, кажется, вовсе не знали.

— Не зналъ?... Извините! я зналъ васъ, и лучше нежеди вы думаете, да, лучше нежеди вы думаете!

— Когда жъ вы меня видали? спросилъ я, боясь, чтобъ онъ не узналъ во мнѣ своего соста въ театрѣ.

— Вчера вечеромъ, отвѣчалъ Россини вполголоса. Вчера вечеромъ, я, какъ Дюгенъ съ фцаремъ, искалъ человека, въ Санъ-Карло, и нашель его въ васъ. Ваше дидо на выходило у меня изъ ума цѣлую ночь. — Оно врѣзалось змѣ, продолжалъ онъ, показывая на лобъ. Вы были чудесны. Семирамиду я написалъ для себя и для васъ. Но теперь довольно объ этомъ. Выпьемте по стакану шампанскаго.

И оборотясь къ Лоренцо, Россини примолвилъ : — Сяньоръ Лоренцо, объдывали ли вы когда-нибудь у Биффи, въ Парижъ, въ улицъ Ришліе?

— Очень часто, отвѣчалъ мой прѣтель.

— Какія прекрасныя дѣлають тамъ *ravioli*!... Знаете ли вы, Марія, кто въ Неаполь, лучше всѣхъ дѣлаеть *ravioli*?

— Нѣтъ, отвѣчала пѣвица.

И это «нѣтъ» было сказано такъ, что его стоило положить на ноты : самъ Россини не придумалъ бы звука сладостнѣе. Но онъ сказалъ :

— Въ такомъ случаѣ, посылайте каждый день, ровно въ двѣнадцать часовъ, въ трактиръ *Violon d'Arroy*, что набупротинъ *San-Philippo-di-Negli* и вамъ будутъ привасать *ravioli* перваго сорту.

— Въ то же время Россини ваволилъ мой стаканъ. Трезвый отъ природы, я однако жъ пилъ на эту разнупроридо-
-но, потому что, въ разовлиности, не восталлъ и ваволилъ
-валлилъ ина ваворъ Семирамиду. За десертъ да въ били
-виффи и вавали, но шипъ не правилелъ прѣмелъ разговора. Я
-ожидалъ, что, въ присутствіи Россини и ваволилъ вави-

да, будут говорить о том-нибудь: проправень, адема-
 щенщякъ въ концы нити! или подобно бела: прислуцать
 дивную дисертацию о гивтѣ, о разѣ ботѣ; о широтѣ, о
 духи Бисеж. Потомъ, когда наконецъ затвердѣла музыкаль-
 ная часть некустыя, поднялся страшный говоръ: бѣла, бѣ-
 ла, ла; о стрѣтѣ и штерхѣ, адажѣ и аллегро, атоматомъ мотѣ
 тѣе, словомъ, тутъ была повторенъ отъ дѣски / де: дорки
 съевъ словарь техническихъ терминовъ, употребившая
 инструментистами, которая изводять удовольствіе. Гонимъ
 глѣздо и шельма въ грязной болотъ этой дикой помещка-
 дтуры. Что касается собственно до Россіи, то онъ на зѣ
 разсужденія о штерхѣ и стрѣтѣ, отначаль похваливъ кушанье,
 которое въ ту минуту лежало у него на тарелкѣ.

— Милый маэстро, сказала наконецъ прива-дема съ оче-
 редательною улыбкою, держа въ руцѣ рѣмку съ мороже-
 ными пуншемъ: пришлось вамъ, мнѣ же очень нравится
 роль моя въ Самирамидѣ. Нѣтъ каватинны для выходу; я
 захожу въ храмъ Бѣла, точно какъ въ свою спальню: это
 просто ужасъ! Напишите мнѣ каватину, любезный Рос-
 сии.

— Мороженый пуншъ — самая лучшая вещь изъ всего, что
 выдумали Англичане, отвѣчалъ Россія.

Я всталъ; глаза мои сверкали; голосъ дрожалъ.

— Россіи! вскричалъ я: вы говорите глухимъ. Эти лю-
 ди слишкомъ учены: они не могутъ понимать васъ. Для
 вашихъ созданій, нужны слушатели простые, не испорчен-
 ные наукой, головы поэтическія, которыя не заросли вол-
 домъ контрапункта... Россіи! вы создали пирамиду, на-
 зываемую Самирамидою; но, подобно египетскому зодчему,
 вы заложили дверь камнемъ и при входѣ поставили камень,
 чтобы не всякой могъ проникнуть во внутренность...

— Первая скрипка катала было что-то сказать, но я бро-
 шавъ на нее взглядъ, который уничтожилъ всякое прокля-
 тіе, и продолжалъ:

— Маэстръ! оркестръ! цѣлыя два часа вы переливали
 слухъ своимъ бѣлыми и дѣловыми пальцами; же мѣла-ли
 вы зѣла въ Даликриндаля: Самирамидѣ — твореніе маэ-
 стро; лѣно лѣно старѣево; новому лѣно ирѣдѣево же чѣтыре
 тысячи омиль съ шельмѣрѣ; глѣздо, оно родилось... Я маэстро

необязательно согласованной анкордостью, но о главной мысли, которая господствует во всей этой чудной партитуре. Россия, преобразить логико и обыкновенному поблданю. Тутъ нѣтъ ни любви ни страсти телесной, нѣтъ танцовъ, нѣтъ пешкой завязки; словомъ, нѣтъ ничего. Это — возобновленное сказаніе о петопъ. Презрѣнная мать, жестоко-сердый Ассуръ, безсмысленный жрецъ, меноподобный Арсакъ, который съ своимъ контраптомъ, думаетъ быть мужественно.... и что жъ? несмотря на такіа ничтожныя лица, которые износили свои садала, таскался по каждамъ старой шноты, несмотря на эту драму безъ естественности, безъ новости, безъ интересу, Россия умѣла создать цѣлый міръ гармоніи. Онъ взялъ все эти устарѣлыя пустяки, этихъ каматныхъ пласуновъ мнелогіи Бела, и наполнилъ вашу душу неизъяснимымъ восторгомъ. Мы не жили въ Вавилонѣ, мы не знаемъ, какія мелодіи раздавались въ воздухъ, который носился въ вислицхъ садахъ его, но совсѣмъ тамъ какое-то таинственное, инстинктивное, художественное чувство говоритъ намъ, что, въ страстной, пламенной музыкѣ Россіи, каждая нота, каждое чувство, каждая радость, торжество, ужасъ, угрызеніе совѣсти, все проникнуто духомъ Вавилоня; все излетаетъ изъ одного общаго горнила страсти. Оркестръ — волканъ, извергающій на васъ дождь драгоценныхъ камней. Семирамида — царица, повелительница Востока; она является, какъ и должно явиться древней восточной царицѣ, прекрасная, трепещущая, безполная; вокругъ нея раздается гимнъ, но она.... царица шнотная, она безмолвствуетъ. Тутъ выводитъ Арсакъ. Прислушайтесь къ его пѣнію, и скажите мнѣ, слышали ли вы когда-нибудь подобную музыку? Прислушайтесь къ его дуэту съ Ассуромъ; и скажите мнѣ, когда, гдѣ, музыка, заключенная въ такіа тѣсныя границы, являлась въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, такую разнообразною, такую роскошною? Наконецъ прислушайтесь къ этимъ сладострастнымъ, нечеловѣческимъ нѣжн, нѣжнмъ, которые робяли царицѣмъ нѣтъ въ садахъ ея, и скажите, не влияете ли вы съ ними таинственного, сладкаго мду, который лился рѣкою въ геніальнхъ звукахъ баснословныхъ царицъ? А финаль-жъ подернать?... скажите мнѣ, неважно ли ужасенъ эпизодъ ли

когда-нибудь языкъ болѣе выразительный; чтобы страсти сердца страшными образами смерти? Кажется, что послѣ этой мрачной, ужасной сцены, творецъ ея не могъ уже идти дальѣ; но-крайней-мѣрѣ вамъ не вѣритеъ этому: ничего не бывало! это только перистиль храма: вы еще вступите въ самый храмъ; потокъ могущественныхъ звуковъ увлечетъ васъ въ новый міръ чудеснаго; Россини раскроетъ передъ вами новыя сокровища искусства; онъ возбудитъ въ васъ чувство состраданія къ матери, обогрѣнной кровью супруга и влюбленной въ сына. Но не думайте, чтобы всѣ эти дивныя вѣнца были слѣдствіемъ глубокихъ ученыхъ соображеній художника: нѣтъ! ему помогло просто счастье, счастье, которое всегда летитъ людей гениальныхъ. Подъ обаяніемъ своего демона, Россини, самъ не зная какъ, повиновался сверхъестественному закону, который указывалъ ему мелодіи исчезнувшаго міра. Здѣсь было соединеніе двухъ природъ: одна облекалась въ матерію, принимала человеческую форму; другая оставалась въ безднѣ пространства, где какой-то незримый гений сторожитъ сокровища радости, гнѣва, страстей, душевныхъ страданій, любви, пережитыхъ человѣкомъ со дня своего созданія...

Я упалъ въ кресла; лицо мое было багрово; волосы стояли дыбомъ. Всѣ собесѣдники смотрѣли на меня съ крайнимъ изумленіемъ. Россини корчилъ гримасу, принуждая себя улыбнуться; ему хотѣлось сказать какую-нибудь острогу, но, можетъ-быть въ первый разъ въ жизни, онъ не нашелъ: онъ только налилъ мнѣ рюмку шампанскаго. Очарованная Марія, въ судорожномъ волненіи, положила на столъ свои обнаженныя, чудесныя руки; грудь ея воздымалась, волосы разсыпались по плечамъ, и она, съ своимъ неподвижнымъ взоромъ, съ своимъ прекраснымъ, поблѣднѣвшимъ лицомъ, казалась мнѣ бѣлымъ мраморнымъ сонникомъ, извлеченнымъ изъ развалинъ храма Изиды и Сераписа. Но занимательнѣе всѣхъ былъ мой Лоренцо, амфитріонъ пиршества. Все, что онъ видѣлъ и слышалъ, казалось ему неизъяснимымъ; онъ смотрѣлъ на меня съ ужасомъ. Когда я пересталъ говорить, наступила глубокая тишина: никто не осмѣливался прервать молчанія, и бѣдный Лоренцо не зналъ, какой оборотъ дать этой странной сценѣ.

Испанцы я приехали, явились; во вчерашне России. Предложение было принято съ мнѣмъ немедоваго востор- га. Начали жить ужасно; и къ концу обѣда мнѣ уже каза- лось, будто бы за столомъ сидятъ два России и два при- ма-дони. Поздно за полночь поехали мы по домамъ. Съ этого незабвеннаго дня, России стала питать ко мнѣ иск- реннюю привязанность и никогда не адалъ безъ меня *gambó*. X.

ИСПАНЦЫ ВРЕМЕНЪ ЕКАТЕРИНЫ-ВТОРОЙ И НИНЪЯЦ- НИИ. Циренейскій полуостровъ возбуждаетъ даже любо- пытность одними только своими несчастіями. Беспорядки сдѣлались какъ-будто нормальнымъ состояніемъ Испаніи; и жители ея такъ привыкли къ безпрерывной тревогѣ, что, кажется, уже и не понимаютъ удовольствія тишины и благо- устройства. Не отрадно ли видѣть предельнымъ такой безза- днцъ народъ, бывшій еще такъ недавно самымъ система- тическимъ въ Европѣ? Лѣтъ шестьдесятъ или семьдеся- тому назадъ, Испанецъ былъ осуществленный энциклопедіе, во- внощерное собраніе отряхнувшихъ общественныхъ нравовъ, живой перекоміагъ. Родная сторона составляла для него предметъ гордости: онъ посвящалъ ей свое вниманіе; и пре- зирали все чужестранное. Теперь онъ, напротивъ, прези- раетъ свое отечество, его преданія; лучше обывающій и ин- теллігалъ орадывалъ его вкусомъ, и пералание къ родному, наслади- ка дѣлать вѣсьмъ кореннымъ испанскимъ; оуть главные чер- ты его характера. Современные испанцы: плазтели созна- ются сами въ этой печальной перемѣнѣ національнаго обра- за мыслей; и воспитанія. Одни изъ дѣтунниковъ нинъяцъкъ нисагавей того края, Салро: Алаге, шероказывалъ свою вѣзодку на пароходѣ «Гвадалькибиръ», венажно ораци- маетъ презаніе своихъ соотечественниковъ къ родной сто- ронѣ; съ тѣмъ участіемъ, которое Испанія внушаетъ ин- странцамъ. Въ нынѣшнее время, говоритъ онъ: динни- изъ существенныхъ предметовъ воспитанія, молодата бла- городнаго Испанца, почитается отправление его путеше- ствовать, во-крайней-мѣрѣ на осемь или на десять мѣсяцовъ, то есть, *cortar cortés*, «посыщать разные европейскіе дворы»; что признается одинаково важнымъ какъ говорить по- фран-

цуски, пять по-итальянски, и присесть въ кресло. Прочитайте въ книжкѣ крѣпкіе догматы воспитанія. Оно вамъ несть весъ; это книжка продаваемая по цѣнѣ тому, что нечестно вѣду. Мы снѣдимъ въ вѣкъ движенія на почтовыхъ; про-свѣдѣніе само въ дѣлкановъ; и надобно сказать во мось дужь, чтобы назвать его. Путешествуйте шр, молодые люди!

«Но земля отцовъ вашихъ не получила въ удѣлъ динной силы образованія. Спросите молодого человека, путеше-ствитель ли онъ, и вы увидите, что ничто не удержится отъ смѣху, если онъ скажетъ, что путешествовалъ, посѣ-тилъ старую Кастилю, Гвельму, мясорочскую землю оо-сиску, и Галицію; гдѣ дѣлаются лучшія вольники въ ка-ломъ свѣтъ; кушался въ Навуто, и ходилъ по жемчуж-нымъ пескамъ Мача. Не очевидно ли, что для путешествія не-обходимо выехать за предѣлы Испаніи? Во Францію, Ита-лію, Турцію, Португалію, куда-нибудь, всё равно. Испа-нецъ, который можетъ не-ученику разумадать о париж-ской буржѣ, о театръ донна-Скала въ Миданъ, о Кюстин-тинодеи, даже о землѣ Таналанья въ Португаліи, такой Испанецъ, скажите на милость, чѣмъ можетъ любоваться въ своемъ отцовствѣ? Скажите, какою надобность говорить Богд-знаеть о какой развалинѣ, существующей въ Меридѣ, или о годнескихъ зданияхъ въ Бургосѣ и Толедо; кто-рымъ, удивляются иностранцы; но которые мы считаемъ варварскими и недостойными нашего вниманія?

«Пусть иностранцы, веркомъ на дрянныхъ лошадиныхъ, развѣзжаютъ по вашимъ провинціямъ, останавливаются на обѣдъ и ужинъ по негоднымъ *ventas*, за-часкую плав-даютъ или принуждены довольствоваться хлѣбомъ, во-дой и виномъ, если можно назвать виномъ эту жидкость, которая воцѣль отъячаетъ всемъ условіямъ чистаго синпа-лару. Эти иностранцы должны съ удовольствіемъ позволить грабить и даже колотить себя на большихъ дорогахъ, а по-томъ, пожалуй, властны описывать встрѣчу съ испанскими разбойниками и представлять ихъ атамана съ чѣбуками на шею, съ ружьемъ въ рукахъ.... Добрые иностранцы! они кидаютъ свои деньги на ветеръ, на покупку старинныхъ испанскихъ книгъ, и такимъ образомъ значительно увели-

царствъ потребление едой бумаги, которую бавъ тогда за-
мѣтили бы у насъ тѣ старинныя книги! Они покупаютъ
все прежнія картины, которыхъ бы мы не рѣшились раз-
вѣсить даме по чердакамъ, если бъ намъ какъ отдавали и
даромъ! Зато мы покупаемъ у иностранцевъ бумажныя
обои, для украшенія нашихъ вѣвъ и гостиныхъ, покупаемъ
красивыя экипажи и шерстяныя матеріи, вслѣдствіе чего
наши эстрамадурскія стада становятся намъ безволезны.
Когда иностранцы посвящаютъ долгіи труды на изученіе на-
шей исторіи, причинъ упадка Испаніи и способовъ изба-
виться отъ унижительнаго положенія, въ которомъ мы по-
грязли, тогда мы переводимъ ихъ творенія на испанскій
языкъ, и, по-добру по-здорову, пользуемся ихъ трудами.
Вотъ это-то и называется «усовершенствованіе». Разъ на-
ша національная гордость не должна воспламениться, когда
мы читаемъ въ своихъ газетахъ статистическія свидѣнія
объ Испаніи, съ великимъ трудомъ собранныя какими-ни-
будь Англичаниномъ или Нѣмцемъ.»

Взглянемъ теперь на отцовъ этихъ безпорядочныхъ дѣ-
тей. Посмотримъ на горделивыхъ и непетливыхъ Испан-
цевъ шестидесятыхъ годовъ, на это общество, не похожее
ни на какое другое общество, и которое, казалось, окаменѣло
въ своемъ церемоніальномъ этикетѣ какъ китайское. Ктѣ
бы, глядя на Испанцевъ тогдашняго времени, повѣрилъ,
что ихъ дѣти выйдутъ тѣмъ, чѣмъ мы ихъ видимъ въ на-
стоящее время? Вотъ какимъ образомъ описываетъ одинъ
изъ мадритскихъ историческихъ писателей, донъ Хосе Со-
моса (Jose Somoza), извѣстный нѣмъ подъ именемъ Ларри,
или Фигаро-Ларри, обычай и жизнь мадритскаго дворяни-
на въ тысяча-семьсотъ-семидесятомъ году.

«Каждый дворянинъ, говоритъ онъ: вставая съ постели,
предавалъ себя въ руки бородобрѣя, а операція бородобрѣ-
тія была гораздо продолжительнѣе чѣмъ теперь, когда двѣ
трети бороды остаются вовсе небритыми. Въ ту пору ни-
кто самъ не принимался за бритву. Послѣ того, являлся
парикмахеръ, причесывать, помазать, завивать и пудрить
благородную голову дворянина: эта операція продолжалась
также весьма долго. Тутъ только приступали къ великому
дѣлу одѣванья, на которое людямъ самымъ поспѣвшимъ

требовалось по-крайней-мѣрѣ не менѣе трехъ четвертей часу времени: столько было разныхъ частей одежды и шинлекъ, которыми ихъ прикалывали, начиная отъ галстука до обуви. Наконецъ, по совершеніи всѣхъ этихъ церемоній, нашъ дворянинъ навѣшивалъ себя шажу, и усердно просилъ Неба о хорошей погодѣ, затѣмъ, что какова бы она ни была, а онъ ужъ непременно не оставался дома.

«Если онъ выходилъ пѣшкомъ, то не могъ идти иначе какъ съ величайшей осторожностью и на цыпочкахъ, чтобы не забрызгать грязью своихъ бѣлыхъ шелковыхъ чулокъ и башмаковъ à la maitonnaise. Я знавалъ одного офицера, который приобрѣлъ высокую степень извѣстности тѣмъ, что умѣлъ не загрязнившись пройти Мадритомъ въ зимнее время. Такой талантъ почитался весьма достойнымъ уваженія, въ ту пору, когда весь мадритскій свѣтъ бѣгалъ по улицамъ: теперь по улицамъ расхаживаютъ одни торговые да дѣловые люди. Строгій церемоніаль обязывалъ особъ самаго независимаго состоянія соблюдать извѣстные неизмѣнныя правила, такъ, что на ихъ произволъ не оставалось ни одного свободнаго дня. Пасха правновалась три раза въ годъ, въ Рождество, Крещеніе и Духовъ день. Каждаго знакомаго должно было поздравлять съ его именинами и рожденьемъ. Несоблюденіе церемоніальной обязанности въ одинъ изъ этихъ дней, было достаточнымъ поводомъ къ враждѣ между двумя семействами. При малѣйшемъ кратковременномъ путешествіи, надобно было ѣздить со всеми прощаться, а возвратившись, опять ѣздить со всеми здороваться: визиты неотмѣнно оплачивались на другой день. Если въ городъ случалось вдругъ много именинниковъ, то новопріѣзжему иностранцу показалось бы, что въ улицахъ или пожаръ или мятежъ: тма людей суетливо бѣгали взадъ и впередъ, крича и толкая другъ друга. Въ эти торжественные дни ужасно доставалось несчастнымъ ремесленникамъ, которые должны были поспѣвать причесывать, одѣвать и обувать господъ. Таково было положеніе общества въ торжественные дни.

«Обѣдали въ часъ, и ѣли плотнѣе нынѣшняго; но снажить себя хлѣбъ было не такъ хитро какъ умѣть его ѣсть. Поверхъ маншеть, въ родѣ наруманшиковъ, надѣвались кар-

тонныя картузы: было признано за правило, что руки въ маншетахъ не должны ничего дѣлать. Для сбереженія жилетовъ и шейныхъ фрезъ отъ пятенъ, были придуманы другія предохранительныя «машинны». Изъ нихъ самая сложная и странная была та, которая употреблялась при носѣ-объденномъ отдыхѣ (*sieste*), обычай очень полезномъ по нашему климату. Я видѣлъ самъ, какъ знаменитый щеголь, Ховельяносъ, спалъ носомъ въ подушку, но такимъ образомъ, что прикасался къ ней однимъ только лбомъ, чтобы не измять буколю.

«Одни только тѣ, которые не собирались на званый вечеръ, могли не завиваться съ-утра и удерживать свои волосы подъ съточкой. Они выходили со двора въ ярко-красномъ капюшонѣ на голову, но, по причинѣ своихъ башмаковъ и шелковыхъ чулокъ, всё-таки не могли прогуливаться иначе какъ по мощенымъ улицамъ. Въ этомъ отношеніи мужщины были счастливѣе женщинъ: они по-крайней-мѣрѣ ступали на подошвы своей обуви, тогда какъ женщины должны были ходить на высокихъ деревянныхъ конькахъ, что дѣлало ихъ ходьбу и непріятною и даже опасною. Притомъ, жестоко сжатые своими фижмами, могли ли онѣ свободно двигаться, и не падать при малѣйшемъ толчкѣ? Фижмы дѣлались до такой степени необходимы для туалета, что часто матери семейства, кормя грудью дѣтей, прорѣзывали для этого только небольшое отверстіе въ своемъ корсетѣ, и бѣдный ребенокъ, ища груди матери, натыкался ротикомъ на китовый усъ.

«Мужчина превращался трижды въ день: капюшонѣ и съточка утромъ; военная форма въ полдень, парадное платье вечеромъ, для присутствія при травлѣ быковъ. Чтобы вполне наслаждаться этимъ пріятнѣйшимъ превращеніемъ времени, особы самыя степенныя надѣвали мадагаскую *montera* и смѣшивались съ толпою простаго народа. Тутъ ихъ удовольствіе состояло въ томъ, чтобы кричать: *Давай сюда собакъ!* Театры, которые въ ту пору назывались еще *подворьями*, *coffetes*: были шумны и нравственны не болѣе травли.

«Испанская важность сберегала свое молчаніе, свой декорумъ и свое достоинство для *tertulias*, то есть, вечеровъ.

И въ самой вещи, не было зрѣлища важнѣе и умильтельнѣе такъ-называемыхъ *refresco*, вечернихъ собраній. Дамы, занимавшія эстраду, роль возвышенной скамьи, представляли собою словно фронтъ войска въ часъ битвы. и не подавали ни какого знаку жизни или чувствительности, кромѣ какъ періодическимъ движеніемъ своихъ вѣровъ. Фронтъ, параллельный этому, состоялъ изъ «сеньоровъ», то есть, господъ мужчинъ, вытннутыхъ въ строй, по званіямъ, чинамъ и достоинствамъ каждаго. Вы бы сказали, что весь этотъ народъ собрался сюда не затѣмъ чтобы веселиться, а для того чтобы прислушиваться къ страшному воззванію изъ Иосеатовой Долины. Не было ни музыки, ни танцевъ, ни внимательнаго или пріятнаго разговора: одни только игроки за карточными столами, раскинутыми посреди комнаты, имѣли право кричать и говорить другъ другу грубыя, обидныя слова, или каждый разъ возвыщать о своемъ выигрышѣ ударомъ кулака по зеленому сукну. Въ числѣ карточныхъ игроковъ бывали и такіе, которые, такъ-сказать, никогда не вставали изъ-за картъ: ихъ жизнь была не что иное какъ пятидесяти-лѣтнее реверси. Послѣ присутствія при столь важномъ дѣлѣ, семейства разъѣзжались по своимъ домамъ, и употребляли на раздѣванье опять столько же времени, сколько употребили его на одѣванье. Пока жена разоружала свою голову, скидала огромный головной уборъ и гигантскій парикъ, мужъ, съ своей стороны, избавлялъ свой лобъ отъ цѣлой батареи буколей.... Сколько такихъ разоблаченій выдывалъ я въ свою молодость!.... Увы! не при мохъ ли изумленныхъ глазахъ происходило изменение формъ и объема тѣла виновниковъ моей жизни, изменение дотога дивное, что я не могъ уже узнавать ни ихъ фюзіономіи ни ихъ росту.

«Последнимъ каждодневнымъ занятіемъ нашихъ отцовъ было заведеніе карманныхъ часовъ, которыхъ у всякаго благороднаго Испанца имѣлось по парѣ, съ двойнымъ футляромъ на каждые часы. Въ ту счастливую пору все было двойное: двое часовъ, два платка, двѣ табакерки.

«Таковы-то были испанскіе нравы того времени, невинныя, но ужасно церемонныя. Владѣльцы помѣстій, купцы, ремесленники, богатые, дворяне и плебеи, подчиняли свои

поступки извѣстнымъ и опредѣлительнымъ формуламъ, придуманнымъ для каждаго сословія. Формула господствовала при воспитаніи ребенка, при выборѣ учителей, при избраніи роду службы. Вы надѣвали мундиръ, отправились въ Америку и благополучно возвращались, не подозревая даже, что есть на землѣ антиподы : дѣлали все по принятой формулѣ, единственно изъ уваженія къ этому идолу общества. Большая часть молодыхъ испанскихъ дворянъ отовсюду стекалась ко двору, то есть, пріѣзжала въ Мадридъ, сѣдѣть надъ изученіемъ придворнаго календаря. Но сословіе изъ всѣхъ сословій самое церемонное по своимъ привычкамъ, идеямъ и обычаямъ, исчезло передъ нашимъ занжствованнымъ просвѣщеніемъ, какъ болотная трава и сыровожки исчезаютъ передъ земледѣіемъ. Я говорю о сословіи аббатовъ, которые внушили столько *topadillas* и *sagnetes*, объ этихъ предметахъ любопытства и удивленія прекраснаго пола, смотрѣвшаго на нихъ съ такимъ вниманіемъ и изумленіемъ, съ какимъ молодые ботанисты смотрятъ на странное растеніе мандрагору. Таковы-то были наши ближайшіе предки, степенные отцы сыновъ легкомысленныхъ, беспорядочныхъ и въ образѣ жизни, и въ мнѣніяхъ, и въ обычаяхъ.»

ГРОСФАТЕРЪ ШЕСТНАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ, и *неаполитанская Тарантелла*. Многія изъ читателейницъ, конечно, любопытны знать, какъ въ золотомъ вѣкѣ рококо танцовали grosfaterъ. Нигдѣ не танцовали его такъ хорошо какъ въ Баваріи, землѣ прелестныхъ, умныхъ и мечтательныхъ женщинъ, которыя играютъ важную роль въ ея исторіи и содержатъ мѣстный мужескій полъ въ строгомъ повиновеніи своей неограниченной власти. Вотъ какъ Гансъ фонъ Швейнихенъ, странствующій рыцарь семнадцатаго вѣка, описываетъ танецъ, называемый нынче grosfaterомъ, по личнымъ наблюденіямъ своимъ въ императорскомъ градѣ Аугсбургъ, нѣкогда столь славномъ своей торговлей и богатствомъ.

«По здѣшнему обычаю, говоритъ этотъ силезскій Жиль-Блазъ: балъ открывается танцемъ одной пары, мужчины и женщины, великолѣпно одѣтыхъ въ длинныя платья крас-

поцѣвтной матеріи, опушенные бѣлымъ горностаемъ. Когда эта пара выполнитъ всѣ фигуры танца, тогда выйдутъ еще нѣсколько паръ, и каждая особо, но въ одно время, исполняетъ тѣже самыя фигуры что и первая; если впродолженіи танца которой паръ вздумается поцѣловаться, учтивость требуетъ, чтобы все общество тотчасъ же послѣдовало ей примѣру. Молодые люди, бывая на балахъ, одно только то и имѣютъ въ виду, чтобы первые танцующіе цѣловались какъ-можно чаще, и такимъ образомъ доставляли имъ возможность цѣловаться съ дѣвушками, милыми сердцу. Дѣло доходитъ даже до того, что первую пару подкупаютъ деньгами, и я, на свою долю, за пол-доллара, приобрѣлъ случай къ премиленькимъ поцѣлуямъ; однако же долженъ примолвить, что со мной въ доль былъ и мой пажъ, который, на этотъ вечеръ, сталъ, въ сущности, моимъ господиномъ. Изумленный его присутвіемъ въ столь избранномъ обществѣ, я строго спросилъ, какъ онъ попалъ сюда. Пажъ отвѣчалъ, что ему довелось узнать, будто нѣкоторыя прекрасныя дамы имѣютъ на меня виды, и притомъ будто онъ «способенъ на все»: мой пажъ, испуганный такими слухами, рѣшился не отставать отъ меня. И, сказать по совѣсти, эти дамы показались мнѣ ослѣпительными. Одѣтыя въ бѣлыя матерчатыя платья, съ множествомъ золотыхъ цѣпей на шеѣ и дорогихъ перстней на рукахъ, онъ явно старался нравиться. Ихъ было до шестидесяти. Разсѣяныя въ высокой и пространной залѣ, блестящей со всѣхъ сторонъ серебромъ и золотомъ, онъ мило и живо разговаривали между собою.»

То было время, когда граждане Аугсбурга спорили въ роскоши съ благородными дворянами Венеціи. Имперскій городъ, складочное мѣсто антверпенскихъ товаровъ, ставилъ свои конторскія книги чуть-чуть не выше Золотой Книги республики. Въ ту пору, за этими высокими окнами, нынче уже развалившимися, украшенными чеканной мѣдью, вдоль этихъ длинныхъ терасъ, которыхъ арки были расписаны фресками Альбрехта Дюрера, Рубенса, фанъ-Дейка и Карла Дольче, дено и ночью раздавался звукъ игральныхъ костей, съ которыми катились по мраморнымъ и мозаическимъ столамъ состояніе и жизнь играющихъ. Въ ту пору, аугсбург-

ская роскошь походила на восточную, аугсбургскіе нравы на азіятскіе, а вдовы аугсбургскихъ гражданъ выходили замужъ за герцоговъ. Графъ Гербергъ отдавалъ въ приданое за своею дочерью двѣ полныя бочки золота : и это казалось мало! ткачъ Фугтеръ, Ротшильдъ тогдашняго баснословнаго времени, ссужалъ императора Карла-Пятаго милліономъ флориновъ, и сжигалъ его расписку на огнь лимоннаго дерева : никто не удивился, кромѣ одного императора. Здѣсь-то князья имперіи прочитали Карлу-Пятому свое аугсбургское *исповѣданіе*, а германскіе вѣнценосцы составили знаменитый союзъ противъ Людовика XIV. Оба эти достопамятные акта происходили въ домъ нынѣшней ратуши, въ залъ, отдѣланной рѣзнымъ дубомъ, выстланной мраморомъ, въ присутствіи тѣхъ же самыхъ женщинъ, столь преданныхъ игрѣ, танцамъ и роскоши; въ присутствіи тѣхъ же купцовъ, которые не выходили изъ дому иначе какъ окруженные множествомъ факелоносцевъ, потому что аугсбургскія улицы были темны, а платья купцовъ осыпаны брилліантами. Тогда-то было приснопамятное, золотое, времечко гротфатера, который, переходя отъ улучшенія къ улучшенію, упалъ нынѣ до такой степени, что переродился въ шумный и безцвѣтный танецъ. Однако же, по нѣмецкому названію нашего гротфатера, не слѣдуетъ заключать, будто это танецъ германскаго происхожденія. Онъ сынъ роскошной Италіи : преобразование славной тарантеллы. Вы, вѣрно, знаете это названіе : какъ не знать тарантеллы послѣ того, какъ Россини написалъ для нея очаровательную музыку, которую вы найдете въ его «*Soirées musicales*»? Теперь этотъ танецъ, благодаря французскимъ кадрилиамъ, поглотившимъ залы изящнаго общества, предоставленъ въ распоряженіе простолюдыя. Нигдѣ онъ такъ не любимъ, какъ въ Сициліи, между простымъ народомъ : и вотъ судьбы знаменитой тарантеллы, матери гротфатера и экосезовъ!

Чудный танецъ эта тарангелла! и самый удобный изъ всѣхъ мнѣ извѣстныхъ танцевъ : есть музыкантъ — хорошо, нѣтъ — самъ пой или насвиствывай. Его можно танцевать одному, вдвоемъ, вчетверомъ, во сколько хочешь паръ, мужчина съ мужчиной, женщина съ женщиной, съ знако-

ыми и незнакомыми, потому что сила не въ томъ. Когда одному изъ зрителей захочется потанцовать въ свою очередь, онъ отдѣляется отъ толпы присутствующихъ, выступаетъ на мѣсто, предоставленное для танцевъ, и прыгаетъ попеременно то на одной то на другой ногъ, до тѣхъ поръ пока передъ нимъ не встанетъ другая особа и также не запрыгаетъ. Но если партнёръ долго не является и монологъ ногами начинаетъ надѣвать дѣйствующему лицу, оно приближается въ тактъ къ одной изъ прыгающихъ паръ, толкаетъ локтемъ кавалера или даму, и такимъ образомъ отправляетъ того или другую на отдыхъ, а самъ занимаетъ очищенную вакансію, и все это безъ малѣйшаго нарушенія приличій. Сицилійцы сьумѣли оцѣнить всѣ выгоды столь свободнаго хоровода: у нихъ тарантелла настоящая болѣзнь. «Я вышелъ на берегъ одного озера съ мовимъ шкиперомъ, его женою, сыномъ и четырьмя матросами, рассказываетъ одинъ изъ новѣйшихъ путешественниковъ. Прошло десять минутъ: я очутился въ совершенномъ одиночествѣ и могъ бы предаться какимъ угодно мечтаніямъ. Всѣ мои спутники прыгали на-славу: даже маленькій сынъ штурмана трясся всѣмъ тѣломъ насупротивъ какого-то гиганта, который только тѣмъ и отличался отъ своихъ предковъ, Циклоповъ, что случайно имѣлъ два глаза. Что касается до музыки, подъ которую двигалось все это народонаселеніе, она не была, какъ водится у насъ, сосредоточена въ одномъ пунктѣ, а, напротивъ, разсыяна по всему пространству озернаго берега. Оркестръ состоялъ обыкновенно изъ двухъ музыкантовъ: одинъ игралъ на флейтѣ, другой на мандолинѣ. Соединенные звуки этихъ инструментовъ всего болѣе походили на ту музыку, которая получила у насъ исключительную привилегію заставлять плясать ученыхъ собакъ и медвѣдей. Здѣсь музыканты не сидѣли, какъ слѣдуетъ, на мѣстѣ, а безпрестанно переходили съ одного на другое, для присканія занятія. Когда одна группа утомлялась плясать подъ ихъ музыку, они получали вознагражденіе и отправлялись далѣе, наигрывая свою въбовъчную тарантеллу; не успѣвали они сдѣлать и двадцати шаговъ, какъ новая группа танцоровъ останавливала ихъ для новой хореографической продѣлки. Я насчиталъ семьдесятъ такихъ

музыкантовъ , и около каждаго прыгало болѣе или менѣе народу.»

СЪТОВАНІЯ ТРИНАДЦАТИ-ЛѢТНЕЙ ДѢВУШКИ , ПОЛУЧАЮЩЕЙ ОТЛИЧНОЕ РАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ. Много сердце разорвалось , много выжато вздохомъ , много слѣзъ и теперъ еще льѣтся въ Европѣ , читающей въ журналахъ и романахъ патетическія описанія тѣхъ ужасныхъ страданій , какія испытываютъ дѣти бѣдняковъ , работая до изнуренія , до болѣзни , до погибели , на фабрикахъ этихъ людодѣловъ , англійскихъ мануфактуристовъ : но что же вы скажете , когда я опишу вамъ мои страданія , въ сравненіи съ которыми вся людскія горести незамѣтны! Я , я — то несчастное дитя , мучимое , медленно истощаемое , обреченное на явную и скорую погибель , которое предпочтительно передъ всеми прочими дѣтьми заслуживаетъ всего вашего состраданія. Посудите : изъ меня хотѣтъ сдѣлать *отлично образованную дѣвицу!* Мои родители , которымъ страхъ хочется , имѣть «вполнѣ воспитанную дочь», рѣшились завоспитать меня въ конецъ!....

Это дѣлаютъ они изъ безпредѣльной любви своей ко мнѣ : я единственная дочь у нихъ! Мой папѣ , рѣшительный англomanъ , желаетъ , чтобы я была ученая какъ мистриссъ Соммервилль ; моя маман , немножко *femme supérieure* , хочетъ , чтобы я писала въ стихахъ какъ графиня Ростопчина , въ прозѣ какъ Зененда Р^{***} или , по-крайней-мѣрѣ , какъ мадамъ Жоржъ Сандъ ; и оба вмѣстѣ требуютъ , чтобы я знала двадцать языковъ какъ какой-нибудь баронъ Брамбесъ , играла на фортепіано какъ Дрейшокъ и на арфѣ какъ Бокса , писала масляными красками какъ Брюловъ , пѣла какъ Паста , танцовала какъ Таліони , вышивала какъ Китайка и вела домашнее хозяйство какъ Чухонка. Съ утра до ночи я занята лекціями : учителя.... и всѣ такіе гадкіе! такіе *hoggeurs!*.... приходятъ и уходятъ безпрестанно; гувернантки не позволяютъ мнѣ в четверти часа поиграть съ куклою : я встаю и ложусь по часовой стрѣлкѣ , ѣмъ и дышу свѣжимъ воздухомъ по вѣсу , хожу по метроному , читаю , пишу , учусь , сочиняю , играю , работаю , взнемогаю , умираю!....

И что со мною будетъ, когда я достигну всѣхъ ожидаемыхъ совершенствъ? Родители мои — люди небогатые: они живутъ въ столицѣ только для меня, для моего воспитанія; воспитавъ меня, они принуждены будутъ уѣхать со мною въ деревню, чтобы трудомъ и бережливостью спасти разстроенное имѣніе, которое должно служить мнѣ приданымъ. Я замѣчаю, что дѣвицы, окончивъ воспитаніе, обыкновенно выходятъ замужъ и, по моимъ соображеніямъ, таково и должно быть предназначеніе всѣхъ дѣвицъ, хотя отъ меня тщательно его скрываютъ: ну, я право, съ ума сведу моего мужа своей ученостью!.... Да и кто будетъ достоинъ меня? Въ нашемъ уѣздѣ, самыя знаменитыя лица — земскій исправникъ и мѣстный предводитель. Правда, одинъ изъ нихъ отлично садитъ березки, выстроилъ новые мясные ряды, и расписалъ ворота, ведущія въ публичный садъ, зеленою краскою, а другой починилъ дорогу, по которой, говорятъ, опять нѣтъ проѣзду, и мастерски совидаетъ триумфальныя ворота изъ холста, розъ и лентъ: но гдѣ же имъ оцѣнить всѣ мои совершенства и говорить со мною на всѣхъ языкахъ!

Но обратимся къ настоящему. Мнѣ теперь только тринадцать лѣтъ. Мой папѣ не любитъ дѣлать ничего вполонину: это его правило, и оттого онъ рѣшился дать мнѣ самое «полное воспитаніе». Я должна повторять за одинъ разъ исторію Халдейцевъ и таблицу умноженія, говорить, что дѣлается въ Англии, и что дѣлалось въ Римѣ. Но всего ужаснѣе то, что въ то же время учитель русской грамматики, который говоритъ, что русской грамматикѣ еще нѣтъ и что никто не знаетъ ея въ Россіи, показываетъ мнѣ, какъ различать мужескій родъ отъ женскаго и женскій отъ средняго: ежели къ предмету, говоритъ онъ, можно приложить какую-то частичку *сей*, то этотъ предметъ — мужчина; если къ нему можно приложить *сія*, то онъ — женщина; если *сіе*, и прѣчая, и прочая. Согласитесь, что это — ужасъ! ... Папѣ, который прежде былъ артиллерійскимъ полковникомъ и взялъ въ жизнь свою сорокъ или пятьдесятъ крѣпостей, часто поговариваетъ, что со-временемъ онъ изложитъ мнѣ полный курсъ фортификаціи, безъ котораго нельзя съ успѣхомъ читать газетъ, и иногда намѣ-

касть даже о пользѣ знать навигацію. Машап, которая, прочитавъ морскіе романы Купера, знаетъ теперь названія всѣхъ корабельныхъ веревокъ, сиурновъ и тесемокъ, совершенно согласна съ нимъ въ этомъ отношеніи. Между-тѣмъ меня учатъ алгебрѣ, наукѣ, по ихъ словамъ, необходимой при домашнихъ расчетахъ и при отдачѣ бѣлья въ мытьѣ; геометріи, тригонометріи, коническимъ сѣченіямъ, общей физикѣ, акустикѣ, оптикѣ, электричеству, географіи, десятичнымъ дробямъ, кубическимъ корнямъ, перспективѣ, гномикѣ (искусству дѣлать солнечные часы), логикѣ (искусству спорить), астрономіи, краснорѣчію, психологіи, черченію картъ и плановъ, ботаникѣ, бухгалтеріи, политической экономіи. Финансамъ, государственному управленію, статистикѣ, естественной исторіи, всѣмъ возможнымъ исторіямъ на свѣтѣ, и еще кажется.... нѣтъ! теперь, кажется, все.... ахъ! да! еще творческой силѣ (искусству создавать): этому учить меня учитель пѣтики. Теперь все. Слава Богу!... Встаю: около меня четыре *боны*, Француженка, Англичанка, Нѣмка и Русская, съ которыми должна я говорить каждый день на другомъ языкѣ, такъ, что если въ англійскій или французскій день заговорю по-русски или по-нѣмецки, то у меня конфискують завтракъ, а иногда и обѣдъ. Четыре часа въ недѣлю, по вторникамъ и пятницамъ, я обязана говорить по-испански, шесть часовъ, по понедельникамъ, середамъ и субботамъ, по-италіянски. Въ воскресенье позволяется говорить на всѣхъ языкахъ, даже по-славянски или по-латынѣ, если мнѣ угодно: въ этотъ день, поутру, именно приходитъ ко мнѣ учитель латинскаго языка... такой гадкій, что и повѣрить нельзя!.... и учить меня — *dominus, domina, dominius*. Папа утверждаетъ, что всѣ хорошо воспитанныя дѣвицы въ Англіи, знаютъ, не только латинскій, но еще греческій и еврейскій. Къ еврейскому папа и самъ не чувствуетъ большой склонности, но зато онъ очень уважаетъ греческій, и когда мнѣ будетъ пятнадцать лѣтъ, то непременно, возьмутъ для меня греческаго профессора, чтобы я со-временемъ могла читать Гомера въ подлинникъ, какъ читаютъ всѣ англійскія дѣвицы. Лишь-только выхожу изъ уборной, начинаютъ являться учителя. Теперь ихъ у меня человекъ осьмнадцать. Шутка ли? Нау-

ди, для разнообразія, парочно перемѣшаны напенькою съ искусствами и рукодѣльми : папà говоритъ, что настоящій отдыхъ не что иное какъ перемѣна занятія, и потому я непрерывно отдыхаю : послѣ астрономіи танцую, послѣ логики беру уроки въ музыкѣ, послѣ краснорѣчія начинаю *sofeggiare* : голова, ноги, руки и горло у меня въ непрерывной работѣ, но, по системѣ папà, когда ноги работаютъ, то голова отдыхаетъ, и такъ далѣе, и поэтому я не могу испытывать усталости. Машап, съ самаго моего рожденія, открыла во мнѣ удивительный талантъ къ живописи. Ничего не знаю, но, несмотря на это, рисую крандашомъ, тушью, сепіей, пишу масляными и водяными красками, рѣжу на камняхъ, на мѣди и на деревѣ. Гензельтъ говоритъ, что у меня нѣтъ уха, однако жъ я усердно учусь играть на фортепіано и на арфѣ. Рубини заставляетъ меня пѣть три раза въ недѣлю, хотя у меня нѣтъ голоса. И какъ мнѣ уже четырнадцатый годъ, то машап объявила, что пора начать и *хозяйству*. Съ начала нынѣшняго лѣта меня стали посвящать въ таинства шитья и вышиванья, мытья, бѣленья, и прочая. Поваръ дважды въ недѣлю показываетъ мнѣ способъ готовить паштеты, парикмахеръ учитъ убирать волосы, швейка шить узоромъ, прачка чинить и штопать, модистка дѣлать цвѣты, и ни какія отговорки не избавляютъ меня отъ необходимости плести корзинки, набивать птицъ, собирать и накалывать мотыльковъ, и вязать чулки. Прибавьте къ этому, что природа, но гораздо болѣе машап, вдохнули въ меня непреодолимое стремленіе писать въ стихахъ и въ прозѣ. Машап, славясь въ городѣ своимъ эпистолярнымъ слогомъ и почитая себя почти писательницею, потому что она каждый день все утро пишетъ къ знакомымъ записки и на разноцвѣтныхъ бумажкахъ, машап тò и дѣло хлопочетъ чтобы я развивала этотъ прекрасный талантъ. И какъ я сама не прочь отъ пера, то вотъ и сочинила, на первый случай, описаніе того, что дѣлаютъ папà и машап, и какъ они меня воспитываютъ, — которое и посылаю къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою напечатать въ своемъ журналѣ какъ первое произведеніе моей «творческой силы».

Если я еще не надоела вамъ, добрые читатели, то позвольте мнѣ быть откровенною. Вы, конечно, понимаете,

что все, чему меня учать, принимается мною, какъ водит-ся, неохотно, съ пренебреженіемъ : всѣ эти уроки, какъ пришли, такъ и ушли ; всѣ наставленія учителей вмѣютъ на меня такое же дѣйствіе, какое оказываетъ тихій лѣтній вѣтерокъ на гладкую поверхность пруда : на водѣ немного зарыбить, — настанетъ тишь, и нѣтъ слѣда врезаннаго волненія. Разсужденія моихъ наставниковъ до тѣхъ поръ держатся въ моей памяти, пока слова ихъ сыплются мнѣ на голову : какъ-скоро голосъ ихъ затихаетъ, у меня въ головѣ какъ-будто ничего не бывало. И велика будетъ милость Господня, если все это такъ и кончится. Нѣтъ, мнѣ суждено или съ ума сойти или умереть отъ чахотки !

Дослушайте, прошу, до конца : теперь уже не много. Остается только сказать, въ какомъ порядкѣ меня мучать. Я уже сказала, что со мною дѣлаютъ, лишь-только встану. Вотъ полдень. Я, съ тремя моими гувернантками, являюсь къ завтраку. Папа начинаетъ меня экзаменовать : спрашиваетъ, у меня, чему я сегодня училась, у гувернантокъ, какъ знала я уроки ; потомъ заставляетъ меня излагать своими словами плохо заученное изъ книги. Я, обыкновенно, ничего не понимаю и не могу повторить. Папа принимается объяснять мнѣ. Дѣло идетъ, напримѣръ, о глобусахъ, объ астрономіи : папа беретъ чайникъ и водить имъ вокругъ самовара, чтобы показать мнѣ движеніе земли около солнца ; въ другой рукъ у него — сливочникъ, который изображаетъ луну, текущую вокругъ чайника, который вмѣстѣ съ нею течетъ вокругъ самовара. Очень забавно видѣть, какъ папа это показываетъ : штука чрезвычайно трудная, и папа часто проливаетъ на столъ чай и сливки ; татап сердится, я смѣюсь, гувернантки бранятъ меня, и очень часто, не кончивши завтрака, я должна идти въ уголь. Когда чай отпить и котлетки выкушаны до-чиста гувернантками, мнѣ позволяютъ возвратиться изъ угла къ столу. Папа опять беретъ чайникъ и сливочникъ (уже пустые), и въ разныхъ мѣстахъ стола раскладываетъ кусочки сахара, большіе и маленькіе : это — планеты и ихъ спутники. Начинается движеніе всей солнечной системы. Мнѣ нужно отвѣчать, почему этотъ чайникъ, этотъ сливочникъ, этотъ кусочекъ сахара, идетъ сюда, а не туда, и говорить всегда отчетливо.

Пусть же только я заслушаюсь или съѣмъ хоть одно небесное тѣло, хоть самую крошечную планету, меня тотчасъ снова поставятъ въ уголъ и еще лишатъ объѣда. Маменька при этомъ изъясняетъ надежду, что я не забыла ея любимой нѣмецкой оды, и опасается, не слишкомъ ли усердно я занимаюсь италіянскимъ языкомъ, во вредъ испанскому (а я всего по-италіянски знаю — *io amo, tu ami!*....); спрашиваетъ о переводѣ съ англійскаго на французскій, и велитъ приготавливаться къ рисованію; требуетъ, чтобы составъ паштета не выходилъ у меня изъ головы и, для практическаго упражненія въ хозяйствѣ, даетъ мнѣ списокъ вещей, негодныхъ къ употребленію и выброшенныхъ на чердакъ, или идемъ мы вмѣстѣ привѣшивать билетки ко всѣмъ моимъ вещамъ въ гардеробъ. Въ томъ только и день проходитъ. Я первая ничего не дѣлаю, за мною маменька: вѣчно слѣдуя за мною и напоминая, сколько еще остается мнѣ дѣлать, она ничѣмъ не можетъ заняться, ничего взять въ руки, до пяти часовъ. Пріѣзжаютъ гости объѣдать, а татап и забыла заказать объѣдъ!.... Начинаются неудовольствія. Матап проклинаетъ астрономію и всю солнечную систему. Папа протестуетъ противъ ужаснаго безпорядку въ домѣ и противъ нашихъ практическихъ хозяйственныхъ упражненій. Въ одно мгновеніе, все въ домѣ летитъ вверхъ-дномъ. Наконецъ наступаетъ ночь: я омываю пятна, оставшіяся на рукахъ и на лицѣ отъ туши, красокъ и земли, потому что въ то же время занимаюсь садоводствомъ и ботаникою; иду въ свою комнату, и ложусь съ куклою въ постель, чтобы увидѣть во снѣ духовъ Шиллера или вообразить себя прикованнымъ къ утесу Прометеемъ, котораго внутренности пожираютъ мон учителя въ образѣ хищныхъ вѣроновъ. Часто, ночью, я встаю съ постели чтобы писать журналъ моихъ дѣйствій и чувствованій: днемъ некогда!.... а писать журналъ нужно, и я люблю: татап сама ведетъ журналъ своихъ мыслей, занятій и наблюденій, и утверждаетъ, что это очень полезно. Если я вамъ не наскучила, то, извольте, я въ скоромъ времени сообщу вамъ мой журналъ: вы увидите, какъ тамъ описаны мои учителя! Одинъ изъ нихъ однако жъ молоденькій и недурной собою.... ахъ!... зачѣмъ мнѣ только тринадцать лѣтъ!.... Пожалуйте обо мнѣ! я

жертва новѣйшаго «раціональнаго воспитанія» дѣвчѣ, которое, какъ видно изъ словъ папеньки, заразило всю Англию и, какъ кажется, нашло себя уже и у насъ многихъ ревностныхъ подражателей. Увы! не я одна такъ страдаю!...
*Лидія Х***.*

PS. Я забыла сказать, что, когда окончу мое «раціональное воспитаніе», то меня повезутъ путешествовать по Европѣ, для того чтобы я была не только ученая, начитанная, но и — а travelled miss, — *путешествовавшая дѣвчѣ.* Это по-крайней-мѣрѣ будетъ весело. Папа уже рѣшился заложить имѣніе въ банкъ, чтобы доставить мнѣ это послѣднее совершенство.

НОВЫЯ КНИГИ

ПОЛУЧЕННЫЯ ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ ГРЕФА,

(за угломъ Невскаго Проспекта и Адмиралтейской Площади).

Французскія.

(Цѣны на серебрѣ.)

- ANGLAIS, (les) PRINTS PAR EUX-MÊMES. livr. 96 à 100. Paris 1841. gr. in-8. br. le tome 2 est fini. Prix. 4 rb. 30 cop.
- BALEAC. Les deux Frères, suivi de les Fantaisies de Claudine. Brux. 1841. in-18. br. 85. cop.
- BALKAS. Dom Gigadas. Brux. 1841. 2 vol. in-18. br. 1 rb. 50 cop.
- BIBLIOTHECA portátil espannola o Collecion de las mejores poesias, novelas, dramas etc. de los escritos Espannolos del siglo XIX. hasta nuestras dias N° 3. T. I. Brunsvico 1841. in-8. br. 66 cop.
- BLAZE. Rosemonde. Legende. Paris 1841. in-8. br. 40 cop.
(*la Pléiade, livr. 5me.*)
- BUNOT DE KERSERS. Histoire de Latour d'Auvergne (corret), Premier Grenadier de la France. Paris 1841. in-12. br. 1 rb.
- BURETTE. Histoire de France, depuis l'Établissement des Francs, jusqu'en 1830; édition illustrée par 500 dessins. Paris 1841. gr. in-8. br. tome 2 du 2 vol. l'ouvrage est complet en 4 tomes ou 2 vol. 12 rb.

- CARTE DES CHEMINS DE FER** de l'Allemagne et des pays adjacents; gravée par *Simonneau*. Paris 1841. Folio. br. 1 rb. 15 cop.
- GOZLAN.** Le plus beau rêve d'un millionnaire, suivi de le capitaine Gueux. Brux. 1841. in-18. br. 70 cop.
- GUIDE DU VOYAGEUR EN ITALIE.** VI^m édition originale. Milan 1841. in-8. 4 rh. 80 cop.
- HOMÈRE.** Le combat des rats et des grenouilles. Poème. Paris 1841. in-8. br. 40 cop.

(*la Pléiade, livr. 5^m*).

- JANIN.** Le voyage d'un homme heureux suivi de Sterne. Paris 1841. in-18. br. 85 cop.
- LAVERGNE.** La course au clocher. Brux. 1841. in-18. br. 85 cop.
- PETRARCA.** Canzone à Laude di Nostra Signora. Con alcune sposizione e consideratione del professore Marsand. Parigi 1841. Folio. br. 3 rb. 15 cop.

(*Edition tirée à 100 exemplaires*).

- SAINT-BILAIRE.** L'Hotel des Invalides, souvenirs intimes du temps de Napoléon, Brux. 1841. 2 vol. in-18. br. 2 rb.
- SOULIÉ** Les Forgerons. Brux. 1841. in 18. 2 vol. br. 1 rb. 50 cop.
- SOUVESTRE.** Une promenade Brux. 1841. in 18. br. 85 cop.
- TOEPFER.** Nouvelles Genevoises. Paris 1841. in-12. br. 1 rb.
- VALERY.** Italy and its comforts Manual for Tourists. Paris 1841. in-12. relié. 2 rb
- VILLEROY.** Histoire de mil huit cent quarante, annuaire historique et politique. Première année. Paris 1841. in 12. br. 1 rb.
- VOLTAIRE.** Contes, satires, épîtres, poésies diverses, odes, stances, poésies mêlées, traductions et imitations. Paris 1841. in-12. br. 1 rb.
- ADNEMAR.** Traité de géométrie descriptive. Paris 1841. in-8. et atlas. folio. cart. 7 rb. 70 cop.
- BONJEAN.** Traité des actions, ou exposition historique de l'organisation judiciaire et de la procédure civile chez les Romains. Paris. 1841. 2 vol in-8. br. 5 rb. 15 cop.
- BUANAFEDE.** Histoire critique et philosophique du suicide, traduit de l'italien par *Armellino et Guerin* Paris 1841. in 8. br. 2 rb. 30 c.
- BULLETIN DE LA SOCIÉTÉ d'Encouragement pour l'industrie nationale.** Paris 1840. Trente-neuvième année. in 4. br. 8 rb. 40 cop.
- CARPENTER.** The Scholar's Spelling assistant. Paris 1841. in 8. cart. 75 cop.
- CHASTELAIN.** Scenes of youth in english and french or familier dialogues and conversations of young people. Paris 1841. in-18. br. 1 rb.
- DICTIONNAIRE** de l'industrie manufacturière, commerciale et agricole, ouvrage accompagné d'un grand nombre de figures intercalées dans

- le texte par MM. *Baudrimont*, préparateur de chimie au collège de France. *Blanqui*, professeur d'économie politique, *Bois*, ingénieur, *Boquillon*, bibliothécaire du conservatoire des arts et métiers, *Chevallier*, *Colladon*, professeur, *Coriolis*, membre de l'Institut, *d'Arce*, membre de l'Institut, *Désormeaux*, *Despretz*, professeur de physique, *Ferry*, professeur, *Gautier de Claubry*, répétiteur à l'école polytechnique, *Gourlier*, architecte, *Guibal*, professeur de mécanique, *Olivier*, professeur à l'école des arts et manufactures, *Parent-Duchatelet*, médecin. *Perdonnet*, professeur, *Sainte-Preuve*, professeur de physique, *Soulange Bodin*, membre de la société d'agriculture, *Trébuchet*, chef de bureau des manufactures, *Violette*, ingénieur civil. Paris 1841. Dix vol. in-8. br. 25 rb.
- ECK.** Traité de l'application du fer, de la fonte et de la tôle, dans les constructions civiles, militaires et industrielles. Paris 1841. Folio relié. 12 rb. 85 cop.
- GATTEL.** Dictionnaire universel de la langue française, avec la prononciation, les étymologies, les synonymes etc. Paris 1841. 2 vol. gr. in-8. br. 4 rb. 60 cop.
- GUIBERT.** Dictionnaire géographique et statistique, sur un plan entièrement nouveau. Livr. I. Paris 1841. gr. in 8. 45 cop.
(*Cet ouvrage sera publié en 12 livr. de 8 feuilles chacune.*)
- GUIZOT.** Essais sur l'Histoire de France. Paris 1841. in-12 br. 1 rb.
- INSTRUCTION** sur le service et les manoeuvres de l'équipage de pont d'avant-garde et de divisions, à l'usage de l'artillerie. Paris 1841. in-8. br. 1 rb. 95 cop.
- JEANNEY.** Calculs sur la sortie de vapeur dans les machines locomotives. Paris 1841. in-8. br. 1 rb. 85 cop.
- LOREAU,** du crédit foncier et des moyens de le fonder. Paris 1841 in-8. br. 2 rb. 15 cop.
- LAMBERT,** trigonométrie rectiligne, suivie de tables de logarithmes, pour les nombres et les lignes trigonométriques. Paris 1841. in-8. br. 1 rb. 70 cop.
- MALTHEUS.** Essai sur le principe de population. Brux. 1841. 2 vol. in-12. 2 rb. 30 cop.
- MARION.** Statistique militaire de la Belgique. Paris 1841. in-8. br. 70 c.
- MONDE,** (le) Atlas universel, par *Guibert*. Paris 1841. livr. 1 à 7, gr. in-8. 70 cop.
(*L'Ouvrage aura 84 livraisons.*)
- PAGE,** Compléments de géométrie analytique. Paris 1841. in-8. br. 1 rb. 15 cop.
- PAUTHIER.** Documents statistiques officiels sur l'empire de la Chine. traduit du chinois. Paris 1841. in-8. br. 1 rb. 30.

- SAVANGER.** Abrégé de l'histoire d'Allemagne. Paris 1841. 2 vol. in-12.
br. 1 rb. 95 cop.
- SISMONDI.** Histoire des Français. Tome 26. Paris 1841. in-8. br.
2 rb. 30 cop.
- SURRELL.** Etudes sur les torrents des Hautes-Alpes. Paris 1841. in-4.
br. 4 rb.
- TRÉSOR** de numismatique et de glyptique. Paris 1841. Livr. 233 à 241.
Folio br. à 1 rb. 60 cop.
- BAZIN,** du système nerveux de la vie animale et végétative, de leurs
connexions anatomiques et des rapports physiologiques, psychologi-
ques et zoologiques, qui existent entre eux. Paris 1841. in-4. br.
2 rb. 60 cop.
- BOURDIN.** Traité de catalepsie. Paris 1841. in 8. br. 1 rb. 30 cop.
- BOURGERY.** Anatomie de l'homme, livr. 15. Paris 1841. in-8. texte et
planche, folio, coloriée. 4 rb. 30 cop.
- BURDIN et DUBOIS.** Histoire académique du magnétisme animal. Paris
1841. in-8. br. 2 rb. 60 cop.
- CAZENAVE.** Etudes expérimentales et pratiques sur le nitrate d'argent
fondu et sur la cautérisation des rétrécissements de l'urèthre. Paris
1841. in-8. 30 cop.
- DUCCROS.** Guide pratique pour l'étude et le traitement des maladies
syphilitiques. Paris 1841. in-12. br. 1 rb. 15. cop.
- ENCYCLOPEDIE** des sciences médicales. Paris 1841. in-8. br. liv. 92 à
123. la liv. à 60 cop.
- FURNARI.** Traité pratique des maladies des yeux. Paris 1841. in-8. br.
2 rb. 15 cop.
- GIRARD.** Considérations sur les affections nerveuses. Paris 1841. in-8.
br. 60 cop.
- HIPPOCRATE.** Oeuvres, traduits par Littré. Tome 3. Paris 1841. in-8.
br. 3 rb. 40 cop.
- JACOBOWICZ,** du molluscum, recherches critiques sur les formes, la na-
ture et le traitement des affections cutanées de ce nom. Paris 1841.
in-8. br. 1 rb.
- JAHR.** Nouvelle pharmacopoe et posologie homoeopathiques, ou de la
préparation des médicaments homoeopathiques. Paris 1841. in-12. br.
1 rb. 70 cop.
- KIENER.** Spécies des coquilles vivantes, de la collection Lamarck et
du Musée Massena. Paris 1841 gr. in-8. livraison 67 et 68. br. 4 rb.
- LAUGIER,** des cals difformes et des opérations qu'ils réclament. Paris
1841. in-8. br. 75 cop.
- LEFOULON.** Nouveau traité théorique et pratique de l'art du dentiste.
Paris 1841. in-8. br. 2 rb. 30 cop.
- LENOIR,** de la Bronchotomie. Paris 1841. in 4. br. 85 cop.

- MAURY.** Traité complet de l'art du dentiste, d'après l'état actuel des connaissances. Troisième édition, par Paul Gresset. Paris 1841. in-8. et atlas br. 4 rb.
- MUSSET.** Traité des maladies nerveuses ou nevroses. Paris 1841. in-8 br. 1 rb. 85 cop.
- PHILIPPS** de la tenotomie sous-cutanée. Paris 1841. in-8. br. 2 rb. 15 c.
- ROQUES.** Histoire des champignons comestibles et vénéneux. Deuxième édition. Paris 1841. in-8. avec atlas gr. in-4. de 24 planches coloriées. 9 rb.
- TARADE.** Elémens d'anatomie et de physiologie comparées, dédiés aux gens du monde. Paris 1841. 6 parties in 8. avec planches. 3 rb.
- TURG.** Le médecin des douleurs, gouttes, rhumatismes, tic douloureux, scintique. Paris 1841. in-12. br. 75 cop.

Нѣмецкія.

- BARKOW,** Syndesmologie, oder die Lehre von den Bändern, durch welche die Knochen des menschlichen Körpers zum Gerippe vereinigt werden. gr. in-8. Breslau 1841. geh. 80 cop.
- BECHSTEIN,** die Volkssagen, Märchen und Legenden des Kaiserstaats Oesterreich, mit Stahlstichen. kl. in-8. Leipzig 1841. geh. 80 cop.
- BRECHT,** das Kriegswesen in Monarchien, ein Handbuch für Officiere. mit 10 Tabellen und 54 lithograph. Figuren. gr. in-8. Frankfurt 1841. geh. 2 rb. 40 cop.
- BERG,** die radikale Heilung der Muttermale. kl. in-8 Quedlinburg 1841. geb. 60 cop.
- BERG,** von der, Elementarbuch der englischen Sprache. gr. in-8. Hamburg 1841. geb. 50 cop.
- Elementarbuch der französischen Sprache. gr. in-8. Hamburg 1841. geb. 50 cop.
- BERICHT** über die wissenschaftlichen Leistungen im Gebiete der Entomologie gr. in-8. Berlin 1841. geh. 1 rb. 15 cop.
- BERND,** die Hauptstücke der Wappenwissenschaft, mit 900 Abbildungen auf 17 Tafeln erläutert. gr. in-8. Bonn 1841. geh. 5 rb. 40 c.
- BOLTER,** Lehrbuch der Statik und Mechanik fester Körper. gr. in-8. Berlin 1841. 1 rb. 5 cop.
- BROSENIUS,** 53 Anweisungen in der Buchbinderkunst. kl. in-8. Quedlinburg 1841. geh. 40 cop.

- BRUNS**, Lehrbuch der allgemeinen Anatomie des Menschen. gr. in-8. Braunschweig 1841. geh. 2 rb. 40 cop.
- COHEN**, über die hitzige Gehirnwassersucht der Kinder. gr. in-8. Hannover 1841. geh. 1 rb. 80 cop.
- COLOMBAT VON ISERE**, Behandlung der Frauenkrankheiten. gr. in-8. Leipzig 1841. geh. 3 rb.
- Orthophonie, oder Physiologie und Therapie des Stotterns und anderer Sprachgebrechen. gr. in-8. Quedlinburg. 1840. 80 cop.
- CONSTANT-VIGNIER**, Handbuch der Miniatur und Gouache Malerei, verbunden mit einer Abhandlung über Sepia und Aquarell, mit 4 Tafeln Abbildungen. kl. in-8. Quedlinburg 1841. geh. 80 cop.
- DANNECKERS WERKE** in einer Auswahl, mit einem Lebensabriss des Meisters, herausgegeben von Grüneisen und Wagner. gr. in-4. Hamburg 1841. geh. 3 rb. 40 cop.
- DITSCHNEIDER**, neuester und vollständigster Universal-Muster-Briefsteller. gr. in-8. Wien 1842. geb. 2 rb.
- EISENMANN**, die Krankheits-Familie Rheuma. 1 Band. kl. in-8. Erlangen 1841. 1 rb.
- ENDLICHER**, Enchiridion Botanicum, exhibens Classes et ordines plantarum accedit. Nomenclator generum et officinalium vel usualium indicum 8 maj. Viennae 1811. lig. 5 rb. 40 cop.
- ESTII**, in Omnes B. Pauli Epistolas. cur: Sausen. Tom I. 8 maj. Moguntiae 1811. 1 rb. 60 cop.
- FABELN**, 50, für Kinder, in Bildern gezeichnet von Speckter. gr. in-8. Hamburg 1841. geh. 65 cop.
- GALANTHOMME**, oder der Gesellschafter, wie er sein soll. kl. in-8. Quedlinburg 1841. geh. 1 rb.
- GEHEIMNISS** enthülltes der Fabrikation eines dem Champagner ähnlichen Bieres. kl. in-8. Quedlinburg 1841. versiegelt. 40 cop.
- GIESEBRECHT**, Annales Altaeensis, eine Quellenschrift zur Geschichte des 11 Jahrhunderts, aus Fragmenten und Excerpten dargestellt. gr. in 8. Berlin 1841. 1 rb. 80 cop.
- GILLMEISTER**, Sammlung wichtiger Erfahrungen auf dem Felde der thierärztlichen Praxis. kl. in-8. Leipzig 1841. geb. 1 rb. 35 cop.
- GOULD'S**, Monographie der Ramphastiden oder Tukannartigen Vögel von Sturm. 2 Hest. gr. in-4. Nürnberg 1841. geh. 5 rb. 40 cop.
- HAGEN**. Handbuch der Wasserbaukunst. 1 Theil, die Quellen, mit 21 Kupfertafeln. gr. in-8. Königsberg 1841. 9 rb. 90 cop.
- HARTMANN**, Conversations-Lexicon der Berg-, Hütten- und Salzwerkskunde 4 Bände. kl. 8. Stuttgart 1841. geh. 7 rb. 80 cop.
- Erd- und Süßwasser Gasteropoden. 1 — 3 Hest. Lex. 8. St. Gallen. 1841. 8 rb. 10 cop.

- HETTICH**, über das Heimweh, hauptsächlich in seinen Beziehungen zur Staats-Arzneikunde. gr. in 8. Stuttgart 1840. geh. 45 cop.
- HOFFMANN**, Christgeschenk. Unterhaltung für die Winterabende in Erzählungen, Fabeln und Sagen, für Kinder von 8–10 Jahren. mit 20 Bildern, gr. in-8. Stuttgart 1842. geb. 80 cop.
- Lebensweisheit in Fabeln, für die Jugend, mit 100 colorirten Bildern. gr. in 8. Stuttgart 1840. geh. 3 rb. 15 cop.
- die Zeichen der Zeit im deutschen Münzwesen. gr. in-8. Berlin 1841. geh. 1 rb. 15 cop.
- HEUNEFELD**, Chemie und Medizin in ihren engeren Zusammenwirken, in 2 Büchern. gr. in-8. Berlin 1841. 4 rb. 80 cop.
- KLENCKE**, Grundriss der Anthropologie. kl. in 8. Leipzig 1841. 1 rb. 20 c.
- KOPP**, über die Modification der mittlern Eigenschaften, oder über die Eigenschaften von Mischungen in Rücksicht auf die, ihrer Bestandtheile, mit 4 Tafeln. gr. in-8. Frankfurt 1841. 1 rb. 20 cop.
- über das specifische Gewicht der chemischen Verbindungen. gr. in-8. Frankfurt 1841. geh. 50 cop.
- KUHN**, das Preussische Baurecht. kl. in-8. Quedlinburg. 1841. 1 rb.
- das Preussische Forst- und Jagdrecht. nebst den gesetzlichen Bestimmungen über Ausübung der Fischerei. kl. in-8. Quedlinburg. 1840. 60 cop.
- KUNSTMANN**, Herbanus Magnentius Maurus, eine historische Monographie, mit einer Abbildung. gr. in-8. Mainz 1841. geh. 1 rb 20 cop.
- LANGBEIN**, sämtliche Gedichte. 4 Bände. kl. in-8. Stuttgart 1841. geh. 3 rb. 90 cop.
- LEHMANN**, gründliche Anweisung zur Schnell-Eisig-Fabrikation, mit 2 Steintafeln. kl. in-8. Quedlinburg 1841. geh. 80 kop.
- der wohlterfahrene Hefenfabrikant. kl. in-8. Quedlinburg 1841. geh. 40 cop.
- LEONHARD**, geologischer Atlas zur Naturgeschichte der Erde, mit 10 Karten und 1 Tafel mit Profilen, quer in-4. Stuttgart 1841. geh. 2 rb. 50 cop.
- LINKE**, der Bau der flachen Dächer, unter Benutzung des Lehms, der Lehmplatten, der verschiedenen Mastix, Compositionen der Harzplatten, der Puppe, des Asphalts, der künstlichen Erdharze und des Oel-Cements gr. in-8. Braunschweig 1840. geh. 2 rb. 25 cop.
- MARX**, die alte Musiklehre im Streit mit unserer Zeit. gr. in-8. Leipzig 1841. geh. 1 rb. 20 cop.
- MEYER**, Handbuch der Pflanzen-Pathologie und Pflanzen-Teratologie. 1 Bd. gr. in-8. Berlin 1841. 2 rb. 40 cop.
- MOHR**, Beiträge zur pathologischen Anatomie. gr. in-8. Kitzingen 1840. geh. 2 rb. 40 cop.

- MOLO**, über Epidemien im allgemeinen und Wechselfieber-epidemien insbesondere, nebst einer kurzen Darstellung der Schleimfieber-Epidemie in München im Jahre 1840. gr. in-8. Regensburg 1841. 1 rb. 80 cop.
- MULLER**, Abbildung und Beschreibung eines Erdäpfel-Schaukel-Pfluges. gr. in-8. Linz 1841. 90 cop.
- Satzlehre der deutschen Sprache. kl. in-8. Leipzig 1841. 6 cop.
- NAEGELE**, Catechismus der Schlosser-Kunst, zur gründlichen Belehrung junger Leute welche sie erlernen, und als Leitfaden für Zunftvorsteher. kl. in 8. Stuttgart 1841. geh. 45 cop.
- NEUBURGER**, praktisches Handbuch der Buchdruckerkunst, mit 19 Kupfern und 5 Beilagen. gr. in 8. Leipzig 1841. geh. 3 rb.
- NEUMANN**, pathologische Untersuchungen als Regulative des Heilverfahrens. 1 Bd. gr. in-8. Berlin 1841. 2 rb. 10 cop.
- PAMBOUR**, theoretisch praktisches Handbuch über Dampfmaschinen, mit 5 Figuren Tafeln. gr. in 8. Braunschweig 1841. geh. 3 rb. 30 cop.
- PHARMAKOPOEA BADENSIS**. gr. in-8. Heidelbergae 1841. geh. 3 rb. 60 c.
- PIORRY**, über die Erbllichkeit der Krankheiten. kl. in-8. Quedlinburg 1840. geh. 60 cop.
- POISSON**, Lehrbuch der Wahrscheinlichkeitsrechnung und deren wichtigsten Anwendungen. gr. in-8. Braunschweig 1841. geh. 3 rb. 30 c.
- RAMADGE**, die Engbrüstigkeit und das Asthna sind heilbar. gr. in 8. Quedlinburg 1841. geh. 80 cop.
- ROHVE**, die Kunst den Pferden das Scheuen abzugewöhnen. gr. in-8. Quedlinburg 1840. g. h. 50 cop.
- ROTH**, Theorie der Forstgesetzgebung und Forstverwaltung im Staate. gr. in-8. München 1841. 1 rb. 80 cop.
- RUBRON**, Grundriss der Naturlehre. gr. in-8. Wien 1841. geh. 2 rb. 40 c.
- SACHS**, der Leimbau durchaus verbessert und bewährt durch 20 jährige praktische Erfahrung, nebst der doppelten Harzplattendeckung, mit einer Kupfertafel. gr. in-8. Berlin. geh. 1 rb.
- SCHMIDT VON HEMENAU**, civilistische Abhandlungen. 1 Bd. gr. in-8. Iena 1841. geh. 1 rb. 20 cop.
- SCHULTES**, Anleitung zur landwirthschaftlichen Holzzucht und Waldbenutzung. gr. in 8. Gotha 1841. geh. 90 cop.
- SCHULZE**. Rathgeber für diejenigen welche Milch und Molkenkuren gebrauchen wollen. kl. in 8. Quedlinburg 1841. geh. 40 cop.
- SCHULZE**, die Weintrauben-Kur. Quedlinburg 1841. geh. 40 cop.
- SCHUMACHER**, der Aurikel-, Nelken- und Georginenfreund, nebst Abbildungen. kl. in-8. Minden 1840. geh. 30 cop.
- SIEBENHAAR**, die orthopädischen Gebrochen des menschlichen Körpers. kl. in-8. Leipzig 1841. geh. 60 cop.

- SUCKOW**, Beiträge zur Kenntniss Skandinaviens. gr. in-8. Iena 1811. geh. 60 cop.
- TEGNÉR**, Frithiofs Saga. kl. in-8. Hamburg 1841. geb. 1 rb. 30 cop.
- TEUSCHER**, das auf Erfahrung begründete Elementar-Buch zur Erleichterung des Lesenlernens. kl. in-8. Dresden 1811. geb. 20 cop.
- THESAURUS** literaturae theologiae Academicae. eur. Theile. Vol. I. in-8. maj. Lipsiae 1841. lig. 90 cop.
- THIBAUT**, Lehrbuch des französischen Civilrechts in steter Vergleichung mit dem römischen Civilrechte. 1 Bd. gr. in-8. Berlin 1841. 2 rb. 20 cop.
- TROSCHEL**, Leitfaden für den Unterricht im chirurgischen Verbands. gr. in-8. Berlin 1841. geh. 1 rb.
- VILSECKER**, Lehre vom römischen Choralgesange. gr. in-8. Passau 1841. geh. 65 cop.
- VOGFL**, Lexicon literaturae Academico Iuridicae. 2 Vol. Lipsiae 1840. lig. 2 rb. 25 cop.
- WAGNER**, Handbuch für Schaafmeister zum späteren Unterricht ihrer Untergebenen, wie auch zum Selbstunterricht für angehende Schäfer. kl. in-8. Quedlinburg 1840. geh. 40 cop.
- WELLSTED**, Reisen nach der Stadt der Kalifen. gr. in-8. Pforzheim 1841. geh. 2 rb. 40 cop.
- WENING-INGENHEIM**, die Lehre vom Schadenersatz nach römischen Rechte. gr. in-8. Heidelberg 1841. 1 rb. 60 cop.
- WILBRAND**, Leitfaden bei gerichtlichen Leichenuntersuchungen. in-4. Giessen 1841. geh. 65 cop.
- WILKE**, Clavis novi Testamenti philologica. 2 vol. 8 maj. Dresdae 1841. lig. 6 rb. 60 cop.
- WOELFER**, die ländliche und landwirthschaftliche Baukunst von Holz und Brettern, mit 42 sauber lithographirten Zeichnungen. gr. in-8. Quedlinburg 1840. 1 rb. 40 cop.
- WOLFF**, kurzgefasste gründliche Anweisung zur Erlernung der Reitkunst. in-12. Hamburg 1840. geb. 60 cop.
- ZIEMSEN**, über Ehe und Ehescheidung nach schwedischem Rechte. gr. in-8. Greifswalde 1841. 60 cop.
- ZOEPEL**, Grundsätze des allgemeinen und des constitutionel-monarchischen Staatsrechts. gr. in-8. Heidelberg 1841. geh. 2 rb. 40 cop.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ

СОЧИНЕНІЯ.

Для пѣнія.

MÉLODIES DE J. DESSAUER, AVEC ACCOMPAGNEMENT DE PIANO.

(Цѣны на серебро.)

1. Le Retour des promis. (1 rb. 7 cop.).
2. Plus d'Espérance. (1 rb. 7 cop.).
3. L'Odalisque. (1 rb. 7 cop.).
4. Le Retour à la chapelle. (57 cop.).
5. Le Ciel est pur. (1 rb. 7 cop.).
6. Sérénade de Marie Tudor. (57 cop.).
7. La Mer. (1 rb. 7 cop.).
8. La Prière pour tous. (57 cop.).
9. Marguerite pénitente (1 rb. 29 cop.).
10. Fandango. (1 rb. 29 cop.)
11. Reproche. (86 cop.).
12. Ninette. (57 cop.).
13. Adieu. (57 cop.).
14. Au loin. (57 cop.).
15. L'Aubade. (86 cop.).
16. Le Voyage de nuit. (1 rb. 29 cop.).
17. Le Voyage d'hiver. (83 cop.).
18. Le Retour. (57 cop.).
19. L'Ondin. (57 cop.).
20. Les deux cercueils. (57 cop.).
21. Sérénade. (57 cop.).
22. Le flot et l'enfant (1 rb. 7. cop.).
23. Le Torréador. (1 rb. 7 cop.).
24. L'Enfant mourant. (1 rb. 7 cop.).
25. La Prière du pasteur. (1 rb. 7 cop.)

COLLECTION COMPLÈTE DES MÉLODIES DE H. PROCH, AVEC ACCOMPAGNEMENT DE PIANO, ILLUSTRÉES.

1. Le Cor des Alpes. (1 rb. 7 cop.).
2. Calavresella. (1 rb. 7 cop.).
3. Le Chant du Czicosch. (1 rb. 29 cop.).
4. La Mourante. (86 cop.).

5. Gage d'amour. (86 cop.).
6. Si elle pense à moi. (1 rb. 7 cop.).
7. Le Rossignol captif. (86 cop.).
8. Ma Richesse. (1 rb. 7 cop.).
9. Barcarolle. (1 rb. 7 cop.).
10. La fille du pêcheur. (1 rb. 7 cop.).
11. Chant du voyageur. A elle. (1 rb. 29 cop.).
12. Le Mal du pays. (1 rb. 7 cop.).
13. L'Etranger. (1 rb. 29 cop.).
14. Les trois Compagnons, (1 rb. 29 cop.).
15. Là-bas (1 rb. 29 cop.).
16. Sur la Colline. (1 rb. 29 cop.).
17. Les Orages du coeur. (1 rb. 7 cop.).
18. Mon Rêve. (1 rb. 7 cop.).
19. Les deux Songes. (1 rb. 29 cop.).
20. Ton image. (1 rb. 29 cop.).
21. La jeune Fille aveugle et le crépuscule. (1 rb. 29 cop.).
22. Le Trouvère et le passant. (1 rb. 29 cop.).
23. Le Désir et les larmes du coeur. (1 rb. 29 cop.).
24. Je pense à toi. (1 rb. 29 cop.).
25. La Foi, l'espérance et l'amour. (86 cop.).
26. Le Ménétrier et l'hôtesse. (1 rb. 29 cop.).
27. Les joyeux Compères. (1 rb. 29 cop.).
28. Le Retour. (86 cop.).
29. Dans le Vallon. (1 rb. 29 cop.).
30. L'Orfèvre. (1 rb. 29 cop.).
31. La Voix du coeur. (1 rb. 7 cop.).
32. Le Pêcheur aveugle. (1 rb. 29 cop.).
33. L'Enfant au ruisseau. (1 rb. 7 cop.).
34. Tristesse et fleur de la montagne. (1 rb. 29 cop.).
35. Aux Etoiles. (86 cop.).
36. Vis-à-vis de ma fenêtre. (1 rb. 7 cop.).
37. Ma Plainte. (1 rb. 7 cop.).
38. Inquiétude. (1 rb. 7 cop.).
39. Adieu. (1 rb. 7 cop.).
40. Marie la Verte. (1 rb. 29 cop.)
41. L'Eglantine. (86 cop.).
42. Si j'étais la fauvette. (1 rb. 7 cop.).
43. Le Pauvre oiseau et tes yeux (1 rb. 29 cop.).
44. Dans le moulin. (1 rb. 29 cop.).

COLLECTION DES MÉLODIES DE F. SCHUBERT, AVEC ACCOMPAGNEMENT
DE PIANO, ILLUSTRÉES.

1. Adieu. (57 cop.).
2. Les Astres. (57 cop.).
3. Ave Maria. (75 cop.).
4. La Barcarolle. (1 rb. 29 cop.).
5. La Berceuse. (57 cop.).
6. La Cloche des agonisants. (1 rb. 29 cop.).
7. La jeune fille et la mort. (29 cop.).
8. La jeune mère. (57 cop.).
9. La jeune religieuse. (1 rb. 29 cop.).
10. Marguerite. (1 rb. 29 cop.).
11. Les Plaintes de la jeune fille. (1 rb. 29 cop.).
12. La Poste. (57 cop.).
13. Le Roi des aulnes. (1 rb. 29 cop.).
14. Rosemonde. (86 cop.).
15. La Rose. (86 cop.).
16. La Sérénade. (57 cop.).
17. L'Illusion. (8 cop.).
18. L'Éloge des larmes. (86 cop.).
19. Le Chasseur des Alpes. (86 cop.).
20. La Truite. (86 cop.).
21. Le Voyageur. (86 cop.).
22. Le Vieillard. (86 cop.).
23. Tu es le repos. (86 cop.).
24. Thécla. (57 cop.).
25. Auprès de toi. (86 cop.).
26. Le Chant de la caille. (86 cop.).
27. Suleika. (1 rb. 29 cop.).
28. La Vision (86 cop.).
29. Les Regrets. (86 cop.).
30. L'Exilé. (86 cop.).
31. Sois toujours mes seuls amours. (86 cop.).
32. L'Ebo. (1 rb. 7 cop.).
33. Pressentiment du guerrier. (1 rb. 7 cop.).
34. Chansonnette du ruisseau. (1 rb. 29 cop.).
35. L'Étoile du soir. (57 cop.).
36. Dans le bosquet. (86 cop.).
37. A Mignon. (1 rb. 7 cop.).
38. Les Adieux. (1. rb. 7 cop.).
39. Les Pêcheur. (1 rb. 7 cop.).
40. Sur le bord du lac. (86 cop.).
41. Le Meunier et le ruisseau. (86 cop.).

T. XLIX. — ОТА. VII.

51/4

42. Chanson des chasseurs. (86 cop.).
43. La Plainte du père. (86 cop.).
44. Le Mal du pays. (86 cop.).
45. A la mort. (57 cop.).
46. Désir de voyager. (1 rb. 29 cop.).
47. Les Larmes gelées. (86 cop.).
38. La Couleur favorite. (1 rb. 7 cop.).
49. Bonjour. (1 rb. 7. cop.).
50. Impatience (1 rb. 29 cop.)
51. Dans le lointain. (1 rb. 29 cop.).
52. Salut fraternel. (1 rb. 29 cop.).

(Всѣ эти сочиненія находятся въ музыкальных магазинахъ «Одесса», на углу Большой Морской и Герценовой, въ домѣ Штрауса, №. 114, и на Невской Пространѣ, у Казакаго Жесто, въ домѣ Энгельгардта, № 47.)

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ. Нашъ Карлъ Мейеръ возвратился изъ лѣтняго путешествія по Германіи и Франціи: онъ пробылъ нѣсколько времени въ Парижѣ, и вѣрные любители его нѣжной, блестящей игры съ удовольствіемъ узнаютъ, что онъ получилъ тамъ большой успѣхъ въ обществахъ артистовъ и знатоковъ. Кажется, что въ нынѣшнюю зиму мы наконецъ услышимъ и Листа. Говорятъ, будто, кромѣ него, собирается къ намъ еще Эрнстъ, искуснѣйшій изъ подражателей Паганини. Госпожа Даморѣ-Чинти уже давно находится въ Петербургѣ. Словомъ, есть надежда, что мы хорошо проведемъ зиму въ музыкальномъ отношеніи, хоть и теряемъ удивительнѣйшаго изъ новѣйшихъ артистовъ, Сервѣ. Онъ оставляетъ насъ, и вѣроятно на долгое время: ѣдетъ, черезъ Варшаву, въ Вѣну. Сервѣ, однако жъ, обѣщаетъ дать неутѣшнымъ обожателямъ своего волшебнаго смычка одинъ музыкальный вечеръ передъ отъѣздомъ. Исполнскій его талантъ, втеченіи нынѣшняго лѣта, усилился двумя новыми и важными преимуществами, — прилежнымъ трудомъ въ уединеніи, и превосходнѣйшимъ инструментомъ Страдиваріуса. Этотъ чудесный инструментъ, которому, вѣроятно, не было равнаго въ Петер-

бургъ, получилъ онъ изъ Парижа черезъ Вильюма : за него спрашивали пятнадцать тысячъ франковъ, но знаменитому артисту уступили за двѣнадцать. Это громъ и молнія въ рукахъ Сервѣ, котораго, послѣ новыхъ его трудовъ, и съ новымъ, могущественнымъ инструментомъ, почти нельзя узнать. Надо слышать его въ последнемъ сочиненіи, которое онъ назвалъ *Une Larme* : это — вѣчто баснословное!

М О Д Ы.

— Наконецъ наступили вечера, и магазины начинаютъ обнаруживать свои настоящія сокровища. Волшебникъ Гибберъ развѣсилъ цѣлый міръ новыхъ и блестящихъ матерій, восхитительныхъ бархатныхъ шарфовъ съ богато вышитыми концами, роскошныхъ шарфовъ-мантлѣ и плащей-бурнусовъ, самага милаго фасону.

— Изъ числа матерій для прогулокъ, самыми приличными почитаются *оттоманскіе бархаты*, зеленыхъ цвѣтовъ, — между зелеными самый модный *vert-chou*, — на платья, украшенныя тремя *biais*, съ разстояніями, и съ бахромками такого же цвѣту какъ бархатъ, бархаты свѣрыхъ цвѣтовъ, на платья и капоты съ аграмантными исторіями, расположенными въ видѣ передника, и съ мавританскими бантами. Нѣсколько, чрезвычайно красивыхъ такихъ костюмовъ обратили на себя всеобщее вниманіе въ последнее время на набережныхъ Невы и на великолѣпномъ тротоарѣ Невскаго Проспекта. Тутъ же замѣчено возвращеніе капотовъ съ маленькими пелеринами. Такіе же пелерины, обшитыя бахрамою, господствуютъ уже на осеннихъ плащахъ и на лучшихъ шубахъ.

* — Утренніе плафроки, robes de chambre, дѣлаются изъ шерстяныхъ тканей съ гроденаплевными кайтками; при нихъ — бѣлая коленкоровая юбка, обшитая въ самомъ низу полосой плюсовой кисеи.

— О платьяхъ должно сдѣлать важное предварительное замѣчаніе: той, которая хочетъ уронить себя въ общемъ мнѣніи, стѣитъ только надѣть платье съ воланомъ. *Biais* — *bias* — и ничего больше какъ *biais*: ихъ можно пришивать въ три, четыре, пять и шесть ярусовъ, и въ каждомъ по три выствѣ. На рукавахъ тоже *biais*, иногда образующія углы внизъ, *jockies*. Чѣмъ больше *biais*, тѣмъ новѣе и благороднѣе. Если *biais* не нравятся, такъ ужъ лучше — совсѣмъ гладкая юбка, съ плоскимъ и округленнымъ корсажемъ, гладкими узкими рукавами, платкомъ-канзу, кисейнымъ, вышитымъ, убраннымъ кружевами кругомъ и кружевными *jockies*. Мадамъ Гюмери, въ послѣднее время, сдѣлала въ этомъ родѣ нѣсколько прелестныхъ туалетовъ изъ зеленыхъ пу-де-соа. При нихъ надѣвается бѣлая атласная шляпка à la lionne, съ перьями на обѣ стороны, перевязанными розовымъ. Другія платья, особенно изъ пу-де-соа сѣрыхъ цвѣтовъ, имѣютъ аграмантную плетенку на юбкѣ, корсажъ шалью съ воротникомъ и двумя *biais* изъ шелковой матеріи; при нихъ — рукава узкіе, съ двумя *biais* углообразно и тремя кисейными *escvés* между кистью и локтемъ; платочекъ съ прошивками изъ валансіенскаго кружева, застегнутый спереди золотыми рѣзными пуговками; шляпка зеленая *vert-gré*, подбитая зеленымъ *vert-choi* и убранная кокильями изъ лентъ тѣхъ же двухъ зеленыхъ цвѣтовъ. Одно чудесное платье, изъ нанкинскаго пу-де-соа, было обшито широкими складками и бахромкой того же цвѣту; талія совсѣмъ гладкая съ отворотами, раскрывающимися до кушака; амазонка, работы мадамъ Джексонъ, то есть, воротничокъ, батистовый, вышитый и плюсовый, обшитый кружевомъ и застегнутый нѣсколькими золотыми пуговками; шляпка изъ голубаго африканскаго атласу, убранная бѣлымъ сиренемъ, окруженная перьями подъ-тѣнь; шарфъ изъ такаго атласу, шитый по концамъ. Прелесть! У мадамъ *Thiéggée*, въ домѣ Жако, въ Большой Морской, есть новыя, но самыя новыя, шарфы атласныя съ большими бархатными

разводами, сейчасъ изъ Парижа. Стоитъ также полюбоваться у нея на великолѣпное собраніе бархатныхъ парижскихъ цвѣтовъ.

— Нынѣшнія шляпки величиною не многимъ больше прошлогоднихъ, но длинныя, раскрытыя и округленныя, внизу, около подбородка, и очень поднятыя вверхъ надъ лбомъ.

Этотъ фасонъ вообще принятъ въ Парижъ, но въ Петербургъ онъ встрѣчаетъ сильное сопротивленіе, потому что лица въ такихъ шляпкахъ кажутся ужасно длинными. Весьма многія дамы съ несомнѣннымъ вкусомъ предпочитаютъ прошлогодній фасонъ. Матерія на шляпки самая благородная — бархаты *jasrés*, то есть, исчерченные. Цвѣты обыкновенно бархатные. Ленты и кружева дополняютъ ихъ уборку. На шляпкахъ-капоткахъ господствующій цвѣтъ — пансѣ. Между наколками первенствуетъ *coiffure à la Rachel*, прозрачная и очень милая; *à la lionne* и *à l'Isabelle* также очень красивы и модны.

— Одна изъ прелестнѣйшихъ новыхъ фантазій состоитъ въ манжеткахъ изъ очень широкаго кружева, упадающихъ на кисть, въ которыхъ красивая бѣлая рука плаваетъ какъ въ серебряномъ туманѣ.

— У мадамъ Шваліе, великолѣпное *trousseau* приводитъ посвятельница въ восхищеніе: особеннаго удивленія заслуживаютъ бѣлое атласное платье необыкновенной красо-

ты и очаровательный плафрокъ изъ бѣлой шерстяной кисеи, подбитый лиловымъ, съ чудесными аграмантами; также бѣлый кисейный пеньюаръ, подбитый розовою таетю, съ широкою кружевною прошивкою и кружевнымъ воланомъ, и множество наколокъ, одна другой прелестнѣе. Одно изъ платьевъ, сдѣланныхъ у мадамъ Шваліе, недавно произвело необыкновенное впечатлѣніе въ весьма изящномъ собраніи: оно было бѣлое моарѣ, убранное въ видѣ передника кружевомъ и кокильями изъ лентъ, приколотыми съ удивительнымъ вкусомъ. Шарфъ, сняго оттоманскаго бархату, по которому пышный гипюръ, положенный плоско, змѣлся неподобно, довершалъ этотъ простой и богатый нарядъ. *H — a P***.*

=

СОНЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ЖОЗЕФИНЫ. Въ іюнь тысяча-осемьсотъ-четвертаго года, знаменитая ворожея, маленькая, толстенная мадмоазель Ленорманъ, была на скорую руку возвана въ Мальмезонъ, къ мадамъ Бонапартъ, которую, за нѣсколько недѣль назадъ, поздравили императрицей.

— Пожалуйте сюда, любезная сивилла, сказала новая государыня входящей гадалщицѣ, которую она часто принимала у себя наединѣ. Я никогда еще такъ не нуждалась въ вашемъ искусствѣ и въ вашихъ совѣтахъ. Надо мнѣ растолковать чудный сонъ, который я видѣла. Сегодня поутру я крѣпко заснула. Вдругъ вижу огромную залу: множество государей, герцоговъ, маршаловъ, генераловъ, и Наполеонъ между ними. Всѣ вооружены, всѣ готовятся къ войнѣ. (Въ это время, дѣйствительно, начинали тайно поговаривать о возможности скорой войны съ Австріей.) Наполеонъ и австрійскій императоръ подходятъ другъ къ другу, снимаютъ шляпы, пожимаютъ себѣ руку, потомъ вдругъ отступаютъ, обнажаютъ шпаги и начинаютъ сражаться съ ужаснымъ ожесточеніемъ. Поединокъ ихъ продолжается около двадцати минутъ: они нанесли нѣсколько глубокихъ ранъ одинъ другому; противникъ Наполеона ослабѣваетъ, и роняетъ шпагу: тутъ всѣ бывшіе въ залѣ схватываются за шпаги и нападаютъ на моего мужа; онъ защищается какъ левъ, разитъ, побѣждаетъ всѣхъ. Но австрійскій императоръ, поднявъ свою шпагу съ земли, снова атакуетъ Наполеона и уже хочетъ проколоть его: я не могу выдержать dalje и бросаюсь между нихъ; они оба вонзаютъ мнѣ въ грудь свои шпаги. Я падаю, обнимая Наполеона. Нѣсколько времени, я, кажется, была безъ чувствъ. Наконецъ раскрываю глаза и вижу, что, вмѣсто мужа, я обнимаю какого-то страшнаго крокодила или дракона, который хочетъ пожрать меня. Въ груди моей еще торчитъ австрійская шпага. Я хочу ее вынуть, схватываю рукою за желѣзо, но, вмѣсто холоднаго желѣза, чувствую чью-то теплую руку:

смотрю, — это не шпага, а прекрасная молодая женщина, которая смотритъ на меня съ состраданіемъ, плачетъ, и въ то же время улыбается Наполеону. Тутъ Наполеонъ подошелъ къ намъ, взялъ ее за руку и повелъ къ какому-то возвышенію, наподобіе престола. Она сѣла на этомъ тронѣ. Съ ними сѣлъ и австрійскій императоръ. Всѣ окружили ихъ. Я осталась одна на полу: крокодилъ вѣжно лизалъ мои раны.... Вдругъ, смотрю, около меня танцуютъ. Музыка играетъ; балъ, всеелье, радость. Потомъ опять всѣ начинаютъ сражаться. Потомъ вдругъ зала пустуетъ: по ней рассказываетъ графъ Прованскій (Людовикъ XVIII). Наконецъ все это исчезаетъ, и я вижу передъ собою океанъ. Наполеонъ стоитъ одинъ на высокомъ утесѣ посреди этого огромнаго моря, протягиваетъ ко мнѣ руки, зоветъ меня къ себѣ.... Я иду по волнамъ, погружаюсь въ воду, борюсь, всплываю, опять иду по морю, поднимаюсь на воздухъ, и иду, лечу по воздуху.... Въ это мгновеніе я проснулась: солнце уже было высоко; я сидѣла на постели въ ужасѣ, и плакала.

Жозефина умолкла и ждала отвѣту гадалщицы. Мадонна-дезель Ленорманъ, выслушавъ ее съ величайшимъ вниманіемъ, нѣсколько минутъ сидѣла въ глубокомъ раздумьѣ надъ разложенными картами. Потомъ вдругъ лицо ея оживилось, глаза засверкали, губы зашевелились, и наконецъ она вскрикнула:

— Боже! какая блестящая судьба!.... Этого одинокаго утесъ среди океана — всемирное владычество! Эта молодая и прекрасная женщина, образовавшаяся изъ шпаги, вырванной изъ груди вашего величества, это — благоденствіе вашей династїи и всей Европы, которое родится изъ войны, потушенной вами, государыня, вашимъ ангельскимъ сердцемъ. Бубновый тузъ — Австрія, пиковый — Франція. Между ними трефовый тузъ, Англія, тайно возжигаетъ вражду. Посмотрите, государыня, на этого бубноваго короля: это — добрый и благородный австрійскій императоръ. Возлѣ него съ одной стороны бубновый, съ другой трефовый валетъ, тайный агентъ Англіи: этотъ усердно уговариваетъ къ войнѣ аудіенскій совѣтъ, — двойку, тройку, пятерку, семерку; онѣ всѣ согласны, но девятка еще имъ про-

тѣвнтся, и бубновый король клонится на сторону благомыслищей девятки. Онъ колеблется. Война можетъ сдѣлаться ужасною, истребительною, всеобщею. Онъ желалъ бы избѣгнуть войны, и тайно посылаетъ своего довѣреннаго, своего любимца, бубноваго валета, развѣдать о настоящемъ положеніи дѣлъ пиковаго короля.....

Спотолковательница остановилась. Слова ея сдѣлали глубокое впечатлѣніе на суевѣрную Жозефину. Императрица Французовъ стала разспрашивать:

— Что жь это за государь?... Наполеонъ?.... (Сивилла кивнула головою.) Какъ же поступить, чтобъ того-то совершенно склонить на свою сторону?

Сивилла не вдругъ отвѣчала на эти вопросы: она смѣшала карты, опять разложила ихъ таинственнымъ образомъ, посмотрѣла, и начала говорить:

— Австрійскій императоръ... такъ выходитъ по картамъ... прислалъ въ Парижъ своего тайнаго агента, который слѣдить за духомъ народа и направленіемъ умовъ, и отдаетъ отчетъ въ своихъ замѣчаніяхъ прямо самому императору. Онъ не имѣетъ ни какихъ дипломатическихъ порученій; его пребываніе здѣсь — тайна для самого австрійскаго посла.... Вашему величеству предоставлено предупредить грозу, быть орудіемъ благоденствія, вызвать своимъ добрымъ сердцемъ скорѣйшее появленіе этой молодой и прекрасной женщины, которая должна примирить свѣтъ....

— Охъ! это страшно! вскричала Жозефина, прерывая рѣчь мадамозель Леноршанъ. Что же я тутъ могу сдѣлать?

— Ваше величество можете приказать найти этого человека. Можетъ-быть, вамъ удастся очаровать его, привязать къ себѣ. Я не знаю ничего рѣшительнаго, ничего вѣрнаго, какъ расположить его въ свою пользу; но смѣло держу пари, что онъ уже здѣсь и выполняетъ свое важное порученіе съ неутомимостью и рѣдкимъ искусствомъ.

— Я подумаю объ этомъ, сказала съ важностью Жозефина.

И, въ продолженіи всего дня, бѣдная Жозефина въ самомъ дѣлѣ только о томъ и думала, какъ бы выполнить советъ гадалщицы. Прежде всего, ей пришло въ голову, что нужно имѣть повѣреннаго, надежнаго человека, и она естественно вспомнила о министрѣ полиціи Фушѣ; но, бла-

госаря инстинкту, которымъ одарены женщины, тотчасъ же смѣкнула, какой опасности подвергнется она, открывъ ему свою тайну, и принялась отъискивать, мысленно, другаго челоуька, по-вѣрнѣе.

Наступилъ вечеръ. Жозефина всё-еще говорила сама себѣ, что нужно подумать, и ничего не придумывала, какъ вдругъ ей докладываютъ о Камбасересѣ, который, за двѣ недѣли передъ тѣмъ, получилъ титулъ князя архи-канцлера французской имперіи. «Вотъ именно челоуькъ, какого мнѣ нужно! подумала Жозефина. Онъ, вѣрно, не изгнать мнѣ, потому что достигъ уже всего.» Камбасересъ былъ принятъ.

— Вы очень кстати, monsieur l'archi-chancelier. Я только-что думала-было послать за вами. Хочу поручить вамъ одно государственное дѣло.

— Государственное дѣло? сказалъ Камбасересъ, съ недоуарчивостью и удивленіемъ.

— Да, да!... очень государственное!... Вотъ послушайте. Мнѣ достоверно извѣстно, что Австрія имѣетъ въ Парижѣ тайнаго агента, которому поручено слѣдить за духомъ народа и направленіемъ умовъ. Ни имени этого агента, ни его титуловъ, ни мѣста, гдѣ онъ живетъ, ничего я не знаю; но непременно надобно отъискать его и распорядиться такъ, чтобы донесенія, которыя онъ посылаетъ къ своему государю, были въ нашу пользу. Вы понимаете всю важность услуги, которую мы окажемъ Франціи. Австрія теперь одна держава, которой силы для насъ страшны, потому что она увлечетъ за собою силы всѣхъ другихъ державъ. Собирается ужасная, истребительная гроза (Камбасересъ воблѣднѣлъ), и она можетъ превратиться во всеобщую войну: я это знаю навѣрное. Надо предупредить ударъ, открыть тайнаго агента....

— Чтѣ жъ! отвѣчалъ Камбасересъ. Ничего нѣтъ легче: стѣбитъ сказать Фушѣ.

— Ну, нѣтъ, возразила новая императрица: къ этой лисѣ я не имѣю ни малѣйшей довѣренности. Во-первыхъ, онъ все перескажетъ Наполеону, а тотъ разсердится, и дѣло будетъ испорчено. По-мѣому, надобно, чтобы императоръ рѣшительно ничего не зналъ, пока мы не достигнемъ цѣли.

Этотъ секретъ, до-времени, долженъ оставаться только между нами. Monsieur l'archi-chancelier, общаете ли вы помогать мнѣ всѣми средствами?

— Ваше величество, я почитаю себя счастливымъ, что могу оказать услугу государству и въ то же время сдѣлать удовольствіе вашему величеству. Можете быть увѣрены въ моей безпредѣльной преданности. Завтра, даже сегодня вечеромъ, я займусь этимъ дѣломъ.

Два часа спустя, князь архи-канцлеръ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, и, съ безпокойствомъ потирая себѣ лобъ, ворчалъ сквозь зубы: — Вѣдь вздумалось же ей поручить мнѣ отыскивать этого чловѣка!

Прошло два дня. Князь архи-канцлеръ былъ въ самомъ дурномъ расположеніи духа. Шпіоны его шныряли всюду, сыпали деньги пригоршнями, но ничего не могли открыть. Камбасересъ собралъ искуснымъ образомъ самыя подробныя справки обо всѣхъ Австрійцахъ, жившихъ въ Парижѣ; но и это не привело ни къ какимъ послѣдствіямъ. Онъ выходилъ изъ себя. Вдругъ ему докладываютъ, не угодно ли его свѣтлости принять мосё Леопольда Клію.

— Къ чорту его! закричалъ архи-канцлеръ; но, спустя мгновеніе, какъ бы опомнившись, сказалъ: — Хорошо, пусть войдетъ; я имѣю въ немъ нужду.

Леопольдъ Клію былъ изъ числа людей готовыхъ на все. Онъ уже нѣсколько разъ оказывалъ Камбасересу значительныя услуги. Ловкій и умный малой, Клію могъ бы скоро возвыситься, но разгульная жизнь не давала ему времени подумать о будущемъ. Архи-канцлеръ неоднократно доставлялъ ему выгодныя мѣста, и Леопольду стоило только трудиться: онъ могъ бы въ короткое время навсегда упрочить свое благосостояніе; но вѣтренникъ никакъ не могъ удержаться ни на одномъ мѣствѣ. Кончилось тѣмъ, что онъ четыре или пять разъ оставался безъ всякой должности и безъ куска хлѣба. Впрочемъ Камбасересъ не покидалъ его: онъ любилъ Клію за умъ, за ловкость, за веселое расположеніе духа, часто принималъ его у себя, и по-временамъ помогалъ ему деньгами, не упуская случая пожуричь молодаго чловѣка за беспорядочную жизнь и за мотовство.

Камбасересу пришла въ голову мысль поручить Клію

отысканіе австрійскаго агента, который не давалъ ему покою.

— Ну, господинъ вътрогонъ! что заставило васъ ко мнѣ пожаловать? Вѣрно, опять какое-нибудь приключеніе?..... пустота въ кошелькѣ?....

Леопольдъ хотѣлъ-было отвѣчать на эти предположенія, но Камбасересъ прибавилъ: — Слушайте что я вамъ скажу; слушайте внимательно. Вы должны теперь доказать мнѣ, стоите ли вы моею благосклонности. Я поручу вамъ одно очень щекотливое дѣло, которое требуетъ ловкости, терпѣнія, ума, но болѣе всего ненарушимой скромности.

— Ваша свѣтлость можете на меня положиться. Я счелъ бы себя чрезвычайно счастливымъ....

— Ну, хорошо, хорошо! Слушайте же что я буду вамъ говорить, и, потомъ, не упуская ни минуты..... за дѣло. Въ Парижѣ есть одинъ знатный Австріецъ, который скрываетъ свое званіе и имѣетъ особенныя причины желать, чтобы никто его не узналъ. Въ состояніи ли вы открыть этого человѣка безъ всякаго посторонняго пособія?

— Я готовъ, отвѣчалъ Леопольдъ: и не вижу тутъ ничего невозможнаго. Какъ-скоро ваша свѣтлость укажете мнѣ какіе-нибудь признаки, по которымъ бы я могъ, по-крайней-мѣрѣ напасть на слѣдъ.....

— Вотъ этого-то я и немогу сдѣлать, подхватилъ Камбасересъ. Человѣкъ, о которомъ идетъ дѣло, долженъ говорить по-французски какъ настоящій Французъ; онъ долженъ быть человѣкъ умный, тонкій, одаренный особеннымъ талантомъ наблюдательности; онъ долженъ играть важную роль въ обществѣ, чтобы имѣть доступъ всюду, все видѣть, все взвѣсить, обо всемъ сдѣлать заключеніе. Болѣе я ничего не могу вамъ сказать.... Правда, есть одинъ признакъ: онъ безъ сомнѣнія, непременно, ведетъ журналъ, въ которомъ записываетъ всѣ свой впечатлѣнія, потому что онъ долженъ очень часто писать въ Вѣну.... Теперь, надѣюсь, вы понимаете, что это такое, и можете сами смакнуть, какія губельныя послѣдствія произойдутъ отъ вашей нескромности или какого-нибудь необдуманнаго поступка. Ступайте жъ, и оправдайте довѣренность, которую я вамъ оказываю.

— Ваша свѣтлость, сказалъ Леопольдъ, вставая со стула, позвольте мнѣ замѣтить....

— А! да, понимаю, прервалъ архи-канцлеръ : старая пѣсня!....

— Во время розысковъ, которые мнѣ придется дѣлать по вашему порученію, продолжалъ Леопольдъ : я долженъ буду жить и вести себя такъ, какъ не позволяютъ мнѣ мои ограниченныя средства.

— Да, да, конечно.

Говоря это, Камбасересъ взялъ съ бюро маленькую шкатулку, подавилъ пружинку, и, вынувъ три свертка съ золотомъ, вручилъ ихъ молодому человѣку.

— Теперь, кажется, все? сказалъ онъ. Надѣюсь, что этого будетъ довольно на хлопоты. Въ случаѣ успѣху, вы получите особенную награду. Желаю отъ всего сердца, чтобы это дѣло послужило вамъ средствомъ выйти изъ жалкаго положенія, въ которое вы привели себя своими необдуманными поступками.... Прощайте!

Леопольдъ спряталъ деньги въ карманъ, и, съ трепещущимъ отъ радости сердцемъ, съ свѣтлымъ лицомъ, выбѣжалъ на улицу. Давно уже въ его карманъ и помину не было о такой важной суммѣ. На-радостяхъ, онъ почелъ долгомъ пуститься прежде всего въ Пале-Роаяль и пообѣдать у одного изъ тогдашнихъ модныхъ рестораторовъ. «Ну! думалъ онъ между-тѣмъ : я въ полной довѣренности у канцлера; это хорошо.... да! очень хорошо; но откуда однако жъ не слѣдуетъ, что я долженъ морить себя голодомъ : напротивъ! теперь-то я и долженъ принять особенныя попеченія о своемъ желудкѣ, тѣмъ больше что, разумется, я гораздо скорѣе открою таинственнаго Австрійца, когда хорошенько пообѣдаю. Известно, что всѣ великія мысли происходятъ изъ желудка.» У входу въ Пале-Роаяль, Леопольдъ встрѣтилъ одного изъ своихъ пріятелей, Француза, родившагося въ Венгріи, такого же пострѣла, каковъ былъ онъ самъ.

— Ахъ, Адрианъ! само небо тебя мнѣ послало. Я былъ въ глупой необходимости обѣдать одинъ.... Руку, ладонь мой товарищъ!.... пойдѣмъ, чокнемся!

— Ты говоришь какъ богачъ , и какъ мудрецъ въ то же время! отвѣчалъ Адрианъ.

— А почему жъ и не такъ? подхватилъ повѣренный архи-канцлера : развѣ я хуже этого народу?

— Нѣтъ!.... ктѣ говоритъ объ этомъ? Я по всему вижу, что ты сегодня при деньгахъ.

— И сегодня , и завтра.... всегда! Виданое ли дѣло , чтобы у чловека, который знаетъ честь себя, не было денегъ?

— Случается, mon cher!... вотъ, я первый! И, въ доказательство этой истины, я безъ церемоній скажу тебѣ, что ты долженъ дать мнѣ въ-займы пять или шесть червонцевъ.

— Фи, Адрианъ! что это за языкъ! какъ можно, между такими друзьями, какъ мы съ тобою!....

— То есть, ты мнѣ отказываешь?

— Въ пяти или шести червонцахъ.... разумѣется! Двадцать или тридцать наполеондоровъ.... это другое дѣло!.... хоть сію-минуту!... отъ всего сердца готовъ!.... Но прежде всего пойдемъ обѣдать.

Пріятели вошли въ ресторацію. Обѣдъ длился долго. Адрианъ вообще никогда не могъ жаловаться на природу за свой аппетитъ , да и Леопольдъ, въ настоящемъ случаѣ, чувствовалъ большое расположеніе къ порадованію своего желудка, который давно не встрѣчался съ лакомыми блюдами. За второю бутылкой шампанскаго, онъ съ братскимъ добротствомъ отсчиталъ Адриану двадцать пять новыхъ наполеондоровъ, но не вымолвилъ ни одного слова о порученіи архи-канцлера. Леопольдъ рѣшился приступить къ дѣлу на другой день , а нынѣшній вечеръ посвятить дружескимъ чувствамъ. Бесѣда была очень жива : вставая въ десять часовъ изъ-за обѣда, друзья заговорили оба разомъ, въ одинъ голосъ, какъ-будто у нихъ была одна голова и одинъ и тѣ же мысли :

— Ну, что же мы будемъ дѣлать?

— Мало ли что! продолжалъ Леопольдъ. Есть средство очень простое кончить вечеръ пріятнѣйшимъ образомъ: хорошо бы, напримѣръ, взорвать какой-нибудь банкъ царя Фараона.

— Именно такъ!.... Знаешь ли?... я увѣренъ, что мы съ тобой сегодня натворимъ тму чудесъ на зеленомъ сукии!

Черезъ нѣсколько минутъ два пріятеля весело взбирались по грязной лѣстницѣ картежнаго дому, известнаго въ то время подъ названіемъ le Grand Parhos; а около полуночи они спускались съ нея уже въ такомъ видѣ, что ихъ почти невозможно было узнать: лица искажены, одежда въ страшномъ безпорядкѣ, волосы включены. Кошелекъ Леопольда былъ пустъ.

— Что теперь будетъ со мною? говорилъ Леопольдъ въ отчаяніи. У меня ничего не осталось!... рѣшительно ничего!

— Что касается до меня, отвѣчалъ Адріанъ, то роль моя кончена: въ Сену, да и всё тутъ!

— И прекрасно! подхватилъ Леопольдъ. Какая идея!... Только у гризетокъ будетъ меньше однимъ любовникомъ, да слуга останется на нѣсколько времени безъ средствъ къ жизни.

— Средствъ къ жизни!... ммъ!... развѣ въ этой проклятой сторонѣ можно имѣть какія-нибудь средства къ жизни? Въ другомъ мѣстѣ, въ Австріи, въ Пруссіи, въ Россіи, я могъ бы, въ случаѣ невзгоды, приняться за уроки, учить французскому языку, какъ ни плохо самъ его знаю. Но какому чорту станешь учить Парижанъ?... захотятъ ли они у меня учиться по-венгерски!

— Боже мой! вскричалъ Леопольдъ такимъ голосомъ, какъ будто въ головѣ его блеснула необыкновенная мысль: ты знаешь по-венгерски?... Ну, такъ и по-нѣмецки, по-австрійски?... можетъ-быть, и по-словацки?

— Да, знаю. Что жъ изъ этого?

— Боже мой! продолжалъ его товарищъ: ты знаешь всѣ австрійскіе языки!... Ахъ, мой другъ! милый мой Адріанъ! мы спасены..... Ты знаешь по-венгерски!... Но въ такомъ случаѣ, ты уже просто не человекъ, ты князь... Да, да, Адріанъ! я жалую тебя княземъ. Помни же, съ этой минуты ты ваше сіятельство.... Ахъ! я правду давеча говорилъ, что само небо тебя мнѣ послало!... Когда я съ тобой встрѣтился, мнѣ былъ необходимъ какой-нибудь Австріецъ, какой-нибудь человекъ, который бы хорошо зналъ по-австрійски.... О! теперь я въ тысячу разъ счастливѣе Діогена: ужъ точно! могу сказать, что нашелъ человека!... Рѣшено, Адріанъ!

съ этой минуты ты Венгерецъ, ты князь... князь!... Постой, я приберу тебя самую венгерскую княжескую фамилию: князь Текели! Слушай же: ты князь Текели; ты путешествуешь по Франціи для наблюдений, следишь за людьми, выкапываешь во все, ведешь журналъ, часто пишешь въ Вѣну....

— Помилуй! что это за нескладница? спросилъ наконецъ Адрианъ.

— Не твое дѣло, мой другъ. Ты, пока, будь только княземъ. Развѣ этого мало тебя? Развѣ не пріятно быть княземъ?

— Да что мнѣ въ княжескомъ титулѣ, если онъ ничего не приноситъ?

— Принесетъ, мой другъ! принесетъ все, чего мы ни пожелаемъ! Но.... теперь пойдемъ спать: надобно освѣжиться къ завтрашнему дню.

— А будемъ ли мы завтра обѣдать, какъ сегодня?

— Еще лучше! Положись въ этомъ на меня и не заботься о будущемъ.

— По-крайней-мѣрѣ, объясни же мнѣ эту тайну.

— Тайну?

— Ну, да.

— Такъ тебѣ это кажется тайной?... Вотъ, ни дать ни взять, и мнѣ тоже!

— Однако жъ, мой другъ, я очень желалъ бы знать ее, по-крайней-мѣрѣ въ той степени, въ какой она тебѣ известна.

— Ничего нѣтъ легче: я самъ ничего не знаю.

— Такъ что жъ это за нелѣпница? зачѣмъ же ты хочешь выдавать меня за венгерскаго князя?

— Какъ зачѣмъ! это самая простая вещь въ мірѣ: я тебя произвожу въ венгерскіе князья, потому что мнѣ необходимъ австрійскій князь.... Ну, прощай же, прощай до завтра!

На другой день, рано поутру, Леопольдъ Кліодъ вошелъ въ кабинетъ архи-канцлера.

— Нашелъ, ваша свѣтлость!

— Неужели?... Но, въ такомъ случаѣ, вы сдѣлали чудо!

— Я сдѣлалъ все, чтобъ выполнить порученіе вашей свѣтлости, и ласкаю себя надеждою, что.... мы успѣли.

— Прекрасно, прекрасно, любезный Кло! Расскажите же мнѣ подробно: какъ вамъ удалось открыть австрійскаго агента?

— Мало того, открыть: я даже имѣлъ честь съ нимъ обѣдать. Прежде всего я долженъ сказать вашей свѣтлости, что, три года тому назадъ, во время путешествія моего по Швейцаріи я встрѣтился тамъ съ однимъ Венгерцемъ, человекомъ знатнаго происхожденія и очень сильнымъ въ Ванъ, гдѣ дядя его играетъ большую роль при дворѣ. Сходство возрастовъ и характеровъ скоро сблизило насъ до такой степени, что мы сдѣлались друзьями. Вчера, выходя отъ вашей свѣтлости, я вспомнилъ объ этомъ австрійскомъ вельможѣ, и въ ту же минуту мнѣ пришло на память, что я уже нѣсколько мѣсяцевъ встрѣчаю его въ Парижѣ. До-сихъ-поръ я избѣгалъ случаевъ возобновить съ нимъ знакомство, потому что мнѣ неприятно было явиться передъ нимъ въ образѣ бѣдняка, когда онъ зналъ меня достаточнымъ человекомъ. Но вчера, по великодушію вашей свѣтлости, это препятствіе уничтожилось; я рѣшился отыскать своего стариннаго знакома, и, хоть онъ перемѣнилъ фамилію, я нашелъ его. Онъ теперь называетъ себя барономъ Зильмеромъ, но настоящая его фамилія — князь Текелли. Онъ человекъ очень образованный, ловкій, любезный, но, въ то же время, до крайности скрытный и недоверчивый. Искусство управлять собою во всѣхъ обстоятельствахъ доведено у него до совершенства. Какъ бы то ни было, князь пригласилъ меня обѣдать, и за десертомъ мы долго разговаривали о перемѣнахъ, которыя случались въ послѣдніе два года во Франціи. Я замѣтилъ, что онъ старается вывѣдать отъ меня все, что здѣсь думаютъ о новомъ нашемъ государѣ: онъ дѣлалъ мнѣ такіе вопросы, которые показываютъ непростое любопытство путешественника, но чтѣ-то гораздо больше.

— Хорошо, мой милый, сказалъ Камбасересъ. Теперь, какъ вы уже возобновили свои прежнія связи съ этимъ человекомъ, вамъ остается сдѣлать только одно: привезти его ко мнѣ.

— Это, можетъ-статься, будетъ довольно трудно. Князь, какъ я имѣлъ честь докладывать вашей свѣтлости, чрезвычайно остороженъ. Впрочемъ смѣю надѣяться, что мое без-

предѣльное желаніе споспѣшествовать къ исполненію вашихъ плановъ дастъ мнѣ силу преодолѣть это затрудненіе..... Ахъ, ваша свѣтлость! теперь-то я вполне раскаиваюсь, что поставилъ себя въ такое жалкое положеніе....

Камбасересъ понялъ смыслъ этой патетической фразы.

— Какъ, чортъ возьми! вскричалъ онъ: я думалъ, что моего задатку станетъ больше нежели на одинъ сутки!... Но что за счеты между друзьями!

Камбасересъ опять открылъ свою благодатную шкатулку и, на этотъ разъ, вынулъ уже не три, а шесть свертковъ золота.

— Я очень доволенъ вашимъ усердіемъ и благоразуміемъ, примолвилъ онъ. Продолжайте начатое: вы этимъ окажете услугу, не только мнѣ, но и всей Франціи. Главное, привезите скорѣе ко мнѣ этого человѣка.

— Привезу, ваша свѣтлость: ручаюсь въ томъ головою!

И, въ самомъ дѣлѣ, Леопольдъ, на другой день вечеромъ, подѣхалъ съ Адрианомъ въ наемной коляскѣ къ дому архи-канцлера.

— Смотри же! говорилъ онъ дорогою: не забудь, что ты Венгерецъ. Говори по-французски сколько душъ угодно, но Австріи не упускай изъ виду ни на одно мгновеніе.

— Ужъ не безпокойся, отвѣчалъ небывалый князь Текелли. Неужели ты думаешь, что я не понимаю, какой опасности мы подвергаемся, въ случаѣ моей ошибки?

Камбасересъ принялъ мнимаго австрійскаго вельможу чрезвычайно радушно. Онъ искусно вывѣдывалъ изъ него, какъ вѣнскій кабинетъ расположенъ къ Франціи и, особенно, какое дѣйствіе произвело въ Вѣнѣ императорство Наполеона. Адрианъ ловко увертывался отъ полныхъ и ясныхъ отвѣтовъ, говорилъ съ совершенно дипломатической осторожностью, но въ то же время давалъ почувствовать, что скрытность эта можетъ уничтожиться при дальнѣйшемъ, болѣе короткомъ, знакомствѣ. Архи-канцлеръ, прощаясь съ нимъ, просилъ мнимаго князя посѣщать себя какъ-можно чаще.

Поутру Камбасересъ отправился въ Мальмезонъ обрадовать императрицу своими важными открытіями. Жозефина была въ восторгѣ. По любопытству, свойственному жен-

щину, она тотчасъ изъявила желаніе видѣть австрійскаго политическаго агента, в Камбасересъ, послѣ нѣкотораго сопротивленія, долженъ былъ обѣщать представить князя Текелли ея величеству.

Но прошло пять дней : ни о князѣ Текелли, ни о Леопольдѣ, не было слуху. Архи-канцлеръ выходилъ изъ терпѣнія и послалъ отыскивать Леопольда. Ключъ явился. На вопросъ архи-канцлера онъ отвѣчалъ, что вчера видѣлъ князя, но провелъ съ нимъ не больше пяти минутъ, потому что его сіятельство былъ чѣмъ-то весьма озабоченъ.

— Надобно, чтобы вы непременно сегодня его отыскали и пригласили ко мнѣ обѣдать, сказалъ Камбасересъ. Если встрѣтятся какія препятствія, уничтожьте ихъ. Возьмите мой экипажъ и привозите князя немного пораньше, такъ чтобы я имѣлъ время поговорить съ нимъ, прежде нежели соберутся гости.

Леопольдъ кинулся къ венгерскому князю, который давно ожидалъ его.

— Ну, мой другъ! наступила рѣшительная минута. Архи-канцлеръ приглашаетъ князя Текелли обѣдать, и мнѣ поручено привезти его.

— Ёду, отвѣчалъ Адрианъ.

— Напротивъ, не ѣдешь! возразилъ Леопольдъ : по-крайней-мѣрѣ не ѣдешь до тѣхъ поръ, пока я не приготовлю всего нужнаго. Позволь мнѣ заняться этимъ. Не пройдетъ и двухъ часовъ, какъ я ворочусь къ тебѣ съ полной инструкціей.

Леопольдъ опять явился къ Камбасересу.

— Ахъ, ваша свѣтлость, какое несчастіе! Вхожу къ князю и застаю его въ дорожномъ платьѣ. Всѣ вещи уложены, послано за почтовыми лошадьми. «Что это значитъ?» говорю я. Князь, по-секрету, открылся, что онъ самъ очень недоволенъ обстоятельствами, которыя принуждаютъ его къ поспѣшному отъезду, но что ему нужно ѣхать. «Я, говоритъ, вовсе не воображалъ, чтобы мнѣ было нужно такъ много денегъ для окончанія моихъ дѣлъ въ Парижѣ. Теперь у меня осталось столько, что я едва могу дохватъ приличнымъ образомъ до Вѣны. Прощайте, и молчите. Для меня всего важнѣе, чтобы никто не зналъ, что я жилъ въ Парижѣ. Извините же меня передъ его свѣт-

лостью; скажите ему, что только одни дѣла; которыхъ я никакъ не могу откладывать, заставляютъ меня отказать себя въ чести видѣться съ такимъ необыкновеннымъ человекомъ.»—Разумѣется, продолжалъ Леопольдъ, что я всѣми силами стараюсь уговорить князя: Я твердилъ ему, что онъ компрометируетъ меня передъ вашею свѣтлостью; что онъ долженъ принять ваше вѣжливое приглашеніе изъ одной благодарности за тотъ лестный пріемъ, который вы ему сдѣлали: все напрасно!.... не хотите ничего слушать, и вѣдетъ.

— Но точно ли вы увѣрены, сказалъ Камбасересъ: что князь въ самомъ дѣлѣ имѣетъ нужду въ деньгахъ, и что только это заставляетъ его вѣхать?

— Богъ знаетъ! отвѣчалъ Леопольдъ: мнѣ что-то кажется, какъ-будто онъ морочить. Полно, не предлагъ ли это, чтобы только вырваться изъ Парижа. Онъ могъ бы достать здѣсь все, чего ему надобно. Скорѣе слѣдуетъ думать, что онъ уезжаетъ по какимъ-нибудь тайнымъ причинамъ. Знаете ли что, ваша свѣтлость?... мнѣ пришло въ голову испытать его. Я скажу князю, будто у меня есть въ виду пятьдесятъ тысячъ франковъ, которые я могу ему дать взаймы. Онъ по-неволю долженъ принять эту ссуду, и, чтобы не обнаружить себя, останется въ Парижѣ хоть на несколько дней, нарочно для возвращенія бесполезно занятыхъ дѣлъ.

— Прекрасно! вскричалъ архи-канцлеръ. Поѣзжайте же, мой другъ! поѣзжайте скорѣе! Скажите, что я никогда не прощу ему, если онъ не приметъ отъ меня этой ничтожной услуги; скажите, что я хочу быть его банкиромъ, что каковы бы ни были его дѣла, онъ непременно долженъ обидать у меня сегодня, что я готовъ приказатъ запретить всѣ заставы, лишь бы имѣть это удовольствіе.

Черезъ четверть часа, Кліодъ былъ ужъ опять у своего друга. Оба отъ-души хохотали надъ легковѣрностью архи-канцлера, и потомъ вмѣстѣ отправились въ его великолѣпныя палаты.

Камбасересъ радостно вышелъ навстрѣчу къ мншному князю Текелли. Кліодъ въ двухъ словахъ далъ понять ему, что князь, кажется, вовсе не имѣетъ надобности въ день-

гахъ, и что все это была только одна уловка для благовидности выводу. «О! онъ тонкій дипломатъ, какъ все эти австрійскіе дипломаты!» подумалъ Камбасересъ, и далъ себѣ клятву пойдти Текелли, навязавъ на него долгъ въ пятьдесятъ тысячъ франковъ. Послѣ нѣсколькихъ обыкновенныхъ учтивостей, онъ отвелъ его ксторонь.

— Князь, сказалъ онъ: ежели вся Австрія судить объ насъ такъ невыгодно какъ вы, то она къ намъ очень несправедлива. Неужли вы думаете, что мы, Французы, не почитаемъ за долгъ, за особенное для себя удовольствіе, оказать услугу честному и благородному чловѣку?

— Извините, ваша свѣтлость, отвѣчалъ Текелли, какъ-бы въ смущеніи: я отдаю полную справедливость Франціи; но, неимѣя чести быть вамъ коротко знакомымъ и не желая ни съ кѣмъ сближаться во время нынѣшняго моего путешествія, я разсчелъ, что, при теперешнихъ моихъ обстоятельствахъ, мнѣ больше нечего дѣлать какъ уѣхать изъ Парижа.

— Послушайте, сказалъ Камбасересъ: я сочту личною для себя обидой, если вы не возьмете меня въ свои кредиторы!

— Нѣтъ, ваша свѣтлость! отвѣчалъ Текелли: вы очень великодушны, но я... я не могу принять вашего одолженія... я не могу принять его!...

— Вы должны его принять! возразилъ архи-канцлеръ: вы должны сдѣлать мнѣ это удовольствіе.

И, чтобы не дать князю вывернуться, онъ дотога настаивалъ на своемъ, что Текелли наконецъ сказалъ съ принужденной улыбкой: — Ну, нечего дѣлать! Очень хорошо, князь, я согласенъ.... если ужъ вы такъ обязательны.

«Попался!» подумалъ Камбасересъ, и, съ лицомъ, сіяющимъ радостью, крѣпко сжавъ ему руку, лукаво взглянулъ на стоящаго всторонь Леопольда, а тому сказалъ: — Впередъ, милый князь, не думайте отъ насъ уѣзжать такъ скоро. Не угодно ли вамъ войти въ мой кабинетъ? Тамъ мы въ одну секунду кончимъ все дѣло, и прошу, чтобы объ немъ и помпну не было.

Мнимый князь Текелли не заставлялъ долго себя просить. Восхищенный архи-канцлеръ отсчиталъ ему пятьде-

сять тысячъ франковъ. Князь хотѣлъ-было дать расписку, но архи-канцлеръ очень тонко отклонилъ его предложеніе, будучи въ душѣ увѣренъ, что его венгерское сіятельство черезъ недѣлю принесетъ къ нему тѣ же самыя банковыя билеты.

Обѣдъ былъ чудесный, одинъ изъ тѣхъ знаменитыхъ обѣдовъ, которыми архи-канцлеръ французской имперіи стяжалъ себѣ громкую славу, не умолкнувшую и до-сихъ-поръ между Парижанами. О винѣ нечего говорить: все, что есть отличнаго и рѣдкаго, подъ землею, украшало столъ роскошнаго Камбасереса, и слугамъ было строго наказано какъ-можно чаще подливать венгерскому князю. Но Адрианъ не поддался этой хитрости: смѣтливый малой, онъ пилъ за здоровье всѣхъ сидѣвшихъ за столомъ, былъ очень любезенъ, но не терялъ памяти. По окончаніи обѣда, все общество перешло въ гостиную. Камбасересь отвелъ Венгерца къ окну, подъ предлогомъ узнать его мнѣніе о томъ, какъ ему кажется изобрѣтенный Шапталеи сахаръ изъ свекловицы, находящійся въ кофе. Но скоро рѣчь была сведена на политику, на виды вѣнскаго кабинета, на расположеніе австрійскаго императора къ Наполеону. Адрианъ притворился сначала, будто онъ очень смущенъ, потомъ оправился и началъ говорить тихо, медленно, какъ-бы опасаясь быть подслушаннымъ, и взвѣсивая каждое свое слово.

— Я худо бы заплатилъ за ваше великодушіе, сказалъ онъ: если бы не далъ вамъ рѣшительно ни какого отвѣту; но, со всѣмъ тѣмъ, и самая услуга, которую вы мнѣ оказали....

— Э! можно ли стѣсняться такой бездѣлкой! прервалъ Камбасересь.

— Я совершенно доверяю вашей политической честности, продолжалъ мнимый Австріецъ: и докажу это тѣмъ, что открою вамъ все, что мнѣ самому извѣстно. Вы желаете знать мысли нашего императора и вѣнскаго кабинета насчетъ принятія короны Наполеономъ. Но ваша свѣтлость, конечно, знаете, что о такихъ вещахъ нельзя говорить, не обдумавши ихъ самымъ зрѣлымъ образомъ, и что словесное изложеніе подобнаго предмета можетъ заве-

сти мои за границы благодравуши и доуу. Мнѣ известно, что вы — самый близкій человекъ къ императору Наполеону. Безъ-сомнѣнія, вы передадите ему все, что услышите отъ меня. Конечно, въ этомъ еще нѣтъ ничего опаснаго, ничего неприличнаго; но дѣло въ томъ, что мои мысли, мои слова, могутъ дойти до Наполеона не въ настоящемъ своемъ видѣ, что они могутъ быть искажены, если не отъ произвольныхъ толкованій, то по-крайней-мѣрѣ отъ ошибки, отъ запаматованія. Поэтому, между нами, мнѣ было бы гораздо пріятнѣе изложить все письменно. Я даю вамъ слово, что черезъ два дня вы получите отъ меня записку, которая, надѣюсь, вполне удовлетворитъ васъ.

Камбасересъ нашелъ очень основательною такую предосторожность со стороны князя: онъ осыпалъ его учтивостями и ласками; старался всячески войти къ нему въ дружбу, очаровать его, и заключилъ тѣмъ, что вызвался представить еѣ императрицѣ Жозефинѣ.

— Я боюсь компрометировать себя, отвѣчалъ князь: мнѣ надобно, чтобы пребываніе мое въ Парижѣ никому не было известно.

— Будьте спокойны, возразилъ архиканцлеръ: я представлю васъ безъ всякихъ торжественныхъ церемоній, въ Мальмезо, за-просто. Нельзя же, чтобы вы, уважая въ Виу, не увезли съ собой яснаго понятія о томъ, что у насъ есть всего прелестнѣе, обворожительнѣе, величественнѣе.

— Очень хорошо, отвѣчалъ Темелли: я согласенъ!

— Завтра?

— Пожалуй, хоть завтра!

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого разговору, Камбасересъ подошелъ къ Леопольду Кло:

— Я вами чрезвычайно доволенъ! Вы показали такую ловкость, какой я, признаюсь, и не ожидалъ. Будьте увѣрены, что труды ваши не останутся безъ награды: я постараюсь доставить вамъ хорошее мѣсто.

Камбасересъ утопалъ въ восхищеніи, но друзья-плуты радовались еще больше его. Вышедши изъ дворца архиканцлера, они начали совѣтоваться, что теперь дѣлать.

— Я думаю, не худо бы прокатиться въ Англію, сказалъ Леопольдъ: а? какъ ты думаешь?..... не вхать ли завтра?

— Помилуй! завтра императрица дастъ мнѣ аудиенцію : я ни за что не поеду, но поздравившись съ Жозефиной.

— Смотри, Адриенъ, какъ-бы не дать промаху! Опасное дѣло!

— Что за опасное? Сама зоветъ : глупо упускать такой случай!

— Но это будетъ ужъ чертѣ-чуръ. По-моему, право, лучше бы вхаты!

— Трусъ!.... Нѣтъ, позволь ужъ мнѣ самому этимъ распорядиться. Ты видѣлъ, что я умѣю себя вести.... А мнѣ досмерти хочется послушать умной и любезной Жозефины.

— Ну, пожалуй.

На другой день, императрица Жозефина, уже предвѣдомленная Камбасересомъ о приездѣ князя Текелли, встала въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Утромъ Наполеонъ пріѣхалъ въ Мальмезонъ, и нашелъ ее очаровательною.

— Жозефина, сказалъ онъ, улыбаясь : ты сегодня необыкновенно хороша и мила.

— Это значитъ, что я довольна, отвѣчала она : счастье всегда къ лицу иному полу.

— А что жъ это за счастье? спросилъ Наполеонъ : не лѣзя ли и мнѣ, какъ мужу, дѣлать изъ него частичку?

Жозефина сначала не знала что дѣлать, говоря, что нѣтъ, но дѣлуга, которую она надѣялась оказать государству, казалась ей столь важною и столь важною, что она наконецъ рѣшилась во всемъ открыться. Наполеонъ слушалъ съ большимъ вниманіемъ.

— И вы увѣрены, что это не прутинъ? спросилъ онъ.

— Камбасересъ собралъ матеріалъ истиннымъ смѣлцемъ, отвѣчала императрица. Кроме того этотъ австрійскій агентъ обещалъ доставить ему записку, и вы можете сами разсмотрѣть ее. Эта бумага, вѣрно, уничтожитъ все ваши сомнѣнія.

Наполеонъ нѣсколько минутъ сидѣлъ въ молчаніи, потомъ всталъ, сказалъ императрицѣ, что она можетъ принять своего гостя, ноа самъ онъ съѣздитъ въ Парижъ, и отправился. Возвратясь въ тюльрійскій дворецъ, онъ тотчасъ потребовалъ къ себѣ министра полиціи.

— Ну, мосье Фушѣ! сказалъ онъ сердито : поздравляю

всѣ съ прекрасною полиціею! Австрія содержитъ въ Парижѣ тайныхъ агентовъ, а вы ничего и знать не знаете!

— Государь! спокойно отвѣчалъ герцогъ Отрантскій: это не правда.

— А я вамъ говорю, что правда! вскричалъ Наполеонъ, разгораясь. Князь Текелли живетъ здѣсь съ порученіемъ отъ своего правительства наблюдать за расположеніемъ умовъ. Слѣдите, сударь, какъ это случилось, что такой человекъ можетъ спокойно дѣлать здѣсь свое дѣло и не быть замѣченнымъ? Какъ это случилось, что вы ничего не знаете объ его пребываніи въ Парижѣ?

— Всѣ обманываютъ, ваше величество, возразилъ Фушэ. Австрія содержитъ въ Парижѣ однихъ только оффиціальныхъ агентовъ, а князя Текелли здѣсь никогда не бывало, и я не знаю, съ какою цѣлью выдумана эта басня, которой вы, къ несчастію моему, повѣрили.

— Но это не басня, говорятъ вамъ! закричалъ Наполеонъ съ нетерпѣніемъ. Князь Текелли, Венгерецъ, вчера обѣдалъ у архи-канцлера и признался самъ, что онъ присланъ отъ императора Франца.

— Государь, это какая-нибудь интрига. Я сейчасъ обнаружу ее. Только позвольте спросить: дѣло идетъ объ одномъ этомъ агентѣ, не болѣе?

— Да, объяснь, отвѣчалъ Наполеонъ, немножко смягчаясь. Если самого это изумило; но свидѣнія такъ правдоподобны, такъ положительны, что имъ нельзя не повѣрять.

— Я надѣюсь доставить вашему величеству свидѣнія еще ярче, оказалъ Фушэ. Князь Текелли мнѣ кажется очень подозрительнымъ.

— Можетъ-быть, отвѣчалъ Наполеонъ: нельзя же мнѣ самому все знать. Императрица сегодня принимаетъ его у себя; вѣроятно, онъ теперь уже въ Мальмезонъ. Поѣдемте.

— Сию-минуту, ваше величество. Позвольте мнѣ только зайти домой и взять одного изъ моихъ секретарей, который долго жилъ въ Австріи.

Между-тѣмъ какъ это происходило въ Парижѣ, архи-канцлеръ и мнимый венгерскій князь пріѣхали въ Мальмезонъ. Идти тотчасъ ввели въ апартаментъ императрицы. Камбасересъ предсталъ ей австрійскаго князя, и она приняла его

*

очень ласково. На вопросы, которые дѣлала ему Жозефина, поддѣльный князь отвѣчалъ свободно, естественно, не показывая ни какого смущенія. Жозефина, была чрезвычайно довольна: радость ея сквозила во всемъ, и въ словахъ, и во взглядѣ, и въ движеніяхъ. Архи-канцлеръ принималъ участіе въ разговорѣ. Дѣло шло, естественно, объ одной Австріи, и супруга Наполеона показала большую тонкость и смѣтливость. Вдругъ входятъ Наполеонъ, и нѣмъ Фушѣ. Князь Текелли ничуть не смѣшался: онъ только поклонился къ Камбасересу и сказалъ: — Неужели это — предательство?

— Надѣюсь, что вы этого не думаете, отвѣчалъ Камбасересъ. Я самъ не менѣе васъ удивленъ этимъ визитомъ.

— Простите меня, сказалъ Наполеонъ Жозефинѣ, сѣлъ вѣзля нея на диванъ. Я думалъ, что вы одинъ и хотѣлъ показать вамъ одного молодого креола, который говоритъ на всѣхъ языкахъ, отъ вашего природнаго до самыхъ малоизвѣстныхъ нарѣчій Азіи и Африки.

— Если этотъ креола говоритъ и по-венгерски, отвѣчала Жозефина, то вотъ князь Текелли, который можетъ лучше всѣхъ оцѣнить, хорошо ли онъ знаетъ венгерскій языкъ.

Адріанъ почтительно поклонился. Ввели секретаря министра полиціи. Фушѣ сѣлалъ ему вопросъ по-испански, Наполеонъ по-италіянски, Камбасересъ по-англійски, Адріанъ по-нѣмецки, по-венгерски, по-словацки. Секретарь отвѣчалъ каждому на особенномъ языкѣ и завелъ продолжительный разговоръ съ Адріаномъ.

Наполеонъ далъ знакъ Фушѣ, и она отошла всторону.

— Да, государь, я вижу, что этотъ человекъ умѣетъ говорить на всѣхъ австрійскихъ языкахъ; но это еще ничего не доказываетъ: я увѣренъ, что онъ просто плутъ.

— Ну, смотрите!.... только пожалуйста такъ, чтобы онъ не замѣтилъ, что за нимъ присматриваютъ. Мнѣ очень хочется прочесть записку, которую онъ обѣщалъ архи-канцлеру.

Между-тѣмъ архи-канцлеръ сѣлалъ какъ на иглохѣ, боясь, чтобы Наполеонъ не пугнулъ его за то, что онъ изложилъ сперва ему о своихъ развѣданіяхъ. Вся забота Камбасереса была — какъ бы по-скорѣе дать тягу изъ Мальмезона.

— Онъ воспользовался первою удобною минутою, выскочилъ и ухалъ, везя съ собою князя.

— Мнѣ очень досадно, говорилъ онъ дорогою, что императоръ одыалъ намъ этотъ сюрпризъ. Впрочемъ я надѣюсь на необыкновенный умъ императрицы: поѣздка ваша въ Мальмезонъ ни въ какомъ случаѣ васъ не компрометируетъ.

— О! конечно, отвѣчалъ Адрианъ съ простодушнымъ видомъ. Да вы напрасно и беспокоитесь. Неожиданное появленіе Наполеона, разумется, меня удивило, но какъ первая минута прошла, то и я очень радъ, что имѣлъ случай встрѣтиться лицомъ къ лицу съ такимъ человѣкомъ.

И, говоря это, Адрианъ клялся мысленно, что его уже не заманятъ сюда въ другой разъ. Простившись съ Камбасересомъ, онъ поспѣшилъ къ Леопольду.

— Ну, дружище! ты вчера хотѣлъ ѣхать въ Англію: я сегодня готовъ прыгнуть хоть въ Китай. Черезъ часъ вся полиція поднимется на ноги и начнетъ слѣдить за каждымъ нашимъ движеніемъ. Намъ надобно какъ-можно скорѣй юркнуть за границу!

Въ тотъ же вечеръ, князь архи-канцлеръ французской имперіи, вмѣсто записки австрійскаго агента, получилъ письмо, въ которомъ Леопольдъ Клідъ извѣщалъ его свѣтлость, что мнимый австрійскій агентъ былъ просто плутъ, который уже ухалъ въ Англію, и что онъ, Леопольдъ Клідъ, изъ усердія, отправляется за нимъ въ погоню.

Спустя нѣсколько времени, два молодые негодяя весело проматывали, не въ Англіи, а въ Карлсбадѣ, свои пятьдесятъ тысячъ франковъ.

Наполеонъ долго смѣялся надъ этимъ происшествіемъ, и самъ Камбасересъ принуждалъ себя смѣяться, но Фушѣ всегдѣ рассказывалъ, что архи-канцлеръ смѣется скрѣпя сердце. Что касается до Жозефины, то она, на зло этой грубой мистификаціи, по-прежнему видала разные чудные сны, а мадамъазель Ленорманъ продолжала толковать ихъ по картамъ, предсказывала императрицѣ будущее, объясняла настоящее и никогда не теряла ея довѣренности къ своему мнимому дару сверхъестественнаго видѣнія.

ПИЕТРО РАСТЕЛЛИ. Старые читатели гаветь безъ-сознѣнія вспомнить это имя, а наши художники, жившіе въ Римѣ, знали даже и человека, который носилъ его. Кто же былъ Пьетро Раstellи?... Это вы увидите дальше, если будете имѣть терпѣніе выслушать мою исторію.

Въ одной италіанской деревнѣ жили дѣвушка и молодой человекъ. Молодой человекъ назывался Пьетро Раstellи; дѣвушку звали Анджелиной. Пьетро былъ самый красивый мужчина во время околѣтокъ, и онъ это зналъ. Искусный-шій волокита не умѣлъ бы лучше его маневрировать съ женщинами; когда Пьетро являлся на танцы, красавицы оспаривали одна у другой право впропьясать съ нимъ тарантеллу. Анджелика хлопотала объ этомъ не меньше другихъ; но потому-то именно деревенскій дежда и старался казаться къ ней равнодушнымъ, потому-то именно онъ и улыбался презрительно, когда она трепещущимъ голоскомъ говорила съ нимъ о наслѣдствѣ, которое надѣялась получить по смерти своего дяди, деревенскаго аптекаря. Пьетро показывалъ видъ, будто не понимаетъ ея намъковъ, и ухаживалъ за другими дѣвушками, не заботясь о слезахъ миловидной прачки. Анджелика, нечего грѣха таить, занималась прачешнымъ ремесломъ, да и самъ красавецъ Пьетро былъ въ то время не болѣе какъ простой каменьщикъ.

Анджелика сохла отъ ревности и печали. Повесивъ головку на грудь, занятая однимъ своими мыслями, она часто позабывала выгладить отданное въ стирку бѣлье или оставляла на немъ горячій утюгъ и цѣлые часы просиживала не двигаясь съ-мѣста. Отъ этого вышли бѣды: спаливъ и испортивъ нѣсколько платьевъ, пригожая прачка, по поводу таковой неловкости, мало-по-малу лишилась работы; а между-тѣмъ Раstellи смѣялся надъ ея горестью и дѣлался еще холоднѣе въ обращеніи съ своею иппагогата.

Однимъ утромъ комната у Анджелики не отворилась въ урочное время. Прошелъ цѣлый день: дверь была заперта; прошла цѣлая недѣля: никто не видалъ хорошенькой прачки. Разнеслись слухи, будто она утопилась, и наставки, которыми прежде осипали бѣдную дѣвушку, превратились въ упрекъ нечувствительному Раstellи.

Но какъ ни жестоки были эти упреки, они ничего не зна-

шли въ сравненіи съ упрізиленъ собственною его совѣстью. Ему было каково, что есть девушки шалье и добре Анджелики. Смерть этой несчастной такъ сильно поразила его, что онъ рѣшился бросить родную и идти куда глаза глядятъ.

Въ одинъ прекрасный день онъ исчезъ, не сказавъ ни-кого ни слова. Можете судить о догадкахъ и разсужденіяхъ, къ которымъ подала поводъ неизвѣстность судьбы двухъ любовниковъ. Но надлежащемъ соображеніи всѣхъ обстоя-тельствъ, деревенскіе мудрецы рѣшили, что Піетро, подобно Анджеликѣ, наложилъ на себя руки.

Между-тѣмъ Растелли былъ живѣе конекъ. Новость мѣсть, которыми онъ проходилъ, если не совсемъ изгладила изъ его памяти воспоминаніе объ Анджеликѣ, то по-крайней-мѣрѣ столько развлекла его, что онъ могъ заниматься своимъ ремесломъ. Къ концу года, молодой повѣса уже задумы-вался снова пріятыя за любовныя похождения. Въ это время онъ поправлялъ гротъ въ виллѣ д'Эсте. Молоденькая горничная часто пробѣгала мимо Растелли и оборачивала голову въ ту сторону, гдѣ онъ работалъ. Піетро не устоялъ противъ искушенія, вздумалъ попробовать счастья, и пустился на любовныя продѣлки. Началось пѣніе куплетовъ, отъ которыхъ Анджелика приходила, бывало, въ отчаяніе, когда Піетро обращался съ ними къ другимъ дѣвицамъ. Рѣзвая горничная слушала вдохновенныя пѣсни Растелли; ка-меньщикъ удивлялся выразительность своего голоса. Но однажды, въ минуту самаго страстнаго изліянія чувствъ, вдругъ его скватили за воротъ и вытолкали изъ виллы. Это случилось съ нимъ такъ нечаянно, что онъ не успѣлъ подо-брать своей одежды и инструментовъ. Между-тѣмъ слуга, въ присовокупленіе къ толчамъ, объявилъ ему, что если онъ впередъ хоть разъ ногой ступитъ въ виллу, то на немъ сломаютъ цѣпкій возъ палокъ.

— За что? спросилъ Піетро.

— За то, что такъ барыня приказала, отвѣчалъ слуга.

— Верно синьера не любитъ мурышки....

Какъ бы то ни было, несчастный убрался изъ виллы д'Эсте. Ему было горько: въ виллѣ д'Эсте каменьщикамъ хо-рошо платили; управитель англійской леди, которая тутъ жила, былъ человекъ не очень расчетливый.

Бѣда рада приходитьъ сама : Піетро не зналъ ни какой работы и узналъ все умомъ нищеты. Напрасно онъ бродилъ изъ дому въ домъ, предлагая свои услуги : животно-давалъ дала каменщику-снѣтальцу. Онъ продалъ свой праздничный бархатный жилетъ, свою остроколючую шляпу съ лентами, продалъ даже свои башмаки съ пряжками. Нужда не довольствовалася тѣмъ, что заставила его страствовать почти безъ одежды и бесикомъ : она привела его въ бѣдственную необходимость или просить милостыни, или сдѣлаться воромъ.

Но Піетро не хотѣлъ прибѣгнуть ни къ тому ни къ другому средству, а рѣшился умереть. Подавъ вервѣй поившійся на дорогѣ обрывокъ веревки, онъ привязалъ его къ сучку дерева, сдѣлалъ петлю, надѣлъ ее на шею, сталъ на камень и прыгнулъ наземь.... Увы! веревка лопнула.

Между-тѣмъ какъ бѣдняга метался отъ нестерпимой боли, причиненной ему паденіемъ, мимо его проѣхала карета. Ему показалось, что онъ сошелъ съ ума, потому что въ этой каретѣ, онъ замѣтилъ Анджелику, — не ту Анджелику, которую онъ некогда знавалъ, Анджелику-крестьянку, прачку, бѣдную, печальную, влюбленную : нѣтъ! это была важная дама, съ презрительной улыбкой на губахъ, дама, которая не обратила ни малѣйшаго вниманія на нищаго, чуть не поившаго подъ колеса ея кареты. Совсѣмъ тѣмъ онъ былъ увѣренъ, что она его узнала : ему показалось даже, будто она съ насмѣшкою произнесла его имя.

Обдумавши хорошенько, Растелли приписалъ все это своему физическому и нравственному разстройству, поднялся на ноги и пошелъ въ городъ, посматривая кругомъ не найдеть ли другой веревки..... Въмѣсто веревки, попалась ему работа : какой-то подрядчикъ взялъ его къ себѣ и вскорѣ сдѣлался его другомъ. Джованно Рагтоццини не могъ слушать безъ хохоту, когда Піетро рассказывалъ ему про свои приключенія. Вся его усилія развеселить Растелли и выгнать изъ его головы образъ Анджелики не имѣли ни какого успѣху : воображенію Піетро безпрестанно представлялась Анджелика, въ блестящей каретѣ, запряженной четверью чудесными лошадьми. Онъ безпрестанно спрашивалъ самого себя, какимъ образомъ деревенская прачка могла съ-

латься барономъ, богачею, герцогу, достать такую многочисленную прислугу и такіе блестящіе экипажи.

Однажды онъ, за работою, мечталъ обо всемъ случившемся въ последнее время. Вдругъ передъ нимъ остановилась карета, запряженная четверней. Изъ кареты вышелъ иностранецъ, и заговорилъ очень свободно по-итальянски.

— Не ты ли Піетро Растелли, любезный другъ?

— Я, сударь.

— Хорошо. Возьми же этотъ кошелекъ: въ немъ много денегъ; садись въ мою карету, и поведемъ. Если ты поспеешь за мною, то будешь каждую недѣлю получать такую же сумму.

— Я, синьоръ! возразилъ изумленный каменщикъ.

— Что жъ? развѣ мало?... Ну, пожалуй, ты будешь получать вдвое, только поведемъ скорѣе.

Піетро машинально повиновался, сѣлъ въ карету, и лошади понеслись.

— Чего же вы отъ меня желаете? спросилъ онъ, думая что все это видитъ во снѣ.

— Ты каменщикъ?

— Да-съ.

— Ты работалъ въ виллѣ д'Эсте?

— Работалъ.

— Ты поправлялъ гротъ?

— Точно такъ.

— Что было въ гротъ?

— Статуя женщины.

— Не приходилъ ли кто смотреть гротъ?

— Приходили: какая-то барыня-Англичанка, неаполитанскій вельможа, горничная, нѣсколько слугъ.... такіе неучтивые.

— О чемъ же они говорили?

— Да о всякой всячинѣ. Вотъ, дайте припомнить....

И онъ подробно рассказалъ весь разговоръ.

— Ты получишь еще тысячу піастровъ! вскричалъ незнакомецъ, хлопая руками. Ну, а потомъ что они говорили?

— Ничего. Посмѣялись надъ статуею, да и ушли.

— Чудесно!

— Да что вамъ за дѣло до этихъ вздоровъ?

— Валерага!... Ты разведешь судьбу государя!

— Я!

— Да, ты, Пьетро Раствели, простой канцелярист.

— Какъ такъ?

— Развѣ ты не знаешь, кто эти дама и Исаколитанецъ?

— Нѣтъ.... Впрочемъ, мнѣ помнится, давай, который меня прогналъ, говорилъ, что это графиня ***.

— Это фамилія служанки, а не госпожи.

— Служанки!... А кто жь сама госпожа?

— Нѣтъ! подумалъ про себя незнакомецъ : пулей онъ въ самое дѣло ничего не знаетъ. Его свидѣтельство обтого будетъ еще ужаснѣе и гибельнѣе.»

Раствели продолжалъ дѣлать вопросы, но незнакомецъ рѣшительно приказалъ ему замолчать, и Пьетро не могъ не повиноваться чловѣку, который платилъ такъ щедро и казался очень важной особой.

Черезъ нѣсколько дней они прибыли въ приморскій городъ и пересѣли на корабль, который ихъ только и дождался, чтобъ поднять якорь. На корабль, Пьетро пересталъ уже спрашивать, во-первыхъ, потому что съ нимъ случалась морская болѣзнь, во-вторыхъ, потому что тамшественный путешественникъ не позволялъ ему ни съ кѣмъ говорить и ни на шагъ не отпускалъ его отъ себя, какъ-будто какого важнаго государственнаго преступника. Нѣсколько времени бѣдный Пьетро думалъ, что ему тутъ не слобровать; но сознаніе своего ничтожества и попеченія, которыми его окружали, вскорѣ разсѣяли эти мрачныя подозрѣнія. «Впрочемъ, рассуждалъ онъ очень благоразумно : я готовъ провести всю свою жизнь въ такомъ заточеніи ; гдѣ меня одѣваютъ какъ врица и кормятъ какъ нашего уздника судью.»

Наконецъ корабль пришелъ въ незнакомую ему гавань. Здѣшніе нивидѣ не носили италіянской одежды. Густой туманъ покрывалъ городъ, такъ, что Пьетро, смотря въ окно дому, гдѣ они остановились, съ трудомъ могъ разглядѣть улицу и прохожихъ. Его обхватила дрожь, когда онъ замѣтилъ, что на улицѣ нѣтъ ни одного доминиканца и капуцина : видимо, что судьба бросила его въ страну какихъ-то ужасныхъ еретиковъ.

Нобавившись отъ морской болѣзни, дантъ камонщикъ безъ-требуду спавъ къльа сутокъ. Когда онъ проснулся, ему оказали, что въ сосѣдней комнатѣ ждуть нѣсколько чело-вѣкъ, которые нетерпѣливо желаютъ его увидѣть. Пиетро вышелъ : его, въ самое дѣло, ожидали семь или осемъ важныхъ особъ. Вся они довольно плохо говорили по-ита-лійски ; повторяли тѣ же вопросы о незнакомой дамѣ и неаполитанскомъ господинѣ, которые предлагали ему това-рищъ по путешествію; и обнаружили чрезвычайную радость, когда Пиетро разсказалъ имъ о статуѣ и передалъ весь раз-говоръ дамы съ Неаполитанцемъ. Можно было подумати, что слова его рѣшаютъ судьбу цѣлаго міра : ихъ повторя-ли, толковали, записывали и наконецъ приказали камонь-щику, который, сказавъ мимоходомъ, не умѣлъ писать, по-ставить на каждой страницѣ по три креста.

Черезъ два или три дня послѣ этого, когда Пиетро ужъ начиналъ скучать своимъ одиночествомъ и замѣтилъ, что спать взаперти очень грустно, вдругъ онъ увидѣлъ на ули-цѣ молодую женщину, которая была закутана въ черной мантильѣ, и, казалось, дѣлала изъ-дали ему знаки. Раствели всмотрѣлся внимательно : точно, она дѣлаетъ знаки. Онъ отворилъ окошко, взглянулъ.... Santo Bonifaccio! это Анджелина! Камонщикъ водумалъ, что онъ сойдетъ съ ума. Между-тѣмъ Анджелика или призракъ Анджелики оставался на своемъ мѣстѣ. Пиетро глядѣлъ, не вѣрилъ гла-замъ.... но наконецъ надобно было повѣрить, и какъ же затренивало сердце его, когда дѣвушка, которую онъ давно считалъ погибшею, раскрыла свою мантилью, пока-зала веревочную лѣтницу и закричала по-италійски : — Пиетро! сегодня ночью, въ три часа!

День повезался влюбленному цѣлою вѣчностью. Дорож-ный товарищъ Раствели, воротившись домой, напелъ его въ сильномъ жару и хотѣлъ послать за докторомъ; но Пиет-ро отказался, легъ въ постель и притворился спящимъ. Его оставили одного. Надобно было воспользоваться этимъ слу-чаемъ, не терять ни минуты. Какъ предусмотрительный чело-вѣкъ, Раствели уложилъ за поясъ все свое золото, по-томъ связалъ въотъ своей престыни, чтобы спуститься по нимъ вълошко, и ожидалъ ночи. Въ три часа, подъ ок-

ночь Пиетро, явились два человека. Растелли не стал ждать нужное дожидаться когда они бросят ему ожидающую порочную лестницу, привстал къ балкону концъ одной простыни и въ-мигъ очутился на улицѣ. Анджелики не было. Два незнакомца схватили Пиетро, посадили въ карету, стоявшую за угломъ, и вскакали во всю конскую прыть. Черезъ десять минутъ, карета повернула на дворъ. Камешникъ не успѣлъ ступить съ каретныхъ подножекъ, какъ почувствовалъ на плечъ своею вѣжное прикосновение женской руки и въ то же время услышалъ свое имя, произнесенное какою-то женщиной, которая передъ нимъ стояла.

— Пиетро! мой Пиетро! наконецъ мы вмѣстѣ.

По голосу, это была Анджелика.

— Теперь насъ ни что не разлучитъ, мой милый, прибавила она. Мы уѣдемъ въ Италію. Мечты наши могутъ осуществиться. Скажи, хочешь ли ты взять за себя Анджелику?

И она увлекла Растелли въ ближнюю комнату, гдѣ, при свѣтѣ лампы, онъ увидѣлъ передъ собой молоденькую дѣвушку, одѣтую въ италіянскій деревенскій костюмъ, точь-въ-точь свою прежнюю Анджелику.

— Ты обо мнѣ сокрушался? ты меня любишь, Пиетро? говорила она. О! такъ я прощаю тебѣ все горе, которое вытерпѣла отъ твоей притворной холодности!.... Поѣдемъ въ Италію. Нигдѣ нельзя такъ любить, какъ въ нашей родной сторонѣ.

— Хорошо, отвѣчалъ Растелли: поѣдемъ! Только дай мнѣ напередъ кончить дѣло, за которымъ меня сюда привезли. Я, видишь, долженъ спасти одно государство.

— Спаси государство! вскричала Анджелика. Скажи лучше, погубить его.... Несчастный! изъ тебя хотятъ сдѣлать орудіе клеветы. Вѣчное проклятіе будетъ тяготѣть надъ твоимъ именемъ, если ты пріймешь участіе въ козняхъ людей, которые замышляютъ погубить черезъ тебя одну высокую особу.

— Высокую особу!.. какъ такъ? вскричалъ Пиетро.

— Да. Ея судьба въ твоихъ рукахъ. Разговору, который она имѣла съ неаполитанскимъ сеньоромъ въ гротѣ, гдѣ ты работалъ, придаютъ совсѣмъ другой смыслъ. Если ты раз-

скажешь его, то она погибла; но если ты тотчас же увидишь со мною, воротимся въ Италию, тогда все кончится благополучно. Она даритъ тебѣ за это Анджелику и огромное состояніе. Хочешь ли, Піетро?

Растелли не могъ противиться такой пропасти обольщеній, и черезъ часъ былъ на корабль, который несъ его въ Италию. Во время поѣздки, онъ, разумѣется, лишь-только оправдился отъ морской болѣзни, которая опять на него напала, сталъ осыпая Анджелику вопросами. Но Анджелика что-то не очень охотно отвѣчала ему: она ссыла-лась на клятву, которая будто бы препятствуетъ ея откровенности. Пріѣхавъ въ Римъ, Растелли просилъ скорѣе отпраздновать свадьбу. Анджелика была совершенно готова, только, по-несчастію, у ней не доставало какихъ-то нужныхъ бумагъ. Она была въ отчаяніи и съ нетерпѣніемъ ожидала курьера, который долженъ былъ привезти ихъ. Растелли началъ сердиться, грозилъ; но одинъ взглядъ Анджелики умиралъ его, и онъ все предоставлялъ ея волю.

Такимъ образомъ прошло нѣсколькомѣсяцовъ. Наконецъ въ одно утро, является прекрасный молодой человекъ съ гордой осанкой, и вручаетъ толстый пакетъ Анджеликѣ....

— Да узнаю ли я когда-нибудь, что это за тайны? вскричалъ Піетро.

— Узнаешь, отвѣчала Анджелика. Вотъ слушай. Англичанка, которую ты видишь въ гротѣ д'Эсте, была несчастная принцесса галльская, а господинъ, который провожалъ ее, мой близкій родственникъ Бергамини. Если бы ты рассказалъ что они говорили, то принцесса была бы бѣда: судьи, назначенные для рѣшенія ея дѣла, развели бы ее съ супругомъ. Затѣмъ-то враги принцессы и выписали тебя изъ Италию въ Лондонъ. Я обязана была все это поправить. Твой внезапный отъездъ привелъ въ отчаяніе англійскаго министра, и онъ не умѣлъ объяснить его ни самому себѣ ни парламенту. Дѣло приняло другой оборотъ. Лордъ *** потребовалъ, чтобы ты былъ непременно представленъ, а иначе, онъ называлъ выдумкою все написанное отъ твоего имени. Лордъ *** также возсталъ противъ твоего побѣгу: приписали его угрызенію со-

вести, робости и левотника, и довела обвинителя съ его сообщниками до того, что они принуждены были защищаться.... да, сами обвинители должны были защищаться! Наконецъ защитники принцессы объявили, что процессъ слѣдуетъ уничтожить какъ ложный, и англійскій вассалъ увидѣлъ себя въ необходимости взять назадъ свою доноску: это значило, что принцесса была признана невиною. Такииъ образомъ ты могъ погубить высокую особу, и ты спасъ ее.... ты, Пьетро, бѣдный каменщикъ!

Каменщикъ Пьетро сидѣлъ неподвижно какъ истуканъ, слушая это объясненіе.

— Но теперь, скажешь онъ ошогнавшись: если я спасъ эту особу, такъ следовательно могу вести тебя въ кароковь?

— Не думаю, возразила Анджелика, засмѣявшись.

— Почему же?

— Да потому что это невозможно.

— Какъ невозможно?... А обещаніе?

— Обещаніе? Что толку въ обещаніи, если его нельзя выполнить? Надобно впередъ оговорить и перестать тебе ненавидѣть.

— Такъ ты замужешь?

— За графомъ де-Кремона, подлѣ котораго ты нескъ видѣлъ въ каретѣ.... помнишь, когда ты однажды вечеромъ, вѣлясь на землѣ подъ деревомъ, а мы вѣдали?

— Я хотѣлъ удавиться съ отчаянія, что лишился дѣвушки, которую страстно любилъ.

— А жень. Ты хотѣлъ удавиться не отъ любви, а отъ бѣдности. Теперь пришла время расчету: долги платимъсь красенъ. Помнишь, какъ ты забавлялся моею признательностью? Точно такъ и я теперь забавляюсь твоею? Ты хотѣлъ надъ мной слезами и оскорблялъ меня за мою любовь. Я ужъ хотѣла лишиться себя жизни, какъ вдругъ получила письмо отъ Бергамы, который предлагалъ мнѣ это состояніе, полученное имъ отъ принцессы галильской. Наконецъ, въ гротъ виллы д'Эсте, развѣ ты не пѣлъ моей горничной твои стихи, которые сочинилъ когда-то въ честь моихъ соперницъ?... Вотъ почему я и вѣляла прочесть тебѣ!.... Словомъ; Пьетро, мы теперь квиты. Прощай!

Растелли выхватилъ ножъ изъ-за пояса, но безнадомощно, вторымъ привезъ Анджелику письмо отъ принцессы и четвертый бьвалъ на что другой, какъ самъ графъ, удержалъ руку убійцы, притворительно улыбнулся ему въ лицо; вывелъ жену и ужалъ съ нею въ Кремону.

Дать шесть суевъ, Пиетро Растелли можно было видать во всякъ мастерскихъ римскихъ живописцевъ, гдѣ онъ служилъ натурщикомъ. Онъ любилъ рассказывать свои похождения, проклинать вероломство Анджелики и говорить какую важную роль онъ игралъ въ судьбѣ гальской принцессы. Если кто-нибудь спрашивалъ его объ участи золота, которымъ его надарили Англичане, онъ со вздохомъ отвѣчалъ: — Проигралъ въ карты.

Вероятно, теперь Пиетро Растелли сдѣлался нищимъ и проситъ милостины, ходя по римскимъ улицамъ.

ВАНШУЛА, или вечеринка и танецъ негровъ. Балъ городскаго негровъ на Мартиникъ. Въ Африкѣ, вездѣ, гдѣ только есть негры, нѣтъ ничего любопытнѣе какъ ихъ «балы» и бамбула. Ночь — время величайшихъ наслажденій для негра; на берегахъ Сенегала и на всемъ мозамбикскомъ побережьѣ, также какъ на Мартиникъ и въ другихъ европейскихъ колоніяхъ, едва настанетъ ночь, — и негръ начинаетъ плясать, забывая, что работалъ цѣлый день, что ему бы нужно отдохнуть и подрапорхнуть своимъ. Барабанъ готовъ; негръ, который садетъ на него верхомъ какъ на лошадь, уже скинулъ рубашку, чтобы свободнѣе колотить по натянутой на немъ кожѣ. Ула! Уло! Барабанъ загрѣмѣлъ, бамбула зачалась.

Танецъ негровъ имѣетъ три качества, совершенно отличающія его отъ танцевъ, принятыхъ нынче въ Европѣ. Въ немъ есть что-то похожее на сумасшедшую пляску туземныхъ «кружащихся дerviшей», которые вертятся до упаду, для того чтобы впасть въ восторженное состояніе, и что-то похожее на тарантеллу, качучу, и на все первобытныя національныя пляски.

Первое отличительное качество негритянскаго танца заключается въ томъ, что танцующій никогда не отдѣляетъ ногъ отъ земли. Греки и Римляне передали намъ свою пля-

ску отъ припрыгиваніемъ, которая была нѣкъ священной и вѣсть театральною иллусію, и состояла изъ: искусство подниматься на некоторую высоту и выкидывать «разныя штуки» ногами. Марій, семь разъ избранный въ консулы, на старости лѣтъ еще гордился мастерствомъ, съ которымъ исполнялъ пиррическій танецъ въ полномъ вооруженіи, что, конечно, дѣлало не мало чести его поджилкамъ. Теперь этотъ родъ пляски названъ изъ гостинныхъ, и представленъ балету.

Негръ не танцуетъ съ припрыжкой: онъ, подобно нашимъ Башкирамъ, толчется на одномъ мѣстѣ, и чѣмъ болѣе одушевляется, тѣмъ сильнѣе колотитъ землю пятками; онъ пляшетъ и ногами, и руками, и головой, и всѣмъ тѣломъ. Онъ по-переменно принимаетъ двадцать невообразимыхъ положеній: то скорчится, то выпрямится, то опрокинется, то наклонится; глаза его то закрыты, то сверкаютъ какъ горячіе угли; онъ то улыбается, то сжимаетъ зубы; то бормочетъ, то говоритъ, то поетъ, то рыкаетъ какъ звѣрь; все его тѣло точно въ страшныхъ судорогахъ, все его члены крутятся какъ въ вихрь.

Другое отличительное качество его танца состоитъ въ томъ, что этотъ танецъ, какъ священная пляска кружащихся дѣрвишей, не ограниченъ известнымъ пространствомъ времени, а продолжается до изнеможенія танцующаго. Волній балетный танецъ имѣетъ свои условленныя фигуры: качуча подраздѣлена на три или на четыре послѣдовательныя движенія, которыя повторяются опредѣленное число разъ; всякая пляска основана на томъ, что, по прошествіи известнаго времени, надобно или повторять прежнія фигуры, или кончить. Негритянской танецъ оканчивается только тогда, когда танцующій выбьется изъ силъ и безъ памяти повалится наземь: тутъ ужъ «повторить» не возможно.

«Я видѣлъ на Мартиникѣ, рассказываетъ одинъ путешественникъ: негритянку, которая плясала,—по-крайней-мѣрѣ такъ меня увѣряли, семь битыхъ часовъ сряду. Я самъ смотрѣлъ на нее въ продолженіи четырехъ часовъ, но усталъ и легъ спать. Отъ-роду не видывалъ я ничего ужаснѣе. Этой женщины было лѣтъ около двадцати-шести; она

довольно дурна собою, мала ростомъ, худощава, но во всѣхъ чертахъ ея лица просвѣчивались пылкія страсти. Черезъ часъ послѣ начала своей пляски, она стала удивительно сильно пристукивать пятками; тѣло ея, отброшенное назадъ, находилось въ положеніи совершенно косвенномъ къ землѣ, такъ, что блуждающіе глаза ея были обращены къ небу; она пѣла какія-то непонятныя слова, голосомъ постепенно ослабввающимъ. По прошествіи еще одного часу, взоръ ея сдѣлался неподвиженъ, руки дѣйствовали живо и чрезвычайно страшнымъ образомъ, голосъ ея сталъ хрипокъ и издавалъ одни неопредѣленные звуки. Еще черезъ часъ, все ея тѣло подалось впередъ, глаза, казалось, обморачивали негра, который колотилъ въ барабанъ, изо рта била пѣна, звуки голосу со свистомъ вырывались изъ сжатыхъ губъ, и наклоненный станъ ея по-временамъ выпрямлялся, какъ-бы уступая силѣ невольныхъ, судорожныхъ движеній, которыя однако же постепенно становились слабѣе и слабѣе. Къ исходу четвертаго часу танца, бѣсъ пляски, казалось, овладѣлъ всеми неграми: тотъ, что сидѣлъ на барабанѣ, началъ возиться на немъ какъ угорьная кошка; два или три туземки, вооруженныя *канодми*, потрясали мизъ съ неистовствомъ; вся присутствующіе принялись и пѣть, и плясать; и посрединѣ этого пандемоніума, подъ вѣтвями тамаринда, при свѣтѣ двухъ факеловъ изъ дуплиа камеднаго дерева, негрятянка, упавъ отъ изнеможенія на колѣни, и упираясь въ землю подбородкомъ, не переставала махать руками, какъ раненая птица машетъ крыльями; она плясала головой уткнутой въ землю, плясала глазами вертящимися подъ полу-закрытыми рѣсницами, плясала ртомъ и отвислыми губами; потъ дѣлалъ съ нея ручьями. Она стала ужасна до отвращенія. Я ушелъ; но послѣ очень жалко, что не остался на другой день мнѣ сказывалъ, что негрятянка снова поднялась на ноги, и еще цѣлыхъ три часа плясала, во такую чудную пляску, которой нѣтъ имени, и о которой кто не видѣлъ ея собственными глазами, никогда не составитъ себѣ ни малѣйшаго понятія.»

Ясно, что такого роду танцы требуютъ величайшей крепости нервовъ. Женщины, вообще болѣе мужчины, способны къ восторженному состоянію, выдерживаютъ его до:

лве. За этимъ танцомъ всегда слѣдуетъ довольно странное явленіе: тѣло, послѣ ускоренныхъ и насильственныхъ движеній, подвергается на некоторое время влиянію судорогъ, которыя приводятъ его въ неудержимое, непроизвольное сотрясеніе, такъ, что когда танцующій, вовсе изнуренный усталостью, перестанетъ плясать и сядетъ, то еще на долго не можетъ удержаться отъ невольныхъ прыжковъ, въ родѣ прыжковъ гальванизируемой лягушки.

Третье качество негритянского танца, — и оно ему общее со всеми первобытными плясками, — заключается въ томъ, что онъ можетъ быть исполняемъ однимъ человекомъ. Негръ пляшетъ одинъ, и для одного себя. Конечно, иногда собирается плясуновъ пять и шесть около одного барабанщика, но если они и всѣ затанцуютъ вмѣстѣ, то всѣ-таки каждый будетъ корчиться и пѣть, кричать и кобениться по-своему, на свой собственный счетъ, и ради собственного удовольствія.

Нѣтъ на свѣтѣ ни одной гимнастической игры, то есть, рѣшительно ни одной, столь ужасно насильственной для тѣла, какъ негритянская пляска. Готовящіеся къ ней бѣльшую частію скидаютъ курточки и рубашки; платье женщинъ, которыя не раздѣваются, черезъ часъ отъ начатія танца, дѣлается такъ мокро отъ поту, что, буквально, хотъ выжми. Негры, не участвующіе въ танцѣ, но только смотрящіе на танцующихъ, тоже не остаются въ бездѣйствіи, и безпрестанно толкутся на одномъ мѣстѣ.

Оркестръ негровъ чрезвычайно незатѣйливъ: онъ всего-на-все состоитъ изъ барабана, который дѣлается изъ простаго боченка съ жѣлезными обручами, съ одной стороны обтянутаго кожей, а съ другой полога. Негръ садится на него верхомъ, и начинаетъ колотить по кожѣ своими черствыми ладонями. Музыкантъ обыкновенно раздѣвается, оставляя на себѣ одни панталоны. Такой барабанъ, будучи однажды навсѣгда закованъ обручемъ, не можетъ издавать болѣе одной ноты, и нѣтъ ни какой возможности, даже издали, принять его звукъ за звуки какого-нибудь музыкальнаго инструмента. Негры не находятъ ни какой гармоніи даже и въ европейскихъ военныхъ барабанахъ; они бьютъ по нимъ безпрерывно дробь, съ маленькой перемежкой че-

речь каждую секунду. Да и эти перемешки, какъ слышишь, ищезаютъ и слышишь, а только мгновенная убавленія слышишь звуковъ. Звукъ по-очередно идуть то выше, то ниже, и вой однообразно, впродолженіи шести часовъ. Пока одинъ негръ бьетъ по-ножъ, нагнутой на боченокъ, другой стучитъ въ бочка барабана деревянными палочками. Вся негры-креолы пляшутъ подъ эту музыку; негры-африканцы, особенно изъ племени Ибосовъ, сопровождаютъ звукъ барабана инструментомъ, который называютъ *какао*. Это родъ небольшихъ существыхъ тѣмъ, наполненныхъ жесткимъ горохомъ и привязанныхъ къ концу палии, которую они быстро вертятъ, не наблюдая ни какого кадансу. Впрочемъ, кто не имѣлъ случая видѣть негра, ступающаго по барабану, тотъ не можетъ имѣть понятія о всѣхъ гримасахъ, къ которымъ способенъ лице человеческое. Безпрестанная, въ одномъ усиліи сосредоточенная, дѣятельность физической силы, заставляетъ такова барабаничника дѣлать самыя странныя телодвиженія. Грудь его выдается впередъ, лицо судорожно сжимается, колени сдвигаютъ боченокъ, губы сдвигаютъ за движениемъ рукъ. Вся страданія истомы и вся порывы страстей, то есть, дѣя совершенныя противоположности, явно означаются въ положеніи и конвульсіяхъ негра-барабаничника, который терпитъ сугубое мученіе, потому что, въ пылу своего воображенія, заставляетъ плясать другихъ и пляшетъ самъ.

Однако же барабанъ и *какао* не составляютъ единственныхъ элементовъ негритянской музыки. У негровъ есть еще, — и это главное, — есть пѣсни. Вы, можете-быть, спросите: Да что жъ они поютъ? Все, что вамъ угодно, и во всякую пору, въ какую угодно. Возьмите любую негритянку, возьмите ее посреди сахарнаго тростнику, и велите ей пѣть. И она, если угодно, будетъ вамъ пѣть, битыхъ четыре часа, пѣсню, импровизированную на какой хотите предметъ. Негры импровизируютъ одинъ слова; что насчетъ до напѣвовъ, то у нихъ есть два или три голоса, на которые они постоянно поютъ. Негритянскія пѣсни разделяются на правильные куплеты, безъ рифмъ, на креольскіе напѣвы, и всегда имѣютъ припѣвъ. На всякой банбулѣ есть одна негритянка-корифей, которая запѣваетъ, а

*

контрабасные пюры; поначинаюсъ съ бону на бонъ и при-
ступлю къ пютамъ; подхватываютъ гѣроны! Одни изъ при-
звовъ замѣчается въ повторномъ словѣ: Уле. Это, ка-
жется, нарѣ тра-ла-ла-ла-ла.

Есть несчастно, «все на свѣтѣ колоритно», и нѣтъ вещи,
которая бы оставалась неизмѣнною. Негры въ колоніяхъ
считаютъ себя обязанными подражать европейскимъ танцамъ,
и приближились къ Штраусу и Мюзарю. Правда, это только
въ городахъ: селенія остаются въ ринны банбулы, барабану,
кхкомъ и преданіямъ, остаются въ ринны морчанъ, судоро-
гацъ, сиктио рубашекъ и босоногости. Не городскіе негрѣ-
сауги, которыя перенимають «хорошее» обращеніе и полу-
чаютъ «журналы моды», пускаются танцевать, илю, при-
дѣлѣе говоря, ходитъ кадрили, потому что нѣтъ при-
нито ходить, а не танцевать. Если вамъ случится быть на
Мартиникъ во время масленицы, и присутствовать на балѣ
негровъ-невольниковъ, который дается на «привилегіи-
нны» билеты, то можете явиться на этотъ балъ безъ при-
глашенія, но въ такомъ случаѣ должны вѣхать съ кымъ-нибудь
изъ городскихъ домовладѣльцевъ, который возмется пред-
ставить васъ своей горничной, и та благоволютъ принять
васъ благосклонно. Оркестръ составляется изъ самыхъ му-
зыкантовъ, нанимаемыхъ неграми, и все бываетъ въ луч-
шемъ вкусѣ. Мужчины приглашаютъ дамъ на танцы, по-
давая имъ центифольную розу: это прекрасная выдумка. На
такомъ балѣ собирается до ста «кавалеровъ» и столько же
«дамъ», всѣ черныхъ какъ головешки. Въ дамъ, безъ ве-
ключенія, одѣты въ бѣлыя атласныя платья, у некоторыхъ
съ малиновымъ корсажемъ. Какъ ни на одной изъ нихъ
нѣтъ волосъ, потому что нельзя же назвать волосами верш-
ковую шерсть въ завиткахъ, то все она носить на голо-
вахъ чалмы изъ цветной матеріи съ украшеніями изъ драго-
цѣнныхъ камней. Платья на нихъ съ длинными рукавами,
обшитыми англійскимъ кружевомъ, и на ихъ балыя пер-
чатки, бѣлыя шелковыя чулки, съ сквозными стрѣлками и
бѣлыя атласныя башмаки. Нигдѣ вы не встрѣтите такого
множества галантерейныхъ вещей, бирюзы, изумрудовъ и
жемчугу, что, разумется, все взято напрокатъ. Бесчис-
ленны ожерелья, браслеты, и все изъ чистѣйшаго золота; на

иметь светъ и гнѣтъ, разоблачить Европейца : онъ не дер-
заетъ минуть.

Кавалеры: въ свѣтъ, трѣпещутъ, трѣпещутъ, въ самомъ большомъ
шарахъ. Шляпы на явѣ, дообно, мажорные: отласные,
чисто бѣлая съ букетами, иногда бѣло-зеленыя, съ сереб-
ряныиъ галуномъ. Бѣлый галстухъ и бѣлые перчатки
составляютъ необходимую принадлежность къ туалету.
На груди видна батистовая рубашка со множествомъ бриз-
жей изъ брюссельскаго кружева, удерживаемыхъ бриллиан-
товой булавкой. Иснаднее платье въ полу-обтачку, черные
шелковые чулки, тоже сквозные, и гляцовыиъ башмаки,
отороченныя розовой ленточкой, довершаютъ нарядъ негра-
ешенебля. По печальному виду башмаковъ, вы сейчасъ до-
гадаетесь, что ногъ стоило великаго труда попасть въ нихъ.
Нога негра не подходитъ подъ правила башмачнаго иску-
ства, которое никакъ еще не можетъ справиться съ ея цѣт-
кой, откинутой назадъ, и съ оттопыреннымъ большимъ
пальцемъ. Кавалеры, по примѣру дамъ, носятъ на шеѣ фан-
тастическія золотыя цѣпочки, а при часахъ тму самыхъ
невѣроятныхъ подвѣсокъ.

У негровъ вошло въ обычай называть другъ друга фами-
ліями своихъ господъ, и даже выставлять ее на своемъ
бальѣ. Поэтому, вы безпрестанно слышите въ бальной за-
лѣ самыя аристократическія имена : Баронесса де-***! графъ
де-***! оборачиваетесь, и видите черно-лоснящееся лицо ве-
ликодѣльнаго негра, подъ-ручку съ красавицей-негритянкой.

Въ залѣ, гдѣ танцуютъ, жара нестерпимая; дамы безза-
ботно опахиваются батистовыми платками, вышитыми по
угламъ и обшитыми кружевомъ въ два пальца шириной.
Къ-несчастію, въ этой залѣ распространень такой неспо-
сный запахъ тараканами, что, съ непривычки, не мудрено
увасть въ обморокъ. Природа ужъ такъ устроила, что
негръ, если и красивъ собою, то всё-таки отъ него дурно
пахнетъ.

Теперь вы, по одному простому описанію одежды дамъ
и кавалеровъ, можете судить какая ужасная разница между
баломъ негровъ и ихъ бамбулою при барабанномъ боѣ. На
балѣ все дышетъ аристократическими приѣмами; оркестръ
играетъ чисте-штраусовскіе танцы, за исключеніемъ на-

ионныхъ обществъ въ нѣтъ; общество танцуетъ кадрили; кавалеры и дамы кокетничаютъ, точь-въ-точь какъ на европейскихъ балахъ, и вы также найдете между ними сомнѣющихся, что прежніе танцы Вострисса вышли изъ употребленія, а въ нынѣшнихъ нельзя указать всей своей граціозности. Но, несмотря на это, некоторые еще и теперь пренебрегаютъ «глосадами», и пускаются въ отчаянные «жетè-баттю».

Нѣсколько подробностей о паденіи Мюрата. Въ Лондонѣ вышла брошюра подъ заглавіемъ «Одннадцать лѣтъ, проведенныя въ семейномъ кругу Мюрата». Сочинительница ея, мистрисъ Davies, взявъ съ другой Англичанкой, мистрисъ Пульдорфъ, была гувернанткою при дочеряхъ сестры Наполеона, Каролины, супруги Іоахима Мюрата, еще до пожалованія его въ король, потомъ отправилась съ нею въ Неаполь, и оставалась въ ея семействѣ до разрушенія всѣхъ надеждъ Іоахима. Мы пропускаемъ время его величія, и приводимъ только любопытныя подробности паденія.

«Послѣ военныхъ событій тысяча-осемьсотъ-тринадцатаго года, когда союзники были готовы вступить во Францію, Мюратъ, носившій въ это время имя Іоахима Перваго, вступилъ въ сношенія съ Австріей. Она признала его неаполитанскимъ королемъ, и Іоахимъ объявилъ себя противъ Наполеона. Онъ владѣлъ своимъ королевствомъ впродолженіи всего вѣнскаго конгресса, несмотря что часто разсуждали о необходимости возвратить Неаполь законному владѣльцу, а для Іоахима прискать новое королевство въ Италиі или гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Когда Наполеонъ бѣжалъ съ острова Эльбы, Мюратъ выступилъ изъ Неаполя въ чело своего войска, объявивъ, что онъ вступается за дѣло Наполеона, какъ за свое собственное. Со времени заключенія договору съ Австріею и объявленія войны Франціи, всѣ Французы, служившіе въ неаполитанской арміи, оставили Мюрата и перешли въ войска вице-короля италіискаго. Впослѣдствіи опытъ показавъ ему, до какой степени Неаполитанцамъ не хотѣлось драться съ Австріей. Іоахимъ проигралъ сраженіе и, переодѣвшись, одинъ-единѣхонскъ.

вернулся въ Неаполь. Увидѣвшись съ Каролиною, онъ сказалъ : — Мнѣ не удалось умереть ! — И тотчасъ же рѣшился съ нею сѣсть на корабль, который отвозитъ его на островъ Ишію. Съ тѣхъ поръ Іоакимъ и Каролина нико не видались.

« Въ промежутокъ времени, протекшій между выступленіемъ короля въ походъ и этими послѣдними, горькими сдѣланіемъ, Каролина, страшаясь за безопасность своихъ дѣтей, рѣшилась перевезти ихъ въ Гаэту. Мадамъ Бонапартъ, маркиза, кардиналъ Фешъ, гувернантки, учителя, министры Пульсдорфъ и я, должны были сопровождать ихъ. Гаэта то время представляла одно изъ самыхъ крѣпкихъ мѣстъ всей Европѣ. Въ тревогахъ и суетахъ послѣдшаго отъѣзда намъ некогда было дѣлать большихъ приготовленій : собрались кое-какъ, многое оставили.

« Когда все было готово, дѣти пришли въ гостиную. Глазяхъ у нихъ были слѣзы : они какъ-будто предчувствовали, что видятъ эти палаты въ послѣдній разъ. Ахилъ, которому тогда было около одиннадцати лѣтъ, подошелъ мнѣ и, взявъ меня за руку, сказалъ : — Davies, вы боитесь непріятеля? — Нѣтъ, принцъ, отвѣчала я. — И не должно бояться, пока у меня есть сабля, прибавилъ мальчикъ.

« Въ это время, намъ дали знать, что мы отправимся раньше семи часовъ. Вдругъ прискакалъ курьеръ и доложилъ королеви, что человекъ сто бандитовъ ждутъ насъ большой дорогѣ. Это извѣстіе заставило отложить отъѣзд до полуночи. Мы были въ самыхъ критическихъ обстоятельствахъ. Наконецъ выехали подъ прикрытіемъ двѣнадцати человекъ волонтеровъ. За часъ до свѣту, мы встрѣтили верховаго, который сказалъ, что неподалеку отъ тѣмъ мѣста, гдѣ мы тогда находились, у бандитовъ слышана забота съ обѣихъ сторонъ дороги. Мы тотчасъ стали и до утра дня пробывши на мѣстѣ, посреди одной долины. Отправившись въ дальнѣйшій путь, мы встрѣтили человека, съхватившаго разбойниковъ, которыхъ велѣли капитанъ разстрѣливать: мы задрожали, взглянувши на нихъ. Гаэтинская мода была передъ нами. Мадамъ Бонапартъ, опасаясь, чтобы мужики не напали на дѣтей, пересѣла съ ними въ лошадку и отправилась прямо въ крѣпость, а намъ велѣли ѣхать ч

«Наша деревня во время провозу, въ одинъ часъ, не могла выдержать ни какой неурядицы. Губернаторъ привалъ насъ съ большимъ уваженіемъ и отдалъ намъ свои дома въ наше распоряженіе.

«На другой день мадамъ Бонапартъ и кардиналъ съѣхъ на корабль, который отправился во Францію. Англичане нѣсколько времени преслѣдовали ихъ.

«Королева присылала намъ провизіи, каждый разъ когда имѣла къ этому случай; но англійскія суда, крейсировавшія около береговъ, часто перехватывали посланное. Англичане арестовали всѣ рыбацкія лодки, принадлежавшія крѣпости. Это надвигало намъ множество бѣдъ: мы едва могли имѣть самое необходимое. Всегда, и болѣе всего, заботились о провіантѣ для войска. Королева, боясь, чтобы у насъ не случилось недостатку въ състныхъ запасахъ, присылала ихъ изъ Неаполя; а мужики задерживали все и не отдавали до тѣхъ поръ, пока губернаторъ не объявлялъ имъ, что онъ выжжетъ всю ихъ деревню.

«Спустя нѣсколько дней, намъ случилось видѣть, въ высокія крѣпостныя окна, бой между англійскими и неаполитанскими кораблями. Англичане направили огонь противъ крѣпости. Ядра летали надъ нашими головами, и мы принуждены были искать убѣжища въ подземелье. Цѣлую ночь огонь не прекращался ни съ той ни съ другой стороны; уже только утромъ пушки замолкли. Мы тотчасъ пошли къ губернатору завтракать. Тутъ ввели англійскаго офицера съ завязанными глазами: это былъ парламентёръ, предлагавшій сдать крѣпости на капитуляцію. Губернаторъ рѣшительно отказался. Когда этотъ отказъ дошелъ до Англичанъ, корабли ихъ выстроились въ линію противъ крѣпости и открыли огонь. Дѣти не успѣли еще отдохнуть, а надобно было опять искать спасенія въ подземелье. Цѣлый день и всю слѣдующую ночь мы не могли успокоиться. Выйти наверхъ значило рѣшиться быть разорваннымъ на мелкія части: канонада была ужасная и продолжалась непрерывно. Между тѣмъ въ подземелье была страшная сырость: вода такъ и текла по стѣнамъ. Чтобы сколько возможно уменьшить отъ нея дѣтей, слуги принесли изломанную телегу; устлала ее одеялами, и положила туда малютокъ, заботясь

«Вот ты знаешь, что случилось оттого, что ты была так близка к королю? Ты была так близка к королю, что ты получила болезнь, которую я теперь страдаю.»

«Когда пальба на несколько времени перемирилась, мы снова приближались к дому губернатора и нашли там одного неаполитанского офицера, который явился с известием, что король Иоахимъ въ деревнѣ и ждетъ, чтобы къ нему выслали часть гарнизону. Губернаторъ собралъ войска передъ своей квартирой и выслалъ имъ вина пить за здоровье короля. Дети, видя это изъ оконъ, были чрезвычайно разстроганы. Вся полки, исключая одного, кричали: «Да здравствуетъ король! за здоровье короля Иоахима!» Мятезному подку приказано было положить оружіе и сойти съ мѣста. Онъ повиновался, но лишь-только отошелъ на некоторо е разстояніе, какъ вдругъ по немъ съѣхали нѣсколько залповъ: многіе изъ бунтовщиковъ были убиты.»

Наконецъ губернаторъ послалъ войска къ Мюрату; но, вмѣсто короля Иоахима, въ деревнѣ стоялъ отрядъ австрійскихъ солдатъ. Это была военная хитрость: непріятелямъ хотѣлось выманить гарнизонъ изъ укрѣпленій. Завязалось жаркое сраженіе, кончившееся однако жъ ничѣмъ для той и другой стороны.

«Послѣ хлопотъ и бессонницы, на которыя блокада крепости осудила насъ въ прошлую ночь, мы надѣялись отдохнуть въ слѣдующую. Вмѣсто-того, только-лишь мы легли, началась опять пальба изъ пушекъ, и такая сильная, что мы не помнили себя отъ страха. Вся поспѣшно вскочили. Мистриссъ Пульсдорфъ увела принцевъ въ подземелье; между-тѣмъ я одѣвала принцессу, закутывая ихъ во все, что у насъ было теплаго. Идучи въ подземелье, мы вдоволь натрусились. Намъ должно было проходить по одному длинному корридолу. Сквозь частыя окна его поминутно летали ядра. Стоило приподняться, и на плечахъ не было бы головы: мы принуждены были пробираться подъ самыми окнами, ползкомъ по полу. Прежде нежели успѣли добратъся до подземелья, вдругъ подлѣ меня упала бомба; раздался пронзительный вопль, и одна изъ женщинъ, прислуживавшихъ принцессамъ, покатила на-земь. Я бросилась помогать; къ счастью, она упала только отъ испугу, а не была ранена. Мы ее подняли, и съ трудомъ продолжали дорогу.»

Мнѣ было очень досадно видѣть, что некоторые изъ Французовъ, жившихъ при королеви, стараются показывать внимательность къ дѣтямъ: будь другія времена, они вступали бы иначе.

«Въ такомъ ужасномъ положеніи мы жили семнадцать дней и до-сыта натерпѣлись: холодъ и голодъ, сырость и всякіе недостатки. Бѣдные дѣти занемогли; дошло до того, что у нихъ нѣсколько времени шла кровь горломъ. Солнце, которое намъ было такъ нужно и котораго мы такъ давно не видали, совсѣмъ какъ-будто забыло о насъ. Многіе, изнемогая отъ усталости, ложились на мокрую землю и, вмѣсто подушки, клали себѣ въ-головы камень.

«Послѣ отъѣзду Іоахима, королева еще надѣялась удержать Неаполь въ своей власти и ни за что въ свѣтъ не хотѣла сдаться Англичанамъ. Но народъ, видя, что англійскіе корабли готовы разрушить городъ, а можетъ-быть и желая возвращенія прежнихъ своихъ владѣтелей, принудилъ королеву повиноваться обстоятельствамъ. Коммодоръ Кембль, начальникъ одного семидесяти-четырехъ-пушечнаго корабля, почтительно объявилъ королеви, что ему приказано отвезти ея величество въ Триэсть какъ пленницу. Ей позволено было взять съ собой все, чего она пожелаетъ. Вслѣдствіе того были отправлены на корабль столовая посуда, бѣлье и разныя драгоценности. Сверхъ того королева приказала взять одну пассажирку, о родѣ и званіи которой вы никакъ не догадаетесь: это была любимая ея корова, объ одномъ рогѣ. Принцесса не хотѣла, чтобы, во время путешествія, у дѣтей не было молока.

«Приготовляясь къ отъѣзду, мадамъ Мюратъ была очень испугана заговоромъ, который составили противъ нее каторжники. Эти негодяи, большими толпами, собирались по условеннымъ ночамъ у арсенала, находившагося внизу дворца. Имъ хотѣлось продѣлать ходъ во внутренность зданія, не съ тѣмъ только чтобы обезопасить себя на случай побѣгу, но съ намѣреніемъ убить Каролину и предаться грабежу. Когда они были готовы привести въ исполненіе свой замыселъ, королева стала просить защиты у коммодора Кембля. Онъ въ ту же минуту прислалъ ей отрядъ морскихъ солдатъ, которымъ было приказано стрѣлять по злодѣямъ. Которы-

иначе отчаянно сопротивлялись, но Англичане смяли ихъ и многихъ положили на-мѣстѣ.

«Наступилъ день, назначенный для отъѣзду, Одавшись въ голубую амазонку, королева въ послѣдній разъ сѣла на прекрасную, любимую свою лошадь, и, въ сопровожденіи герцога де-Санто-Теодоро, отправилась въ паркъ благодарить войско, состоявшее изъ волонтеровъ, за преданность и вѣрность, которыя оно показало ей. Эти brave молодцы были тронуты до слѣзъ. Королева принуждала себя улыбнуться, но не могла подавить внутренняго волненія, и слѣзы у ней лились изъ глазъ безпрестанно. Потомъ она наклонилась, потрепала шею своего скакуна и простилась со всѣмъ, что принадлежало къ ея минувшему величію. Самое нечувствительное сердце заняло бы отъ состраданія при этомъ зрѣлищѣ. Послѣ прощанья съ войскомъ, королева еще разъ прошла по дворцу. Въ то самое время, какъ она въ послѣдній разъ спускалась оттуда по малой лѣстницѣ, принцъ Леопольдъ съ командой австрійскихъ солдатъ вступалъ съ параднаго входа. Королеву провожали двѣ дамы, два французскіе офицера, множество прислуги и генералъ Макдональдъ, за котораго она впоследствии вышла замужъ.

«Лишь-только королева пріѣхала на корабль, подняли паруса и пошли прямо къ флоту, стоявшему передъ Гаэтою. Прибывъ туда, она потребовала къ себѣ дѣтей. Принцы, узнавъ о случившемся въ Неаполь, залились слезами: несмотря на свой дѣтскій возрастъ, они вполне понимали свое несчастье.

«Италянскіе слуги—ужасные воры. У насъ ничего бы рѣшительно не осталось, если бы мы не упросили англійскихъ моряковъ перенести наши вещи на корабль. Эти Италянцы, которымъ королева сдѣлала столько добра, не имѣли къ ней ни малѣйшей привязанности. Вотъ одно изъ тысячи доказательствъ: я сама видѣла, какъ усердно они обвязывали и укладывали гитару Луизы, и что же!..... послѣ мы нашли одинъ пустой ящикъ, а инструментъ остался у нихъ!

«Мы немедленно пустились въ Триестъ. Свита королевы состояла изъ шестидесяти-двухъ человекъ. Ея величество усердно благодарила насъ за попеченія, оказанныя ей, дѣ-

такъ. На пути, мы встрѣтили короля Фердинанда, который ѣхалъ въ Неаполь съ англійскимъ флотомъ, для вступленія на престолъ. Капитанъ Кембль предупредилъ королеву, что онъ обязанъ сдѣлать салютъ въ двадцать-однѣхъ выстрѣлахъ.

«Черезъ одиннадцатъ дней прибыл мы на мѣсто. Капитанъ тотчасъ сошелъ на берегъ. Онъ былъ такъ убитъ, что салютовалъ двадцать-однимъ выстрѣломъ несчастной женщины, которая еще недавно была на престолѣ. Королева, сходя съ корабля, подарилъ капитану табакерку, украшенную алмазами, а для интригъ Кембль часы съ своимъ портретомъ и также съ алмазами. Все офицеры получили подарки, каждый по своему чину. Экипажу было роздано больше ста фунтовъ стерлинговъ. Когда мы сошли съ корабля, австрійскіе солдаты стояли въ строю по обѣимъ сторонамъ дороги, по которой намъ должно было идти къ дому, приготовленному для королевы. Мы шли пашкомъ, въ сопровожденіи капитана Кембля.

«Спустя нѣсколько дней послѣ нашего прибытія въ Триестъ, австрійскій императоръ потребовалъ королеву со всеми дѣтьми къ себѣ въ Вѣну. Она просила позволенія отложить эту повѣзку на нѣсколько времени, пока дѣти, которыя были все больны, немного поправятся и будутъ въ состояніи вынести безпокойства новаго путешествія. Согласились.

«Въ это время мы рѣшительно ничего не знали объ Іоакимѣ, гдѣ онъ, что съ нимъ дѣлается. Намъ было известно только, что онъ, оставивъ Неаполь, бѣжалъ на островъ Ишію. Но тамошніе жители составили противъ него заговоръ. Узнавъ объ этомъ, онъ виноградниками пробрался на морской берегъ и бѣжалъ въ Тулонъ. Два дня онъ скитался по скаламъ, опасаясь попасть въ руки французскихъ роялистовъ; наконецъ рѣшился зайти на какой-то небольшой хуторъ и попросить тутъ пристанища. Одна старушка ласково приняла его и попотчивала личницей: больше этого, она ничего не могла сдѣлать для него въ отсутствіе своего господина. Наконецъ хозяинъ хутора воротился домой. Король извинился, что зашелъ къ нему. Фермеръ благосклонно выслушалъ извиненіе, пригласилъ Іоакима

оставился; и, пришедъ къ столу, началъ вой-ду, какъ яички-ду. Такъ прошло несколько минутъ. Вдругъ хозяинъ зако-чалъ. Иоакимъ испугался. «Простите, ваше величество, я и осмѣлился при васъ сидѣть! вскричалъ хозяинъ. Вы вели-политавскій король: я узнаю васъ по портретамъ; кото-раре мнѣ случалось видѣть.» Онъ просилъ короля: нию чести не беспокоиться; и обещалъ сдѣлать все возможное, чтобъ скрыть его присутствіе у себя въ домѣ. «На адъс вашему величеству будетъ несовсѣмъ безопасно», прибавилъ онъ, и предложилъ Иоакиму спрятаться въ хижину, которая была не-подалеку отъ дому. Король долженъ былъ согласиться. Онъ перебрался въ назначенное убѣжище и принялъ всъ мѣры, чтобъ не быть захваченнымъ врасплохъ. Старуха цѣлую ночь стояла на-часахъ у окна фермы, а Иоакимъ спалъ одѣтый.

«На третью ночь служанка разбудила Иоакима и объявила, что, при свѣтѣ луны, она замѣтила блескъ нѣсколькихъ штыковъ. Король убѣжалъ въ садъ и спрятался въ шипов-никъ. Между-тѣмъ старушка успѣла задержать солдатъ у воротъ. Они обѣскали весь домъ, говоря, что Мюрать скрытъ гдѣ-нибудь здѣсь, что они навѣрное знаютъ объ этомъ; потомъ стали осматривать въ саду и такъ близко подошли къ убѣжищу Мюрата, что тотъ очень ясно слы-шалъ, какъ одинъ изъ нихъ изъявлялъ желаніе взоткнуть его голову на свой штыкъ. Однако жъ судьба благопріят-ствовала изгнаннику. Лишь-только солдаты ушли съ фер-мы, гостепріимный хозяинъ посадилъ Иоакима въ малень-кую лодочку, далъ ему двухъ гребцовъ и отпустилъ въ море. Скоро они встрѣтили корабль, который вѣвалъ Мюрата и высадилъ въ Корсикъ. Тамъ онъ рѣшился продать де-тихъ поръ; пока не будетъ рѣшена участь его жены и дѣ-тей. Вѣнскій кабинетъ предложилъ ему почетное убѣжище въ австрійскихъ владѣніяхъ. Мюрать сперва согласился и получилъ было бумаги для прозду въ Австрію; чтобъ соединиться съ своимъ семействомъ; но надежда возвра-тить себѣ свое королевство не позволила ему воспользо-ваться милостью, которая была у него въ рукахъ. Собравъ нѣсколько партизановъ и составивъ маленькій отрядъ, онъ направилъ въ Неаполь къ прежнему, своему камергеру, гер-

покуше Санта-Федере, чтобы тотъ арестованннхъ изъ-вину въ Кокабринъ. Писане прешло изъ руки новаго испанскаго правительства. Герцогаъ былъ призванъ и принужденъ написать, что онъ явится въ назначенное мѣсто. Несчастннхъ, зная, что онъ этакъ рѣшаетъ погибеть Иоахимъ, и, не имея средствъ: отъратить опасность, съ гора сдѣлался болѣнъ. Это было въ началѣ октября тысяча-оосемьсотъ-пятнадцатаго года. Сильная буря разметала маленькнй шлюкъ Мюрата. Шкиперъ судна, на которомъ онъ вѣхалъ, былъ подкупленъ: лишь-только Иоахимъ ступилъ на берегъ, онъ ушелъ съ кораблемъ своимъ въ море.

«Иоахимъ пустился скорѣе въ деревню, гдѣ думалъ найти герцога, но вдругъ увидѣлъ себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ мужиками и солдатами. Войско его разбѣжалось съ испугу. Онъ кинулся къ берегу, но.... корабли ужъ и слѣдъ простыли! Сопротивленіе сдѣлалось бесполезнымъ. Его взяли и отвели въ замокъ Пиццо, находящійся недалеко отъ того мѣста. Тотчасъ былъ собранъ военный совѣтъ, и участь Иоахима рѣшилась: черезъ нѣсколько часовъ его разстрѣляли. Мужество не оставило его и въ эти торжественныя минуты: онъ безъ трепету шелъ на казнь, приложилъ къ груди портретъ своей жены и не позволилъ завязать себя глаза. Смерть его была мгновенна: шесть пуль пробили сердце Мюрата. Шкиперъ, обманувшій его, былъ человекъ много ему обязанный. Провидѣніе покарало его за обманъ: едва онъ успѣлъ воротиться въ Корсику, какъ былъ зарѣзанъ сообщниками Мюрата.

«Мадамъ Мюрата находилась въ то время въ Виль. Она имѣла привычку читать одинъ журналъ. Домашніе, зная, что въ этомъ журналѣ описаны послѣдніе минуты Иоахима, вратили его отъ Каролины. Но разъ, вечеромъ, ей дали роковой номеръ. Она ушла съ нимъ въ свою комнату, прочтала все до конца, и болѣзненные припадки мучили ее втеченіи цѣлой ночи, между-тѣмъ какъ дѣти спокойно спали, не думая, что завтра увидятъ мать свою въ отчаяніи.

«Оба сыновья Мюрата впоследствии переехали въ Америку, женились, и теперь живутъ счастливо какъ частные люди. Въ тысяча-оосемьсотъ-тридцать-первомъ году, я по-

лучила письмо отъ старшаго изъ нихъ, Ахилла. Онъ писалъ, что у него есть сахарныя и хлопчатобумажныя плантаціи и что онъ сдѣлался адвокатомъ. Луціанъ, братъ его, занимается тѣмъ же. Старшая изъ двухъ дочерей, Летиція, вышла замужъ за маркиза Пеполи и жила въ Болонья; Луиза была за графомъ Роспони и жила въ Равеннѣ.

Мадамъ Мюрать долго оставалась въ убожищѣ, которое было дано ей австрійскимъ правительствомъ, и занималась воспитаніемъ своихъ дѣтей. Она не ждала о потерѣ короны, но всегда оплакивала трагическую кончину своего мужа; умерла во Флоренціи, осемнадцатаго мая, тысячаосемьсотъ-тридцать-девятого года, отъ той же болѣзни, отъ которой умеръ Натомсонъ, то есть, отъ раку въ желудкѣ. Она испустила послѣдній вздохъ на рукахъ брата своего Иеронима, бывшаго короля вестфальскаго, и дочери своей, графини Роспони. Всей жизни ея было пятьдесятъ осемь лѣтъ.»

Вотъ письмо, которое она за два года до своей кончины, писала къ мистриссъ Девисъ, находившейся тогда въ Англіи:

«Милая Девисъ, я съ удовольствіемъ получила ваше письмо. Мнѣ очень пріятно слышать, что вы насъ помните и по прежнему любите. Но не могу понять одного, — отчего вы почти безирестанно больны. Я также много страдала, но путешествіе помогло мнѣ. Живя во Флоренціи, я меньше чувствую боли въ желудкѣ.

«Въ слѣдующемъ году надѣюсь быть въ Лондонѣ. Нужно посмотреть на своихъ сыновей и на ихъ семейства, которыхъ я совсѣмъ не знаю. Когда мы всѣ будемъ вмѣстѣ, я напишу вамъ, чтобы вы къ намъ пріѣхали. Я часто получаю извѣстія о дѣтихъ. Всѣ они, слава Богу, живутъ хорошо. У Летиціи четверо прекрасныхъ малютокъ, у Луизы трое, у Луціана двое, у Ахилла ни одного.

«Мнѣ очень пріятно было видѣть даму, которая доставила мнѣ ваше письмо. Я много разспрашивала ее объ васъ. Посылаю вамъ съ нею на память одну бездѣлку. Зная ваше положеніе, я очень жалью, что ничего другаго не могу сдѣлать; но это рѣшительно невозможно.

Прощайте, моя милая Девисъ! прощайте до следующего года, если только ни что не помешает моему намерению.

Каролина.

Юля, 30, 1837.

НОВЫЯ КНИГИ.

ПОЛУЧЕННЫЯ ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ ГРЕФА

(на углу Невского Проспекта и Александровской Площади)

Французскія.

(Имена на оборотѣ.)

ABECÉDAIRES et ALPHABETS ILLUSTRÉS et amusants, contenant chacun une collection de 24 dessins lithographiés et coloriés avec le plus grand soin. Paris 1841. in-18. de 80 cop. à 1 rb. 50 cop.

AGES (LES SIX) DE LÉONTINE. Paris. in 12. cart. 1 rb. 50 cop.

ANGLAIS (LES) PEINTS PAR EUX-MÊMES, édition illustrée par Kelly Meadows. Paris 1841. T. 2. gr. in 8. br. 4 rb. 30 cop.

BOSSUET, lecture, graduée, ouvrage dans lequel des difficultés de lecture sont simplifiées et présentées graduellement. Paris 1841. 2 vol. in 8. br. 1 rb.

Bois: 1 rb. 40 cop.

Reliure pleine. 1 rb. 60 cop.

BON GÉNIE (LE) Journal de l'Enfance, présentant pour chaque jour de l'année une lecture. Brux. 1841. in 8. br. 1 rb.

BOSSET, Discours sur l'histoire universelle, édition illustrée par 17 gravures, encadrements etc. Paris 1841. 2 vol. gr. in-8. br. 15 rb.

Bois: 20 rb.

DAVID, Histoire de France, édition illustrée par 500 dessins de J. David. Paris 1841. 2 vol. in 4. cop. grav. in-8. br. 19 rb.

CARICATURES DIVERSES, par M. Cropin, Deux, Vieilles Filles, M. Gogo, M. Jabot, M. Jabard, M. Lajaunisse, M. Larchesse, M. Vertpré, M. Vieux Bois. Paris. gr. in-8. oblong. Chaque Caricature coûte. 2 rb.

CHIFFRE MÉTAMORPHOSÉES, pour les enfants. Dusseldorf, Nürnberg et Stuttg. 1841. in-4. et folio. cart. de 50 cop. à 1 rb. 50 cop. les mêmes cart. de 40 cop. à 1 rb. 50 cop.

CONSTANTINOPLE ancienne et moderne; édition illustrée par 66 dessins. in-4. Londres. br. 20 rb.

CHRONIQUES ET AVENTURES. Paris. in-32. 2 vol. reliés, grav. coloriées. 2 rb. 60 cop.

Noires. 1 rb. 70 cop.

CONTES ET HISTOIRES. Paris. 2 vol. in-32. reliés, grav. coloriées 2 rb. 60 cop.

Noires. 1 rb. 70 cop.

DEFOË. Aventures de Robinson Crusoé; édition illustrée par Grandville. Paris 1841. gr. in-8. br. 3 rb.

DEFOË. Aventures de Robinson Crusoé; édition ornée de figures découpées. Paris. 2 vol. in-18. cart. 2 rb.

ENFANCE PITTORESQUE (L') par les Auteurs de la bibliothèque d'éducation; édition illustrée de 64 belles gravures, 32 lettres ornées, culs-de-lampe, etc. Paris 1842. 1 vol. gr. in-8. cart. colorié. 6 rb. 60 c.

Noir. 3 rb. 40 cop.

ÉPREUVES MORALES. Dix ans de la vie d'une jeune fille. Brux. in-4. cart. avec gravures. 3 rb. 40 cop.

FÉNELON, Aventures de Télémaque; édition illustrée par Johannot. Paris 1841. gr. in-8. br. 3 rb.

FOA. Mémoires d'une fille devenue grande. Keepake enfantin. Paris. in-4. relé. 1 rb.

FRANCE EN MINIATURE. Paris 1841. in-32. cart. avec grav. 2 rb.

FOUCAUD, Les artisans illustrés. Paris 1841. gr. in-8. ; édition ornée de 250 gravures sur bois par Fragonard, François, etc. br. 4 rb. 60 c.

FRANÇAIS (Les), PEINTS PAR EUX MÊMES; édition illustrée par Chaillet, Daubigny, Erny, Gavarni, etc. Province. T. 1. 2. Paris 1841. gr. in-8. coloriés. 14 rb. 30 cop.

Noirs. 8 rb. 60 cop.

GALERIE DE LA PRESSE, de la littérature et des arts, par Huart et Philippon. Paris 1841. 3 vol. in-4 cart. 150 portraits avec texte. 24 rb.

GAULTIER, Lectures graduées pour les enfans du premier âge; édition illustrée. Paris 1841. 2 vol. in-18. cart. 85 cop.

Reliés et en étui. 2 rb.

GAULTIER, Syllabaire des lectures graduées. Paris. in-18. br. colorié. 40 cop.

Noir. 30 cop.

GLATZ, Iduna. Entretiens moraux. Paris. 3 vol. in-18. cart. 85 cop.

GRANDS LIVRES D'ESTAMPES coloriées pour les enfans, Nuremberg et Stuttg. Fol. br. et cart. de 1 rb. 80 cop. à 5 rb.

GUERIN, Jours de bonheur, contes moraux. Paris 1841. in-12. br. 1 rb. Cartonné élégamment. 1 rb. 50 cop.

HEURES DE RECRÉATION, par Sazerac et Limagne. Londres, in-8. relié. 3 rb.

KEY. Cinquante fables pour les enfans, ornées des 50 gravures sur bois, d'après les vignettes de Speckter par Gubitz. Hambourg. in-8. cart. 1 rb. 50 cop.

HISTOIRE et AVENTURES de l'illustre chevalier baron de Münchhausen, traduites de l'allemand, illustrées par Hendrichx. Brux. 1841. gr. in-8. br. 2 rb.

HISTOIRE ABREGÉE de l'ancien testament, mise à la portée de l'enfance. Paris. in-18. cart. avec gravures coloriées. 3 rb.

HISTOIRE D'ARLADIN, ou la Lampe merveilleuse; conte arabe, traduit spécialement pour la jeunesse, orné de figures découpées. Paris. in-18. cart. 1 rb.

HISTOIRE D'ALI BABA et des quarante voleurs. Paris in-18. cart. avec figures découpées. 1 rb.

HISTOIRE NATURELLE; zoologie amusante. Paris 1841. cart. avec figures découpées. 1 rb.

JARDIN DES PLANTES (Le), édition illustrée texte par Boillard et Rolle, gravures par Andrew, Besth Leloir. Paris 1841. gr. in-8. (Cet ouvrage sera complet en 50 à 60 livraisons). L'ouvrage complet coûte 4 rb. 30 cop.

JARDIN DES PLANTES (Le), édition illustrée par Bernard et Courilhac, gravures par des dessinateurs du Jardin des Plantes. Paris 1841. gr. in-8. l'abonnement pour l'ouvrage complet coûte 4 rb. 30 cop.

KEEPSAKE d'histoire naturelle. Description des mammifères; ouvrage illustré, par 140 dessins par Victor Adam, coloriées avec le plus grand soin. Paris 1841. gr. in-8. 6 rb. 50 cop.

KEEPSAKE d'histoire naturelle. Description des oiseaux; suivie d'un exposé de l'art de les préparer et de les conserver; ouvrage illustré par 150 dessins de Victor Adam, coloriés avec le plus grand soin. Paris 1841. gr. in-8. br. 6 rb. 50 cop.

MAVALETTE, Fables; illustrées par Grandville, Paris 1841. gr. in-8. br. 3 rb.

LECTURES DES DEMOISELLES. Berlin in-18. cart. 1 rb. 75.

MEDITERRANÉE (La), édition illustrée par Leilan, Temple, Allen et Irons. Londres in-4. br. 12 rb.
Relié en 2 vol. 17 rb.

MICHENAU, l'Ecole du village. Paris 1841. cart. avec gravures coloriées. 3 rb.

MIROIR DES ENFANS, ou les Animaux parlans, avec 48 tables et figures coloriées in-8. Berlin cart. 2 rb.

MORALE EN IMAGES, contes de la bonne maman par Savigni, Guerin, Foa, etc., avec 40 gravures coloriées, lettres ornées, etc. Paris 1842. gr. in-8. 7 rb. 15 cop.

NORREW, Fantaisies artistiques, illustrées par Victor Adam. Paris 1841. 3 rb. 85 cop.

PARIS ET SES ENVIRONS, reproduits par le Daguerrotype. Paris 1841. in-4. cart. contenant 60 vues avec texte. 5 rb. 15 cop.

PAUL ET VIRGINIE, nouvelle édition, ornée de nombreuses figures découpées. Paris in-18. cart. 1 rb.

PETIT-BUFFON, Histoire naturelle. Paris 1841. 4 vol. in-12. br. 2 rb. cartonnées 3 rb.

PLÉIADE, La, collections de tableaux, contes, etc. Paris 1841. livr. 1 à 6. in-8. br. 2 rb. 10 cop.

REVUE DE L'UNIVERS. Description pittoresque. Paris 2 vol. in-18. cart. ornées de figures découpées. 2 rb.

SALVAGE, Les folies amusantes, illustrées par Victor Adam. Paris in-18. oblong cart. 2 rb. 30 cop.

SALVAGE, La récréation des enfans, illustrée par Lassalle. Paris. gr. in-8. cart 4 rb.

SAVIGNAC. Bigarrures de l'esprit humain, illustrées par Victor Adam. Paris. gr. in 8. cart. 5 rb.

SAVIGNAC. Le génie de bonnes pensées; avec 32 gravures coloriées. Paris gr. in-8. cart. 5 rb.

SCHOPPE. Henri et Marie. Berlin. in-18. cart. 60 cop.

STERNE. Voyage sentimental; édition illustrées. Paris 1841. gr. in-8. br. 3 rb.

TABLEAU ABRÉGÉ DE L'HISTOIRE DES VOYAGES. Paris. in-18. cart. avec gravures découpées. 1 rb.

TALABOT. Une journée de bonheur. Paris in-18. oblong, cart. avec gravures coloriées. 1 rb. 70 cop.

TREMADURE. Claude Bernard, ou Le gagne petit. Paris 1841. in-12. br. 1 rb.

Cartonné élégamment 1 rb. 50 cop.

VEILLÉES D'HIVER, simples récits et simples chants. Londres. in-8. relié 6 rb.

VOYAGES DE GULLIVER, nouvelle édition, ornée de figures découpées. Paris. in-18. cart. 1 rb.

WERTHSWOHRT. Grâce pittoresque; édition illustrée. Paris. gr. in-8 relié. 10 rb. 30 cop.

WYSS. Le Robinson suisse, avec la suite donnée par l'auteur; édition illustrée par 200 vignettes. Paris 1841. gr. in-8. br. 3 rb. 40 cop.

(Le catalogue N° 48 des livres allemands qui se trouvent à la même librairie vient de paraître et se distribue gratis. Le catalogue N° 40 des livres français paraîtra en six semaines et se distribuera de même gratis. Les personnes de l'intérieur sont priées de vouloir bien s'adresser

directement à la librairie de Mr. Gruff, en ajoutant pour le port de
ouvrages, en raison des distances).

Ньюекия.

- ABC**, das, erläutert durch Fabeln und Erzählungen, mit 25 illum. Kupfern. kl. in 8. Berlin, geb. 30 cop.
- ABC** naturhistorisches, und Bilderbuch mit 237 color. Abbildungen. in-4. Stuttgart geb. 1 rb. 30 cop.
- D'AULNOY**. Eine Woche aus dem Leben eines kleinen Mädchens, von Cosmar, in-12. Berlin, geb. 80 cop.
- BERGE**. Schmetterlingsbuch, oder Allgemeine und besondere Naturgeschichte der Schmetterlinge mit 1100 color. Abbildungen. in-4. Stuttgart 1843. geb. 7 rb. 10 cop.
- BERNARDIN DE ST PIERRE**. Paul und Virginie, und die Indische Hütte, mit 400 in den Text gedruckten Vignetten und 30 grossen Bildern im feinsten Stahlstich. Lex. in 8. Stuttgart, geb. 8 rb. 10 cop.
- BERNARDIN DE ST PIERRE**. Paul und Virginie eine wahre Geschichte d. J. 1736—1744 Dem treu bewährten und väterlichen Freunde der Vollendeten, mit 5 Stahlstichen und der Karte von Isle de France. Lex. in-8. Leipzig. cart. 9 rb.
- BILDER-ALPHABET** zur Erweckung des Scharfsinns, oder viele Original-Darstellungen, nach jedem Buchstaben in 24 Gemälden. fol. Stuttgart. geb. 4 rb. 25 cop.
- BILDER** zum Anschauungs-Unterricht für die Jugend. 1. Theil mit 30 color. Blättern verschiedener Gegenstände. Esslingen. geb. 9 rb. 20 c.
- BILDERBUCH** neues, zur Belehrung und Unterhaltung, mit vielen Kupfern. fol. Stuttgart. geb. 3 rb. 15 cop.
- BILDERBUECHER**, kleine, in 21 verschiedenen Nummern, mit vielen Bildern. in-4. Düsseldorf, geb. à 30 cop., 40 cop., 60 cop., 80 cop.—1 rb.
- BILDERBUCH** in 4 Sprachen für kleine Kinder. Mit 400 col. Abbildungen auf 38 Tafeln. in-4. Stuttgart 1843. geb. 1 rb. 30 cop.
- BILDER-FIBEL**, neue, für ganz kleine Kinder. Mit vielen Bildern. kl. in-8. Berlin. gb. 30 cop.
- BILDERGARTEN** in 16 Tafeln, für gute Kinder. quer-fol. Düsseldorf. geb. 1 rb. 80 cop.
- BILDERLUST** für kleine Kinder. 6 Hefte in-4. Nürnberg. geb. jedes Hefte 60 cop.
- BILDERLUST** für Kinder. Mit 269 color. Abbildungen. kl. in-8. Stuttgart 1843. geb. 1 rb. 30 cop.

- lung der wichtigsten Gegenstände aus dem Gebiete der Natur und Kunst. quer fol. Berlin. geb. 1 rb. 60 cop.
- HANNCHEN**, das kleine, mit 12 color. Bildern. in-12. Berlin, geb. 30 cop.
- HANNCHEN'S** Zeitvertreib, mit 12 color. Bildern. in-12. Berlin. geb. 30 cop.
- HANT**. Tante Luise. Eine Sammlung Erzählungen für die Jugend, mit illum. Kupfern. in-12. Berlin. geb. 1 rb. 40 cop.
- HAUFF**, Märchen, mit 6 Radirungen von Sonderland. kl. in-4. Stuttgart 1843. geb. 2 rb. 70 cop.
- DES ALTEN HAUPTMANN'S ERZÄHLUNGEN** vom Kriegs- und Soldatenwesen. Ein Lesebuch für wissbegierige Knaben, mit color. Kupfern. kl. in-4. Berlin. geb. 1 rb. 60 cop.
- HERDER**, cid. Nach spanischen Romanzen. Illustriert durch 70 engl. Holzschnitten. Lex. in-8. Stuttgart. geh. 5 rb. 40 cop.
- HILLERT**, kl. Thiergespräche für Kinder, mit 8 color. Bildern. kl. in-8. Berlin. geb. 40 cop.
- HOFFMANN**, Christgeschenk, Unterhaltung für die Winterabende in Erzählungen, Fabeln und Sagen für Kinder von 8 — 10 Jahren, mit 20 Bildern. gr. in-8. Stuttgart 1842. geb. 90 cop.
- neues Märchenbuch für die Jugend, mit 24 color. Stahlstichen. kl. in-8. Stuttgart 1841. geb. 2 rb. 40 cop.
- die schönsten Märchen der 1001 Nacht. Für die Jugend bearbeitet, mit 20 color. Stahlstichen, kl. in-8. Stuttgart 1842. geb. 2 rb. 70 c.
- HOLTING**, der kleine Däumling. kl. in-8. Berlin. geh. 30 cop.
- die Stadt in 12 Bildern. kl. in-8. Berlin. geh. 30 cop.
- der kleine Vorleser, kleine Erzählungen für Knaben von 6 bis 10 Jahren, mit 8 illum. Bildern. kl. in-8. Berlin. geb. 60 cop.
- JACOBS**. Allwin und Theodor, ein Lesebuch für Kinder. in-12. Leipzig 1841. geh. 1 rb. 80 cop.
- KLETKE**. Almanach deutscher Volks- und Kindermärchen, nach Zeichnungen von Hosemann. in-12. Berlin 1841. geb. 1 rb. 60 cop.
- Almanach deutscher Volksmärchen, mit Zeichnungen von Hosemann. in-12. Berlin. geb. 2 rb.
- KUHN**, buntes Kleeblatt, 3 Erzählungen für Kinder beiderlei Geschlechts, mit color. Kupfern. in-12. Berlin. geb. 90 cop.
- LE SAGE**. Gilblas Illustr.-Ausgabe. Lex. in-8. Stuttgart. 6 rb. 30 cop.
- der hinkende Teufel. Illustr. von Tong. Lex. in-8. Pforzheim 3 rb. 60 cop.
- Werke in 12 Bänden. Taschenausgabe. Stuttgart 1841. geh. 3 rb. 60 cop.
- LESSING** sämtliche Werke, in einem Bande. Lex. in-8. Leipzig 1841. geh. 6 rb. 30 cop.

- ein Volksbuch für Jung & Alt, das in allgemein faßlicher Darstellung das Wichtigste der Natur- und Menschenkunde umfaßt, von Knauffmann, nebst Einleitung von Schubs. t. 3 Th. mit 1 Titelkupfer und 506 erläuternden Abbildungen. gr. in-8. Stuttgart 1841. geb. 3 rb. 80 cop.
- ein Lern- und Unterhaltungsbuch für die wissbegierige Jugend, mit 30 feine color. Tafeln, von Grünwald. in 4. Düsseldorf 1841. geb. 16 rb. 75 cop.
- neuer, für die Jugend, oder Lehrreiche und unterhaltende Bilderschaу von Gegenständen aus der Natur, der Kunst und dem Menschenleben, mit beigefügter Erklärung in deutscher, franz., italien. und englischer Sprache, mit 24 fein ausgemahlten Folio-Tafeln. Nürnberg 1842. geb. 3 rb. 35 cop.
- GRÜNEWALD, Weihe der Andacht für die gebildete und reisere deutsche Jugend, mit 1 Titelbilde, kl. in 8. Meissen 1842 geb. 2 rb. 90 cop.
- KAUCH, Robinson's Abenteuer, mit 10 color. Kupfern. kl. in-8. Berlin geb. 1 rb. 60 cop.
- Robinson's letzte Schicksale, mit 10 color. Kupfern. kl. in-8. Berlin geb. 1 rb. 60 cop.
- REICHENBACH, Naturhistorischer Bilderatlas für Schule und Haus, oder Wandtafeln zum Unterrichte in der Naturgeschichte des Thierreichs. 1. — 3. Lief. gr. in-4. Leipzig. schwarz. 90 cop. colorirt 1 rb. 50 c.
- REINECKE, der Fuchs, mit Kupfern von Richter. kl. in-8. Leipzig. geb. 2 rb. 70 cop.
- RENDTZ, die, und was sich auf den Strassen derselben bewegt, ein neues Bilderbuch mit 67 illum. Bildern. quer fol. Berlin. geb. 1 rb. 80 cop.
- ROBINSON CRUSOE, von Foe, mit 206 Holzschnitten, nach Grandville, neu übersetzt von Alyensleben. 11 Lief. gr. in-8. Leipzig. geb. 4 rb. 95 cop.
- SCHILLERS GEDICHTE, in allen Beziehungen erläutert und auf ihre Quellen zurückgeführt, nebst einer vollständigen Nachlese von Viehoff, 5 Bd. in-12. Stuttgart. geb. 2 rb. 55 cop.
- SCHINZ, Abbildungen aus der Naturgeschichte für den Schul- und Privat-Unterricht, fein color. Ausgabe. 4 Abtheilungen in 8 Lief. fol. Zürich. geb. 17 rb. 90 cop.
- SCHMIDT, der Zaubergarten, Märchen für grosse und kleine Kinder, mit 8 illum. Bildern. kl. in-8. Berlin. geb. 1 rb. 10 cop.
- SCHWARZ, das Hebel'schen Rheinländischen Hausfreundes, mit allen spasshaften Geschichten, in 2 Thl. mit 120 Abbildungen, in-12. Stuttgart. geb. 2 rb.
- SILBERT, die vier Evangelien unsers Herrn Jesu Christi. Aus der lateinischen Vulgata übersetzt. Illustr. Ausgabe. Lex. in-8. geb. 9 rb.
- TAUSEND UND EINE NACHT. Arabische Erzählungen zum ersten male

- aus dem arabischen Urtexte treu übersetzt von Weib. Herausgegeben von Lewald, mit 200 Bildern und Vignetten von Gross. I. II. III. IV. 1.—60. Lief. Lex. in-8. Stuttgart. geh. 23 rb. 60 cop.
- Arabische Erzählungen, deutsch von König, in 24 Bildern, mit 24 Stahlstichen. in-16. Leipzig 1841. geh. jedes Bändchen. 15 cop.
- TESTAMENT, das Neue, unsers Herrn und Heilandes Jesu Christi, und die Psalmen, verdeutsch von Dr. Martin Luther. Pracht-Ausgabe. in-4. Stuttgart. geh. 5 rb. 40 cop.
- Dasselbe in Maroquin gebunden mit goldenem Schnitt. 9 rb. 80 cop.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ

СОЧИНЕНИЯ.

(Цены на серебро.)

- AUBEL. Souvenir de la Petite-Russie, contredanse favorite pour le piano. (57 cop.).
- Quadrille sur des motifs de l'opéra «Аскольдова Могилка». (57 с.).
- Польскій и Мазурка изъ оперы «Аскольдова Могилка». (43 cop.).
- BEATINI. Le Repos. Vingt-quatre pièces instructives faciles et agréables) 7 cahiers. (à 57 cop.).
- Douze petits morceaux. Cah. I. II. (à 86 cop.).
- HERZ. La Catalane, rondo-bolero pour le piano. (71 cop.).
- LIADOFF. Bonjour, contredanse française pour deux violons, viola. clarinette, flûte et basse. (1 rb.).
- Bonjour, contredanse française pour le pianoforte. (57 cop.).
- Pavillon-Valse pour le piano, dédiée à Mr. Herrmann (avec vignette). (1 rb.).
- LASCOVSKY. Galop brillant pour le pianoforte. (86 cop.).
- Valse à la Juive pour le piano. (71 cop.).
- Deux Nocturnes pour le piano. (86 cop.).
- POLL. Deux Marsurques pour le pianoforte. (50 cop.).
- Quatre Masurques pour le piano. (71 cop.).

(Всѣ эти сочинения находятся въ музыкальныхъ магазинахъ «Одеонъ», на углу Большой Морской и Герценовой, въ домѣ Штрауза, № 114, и на Невскомъ Проспектѣ, у Казанскаго Моста, въ домѣ Вильгельма, № 47.)

М О Д Ы.

— Шарфы, мантилин, бурнусы, шубки, шубы — вот первые статьи щегольства въ эту минуту. Между шарфомъ и мантилей теперь трудно иногда и различить: такія разнообразныя въ нихъ формы, такія прелестныя фантазіи! И одна изъ прелестнѣйшихъ — нижеслѣдующая.

Это шарфъ съ рукавами и кордельерами, убранный зелеными атласными буфами и рюшами по зеленому бархату.

стланутый, покойный, чрезвычайно красивый и удобный..
Спереди онъ похожъ на прошлогодня мантіліи; сзади —

это — чистый шарфъ. Чудо! Это соединеніе двухъ красотъ и двухъ удобствъ составляетъ величайшее изъ изобретеній нынѣшней осени. Какое сравненіе съ прямыми шарфами, которые такъ дурно рисуются на плечахъ и непрерывно должны быть придерживаемы руками! Надо непременно разнообразить. Шарфъ — такая вещь, безъ которой теперь нельзя жить. Онъ необходимъ вездѣ, — на гуляньѣ, для визитовъ, на вечера, въ концерты и театръ; дѣлается изъ всѣхъ возможныхъ матерій, бываетъ всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ, и обшивается атласными біе, рюшами или мѣхомъ. Бархатные шарфы однако жъ всегда самые красивыя, особенно если они вышиты по концамъ шелками, великолѣпно и не пестро, имѣютъ еще, при темномъ бархатѣ, по сторонамъ, алыя или зеленыя полосы полъ-тѣнь, и обшиты богатою шенильевою бахрамою Бострова. Совершенно осеннее время, наступившее послѣ морозовъ, возвратило жизнь плащамъ и бурнусамъ. Изъ плащей, особенное вниманіе обратили на себя одинъ бархатный, зеленый, убранный бахрамой и кистями, и нѣсколько атласныхъ, черныхъ *aile de mouche*, того же фасону или обшитыхъ соболемъ. Бурнусы всё-еще дѣлаются изъ кашмировъ и фланеллей и имѣютъ форму полу-арабскихъ плащей, на которыхъ откинутые капюшоны образуютъ перелинъ; обшиваются бахрамою съ кистями или узорчатой шелковою тесемкою. Одинъ кашмировый бур-

нуса; цвѣту gris-bleu, обшитый соболемъ, возбуждъ всеобщій восторгъ : на бокахъ оны разрезаны до лентъ меховая опушка кругомъ ; отъ переднихъ полъ восходя на плечи около капюшона , она образуетъ восхитительный пелеринъ. Пелерины опять начинаютъ быть въ большомъ употребленіи. Испанскія шубы, espagnoles, покрываются бархатами и атласами, чернымъ , темно-каштаносымъ и синимъ морскимъ. Одна чрезвычайно замѣчательная шуба сдѣлана изъ фіолетоваго бархату, съ тисненымъ бортомъ вокругъ и четырьмя восходящими тисненными колоннами мелкаго узору; пелеринъ, собранный въ складки атласнымъ кушакомъ того же цвѣту, чудесно обрисовываетъ талію ; впереди атласные отвороты, тоже собранные въ складки , идутъ расширяясь до самаго низу.

— Шляпки : темныя цвѣта для обыкновенныхъ бархатовъ ; самыя свѣтлыя для церазрезныхъ , которые бываютъ разныхъ родовъ, одно-цвѣтныя , двуличневые , съ мушками, съ разводами, съ цвѣточками. Шляпы убираются лентами, цвѣтами и рюшью и кружесомъ или блондами вмѣстѣ.

— Изъ шелковыхъ двуличневыхъ матерій , вижно-голубя съ самымъ свѣтло-сѣрымъ отливомъ , лиловыя съ бѣлымъ, bleu-de-France съ блѣдно-палесымъ, дѣлаютъ невозможимый эффектъ въ вечернемъ туалетѣ.

— Таліи носятъ гладкія ; вырезаныя обшиваются бортами, кружевными или гипюрными ; рукава также гладкіе, почти совсѣмъ безъ украшеній ; юбки убираются иногда кругомъ, иногда только спереди.

ОРДАВДЕНЦЕ

СОРОКЪ-ДЕВЯТАГО ТОМА.

Г.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Двѣ жизни. <i>В. М...вой</i>	5.
Недовѣрчивость. <i>Бенедиктова</i>	6.
Торжество рабакапія. <i>Щетинина</i>	6.
Безсонница. <i>Крюкова</i>	10.
Дятя-Нимфа. <i>С.</i>	11.
Соловью. <i>Н. Грекова</i>	12.
Утопленница. <i>Чернецкаго</i>	13.
Разсчетъ любви. <i>Крюкова</i>	14.
Вспомните. <i>Пасла Н—на</i>	16.
Рѣки. <i>Бенедиктова</i>	125.
Мраморный фавнъ. <i>Аполлона Майкоса</i>	126.
Отвѣтъ на посланіе. <i>С.</i>	128.
Подражаніе испанскому. <i>Н. Грекова</i>	129.
Элегія. <i>Крюкова</i>	131.
Советъ. <i>С.</i>	132.
Суетной красавицѣ. <i>Н. Грекова</i>	132.
Вздохъ по родимой <i>Георга Мина</i>	133.
Любовь. <i>Кабанова</i>	135.
Надежда. <i>Аполлона Майкоса</i>	136.
Голосъ матери. <i>В. А...вой</i>	136.
Призваніе. <i>М. Д.</i>	138.
Отвѣдъ. <i>Крюкова</i>	139.
Сонеты. <i>С.</i>	140.

ПРОЗА.

Эдельна де-Вальероль. Романъ <i>Н. В. Куколкина</i> .	
Ихъ Лесвардо, или Бѣсе превращеніе	10.

✓ Новый Леандръ, повѣсть. <i>Владимира Войта</i>	86.
✓ Идеальная красавица, или Дѣва чудная. Часть первая. <i>Барона Брамбеуса</i>	141.

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Громовой отводъ. Повѣсть господина Бернара.....	1.
Инфанта Марія-Анна-Викторія. Повѣсть господина Ро- жэ де-Бовоара.....	61.
Корсиканская тетущка. Повѣсть господина Эли Берте.	105.
Графиня Эсенръ де-Шазель. Повѣсть господина Шарль Ребо.....	157.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Кардиналъ Хименесь.....	1.
Франклинъ.....	49.
Подземная Этрурія.....	73.
Исторія и сочиненія Юанна Кальвина.....	111.

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Курсъ овцеводства. <i>Барона Ф. Б. Унгерн-Штерн- берга</i> . Чтеніе одиннадцатое — XV. Размноженіе стада. — Племенные бараны. Племенные овцы. — Сукотность. — Ягненіе.....	1.
— Чтеніе двѣнадцатое и послѣднее — XVI. Ягня- та и ихъ воспитаніе.....	29.
О средствахъ, которыми можно оживить и утвердить на	

прочномъ основаніи промышленность сельско- го хозяйства въ Россіи. <i>Дмитрія Шелехова.</i>	52.
Контора для земледѣльческихъ дѣлъ, въ Петербургъ...	62.

V.

КРИТИКА.

1. Китай и его жители, нравы, обычаи, просвѣщеніе. Отца Іакинѣа. Статья первая.....	1.
2. Китай и его жители, нравы, обычаи, просвѣщеніе. Отца Іакинѣа. Статья вторая.....	41.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Ноябрь, 1841. Новыя книги.....	1.
— — Разныя извѣстія.....	40.
Декабрь, 1841. Новыя книги.....	43.
— — Разныя извѣстія.....	60.

VII.

СМѢСЬ.

НОЯБРЬ.

Превращеніе углероду въ металлъ кремній. Открытіе эдинбургскаго химика, доктора Брауна.....	1.
Превращеніе каменной породы фельдспату въ фарфоровую глину. Опыты господъ Бронъара и Малагутти.....	2.
Процессъ испаренія костей въ животныхъ. Прибавленіе къ прежнимъ описаніямъ господина Флурана..	3.
Нѣкоторыя изъ новѣйшихъ открытій въ Помпѣи. Доказательства, что древніе дѣйствительно расписывали свои статуи красками. Расписанные ящики изъ слоновой кости. Колонны, покрытыя мозаикою. Капители съ фигурами.....	4.

Исторія Эммы Мюллеръ и Фрэнца Шуберта, автора известныхъ Lieder.....	12.
Знакомство съ Россіи.....	21.
Испанцы времянь Екатерины Второй и нынѣшніе.....	30.
Гросс-атеръ шестнадцатаго столѣтія, и неаполитанская тарантелла.....	36.
Сътованіе тринадцати-лѣтней дѣвушки, получающей отличное новѣйшее образованіе.....	40.
Новыя книги. Французскія. Нѣмецкія.....	46.
Новыя музыкальныя сочиненія.....	55.
Музыкальныя новости.....	58.
Моды.....	59.

ДЕКАБРЬ.

Сонъ императрицы Жозефины.....	63.
Піетро Раствели.....	84.
Бамбула, или вечерника и танецъ негровъ. Балъ го- родскихъ негровъ на Мартиникѣ.....	93.
Нѣсколько словъ о паденіи Мюрата.....	100.
Новыя книги. Французскія и Нѣмецкія.....	110.
Новыя музыкальныя сочиненія.....	117.
Моды.....	120.

M D M

111

